

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

GIFT OF
JEROME B. LANDFIELD

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ПОСОБІЕ
ДЛЯ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОСТАВЛЕНА
Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.
Исправленное и дополненное Я. Г. Гуревичемъ.

Цѣна 2 руб. 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій, 8.
1899.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ. «ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРЕСТОМАТИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ».

Эпоха Иоанна Грозного.

	Стран.
I. Правление Елены Глинской (изъ «Исторіи русскаго народа» Полеваго)	1
II. Воспитаніе Иоанна Грозного и сближеніе съ Сильвестромъ и Адашевымъ (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).	6
III. Изъ «Судебника» царя Иоанна Васильевича.	15
VI. О значеніи и содержаніи «Судебника» (изъ статьи Калачева: «О Судебникѣ царя Иоанна Васильевича Грозного», помѣщенной въ «Юридическихъ Запискахъ» (Рякина)	18
V. Областное управленіе и судъ въ удѣльный періодъ и въ эпоху Судебниковъ (по соч. Чичерина: «Областные учрежденія Россіи въ XVI в.»).	19
VI. Изъ «Стоглава»	24
VII. Историческое и общественное значеніе дѣятельности Стоглаваго собора (изъ статьи Иконникова: «Русскіе общественные дѣятели въ XVI в., помѣщенной въ «Кіевскихъ университетскихъ вѣстникахъ»)	29
VIII. Изъ «Домостроя»	34
XI. Характеръ и значеніе «Домостроя» (изъ соч. Галахова «Исторія русской словесности» и Стоюнина «О преподаваніи русской литературы»)	38
X. Покореніе Казани (изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина)	40
XI. Покореніе Казани (изъ «Сказаній князя Курбскаго»).	47
XII. Астраханское царство и покореніе его Иоанномъ Грознымъ (изъ соч. Перетятковича: «Поволжье въ XV и XVI вв.»)	56
XIII. Перемиѣна въ Иоаннѣ, разрывъ его съ Сильвестромъ и Адашевымъ и начало эпохи казней (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).	61
XIV. Перемиѣна въ Иоаннѣ, разрывъ его съ Сильвестромъ и Адашевымъ и начало эпохи казней (изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).	72
XV. Паденіе Ливонскаго ордена и ливонская война (изъ статьи Бестужева-Рюмина: «Ливонская война», помѣщ. въ «Журн. Минист. народн. просв.» за 1880 г.)	79

XVI. Война Іоанна IV съ Польшею изъ-за Ливоніи (по «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова)	85
XVII. Іоаннъ Грозный и іезуитъ Поссевинъ (изъ соч. гр. Толстого: «Римскій католицизмъ въ Россіи»).	87
XVIII. Изъ «Переписки Іоанна Грознаго съ Курбскимъ».	102
XIX. Удаленіе Грознаго въ Александровскую слободу и учрежденіе опричнины и земщаны (изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина)	106
XX. Опричнина Івана Грознаго, какъ попытка политической реформы, и слѣдствія опричнины (изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова)	112
XXI. Митрополитъ Филиппъ (изъ «Исторіи русской церкви» Макарія)	121
XXII. Новгородскій погромъ (изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова)	126
XXIII. Покореніе Сибирскаго царства (изъ «Исторіи Россіи» Иловайскаго)	130
XXIV. Личность Іоанна Грознаго (изъ статьи Бестужева-Рюмина «Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго»).	143
XXV. Личность Іоанна Грознаго (изъ статьи Костомарова «Личность царя Івана Васильевича Грознаго»).	146
XXVI. Объясненіе характера и дѣятельности Іоанна Грознаго (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).	149

Смутное время.

XXVII. Придворныя интриги въ царствованіе Феодора Іоанновича и смерть царевича Дмитрія (изъ «Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Дмитріи Самозванцѣ» Кулиша)	157
XXVIII. Положеніе крестьянъ для прикрѣпленія ихъ (изъ соч. Бѣляева: «Крестьяне на Руси»).	157
XXIX. Прикрѣпленіе крестьянъ въ связи съ личными стремленіями Бориса Годунова (изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»).	172
XXX. Учрежденіе патриаршества въ Россіи (изъ соч. Зернина: «Учрежденіе въ Россіи патриаршества», помѣщ. въ «Архивѣ» Калачева за 1855 г., и изъ соч. Хлѣбникова: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи»).	177
XXXI. Водареніе Бориса Годунова (изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»).	183
XXXII. Царствованіе Бориса Годунова (изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»).	187
XXXIII. Последніе годы царствованія Бориса Годунова (изъ соч. Костомарова: «Смутное время Московскаго государства», помѣщ. въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 г.).	191
XXXIV. Кризисъ второй половины XVI вѣка (изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова)	197
XXXV. Причины смутнаго времени (изъ статей Соловьева: «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Феодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ», помѣщ. въ «Современникѣ» за 1849 г.).	200
XXXVI. Пребываніе Лжедмитрія въ Польшѣ (изъ статьи Костомарова: «Смутное время Московскаго государства», помѣщ. въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 г.).	202

	Стран.
XXXVII. Борьба Лжедмитрія съ Годуновымъ (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева)	208
XXXVIII. Царствованіе Лжедмитрія I изъ «Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и о Димитріи Самозванцѣ» Кулиша)	213
XXXIX. Отношенія Лжедмитрія къ католицизму и сношенія его съ Римомъ (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева и изъ его статей: «Обзоръ русской исторіи отъ смерти Θεодора Іоанновича», помѣщ. въ «Современникъ» за 1848 г.)	218
XL. Гибель Лжедмитрія (изъ «Московской лѣтописи» Бера, помѣщ. въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ»)	222
XLI. Разборъ мнѣній о личности перваго самозванца (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева)	227
XLII. Воцареніе Шуйскаго, непрочность его положенія и причины появленія втораго Лжедмитрія (изъ статей Соловьева: «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Θεодора Іоанновича», помѣщ. въ «Современникъ» за 1848 и 1849 гг.)	231
XLIII. Волненія въ Сѣверской Украинѣ и бунтъ Шаховскаго (изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина)	236
XLIV. Появленіе втораго Лжедмитрія (изъ статьи Костомарова: «Смутное время Московскаго государства», помѣщ. въ «Вѣстникъ Европы» за 1866 г.)	243
XLV. Борьба Москвы съ Тушинымъ (изъ «Исторіи смутнаго времени въ Россіи» Бутурлина)	246
XLVI. Осада Троицко-сергіевской лавры (изъ «Сказаній объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ» Авраамія Палицына)	252
XLVII. Осада Троицко-сергіевской лавры (изъ статей Соловьева: «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Θεодора Іоанновича», помѣщ. въ «Современникъ» за 1848 г.)	255
XLVIII. Сверженіе Василія Шуйскаго съ престола (изъ «Русской исторіи, въ жизнеописаніяхъ» Костомарова)	259
XLIX. Семьябоярщина (изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина)	263
I. Поляки въ Москвѣ въ 1611 году (изъ «Московской лѣтописи» Бера, помѣщ. въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи самозванцѣ»)	273
II. Возстаніе противъ поляковъ въ Москвѣ (изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина)	287
III. Прокопій Ляпуновъ и казаки подъ Москвою (изъ статьи Забѣлина: «Мининъ и Пожарскій», помѣщ. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1872 г.)	279
LIII. Призывныя грамоты изъ Троицкаго монастыря и подготовленіе нижегородскаго ополченія для освобожденія Москвы (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева)	282
LIV. Движеніе Нижегородскаго ополченія къ Москвѣ и очищеніе ея отъ поляковъ (изъ статьи Забѣлина: «Мининъ и Пожарскій», помѣщ. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1872 г.)	289
LV. Результатъ смуты	298
LVI. Избраніе Михаила Θεодоровича и вступленіе его на престолъ (изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ» и изъ статьи Полеваго: «Вступленіе на престолъ Михаила Θεодоровича», помѣщ. въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1834 г.)	302

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

	Стран.
LVII. Состояніе государства въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича (изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова)	309
LVIII. Отношенія Россіи къ Польшѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ» и Берха: «Царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича и взглядъ на междуправствіе»)	312
LIX. Дѣятельность патріарха Филарета (изъ соч. Смирнова: «Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ»).	316

Западная Русь подъ польско-литовскимъ владычествомъ въ XVI и XVII ст.

LX. Соединеніе Литвы съ Польшею и Люблинская унія (по соч. Кояловича: «Люблинская унія»)	325
LXI. Начало малороссійскаго казачества (изъ соч. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій»)	331
LXII. Морскіе походы запорожскихъ казаковъ (изъ соч. Боллана: «Описаніе Украйны»)	336
LXIII. Подготовка церковной уніи (изъ «Историческихъ монографій и изслѣдованій» Костомарова, т. III).	338
LXIV. Брестскій соборъ и церковная унія (по соч. Кулиша: «Исторія воссоединенія Ю.-З. Руси», Кояловича: «Литовская унія» и по соч. Сливова: «Іезуиты въ Литвѣ»)	346
LXV. Извлеченіе изъ письма іезуитовъ къ митрополиту кievскому Михаилу Раговѣ (изъ «Исторіи воссоединенія Ю.-З. Руси» Кулиша)	353
LXVI. Иосафатъ Кунцевичъ (изъ соч. Кояловича: «Литовская унія»).	355
LXVII. Кіево-могилянская коллегія и ея значеніе въ XVII вѣкѣ (изъ «Исторіи кievской академіи» Макарія Булакова)	363
LXVIII. Состояніе юго-западной Руси подъ польскимъ владычествомъ наканунѣ востанія Хмельницкаго (изъ соч. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій»)	369

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

LXIX. О свадьбѣ и бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича (изъ соч. Олеарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 гг., пер. Барсова»)	374
LXX. Московскія смуты въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича (изъ соч. Олеарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію»).	375
LXXI. О смутахъ во Псковѣ и въ Новгородѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича (изъ статьи Зернина: «О смутахъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича», помѣщ. въ «Библиотеку для чтенія» за 1860 г.)	380
LXXII. Изъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича.	385
LXXIII. О значеніи Уложенія и источникахъ его (изъ рѣчи проф. Моршкнина: «Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи», помѣщ. въ «Отчетъ московскаго университета» за 1838 г.)	391

LXIV.	О русскихъ судахъ, законахъ и родахъ наказанія въ эпоху Уложенія (изъ соч. Олсари: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію»).	394
LXV.	Никонъ и его патриаршество до разрыва съ царемъ (изъ соч. Знаменскаго: «Руководство къ русской церковной исторіи»).	398
LXXVI.	Возникновеніе раскола въ русской церкви XVII столѣтія (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева и «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).	401
LXXVII.	Паденіе Никона (изъ соч. Субботина: «Дѣло патріарха Никона»).	406
LXXVIII.	Происхожденіе и первоначальное развитіе раскола (изъ соч. Щапова: «Русскій расколъ старообрядства»).	419
LXIX.	Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству (изъ «Рассказовъ о Западной Руси» Щебальскаго).	428
LXXX.	Дорошенко и турецкое вмѣшательство въ малороссійскія дѣла (изъ «Исторіи Малороссіи» Маркевича).	444
LXXXI.	Развитіе крѣпостнаго права въ царствованіе Михаила Теодоровича и Алексѣя Михайловича (изъ соч. Хлѣбникова: «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи»).	448
LXXXII.	Возмущеніе Разина (изъ соч. Костомарова: «Бунтъ Стеньки Разина»).	452
LXXXIII.	Грамата царя Алексѣя Михайловича донскимъ казакамъ по случаю возмущенія Разина (изъ «Матеріаловъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина», изд. Поповымъ).	459
LXXXIV.	Возвышеніе Матѣева и начало борьбы между Нарышкиными и Милославскими (изъ соч. Щебальскаго: «Чтенія изъ русской исторіи съ исхода XVII в.»).	460

Царствованіе Θεодора Алексѣевича.

LXXXV.	Придворныя интриги въ первые годы царствованія Θεодора Алексѣевича (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).	465
LXXXVI.	Отношенія Московскаго государства къ Польшѣ и Турціи при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ (изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ»).	470
LXXXVII.	Происхожденіе мѣстничества и судьба его въ различные эпохи русской исторіи (изъ статьи Соловьева: «О мѣстничествѣ», помѣщенной въ «Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ» 1847 г.).	472
LXXXVIII.	Уничтоженіе мѣстничества (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).	478
LXXXIX.	Кіевское вліяніе въ Москвѣ и Симеонъ Полоцкій (изъ «Исторіи русской словесности» Галахова).	482
XC.	Подготовка къ открытію славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ (изъ «Исторіи московской славяно-греко-латинской академіи» Смирнова).	486

Обзоръ внутренняго состоянія Московскаго государства.

XCI.	Столица московскаго государства (изъ статьи Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и правовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.», помѣщ. въ «Современникѣ»).	489
XCII.	О коронованіи и миропомазаніи русскихъ царей (изъ соч. Флетчера: «О государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя»).	493

ХСШ. О царскихъ чиновныхъ и всякихъ служилыхъ и дворовыхъ людяхъ (изъ соч. Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).	495
ХСIV. Образъ жизни русскихъ царей въ до-Петровский періодъ (изъ соч. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей въ .XVI и XVII ст.»).	501
ХСV. О житіи бояръ и ближнихъ и иныхъ чиновъ людей (изъ соч. Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).	506
ХСVI. Служилые люди въ Московскомъ государствѣ (изъ статьи Бялева: «Служилые люди въ Московскомъ государствѣ», помѣщ. въ «Московскомъ сборникѣ»).	513
ХСVII. Русское войско до Петра I (изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго» Устрялова).	516
ХСVIII. О приказахъ (изъ соч. Котошихина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).	524
ХСIX. Устройство приказовъ въ эпоху Уложенія (изъ соч. Дмитриева: «Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ»).	533
С. Характеръ правительственной дѣятельности Боярской Думы (изъ соч. Ключевского: «Боярская дума древней Руси»).	536
CI. Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ (изъ соч. Чичерина: «О народномъ представительствѣ»).	549
СII. Областное управленіе Московскаго государства (изъ соч. Градовскаго: «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи»).	561
СIII. О приемѣ пословъ въ Москвѣ и обхожденіи съ ними (изъ «Записокъ о Московіи» барона Герберштейна).	574
CIV. Монета до-Петровской Руси (изъ соч. Ключевского: «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ»).	586
CV. Доходы Московскаго государства (изъ соч. Флетчера: «О государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя»).	588
CVI. О промышленности и торговлѣ въ древней Руси (изъ соч. Аристова: «Промышленность въ древней Руси» и соч. Ключевского: «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ»).	591
CVII. Обстановка частной жизни въ Московскомъ государствѣ (изъ статьи Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и правовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., помѣщен. въ «Современникѣ»).	596
CVIII. Русская женщина въ до-Петровский періодъ (изъ соч. Иконникова: «Русская женщина наканунѣ реформы Петра В. и послѣ нея»).	609
CIX. Отзывъ иностранца-современника о русскихъ нравахъ XVII ст. (изъ соч. Олзарія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію», пер. Барсова).	614
CX. Умственно-правственное состояніе русскаго общества въ XVII ст. (изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).	620
CXI. Характеръ и направленіе просвѣщенія въ до-Петровской Руси (изъ соч. Пыпина и Спасовича: «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» и соч. Щапова: «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа»).	628
CXII. О характерѣ древней Россіи и о ея отношеніи въ новой (изъ статьи Соловьева: «Древняя Русь», помѣщ. въ январьской книгѣ «Русскаго Вѣстника» за 1856 г.).	631

ЭПОХА ІОАННА ГРОЗНАГО.

І. ПРАВЛЕНІЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ.

(Изъ «Исторіи русскаго народа» Полевого.)

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, Іоанну, было три года, младшему, Георгію, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ великое княженіе. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, митрополиту и ближнимъ боярамъ: «Приказываю своего сына, великаго князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, св. чудотворцамъ и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту. Даю ему все государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои братья, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о разныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, бояре и боярскіе дѣти и княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте заодно, христіанство берегите, будьте прямы и неподвижны». Отпустивъ отъ себя братьевъ и митрополита, оставшись съ своими приближенными, князьями Бѣльскими, Шуйскими, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: «Отъ Владимира кіевскаго ведется наше готударство; мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣстные бояре. Пойдите-же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, была-бы въ семьѣ правда, и въ вѣсть-бы розни никакой не было».

Но трехлѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять государствомъ. Кому же приказывать государство Василій? Не знаемъ, ибо духовная Василія не дошла до насъ. За день до кончины, четыре часа бесѣдовали Василій съ княземъ Шуйскимъ, Глинскимъ, Шигоню, Головиннымъ и еще съ нѣсколькими боярами и дьяками; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, объ «устроеніи земскомъ, какъ быть и какъ править послѣ него государство, и о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей божь него быть, и какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться». Итакъ онъ оставлялъ послѣ себя государство

Еленѣ? Нѣтъ. Когда принесли дѣтей прощаться съ Василиемъ, и Елена со слезами спрашивала у него: «На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» Василий твердо отвѣчалъ: «Государствомъ и великимъ княженіемъ благословляю сына Ивана, а тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ великимъ княгинямъ». — Слѣдовательно, не Еленѣ повелѣвалъ онъ править государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщины, и притомъ юной женѣ, приказывали русскіе повелители свою землю. Въ духовныхъ означались только удѣлы вдовамъ великихъ князей. Вѣроятно, избранный совѣтъ и братья Василия должны были управлять послѣ него государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія великаго князя. Едва закрылъ глаза Василий, митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василия клялись: «служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; жить на своихъ удѣлахъ и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему великому князю Василию Ивановичу и крѣпости ему дали; государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, бусурманства и латинства, стоять прямо, обще и заодно». Бояре, савновники и всѣ другіе клялись «великому князю Ивану и его матери великой княгинѣ Еленѣ хотѣть добра вправду».

Такимъ образомъ неожиданно племянникъ измѣнника Глинскаго, литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе государствомъ. Вельможество придворное, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василия, окружило крамолою младенца и мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистью взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ правленія будетъ отнынѣ князь Иванъ Ѳеодоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина, имѣвшій знаменитый санъ боярина и конюшаго, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ. Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ митрополитъ Даниилъ. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челядина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтняго государя. Вѣрными его сообщниками были братъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Оболенскихъ—кн. Борисъ и Михаилъ Горбатые.

Можно было полагать, что дядя Елены, знаменитый Михаилъ Глинскій, также сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ, по родству своему, лѣтамъ, опытности, завѣтамъ Василия, даже по уваженію къ несчастіямъ его жизни. Но никто при дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненавистное имя литовскаго измѣнника и долговременное заключеніе его въ темницѣ не были заглажены ни милостями, ни любовью Василия впослѣдствіи. Михаила Глинскаго только терпѣли, ради родства его съ Еленою; имѣя званіе боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренностью другихъ. Умирая, Василий видѣлъ въ немъ высшую опору государства и говорилъ боярамъ своимъ: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайте

думать, что онъ пріѣзжій. держите его за здѣшняго уроженца; онъ мнѣ прямой слуга; будьте съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте съ нимъ заодно. А ты, Михайло, будь вѣренъ, не пощади живота за княгиню мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе». Можетъ быть, Михайлъ, тяжело испытанный жизнью, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою на честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду государя и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго. Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости. Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первому жертвою своему честолюбію. Братья Елены, князья Юрій и Михайлъ Глинскіе, люди, выдвинутые единственно родствомъ съ правительницею, уничтожались предъ Оболенскимъ. Но сильнѣйшую партію противъ него составляли кн. Шуйскіе, Василій, старшій бояринъ въ княжескомъ совѣтѣ, братъ его Иванъ, кн. Иванъ и Андрей Михайловичи. Къ нимъ присоединились другіе знатнѣйшіе роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурятевы, Скопины и др. Всѣ ненавидѣли Елену и литовцевъ, втѣснившихся въ милость государя; ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть государствомъ самовластно. Еще отдѣльную партію придворную составляли кн. Бѣльскіе, любимецъ Василія Иванъ Федоровичъ и братья его Симеонъ и Димитрій. Одаренные способностями государственными, они были не любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ, Воротынский и другіе бояре, желавшіе добра и чести отечеству. Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не пристававшихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались Захарьины, Нагіе, Адашевы, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ придворнаго вельможества по кончинѣ Василія. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить и погубили добрыя свойства души юнаго государя, были причиною бѣдствій, потрясавшихъ Русскую землю въ основаніи. Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри, — и имъ-ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа? Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько-же позора и погибели пало черезъ то на Русскую землю...

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ; это былъ Михайлъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить умнѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ — Бѣльскихъ. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго государя, возобновивъ древнія права первородства. И ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло, исполненіе отважно, но удачно. Оболенскій хорошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ государемъ, едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ ногаямъ, въ Казань съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ, какъ старшій дядя государя, князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ смерти Василя. Тщетно вѣрные слуги и бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносъ Бориса Горбатого. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго. Другой дядя государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ: Симеонъ Бѣльскій не дождался ея и бѣжалъ въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ кн. Воронцынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Глинскаго: его и Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими.

Тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолвствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и виѣшнія заняли Оболенскаго.

Забываясь о защитѣ Московскаго государства отъ виѣшнихъ враговъ, Оболенскій также ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши новыми крѣпостями и новыхъ стѣнъ московскаго Китая-города, въ 1533 и 1536 гг. выстроили крѣпости въ Мещерѣ и другихъ мѣстахъ, особенно, чтобы ограждать Русь отъ Казани и Крыма крѣпостями. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Вологдѣ; тогда-же обновили новгородскій Кремль.

Кто могъ-бы подумать, что правленіе Елены, повидимому, твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостію любимца Елены! Онъ употреблялъ въ дѣлахъ единственно своихъ приверженцевъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, князья Оболенскіе—предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, когда самому Оболенскому нельзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ боярской думы, но рѣшалъ все одинъ Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна.

Малѣйшее поупущеніе властолюбію другихъ вельможъ производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскими и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду разорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести правительства: пословъ крымскаго хана посадили въ темницу за нарушеніе мира; казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, казнили въ Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна. Здѣсь видимъ однако-же справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала

въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не шадить для собственной своей безопасности; судьба Михаила Глинскаго и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены.

Мы видѣли, что, съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтняго Іоанна, князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, роднаго дядю Елены, схоронили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей московскихъ. Народъ возропталъ такъ, что для успокоенія его велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвести въ Тропцко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій умеръ въ нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей. Затѣмъ, почти послѣ трехлѣтней неволи, Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей отъ голода, какъ говорила общія молва. Юрія съ честью похоронили въ Архангельскомъ соборѣ и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не ограждаютъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться и, наконецъ, увѣдомилъ племянника, что, за тяжкою болѣзнью, ѣхать не можетъ. «Отъ болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больного и безумнаго, волочить къ Москвѣ?» униженно писалъ Андрей. «Покажите милость; согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ! «Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Оеофила узнать болѣзнь его, а Досіоея, владыку крутицкаго, сказать Андрею, что «никакого лиха ему не будетъ», но за непослушаніе митрополитъ и церковь проклянуть его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею съ воинскими дружинами. Вскорѣ Оеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досіоей извѣщалъ что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастью, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ и объявить себя великимъ княземъ, или, по крайней мѣрѣ, правителемъ государства, по малолѣтству своего племянника. Разославъ грамоты по городамъ съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлил и повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и дружину его со всѣхъ сторонъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью; онъ ручался за безопасность князя, если только тотъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III повѣрилъ всему; людей его обезоружили и его самого съ женою, сыномъ Владиміромъ и со всѣмъ дворомъ повезли въ Москву. При въѣздѣ въ городъ, посланный отъ Елены возвести притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ—княземъ старицкимъ—безъ воли государя. Оболенскій казался изумленнымъ и объявилъ Андрею, что теперь поневолѣ не можетъ исполнить своихъ обѣщаній. Андрей от-

везенъ былъ прямо въ темницу; жену и сына разлучили съ нимъ и посадили подъ стражу отдѣльно. Бояръ и сановниковъ Андрея допрашивали о мнимомъ заговорѣ противъ великаго князя, пытали ихъ, сбѣли кнутомъ, заключали въ темницы; нѣкоторые изъ нихъ погибли въ мученіяхъ. Тридцать дѣтей боярскихъ было повѣшено въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Черезъ полгода объявили народу, что измѣнникъ князь Андрей умеръ волею Божіею въ заключеніи своемъ. Андрей былъ умерщвленъ. Жена и сынъ его остались въ заключеніи.

Здѣсь былъ предѣлъ самовластію слабой Елены и ея жестокаго любимца. Въ февралѣ 1538 г. Елена возвратилась съ великолѣпнымъ дворомъ своимъ съ богомолья въ Можайскъ, гдѣ находился чудотворный образъ Св. Николая и куда супругъ ея ѣздилъ ежегодно, а 3-го апрѣля жестокой ядъ прекратилъ дни правительницы. Дотошъ бодрый, Оболенскій оказалъ удивительное малодушіе: въ отчаяніи обнималъ онъ малолѣтнаго Іоанна, плакалъ неутѣшно, рыдалъ надъ гробомъ Елены и только! Въ испугѣ онъ, конечно, думалъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ злобы враговъ, и не дѣлалъ даже никакихъ усилій поддержать власть свою, противиться своимъ непріятелямъ. Робко ожидалъ бѣдный временщикъ совершенія судьбы. По опредѣленію боярской думы, власть и попечительство надъ государемъ вручили Василю Васильевичу Шуйскому. Оболенскій находился въ комнатѣ Іоанна, вмѣстѣ съ мамушкою юнаго великаго князя, своею сестрою, когда явились воины и, именемъ старшаго боярина и боярской думы, вырвали его и сестру его изъ объятій Іоанна, нѣжно любившаго ихъ, горестно плакавшаго и умолявшаго не трогать мамушки и брата ея. Агриппину сослали и постригли въ монахини. Оболенскій, четыре года властвовавшій надъ Русью и государемъ ея, безъ суда обреченъ на ужасную смерть: его уморили голодомъ.

II. ВОСПИТАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО И СБЛИЖЕНІЕ СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ.

(Изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева)

Іоаннъ родился съ блестящими дарованіями; быть можетъ, онъ родился также съ воспримчивою, легко увлекающеюся, страстною природою; но, безъ сомнѣнія, эта воспримчивость, страстность, раздражительность, если не были произведены, то, по крайней мѣрѣ, были развиты до высшей степени воспитаніемъ, обстоятельствами дѣтства его. Извѣстно, что ребенокъ даровитый, предоставленный съ ранняго дѣтства самому себѣ и поставленный при этомъ въ затруднительное, непріятное положеніе, развивается быстро, преждевременно во всѣхъ отношеніяхъ. По смерти матери, Іоаннъ былъ окруженъ людьми, которые заботились только о собственныхъ выгодахъ, которые употребляли его только орудіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Среди эгоистическихъ стремленій людей, окружавшихъ его, Іоаннъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ, своему собственному эгоизму. При жизни отца онъ долго бы на-

ходился въ удаленіи отъ дѣлъ; подѣ бдительнымъ надзоромъ, въ тишинѣ, характеръ его могъ бы сложиться, окрѣпнуть. Но Іоаннъ трехъ лѣтъ былъ уже великимъ княземъ и, хотя не могъ править государствомъ на дѣлѣ, однако самыя формы, которыя соблюдать было необходимо, напримѣръ, посольскіе приемы и проч., должны были безпрестанно напоминать ему о его подложеніи; необходимо стоялъ онъ въ средоточіи важныхъ вопросовъ, хотя и былъ молчаливымъ зрителемъ, молчаливымъ исполнителемъ формъ. Предъ его глазами происходила борьба сторонъ: людей къ нему близкихъ, которыхъ онъ любилъ, у него отнимали; предъ нимъ наглымъ, звѣрскимъ образомъ влекли ихъ въ заточеніе, не смотря на его просьбы; потомъ слышалъ онъ о ихъ насильственной смерти; въ то же время онъ ясно понималъ свое верховное положеніе, ибо тѣ же самые люди, которые не обращали на него никакого вниманія, которые при немъ били, обрывали людей къ нему близкихъ, при посольскихъ приемахъ и другихъ церемоніяхъ стояли предъ нимъ, какъ покорные слуги; видѣлъ онъ, какъ все преклонялось предъ нимъ, какъ все дѣлалось его именемъ и, слѣдовательно, должно было такъ дѣлаться; да и было около него много людей, которые изъ собственныхъ выгодъ, изъ ненависти къ усилившей сторонѣ твердили, что поступки послѣдней незаконны, оскорбительны для него. Такимъ образомъ, ребенокъ видѣлъ предъ собою враговъ, похитителей его правъ, но бороться съ ними на дѣлѣ не могъ: вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ—самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человѣка борьба, особенно въ такомъ возрастѣ! Голова ребенка была постоянно занята мыслью объ этой борьбѣ, о своихъ правахъ, о безправіи враговъ, о томъ, какъ дать силу своимъ правамъ, доказать безправіе противниковъ, обвинить ихъ. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи; онъ съ жадностью прочелъ все, что могъ прочесть, изучилъ священную, церковную, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцевъ, но во всемъ, что онъ ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбою, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ св. писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ незаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него. Отсюда будутъ понятны намъ послѣдующія стремленія Іоанна,—стремленія, такъ рано обнаружившіяся, принятіе царскаго титула, желаніе быть тѣмъ же на московскомъ престолѣ, тѣмъ Давидъ и Соломонъ были на іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Θεодосій на римскомъ; Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ уже по тому только, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически.

Но въ то время, какъ умъ былъ занятъ мыслью о правахъ, дерзко нарушаемыхъ, о средствахъ, какъ бы дать окончательное освященіе этимъ правамъ, дать имъ совершенную недосыгаемость, сердце волновалось страшными чувствами: окруженный людьми, которые не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, въ своихъ борьбахъ не падали другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ

дурныхъ, позволяли ему предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары въ самыя нѣжныя, чувствительныя мѣста, оскорбляли память его родителей, позоря, умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ. Оскорбляли такимъ образомъ двоянѣ Іоанна: оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній; оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его просьбъ. Отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій въ Іоаннѣ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ и ненависть къ врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, незаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личные оскорбленія.

По словамъ Курбскаго, Іоанна воспитывали великіе и гордые бояре на свою и на дѣтей своихъ бѣду, стараясь другъ передъ другомъ угрожать ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Когда онъ началъ приходить въ возрастъ, былъ лѣтъ двѣнадцати, то сталъ прежде всего проливать кровь безсловесныхъ, бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ; а пѣстуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою бѣду. Когда онъ началъ приближаться къ пятнадцатому году, то принялся и за людей: собралъ около себя толпу знатной молодежи и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ, бить, грабить встрѣчавшихся мушницъ и женщинъ, поистинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: «О! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ!»

Если признать вѣрность показаній Курбскаго, признать, что Іоаннъ дѣйствительно съ 12 лѣтъ началъ обнаруживать дурныя наклонности, отъ которыхъ пѣстуны не удерживали его, то этотъ возрастъ совпадаетъ съ правленіемъ Андрея Шуйскаго и товарищей его. Прежде, когда Іоаннъ былъ еще очень малъ, Шуйскіе считали ненужнымъ обращать на него большое вниманіе: князь Иванъ, въ его присутствіи, клалъ ногу на постель его отца. Тучковъ пихалъ ногами вещи его матери, позабывши, что ребенокъ такіа явленія помнить лучше, чѣмъ взрослый; въ это время многое дѣлалось и не такъ, какъ хотѣлъ ребенокъ; и платье ему давали дурное, и не давали долго вѣть. Но когда ребенокъ сталъ вырастать, то окружающіе перемѣнили обращеніе съ нимъ, стали готовить въ немъ себѣ будущаго милостивца, вдругъ перестали видѣть въ немъ ребенка, котораго еще должно было воспитывать, и начали смотрѣть на него, какъ на великаго князя, которому должно было угождать. Воронцовъ счелъ для себя выгоднымъ приобрести расположеніе тринадцатилѣтняго государя, и это расположеніе Шуйскіе и товарищи ихъ сочли для себя опаснымъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, и сами Шуйскіе обходились теперь съ Іоанномъ не такъ, какъ прежде. Новое положеніе Іоанна въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ видно уже изъ того, что, при описаніи сверженія кн. Бѣльскаго и митрополита Іоасафа, объ Іоаннѣ сказано только, что онъ сильно испугался; при описаніи же происшествія съ Воронцовымъ говорится, что Іоаннъ уже ходатайствовалъ у Шуйскихъ за своего любимца. Поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ былъ послѣднимъ боярскимъ самовольствомъ: неизвѣстно, какъ, вслѣдствіе чьихъ внушеній и ободреній, вслѣдствіе какихъ приготовленій, тринадцатилѣтній Іоаннъ

рѣшился *напасть* на Шуйскаго; иначе нельзя выразить тогдашнихъ отношеній. Молодой великій князь долженъ былъ начать свою дѣятельность нападеніемъ на перваго вельможу въ государствѣ; понятно что это нападеніе будетъ такое, къ какимъ приучили его Шуйскіе; въ концѣ 1543 года Іоаннъ велѣлъ схватить первосовѣтника боярскаго кн. Андрея Шуйскаго и отдать его псарямъ: псари убили его, волоча къ тюрьмамъ, совѣтниковъ его, кн. Ѳедора Шуйскаго, кн. Юрія Темкина и другихъ; разослали.

Нападеніе было удачное, враги застигнуты врасплохъ, напуганы: «съ тѣхъ поръ, говорить лѣтопись, начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе». Прошелъ годъ; Іоанну было уже 14 лѣтъ, и опала постигла кн. Ивана Кубенскаго: его сослали и посадили подъ стражу. Кн. Иванъ Кубенскій съ братомъ Михаиломъ были главами заговора противъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа въ пользу Шуйскаго; Иванъ же Кубенскій упоминается въ числѣ бояръ, бросившихся на Воронцова съ Шуйскими. Въ маѣ 1545 года онъ былъ освобожденъ. Аванасію Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова. Послѣ казни Андрея Шуйскаго первымъ дѣломъ великаго князя было возвращеніе изъ ссылки Воронцова, который ничего не потерялъ изъ прежняго его расположенія; возвратившись ко двору съ торжествомъ, блистательно отомщенный. Воронцовъ сталъ думать, какъ бы самому занять мѣсто Андрея Шуйскаго, одному управлять всѣмъ, одному раздавать всѣ милости имени еще несовершеннолѣтняго государя: «кого государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома, и Ѳедору досадно», говорить лѣтописецъ. Самъ ли Іоаннъ замѣтилъ эти досады, или другіе, которымъ было тѣсно съ Воронцовымъ, только Воронцовъ подвергся опалѣ вмѣстѣ съ прежними своими врагами. Но и на этотъ разъ опала продолжалась не болѣе двухъ мѣсяцевъ: для отца своего, Макарія митрополита, великій князь пожаловалъ бояръ своихъ.

Этихъ колебаній, опалъ, налагаемыхъ на однихъ и тѣ же лица, прощеній ихъ въ продолженіе 13-го, 15-го и 16-го года Іоанновой жизни нельзя оставить безъ вниманія: странно было бы предположить, что молодой Іоаннъ, только по старой неприязни къ родственникамъ и друзьямъ Шуйскихъ, безо всякаго повода, бросался на нихъ и потомъ прощалъ; трудно предположить, чтобы могущественная сторона Шуйскихъ такъ была поражена казнью князя Андрея, что отказалась совершенно отъ борьбы. Но кто боролся съ нею именемъ Іоанна? — Лѣтописи молчатъ. Можно указывать вначалѣ на Воронцова, можно указывать на кн. Глинскихъ, которыхъ, могущество обнаруживается во всеобщей ненависти вельможъ къ нимъ. Но окончательно Кубенскій и Воронцовъ были погублены не Глинскими: на это есть опредѣленное свидѣтельство источниковъ. Въ маѣ 1546 г. великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну, по вѣстямъ, что крымскій ханъ идетъ къ этимъ мѣстамъ. Однажды Іоаннъ, выѣхавши погулять за городъ, былъ остановленъ новгородскими пищальниками, которые стали о чемъ-то бить ему челомъ; онъ нерасположенъ былъ ихъ слушать и велѣлъ отослать. Лѣтописецъ не говоритъ, какъ посланные великимъ княземъ исполнили его приказаніе; говоритъ только, что пищальники начали бросать въ нихъ камнями и грязью. Видя это, Іоаннъ отправилъ отрядъ дворянъ своихъ для отсылки пищальниковъ; но послѣдніе стали сопротивляться и дво-

рянамъ; тѣ вздумали употребить силу; тогда пищальники стали на бой, начали биться ослопами, изъ пищалей стрѣлять, а дворяне дрались изъ луковъ и саблями; съ обѣихъ сторонъ остались на мѣстѣ человекъ по пяти или по шести; великаго князя не пропустили проѣхать прямо къ его стану, онъ долженъ былъ пробираться окольною дорогою. Легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это происшествіе на Іоанна, напуганнаго въ дѣтствѣ подобными сценами и сохранившаго на всю жизнь слѣдствія этого испуга. Но онъ привыкъ видѣть враговъ своихъ, дерзкихъ ослушниковъ своей власти, не въ рядахъ простыхъ ратныхъ людей, и потому сейчасъ же имъ овладѣло подозрѣніе: онъ велѣлъ повѣдать, по чьей наукѣ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ науки этого случиться не могло. Разузнать объ этомъ онъ поручилъ не знатному человеку, но дяку своему Василию Захарову, который былъ у него въ приближеніи: мы видимъ, слѣдовательно, что Іоаннъ, подобно отцу, уже началъ приближать къ себѣ людей новыхъ, безъ родовыхъ преданій и притязаній, дяковокъ. Захаровъ донесъ, что пищальниковъ подучили бояре кн. Кубенскій и двое Воронцовыхъ, Федоръ и Василій Михайловичи. Великій князь повѣрилъ дяку и въ великой ярости велѣлъ казнить Кубенскаго и Воронцовыхъ, какъ вслѣдствіе новаго обвиненія, такъ и по прежнимъ ихъ преступленіямъ, за мздоимство во многихъ государскихъ и земскихъ дѣлахъ; людей близкихъ къ нимъ разослалъ въ ссылку. Лѣтописцы говорятъ, что дякъ оклеветалъ бояръ. Курбскій относитъ къ тѣмъ же временамъ и другія казни.

Такъ проводилъ Іоаннъ шестнадцатый годъ своего возраста; на семнадцатомъ, 13-го декабря 1546 г., онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться; на другой день митрополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже и опальныхъ, и со всѣми отправился къ великому князю, который сказалъ Макарію: «Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны, Сергія и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого нибудь короля или царя; но потомъ я эту мысль отложилъ: не хочу жениться въ чужихъ государствахъ, потому что я послѣ отца своего и матери остался малъ; если я приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житіе будетъ; поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благословитъ, по твоему благословенію». Митрополитъ и бояре, говоритъ лѣтописецъ, заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Но молодой Іоаннъ тутъ же удивилъ ихъ и другою рѣчью: «По твоему, отца своего митрополита, благословенію и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе сажались; и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство, на великое княженіе сѣсть». Бояре обрадовались, что государь еще въ такомъ младенчествѣ, а прародительскихъ чиновъ искалъ. Но, конечно, всего болѣе удивились они, а нѣкоторые не очень обрадовались тому, что шестнадцатилѣтній великій князь съ этихъ поръ, внутри и внѣ го-

сударства, принявъ титулъ, котораго не рѣшались принять ни отецъ, ни дѣдъ его—титулъ царя. 16-го января 1547 г. совершено было царское вѣнчаніе. Между тѣмъ еще въ декабрѣ разосланы были по областямъ, къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, грамоты: «Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ будутъ изъ васъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ на шимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу». Выборъ палъ на дѣвушку изъ самыхъ знатныхъ п древнихъ московскихъ боярскихъ родовъ, который, при наплывѣ родовъ княжескихъ, успѣлъ удержать за собою близкое къ престолу мѣсто: выборъ палъ на Анастасію; дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, племянницу боярина Михаила Юрьевича, близкаго человѣка къ великому князю Василю. Быть мжетъ, и эти отношенія не были безъ вліянія на выборъ; надобно замѣтить, что представитель рода по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасіи, Григорій Юрьевичъ Захарьинъ, не принадлежалъ къ сторонѣ Шуйскихъ, не упоминается ни въ какихъ боярскихъ смутахъ дѣтства Іоаннова.

3-го февраля была царская свадьба; 12-го апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ въ Москвѣ; 20-го числа другой; 3-го іюня упалъ большой колоколь-благовѣстникъ; 21-го новый страшный пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ: загорѣлась церковь Воздвиженія на Арбатѣ, при сильной бурѣ; огонь потекъ, какъ молнія, спалилъ на западъ все вплоть до Москвы рѣки, потомъ буря обратилась на Кремль, вспыхнулъ верхъ Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворѣ, казенный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла оружейная палата съ оружіемъ, постельная палата съ казною, дворецъ митрополитій, по каменнымъ церквямъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которые продолжали и въ это время прятать по церквямъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣли иконостасъ и всѣ сосуды церковные; митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ. Кремлевскіе монастыри Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли; въ Китаѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы. Народу сгорѣло 1700 человѣкъ. Великій князь съ женою, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево.

На другой день онъ поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь царскій духовникъ, благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ Барминъ, кн. Ѳеодоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Челядинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ; чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ, отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло; розыскъ произвели такимъ образомъ: 26-го числа, на пятый день послѣ пожара, бояре приѣхали въ Кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и начали спрашивать: «Кто зажигалъ Москву?» Въ толпѣ закричали: «Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волховала: вынимала сердца человѣческія, да клала въ воду, да тою водою, ѣзда по Москвѣ, кропила: оттого Москва и выгорѣла!» Черные люди говорили это потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи, отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, а Глинскіе люди

своихъ не унимали. Конюшій бояринъ кн. Михайло Васильевичъ Глинскій, родной дядя царскій; былъ въ это время съ матерью во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе; но брать его Юрій былъ въ Москвѣ и стоялъ вмѣстѣ съ боярами на кремлевской площади. Услышавши о себѣ и о матери своей такія рѣчи въ народѣ, онъ понялъ, что его можетъ постигнуть, и ушелъ въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ, какъ на временщиковъ, напустили чернь: та бросилась въ Успенскій соборъ, убила Глинскаго, выволокла трупъ его изъ Кремля и положила предъ торгомъ, гдѣ казнятъ преступниковъ. Умертвивши Глинскаго, чернь бросилась на людей его, перебила ихъ множество, разграбила дворъ; много погибло тутъ и неизвѣстныхъ дѣтей боярскихъ, которыхъ приняли за людей Глинскаго. Но одного Глинскаго было мало: на третій день послѣ убіенія кн. Юрія толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобы государь выдалъ имъ бабуку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ея, кн. Михайла, которые будто спрятаны у него въ покояхъ. Іоаннъ въ отвѣтъ велѣлъ схватить крикуновъ и казнить; на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались.

Виновниками возстанія противъ Глинскихъ, главными наустителями черни, лѣтописецъ называетъ благовѣщенскаго протопопа Ѳеодора Бармина, кн. Ѳеодора Шуйскаго-Скопина, Ивана Челяднина и нѣкоторыхъ другихъ. Въ малолѣтство Іоанна Шуйскіе и пріятели ихъ сами управлялись съ людьми себѣ враждебными; но когда Іоаннъ выросъ, когда казнь Андрея Шуйскаго, Кубенскаго, Воронцова показала имъ невозможность дальнѣйшаго самоуправства, то они начали дѣйствовать противъ приближенныхъ къ царю людей не непосредственно, но посредствомъ народа.

Виновники событій 26 іюня умѣли закрыть себя и достигли своей цѣли относительно Глинскихъ: оставшіяся въ живыхъ кн. Михайло Глинскій не только потѣрялъ надежду восторжествовать, но даже отчаялся въ собственной безопасности и побѣжалъ въ Литву; но бѣглецы были захвачены кн. Петромъ Шуйскимъ, посидѣли немного подъ стражею и были прощены и отданы на поруки, потому что вздумали бѣжать по неразумію, испугавшись судьбы кн. Юрія Глинскаго. Могущество Глинскихъ рушилось, но его не наслѣдовали знатные враги ихъ: полною довѣренностью Іоанна, могущественнымъ вліяніемъ на внутреннія дѣла начинаютъ пользоваться простой священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и ложничій царскій Алексѣй Ѳеодоровъ Адашевъ, чело­вѣкъ очень незначительнаго происхожденія.

Сильныя волненія, досады, поблажки чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ и дурные примѣры, которые Іоаннъ видѣлъ въ дѣтствѣ, безспорно имѣли пагубное вліяніе на его характеръ и произвели въ немъ, между прочимъ, раздражительность. Но эта самая раздражительность, впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ и къ скорому принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе и неподозрительнаго для Іоанна. Пожаръ московскій произвелъ на молодого царя сильное впечатлѣніе. Вотъ что самъ царь писалъ объ этомъ впечатлѣніи собору, созданному для устройства церковнаго: «Нельзя ни описать, ни языкомъ чело­вѣческимъ пересказать всего того, что я сдѣлалъ дурного

по грѣхамъ молодости моеѣ. Прежде всего смирилъ меня Богъ, отнялъ у меня отца, а у васъ пастыря и заступника; бояре и вельможи, показывая видъ, что мнѣ dobroхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ доискиваясь самовласти, въ помраченіи ума своего, дерзнули схватить и умертвить братьевъ отца моего. По смерти матери моеѣ бояре самовластно владѣли царствомъ, по моимъ грѣхамъ, сиротству и молодости, много людей погибло въ междоусобной брани, а я возрасталъ въ небреженіи, безъ наставленій, навыкъ къ злокозненнымъ обычаямъ боярскимъ и съ того времени до сихъ поръ сколько согрѣшилъ я предъ Богомъ и сколько казней послалъ на насъ Богъ! Мы не разъ покушались отомстить врагамъ своимъ, но все безуспѣшно; не понималъ я, что Господь наказываетъ меня великими казнями, и не покался, но самъ угнеталъ бѣдныхъ христіанъ всякимъ насиліемъ. Господь наказывалъ меня за грѣхи то потопомъ, то моромъ, и все я не каляся; наконецъ, Богъ послалъ великіе пожары, и вошелъ страхъ въ душу мою и трепеть въ кости мои, смирился духъ мой, умилился я и позналъ свои согрѣшенія: выпросилъ прощеніе у духовенства, далъ прощеніе князьямъ и боярамъ». Курбскій говорить, что во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ Богъ подалъ руку помощи землѣ христіанской такимъ образомъ: пришелъ къ Іоанну одинъ мужъ, чиномъ пресвитеръ, именемъ Сильвестръ, приплецъ изъ Новгорода Великаго, сталъ претить ему отъ Бога священными писаніями и строго заклинять его страшнымъ Божиимъ именемъ; кромѣ того, повѣдалъ ему о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ-бы отъ Бога происшедшихъ. «Не знаю, прибавляетъ Курбскій, правду ли онъ говоритъ о чудесахъ, или выдумалъ, чтобы только напугать Іоанна для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, и достигъ своей цѣли: душу его исцѣлилъ и очистилъ, развращенный умъ исправилъ, съ помощью Алексѣя Адашева, митрополита Макарія и всѣхъ преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ».

Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ, внезапно, предъ Іоанномъ, не будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новгорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора, по этому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили большую силу. Для объясненія нравственнаго переворота въ Іоаннѣ, для объясненія при этомъ Сильвестрова значенія, припомнимъ событія, встрѣчаемыя нами въ концѣ шестнадцатаго и на семнадцатомъ году возраста Іоаннова: казнъ Кубенскаго и Воронцова, бывшая слѣдствіемъ убѣжденія въ не-исправимости бояръ; сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли, обнаружившаяся въ Іоаннѣ намѣреніемъ вѣнчаться на царство и принять титулъ царскій; нравственный переворотъ, долженствовавшій произойти вслѣдствіе брака шестнадцатилѣтняго юноши, наконецъ пожары, народное возстаніе противъ лицъ, которымъ довѣрялъ царь болѣе всѣхъ по единству интересовъ, по близкому родству, и которыя раздражили народъ безнаказанными насиліями слугъ своихъ,—все это заставляло Іоанна порѣшиться окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другого происхожденія и въ лицахъ испытанной нравственности.

Но если на семнадцатомъ году возраста, вслѣдствіе означенныхъ

причинъ и вліяній, произошелъ въ Іоаннѣ важный нравственный переворотъ, то не ранѣе 20-го года, вслѣдствіе естественнаго развитія, молодой царь нашелъ въ себѣ силы окончательно порѣшить съ прошедшимъ, которое сильно тяготило его. Естественнымъ слѣдствіемъ живости, страстности природы въ Іоаннѣ было неумѣнье сдерживать свои мысли и чувства, необходимость высказываться; ни одинъ государь нашей древней исторіи не отличался такою охотою и такимъ умѣньемъ поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковномъ соборѣ, съ отѣхавшимъ бояриномъ или съ послами иностранными, отчего получилъ прозваніе *въ словесной премудрости ритора*. Несчастное положеніе Іоанна съ самаго дѣтства заставляло его постоянно защищать себя въ собственныхъ глазахъ и предъ другими людьми: отсюда его рѣчи и письма обыкновенно или защитительныя въ свою пользу, или обвинительныя противъ враговъ своихъ. Раздражительная, страстная природа и несчастныя обстоятельства увлекли его къ страшнымъ крайностямъ, но при этомъ сознаніе своего паденія никогда не умирало въ немъ: отсюда это постоянное желаніе защитить себя, обвинить другихъ въ собственномъ паденіи.

Теперь онъ хотѣлъ защитить себя предъ народомъ, сложить вину всего прошедшаго зла на людей, которыхъ онъ не переставалъ называть своими врагами, какъ мы видѣли изъ рѣчи его на соборѣ. Прежде онъ хотѣлъ мстить имъ опалами и казнями; теперь, при новомъ настроеніи, онъ хочетъ торжественно объявить ихъ вину. На двадцатомъ году возраста своего, видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, умыслилъ царь привести всѣхъ въ любовь. Посоветовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, приказалъ онъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина. Когда выборные съѣхались, Іоаннъ въ воскресный день вышелъ съ крестами на лобное мѣсто и, послѣ молебна, началъ говорить митрополиту: «Молю тебя, святой владыко! Будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери осьми; родственники о мнѣ не брегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ нерадѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, *азъ же яко глухъ и не слышахъ и не имѣй въ устахъ своихъ обличенія*, по молодости моей и безпомощности, а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей, ожидайте воздаянія своего». Поклонившись на всѣ стороны, Іоаннъ продолжалъ: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительности моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія; молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать». Въ это время расположеніе царя къ Алексію Адашеву достигло высшей степени: въ тотъ са-

мый день, въ который говорена была рѣчь къ народу, Іоаннъ пожаловалъ Адашева въ окольничіе и при этомъ сказалъ ему: «Алексѣй! Взять я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей для помощи души моей; хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и не одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто бы печаль мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насилиемъ бѣдныхъ и немощихъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клеветущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ: но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія, избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вольможъ». Говорилъ онъ это съ прещеніемъ, прибавляетъ извѣстіе, и съ тѣхъ поръ началъ самъ судить многіе суды и розыскивать праведно. Такъ кончилось правленіе боярское.

III. ИЗЪ «СУДЕБНИКА» ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА (1550).

Лѣта 7058, въ 1-й день мѣсяца іюля, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси со своими братьями и боярами сей Судебникъ уложилъ, какъ. судить боярамъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, и по волостямъ, и ихъ тиунамъ, и всякимъ судьямъ.

1. Судъ царя и великаго князя судить боярамъ и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеямъ, и дьякамъ, а судомъ не дружить и не мстить никому, посуловъ (взятковъ) на судъ не брать. Точно также и всякій судья на судъ не долженъ брать посуловъ.

2. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ неправо рѣшатъ дѣло и обвинять кого несправедливо или списокъ подпишутъ и правую грамоту, и если расслѣдованіе покажетъ, что это сдѣлано безъ умысла, то бояринъ, окольничій, дворецкій, казначей и дьякъ не отвѣчаютъ, но рѣшеніе отмѣняется, и взятое должно быть возвращено.

3. Если бояринъ, или окольничій, или дворецкій, или казначей, или дьякъ, взявъ посулъ, рѣшить дѣло несправедливо, а расслѣдованіе обнаружить это, то неправильно обвиненный получаетъ съ виновныхъ судей свою потерю, пошлинъ царскихъ и великокняжескихъ и судебныхъ издержекъ взять съ нихъ и второе подвергнуть наказанію, какое государь укажетъ.

6. А кто солжетъ на боярина, окольничаго, дворецкаго, казначея, дьяка или подъячаго, и по обыску ложь обнаружится, то такого жалобщика, сверхъ его вины, казнить торговою казнью, бить кнутомъ и ввергнуть въ тюрьму.

8. Брать боярину, и дворецкому, и казначею, и дьяку на судъ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ истцѣ или отвѣтчикѣ слѣдующія пошлины: боярину, или дворецкому, или казначею 11 денегъ, дьяку 7, подъячему 2; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то пошлины взымать по расчету, а больше того не брать; отъ записки подъячему не брать ничего. Если взято оудеть лишнее, то виновный платитъ второе. Если послѣдуетъ жалоба на то, что взято лишнее, и она окажется ложною, то жалобщика казнить торговою казнью и заключить въ тюрьму.

14. На полѣ (судебномъ поединкѣ) долженъ биться боецъ съ бойцемъ, а небоецъ съ небоецемъ; а бойцу съ небоецемъ не биться. Но если небоецъ съ бойцемъ самъ пожелаетъ биться, то ему это разрѣшается.

19. Если ищетъ женщина, или малолѣтній, или старецъ, или больной, или калѣка, или священникъ, или монахъ, или монахиня, то для поединка имъ нанимать бойца, равно какъ и отвѣтчику. Крестьѣ плзуютъ истецъ и отвѣтчикъ, бьются же нанятые. Но если истецъ или отвѣтчикъ пожелаетъ самъ биться съ нанатымъ, то ему это разрѣшается.

26. Вознаграждение за безчестіе дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія опредѣляютъ по доходу съ того кормленія, какъ значится по книгамъ; женамъ ихъ за безчестіе вдвое. Дѣтямъ боярскимъ, получающимъ денежное жалованье, за безчестіе платить въ размѣрѣ жалованья; женамъ ихъ вдвое. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ за безчестіе платить, какъ царь укажетъ; женамъ ихъ вдвое. Большимъ гостямъ безчестія 50 рублей; женамъ ихъ вдвое. Торговымъ людямъ, посадскимъ и всѣмъ среднимъ безчестія 5 рублей; женамъ ихъ вдвое. Боярскому человѣку доброму безчестія 5 рублей, если онъ не тѣну и доводчикъ; женѣ его вдвое. Тѣну боярскому или доводчику или праветчику безчестіе платится въ размѣрѣ доходовъ; женамъ ихъ вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному за безчестіе рубль; женѣ его вдвое. Боярскому человѣку младшему или черному младшему городскому человѣку тоже рубль, а женамъ ихъ вдвое. За увѣчіе платится, смотря по увѣчию и по безчестію.

27. Если чужеземецъ будетъ искать на чужеземцѣ, то обвиняемый можетъ, какъ хочетъ, или присягать, что не виноватъ, или, положивъ у креста предметъ иска, предложить истцу взять его, принесши присягу. Если человѣкъ адѣшняго государства истецъ, а чужеземецъ отвѣтчикъ, или наоборотъ, то метать жребій, и чей жребій вынется, тому присягать.

52. Если кого приведутъ съ поличнымъ впервые, то его судить и собрать о немъ свѣдѣнія. Если по обыску назовутъ его лихимъ человѣкомъ, то его пытать, и если онъ скажетъ самъ на себя, то казнить смертию, а въ противномъ случаѣ предать пожизненному заключенію, истцу же заплатить изъ его имущества. Если же по обыску скажутъ, что онъ человѣкъ добрый, то вести дѣло обыкновеннымъ порядкомъ.

55. Если вора поймаютъ впервые, исключая вора церковнаго и похитителя людей, а въ иномъ прежнемъ воровствѣ довода на него не будетъ, то его казнить торговою казнью, бить кнутомъ, искъ на немъ доправить, да отдать его на вѣрныя поруки. Если вѣрнаго поручителя нѣтъ, то ввергнуть въ тюрьму и держать до тѣхъ поръ, пока таковой не найдется. Если у вора не будетъ имущества для удовлетворенія истца, то его, наказавъ кнутомъ, выдать истцу головою на правежъ, пока не выкупится, а истцу прискать поручителей въ томъ, что, доправивъ свое, отдастъ его боярамъ.

56. Если вора поймаютъ вторично, то его пытать и, если скажетъ самъ на себя, смертию казнить, а истца вознаградить изъ его имущества. Если имущества не будетъ, то и тогда казнить, а истцу не выдавать. Если подъ пыткой на себя самъ не скажетъ, то навести справки, и когда по справкамъ окажется, что онъ лихой человѣкъ, ввергнуть его въ тюрьму до смерти; въ противномъ же случаѣ отдать на крѣпкія поруки. Если таковыхъ нѣтъ, то держать его въ тюрьмѣ, пока не найдутся.

59. Завѣдомо лихой человѣкъ, уличенный въ разбоѣ, душегубствѣ, ябедничествѣ, подлогѣ или другомъ лихомъ дѣлѣ, долженъ быть казненъ смертию, а истецъ получаетъ вознаграждение изъ его имущества; получившійся затѣмъ остатокъ идетъ на судебныя платежи. Если у такого преступника столько имущества нѣтъ, то все же его казнить, а истцу не выдавать, при чемъ нѣтъ и судебныхъ платежей.

61. Убийца своего господина, бунтовщикъ, крамольникъ, церковный воръ, похититель людей, поджигатель, завѣдомо лихой человѣкъ да будетъ казненъ смертию. Изъ имущества его удовлетворяется истецъ, остальное идетъ на судебныя издержки. Если у такого преступника имущества нѣтъ, то все же истцу онъ не выдается, а казнится смертию.

68. Если намѣстнику данъ въ кормленіе городъ съ волостями или волости, а въ волостяхъ по сію пору не было старостъ и цѣловальниковъ, то отнынь въ нихъ должны быть старосты и цѣловальники. Если кто либо изъ жителей этихъ волостей будетъ искать или отвѣчать предъ намѣстникомъ или волостелемъ, или предъ тѣнами ихъ, то въ судѣ намѣстниковъ, волостелей и тѣновъ

быть старостѣ и цѣловальникамъ изъ той волости, изъ которой истецъ или отвѣчикъ, а судны дѣла писать земскому дьяку той же волости. А безъ старосты и цѣловальниковъ намѣстникамъ и волостелямъ, за которыми числится кормленіе съ боярскимъ судомъ или безъ боярскаго суда, а также ихъ тіунамъ, не судить. Посула на судъ не брать ни намѣстникамъ, ни волостелямъ, ни ихъ тіунамъ.

74. Если въ городѣ будутъ два намѣстника, а въ волости два волостеля, и если судъ между ними не раздѣленъ, то брать судебныя пошлины однажды и дѣлить между собою пополамъ. Если города и волости ихъ подѣлены, но у нихъ будетъ судъ мѣстный, то все же пошлины брать однажды и дѣлить между собою пополамъ. Если два намѣстника, два волостеля или два тіуна съ одного дѣла взяли пошлины дважды, и если это будетъ доказано, то заплатившему эти пошлины намѣстники, волостели и ихъ тіуны должны возвратить втрое.

78. Если люди вольные станутъ бить челомъ князьямъ и боярамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ, и станутъ на себя давать кабалы служить за долгъ, то признавать кабалы законными только на сумму не свыше 15 руб.

81. Дѣтей боярскихъ, служившихъ и ихъ дѣтей, которые не были еще на службѣ, въ число холоповъ никто не долженъ принимать. Холопами могутъ становиться только отставленные государемъ отъ службы.

84. А вотъ судъ о земляхъ. Если бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ будутъ искать земли то судить за три года (т. е. признавать трехлѣтнюю давность). То же самое, если будетъ искать черныи человекъ на черномъ, помѣщикъ на помѣщикѣ, за которыми числится земля царя и великаго князя, черныи сельскій человекъ на помѣщикѣ или обратно. Если ищутъ на бояринѣ или монастырѣ земель царя и великаго князя, то судить за шесть лѣтъ, а дальше не судить. Если о земляхъ заведено уже дѣло, то таковое досуживать.

91. Попа, діакона, черница, черницу и старую вдовицу, которые питаются отъ церкви Божіей, должны судить святители и ихъ суди; если судится простой человекъ съ церковнымъ, то судъ совмѣстный. Если вдовица питается не отъ церкви Божіей, а живетъ домомъ своимъ, то святительскому суду не подлежить. Городскіе торговые люди не должны жить при монастыряхъ, а въ городскихъ дворахъ; торговыхъ людей, проживающихъ при монастыряхъ, оттуда устранять и подвергать суду намѣстниковъ. Нищимъ, питающимся отъ церкви Божіей, жить въ монастыряхъ.

92. Если кто умретъ безъ завѣщанія, не имѣя сына, то имущество его и земли переходятъ къ дочери; если и дочери нѣтъ, то къ ближайшему родственнику.

97. Тѣ дѣла, которыя до изданія настоящаго Судебника рѣшены, Судебникомъ не отмѣняются; не отмѣняются и тѣ, о которыхъ процессъ уже началъ. Всѣ эти дѣла, касающіяся земель, холопства, кабалы и т. п., должны быть рѣшены прежнимъ порядкомъ. Впредь всякія дѣла рѣшать по настоящему Судебнику и управу чинить сообразно съ тѣмъ, какъ царь и великій князь предписываетъ въ своемъ Судебникѣ, со дня его составленія.

98. Если откроются случаи, не предусмотрѣнные симъ Судебникомъ, то они должны быть сообщены государемъ боярской думѣ для приговора, и рѣшеніе затѣмъ должно быть внесено въ настоящій Судебникъ.

99. Велѣтъ объявить на торгахъ въ Москвѣ, во всѣхъ городахъ земли Московской, Новгородской, Тверской, по волостямъ, чтобы истецъ и отвѣчикъ судьямъ и приставамъ взятокъ на судъ не давали и не общали, чтобы свидетели, не видѣвъ дѣла, не свидѣтельствовали, а видѣвъ свидѣтельствовали по правдѣ. Если свидѣтель будетъ свидѣтельствовать, не видѣвъ дѣла, лживо, и это обнаружится потомъ, то съ него взыскивать потерю истца и всѣ убытки, да за преступленіе казнить торговою казнью.

IV. О ЗНАЧЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ СУДЕБНИКА.

(Из ст. Калачева: «О Судебникъ царя Іоанна Васильевича Грознаго», помѣщенной въ «Юридическіе Записки» Рѣкина).

Судебникъ Іоанна IV имѣлъ великую важность не только для современниковъ, но и для потомства, которое долго руководствовалось имъ въ дѣлахъ судебныхъ; онъ важенъ и для насъ, какъ звено, необходимое для уразумѣнія исторіи русскаго законодательства.

Уложеніе, изданное Іоанномъ III и дополненное законами его сына, не могло казаться вполне удовлетворительнымъ въ правленіе Іоанна IV. Съ развитіемъ жизни гражданской, съ уясненіемъ юридическихъ понятій, явилась потребность въ разсмотрѣніи прежнихъ законовъ: надлежало иные дополнить, другіе замѣнить новыми, взятыми изъ обычаевъ жизни, всегда пополняющихъ письменное законодательство. Такую потребность современниковъ не могло не замѣтить мудрое правительство, дѣйствовавшее именемъ Іоанна, и съ самаго начала своей силы обратило на нее вниманіе. Безъ сомнѣнія, по совѣту Сильвестра, Адашева и другихъ приближенныхъ, Іоаннъ, *„благословясь у духовенства исправитъ Судебникъ по старинѣ“*, въ 1550 г., Іюня 1-го, съ своими братьями и боярами *„уложилъ Судебникъ, какъ судить боярѣмъ, и околнничимъ, и дворянѣмъ, и казначеймъ, и дьякамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городамъ наместникамъ, и по волостямъ волостелямъ, тиунамъ и всякимъ судьямъ“*.

По окончаніи Судебника, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ собору *„служъ Божіихъ“*, и въ 1551 г., февр. 23-го, во дворцѣ кремлевскомъ явились, кромѣ митрополита, девять святителей, всѣ архимандриты, игумены, бояре и сановники первостепенные. Царь-юноша произнесъ имъ рѣчь, сильную умомъ и краснорѣчіемъ: говорилъ о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ *„вдовствующею“* Россіею во дни его юности, о неурядицѣ государственномъ, о самосудной власти вельможъ, о презрѣніи законовъ, о превратности древнихъ обычаевъ, о растлѣніи нравовъ и ставилъ ихъ причиною, побудившею его къ исправленію законовъ и восстановленію спасительной ихъ власти и благоустройства въ государственномъ управленіи; потомъ царь предложилъ святителямъ на разсмотрѣніе Судебникъ съ уставными грамотами объ избраніи старостъ и дѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятниковъ. Соборъ утвердилъ всѣ новыя мудрыя постановленія Іоанновы.

По собственному признанію законодателя, онъ думалъ только дополнить Уложеніе Іоанна III, согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями государства, желая искоренить зло, вкравшееся въ систему судебного управленія. Отсюда очевидны источники, которыми пользовались при составленіи Судебника: письменные законы предковъ Іоанновыхъ, пополненные обычнымъ правомъ жизни гражданской и государственной. Такимъ образомъ, Судебникъ Іоанна IV представляется намъ какъ плодъ юридической дѣятельности предковъ, какъ вѣрное зеркало древней жизни русскихъ. Онъ всегда останется памятникомъ, драгоценнымъ для историка, юриста и филолога, для всякаго просвѣщеннаго и любознательнаго гражданина. Будучи окончательнымъ результатомъ предыдущаго развитія жизни юридической, онъ самъ въ послѣдствіи послужилъ источникомъ для развитія отечественнаго права, потому что Уложеніе Алексѣя Михайловича, краеугольный камень послѣдующаго законодательства, есть ничто иное, какъ Судебникъ Іоанна IV, дополненный и исправленный новымъ развитіемъ права: съ одной стороны—письменными законами позднѣйшаго времени—указами и боярскими приговорами, законами мѣстными, примѣненными къ системѣ русскаго законодательства, по ихъ всеобщему юридическому духу (Житовскій Статутъ); съ другой стороны—практическими случаями, обычаями присутственныхъ мѣстъ.

Судебникъ, какъ это видно изъ его названія, есть кодексъ, опредѣляющій внѣшнюю (формальную) сторону права: судопроизводство есть, слѣдовательно,

предметъ, рассматриваемый Судебникомъ. Главное вниманіе законодателя было обращено на устройство судовъ: на органы судопроизводства, высшіе и низшіе, на тяжущихся и ихъ повѣренныхъ, на самый порядокъ, соблюдаемый въ судопроизводствѣ, на законы, по которымъ оно движется, на искъ, на зовъ отвѣтчика, на доказательства судебныя, на рѣшеніе и его исполненіе. Очевидно, что все это относится къ судопроизводству гражданскому. Что же касается до части, рассматривающей гражданское право, то она почти не вошла въ составъ Судебника: право жило въ сознаніи народа, и обычай, еще не обременяя памяти своею массою, ясно вѣшали о понятіяхъ юридическихъ, въ то время слишкомъ немногосложныхъ. Только немногія исключенія были записаны въ кодексъ законовъ, но и то или по связи того или другого права (гражданскаго) съ судопроизводствомъ, или по неясному сознанію законодателемъ различія между судомъ и правомъ.

Законодатель обращаетъ вниманіе и на судебно-уголовную часть: на *тамбу*, *душегубство* и *всякое злое дѣло*; онъ назначаетъ даже для уголовныхъ дѣлъ особыхъ судей — *губныхъ старостъ*, которые должны участвовать въ судѣ наместниковъ и волостей по дѣламъ *вѣдомыхъ разбойниковъ*, приказывая судить эти дѣла не по Судебнику, а по *губнымъ грамотамъ*. Слѣдовательно, очевидно, что главное вниманіе законодателя обращено было на гражданское судопроизводство; о судѣ же уголовномъ онъ говоритъ только для того, чтобы точнѣе опредѣлить дѣятельность органовъ судопроизводства вообще. Поэтому не только уголовное право, но даже уголовное судопроизводство остается въ Судебникѣ почти неразвитымъ.

У. ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ И СУДЪ ВЪ УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ И ВЪ ЭПОХУ СУДЕБНИКОВЪ.

(Составлено по соч. Чичерина: «Областные учрежденія Россіи въ XVII в.»).

Въ теченіе всего удѣльнаго періода, а отчасти и въ эпоху судебниковъ судъ имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности, какъ и вообще все управленіе князей носило еще частный, вотчинный характеръ: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами. Князь имѣлъ право суда и дани: то было тягло, лежавшее на землѣ, и всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ. Общее правило гласило: „А судомъ и данью тявуть по землѣ и по водѣ“. Судъ передавался по частному праву: князь не назначалъ сановниковъ для управленія дѣлами, а *жиловалъ* извѣстныя права, извѣстные доходы въ *кормленіе* временное или наслѣдственное, или отдавалъ на откупъ.

Обыкновенно судъ отдавался въ кормленіе наместникамъ и волостелямъ. Первые вѣдали города со станами, вторые—волости; но иногда власть наместниковъ распространялась на цѣлые уѣзды, т. е. на города со станами и волостями, и въ такомъ случаѣ въ волостяхъ имъ принадлежала вира за душегубство (убійство), а волостели вѣдали остальной судъ. Вообще кругъ дѣятельности наместниковъ и волостей опредѣлялся не правительственными соображеніями, а расположеніемъ князя къ тому или другому кормленщику. Поэтому въ судебныхъ округахъ было величайшее разнообразіе, которое еще болѣе увеличивалось отъ раздѣленія на части. Въ удѣльный періодъ города и области дѣлились между князьями и переходили изъ рукъ въ руки, какъ частная собственность; право суда подвергалось той же участи. Въ одномъ и томъ же городѣ могло быть нѣсколько наместниковъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ участкомъ своего князя. Взаимныя отношенія наместниковъ одного

города опредѣлялись частными договорами князей или распоряженіями того князя, который дѣлилъ свое имѣніе между сыновьями; поэтому судебное устройство не могло быть вездѣ одинаково и всегда зависѣло отъ случайныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Тоже было и въ каждомъ отдѣльномъ княжествѣ: городъ или волость могли быть пожалованы двумъ кормленщикамъ вмѣстѣ, и тогда судъ, по частному распоряженію князя, или дѣлился между ними, или оставался вераадѣльнымъ. Кормленіе жаловалось княземъ иногда на извѣстный срокъ, иногда безсрочно; иногда кормленіе бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками и принимало характеръ наследственности. Такимъ образомъ, судъ передавался по частному праву. Поэтому, получивши кормленіе въ даръ или во временное пользованіе, кормленщикъ могъ оставить его, когда хотѣлъ, и это не считалось нарушеніемъ служебныхъ обязанностей.

Самое управленіе носило тотъ же характеръ частнаго владѣнія: какъ частные хозяева, намѣстники и волостели назначали въ зависѣвшія отъ нихъ должности своихъ людей, слугъ или холоповъ и мѣняли, когда хотѣли. Для суда они опредѣляли тиуновъ, для разныхъ судебныхъ дѣйствій (вызова къ суду, взысканій), доводчиковъ и праветчиковъ. Кормленщики, ихъ тиуны и доводчики получали кормъ отъ подчиненныхъ имъ жителей. Намѣстникъ и волостель при вѣздѣ въ городъ или волость получали вѣзжее, кто что принесетъ, потомъ на праздники два или три раза въ годъ (на Святую недѣлю, на Петровъ день и на Рождество Христово) кормъ натурою или деньгами; тиуны получали также кормъ. Вторымъ источникомъ дохода служили судебныя пошлины. Судьи получали различныя пошлины, смотря по тому, были ли винювецъ истецъ или отвѣтчикъ, кончалось ли дѣло судомъ, или тяжущіеся мирились до произнесенія приговора. Особыя пошлины получалъ кормленщикъ за приложение печати, а дякъ за письмо. Всѣ эти пошлины кормленщикъ получалъ съ судебныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ въ пользу тяжущихся; ему же принадлежала и пеня съ преступниковъ. Штрафованіе было произвольное; судья извлекалъ изъ преступника все, что могъ. По судебникамъ, все имущество лихого человѣка, за исключеніемъ того, что принадлежало истцу, должно было идти намѣстнику и его тиуну. Особенный разрядъ составляли преступленія явныя, которыя оставляли видимыя слѣды; таковы были душегубство, разбой и татѣя съ поличнымъ, изъ которыхъ само собою, безъ всякаго иска, рождалось право кормленщика на извѣстную пеню. Если убійцы не было на лицо, пеня взыскивалась съ того стана, волости или города, гдѣ найдено было мертвое тѣло; эта пеня называлась вирую за голову, также поголовшиною. Если поймавшій вора съ поличнымъ отпускалъ его, не явивъ судѣ, съ него взыскивалась пеня за самосудъ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходъ съ него; кормленщикъ управлялъ не на князя, а на себя; и главною цѣлью его было полученіе дохода, „чѣмъ можно быти сытымъ“. Отправленіе же суда было только средствомъ къ обогащенію. Поэтому самыя преступленія имѣли значеніе не общественное, а частное; они были доходныя статьи, изъ которыхъ судья извлекалъ прібытокъ, на которыя онъ имѣлъ исключительную привилегію, составлявшую одну изъ самыхъ крупныхъ выгодъ кормленія. Иногда кормленщикъ завыдывалъ не только судомъ, но всею волостью со всѣми доходами, и часть ихъ выплачивалъ своему князю. Иногда давались въ кормленіе нѣкоторыя таможенныя пошлины, явка съ гостей, мыты, перевозки и др. Таковы были доходы.

Что касается до самаго суда, то и онъ носилъ частный характеръ. Если судья самъ не могъ рѣшить дѣла, онъ докладывалъ его, кому хотѣлъ, что, впрочемъ, не было для него обязательно. Докладъ былъ частный способъ разрѣшать затрудненія; о судебныхъ инстанціяхъ, устанавливаемыхъ закономъ, не было еще понятія. Поэтому и аппеляція не существовала: но, въ случаѣ притѣсненій намѣстниковъ, волостелей, ихъ тиуновъ и заводчиковъ, можно было жаловаться князю. Поводомъ къ жалобамъ могли быть не только злоупотребленія, но и самая неопредѣленность правъ; обыкновенно предписывалось кормленщику *ходить по пошлинѣ*, но часто обычай былъ недостаточенъ. Для устраненія жалобъ на злоупотребленія кормленщиковъ князья давали жителямъ отдѣльныхъ общинъ или округовъ *установныя грамоты*, въ которыхъ опредѣлялись права судей.

Судебная власть кормленщиков распространялась на жителей пожалованного имъ округа: въ судебникахъ постановлено, что если изъ Москвы посланъ будетъ недѣльщикъ для вызова отвѣтника къ суду, и оба тяжущіе будутъ одного города или одной волости, то недѣльщикъ долженъ поставить ихъ обоихъ передъ намѣстникомъ, волостелемъ или тѣномъ того округа, гдѣ они живутъ: иначе онъ лишается *мѣда*. Но эта судебная власть подвергалась многимъ ограниченіямъ: жалованныя грамоты епископамъ, монастырямъ и частнымъ лицамъ освобождали ихъ самихъ, людей ихъ и крестьянъ отъ суда намѣстниковъ и волостелей. Нѣкоторые лица получали право судиться только у князя; обыкновенно въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ частнымъ лицамъ постановлялось, что всѣ жалобы на нихъ самихъ, дѣтей ихъ и прикащиковъ подлежатъ суду князя, или того, кому князь прикажетъ судить. Такое же право предоставлялось архимандритамъ и игуменамъ монастырей и ихъ прикащикамъ. Духовенство по церковнымъ правиламъ подлежало одному духовному суду, но и здѣсь бывали частныя исключенія; парскими жалованными грамотами архимандриты, игумены и священники въ гражданскихъ дѣлахъ съ посторонними лицами освобождались отъ духовныхъ властей и получали права судиться однимъ княземъ и его боярами. Посредствомъ жалованныхъ же грамотъ совершалось отчужденіе княжескихъ правъ въ пользу монастыря въ томъ случаѣ, когда князь жаловалъ село монастырю, или если монастырь покупалъ земли, на которыхъ лежали княжескій судъ и повинности. Притомъ жалованныя грамоты бывали различнаго содержанія: одни монастыри и епископы получали надъ своими людьми и крестьянами право полного суда съ душегубствомъ, разбоемъ и татьбою съ поличнымъ; другимъ предоставлялось право суда во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, которое оставалось за намѣстниками и волостелями; нѣкоторымъ, наконецъ, жаловалось то право, что душегубство или татьба съ поличнымъ судились не намѣстниками, а самимъ княземъ. Такимъ образомъ, преступленія, составлявшія княжескій доходъ, дробились, какъ частная собственность, и жаловались различнымъ судьямъ. При пожалованіи частнымъ лицамъ селъ и деревень въ вотчину, судъ исчислялся въ числѣ прочихъ принадлежностей; но нѣкоторыя статьи князь могъ оставить за собою. Право суда надъ подчиненнымъ ему лицомъ принадлежало судѣ, какъ частная собственность, которой онъ не могъ быть лишенъ. Поэтому дѣло, возникшее между тяжущимися, подсудными двумъ различнымъ судьямъ, влекло за собою участіе въ судѣ обоихъ судей, что и называлось смѣстнымъ или общимъ (вопчимъ) судомъ. Судили иногда оба судьи вмѣстѣ, какъ опредѣлено въ большей части жалованныхъ грамотъ, иногда судилъ судья истца, иногда же судья отвѣтника, какъ постановлено въ видѣ общаго правила въ царскомъ судебникѣ, а другой судья за нимъ идетъ, своего прибытка смотреть. Такимъ образомъ вслѣдствіе владѣльческаго характера суда, подсудность опредѣлялась не видами общественнаго блага, а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами.

Таковъ былъ судъ намѣстниковъ и волостелей, но, кромѣ того, право суда отдавалось въ кормленіе и другимъ лицамъ: дворецкому, конюшему, ловчему, ключнику, въ дворцовыхъ селахъ посельскимъ; иногда писцы судили тяжбы о земляхъ. Наконецъ иногда судъ отдавался на откупъ; по крайней мѣрѣ, такъ дѣлалось въ новгородскихъ областяхъ, гдѣ господствовала та же система, которая существовала въ остальныхъ княжествахъ.

Система кормленія несомнѣнно имѣла многія темныя стороны, представляя огромный просторъ для судейскаго произвола, хотя при условіяхъ общественной жизни удѣльнаго періода, при отсутствіи единой, крѣпкой и могущественной общественной власти, при отсутствіи правительственныхъ средствъ, кормленія составляли явленіе необходимое, тѣсно связанное со всѣмъ устройствомъ быта, основаннаго на частномъ правѣ. Такъ какъ господствовавшая въ удѣльный періодъ система кормленія была совершенно несомнѣнна съ государственнымъ порядкомъ, то московскіе государи, начиная съ Іоанна III, прежде всего старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленія. Въ уставныхъ грамотахъ, которыя жаловались отдѣльнымъ общинамъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, опредѣлялось

количество корма и пошлинъ, платимыхъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ людямъ, и полагались нѣкоторые ограничѣнія ихъ власти, именно: опредѣлялось, сколько намѣстникъ или волостель долженъ держать туновъ и доводчиковъ и въ какихъ мѣстахъ, запрещалось перемѣнять ихъ ранѣе года; самимъ кормленщикамъ и ихъ тунамъ запрещалось ѣздить по округамъ; кормъ и поборы запрещалось имъ взыскивать самимъ: сотскіе собирали ихъ въ ставкахъ и платили въ городъ кормленщикамъ и ихъ людямъ; наконецъ запрещалось брать виру или пеню за неумышленное убійство, и въ случаѣ жалобы на судей, жителямъ округа позволялось самимъ назначать срокъ, въ который они должны были стать къ суду предъ великимъ княземъ.

Всѣ эти постановленія имѣли въ виду избавить подсудимыхъ жителей отъ произвольныхъ поборовъ и притѣсненій. Кромѣ того, въ судебникахъ установлено ограничѣніе самой судебной власти кормленщиковъ. Кормленія раздѣлены на кормленія съ боярскимъ судомъ и безъ боярскаго суда. Судебникомъ 1497 года запрещено было намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда, штрафовать, казнить и освобождать преступниковъ безъ доклада; они также лишены были права давать холопу и рабъ правыя грамоты на господина и отпускныя выдавать безъ доклада холопа и раба и давать за нихъ бѣглыя грамоты. Въ царскомъ судебникѣ ограниченъ былъ и судъ боярскій: запрещено было давать безъ доклада правыя и бѣглыя грамоты и безъ доклада штрафовать, казнить или отпустить вора, убійцу и всякаго лихого человѣка. Но важнѣйшимъ ограничѣніемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ судъ старостъ и цѣловальниковъ. Въ судебникѣ Іоанна III общимъ правиломъ постановлено, чтобы на судѣ были дворскій, староста и добрые или лучшіе люди; въ судебникѣ же Іоанна IV постановлено, чтобы тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ не было старостъ и цѣловальниковъ, были старосты и цѣловальники и земскій дьякъ для письма судныхъ дѣлъ. Первоначально добрые или лучшіе люди были ничто иное, какъ свидѣтели при судѣ или понятые; число ихъ было произвольно, — при каждомъ дѣлѣ были особые свидѣтели. Но при Іоаннѣ Грозномъ понятые превратились въ постоянныхъ выборныхъ, присяжную должность, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ имя старостъ и цѣловальниковъ. Значеніе ихъ оставалось прежнее: они сидѣли въ судѣ какъ свидѣтели; земскій дьякъ составлялъ судный списокъ, который они, приложивъ къ нему руки, отдавали кормленщику. Но къ этому присоединились и другія обязанности: если люди намѣстниковъ и волостелей отдавали когонибудь на поруки и поручителей не было, то они не могли ихъ уводить къ себѣ и ковать въ желѣзо, не явивъ старостъ и цѣловальниковъ; иначе послѣдніе могли, по просьбѣ родственниковъ, освободить обвиняемаго и взять безчестіе на томъ, кто его сковалъ.

Такимъ образомъ, участіе въ судѣ выборнаго начала служило обезпеченіемъ противъ притѣсненій намѣстниковъ и волостей; но этимъ не ограничивалось его значеніе: не только судебныя, но и полицейскія и финансовыя дѣла предоставлены были самостоятельному управленію общины. Съ возникновеніемъ государственнаго начала явилась потребность установить въ государствѣ безопасность и тишину, оградить частныя лица отъ разбоевъ и грабежей. Такъ какъ частный, личный интересъ кормленщиковъ оказывался недостаточною гарантіею въ этомъ отношеніи, то московскіе государи стали посылать въ области сыщиковъ для искорененія разбоевъ. Сыщики, не имѣя подчиненныхъ служителей и командъ, производили преслѣдованіе, розыскъ и казни посредствомъ жителей области; но, избавленные отъ всякаго контроля, они злоупотребляли своею властью и тѣмъ возбуждали множество жалобъ на притѣсненія. При такомъ недостаткѣ правительственныхъ средствъ, естественно было предоставить искорененіе разбоевъ самимъ жителямъ области, возложить на нихъ и отвѣтственность за успѣхъ: областные жители избавлялись этимъ отъ притѣсненій, а государство получало обезпеченіе въ исполненіи мѣръ для общественной безопасности. Такъ возникли губныя грамоты, которыя сначала давались отдѣльнымъ общинамъ и областямъ. Иногда преслѣдованіе и наказаніе воровъ и разбойниковъ предоставлялось установленнымъ уже общиннымъ властямъ: въ городахъ — сотскимъ, старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ вмѣстѣ съ городовыми прикащиками, въ сельскихъ общинахъ — старостамъ и лучшимъ

людямъ; но большею частью учреждались особые губные старосты и цѣловальники. Въ судебникѣ 1550 г. постановлено общимъ правиломъ, чтобы вѣдомыхъ разбойниковъ судили губные старосты, а намѣстники бы въ ихъ судъ не вступались, вѣдомыхъ же воровъ велѣно судить по губнымъ грамотамъ. Въ губной грамотѣ 1549 г. предписано вѣдомыхъ воровъ судить губнымъ старостамъ вмѣстѣ съ волостелями и ихъ тѣнами; но въ 1555 г. въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику постановлено, чтобы вообще губные старосты вѣдали разбойныя и татинныя дѣла, Преслѣдованіе и поимка воровъ и разбойниковъ, а также и обыскъ возложены были на всѣхъ жителей общины; казнь „положена на ихъ души“, но вмѣстѣ съ тѣмъ община несла и всю отвѣтственность. Если лихой человѣкъ скрывался, старостамъ предписывалось *наметывать* его на тѣхъ людей, которые жили съ нимъ въ посадахъ на одной улицѣ, а въ станахъ и волостяхъ—въ одной деревнѣ, и велѣтъ имъ, *добывъ его*, ставить предъ собою. Иногда эта обязанность возлагалась на учрежденныхъ для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и если они лихого человѣка, который жилъ въ ихъ сотѣ, не могли добыть, то на нихъ правилась искъ истца, да, кромѣ того, съ нихъ взыскивалась пеня, чтобы впредь у нихъ въ сотѣ не было лихихъ людей.

Такимъ образомъ судебно-полицейская отрасль суда была отнята у намѣстниковъ и волостелей и поручена управленію выборныхъ. Но это былъ только первый шагъ, и вскорѣ многимъ общинамъ предоставлено было полное право суда. При господствѣ системы кормленія, когда личный интересъ кормленщиковъ былъ важнѣйшимъ побужденіемъ къ исполненію судебной должности, неминуемы были частыя жалобы на притѣсненія намѣстниковъ и волостелей. Съ другой стороны, злоупотребленія вызывали сопротивленіе, и часто кормленщики не имѣли достаточно средствъ для усмиренія непокорныхъ; поэтому они, съ своей стороны, жаловались царю, что посадскіе и волостные жители не даютъ имъ подѣ судъ и на поруки, бьютъ ихъ и кормовъ не платятъ. При совершенномъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и отсутствіи контроля, естественно было предоставить судъ самимъ общинамъ, обязавъ ихъ платить судебные доходы уже не кормленщикамъ, а государству. Это было совершено Іоанномъ Грознымъ, который въ 1555 г. пишетъ, что онъ, жалуя крестьянство, оставилъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ, а за ихъ доходы и за судебныя пошлины велѣлъ посадскихъ и крестьянъ пооброчить деньгами; поэтому онъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ для суда и сбора доходовъ велѣлъ учредить *излюбленныхъ старостъ*, „которыхъ себѣ крестьяне межъ себя избирать и выберутъ всю землемъ“. Этотъ указъ не былъ исполненъ повсемѣстно: города и волости продолжали отдаваться въ кормленіе; по многимъ общинамъ даны были уставныя грамоты съ правомъ собственного суда. Это было важнымъ шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность. Прежніе частные доходы, кормы, виры, судебныя должности уничтожены и замѣнены общимъ оброкомъ въ пользу государства; въ иныхъ мѣстахъ остались нѣкоторые доходы въ прежнемъ видѣ, именно судебныя пошлины, но они поступали уже не къ судьямъ, а въ царскую казну. Иногда излюбленнымъ старостамъ предоставлялось право судить какъ гражданскія, такъ и губныя дѣла; иногда послѣднія судились особенными губными старостами. Для огражденія тяжущихся и подсудимыхъ отъ обидъ и притѣсненій у кормленщиковъ, сидѣли на судѣ выборные лучшіе люди и цѣловальники, которые присутствовали также при обыскахъ и всякихъ дѣлахъ и употреблялись для розысковъ. Дѣла между жителями различныхъ округовъ судились въ Москвѣ, кромѣ губныхъ дѣлъ, которыя рѣшались на мѣстѣ. Въ Москву также присылались дѣла, въ которыхъ судьи встрѣчали затрудненіе, „которыхъ за тѣмъ рѣшить не мочно“. Наконецъ, съ предоставленіемъ общинамъ собственного суда, увеличена и отвѣтственность судей.

Кромѣ судебного и полицейскаго управленія, выборнымъ людямъ дано обширное участіе и въ финансовыхъ дѣлахъ: ко всякимъ сборамъ, таможеннымъ, кабацкимъ и т. п., выбирались головы и цѣловальники изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Эта служба была тягостна, такъ какъ съ нею соединялась вся отвѣтственность за сборы: если собрано было менѣе доходовъ, нежели въ прежніе годы, то остальное взыскивалось съ выборныхъ, а если ихъ имущество было

недостаточно, то съ тѣхъ которые ихъ выбирали. Сборъ податей также предоставленъ былъ выборнымъ отъ общинъ, но и это часто имѣло характеръ повинности. Это было не управленіе общины собственными дѣлами, а выборъ людей „къ государеву дѣлу, на царскую службу“. Это былъ тотъ порядокъ, который можно назвать системою повинностей: государство, стремясь къ водворенію общественнаго порядка и нуждаясь для правильной дѣятельности и контроля въ органахъ управленія, искало обезпеченія въ отвѣтственности частныхъ лицъ и общинъ, возложивъ на нихъ всѣ обязанности общественнаго управленія; государство обязало всѣхъ службою, объявляло свои требованія, а большую часть исполненія предоставляло самимъ подданнымъ. Отсюда возникли система поручительства и выборное начало. Для обезпеченія правильнаго исполненія должности, отъ должностнаго лица требовалось, чтобы оно представило по себѣ поручителей. Но поручительство было частнымъ способомъ обезпеченія; въ выборномъ же началѣ выражалась уже государственная обязанность: оно было ничто иное, какъ обязательное поручительство общины съ отвѣтственностью въ случаѣ плохаго исполненія должности; выборъ цѣловальниковъ былъ тяжкою службою, отправляемою по очереди, отъ которой искали освобожденія въ видѣ милости. Такимъ образомъ, дѣятельность общинъ была вызвана государственнымъ началомъ не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ общественная повинность для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ. Но, какъ бы то ни было, общинное начало получило значительное участіе въ земскомъ управленіи. Это было явленіе новое, созданіе московскихъ государей.

VI. ИЗЪ «СТОГЛАВА».

Вопросъ. Отцы мои святые, преосвященный митрополитъ Макарій московскій и всея Руси, всѣ архіепископы и епископы и весь священныи соборъ! Воззрите на дома свои, на порученныя вамъ отъ Бога святительства и паствы, позаботьтесь о святыхъ Божіихъ церквахъ, честныхъ иконахъ и всякомъ церковномъ строеніи, чтобы по св. церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. Ибо нынѣ видимъ и слышимъ, что, вопреки божественному уставу, многіе церковныя чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиламъ и не по уставу. Вы бы о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ разсудили и указъ учинили по божественному уставу и по священнымъ правиламъ сполна, что касается до всякаго священническаго и иноческаго чина и до причту церковнаго. Установили бы вы старость поповскихъ надъ всѣми священниками, ради бреженія церковнаго, установили бы и прочіе чины по правилу. Потому что вамъ поручено пещись о церквахъ Божіихъ, поучать и наставлять церковныхъ чиновъ, чтобы и мы отъ нихъ спасеніе получили и ихъ благочестіе и духовное поученіе. Но если по вашему святительскому нерадѣнію это не будетъ соблюдаемо, то, смотря на нихъ, и мы погибнемъ, не найдя пути Господняго.

Отвѣтъ. Дошло до слуха боговѣнчаннаго и христілюбиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, что по многимъ церквамъ Божіимъ звонять и поють не во время, вопреки божественному уставу, и что многіе священныя чины не сполна совершаются, не по священнымъ правиламъ и не по уставу. Боголюбивый же

царь, о семъ слыша, разжегся духомъ св., безотлагательно велѣвъ написать о тѣхъ многоразличныхъ церквахъ и чинахъ, которые не по уставу и не сполна по священнымъ правиламъ совершаются, сообщилъ это на соборѣ преосвященному митрополиту Макарію и повелѣлъ ему о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинахъ, разсудивъ, указъ учинить по божественному уставу и по священнымъ правиламъ. Вслѣдствіе этого митрополитъ на соборѣ, разсудивъ о всѣхъ этихъ многоразличныхъ чинахъ и справившись съ божественными правилами, уложилъ, чтобы отнынѣ впредь въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ Россійскаго царства, по всѣмъ Божіимъ церквамъ, звонить вечерніе и заутренніе часы и божественную литургію служить, и прочее церковное пѣніе править сполна и по чину по всемъ, по преданіямъ св. апостоловъ и св. отцевъ, и по уставу, и по священнымъ правиламъ, не измѣняя ничего. Оберегая санъ и величество царства, и святительства, и смиренныхъ душъ нашихъ пастырскихъ, чтобы ничего въ святыхъ церквахъ поимомъ священныхъ правилъ не совершалось, даже по нашему нерадѣнію; повелѣваемъ избрать протопоповъ въ каждомъ градѣ, по царскому велѣнію и по благословенію святительскому, священниковъ искусныхъ, добрыхъ, непорочной жизни. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ надлежитъ быть семи старостамъ поповскимъ и семи соборамъ, по уложенію церковному; да къ нимъ избрать десятскихъ, тоже священниковъ добрыхъ и искусныхъ и жизни непорочной. Также учредить старость поповскихъ и десятскихъ во всѣхъ городахъ, сколько надо, для непрерывнаго надзора за священниками и діаконами по всѣмъ святымъ Божіимъ церквамъ, чтобы совершалось все у нихъ по уставу и преданію великаго нашего православія; чтобы священники и діаконы въ святыхъ Божіихъ церквахъ всегда съ великимъ тщаніемъ совершали богослуженіе; чтобы заутрени воскресныя, праздничныя и ежедневныя пѣли по уставу, читали божественныя книги, евангеліе толковое, и златоустъ, и житія святыхъ, и прологъ и прочія святыя душеполезныя книги на поученіе и на просвѣщеніе, и на истинное покаяніе, и на добрыя дѣла, и всѣмъ православнымъ христіанамъ въ душевную пользу; чтобы, отпѣвъ заутреню со всякимъ благочиніемъ и со страхомъ Божіимъ, послѣ заутрени или предъ обѣдней, пѣли молебны о долголѣтнемъ здравіи и спасеніи благовѣрнаго царя и благовѣрной царицы, да умножить Богъ лѣта живота ихъ и продлить ихъ потомство въ благодарныхъ дѣтяхъ, да возвыситъ Богъ царскую десницу надо всѣми врагами его и устроить царство его мирно во вѣки и изъ рода въ родъ; также чтобы молили Бога о всѣхъ благовѣрныхъ князьяхъ и о боярахъ, о помощи христіанскому воинству и его укрѣпленіи, о благопробываніи и мирѣ, о строеніи земскомъ, о спокойствіи и здравіи всего православнаго христіанства.

Вопросъ. Божественныя книги писцы списываютъ съ неисправленныхъ переводовъ и, списавъ, не исправляютъ ихъ, отчего въ книгахъ остаются пропуски и ошибки; по тѣмъ же книгамъ въ церквахъ Божіихъ читаютъ, поютъ и учатся, съ нихъ списываютъ.

Отвѣтъ. Пусть протопопы, старѣйшіе священники и всѣ священники, каждый въ своемъ градѣ, во всѣхъ св. церквахъ наблюдаютъ, и если найдутъ святыя книги въ какой-либо церкви неисправленныя и съ ошибками, пусть соборно исправятъ ихъ, руководствуясь хорошимъ пе-

реводомъ, либо священныя правила запрещаютъ книги неисправленны въ церкви вносить и изъ нихъ пѣть. Также пусть они велѣтъ писцамъ, списывающимъ по городамъ книги, списывать съ добрыхъ переводовъ и, списавъ, провѣрять. Слѣдить, чтобы писецъ, списавъ книгу, но не исправивъ, не продавалъ ея; запрещать и покупателю впредь покупать такія книги. Если же окажется, что продавцы и покупатели и потомъ не захотятъ сообразоваться съ этимъ требованіемъ, то отбирать у нихъ безъ всякихъ отговорокъ такія книги, исправлять и потомъ отдавать въ тѣ церкви, которыя болѣе другихъ нуждаются въ книгахъ.

Вопросъ. По грѣхамъ слабость, небреженіе и нерадѣніе вошли въ міръ въ настоящее время: называемъ себя христіанами, а бороды и головы брѣмъ, усы подкусываемъ, платье и одежды невѣрныхъ земель носимъ, такъ что и нельзя узнать христіанъ.

Отвѣтъ. Священныя правила возбраняютъ православнымъ христіанамъ брить бороды и подстригать усы; обычай дѣлать это не христіанскій, но латинскій и еретическій, обычай греческаго царя Константина Ковалина. Его запрещаютъ отеческія и апостольскія правила *), говоря такъ: «Кто бороды брѣтъ и умереть безъ бороды, тотъ не достоинъ, чтобы надъ нимъ служили, пѣли по немъ сорокоусты, просфоры и свѣчи по немъ въ церковь приносили; пусть онъ причислится къ невѣрнымъ, такъ какъ обычай позимствовалъ у еретиковъ».

Вопросъ. Ученики учатся грамотѣ небрежно, а божественное писаніе о всемъ этомъ упоминаетъ, и на насъ, пастырей, налагаетъ отвѣтственность за эту небрежность.

Отвѣтъ. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всемъ градамъ избрать добрыхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имѣющихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ наставлять другихъ, умѣющихъ хорошо читать, писать и пѣть; а въ домахъ тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ учредить училища, куда бы священники и діаконы и всѣ православные христіане своихъ дѣтей посылали для ученія грамотѣ, и церковному чтенію, пѣнію и письму. Тѣ священники, діаконы и дьяки должны внушать ученикамъ страхъ Божій, наблюдать за ихъ нравственностью, оберегать ихъ отъ всякой нечистоты, чтобы они, сдѣлавшись взрослыми, достойны были стать священниками. Въ святыхъ Божіихъ церквахъ учениковъ научать страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, чтенію, порядкамъ богослуженія. А грамотѣ ихъ учить основательно, насколько знаютъ сами учителя, учить писать основательно, насколько возможно, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили.

Вопросъ. Въ монастыряхъ черницы и попы постригаются для спасенія души своей; иные же постригаются ради покоя тѣлеснаго, чтобы постоянно бражничать, и по селамъ ѣздить для удовольствія.

*) Въ числѣ апостольскихъ правилъ рѣшительно нѣтъ никакого постановленія о бородахъ. Да ни одно правило изъ всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ ни слова не говорятъ о бритвѣ бородъ и стриженіи усовъ. (Примѣчаніе издателя «Стоглава» (1863).

Отвѣтъ. По священнымъ и божественнымъ правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ, вѣдать и блюсти церковный чинъ и монастырское строеніе слѣдуетъ духовнымъ настоятелямъ и пастырямъ, архимандритамъ, игуменамъ, строителямъ и соборнымъ старцамъ. Все должно быть сообразуемо съ божественнымъ уставомъ, съ правилами св. апостоловъ и св. отцовъ, съ преданіями отцenaчальниковъ. Ни въ одномъ монастырѣ не должно ничего измѣнять произвольно, но сколь возможно заботиться о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, о братіи, о всѣхъ служащихъ въ святыхъ обителяхъ, по заповѣди Господней: «Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овца». Поэтому духовные пастыри должны имѣть великое попеченіе о своемъ честномъ пребываніи. Священноиноки и діаконы по всѣмъ монастырямъ должны имѣть настоятелей своихъ духовныхъ архимандритовъ и игуменовъ, и строителей, почитать ихъ и слушаться во всемъ. Иноки должны остерегаться всякаго предосудительнаго дѣла, остерегаться питья хмѣльнаго, не должны держать вина горячаго по монастырямъ, ни пива, ни меду, а держать имъ и пить квасы хлѣбные и напитки нехмѣльные. Фряжскія вина не возбраняются, ибо нигдѣ не написано, что этихъ винъ пить не слѣдуетъ. Если гдѣ есть фряжскія вина, то пусть ихъ пьютъ во славу Божию, а не ради пьянства. Начальникамъ, архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ по кельямъ особнякомъ не ѣсть, а ѣсть вмѣстѣ съ братьею въ трапезѣ, если болѣзнь или старость не мѣшаютъ этому. Пища у начальниковъ съ братьею должна быть общая.

Вопросъ. Дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, службы не исполняютъ, дѣломъ не занимаются, совершаютъ всякое зло, крадутъ, разбойничаютъ, души губятъ; это зло слѣдуетъ искоренить.

Отвѣтъ. Благочестивый царь въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ долженъ объявить свой царскій приказъ, чтобы дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью не играли и по корчмамъ не пьянствовали, и другого зла не творили, а жили по христіански.

Вопросъ. Утромъ въ великій четвергъ солому жгутъ и кличутъ мертвыхъ; иные невѣжественные попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и держатъ тамъ ее до седьмого четверга послѣ Пасхи, а потомъ соль раздаютъ, какъ лѣкарство для людей и животныхъ.

Отвѣтъ. Запретить въ великій четвергъ солому жечь и мертвыхъ кликать, а священникамъ соль подъ престолъ класть и держать ее тамъ до седьмого четверга послѣ Пасхи, ибо это дѣло есть прелесть эллинская и еретическая. Попъ, продолжающій поступать такъ, долженъ быть лишенъ своего сана.

Вопросъ. О судахъ архимандритовъ и игуменовъ и всякаго священническаго и иноческаго чина, и о всѣхъ церковныхъ причетникахъ, и о монастырскихъ слугахъ, и о жалованныхъ грамотахъ несудимыхъ монастырскихъ и церковныхъ, въ которыхъ написано, что не должны быть судимы владыки, игумены, попы, черницы и всіе причетники церковные и монастырскіе. Почему это такъ установлено, и должно ли быть сохраняемо въ будущемъ?

Отвѣтъ. Божественныя писанія и священныя правила и законы за-
прещаютъ мірскимъ судьямъ судить священниковъ и діаконовъ и про-
чихъ церковныхъ причетниковъ; управленіе всѣми священными мужами,
причетниками и иноками принадлежитъ епископу. Не мірскіе суды дол-
жны судить ихъ, а епископъ, или тотъ, которому онъ поручить судъ.
Если же причетникъ имѣетъ тяжбу со своимъ или чужимъ епископомъ,
то судить митрополитъ той области съ соборомъ своихъ епископовъ.
Если причетникъ или епископъ имѣетъ тяжбу съ митрополитомъ, то су-
дитъ патріархъ. Митрополитъ въ всей своей области имѣетъ подвласт-
ныхъ ему епископовъ, ихъ избираетъ и поставляетъ; ему же подвластны
всѣ церкви, монастыри, иноки и причетники ихъ; мірскія же власти,
вмѣшивающіяся въ духовный судъ, осуждаются въ семь вѣкъ и въ
будущемъ.

Вопросъ. Угодно ли то Богу, что въ то время, какъ божественное
писаніе и мірянамъ брать проценты возбраняется, церковные и монастыр-
скіе деньги и хлѣбъ отдаются въ ростъ?

Отвѣтъ. Насчетъ отдачи въ ростъ митрополитскихъ, архіепископскихъ,
епископскихъ и монастырскихъ денегъ божественныя писанія и священ-
ныя правила говорятъ: «Не только епископамъ, діаконамъ, всему священ-
ному чину и инокамъ возбраняется, но и для простыхъ людей не одо-
бряется взиманіе процентовъ и лихоимство». Поэтому святители, архи-
мандриты, игумены должны давать въ займы деньги и хлѣбъ по своимъ
силамъ своимъ крестьянамъ безъ процентовъ, затѣмъ чтобы крестьяне у
нихъ жили и села ихъ не были бы пусты.

Вопросъ. По міру скитаются черницы и черницы, попы и міряне и
женщины со св. иконами и на сооруженіе или выкупъ проданныхъ со-
бираютъ, и милостыни просятъ на торгу, по улицамъ, по селамъ и по
домамъ съ образами ходятъ. Надлежитъ разсудить собору, допускать ли
это на будущее время, существуетъ ли насчетъ этого постановленіе и
не есть ли это оскорбленіе св. иконъ? Иноземцы этому очень удивляются.

Отвѣтъ. Черницы и черницы по городамъ и по селамъ скитаются по
міру на соблазнъ и осужденіе многимъ людямъ, а душамъ на погибель.
Тѣхъ черницъ и черницъ собрать да, переписать, разослать по общимъ
монастырямъ. Которые черницы и черницы здоровы тѣломъ, тѣхъ отда-
вать подъ надзоръ добрыхъ старцевъ, чтобы ихъ учили страху Божию,
иноческому житію и другимъ добродѣтелямъ по преданію св. отцевъ.
Послѣ того какъ они проживутъ подъ надзоромъ въ покорности и послу-
шаніи, отряжать ихъ для монастырской службы, гдѣ кто достоинъ слу-
жить и трудиться въ какой обители на св. братью, своего ради спасенія
и по заповѣди владыки Христа Бога нашего. Которые же черницы стары
или больны, не могутъ работать и быть въ услуженіи, тѣхъ устроить въ
монастырскихъ больницахъ, снабжать пищею и одеждою, какъ остальную
братью, да велѣтъ отцамъ духовнымъ имѣть надзоръ за ихъ покаяніемъ,
поучать ихъ, чтобы жили въ чистотѣ и въ покаяніи, и въ прочихъ доб-
рыхъ дѣлахъ, и въ благодареніи всецѣльнаго Бога, и творили бы без-
престанно молитву Иисусу, сколько имъ по силамъ, а скорби и болѣзни
переносили съ благодареніемъ, да не лишены будутъ мады отъ Бога, и
молили бы Бога за царя и всѣхъ православныхъ христіанъ. А благо-

честивый царь, преосвященный митрополитъ и владыки должны за всѣхъ тѣхъ старыхъ и больныхъ по всѣмъ монастырямъ изъ своей казны давать вкладъ, какъ имъ Богъ внушитъ. За здоровыхъ чернцовъ, разосланныхъ по монастырямъ, вкладъ не долженъ даваться, ибо они могутъ трудиться и служить на св. братью за свое содержаніе.

УП. ИСТОРИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СТОГЛАВАГО СОБОРА.

(Изъ ст. Иконникова: «Русскіе общественные дѣятели въ XVI в., помѣщенной въ «Кіевскіхъ Университетскихъ Извѣстіяхъ»).

Въ 1551 г. Іоаннъ Грозный созвалъ соборъ, и на немъ было ясно заявлено, что на Москвѣ „поиспатались обычаи и самовластіе учинилось по своимъ волямъ, и преданія и законы нарушились“. Этимъ соборомъ Іоаннъ какъ бы хотѣлъ охватить всю жизнь русскаго общества и дать ей лучшее направленіе, потому что соборъ назначался „во исправленіе церковнаго благочинія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія“.

Впрочемъ, уже въ самой задачѣ собора исправленію этихъ нестроеній придавался односторонній, пассивный характеръ, потому что ихъ думали устранить однимъ утвержденіемъ „прародительскихъ законовъ“. Созваніемъ собора заявлялась потребность реформы, а недостатки общества, выставленные на видъ соборомъ, были такого характера, что ясно показывали всю недостаточность прежней системы и въ то-же время требовали существенныхъ мѣръ. Старая система оказалась несостоятельною, новыя мѣры требовали и новыхъ людей. Картина общества, начертанная соборомъ, показываетъ, что его вожатые были плохи, а мѣры, предпринятыя соборомъ, свидѣлствуютъ, что его представители были неспособны исправить дѣло.

Для лицъ, которые брались вести общественную реформу, предстояло два пути: выставить наружу недостатки, назвать ихъ настоящимъ именемъ и наложить запрещеніе на будущее время, или серьезно подумать о дѣлѣ и оцѣнить прежнюю систему, насколько она имѣетъ въ себѣ задатокъ жизни. Реформаторы Стоглаваго собора выбрали первый путь, потому что сами принадлежали къ старой системѣ и не желали выпустить опеку изъ своихъ рукъ. Но они же сами и оставили намъ печальныя свидѣтельства о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привело ихъ одностороннее направленіе. Стоглавъ—это обличеніе несостоятельности цивилизаціи древней Руси и вмѣстѣ съ Домостроемъ крайній ея выводъ. Стоглавъ по преимуществу имѣетъ дѣло съ обществомъ и въ особенности захватываетъ его религіозную сторону, какъ самый существенный элементъ древне-русской цивилизаціи; Домострой рисуетъ идеальную картину семейной жизни, тоже по старинѣ, не дѣлая поруки ни старымъ мнѣніямъ, ни старымъ обычаямъ. И Стоглавъ, и Домострой ожидали блага исключительно отъ закрѣпленія стараго; если общественныя подпорки расшатались, то ихъ, по взгляду того и другаго, слѣдуетъ только утвердить покрѣпче, и вѣка ихъ не сдвинуть.

Принципы этихъ двухъ памятниковъ, посредствомъ которыхъ хотѣли дѣйствовать на общество ихъ творцы, — въ сущности одинаковы. Но прежде посмотримъ, насколько проницательны въ своемъ дѣлѣ дѣятели Стоглава, взявшіе на себя инициативу исправленія общества. Ясно, что они видѣли зло; но много значить и то, какими глазами и съ какой стороны они взглянули на него.

Религіозна жизнь, въ которой постоянно вращался древне-русскій людъ, далеко отступила отъ идеаловъ, построенныхъ Антоніемъ, Феодосіемъ, Ниломъ Сорскимъ. Ходъ дѣлъ и ее втянулъ въ общій водоворотъ жизни. „Свѣтъ монастырскаго житія“—это подобіе, какъ говорили тогда, ангельскаго житія на землѣ,—„померкъ“. Нѣкоторые, говорили на соборѣ, теперь стригутся ради покоя тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать и ѣздить по селамъ для прохлады. Черницы и черницы по міру волочатся и живутъ въ міру, не зная даже, что такое монастырь. Старецъ поставить въ лѣсу келью или церковь срубить, да и идетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у царя земли и ржи просить, а что собралъ, то прощеть, такъ что людямъ только соблазнъ. Черницы и черницы, мужики и бабы, настроенные разными снами и видѣніями, скитаются по городамъ и дворамъ и объявляютъ свои пророчества, собирая деньги подлѣ предлогомъ сооруженія церкви или искупленія отъ долговъ, и по рынкамъ ходятъ съ образами безчинно, такъ что иноземцы и иновѣрцы дивятся, а въ православныхъ возбуждаютъ подозрѣнія. Нѣкоторые иноки не могутъ сносить монастырскаго устава и наказанія и, позабывъ свои обѣты, шлятся по городамъ и селамъ, надоедая царю и благочестивымъ людямъ; они своимъ поведеніемъ только вводятъ въ соблазнъ и смущеніе многихъ православныхъ. Если у насъ есть въ обителяхъ нажитки, то мы не можемъ воздержаться отъ пьянства. А архимандриты и игумены добиваются сановъ деньгами, лишь бы получить власть; службы же церковной и монастыря они даже не знаютъ и покоятъ себя въ кельѣ съ гостями, да племянниковъ своихъ содержатъ въ монастырѣ и удовлетворяютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, а монастыри опустошаютъ и вкладниковъ изгоняютъ, такъ что братія обѣдѣла, страдаетъ голодомъ и жаждою и томится всякими нуждами, потому что все богатство перешло къ властямъ, а онѣ его истощили вмѣстѣ съ своими родственниками и друзьями. Между тѣмъ, своимъ же крестьянамъ епископы и монастыри, въ случаѣ нужды, отдають деньги и хлѣбъ не иначе, какъ въ ростъ, и отъ такой тягости села пустѣютъ.

И пастыри, и овцы вмѣстѣ заблудились. Попы и церковные причетники въ церкви бываютъ пьяны, и тогда всякія неподобныя рѣчи исходятъ изъ устъ ихъ, а подчасъ и бьются въ церкви, а міряне, смотря на ихъ безчиніе, дѣлаютъ то же, все равно, какъ на торжищахъ и играхъ, или на пиру и въ корчмахъ: „лаются безъ стыда всегда и всякими укоризнами неподобными, скаредными и богомерскими рѣчами“. А вотъ еще учинилось великое зло: нѣкоторые, многимъ людямъ на смяненіе и на соблазнъ и погибель, скверное беззаконіе творять, за что отъ множества народа и отъ иновѣрныхъ бываетъ поношеніе и укоризна вѣрѣ. На Ивановъ день и въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужи, и жены, и дѣвцы на бѣсовскія пѣсни и плясаніе, а которые тяжутся, на полѣ бьются (на поединкахъ) и кровь проливаютъ, и въ то время волхвы и чародѣи помогаютъ имъ волхвованіемъ. Просвирицы надъ просвирами приговариваютъ и тѣ просвиры попу сдаютъ. Въ великій четвергъ на зарѣ соломѣ палать и кличуть мертвыхъ, а нѣкоторые неразумные попы тогда соль подлѣ престолъ кладутъ и держатъ ее до седьмиго четверга по великому дню, и ту соль раздають на врачеваніе людямъ и скоту. Да по погостамъ и по селамъ ходятъ лживые пророки, мужики, жонки, дѣвки и старыя бабы, нагіе и босые, волосы отростивъ и распустя; трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ являються святые Пятница и Настасія и заповѣдываютъ въ среду и пятницу ручной работы не дѣлать, а женщинамъ не прясть и платья не мыть, и камня не разжигать, а иные еще заповѣдываютъ богомерскія дѣла творить...

Эта темная картина общественной жизни становилась еще мрачнѣе отъ полной безпомощности страдавшихъ физическими недугами и бездомныхъ ватагъ, любившихъ жить на чужой счетъ. На соборѣ жаловались, что „дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ и души губятъ“

Въ этой картинѣ предъ нами стоятъ лицомъ къ лицу вожатые шестивѣковой цивилизація Руси и ея питомцы. Къ чему привела односторонность системы этихъ руководителей, объ этомъ говоритъ самая жизнь, описанная Стоглавомъ: „Нѣсколько вѣковъ назадъ одинъ обличитель, желая предохранить рус-

скую національность от нравовъ тлетворнаго Запада, совѣтовалъ своимъ современникамъ не браться и не знакомиться съ иноземцами, потому что на Западѣ „то творять, чего и жидова не творить“. (Слово Феодосія о вѣрѣ христіанской и латынской). А между тѣмъ на Стоглавомъ соборѣ члены его сознавались, что „въ иновѣрцахъ таково безчиніе не творится, какъ у насъ“, даже болѣе—сами иноземцы дивились тому, что творилось. Это публичное признание должно было обходиться слишкомъ дорого при господствовавшемъ въ то время отвращеніи къ иностранцамъ. Такое признаніе могло произойти только послѣ добросовѣстной оцѣнки грубой дѣйствительности, потому что, не смотря на то, что она была въ глаза, по словамъ Стоглава, даже многимъ изъ своихъ, прежнее отвращеніе отъ всего чужого и національная самовнителность въ собственныхъ достоинствахъ продолжали существовать. За Стоглавомъ остается его историческое достоинство, потому что онъ не скрылъ подъ риторическими фразами общественнаго зла, такъ часто закрываемаго у предидущихъ обвинителей одними воззваніями къ покаянію и угрозами адскихъ мукъ. Но этимъ и ограничивается его заслуга, потому что онъ не пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ на дѣлѣ. Да онъ и не имѣлъ этого въ виду. Охраненіе національной чистоты отъ всякой посторонней примѣси было ихъ постоянною цѣлью; отцы Стоглаваго собора требовали только осуществленія того же идеала. Жить по преданіямъ отцовъ—вотъ девизъ ихъ стремленій въ общественной реформѣ.

Мало того, дѣятели Стоглаваго собора отрицательно отнеслись даже къ высшимъ уклененіямъ отъ прародительскихъ обычаевъ. „Въ каждой странѣ,—говорили они по поводу одного запрещенія,—есть свой законъ и свой обычай, и не переходятъ они изъ одной страны въ другую, но каждый держитъ законъ своего обычая; мы же, православные, принявъ истинный законъ отъ Бога, усвоили беззаконія разныхъ странъ и осквернились ими. Зато и казни всякія приходять на насъ отъ Бога“. И такое мнѣніе было только отголоскомъ издавна установившагося взгляда на жизнь въ средѣ разныхъ книжниковъ и *философовъ*, передавшихъ свою мудрость, какъ завѣтную и непоколебимую истину, по наслѣдству. Современные Стоглавому собору „разумные люди“ говорили съ полною убѣдительностію, что „та земля недолго стоитъ, которая переставляетъ свои обычай“; а другіе мудрецы, вѣря въ ихъ непогрѣшимость, задумывались уже надъ участіемъ Россіи, потому что вкрались разныя новизны, пугавшія ихъ разстроенное воображеніе. Отцы Стоглава стояли не выше сыновъ своего вѣка.

Итакъ, къ какому заключенію приводятъ свидѣтельства Стоглава о современномъ ему состояніи русскаго общества? Они указываютъ: 1) полное растлѣніе нравовъ; 2) господство старыхъ языческихъ суевѣрій рядомъ съ новыми, установившимися подъ религіозною формою, благодаря разнымъ странствующимъ шарлатанамъ и обманщикамъ; 3) они указываютъ, что разложеніе нравовъ коснулось и идеала древне-русскаго общества—монастыря и представителей существенной стороны древне-русской жизни—стороны религіозной, духовенства; наконецъ, 4) что жизнь низшихъ, народа, подручныхъ, приносилась въ жертву высшимъ властямъ: будетъ-ли то духовный владыка, или сынъ боярскій, они заботились только о собственныхъ удобствахъ и выгодахъ, забывая и свой долгъ, и болѣе соответствующее назначеніе.

Правда, указанія Стоглава официальны, а потому слишкомъ общи, чтобы составить себѣ полное понятіе о положеніи тогдашнихъ дѣлъ; но, съ другой стороны, они потому получаютъ для насъ двойное значеніе, что они официальны. По нашему мнѣнію, Стоглавъ односторонне взглянулъ на тѣ общественныя явленія, которыхъ не хотѣлъ все-таки скрыть отъ суда современниковъ. Дѣятели Стоглаваго собора видѣли въ нихъ только пороки, а не специальное зло, и потому думали парализировать ихъ одними запрещеніями, угрозами и наказаніями. Затѣмъ, попеченіе о благосостояніи общества было возложено на духовныхъ отцовъ, которые обязаны были духовныхъ дѣтей своихъ поучать и наказывать прилежно, чтобы они жили въ чистотѣ, и въ покаяніи, и въ прочихъ добродѣтеляхъ. Такимъ образомъ, даже ходъ дѣлъ сохранялся въ прежнемъ порядкѣ. Для большаго же успѣха была устроена какъ бы надзирающая іерархія изъ протопоповъ, которая должна была уже слѣдить за самими наставниками, потому что и соборъ самъ чувствовалъ, какъ мало можно поло-

житься на нихъ, такъ какъ тѣ, по его словамъ, которые должны были бы предохранять мірянъ отъ всякаго зла, сами находились во всякомъ безчиніи. Недостатокъ наставниковъ ощущался ясно, а между тѣмъ, не измѣняя положенія дѣлъ, хотѣли вручить наставничество прежнимъ духовнымъ отцамъ. Это зна-чало лечить болѣзнь домашними средствами, и тогда, когда неудовлетвори-тельность ихъ была доказана опытомъ. Отцы Стоглава думали, что зло само собою уляжется, когда виновные прольютъ источники слезъ покаянія и ставятъ точно выполнять церковные обряды и строго повиноваться духовной власти, полагая, конечно, что для этого достаточно одного смиренія. Они смотрѣли на общественныя бѣдствія, какъ на слѣдствія грѣховъ, отъ которыхъ можно от-каяться и отомолиться; а потому искали причинъ этихъ бѣдствій даже въ по-шеніи тафія, въ бритіи бороды и стриженіи усовъ, потому что это было нару-шеніе преданій отцовъ, а слѣдовательно—ересь. Однимъ словомъ, все возводи-лось къ одной общей причинѣ—къ нарушенію отчепреданнаго житія. Вотъ по-чему дѣятели Стоглаваго собора, взявшіе на себя инициативу общественной реформы, вдалились въ формальную сторону обрядовыхъ вопросовъ и посвятили такъ много мѣста разнымъ разсужденіямъ въ родѣ указа „о звону, о цар-скихъ дверехъ“ и т. п. и не пошли далѣе своихъ предшественниковъ. Они ви-дѣли зло, но не могли, какъ слѣдуетъ, отвѣстись къ нему, потому что или односторонне понимали его, или не рѣшались пожертвовать своими интересами. Такъ напр., на соборѣ былъ задѣтъ довольно щекотливый для духовенства вопросъ о церковныхъ имуществѣхъ, и вотъ его порѣшили самымъ положи-тельнымъ аргументомъ, съ которымъ тогда нельзя было никому тягаться: ска-зано было, что если кто обидитъ церковныя стяжанія, тотъ „да не узритъ ми-лости святыхъ Троицы, егда представеть страшному судилищу, да отпадетъ христіанскія части, яко же Іуда отъ дванадесятаго числа апостольскаго, и да приметъ клятву (проклятіе) отъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богонос-ныхъ отецъ“.

Но какъ не годились въ дѣло мѣры, предпринимаемыя соборомъ, такъ не го-дились и люди, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ вліять на общество. Жа-лобы на нихъ подымались и прежде: стригольники укоряли святителей и по-повъ за ихъ жизнь, называя ихъ „человѣкоядцами и винопивцами, друзьями мытарей и грѣшниковъ“. Когда митрополитъ Θεодосій вздумалъ собирать жо-повъ для наставленій, желая улучшить нравственное положеніе клира, то встрѣ-тилъ въ средѣ его такое противодѣйствіе, что долженъ былъ оставить свою митрополию, а новгородскій епископъ Геннадій не могъ даже готовящихся въ священники научить самымъ необходимымъ требованіямъ въ церковномъ оби-ходѣ, потому что они сейчасъ разбѣгались. „Они круглые невѣжды, — говоритъ о попахъ Флетчеръ, — и это неудивительно, потому что епископы, которые ихъ назначаютъ, не знаютъ ничего, даже священнаго писанія, которымъ они огра-ничиваются настолько, чтобы читать и пѣть въ служеніи“. „Они не имѣютъ ни обыкновенія, ни способности, чтобы говорить проповѣди и наставлять свою паству, потому что весь клиръ погруженъ въ глубокое невѣжество, какъ въ отношеніи слова Божія, такъ и въ отношеніи наукъ“.

Нельзя сказать, чтобы члены собора не видѣли такого важнаго недостатка, который, прежде всякихъ другихъ причинъ, подрывалъ ихъ же собственныя распоряженія. На соборѣ было заявлено, что лица, ищущія священства, „мало грамотъ умѣютъ“, да и то учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ, потому что учиться негдѣ, а отцы ихъ и мастера также мало умѣютъ, потому что нѣтъ училищъ. Самымъ виднымъ результатомъ этого обстоятельства было то, что въ половинѣ XVI вѣка мало книгъ оказалось годными къ употребленію, остальныя же всѣ были испорчены переписчиками, что было извѣстно и отцамъ собора. А потому они и сдѣлали распоряженіе относительно заведенія училищъ. На соборѣ было постановлено, чтобы въ Москвѣ и другихъ городахъ священ-ники и діаконы избирали изъ среды себя женатыхъ и благочестивыхъ, которые могли бы и другихъ поучать, а также, чтобы они были искусные въ чтеніи, письмѣхъ и пѣніи, и у нихъ въ домахъ открыли бы училища, куда отдавали бы своихъ дѣтей священники, діаконы и міряне на ученіе грамотъ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія. То же было потомъ повторено и въ наказной гра-мотѣ митроп. Макарія, разосланной для исполненія. По взгляду Стоглаваго со-

бора, эти училища должны были быть не только учебными заведениями, но и воспитательными. Духовнымъ наставникамъ, у которыхъ предполагалось устроить ихъ, было наказано, чтобы они „наиболѣе учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ, и сохранили бы ихъ отъ всякаго плотскаго растлѣнія“. Но чѣмъ гарантировалъ соборъ существованіе этихъ школъ?—Ничѣмъ. Все было предоставлено доброй волѣ духовныхъ отцовъ. Но если эти отцы бѣжали отъ наставничества Феодосія и Геннадія, то что ручалось за то, что на нихъ подѣйствуютъ постановленія Стоглаваго собора? Такъ и случилось. Іоаннъ Кобенцель, посѣтившій Россію въ 1576 году, замѣтилъ, что „во всей Московіи нѣтъ школъ“, а двадцать пять лѣтъ спустя послѣ него Маржеретъ писалъ, что „москвитяне не знаютъ школъ... и таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую“. А вѣдь религіозность составляла главную сторону древне-русской жизни. Да и что можно было ожидать отъ тѣхъ духовныхъ отцовъ, которые, по общему свидѣтельству непрекаемыхъ авторитетовъ, „смотрѣли только ко взятію“ и добивались мѣстъ на „льготу тѣлу своему“, потому что „не хотѣли дѣлать рукодѣлія“. Такъ распоряженія Стоглава разбивались съ одной стороны о полное равнодушіе къ дѣлу руководителей общества, а съ другой—о несостоятельность самыхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ члены собора думали дѣйствовать на общество.

И оно осталось прежнимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для этого стоитъ только заглянуть впередъ на нѣсколько поколѣній. И отцы, и дѣти сохраняли прежнія роли. Около 1575 г. Іоаннъ Грозный, главный дѣятель Стоглаваго собора, собравъ высшихъ духовныхъ лицъ, говорилъ имъ: „Вы ведете жизнь самую дурную, утопаете въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, позволите себѣ ужаснѣйшіе грѣхи, вымогательство, взяточничество и непомѣрные росты. Ваша жизнь изобилуетъ кровавыми и вопіющими грѣхами: грабительствомъ, обжорствомъ, праздностію; вы хуже, гораздо хуже, скотовъ. Ваши молитвы не могутъ быть полезны ни мнѣ, ни моему народу. Много мы должны отвѣчать передъ Богомъ за то, что многихъ, болѣе достойныхъ, пустили умереть вмѣсто васъ“.

Стоглавый соборъ вопіялъ противъ нарушенія общественной безопасности, но отъ этого не стало лучше... „Страна—говоритъ Флетчеръ—наполнена грабежами и убійствами. Жизнь человѣческая ставится ни во что, Вы можете видѣть, какъ грабятъ человѣка, запоздаваго въ городъ, на улицѣ, и никто не отвѣтитъ на его крики и не переступитъ порога, чтобы помочь ему. Я не буду говорить объ этихъ страшныхъ убійствахъ, о жестокостяхъ, которыя совершаются въ Россіи; съ трудомъ вѣришь, что подобныя вещи могутъ совершаться между людьми, и особенно между людьми, которые называютъ себя христіанами“. А въ XVII вѣкѣ раздается голосъ, обличающій, что злоба еще умножилась въ людяхъ, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійство, пьянство, вельбныя игрища, грабежи, хищенія и тому подобное. И въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Котошихинъ передаетъ слѣдующій частный, но любопытный фактъ, свидѣтельствующій о народной нравственности того времени. „На погребеніи царствующихъ особъ—говоритъ онъ—обыкновенно бываетъ множество народа—московскихъ жителей и пріѣзжихъ; но такъ какъ погребеніе происходитъ ночью, то горе бываетъ имъ, потому что московскихъ людей натура небогобоязливая: съ мужчинъ и женщинъ по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти, и бываетъ въ тотъ день убитыхъ и зарѣзанныхъ болѣе ста человѣкъ“.

Надъ такимъ положеніемъ дѣлъ задумывались немногіе русскіе, задумывались и иностранцы. И съ укоромъ обращались они къ руководителямъ этого изношеннаго общества. „Теперь—говоритъ Оlearій—никто не указываетъ истиннаго пути заблуждающемуся, никто не подумаетъ о томъ, чтобы умною, исполненною здраваго смысла, рѣчью подѣйствовать на совѣсть народа. А между тѣмъ число преступленій и пороковъ нарастаетъ съ каждымъ годомъ. Только одинъ развѣ палачъ налагаетъ на спины русскихъ, за совершенное ими преступленіе, скоропреходящее наказаніе“. На Стоглавымъ соборъ всю надежду полагали на духовныхъ отцовъ, но въ XVII вѣкѣ ихъ уже считали главными виновниками общественнаго зла и неспособными вести дѣло. Извѣстный Симеонъ Полоцкій открыто обличалъ, что „ихъ великимъ нерадѣніемъ и все-

конечнымъ небреженіемъ премногіе немые люди отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погибельной жизни уклонились... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учителя, но мучители... Виною всѣхъ золь преимущественно неумѣны и нерадѣны духовныхъ отцовъ: не учать и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ".

Такъ неудачно окончилось дѣло Стоглаваго собора...

VIII. «ИЗЪ ДОМОСТРОЯ».

Наставленіе отца сыну. Благословляю я грѣшный (такой-то) и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына моего (такого-то) и жену его, и ихъ чадѣ, и домочадцевъ. Быть имъ во всякомъ христіанскомъ законѣ и во всякой чистой совѣсти и правдѣ, съ вѣрою творя волю Божию и храня заповѣди, себя утверждая во всякомъ страхѣ Божіемъ и въ законной жизни, жену поучая, домочадцевъ наставляя не принужденіемъ, ранами, тяжелою работою. Они должны, какъ дѣти, имѣть спокойствіе, быть сыты, одѣты, въ тепломъ углу, устроены удобно. Вамъ и дѣтямъ вашимъ на память и вразумленіе, чтобы вы жили по-христіански, даю это писаніе. Если не послушаетесь совѣтовъ, изложенныхъ въ этомъ писаніи, и не примѣните ихъ къ жизни, будете поступать не такъ, какъ написано, то сами на себя возьмете отвѣтственность въ день страшнаго суда, а я не виновенъ въ вашихъ поступкахъ и грѣхахъ. Я о всякомъ благочиніи говорилъ, плакалъ, молилъ, поучалъ и писаніе предлагалъ вамъ. Если пожелаете искренно принять мои безыскусственныя наставленія и мои простые совѣты, если читаете ихъ, прося у Бога помощи и разума, чтобы открылъ глаза ваши, и сообразно съ этими наставленіями и совѣтами станете поступать, то будетъ на васъ милость Божія и Пречистой Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе отнынѣ и до вѣка. Домъ вашъ, дѣти ваши, имущество ваше и все, чѣмъ одарилъ Богъ, все, что получили вы, благодаря намъ и благодаря своему труду, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ во вѣки. Аминь.

Какъ дѣти должны чтить отцовъ своихъ духовныхъ и повиноваться имъ. Необходимо знать, какъ чтить дѣтямъ отцовъ своихъ духовныхъ. Изъискать отца духовнаго добраго, боголюбиваго, благоразумнаго, разсудительнаго, строгаго, трезваго, несребролюбиваго, негнѣвливаго. Такого отца духовнаго надлежитъ почитать и повиноваться ему во всемъ, и каяться предъ нимъ со слезами, исповѣдовать грѣхи свои безъ утайки, откровенно, наставленія его исполнять. Должно его приглашать къ себѣ часто, совѣщаться съ нимъ во всякомъ дѣлѣ, повелѣнія его съ любовью принимать, слушаться его во всемъ, почитать его, быть челою предъ нимъ низко, потому что онъ учитель нашъ и наставникъ. Къ нему приходите, дары ему давайте отъ своихъ трудовъ по силѣ, совѣтуйтесь съ нимъ часто о жизни благочестивой, винитесь предъ нимъ въ грѣхахъ своихъ, узнавайте отъ него, какъ мужу любить жену свою и дѣтей сво-

ихъ, а женѣ слушаться мужа своего, спрашивайте его ежедневно. Должно исповѣдовать предъ отцами духовными грѣхи свои, каяться предъ ними во всемъ, ибо они стражи душъ нашихъ и отвѣтъ за насъ дадутъ въ день страшнаго суда, не поносить ихъ, не осуждать ихъ, не обманывать. Если духовный будетъ за кого-либо ходатайствовать, то ходатайство выслушать, виновнаго пожаловать, смотря по винѣ, разсмотрѣвъ дѣло съ духовнымъ отцомъ.

Какъ дѣтей учить и страхомъ спасать. Наказывай сына твоего въ юности и онъ успокоитъ тебя въ старости и принесетъ тебѣ честь. Не будь скупъ на удары дитяти, ибо отъ палочныхъ ударовъ онъ не умретъ, а поздоровѣетъ; нанося удары тѣлу, спасаешь душу отъ смерти. Если любишь сына твоего, часто наказывай его, чтобы ты могъ потомъ быть имъ доволенъ. Наказывай сына въ молодости, и онъ, возмужавъ, будетъ твоей утѣхой, и восхвалишься посреди злыхъ, а враги твои будутъ завидовать тебѣ. Воспитаи дѣтище въ страхъ, и обрѣтешь въ немъ покой и благословленіе. Не улыбайся ему, не играй съ нимъ, ибо, въ маломъ дѣлѣ посмѣявшись, въ большемъ пострадаешь, будешь скорбѣть и послѣ будто оскомину сотворишь душѣ твоей. Не дай ему власти въ юности и сокруши ему ребра, пока онъ растетъ, чтобы, возмужавъ, не пересталъ повиноваться тебѣ, ибо въ такомъ случаѣ будетъ больно и досадно твоей душѣ, убыточно твоему дому, будетъ гибель имѣнію твоему, укоризна отъ сосѣдей, враги твои насмѣются надъ тобою, предъ властью поплачешься и претерпишь разныя непріятности.

Какъ научать мужу жену свою; какъ угодить Богу и мужу своему, какъ хорошо устроить домъ, завести въ хозяйство порядокъ, рукодѣліе всякое знать и самой дѣлать. Мужья должны поучать женъ своихъ съ любовью и разумно. Жены должны спрашивать мужей своихъ о всякомъ благочиніи, какъ душу спасти, Богу и мужу угодить, домъ свой устроить. Онѣ должны имъ во всемъ покоряться и всякое мужнино приказаніе принимать съ любовью и исполнять. Онѣ должны имѣть страхъ Божій и соблюдать чистоту тѣлесную. Вставъ съ постели, очистивъ себя и молитву сотворивъ, онѣ должны женщинамъ и дѣвкамъ (прислугѣ) задать урочную работу на день: разныя кушанія варить, печь хлѣбы ситніе и рѣшетные. Хозяйка сама должна знать, какъ мука сѣется, какъ квашня приготовляется и мѣсится, какъ въ печи валяются хлѣбы, простые и сдобные, какъ выпекаются; она должна знать приготовленіе калачей и пироговъ, количество муки, необходимое для этого, сколько чего можно сдѣлать изъ четверти, осьмины или рѣшета, сколько будетъ отрубей, сколько выйдетъ печенія; мѣру должно знать во всемъ. Сама хозяйка должна умѣть готовить мясныя и рыбныя блюда, всякіе пироги и блины, всякіе каши и кисели, всякіе пирожки. Умѣя сама, пусть она и слугъ научитъ всему этому. Въ то время, когда хлѣбъ пекутъ, стираютъ и бѣлье, чтобы не выходило лишнихъ дровъ. Хозяйка надсматриваетъ, какъ стираютъ красныя рубашки и лучшія вещи, сколько и на какое количество рубашекъ выходитъ мыла и золы, хорошо ли вымыто, выпарено, выполоскано, высушено и выкатано все, и скатерти, и платки, и полотенца, и утиральники. Всему этому она должна знать счетъ, отдавать въ стирку по счету и принимать выстиранное по счету. Старыя вещи должны быть бережно починены, ибо онѣ пригодятся для сиротокъ. Когда хлѣбы пекутъ, отдѣ-

лить часть тѣста и пироговъ начинить; если пшеничное пекутъ, то изъ муки, оставшейся послѣ высѣвки, сдѣлать семь пирогов, въ дни скоромныя со скоромною начинкою, какая случится, а въ постныя съ кашей, горохомъ, макомъ, рѣпой, грибами, рыжиками, капустой, съ чѣмъ Богъ дастъ; все же семьѣ это доставить удовольствіе. Всякое блюдо мясное и рыбное, всякій пирожокъ постный и скоромный жена должна уметь дѣлать сама и слугъ научить. Такова должна быть хорошая хозяйка. Она должна знать все, что касается до пива, меда, вина, кваса, уксуса, кислыхъ щей, что какъ дѣлается, сколько чего выходить. Если она все это знаетъ, то, благодаря распоряженіямъ мужа и ея разумомъ, хозяйство пойдетъ хорошо и всего будетъ много. Служанкамъ руководѣннымъ указывать работу, какую каждая можетъ дѣлать: шить рубашки, ткать платки, вышивать шелкомъ и золотомъ. Самой необходимо надзирать, выдавать холстъ, тафту, золото, серебро, отвѣсивъ, отмѣривъ и сообразивъ, сколько чего нужно. Малыхъ дѣвочекъ учить, чему слѣдуетъ; замужнимъ женщинамъ, которыя дѣлаютъ черную работу, избу топить, хлѣбы пекутъ, платья моютъ, выдавать ленъ, чтобы онъ прями на мужа и дѣтей; одинокая женщина или дѣвка пусть придетъ ленъ на господина, а изъ остатковъ отъ чесанія льна—на себя. Сама хозяйка должна знать, кому какая работа дается, сколько чего выдано, сколько кто сдѣлалъ за день, сколько чего должно выйти. Все это должна знать и всему счетъ вести. Сама она никогда, развѣ въ случаѣ болѣзни, не должна быть безъ дѣла; слуги, глядя на нее, должны вести себя такъ же. Придетъ ли мужъ или гостья обычная, она должна всегда сидѣть за работою; отъ этого ей честь и слава, а мужу похвала. Слуги не должны никогда будить господу, а она должна будить ихъ. Ложась спать, она должна послѣ работы всегда совершить молитву.

Какъ устроить домъ хорошо и чисто. Согревъ утромъ воды, перемыть, вытереть и высушить столъ, блюда, ставцы, ложки и всякіе сосуды, ковши и кувшины. То же сдѣлать послѣ обѣда и вечеромъ. Ведра, лотки, квашни, корыта, сита, рѣшета, горшки также всегда вымыть, вычистить, вытереть, высушить, положить въ чистое мѣсто, гдѣ прилично. Всѣ сосуды и принадлежности должны быть всегда чисты, не должны разбрасываться по скамьямъ, двору, хоромамъ; все должно быть на своемъ мѣстѣ, въ порядкѣ. Изба, стѣны, скамьи, полъ, окна, двери, даже въ сѣняхъ и на крыльцѣ, должны быть вымыты, вычищены, выкрашены, чтобы всегда было чисто. Лѣстницу и нижнее крыльцо вымыть, выскоблить, вытереть, вымести. Предъ нижнимъ крыльцомъ сѣна положить для вытиранія ногъ. Чтобы не загрязнить лѣстницы и сѣней, положить предъ дверью или рогожку, или старый войлокъ, или потирало. Въ грязную погоду у нижняго крыльца сѣно или солому переменить, равно какъ рогожку или войлокъ, положить новое потирало, а грязное выполоскать и высушить, потому что оно опять пригодится. У добрыхъ людей, гдѣ жена порядочная, домъ всегда чистъ и устроенъ, все въ порядкѣ, опрятно, на своемъ мѣстѣ, вычищено, выметено. Въ хорошій домъ какъ въ рай входишь. За всѣмъ этимъ жена должна смотрѣть, всему этому должна она учить слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: коли не дѣйствуютъ слова — побоями. Но если мужъ увидитъ, что у жены и слугъ нѣтъ порядка и дѣлается не такъ, какъ здѣсь написано, то долженъ онъ жену научить.

Когда она дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, то заслуживаетъ любви и жалованія; если же она не живетъ по наставленію, сама не исполняетъ своихъ обязанностей и слугъ не учить исполнять, то пусть мужъ накажетъ и пострашаетъ ее наединѣ, а, наказавъ, пожалуетъ и скажетъ доброе слово. Должно наказывать съ любовью; не слѣдуетъ мужу сердиться на жену, а женѣ на мужа, но жить имъ въ любви и откровенности. Со слугами и дѣтьми поступать такъ же: наказывать по винѣ, а по дѣлу и побить, потомъ пожаловать. Госпожа должна заботиться о слугахъ; тогда имъ будетъ жить хорошо. Но если жена, или сынъ, или дочь слова и приказанія не слушаютъ, поступаютъ вопреки ему, не боятся не дѣлаютъ того, что мужъ, отецъ или мать повелѣваютъ, то ихъ плетью постегать, смотря по винѣ; а бить ихъ наединѣ, не при людяхъ, наказывать, потомъ пожаловать и ласковое слово молвить, а не гнѣваться мужу на жену, ни женѣ на мужа. За какую либо вину не бить по уху, по лицу, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, не колоть посохомъ, ничѣмъ желѣзнымъ и деревяннымъ не ударять. Тотъ, кто въ сердцахъ такъ бьетъ, можетъ большой вредъ причинить: слѣпоту, глухоту, поврежденіе руки или ноги, грудную, головную, зубную болѣзнь. Должно бить плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Когда вина велика, когда ослушаніе или небреженіе было значительное, снять рубашку и плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, смотря по винѣ, да побивъ, чтобы гнѣва не было, сказать ласковое слово. Да чтобы люди этого не видѣли и не слышали, и чтобы не было жалобъ.

Заключеніе. Чадо мое единокровное и любимое, Анфимъ! Соизволилъ Богъ, и благочестивый, православный царь-государь повелѣлъ тебѣ послужить въ своей царской казнѣ у таможенныхъ дѣлъ. И нынѣ молю тебя и со слезами говорю: ради Бога, помни царскій приказъ, прося у Бога помощи разума отъ всей души и отъ всего помышленія; служи вѣрою и правдою, безъ всякой хитрости и лукавства; не преступай своего долга относительно государя ради друга, недругу не мсти, не дѣлай людямъ проволочекъ ни въ чемъ. Всякому воздай съ любовью должное, безъ брани; не успѣешь сдѣлать что либо, отвѣчай добрымъ словомъ, отпускай въ срокъ, безъ затрудненій, товары, отбѣивай правильно, да не будетъ твоя служба злоупотребленіемъ относительно государя. Довольствуйся милостивымъ государевымъ жалованьемъ, все государство пусть будетъ у тебя въ порядкѣ, записано въ приходъ и расходъ. Будь послушенъ къ казначеямъ, друженъ съ товарищами, съ подъячими, мастерами и сторожами, грозенъ и любовенъ, со всѣми людьми привѣтливъ. Бѣдныхъ, скорбящихъ, нуждающихся и плѣнныхъ отнюдь не притѣсняй, самъ ихъ, по возможности, накорми и напои, а кое-кому и милостыню подай. Коли случится судъ, соверши его безъ затягиванія и безъ хитрости для каждаго, чье дѣло право, богатъ ли онъ или бѣденъ, другъ тебѣ или врагъ. Евангеліе говоритъ: «Не на лица судите, сынове челоувѣчестіи, но праведенъ судъ судите; имъ же судите судомъ, судится вамъ, въ ню-же мѣру мѣрите, возмѣрится».

IX. ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ «ДОМОСТРОЯ».

(Изъ соч. Галахова: „Исторія русской словесности“ и Стоюнина: „О преподаваніи русской литературы“).

Стоглавъ и сочиненія Максима Грека имѣютъ дѣло съ состояніемъ цѣлаго общества: они заняты вопросами государственнаго устройства и народной жизни. Но для полнаго представленія современныхъ нравовъ необходима характеристика частнаго, домашняго быта, о которомъ молчатъ литературные памятники. Лѣтописи заняты описаніемъ важнѣйшихъ событій, предполагая обстоятельства обыденной жизни всѣмъ извѣстными; юридическіе акты входятъ въ подробности внутренняго быта настолько, насколько они нужны для объясненія изслѣдуемаго дѣла и подведенія его къ закону; мемуары относятся къ позднѣйшему времени, когда оказалась возможность писателю выступить съ своими собственными, личными требованіями. Недостатокъ источниковъ, по которымъ можно было бы составить понятіе о характерѣ частной, семейной жизни въ XVI вѣкѣ, восполняется сочиненіемъ священника Сильвестра, знаменитаго по своимъ отношеніямъ къ Грозному. Сочиненіе это, извѣстное подъ именемъ „Домостроя“, т.-е. книги домашняго устройства, устава, принадлежитъ, по своему назначенію, къ одному разряду съ „Поученіемъ Мономаха“, которое можетъ быть также названо домостроемъ XII вѣка.

Рядомъ съ наставленіями религіозными „Домострой“ содержитъ въ себѣ и правила житейской мудрости, такъ что одна часть его имѣетъ предметомъ высшія потребности человѣка, благочестіе и душевное спасеніе, а другая—обыкновенная, насущная его нужды. Въ первомъ отдѣлѣ говорится о вѣрѣ въ Бога и святыхъ его, о таинствахъ, о почитаніи духовнаго чина, царя и властей, о повиновеніи родителямъ и старшимъ, о воспитаніи дѣтей, обязанностяхъ жены, отношеніяхъ господъ къ слугамъ и проч.; во второмъ—о хозяйственномъ устройствѣ.

Въ „Домостроѣ“ изображается идеальнѣе благочестиваго семьянина, развившійся не въ монастырской кельѣ, хотя и подъ сильнымъ религіознымъ вліяніемъ, а въ семьѣ, при тѣхъ условіяхъ, какія представляла русская семейная жизнь.

Въ идеалѣ „Домостроя“ проглядываетъ аскетизмъ, перешедшій сюда изъ того ученія: „Славы земныя ни въ чемъ не желай, всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи, обидимъ не мсти, хулимъ моли, зла за зло не воздавай, согрѣшающихъ не осуждай“ и проч. Сообразно съ этимъ и жизнь должна течь самымъ ровнымъ невозмутимымъ путемъ, не допуская никакой страсти, даже никакихъ веселыхъ порывовъ: музыка, пѣніе, пляска—все это стоитъ наравнѣ съ волшебствомъ, чарованіемъ, бѣсовскимъ служеніемъ.

Съ этимъ вмѣстѣ соединяются родовыя понятія, перешедшія изъ глубокой старины, объ отношеніи главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи. Хотя въ основаніи этихъ отношеній полагается, согласно съ христіанскимъ требованіемъ, любовь, но это не устраняетъ, съ одной стороны, грознаго господства владыки дома, съ другой—самаго рабскаго ему подчиненія. Необходимый атрибутъ его власти—жезлъ или лоза и плеть, отъ которыхъ нѣтъ спасенія ни жевѣ, ни дѣтямъ, ни слугамъ, если бы владыка нашелъ нужнымъ поучить ихъ. Страхомъ онъ долженъ держать свой домъ въ порядкѣ, чтобы быть вѣрнымъ идеалу отца; онъ не долженъ даже ласкать своего ребенка или играть съ нимъ, чтобы не унижить своего достоинства, чтобы не ослабить страха, подъ вліяніемъ котораго должно идти воспитаніе. Здѣсь воля признается только за нимъ однимъ; за прочими—неволя и работа.

Основаніемъ счастья считается внѣшній порядокъ въ домѣ, жизнь по извѣстной мѣркѣ, въ извѣстныхъ формахъ. Для этого „Домострой“ касается всевозможныхъ мелочей хозяйственной жизни, опредѣляетъ каждый шагъ, даже указываетъ предметы для разговоровъ съ гостями. При этомъ надо замѣтить,

что здѣсь имѣется въ виду жизнь семьянина богатаго, у котораго дворъ застроенъ амбарами для храненія его богатствъ и хозяйственныхъ запасовъ, мастерскія наполнены слугами и холопами, приготавливающими все нужное для дома. Отсюда всѣ заботы хозяина и хозяйки обращаются на воспитаніе дѣтей, на добропорядочную жизнь слугъ, на сбереженіе или увеличеніе богатства и обиходное хозяйство. Владыкъ дома представляются правила быть хорошимъ мужемъ, отцомъ, господиномъ, хозяиномъ. Заботы его должны касаться и собственной чести, а честь заключается въ доброй славъ между людьми, и такъ какъ люди судятъ по наружности, то и слѣдуетъ на нее обращать особенное вниманіе.

Съ другой стороны, „Домострой“ пугаетъ воображеніе страхомъ ада, исчисляя всѣ тѣ поступки, которые, по его понятіямъ, заслуживаютъ осужденія: сюда относятся и ловы съ собаками, съ птицами и съ медвѣдями, также игра въ шахматы, въ шашки, въ кости. Царь сравнивается съ Богомъ, который также называется царемъ, только небеснымъ и вѣчнымъ, а тотъ временный. Даже извлекается особенная чисто-религіозная польза изъ повиновенія земному царю. „Аще законному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и небеснаго царя боятися“. Какъ глубоко вѣришь въ непогрѣшимость и чистоту своего идеала составитель „Домостроя“, видно изъ его обращенія къ дѣтямъ. „Аще сего моего писанія не внемлете и наказанія не послушаете, и потому не учнете жити и не тако творити яко же есть писано, сами отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда, и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ... И начнете дѣломъ творити вся сія, будетъ на васъ милость Божія и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наше благословеніе отъ нынѣ и до вѣка; и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія (т. е. по наслѣдству отъ насъ) и отъ своихъ трудовъ, да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ“. Никакая другая жизнь, угодная Богу и достойная счастья, не допускается и считается невозможною.

Взглянемъ-же на этотъ идеалъ съ общечеловѣческой стороны его. Здѣсь мы уже указали на любовь къ человѣку, которая вводится въ отношеніе между членами семьи,—начало дѣйствительно плодотворное; но тутъ ея дѣйствія слишкомъ парализируются недовѣріемъ къ человѣческой природѣ. Въ человѣкѣ предполагается слишкомъ много злаго начала, весьма большая наклонность къ противорѣчію всему доброму и какъ-бы естественное стремленіе выходить изъ той сферы, которая ему предназначена; удерживать его отъ этого, пріучать идти по доброму пути и не сбиваться съ него можно только страхомъ наказанія, страхомъ тѣлесной боли. Но мысли этой отцу совѣтуется не шадить даже родныхъ дѣтей, возлагать на нихъ раны, сокрушать ребра. Такой взглядъ на человѣка развивается всегда тамъ, гдѣ нравственныя семейныя отношенія основываются на рабской зависимости, гдѣ въ нравственныя понятія входитъ полное, безпрекословное, рабское подчиненіе младшихъ старшимъ. При такомъ состояніи умъ обыкновенно такъ мало развивается, что не въ силахъ владѣть страстями; у него еще не выработались тѣ разумныя убѣжденія, опираясь на которыя человѣкъ могъ-бы сдерживать себя. Отсюда является и недовѣріе къ человѣческой природѣ, будто ее нужно подчинять извѣстнымъ правиламъ только физическою силою. Такъ какъ эти правила вытекаютъ изъ идеала, то всякое уклоненіе отъ нихъ считается оскорбленіемъ идеала, слѣдственно явленіемъ безнравственнымъ и опаснымъ для общаго благосостоянія семьи. Аскетическія понятія, перешедшія къ намъ съ христіанствомъ, не противорѣчили такимъ взглядамъ, а, напротивъ, вносили даже добровольныя истязанія тѣла для спасенія души. Заботы о душѣ домохозяина дѣлаются также главными заботами христіанскихъ отцовъ семейства и при томъ-же недовѣріи къ человѣческой природѣ находятъ еще больше опоры въ оправданіи жестокихъ наказаній: „Вія его по тѣлу, душу его избавляешь отъ смерти; казни сына своего отъ юности его и покоить ты на старость твою и дать красоту душѣ твоей“. Съ этимъ вмѣстѣ пріобрѣтается и новая узда для усмиренія бунтливой природы человѣка; къ страху наказанія и тѣлесной боли присоединяется еще страхъ для души — страхъ ада. Другая важная черта, бросающаяся въ глаза въ идеалѣ „Домостроя“, есть любовь къ порядку, къ благоустройству, къ труду. Все это такія нравственныя силы, которыя могли-бы разумно развитъ жизнь

человѣка, если-бы не были стѣснены въ самыхъ узкихъ предѣлахъ самыми мелочными правилами, которыя не позволяли сдѣлать ни одного свободнаго шага, если-бы съ ихъ исполненіемъ не соединялось понятія о семейной чести. Здѣсь обычай, привычка, извѣстная форма—обращаются въ непремѣнный законъ, неисполненіе котораго ведетъ за собою осужденіе, безчестіе. Здѣсь крайняя неподвижность мертвить всякую живую мысль, останавливаетъ всякое развитіе. Здѣсь старина имѣетъ смыслъ святости, и предъ нею любовь къ порядку должна обратиться въ деспотическое стѣсненіе самостоятельности въ жизни, любовь къ благоустройству—въ самые мелочные разсчеты, любовь къ труду — въ рабское исполненіе различныхъ формальностей и условныхъ правилъ, освященныхъ стариною и возведенныхъ чуть не до божескихъ законовъ. Такимъ образомъ парализованы и эти нравственныя силы. Отсюда и развитіе идеала сдѣлалось невозможнымъ: онъ обратился въ догматъ жизни, смѣшался съ религіознымъ вѣрованіемъ, и отступленіе отъ него грозило гибелью въ семь вѣкъ и въ будущемъ.

Х. ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

Приступая къ описанію достопамятной осады казанской, замѣтимъ что она, вмѣстѣ съ кудиковскою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россиянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленные мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютой Шигъ-Алеевой, казанцы въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ московскій. Ея вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцовъ. Усиленная воспоминаніями древности, раздраженная ненавистью къ христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства, она преодолѣла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни, произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства казанцы не чувствовали своей слабости.

19-го августа государь съ 150,000 воиновъ былъ на луговой сторонѣ Волги. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а бояринъ Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленныя башни и тараны, чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота. Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20-го августа войско увидѣло предъ собою Казань и стало въ

шести верстахъ отъ нея, на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые, подобно зеленому сукну, растиались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ, съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящемъ). Два дня выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглець мурза Камай и донесъ государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что царь Едигеръ, Кульшеривъ-Молна или глава духовенства и князья умѣли одушевить народъ злобою на христіанъ; что никто не мыслить о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2,700 ногаевъ; что князь Япанча со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ россиянъ. Іоаннъ принялъ Камая милостиво, совѣтовался съ боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждого воина бревно, на десять воиновъ туръ. Большому и передовому полку приказано было занять поле Арское, правой рукѣ берегъ Казанки, сторожевому устью Булака, лѣвой рукѣ стоять выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а царской дружинѣ, предводимой имъ и кн. Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ дугу. Строго запрещено было вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23-го августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна; онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону, съ Дмитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебень подъ сѣнью знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ, славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призьрѣны, успокоены отечествомъ, наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ. Духовникъ Іоанновъ, протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато украшеннаго; взглянулъ на Спасителевъ образъ святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ и громко сказалъ: «О твоёмъ имени движемся!» повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто; не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что царь казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные воеводы говорили другъ другу: «будемъ тѣмъ осторожнѣе!»

Россияне обступили Казань. 7,000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ и, видя предъ собою не болѣе какъ въ двухъ стахъ саженьяхъ царскія палаты, мечети каменные, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота, и 15,000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россияне, не имѣя конницы, стояли грудью; они побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города, взяли плѣнниковъ и медленно отступили въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для

нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ славнымъ дѣломъ. Приказъ государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ. Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя. Вечеру государь, собравъ воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженные запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіязскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ и готовился зимовать подъ Казанью.

26-го августа большой полкъ выступилъ предъ вечеромъ изъ стана: кн. Михайло Воротынский шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; кн. Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ, а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые россияне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, казаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Воротынскому утвердить, насыпать землею туры въ пятидесяти саженьяхъ отъ рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять бьющихся. Наконецъ, непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду россиянъ, и государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарныя молебны.

Войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удалиться отъ стана: Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махая ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ россиянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой подъ начальствомъ кн. Горбатого—Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, кн. Горбатый-Шуйскій въ кровопролитной битвѣ нанесъ пораженіе Япанчѣ и взялъ много плѣнныхъ. Государь велѣлъ привязать всѣхъ плѣнныхъ къ кольямъ предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: «Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему». Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ, и кричали: «Лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!» Сіе остервененіе удивило россиянъ и государя.

Желая употребить всё средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размышлу (инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мураа Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его отъ каменной Дауровой Бани, занятой нашими казаками. Для сего размышль отрядилъ учениковъ своихъ, которые, подъ надзоромъ кн. Серебрянаго и любимца Іоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десять дней; они, наконецъ, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать государю. 5-го сентября, рано, Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю: тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россияне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа. Мы взяли не малое число плѣнныхъ, убили еще гораздо болѣе и ждали слѣдствій.

Не смотря на рѣшительность казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли и нашли ключъ, малый, смрадный, коимъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не зная, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки російскія, заряжаемыя ядрами и камнями. Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россияне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть сажень; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ: казанцы укрылись въ ямахъ, копали себѣ землянки, но сражались неослабно; они уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, передавая осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, со своимъ царемъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми, что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи: казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Между тѣмъ храбрый князь Воротынскій подвигалъ туры ближе и ближе и къ Аркской башнѣ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три са-

жени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: стрѣльцы, казаки, головы съ людьми боярскими стояли за оными, бились до изнуренія силъ и смѣнялись.

Уже около пяти недѣль россияне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячъ непріятелей. Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады; всѣ хотѣли скорого конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30-го сентября они взлетѣли на воздухъ. Сіе страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для казанцевъ, произвело оцпеніе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а россияне, не теряя времени, подкапывали туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что настала часъ рѣшительный, казанцы высыпали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ, и какъ скоро увидѣли они его, то, единогласно воскликнувъ: «Царь съ нами!» бросились къ стѣнамъ, гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасная. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, многіе россияне были уже на стѣнѣ, рѣзались въ улицахъ съ татарами. Князь Воротынской увѣдомилъ о томъ государя и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ идти на приступъ. Успѣхъ, дѣйствительно, казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться; излишняя торопъ произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то кн. Воротынской заняла Арскую башню нашими стрѣлками; они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ, сказавъ воеводамъ: «Здѣсь будемъ ждать васъ» и сдержали слово. Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. Часть стѣны обгорѣла, дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Наконецъ, 1-го октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось къ приступу (ибо подкопы были уже готовы) и велѣлъ воинамъ очистить душу наканунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: мурза Камай и сѣдые старѣйшины горной стороны, держа въ рукъ знаменіе мира, приблизились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному, требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: «Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь, не боимся, поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!» Тогда государь началъ устраивать войско къ великому дѣлу.

Приказавъ изготovitься къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцомъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ. Тогда Воротынскій прислалъ ему сказать, что инженеръ кончилъ дѣло и 48 бочекъ зеля уже въ подкопѣ, что казанцы замѣтили нашу работу и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ заутреню въ церкви, молился изъ глубины сердца... Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни россіяне, ни казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ стѣнью знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ евангеліе и едва произнесъ слова: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь!» грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть и увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: «Съ нами Богъ!» полки російскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: «Алла! Алла!» призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣлая ни изъ луковъ, ни изъ пищадей; они мѣряли глазами разстояніе и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, камни, стрѣлы омрачили воздухъ. Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны; казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; они уже не береглись, не прятались за щиты, а стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшалось, многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ, иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріателемъ въ отверстіяхъ. И въ ту минуту, когда Іоаннъ, отслушавъ литургію, причастясь св. таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные татары, сложенные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣкли саблями, схватывались за руки съ россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Едигеръ засѣлъ въ укрѣпленномъ дворѣ царскомъ и сражался около часа. Россіяне от-

били ворота. Тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ царя, еще бились усиленно; наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Кн. Андрей Курбскій съ двумястами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу, удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ, затрудняя каждый шагъ, давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ россіянъ. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на балюю и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода остановилъ сѣчу. «Слушайте», сказали казанцы: «докогда у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и царя, живаго, неизвлеченнаго. Ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали нѣсколькихъ вельможъ, а сами начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ и хотѣли идти къ стану нашей правой руки, но, встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво, кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и дворѣ царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили въ густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи. Но татаръ было еще 5,000, и самыхъ храбрыхъ: они стояли, ибо не страшились смерти, стиснули нашия героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровью, замертво на землю, шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу. Остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для россіянъ! Государь послалъ конную дружину за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ отъ лѣса: воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдѣлся живымъ; спаслись немногіе, и то раненные.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча престала, но кровь лилась. Раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ, брали въ плѣнъ женъ и дѣтей. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣчѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный военачальникъ, кн. Воротынский, прислалъ сказать государю: «Радуйся, благочестивый самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастьемъ побѣда совершилась. Казань наша, царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны. Что прикажешь?» «Славить Всевышняго», отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣвъ руки на небо, велѣлъ плѣтъ молебнъ подѣ святою хоругвию и, собственною рукою на семь мѣстъ водрузивъ животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви христіанской. Представили ему Едигера. Безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: «Несчастный! Развѣ ты не зналъ могущества Россіи и лукавства казанцевъ?» Едигерь, ободренный тихостью государя, преклонилъ колѣна, изъявилъ раскаяніе, требовалъ

милости. Іоаннъ простилъ его и съ любовью обнялъ брата, князя Владимира Андреевича, Шигъ-Алея, вельможъ, отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно, всю славу отдалъ Богу, имъ и воинству, послалъ бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины съ хвалою и съ милостивымъ словомъ, велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу и въѣхалъ въ Казань. У воротъ стояло множество освобожденныхъ росіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани; увидѣвъ государя, они пали на землю и съ радостными слезами зывали: «Избавитель! Ты вывелъ насъ изъ ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не щадилъ головы своей!» Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола царскаго; потомъ онъ поѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы казанцевъ, онъ говорилъ: «Это не хрістіане, но подобные намъ люди». Видя мертвыхъ росіянъ, онъ молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія. При вступленіи во дворецъ, бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: «Гдѣ царствовало зловѣріе, упиваясь кровью хрістіанъ, тамъ видимъ крестъ животворящій и государя нашего во славу». Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи сердець, принесли благодарность небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ и всю добычу, всѣ богатства казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя державное и пушки, сказавъ: «Моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи!»

XI. ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

(Изъ «Сказаній князя Курбскаго».)

..... На четвертый день мы вышли противъ города Казани, на обширные, ровные и очень пестрые луга. На этихъ лугахъ, раскинувшихся по направленію къ городу на добрую милю, подлѣ рѣки Волги, расположилось все войско. Самый городъ находится не на Волгѣ, а надъ рѣкой Казанкой, отъ которой онъ и получилъ свое названіе. Расположенъ онъ на высокой горѣ и особенно хорошо видѣнъ со стороны Волги; дороги также ведутъ къ нему отъ Ногайской стороны, отъ рѣки Камы и такъ называемаго Арскаго поля. Здѣсь мы отдохнули одинъ день, пока съ судовъ, шедшихъ впереди войска, были сняты пушки. На другой день, рано утромъ, послѣ божественной литургіи, войско, вмѣстѣ съ царемъ, двинулось изъ стана и, распустивши хрістіанскія знамена, чрезвычайно стройно и въ большомъ порядкѣ направилось къ непріятельскому городу. Но здѣсь мы увидѣли, что городъ опустѣлъ, что нѣтъ въ немъ живой души и не слышно даже человѣческаго голоса, чему многіе неопытные обрадовались и говорили, что царь со всѣмъ своимъ войскомъ, отъ страха предъ многочисленными полками, убѣжалъ въ лѣса.

Наконецъ, мы близко подошли къ городу, сильно укрѣпленному: съ правой стороны течетъ рѣка Казань, а съ лѣвой, почти подъ самымъ городомъ, тянется очень тинистый и грязный потокъ Булакъ, впадающій, около угольной башни, въ Казанку, вытекаетъ же онъ изъ небольшого озера Кабана, кончающагося за полверсты отъ города; за этимъ

потокомъ, между Булакомъ и городомъ, съ Арскаго поля, поднимается очень крутая и трудная для подъема гора. Кромѣ того, подъ самымъ городомъ, отъ Казанки до такъ называемаго Погананаго озера, лежащаго у самой рѣки (Казанки), выкопанъ очень глубокой ровъ, отъ Казанки же гора поднимается такъ высоко, что даже трудно глазь поднять къ вершинѣ. На этой-то горѣ построенъ городъ, царскія палаты и очень высокія, каменные мечети, въ которыхъ погребались цари; мечетей, мнѣ помнится, было пять.

Когда начали окружать непріятельскій городъ, то тремъ полкамъ приказано было переправиться чрезъ рѣчку Булакъ. Первымъ выступилъ и навелъ мосты передовой полкъ, который состоялъ изъ семи тысячъ избраннаго войска; командовали имъ два начальника, князь Юрій Пронскій и князь Ѳеодоръ Львовъ, изъ рода князей Ярославскихъ, юноши очень храбрые; имъ съ трудомъ пришлось прибѣгнуть на высокое Арское поле, между упомянутымъ озеромъ и Кабаномъ, на разстояніи почти двухъ лучныхъ выстрѣловъ отъ городскихъ воротъ. Но лишь только второй полкъ сталъ переправляться по наведеннымъ мостамъ, какъ царь казанскій выпустилъ изъ города на первый полкъ 5,000 конныхъ воиновъ съ копьями и до 10,000 пѣшихъ со стрѣлами. Эти стремительно ударили въ срединѣ горы на центръ нашего отряда, изъ котораго двѣ тысячи уже взошли было на гору, разорвали его. Жестоко сразились они, схватка завязалась горячая. Тутъ, вмѣстѣ съ начальниками, поспѣшили на помощь другіе стрѣльцы съ ружьями, опрокинули конницу и пѣхоту непріятельскую и, поражая ихъ, погнали къ городскимъ воротамъ, захвативши при этомъ даже нѣсколько живыхъ. Въ это время съ высокихъ башенъ и городскихъ стѣнъ непріятеля открыли по нашему войску сильный огонь, но онъ, благодаря Бога, не причинилъ намъ никакого вреда. Въ тотъ же день наши полки окружили городъ со всѣхъ сторонъ и, такимъ образомъ, отрѣзали ему всѣ проходы и проѣзды, такъ что татарамъ прекращена была всякая возможность проникнуть въ городъ или выйти изъ него. Затѣмъ оба начальника, передовой полкъ и также полкъ, при которомъ находится царь Шигъ-Алей, пришли на Арское поле: другіе же начальники со своими полками залегли на пути, ведущемъ въ городъ отъ Ногайской страны.

Мнѣ же вмѣстѣ съ моими товарищами тогда было поручено устроить правый флангъ въ войскѣ, хотя я былъ еще очень молодъ, всего двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду. Въ нашемъ войскѣ находилось болѣе 12,000 войска да пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ шесть тысячъ. Намъ приказано было идти за рѣку Казань; войско нашего полка растянулось вдоль по рѣкѣ, отъ одного конца, повыше города, до моста, что на галицкой дорогѣ, и залегли всѣ пути луговымъ черемисамъ. Намъ пришлось стоять на равнинѣ, между огромными болотами; городъ предъ нами круто поднимался въ гору, и потому мы очень терпѣли отъ огненной стрѣльбы со стѣнъ, а сзади наѣзжали на насъ изъ лѣсовъ черемисы. Другіе полки стали между Булакомъ и Казанью, по сю сторону Волги. Самъ же царь съ великимъ полкомъ расположился на гористомъ мѣстѣ, въ верстѣ, или немного болѣе, отъ города, со стороны Волги; такимъ образомъ, городъ былъ окруженъ. Царь казанскій съ тридцатью тысячами отборнаго войска, со всѣми духовными и свѣтскими властями и съ дворомъ затворился въ городѣ; другую же половину войска онъ

оставилъ въ лѣсахъ; тутъ же находился отрядъ изъ двухъ тысячъ слишкомъ челонѣкъ, присланный на помощь ногайскимъ княземъ. Въ продолженіе трехъ дней мы устраивали туры, но работамъ сильно мѣшали непріатели, то стрѣляли изъ города, то дѣлая вылазки и вступая въ рукопашныя схватки съ нашими; въ этихъ схваткахъ погибло много народа съ той и другой стороны, больше, впрочемъ, у непріателя. Въ послѣднемъ обстоятельстве наши солдаты видѣли знакъ Божьяго къ намъ милосердія, и, вслѣдствіе этого, возрасталъ въ нихъ духъ твердости. Когда туры были вѣрно и крѣпко установлены, и стрѣльцы съ начальниками, окопавшись землею, считали себя уже въ безопасности отъ мѣткихъ выстрѣловъ изъ города и вылазокъ,—тогда стали употреблять въ дѣло большія и среднія пушки, а также мортиры, числомъ около полутораста, которыя постепенно устанавливались вокругъ города за турами, въ полутора саженьяхъ одна отъ другой; кромѣ того, у царскихъ палатокъ было много полевыхъ орудій. Тогда мы начали бить стѣны таранами, сбивали со стѣнъ пушки и, такимъ образомъ, прекратили казанцамъ возможность стрѣлять въ наши полки изъ этихъ орудій: но малыхъ и ручныхъ орудій, которыми они сильно вредили нашей конницѣ и пѣхотѣ, мы отнять не могли.

Но царь казанскій выдумалъ противъ насъ такую хитрость. Какую же? повѣдай мнѣ, прошу. А вотъ какую. Но слушай внимательно, раздраженный воинъ! Онъ уговорился съ тѣмъ войскомъ, которое оставилъ въ лѣсу, чтобы дѣйствовать по данному знаку (по татарски: «ясакъ»): едва вынесутъ ихъ большое бусурманское знамя на высокую башню или на самое гористое мѣсто въ городѣ и начнутъ имъ махать, то бусурмане ударяли со всѣхъ сторонъ изъ лѣсовъ, грозно и быстро, а изъ города во всѣ ворота тотчасъ же нападали на наши туры, съ такой необыкновенной запальчивостью и храбростью, что, просто, невѣроятно. И вотъ вышли изъ города сами начальники вмѣстѣ съ царскимъ дворомъ, а съ ними до десяти тысячъ войска. Съ яростью и ожесточеніемъ бросились бусурмане на христіанъ и далеко отбили ихъ отъ пушекъ; но Божіею милостью, пришла дружина Муромской волости, находившаяся по близости; дружина эта была стариннаго рода и среди русскихъ считалась храброй и мужественной. Стѣснивши начальниковъ со всѣми ихъ силами, она заставила ихъ обратиться въ бѣгство, била и рубила ихъ до самыхъ воротъ, такъ что тѣ въ громадномъ количествѣ погибли отъ ударовъ и еще болѣе отъ сильной давки у городскихъ воротъ; многіе тоже живыми попались въ плѣнъ. Въ то же время враги показались и изъ другихъ воротъ, но здѣсь жарко сражались. И всякій день, почти три недѣли, мы терпѣли эту бѣду, и хорошенъко подкрѣпить себя пищею намъ не было времени; но съ помощью Божіею, сражались мы, пѣшіе съ пѣшими, которые выходили изъ города, а конные съ конными, выѣзжавшими изъ лѣсу; тогда и большія пушки поворачивали отъ города къ лѣсу и стрѣляли желѣзными ядрами въ бусурманскихъ наѣзтниковъ. А тяжелѣе всего отъ ихъ набѣговъ было тѣмъ христіанскимъ полкамъ, которые стояли на Арскомъ полѣ, какъ и намъ на галицкой дорогѣ, отъ луговой черемисы; войско же, стоявшее подъ городомъ, за Булакомъ, со стороны Волги, гдѣ находится и царь, не терпѣло отъ наѣздовъ; только частыя вылазки, не давали покоя стоявшимъ съ пушками вблизи городскихъ воротъ. Кто бы могъ разсказать, какія потери несли мы въ людяхъ и коняхъ, сколько

погибло нашихъ слугъ, которые ѣздили искать травы для коней, и начальники не вездѣ могли оборонить ихъ, по причинѣ коварства бусурманъ и ихъ быстрыхъ, наглыхъ нападеній! Право, не исписать бы мнѣ, сколько ихъ избито и поранено. Царь казанскій видѣлъ, что христіанское войско, особенно то, которое стояло при турахъ, близъ городскихъ стѣнъ, очень изнемогало, частію отъ безпрестанныхъ вылазокъ и наѣздовъ изъ лѣсовъ, частію отъ скудости пищи, такъ какъ всякая пища обходилась очень дорого, а войску, какъ я сказалъ, отъ безпокойства некогда было наѣсться и сухаго хлѣба: мы чуть не всѣ ночи проводили безъ сна, оберегая пушки больше жизни и чести. Когда же царь татарскій, а также и тѣ, которые находились внѣ города, поняли наше положеніе, то еще сильнѣе и чаще и чаще стали наѣзжать изъ лѣсовъ и нападать изъ города. Тогда нашъ царь, въ совѣтѣ со всѣми воеводами и боярами, рѣшилъ, надѣясь на благость Господню, раздѣлить войско надвое; половина оставлена подъ городомъ при пушкахъ, значительную же часть онъ помѣстилъ при своихъ шатрахъ беречь свое здоровье, а 30,000 конныхъ устроилъ и раздѣлилъ на полки и надъ каждымъ полкомъ поставилъ по два, по три начальника храбрыхъ, испытанныхъ въ богатырскихъ дѣлахъ; къ нимъ присоединены и пѣшіе стрѣльцы и казаки, въ числѣ 15,000 человекъ, раздѣленныхъ на полки и порученныхъ воеводамъ. Главнымъ начальникомъ надъ всѣми этими конными и пѣшими назначенъ былъ Александръ Горбатый, князь Суздальскій, мужъ очень разумный и почтенный и въ военныхъ дѣлахъ испытанный. Онъ долженъ былъ ждать, укрывъ все войско за горами, когда, по своему обычаю, выйдутъ бусурмане изъ лѣсовъ, и тогда сразиться съ ними. Утромъ, въ третьемъ часу, полки бусурманскіе, вышедши изъ лѣсовъ, ударили на такъ называемое Арское поле, и прежде всего на сторожевой полкъ, которому велѣно было отступать и уклоняться до самыхъ укрѣпленій. Непріятель же, думая, что христіане бѣгутъ отъ страха, погнались за ними; когда же втиснули ихъ уже въ обозъ, то стали подъ турами дѣлать круги и гарцовать, стрѣлять, подобно частому дождю, изъ луковъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ большомъ порядкѣ, понемногу выступили другіе ихъ отряды, конные и пѣшіе, съ намѣреніемъ уничтожить христіанъ. Тогда-то главный начальникъ выдвинулъ прекрасно построенные полки, и они стремительно ринулись въ битву. Увидѣвъ это, бусурмане и рады были назадъ къ лѣсу, да не могли это сдѣлать: слишкомъ ужъ далеко отъѣхали отъ него въ поле; поѣтому волей-неволей они стали сражаться и крѣпко держались противъ первыхъ отрядовъ. Когда же подоспѣлъ главный полкъ, въ которомъ былъ самъ воевода, и приблизились пѣшіе отряды, обходя ихъ особенно со стороны лѣса, то всѣ полки непріятельскіе тотчасъ обратились въ бѣгство, а христіанское войско гнало, било ихъ такъ, что почти на двѣ линіи лежало множество бусурманскихъ труповъ, и кромѣ того, до тысячи были захвачены живыми.

Такую блистательную побѣду одержали, съ помощью Божіей, христіане надъ бусурманами!

Когда привели живыхъ узниковъ къ нашему царю, то онъ велѣлъ выставить ихъ предъ турами и привязать къ колыамъ, чтобы они угваривали и умоляли своихъ единоплеменцевъ въ городѣ отдать его христіанскому царю. Также и наши ѣздили около города и напоминали объ этомъ, обѣщая, отъ имени царя, жизнь и свободу какъ узникамъ, такъ

и осажденнымъ. Они же, выслушавши молча увѣщанія, вдругъ начали стрѣлять со стѣнъ больше въ своихъ, чѣмъ въ нашихъ, говоря: «лучше намъ видѣть, какъ вы умрете отъ нашихъ бусурманскихъ рукъ, чѣмъ когда перебьютъ васъ гяуры необрѣзанные!» При этомъ уста ихъ съ великою яростью, даже удивившею насъ, смотрѣвшихъ на все это, изрыгали проклятія.—Черезъ три дня послѣ этого царь приказалъ князю Александру Суздальскому съ тѣмъ же войскомъ отправиться на засѣку, гдѣ, среди большихъ болотъ, на высокой горѣ, въ двухъ миляхъ отъ города, бусурмане соорудили стѣну и куда они, послѣ бѣгства, собрались въ большомъ числѣ, замысливши выхъать отсюда сразу и ударить на непріятеля. Кромѣ того, къ вышеупомянутому главнокомандующему прибавленъ былъ, вмѣстѣ съ полками, другой начальникъ, или главный воевода, именемъ князь Семенъ Микулинскій, изъ рода великихъ князей тверскихъ, мужъ храбрый и испытанный въ богатырскихъ дѣлахъ; этимъ воеводамъ приказано было: если Богъ поможетъ имъ проломить стѣну, пусть они войдутъ въ самый Арскій городъ, лежащій въ 12-ти добрыхъ миляхъ отъ города Казани. Когда наши подошли къ этимъ стѣнамъ, татары, сплотившись, мужественно стали защищаться, отбиваясь въ теченіе двухъ часовъ; но наши, благодаря Бога, одолѣли ихъ какъ въ огненѣй (пушечной) стрѣльбѣ, такъ и въ ручной (ружейной); бусурмане побѣжали, наши за ними погнались. Затѣмъ все многочисленное войско перебралось чрезъ стѣну и оттуда отправило къ нашему парю вѣстника; сами же воины провели ночь въ бусурманскихъ шатрахъ, гдѣ нашли богатую добычу. Чрезъ два дня они достигли Арскаго города, но застали его пустымъ: отъ страха всѣ разбѣжались въ дальніе лѣса. Пробыли тамъ воеводы около десяти дней. Въ той землѣ есть великія поля, очень плодородныя и обильныя всякими плодами; дворы князей и вельможъ дѣйствительно прекрасны и достойны удивленія, и села часты. Хлѣба такъ много, что даже съ трудомъ вѣрится, подобно звѣздамъ на небѣ; безчисленные стада различнаго скота и драгоценныя добычи, особенно отъ различныхъ звѣрей, въ той мѣстности находящихся: рождаются тамъ дорогіе куны, бѣлки и другіе звѣри, потребные для одежды и пищи; а немного далѣе водится также множество соболей и медъ въ изобиліи: не знаю, гдѣ бы подъ солнцемъ было больше! Черезъ десять дней, съ богатѣйшею добычею и множествомъ плѣнныхъ бусурманскихъ женъ и дѣтей, благополучно возвратились наши, освободивши отъ многолѣтняго бусурманскаго ига и работы давно попавшихся къ нимъ соотечественниковъ. Тогда въ христіанскомъ войскѣ была великая радость, и служили много благодарныхъ молебновъ; всякая живность стала дешевле, такъ что за корову платили десять денегъ московскихъ, а за большаго вола десять бѣлокъ. Вскорѣ послѣ возвращенія нашего войска, именно, черезъ четыре дня, собрались въ большомъ количествѣ луговые черемисы, ударили на наши задніе станы, находившіеся у галицкой дороги, отбивши при этомъ не мало табуновъ. Но мы тотчасъ послали за ними въ погоню трехъ начальниковъ и нѣкоторые другіе полки, бывшіе въ засадѣ; эти нагнали непріятеля въ трехъ или въ четырехъ миляхъ отъ насъ, нѣкоторыхъ перебили, нѣкоторыхъ живыми въ плѣнъ захватили. Если бы я по порядку писалъ все, что ежедневно происходило подъ городомъ, то вышла бы цѣлая книга. Но вкратцѣ слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, какъ они производили чары и наводили

большой дождь на наше войско. Какъ только солнце начинало всходить на крѣпость, въ виду всѣхъ насъ, выходили престарѣлые мужи и женщины, махали своими одеждами на наше войско и неприлично вертѣлись, произнося при этомъ «сатанинскія слова». Въ эту минуту поднимался вѣтеръ, небо заволакивалось тучами, какъ бы день ни былъ ясенъ, и начинался проливной дождь, такъ что сухія мѣста тотчасъ превращались въ болота и наполнялись водою, — и все это совершалось только въ томъ мѣстѣ, гдѣ было наше войско, кругомъ же ничего не было. Увидѣвши это, мы посовѣтовали царю тотчасъ послать въ Москву за животворящимъ древомъ, вдѣланнымъ въ крестъ, который всегда бываетъ при царскомъ вѣнцѣ. Тогда немедленно отправлены были за «Божьею помощію» послы, которые на очень быстроходныхъ вятскихъ судахъ должны были на третій или четвертый день прибыть въ Нижній Новгородъ, отъ Нижняго Новгорода доѣхать до Москвы на скорыхъ подводахъ. Когда честный крестъ съ вдѣланной въ него частицей спасеннаго древа, на которомъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ страдалъ за людей, былъ привезенъ, то все духовенство, съ христіанскими церемоніями, дѣлало обходы и по церковному обычаю святило воды, — и отъ дѣйствія животворящаго креста тотчасъ исчезли и пропали безслѣдно всѣ ихъ нечестивыя чары. Въ то же время за двѣ или три недѣли до взятія города, у нихъ отнята была вода посредствомъ подкопа подъ большое подземелье, и тайники, откуда они брали воду на весь городъ; поставлено было туда около двадцати бочекъ пороха, которымъ башню и взорвало. Къ тому же за полмили отъ города мы устроили длинный и глубокій подкопъ и въ одну ночь поставили 10 пушекъ и 50 «гаковницъ» *), и ежедневно оттуда причиняли большой вредъ городу и стѣнамъ; а именно до взятія города побито было однихъ бусурманскихъ воиновъ, кромѣ женъ и дѣтей, около десяти тысячъ, во всѣхъ схваткахъ и вылазкахъ — и все это изъ того же подкопа. А какъ онъ былъ устроенъ, какія различныя осадныя хитрости употреблялись, — я, для краткости разсказа, не описываю, потому что подробно объ этомъ разсказывается въ лѣтописной русской книгѣ. Упомяну только о взятіи города, которое опишу, насколько припомню.

Тогда Господь не только всеялъ въ насъ разумъ и духъ храбрости, но даже нѣкоторымъ достойнымъ и съ чистой совѣстью мужамъ, въ ночныхъ видѣніяхъ, объявилъ о взятіи бусурманскаго города; войско, мнѣ кажется, было къ нему двинуто для того, чтобы отомстить за безчисленное и многолѣтнее пролитіе христіанской крови и чтобы оставшихся еще тамъ избавить отъ многолѣтняго рабства.

Наконецъ, по прошествіи семи недѣль отъ обложенія города, намъ днемъ еще приказано было ждать утренней зари, до восхода солнца, и готовиться къ приступу, причемъ данъ слѣдующій знакъ: едва порохъ (а его было подкопано и засажено подъ городскую стѣну 48 бочекъ) взорветъ стѣну, какъ большая половина иѣшаго войска должна быть отправлена на приступъ, треть же всего войска, или немного болѣе, должна остаться въ полѣ для охраненія царскаго здравія. Мы, согласно

*) Гаковница — длинное огнестрѣльное орудіе небольшого калибра, приложенное къ деревянному отрубку.

приказанію, рано приготовились къ приступу почти за два часа до зари. Я, съ двѣнадцатью тысячь войска, былъ посланъ на приступъ къ нижайшимъ воротамъ, у верховья Казанки. Со всѣхъ четырехъ сторонъ были такъ же поставлены сильные и храбрые мужи съ большими отрядами. Царь же казанскій и его вельможи, узнавши обо всемъ этомъ, также стали готовиться противъ насъ, какъ и мы противъ нихъ.

Предъ самымъ солнечнымъ восходомъ, чуть только солнце стало появляться, взорвало подкопъ, и тотчасъ войско христіанское, по повелѣнію царя, со всѣхъ сторонъ ударило на городъ и крѣпость. Пусть каждый рассказываетъ о себѣ; я же кратко и истинно повѣдаю о томъ, что представлялось моимъ глазамъ. Раздѣливши свои 12,000 чел. на отряды и назначивши начальниковъ, я быстро направился къ городской стѣнѣ и къ той великой башнѣ, которая стояла предъ воротами, на горѣ. Когда я находился подальше отъ стѣнъ, то въ насъ не было пущено ни одной пули, ни одной стрѣлы; но лишь только я приблизился, какъ открыли противъ насъ сильнѣйшій огонь со стѣнъ и съ башенъ, былъ цѣлый дождь стрѣлъ и посыпалось безчисленное множество камней, что и «воздуха» не стало видно. Когда, наконецъ, съ большимъ трудомъ и потерями, мы подошли подъ самыя стѣны, насъ начали обливать кипящею смолою и забрасывать цѣлыми бревнами. Но Богъ помогалъ, вселялъ въ насъ храбрость и крѣпость, даровалъ избавленіе отъ смерти, охотно и радостно бились мы съ бусурманами за православное христіанство и почти въ полчаса стрѣлами и ружьями отбили ихъ отъ амбразуръ. Кромѣ того, намъ помогали пушки, стрѣлявшія въ нихъ изъ за туровъ. Непріятели, видно было, стояли на башнѣ и на городскихъ стѣнахъ не въ такомъ порядкѣ, какъ прежде, но крѣико, схватившись съ нашими, лицомъ къ лицу, вступали въ рукопашный бой; мы тотчасъ могли бы ихъ перебить, но многіе пошли на приступъ, къ городскимъ же стѣнамъ пришли немногіе: нѣкоторые возвращались, множество лежало убитыхъ и раненыхъ. Затѣмъ, Богъ намъ помогъ. Первымъ влѣзъ по лѣстницѣ на стѣну мой родной братъ, и съ нимъ другіе храбрые воины; нѣкоторые, продолжая биться и колоться съ непріателемъ, влѣзли въ амбразуры великой башни, а оттуда бросились на большія городскія ворота. Бусурманы тотчасъ показали тылъ, оставивши городскія стѣны и побѣжавши на великую гору къ царскому дворцу, который былъ сильно укрѣпленъ и, между палатами и каменными мечетями, былъ окруженъ большою стѣною. Мы послѣдовали за ними къ царскому дворцу, хотя были обременены тяжелымъ вооруженіемъ и многіе храбрые воины имѣли уже на тѣлѣ раны и очень мало осталось сражавшихся съ ними. Войско же наше, оставшееся за городомъ, какъ только увидѣло, что мы уже въ городѣ, и что татары побѣжали со стѣнъ, тотчасъ ринулось въ городъ; лежавшіе раненые вскакивали и мертвые воскресали. Со всѣхъ сторонъ бросились въ городъ не только эти, но также кашевары, оставленные при коняхъ, и люди, пріѣхавшіе съ товаромъ, все сбѣжалось въ городъ, не для ратнаго дѣла, но для богатой добычи; много было въ городѣ золота, серебра, драгоценныхъ камней, собольихъ мѣховъ и другихъ огромныхъ богатствъ. Татары, съ нашей стороны, забрались въ царскій дворецъ; низменную же часть оставили всѣ, кто только могъ убѣжать; по другую же сторону, съ Арскаго поля, гдѣ былъ взрывъ, царь казанскій съ своимъ дворомъ выступилъ и почти въ срединѣ города, въ Тезиц-

комъ (по нашему, купеческомъ) рвѣ остановился, отчаянно сражаясь съ христіанами. Двѣ части этого города находятся на высокой горѣ, какъ на равнинѣ; третья же часть лежитъ въ долинѣ, почти въ пропасти; а поперегъ, почти въ срединѣ города, отъ стѣны Булака до низкой части города, находится большой ровъ. Вообще, городъ не малый: мало чѣмъ отличается по величинѣ отъ Вильны.

Продолжались этѣ битвы часа четыре, и не помню уже сколько добыто было на стѣнахъ и въ городѣ. Когда бусурмане увидѣли, что христіанскаго войска осталось мало, что почти всѣ бросились на добычу (многіе, говорятъ, по два и по три раза уходили съ добычею въ станъ и опять возвращались), то начали ополчаться и силою налегать на храбрыхъ нашихъ воиновъ, уже уставшихъ. Вышеупомянутые же корыстолюбцы, увидѣвши, что наши, тѣснимые бусурманами, мало по малу уступаютъ, тотчасъ ударились въ такое бѣгство, что многіе даже не попали въ ворота, а, вмѣстѣ съ добычею, метались черезъ стѣну; нѣкоторые же, побросавши добычу, только вопіяли: «сѣкутъ, сѣкутъ!» Но, Божьею милостью, не сокрушили сердца храбрыхъ: хотя и намъ было тогда очень тяжело отъ натиска басурманъ (съ того времени, какъ мы вошли въ городъ, въ моемъ отрядѣ было убито девяносто восемь храбрыхъ мужей, кромѣ раненыхъ), однако, благодаря Бога, съ нашей стороны неподвижно устояли противъ нихъ. Но на другой сторонѣ наши, какъ я уже сказалъ, подались немного назадъ вслѣдствіе сильнаго натиска непріятелей, объ этомъ дали знать нашему царю и бывшимъ съ нимъ тогда приближеннымъ; онъ и самъ видѣлъ бѣгство изъ города упомянутыхъ уже бѣглецовъ,—и сильно измѣнился онъ въ лицѣ и упалъ духомъ, думая, что бусурмане выгнали изъ города все христіанское войско. Увидѣвши это, мудрые и опытные совѣтники царя тотчасъ же велѣли поставить знамя близъ царскихъ воротъ, и самого царя, волею-неволею, взявъ за узду коня, подвели къ этому знамени; были между этими боярами нѣкоторые мужи вѣка отцовъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякомъ ратномъ искусствѣ. Половинѣ великаго царскаго полка, въ которомъ было больше 20.000 отборнаго войска, тотчасъ приказано было сойти съ коней; приближенные приказали не только своимъ дѣтямъ и родственникамъ, но и сами, сошедши съ коней, поспѣшили на помощь къ стѣсненнымъ воинамъ. Когда вдругъ явилось въ городѣ столько свѣжаго войска, въ прекрасномъ вооруженіи, казанскій царь началъ, сильно обороняясь, уходить назадъ со всѣми татарами; наши же, сражаясь съ ними, еще сильнѣе прежняго наступали. Такъ оттѣснили ихъ до самыхъ мечетей, которыя стоятъ близъ царскаго дворца, и тутъ нашимъ на встрѣчу вышли всѣ ихъ духовные: обазы, сеиты, муллы вмѣстѣ съ своими начальниками, съ великимъ эмиромъ кудшерифомъ, и сражались такъ упорно, что всѣ до единого легли на мѣстѣ. Царь же съ остальными войсками заперся въ своемъ дворцѣ и еще полтора часа отчаянно оборонялся. Не зная, чѣмъ помочь въ своей бѣдѣ, онъ отобралъ всѣхъ женъ и дѣтей своихъ и поставилъ ихъ, въ богатыхъ и пестрыхъ одеждахъ, на одной сторонѣ большаго царскаго дворца, надѣясь, что христіанское войско прельстится ихъ красотою и пощадитъ ихъ. Сами же татары съ царемъ собрались въ одинъ уголь и рѣшились не отдаваться живыми въ руки, только бы сохранить царя, и пошли они отъ дворца въ нижнюю часть города, къ нижнимъ воротамъ, гдѣ я стоялъ противъ нихъ (противъ

нарского дворца). Ихъ было еще до 10,000, а со мною не осталось и 150 воиновъ; однако въ тѣсной улицѣ мы могли бороться, отступая и опираясь на стѣны. Главное же наше войско сильно ихъ тѣснило съ горы и избивало и уничтожало, особенно задній конецъ татарскаго полка; тутъ, благодаря Бога, съ большимъ трудомъ выбрались мы изъ городскихъ воротъ. Наши съ крутой горы все крѣпче ихъ давили, тѣснили, а мы, стоя по другую сторону, въ воротахъ, не пускали ихъ изъ города. и къ намъ на помощь уже приспѣли два христіанскихъ полка. Они сильнымъ натискомъ такъ были тѣснены, что груды труповъ ихъ навалило выше воротъ, наравнѣ съ высокою башней, стоявшей надъ этими воротами, и тѣ изъ нихъ, которые находились въ срединѣ и сзади, шли по своимъ людямъ на стѣны и на башню. Тогда они возвели царя своего на башню и начали кричать, прося немного времени для переговоровъ; мы на мигъ прекратили битву, чтобы ихъ выслушать. Они тотчасъ такъ начали говорить: «Пока стоялъ нашъ юртъ и главный городъ, гдѣ былъ царскій престолъ, до тѣхъ поръ мы защищались до смерти за царя и отечество; нынѣ же отдаемъ вамъ царя невредимымъ; ведите его къ своему царю. А всѣ мы остальные идемъ на широкое поле — испить съ вами послѣднюю чашу». Они выдали намъ своего царя съ нѣкоторыми главными вельможами, снова начали въ насъ стрѣлать и потомъ отправились не въ ворота, а прямо со стѣны черезъ рѣку Казань. Они хотѣли пробраться противъ моего стана тѣми отверстіями въ турахъ, гдѣ стояло шесть большихъ пушекъ. Тутъ ударили на нихъ изъ всѣхъ тѣхъ орудій; они повернули налѣво и пошли вдоль по Казанкѣ, берегомъ внизъ по рѣкѣ; за три лучшихъ перестрѣла, гдѣ кончались наши укрѣпленія, они начали раздѣваться и бросать доспѣхи для переправы чрезъ рѣку, а осталось ихъ немного менѣе 6,000 человекъ. Увидѣвъ это, мы поспѣшно бросились въ свой станъ, добыли себѣ нѣсколько коней за рѣкою и поскакали противъ нихъ, чтобы заступитъ имъ дорогу. Мы успѣли еще прежде, чѣмъ они переправились; но у насъ было не болѣе двухъ сотъ всадниковъ, потому что все это случилось очень скоро; остальное войско почти все находилось въ городѣ, или по другую сторону города съ царемъ. Церешедши въ бродъ черезъ рѣку (она, къ счастью для нихъ, была мелка въ этомъ мѣстѣ), непріатели стали собираться и ополчаться къ другому берегу, готовые къ сраженію, и почти всѣ держали на тетивахъ луковыя готовыя стрѣлы. Мало-по-малу они стали подвигаться впередъ, устройвъ большой отрядъ въ фронтъ и слѣдуя съ нимъ медленно густою толпою, въ двухъ приблизительно выстрѣлахъ отъ насъ. Безчисленное множество христіанскаго войска смотрѣло на это со стѣнъ города и съ царскихъ палатъ, но никакъ не могли подать намъ помощи, по причинѣ крутой горы и страшной стремнины.

Отступивъ немного отъ берега, чтобы и задній конецъ ихъ вышелъ изъ рѣки, мы ударили на нихъ, думая разорвать и разстроить ихъ полки. Молю, не считите меня безумнымъ, что самъ себя хвалю! Я говорю правду и не таю духа храбрости, дарованнаго мнѣ отъ Бога; къ тому же и коня имѣлъ я очень быстрого и крѣпкаго. Прежде всѣхъ ворвался я въ полкъ бусурманъ. и помню, что, сражаясь, три раза уперся въ нихъ конемъ своимъ. Въ четвертый разъ конь мой, весь израненный, повалился въ срединѣ ихъ вмѣстѣ со мною, и отъ тяжкихъ ранъ я потерялъ сознание. Когда, черезъ нѣсколько минутъ, я очнулся, то увидѣлъ,

что двое слугъ моихъ и два царскихъ воина стояли надо мною и плакали, какъ надъ мертвецомъ. Я лежалъ обнаженный, покрытый ранами, но остался живъ, потому что на мнѣ была крѣпкая прародительская броня; въ особенности была велика по отношенію ко мнѣ милость Господа, который заповѣдывалъ ангеламъ своимъ хранить меня, недостойнаго во всѣхъ случаяхъ. Потомъ узналъ я, что тѣ благородные ратники, числомъ около трехъ сотъ, которые обѣщались ударить на татаръ вмѣстѣ со мною, только поѣздили вокругъ полка непріятельскаго, не сразившись съ ними. Припустивъ ихъ близко, татары нѣкоторыхъ изъ нихъ сильно поранили, прочіе же, испугавшись густоты полка, вернулись и стали навѣзжать и топтать непріятеля сзади. Передніе же отряды безъ помѣхи шли черезъ широкій лугъ къ большому болоту, гдѣ невозможно было ихъ преслѣдовать на конѣ, а тамъ уже за болотомъ слѣдовалъ огромный лѣсъ. Говорятъ, что послѣ меня подоспѣлъ мой братъ, который, какъ ужъ я сказалъ, первымъ взомель на городскую стѣну. Онъ засталъ татаръ еще на лугу, пустилъ во весь опоръ коня и въ самый фронтъ ихъ врубился такъ быстро и мужественно, что всѣ не вѣрили глазамъ. Два раза проѣхалъ онъ въ срединѣ ихъ, рубя и обращая въ разныя стороны коня, а ему помогалъ одинъ благородный воинъ, и они вдвоемъ били бусурманъ, тогда какъ съ города всѣ смотрѣли на нихъ и удивлялись, нѣкоторые, не зная, что казанскій царь отдался намъ въ руки, думали, не онъ-ли ѣздитъ между татарами. И брата такъ изранили, что, кромѣ другихъ ранъ, у него въ ногахъ нашли по пяти стрѣлъ, но жизнь, благодаря Бога, была сохранена, потому что онъ имѣлъ крѣпкую броню. Былъ онъ такого мужественнаго сердца, что когда убили подъ нимъ коня, онъ выпросилъ себѣ другого у одного дворянина и, не обращая вниманія на свои раны, снова погнался за бусурманами и преслѣдовалъ ихъ съ другими воинами до самаго болота. Да, имѣлъ я такого храбраго, мужественнаго и такого умнаго брата, что во всемъ войскѣ христіанскомъ лучше его не нашлось бы; если бы! (Господи, Боже мой!) и нашелся кто другой, то все же такимъ бы не былъ. Я больше всего люблю его на свѣтѣ и готовъ былъ бы за его здоровье положить свою душу; но онъ умеръ отъ тѣхъ тяжкихъ ранъ, кажется, на другое лѣто.

Здѣсь конецъ краткаго разсказа о взятіи великаго города Казани.

ХІІ. АСТРАХАНСКОЕ ЦАРСТВО И ПОКОРЕНІЕ ЕГО ІОАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ.

(Изъ сочиненія Перетятковича: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ»).

Между рукавами Волги, недалеко отъ впаденія ея отъ развалинъ древняго Итиля, возникъ татарскій городъ Астрахань. Благодаря своему выгодному мѣстоположенію, Астрахань достигла скоро значительной степени развитія. Было время, когда венеціанцы получали азіатскіе товары, которыми они торговали, исключительно изъ Азова (Тану), откуда они вывозили ихъ на своихъ галерахъ; но эти произведенія на своемъ пути изъ Азій къ Азовскому морю должны были проходить чрезъ Астрахань. Позже, когда предприимчивые генуэзцы раскинули факторіи свои по бе-

регу Чернаго моря, Астрахань для нихъ стала стоянкою въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Азією. Понятно поэтому, какъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій торговля сношенія съ Астраханью должны были оживиться, и какъ этотъ городъ долженъ былъ разбогатѣть и увеличиться. Но отчасти это самое богатство Астрахани могло привлечь къ ней знаменитаго азіатскаго завоевателя Тамерлана, который въ концѣ XIV столѣтія взялъ и разрушилъ ее. Еще около половины XV вѣка она представляла собою печальный видъ разрушенія; но въ началѣ XVI она уже упоминается, какъ богатый торговый городъ, сообщившій свое имя окрестной странѣ. Внутреннее устройство Астрахани было такое же, какъ и въ Казани, въ которой также жили татары. Земледѣліе и торговля составляли главное занятіе жителей этого царства; но такъ какъ пространства пахотной земли было немного (главнымъ образомъ по р. Бузану), то и земледѣліемъ, по всей вѣроятности, занимались немногіе изъ астраханцевъ. Слѣдовательно, и здѣсь торговля составляла преимущественно занятіе жителей. Сами казанцы нѣкоторые свои товары сбывали на астраханскомъ рынкѣ, а отсюда, въ свою очередь, нѣкоторые изъ произведеній привозились въ Казань. Господствующая религія въ Астраханскомъ царствѣ была магометанская, хотя, впрочемъ, еще въ XV столѣтіи среди жителей попадались язычники.

Астраханское царство походило во многомъ на Казанское: тотъ же народъ, то же преобладающее занятіе жителей, та же религія и такая же многочисленная аристократія, только съ сравнительно меньшимъ числомъ подчиненныхъ ей черныхъ людей. Астраханское царство было, повидимому, гораздо слабѣе Казанскаго; это можно было видѣть уже изъ той легкости, съ которою сосѣди въ разное время завладѣвали городомъ Астраханью. Такъ, въ 1523 г., Астраханью овладѣлъ крымскій ханъ Магметъ-Гирей въ союзѣ съ ногайскимъ княземъ Мамаемъ; въ 1532 г. ею завладѣли черкасы и возвели на престолъ своего претендента; въ 1538 г. ее захватили ногаи, изгнали астраханскаго царя и провозгласили царемъ своего кліента. Въ подобныхъ случаяхъ цари всего чаще покидали городъ и бѣгствомъ спасали свою жизнь и свободу.

Сношенія астраханскихъ царей съ Россією начинаются еще со второй половины XV столѣтія; по свидѣтельству людей того времени, они, кромѣ незначительной торговли, имѣли въ виду главнымъ образомъ подарки, которые, въ подобныхъ случаяхъ, великій князь московскій вручалъ астраханскому послу. Вслѣдствіи сношенія астраханскихъ царей съ Москвою получаютъ характеръ политическій: Астрахань находилась въ сосѣдствѣ съ Крымскою ордою и соприкасалась съ Казанью; поэтому общность интересовъ побуждала иногда Россію вступать въ переговоры съ астраханскими царями противъ Гиреевъ, усиленіе которыхъ было одинаково невыгодно какъ Россіи, такъ и Астрахани. Астраханскіе царевичи являлись въ Москву и поступали здѣсь на службу, увеличивая собою такимъ образомъ число служилыхъ царевичей татарскихъ на Руси и укрѣпляя связь между Москвою и Астраханью. Лѣтомъ 1551 г., когда въ Казани царствовалъ Шигъ-Алей, какъ русскій присяжникъ, въ Москву прибыли послы отъ астраханскаго царя Ямгурчей и отъ имени своего повелителя «били челомъ царю, чтобы царь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служить со юртомъ и жаловалъ бы его, какъ и Шигъ-Алея царя и иныхъ царей, которые ему служатъ». Вслѣдствіе этого государь въ слѣдующемъ же

году отправилъ въ Астрахань вмѣстѣ съ Ямгурчевыми послами своего посла «видѣти царевы Ямгурчевы правды» и привести астраханскаго царя и его землю къ присягѣ на вѣрность Россіи. Немного, впрочемъ, правды пришлось видѣть русскому послу у царя Ямгурчей въ Астрахани: его не пустили обратно, а задержали здѣсь, сперва подъ тѣмъ предлогомъ, что на Волгѣ неспокойно, происходятъ разбои, а поздѣе безъ всякаго предлога.

Въ самый годъ завоеванія Казани (май 1552 г.) пріѣхалъ въ Москву къ царю на службу царевичъ Кайбула, сынъ прежняго астраханскаго царя (Аккубека), который былъ съ Россіею въ хорошихъ отношеніяхъ. Царь принялъ его милостиво, позволилъ ему жениться на Шигѣ-Алеевой племянницѣ и далъ ему въ помѣстье городъ Юрєвъ съ данью. Послѣ этого Ямгурчей тѣснѣе сблизился съ крымскимъ ханомъ и сталъ окончательно во враждебное отношеніе къ Россіи. Царю нельзя было болѣе медлить, ибо Ямгурчей не только не сдержалъ своего обѣщанія по своему челобитію, но даже ограбилъ русскаго посла. Государь рѣшился «за свою обиду и срамоту» отправить въ Астрахань царевича Дербыша вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ и воеводами (1554 г.). Лѣтопись прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, будто царь вспомнилъ въ этомъ случаѣ и о своемъ правѣ на этотъ городъ, потому что Астрахань «древнее отечество» его, которою владѣли предки царя подъ именемъ Тматорокани.

Дербышу и русскимъ воеводамъ поручено было идти на Астрахань сообща. Силы Астраханскаго царства оказались до того незначительными, что высланныхъ войскъ (30,000) было даже слишкомъ достаточно, чтобы овладѣть имъ. Русскимъ воеводамъ пришлось выдержать лишь небольшое сраженіе съ отрядомъ, посланнымъ Ямгурчеемъ для развѣдыванія о неприятели. Сама Астрахань, покинутая своимъ царемъ, не оказала ни малѣйшаго сопротивленія, и русскія заняли ее свободно. Астраханскій царь, узнавъ о прибытіи русскаго войска, убѣжалъ безъ сраженія, и воеводы, посланные на его станъ, не были въ состояніи настигнуть его. Астраханское войско большею частью разбѣжалось въ разныя стороны, царское семейство попало въ плѣнъ, пушки и пищали очутились также въ русскихъ рукахъ. Воеводы, согласно своему наказу, посадили на астраханскій престолъ царевича Дербыша, а пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ астраханцевъ привели, по ихъ желанію, къ присягѣ. Послѣ этого вельможи астраханскіе (князья, мирзы и уланы) присягнули вмѣстѣ съ простыми людьми «на томъ, что имъ царю и великому князю и Дербышъ-Алею царю служить прямо и полонъ русскій весь отдати, откуда не веденъ и въ которой ни буде ордѣ купленъ», послѣ же и Дербыша, кого имъ изъ Москвы назначать царемъ, «тотъ имъ любъ». Самъ Дербышъ обязался посылать въ Москву ежегодно 40,000 алтынъ и три тысячи рыбъ; кромѣ того, великокняжескіе рыболовы получили право ловить рыбу отъ Казани до моря «безданно и безъявно» вмѣстѣ съ астраханскими ловцами.

Хотя Дербышъ и оставался царемъ въ Астрахани, но въ Москвѣ не могли обманываться относительно его чувствъ: съ самаго начала уже было ясно, въ какую сторону склоняются симпатіи его данника. Дербышъ сознавалъ себя слишкомъ магометаниномъ и татарскимъ царевичемъ, чтобы быть во враждѣ со своимъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ сосѣдомъ, крымскимъ ханомъ, и оставаться постояннымъ данникомъ отдаленнаго христіанскаго государя среди своихъ мусульманскихъ подданныхъ. Поэтому

онъ постарался завязать дружескія сношенія съ Крымомъ, принявъ къ себѣ на службу крымскаго царевича. Крымскій же ханъ въ это время (приблизительно лѣтомъ 1555 г.) задумывалъ походъ на Москву. Чтобы предпріятіе лучше удалось, ханъ въ концѣ мая прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ русскимъ посломъ своего гонца и писалъ царю о своемъ желаніи быть съ Россією въ дружбѣ, для чего будто бы онъ уже отправилъ своего посла. Поступалъ онъ такимъ образомъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы обнадежить царя, дабы не было предпринято никакихъ мѣръ на случай ханскаго вторженія. Предъ самымъ походомъ ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на пятигорскихъ черкесовъ, которые незадолго предъ этимъ вступили въ подданство Россіи, а на самомъ дѣлѣ съ 60,000 войскомъ вторгнулся въ русскіе предѣлы. Но успѣхъ предпріятія далеко не соответствовалъ ожиданіямъ хана и его приготовленіямъ. Въ Москвѣ хорошо знали давній обычай крымскаго царя «инуды лукъ натянуть, а инуды стрѣлять»; поэтому ханъ не засталъ врасплохъ русскихъ, которые собрались довольно скоро и подъ начальствомъ царя направились къ Тулѣ. Когда крымскій ханъ, который былъ уже ослабленъ сраженіемъ съ русскимъ отрядомъ, посланнымъ было на помощь пятигорскимъ черкесамъ, узналъ объ этомъ движеніи царя, то поспѣшилъ возвратиться домой. Эти событія не помѣшали, однако, Россіи выслать довольно значительный отрядъ на Волгу, съ порученіемъ его предводителю беречь Астрахань, надзирать за царемъ Дербышемъ и охранять перевозки на Волгѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что дальше оставлять дѣла въ такомъ положеніи не слѣдовало, когда отношенія Россіи къ Крыму были натянуты, а возстаніе въ Казанской области, не смотря на усилія правительства, не уменьшалось.

Зимой 1556 года прибыли въ Москву ногайскіе послы отъ князя Измаила и отъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ въ ордѣ мирзъ съ грамотами и челобитіемъ, «чтобы ихъ государь оборонилъ отъ Дербыша и учинилъ бы въ Астрахани своихъ людей, такъ же, какъ и въ Казани, потому что онъ не пріямить великому князю и имъ подѣлалъ нужи великія». Вслѣдъ за этимъ явился и другой посолъ отъ Измаила съ грамотою, въ которой онъ подтверждалъ извѣстіе о союзѣ Дербыша съ крымскимъ ханомъ. Въ послѣдней своей грамотѣ Измаилъ настоятельно проситъ царя прислать раннею весною русское войско на Астрахань, предупреждая при этомъ, что если такимъ образомъ не будетъ поступлено, то астраханцы съ царемъ Дербышемъ «на лѣто пристанутъ къ Крыму». На случай же предположенія, что «Астрахани безъ царя и безъ татаръ нельзя быть», Измаилъ совѣтуетъ сдѣлать царемъ служилаго астраханскаго царевича Кайбулу. Царь поспѣшилъ успокоить Измаила грамотою, которою увѣдомлялъ его, что весною пошлетъ большое войско, чтобы покончить съ Астраханью; при этомъ обѣщалъ также и ему послать 200 стрѣльцовъ. Дербышъ, между тѣмъ, рѣшился открыто выступить противъ Россіи: онъ соединился съ крымскимъ ханомъ и принудилъ московскаго посла вмѣстѣ съ другими русскими, находившимися въ Астрани, уйти. Обо всемъ этомъ Измаилъ далъ знать царю, причѣмъ увѣдомилъ его, что самъ онъ пошелъ на Астрахань и проситъ поспѣшить присылкою русскаго войска. При подобныхъ условіяхъ медлить было нельзя; поэтому въ Москвѣ поспѣшили отпустить Измаилова посла съ вѣстью, что русское войско на-дняхъ выступитъ къ Астрахани. Для подкрѣпленія же Измаила подѣ Астраханью

отпустили съ его посломъ 50 человекъ пищальниковъ, да полемъ, послано было на Волгу 500 человекъ подъ начальствомъ атамана Ляпуна Филимонова. Въ томъ же мѣсяцѣ отправлено было на Астрахань и главное русское войско, состоявшее преимущественно изъ стрѣльцовъ. Дербышъ, съ своей стороны, тоже старался приготовиться къ войнѣ съ Россією: уже весною крымскій ханъ прислалъ ему для защиты пушекъ и отрядъ войска въ 1,000 человекъ, въ составъ котораго входили и 300 янычаръ съ пищалями. Но не много сопротивленія оказалъ Россіи послѣдній царь астраханскій. Когда русскіе подошли къ Астрахани, то опять нашли городъ пустымъ: царь и его подданные бѣжали изъ города, такъ что русскія войска свободно заняли Астрахань, укрѣпили ее и утвердили за Россією. Оказалось, что еще до прихода русскаго войска приходилъ на Астрахань атаманъ Ляпунъ съ казаками, который побилъ и плѣнилъ здѣсь множество людей, почему жители и разбѣжались изъ города. Самого же Дербыша съ войскомъ русскіе лишь послѣ поисковъ настигли въ двадцати верстахъ отъ Астрахани. Здѣсь Дербышъ, не взирая на поддержку крымцевъ и ногайскихъ мирзъ, послѣ нѣсколькихъ сраженій уже сталъ сноситься съ предводителемъ русскаго войска и просить о милости, говоря, что онъ «государю измѣнилъ неволею», причемъ клялся возвратиться въ городъ вмѣстѣ съ астраханцами и служить государю. Замѣчательно со стороны Дербыша признаніе объ измѣнѣ Россіи «неволею»; оно окажется совершенно справедливымъ, если принять во вниманіе тѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ находился и долженъ былъ дѣйствовать. Представитель магометанскаго царства, самъ царевичъ магометанскій, окруженный подданными магометанами, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними магометанскими царствами и ордами, онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ данникомъ христіанскаго государя, который жилъ довольно далеко отъ него. Свыше силъ его было удержаться при подобныхъ условіяхъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ и наблюдать интересы русскаго царя среди магометанскихъ общественныхъ союзовъ и между своими мусульманскими подданными. Астраханцы («черные люди») возвратились въ городъ и умоляли простить ихъ, говоря, что они шли противъ русскихъ «неволей: водилъ ихъ царь и князи». Впослѣдствіи явились въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ князья, мирзы, шейхи и черные люди и присягнули Россіи. Имъ роздали острова и пашни «по старинѣ», съ обязанностью чернымъ людямъ платить ясаки, какъ платили прежнимъ царямъ.

Вмѣстѣ съ присоединеніемъ Астрахани завязываются сношенія между Россією и новыми ея сосѣдями. Въ Астрахани же, какъ и въ остальныхъ городахъ русскихъ, водворяются воеводы, управляющіе ею по наказу, которымъ снабжали ихъ въ московскомъ приказѣ. Видно, царь рѣшился на этотъ разъ покончить съ Астраханью и не назначилъ туда болѣе никакого царевича, находя это излишнимъ.

Послѣ завоеванія Астрахани устье Волги закрѣплено было за Россією, вслѣдствіе чего Волга стала окончательнo рѣкою Русскаго государства. Такимъ образомъ все Поволжье отъ Казани до Астрахани, со всѣми своими естественными богатствами для земледѣльческаго и промысловаго занятій, стало достояніемъ русскихъ людей, которымъ до сихъ поръ открытъ былъ лишь суровый сѣверо-востокъ съ скудною своею природою, куда поэтому преимущественно и двигались «неписъманные и нетяглые» люди изъ русскаго общества, рубившіе здѣсь вѣковые лѣса и расчищав-

шіе пространство для жилищъ и для пашни. Они располагались иногда вдали отъ всякаго жилья и угодій, на мѣстахъ, гдѣ «отъ вѣка не бывали дворы и пашни», за что отъ правительства получали на нѣсколько лѣтъ льготы относительно уплаты податей, долговъ, самоуправленія и пр. Почти до самаго завоеванія Казани русскіе люди принуждены были направляться въ бѣдныя, негостепріимныя и слабонаселенныя сѣверовосточныя страны. Вслѣдъ за присоединеніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ сюда возобновляется движеніе русскаго народа, прерванное и надолго остановленное татарскимъ нашествіемъ.

ХІІІ. ПЕРЕМѢНА ВЪ ІОАННѢ, РАЗРЫВЪ ЕГО СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ И НАЧАЛО ЭПОХИ КАЗНЕЙ.

(Изъ «Истории Россіи» Соловьева).

Мы видѣли, какое сильное впечатлѣніе на воспріимчивую, страстную природу Іоанна произвело страшное бѣдствіе, постигшее Москву въ 1547 году. Сильная набожность, которая замѣтна въ Іоаннѣ во все продолженіе его жизни, содѣйствовала тому, что онъ такъ легко принялъ религіозныя внушенія отъ лица духовнаго, священника Сильвестра; съ другой стороны, ненависть къ вельможамъ, которою онъ напитался во время малолѣтства, облегчала доступъ къ нему человѣку, не принадлежавшему по происхожденію своему и сану къ вельможамъ. Самъ Іоаннъ говоритъ, что это именно побужденіе заставило его приблизить къ себѣ Сильвестра; то же побужденіе заставило его облечь полною довѣренностью и Адашева, человѣка относительно низкаго происхожденія. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ; но здѣсь уже, мимо всякихъ другихъ отношеній, необходимо было непріязненное столкновение между ними. Привыкнувъ требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ Іоанна, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не хотѣлъ своихъ государственныхъ мыслей приносить въ жертву тому уваженію, которое питалъ къ нравственнымъ достоинствамъ Сильвестра; отсюда тягость, которую началъ чувствовать Іоаннъ отъ притязаній послѣдняго. Напримѣръ, Іоаннъ принялъ твердое намѣреніе покорить Ливонію; это было намѣреніе, которое сдѣлалось послѣ того постояннымъ, господствующимъ стремленіемъ Іоанновыхъ преемниковъ,—намѣреніе, за которое Петръ Великій благоговѣлъ предъ Іоанномъ. Но противъ этого намѣренія возстали бояре и особенно Сильвестръ; вмѣсто покоренія Ливоніи, они совѣтовали царю покорить Крымъ. Іоаннъ не соглашался и продолжалъ войну ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ сталъ внушать Іоанну, что всѣ непріятности, которыя послѣ того его постигли, болѣзни его самого, жены, дѣтей, суть Божія наказанія за то, что онъ не слушался его совѣтовъ, продолжалъ воевать съ ливонцами. Безспорно, Сильвестръ былъ вообще человѣкъ благонамѣренный, мужъ строгаго благочестія, что особенно и давало ему власть надъ

набожнымъ Іоанномъ; безъ сомнѣнія, и противъ войны ливонской онъ представлялъ благовидныя причины: вмѣсто того, чтобы воевать съ христіанами, слабыми, безвредными, лучше воевать съ невѣрными, безпрестанно опустошающими границы государства и т. п., но въ то же время, какъ изъ знаменитаго Домостроя, такъ и изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что это былъ человѣкъ, иногда предававшійся мелочамъ. Такъ, взявшись управлять совѣстью, нравственнымъ поведеніемъ молодого царя, онъ входилъ въ это отношеніе въ ненужныя подробности, что должно было также раздражать Іоанна. Природа послѣдняго бесспорно требовала сильнаго сдерживанія; но при этомъ сдерживаніи нужна была большая осторожность, нужна была мѣра. Не смотря, однако, на непріятныя столкновенія по причинѣ разности взглядовъ на дѣла политическія, Іоаннъ, безъ сомнѣнія, не поколебался бы въ своей довѣренности и привязанности къ Сильвестру и Адашеву, если бы продолжалъ вѣрить въ полную привязанность ихъ къ своей особѣ и къ своему семейству. Но несчастный случай заставилъ Іоанна потерять эту вѣру. Въ 1553 году, вскорѣ послѣ возвращенія изъ казанскаго похода, онъ опасно занемогъ: ему предложили (вѣроятно, братья царицы) написать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Димитрію, съ двоюроднаго брата, князя Владиміра Андреевича Старицкаго, и бояръ. Удѣльный князь не замедлилъ выставить права свои на престолъ по смерти Іоанна, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ московскіе князья. Когда нѣкоторые вѣрные Іоанну и его семейству люди вооружились за это противъ Владиміра, Сильвестръ принялъ сторону послѣдняго, а отецъ другого любимца Іоаннова, окольничій Ѳеодоръ Адашевъ, прямо объявилъ себя прстивъ Димитрія въ пользу Владиміра. Для объясненія этого явленія припомнимъ, что Сильвестръ и Адашевъ, пользуясь неограниченною довѣренностью царя въ выборѣ людей, необходимо, если бы даже и не хотѣли того, должны были составить, при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія, многочисленную и сильную партію людей, которые, будучи обязаны имъ своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ ними ихъ стремленія. Такъ, извѣстно, что Іоаннъ, избирая какого-нибудь сановника духовнаго, посылалъ Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы; въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ такое же вліяніе на выборъ людей имѣлъ Алексѣй Адашевъ. Многіе изъ вельможъ, князей, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно при рѣшительномъ отвращеніи къ нимъ Іоанна, примкнули къ числу совѣтниковъ Сильвестра и Адашева. Лѣтописецъ прямо говоритъ о древней и тѣсной дружбѣ Сильвестра съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; Іоаннъ, въ перепискѣ своей съ Курбскимъ, главнымъ единомышленникомъ Сильвестра, называетъ кн. Димитрія Курятева, бывшаго прежде въ числѣ соумышленниковъ Шуйскаго; любопытно также, что скоро послѣ московскихъ пожаровъ, когда вліяніе Сильвестра особенно усилилось, Іоаннъ женилъ роднаго брата своего, Юрія, на дочери кн. Палецкаго, также одного изъ главныхъ совѣтниковъ Шуйскаго, подвергшагося за это прежде опалѣ. Вліяніе Сильвестра и совѣтниковъ его могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ: отсюда ненависть совѣтниковъ Сильвестровыхъ къ царицѣ Анастасіи и ея братьямъ, ненависть, могшая вызвать и со стороны послѣднихъ подобное же чув-

ство. Совѣтники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокією, женою византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустомъ Сильвестра. Курбскій называетъ Захарыиныхъ-Юрьевыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ, въ случаѣ смерти царя и малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ: совѣтники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наследникомъ престола князя Владиміра Андреевича. Оставшійся вѣрнымъ Іоанну кн. Владиміръ Воротынскій и дякъ Иванъ Висковатый начали говорить удѣльному князю, чтобы онъ не упрямился и крестъ цѣловалъ племяннику: князь Владиміръ Андреевичъ сильно разсердился и сказалъ Воротынскому: «Ты бы со мной не бранился и не указывалъ и противъ меня не говорилъ». И была между боярами брань большая, крикъ, шумъ. Большой царь началъ имъ говорить: «Если вы сыну моему Димитрію креста не цѣлуете, то значить, у васъ другой государь есть; а вѣдь вы цѣловали мнѣ крестъ не одинъ разъ, что мимо насъ другихъ государей вамъ не искать. Я васъ привожу къ крестному цѣлованію, веду васъ служить сыну моему Димитрію, а не Захарыинымъ; я съ вами говорить не могу много; вы души свои забыли, намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите; въ чемъ намъ крестъ цѣловали, того не помните; а кто не хочетъ служить государю младенцу, тотъ и большому не захочетъ служить, и если мы вамъ не надобны, то это на вашихъ душахъ». На это отозвался кн. Иванъ Михайловичъ Шуйскій. Онъ придумалъ отговорку: «Намъ нельзя цѣловать крестъ не предъ государемъ; предъ кѣмъ намъ цѣловать, когда государя тутъ нѣтъ?» Прямѣе высказался окольничій Ѳеодоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца: что было у него на душѣ больше, чѣмъ у другихъ, то и вылилось: «Тебѣ государю и сыну твоему царевичу князю Димитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарыинымъ намъ не служить; сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣтъ нами будутъ Захарыи, Данила съ братьями, а мы уже отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія». И былъ мятежъ большой, шумъ и рѣчи многія во всѣхъ боярахъ: не хотятъ младенцу служить. Но къ вечеру цѣловали крестъ Димитрію многіе бояре. Но Петръ Щенятевъ-Патрикѣевъ, Семенъ Ростовскій и Иванъ Турунтай-Пронскій, трое этихъ князей, продолжали говорить: «Вѣдь нами владѣтъ Захарыинымъ; и чѣмъ нами владѣтъ Захарыинымъ и служить намъ государю молодому, такъ мы лучше станемъ служить старому князю Владиміру Андреевичу». Царь велѣлъ написать цѣловальную запись, на которой приводитъ къ присягѣ князя Владиміра Андреевича. Владиміръ прямо отрекся цѣловать крестъ; тогда Іоаннъ сказалъ ему: «Знаешь самъ, что станется на твоей душѣ, если не хочешь крестъ цѣловать; мнѣ до того дѣла нѣтъ». Потомъ, обратившись къ боярамъ, поцѣловавшимъ крестъ, Іоаннъ сказалъ: «Бояре! Я боленъ, мнѣ уже не до того; а вы на чемъ мнѣ и сыну моему Димитрію крестъ цѣловали, по тому и дѣлайте». Бояре, поцѣловавшіе крестъ, начали уговаривать къ тому же и другихъ; но тѣ отвѣчали имъ жестокою бранью: «Вы хотите владѣтъ, а мы вамъ должны будемъ служить; не хотимъ вашего владѣнья!» кричали они. А между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ и его мать собирали своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ жалованье. Присутствовавшіе бояре стали говорить Владиміру, что онъ и его мать по-

ступаютъ неприлично: государь боленъ, а они людямъ своимъ деньги раздають; Владиміръ сильно разсердился за это на бояръ, а тѣ стали его беречься, не стали часто пускать къ больному государю. Тутъ услышали и Сильвестра, молчавшаго до тѣхъ поръ; онъ сталъ говорить присягнувшимъ боярамъ: «Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? Онъ государю добра хочеть!» Бояре отвѣчали: «Мы дали присягу государю и сыну его, по этой присягѣ и дѣлаемъ такъ, какъ бы ихъ государству было крѣпче». Съ этихъ поръ пошла вражда у присягнувшихъ бояръ съ Сильвестромъ и его совѣтниками. На другой день Іоаннъ призвалъ всѣхъ бояръ и началъ имъ говорить, чтобы они присягали сыну его, царевичу Дмитрію, и присягали бы въ передней избѣ, потому что онъ очень боленъ и приводитъ ихъ къ присягѣ при себѣ ему очень тяжело; вмѣсто себя онъ велѣлъ присутствовать при крестномъ цѣлованіи боярамъ—князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ товарищами. Присягнувшимъ боярамъ Іоаннъ сказалъ: «Вы дали мнѣ и сыну моему душу на томъ, что будете намъ служить, а другіе бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣть: такъ если станется надо мною воля Божія, умру я, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали, не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ. А вы, Захарыны, чего испугались? Или думаете, что бояре васъ пощадятъ? Вы отъ нихъ будете первые мертвецы: такъ вы бы за сына и за мать его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали».

Слова Іоанна о будущей судьбѣ своего семейства, когда Владиміръ сдѣлается царемъ, испугали бояръ, увидавшихъ, какія мысли на душѣ у больного, и къ чему могутъ повести такія мысли, если больной выздоровѣетъ. Испугавшись этихъ жесткихъ словъ, по выраженію лѣтописца, бояре пошли въ переднюю избу цѣловать крестъ. Но, какъ нѣкоторые изъ присягнувшихъ хотѣли выполнять свою присягу, показалъ кн. Дмитрій Палецкій: не смотря на свою присягу, онъ послалъ сказать Владиміру Андреевичу и матери его, что если они дадутъ зятю его, царскому брату князю Юрію (не могшему, по состоянію умственныхъ способностей, чѣмъ либо управлять) и женѣ его удѣлъ, назначенный въ завѣщаніи великаго князя Василія, то онъ, Палецкій, не будетъ противиться возведенію князя Владиміра на престолъ и готовъ ему служить.

И съ тѣхъ поръ пошла вражда, между боярами смута, а царству во всемъ скудость, говорить лѣтописъ. Іоаннъ выздоровѣлъ. Мы видѣли, какія чувства къ боярамъ вынесъ онъ изъ своего малолѣтства; эти чувства высказываются ясно вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ: въ рѣчи къ собору архіерейскому, въ рѣчи къ народу съ Лобнаго мѣста; самъ Іоаннъ признается, что нерасположеніе его къ боярамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева; Курбскій говоритъ, что на третій день послѣ взятія Казани, разсердившись на одного изъ воеводъ, Іоаннъ сказалъ: «Теперь оборонилъ меня Господь Богъ отъ васъ». Понятно, какъ должно было усилиться это враждебное чувство послѣ болѣзни. Но всего болѣе должны были поразить Іоанна бездѣйствіе, молчаливая присяга Алексѣя Адашева, явное сопротивленіе отца его Федора, явное заступничество Сильвестра за князя Владиміра, слова, что послѣдній добра хочеть государю. Питая враждебное чувство къ вельможамъ, не довѣряя имъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей, обязанныхъ ему всѣмъ,

на благодарность которыхъ, слѣдовательно, онъ могъ положиться, и, что всего важнѣе, эти люди овладѣли его довѣренностью не вслѣдствіе ласкательствъ, угожденій: онъ любилъ этихъ людей не только какъ пріятныхъ слугъ, онъ уважалъ ихъ какъ людей высоконравственныхъ, смотрѣлъ на нихъ не какъ на слугъ, но какъ на друзей, одного считалъ отцомъ. И эти-то люди изъ вражды къ женѣ его и къ ея братьямъ, не желая видѣть ихъ господства, соединяются съ его врагами, не хотятъ видѣть на престолѣ сына его, обращаются къ удѣльному князю, двоюродному брату. Но Іоаннъ очень хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его семейство при водареніи Владиміра, который долженъ будетъ смотрѣть на маленькаго Димитрія, какъ на самаго опаснаго для себя соперника; а извѣстно было, какъ московскіе князья, предки Іоанновы, отдѣливались отъ своихъ опасныхъ соперниковъ, отъ князей родичей: у Владиміра предъ глазами была участь его отца и роднаго дяди. Понятно, слѣдовательно, почему Іоаннъ умолялъ вѣрныхъ бояръ бѣжать съ его женою и ребенкомъ въ чужія земли, умолялъ Захарынныхъ положить головы свои прежде, чѣмъ дать жену его на поруганіе боярамъ. Понятно, какъ Іоаннъ долженъ былъ смотрѣть на людей, ведшихъ семейство его прямо къ гибели; а въ числѣ этихъ людей онъ видѣлъ Сильвестра и Адашева. Лѣтописецъ справедливо говоритъ, что съ тѣхъ поръ пошла вражда; но лѣтописецъ не говоритъ намъ о непосредственномъ выраженіи этой вражды, о скорой мести: тяжелыя чувства затаились пока на днѣ души; выздоровленіе, неожиданное, чудесное избавленіе отъ страшной опасности, располагали къ чувству иному; радость, благодарность къ Богу противодѣйствовали чувству мести къ людямъ. Съ другой стороны, надобно было начать дѣло тяжелое, порвать установившіяся уже отношенія; тронуть одного — значило тронуть всѣхъ; тронуть одного изъ пріятелей Сильвестра и Адашева — значило тронуть ихъ самихъ, а это по прежнимъ отношеніямъ было очень трудно, къ этому вовсе не были приготовлены, трудно было начать борьбу противъ вождей многочисленной стороны, обступившей престолъ, не имѣя людей, которыхъ можно было бы противопоставить ей, на которыхъ можно было бы опереться. Наконецъ, при явномъ, рѣшительномъ дѣйствіи, что можно было выставить противъ Сильвестра и Адашева? Они не подавали голоса противъ Димитрія въ пользу Владиміра Андреевича.

Іоаннъ далъ обѣтъ во время болѣзни по выздоровленіи ѣхать на богомолье въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь и дѣйствительно въ началѣ весны отправился въ путь вмѣстѣ съ женою и сыномъ; но малютка на дорогѣ умеръ. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ членовъ Сильвестровой стороны, Курбскій, оставилъ намъ любопытныя извѣстія объ этой кирилловской поѣздкѣ, во время которой, захавъ въ Пѣсношскій монастырь, Іоаннъ встрѣтился съ монахомъ Іосифова Волоколамскаго монастыря Вассіаномъ Топорковымъ. Іоаннъ, помня, что Топорковъ былъ любимъ отцомъ его, зашелъ къ нему въ келью и спросилъ: «Какъ долженъ я царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи?» Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣ тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣ себя, то по необходимости будешь

послушенъ имъ». Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: «Если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ!» Такъ, по мнѣнію Курбскаго съ товарищами, долженъ былъ говорить монахъ Іосифова монастыря, любимецъ великаго князя Василя, и догадка ихъ могла быть справедлива: говоримъ — догадка, ибо шепчутъ на ухо не для того, чтобы другіе слышали. Курбскій говоритъ, что отъ сатанинскаго силлогизма Топоркова произошла вся бѣда, т. е. перемена въ поведеніи Іоанна; но мы видимъ, что лѣтописецъ болѣе безпристрастный указываетъ начало бѣды въ событіяхъ, происходившихъ во время болѣзни Іоанновой, тогда какъ Курбскій заблагоразсудилъ умолчать объ этихъ событіяхъ. Оба показанія, впрочемъ, могутъ быть легко соединены. Іоаннъ подъ впечатлѣніемъ событій, происходившихъ во время болѣзни его, могъ именно желать свиданія съ Вассіаномъ, приверженцемъ отца его и противникомъ вельможъ, и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ могъ слушать его бесѣды, которыя, конечно, не могли клониться въ пользу совѣтниковъ Сильвестровыхъ. Но какъ бы то ни было, и Курбскій не указываетъ на немедленныя слѣдствія совѣта Вассіанова; онъ самъ говоритъ, что Іоаннъ и послѣ свиданія съ Вассіаномъ не мало лѣтъ царствовалъ хорошо, хотя, съ другой стороны, уже въ 1554 г. мы видимъ значительное движеніе недовольныхъ. Въ числѣ князей, не хотѣвшихъ присягать Димитрію, былъ кн. Семенъ Ростовскій, который хотѣлъ бѣжать и по этому поводу пересылался съ Литвою, за что сосланъ былъ на Бѣлоозеро въ тюрьму. Князь Семенъ извинялся малоумствомъ, лѣтописцы также не говорятъ о побужденіяхъ его къ отъѣзду; но само правительство объясняетъ эти причины въ наказѣ послу, отправленному въ Литву. «Если станутъ его спрашивать о дѣлѣ князя Семена Ростовскаго, то говорятъ: «Пожаловалъ его государь боярствомъ для отечества, а самъ онъ недороденъ, въ разумѣ простъ и на службу не годится; однако захотѣлъ, чтобы государь пожаловалъ его наравнѣ съ дородными; государь его такъ не пожаловалъ, а онъ, разсердившись по малоумству, началъ со всякими иноземцами говорить непригожія рѣчи про государя и про землю, чтобы государю досадить; государь вины его сыскалъ, что онъ государя со многими землями ссорилъ, и за то велѣлъ его казнить». А станутъ говорить, что съ княземъ Семеномъ хотѣли отъѣхать многіе бояре и дворяне—отвѣчать: «Къ такому дураку добрый кто пристанетъ? Съ нимъ хотѣли отъѣхать только родственники его, такіе же дураки». Іоаннъ жалуется въ письмѣ къ Курбскому, что послѣ этого Сильвестръ съ своими совѣтниками держалъ князя Семена въ великомъ береженіи, помогалъ ему всякими благами, и не только ему, но и всему роду его.

Въ 1560 году видимъ удаленіе Сильвестра и Адашева отъ двора. И удаленіе Сильвестра немного болѣе уяснено въ памятникахъ, какъ и появленіе его при Іоаннѣ. Когда царь, говоритъ Курбскій, оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, то платить оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же онъ это начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего отгоняетъ отъ себя Сильвестра и Адашева, ни въ чемъ предъ нимъ невиноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ, шурьямъ и другимъ съ ними, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Зачѣмъ же они это дѣлали? Затѣмъ, да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣть, судъ неправедный судить, посулы брать и другія злости плодить, пожитки свои

умножать. Что же они клеветуют и шепчут на ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они и сказали, что извели ее тѣ мужи Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услыхавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то черезъ письма, то черезъ митрополита, чтобы дана была имъ очная ставка съ клеветниками: «Не отрицаемся—писали они—и смерти, если будемъ обличены: но да будетъ судъ явственный предъ тобою и предъ всею думою твоею». Что же умышляютъ клеветники? Писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, царю говорить: «Если допустишь ихъ къ себѣ на очи, то очаруютъ они тебя и дѣтей твоихъ; притомъ все войско и народъ любить ихъ больше, чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ камнями. Но если даже этого не будетъ, то свяжутъ тебя опять и покорятъ себѣ въ неволю. Такъ они тебя до сихъ поръ держали въ оковахъ, по ихъ приказу ты пилъ и ѣлъ и съ женою жилъ, не давали они тебѣ ни въ чѣмъ воли, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не давали тебѣ ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Если бы не они были при тебѣ, и тебя не держали какъ уздою, то ты бы уже мало не всею вселенною обладалъ. Теперь, когда ты отогналъ ихъ отъ себя, то пришелъ въ свой разумъ, отворилъ себѣ очи, смотришь свободно на все свое царство и самъ единъ управляешь имъ». Царь хвалитъ совѣтъ, начинаетъ любить совѣтниковъ, связываетъ себя и ихъ клятвами, вооружаясь какъ на враговъ, на мужей неповинныхъ и на всѣхъ добрыхъ, добра хотящихъ ему и души за него полагающихъ. И что же прежде всего дѣлаетъ? Собираетъ соборъ изъ бояръ и духовенства, присоединяетъ предукавыхъ нѣкоторыхъ монаховъ, Михаила Сукина, издавна извѣстнаго злобою, Вассіана неистоваго и другихъ, исполненныхъ лицемерія и безстыдства, сажаетъ ихъ близъ себя, съ благодарностью слушаетъ ихъ, клеветующихъ на святыхъ. Что же дѣлаютъ на этомъ соборѣ? Читаютъ вины вышесказанныхъ мужей заочно. Митрополитъ говорить: «Надобно привести обвиненныхъ сюда, чтобы выслушать, что они будутъ отвѣчать на обвиненія». Всѣ добрые были согласны съ нимъ; но ласкатели вмѣстѣ съ царемъ завопили: «Нельзя этого сдѣлать, потому что они вѣдомые злодѣи и волшебники великіе, очаруютъ царя и насъ погубятъ, если придутъ». И такъ судили ихъ заочно. Сильвестра заточили на островъ, что на Ледовитомъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, лежащій на краю корельскаго языка, въ Лопи дикой, Адашевъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда въ нововзятый городъ въ Ливоніи, гдѣ назначается воеводою, но ненадолго: когда враги его услышали, что и тамъ Богъ помогаетъ ему, потому что многіе города ливонскіе хотѣли податься ему по причинѣ его доброты, то прилагаютъ клеветы къ клеветамъ, и царь приказываетъ перевести его въ Дерптъ и держать подъ стражею. Черезъ два мѣсяца онъ занемогъ здѣсь горячкою и умеръ; тогда клеветники возопили царю: «Измѣнникъ твой отравился». А Сильвестръ еще прежде, чѣмъ изгнанъ былъ, увидавши, что царь не по Богѣ всякія вещи начинаетъ, претилъ ему и наставлялъ много, но онъ отнюдь не внималъ и къ ласкателямъ умъ и уши преклонилъ; тогда пресвитеръ, видя, что царь уже отвратилъ отъ него свое лицо, отошелъ въ монастырь, во ста миляхъ отъ Москвы лежащій, и тамъ, постригшись въ монахи, проводилъ чистое житіе. Но клеветники, услышавъ, что монахи тамошніе держатъ его въ чести, изъ зависти и изъ боязни, чтобы царь, узнавъ объ этомъ, не возвратилъ его къ себѣ,

схвативши его оттуда, завели на Соловки, хвалясь, что соборомъ осудили его.

Итакъ, по разсказу Курбскаго, сперва выходитъ, что дѣло началось отогнаніемъ Сильвестра и Адашева, что это отогнаніе послѣдовало по смерти царицы Анастасіи, вслѣдствіе клеветы въ отравѣ; а потомъ вдругъ узнаемъ, что Сильвестръ еще прежде самъ удалился и постригся, что враги его потомъ, изъ зависти и страха, составили клевету, осудили заочно и отправили въ Соловки. Слѣдовательно, дѣло началось не клеветою въ отравѣ, а прежде: Сильвестръ ушелъ, увидавъ, что царь отворотилъ отъ него лицо свое. Что же заставило Іоанна отворотить лицо отъ Сильвестра, объ этомъ Курбскій не говоритъ и, перемѣшавши порядокъ событій, какъ-бы намѣренно, поставивши позади то, что должно быть напередъ, чтобы замаять дѣло, обмануть читателя, удовлетворить его одною причиною, тогда какъ надобно было выставить двѣ, лишилъ себя довѣренности, показалъ, что или не умѣлъ, или не хотѣлъ объяснить причины нерасположенія царя къ Сильвестру, которое заставило послѣдняго удалиться. Объ Адашевѣ Курбскій говоритъ, что онъ отгоняется отъ очей царскихъ безъ суда, назначается въ Феллинъ воеводою уже послѣ смерти царицы Анастасіи; но извѣстно, что Адашевъ еще въ маѣ 1560 года отправленъ былъ въ походъ на Ливонію въ третьихъ воеводахъ въ большомъ полку. Посмотримъ, разсказъ царя Іоанна не будетъ ли удовлетворительнѣе, причемъ прежде всего замѣтимъ, что царь, оправдывая свои жестокости, никогда не отрицаетъ ихъ; слѣдовательно, мы имѣемъ право полагаться на его слова. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ къ Курбскому, перечисляя вины Сильвестра и Адашева: «Видя измѣны отъ вельможъ, мы взяли вашего начальника, Алексѣя Адашева, отъ гноища и сравняли его съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы. Какими почестями и богатствами осыпали мы его самого и родъ его! Потомъ для духовнаго совѣта и спасенія души взялъ я попа Сильвестра, думая, что онъ, предстоя у престола владычнаго, побережетъ души своей: онъ началъ хорошо, и я ему, для духовнаго совѣта, повиновался; но потомъ онъ восхитился властью и началъ совокупляться въ дружбѣ (составлять себѣ партію) подобно мірскимъ. Подружился онъ съ Адашевымъ и начали совѣтоваться тайкомъ отъ насъ, считая насъ слабоумными, мало по малу начали они всѣхъ васъ бояръ въ свою волю приводить, снимая съ насъ власть, честью равняя васъ съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ приравнявая къ вамъ; начали причитать васъ къ вотчинамъ, городамъ и селамъ, которые, по уложенію отца нашего, отобраны у васъ: они это уложеніе разрушали, чѣмъ многихъ людей къ себѣ привязали. Единомышленника своего князя Дмитрія Курлятева ввели къ намъ въ синклитію и начали злой совѣтъ свой утверждать: ни одной волости не оставили, гдѣ бы своихъ угодниковъ не посадили; втроемъ съ Курлятевымъ начали рѣшать и мѣстническія дѣла, не докладывая намъ ни о какихъ дѣлахъ, какъ будто бы насъ и не было; наши мнѣнія и разумныя они отвергали, а ихъ и дурные совѣты были хороши. Такъ было во вѣншихъ дѣлахъ; во внутреннихъ же мнѣ не было ни въ чемъ воли: сколько спать, какъ одѣваться, все было ими опредѣлено, а я былъ какъ младенецъ. Но развѣ это противно разуму, что въ дѣлахъ совершенныхъ не захотѣлъ я быть младенцемъ? Потомъ вошло въ обычай, что я не смѣлъ слова сказать ни одному изъ самыхъ послѣднихъ его совѣтниковъ, а со-

вѣтники его могли говорить мнѣ, что имъ было угодно, обращались со мною не какъ со владыкою или даже съ братомъ, но какъ съ низшимъ; кто насъ послушается, сдѣлаетъ по нашему, тому гоненіе и мука; кто раздражитъ насъ — тому богатство, слава и честь; попробую прекословить — и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ, и царство разорится. И такое утѣсненіе увеличивалось не день ото дня, но часъ отъ часу. Когда мы съ христіанскою хоругвію двинулись на безбожный языкъ казанскій, получили надъ нимъ побѣду и возвращались домой, то какое dobroхотство оказали намъ люди, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозъ безбожную и невѣрную землю! Когда, по возвращеніи въ Москву, я занемогъ, то dobroхоты эти воспатались какъ пьяные съ Сильвестромъ и Адашевымъ, думая, что насъ уже нѣтъ, забывъ благодѣянія наши и свои души, потому что отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, что, кромѣ нашихъ дѣтей, другаго государя себѣ не искать; они хотѣли воцарить далекаго отъ насъ въ колѣнѣ князя Владиміра, а младенца нашего погубить, воцаривъ князя Владиміра. Если при жизни нашей мы отъ своихъ подвластныхъ насладились такого dobroхотства, то что будетъ послѣ насъ? Когда мы выздоровѣли, Сильвестръ и Адашевъ не перемѣнили своего поведенія; на dobroжелателей нашихъ подъ разными видами умышляли гоненія, князю Владиміру во всемъ потакали, на царицу нашу Анастасію сильную ненависть воздвигли, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ, а про дѣтей нашихъ тяжело имъ было и вспомнать. Когда князь Семенъ Ростовскій измѣнилъ, и мы наказали его съ милостью, то Сильвестръ съ вами, злыми совѣтниками своими, началъ его держать въ великомъ береженіи и помогать ему всякимъ добромъ, и не только ему, но и всему роду его. Такимъ образомъ, измѣнникамъ нашимъ было хорошо, а мы терпѣли притѣсненіе. Началась война съ ливонцами: Сильвестръ съ вами, своими совѣтниками, жестоко на насъ за нее возставалъ. Заболѣю ли я, или царица, или дѣти — все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ. Какъ вспомню этотъ тяжкій обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы, путешествія по святымъ мѣстамъ, приношенія и обѣты ко святынямъ о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи — всего этого мы были лишены лукавымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лѣкарствахъ во время болѣзни, и помину никогда не было. Пребывая въ такихъ жестокихъ скорбяхъ, не будучи въ состояніи сносить такой тягости, превышающей силы человѣческія, и сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева и всѣхъ его совѣтниковъ, мы наказали ихъ милостиво: смертною казнью не казнили никого, но по разнымъ мѣстамъ разослали. Попъ Сильвестръ, видя своихъ совѣтниковъ въ опалѣ, ушелъ по своей волѣ, и мы его отпустили, не потому, чтобы устыдился его, но потому, что не хотѣли судить его здѣсь: хочу судиться съ нимъ въ будущемъ вѣкѣ, предъ Агнцемъ Божіимъ. А сынъ его и до сихъ поръ въ благоденствіи пребываетъ, только лица нашего не видитъ. А мірскихъ людей мы наказали по ихъ измѣнѣ: сначала смертною казнью не казнили никого; но всѣмъ приказано было отстать отъ Сильвестра и Адашева, не имѣть съ ними отношенія, въ чемъ и взята была со всѣхъ присяга; но совѣтники ихъ, которыхъ ты называешь мучениками, при-

казъ нашъ и крестное цѣлованіе виѣнили ни во что, не только не отстали отъ измѣнниковъ, но и больше начали имъ помогать и всячески промышлять, чтобы ихъ на первый чинъ возвратить и составить на насъ лютейшее умышленіе, и такъ какъ злоба обнаружилась неутолимая, то виновные по своей винѣ и судъ приняли».

Въ этомъ разсказѣ насъ не останавливаетъ никакая запутанность или противорѣчіе: причина и постепенность дѣйствія ясны. Іоаннъ самъ объясняетъ, что нерасположеніе къ вельможамъ заставило его приблизить къ себѣ Адашева, человека относительно низкаго происхожденія; для совѣта духовнаго, для нравственнаго руководства приближенъ былъ священникъ Сильвестръ, болѣе всѣхъ другихъ къ тому способный. Относительно внутренней, нравственной жизни подчиненіе Сильвестру было полное; но Сильвестръ, соединясь съ Адашевымъ, составилъ себѣ многочисленную и сильную партію: они захотѣли полного подчиненія себѣ во всемъ. Несогласіе Іоанна съ Сильвестромъ и его совѣтниками выставлялось какъ непослушаніе велѣніямъ Божиимъ, за которымъ непосредственно слѣдуютъ наказанія. Во время болѣзни царя Сильвестръ, отецъ Адашева и пріятели ихъ дѣйствовали такъ, что заставили Іоанна разувѣриться въ ихъ расположеніи къ нему и его семейству, возбудили или усилили нерасположеніе къ себѣ царицы и братьевъ ея и сами не скрывали своего нерасположенія къ нимъ. Последнее столкновеніе, на которомъ остановился Іоаннъ при перечисленіи своихъ оскорбленій, помѣстилъ онъ во время обратнаго пути изъ Можайска съ больною Анастасіею. Извѣстіе это, лишенное подробностей, для насъ темно, какъ и многіе другіе намеки, дѣлаемые Іоанномъ въ перепискѣ съ Курбскимъ; но одно выраженіе ясно указываетъ на столкновеніе Сильвестра и Адашева или совѣтниковъ ихъ съ Анастасіею: «За одно малое слово ея они разсердились». Это столкновеніе, какъ видно, было послѣднимъ, рѣшительнымъ въ борьбѣ. Время путешествія Іоанна съ больною женою намъ извѣстно; это было въ ноябрѣ 1559 года. Весною видимъ уже Адашева въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправлявшемся въ Ливонію; въ это же время долженъ былъ удалиться и Сильвестръ. Любопытно и тутъ видѣть остатокъ того нравственнаго вліянія, которымъ пользовался Сильвестръ надъ Іоанномъ; послѣдній выставляетъ болѣе виновнымъ Адашева: «скажъ измѣны собаки Адашева Алексѣя со всѣми его совѣтники». Сильвестръ удаляется добровольно; Іоаннъ повторяетъ, что онъ не сдѣлалъ ему никакого зла, что не хочетъ судить его, а будетъ судиться съ нимъ предъ судомъ Христовымъ; невоздержный на бранныя выраженія, Іоаннъ въ перепискѣ съ Курбскимъ позволяетъ себѣ только одно бранное выраженіе на счетъ Сильвестра; помня столкновенія свои съ послѣднимъ въ совѣтѣ о дѣлахъ политическихъ, позволяетъ себѣ называть Сильвестра невѣждою. Очень важно извѣстіе, находимое у Іоанна, о постепенности въ опалахъ: сперва удаленіе нѣкоторыхъ, взятіе съ оставшихся клятвы не сообщаться съ удаленными; но клятва не соблюдается, совѣтники Сильвестра и Адашева стараются возвратить имъ прежнее значеніе—и слѣдуютъ казни. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы многочисленная и сильная сторона Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего паденія, не старалась возвратить себѣ прежняго значенія, чего могла достигнуть только чрезъ возвращеніе Силь-

вестру и Адашеву ихъ прежняго значенія. Это извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что объясненія перевода Адашева изъ Феллина въ Дерптъ и Сильвестра изъ Кириллова въ Соловецкій монастырь, — объясненія, которыя сообщаетъ намъ Курбскій, — очень невѣроятны: Адашеву хотѣли сдаваться ливонскіе города, Сильвестра кирилловскіе монахи держали въ большомъ почетѣ, и это возбудило зависть, опасенія во врагахъ ихъ! Наконецъ, очень важно, что Іоаннъ при исчисленіи винъ Сильвестра и Адашева, ни слова не упоминаетъ объ обвиненіи въ отравѣ Анастасіи и тѣмъ опять подрываетъ достовѣрность извѣстій Курбскаго, будто обвиненіе въ отравѣ царицы, которое придумали враги Сильвестра и Адашева и которому повѣрилъ Іоаннъ, было началомъ опалы. Если бы Іоаннъ дѣйствительно повѣрилъ отравѣ, если бы это былъ главный пунктъ обвиненія, то что могло помѣшать ему выставить его въ посланіи къ Курбскому? Только во второмъ посланіи, желая отвѣтить на упрекъ въ потерѣ нравственной чистоты, Іоаннъ обращается къ Курбскому съ вопросомъ: «А зачѣмъ вы разлучили меня съ женою? Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то кровавыхъ жертвъ и не было бы. Только бы на меня съ попомъ не стали, то ничего бы и не было. Все учинилось отъ вашего самовольства». Такимъ образомъ, то, что у Курбскаго является на первомъ планѣ, о томъ самъ Іоаннъ вовсе сначала не упоминаетъ, а потомъ упоминаетъ мимоходомъ, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, чтобъ только чѣмъ-нибудь оправдаться въ упрекѣ за нравственные безпорядки. Это различіе легко объясняется тѣмъ, что Іоаннъ не считалъ для себя нужнымъ скрывать главныя причины событій — борьбу съ Сильвестромъ, Адашевымъ и совѣтниками ихъ за власть, что повело къ удаленію этихъ лицъ, и потомъ движеніе партіи Сильвестра и Адашева для возвращенія своимъ вождямъ прежняго значенія, что повело къ дальнѣйшимъ опаламъ и казнямъ, тогда какъ Курбскому хотѣлось скрыть объ причины; для этого онъ перемѣшалъ событія: что нужно было поставить впереди, поставилъ сзади и выставилъ причину не настоящую.

Іоаннъ не отрицаетъ казней, послѣдовавшихъ за открытіемъ движенія совѣтниковъ Сильвестра и Адашева въ пользу послѣднихъ. Слѣдовательно имѣемъ право принять показанія Курбскаго о казни одной вдовы, Маріи Магдалины, съ пятью сыновьями: вдова эта была родомъ поляка и приняла въ Москвѣ православіе; по словамъ Курбскаго, ее обвинили въ связи съ Адашевымъ и въ чародѣйствѣ; Курбскій превозноситъ ея христіанскую жизнь; тогда же казнены братъ Адашева, Данила, и другіе родственники.

На основаніи признаній самого Іоанна, имѣемъ право принять извѣстіе Курбскаго и другихъ современниковъ о порчѣ нравственности Іоанна, происшедшей въ это время: мы видѣли, какъ начало порчи положено было въ молодыхъ лѣтахъ его; бракъ, впечатлѣніе, произведенное пожарами, вліяніе Сильвестра и Адашева повели къ успокоенію страстей, къ очищенію души; но скоро Іоаннъ опять сталъ волноваться подозрѣніемъ и гнѣвомъ вслѣдствіе поведенія Сильвестра и совѣтниковъ его во время болѣзни своей, вслѣдствіе образованія при дворѣ двухъ сторонъ, вслѣдствіе вражды Сильвестра и стороны его къ Анастасіи; наконецъ Сильвестръ и Адашевъ удалились, но совѣтники ихъ остались и дѣйствовали для возвращенія себѣ прежняго значенія; надобно было дѣйствовать противъ нихъ, употреблять наказанія. Опять возвращалась страшная эпоха

Шуйскихъ, Кубенскихъ и Воронцовыхъ, около Іоанна образовалась пустота: люди, къ которымъ онъ привыкъ, которыхъ любилъ и, что всего важнѣе, которыхъ уважалъ, исчезли или, что еще хуже, стали поодаль, во враждебномъ положеніи, съ укоромъ въ устахъ и во взорахъ; къ новымъ людямъ, занявшимъ ихъ мѣсто, не чувствовалось уваженія. Въ это время новый ударъ — Іоаннъ овдовѣлъ, остался совершенно одинокъ, остался одинъ на одинъ со своими страстями, требовавшими немедленнаго удовлетворенія; а природа Іоанна мѣшала ему останавливаться при удовлетвореніи страстей: при впечатлительности, страстности, увлекательности природы Іоанна, переходы отъ зла къ добру и отъ добра къ злу были очень скоры.

XIV. ПЕРЕМѢНА ВЪ ІОАННѢ, РАЗРЫВЪ ЕГО СЪ СИЛЬВЕСТРОМЪ И АДАШЕВЫМЪ И НАЧАЛО ЭПОХИ КАЗНЕЙ.

(Изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина).

И россияне современные, и чужеземцы, бывшіе въ Москвѣ, изображаютъ юнаго Іоанна IV какъ примѣръ монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ ко славѣ и счастію государства. Такъ изъясняются первые: «Обычай Іоанновъ есть соблюдать себя чистымъ передъ Богомъ. И въ храмѣ, и въ молитвѣ уединенной, и въ совѣтѣ боярскомъ, и среди народа у него одно чувство: да властвую, какъ Всевышній указалъ властвовать своимъ истиннымъ помазанникамъ! Судъ нелицемѣрный, безопасность каждого и общая цѣлость порученныхъ ему государствъ, торжество вѣры, свобода христіанъ есть всегдашняя дума его. Обремененный дѣлами, онъ не зналъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность, не хотѣлъ обыкновенныхъ прохладъ царскихъ. Ласковый къ вельможамъ и народу, любя, награждая всѣхъ по достоинству, щедростью искореняя бѣдность, а зло — примѣромъ добра, сей Богомъ урожденный царь желаетъ въ день страшнаго суда услышать гласъ милости: «ты еси царь правды!» и отвѣтствовать съ умиленіемъ: «се азъ и люди, яже далъ ми еси ты!» Не менѣе хвалятъ его и наблюдатели иноземные, англичане, пріѣзжавшіе въ Россію для торговли. «Іоаннъ, пишутъ они, затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ, и добродѣтелью; имѣетъ многихъ враговъ и смиряетъ ихъ. Литва, Польша, Швеція, Данія, Ливонія, Крымъ, ногаи ужасаются русскаго имени. Въ отношеніи къ подданнымъ онъ удивительно снисходителенъ, привѣтливъ, любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ и, не смотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ; скажетъ боярину: иди — и бояринъ бѣжитъ; изъявить досаду вельможѣ, и вельможа въ отчаяніи, скрывается, тоскуетъ въ уединеніи, отпускаетъ волосы въ знакъ горести, пока царь не объявитъ ему прощенія. Однимъ словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ, болѣе руссіянъ преданнаго своему государю, коего они равно и страшатся, и любятъ. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Іоаннъ во все входитъ, все рѣшаетъ, не скучаетъ дѣлами и не веселится ни звѣриною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: какъ служить Богу и какъ

истреблять враговъ Россіи». Вѣроятно ли, чтобы государь, любимый, обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастья, славы низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства?

Исторія не рѣшаетъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но, предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе, во-первыхъ, природными свойствами людей, во-вторыхъ, обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ, ибо самыя дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; они исхитили юношу изъ сѣтей нѣги и, съ помощью кроткой Анастасіи, увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не уменьшилась, но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты, государь пересталъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое примодушіе казалось ему непристойною грубостью, оскорбительною для монарха. Напримѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны ливонской, утверждая, что надобно, прежде всего, искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа, что ливонцы, хотя и не греческаго исповѣданія, однако-же христіане и для насъ не опасны; что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣлости и свободы государствъ. Дворъ былъ наполненъ людьми, преданными симъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя. Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры; проповѣдую небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ, стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ никому видѣть царя; желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, въ то же время прелятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя государю быть умѣреннымъ въ счастья, ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія. Они говорили: «Кто сіи люди, дерзающіе предписывать законы царю великому и мудрому не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ домашнихъ, семейныхъ, въ самомъ образѣ жизни,—дерзающіе указывать ему, какъ обходиться съ супругою, сколько ѣсть и пить въ мѣру». Ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздержанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не унималъ злословія, ибо уже скучалъ излишніе строгими правоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы: онъ не мыслилъ оставить добродѣтели, а желалъ единственно избавиться отъ учителей и

доказать, что можетъ безъ нихъ обойтись. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что, скоро по завоеваніи Казани, онъ, въ гнѣвъ на одного воеводу, сказалъ вельможамъ: «Теперь уже не боюсь васъ!» Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви къ благу. Хотя государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Въ сіе время холодность государева къ Адашеву и Сильвестру столь ясно обнаружилась, что они увидѣли необходимость удалиться отъ двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ думѣ и всегда употребляемый въ переговорахъ съ европейскими державами, хотѣлъ еще служить царю инымъ способомъ: принялъ санъ воеводы и поѣхалъ въ Ливонію; а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ государю благословеніе, заключилъ въ одномъ пустынномъ монастырѣ. Друзья ихъ осиротѣли, непріатели восторжествовали, славили мудрость царя и говорили. «Нынѣ ты уже истинный самодержецъ, помазанникъ Божій: единъ управляешь землею, открылъ свои очи и зришь свободно на все царство!» Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной государевой немилости, Адашева честили въ войскѣ; самые граждане ливонскіе изъявили отмѣнное къ нему уваженіе: все покорилось его уму и добродѣтели. Не менѣе и Сильвестръ, уже монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями христіанскими въ пустынѣ: иноки съ удивленіемъ видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаялся, возвратитъ изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина царицы подала къ тому случай.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестью: всѣ вокругъ его проливали слезы или отъ истинной жалости, или въ угодность царю печальному, и въ сихъ слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усердія, любви, будто бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнаго злодѣйства. «Государь!» сказали Іоанну, «ты въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ: добродѣтельную царицу извели Сильвестръ и Адашевъ, ея враги тайные и чародѣи, ибо они безъ чародѣйства не могли бы такъ долго владѣть умомъ твоимъ». Представили доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ; но государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра, ни Адашева, думалъ, что они также не любили ея, и принялъ клевету, можетъ быть, желая оправдать свою къ нимъ немилость если не вѣрными уликами въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣніемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали къ царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя царю, что они, какъ василиски ядовиты, могутъ однимъ взоромъ очаровать его снова и, любимые войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ, что страхъ сомк-

нетъ уста доносителямъ. Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно: митрополитъ, епископы, бояре, многіе иные духовные и свѣтскіе чиновники собрались во дворцѣ. Читали не одно, но многія обвиненія, изъясняемые самимъ Іоанномъ въ письмѣ къ князю Курбскому. «Ради спасенія души моея, пишетъ царь, приблизилъ я къ себѣ іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять царствомъ безъ царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольтва въ бояръ, роздали единомышленникамъ города и волости, сажали, кого хотѣли, въ думу, заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни униженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ царя съ горстью воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не падаютъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія страшила, чтобы привести въ ужасъ мою душу, велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрягаютъ ѣздить по св. обителямъ, не дозволяютъ карать вѣмцевъ... Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжелой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сына моего, взять себѣ иного царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ чѣмъ платили намъ за оное? Новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали кн. Владимиру Андреевичу. И такъ удивительно-ли, что я рѣшился наконецъ не быть младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть его, возложенное на царство лукавымъ попомъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ?» Забѣгаю, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи и тѣмъ свѣдѣтельствуемъ нелѣпую ложь сего доноса; всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли, какъ люди, ослѣпиться честолюбіемъ; но государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ исторіи царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, а любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россією, то для счастья подданныхъ и царя надлежало бы симъ добродѣтельнымъ мужамъ не оставлять государственнаго кормила. Лучшее неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клеветаетъ на самого себя, гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренне любилъ благо, узнавъ его прелесть, и, наконецъ, увлеченный страстями, только обузданными, но не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ мудрыми наставниками, ибо легче переимѣниться, нежели такъ долго принуждать себя—и кому? Государю самовластному, который однимъ словомъ могъ всегда расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ не одобряя войны ливонской, служилъ Іоанну какъ подданный, какъ министръ и воинъ усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея; слѣдственно, государь повелѣвалъ, и вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ.

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ, митрополитъ Макарій,

близостью смерти и саномъ первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ; но сонмъ губителей, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди, осуждаемые чувствомъ государя велемудраго, милостиваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія, что ихъ присутствіе и козни опасны, что спокойствіе царя и отечества требуетъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. И такъ рѣшили, что обвиняемые виновны. Надлежало только опредѣлить казнь, и государь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную: послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взытію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями. Но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ черезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали царю, что обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ.

Отсельъ начало злу. Уже не было двухъ главныхъ дѣйствующихъ благосклоннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила остались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ измѣнниковъ и быть вѣрными государю. Присягнули, одни съ радостью, другіе съ печалью, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинствомъ и способомъ угождать царю, сдѣлалось предосудительно, напоминала Адашева и Сильвестра. Говорили Іоанну: «Всегда-ли плакать тебѣ о супругѣ? Найдешь другую, равно предестинную; но можешь неумѣренностью въ скорби повредить своему здравію безцѣнному. Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ земной горести искалъ и земнаго утѣшенія». Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость въ нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ, и, чрезъ восемь дней по кончинѣ Анастасіи, митрополитъ, святители, бояре торжественно предложили ему искать невѣсты: законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячъ рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію, государь объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ короля польскаго.

Съ сего времени умолкъ плачь во дворцѣ. Начали забавлять царя сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и свѣтлыми пирами, напоминали другъ другу, что вино радуетъ сердце, смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности, называли постничествомъ лицемѣріемъ. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностью. Еще многіе бояре, сановники не могли вдругъ переимѣниться въ обычаяхъ: сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицомъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали; ихъ осмѣивали, унижали: дили имъ вино на голову. Между новыми любимцами государевыми отличались бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его, кравчій Ѳеодоръ, кн. Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему че-

столюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ обыкновенныхъ царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостью ума, искусственною веселостью, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю, какъ божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ царей, и благихъ слугъ царскихъ,—первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Они сговорились съ двумя или тремя монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть царя и своимъ присутствіемъ какъ-бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь чудовскаго архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Порокъ ведетъ къ пороку: женолюбивый Іоаннъ, разгорячаемый виномъ, забылъ цѣломудріе и, въ ожиданіи новой супруги для вѣчной, единственной любви, искалъ временныхъ предметовъ въ удовлетвореніе грубымъ вожделѣніемъ чувственнымъ. Мнимая, прозрачная завѣса тайны не скрываетъ слабостей вѣщности: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ у друга, какимъ гибельнымъ наитіемъ государь, дотоѣ пріимѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства?

Сіе безъ сомнѣнія великое зло произвело еще ужаснѣйшее. Развратники, указывая царю на печальныя лица важныхъ бояръ, шептали: «Вотъ твои недоброхоты! Вопреки данной ими присягѣ, они живутъ Адашевскимъ обычаемъ, сѣютъ вредныя слухи, волнуютъ умы, хотятъ прежняго своевольтва». Такіе ядовитыя навѣты разстраивали Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ; взоръ его смутился, изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистой памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ и сдѣлался мучителемъ, кому равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ... Не вдругъ, конечно, расвириѣла душа, нѣкогда благочестивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но лѣтописцы не могли проникнуть въ ея внутренность, не могли видѣть въ ней боренія совѣсти съ мятежными страстями: видѣли только дѣла ужасныя и называютъ тиранство Іоанново чуждою бурей, какъ-бы изъ нѣдръ ада посланною возмутить, истерзать Россію. Оно началось гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева: ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиналъ ласкателей, новыхъ совѣтниковъ царскихъ; а царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокими унять дерзости. Жена знатная, именемъ Марія, славилась въ Москвѣ христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести царя. Ее казнили, вмѣстѣ съ пятью сыновьями, и скоро многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ-же: знаменитаго воинскими подвигами окольничаго Данила Адашева, брата Алексіева съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ, трехъ Сатиныхъ, коихъ сестра была за Алексіемъ, и родственника его, Ивана Шишкина, съ женою и дѣтьми; кн. Димитрій Оболенскій-Овчининъ, сынъ воеводы, умершаго плѣнникомъ въ Литвѣ, погибъ за нескромное слово. Оскорбленный надменностью юнаго любимца государева, Ѳедора Басманова, Димитрій сказалъ ему: «Мы служимъ царю трудами полезными, а ты гнусными дѣлами содомскими!» Басмановъ принесть жалобу Іоанну, который въ изступленіи гнѣва за обѣдомъ вонзилъ

несчастному князю ножъ въ сердце; другіе пишутъ, что онъ велѣлъ задушить его. Кн. Михайло Рѣпинъ также былъ жертвою великодушной смѣлости. Видя во дворцѣ непристойное игрище, гдѣ царь, упоенный крѣпкимъ медомъ, плясалъ со своими любимцами въ маскахъ, сей вельможа заплакалъ отъ горести. Іоаннъ хотѣлъ надѣтъ на него маску. Рѣпинъ вырвалъ ее, растопталъ ногами и сказалъ: «Государю-ли быть скороморехомъ? По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ думы, не могу безумствовать!» Царь выгналъ его и черезъ нѣсколько дней велѣлъ умертвить, стоящаго во святомъ храмѣ, на молитвѣ; кровь сего добродѣтельнаго мужа обагрила помостъ церковный. Угождая несчастному расположенію души Іоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихіе разговоры въ семействахъ, между друзьями, смотрѣли на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступленій, ибо доносы нравились государю, и судія не требовалъ уликъ вѣрныхъ. Такъ, безъ вины, безъ суда, убили кн. Юрія Кашина, члена думы; кн. Димитрія Курлятева, друга Адашевыхъ, насильно постригли и скоро умертвили со всѣмъ семействомъ; первостепеннаго вельможу, побѣдителя казанцевъ, кн. Михайла Воротынскаго, съ женою, съ сыномъ и съ дочерью сослали на Бѣлоозеро. Ужась крымцевъ, воевода бояринъ Иванъ Шереметьевъ былъ вверженъ въ душную темницу, истерзанъ, окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и хладнокровно спросилъ: «Гдѣ казна твоя? Ты слылъ богачемъ». «Государь!» отвѣчалъ полумертвый страдалецъ; «я руками нищихъ переслалъ ее къ моему Христу Спасителю!» Выпущенный изъ темницы, онъ еще нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ думѣ; наконецъ скрылся отъ міра въ пустынь Бѣлозерской, но не укрылся отъ гоненія: Іоаннъ писалъ тамошнимъ монахамъ, что они излишне честятъ сего бывшего вельможу, какъ-бы въ досаду царю.

Москва цѣпенѣла въ страхѣ, кровь лилась, въ темницахъ, въ монастыряхъ стонали жертвы; но тиранство еще созрѣвало: настоящее ужасало будущимъ. Нѣтъ исправленія для мучителя, всегда болѣе и болѣе подозрительнаго, болѣе и болѣе свирѣпаго: кровопійство не утоляетъ, но усиливаетъ жажду крови: оно дѣлается лютѣйшею изъ страстей, неизъяснимую для ума, ибо есть безуміе, казнь народовъ и самого тирана. Любопытно видѣть, какъ сей государь, до конца жизни усердный читатель христіанскаго закона, хотѣлъ соглашать его божественное ученіе съ своею неслыханною жестокостію: то оправдывалъ оную въ видѣ правосудія, утверждая, что всѣ ея мученики были измѣнники, чародѣи, враги Христа и Россіи; то смиренно винился передъ Богомъ и людьми, называлъ себя гнуснымъ убійцею невинныхъ, приказалъ за нихъ молиться въ святыхъ храмахъ, но утѣшался надеждою, что искреннее раскаяніе будетъ ему спасеніемъ, и что онъ, сложивъ съ себя земное величіе, въ мирной обители св. Кирилла Бѣлозерскаго со временемъ будетъ примѣрнымъ инокомъ. Такъ писалъ Іоаннъ къ кн. Курбскому и къ начальникамъ любимыхъ имъ монастырей, во свидѣтельство, что гласъ неумолимой совѣсти тревожитъ мутный сонъ души его, готова его ко внезапному, страшному пробужденію въ могилѣ!

ХУ. ПАДЕНІЕ ЛИВОНСКАГО ОРДЕНА И ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА.

(Изъ статьи Бестужева-Рюмина: «Ливонская война», помѣщенной въ журналѣ Минист. Народн. Просв. за 1880 г.).

Ливонская война царя Іоанна Васильевича является для внимательнаго и безпристрастнаго взгляда однимъ изъ необходимѣйшихъ эпизодовъ въ жизни Московскаго государства. Неудачный исходъ ея не долженъ закрывать отъ насъ всего ея значенія, какъ попытки въ свое время и примѣра для временъ послѣдующихъ. Пока Московское государство слагалось въ борьбѣ съ остальными княжествами Руси Восточной, пока оно отбивалось отъ татаръ и Литвы, еще самостоятельной, тогда ему не нужно было много средствъ, оно могло довольствоваться тѣмъ, что имѣло. Но когда сложилось большое государство, — задачи его расширились, оно почувствовало необходимость большихъ средствъ, необходимости и лучшей защиты, и лучшей внѣшней обстановки, большаго матеріальнаго благосостоянія. Сложившееся государство почувствовало необходимость поддерживать свое существованіе, развиваться дальше, сознало, что въ то время, пока оно озабочено было самыми первоначальными требованіями бытія, другіе болѣе счастливые народы успѣли обставить себя гораздо лучшими условіями. Пробыть себѣ дорогоу къ такому же положенію, стать на ряду съ этими счастливыми народами сдѣлалось задачей Московскаго государства. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ начинаетъ вызывать изъ за моря художниковъ и технику, то же продолжаютъ его преемники. Овладевъ Новгородомъ, Московское государство приняло въ свои руки устройство западной торговли, которая дотогѣ шла черезъ Новгородъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдовало и политическія отношенія Новгорода съ странами прибалтійскими—Ливоніей и Швеціей. Извѣстно, что Московское государство закрыло въ Новгородѣ Нѣмецкій дворъ. Не разъ случалось каждому читать, что это закрытіе было гибельно: говорящіе такимъ образомъ не вникли въ то, что Ганза, стараясь извлекать изъ странъ, съ которыми была въ сношеніяхъ, всю пользу для себя, держала всегда въ черномъ тѣлѣ мѣстное купечество; они забыли, что борьба съ Ганзою была весьма выдающимся явленіемъ въ исторіи всѣхъ сѣверныхъ государствъ, и что закрытіе ганзейскихъ дворовъ совершилось не въ одной Россіи. Но русскимъ купцамъ стало отъ того не легче: торговля перешла въ ливонскіе города — Ригу, Нарву. Ливонцы, съ своей стороны, старались извлекать изъ этой торговли какъ можно болѣе выгоды, обставляя ее для другихъ самыми стѣснительными условіями: иностранцамъ, особенно голландцамъ, запрещено было учиться по русски и торговать прямо съ русскими; запрещенъ былъ ввозъ серебра въ Россію, запрещена была торговля съ русскими въ кредитъ и т. п. Въ 1547 году царь поручилъ саксонцу Шлитте набрать въ Германіи художниковъ и мастеровъ, которые могли бы быть полезны для Россіи. Набранные съ позволенія Карла V люди прибыли уже въ Любекъ, но, по представленію Ливоніи объ опасности для нея отъ знакомства русскихъ съ искусствами, были задержаны въ Любекѣ подъ предлогомъ долговъ; отпущенный черезъ два года Шлитте былъ задержанъ въ Ливоніи, которой удалось на этотъ разъ выхлопотать указъ отъ цезаря о непропусканіи въ Мос-

кву подобныхъ людей; одинъ изъ набранныхъ такимъ образомъ, по имени Ганцъ, хотѣлъ было пробраться въ Россію, но былъ остановленъ и казненъ.

Ливонскій орденъ былъ исконнымъ врагомъ Россіи на Балтійскомъ побережьи, наиболѣе старавшимся, какъ мы уже видѣли, препятствовать сношеніямъ нашимъ съ Западною Европою. Конечно, самъ по себѣ орденъ былъ слабъ; но и слабость эта могла быть страшна для московскаго правительства, потому что, какъ было уже ясно, существованіе ордена продолжаться не могло: ему приходилось или обратиться въ свѣтское владѣніе, подобно ордену Прусскому, съ которымъ онъ былъ соединенъ и отъ котораго недавно отдѣлился, или подпасть власти сосѣднихъ государствъ Польши, Швеціи, Даніи. Ливонія представляла собою миниатюрное повтореніе имперіи безъ объединяющей власти цезаря. Верховная власть цезаря надъ Ливоніей была почти что только номинальная; власть папы надъ епископами давала лишь поводъ къ постояннымъ препирательствамъ въ Римѣ между орденомъ и архіепископомъ. Въ Ливоніи рядомъ существовали области духовныхъ князей (архіепископа, епископовъ дерптскаго, везельскаго, курляндскаго и ревельскаго) и область ордена, не имѣвшая своихъ опредѣленныхъ границъ и разсѣянная по областямъ духовныхъ князей. Епископы не зависѣли отъ архіепископа, и орденъ, подчиняясь въ началѣ архіепископу, вступилъ съ нимъ въ борьбу и пріобрѣлъ надъ нимъ первенство. Такая разрозненность интересовъ между властями дѣлала Ливонію достаточно слабою передъ лицомъ сильнаго врага. Стремленіе городовъ, въ особенности Риги, выйти изъ-подъ власти князей было новымъ элементомъ слабости для Ливоніи; самымъ постояннымъ и существеннымъ элементомъ слабости было отношеніе вышнихъ сословій—нѣмецкихъ колонистовъ къ низшему—латышамъ и финнамъ. Значеніе этого антагонизма сильно сказалось многими возстаніями крестьянъ во время войны русско-ливонской. Средствомъ объединенія разрозненныхъ элементовъ, господствовавшихъ въ землѣ Ливонской, былъ съ XV вѣка сеймъ, въ которомъ принимали участіе князья духовные—главные сановники ордена—уполномоченные рыцарей-вассаловъ ордена и духовныхъ властей (у тѣхъ и другихъ были свои вассалы, въ сущности составляющіе мѣстное рыцарство) и депутаты городовъ. Сеймы эти, по различію элементовъ, въ нихъ входившихъ, и по допущенному на нихъ рѣшенію по единогласію, часто не достигали единенія. Шли тогда жалобы къ цезарю и, какъ *suprema ratio*, междоусобная война. Появленіе реформаціи было важною эпохою въ жизни Ливоніи: она оторвала ее отъ Пруссіи, которая теперь обратилась въ свѣтское владѣніе, и такимъ образомъ Ливонскій орденъ сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ. Во главѣ его стоялъ тогда знаменитый Плеттенбергъ. Къ реформаціи онъ отнесся нѣсколько сдержанно и старался примирить обѣ стороны, что ему удавалось мало, и вслѣдствіе сего, хотя Рига признала его своимъ единственнымъ повелителемъ, хотя на съѣздѣ въ Вольмарѣ (1526 г.) всѣ духовные владѣтели съ своими капитулами и рыцарями подчинились ему, но все-таки архіепископу удалось, наконецъ, подѣлать съ магистромъ власть надъ Ригю. Архіепископъ, ища себѣ опоры внѣ страны, избралъ своимъ коадьюторомъ Христофора, герцога Мекленбургскаго, родственника польскаго короля. Это вызвало противодѣйствіе ордена и вооруженное вмѣшательство на защиту архіепископа короля польскаго и гер-

пога Бранденбургскаго. Орденъ, отвыкшій отъ войны и изнѣженный въ своихъ нравахъ, не могъ оказать сопротивленія польскому королю, уже вступившему въ Курляндію, и у мѣстечка Позволя (близъ Бауска) новый магистръ Фюрстенбергъ (въ 1557 г.) заключилъ съ нимъ миръ. Вслѣдъ затѣмъ Литва и орденъ вошли въ наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи.

Въ виду слабости ордена, въ виду возможности укрѣпиться на балтійскомъ берегу одному изъ сосѣднихъ государствъ, въ виду настоятельной необходимости войти въ прямыя торговыя сношенія съ Западомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпить и охранить свои границы, Московское государство должно было начать Ливонскую войну. Въ поводахъ къ ней недостатка не было: очевидная враждебность ордена и нарушеніе существующихъ договоровъ служили самымъ лучшимъ поводомъ. Такъ, въ договорѣ 1463 г. между Псковомъ и дерптскимъ епископомъ встрѣчается упоминаніе о дани, которую, по старому обычаю, епископъ долженъ былъ платить великому князю; тамъ же постановлено, что епископъ и горожане должны оберегать русскій конецъ и святыя церкви. Въ договорѣ съ Плеттенбергомъ (1503 г.) условіе о дани было подтверждено, но не исполнялось въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Вопросъ объ этой дани не подымался до 1554 г., когда въ Москву прибыли ливонскіе рыцари ходатайствовать о продолженіи перемирія. Переговоры велись Ал. Адашевымъ. Епископъ согласился заплатить въ три года недоимку юрьевской (дерптской) дани за пятьдесятъ лѣтъ по гривнѣ (=марка) нѣмецкой съ человѣка, вся Ливонія должна за него ручаться и въ случаѣ неплатежа заставить платить, очистить русскія церкви (разграбленныя протестантами), не стѣснять русской торговли, не помогать Польшѣ. Вѣсть объ этомъ договорѣ взволновала Ливонію: архіепископъ созвалъ сеймъ толковать о требуемой царемъ дани; рѣшеніе сейма неизвѣстно; но за утвержденіемъ трактата царь прислалъ къ магистру посла своего келаря Терпигорева. Нѣмцы долго совѣтовались, колебались утвердить договоръ, но, наконецъ, прибѣгнувъ къ хитрой уловкѣ, вышней канцлеромъ епископа дерптскаго, рѣшились подписать и при этомъ обратиться съ протестомъ къ цезарю. «Какое дѣло государю моему—сказалъ на это заявленіе Терпигоревъ—до кесаря; дали мнѣ грамоту; не будете платить дани государю моему—самъ соберетъ». Три года, данные для уплаты дани, прошли въ февралѣ 1557 года, Ливонія отправила въ Москву посольство попытаться, нельзя ли отдѣлаться отъ дани; посольство это не видѣло государя и отпущено съ увѣреніемъ, что, если дань не будетъ заплачена, «государю, полсжа упованіе на Бога своего, самому искати на магистри и на всей Ливонской земли». Царь запретилъ тогда русскимъ купцамъ ѣздить въ Ливонію и послалъ князя Шастунова строить городъ на Наровѣ, ниже Ивангорода. Испуганные ливонцы снарядили новое посольство, которое просило уменьшенія дани; но царь желалъ, чтобы деньги были выплачены. На этомъ и прервались переговоры. Но, пока велись переговоры, русская рать стояла уже на границахъ Ливоніи: въ Ливоніи знали, что царь много заботился о своемъ войскѣ, что произведенное, въ 1556 г., полное распредѣленіе помѣстій и организація помѣстной системы, а также окончательное устройство стрѣльцовъ и увеличеніе числа служилыхъ татаръ давали русскому войску новую силу; въ Ливоніи знали, что, крѣпкая своимъ подчиненіемъ

одной волѣ, земля русская должна сломить разрозненную, полную раздоровъ Ливонію, и могли только разсчитывать или на свою хитрость или на вмѣшательство сосѣдей; но въ послѣднемъ случаѣ лучше было опереться на одного изъ нихъ; и тогда уже нѣкоторые указывали на Польшу, и къ Польшѣ склонился въпослѣдствіи Кеттлеръ. Въ январѣ 1558 года русскія войска, подъ начальствомъ князя Глинскаго, брата царицы Данила Романовича, и Шахъ-Али вошли въ Ливонію: вся страна на пространствѣ за 50 верстъ до Риги и за 30 до Ревеля была страшно опустошена; въ февралѣ рать вернулась на Русь. Уходя, воевода обратился къ магистру съ совѣтомъ: «бить челомъ государю, и царь (Шахъ-Али), и бояре, и царевичи стануть государю о нихъ печаловаться». Созванъ былъ въ Вольмарѣ сеймъ обсуждать, что дѣлать Ливоніи, и было рѣшено, что, въ виду слабости ливонской, слѣдуетъ снова попробовать согласить царя на миръ. Собрали кое-какъ деньги для взноса царю. Положеніе дѣлъ было самое грустное: шведскій капланъ въ Ревелѣ писалъ въ Стокгольмъ, что Ливонія приближается къ краю гибели, и стоитъ только придти шведскому королю или его сыну, чтобы всѣмъ завладѣть, ибо польскій король не думаетъ помогать, а на военныхъ людей изъ Германіи надежда самая плохая: имъ неаккуратно платили жалованье; угнетенный асть скорѣе покорится русскому, чѣмъ нѣмцу. Отправили пословъ въ Москву. Царь велѣлъ прекратить войну, но жители Нарвы продолжали стрѣлять по Ивангороду. Этимъ война возобновилась. Жители Нарвы, сознавая, что держаться не могутъ, послали въ Москву съ предложеніемъ подданства; въ Москвѣ приняли пословъ благосклонно; но, получивъ подкрѣпленіе, Нарва снова отказала въ покорности и 11-го мая взята была окончательно; царь велѣлъ освятить городъ, построить въ немъ церкви и не только обѣщалъ свою милость всѣмъ жителямъ, но велѣлъ возвратитъ плѣнныхъ нарвскихъ, гдѣ они отыщутся. Такъ пріобрѣтена была гавань на морѣ и явилась возможность самостоятельной торговли. Посламъ, пріѣхавшимъ во время нарвскаго дѣла, и между которыми былъ братъ магистра, отвѣчали, что магистру и епископамъ должно пріѣхать лично и бить царю челомъ, и онъ тогда ихъ помируетъ. Стало быть, требовалась полная покорность Ливоніи. Покорности этой Іоаннъ рѣшилъ добиться оружіемъ: нѣкоторые города и волости сдавались безъ сопротивленія; здѣсь остались русскіе воеводы и строились русскія церкви; сильное сопротивленіе оказалъ Нейгаузенъ, обороняемый Георгіемъ Иксулемъ, который сдался только тогда, когда его собственные солдаты грозили его повѣсить; ему позволили свободно выйти, а изъ гарнизона многіе перешли на сторону русскихъ. Магистръ, стоявшій съ 2,000 человекъ за болотами въ Киремпе, счелъ себя не безопаснымъ и ушелъ въ Валкъ, гдѣ Готгардъ Кеттлеръ, отличившійся во время опаснаго отступленія, избранъ былъ въ коадьюторы магистра; епископъ дерптскій, тоже бывшій въ Киремпе, при отступленіи къ Дерпту, былъ разбитъ Шеинымъ и Адашевымъ. Нейгаузенъ еще не былъ взятъ, когда въ Дерптъ чины ливонскіе вели между собою переговоры о томъ, у кого просить помощи; высказывались разныя мнѣнія. Посреди этихъ преній дерптскій бургомистръ Тилэ высказалъ самое разумное мнѣніе: онъ призывалъ своихъ соотечественниковъ къ пожертвованію имуществомъ, говорилъ о необходимости единенія, указывая на то, что, откуда бы Ливонія ни призвала себѣ защитника, защитникъ

этотъ поработить ее; но «онъ проповѣдывалъ глухимъ». Еще предъ тѣмъ чины посылали просить помощи у цезаря, который отвѣчалъ указаніемъ на то, что они могутъ обратиться къ сосѣдямъ; ибо, не смотря на все его желаніе, «ему невозможно все христіанство на всѣхъ мѣстахъ даже отъ однихъ турокъ защищать и охранять». Результатомъ дерптскихъ переговоровъ было начало разложенія Ливоніи: Эстляндія и Эзель обратились съ просьбой о принятіи ихъ подъ защиту къ королю датскому, архіепископъ искалъ покровительства Польши, а магистръ—Швеціи. Государства сосѣднія общали свое посредничество, что въ слѣдующемъ 1559 году и было исполнено со стороны Польши, Швеціи и Даніи. Кеттлеръ послалъ отъ себя посла къ царю, прося унять войну. Іоаннъ отвѣчалъ ему: «похоцетъ маистръ государева жалованья; и онъ бы самъ былъ бити челомъ, а по его челобитью посмотри государь его пожалуетъ». Русскія войска между тѣмъ подходили къ Дерпту, гдѣ заперся епископъ съ гражданами и наемнымъ войскомъ, а дворянство по большей части разбѣжалось. Русскіе начали осаду Дерпта 11-го іюля; до 18-го нѣмцы защищались, но, когда магистръ отказалъ имъ въ помощи, должны были сдаться. Дерптцы, составивъ очень выгодныя для себя условія, предложили ихъ князю Петру Шуйскому. По этимъ условіямъ, предварительно подписаннымъ Шуйскимъ, епископъ сохраняетъ власть надъ католическимъ духовенствомъ и живетъ близъ Дерпта; дворяне сохраняютъ свои земли; граждане остаются при своей новой вѣрѣ и сохраняютъ городское управленіе (съ апелляціей въ Ригу); торговля русскихъ съ иностранцами ведется только черезъ дерптскихъ гражданъ, русскіе ратники не должны стоять по обывательскимъ домамъ. Шуйскій, образъ дѣйствій котораго вообще чрезвычайно хвалить ливонскій летописецъ, принялъ эти условія и занялъ городъ. 6-го сентября царь далъ жалованную грамоту Дерпту, по которой апелляція къ Ригѣ не допущена, а постановлена апелляція къ воеводѣ и царю; освобожденіе гражданъ отъ постоя подвержено изъятію; русскимъ дозволяется владѣть собственностью въ Дерптѣ, но и дерптцамъ въ Россіи; торговать имъ можно безпошлинно только въ Новгородѣ, Псковѣ, Нарвѣ; со смертною казнью соединена конфискація. Давая такія права, царь, очевидно, хотѣлъ оставить за собою Дерптъ, и поэтому скоро началось поселеніе въ Юрьевской землѣ дѣтей боярскихъ; епископъ и нѣкоторые граждане были перевезены въ Москву. Взятіе Дерпта распространило ужасъ по всей Ливоніи: это было «лучшій и пріятнѣйшій городъ въ странѣ послѣ Риги и Ревеля». Всѣ чины Ливоніи слагали вину другъ на друга: орденъ—на дворянство, дворянство—на орденъ, горожане—на дворянство, а крестьяне—на всѣхъ. Города начали сдаваться: къ осени было завоевано до двадцати. Шуйскій обратился съ требованіемъ покорности къ Ревелю. Еще незадолго до взятія Дерпта архіепископъ, перекоряясь съ магистромъ, требовалъ отъ него отчета въ мѣрахъ защиты и грозилъ сеймомъ; теперь онъ рѣшился войти въ переговоры съ магистромъ. Въ сентябрѣ воеводы, оставивъ въ городахъ гарнизоны, удалились по обычаю. Пользуясь уходомъ главныхъ силъ, коадьюторъ Кеттлеръ выступилъ въ поле, осадилъ и взялъ Рингентъ (замокъ близъ Дерпта), разбилъ оставшееся русское войско и даже опустошилъ нѣсколько псковскую границу. Въ январѣ 1559 года рать русская подъ предводительствомъ царевича Тохтамыша и князя Микулинскаго снова вошла въ Ливонію и, послѣ тщет-

наго воззванія къ Кеттлеру о покорности, доходила до Риги, проникла въ Курляндію и къ веснѣ съ добычею возвратилась въ Опочку. Посредничество короля датскаго, но еще болѣе необходимость пригрозить Крыму, заставили царя дать Ливоніи шестимѣсячное перемиріе. Во время переговоровъ и въ особенности по заключеніи перемирія возобновились сношенія Ливоніи съ сосѣдними державами, преимущественно съ Польшей и цезаремъ. Къ имперскимъ чинамъ, собравшимся на сеймъ, отправили пословъ архіепископъ и магистръ; послано было посольство къ Густаву Вазѣ съ просьбой о ссудѣ, причѣмъ въ обезпеченіе представлялись области. Съ королемъ датскимъ вошелъ въ сношеніе епископъ эзельскій, къ Сигизмунду-Августу поѣхалъ коадьюторъ Кеттлеръ. Чины имперскіе не особенно расположены были помогать Ливоніи: курфюрстъ Пфальцскій выставилъ даже на видъ то, что причина гибели Ливоніи—въ ея внутреннихъ ссорахъ. Все дѣло ограничилось заступничествомъ предъ царемъ и ссудою въ 100,000 гульденовъ. Переговоры съ Польшей шли медленно, ибо литовскіе чины смотрѣли на нихъ неблагоклонно, и только 31-го августа Кеттлеръ заключилъ договоръ, которымъ Ливонія отдавалась въ покровительство короля, съ сохраненіемъ верховной власти цезаря; за покровительство,—причемъ король обязуется защищать отъ русскихъ, но не стѣснять ни правъ, ни обычаевъ, ни вѣры, — отдается ему, въ видѣ залога, съ правомъ выкупа, за 600,000 гульденовъ полоса земли отъ Друи до Ашерадена и еще нѣсколько округовъ. 15-го сентября архіепископъ тоже отдался подъ защиту польскаго короля; 26-го сентября епископъ эзельскій и курляндскій отдалъ свои епископства подъ покровительство Даніи. Такъ началось распаденіе ордена. Ливонія начала готовиться къ войнѣ: нужно было нанимать войска; деньги для этого занялъ магистръ у Ревеля, отдавъ подъ залогъ замокъ Когель. Когда въ Москвѣ узнали по вѣстямъ изъ Ливоніи объ этихъ приготовленіяхъ, царь рѣшился возобновить войну. Магистръ, разбивъ Плещеева, не успѣлъ, однако, взять ни Дерпта, ни Лайса. Между тѣмъ въ Москву прибыли посольства и отъ цезаря, и отъ Польши, но не могли добиться никакой уступки относительно Ливоніи. Новая русская рать, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго, князя Серебрянаго и князя Шуйскаго, вошла въ Ливонію, взяла Маріенбургъ, проникла въ Курляндію, нигдѣ не встрѣчая препятствій. Положеніе страны было ужасно: оба магистра были несогласны между собою; денегъ не было; пришлось заложить Польшѣ и прусскому герцогу курляндскіе замки (Гольдингенъ, Виндаву, Грабенъ); а между тѣмъ явилось еще новое затрудненіе: епископъ эзельскій выбралъ себѣ въ преемники голштинскаго герцога Магнуса, брата датскаго короля, который и прибылъ въ Аренсбургъ съ пятью кораблями; хорошо встрѣченный въ Эстляндіи, онъ скоро пріобрѣлъ епископство ревельское. Еще въ началѣ апрѣля магистръ и чины ордена рѣшили между собою—еще разъ поискать помощи, но если не удастся, то предоставить магистру право секуляризовать орденскую область; если же придется искать инаго государя, то слѣдуетъ предпочесть короля польскаго. Весною 1560 года снова большое московское войско вошло въ Ливонію. Во главѣ его стоялъ князь А. М. Курбскій. Оно опустошило мѣста около Вейсенштейна, ходило подъ Феллинъ, гдѣ заперся Фюрстенбергъ, и имѣло нѣсколько счастливыхъ стычекъ. Съ прибытіемъ главнаго войска, предводимаго княземъ Мстиславскимъ, военныя дѣйствія стали еще значительнѣе: около

Феллина былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ландмаршалъ нѣмецкаго ордена Филиппъ Бель, славный своею храбростію; затѣмъ палъ самый Феллинъ, гдѣ взятъ въ плѣнъ Фюрстенбергъ; русскія войска пошли по разнымъ сторонамъ Ливонской земли, въ которой въ это время ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ присоединилось возстаніе крестьянъ. Курбскій разбилъ у Кеси (Вендена) въ нѣсколькихъ бояхъ ливонцевъ и литовцевъ. Ходкевичъ, занявъ заложённые королю города, послалъ свои силы противъ русскихъ; пораженіе заставило Ходкевича отступить за Двину. Яковлевъ подходилъ къ Ревелю. Послѣ неудачной осады Вейсенштейна, Мстиславскій ушелъ назадъ. Между тѣмъ Магнусъ, пользуясь сложившимся мѣнѣемъ, что онъ въ сношеніяхъ съ цезаремъ, и не смотря на то, что только-что заключилъ перемиріе съ магистромъ, началъ убѣждать Ревель подчиниться ему, такъ какъ онъ уже приобрѣлъ епископство ревелское. Ревель отклонилъ его исканія, считая его безсильнымъ. Отчаявшись въ помощи магистра, Ревель вступилъ въ переговоры съ шведскимъ королемъ Эрихомъ XIV, наслѣдовавшимъ отцу своему Густаву Вазѣ. Эрихъ, отклонивъ просьбу магистра о помощи, обѣщалъ помочь Ревелю, если Ревель приметъ его покровительство. Снова Ревель обратился къ магистру и получилъ отъ него самый неутѣшительный отвѣтъ: самъ онъ спасти землю не надѣется, а всю надежду возлагаетъ на польскаго короля. Тогда Ревель окончательно поддался Швеціи. Въ это время живѣе пошли переговоры магистра и архіепископа съ Польшею, кончившіеся подчиненіемъ Польшѣ, причемъ магистръ Кеттлеръ получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію (1561 г.). Такъ окончательно разорвалась Ливонія между Польшею, Швеціей, Даніей (Эзель остался за Магнусомъ), Россіей и вассаломъ Польши — курляндскимъ герцогомъ.

ХVI. ВОЙНА ІОАННА IV. СЪ ПОЛЬШЕЮ ИЗЪ-ЗА ЛИВОНІИ.

(По «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Подданство Ливоніи польскому королю должно было поставить этого послѣдняго во враждебныя отношенія къ Московскому государству, которое не желало отказаться отъ своихъ завоеваній въ этой странѣ. На предложеніе поляковъ—очистить ливонскіе города бояре отъ имени царя отвѣчали, что не одна Ливонія, но и русскія земли Литвы исполонъ вѣка были достояніемъ предковъ московскихъ царей, что сама Литва платила дань сыновьямъ Мономаха, а потому и она есть царская вотчина. Очевидно, что соглашеніе при такихъ условіяхъ было немыслимо. Въ началѣ 1563 г. русскія войска въ значительномъ количествѣ двинулись въ походъ. Самъ Иванъ IV осаждалъ Полоцкъ и взялъ его, что дало ему возможность сильно возгордиться и въ переговорахъ съ литовскими послами запрашивать возвращенія Кіева, Галича, Волыни. Литовцы и слышать не хотѣли объ этихъ уступкахъ, а потому переговоры не привели ни къ какому прочному перемирію. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за завоеваніемъ Полоцка, энергическое наступленіе русскихъ на Литву прекращается, главною причиною чего было недовѣріе, которое возымѣлъ царь относительно своихъ бояръ. Спасаясь отъ его подозрительности, кн. Черкасскіе, а

за ними кн. Курбскій и нѣкоторые другіе, бѣжали въ Литву. Курбскій обратился затѣмъ къ царю съ письмомъ, въ которомъ старался оправдать свой поступокъ. Письмо это вызвало знаменитую переписку Іоанна IV съ бѣжавшимъ княземъ. Въ продолженіе всего 1564 г. война на литовской границѣ и въ Ливоніи шла вяло, но южныя области Московскаго государства сильно страдали отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, побуждаемыхъ Сигизмундомъ-Августомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Москвы. Ничего энергичнаго не предпринималось ни съ той, ни съ другой стороны и въ слѣдующіе годы. Въ 1569 г. состоялась окончательная унія Литвы съ Польшею, вопреки желанію многихъ литовскихъ и русскихъ вельможъ. Московское вліяніе могло бы помѣшать уніи и даже составить партію, склонную къ соединенію Литвы съ Московскимъ государствомъ; но правительство послѣдняго не обратило вниманія на эти обстоятельства. Зато, когда, года три спустя, скончался бездѣтный король Сигизмундъ-Августъ и Литовско-Польскому государству предстояло выбрать себѣ монарха, Іоаннъ возмѣлъ желаніе получить польскую корону. Въ Польшѣ и Литвѣ были вельможи, склонные къ возведенію на польскій престолъ сына Іоанна IV Феодора. Но царь отклонялъ предложенія насчетъ сына и прочилъ себя, увѣряя польскихъ словесъ, что будетъ соблюдать старинныя привилегіи Польши. Тутъ же онъ не упускалъ случая замѣтить, что напрасно его считаютъ злымъ и жестокимъ, что такимъ его представляютъ лишь измѣнники, которымъ вѣрить не слѣдуетъ. Однако въ Польшѣ и Литвѣ знали хорошо характеръ Іоанна, и это одно, помимо другихъ причинъ, не могло уже расположить сеймъ въ пользу московскаго царя. Польскимъ королемъ сдѣлался французскій принцъ Генрихъ; но онъ властвовалъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ, потому что получилъ извѣстіе о смерти своего брата, французскаго короля Карла IX, уѣхалъ тайно изъ Кракова, прибылъ въ Парижъ и промѣнялъ польскую корону на французскую. Іоаннъ опять явился въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ, но опять не добился своей цѣли: королемъ польскимъ сдѣлался храбрый и дѣятельный седмиградскій воевода Стефанъ Баторій. Іоаннъ былъ сильно недоволенъ этимъ избраніемъ, отказывался называть Стефана братомъ, попрекалъ его бусурманствомъ, на томъ основаніи, что, въ качествѣ седмиградскаго воеводы, онъ былъ данникомъ Турціи.

Что касается Ливоніи, то въ Москвѣ составили планъ обратить ее въ отдѣльное королевство, находящееся въ зависимости отъ Московскаго государства и платящее ему дань. Въ короли предназначался датскій принцъ Магнусъ, вызванный съ этою цѣлью въ Москву. Магнуса считали на племянницѣ царя. Но прежде, чѣмъ добиться исполненія этого плана, надо было выдержать борьбу съ Баторіемъ, который, принимая польскую корону, обѣщалъ Польшѣ вернуть всѣ земли, отнятыя у нея въ послѣднее время Москвою. Предстояло также побѣдить и шведовъ, такъ какъ царь не признавалъ принадлежности имъ Эстляндіи и Ревеля и хотѣлъ, чтобы вся Ливонія вошла въ составъ королевства Магнуса. Въ 1577 г. двѣ русскія арміи вошли въ Ливонію, обозначая свой путь неслыханными жестокостями. Одна направилась къ Ревелю и не имѣла никакого успѣха, другая, при которой находился царь, вошла въ польскую Ливонію и завладела многими городами: Кокенгузеномъ, Венденомъ, Вольмаромъ. Но торжество царя было непродолжительно: Баторій съ не-

большимъ, но превосходнымъ войскомъ явился въ Ливонію. Шведы также отправили свои отряды. Посаженный царемъ король Магнусъ не могъ держаться противъ такихъ силъ и, ненавидя Іоанна IV, который неоднократно оскорблялъ его и даже заключалъ подъ стражу, перешелъ на сторону Баторія. Съ конца лѣта 1579 г. начинается рядъ поражений, который терпѣть русская рать отъ польскаго короля. Не смотря на то, что польскій сеймъ не давалъ своему королю достаточныхъ денежныхъ средствъ для войны, Баторій не пожалѣлъ своей собственной казны, на которую нанималъ солдатъ, и энергично продолжалъ борьбу. Іоаннъ отчаялся въ успѣхѣ и отправилъ къ Баторію посольство, причемъ велѣлъ посламъ вести себя не только крайне вѣжливо, но даже униженно предъ Баторіемъ. Имъ велѣно было не обращать вниманія, если король не спроситъ о царскомъ здоровьи и не встанетъ съ мѣста, когда они будутъ отдавать ему поклонъ отъ московскаго государя. Въ другое время такое несоблюденіе этикета было бы сочтено самымъ жестокимъ оскорбленіемъ. Мало того: посламъ сказано было, что они, если ихъ будутъ бранить и безчестить, должны жаловаться на это слегка, а не говорить «прятко». Но король требовалъ слишкомъ многого: не только Ливонію, но и Новгорода, Пскова, Великихъ Лукъ со всѣми ихъ землями. Хотя и побѣжденный, Іоаннъ не могъ согласиться на столь тяжелыя условія и хотя не пересталъ искать посредниковъ, которые помогли бы ему заключить менѣе прискорбный миръ, но долженъ былъ продолжать войну.

Между тѣмъ военное счастье стало измѣнять Баторію, а польскій сеймъ давалъ лишь самыя скудныя средства для войны. Баторій взялъ Полоцкъ, Великіе Луки, Холмъ, Старую Русу, Островъ; но крѣпкія стѣны и мужественные защитники Пскова остановили его успѣхи. Ему пришлось начать правильную осаду этого города, а между тѣмъ войска было мало, денегъ также; приближалось холодное время года. Этимъ объясняется то, что король сталъ сговорчивѣе и согласился на переговоры, которые заведены были въ деревнѣ Киверовой-горкѣ, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яма, при посредствѣ іезуита Поссевина. Папа Григорій XIII, въ надеждѣ извлечь пользу для католической церкви, принялъ предложеніе царя о посредничествѣ и послалъ Поссевина для переговоровъ. Долго тянулись эти переговоры; наконецъ въ январѣ 1582 г. состоялось десятилѣтнее перемиріе между Польшей и Москвой, въ силу котораго послѣдняя отказалась отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа, а Баторій возвратилъ взятые имъ псковскіе пригороды.

ХVII. ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ІЕЗУИТЪ ПОССЕВИНЪ.

[(Изъ соч. графа Толстаго: «Римскій католицизмъ въ Россіи».)]

Въ то время, когда польскій король Баторій, овладѣвъ Полоцкомъ, пролагалъ себѣ путь къ стариннымъ областямъ русскимъ, когда съ сѣвера шведы, съ юга турки и ногайцы двигались къ границамъ великаго княжества Московскаго, Іоаннъ, не видя возможности успѣшной защиты своихъ новопокоренныхъ владѣній, рѣшился прибѣгнуть къ неслыханному дотогѣ въ Россіи средству: просить помощи у римскаго двора. Не имѣя союзниковъ и достаточныхъ силъ, чтобы удержать столь искуснаго

противника, Іоаннъ не безъ основанія разсчитывалъ на вліятельное содѣйствіе папы въ войнѣ съ государемъ и народомъ католическимъ, и тѣмъ болѣе могъ желать этого содѣйствія, что папа благословилъ Баторію на войну съ Россією и общалъ склонить къ тому другихъ государей. Такимъ образомъ, не только прямое участіе Рима въ примиреніи Россіи съ Польшею, но и самое его бездѣйствіе было бы полезно Іоанну въ тогдашнемъ затруднительномъ его положеніи. 25 августа 1580 г. отправленъ былъ изъ Москвы въ Римъ для этихъ переговоровъ Истома Шевригинъ.

Но не могъ предвидѣть Іоаннъ, что за оказанную помощь римскій дворъ потребуетъ уступокъ, и не вещественныхъ, а уступокъ въ дѣлѣ вѣры, слѣдовательно такихъ, которыхъ царь и не хотѣлъ, и не въ состояніи былъ сдѣлать, по непоколебимой преданности народа русскаго къ православію. Довольно положительныя свидѣтельства удостовѣряютъ, что дѣйствительно государь, зная прозелитическіе виды и стремленія Рима, понималъ, что, въ случаѣ согласія на вспомошествованіе ему, главною цѣлю и условіемъ будетъ обращеніе его съ Россією въ римскій католицизмъ. Это видно какъ изъ инструкціи Шевригину, такъ и изъ грамоты къ папѣ, написанной съ особенною осторожностью, и наказа сопровождавшему Поссевино изъ Смоленска пристава, въ которомъ именно предписано, что въ случаѣ, если папскій посолъ начнетъ разсуждать съ нимъ о вѣрѣ греческой или римской, то отвѣчать, что онъ читать не умѣетъ, и ничего о вѣрѣ не говорить. Въ грамотѣ же къ папѣ и инструкціи Шевригину избѣгнуто всякое упоминаніе о вѣрѣ, и послу нашему велѣно не входить ни въ какіе переговоры о предметахъ, въ данной ему инструкціи не означенныхъ, ежели его спросятъ: «нѣтъ ли какихъ словесныхъ приказаній?» то отвѣчать, что, «опричь грамоты, приказу съ нимъ нѣтъ никотораго». Шевригинъ выполнилъ добросовѣстно и въ точности эту царскую волю, уклоняясь искусно отъ всякаго упоминанія о вѣрѣ и устранивъ этимъ самымъ правительствомъ отъ нареканій своихъ подданныхъ въ случаѣ какихъ-либо несообразныхъ съ цѣлостію и святостію православной церкви общаній, а также самого Рима въ неисполненіи обещаннаго.

Въ представленномъ Шевригинымъ весьма подробномъ отчетѣ о дѣйствіяхъ его во время посольства не находимъ никакихъ переговоровъ о вѣрѣ, и даже самъ Поссевинъ, который, конечно, воспользовался бы малѣйшимъ намекомъ, выгоднымъ для достиженія его цѣли, по прибытіи его въ Москву, высчитывая государевымъ думнымъ людямъ дѣла, порученныя нашему послу въ Римѣ, собственно о вѣрѣ не упоминаетъ.

Отклоняя всякія объясненія и разсужденія о неприкосновенныхъ догматахъ религій, измѣненіе которыхъ по римско-католическому вѣрованію могло единственно склонить Римъ къ дѣятельному участію въ судьбахъ Россіи, Іоаннъ для привлеченія папы поручилъ своему послу предложить соединеніе съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ, что не могло быть противно православію, хотя въ сущности государь, конечно, о томъ не думалъ, особенно въ такое тяжелое для себя время. Этотъ способъ склоненія Рима былъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что самое слово *соединеніе* давало просторъ пропагандическимъ надеждамъ римскаго двора, который въ союзѣ политическомъ могъ думать найти связь религіозную. Кромѣ того, Іоанну еще оставалось средство заплатить

Риму за его услуги дозволеніемъ свободнаго проѣзда венеціанскимъ и другимъ торговцамъ черезъ Россію въ Персію. Римскій дворъ давно этого домогался, потому что съ купцами обыкновенно были отправляемы миссіонеры. Но Іоаннъ понималъ цѣну такой уступки и не рѣшался соглашаться на нее при первыхъ только обѣщаніяхъ папы помирить его съ Баторіемъ, приказавъ Шевригину, ежели послѣдуетъ это домогательство, совѣтовать отправить особаго посла въ Россію или поручить ему донести государю по возвращеніи своемъ въ отечество. Таковы были средства, которыми располагалъ Іоаннъ для убѣжденія папы содѣйствовать ему въ сохраненіи цѣлости своего государства.

Посолъ нашъ былъ принятъ въ Римѣ съ особую торжественностію: въ великолѣпныхъ экипажахъ возили его по городу, показывая чудеса міровой столицы, въ особенности же все то, что могло бы его убѣдить въ превосходствѣ римской церкви и сосредоточеніи въ ней всего христіанства; въ продолженіе болѣе мѣсячнаго пребыванія посла нашего въ Римѣ не упускали никакого средства поразить чувства его блескомъ и великолѣпіемъ престола намѣстника Петрова, водя его по храмамъ, заставляя дивиться пышности богослуженія, величію, окружающему особу папы. Но Шевригинъ не увлекался этою блестящею внѣшностію, и то, чѣмъ римскій дворъ думалъ подѣйствовать на посла нашего и на дѣла, связанные съ этимъ посольствомъ, то именно обратилось въ послѣдствіи, какъ увидимъ, противъ него.

Предложенія Іоанна приняты были съ готовностію. Не однажды пытался Римъ распространить свою власть на отдаленную Россію, но еще въ первый разъ предупреждалъ его въ этихъ видахъ, какъ предполагали, русскій самодержецъ. Въ концѣ мая 1581 года назначенъ былъ для примиренія Іоанна съ Баторіемъ и насажденія въ Россіи римскаго католицизма испытанный уже въ искусствѣ совращенія іезуитъ Антоній Поссевинъ, склонившій, какъ утверждаютъ, въ 1577 году шведскаго короля Іоанна скрытно перейти изъ лютеранства въ католичество. Въ тайной инструкціи, данной этому іезуиту, опредѣлены были въ точности какъ цѣль его посольства, такъ и средства ея достиженія. Прежде всего ему предписывалось, склоняя Баторія къ перемирію съ Іоанномъ, вести дѣло такъ, чтобы царь видѣлъ, что всѣмъ онъ обязанъ римскому двору; затѣмъ привлечь его къ союзу съ папою, императоромъ и другими христіанскими государями противъ турокъ. Окончивъ это политическое дѣло, внушивъ Іоанну ненависть къ туркамъ и овладѣвъ умомъ его, Поссевинъ долженъ былъ перейти къ вопросу о религіи, тѣсно связанному въ намѣреніяхъ римскаго двора съ предыдущимъ, и доказывать царю, что для единодушнаго союза необходимо единеніе духа, потому и слѣдуетъ принять ему римско-католическую вѣру, признавъ за единого главу церкви папу, намѣстника Христа на землѣ, каковымъ онъ былъ всегда почитаемъ всѣми христіанскими государями и престолъ коего въ Римѣ выше всѣхъ другихъ. Описаніемъ флорентійскаго собора, экземпляръ коего на греческомъ языкѣ врученъ былъ Поссевину, онъ долженъ былъ убѣдить Іоанна, что папа есть дѣйствительно глава всей церкви, какъ призналъ его императоръ греческій во имя всего народа, что постановленія этого собора не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, ибо въ нихъ участвовали лучшіе богословы съ той и съ другой стороны, и что сей важный предметъ, при помощи и дѣйствіи Духа Святаго,

былъ обсужденъ въ исполнѣ. Іезуиту вмѣнялось въ обязанность, дѣйствуя на умъ Іоанна, употребить въ пользу и самыя его страсти и, возбуждивъ его самолюбіе, представить, какъ постыдно столь мудрому и могущественному государю находиться въ зависимости отъ патріарха константинопольскаго, раба турецкаго султана, и что несравненно приличнѣе его высокому сану признать главою церкви папу, которому подлежатъ всѣ христіанскіе государи, ибо онъ дѣйствительно намѣстникъ Христа. Полагая, что главное препятствіе для осуществленія такихъ замысловъ представится со стороны православнаго духовенства, которое, частію по непріязненному расположенію къ латинской церкви, частію по желанію сохранить собственное значеніе, не пощадитъ никакихъ усилій для удержанія государя въ вѣрѣ отцовъ его, папа поручилъ іезуиту употребить всѣ средства, чтобы склонить на свою сторону православныхъ духовныхъ. Наконецъ Поссевину вмѣнялось въ обязанность исходатайствовать царское позволеніе на постройку въ Москвѣ одной или даже нѣсколькихъ церквей, увѣривъ Іоанна, что въ противномъ случаѣ ни венеціанскіе, ни другіе купцы римско-католическаго исповѣданія не будутъ пріѣзжать для торга въ Россію.

Съ такими намѣреніями отпуская римскій дворъ Поссевина въ Россію; съ совершенно противоположными принималъ его Іоаннъ. Отправившись изъ Рима вмѣстѣ съ Шевригинымъ, папскій посолъ ѣхалъ съ нимъ до Праги, а оттуда Шевригинъ повернулъ на Данію, а Поссевинъ въ Вильну. Изъ этого города лежалъ ему путь въ Москву чрезъ Смоленскъ. Здѣсь ожидалъ его пріемъ, котораго, конечно, не могъ думать найти ѣхавшій въ Россію для пропаганды іезуитъ. Іоаннъ зналъ, что главная цѣль этого посольства должна состоять въ совращеніи его въ католицизмъ, понималъ также нелѣпость такихъ ожиданій и не только не могъ что-либо обѣщать въ дѣлѣ чисто духовномъ, но избѣгалъ, какъ мы видѣли, всякаго о немъ упоминанія. Этого мало: проникнутый истинами исповѣдуемой имъ вѣры, царь вознамѣрился употребить противъ Рима его оружіе, предпринявъ невиданное до того въ исторіи обращеніе въ православную религію папскаго нунція, іезуита, посланнаго для склоненія Россіи къ католицизму. 27 іюля написана была царская грамота къ Сильвестру, епископу смоленскому и брянскому, въ которой государь приглашалъ епископа, по пріѣздѣ въ Смоленскъ Поссевина, позволить ему осмотрѣть всѣ церкви и монастыри, позаботясь о томъ, чтобы онъ нашелъ ихъ въ наилучшемъ видѣ, а если онъ изъявитъ желаніе быть въ церкви Пречистой Богородицы, то чтобы въ этотъ день епископъ самъ совершалъ въ ней богослуженіе соборно и со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ. Но православный епископъ, принимая радушно иновѣрнаго иноземца, не долженъ былъ, однако, равнять его съ исповѣдующими истинную вѣру; потому государь и предложилъ Сильвестру пригласить Поссевина поцѣловать свою руку, но не давать ему благословенія, какъ христіанамъ православнымъ, подобнымъ образомъ, дозволяя ему входить во храмы, не допускать въ алтарь. Эта царская грамота, повидимому, осталась безъ дѣйствія; іезуитъ, вѣроятно, не искалъ видѣть православной святыни, хотя изъ собственныхъ его словъ знаемъ, что онъ былъ представленъ смоленскому епископу; какъ бы то ни было, грамота эта выражаетъ отчасти мысли и намѣренія Іоанна при самомъ пріятіи папскаго посланника.

Узнавши о состояніи дѣлъ въ Вильнѣ и умноживши свою свиту нѣсколькими польскими іезуитами, получивъ отъ Баторія пропускную грамоту и проводниковъ, Поссевинъ прибылъ, въ сопровожденіи одиннадцати человѣкъ своихъ сообщниковъ, въ Старицу, гдѣ находился тогда государь, и былъ встрѣченъ съ тѣмъ почетомъ, который обыкновенно оказывался уполномоченнымъ знатнѣйшихъ государей. Этотъ торжественный пріемъ папскаго посла, независимо отъ значенія римскаго двора, объясняется тѣмъ, что въ немъ видѣлъ государь единственнаго возможнаго посредника въ примиреніи съ Баторіемъ, послѣ отказа отъ содѣйствія германскаго императора. Черезъ два дня, представляясь царю, онъ вручилъ ему грамоту папы, въ которой Григорій XIII, принимая предложеніе Іоанна вооружиться противъ невѣрныхъ, объяснялъ, что единственное прочное основаніе союза между христіанскими государями есть любовь не человѣческая, а основанная на ученіи Христа, представитель коего на землѣ—папа, каковымъ и признанъ былъ за полтораста лѣтъ предъ тѣмъ на соборѣ флорентійскомъ всѣми епископами Греческой имперіи и самимъ императоромъ Палеологомъ, что за непризнание верховной власти папы греки испытали всевозможныя бѣдствія, подпавши подъ иго турецкое, и что Іоаннъ, для единодушнаго дѣйствія съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ и для упроченія своего государства, долженъ подчиниться Риму. Для убѣжденія въ этомъ папа прислалъ экземпляръ постановленій флорентійскаго собора, совѣтуя государю прочесть его и приказать русскому духовенству читать со вниманіемъ, обѣщая, что эта книга дастъ ему разумъ и мудрость. Въ заключеніе папа изъяснялъ одно только желаніе—чтобы Іоаннъ присоединился къ католицизму, за что онъ получитъ какъ отъ римскаго двора, такъ и отъ всѣхъ христіанскихъ государей все, чего только пожелаетъ.

Немедленно по своемъ пріѣздѣ Поссевинъ вступилъ въ переговоры съ государевыми думными людьми и съ самаго начала сдѣлалъ предложеніе о соединеніи вѣръ. Повторяя сказанное въ грамотѣ папы, Поссевинъ утверждалъ, что будто четыре первыхъ вселенскихъ собора признали верховную власть Рима и догматы латинской церкви, но что православные епископы съ намѣреніемъ скрываютъ постановленія этихъ соборовъ, и потому предлагалъ списать для государя книги святыхъ отцовъ греческихъ, или, въ случаѣ отъѣзда своего къ Баторію, поручить этотъ трудъ двумъ находившимся съ нимъ іезуитамъ, которые выучатся между тѣмъ по-русски, а русскихъ научать по-латыни. Въ доказательство, что первые отцы церкви дѣйствительно исповѣдывали римско-католическую вѣру, Поссевинъ указывалъ на мощи св. Іоанна Златоуста и св. Григорія, почивающія въ римской церкви св. Петра, а въ Венеціи на мощи св. Афанасія и св. Николая; увѣрялъ, что въ Римѣ находятся собственноручныя ихъ сочиненія, свидѣтельствующія объ истинѣ латинской вѣры, которая видима также и изъ обращенія въ нее самихъ язычниковъ. Изъ этихъ невѣрныхъ положеній іезуитъ выводилъ, что вѣра греческая, основанная на постановленіяхъ отцовъ греческихъ, которые будто признавали догматы римской церкви, не разнится ни въ чемъ отъ нея, и потому предлагалъ Іоанну, признавши соборъ тридентинскій, какъ полное выраженіе догматовъ обѣихъ церквей, послать молодыхъ учиться въ римскихъ коллегіяхъ, гдѣ находятся воспитанники изъ всѣхъ странъ міра, также и греки, за что папа не требуетъ никакого вознагражденія, воспи-

тывая ихъ на собственный счетъ. Въ заключеніе Поссевинъ говорилъ, что признаніемъ латинской церкви Іоаннъ получитъ несравненно болѣе славы и богатствъ, чѣмъ покореніемъ царствъ татарскихъ, что самая власть его надъ его подданными окрѣпнѣетъ, что всѣ христіанскіе государи станутъ ему благопріятствовать и что молитвами римскаго первосвященника Господь Богъ ниспошлетъ ему всѣ блага земныя и силу, которая сокрушитъ враговъ его государства.

Уполномоченные царемъ для переговоровъ съ Поссевиномъ думные люди, оставивъ безъ всякаго вниманія эти разсужденія о вѣрѣ, не дали никакого отвѣта папскому послу, а занялись съ нимъ преимущественно дѣлами ливонскими, которые наиболѣе озабочивали правительство.

Настойчивый іезуитъ подалъ записку, въ коей, возобновляя предложенія свои о вѣрѣ, успокоивалъ государя, что соединеніе церквей не предполагаетъ измѣненія греческихъ обрядовъ, что оно необходимо для союза его съ другими христіанскими государями и что, приписывая молчаніе правительства на его объясненія неопытности переводчиковъ, которые не умѣли вѣрно передать его мыслей, онъ надѣется, что требованія его будутъ выслушаны, ибо онъ долженъ дать о семъ отчетъ папѣ. Кромѣ того, Поссевинъ просилъ, чтобы государь въ граматѣ, которую пошлетъ Григорію XIII, величалъ его намѣстникомъ Христа, какъ называютъ цезарь и всѣ христіанскіе государи и какъ будто бы именovali его вселенскіе соборы и святые отцы греческіе.

Но и эта записка осталась безъ отвѣта. Поссевинъ отчаялся съ самаго приступа во всякомъ успѣхѣ своихъ переговоровъ, писалъ въ Римъ, что царь не только не хочетъ слышать предложеній его о вѣрѣ, но даже запретилъ своимъ переводчикамъ переводить поданную имъ по этому предмету записку. Затѣмъ данъ былъ Поссевину краткій и уклончивый отвѣтъ, что царя поговорить съ нимъ о вѣрѣ, когда Поссевинъ возвратится отъ Баторіа. Не болѣе удачи имѣлъ папскій посолъ и въ склоненіи Іоанна составить союзъ съ христіанскими государями противъ турокъ. «Какой возможенъ теперь союзъ съ христіанскими государями противъ невѣрныхъ?»—говорилъ Іоаннъ:—мы вооружимся противъ турокъ, а Баторій пойдетъ на насъ».

Итакъ Поссевинъ поставленъ былъ царемъ въ такое положеніе, что не могъ ожидать не только успѣха въ своихъ переговорахъ о вѣрѣ, но и возможности приступить къ нимъ прежде, чѣмъ примирить Іоанна съ Баторіемъ. Совращеніе Россіи въ латинство, соединеніе Іоанна съ другими государями противъ невѣрныхъ, однимъ словомъ, главные предметы даннаго іезуиту порученія, завѣтныя мечты Рима, зависѣли отъ рвенія и искусства, которыя окажетъ онъ въ скорѣйшемъ заключеніи перемирія Россіи съ Польшею. Съ этого папскій посолъ долженъ былъ начать свои дѣйствія; этимъ Іоаннъ кончалъ свои сношенія съ Римомъ.

Свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Персію латинскихъ миссіонеровъ съ венеціанскими торговцами занималъ Поссевина; еще ѣхавши въ Россію, онъ побуждалъ папу склонить венеціанскихъ купцовъ производить торгъ съ Персіею чрезъ Россію, увѣряя, что путь этотъ будетъ для нихъ не дорогъ, ни опасенъ, а выгоденъ для ихъ торговли, и что, по проѣздѣ въ Венецію, онъ постарается лично ихъ уговорить. Іоаннъ, какъ мы видѣли, предугадывалъ эти желанія Рима, но до времени не рѣшался имъ удовлетворять. Когда же ему нужно было побудить Пос;

севина отправиться для его дѣла къ Баторію и убѣдить въ своей готовности дѣйствовать противъ турокъ, государь обѣщалъ дозволить свободный проѣздъ въ Персію венеціанскимъ купцамъ и посламъ папы, которые будутъ отправлены для приглашенія персидскаго шаха принять участіе въ войнѣ противъ турокъ, не воспрещая имъ имѣть при себѣ священниковъ. Но и это, хотя далеко не полное, удовлетвореніе желаній Поссевина нуждалось для своего осуществленія, какъ самъ онъ видѣлъ, въ мирѣ Россіи съ Польшею. «Есть еще иная дорога (въ Индію),—говорилъ онъ,—чрезъ польскую и литовскую землю, и тою дорогою намъ нынѣ ѣздить нельзя для того, что вы, государи, промежъ себя живете не мирно и не въ любви, и ты-бъ то своею мудростію придумалъ, какъ бы вамъ съ королемъ польскимъ въ миру и въ любви быти для того, чтобъ чрезъ польскую и литовскую землю всякимъ людямъ вольно и здорово до твоего государства пріѣхати».

Слѣдовательно, всѣ соображенія, всѣ надежды успѣха заставляли Поссевина слѣдовать данному царемъ направленію дѣла и слѣшить положить конецъ войнѣ Россіи съ Польшею. Быть можетъ, письмо Іоанна къ Баторію, въ которомъ онъ глухо, неопредѣленно намекалъ на сходство догматовъ обихъ церквей, могло также питать въ іезуитѣ надежду возможности совращенія царя въ латинство. Потому, отпущенный государемъ, Поссевинъ, не ожидая болѣе никакихъ разрѣшеній на свои требованія, выѣхалъ уже изъ Старицы къ Баторію.

Въ Москвѣ Поссевинъ оставилъ повѣренными своими іезуитовъ Степана Дреноцкаго и Миханла Маріена въ качествѣ наблюдателей, которые обязаны были вести журналъ своимъ замѣчаніямъ, но не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ, избѣгать свиданія съ митрополитомъ, повременить распространіемъ между русскими нарочно для нихъ приготовленныхъ Поссевиномъ въ Вильнѣ церковныхъ книгъ латинскаго ученія. Осторожный іезуитъ оставилъ имъ подробное наставленіе, какъ они должны поступать во время его отсутствія, удаляя ихъ отъ всякихъ столкновеній, которыя могли бы оскорбить священное чувство привязанности русскихъ къ своей вѣрѣ и помѣшать предположенному соединенію ея съ римскою. Съ замѣчательнымъ искусствомъ рассчитанъ былъ образъ поведенія оставленныхъ въ Москвѣ іезуитовъ, ограничивавшійся благо-разумною осторожностію, выжиданіемъ рѣшительныхъ требованій Поссевина, которыя отложены были до возвращенія его отъ Баторія.

Въ то время король польскій, въ намѣреніи достигнуть чрезъ Новгородъ до Москвы, осаждалъ Псковъ и, не смотря на мужественный отпоръ русскихъ, имѣя достаточное продовольствіе и помѣщеніе для своего войска, настойчиво продолжалъ осаду. Радзивиллъ, взявши Порховъ, разбивши Барятинскаго, прошедши побѣдителемъ къ берегамъ Волги, сталъ подъ Можайскомъ. Шведы заняли часть Ливоніи и взяли Нарву. Посолъ турецкаго султана прибылъ въ лагерь Баторія съ предложеніемъ ему помощи. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ непріятелями, Іоаннъ принужденъ былъ бороться еще съ внутренними врагами, вѣчно противными ему родами боярскими, которые, пользуясь неудачами войны съ поляками, составили противъ него заговоръ, во главѣ коего стоялъ старшій его сынъ и наследникъ престола. Въ такихъ обстоятельствахъ, выгодныхъ королю польскому, Поссевинъ старался склонить къ миру этого гордаго полководца, надменно отказавшагося выслушать предложеніи о

перемиріи пословъ Іоанновыхъ, и, именемъ папы дѣйствуя на приверженцевъ Рима, способствовалъ заключенію десятилѣтняго перемирія между Россією и Польшою. Дѣятельное участіе Поссевина засвидѣтельствовано было какъ актомъ перемирія, имъ скрѣпленнымъ, такъ и неоднократно краткими подтвержденіемъ и удостовѣреніемъ самого Іоанна.

Исполнивши желанія Іоанна, Поссевинъ пріѣхалъ 14 февраля 1582 года въ Москву требовать возмездія за свои услуги. Царю предстояло трудное дѣло: воспользовавшись посредничествомъ римскаго посла, отклонить требуемое за него вознагражденіе, и притомъ не возстановляя противъ себя Рима, который могъ побудить снова къ войнѣ короля польскаго.

Представившись 16-го числа государю, 18-го Поссевинъ возобновилъ свои прежнія требованія. Ополченіе Іоанна противъ турокъ, соединеніе вѣръ, посылка молодыхъ русскихъ въ Римъ для образованія, свободное проживаніе въ Россіи латинскихъ священниковъ, изгнаніе изъ Москвы лютеранъ, которымъ онъ приписывалъ невыгодныя для папы внушенія Іоанну, составляли сущность поданной папскимъ посломъ записки. Желая, чтобы государь прочелъ прежде поданное имъ изложеніе вѣръ, іезуиты, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили царя побесѣдовать съ нимъ изустно объ этомъ предметѣ наединѣ; увѣрялъ, что молодые люди, которыхъ пришлютъ въ Римъ, будутъ наставлены во всѣхъ догматахъ греческой вѣры и возвращены въ Россію; взаимнъ лютеранскихъ нѣмецкихъ пасторовъ, живущихъ въ Москвѣ, обѣщалъ прислать такихъ же нѣмецкихъ духовныхъ католическихъ (какъ-бы это было все равно), и наконецъ домогался письменнаго подтвержденія обѣщаннаго свободнаго въ Россіи отправленія вѣры венеціанцамъ и другимъ торговцамъ.

Бояринъ Никита Романовичъ, въ присутствіи ближнихъ людей, объявилъ 21 февраля Поссевину, что государь, признательный къ трудамъ его въ примиреніи съ Баторіемъ, не отказывается соединиться съ христіанскими государями противъ турокъ тогда, когда этотъ союзъ уже будетъ между ними окончательно заключенъ, что венеціанскимъ и царскимъ купцамъ дозволено будетъ имѣть съ собою священниковъ, «только имъ ученія своего русскимъ людямъ не плодити и костеловъ имъ въ нашемъ государствѣ не ставити, кой же въ своей вѣрѣ да пребываетъ, а въ нашемъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы у нихъ воли не отнимаемъ, живутъ по своей волѣ какъ кто хочетъ, а церковей еще по ся время ни которыя вѣры въ нашемъ государствѣ не ставили», и что на этомъ основаніи нѣтъ причины изгнать лютеранъ. Въ отвѣтъ на предложеніе послать для обученія русскихъ въ Римъ уклончиво было сказано, что способныхъ къ сему молодыхъ людей въ скоромъ времени собрать невозможно, и что ежели такіе найдутся, то будутъ посланы впоследствии. Всего затруднительнѣе было отклонить переговоры о вѣрѣ, которые обѣщалъ начать Іоаннъ по заключеніи мира съ Баторіемъ. Не желая допустить ихъ въ то время, когда поляки разоряли его владѣнія, когда главную надежду на миръ онъ полагалъ на папскаго пунція, обусловливавшаго свое посредничество исполненіемъ этого требованія, государь тѣмъ менѣе могъ рѣшиться разсуждать о вѣрѣ по заключеніи мира съ Баторіемъ, когда услуги Поссевина и заступничество Рима сдѣлались уже для него ненужными. Потому Поссевину было сказано, что государь почитаетъ неприличнымъ бесѣдовать о

вѣрѣ, не имѣя при себѣ своихъ ближнихъ людей, что эти разсужденія не могутъ привести ни къ какому послѣдствію, ибо каждый—ревнитель своей вѣры и защищаетъ ее, что они произведутъ одно бесполезное словопреніе, а, можетъ быть, даже и разрывъ дружественныхъ сношеній между двумя дворами.

По объявленіи этой царской воли Поссевину, онъ просилъ изложить ее на бумагѣ, обѣщаясь дать отвѣтъ; говорилъ, что онъ не настаиваетъ на томъ, чтобы непременно бесѣдовать съ государемъ наединѣ, что царь можетъ оставить при себѣ бояръ и ближнихъ людей, которыхъ пожелаетъ, понимая, что царь не можетъ быть безъ нихъ, какъ голова безъ членовъ. Наконецъ, изъясняя, что онъ пріѣхалъ не для ссоры, Поссевинъ утверждалъ, что не предвидитъ отъ этихъ разговоровъ никакихъ непріятностей, желаетъ только доказать сходство догматовъ двухъ церквей, а ежели найдутся какія-либо между ними противорѣчія, происходящія отъ невѣрности перевода греческихъ духовныхъ твореній, то теперь же ихъ согласить, подобно тому, какъ это сдѣлано было на соборѣ флорентійскомъ. Въ случаѣ, ежели бы государю неугодно было принять его къ себѣ, папскій посолъ просилъ дозволенія, изложивъ свои понятія о вѣрѣ, на другой же день и представить ихъ царю.

Видя неотвѣзчивыя домогательства іезуита и понимая, конечно, что всякія письменныя разсужденія о вѣрѣ съ римскимъ посломъ могли лишь повести къ дальнѣйшимъ съ его стороны домогательствамъ и притомъ продлятся неопредѣленное время, Іоаннъ рѣшилъ положить конецъ этому дѣлу, приказавъ Поссевину явиться къ себѣ и разсказать на словахъ, какія имѣетъ отъ папы порученія насчетъ вѣры. Приглашая къ себѣ папскаго посла, государь намѣревался не вступать съ нимъ въ переговоры о предметахъ духовныхъ, а объяснить, что они невозможны, и тѣмъ прекратить это посольство, становившееся для него столько же тягостнымъ, сколько было полезнымъ.

Удаливши столбниковъ, дворянъ и приставовъ, царь, въ присутствіи только бояръ и служилыхъ князей, принялъ папскаго посла. «Великій государь, царь и великій князь!—сказалъ Поссевинъ.—Прислалъ ты къ папѣ Григорію XIII, сопрестольнику апостола Петра, посла своего Шевригина съ предложеніемъ соединенія. Святѣйшій отецъ принимаетъ это соединеніе въ вѣрѣ и любви, тѣмъ болѣе, что нѣтъ различія между вѣрою римскою и греческою, потому и желаетъ, чтобы утвердилась одна церковь, одна вѣра, по слову Христа: «паси овцы мои», такъ, чтобы мы ходили въ ваши церкви и исповѣдались вашимъ священникамъ, а вы—въ наши. Ежели же въ государствѣ твоемъ нѣтъ перевода всѣхъ сочиненій отцовъ греческой церкви, то ты можешь получить ихъ изъ Рима, гдѣ находятся сочиненія св. Іоанна Златоуста, собственноручно имъ написанныя, а также другихъ великихъ святителей, постановленія всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ и послѣдняго собора флорентійскаго, на которомъ утверждено соединеніе обѣихъ вѣръ. Согласись признать такое соединеніе и будешь въ дружественныхъ связяхъ съ папою, императоромъ и всѣми государями, и распространится государство твое общими ихъ усиліями далѣе прародительской твоей отчизны Кіева и настоящихъ его предѣловъ, и сдѣлаешься императоромъ восточнымъ». Для большаго убѣжденія царя, іезуитъ обѣщалъ, что римскій дворъ не коснется православныхъ храмовъ и обрядовъ, что православные священники оста-

нутя по прежнему, присовокупивъ, что самъ Іоаннъ обѣщалъ соединеніе вѣры и свободу богослуженія католикамъ въ Россіи.

Убѣждая неоднократно Поссевина оставить эти разсужденія о вѣрѣ, которыя могутъ сдѣлаться ему непріятными, царь прибавилъ, что ничего не писалъ папѣ о вѣрѣ, что даже не имѣетъ права вступать съ нимъ въ такіе переговоры безъ дозволенія митрополита и собора. «Ты желаешь говорить о вѣрѣ,—сказалъ ему государь,—и имѣешь на то право: ты для этого и присланъ папою и самъ латинскій священникъ; а я не могу отвѣчать тебѣ, не получивъ на то рукоположенія митрополита и всего собора». Что касается иностранныхъ купцовъ, проживающихъ въ Россіи, царь снова подтвердилъ свое обѣщаніе дозволить находиться при нихъ латинскимъ священникамъ и совершать богослуженіе, но не публично и не строя латинскихъ церквей.

Поссевинъ не переставалъ настаивать, увѣряя, что изъ предполагаемыхъ объясненій не произойдетъ никакого неудовольствія. «Ты великій государь,—сказалъ онъ:—какъ же осмѣлюсь я, наименьшій изъ твоихъ подданныхъ, произнести неприличное слово? Я хочу только передать тебѣ то, что поручилъ мнѣ папа».

«Трудно намъ сойтись съ вами въ вѣрѣ,—возразилъ ему Іоаннъ:—съ давнихъ временъ церковь восточная существуетъ отдѣльно отъ западной; мы приняли христіанскую вѣру при самомъ началѣ отъ апостола Андрея, принесшаго ее въ наши страны; впоследствии, при Владимірѣ, она еще болѣе распространилась. Итакъ, въ то самое время, когда вы приступили къ христіанству въ Италіи, мы получили его въ Россіи и сохранили въ чистотѣ и цѣлости, тогда какъ въ латинской церкви (вспомни, что ты самъ говорилъ мнѣ въ Старицѣ) теперь семьдесятъ вѣръ. Въ нашей православной вѣрѣ я родился и съ Божіею помощію достигъ 51 года; слѣдовательно, мнѣ не время уже перемѣнять исповѣданіе, или желать обширнѣйшаго государства, я помышляю только о жизни будущей, а здѣсь мнѣ цѣлой вселенной не надо: земля въ рукахъ Божіихъ, кому захочетъ, тому и дастъ. А такъ какъ ты говоришь, что восточная церковь соединилась съ западною, то я тебѣ замѣчу, что наша вѣра не греческая, а православная, которая во многомъ разнится съ латинскою, но только разсуждать я объ этомъ не хочу, чтобъ не сказать чего лишняго, или тебѣ непріятнаго, и не нарушить тѣ дружественныя сношенія, которыя начались между мною и папою Григоріемъ XIII, потому и прошу тебя о вѣрѣ не говорить».

Поссевинъ, докучая государю, продолжалъ просить дозволенія начать переговоры о религіи, вновь увѣряя его, что ихъ можно вести хладнокровно, безъ взаимныхъ оскорбленій.

Пылкость характера и глубокое знаніе постановленій православной церкви, которое любилъ выказывать царь и изустно, и письменно, преодолѣли дипломатическое его намѣреніе не вступать съ іезуитомъ въ разсужденія о вѣрѣ. «Не хочу говорить съ тобой о великихъ догматахъ вѣры,—началъ Іоаннъ,—тебѣ было бы это непріятно, а вотъ дѣло не важное: вижу, что ты брѣдешь бороду, а брить и стричь бороды не велѣно не только духовнымъ, но и мірскимъ людямъ; ты же въ римской церкви пощъ, а бороду стрижешь, то не угодно ли тебѣ сказать, откуда ты взялъ этотъ обычай, изъ котораго ученія?»

Смѣшавшійся отъ неожиданнаго вопроса іезуитъ отвѣчалъ, что у него борода не растетъ.

Дозволивъ себѣ это первое замѣчаніе, полный страсти Іоаннъ не могъ на немъ остановиться и продолжалъ: «Сказывалъ мнѣ Шевригинъ, что папу носятъ на престолѣ и цѣлуютъ его сапогъ, на которомъ вышитъ крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Ежели это правда, то хорошо-ли это? Вотъ первая причина несогласія нашей христіанской вѣры съ вашею римскою. У насъ крестъ Христовъ—на враги побѣда. Мы поклоняемся древу честнаго креста и почитаемъ по преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ Церкви, и потому ниже пояса не носятъ у насъ креста и не ставятъ образовъ Спасителя, пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ, дабы взирать на образъ очами души, возвышающими до первообраза; для того и престолы въ церквахъ сдѣланы по грудь человѣку, ибо неприлично святымъ быть ниже пояса. Итакъ папа Григорій дѣйствуетъ не по уставу святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносцевъ отцевъ вселенскихъ семи соборовъ; обрядъ его установленъ гордынею человѣческою».

Поссевинъ отвѣчалъ, что всѣ пари христіанскіе признаютъ въ папѣ сопредстольника апостолу Петру, а слѣдовательно самому Христу, что вся святыня христіанская, сосредоточенная въ Римѣ, служить тому подтвержденіемъ, оттого и воздаются такіа почести римскому первосвященнику.

«Говоряшь ты такъ, о себѣ мудствуя, — сказалъ Іоаннъ, — а не по заповѣдямъ Господнимъ и не по апостольскому преданію. Такая гордость неприлична святителямъ. Вспомни слова Спасителя къ ученикамъ его: «вы-жъ не нарицаетесь учителя, единъ бо есть вашъ учитель Христосъ, а вы-жъ всѣ братья есте, и отца не зовите себѣ на землѣ, единъ бо есть Отецъ, иже на небесехъ; нижъ нарицаетесь наставницы, единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ, болѣе-жъ въ васъ да будетъ вамъ слуга». Вспомни и первое посланіе верховнаго апостола Петра, въ которомъ онъ говоритъ: «пасете ижъ въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нужею, но волею и по Бозѣ, неправедными прибытки, но усердно, не яко обладающе ряду, но образи бывающе стаду». Потому не превозносятся слѣдуетъ папѣ Григорію, сидя на престолѣ, какъ сказывалъ намъ гонецъ Шевригинъ и какъ ты теперь подтверждаешь, а смиренномудрствовать, слѣдуя во всемъ апостолу Петру, по заповѣди Господней. Съ перваго вселенскаго собора, при папѣ римскомъ Сильвестрѣ, и до седьмаго собора были четыре патріарха, вселенскіе учителя: константинопольскій, александрійскій, антиохійскій и іерусалимскій, и ими поставлены были въ разныхъ странахъ митрополиты. Также и въ нашей царской державѣ есть митрополиты, архіепископы и епископы русскіе, которыхъ мы почитаемъ и въ духовныхъ дѣлахъ слушаемся, митрополита русскаго называемъ отцомъ и богомольцемъ своимъ, поклоняемся ему, чтимъ его, просимъ его благословенія; когда пріѣзжаетъ къ намъ, выходимъ къ нему со всѣмъ дворомъ на встрѣчу, но за Бога его не признаемъ. Оттого и папѣ Григорію XIII не слѣдовало бы возсѣдать на престолѣ и называться сопредстольникомъ апостолу Петру и даже самому Христу. Папа не Христосъ; престолъ, на которомъ его носятъ, не облако, да и тѣ, которые его носятъ, не ангелы. Самого верховнаго апостола Петра, любимаго ученика Христова, ходившаго по заповѣдямъ Его, нельзя сравнивать со Спасителемъ, а тѣмъ менѣе папу Григорія. Пускай онъ беретъ примѣръ съ паны Сильвестра, Адріана и другихъ вселенскихъ учителей, которые слѣдовали Христову ученію и преданію

апостольскому и тѣмъ апостоламъ уподоблялись, а не превозносятся гордостью, не велить носить себя съ крестомъ на сапогѣ и припадать къ ногѣ своей. Мы признаемъ апостола Петра и многихъ епископовъ римскихъ, удостоившихся лика святыхъ, какъ Климента, Сильвестра, Агаѳона, Вигилія, Льва, Григорія. Но какимъ образомъ могли наслѣдовать Петру и пребывать съ тою же властію на престолѣ его преемники ихъ, которые не послѣдовали заповѣдямъ Христовымъ?»

Поссевинъ отвѣчалъ, что власть, врученная Христомъ его намѣстникамъ, не зависитъ отъ хорошей или худой жизни. «Прошу тебя, свѣтлѣйшій царь, сказать мнѣ: законный-ли ты наслѣдникъ и преемникъ власти Владиміра, жившаго пятьсотъ лѣтъ прежде тебя?» Когда Іоаннъ отвѣтилъ утвердительно, Поссевинъ продолжалъ: «Итакъ, ежели бы кто вдумалъ издѣваться надъ твоею властію и не повиноваться ей, потому что предки твои, по человѣческой слабости, подвержены были порокамъ, призналъ-ли бы ты такого достойнымъ похвалы, или же наказанія? Нѣтъ. Ты государь великій въ своемъ государствѣ. Какъ же намъ не величать и не славить тебя и не припадать къ ногамъ твоимъ?» и съ этими словами бросился къ ногамъ Іоанна.

«Дѣйствительно, — сказалъ Іоаннъ, — подданные наши должны насъ, благочестивыхъ государей, почитать, какъ почитали и великаго князя Владиміра Мономаха, какъ почитаютъ всѣхъ великихъ государей, братьевъ нашихъ; но если ты думаешь оправдать тѣмъ почести, воздаваемыя папѣ, то я тебѣ замѣчу, что святителямъ, ученикамъ апостольскимъ, слѣдуетъ подавать собою примѣръ смиренія, а не возноситься гордостью превыше царей земныхъ; царямъ подобаетъ честь царская, а святителямъ, папамъ и патріархамъ—честь святительская. Тѣ папы, которые слѣдовали заповѣдямъ Христовымъ и апостольскому преданію и постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, были дѣйствительно сопредстольниками апостоловъ; а папа, который идетъ наперекоръ ученію Христову, — тотъ папа, говорю, не пастырь, а волкъ».

«Коли де ужъ папа волкъ, и мнѣ что ужъ говорити! Зачѣмъ же посылаешь ты просить его о помощи? Зачѣмъ называешь его, какъ и предшественники, пастыремъ церкви?»

Раздраженный царь вскочилъ съ своего мѣста и, приступая къ Поссевину съ палкою, окованною желѣзомъ, закричалъ на іезуита: «видно у мужиковъ ты учился, что осмѣливаешься говорить со мною по-мужицки!»

Испуганный іезуитъ замолчалъ; потомъ сталъ извиняться, скромно отвѣчая на возраженія Іоанна насчетъ папской власти.

Пришедши въ себя, царь поспѣшилъ загладить свою невольную горячность, которая могла возбудить противъ него Римъ. «Я тебѣ давнѣе говорилъ, — сказалъ онъ Поссевину, — что разсужденія о вѣрѣ не кончатся безъ непріятностей и обиды. Впрочемъ, я не вашего папу называю волкомъ, а того папу, который не захочетъ слѣдовать ученію Христову и преданію апостольскому; но, однако, оставимъ этотъ разговоръ».

Государь милостиво положилъ свою руку на Поссевина, который, поцѣловавъ ее, вышелъ въ сопровожденіи той же блистательной свиты, которая ввела его во дворецъ. Въ этотъ день послалъ къ нему Іоаннъ съ большими приставами, Астафѣемъ Пушкинымъ и товарищами, кушанья отъ царскаго стола и велѣлъ подчивать ими папскаго посла.

Послѣ столь неуспѣшныхъ переговоровъ о вѣрѣ Поссевинъ долженъ

былъ понять, что намѣренія Рима не могутъ осуществиться такъ легко и скоро, какъ прежде думалъ, но, однако, не охладѣлъ въ своемъ предпріятіи. Полагая исполненіе его невозможнымъ въ будущемъ, 22-го февраля онъ снова обратился съ просьбою о посылкѣ въ Римъ молодыхъ русскихъ для обученія, увѣрялъ, что онъ желаетъ этого только какъ доказательства пріязни Іоанна къ папѣ и другимъ христіанскимъ государямъ, что ежели бы онъ хотѣлъ набрать молодыхъ литвиновъ для этой цѣли, то, конечно, нашелъ бы многихъ желающихъ въ лагерѣ подъ Псковомъ, но оставилъ царю случай быть угоднымъ Богу и заслужить тѣмъ себѣ славу, что, впрочемъ, если Іоаннъ этого не пожелаетъ, то папа сожалѣтъ о томъ не будетъ, ибо въ Римъ съѣзжаются для ученія со всѣхъ концовъ земли такъ много, что ихъ всѣхъ нельзя вмѣстить и потому присуждены даже бывають нѣкоторыхъ отсылать назадъ.

Оставивъ записку съ изложеніемъ этихъ требованій безъ отвѣта, государь велѣлъ на другой день, т. е. 23-го февраля, звать папскаго посла къ себѣ во дворецъ. Напуганный іезуитъ, полагая, что его ожидаетъ мученическій вѣнецъ, предъ отходомъ къ царю причастился св. таинъ, причистилъ своихъ сообщниковъ и съ трепетомъ взошелъ въ царскія палаты, наполненныя въ этотъ разъ несравненно большимъ числомъ сановниковъ. Но царь, хотя пылкій, но умный политикъ, рассказывая уже въ своей горячности, въ неумѣстныхъ выраженіяхъ о папѣ, которому обязанъ былъ миромъ съ Баторіемъ, и призвалъ Пассевина не для казни, а для примиренія. Принявъ папскаго посла съ особыми почестями, онъ сказалъ ему громогласно: «Когда ты настаивалъ разсуждать со мной о вѣрѣ, я велѣлъ тебѣ сказать чрезъ своихъ бояръ и самъ тебѣ говорилъ, что эти разсужденія не обойдутся безъ неудовольствій, что всякій защищаетъ свою вѣру. Начну-ли я говорить о твоей вѣрѣ, тебѣ будетъ досадно меня слушать; станешь ли ты разсуждать о нашей вѣрѣ и доказывать превосходство латынской, — мнѣ будетъ непріятно. Но ты упрямился, непременно требовалъ этихъ переговоровъ; я тебѣ сдѣлалъ самъ изустно нѣсколько замѣчаній о римской церкви, и ты оскорбился. Ежели я сказалъ что-либо о папѣ, что тебѣ не понравилось, то позабудь это, не пиши въ Римъ; не смотря на различіе нашихъ вѣроисповѣданій, я желаю сохранить миръ и дружбу съ папою Григоріемъ и всѣми христіанскими государями. Службу твою и усердіе не забуду, пожалую тебя своимъ жалованьемъ и засвидѣтельствую предъ папою и цесаремъ, что чрезъ твое посредство получимъ миръ съ Баторіемъ».

Посевинъ, поблагодаривъ государя, сказалъ нѣсколько словъ о вѣрѣ, которые не вызвали, однако, ни противорѣчій, ни разсужденій.

Послѣ этого приема, не имѣя личнаго доступа къ царю, папскій посолъ письменно продолжалъ свое дѣло: написалъ разсужденіе, представленное государю, о различіи вѣры восточной съ западной, гдѣ, разумѣется, доказывать превосходство послѣдней; составилъ, для убѣжденія русскихъ, трактатъ объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына; наконецъ, сдѣлалъ возраженіе на поданное Іоанну англійскими купцами и переведенное, по приказанію царя, на русскій языкъ сочиненіе, доказывавшее тождественность папы съ антихристомъ. Защищая папу и пчислывая всѣ заслуги римскаго первосвященника, Посевинъ не забылъ прибавить, что содѣйствіемъ папы Григорія XIII заключенъ миръ съ Баторіемъ и что пролитіе крови христіанской, продолжавшееся двад-

пать два года, прекращено не антихристомъ, а намѣстникомъ Христовымъ.

Мало занимали царя богословскіе трактаты Поссевина. Отразивши его нападенія, лишивъ его всякой надежды привлечь себя къ латинству, онъ задумалъ давнюю свою думу: склонить іезуита къ православію. 4-го марта дворецъ наполнился народомъ, залы его вмѣщали до пяти тысячъ человѣкъ; лѣстницы, двери, окна заставлены были любопытными. Среди этой многочисленной толпы явился папскій посолъ предъ государемъ. «Донесли намъ бояре наши,—сказалъ ему Іоаннъ,—что ты желаешь побывать въ нашихъ храмахъ, посмотрѣть богослуженіе нашей православной Христовой церкви. Я тебѣ доставлю теперь случай его видѣть; сегодня иду въ церковь Пречистой Богородицы, ты можешь за мною послѣдовать. Тамъ ты увидишь, съ какою вѣрою мы почитаемъ и призываемъ Святую Троицу, Матерь Божію и святыхъ угодниковъ, замѣтишь, съ какимъ благоговѣніемъ поклоняемся чудотворнымъ образамъ, удостоишься узрѣть икону Матери Божіей, написанную евангелистомъ Лукою. Обрати вниманіе и на то, какъ мы чтимъ отца и богомольца нашего митрополита, просимъ у него благословенія и воздаемъ ему подобающую святителю честь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ты увидишь, что мы не обожаемъ нашего митрополита, какъ Бога, что его не носятъ на престолѣ, не цѣлуютъ его въ ногу,—это гордость, а не святительное дѣло. Говорите, что папа намѣстникъ Петровъ; но апостолъ Петръ на конѣ не ѣздилъ, не заставлялъ себя носить на престолѣ, а ходилъ пѣшъ да и босъ».

Поссевинъ отвѣчалъ, что не изъявлялъ желанія видѣть православнаго богослуженія, но что, впрочемъ, пойдетъ въ церковь; объяснялъ почете, воздаваемыя папѣ, тѣмъ, что онъ намѣстникъ Петра, отецъ всѣхъ вѣрующихъ. «Какое ты самъ, государь,—прибавилъ онъ,—оказываешь уваженіе своему митрополиту: онъ при богослуженіи умоетъ руки, а ты этою водою мочишь свою глаза».

«Еще называешься учителемъ—сказалъ ему Іоаннъ—и пришелъ сюда наставлять насъ, а самъ не знаешь, что говоришь. Читалъ-ли ты толковую обѣденную службу?» Поссевинъ замолчалъ. «Ежели нѣтъ, то я тебѣ объясню: митрополитъ, умывъ во время богослуженія руки, просвѣщаетъ этою водою глаза свои, и мы и весь народъ дѣлаемъ то же, какъ преобразование страсти Господней, ибо предъ страданіемъ Спасителя умылъ руки и помазалъ этою водою очи свои. Итакъ соблюдаемъ мы этотъ обрядъ въ видѣ воспоминанія страсти Христовой, а не для почести митрополиту». Поссевинъ не отвѣчалъ ничего.

Между тѣмъ царь приготовлялся дать общенародный праздникъ православія, показать торжественное признаніе нашей церкви папскимъ нунціемъ: въ Успенскомъ соборѣ готовилось великолѣпное богослуженіе, и Астафью Пушкину съ Ѳедоромъ Писемскимъ и приставами велѣно было ввести туда Поссевина и у дверей церковныхъ ожидать прибытія государя, дабы папскій посолъ видѣлъ, какъ встрѣтитъ царя митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ, окруженный духовенствомъ, какъ царь за крестомъ послѣдуетъ въ церковь, а за нимъ дозволено было идти и Поссевину.

Прибывши къ собору, Поссевинъ тотчасъ же хотѣлъ войти въ него, не ожидая на площади государя, и, когда приставы его «поунали», онъ

объявилъ, что возвращается къ себѣ на подворье. Удержавши его у церкви, Пушкинъ съ товарищами донесли тотчасъ же о случившемся государю, который, видя, какъ трудно заставить іезуита безъ принужденія поклониться нашей святыни, прислалъ дьяка своего Щелкалова сказать Поссевину, что его задержали единственно для того, чтобы онъ видѣлъ, какъ встрѣтитъ царя митрополитъ, и чтобы «непригожева дѣла не дѣлалъ»; ежели не хочетъ быть въ церкви, то можетъ въ нее не входить; но возвращаться домой неприлично, а долженъ явиться въ отвѣтную палату выслушать рѣшеніе на поданныя имъ предложенія.

Не замедливъ воспользоваться папскій посолъ этимъ царскимъ дозволеніемъ, освободившимъ его отъ непріятнаго любопытства толпы, и, не ожидая, вѣроятно, послѣ этого успѣшнаго разрѣшенія своихъ домогательствъ, пришелъ къ боярамъ узнать окончательную волю государя. Ему рѣшительно было подтверждено, что, не смотря на всѣ его просьбы, строить латинскія церкви въ Россіи никогда дозволено не будетъ, ибо «римскія вѣры костеломъ здѣ быть непригоже», что, впрочемъ, не воспрещается иностранцамъ латинскія вѣры, пріѣзжающимъ въ Россію, исповѣдывать ее, но не распространять между русскими.

Это послѣднее слово Іоанна въ переговорахъ его съ посломъ римскаго двора; имъ положенъ былъ конецъ дипломатической уклончивости государя и несбыточнымъ ожиданіямъ Рима.

Поссевинъ отпущенъ былъ въ Римъ съ грамотою царя къ папѣ, въ которой упомянуто о принятіи экземпляра флорентійскаго собора и въ краткихъ словахъ сказано, что о вѣрѣ были уже разсужденія. Посланному же съ папскимъ посломъ русскому уполномоченному Молвянинову не поручалось вести переговоры ни о вѣрѣ, ни о соединеніи противъ невѣрныхъ; онъ долженъ былъ сказать: «тѣ дѣла великія, намъ о тѣхъ дѣлахъ говорить не наказано; мы люди не думные, тѣхъ дѣлъ намъ дѣлать не наказано». Но, желая сохранить дружественныя сношенія съ римскимъ дворомъ и предвидя, что рѣзкія выраженія его о папѣ и побужденіе папскаго посла присутствовать при православномъ богослуженіи могутъ поколебать ихъ, Іоаннъ предписалъ Молвянинову, въ случаѣ напоминанія, что государь называлъ папу волкомъ, отвѣчать, что онъ этого не слыхалъ, ибо прибылъ въ Москву наканунѣ отъѣзда Поссевина, а также не видѣлъ, чтобы удерживали на площади у дверей церковныхъ папскаго нунція, а знаетъ только то, что ему оказывались такія почести, которыми не удостоивали ни пословъ цесаревыхъ, ни уполномоченныхъ турецкаго султана.

Итакъ Іоаннъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи не только не дѣлать какихъ либо уступокъ Риму въ дѣлахъ вѣры, но и не упоминать о ней въ своихъ сношеніяхъ съ папою. Какъ въ тяжелыя минуты разоренія отъ Баторія, когда въ римскомъ дворѣ онъ думалъ найти спасеніе своему государству, такъ и получивши миръ чрезъ папскаго посла, онъ умѣлъ избѣгнуть официальныхъ письменныхъ объясненій о религіи: употребилъ содѣйствіе Рима къ защитѣ отечества, не принеся зато въ жертву, какъ ожидалъ папа, не только священныхъ и неизмѣнныхъ догматовъ вѣры, но даже не сдѣлавъ ни малѣйшей уступки въ пользу латинской церкви въ Россіи къ ущербу православія. Оправдались предвѣщанія Баторія, ближе папы Григорія знавшаго своего содѣла: онъ остался твердъ въ своей вѣрѣ, и этотъ богословскій откры-

тый бой представителя римскаго первосвященника съ русскимъ самодержцемъ окончился для Рима однимъ дозволеніемъ латинскимъ священникамъ находиться въ Россіи, что было отказано великимъ княземъ Василиемъ, а для Іоанна — миромъ, полученнымъ отъ страшнаго врага, съ сохраненіемъ части новыхъ завоеваній, цѣлости и спокойствія Россіи.

ХУІІІ. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ІОАННА ГРОЗНАГО СЪ КУРБСКИМЪ.

А. Изъ перваго письма Курбскаго къ Іоанну.

...Зачѣмъ, о царь, ты избилъ сильныхъ въ Израилѣ? Зачѣмъ ты предалъ разнымъ казнямъ воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ? Зачѣмъ ихъ побѣдоносную, святую кровь въ церквахъ Божіихъ и во владыческихъ торжествахъ пролилъ и мученическою кровью ихъ церковные пороги обогрилъ? Зачѣмъ на доброхотовъ твоихъ, жизнь за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія и гоненія воздвигъ, задумалъ ихъ казнить смертью, ложно обвиняя православныхъ въ измѣнахъ, чародѣйствахъ и другихъ преступленіяхъ и усердно стараясь свѣтъ измѣнить въ тьму, сладкое сдѣлать горькимъ? Чѣмъ, о царь, провинились предъ тобою, чѣмъ тебя разгнѣвали эти представители христіанства? Не они ли разорили прегордые царства и своимъ мужествомъ сдѣлали твоими подданными тѣхъ, которые властвовали надъ предками нашими? Не тщаніемъ ли ихъ разума крѣпкіе города нѣмецкіе, съ соизволенія Бога, тебѣ покорились? За все ли это намъ воздаешь, всенародно истребляя насъ? Не мнишь ли, о царь, что ты безсмертенъ? Или, быть можетъ, ты впалъ въ небывалую ересь и не хочешь предстать предъ неизбѣжнымъ судьей, богоначальнымъ Іисусомъ, который будетъ судить всѣхъ людей по правдѣ, паче же всего прегордыхъ мучителей, и велить, какъ говорится, «истязати ихъ и до властъ прегрѣшенія». Онъ есть, Христосъ мой, сидящій на престолѣ херувимскомъ одесную Бога-Отца, Онъ судья между мною и тобою.

Сколько зла и гоненій я потерпѣлъ отъ тебя! Какихъ бѣдъ и напастей не насылалъ ты на меня! Какихъ презлыхъ коварствъ ты не обнаружилъ относительно меня! Всѣхъ бѣдъ, испытанныхъ мною, благодаря тебѣ, теперь въ порядкѣ не могу перечестъ за множествомъ ихъ и такъ какъ душа моя обята печалью. Скажу лишь въ заключеніе вообще: я былъ всего лишенъ и безвинно удаленъ изъ земли Божіей, а все благодаря тебѣ. Я не просилъ нѣжными словами, не умолялъ тебя многослезнымъ рыданіемъ, ни ходатайствомъ о твоихъ милостяхъ черезъ посредство духовныхъ лицъ; но ты воздалъ мнѣ зломъ за добро, неприимимою ненавистью за мою любовь къ тебѣ. Моя кровь, пролитая, какъ вода, за тебя, вопіетъ противъ тебя предъ Господомъ моимъ. Богъ сердцевѣдецъ: я прилежно обдумывалъ и совѣсть мою въ свидѣтели призывалъ, чтобы отыскать вину свою, но не нашелъ никакого прегрѣшенія въ себѣ относительно тебя. Я начальствовалъ надъ твоимъ войскомъ и не уклонялся отъ службы, не привелъ тебя ни къ какому безчестью, а лишь славныя побѣды, съ помощію ангела Господня, одержалъ тебѣ во славу, никогда не допустилъ войска твоего до бѣгства предъ непріа-

телемъ. И все это дѣлалъ я не годъ, не два, а много лѣтъ потрудился въ поту и терпѣніи, постоянно защищалъ отечество, мало видѣлся съ своими родителями, жены своей не узнавалъ, всегда въ отдаленныхъ городахъ противъ враговъ твоихъ сражался, испытывалъ много нуждъ и естественныхъ болѣзней, всему чему свидѣтель Господь мой Иисусъ Христосъ. Во многихъ битвахъ я получалъ отъ варварскихъ рукъ раны, и все тѣло мое испещрено ими. И ты, о царь, все это ставишь ни во что и являешь намъ нестерпимую ярость и ужаснѣйшую ненависть, страшнѣе раскаленной печи.

Хотѣлъ я перечислить въ порядкѣ военныя дѣла, совершенныя мною тебѣ во славу силою Христа моего; но не дѣлаю этого, такъ какъ Богу это все лучше извѣстно, чѣмъ человѣку. Богъ воздастъ не только за это, но и за чашу студеной воды. Знаю также, что и тебѣ эти дѣла небезызвѣстны. И да будетъ притомъ, о царь, вѣдомо тебѣ, что не увидишь лица моего до дня второго пришествія. И не думай, что я намѣренъ молчать. Де кончины моей буду безпрестанно вопіять со слезами на тебя предъ лицомъ преемственной Троицы, въ которую вѣрую и призываю на помощь Матерь херувимскаго Владыки, мою надежду и заступницу, владычицу Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранниковъ Божіихъ, и государя моего праотца Θεодора Ростиславича, тѣло котораго нетлѣнно сохраняется въ продолженіе многихъ лѣтъ, гробъ котораго испускаетъ благоуханіе и, благодатью Духа Святаго, отъ него исходятъ чудесныя исцѣленія, что тебѣ, о царь, хорошо извѣстно... Писано въ Вольмарѣ, городѣ государя моего короля Сигизмунда-Августа, отъ королевской милости коего надѣюсь получить щедрыя пожалованія и утѣшенія во всѣхъ скорбяхъ моихъ, но болѣе всего надѣюсь на помощь Божію.

В. Изъ перваго (отвѣтнаго) письма Іоанна къ Курбскому.

...Ты, тѣла ради, душу погубилъ и, непрочной славы ради, приобрѣлъ славу незавидную; ты возмущился не противъ человѣка, а противъ Бога. Пойми, несчастный, съ какой высоты и въ какую пропасть ты сошелъ душою и тѣломъ. На тебѣ сбылось сказанное: «И еже имѣя мнѣтся, взято будетъ отъ него». Твое благочестіе таково, что довело тебя до гибели не ради Бога, а ради самолюбія. Всѣ, имѣющие разумъ, могутъ понять твое преступленіе, что ты убѣждалъ, желая брѣнной славы и богатства, а не спасаясь отъ смерти. Если ты, какъ самъ говоришь, праведенъ и благочестивъ, то почему же ты побоялся смерти неповинной, которая не есть смерть, а желанное благо? Вѣдь въ концѣ концовъ все же придется умереть! Если ты убоялся ложнаго смертнаго приговора, по лживымъ заявленіямъ друзей твоихъ, слугъ сатаны, то это служить доказательствомъ вашихъ измѣнническихъ намѣреній, проявляемыхъ съ давнихъ поръ и донныѣ. Зачѣмъ и апостола Павла ты презрѣлъ? Онъ говоритъ: «Всякая душа владыкамъ предвластвующимъ да повинуется, никакая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть, тѣмъ же противляйся власти, Божію повелѣнію противится». Смотри и пойми: сопротивляющийся власти Богу противится, а противящийся Богу именуется отступникомъ, что составляетъ величайшій грѣхъ. И это сказано о всякой власти, даже о такой, которая устанавливается кровопролитіемъ и

бранью, мы же не насильно добились власти, а, слѣдовательно, сопротивляться нашей власти еще болѣе значить сопротивляться Богу. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ апостолъ Павелъ, слова котораго ты презрѣлъ: «Раби! Послушайте господей своихъ, не предъ очами точію работающе, яко челоувѣкоугодниці, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть». Если, творя добро, пострадать, то, значитъ, такова уже воля Господня!

Если ты праведенъ и благочестивъ, то отчего ты не захотѣлъ отъ меня, строптиваго повелителя, пострадать и приобрести мученическій вѣнецъ? Ради брэнной славы, сребролюбія, мірскихъ наслажденій, ты попралъ все свое благочестіе душевное вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и закономъ...

Какъ ты не стыдился раба своего Васьки Шибанова? Онъ умѣлъ соблюсти свой долгъ и предъ царемъ, и предъ всѣмъ народомъ, въ предсмертній часъ, вѣрный своему крестному цѣлованію, онъ не отрекся отъ тебя, хвалилъ тебя въ готовности принять смерть за тебя. Но ты не пожелалъ поступить съ подобною вѣрностію долгу: по причинѣ одного гнѣвнаго слова моего, ты погубилъ душу не только свою, но и души всѣхъ твоихъ предковъ; вѣдъ Божиимъ соизволеніемъ дѣлу нашему, великому государю, они были отданы въ подданство; и они до смерти ему служили и вамъ, дѣтамъ своимъ, приказали служить дѣтамъ и внукамъ дѣда нашего. И все это ты забылъ, какъ собака, преступилъ крестное цѣлованіе, присоединился къ врагу христіанства и къ тому же, не обращая вниманія на свое преступленіе, подобныя скудоумныя слова говоришь, будто мечешь въ небо камнями, не стыдишься своего раба, вѣрнаго долгу, и отказываешься сдѣлать относительно своего повелителя то, что сдѣлалъ онъ.

Какъ выше я сказалъ, сколько зла перенесъ я отъ васъ (бояръ) въ юности и переносу доселѣ! Этимъ теперь тебя пространно изобличу. Вотъ что было (хотя ты былъ въ то время юнъ, но можешь знать): когда Божиимъ соизволеніемъ отецъ нашъ великій государь переселился въ лучшую жизнь, оставилъ тлѣнное и земное царство, перешелъ въ царство небесное, которому нѣтъ конца, и предсталъ предъ Царемъ царей и Господиномъ господъ, я остался съ однимъ братомъ, покойнымъ Гергіемъ. Мнѣ былъ тогда третій годъ, брату же одинъ годъ. Родительница наша, благочестивая царица Елена, осталась въ бѣдственномъ вдовствѣ, будто въ плѣненіи пребывала, окруженная иноплеменными народами, ведшими непримиримыя войны, какъ то: литовцами, поляками, крымцами, татарами, ногаями, казанцами. И въ то же время отъ васъ, измѣнниковъ, бѣды и скорби она испытывала, такъ какъ, подобно тебѣ, бѣшеной собакѣ, князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Лятскій бѣжали въ Литву и оттуда ѣздили въ Царьградъ, въ Крымъ, къ ногаямъ, вездѣ возбуждая войну противъ православныхъ. Они, однако, не добились успѣха, такъ какъ, при заступничествѣ Бога и Пречистой Богородицы, молитвами великихъ чудотворцевъ и родителей нашихъ, всѣ сіи злыя намѣренія распались въ прахъ. Потомъ измѣнники подняли на насъ дядю нашего князя Андрея Ивановича, съ этими измѣнниками (восхваляемыми тобою и готовыми, по твоимъ словамъ, положить жизнь за насъ) онъ пошелъ къ Новгороду. И многіе въ то время отъ насъ отстали и пристали къ дядѣ нашему князю Андрею, а во главѣ ихъ былъ твой братъ

князь Иванъ. Но и эти злыя намѣренія, съ Божіею помощію, не имѣли успѣха. Не это ли есть dobroходство восхваляемыхъ тобою? Не такъ ли полагають за насъ свою душу, когда имѣють намѣреніе погубить насъ и возвести на престолъ нашего дядю? Затѣмъ, обычаемъ измѣнниковъ, они стали отчину нашу, Радогощъ, Стародубъ, Гомель, нашему врагу, Литвѣ, передавать. Вотъ какіе это dobroхоты...

Когда, по Божіей волѣ, родительница наша, благочестивая княгиня Елена, перешла изъ земнаго царства въ небесное, мы съ покойнымъ братомъ Георгіемъ остались сиротами, уповающими на пресвятую Богородицу, молитвы святыхъ и родителей нашихъ. Мнѣ было тогда восьмой годъ, и тѣ, которые должны быть подданными нашими, стали самоуправничать. ибо государство было тогда безъ владѣтеля. Они ничего сообразнаго съ нашимъ благомъ не дѣлали, сами предались достиженію богатства и значенія, ссорились другъ съ другомъ. И что они надѣлали! Сколько бояръ, воеводъ, dobroжелательныхъ отцу нашему, избili: дворы, села и имѣнія дѣдей нашихъ присвоили себѣ и водворились въ нихъ; казну нашей матери перенесли въ большую казну, неистово топча ее ногами и толкая колыями, а иное раздѣлили между собою. Все это сотворилъ дѣдъ твой Михайло Тучковъ. Князья Василій и Иванъ Шуйскіе самовольно взяли меня подъ свою опеку и такимъ образомъ воцарились, выпустивъ изъ заключенія и пристроивъ при себѣ всѣхъ тѣхъ, которые были главными измѣнниками относительно отца нашего и матери нашей... Насъ же, т. е. меня и моего роднаго брата, покойнаго Георгія, воспитывали будто бы чужихъ или убогихъ дѣтей. Не удовлетворялись даже наши потребности относительно одежды и пищи...

Я не стараюсь свѣтъ измѣнить въ тьму и сладкаго не называю горькимъ. Неужели свѣтъ и сладость—это власть рабовъ? Неужели тьма и горечь происходятъ оттого, когда владѣтъ Богомъ данный государь, о славіи котораго прежде было сказано пространно? Въ своемъ письмѣ, написанномъ по внушенію діавола, ты высказываешь сочувствіе тому, чтобы рабы, помимо господъ своихъ, имѣли власть. Я ревностно забочусь о томъ, чтобы наставить людей на путь истины и свѣта, чтобы они познали единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и государя, даннаго Богомъ, и отстали отъ междоусобныхъ браней и беззаконной жизни, такъ какъ послѣдними средствами царства приходятъ въ упадокъ. Есть ли оставленіе зла и твореніе добра горечь и тьма? Нѣтъ, это сладость и свѣтъ, ибо подданные, не повинующіеся царю, никогда не отстанутъ отъ междоусобныхъ войнъ...

Ты пишешь о крови своей, пролитой въ сраженіяхъ съ иноплемениками за насъ, и въ своемъ безуміи полагаешь, что она вопіетъ противъ насъ предъ Богомъ. Но вѣдь это смѣха достойно. Кто пролилъ эту кровь, противъ того она и вопіетъ. Если кровь твоя и дѣйствительно пролита врагами, то вѣдь этимъ ты исполнилъ лишь свой долгъ относительно отечества; не сдѣлай ты этого, и ты бы не былъ христіаниномъ, а варваромъ. Такимъ образомъ, этотъ упрекъ насъ не касается. Гораздо въ большей степени наша кровь вопіетъ предъ Господомъ противъ васъ,—кровь, пролитая благодаря вамъ. Она струилась не изъ ранъ, не кровавыми пятнами, но потомиъ и усталостію отъ множества трудовъ, которыми вы меня преступно, выше силъ моихъ, отягощали. По причинѣ вашей злобы и вашего утѣсненія много слезъ нашихъ, вмѣсто

крови, было пролито, много было вздоховъ и стenanій, происходящихъ изъ глубины сердца. Отъ этого я получилъ боль въ поясницѣ. Я у васъ никогда не пользовался любовью, къ царицѣ моей и къ дѣтямъ нашимъ вы никогда не относились съ искреннимъ вниманіемъ. Таковое мсе мolenіе вопіетъ предъ Богомъ противъ васъ больше, чѣмъ ваше безуміе, потому что пролитіе крови вашей за православіе не то, что пролитіе крови изъ-за самолюбія и богатства...

Ты призываешь верховнаго судью Бога. Во истину, Онъ праведно воздастъ каждому по дѣламъ — и добрымъ, и злымъ; но только всякій человѣкъ долженъ разсудить, каковаго и за какия дѣла онъ долженъ ожидать себѣ воздаянія? Пишешь, что лица своего намъ не покажешь до дня страшнаго суда Божія; но кому же желательно видѣть столь эгоистическое лицо?

XXI. УДАЛЕНІЕ ГРОЗНАГО ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ СЛОБОДУ И УЧРЕЖДЕНІЕ ОПРИЧНИНЫ И ЗЕМЩИНЫ.

(Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина).

Измѣна Курбскаго и подозрѣніе другихъ бояръ въ сношеніяхъ съ Литвою вызвали сильный гнѣвъ въ Іоаннѣ. Всѣ добрые вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго; онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоровы или угрозы въ ихъ молчаніи, требовалъ доносовъ и жаловался, что ихъ мало; самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаднѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тиранна: жертвы были предъ нимъ и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для ужасовъ, и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 г., Москва узнала, что царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, дворянами, людьми приказными, воинскими, поимянно созданными для того изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ, съ ихъ женами и дѣтьми. 3-го декабря, утромъ, явилось на Кремлевской площади множество саней; въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, св. иконы, кареты, сосуды драгоценныя, одежды, деньги. Духовенство, бояре ожидали государя въ церкви Успенія: онъ пришелъ и велѣлъ митрополиту служить обѣдню, молился съ усердіемъ, принялъ благословеніе, милостиво далъ поцѣловать руку свою боярамъ, чиновникамъ, купцамъ, сѣлъ въ сани съ царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михайломъ Салтыковымъ, кн. Аванасіемъ Вяземскимъ, съ другими любимцами и, провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ Александровскую слободу. Въ Москвѣ, кромѣ митрополита, находились тогда многіе святители: они вмѣстѣ съ боярами, вмѣстѣ съ народомъ, не зная, что думать о государевомъ необыкновенномъ, таинственномъ путешествіи, беспокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

3-го генваря вручили митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Подивановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неурядица, беззаконіе боярскаго правленія во время его

малолѣтства, доказывалъ, что и вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья государевы, радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество, что сей духъ въ нихъ не измѣнился, что они не перестаютъ злодѣйствовать: воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ, нѣмцамъ терзать Россію, а если государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ боярамъ и чиновникамъ, то митрополитъ и духовенство вступаются за виновныхъ. «Вслѣдствіе чего, — писалъ Іоаннъ, — не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ намъ путь». Другую грамоту прислалъ онъ гостямъ, купцамъ, мѣщанамъ: дѣяки въ собраніи народа читали ону велегласно. Царь увѣрялъ добрыхъ москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. «Государь насъ оставилъ! — вопилъ народъ: мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплемениками? Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали отъ митрополита, чтобы онъ умилиствовалъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не страшась. Всѣ говорили ему одно: «Пусть царь казнитъ своихъ лиходѣевъ: нѣ животъ и въ смерти воля его; но царство да не останется безъ главы! Онъ нашъ владыка, Богомъ данный, иного не вѣдаемъ. Мы всѣ съ своими головами ѣдемъ за тобою бить челомъ государю и плакаться». То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: «Пусть царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ, мы сами истребимъ ихъ!» Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ царю; но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неопisanномъ смутеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными послами святителя новгородскаго Пимена и чудовскаго архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе епископы; за духовенствомъ вельможи, кн. Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Иванъ Ѳеодоровичъ Мстиславскій, всѣ бояре, окольнічіе, дворяне и приказные люди, прямо изъ палатъ митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ дома; также и многіе гости, купцы, мѣщане поѣхали, чтобы ударить челомъ государю и плакаться.

Святители остановились въ Слатинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну. Онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую слободу съ приставами и 5-го генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ царю благословеніе отъ митрополита, епископы слезно умоляли его святъ овалу съ духовенства, съ вельможь, дворянъ, приказныхъ людей, не оставлять государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили, наконецъ, чтобы онъ дозволилъ боярамъ видѣть очи царскія. Іоаннъ впустилъ и бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали царя сжалиться надъ Россією, возвеличенною его побѣдами и мудрыми уставами, славною мужествомъ ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. «Когда — сказали вмѣстѣ и духовные, и государственные сановники — ты не уважаешь мірскаго величія и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмовъ, гдѣ совершились чудеса божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи угодниковъ Христовыхъ; вспомни, что ты блю-

ститель не только государства, но и церкви, первый, единственный монархъ православія! Если удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей вѣры? Кто спасетъ миллионы душъ отъ гибели вѣчной?» Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости, ссылаясь на исторію, доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами державныхъ наслѣдниковъ монарховыхъ: хотѣли извести царя, супругу, сыновей его... Бояре безмолвствовали. «Но—продолжалъ царь—для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ, соглашаюсь опять взять свои государства, а на какихъ условіяхъ, вы узнаете». Условія состояли въ томъ, что Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ опалю, смертью, лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стяжанія, безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны духовенства. Въ сихъ словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ и не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить царя царству, и всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость. Грозный владыка, какъ-бы смягченный смиреніемъ обреченныхъ жертвъ, велѣлъ святителямъ праздновать съ нимъ Богоявленіе, удержалъ въ свободѣ кн. Бѣльскаго и Щенятева, а другихъ бояръ вмѣстѣ съ дьяками отпустилъ въ Москву, чтобы дѣла не остановились въ приказахъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала царя, и долго говорили, что онъ занимается тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними, угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2-го февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ духовенство, бояръ, знатнѣйшихъ сановниковъ. Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ, имѣлъ высокія плечи, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усь, нозь римскій, глаза небольшіе, сѣрые, но свѣтлые, пронизательные, исполненные огня, а лицо нѣкогда пріятное. Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣлость, всѣ черты исказились, взоръ угасъ, а на головѣ и бородѣ не осталось почти ни одного волоса отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова исчисливъ вѣны бояръ и подтвердивъ согласіе остаться царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры, о кратковременности жизни, и, предложивъ уставъ *опричнины*—имя дотоли неизвѣстное, Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти, но обстоятельства удивили, а слѣдствія привела въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявлялъ своею собственностью города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Шую, Вологду и нѣкоторые другіе, также волости московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ князей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ нѣкоторыя улицы съ разными свободами, откуда надлежало выслать дворянъ и приказныхъ людей, не записанныхъ въ царскую тысячу; 4) назначилъ особенныхъ сановниковъ для услугъ своихъ: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ,

хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ-бы возненавидѣвъ славныя воспоминанія кремлевскія и священные гробы предковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III, а указалъ строить новый за Неглинною, между Арбатомъ и Никитскою улицею, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною. Сія часть Россіи и Москвы, сія тысячная дружина Іоаннова, сей новый дворецъ, какъ отдѣльная собственность царя, находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы опричниною, а все остальное, т.-е. все государство, *земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ боярамъ земскимъ: кн. Бѣльскому, Мстиславскому и др., вѣдѣвъ старымъ государственнымъ чиновникамъ, конюшему, дворецкому, казначеямъ, дьякамъ, сидѣть въ ихъ приказахъ, рѣшать всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относится къ боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ государю. Іоаннъ, повидимому, желалъ какъ-бы удалиться отъ царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго владѣтеля, и въ доказательство, что государство и государственное уже не одно знаменуетъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны земской 100,000 рублей за издержки по путешествію отъ Москвы до слободы Александровской! Никто не противорѣчилъ: воля царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

4-го февраля Москва увидѣла исполненіе условій, объявленныхъ царемъ духовенству и боярамъ въ Александровской слободѣ. Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной царицы Анастасіи и дѣтей его. Первою жертвою былъ славный воевода кн. Александръ Борисовичъ Горбатый-Шуйскій, потомокъ св. Владиміра и древнихъ князей суздальскихъ, знаменитый участникъ въ завоеваніи Казанскаго царства, мужъ ума глубокаго, искусный въ дѣлахъ ратныхъ, ревностный другъ отечества и христіанъ. Ему надлежало умереть вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ, семнадцатилѣтнимъ юношею. Оба шли къ мѣсту казни безъ страха, спокойно, держа другъ друга за руку. Сынъ не хотѣлъ видѣть казни отца и первый склонилъ подъ мечъ свою голову; родитель отвелъ его отъ плахи, сказавъ съ умиленіемъ: «Да не зрю тебя мертвымъ!» Юноша уступилъ ему первенство, взялъ отсѣченную голову отца, поцѣловалъ ее, взглянулъ на небо и съ лицомъ веселымъ отдалъ себя въ руки палача. Шуринъ Горбатаго Петръ Хворинъ (родомъ грекъ), окольникъ Головинъ, кн. Иванъ Сухой-Кашинъ и кравчій, кн. Петръ Ивановичъ Горенскій, были казнены въ тотъ же день, кн. Дмитрій Шевыревъ посаженъ на колъ. Пишутъ, что сей несчастный страдалъ цѣлый день, но, укрѣпляемый вѣрою, забывалъ муку и пѣлъ канонъ Іисусу. Двухъ бояръ, кн. Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмага, постригли; у многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отняли имѣніе, другихъ съ семействами сослали въ Казань. Одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ, ближній родственникъ добродѣтельной царицы Анастасіи, бояринъ и воевода Иванъ Петровичъ Яковлевъ, также навлекъ на себя опалу; но Іоаннъ въ самомъ ожесточеніи еще любилъ хвалиться милосердіемъ: простивъ Яковлева, взялъ съ него клятвенную грамоту, утвержденную подписями святителей, въ томъ, чтобы не уходить ему изъ Россіи ни въ Литву, ни къ папѣ, ни къ императору, ни къ султану, ни къ кн. Владиміру Андреевичу и не имѣть съ нимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Другіе бояре,

кн. Василій Серебряный, Иванъ Охлябшинъ, и другіе должныствовали представить за себя ручателей съ неизмѣнной службѣ государю, а въ случаѣ ихъ бѣгства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести большую сумму денегъ въ казну: напримѣръ, за Серебрянаго 25,000 рублей. Предосторожность бесполезная и постыдная для государя; но сей государь былъ тираннъ.

Послѣ казни Іоаннъ занялся образованіемъ своей новой дружины. Въ совѣтъ съ нимъ сидѣли Алексѣй Басмановъ, Малиута Скуратовъ, кн. Аѳанасій Вяземскій и другіе любимцы. Къ нимъ приводили молодыхъ дѣтей боярскихъ, отличныхъ не достоинствами, но удальствомъ, распутствомъ, готовностью на все. Іоаннъ предлагалъ имъ вопросы о родѣ ихъ, о друзьяхъ и покровителяхъ; требовалось именно, чтобы они не имѣли никакой связи съ знатными боярами; неизвѣстность, самая низость происхождения—выбнялась имъ въ достоинство. Вмѣсто тысячи, царь избралъ 6,000, взявъ съ нихъ присягу служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружить съ земскими (то-есть со всѣми незаписанными въ опричнину), не водить съ ними хлѣба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя. За это государь далъ имъ не только земли, но и дома и всю движимую собственность старыхъ владѣльцевъ (числомъ 12,000), высланныхъ изъ предѣловъ опричнины съ голыми руками, такъ что многіе изъ нихъ, люди заслуженные, израненные въ битвахъ, съ женами и дѣтьми шли зимою пѣшкомъ въ инныя, отдаленныя, пустыя помѣстья. Самые земледѣльцы были жертвою сего несправедливаго учрежденія; новые дворяне, которые изъ нищихъ сдѣлались большими господами, хотѣли пышностью закрасить свою подлость, имѣли нужду въ деньгахъ, обременяли крестьянъ налогами, трудами; деревни разорились. Скоро увидѣли, что Іоаннъ предаетъ всю Россію въ жертву своимъ опричнымъ: они были всегда въ судахъ, а на нихъ не было ни суда, ни управы. Опричникъ или кромѣшникъ могъ безопасно тѣснить, грабить сосѣда и, въ случаѣ жалобы, бралъ съ него пеню за безчестіе. Сверхъ многихъ иныхъ злодѣйствъ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, слѣдующее вошло въ обыкновеніе: слуга опричника, исполняя волю господина, съ нѣкоторыми вещами прятался въ домъ купца или дворянина; господинъ заявлялъ его мнимое бѣгство, мнимую кражу, требовалъ въ судѣ пристава, находилъ своего бѣглеца съ поличнымъ и ввыскивалъ съ невиннаго хозяина пятьсотъ, тысячу или болѣе рублей. Не было снисхожденія: надлежало или немедленно заплатить, или идти на правезь, заключавшійся въ томъ, что неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сѣчь его всенародно до уплаты денегъ. Иногда опричникъ самъ подметывалъ что-нибудь въ богатую лавку, уходилъ, возвращался съ приставомъ и за сію, будто бы украденную у него, вещь разорялъ купца; иногда, схвативъ челоуѣка на улицѣ, онъ велъ его въ судъ, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань, ибо сказать неучтивое слово кромѣшнику значило оскорбить самого царя. Въ такомъ случаѣ невинный спасался отъ тѣлесной казни тягостною денежною пеней. Однимъ словомъ, люди земскіе, отъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, безотвѣтны противъ опричныхъ; первые были ловомъ, послѣдніе ловцами, и единственно для того, чтобы Іоаннъ могъ надѣяться на усердіе своихъ разбойниковъ-тѣлохранителей въ новыхъ замышляемыхъ имъ убійствахъ. Чѣмъ болѣе государь

ство ненавидѣло опричныхъ, тѣмъ болѣе государь имѣлъ къ нимъ довѣренности: сія общая ненависть служила ему залогомъ ихъ вѣрности. Затѣйливый умъ Іоанновъ избралъ достойный символъ для своихъ ревностныхъ слугъ: они ѣздили всегда съ собачьими головами и съ метлами, привязанными къ сѣдламъ, въ ознаменованіе того, что грызутъ лихоѣвъ царскихъ и метутъ Россію.

Хотя новый дворецъ уподоблялся неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя и въ немъ безопаснымъ: по крайней мѣрѣ онъ не влюбилъ Москвы и съ сего времени жилъ большею частью въ слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшеннымъ церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ; на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ. Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ ровомъ и валомъ; придворные, государственные чиновники—въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу, купцы—тоже. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоанна, для чего въ трехъ верстахъ отъ слободы, прозванной Неволєю, обыкновенно стояла воинская стража. Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностью успокаивать душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человекъ, самыхъ здѣйшихъ, назвалъ братією, себя игуменомъ, Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова параклисiarхомъ, далъ имъ тафьи или скуфейки и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою. Іоаннъ сочинилъ для нихъ уставъ монашескій и служилъ при-мѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ заутренѣ; братья спѣшили въ церковь; кто не явился, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась отъ шести до семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ. Въ 8 часовъ опять собирались къ обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу всѣ, кромѣ Іоанна, который стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Между тѣмъ братья ѣли и пили до-сыта. Всякій день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатки трапезы выносили изъ дворца на пошадъ для бѣдныхъ. Игуменъ, т.-е. царь, обѣдалъ послѣ, бесѣдовалъ съ любимцами о законѣ, дремалъ или ѣхалъ въ темницу пытать какого-нибудь несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія, шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ, въ десятомъ Іоанн уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ, одинъ за другимъ, рассказывали ему сказки; онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не надолго: въ полночь вставалъ, и день его начинался молитвою! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ, иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени или обѣдни! Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми объѣздами, посѣщалъ монастыри и ближніе, и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ, ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ, любилъ въ особенности медвѣжью травлю

Между тѣмъ вездѣ и всегда онъ занимался дѣлами, ибо земскіе бояре, мнимо-уполномоченные правители государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда прїѣзжали къ намъ знатные послы-иноземцы, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой кремлевской палатѣ, близъ церкви св. Іоанна; являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко.

Кромѣ своихъ любимцевъ, опричниковъ, Іоаннъ удивительнымъ образомъ чистилъ тогда нѣкоторыхъ ливонскихъ плѣнниковъ. Въ іюлѣ 1565 г., обвиняя дерптскихъ гражданъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ магистромъ, онъ вывелъ оттуда всѣхъ нѣмцевъ и сослалъ во Владиміръ, Угличъ, Кострому, Нижній Новгородъ съ женами и дѣтьми, но далъ имъ пристойное содержаніе и христіанскаго наставника, дерптскаго пастора Веттермана, который могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ, чтобы утѣшать ихъ въ печальной ссылкѣ. Царь уважалъ сего добродѣтельнаго мужа и велѣлъ ему разобрать свою библіотеку, въ коей Веттерманъ нашелъ множество рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно, царевною Софією. Нѣмцы Эберфельдъ, Кальбсъ, Таубе, Крузе вступили къ намъ въ службу и хитрою лестью умѣли верасться въ довѣренность къ Іоанну. Въ искреннихъ бесѣдахъ онъ жаловался чужеземнымъ любимцамъ на бояръ, на духовенство, не тайлъ мысли искоренить первыхъ, чтобы царствовать свободнѣе, безопаснѣе съ дворянствомъ новымъ или опричниною, ему преданною, ибо она видѣла въ немъ своего отца и благодѣтеля, а бояре жалѣли о временахъ Адашевскихъ, когда имъ была свобода, а царю неволя. Такъ говорилъ Іоаннъ. Иноземцы молчали, или, вопреки совѣсти, хвалили тирана. Знаменитые русскіе, лишаемые свободнаго доступа къ государю, ознаменованные какъ-бы презрительнымъ именемъ земскихъ, нагло оскорбляемые неистовыми кромѣшниками, угрожаемые опалю, казнью безъ вины, также молчали вмѣстѣ съ духовенствомъ. Но когда старецъ, митрополитъ Афанасій, изнуренный тяжкою болѣзнію, а можетъ быть и душевною горестію, оставилъ (1566 г.) митрополию, тогда явился мужъ смѣлый добродѣтелью и ревностною любовью къ отечеству, который, подобно Сильвестру, предпріялъ исправить царя, но, менѣе счастливый, могъ только умереть за царство въ вѣнцѣ мученика.

XX. ОПРИЧНИНА ИВАНА ГРОЗНАГО, КАКЪ ПОПЫТКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ И СЛѢДСТВІЯ ОПРИЧНИНЫ.

(Изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова).

Надъ вопросомъ, о томъ, что такое опричнина царя Іоанна Васильевича, много трудились ученые. Одинъ изъ нихъ справедливо и не безъ юмора замѣтилъ, что „учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ“. Въ самомъ дѣлѣ, подлинныхъ документовъ по дѣлу учрежденія опричнины не сохранилось; официальная лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ кратко и не раскрываетъ смысла учрежденія; русскіе же люди XVI вѣка, говорившіе объ опричинѣ, не объясняютъ ея хорошо и какъ будто не умѣютъ ее описать. И дьяку Ивану Тимофееву, и знатному князю И. М. Катыреву-Ростовскому дѣло представляется такъ: въ ярости на своихъ подданныхъ Грозный раздѣлилъ государство на

двѣ части; одну онъ далъ „царю“ Симеону, другую взять себѣ и заповѣдать своей части „оную часть людей насиловать и смерти предавати“. Къ этому Тимошеевъ прибавляетъ, что вмѣсто „добромыслимыхъ вельможъ“, избитыхъ и изгнанныхъ, Іоаннъ приблизилъ къ себѣ иностранцевъ и подпалъ подъ ихъ влияние до такой степени, что „вся внутренняя его въ руку варваръ быша“. Но мы знаемъ, что правленіе Симеона было кратковременнымъ и позднѣйшимъ эпизодомъ въ исторіи опричнины, что иностранцы, хотя и вѣдали въ опричиннѣ, однако не имѣли въ ней никакого значенія, и что показная цѣль учрежденія заключалась вовсе не въ томъ, чтобы насиловать и избивать подданныхъ государя, а въ томъ, чтобы „дворъ ему (государю) себѣ и на весь свой обиходъ учинити особой“. Такимъ образомъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго для сужденія о дѣлѣ, кромѣ краткой записи лѣтописца о началѣ опричнины да отдѣльных упоминаній о ней въ документахъ, прямо къ ея учрежденію не относящихся. Остается широкое поле для догадокъ и домысловъ.

Конечно, легче всего объявить „нелѣпымъ“ раздѣленіе государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкаго тирана; такъ нѣкоторые и дѣлаютъ. Но не всѣхъ удовлетворяетъ столь простой взглядъ на дѣло. С. М. Соловьевъ объясняетъ опричнину, какъ попытку Грознаго формально отделиться отъ ненадежнаго въ его глазахъ боярскаго правительственнаго класса; устроенный съ такою цѣлью новый дворъ царя на дѣлѣ выродился въ орудіе террора, искажился въ сыскное учрежденіе по дѣламъ боярскаго и всякой иной нѣмѣны. Такимъ именно сыскнымъ учрежденіемъ, „высшею полиціей по дѣламъ государственной нѣмѣны“ представляетъ намъ опричнину В. О. Ключевскій. И другіе историки видятъ въ ней орудіе борьбы съ боярствомъ, и при томъ странное и неудачное. Только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ и С. М. Середонинъ склонны придавать опричиннѣ большой политическій смыслъ: они думаютъ, что опричнина направлялась противъ потомства удѣльных князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Однако такой, по нашему мнѣнію близкій къ истинѣ, взглядъ не раскрытъ съ желаемой полнотой, и это заставляеть насъ остановиться на опричиннѣ для того, чтобы показать, какими своими послѣдствіями и почему опричнина повлияла на развитіе Смуты въ московскомъ обществѣ.

До нашего времени не сохранился подлинный указъ объ учрежденіи опричнины; но мы знаемъ о его существованіи изъ описи царскаго архива XVI вѣка и думаемъ, что въ Александровской лѣтописи находится не вопіющіе удачное и вразумительное его сокращеніе. По лѣтописи мы получаемъ лишь приблизительное понятіе о томъ, что представляла собою опричнина въ своемъ началѣ. Это не былъ только „наборъ особаго корпуса тѣлохранителей, въ родѣ „турецкихъ янычаръ“, какъ выразился одинъ изъ позднѣйшихъ писателей, а было нѣчто болѣе сложное. Учреждался особый государевъ дворъ, отдѣльно отъ стараго московскаго двора. Въ немъ долженъ былъ быть особый дворецкій, особые казначеи и дѣяки, особые бояре и окольничіе, придворные и служилые люди, наконецъ, особая дворня на всякаго рода „дворцахъ“: сытномъ, кормовомъ, хлѣбномъ и т. д. Для содержанія всего этого люда взяты были города и волости изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства. Они образовали территорію опричнины череполосно съ землями, оставленными въ старомъ порядкѣ управленія и получившими имя „земщины“. Первоначальный объемъ этой территоріи, опредѣленный въ 1565 году, былъ въ послѣдующіе годы увеличенъ настолько, что охватилъ добрую половину государства. Сначала въ опричнину были взяты нѣкоторые Заозкіе города: Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Медынь, Опаковъ на Угрѣ, и сосѣдніе съ ними городаки Ярославль, Малый и Вышегородъ на рѣкѣ Протвѣ, также волости и нѣкоторые большія села въ тѣхъ же мѣстахъ. Это былъ, можно сказать, сплошной округъ. Такими же сплошными округами можно считать Галичъ, взятый въ опричнину со всѣми пригородами, и Суздаль съ Шуею, съ Юрьевцомъ, Поволжскимъ и съ Балахною. Когда, немного спустя, взята была въ опричнину Кострома съ уѣздомъ, то она соединила галицкія и суздальскія мѣста въ одно громадное пространство „оприщинныхъ“ земель. Далѣе, въ 1565 году попали въ опричнину лучшія мѣста Поморья: Вологда, Тотьма, Устюгъ, Двина, Вага, Каргополь; взяты были города Можайскъ и Вязьма и нѣкоторыя мѣста въ Новгородскомъ краю: Старая Руса, Ладожскій порогъ на Волховѣ и рѣка Општа, впадающая съ юга въ Онежское озеро у истоковъ Свири. Наконецъ, къ новому

дворцу были отдѣлены дворцовыя села и волости кругомъ Москвы и въ другихъ мѣстахъ. Если бы всѣ эти города и земли лежали въ одной межѣ, они составили бы цѣлое государство. Но ихъ все-таки оказалось мало. Устраняя опричнину, царь общалъ, если ему „доходу не достанетъ на его государскій обиходъ,—и иные города и волости имати“; и онъ сдержалъ обѣщаніе. Въ 1566 году присоединена была къ опричинѣ волость Чаронда, также Соль Вычегодская, а съ нею и земли Строгановыхъ. Въ 1567 году взята была Кострома „всѣмъ городомъ“. Въ 1569 году вошелъ въ опричнину Симоновъ монастырь „со всею вотчиною“. Въ 1571 году, послѣ новгородскаго погрома, Грозный прислалъ въ Новгородъ „опришнихъ“ дьяковъ, „да Торговую сторону взявъ въ опришную, двѣ пятинны, Обонѣскую да Бѣжицкую пятину, царь государь пожаловалъ“. Всѣми этими прибавленіями, насколько можно судить, дѣло не ограничилось; у насъ есть полное основаніе думать, что къ новому „двору“ Грознаго приписаны были Ярославль и Переяславль Залѣсскій, взятые изъ земщины въ 70-хъ годахъ, также Ростовъ, Пошехонье и Дмитровъ; три послѣдніе города опредѣленно названы „дворовыми“ въ 1577 году. Такимъ образомъ территория опричнины нарастала постепенно и, можно сказать, удвоилась.

Для какихъ же надобностей давали этой территоріи такіе большіе размѣры? Нѣкоторый отвѣтъ на это предлагаетъ сама лѣтопись въ рассказѣ о началѣ опричнины.

Во-первыхъ, царь заводилъ новое хозяйство въ опричномъ дворцѣ и бралъ къ нему, по обычаю, дворцовыя села и волости. Для самаго дворца первоначально выбрано было мѣсто въ Кремлѣ, снесены дворцовыя службы и взяты на государя погорѣвшія въ 1565 году усадьбы митрополита и князя Владимира Андреевича. Но почему-то Грозный сталъ жить не въ Кремлѣ, а на Вадвиженкѣ, въ новомъ дворцѣ, куда перешелъ въ 1567 году. Къ новому опричному дворцу приписаны были въ самой Москвѣ нѣкоторыя улицы и слободы, а сверхъ того дворцовыя волости и села подъ Москвою и вдали отъ нея. Мы не знаемъ, чѣмъ былъ обусловленъ выборъ въ опричнину тѣхъ, а не иныхъ мѣстностей изъ общаго запаса собственно дворцовыхъ земель; мы не можемъ представить даже приблизительнаго перечня волостей, взятыхъ въ новый опричный дворецъ, но думаемъ, что такой перечень, если бы и былъ возможенъ, не имѣлъ бы особой важности. Во дворецъ, какъ объ этомъ можно догадываться, брали земли собственно дворцовыя въ мѣру хозяйственной надобности, для устройства различныхъ службъ и для жилищъ придворнаго штата, находящагося при исполненіи дворцовыхъ обязанностей.

Но такъ какъ этотъ придворный и вообще служилый штатъ требовалъ обезпеченія и земельнаго испомѣщенія, то, во-вторыхъ, кромѣ собственно дворцовыхъ земель, опричинѣ были нужны земли вотчинныя и помѣстныя. Грозный въ данномъ случаѣ повторилъ то, что было сдѣлано имъ же самимъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1550 году онъ разомъ испомѣстилъ кругомъ Москвы „помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ тысячу человекъ“. Теперь онъ также выбираетъ „себѣ князей и дворянъ и дѣтей боярскихъ“ дворовыхъ и родовыхъ, тысячу головъ; но испомѣщаетъ ихъ не кругомъ Москвы, а въ другихъ по преимуществу Замосковныхъ уѣздахъ: Галицкомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ, также въ Заоцкихъ городахъ, а съ 1571 года, вѣроятно, и въ Новгородскихъ пятинкахъ. Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ лѣтописи, онъ производитъ мѣну земель: „вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричинѣ, велѣлъ изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ“. Надобно замѣтить, что нѣкоторыя грамоты безусловно подтверждаютъ это лѣтописное показаніе: вотчинники и помѣщики дѣйствительно лишались своихъ земель въ опричныхъ уѣздахъ, и притомъ сразу всѣмъ уѣздомъ или, по ихъ словамъ, „съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опалѣ, — какъ государь взялъ городъ въ опришнину“. За взятые земли служилые люди вознаграждались другими, гдѣ государь пожалуетъ, или гдѣ сами приищутъ. Такимъ образомъ всякій уѣздъ, взятый въ опричнину съ служилыми землями, былъ осужденъ на коренную ломку. Землевладѣніе въ немъ подвергалось пересмотру и земли мѣняли владѣльцевъ, если только владѣльцы сами не стали опричниками. Можно, кажется, не сомнѣваться въ томъ, что такой пересмотръ вызванъ былъ соображеніями политическаго порядка. Въ центральныхъ областяхъ государства для опричнины были отдѣлены какъ разъ тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныххъ территоріяхъ владѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричнина дѣйствовала среди

родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ и Ростовскихъ (отъ Ростова до Чаронды), князей Стародубскихъ и Суздальскихъ (отъ Суздаля до Юрьева и Балахны), князей Черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ. Эти вотчины постепенно входили въ опричнину: если сравнимъ перечни княжескихъ вотчинъ, въ извѣстныхъ указахъ о нихъ—царскомъ 1562 года и „земскомъ“ 1572 года, то увидимъ, что въ 1572 году въ вѣдѣніи „земскаго“ правительства остались только вотчины Ярославскія и Ростовскія, Оболенскія и Мосальскія, Тверскія и Рязанскія; всѣ же остальные, названныя въ „старомъ государевомъ уложеніи“ 1562 года, уже отошли въ опричнину. А послѣ 1572 года и вотчины Ярославскія и Ростовскія, какъ мы уже указывали, взяты были въ государевъ „дворъ“. Такимъ образомъ малу-по-малу почти сплоша собрались въ опричномъ управленіи старыя удѣльныя земли, исконныя владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго. На этихъ-то владѣльцевъ и долженъ былъ пасть всею тяжестью затѣянный Грознымъ пересмотръ землевладѣнія. Однихъ Грозный сорвалъ съ старыхъ мѣстъ и разсѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ. Въ завѣщаніи Грознаго находимъ многочисленныя указанія на то, что государь бралъ „за себя“ земли служилыхъ князей; но всѣ эти и имъ подобныя указанія, въ сожалѣнію, слишкомъ мимолетны и кратки, чтобы дать намъ точную и полную картину потрясеній, пережитыхъ въ опричнинѣ княжескимъ землевладѣніемъ. Сравнительно лучше мы можемъ судить о положеніи дѣлъ въ Заозскихъ городахъ по верхней Окѣ. Тамъ были на исконныхъ своихъ владѣніяхъ потомки удѣльныхъ князей—Одоевскихъ, Воротынскихъ, Трубецкихъ и другихъ; „еще тѣ князята были на своихъ удѣлахъ и велія отчины подъ собою имѣли“, говоритъ о нихъ извѣстная фраза Курбскаго. Когда въ это гнѣздо князья вторгся съ опричниною Грозный,—онъ нѣкоторыхъ изъ княжатъ взялъ въ опричную „тысячу головъ“; въ числѣ „воеводъ изъ опричнины“ дѣйствовали, напримѣръ, князья Федоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій. Другихъ онъ исподволь сводилъ на новыя мѣста; такъ князю Михаилу Ивановичу Воротынскому уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ учрежденія опричнины данъ былъ Стародубъ Рязоловскій вмѣсто его старой вотчины (Одоева и другихъ городовъ); другіе князья съ верхней Оки получаютъ земли въ уѣздахъ Московскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и другихъ. Результаты такихъ мѣропріятій были многообразны и важны. Если мы будемъ помнить, что въ опричное управленіе были введены, за немногими и незначительными исключениями, всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ раѣе существовали старыя удѣльныя княжества, то поймемъ, что опричнина подвергла систематической ломкѣ вотчинное землевладѣніе служилыхъ княжатъ вообще, на всемъ его пространствѣ. Зная истинныя размѣры опричнины, мы увѣрimsя въ полной справедливости словъ Флетчера о княжатахъ, что Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наслѣдственные земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь, прибавляетъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняется она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется вышнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ. По нашему мнѣнію, это очень точное опредѣленіе одного изъ послѣдствій опричнины. Другое послѣдствіе, вытекавшее изъ тѣхъ же мѣропріятій, было не менѣе важно. На территоріи старыхъ удѣльныхъ владѣній еще жили старинные порядки и радомъ съ властью московскаго государя еще дѣйствовали старыя авторитеты. „Служилые“ люди въ XVI вѣкѣ здѣсь служили съ своихъ земель не одному „великому государю“, но и частнымъ „государямъ“. Въ серединѣ столѣтія въ Тверскомъ уѣздѣ, напримѣръ, изъ 272 вотчинъ не менѣе чѣмъ съ 53-хъ владѣльцы служили не государю, а князю Владиміру Андреевичу Старицкому, князьямъ Оболенскимъ, Микулинскимъ, Мстиславскому, Ростовскому, Голицыну, Курлятеву, даже простымъ боярамъ; съ нѣкоторыхъ же вотчинъ и вовсе не было службъ. Понятно, что этотъ порядокъ не могъ удержаться при перемѣнахъ въ землевладѣніи, какія внесла опричнина. Частные авторитеты поникли подъ грозою опричнины и были удалены; ихъ служилые люди становились въ

непосредственную зависимость от великаго государя, а общій пересмотръ землевладѣнія привлекалъ ихъ всѣхъ на опричную государеву службу или же выводилъ ихъ за предѣлы опричнины. Съ опричниною должны были исчезнуть „воинства“ въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми князата раньше приходили на государственную службу, какъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльных обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношений. Такъ, захватывая въ опричину старинныя удѣльныя территории для испомѣщенія своихъ новыхъ слугъ, Грозный производилъ въ нихъ коренныя перемѣны, замѣняя остатки удѣльных переживаній новыми порядками, такими, которые равняли всѣхъ предъ лицомъ государя въ его „особномъ обиходѣ“, гдѣ уже не могло быть удѣльных воспоминаній и аристократическихъ традицій. Любопытно, что этотъ пересмотръ порядковъ и людей продолжался много лѣтъ спустя послѣ начала опричнины. Очень изобразительно описываетъ его самъ Грозный въ своей извѣстной челобитной 30-го сентября 1575 года на имя великаго князя Симеона Бекбулатовича: „чтобъ еси, государь, милость показалъ, освободить людешокъ перебравъ, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людешокъ: иныхъ бы еси освободилъ отослать, а иныхъ бы еси пожаловалъ освободилъ принять;... а освободилъ бы еси пожаловалъ изъ всякихъ людей выбирать и приимать, и которые намъ не надобны, и намъ бы тѣхъ пожаловалъ еси, государь, освободилъ прочь отсылати;... и которые похотятъ къ намъ, и ты бѣ, государь, милость показалъ освободилъ ихъ быти у насъ безопадно и отъ насъ ихъ имати не велѣлъ; а которые отъ насъ пойдутъ и учнутъ тебѣ, государю, бити челомъ, и ты бѣ... тѣхъ нашихъ людешокъ, которые учнутъ отъ насъ отходить, пожаловалъ не принималъ“. Подъ притворнымъ самоуничиженіемъ царя „Иванца Васильева“ въ его обращеніи къ только что поставленному „великому князю“ Симеону скрывается одинъ изъ обычныхъ для того времени указовъ о пересмотрѣ служилыхъ людей при введеніи опричнаго порядка.

Въ третьихъ, кромѣ дворцовыхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, многія волости, по словамъ лѣтописи, „государь поималъ кормленнымъ окупомъ“ съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государственную обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опричнинѣ“. Это—вѣрное но не полное указаніе лѣтописи на доходъ съ опричныхъ земель. Кормленный окупъ—спеціальныя сборы, своего рода выкупной платежъ волостей за право самоуправленія, установленный съ 1555—1556 года. Мы знаемъ, что имъ не ограничивались доходы опричнины. Въ опричину поступали, съ одной стороны, прямыя подати вообще. а съ другой, и разнаго рода косвенные налоги. Когда былъ взятъ въ опричину Симоновъ монастырь, ему было велѣно платить въ опричину „всякія подати“. Когда въ опричину была взята Торговая сторона Великаго Новгорода, то опричные дѣяки стали на ней вѣдать всѣ таможенные сборы, опредѣленные особою таможенною грамотою 1571 года. Такимъ образомъ, нѣкоторые города и волости были введены въ опричину по соображеніямъ финансовымъ; назначеніемъ ихъ было доставлять опричнинѣ отдѣльные отъ „земскихъ“ доходы. Разумѣется, вся территория опричнины платила искони существовавшіе на Руси „дани и оброки“, особенно же волости промышленнаго Поморья, гдѣ не было помѣщиковъ; но главнѣйшій интересъ и значеніе для опричной царской казны представляли крупныя городскія посады, такъ какъ съ ихъ населенія и рынковъ поступали многообразныя и богатѣйшіе сборы. Интересно посматрѣть, какъ были подобраны для опричнины эти торгово-промышленные центры. Въ нѣкоторымъ, кажется, безспорнымъ и не лишеннымъ значенія выводомъ можно привести въ данномъ случаѣ простое знакомство съ картою Московскаго государства. Нанеся на карту важнѣйшіе пути отъ Москвы къ рубежамъ государства и отмѣтивъ на картѣ мѣста, взятые въ опричину, убѣдимся, что въ опричину попали всѣ главные пути съ большею частью городовъ, на нихъ стоящихъ. Можно даже, не рискуя властью въ преувеличеніе, сказать, что опричнина распорядилась на всемъ пространствѣ этихъ путей, исключая развѣ самыхъ порубежныхъ мѣстъ. Изъ всѣхъ дорогъ, связывавшихъ Москву съ рубежами, развѣ только дороги на югъ, на Тулу и Рязань, оставлены опричниною безъ вниманія, думаемъ потому, что ихъ таможенная и всякая иная доходность была не велика, а все ихъ протяженіе было въ спокойныхъ мѣстахъ южной украины.

Изложенные нами наблюдения надъ составомъ земель, взятыхъ въ опричнину, можно теперь свести къ одному заключенію. Территорія опричнины, слагавшаяся постепенно, въ 70-хъ годахъ XVI вѣка составлена была изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ государства—въ Поморѣ, Замосковныхъ и Заозскихъ городахъ, въ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Опираясь на сѣверъ на „великое море-океанъ“, опричные земли клиномъ врѣзались въ „земщину“, раздѣляя ее надвое. На востокъ за земщиною оставались Пермскіе и Вятскіе города, Понизовье и Рязань; на западъ—города порубежные: „отъ нѣмецкой украины“ (Псковскіе и Новгородскіе), „отъ литовской украины“ (Великія Луки, Смоленскъ и др.) и города Сѣверскіе. На югѣ эти двѣ полосы „земщины“ связывались Украиними городами да „дикимъ полемъ“. Московскимъ сѣверомъ, Поморьемъ и двумя Новгородскими пятнами опричнина владѣла безраздѣльно; въ центральныхъ же областяхъ ея земли перемѣшивались съ земскими въ такой чередолосицѣ, которую нельзя не только объяснить, но и просто изобразить. За земщиною оставались здѣсь изъ большихъ городовъ, кажется, только Тверь, Владиміръ, Калуга. Города Ярославль и Переяславль Залѣсскій, какъ кажется, были взяты изъ „земщины“ только въ серединѣ 70-хъ годовъ. Во всякомъ случаѣ огромное большинство городовъ и волостей въ московскомъ центрѣ отошло отъ земщины, и мы имѣемъ право сказать, что земщинѣ, въ концѣ концовъ, оставлены были окраины государства. Получилось нѣчто обратное тому, что мы видимъ въ императорскихъ и сенатскихъ провинціяхъ древняго Рима: такъ императорская власть беретъ въ непосредственное вѣдѣніе военныя окраины и кольцомъ легионовъ сковываетъ старый центръ; здѣсь царская власть, наоборотъ, отдѣляетъ себя въ опричнину внутреннія области, оставляя старому управленію военныя окраины государства.

Вотъ къ какимъ результатамъ привело насъ изученіе территориальнаго состава опричнины. Учрежденный въ 1565 году новый дворъ московскаго государя въ десять лѣтъ охватилъ всѣ внутреннія области государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ землевладѣніи этихъ областей, завладѣлъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно сравнялся съ земщиною, если только не переросъ ее. Въ 70-хъ годахъ XVI вѣка это далеко не „отрядъ царскихъ тѣлохранителей“ и даже не „опричнина“ въ смыслѣ удѣльнаго двора. Новый дворъ Грознаго царя до такой степени разросся и осложнился, что пересталъ быть опричниною не только по существу, но и по официальному наименованію: около 1572 года слово „опричнина“ въ разрядахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ „дворъ“. Думаемъ, что это не случайность, а достаточно ясный признакъ того, что въ сознаніи творцовъ опричнины она измѣнила свой первоначальный видъ.

Рядъ наблюдений, изложенныхъ выше, ставитъ насъ на такую точку зрѣнія, съ которой существующія объясненія опричнины представляются не вполне соответствующими исторической дѣйствительности. Мы видимъ, что, вопреки обычному мнѣнію, опричнина вовсе не стояла „внѣ“ государства. Въ учрежденіи опричнины вовсе не было „удаленія главы государства отъ государства“, какъ выражался С. М. Соловьевъ; напротивъ, опричнина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ „земскому“ управленію рубежи, и даже стремилась къ государственнымъ преобразованіямъ, ибо вносила существенныя перемѣны въ составъ служилого землевладѣнія. Уничтожая его аристократическій строй, опричнина была направлена въ сущности противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя терпѣли и поддерживали такой строй. Она дѣйствовала не „противъ лицъ“, какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій. Говоря такъ, мы совсѣмъ не отрицаемъ тѣхъ отвратительно-жестокихъ гоненій, которымъ подвергалъ въ опричнѣ Грозный царь своихъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ враговъ. И Курбскій, и иностранцы говорятъ о нихъ много и вѣроподобно. Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязною пѣною, которая кишѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ. Непонятное ожесточеніе Грознаго, грубый произволъ его „кромѣшниковъ“ гораздо болѣе затрогивали интересъ современниковъ, чѣмъ обыденная

дѣятельность опричнины, направленная на то, чтобы „людишекъ перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишекъ“. Современники замѣтили только результаты этой дѣятельности—разгромъ княжескаго землевладѣнія: Курбскій страстно упрекалъ за него Грознаго, говоря, что царь губилъ княжатъ ради вотчинъ, стяжаній и скорбовъ; Флетчеръ спокойно указывалъ на униженіе „удѣльныхъ князей“ послѣ того, какъ Грозный захватилъ ихъ вотчины. Но ни тотъ, ни другой изъ нихъ, да и вообще никто не оставилъ намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо „земскихъ“ бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно „перебиралъ“ служилыхъ людишекъ, отрывая ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же вовсе губилъ ихъ въ припадкахъ своей подозрительной ярости.

Можетъ быть, это неумѣнье современниковъ разсмотрѣть за вспышками царскаго гнѣва и за самоуправствомъ его опричной дружины опредѣленный планъ и систему въ дѣйствіяхъ опричнины было причиною того, что смыслъ опричнины сталъ скрытъ и отъ глазъ потомства. Но есть этому и другая причина. Какъ первый періодъ реформъ царя Іоанна оставилъ по себѣ мало слѣдовъ въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ московскихъ приказовъ, такъ и опричнина съ ея реформою служилаго землевладѣнія почти не отразилась въ актахъ и приказныхъ дѣлахъ XVI вѣка. Переводя области въ опричину, Грозный не выдумывалъ, для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учрежденій; онъ только поручалъ ихъ управленію особымъ лицамъ—„изъ двора“, и эти лица изъ двора дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами „изъ земскаго“. Вотъ почему иногда одно только имя дьяка, скрѣпившаго ту или другую грамоту, показываетъ намъ, гдѣ дана грамота, въ опричинѣ или въ земщинѣ; или же только по мѣстности, къ которой относится тотъ или другой актъ, можемъ мы судить, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, съ опричнымъ ли распоряженіемъ, или съ земскимъ. Далеко не всегда въ самомъ актѣ указывается точно, какой органъ управленія въ данномъ случаѣ надо разумѣть, земскій или дворовый; просто говорится: „Большой Дворецъ“, „Большой Приходъ“, „Разрядъ“ и лишь иногда прибавляется пояснительное слово, въ родѣ: „изъ земскаго Дворца“, „дворовый Разрядъ“, „въ дворовый Большой Приходъ“. Равно и должности не всегда упоминались съ означеніемъ, къ какому порядку, опричному или земскому, онѣ относились: иногда говорилось, напримѣръ: „съ государемъ бояре изъ опричнины“, „дворецъ Большаго земскаго Дворца“, „дворовые воеводы“, „дьякъ Разряду двороваго“ и т. д.; иногда же лица, заведомо принадлежащіе къ опричинѣ и къ „двору“, именуются въ документахъ безъ всякаго на то указанія. Поэтому нѣтъ пока возможности дать опредѣленное изображеніе административнаго устройства опричнины. Весьма соблазнительна мысль, что отдѣльныхъ отъ „земщины“ административныхъ учрежденій опричина и вовсе не имѣла. Былъ, кажется, только одинъ Разрядъ, одинъ Большой Приходъ, но въ этихъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ разнымъ дьякамъ поручались дѣла и мѣстности земскія и дворовыя порознь, и не одинаковъ былъ порядокъ доклада и рѣшенія тѣхъ и другихъ дѣлъ. Такъ, въ Разрядѣ въ 1574—1576 гг. земскими дьяками были Щелкаловы, а дворовыми—Андрей Шерефединовъ и Андрей Арцыбышевъ. Первые вели свои обычные доклады черезъ думу (почему и стали именоваться „думными“), вторые же черезъ „дворъ“ (почему и назывались „дворовыми“). Это, разумѣется, наши гаданія, но они находятъ себѣ нѣкоторую опору въ словахъ лѣтописи, что, учреждая опричину, Грозный „ковюшему и дворецкому и казначеямъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людямъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлѣхъ приходити къ бояромъ“. Очевидно, что старый административный механизмъ не былъ разрушенъ опричиною. Въ немъ все осталось на своихъ мѣстахъ и все по-старому обращалось „о большихъ дѣлѣхъ“ къ боярской думѣ—къ боярамъ, которымъ государь „велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ів. Дм. Бѣльскому, князю Ів. Фед. Мстиславскому и всѣмъ бояромъ“. Дума сама рѣшала всѣ обычныя „большія“ дѣла, о дѣлахъ же экстренной важности должна была докладывать государю: „а ратныя каковы будутъ вѣсти или земскія великія дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлѣхъ приходити къ государю, и государь, приговора съ бояры, тѣмъ дѣломъ управу велити чи-

нити". Такъ лѣтопись опредѣляетъ порядокъ вершенія дѣлъ въ земщинѣ, порядкомъ старый, привычный и понятный. Все, что перешло въ опричнину, было изъято изъ этого порядка въ томъ смыслѣ, что было выведено изъ подчиненія „земскимъ“ боярамъ, то-есть боярской думѣ. Дѣла „опришныя“ восходили къ государю мимо думы; но, кажется, шли они изъ тѣхъ же приказовъ. По лѣтописи, въ опричнинѣ не было устроено особыхъ, параллельныхъ земскимъ приказовъ, а только были „учинены“ особо „всякіе приказные люди". По актамъ также нельзя прослѣдить существованія отдѣльных „приказныхъ избъ" въ опричнинѣ, такихъ, гдѣ бы дѣйствовали особый штатъ дьяковъ: напротивъ, по мѣстническому дѣлу В. Зюзина съ Ѳ. Нагимъ (1576 г.) видно, что канцелярія и архивъ Разряда и Четей не были раздѣлены между земщиною и новымъ „дворомъ". Но и акты, согласно съ лѣтописью, свидѣтельствуя, что были особые „опричные" и „дворовые" приказные люди. Отсюда у насъ и возникаетъ предположеніе, что при единствѣ присутственныхъ мѣстъ существовать двойкій служебный штатъ. Одна его часть вѣдала дѣла, подчиненныя боярской думѣ въ земщинѣ; другая вѣдала дѣла „дворовыя", изъятые изъ вѣдомства думы. Исслѣдователямъ еще предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ размежевывались дѣла и люди въ такомъ близкомъ и странномъ сосѣдствѣ. Намъ теперь представляется неизбежно и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Такъ, въ 1570 году, въ маѣ, „приказалъ государь о (литовскихъ) рубежахъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришныны;... и бояре обои, земскіи и изъ опришныны, о тѣхъ рубежѣхъ говорили"—и пришли къ одному общему рѣшенію. Черезъ мѣсяцъ такое же общее рѣшеніе „обои" бояре постановили по поводу необычнаго „слова" въ титулѣ литовскаго государя и „за то слово велѣли стояти крѣпко". Въ томъ же 1570-мъ и въ 1571 годахъ на „берегу" и у крайнѣ противъ татаръ были земскіе и „опришнынскіе" отряды, и имъ было велѣно дѣйствовать вмѣстѣ, „гдѣ случится сойтись" земскими воеводамъ съ опришынскими воеводами. Въ 1570 году въ Новгородѣ вмѣстѣ пріѣхали посланные подъ Колыванъ воеводы: земскій Иванъ-Хиронтъ Петровичъ Яковлевъ и опричный Вас. Ив. Умноу-Колычевъ; вмѣстѣ же отправились они и изъ Новгорода, а во время пребыванія въ Новгородѣ опричный воевода съ своего двора „всегда ѣздилъ изнутри ко Ивану Петровичу, земскому воеводѣ, на его дворъ". Въ 1577 году „послалъ государь дворянъ изъ земского въ разные города высылати на государеву службу дѣтей боярскихъ"; эти „дворяне изъ земского" отправлены были, между прочимъ, въ Обонежскую и Бѣжецкую патины и въ города Суздаль, Галичъ и Кострому, которые съ уѣздами были взяты въ опричнину, а стало быть, и населены не „земскими" боярскими дѣтьми. Всѣ подобные факты наводятъ на мысль, что отношенія между двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опришныны, по словамъ Ив. Тимофеева, произошелъ „земли всей великѣй расколтъ", то причины этого лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія. Одинъ только эпизодъ съ вокняженіемъ въ земщину Симеона Бекбулатовича могъ бы противорѣчить этому, если бы ему можно было придавать серьезное значеніе и если бы онъ ясно указывалъ на намѣреніе отдѣлить „земщину" въ особое „великое княженіе". Но, кажется, это была кратковременная и совсѣмъ невыдержанная проба раздѣленія власти. Симеону довелось сидѣть въ званіи великаго князя на Москвѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. При этомъ, такъ какъ онъ не носилъ царскаго титула, то не могъ быть и вѣнчанъ на царство; его просто, по словамъ одной разрядной книги, государь „посадилъ на великое княженіе на „Москвѣ", можетъ быть, и съ нѣкоторымъ обрядомъ, но, конечно, не съ чиномъ царскаго вѣнчанія. Симеону принадлежала одна тѣнь власти, потому что въ его княженіе рядомъ съ его грамотами писались и грамоты отъ настоящаго „царя и великаго князя всея Руси", а на грамоты „великаго князя Симеона Бекбулатовича всея Руси" дьяки даже не отписывались, предпочитая отвѣчать одному „государю князю Ивану Васильевичу Московскому". Словомъ, это была какая то игра или причуда, смыслъ которой—неясенъ, а политическое значеніе—ничтожно. Иностранцамъ Симеона не показывали и о немъ говорили сбивчиво и уклончиво: если бы ему дана была дѣй-

ствительная власть, вряд ли возможно было бы скрыть этого нового повелителя „земщины“

Итакъ, опричнина была первою попыткою разрѣшить одно изъ противорѣчій московскаго государственнаго строя. Она сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ-старины. Посредствомъ принудительной и систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Если вспомнимъ, что рядомъ съ этимъ земельнымъ перемѣщеніемъ шли опалы, ссылки и казни, обращенныя прежде всего на тѣхъ же княжатъ, то увѣримся, что въ опричнинѣ Грознаго произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи. Правда, она не была истреблена „всенародно“, поголовно; врядъ ли это и входило въ политику Грознаго, какъ склонны думать нѣкоторые ученые. Но составъ ея значительно порѣдѣлъ, и спаслись отъ гибели только тѣ, которые умѣли показаться Грозному политически безвредными, какъ Мстиславскій съ его зятемъ „великимъ княземъ“ Симеономъ Векбулатовичемъ, или же умѣли, какъ нѣкоторые князья—Скопины, Шуйскіе, Пронскіе, Сицкіе, Трубецкіе, Темкины—заслужить честь быть принятыми на службу въ опричнину. Политическое значеніе класса было безповоротнo уничтожено, и въ этомъ заключалась успѣхъ политики Грознаго. Тотчасъ послѣ его смерти случилось то, чего при немъ такъ боялись бояре-князата: ими стали владѣть Захарьины да Годуновы. Къ этимъ простымъ боярскимъ семьямъ перешло первенство во дворцѣ стѣ круга людей высшей породы, разбитаго опричниною.

Но это было лишь одно изъ послѣдствій опричнины. Другое заключалось въ необыкновенно энергичной мобилизаціи землевладѣнія, руководимой правительствомъ. Опричнина массами передвигала служилыхъ людей съ однихъ земель на другія; земли мѣняли хозяевъ не только въ томъ смыслѣ, что вмѣсто одного помѣщика приходилъ другой, но и въ томъ, что дворцовая или монастырская земля обращалась въ помѣстную раздачу, а вотчина князя или помѣстье сына боярскаго отписывалось на государя. Происходило какъ бы общій пересмотръ и общая перетасовка владѣльческихъ правъ. Результаты этой операціи имѣли бесспорную важность для правительства, хотя были неудобны и тяжелы для населенія. Ликвидируя въ опричнинѣ старыя помѣстные отношенія, завѣщанныя удѣльнымъ временемъ, правительство Грознаго взаимно ихъ вездѣ водворяло однообразные порядки, крѣпко связывавшіе право землевладѣнія съ обязательною службою. Этого требовали и политическіе виды самого Грознаго и интересы, болѣе общіе, государственной обороны. Стараясь о томъ, чтобы размѣстить на земляхъ, вятыхъ въ опричнину, „опричнинскихъ“ служилыхъ людей, Грозный сводилъ съ этихъ земель ихъ старыхъ служилыхъ владѣльцевъ, не попавшихъ въ опричнину; но въ то же время онъ долженъ былъ подумать и о томъ, чтобы не оставить безъ земель и этихъ послѣднихъ. Они устраивались въ „земщинѣ“ и размѣшались въ такихъ мѣстностяхъ, которыя нуждались въ военномъ населеніи. Политическія соображенія Грознаго прогоняли ихъ съ ихъ старыхъ мѣстъ, стратегическія надобности опредѣляли мѣста ихъ новаго поселенія. Нагляднѣйшій примѣръ того, что испомѣщеніе служилыхъ людей зависѣло одновременно и отъ введенія опричнины и отъ обстоятельствъ военнаго характера, находится въ такъ называемыхъ Полоцкихъ писцовыхъ книгахъ 1571 года. Онѣ заключаютъ въ себѣ данныя о дѣтяхъ боярскихъ, которые были выведены на литовскій рубежъ изъ Обонежской и Бѣжецкой пятины тотчасъ послѣ взятія этихъ двухъ пятинъ въ опричнину. Въ пограничныхъ мѣстахъ, въ Себежѣ, Нешердѣ, Озерцахъ и Усвятѣ, новгородскимъ служилымъ людямъ были розданы земли каждому сполна въ его окладъ 500—400 четей. Такимъ образомъ, не принятыя въ число опричниковъ, эти люди совсѣмъ потеряли земли въ Новгородскихъ пятинахъ и получили новую осѣдлость на той пограничной полостѣ, которую надо было укрѣпить для литовской войны. У насъ мало столь выразительныхъ обращеній того вліянія, какое оказывала опричнина на оборотъ земель въ служиломъ центрѣ и на военныхъ окраинахъ государства. Но нельзя сомнѣваться, что это вліяніе было очень велико. Оно усилило земельную мобилизацію и сдѣлало ее тревожною и безпорядочною. Массовая конфискація и секуляризація

вотчинъ въ опричиннѣ, массовое передвиженіе служилыхъ землевладѣльцевъ, обращеніе въ частное владѣніе дворцовыхъ и черныхъ земель — все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбежно должно было вызывать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи. Страхъ государственной опалы и казни смѣшивался съ боязнью выселенія изъ родного гнѣзда на пограничную пустошь безъ всякой вины, „съ городомъ вмѣстѣ, а не въ опаль“. Отъ невольныхъ, внезапныхъ передвиженій страдали не только землевладѣльцы, которые обязаны были мѣнять свою вотчинную или помѣстную осѣдлость и бросать одно хозяйство, чтобы начинать другое въ чуждой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ, съ новымъ рабочимъ населеніемъ. Въ одинаковой степени страдало отъ перемѣны хозяевъ и это рабочее населеніе, страдало особенно тогда, когда ему вмѣстѣ съ дворцовой или черною землею, на которой оно сидѣло, приходилось попадать въ частную зависимость. Отношенія между владѣльцами земель и ихъ крестьянскимъ населеніемъ были въ ту пору уже достаточно запутаны; опричина должна была еще болѣе ихъ осложнить и замутить.

XXI. МИТРОПОЛИТЪ ФИЛИППЪ.

(Изъ «Исторіи» русской церкви Макарія).

Митрополитъ Филиппъ происходилъ изъ знатнаго рода Колычевыхъ, родился въ 1507 г. и названъ Θεодоромъ. Отецъ его Стефанъ принадлежалъ къ числу ближнихъ бояръ вел. кн. Василя Іоанновича и засѣдалъ въ государственной думѣ. Когда подростъ Θεодоръ, то взятъ былъ ко двору. Здѣсь узналъ его малолѣтній князь Іоаннъ, но ненадолго. Въ 1537 г., когда Іоанну исполнилось только восемь лѣтъ, а Филиппу тридцать, послѣдній тайно оставилъ дворъ и Москву и удалился въ Соловецкую обитель. Тамъ, черезъ нѣсколько времени принявъ постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Филиппа, онъ въ продолженіе десяти лѣтъ проходилъ разныя, иногда весьма тяжелыя, послушанія. Возведенный въ санъ игумена (1548 г.), Филиппъ, въ продолженіе осьмнадцатилѣтняго управленія Соловецкою обителью, совершенно обновилъ ее: соорудилъ въ ней двѣ каменные церкви — Успенія пресв. Богородицы и Преображенія Господня, завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ, воздвигъ для братіи двухъ и трехъ-этажныя келіи и больницу, внѣ монастыря умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ и оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санъ игумена Филиппъ снова сдѣлался извѣстнымъ Іоанну. Посѣтивъ Москву (1550—1551 г.), онъ заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ игумену грамоты на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатые ризы и другія драгоценныя вещи. Можетъ быть, Іоаннъ, оказавъ Филиппу столько знаковъ царскаго благоволенія, рассчитывалъ, что Филиппъ охотно согласится быть въ полной его волѣ и, занимая митрополитскую кафедру, будетъ постоянно держать его сторону и ни въ чемъ не станетъ ему противорѣчить. Но такой расчетъ, если только онъ существовалъ, скоро оказался невѣрнымъ.

Когда Филиппъ изъ своей отдаленной обители прибылъ въ Москву, Іоаннъ принималъ его съ великою честью, удостоилъ своей царской трапезы и щедро одарилъ; но какъ только предложилъ ему, въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ, митрополитскую кафедру, то Филиппъ

сначала смиренно отказывался, ссылаясь на слабость своих силъ и уподобляя себя малой ладью, неспособной носить великой тяжести, а потомъ, будучи «понужаемъ» царемъ и соборомъ на митрополию, смѣло сказалъ, чтобы царь отмѣнилъ опричнину, а не отмѣнить, ему, Филиппу, митрополитомъ быть невозможно; если же его и поставятъ въ митрополиты, онъ затѣмъ оставитъ митрополию. Царь прогнѣвался, но, по челобитью архіепископовъ и епископовъ, отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобы онъ «въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополию ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ея изъ-за того, что царь не отмѣнилъ опричнины и не велѣлъ ему вступаться въ царскій домовый обиходъ, а совѣтовалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтовали съ отцомъ его и дѣдомъ». И Филиппъ далъ свое слово архіепископамъ и епископамъ, что онъ, по царскому слову и по ихъ благословенію, соглашается стать на митрополию, что въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ ему не вступаться, а по поставленіи изъ-за опричнины и царскаго домашнего обихода митрополию не оставлять. Въ такихъ выраженіяхъ составленъ былъ приговоръ и 20-го іюля подписанъ нареченнымъ на митрополию соловецкимъ игуменомъ Филиппомъ и за нимъ двумя архіепископами и пятью епископами. Черезъ пять дней совершилось въ Успенскомъ соборѣ поставленіе митрополита Филиппа, при соучастіи почти всѣхъ святителей русской земли. Самъ Іоаннъ присутствовалъ при торжествѣ съ своими дѣтьми и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Прошло около года, и ничто не возмущало мира между царемъ и митрополитомъ. Филиппъ занимался только дѣлами церкви. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Православные радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь уже не любилъ первосвященника; онъ подозрѣвалъ въ немъ орудіе бояръ, полагая, что по ихъ-то настроенію онъ осмѣлился требовать уничтоженія опричнины предъ своимъ поставленіемъ на митрополию. Въ 1567 г. перехвачены были письма польскаго короля Сигизмунда и литовскаго гетмана Ходкевича къ главнѣйшимъ нашимъ боярамъ, которые будто бы еще прежде тайно дали согласіе измѣнить своему государю и переселиться въ Литву. Начались страшныя казни; опричники неистовствовали въ Москвѣ, убивали всенародно на улицахъ и площадяхъ человѣкъ по десяти и по двадцати въ день: всѣхъ объялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться за нихъ предъ государемъ. И добрый пастырь, утѣшая несчастныхъ словами вѣры, не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ помнилъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричнины, но что сохранилъ за собою право «совѣтовать» государю и, слѣдовательно, ходатайствовать, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не позволялъ проливать невинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель отправился къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ. Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, неизвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служить имъ орудіемъ.

Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами предатели, ставшіе только объ угожденіи царю. Это были: Пимень, архіепископъ новгородскій, Пафнутій, епископъ суздальскій, Филосей, епископъ рязанскій, и протоіерей Благовѣщенскаго собора Евстафій, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергъ запрещенію за какіе-то проступки. Особенно этотъ послѣдній, т. е. духовникъ царя, непрестанно доносилъ ему, тайно и явно, на митрополита. Время шло, неистовства опричниковъ не прекращались, царь не исправлялся. И святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать (22-го марта 1568 г.) открытыя всенародныя обличенія ему. Іоаннъ пришелъ въ соборную церковь. Здѣсь св. Филиппъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «О державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить Его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону. Правда — самое драгоценное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а по власти подобенъ Богу; какъ смертный, не превозносишь, а какъ образъ Божій не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ назваться только тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ страстямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь: у самыхъ язычниковъ не случилось ничего такого»... Услышавъ эти обличенія, царь въ ярости сказалъ: «Что тебѣ, чернецу за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Того ли не знаешь, что меня мои же хотятъ поглотить?» *Филиппъ*. «Я точно чернецъ; но, по благодати Св. Духа, по избранію св. собора и твоему извсленію, я пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства». *Іоаннъ*. «Одно тебѣ говорю, отче святыи: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію». *Филиппъ*. «Благочестивый царь! Наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть». *Іоаннъ*. «Владыко святыи! Возстали на меня друзья мои и искренніи мои ищутъ мнѣ зла». *Филиппъ*. «Государь! Тебѣ говорятъ неправду и лукавство; приблизь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ доброе, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ неправду». *Іоаннъ*. «Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ». *Филиппъ*. «Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ. Зачѣмъ липилъ ты меня пустыни? Если для тебя ничего не значатъ каноны, дѣлай, какъ хочешь». Царь пошелъ въ свои палаты, въ большемъ раздумьи и въ гнѣвѣ на святителя.

Черезъ нѣсколько времени, въ день воскресный, царь снова пришелъ въ соборную Успенскую церковь къ божественной службѣ. Самъ онъ и сопровождавшіе его опричники были въ черныхъ одеждахъ, которыя онъ нарочно придумалъ для нихъ, и съ высокими шляпами на головахъ. Въ церкви онъ приблизился къ митрополичьему мѣсту, на которомъ стоялъ Филиппъ, и три раза просилъ его благословенія; но святитель ничего не отвѣчалъ. Тогда бояре сказали: «Святыи владыко! Къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ твоего благословенія». Послѣ этого Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ: «Царь благой! Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и избѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся

суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и язычниковъ есть правда, въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣчать милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просилъ прощенія въ грѣхахъ своихъ предъ Богомъ: прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою»... Іоаннъ распалился яростью и воскликнулъ: «О Филиппъ, нашу-ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами». «Тогда—отвѣчалъ святитель—суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики; я скорблю о тебѣ, пекусь о твоёмъ спасеніи». Іоаннъ, вовсе не слушая словъ святителя, въ великомъ гнѣвѣ махалъ рукою, грозилъ ему изгнаніемъ и разными муками и говорилъ: «Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ; посмотримъ на твою твердость». «Я пришлецъ на землѣ,—отвѣчалъ святой,—какъ и отцы мои, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки». Тутъ же, въ соборѣ, враги Филиппа, желая унижить его всенародно, подготовили на св. старца самую гнусную клевету, которую подучили произнести предъ всѣми одного благообразнаго отрока, бывшаго чтецомъ домовою митрополичей церкви. Выслушавъ отрока, Пимень новгородскій и другіе епископы, угодники царскіе, сказали: «Царя укоряетъ, а самъ творитъ такіа неистовства». Митрополитъ отвѣчалъ Пимену. «Ты домогаешься восхитить чужой престолъ, но скоро лишишься и своего». А отрока, который вслѣдъ затѣмъ сознался, что говорилъ все не по своей волѣ, но по принужданію и изъ страха, простилъ и благословилъ. Когда эта клевета не удалась, царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичьихъ: ихъ заключили подъ стражу, пытали, стараясь вывѣдать что-нибудь недоброе о святителѣ, но ничего не допытались.

Іюля 28-го, по случаю праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, митрополитъ тамъ священнодѣйствовалъ. Туда же прибылъ на праздникъ, по утвердившемуся обычаю, и царь со всѣми боярами и опричниками. Въ то время, когда Филиппъ, совершая крестный ходъ вокругъ обители, достигъ св. воротъ и хотѣлъ читать евангеліе, онъ увидѣлъ, обратившись къ народу, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафѣѣ, и сказалъ государю: «Чтеніе слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною главою, а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?» «Кто такой?» спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ вокругъ, не увидѣлъ никого въ тафѣѣ, потому что виновный успѣлъ уже снятъ ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою. Іоаннъ вышелъ изъ себя, всенародно поносилъ святителя и называлъ лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа, но, чтобы не возмутить народа, который весьма чтилъ архипастыря, задумалъ прежде обвинить его въ какихъ либо преступленіяхъ, а какъ вся жизнь Филиппа сіяла въ Москвѣ однимъ только добродѣтелями, то не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для разслѣдованія его тамошней жизни. Во главѣ депутаціи находились клереты царскіе: суздальскій епископъ Пафнутій, андрониковскій архимандритъ Θεодосій и князь Василій Темкинъ. Они употребили все: и ласки

и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и дѣйствительно нѣкоторыхъ увлекли, а въ числѣ ихъ самого игумена Паисія, которому обѣщали епископскій санъ. Добрыхъ старцевъ, говорившихъ только истину о Филиппѣ и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, были и не хотѣли слушать. Записавъ клеветы и взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ, въ присутствіи самого государя и бояръ, для суда надъ митрополитомъ. Призвали обвиняемаго, выслушали обвиненія на него. Паисій и его сообщники старались подтверждать свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію: «Чадо, что сѣмь, то и пожнешь». Затѣмъ, обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени, и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ остановиться и ждать судебнаго приговора. Ноября 8-го, въ день архистратига Михаила, когда св. Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей кафедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, бояринъ Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ приказалъ прочесть предъ всѣмъ народомъ соборный приговоръ о низложеніи митрополита. И тотчасъ бросились на него опричники, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ, Іоаннъ хотѣлъ еще осудить св. старца на сожженіе, такъ какъ его обвиняли, между прочимъ, въ волшебствѣ, и, по ходатайству духовныхъ властей, согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ-называемый Старый. Царь прислалъ къ нему сюда отрубенную голову одного изъ любимыхъ его родственниковъ. Святитель поклонился предъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовью облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ на заточеніе въ тверской Отрочъ монастырь. Спустя около года, Іоаннъ, путешествуя въ Новгородъ для лютыхъ казней, когда приближался къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ и послалъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Малюту Скуратова, будто бы попросить благословенія на путь. И этотъ злодѣй, вошедши въ келію страдальца и бесѣдуя съ нимъ наединѣ, задушилъ его подушкою (23-го декабря 1569 г.), а потомъ сказалъ настоятелю и приставникамъ, что митрополитъ умеръ по ихъ небрежности «отъ неуставнаго зноу келейнаго». Скоро Іоаннъ созналъ свою несправедливость противъ св. мужа и излилъ свой гнѣвъ на Соловецкую обитель за оклеветаніе его. Игуменъ Паисій былъ заточенъ въ Валаамскій монастырь, монахъ Зосима и еще десять инокъ, тоже клеветавшихъ на св. Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ.

Были у насъ въ царствованіе Іоанна IV, одинъ за другимъ, еще три митрополита. Но эти уже не рѣшались или, быть можетъ, считали безполезнымъ обличать и убѣждать грознаго царя, такъ какъ опытъ святителя Филиппа показавъ, что обличенія не только не могли исправить

Іоанна, но еще болѣе ожесточали его. Спустя дня два по низверженіи Филиппа, возведенъ былъ на митрополитскій престолъ архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Кириллъ. При немъ лютость Іоанна достигла крайнихъ предѣловъ. Не довольствуясь уже тѣмъ, чтобы губить отдѣльныя лица и семейства, онъ началъ изливаться гнѣвъ свой на цѣлые города.

XXII. НОВГОРОДСКІЙ ПОГРОМЪ.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Московскій царь давно уже не терпѣлъ Новгорода. При учрежденіи опричнины, онъ обвинялъ весь русскій народъ въ томъ, что въ прошедшіе вѣка этотъ народъ не любилъ царскихъ предковъ. Видно, что Іоаннъ читалъ лѣтописи и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описывались проявленія древней вѣчевой свободы. Нигдѣ, конечно, онъ не видѣлъ такихъ рѣзкихъ, ненавистныхъ для него чертъ, какъ въ исторіи Новгорода и Пскова. Понятно, что къ этимъ двумъ землямъ, а особенно къ Новгороду, развивалась въ немъ злоба. Новгородцы уже узнали объ этой злобѣ и чуяли надъ собою бѣду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за нихъ предъ царемъ. Въ 1569 г. Іоаннъ началъ выводить изъ Новгорода и Пскова жителей съ ихъ семьями: изъ Новгорода взялъ сто пятьдесятъ, изъ Пскова пятьсотъ. Новгородъ и Псковъ были въ большомъ страхѣ. Въ это время какой-то бродяга, родомъ волынецъ, наказанный за что-то въ Новгородѣ, вздумалъ разомъ и отомстить новгородцамъ, и угодить Іоанну. Онъ написалъ письмо, какъ-будто отъ архіепископа Пимена и многихъ новгородцевъ, къ Сигизмунду-Августу, спряталъ это письмо въ Софійской церкви за образомъ Богородицы, а самъ убѣжалъ въ Москву и донесъ государю, что архіепископъ со множествомъ духовныхъ и мірскихъ людей отдается литовскому государю. Царь съ жадностью ухватился за этотъ доносъ и тотчасъ отправилъ въ Новгородъ искать указанныхъ грамотъ. Грамоты дѣйствительно отыскились. Чудовищно-развитое воображеніе царя не допустило его до какихъ-нибудь сомнѣній въ дѣйствительности этой продѣлки.

Въ декабрѣ 1569 г. предпринялъ Іоаннъ Васильевичъ походъ на сѣверъ. Съ нимъ были всѣ опричники и множество дѣтей боярскихъ. Онъ шелъ какъ на войну: то была странная, сумасбродная война съ прошлыми вѣками, дикая месть живымъ за давно умершихъ. Не только Новгородъ и Псковъ, но и тверь была осуждена на кару, какъ бы въ воспоминаніе тѣхъ временъ, когда тверскіе князья боролись съ московскими предками Іоанна. Городъ Клинь, нѣкогда принадлежавшій Твери, долженъ былъ первый испытать царскій гнѣвъ. Опричники, по царскому приказанію, ворвались въ городъ, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни въ чемъ неповинные, не понимавшіе, что все это значитъ, разбѣгались. Затѣмъ царь пошелъ на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякаго встрѣчнаго, кто не правился. Подступивши къ Твери, царь приказалъ окружить городъ войскомъ со всѣхъ сторонъ и самъ расположился въ одномъ изъ ближайшихъ монастырей.

Іоаннъ стоялъ подъ Тверью пять дней. Сначала ограбили всѣхъ духовныхъ, начиная съ епископа. Простые жители думали, что тѣмъ дѣло и кончится; но черезъ два дня, по царскому приказанію, опричники бросились въ городъ, бѣгали по домамъ, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякіе домашніе запасы и купеческіе товары: востъ, лѣтъ, кожи и пр., свозили въ кучи, сожигали, а потомъ удалились. Жители опять начали думать, что этимъ дѣло кончится, что, истребивши ихъ достояніе, имъ, по крайней мѣрѣ, оставятъ жизнь, какъ вдругъ опричники опять врываются въ городъ и начинаютъ бить кого ни понало: мужчинъ, женщинъ, младенцевъ, иныхъ жгутъ огнемъ, другихъ рвутъ клещами, тащатъ и бросаютъ тѣла убитыхъ въ Волгу. Самъ Іоаннъ собираетъ плѣнныхъ полочанъ и нѣмцевъ, которые содержались въ тюрьмахъ, частью помѣщены были въ домахъ. Ихъ тащатъ на берегъ Волги, въ присутствіи царя разсѣкаютъ на части и бросаютъ подъ ледъ. Изъ Твери уѣхалъ царь въ Торжокъ, и тамъ повторялось то же, что дѣлалось въ Твери. Въ помянникѣ Іоанна записано убитыхъ тамъ православныхъ христіанъ 1,490 чел. Но въ Торжкѣ Іоаннъ едва избѣжалъ опасности. Тамъ содержались въ башняхъ плѣнные нѣмцы и татары. Іоаннъ явился прежде къ нѣмцамъ, приказалъ убивать ихъ предъ своими глазами и спокойно наслаждался ихъ муками; но, когда онъ оттуда отправился къ татарамъ, мурзы бросились въ отчаяніи на Малюгу. тяжело ранили его, потомъ убили еще двухъ человекъ, а одинъ татаринъ кинулся-было на самого Іоанна, но его остановили. Всѣ татары были умерщвлены.

Изъ Торжка царь шелъ на Вышній Волочекъ, Валдай, Яжелбицы. По обѣ стороны отъ дороги опричники разбѣгались по деревнямъ, убивали людей и разоряли ихъ достояніе.

Еще до прибытія Іоанна въ Новгородъ пріѣхалъ туда его передовой полкъ. По царскому повелѣнію тотчасъ окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобы никто не могъ убѣжать изъ него. Потомъ нахватали духовныхъ изъ новгородскихъ и окрестныхъ монастырей и церквей, заковали въ желѣзо и въ Городищѣ поставили на правезѣ; всякій день били ихъ на правезѣ, требуя по 20 новгородскихъ рублей съ cadaго, какъ бы на выкупъ. Такъ продолжалось дней пять. Дворяне и дѣти боярскія, принадлежащія къ опричинѣ, созвали въ Дѣтинецъ знатнѣйшихъ жителей и торговцевъ, а также и приказныхъ людей, заковали и отдали приставамъ подъ стражу, а дома ихъ и имущество опечатали. Это дѣлалось въ первыхъ числахъ января 1570 г.

6-го января, въ пятницу, вечеромъ, пріѣхалъ государь въ Городище съ остальными войскомъ и съ 1,500 московскихъ стрѣльцовъ. На другой день дано повелѣніе перебить дубинами до смерти всѣхъ игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правезѣ, и развезти тѣла ихъ на погребеніе, cadaго въ своей монастырь. 9-го января, въ воскресенье, царь далъ знать, что пріѣдетъ къ св. Софіи къ обѣднѣ. По давнему обычаю, архіепископъ Пименъ со всѣмъ соборомъ, съ крестами и иконами сталъ на Волховскомъ мосту у часовни Чуднаго креста встрѣчать государя. Царь шелъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, не цѣловалъ креста изъ рукъ архіепископа и сказалъ такъ: «Ты, злочестивецъ, въ рукъ держишь не животворящій, а вмѣсто креста оружіе; ты со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этимъ оружіемъ уязвить наше

царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы Великій Новгородъ отдать иноплеменнику польскому королю Жигимонту-Августу; съ этихъ поръ ты уже не назовешься пастыремъ и сопрестольникомъ св. Софїи, а назовешься ты волкъ, хищникъ, губитель, измѣнникъ нашему царскому вѣнцу и багру досадитель!» Затѣмъ, не подходя къ кресту, царь приказалъ архіепископу служить обѣдню.

Іоаннъ отслушалъ обѣдню со всѣми своими людьми, а изъ цекви пошелъ въ столовую палату. Тамъ былъ приготовленъ обѣдъ для высокаго гостя. Едва усѣлся онъ за столъ и отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ завопилъ. Это былъ условный знакъ. Архіепископъ Пименъ былъ схваченъ, опричники бросились грабить его владычную казну, дворецкій Салтыковъ и царскій духовникъ Евстафій съ царскими боярами овладѣли ризницею церкви св. Софїи, а отсюда отправились по всѣмъ монастырямъ и церквамъ забирать въ пользу царя церковную казну и утварь. Царь уѣхалъ въ Городище.

Вслѣдъ затѣмъ царь приказалъ привести къ себѣ въ Городище тѣхъ новгородцевъ, которые до его прибытія были взяты подъ стражу. Это были владычные бояре, новгородскіе дѣти боярскіи, выборные городскіе и приказные люди и знатнѣйшіе торговцы. Съ ними вмѣстѣ привезли ихъ женъ и дѣтей. Собравши всю эту толпу предъ собою, Іоаннъ приказалъ своимъ дѣтямъ боярскимъ раздѣвать ихъ и терзать «неисповѣдимыми», какъ говоритъ современникъ, муками, между прочимъ поджигать ихъ какимъ-то изобрѣтеннымъ имъ составомъ, который у него назывался поджаръ («нѣкоею составною мудростью огненною»); потомъ онъ велѣлъ измученныхъ, опаленныхъ привязывать сзади къ санямъ, шибко везти вслѣдъ за собою въ Новгородъ, волоча по замерзшей землѣ, и метать въ Волховъ съ мосту. За ними везли ихъ женъ и дѣтей; женщинамъ связывали назадъ руки, съ ногами, привязывали къ нимъ младенцевъ и въ такомъ видѣ бросали въ Волховъ; по рѣкѣ ѣздили царскіе слуги съ баграми и тепорами и добивали тѣхъ, которые всплывали. «Пять недѣль продолжалась неукротимая ярость царева», говоритъ современникъ. Когда, наконецъ, царю надоѣла такая потѣха на Волховѣ, онъ началъ ѣздить по монастырямъ и приказалъ предъ своими глазами истреблять огнемъ хлѣбъ въ скирдахъ и въ зернѣ, рубить лошадей, коровъ и всякій скотъ. Осталось преданіе, что, прїѣхавши въ Антоніевъ монастырь, царь отслушалъ обѣдню, потомъ вышелъ въ трапезу и приказалъ побить все живое въ монастырѣ. Расправившись такимъ образомъ съ иноческими обителями, Іоаннъ началъ прогулку по мірскому жителству Новгорода: приказалъ истреблять купеческіе товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери въ домахъ, истреблять домашніе запасы и все достояніе жителей. Въ то же самое время царскіе люди ѣздили отрядами по окрестностямъ Новгорода, по селамъ, деревнямъ и боярскимъ усадьбамъ разорять жилища, истреблять запасы, убивать скотъ и домашнюю птицу. Наконецъ, 13-го февраля, въ понедѣльникъ, на второй недѣлѣ поста, созвалъ государь оставшихся въ живыхъ новгородцевъ; ожидали они своей гибели, какъ вдругъ царь окинулъ ихъ милостивымъ взглядомъ и ласково сказалъ: «Жители Великаго Новгорода! Молите всемилостиваго, всещедраго, челоуколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ и о всемъ христіюбивомъ нашемъ воинствѣ, чтобъ Господь по-

даровалъ намъ свыше побѣду и одолѣніе на видимыхъ и невидимыхъ враговъ! Судить Богъ измѣннику моему и вашему архіепископу Пимену и его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ; на нихъ, измѣнникахъ, взыщется вся пролитая кровь, и вы объ этомъ не скорбите, живите въ городѣ семъ съ благодарностію, я вамъ оставляю намѣстника князя Пронскаго». Самого Пимена царь отправилъ въ оковахъ въ Москву. Иностранныя извѣстія говорятъ, что онъ предавалъ его поруганію, сажалъ на бѣлую кобылу и приказывалъ водить окруженнаго скоморохами, игравшими на своихъ инструментахъ. «Тебѣ пляшущихъ медвѣдей водить, а не сидѣть владыкою», говорилъ ему Іоаннъ. Несчастный Пименъ былъ отправленъ въ Венежъ въ заточеніе и жилъ тамъ подъ вѣчнымъ страхомъ смерти.

Число истребленныхъ показывается современниками различно и, вѣроятно, преувеличено. Псковской лѣтописецъ говоритъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Въ народѣ до сихъ поръ осталось преданіе, что Грозный запрудилъ убитыми новгородцами Волховъ и съ тѣхъ поръ, какъ-бы въ память этого событія, отъ обилія пролитой тогда человѣческой крови, рѣка никогда не замерзаетъ около моста, какъ бы ни были велики морозы. Послѣдствія царскаго погрома еще долго отзывались въ Новгородѣ. Истребленіе хлѣбныхъ запасовъ и домашняго охота произвело страшный голодъ и болѣзни не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ его; доходило до того, что люди поѣдали другъ друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Все лѣто 1570 г. свозили кучами умершихъ къ церкви Рождества, въ поле, вмѣстѣ съ тѣлами утопленныхъ, выплывшихъ на поверхность воды, и нищій старецъ Иванъ Жегальцо погребалъ ихъ.

До сихъ поръ Новгородъ, оправившись послѣ Іоанна III, былъ сравнительно городомъ богатымъ: новый торговый путь чрезъ Бѣлое море не убилъ его; англичане сами посѣщали его и имѣли въ немъ, какъ во Псковѣ, Ярославлѣ, Казани и Вологдѣ, свое подворье; Новгородъ отправлялъ значительный отпускъ воска, кожъ и льна; новгородскіе купцы (а именно купцы изъ новгородскихъ пригородовъ Орѣшка и Корѣлы) въ большомъ числѣ ѣздили въ Швецію. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ были люди съ капиталами, и жители пользовались благосостояніемъ. Съ этимъ обстоятельствомъ, конечно, совпадаетъ и то, что Новгородъ предъ другими краями русскими и въ этотъ періодъ славился преимущественно признаками умѣлости: такъ, въ предшествовавшіе годы, приглашали въ Москву изъ Новгорода каменщиковъ, кровельщиковъ, рѣзчиковъ на камнѣ и деревѣ, иконописцевъ и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ. Съ Іоаннова посѣщенія новгородскій край упалъ, обезлюдѣлъ; недобитые имъ, ограбленные новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищія поколѣнія.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ, съ намѣреніемъ и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были въ оцѣпенѣніи, исповѣдывались, причащались, готовились къ смерти. Псковскій воевода кн. Юрій Токмаковъ велѣлъ поставить на улицахъ столы съ хлѣбомъ, солью и всѣмъ жителямъ земно кланяться и показывать знаки полнѣйшей покорности, какъ будетъ вѣзжать царь. Іоаннъ подѣхалъ къ Пскову ночью и остановился въ монастырѣ св. Николая на Любатовѣ. Здѣсь онъ услышалъ звонъ въ псковскихъ церквахъ и понялъ, что псковичи готовятся къ смерти. Когда утромъ онъ вѣхалъ въ городъ, его

пріятно поразила покорность народа, лежавшаго ницъ на землѣ; но болѣе всего подѣйствовалъ на него юродивый Никола, по прозвищу Салось (что значить по-гречески юродивый). Этого рода люди, представлявшіе изъ себя дурачковъ и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, часто осмѣливались говорить сильнымъ людямъ то, на что бы не рѣшился никто другой. Никола поднесъ Іоанну кусокъ сыраго мяса: «Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постѣ», сказалъ Іоаннъ. «Ты хуже дѣлаешь, — сказалъ ему Никола, — ты ѣшь человѣческое мясо». По другимъ извѣстіямъ, юродивый предрекалъ ему бѣду, если онъ начнетъ свирѣпствовать во Псковѣ, и, вслѣдъ затѣмъ, у Іоанна издохъ его любимый конь. Это такъ подѣйствовало на царя, что онъ никого не казнилъ, но все-таки ограбилъ церковную казну и частныя имѣнія жителей.

XXIII. ПОКОРЕНІЕ СИБИРСКАГО ЦАРСТВА.

(Изъ «Исторіи Россіи» Иловайскаго, т. III).

Во вторую, бѣдственную, половину царствованія Ивана IV, въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, особенно усилились казацкіе грабежи на Волгѣ, такъ что этотъ важный торговый путь сдѣлался тогда крайне небезопаснымъ. Обыкновенно казацкая шайка гдѣ-либо въ укромномъ природою мѣстѣ поджидала проходящіе по Волгѣ караваны и потомъ неожиданно нападала на нихъ на своихъ легкихъ ладьяхъ. Такими удобными притонами наиболѣе славилась тогда Самарская лука съ ея береговыми утесами и пещерами, закрытыми дремучимъ боромъ. Поперекъ этой луки течетъ на сѣверъ небольшая рѣчка Уса, которая въ южной части луки сближается съ Волгою. Тутъ при устьѣ рѣчки съ вершины волжскихъ утесовъ казацкіе сторожевые наблюдали приближеніе судовыхъ каравановъ, шедшихъ сверху. Завидѣвъ караванъ, казаки или тотчасъ бросались на него, или переплывали по рѣкѣ Усѣ на южную сторону луки и успѣвали переволакивать свои челны въ Волгу, пока караванъ огибалъ луку. Изъ казачьихъ атамановъ, занимавшихся такими грабительскими подвигами, особенно сдѣлался извѣстенъ Иванъ Кольцо. Государь Иванъ Васильевичъ, разгнѣванный дерзкими грабежами царскихъ каравановъ и пословъ, отправилъ на разбойниковъ рать и велѣлъ казнить ихъ смертію. Воеводы дѣйствительно захватили многихъ казаковъ и перевѣшали. Но часть ихъ съ нѣкоторыми своими атаманами успѣла уйти вверхъ по Волгѣ и по Камѣ; въ числѣ этихъ атамановъ были Ермакъ и Кольцо. Здѣсь, на Камѣ они вошли въ связи съ Строгановыми, богатыми пермскими промышленниками и землевладѣльцами.

Предки Строгановыхъ, по всей вѣроятности, принадлежали къ тѣмъ новгородскимъ фамиліямъ, которые когда-то колонизовали Двинскую землю, а въ эпоху борьбы Новгорода съ Москвою перешли на сторону послѣдней. Они имѣли большія владѣнія въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ и нажили великія богатства, занимаясь здѣсь солянымъ промысломъ, а также ведя торговлю съ сосѣдними инородцами перма-

ками и югрю, у которыхъ вымѣнивали дорогіе мѣха. Главное гнѣздо этой фамиліи находилось въ Сольвычегодскѣ, въ сосѣдствѣ съ зырянami Малой Перми. О богатствахъ Строгановыхъ свидѣтельствуеъ извѣстіе, что они помогли Василию Темному выкупиться изъ татарскаго плѣна; за что въ свою очередь получили отъ великихъ князей московскихъ разныя пожалованія и льготныя грамоты. При Иванѣ III извѣстенъ Лука Строгановъ; а при Василии Ивановичѣ внуки этого Луки Строганова получаютъ дозволеніе населить одинъ пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Продолжая заниматься солянымъ промысломъ и торговлею, Строгановы въ то же время являются самыми крупными дѣателями на попріщѣ заселенія сѣверовосточныхъ земель. Въ царствованіи Ивана IV они распространяютъ свою колонизаціонную дѣятельность и на Прикамскій край, т. е. на Великую Пермь, которая была присоединена къ Московскому государству при Иванѣ III.

Въ то время главою сей замѣчательной семьи является Аникій, внукъ помянутого Луки; но, вѣроятно, онъ уже былъ старъ и дѣателями собственно выступаютъ его три сына: Яковъ, Григорій и Семенъ. Они выступаютъ уже не простыми, мирными колонизаторами закамскихъ странъ, но съ правами имѣть свои военные отряды, строить крѣпости, вооружать ихъ собственными пушками и на свой счетъ и страхъ отражать набѣги враждебныхъ инородцевъ, ногайскихъ и сибирскихъ татаръ, вогуличей, остяковъ, башкиръ и т. п. Такимъ образомъ Строгановы представляли родъ фесдальныхъ владѣльцевъ на нашей восточной окраинѣ. Московское правительство, только что покорившее Казань и Астрахань и озабоченное тогда на югѣ борьбою съ крымцами, а на сѣверозападѣ начавшеюся войною съ Ливоніей, охотно предоставляло предпринимчивымъ людямъ всѣ льготы и права на оборону сѣверовосточныхъ предѣловъ.

Въ 1558 г. Григорій Строгановъ бьетъ челомъ Ивану Васильевичу о слѣдующемъ: въ отчинѣ государя въ Великой Перми, по обѣимъ сторонамъ Камы рѣки отъ Лысвы до Чусовой лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣки и озера дикія, острова и наволоки необитаемые и никому неотписанные. Челобитникъ проситъ пожаловать Строгановымъ это пространство, обѣщая поставить тамъ городъ, снабдить его пушками, пищалями, пушкарями и воротниками, чтобы оберегать государеву отчину отъ нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ; проситъ дозволенія въ этихъ дикихъ мѣстахъ лѣсъ рубить, пашню пахать, дворы ставить, людей неписменныхъ и нетяглыхъ призывать, варницы заводить и соль варить. Царь велѣлъ навести справки, и оказалось, что мѣста сіи дѣйствительно лежатъ впускъ и доходу въ казну никакого не приносятъ. Тогда грамотою отъ 4 апрѣля того же года царь пожаловалъ Строгановымъ земли по обѣимъ сторонамъ Камы на протяженіи 146 верстъ отъ устья Лысвы до Чусовой, съ просимыми льготой и правами, и позволилъ заводить слободы, населяя ихъ людьми нетяглыми, исключая воровъ и разбойниковъ; освободилъ ихъ на 20 лѣтъ отъ платежа податей и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ; такъ что право суда надъ слобожанами принадлежало тому же Григорію Строганову, а самъ онъ является подсуднымъ только суду царскому непосредственному. Григорій Строгановъ построилъ городокъ Канкоръ на правой сторонѣ Камы, при впаденіи въ нее рѣчки Пыскорки. Спустя шесть лѣтъ, онъ испросилъ позволенія построить другой городокъ на 20 верстъ ниже

перваго на Камѣ же, на Орловскомъ наволоку, наименованный Кергеданомъ (но впоследствии онъ назывался Орломъ). Эти городки были обнесены крѣпкими стѣнами, вооружены огнестрѣльнымъ нарядомъ и имѣли гарнизонъ, составленный изъ разныхъ вольныхъ людей: тутъ были русскіе (въ томъ числѣ казаки), литовцы, нѣмцы и татары. Когда учредилась опричина, Строгановы просили царя, чтобы ихъ города и промыслы были причислены въ опричину, и эта ихъ просьба была исполнена.

Въ 1568 году старшій братъ Григорій, Яковъ Строгановъ, бьетъ челомъ царю объ отдачѣ ему на такихъ же основаніяхъ всего теченія рѣки Чусовой и двадцативерстное разстояніе по Камѣ ниже устья Чусовой. Царь согласился на его просьбу; только льготный срокъ былъ теперь назначенъ десятилѣтній. Яковъ Строгановъ поставилъ острожки по рѣкѣ Чусовой и завелъ слободы, которыя оживили этотъ безлюдный дотолѣ край. Вскорѣ начались и военныя ихъ дѣйствія для обороны края отъ сосѣднихъ инородцевъ. Такъ, въ 1572 году въ землѣ Черемисской вспыхнулъ бунтъ; толпа черемись, соединясь съ осяками и башкирами, вторглась въ Прикамскій край, разграбила на Камѣ суда и побила нѣсколько десятковъ торговыхъ людей. Строгановы послали на черемись своихъ ратныхъ людей, которые и усмирили бунтовщиковъ. Но черемись поднималъ противъ Москвы сибирскій ханъ Кучумъ; онъ же запрещалъ осякамъ, вогуламъ и юргѣ платить ей дань. Посему въ слѣдующемъ 1753 году, племянникъ Кучума Магметкулъ приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую и побилъ многихъ осяковъ, московскихъ данщиковъ; причемъ убилъ и царскаго посла, ѣхавшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Однако, онъ не посмѣлъ напасть на Строгановскіе городки и ушелъ обратно за Каменный Поясъ (Уральскій хребетъ). Извѣщая о томъ царя, Строгановы просили разрѣшенія распространить свои поселенія за Поясомъ, построить городки по рѣкѣ Тоболу и его притокамъ и заводить тамъ слободы съ тѣми же льготами, которыя имъ даны на Камѣ и Чусовой, а они со своей стороны обѣщали не только оборонять московскихъ данщиковъ осяковъ и вогуловъ отъ царя Кучума, но воевать и подчинять государевой дани самихъ Сибирскихъ татаръ. Грамотою отъ 30 мая 1574 г. Иванъ Васильевичъ исполнилъ и эту просьбу Строгановыхъ, на сей разъ съ двадцатилѣтнимъ льготнымъ срокомъ, причемъ дозволилъ розыскивать мѣдную свинцовую руду и горючую сѣру. Но такое дѣло, какъ перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уральскій хребетъ и покореніе Сибирскаго царства, уже превышали собственныя средства братьевъ Строгановыхъ. Около десяти лѣтъ ихъ намѣренія съ этой стороны оставались одними намѣреніями, пока на сцену дѣйствія не явились упомянутые выше казакіе вожди со своимъ дружиною.

Царство Сибирское является однимъ изъ многихъ осколковъ обширной Имперіи Чингизъ-Хана. Оно выдѣлилось въ особое ханство изъ среднеазиатскихъ татарскихъ владѣній довольно поздно, повидимому не ранѣе XV вѣка, въ ту же эпоху, когда слагались особыя царства Казанское и Астраханское, Хивинское и Бухарское, особыя орды Ногайскія и Киргизъ-Кайсацкія. Сибирская орда, повидимому, находилась въ ближайшемъ родствѣ съ Ногайской ордой. Она называлась прежде Тюменскою, Ишимскою и Шибанскою. Последнее названіе указываетъ на то, что здѣсь господствовала та вѣтвь Чингизидовъ, которая происходила отъ

Шейбани, одного изъ сыновей Джичи, и слѣдовательно Батыева брата, и которая властвовала въ средней Азіи или Туркестанѣ. Одна отрасль этихъ Шейбанидовъ основала особое царство въ степяхъ Ишимскихъ и Иртышскихъ и распространила его предѣлы на сѣверъ и востокъ до Уральскаго хребта и рѣки Оби. При Иванѣ III, шейбанскій ханъ Ивакъ, подобно Крымскому Менгли-Гирею, враждовалъ съ золотоордынскимъ ханомъ Ахматомъ и даже былъ его убійцею; слѣдовательно, является также союзникомъ московскаго князя. Но Ивакъ въ свою очередь былъ убитъ своимъ соперникомъ въ собственной землѣ. Дѣло въ томъ, что отъ Шибанской орды, еще прежде того, отдѣлилась часть татаръ подъ предводительствомъ одного знатнаго бека Тайбуги. Въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было и въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ Эдигея во главѣ. Но такъ же, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или ханами, а только князьями, т. е. беками; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало только потомству Чингизову, т. е. Шейбанидамъ. Преемники Тайбуги удалились со своею ордою далѣе на сѣверъ, на берега Иртыша, гдѣ средоточіемъ ея сдѣлался городокъ Сибирь, лежащій пониже впаденія Тобола въ Иртышъ и гдѣ она подчинила себѣ сосѣднія земли остяковъ, вогуловъ и отчасти башкиръ. Ивакъ былъ убитъ однимъ изъ преемниковъ Тайбуги. Между сими двумя родами шла жестокая вражда, и каждый изъ нихъ искалъ себѣ союзниковъ между сильными сосѣдами, именно: въ Бухарскомъ царствѣ, въ Киргизской и Ногайской ордахъ и, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ.

Этими внутренними междоусобіями и объясняется та готовность, съ которою князь Сибирскихъ татаръ Едигеръ, потомокъ Тайбуги, призналъ себя данникомъ московскаго царя Ивана IV. Въ 1555 году послы Едигера явились въ Москву, и, поздравивъ Ивана IV со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, били челомъ, чтобы онъ принялъ Сибирскую землю подъ свою защиту и бралъ бы съ нея дань. Ясно, что Едигеръ искалъ у Москвы поддержки въ своей борьбѣ съ Шейбанидами. Иванъ Васильевичъ дѣйствительно принялъ сибирскаго князя и его землю подъ свою руку, наложилъ на него дань по тысячѣ соболей въ годъ и отправилъ къ нему Димитрія Непейцина, которому велѣлъ привести къ присягѣ жителей Сибирской земли и переписать черныхъ людей; число ихъ, по донесенію сибирскихъ пословъ, простиралось до 30,700 человекъ. Въ послѣдующіе годы со стороны Москвы возникло неудовольствіе на то, что опредѣленная дань не была доставлена сполна; хотя Едигеръ оправдывался тѣмъ, что его воевалъ шибанскій царевичъ, который много людей увелъ въ плѣнъ. Этотъ шибанскій царевичъ былъ никто иной, какъ столь извѣстный Кучумъ, внукъ хана Ивака. Получивъ помощь или отъ киргизъ-кайсаковъ, или отъ ногаевъ, Кучумъ одолѣлъ соперника, убилъ самого Едигера и брата его Бекбулата и завладѣлъ Сибирскимъ царствомъ (около 1563 года). Въ началѣ онъ также призналъ себя данникомъ московскаго государя и учинилъ присягу на вѣрность передъ московскимъ посланцемъ. Московское правительство признало за нимъ титулъ царя (хана), какъ за прямымъ потомкомъ Шейбанидовъ. Но потомъ, когда онъ прочно утвердился въ Сибирской землѣ и распространилъ магометанскую религію между своими татарами, Кучумъ не только пересталъ платить дань, но и началъ рядъ враждебныхъ дѣй-

ствій противъ нашей сѣверовосточной украины, причемъ принуждалъ сосѣднія съ нею поколѣнія остяковъ, вмѣсто Москвы, платить дань ему самому. По всей вѣроятности, происходившія въ то время тяжелыя и неудачныя для насъ войны на западѣ за Ливонію не остались безъ вліянія на сію перемѣну отношеній на дальнемъ сѣверовостока.

По словамъ одной сибирской лѣтописи, въ апрѣлѣ 1579 г. Строгановы послали грамоту къ казацкимъ атаманамъ, разбойничавшимъ на Волгѣ и Камѣ, и приглашали ихъ къ себѣ въ Чусовые городки на помощь противъ Сибирскихъ татаръ и другихъ восточныхъ инородцевъ. Братья Яковъ и Григорій Аникиевы около того времени умерли. Мѣсто ихъ заступили ихъ сыновья: Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ. Эти-то двоюродные братья обратились съ помянутою грамотою къ волжскимъ казакамъ. На ихъ призывъ откликнулись пять атамановъ: Ермакъ Тимофѣевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ, которые и прибыли къ нимъ съ своими сотнями, лѣтомъ того же года. Главнымъ вождемъ этой казацкой дружины явился первый изъ названныхъ атамановъ, Ермакъ, котораго имя вскорѣ приобрѣло такую громкую извѣстность, наравнѣ съ его старшими современниками, Кортцомъ и Пизарро.

Наши скудные источники не даютъ точныхъ свѣдѣній о происхожденіи и будущей жизни этого замѣчательнаго историческаго лица. Имѣемъ только одно темное, хотя, можетъ быть, и не лишенное исторической основы, преданіе о томъ, что дѣдъ Ермака былъ посадскій человекъ города Суздаля, занимавшійся извозомъ, и по обстоятельствамъ удалившійся изъ своего роднаго города; что самъ Ермакъ, въ крещеніи Василій, родился гдѣ-то въ Прикамской странѣ, отличался тѣлесною силою, отвагою и даромъ слова; въ молодости работалъ на стругахъ, ходившихъ по Камѣ и Волгѣ, а потомъ пошелъ въ разбой и сдѣлался атаманомъ шайки. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ермакъ принадлежалъ собственно къ Донскому казачеству; скорѣе это былъ уроженецъ сѣверовосточной Руси, хорошо знавшій ея пути, промыслы и населеніе, закаленный въ борьбѣ съ суровою сѣвальною природою, своею предприимчивостью, опытностью и удачею вполне воскресившій типъ древняго новгородскаго поволяника. Такими же качествами обладало и большинство его товарищей.

Казацкіе атаманы пробыли два года въ Чусовскихъ городкахъ и въ это время помогали Строгановымъ обороняться отъ безпокойныхъ инородцевъ. Въ теченіе этого времени казаки сами предпринимали разныя поиски противъ вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ, и такимъ образомъ приготовили себя къ послѣдующему большому походу на Кучумово ханство.

Трудно сказать, кому именно принадлежалъ главный починъ въ этомъ предпріятіи. Однѣ лѣтописи всецѣло приписываютъ его Строгановымъ, которые будто бы послали казаковъ покорять Сибирское царство. Другія говорятъ, что казаки, съ Ермакомъ во главѣ, по собственному замыслу, самостоятельно предприняли этотъ походъ; причемъ угрозами заставили Строгановыхъ снабдить ихъ всѣми нужными для того запасами, съѣстными и огнестрѣльными. Съ вѣроятностью можно предположить, что починъ былъ обоюдный, но со стороны казаковъ болѣе добровольный, со стороны же Строгановыхъ болѣе вынужденный обстоятельствами. Ка-

запкая дружина, прибывшая въ Чусовые городки, была не такого характера, не такихъ привычекъ, чтобы долгое время могла спокойно нести скучную сторожевую службу, покорно подчиняться мѣстнымъ купцамъ-землевладѣльцамъ и довольствоваться скудною добычею въ сосѣднихъ инородческихъ краяхъ. Много требовалось искусства и терпѣнія сдерживать эту буйную толпу отъ обидъ и грабежей, которые она причиняла самимъ мѣстнымъ жителямъ. По всей вѣроятности, она скоро сдѣлалась бременемъ для собственнаго края. А между тѣмъ преувеличенныя извѣстія о широкомъ рѣчномъ раздолѣ за Каменнымъ поясомъ, о богатствахъ, собранныхъ Кучумомъ и его татарами съ слабыхъ, невоенственныхъ сибирскихъ народцевъ, и, наконецъ, жажда удалыхъ подвиговъ, которыми можно было бы смыть съ себя тяжкіе прошлые грѣхи—все это возбудило сильное желаніе идти въ малоизвѣданную страну и попытать тамъ счастья. Подобнымъ настроеніемъ, конечно, руководились въ особенности атаманы и болѣе всѣхъ Ермакъ Тимофеевичъ; судя по его послѣдующей предводительской роли, онъ-то, вѣроятно, и былъ главнымъ двигателемъ всего предпріятія и склонилъ самихъ Строгановыхъ способствовать ему. Послѣдніе избавлялись такимъ образомъ отъ безпокойной толпы казаковъ и приводили въ исполненіе давнюю мысль свою собственную и московскаго правительства: о перенесеніи борьбы съ Сибирскими татарами въ ихъ собственную землю за Уральскій хребетъ и наказаніи хана, переставшаго платить дань Москвѣ.

Какъ бы то ни было, Ермакъ съ товарищами принялся нагружать суда всѣми нужными запасами. Строгановы снабдили казаковъ провіантомъ, необходимымъ для дальняго пути, а также ружьями, пищалями, свинцомъ и порохомъ. Мало того, дали имъ еще 300 человекъ изъ собственныхъ ратныхъ людей, въ числѣ которыхъ, кромѣ русскихъ, были наемные литовцы, нѣмцы и татары; дали имъ также провожатыхъ и толмачей, знавшихъ сибирскіе пути и языки. Казаковъ на лицо было 540. Слѣдовательно, число всего отряда простиралось до 800 человекъ. Отправляясь въ такой дальній и трудный походъ, казаки сознавали, что его успѣхъ былъ невозможенъ безъ строгаго военного порядка (дисциплины); потому за нарушеніе его атаманы устави́ли разныя наказанія: такъ, ослушниковъ и бѣглецовъ топить въ рѣкѣ. Предстоявшіе труды и опасности напомнили казакамъ о церкви Божіей и сдѣлали ихъ богомольными; говорятъ, что Ермака сопровождали три священника и одинъ монахъ, которые ежедневно совершали божественную службу. Приготовленія къ походу потребовали не мало времени, такъ что самый походъ начался довольно поздно, уже въ сентябрѣ 1581 года. Помолясь Богу, войны сѣли на суда и при звукѣ военныхъ трубъ и сопѣлей отплыли вверхъ по Чусовой. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія они вошли въ ея притокъ, рѣчку Серебрянку, и достигли волока, который отдѣляетъ систему рѣки Камы отъ сибирскихъ рѣкъ, именно отъ Обской системы. Пришлось употребить не мало трудовъ и усилій, чтобы перебраться со всѣми тяжестими черезъ этотъ волокъ и спуститься въ ближайшую рѣчку Жеравлю; только немногія наиболѣе легкія лодки удалось перетаскать, а нѣкоторыя застряли на самомъ волокѣ. Наступило уже ненастное холодное время, рѣки стали покрываться льдомъ, и гдѣ-то около этого волока казаки должны были зазимовать. Они поставили себѣ острожекъ, откуда одна ихъ часть на лыжахъ и нартахъ предпринимала поиски въ

сосѣдніе вогульскіе края за съѣстными припасами и всякою добычею; а другая строила новыя лодки и изготовляла все нужное для весенняго похода. Когда наступило половодье, дружина съѣла на суда и Журавлею спустилась въ рѣчку Баранчу, Баранчею въ Тагилъ, а Тагиломъ выплыла въ Туру, притокъ Тобола, и такимъ образомъ вступила въ предѣлы Сибирскаго ханства. На берегахъ Туры стоялъ остячко-татарскій юртъ Чингиди (Тюмень), которымъ владѣлъ или родственникъ Кучума, или просто его данникъ мѣстный князекъ Епанча. Тутъ произошла первая, упоминаемая въ сибирскихъ лѣтописяхъ, битва, которая окончилась совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ епанчинскихъ татаръ.

Турую казаки вошли въ рѣку Тоболъ и тамъ на устьѣ Тавды имѣли второе удачное дѣло съ татарами.

Бѣглецы татарскіе принесли Кучуму вѣсти о пришествіи русскихъ воиновъ, при чемъ оправдывали свое пораженіе дѣйствіемъ незнакомыхъ имъ ружей, которыя считали особыми луками: «когда русскіе стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда отъ нихъ пашетъ огонь, и дымъ великій исходитъ, и громъ грянетъ какъ будто съ небеси; стрѣлъ не видно, а раны наносятъ смертельныя, и никакими ратными сбруями невозможно отъ нихъ уцѣлиться: куяки наши и бехтерцы, и пансыри, и кольчуги все пробиваютъ на вылетъ». Вѣсти эти сильно опечалили Кучума и смутили его тѣмъ болѣе, что разныя знаменія, если вѣрить народному преданію, уже предрекали ему приходъ русскихъ людей и паденіе его царства. Между прочимъ, оно рассказываетъ слѣдующее.— На Иртышѣ противъ устья Тобола былъ песчаный островокъ, и окрестные жители будто бы не разъ видѣли, какъ на этотъ островокъ выходили два звѣря, одинъ изъ Иртыша, другой изъ Тобола, и бились между собой. Первый большой, бѣлый, косматый, подобенъ волку, а второй небольшой, черный, похожій на гончаго пса; второй убивалъ первого и обратно уходилъ въ воду; но и первый черезъ нѣсколько времени вставалъ и скрывался въ водѣ. Когда донесли Кучуму объ этомъ явленіи, онъ спросилъ волхвовъ и гадателей, и тѣ объяснили ему, что большой звѣрь означаетъ его царство, а малый русскаго воина, который придетъ и возьметъ его царство.

Сибирскій ханъ однако не теряетъ времени и спѣшитъ принять дѣятельныя мѣры для своей обороны. Онъ собираетъ повсюду своихъ князей и мурзъ съ татарами, кромѣ нихъ еще толпы подвластныхъ остяковъ и вогуловъ, и посылаетъ ихъ подъ начальствомъ своего близкаго родственника, храбраго царевича Магметкула навстрѣчу казакамъ. А самъ между тѣмъ устраиваетъ земляныя укрѣпленія и засѣки около устья Тобола, подъ такъ называемой Чувашевой горой, чтобы преградить доступъ къ своей столицѣ, городку Сибири, расположенному, какъ сказано, на Иртышѣ, нѣсколько ниже впаденія въ него Тобола.

Послѣдовалъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ обѣ стороны дрались съ большимъ упорствомъ. Магметкулъ сначала встрѣтилъ казаковъ около урочища, именуемаго Бабасаны. Тутъ казаки вышли на берегъ и вступили въ сраженіе. Ни конница татарская, ни стрѣлы, ни копыя непріятельскія не устояли противъ мужества казаковъ и ихъ пищалей. Магметкулъ бѣжалъ назадъ къ засѣкѣ подъ Чувашевой горой. Казаки поплыли далѣе по Тоболу и дорогою овладѣли улусомъ карачи или главнаго совѣтника Кучумова, гдѣ нашли склады меду и всякаго

добра, принадлежавшаго хану. Достигнувъ устья Тобола, они сначала уклонились отъ помянутой засѣвки, повернула вверхъ по Иртышу, взяли на его берегу городокъ мурзы Атика, и расположились тутъ на отдыхъ, обдумывая дальнѣйшій планъ дѣйствія. Большое скопище непріятелей, укрѣпившихся подъ Чувашевымъ, заставило ихъ призадуматься. Собрался казачій кругъ для рѣшенія вопроса: идти ли впередъ или воротиться. Нѣкоторые голоса совѣтовали отступить. Но болѣе мужественные и энергичные возстали противъ такого совѣта, напоминали данный передъ походомъ клятвенный обѣтъ стоять всѣмъ за одинъ и скорѣе пасть до единого человѣка, чѣмъ со срамомъ бѣжать назадъ. При томъ уже наступила глубокая осень, скоро рѣки должны были покрыться льдомъ и обратное плаваніе дѣлалось крайне опаснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самымъ краснорѣчивымъ и самымъ рѣшительнымъ противникомъ отступления былъ Ермакъ, который съумѣлъ ободрить товарищей и вдохнуть въ нихъ единодушную рѣшимость—побѣдить или умереть. 23 октября, рано поутру, казаки, помолясь Богу, вышли изъ городка. При кликахъ: «съ нами Богъ!» «Господи, помози работѣ своимъ!» они ударили на засѣку, и начался самый упорный бой. Непріатели встрѣтили нападающихъ тучею стрѣлъ и многихъ переранили. Несмотря на отчаянные приступы, казаки не могли одолѣть укрѣпленія и начали изнемогать. Тогда татары, считая уже себя побѣдителями, сами въ трехъ мѣстахъ разломали засѣку и сдѣлали вылазку. Но тутъ въ отчаянной рукопашной схваткѣ казаки показали, насколько они крѣпче непріятелей духомъ и тѣломъ; татары были побѣждены и бросились назадъ; вслѣдъ за ними русскіе ворвались въ засѣку и водрузили на ней свои знамена. Остяцкіе князьки первые покинули мѣсто боя и съ своими толпами ушли домой. Царевичъ Магметкулъ, раненый, спасся въ лодкѣ на другую сторону Иртыша. Кучумъ съ своими мурзами и уланами наблюдалъ за битвою съ вершины горы и приказывалъ мullahамъ читать молитвы, призывая на помощь Аллаха и Магомета. Увидѣвъ бѣгство всего войска, онъ и самъ поспѣшилъ въ свою столицу Сибирь; но не остался въ ней, ибо уже некому было оборонять ее; а, захвативъ съ собою что можно изъ своего добра, бѣжалъ на югъ въ Ишимскія степи.

Узнавъ о бѣгствѣ Кучума, 26 октября 1582 г. въ день св. Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ казаками вошелъ въ пустой городъ Сибирь; здѣсь они нашли цѣнную добычу, которую раздѣлили между собою; въ томъ числѣ много золота, серебра, разныхъ тканей и особенно мѣховъ собольихъ, лисьихъ и куныхъ. Спустя нѣсколько дней жители начали возвращаться: первымъ пришелъ остяцкій князекъ со своими людьми и принесъ Ермаку и его дружинѣ дары и съѣстные припасы: затѣмъ мало-по-малу возвращались и татары съ женами и дѣтьми.

Итакъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и почти баснословныхъ подвиговъ, казаки водрузили русскія знамена въ столицѣ Сибирскаго царства. Хотя огнестрѣльное оружіе и давало имъ сильное преимущество передъ туземными народцами, однако при оцѣнкѣ ихъ подвига нужно имѣть въ виду, что на сторонѣ враговъ было огромное численное превосходство: по словамъ лѣтописей, русскіе воины имѣли противъ себя будто-бы въ 20 и даже въ 30 разъ большее количество непріятелей. Только необычайная крѣпость духа и тѣла помогли казакамъ одолѣть столько враговъ. А эти дальніе походы по незнакомымъ рѣкамъ и странамъ при

всѣхъ переи́нахъ суроваго сѣвернаго климата показываютъ, до какой степени Ермакъ и его товарищи были людьми бывальными, закаленными въ лишеніяхъ, привычными къ такого рода трудамъ и къ борьбѣ съ сѣверною природою.

Завоеваніемъ Кучумовой столицы однако война далеко еще не кончилась. Самъ Кучумъ нисколько не считалъ для себя потеряннымъ свое царство, которое на половину состояло изъ кочевыхъ татарскихъ улусовъ и бродячихъ инородцевъ; сосѣднія степи, куда казаки не могли за нимъ слѣдовать, представляли ему надежное убѣжище; отсюда онъ могъ дѣлать внезапныя нападенія на казаковъ, и потому борьба съ нимъ затянулась потомъ на довольно продолжительное время. Особенно опасенъ былъ предприимчивый царевичъ Магметкулъ, скоро успѣвшій оправиться отъ своихъ ранъ. Уже въ ноябрѣ или декабрѣ того-же года онъ подстерегъ небольшой отрядъ казаковъ, безпечно занимавшихся рыбною ловлею на ближнемъ Абалацкомъ озерѣ и нечаяннымъ нападеніемъ почти всѣхъ перебилъ. Это была первая чувствительная потеря, которая очень огорчила Ермака и всю дружину. Ермакъ началъ изыскивать средства къ отмщенію. Наконецъ слѣдующею весною отъ одного преданнаго себѣ татарина онъ узналъ, что Магметкулъ расположился станомъ на рѣкѣ Вагаѣ (лѣвый притокъ Иртыша между Тоболомъ и Ишимомъ), верстъ за сто отъ города Сибири. Посланный противъ него отрядъ казаковъ, въ свою очередь, внезапно напалъ ночью на его станъ и многихъ татаръ убилъ, а самого царевича захватилъ въ плѣнъ живымъ. Потеря храбраго царевича нанесла сильный ударъ Кучуму и на нѣкоторое время обезопасила казаковъ отъ его предпріятій. Но число ихъ уже сильно убавилось; военные запасы истощались, тогда какъ предстояло еще много трудовъ и битвъ, чтобы докончить покореніе Сибирской земли и упрочить тамъ русское владѣтельство. Поэтому была настоятельная нужда въ русской помощи. Уже вскорѣ по взятіи города Сибири Ермакъ и его товарищи отправили къ Строгановымъ вѣсти о своихъ успѣхахъ; а потомъ съ тѣми же вѣстями послали въ Москву къ самому царю Ивану Васильевичу атамана Ивана Кольцо съ нѣсколькими казаками и съ дорогими сибирскими соболями, а также съ просьбою прислать царскихъ ратныхъ людей на помощь.

Межъ тѣмъ какъ доблестная казацкая дружина завоевывала Москвѣ новое татарское царство, въ Пермскомъ краѣ произошло событіе, которое навлекло на Строгановыхъ гнѣвъ Грознаго царя и новую опалу на товарищей Ермака. Пользуясь тѣмъ, что въ Пермскомъ краѣ оставалось мало ратныхъ людей, какой-то пелымскій (вогульскій) князь пришелъ съ толпами остяковъ, вогуловъ и вотяковъ, доходилъ до Чердыни, т. е. до главнаго города этого края, а потомъ обратился на Камское-Усолъе, Канкоръ, Кергеданъ и Чусовскіе городки, выжигая окрестныя села, погосты и посады и забирая въ плѣнъ крестьянъ. Строгановы едва отстояли отъ непріятелей свои городки. Чердынскій воевода Василій Пелепелицынъ, можетъ быть, и безъ того недовольный привилегіями Строгановыхъ и ихъ неподсудностью себѣ, воспользовался этимъ нападеніемъ для ихъ обвиненія. Въ своемъ донесеніи царю Ивану Васильевичу всю вину претерпѣннаго Пермскимъ краемъ опустошенія онъ свалилъ на Строгановыхъ: они-де безъ царскаго указа призвали въ свои остроги воровскихъ казаковъ, на вогуличей и вотяковъ посылали и ихъ

задрали, съ сибирскимъ салтаномъ ссорили русскихъ людей; когда же пришелъ пелымскій князь, государевымъ городамъ своими ратными людьми не помогли; а Ермакъ съ товарищами вмѣсто того, чтобы оборонять Пермскую землю, пошелъ воевать на вогуловъ, остяковъ и татаръ. Вслѣдствіе этого донесенія, Строгановымъ отправлена изъ Москвы немилостивая царская грамота, подписанная дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ и помѣченная 16-мъ ноября 1582 года. Этою грамотою повелѣвалось Строгановымъ впредь казаковъ у себя не держать, а волжскихъ атамановъ, Ермака Тимофеева съ товарищами, прислать въ Пермь (т.-е. Чердынь) и Камское-Усолъе, гдѣ они должны стоять не вмѣстѣ, а раздѣлясь; у себя же позволялось оставить не болѣе ста человекъ съ однимъ атаманомъ. Если же этого повелѣнія не будетъ въ точности исполнено и опять надъ пермскими мѣстами учинится какая бѣда отъ вогуловъ и сибирскаго салтана, то на Строгановыхъ будетъ наложена «большая опала». Въ Москвѣ, очевидно, не знали ничего о сибирскомъ походѣ и требовали присылки въ Чердынь Ермака съ казаками, которые въ это время уже располагались на берегахъ Иртыша въ средоточіи Сибирскаго ханства. Понятно, что, получивъ сію грамоту, Строгановы были «въ великой печали». Они понадѣялись на данное имъ прежде разрѣшеніе заводить городки за Каменнымъ Поясомъ и воевать сибирскаго салтана, а потому и отпустили туда казаковъ, не сносаясь ни съ Москвою, ни съ пермскимъ воеводою. Не долго, однако, длилась ихъ печаль. Вскорѣ подоспѣла родостная вѣсть отъ Ермака съ товарищами объ ихъ необыкновенной удачѣ. Съ этою вѣстью Строгановы лично поспѣшили въ Москву. А потомъ прибыло туда же и казачье посольство во главѣ съ опальнымъ атаманомъ Кольцо (когда-то осужденнымъ на смерть за разбой). Разумѣется, объ опалахъ не могло быть болѣе и рѣчи. Государь принялъ атамана и казаковъ очень ласково, наградивъ деньгами и сукнами и опять отпустилъ въ Сибирь, пославъ атаманамъ и казакамъ свое милостивое слово и многіе подарки за вѣрную службу. Говорятъ, что Ермаку онъ послалъ шубу съ своего плеча, серебряный кубокъ и два панцыря. На подкрѣпленіе имъ онъ потомъ отправилъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей. Плѣннаго царевича царь велѣлъ привезти въ Москву, гдѣ онъ потомъ былъ пожалованъ вотчинами и занялъ мѣсто между служилыми татарскими князьями. Строгановы были награждены новыми торговыми льготами и еще двумя земельными пожалованіями, Большою и Малою Солюю.

Послѣ взятія въ плѣнъ Магметкула, казаки стали болѣе обезпечены со стороны Кучума, который въ то время былъ отвлеченъ и возобновившеюся борьбою съ соперникомъ своимъ, т.-е. съ родомъ Тайбуги. Они употребили это время на то, чтобы докончить покореніе (собственно обложеніе данью) остяцкихъ и вогульскихъ волостей, входившихъ въ составъ Сибирскаго ханства. Изъ города Сибири они ходили по Иртышу и Оби и между прочимъ на берегахъ послѣдней взяли остяцкій городъ Казымъ, причемъ плѣнили мѣстнаго князька; но тутъ на приступъ они потеряли одного изъ своихъ атамановъ, Никиту Пана. Вообще число завоевателей сильно убавилось; едва-ли ихъ оставалась и половина; съ нетерпѣніемъ ожидали они помощи изъ Россіи. Только осенью 1584 года наконецъ приплыли на стругахъ Болховской и Глуховъ, но они привели

съ собою не болѣе 300 человекъ—помощь слишкомъ недостаточная для того, чтобы упрочить за Россіей завоеваніе такого обширнаго пространства, когда на вѣрность только что покоренныхъ князьковъ еще нельзя было положиться и когда нашъ главный непримиримый врагъ, Кучумъ, еще жилъ и дѣйствовалъ во главѣ своей татарской орды. Казаки съ радостью встрѣтили московскихъ ратныхъ людей и привезенные ими царскіе подарки. Но приходилось раздѣлить съ пришедшими свои и безъ того скудные съѣстные припасы; наступившею зимою отъ недостатка продовольствія открылась смертность въ городѣ Сибири. Тогда же умеръ и князь Болховской. Только весною, благодаря обильному улову рыбы и всякой дичи, а также хлѣбу и скоту, доставленныхъ отъ окрестныхъ инородцевъ, миновало бѣдствіе, и русскіе оправились отъ голоднаго времени. Такъ какъ князь Болховской, повидимому, былъ назначенъ сибирскимъ воеводою, которому казацкіе атаманы должны были сдать городъ и сами подчиняться, то смерть его избавляла горсть русскихъ людей отъ неизбежнаго въ послѣдствіи соперничества и несогласія начальниковъ; ибо едва-ли атаманы охотно отказались бы отъ своей самостоятельности и своей первенствующей роли въ новозавоеванной землѣ. Со смертью Болховскаго соперничество устранялось; Ермакъ снова и окончательно сталъ во главѣ соединеннаго казацко-московскаго отряда.

Доселѣ русское дѣло въ Сибири шло вообще хорошо, и удача сопровождала почти всѣ предпріятія Ермака. Но какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни и отдѣльныхъ историческихъ лицъ, и цѣлыхъ народовъ—счастье наконецъ стало измѣнять; наступили невзгоды, и дѣла приняли дурной оборотъ. Продолжительная удача ослабляетъ постоянную напряженную предосторожность и порождаетъ безпечность; а сія послѣдняя, въ свою очередь, ведетъ за собою бѣдственные неожиданности. Такъ было и въ Сибири съ ея первыми завоевателями.

Одинъ изъ мѣстныхъ князьковъ-данниковъ, которому лѣтописи даютъ званіе карачи, т.-е. бывшего ханскаго совѣтника, задумавъ измѣну и приславъ къ Ермаку своихъ пословъ съ просьбою оборонить его отъ ногаевъ (вѣроятно, Кучумовыхъ союзниковъ). Послы присягнули въ томъ, что не мыслятъ никакого зла противъ русскихъ. Ермакъ и другіе атаманы повѣрили ихъ клятвѣ. Иванъ Кольцо и съ нимъ сорокъ казаковъ отправились въ городокъ карачи, были ласково приняты, и потомъ—вѣроятно, во время сна, или отдыха или пирушки—вѣроломно всѣ умерщвлены. Вѣсть о ихъ гибели была тяжкимъ ударомъ для русской дружины. Для отмщенія за нихъ, посланъ былъ отрядъ съ атаманомъ Яковомъ Михайловымъ; но и этотъ отрядъ былъ также истребленъ вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ. Послѣ того окрестные инородцы легко склонились на увѣщанія карачи и подняли возстаніе противъ русскихъ. Съ большою толпою татаръ и остяковъ онъ пришелъ подъ самый городъ Сибирь и осадилъ его. Весьма возможно, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ своимъ бывшимъ ханомъ Кучумомъ и слѣдовалъ его внушеніямъ. Русская дружина, ослабленная помянутыми потерями, принуждена была запереться въ городѣ и выдерживать осаду. Послѣдняя затянулась и русскіе начали уже испытывать сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: карача надѣялся выморить ихъ голодомъ. Но отчаяніе придаетъ силы и рѣшимости. Въ одну июньскую ночь казаки раздѣлились на двѣ части: одна осталась съ Ермакомъ стеречь городъ; а

другая съ атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ незамѣтно вышла въ поле и прокралась къ стану самого карачи, отдѣльно стоявшему за нѣсколько верстъ отъ города. Тутъ много непріятелей было избито, въ томъ числѣ и два сына карачи; а самъ онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. На разсвѣтѣ, когда въ главномъ станѣ осаждавшихъ узнали о вылазкѣ казаковъ, толпы непріятелей поспѣшили на помощь карачи и окружили малочисленную дружину казаковъ. Но послѣдніе огородились карачинскимъ обозомъ и встрѣтили враговъ ружейнымъ огнемъ. Наконецъ дикари не выдержали и разсѣялись. Городъ освободился отъ осады; а вмѣстѣ съ тѣмъ окрестныя племена снова признали себя нашими данниками и снабдили русскихъ съѣстными припасами. Послѣ того Ермакъ предпринялъ удачный походъ вверхъ по Иртышу для утвержденія русскаго владычества въ той странѣ и, можетъ быть, для поиска за Кучумомъ, который, какъ мы сказали, едва-ли былъ чуждъ помянутому возстанію карачи. Но изворотливый, неутомимый Кучумъ былъ неуловимъ въ своихъ Ишимскихъ степяхъ и строилъ новыя козни на погибель русскимъ.

Едва Ермакъ воротился въ Сибирь и расположился на отдыхъ, какъ къ нему приходитъ извѣстіе, будто караванъ бухарскихъ купцовъ шелъ съ товарами въ городъ Сибирь, но гдѣ-то остановился, ибо Кучумъ не даетъ ему дороги. Прибытіе бухарскаго каравана и вообще возобновленіе торговыхъ сношеній Сибири съ средней Азіей было событіемъ, весьма желаннымъ для казаковъ, собиравшихъ богатія дани дорогими мѣхами, на которые они могли бы вымѣнивать шерстяныя и шелковыя ткани, ковры, оружіе, пряности, сухіе фрукты и прочіе предметы среднеазиатской промышленности. Ермакъ былъ обрадованъ вѣстію о караванѣ, и, въ первыхъ числахъ августа, лично съ небольшимъ отрядомъ поплылъ на встрѣчу купцамъ вверхъ по Иртышу. Казацкіе струги достигли устья Вагая, однако никого не было видно, ни бухарцевъ, ни Кучумовыхъ татаръ. Ермакъ поднялся еще немного по Вагаю; та-же пустыня. Онъ поплылъ назадъ. Въ одинъ темный, бурный вечеръ онъ присталъ къ берегу и тутъ нашелъ свою погибель. Подробности ея навсегда остались неизвѣстны для исторіи и сдѣлались достояніемъ легенды; но уже сама по себѣ, касающаяся замѣчательнаго историческаго лица, она заслуживаетъ передачи и тѣмъ болѣе, что не лишена нѣкоторой степени правдоподобія.

Вотъ что она рассказываетъ: казаки пристали собственно къ острову, образуемому протокомъ или рукавомъ Иртыша; а потому, считая себя въ безопасности, расположились тутъ станомъ и предались отдохновенію, не поставивъ стражи. Утомленные труднымъ походомъ, всѣ они погрузились въ глубокій сонъ. А между тѣмъ Кучумъ былъ недалеко. (Самая вѣсть о небываломъ бухарскомъ караванѣ едва-ли не была пущена имъ-же для того, чтобы заманить Ермака въ засаду). Его лазутчики скрытно слѣдили за всѣми движеніями казаковъ и донесли хану объ ихъ остановкѣ на ночлегъ. У Кучума былъ одинъ татаринъ, осужденный на смертную казнь. Ханъ послалъ его искать конскаго броду на островъ, общая помилованіе въ случаѣ удачи. Татаринъ перебрелъ рѣку или рукавъ ея и воротился съ вѣстью о полной безпечности казаковъ. Кучумъ сначала не повѣрилъ и велѣлъ принести какое-либо доказательство. Татаринъ отправился въ другой разъ и принесъ три казацкихъ пищали и три ядунки съ порохомъ. Тогда Кучумъ посылаетъ на островъ

толпу татаръ. При шумѣ дождя и завываніи вѣтра, татары неслышно прокрались къ стану и затѣмъ принялись избивать сонныхъ казаковъ. Легенда прибавляетъ, что проснувшійся Ермакъ бросился въ рѣку къ своему стругу, но попалъ на глубокое мѣсто; тутъ, нѣмѣя на себѣ желѣзную броню, онъ не могъ выплыть и утонулъ. Какъ бы то ни было, при семъ внезапномъ нападеніи весь казацкій отрядъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ своимъ вождемъ. Такъ погибъ этотъ русскій Кортецъ и Пизарро, этотъ храбрый, «велеумный» атаманъ, какъ его называютъ сибирскіе лѣтописи, изъ удалыхъ разбойниковъ силою обстоятельствъ и своихъ богатыхъ дарованій превратившійся въ героя, котораго слава никогда не изгладится изъ народной памяти.

Несомнѣнно, что два важныя обстоятельства помогли казацко-русской дружинѣ при первомъ завоеваніи Сибирскаго ханства: съ одной стороны огнестрѣльное оружіе, соединенное съ закаленностью въ военныхъ трудахъ и лишеніяхъ; съ другой — внутреннее состояніе самого ханства, ослабленнаго междоусобіями двухъ соперничающихъ родовъ, а также недовольствомъ многихъ мѣстныхъ язычниковъ противъ насильно вводимаго Кучумомъ мусульманства; понятно, что сибирскіе шаманы съ ихъ кудесами и идольскими жертвами неохотно уступали свое мѣсто магометанскимъ мулламъ. Но была еще третья важная причина успѣха — это личность самого «начальнаго» атамана Ермака Тимофеевича, его неодолимое мужество, опытность и знаніе военного дѣла, его предводительскій талантъ, безыскусственное краснорѣчіе и желѣзная сила характера. О послѣдней ясно свидѣтельствуетъ порядокъ и повиновеніе, т. е. та воинская дисциплина, которую онъ сумѣлъ водворить въ своей дружинѣ между вольными казаками, съ ихъ буйными нравами, съ ихъ привычкою къ разгулу и своеволію.

Гибель Ермака воочію подтвердила, что онъ дѣйствительно былъ главнымъ двигателемъ и душою всего предпріятія. Когда вѣсть о ней достигла города Сибири, оставшаяся казацкая дружина не только горько оплакала потерю своего вождя, но и тотчасъ рѣшила, что безъ него, при своей малочисленности, она не можетъ держаться посреди ненадежныхъ туземцевъ противъ Сибирскихъ татаръ, избавившихся отъ ихъ главной грозы, т. е. отъ Ермака. Казаки и московскіе ратные люди, въ числѣ не болѣе полутораста человѣкъ, немедленно покинули городъ Сибирь съ стрѣлцкимъ головою Иваномъ Глуховымъ и Матвѣемъ Мещерякомъ, единственнымъ оставшимся у нихъ изъ пяти атамановъ; дальнимъ сѣвернымъ путемъ по Иртышу и Оби они отправились обратно за Камень. Едва русскіе очистили Сибирь, какъ Кучумъ послалъ сына Алея занять свой стольный городъ. Но онъ недолго здѣсь удержался. Выше мы видѣли, что владѣвшій Сибирью князь Тайбугина рода Едигеръ и братъ его Бекбулатъ погибли въ борьбѣ съ Кучумомъ. Послѣ Бекбулата остался маленькій сынъ, по имени Сейдякъ. Онъ нашелъ убѣжище въ Бухарѣ, выросъ тамъ и теперь явился мстителемъ за отца и дядю. Получивъ помощь отъ бухарцевъ и киргизовъ, Сейдякъ возобновилъ борьбу съ Кучумомъ. Послѣдній былъ побѣжденъ; Алей изгнанъ изъ Сибири и сей стольный городъ перешелъ въ руки Сейдяка.

Такимъ образомъ татарское царство въ Сибири было возстановлено и завоеваніе Ермака казалось утраченнымъ. Но это только казалось. Русскіе уже узнали дорогу въ Сибирь, извѣдали слабость, разноплемен-

ность этого царства и его естественныя богатства; они уже считали его своимъ достояніемъ и не замедлили вернуться.

XXIV. ЛИЧНОСТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

(Изъ статьи Бестужева-Рюмина: «Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ вос-
произведеній характера Іоанна Грознаго», помѣщенной въ «Зарю», за 1871 г.).

Что такое царь Иванъ Васильевичъ Грозный? Чтобы понять эту личность, слѣдуетъ обратить вниманіе на одно очень важное обстоятельство. Обыкновенно мы судимъ людей по степени ихъ успѣха. Всегда ли это бываетъ справедливо? Если передъ нами стоятъ два человѣка съ одинаковымъ характеромъ, съ одинаковыми цѣлями и съ одинаковыми почти средствами для достиженія ихъ, за измѣненіемъ только нѣкоторыхъ, несущественныхъ обстоятельствъ, то мы обыкновенно отдаемъ преимущество тому, вѣнчаемъ лаврами того, который одержалъ полную побѣду; мы видимъ человѣка, достигшаго послѣднихъ результатовъ, видимъ торжество блистательное, униженіе сосѣдняго государства, стоявшаго прежде на первомъ планѣ на всемъ сѣверѣ; видимъ полное достиженіе цѣли, видимъ его торжественно сходящимъ съ своего поприща. Мы говоримъ: «Вотъ великій человѣкъ!» Обращаясь къ другому, мы видимъ, что цѣли были тѣ же, но не было того торжества и говоримъ: «Этотъ не былъ великимъ человѣкомъ». Будемъ-ли мы правы? Если мы будемъ великимъ человѣкомъ называть только того, кто, идя къ цѣли, выбираетъ средства, дѣйствительно соответствующія этой цѣли при извѣстномъ положеніи дѣлъ, тогда мы будемъ совершенно правы; но дѣйствительно-ли всегда можно съ имѣющимися подъ рукою средствами достигнуть желаемой цѣли, и неужели человѣкъ, раѣе другаго стремившійся къ извѣстной цѣли, но не имѣвшій подъ руками средствъ для ея достиженія, не заслуживаетъ, если не вѣнчанія лаврами, то по крайней мѣрѣ нашего участія, нашего внимательнаго изученія? Въ такомъ положеніи, кажется, мы стоимъ передъ двумя нашими историческими лицами: передъ Петромъ Великимъ и Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Оба они одного хотѣли, къ одному стремились; но одинъ имѣлъ Полтаву и Ништадскій миръ, другой же имѣлъ миръ на Киверовой горкѣ и только одно утѣшеніе — блистательную защиту Пскова. Мы должны взглянуть въ причины, отъ которыхъ произошло различіе между ними. Причины эти заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что одинъ жилъ въ XVI, а другой въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, у одного было много приготовлено такого, чего не было у другого. Одинъ имѣлъ подъ руками вѣрныхъ и готовыхъ ему служить сотрудниковъ, у другого же такихъ сотрудниковъ не оказалось. Когда царь Иванъ Грозный говорилъ: «Я хочу завоевать Лифляндію, хочу утвердиться на берегу Балтійскаго моря», ему отвѣчали на это самыя близкіе совѣтники, которыхъ мы до сихъ поръ не отвыкли называть лучшими его внушителями, относить къ лучшимъ людямъ того времени, Сильвестръ и Адашевъ: «Зачѣмъ идти туда? Не лучше-ли завоевать Крымъ, идти по старому пути?» Такииъ образомъ, онъ находилъ на самыхъ первыхъ порахъ нерасположе-

ніе, неохоту служить ему, онъ не встрѣчалъ никакого сочувствія къ себѣ и своимъ планамъ. Внѣшняя его политика не встрѣтила сочувствія, не болѣе посчастливилось и внутренней. Царь Иванъ Васильевичъ жилъ въ ту эпоху, когда, очень бѣдное населеніемъ, разсѣяннмъ на огромномъ пространствѣ, Русское государство непременно требовало употребленія всѣхъ своихъ силъ на службу государственную, что могло достигаться большимъ или меньшимъ прикрѣпленіемъ. Это сознавалось и Иваномъ Васильевичемъ, дѣлавшимъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые шаги, учредившимъ помѣстную систему съ обязательствомъ службы, систему, которая вела къ тому строю Московскаго государства, который сложился позже, къ закрѣпленію всего населенія. Но, рядомъ съ этимъ, мы видѣли цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ въ другую сторону. Образуются самостоятельныя общины съ широкимъ самоуправленіемъ, вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ появляются губныя старосты. Общины и вообще все государство представляются въ торжественныхъ случаяхъ земскимъ соборомъ, который собирается около царя. Любопытно то обстоятельство, что Иванъ Васильевичъ былъ первымъ, собравшимъ великій земскій соборъ. Онъ собралъ его по торжественному случаю, поручая ему великое земское дѣло — утвержденіе «Судебника»; при этомъ онъ казался народу въ томъ, что дѣлалось въ его молодости, частью безъ его вѣдома. Этотъ великій актъ его личной и вмѣстѣ съ тѣмъ его земской дѣятельности недавно подвергался осужденію; говорили, будто онъ это сдѣлалъ потому, что ему нравился эффектъ, который производила картина его всенароднаго покаянія. Едва-ли, впрочемъ, можно относиться такъ легкомысленно къ историческимъ дѣятелямъ. Задуманный Грознымъ планъ переустройства государства не могъ тогда же осуществиться въ полномъ своемъ видѣ; онъ встрѣтилъ себѣ противодѣйствіе именно въ томъ обстоятельстве, что при бѣдности населенія, при малочисленности его, при большомъ требованіи на службу государственную, все служилое сословіе стремилось къ закрѣпленію; оно служило, оно требовало, чтобы что-нибудь его кормило. И вотъ, по теченію самыхъ дѣлъ, вызванное этими обстоятельствами и требованіями, явилось закрѣпленіе, которое убило общину и уничтожило государственный планъ, который такъ хорошо подходилъ къ общеславянскому, всегдашнему плану государственнаго устройства. Планъ этотъ вызванъ недоуверіемъ къ высшему классу, который нашелъ себѣ краснорѣчиваго выразителя и проповѣдника своихъ дѣйствій, жалобъ и огорченій. Этотъ проповѣдникъ былъ знаменитый отъѣздчикъ изъ Москвы, кн. Курбскій. Ему-то мы вѣримъ до сихъ поръ, на немъ основываемъ большую часть нашихъ сужденій; мы вѣримъ, что все боярство было совершенно невинно, что Іоаннъ Грозный просто въ порывахъ гнѣва, въ порывахъ увлеченія, казнилъ направо и налево, нисколько не обращая вниманія на то, были-ли люди въ чемъ-либо виноваты или нѣтъ. По описанію Курбскаго, являются все невинные мученики, оказывается, что въ теченіи слишкомъ 20 лѣтъ производились страшныя казни, каждый день, безъ смысла, безъ причины, и мы очень часто и теперь повторяемъ, что дѣйствительно все такъ и было. Но точно-ли не было никакой измѣны? Точно-ли выгодно было московскому боярству не измѣнять и неужели оно не имѣло гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ своихъ идеаловъ? Идеалы эти были и были рядомъ въ Литвѣ. Ясно, что литовское устройство, порядки и положеніе

въ Литвѣ дворянства было гораздо выгоднѣе, чѣмъ положеніе его въ Москвѣ. Въ Москвѣ — служба, въ Москвѣ — воля одного человѣка; въ Литвѣ же — собственная воля. У насъ есть нѣкоторыя данныя, правда очень слабыя, которыя подтверждаютъ эту мысль. Подобно Курбскому, почти все наше первостепенное боярство, разумѣется весьма немногочисленное, состояло изъ потомковъ Рюрика и Гедимина. Они назывались въ началѣ княжатами, составляли особое сословіе и имѣли много суверенныхъ правъ; они жили на старыхъ мѣстахъ, гдѣ жили ихъ предки, бывшіе когда-то владѣтельными князьями. Это были измѣлчавшіе потомки князей, владѣвшіе двумя, тремя селами, гдѣ они сохраняли полныя права, но эти вотчины были не только частною собственностью, но въ то же время и частью государственной территоріи. Иванъ Грозный въ тѣхъ видахъ, чтобы не оставлять людей на мѣстахъ, гдѣ сохранились такія воспоминанія и оставалась связь съ населеніемъ, помнившимъ суверенныхъ владѣльцевъ, ограничилъ права на владѣніе землею, на передачу ея въ наслѣдство и т. п. Эти ограниченія, разумѣется, не нравились боярамъ. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принималъ еще другую мѣру, на которую указываютъ иностранцы. именно, объявляя опалу боярину, онъ переводилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ въ другую мѣстность. Очевидно, это имѣло политическую цѣль и было на чемъ-нибудь основано. Намъ говорятъ, что письма, которыя писалъ боярамъ литовскій государь и его канцлеръ, выдуманы, что будто ихъ нарочно сочинялъ Иванъ Васильевичъ, чтобы испытать бояръ, и что бояре нарочно отвѣчали, чтобы выказать свою благонамѣренность и т. д. На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: изъ писемъ этихъ оказывается, напр., что бояре, выѣхавшіе изъ Литвы, упрекаютъ литовскаго государя въ томъ, что предки его поступали съ ними не такъ, какъ слѣдуетъ; отсюда ясно видно, что они пріѣхали въ Москву недовольные, что письма эти не поддѣланы и что Сигизмундъ на что нибудь надѣялся, обращаясь къ боярамъ. Эти данныя подтверждаютъ предположеніе, что бояре представляли постоянное сопротивленіе и сопротивленіе это началось съ первой минуты, какъ только Грозный началъ себя поминать; онъ встрѣтилъ оскорбленіе отъ бояръ; извѣстно, что бояринъ Шуйскій клалъ при немъ ноги на постель, и таскалъ изъ казны его серебряную посуду; извѣстно также, что не щадили самыхъ дорогихъ его привязанностей, что у него отняли няню и всѣхъ любимыхъ имъ людей удаляли отъ него одинъ за другимъ. Такъ воспитывали его съ самаго дѣтства. Вотъ, наконецъ, онъ выросъ, сдѣлался самодержавнымъ государемъ и окружилъ себя людьми, къ которымъ былъ наиболѣе расположенъ, и которыхъ ему отчасти указалъ митрополитъ Макарій. Окруженный этими людьми, тотчасъ послѣ казанскаго похода онъ заболѣлъ; что же онъ видитъ во время своей болѣзни? Крамолы, ссоры между своею женою и окружавшими его боярами; онъ видитъ нежеланіе этихъ бояръ подчиниться его сыну, желаніе отдать престолъ совершенно другому роду, роду его двоюроднаго брата. Это случилось среди самыхъ блистательныхъ побѣдъ его, когда, казалось, онъ окруженъ былъ людьми, которымъ вполне довѣрялся; и эти-то люди были первые противъ него. Въ немъ естественно рождается сомнѣніе, усиливающееся со смертію его любимой жены. Потерявъ ее, онъ, разумѣется, прямо долженъ былъ обратить свои подозрѣнія на людей, которые

всегда были противъ нея и противъ ея рода. Но что же это были за люди? Представляли-ли они собой болѣе широкій политическій идеалъ, чѣмъ идеалъ Грознаго? Этихъ людей мы знаемъ отчасти, мы знаемъ что въ политическомъ отношеніи они были противъ ливонской войны, а за войну съ Крымомъ и татарами, т. е. за продолженіе стараго, мы знаемъ, что въ умственномъ отношеніи Іоаннъ Грозный былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. Блескъ, юморъ, огромная начитанность, логичность изложенія, отличающія всѣ его произведенія, рѣдко встрѣчаются даже и у писателей по призванію, а не только у писателей случайныхъ, каковымъ можетъ быть правитель великаго народа. Слѣдовательно, у окружавшихъ Іоанна не было даже и умственного превосходства надъ нимъ; мы знаемъ произведенія одного изъ нихъ, «Домострой», образецъ узкости и мелочности; это произведеніе того человѣка, который считается гениемъ, ангеломъ-хранителемъ Грознаго, который внушалъ ему благородныя идеи и подъ вліяніемъ котораго онъ дѣйствовалъ. И такъ, кажется, собравши эти черты вмѣстѣ, можно придти къ тому убѣжденію, что не ту совершенно сторону затрогиваютъ въ этой замѣчательной личности. Во всѣхъ вопросахъ русской исторіи, съ которыми она соприкасается, можно припомнить много такого, что выставяетъ намъ эту личность совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Завоевавъ, напр., Ливонію, что дѣлаетъ царь Иванъ Васильевичъ? Въ Ливоніи появляется дерптскій епископъ, появляется юрьевское помѣстное дворянство; совсѣмъ иначе дѣйствуетъ онъ при завоеваніяхъ на востокъ: завоевавши Казань, онъ старается привлечь къ себѣ мѣстное населеніе. Это различіе въ политикѣ имѣло огромное значеніе, и не должно было бы его проходить безъ внимательнаго разбора. И такъ, какъ правитель государства и какъ политическій дѣятель, Иванъ Васильевичъ имѣетъ за себя весьма важныя стороны, на которыхъ дѣятельность его заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія, и наконецъ, съ психологической стороны онъ представляетъ въ высшей степени любопытную задачу.

XXV. ЛИЧНОСТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

(Изъ статьи Костомарова: «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго», помѣщенной въ «Вѣстникъ Европы» за 1871 г.).

Напрасно историки наши селятся опровергнуть основное воззрѣніе Карамзина на личность царя Ивана Васильевича и представить его великимъ государственнымъ мужемъ, со свѣтлымъ умомъ, достойнымъ уваженія и сочувствія, предшественникомъ Петра В. и оправдать его звѣрскія дѣянія.

Личность эта принадлежитъ къ разряду тѣхъ нервныхъ натуръ, которыхъ можно встрѣчать много вездѣ въ разныхъ положеніяхъ, зависящихъ отъ разныхъ условій рожденія, жизни, воспитанія. Способности ихъ отъ природы могутъ быть различны, но при всемъ различіи, онѣ всѣ имѣютъ общіе признаки. Главное ихъ, общее свойство—чрезвычайная чувствительность къ вѣншимъ ощущеніямъ и, вслѣдствіе этого,

быстрая смѣна впечатлѣній. Поэтому воля у нихъ необыкновенно слабая; великими дѣателями они быть не способны, устойчивости у нихъ нѣтъ, терпѣнія у нихъ очень мало, сердечныя движенія ихъ очень сильны, но лишены глубины, крѣпости и постоянства чувства, воображеніе у нихъ сильнѣе разсудка и сердца. Они безпрестанно создаютъ себѣ образы, увлекаются ими и, при первой возможности, готовы ихъ осуществлять: но легко покидаютъ ихъ, когда являются пренія, или когда другіе образы овладѣваютъ ихъ душою. Если природа одаритъ такую личность недюжиннымъ умомъ, то умъ этотъ не можетъ свободно и спокойно дѣйствовать подъ сильнымъ гнетомъ ощущеній, управляемыхъ воображеніемъ; и нерѣдко жизнь такихъ существъ представляетъ непрерывную и странную смѣну умныхъ поступковъ глупыми, и наоборотъ; нерѣдко, однако, послѣдніе берутъ верхъ надъ первыми; умъ притупляется, привыкая уступать господству воображенія и внезапныхъ побужденій. Эти личности не способны къ самостоятельности и нуждаются въ оцѣкѣ надъ собою, хоть обыкновенно не замѣчаютъ этого; они не надолго привязываются къ тѣмъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще не любятъ послѣднихъ; онѣ покоряются, воображая, что никому не покорятся, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію; когда же онѣ почувствуютъ унижительность своей зависимости, то ненавидятъ тѣхъ, которые управляли ими, но, по слабости воли и по трусости и тутъ не сразу освобождаются, а только тогда, когда помогаетъ имъ иное вліяніе. Онѣ чрезвычайно самолюбивы, потому что чрезмѣрная чувствительность побуждаетъ ихъ безпрестанно и постоянно обращаться къ себѣ и въ то же время крайняя трусость—ихъ неизбежное свойство, потому что та же чувствительность къ впечатлѣніямъ опасности слишкомъ охватываетъ все ихъ существо. Съ трусостью всегда соединяется подозрительность и недовѣрчивость. Успѣхъ чрезмѣрно поднимаетъ ихъ; неудача повергаетъ въ прахъ. Отъ этого онѣ высокомѣрны, самонадѣянны въ счастіи и малодушны въ несчастіяхъ. Эти люди бываютъ сильно и горячо воспримчивы ко всему доброму, но еще чаще ко злу и порокамъ, потому что для добра, на практикѣ, всегда окажется необходимо терпѣніе, котораго у нихъ не хватаетъ. Чаще всего выходитъ, что они плѣнительно добры, благородны на словахъ и совѣмъ не таковы на дѣлѣ: слова легче дѣлать, и, при извѣстной долѣ способностей, изъ нихъ вырабатываются риторы, способные увлекать и привлекать къ себѣ, обольщать собою на нѣкоторое время, пока не откроется, что, кромѣ краснорѣчія, у нихъ мало достоинствъ. Хорошее воспитаніе сдерживаетъ ихъ, способнымъ изъ нихъ даетъ возможность сдѣлаться полезными до извѣстной степени, а малоспособныхъ, по крайней мѣрѣ, безвредными нулями. Чѣмъ ихъ воспитаніе небрежнѣе, чѣмъ существованіе ихъ безбѣднѣе, тѣмъ сильнѣе развиваются ихъ природныя свойства. Горе, если такія личности получаютъ неограниченную власть: возможность осуществлять образы, творимые воображеніемъ, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности къ разнымъ ощущеніямъ, доводитъ ихъ до всевозможнаго безумія. Многіе тираны, прославленные исторіею за свою кровожадность и вычурныя злодѣянія, принадлежали къ такимъ натурамъ. Такимъ типическимъ лицомъ въ исторіи императорскаго Рима былъ Неронъ; такимъ былъ и нашъ Іоаннъ Васильевичъ. Онъ представляетъ поразительное сходство съ Нерономъ, при

всѣхъ отличіяхъ, наложенныхъ на судьбу того и другаго несходными обстоятельствами и различною средою. Подобно Нерону, Іоаннъ былъ испорченъ въ дѣтствѣ; какъ Неронъ попалъ подъ опеку Сенеки и Бурра, и подъ ихъ вліяніемъ показались признаки мудраго и добраго правленія, такъ Іоаннъ попалъ подъ опеку Сильвестра и его кружка и его именемъ совершенно было не мало блестящихъ и полезныхъ дѣлъ; какъ Неронъ, освободившись отъ опеки своихъ менторовъ, такъ и Іоаннъ удаливши и перемучивши людей, которыхъ прежде во всемъ слушался, не зналъ предѣловъ своимъ развратнымъ и кровожаднымъ прихотямъ. Злодѣянія Нерона облекались характеромъ вычурности, иногда театральности. Неронъ вначалѣ своихъ злодѣяній убилъ мать; Іоаннъ не убивалъ матери, которой лишился въ младенчествѣ, зато убилъ сына въ концѣ своихъ злодѣяній. Неронъ сжегъ (какъ говорятъ) Римъ, а потомъ мучилъ невинныхъ христіанъ, обвиняя ихъ напрасно въ поджогѣ, а себя выставляя праведнымъ судьей; Иванъ не жегъ Москвы: ее сжегъ Девлетъ-Гирей страхомъ своего появленія, по безразсудству и трусости Іоанна; зато Іоаннъ разорилъ Новгородъ и перемучилъ гораздо болѣе русскихъ христіанъ, чѣмъ Неронъ римскихъ, и, подобно послѣднему, обвинялъ свои жертвы въ небывалыхъ преступленіяхъ, а себя показывалъ грознымъ, но праведнымъ судьей. Неронъ уѣхалъ въ Грецію, дурачился тамъ съ художествами и науками, а Римъ предоставилъ произволу своихъ вольноотпущенниковъ; Іоаннъ уѣхалъ въ Александровскую слободу, разыгралъ тамъ комедію монашества, а Русь отдалъ на волю опричнины. Неронъ и Іоаннъ были равно жадны и корыстолюбивы, грабили области и не спускали первый языческимъ храмамъ, второй христіанскимъ монастырямъ. Неронъ хвастался, что онъ одинъ изъ римскихъ императоровъ могъ довести произволъ владыки до крайнихъ предѣловъ; Іоаннъ толковалъ о безпредѣльности своей царской власти и неограниченный произволъ самовластиа былъ его идеаломъ, цѣлью его дѣйствій и помысловъ. Неронъ былъ трусъ и при концѣ жизни показалъ такое малодушіе, что не могъ нанести себѣ смертельнаго удара; Іоанну не приходилось спасать себя отъ опасности, испытать то, чему онъ подвергалъ другихъ, но зато во все свое царствование онъ многообразно и многократно показывалъ крайнюю трусость и малодушіе. Правда, Іоаннъ каялся и посылалъ въ монастыри поминovenія по тѣмъ, которыхъ самъ убилъ, но это дѣлалось не потому, чтобы онъ возненавидѣлъ зло и обратился на путь добра: то было проявленіе трусости, московскій царь боялся царя небснаго и хотѣлъ его умиловить. Безсердечіе было одинаково, какъ у русскаго, такъ и у римскаго тиранна, только римскій не боялся своихъ боговъ. Наконецъ Неронъ хвастался великими способностями поэта, пѣвца, художника; Іоаннъ щеголялъ риторикою, богословствованіемъ, знаніемъ исторіи; вообще резонерствомъ. Но, по странному стеченію, московскій царь въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе римскаго императора. Нерона, сколько извѣстно, потомство не оцѣнило за его литературные и художественные труды, а московскаго тиранна превозносятъ теперь за «блескъ, юморъ, огромную начитанность, логичность изложенія» и признаютъ однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени. Зато Сенека оказался счастливѣе Сильвестра. Воздавая хвалу Ивану и противопоставая его литературнымъ произведеніямъ, творенія Сильвестра, какъ образчикъ «узкости

и мелочности», упускаютъ изъ вида то обстоятельство, что если Іоаннъ, котораго воспитаніе въ дѣтствѣ оставлено было въ крайнемъ небреженіи, отъ кого-либо набрался какихъ-нибудь свѣдѣній и науки писательства, то скорѣе всего отъ того же Сильвестра.

XXVI. ОБЪЯСНЕНІЕ ХАРАКТЕРА И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ІОАННА ГРОЗНАГО.

(Изъ «Истории Россіи» Соловьева).

Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицомъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Одно уже названіе *Грозный*, которое мы привыкли соединять съ именемъ Іоанна IV, указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда его, Іоанна III, называли также Грознымъ. Во второй половинѣ XVI в. борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходятъ до такой степени, что участвующіе въ ней не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно усилившаяся въ Москвѣ съ половины XV в. начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и является двое борцовъ — внукъ Іоанна III и Софіи Палеологъ, Іоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ ярославскихъ князей, московскій бояринъ, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало неприязни въ самомъ собраніи земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ сѣверной Руси князюству Московскому; какъ бояринъ и князь, Курбскій указываетъ перемѣну въ отношеніяхъ московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ, на начало борьбы при Іоаннѣ III, указываетъ на Софію Палеологъ, какъ на главную виновницу перемѣны, еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Іоанна III и Софіи, Василія, и въ Іоаннѣ IV видитъ достойнаго наслѣдника отцовскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполне объясняютъ намъ эти стремленія Іоанна IV, — стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ, и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недосыгаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ Стефану Баторію, многоятежнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ ему равенства съ царемъ московскимъ.

Мы видѣли, вслѣдствіе чего Іоаннъ дошелъ до ранняго сознанія борьбы, которую онъ долженъ былъ вести, до сознанія началъ, которыя онъ долженъ защищать отъ началъ противоположныхъ. Послѣднимъ, во время его малолѣтства, дана была возможность вполне обнаружиться, и это обнаруженіе вызвало противодѣйствіе, усиленное еще новыми извѣстными намъ обстоятельствами, характеромъ главнаго дѣятеля, образовав-

шимся также подъ вліяніемъ борьбы. Въ борьбѣ этой обнаружились значеніе и средства той и другой стороны; она бросила яркій свѣтъ и на прежнія отношенія, на древнюю исторію Руси. Чтобы уяснить себѣ характеръ отношеній между нашими древними князьями, намъ стоило только спросить у лѣтописцевъ, какъ эти князья звали другъ друга и какъ звали ихъ подданные. Встрѣчаемъ-ли мы въ древнихъ лѣтописахъ названія: князь кievскій, черниговскій, переяславскій, туровскій, полоцкій? Нѣтъ, мы этихъ названій не встрѣчаемъ; встрѣчаемъ одни собственные имена княжескія, которые приводятъ обыкновенно въ такое затрудненіе людей, начинающихъ заниматься древнею русскою исторіею. Чего нѣтъ въ древнихъ памятникахъ, того не должны мы искать въ древнемъ обществѣ: князья не титулуются по имени своихъ владѣній, слѣдовательно владѣнія эти не имѣли для нихъ первенствующаго значенія, и дѣйствительно видимъ, что они ихъ мѣняли; видимъ, что они называютъ другъ друга братьями, считаются, ведутъ споры о старшинствѣ по родовой лѣстницѣ; заключаемъ, что господствующія отношенія между ними были родовыя, а не по владѣніямъ. Обратимся съ тѣмъ же вопросомъ и къ дружинѣ княжеской, къ боярамъ, спросимъ: какъ ихъ зовутъ. При именахъ вельможъ Западной Европы мы привыкли встрѣчать частицы *фонъ, де*, съ собственными именами земельныхъ участковъ, замковъ. Если бы исчезли всѣ извѣстія о происхожденіи западно-европейскаго высшаго сословія, то изъ однихъ фамильныхъ именъ мы заключили бы, что имѣемъ дѣло съ землевладѣльцами, что владѣніе землею положено въ основу сословнаго значенія. Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ что встрѣтимъ? «Данило Романовичъ Юрьевича Захарина, Иванъ Петровичъ Оедоровича». Какъ у древнихъ князей, такъ и у бояръ нѣтъ слѣда отношенія къ земельной собственности, и одно явленіе объясняетъ другое: если князья не имѣли постоянныхъ волостей, мѣняли ихъ по родовымъ счетамъ, то и дружина ихъ мѣняла также волости вмѣстѣ съ ними, не могла уцѣлѣть на однихъ мѣстахъ, глубоко пустить корни въ землю, пріобрѣсти чрезъ землевладѣніе самостоятельное земское значеніе, зависѣла, получала средства существованія и значеніе отъ князя, или отъ цѣлаго рода княжескаго, ибо дружинники переходили отъ одного князя къ другому. Какой былъ главный интересъ русскаго боярина, это выражается въ его имени: къ имени, полученному при рожденіи или при крещеніи, онъ прибавляетъ имя отца, дѣда и прадѣда, носить съ собою свое родословіе и крѣпко стоитъ за то, чтобы роду не было порухи, униженія; отсюда понятно становится намъ явленіе мѣстничества: интересъ родовой господствуетъ. Когда князей было много, когда можно было переходить отъ одного изъ нихъ къ другому, выгодное положеніе дружинника обезпечивалось вполне этою возможностью; когда же эта возможность, съ установленіемъ единовластія, исчезла, дружинникъ долженъ былъ принять то положеніе, какое угодно было назначить для него единовластителю; сословныя отличія и преимущества не выработались, не опредѣлились закономъ: мы видѣли, что когда на поле или судебный поединокъ являлись съ одной стороны дѣти боярскія, а съ другой—крестьяне, и дѣти боярскія, по сословнымъ требованіямъ, отказывались биться съ крестьянами, то судья обвинилъ ихъ, ибо законъ молчалъ о сословныхъ различіяхъ. Въ отношеніяхъ княжескихъ въ сѣверной Россіи произошла перемѣна; здѣсь родная связь рушилась, волости обособи-

лись, и когда подчинились всё Москвѣ, то князья ихъ явились сюда съ волостными поименованіями. Но князья, отстранивъ отъ первыхъ мѣстъ, захвативъ, по тогдашнему выраженію, старинные роды боярскіе, не долго удерживаютъ за собою первенствующее положеніе, кромѣ титула скоро ничѣмъ болѣе не отличаются отъ остальныхъ членовъ служилого сословія, и многіе изъ нихъ даже забываютъ свои поименованія по волостямъ и сохраняютъ только имена, отъ личныхъ прозвищъ происходящія. Все это объясняетъ намъ, почему въ малолѣтство Іоанна IV мы видимъ только борьбу извѣстныхъ отдѣльныхъ родовъ за первенство, почему служилое сословіе такъ долго и упорно держалось за обычай мѣстничества: въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно изъ одной сферы, съ большою силою и упругостью обнаружится въ другой.

Древнее начало было сильно, вело упорную борьбу; но уже государству пошелъ седьмой вѣкъ, оно объединялось, старое съ новымъ начало сводить послѣдніе счеты: не мудрено, что появилось много важныхъ вопросовъ, важныхъ требованій. Вторая половина XVI в., царствованіе Іоанна IV, характеризуется преимущественно этимъ поднятіемъ важныхъ вопросовъ въ государственной жизни, наибольшее выставкою этихъ вопросовъ, если начали подниматься они и прежде, ибо въ исторіи ничто не дѣлается вдругъ. Такъ, опричнина, съ одной стороны, была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія царя къ своимъ старымъ боярамъ, но, съ другой стороны, въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніи старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся вслѣдствіе государственныхъ требованій и вслѣдствіе свободного доступа въ него отовсюду; подлѣ личныхъ стремленій Іоанна видимъ стремленіе цѣлаго разряда людей, которымъ было выгодно враждебное отношеніе царя къ старшей дружинѣ. Государство складывалось новое, сводило счеты съ старымъ: понятно, что долженъ былъ явиться и громко высказаться вопросъ о необходимыхъ перемѣнахъ въ управленіи, о недостаточности прежнихъ средствъ, о злоупотребленіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, являются попытки къ рѣшенію вопроса: губныя грамоты, новое положеніе дѣяковъ относительно воеводъ и т. д. Понятно, что въ то же время долженъ былъ возникнуть вопросъ первой важности, — вопросъ о необходимости пріобрѣтенія средствъ государственнаго благосостоянія, которыми обладаютъ другіе европейскіе народы: и вотъ видимъ первую попытку относительно Ливоніи. Вѣкъ задавалъ важные вопросы, а во главѣ государства стоялъ человѣкъ, по характеру своему способный приступить немедленно къ ихъ рѣшенію.

Къ сказанному прежде объ этомъ характерѣ, о его образованіи и постепенномъ развитіи намъ не нужно было бы прибавлять ничего болѣе, если бы въ нашей исторической литературѣ не высказывались объ немъ мнѣнія совершенно противоположныя. Въ то время, когда одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими очень не-лестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекли изъ обычнаго стрем-

ленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ; умъ человѣческій не любитъ живого многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатки въ предметъ любимомъ и достоинства въ предметъ возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лицо добромъ, и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить на одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ; если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются во что бы то ни стало оправдать своего героя и, наоборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства.

Такъ случилось и съ Іоанномъ IV: явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо, при ихъ совершеніи, царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтовъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе въ глазахъ Іоанна есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестью его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ. Вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностью, самовольство, самоуправство, говорить, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностью. Вотъ эти знаменитыя мѣста: «Вы ль растлѣнны, или я? Что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властью быть, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли, и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ». Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, пеголявшій остроуміемъ, ловкостью въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: «Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь; но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было неудобно, то зачѣмъ такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властью сдѣлавши, на насъ вину складываете!» Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринять не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: «Когда мы съ крестоносною хоругвью всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ казанскій и, получивъ неизреченнымъ Божиимъ милосердіемъ побѣду, возвращались домой,

то какое добротство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю». Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвинения и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: «Когда мы посылали на казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микудинскаго, съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла. Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? Такъ ли покоряются прегордые царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ казанскую землю, когда выходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы полагали дурные совѣты: когда запасы перетонули; то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благоприятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жалъ, и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣй домой возвратиться. Для этого скорого возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, если бы я васъ не удержалъ, то хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во время». Какъ согласить эти слова: «Я посылалъ», «еслибъ я васъ не удержалъ» съ словами: «Вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ»? Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно, изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ: они совѣтовали покорить Крымъ. «Послѣ взятія Казани—говоритъ Курбскій—всѣ мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенне окончить покореніе страны; но царь совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, — послушалъ совѣта шурей своихъ». Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 г. царь выступилъ противъ крымскаго хана, и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобы встрѣтить татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ — другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу

съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра и къ митрополиту, и къ царю. Это — посланіе Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: «Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Руси, и всему освященному собору благовѣщенскій попъ Сильверстишко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ государю Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьей и Семеномъ въ совѣтъ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалить; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ. Государь святой митрополитъ! Священникъ Семенъ про Матюшу мнѣ сказывалъ въ петровъ постъ на заутрени: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина, Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали-жъ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно: и мы то государю сказали-жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобъ онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣнилъ; но тогда царь и государь скоро въ Коломну поѣхалъ, и то дѣло позалеглось. А про Артемья, бывшаго троїцкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до троїцкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троїцѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфирій приходилъ къ благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ душевной и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и благоразсуднымъ смысломъ ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать». Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится-ли послѣдній занять мѣсто троїцкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него, и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ: когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы, дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владелъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя? Всего страннѣе предполагать, чтобы человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ. Наконецъ, мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана, послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, и относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не

должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитывались мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому, противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія своего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ относительно Іоанна IV мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III, потомокъ Всеволода III; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его въ началѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаниемъ, что походъ предпринять для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ, но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ. Сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ,—сцена, такъ просто и подробно рассказанная лѣтописцемъ,—даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія, точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, рассчитывая на успѣхъ предприятия и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или, вообще, сѣверные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставить Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ, то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ-ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно-ли оправдать человѣка нравственною слабостью, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладать съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь; но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ павшимъ въ борьбѣ, но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ; въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: «Я знаю, что я золъ», говорилъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему. Мы не можемъ не признать за нимъ большихъ дарованій и боль-

пой, возможной въ то время, начитанности; но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотять оправдать суровостью нравовъ времени: дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видѣли, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать смягченію нравовъ, не могъ приучить къ осторожному обхожденію съ жизнью и честью человѣка; дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло; такъ, напримѣръ, въ очень распространенномъ въ древности сказаніи Ивана Пересвѣтова «О царѣ турскомъ Магметѣ, какъ хотѣлъ сожещи книги греческія», строгій судъ и жестокія казни султана прославляются, какъ достойныя подражанія. Но возможность найти оправданіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе историческаго лица. да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI в., потому что оно было основано на другомъ началѣ, чѣмъ то общество, которымъ управлялъ Магметъ-салтанъ; оно было способно выставить человѣка, который указалъ Іоанну требованія этого основного начала; русское общество, выставивъ св. Филиппа, провозгласивъ устами этого пастыря требованіе своего основного начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высоту своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво, но онъ не созналъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ: надобно было отучать отъ этого; но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не созналъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда, или, что еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, приучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами, и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку. Онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя подмѣчаетъ скорбныя черты жертвъ, ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій. Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами: выросъ Грозный.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

XXVII. ПРИДВОРНЫЯ ИНТРИГИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА И СМЕРТЬ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

(Изъ «Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ» Кулиша).

Въ 1584 г. умеръ Іоаннъ IV. Ему наслѣдовалъ сынъ его Ѳеодоръ, юноша слабый здоровьемъ, застѣнчивый, склонный болѣе къ иноческой жизни, чѣмъ къ дѣламъ государственнымъ. И будучи наслѣдникомъ престола, и сдѣлавшись царемъ, онъ проводилъ время въ комнатѣ, убранной многочисленными иконами и освѣщенной многочисленными лампадами, за чтеніемъ св. книгъ, самъ нерѣдко надѣвалъ монашескую одежду, бесѣдовалъ долго съ иноками. Заботы правленія возложилъ онъ на членовъ верховной думы, предоставивъ себѣ только право миловать и благотворить. Къ нему являлся ежедневно въ четыре часа утра духовникъ съ крестомъ, благословіемъ, святой водой и съ образомъ угодника Божія, означеннаго на тотъ день въ святцахъ. Послѣ земныхъ поклоновъ и молитвъ предъ образомъ, отправлялся онъ къ своей супругѣ, царицѣ Иринѣ, и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ. Ѳеодоръ строго соблюдалъ налагаемые на себя посты и другіе благочестивыя обѣты.

Естественно, что члены верховной думы, имѣя въ своихъ рукахъ болѣе власти, нежели въ предшествовавшее царствованіе, старались взять верхъ одни надъ другими. Еще въ ночь кончины Іоанна Грознаго начальные люди раздѣлились на партіи: одни были преданы Ѳеодору, другіе младшему брату его, Димитрію. «Димитрій младенецъ,—говорили эти послѣдніе,—но въ немъ видѣнъ отцовскій умъ, а Ѳеодоръ хоть и взрослый, да разумомъ ребенокъ». Прежде всего осмѣлился высказать такую мысль бояринъ Богданъ Бѣльскій, которому царь Іоаннъ предъ смертью поручилъ надзоръ за воспитаніемъ Димитрія. Возведеніе на престолъ воспитанника доставило бы воспитателю первенство въ государствѣ. Родственники Димитрія, Нагіе, постарались распространить въ народѣ убѣжденіе въ пользу младшаго царевича, и далеко бы это пошло, если бы сторона царевича Ѳеодора не приняла мѣръ рѣшительныхъ. Къ Нагимъ приставлена была стража; нѣкоторые опасные люди

удалены были изъ столицы, и въ ту же ночь всѣ знатные москвитяне присягнули старшему брату.

Нагіе тогда поняли, что Дмитрію опасно оставаться долѣе въ Москвѣ, и поспѣшили увезти его въ городъ Угличъ, назначенный ему отцомъ въ удѣлъ. Бѣльскій самъ хлопоталъ объ этомъ, но хлопоталъ для того только, чтобъ удаленіемъ Θεодорова совмѣстника усыпить осторожность противной партіи. Онъ полагался на усердіе къ нему стрѣльцовъ, которые столько же любили въ немъ своего стараго предводителя (во время опричнины), сколько народъ его ненавидѣлъ. Съ его возвышеніемъ стрѣльцы сами надѣялись имѣть больше значенія, нежели подъ правленіемъ кроткаго Θεодора. Но сторона Θεодора была управляема братомъ его жены, Борисомъ Годуновымъ, человѣкомъ умнымъ, хитрымъ и рѣшительнымъ. Годуновъ происходилъ изъ рода мурзы Чета, поселившагося въ Москвѣ въ XIV в. Въ концѣ царствованія Іоанна IV Годуновъ пользовался весьма значительнымъ вліяніемъ. Родство съ Малютою Скуратовымъ много этому способствовало, а женитьба Θεодора Іоанновича на Иринѣ, сестрѣ Годунова, еще болѣе упрочила видное положеніе послѣдняго. Онъ повернулъ умы согражданъ противъ опаснаго соперника. Среди ночи неожиданно вспыхнулъ мятежъ. Купцы, ремесленники, жильцы московскіе и боярскія дѣти, сверкая при свѣтѣ фонарей ножами, рогатинами и боевыми сѣкирами, приступили къ Кремлю, обратили царь-пушку къ Фроловскимъ воротамъ и угрожали разбить ихъ. У стрѣльцовъ опустились руки при видѣ двадцатитысячной толпы раздраженнаго народа. На вопросы высланныхъ отъ царя сановниковъ нестройные крики множества голосовъ высказали подозрѣніе народа, будто бы Бѣльскій задумалъ возвратить времена опричнины и низложить царя. Въ то же время тысяча другихъ голосовъ кричала только: «Бѣльскаго! Выдайте намъ злодѣя Бѣльскаго!» Застигнутый такимъ образомъ посреди своихъ недовершенныхъ замысловъ, Бѣльскій потерялъ отвагу: забился въ царскую спальню, трепеталъ и молилъ о пощадѣ. Но приговоръ его напередъ уже былъ приготовленъ въ умахъ преверженцевъ Θεодора: Бѣльскаго немедленно сослали въ Нижній-Новгородъ на воеводство. Народъ, удовлетворенный успѣхомъ своего требованія, разошелся по домамъ съ восклицаніями: «Да здравствуетъ царь! Да здравствуютъ вѣрные бояре!» Все успокоилось. Но въ то время, когда народъ кричалъ противъ Бѣльскаго, въ толпѣ раздавались крики, направленные противъ Годунова. Годуновъ видѣлъ, что и онъ не принадлежитъ къ числу любимцевъ народныхъ, да и между боярами имѣетъ много завистниковъ; нелюбовь народа къ себѣ онъ не могъ объяснить иначе, какъ боярскими интригами.

Между боярами на первомъ мѣстѣ стоялъ князь Иванъ Мстиславскій, славный по знатности рода между придворными. Но его ограниченныя способности и робкій характеръ ясно доказывали, что это не его было дѣло. За нимъ слѣдовали потомки удѣльныхъ князей Шуйскихъ. Они потеряли удѣлъ въ борьбѣ съ великими князьями, сражались противъ Москвы подъ новгородскими знаменами и, когда Новгородъ палъ, перешли въ ряды бояръ московскихъ. На нихъ-то пала подозрительность Годунова. Онъ не имѣлъ еще средства дать имъ почувствовать свою силу, но, зная навѣрное, что съ этой стороны будутъ новыя на него покушенія, готовился къ противодѣйствію.

Между тѣмъ власть его въ государствѣ возрасла. Въ прежнее царствованіе онъ былъ любимымъ человѣкомъ грознаго государя; но сила его между вельможами заключалась только въ умственномъ превосходствѣ да въ тайномъ страхѣ, какой внушалъ онъ каждому своимъ хитрымъ и мстительнымъ характеромъ. Теперь онъ вдругъ взошелъ и титуломъ, и богатствомъ на возможно высокую степень въ государствѣ. Послѣ вѣнчанія Ѳеодоръ далъ ему древній, высокій санъ конюшаго и титулъ *ближняго великаго боярина* и намѣстника царствъ казанскаго и астраханскаго, а предоставленные ему доходы съ областей составляли, вмѣстѣ съ особымъ денежнымъ жалованьемъ, громадное богатство. Испуганный мятежемъ, Ѳеодоръ вручилъ ему безотвѣтственную власть въ управленіи царствомъ, и Бориса Годунова называли *правителемъ* не только въ отчествѣ, но и въ иностранныхъ государствахъ! Годуновъ теперь безъ труда привлекъ на свою сторону, по крайней мѣрѣ наружно, искуснѣйшихъ людей государственныхъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, а для связи съ старыми родами подружился съ именитѣйшимъ по происхожденію бояриномъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Шуйскіе, съ своей стороны, опирались на приверженность многихъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, на любовь простолудиновъ и на дружбу митрополита Діонисія, естественно имѣвшаго великое вліяніе на Ѳеодора; однако же боялись дѣйствовать прямо и зашли съ той стороны, съ которой Годуновъ меньше всего ожидалъ опасности: рѣшились дѣйствовать отъ имени сановитаго и почетнаго на Москвѣ князя Ивана Мстиславскаго. Мстиславскій былъ самый несчастный простакъ, клонившійся на всѣ стороны. Ласкаетъ его Годуновъ — онъ радуется своему почету у самовластнаго правителя; Шуйскіе говорятъ ему о родовомъ старшинствѣ — онъ вѣритъ, что ему легко достигнуть въ государствѣ старшинства дѣйствительнаго. Долго колебался между робостью и тщеславіемъ, старикъ наконецъ положился на могущество партіи Шуйскихъ и обѣщалъ, чего отъ него требовали: въ назначенный день позвать Годунова на пиръ и предать убійцамъ. Годуновъ открылъ заговоръ и надѣялся разомъ отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, но долженъ былъ ограничиться насильственнымъ постриженіемъ въ монахи бѣднаго Мстиславскаго, ссылкой въ дальнія мѣста Воротынскихъ, Головиныхъ и заточеніемъ въ темницы другихъ заговорщиковъ; Шуйскихъ же, при всей своей силѣ, на сей разъ, безъ явныхъ доказательствъ, коснуться не осмѣлился.

Вслѣдъ за тѣмъ Шуйскіе избрали другой путь отважный и рѣшительный. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ, у котораго были свои неудовольствія на Годунова, они составили отъ лица всего народа челобитную, въ которой всѣ сословія, уstraшенные будто бы мыслью, что безплодіе Ирины угрожаетъ отечеству прекращеніемъ Рюрикова дома, торжественно просятъ Ѳеодора развестись съ нею, отпустивъ въ монастырь, и взять другую супругу, чтобы имѣть наследника престола, для общаго спокойствія. Начали собирать подписки, а между тѣмъ волновали чернь, чтобы уstrашить Ѳеодора и заставить его на все согласиться. Но медленность и нѣкоторая гласность, неизбѣжныя при такомъ дѣлѣ, дали Годунову время принять свои мѣры. Судъ о разводѣ зависѣлъ отъ митрополита. Годуновъ слѣпшитъ въ палаты къ Діонисію и употребляетъ въ дѣло все, что могъ внушить ему, какъ духовному хранителю народнаго спо-

койствія, и все, чѣмъ искушаются люди со стороны честолюбія. Видѣть въ своей кельѣ самовластнаго правителя государства съ мольбою о спасеніи, обязать такого человѣка въ столь трудное для него время и обладать средствомъ привести снова его въ такое положеніе, въ умѣ Діонисія это значило, что отнынѣ онъ раздѣлитъ съ Годуновымъ поровну верховное господство надъ государствомъ. Годуновъ видѣлъ его насквозь со всѣми его попопзновеніями и, наружно предъ нимъ унижаясь, внутренне торжествовалъ надъ нимъ и върекалъ роковой приговоръ ему и его сообщникамъ.

Лишь только слухи о разводѣ стихли, нашелся доносчикъ на Шуйскихъ, что они въ заговорѣ съ московскими купцами и думаютъ измѣнить царю. Доносчикъ былъ ничтожный слуга самихъ же обвиняемыхъ; но его извѣту повѣрили и немедленно взяли подъ стражу главныхъ представителей фамиліи Шуйскихъ, вмѣстѣ съ друзьями ихъ. Нельзя было, однако же, употребить законной строгости съ Шуйскими, и потому придуманы средства незаконныя. Сдѣлали видъ, будто бы изъ уваженія къ заслугамъ падаютъ князя Ивана Петровича, знаменитаго защитника Пскона противъ Баторія, и отправили его на Бѣлоозеро, а князя Андрея Ивановича, по милосердію, въ Каргополь; но оба были тайно удушены. Прочихъ взятыхъ подъ стражу также разослали по дальнимъ городамъ, а нѣкоторымъ купцамъ, для острастки московской черни, всенародно отрубили головы. Митрополитъ Діонисій самъ ускорилъ свое паденіе. Въ порывѣ огорченія за друзей своихъ, онъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, явился въ царскія палаты и смѣло изъяснилъ царю поступки Годунова, незаконныя и опасныя для государства. Едва они удалились, Годуновъ внушилъ царю, что эти извѣтчики не пастыри церкви, а волки хищные въ одеждѣ овчей. Діонисія и Варлаама схватили въ тотъ же день, лишили сана и заточили въ дальніе монастыри. На первосвятительскій престолъ возведенъ былъ Іовъ, смиренный богомолецъ, устремлявшій все свое вниманіе на исправленіе духовенства и на церковное благолѣпіе. Онъ представлялъ противоположность Діонисію, гордому своими познаніями, высокоумному умомъ, пылкому сердцемъ, и Годуновъ, облекши его въ высшій духовный санъ, надѣялся сдѣлать изъ него послушное себѣ орудіе.

Чѣмъ больше возвышался Годуновъ въ государствѣ, тѣмъ больше обнаруживалъ правительственной дѣятельности: составлялись описи земель, населялись пустыни, пограничныя мѣста укрѣплялись новыми городами; судъ и расправа замѣтно улучшились. Имя Годунова было въ устахъ народа чаще всякаго другого имени. Здѣсь его славили за рѣшеніе судебного дѣла безъ проволочки, за оправданіе бѣдняка въ тяжбѣ съ богачемъ, за осужденіе родственника и ближняго человѣка по жалобѣ простолюдина; въ другомъ мѣстѣ построенныя на счетъ казны, безъ отягощенія жителей, гостинныя дворы, городскія стѣны и общественныя зданія производили въ народѣ самыя выгодныя о немъ толки. Даже въ переговорахъ съ иноземными государями и министрами московскіе послы величали его начальнымъ человекомъ въ Россіи, говорили, что вся земля отъ государя ему приказана и что никогда еще такого мудраго правленія въ ней не бывало.

Въ 1589 г. Феодоръ, по внушенію своего любимца, учредилъ въ Россіи патріаршество. Іовъ получилъ санъ патріарха московскаго и всея

Россіи. Умноживъ и возвыся такимъ образомъ духовныхъ сановниковъ, Годуновъ пріобрѣлъ въ нихъ, на всякій случай, крѣпкую себѣ опору.

Сановники свѣтскіе и потомки знаменитыхъ древнихъ родовъ, изъ личныхъ выгодъ, тѣснились вокругъ него усердною толпою. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Шуйскіе, таили въ душѣ желаніе и надежду отомстить ему за братьевъ и друзей; но благоразуміе заставляло ихъ до времени скрывать свои чувства. «На всѣхъ людей, — говорить лѣтописъ, напелъ страхъ, и всѣ стали ему покоряться и во всемъ творить его волю». Была, притомъ же, еще одна причина согласія аристократовъ съ Годуновымъ. Уже шесть лѣтъ Ѳеодоръ царствовалъ; слабость здоровья не общала ему долготѣія, а дѣтей у него не было. Умри Ѳеодоръ сегодня, завтра провозгласятъ царемъ Дмитрія; а извѣстно, что, по смерти Іоанна IV, Шуйскіе съ товарищами были, равно какъ и Годуновы, противниками Дмитріевой партіи. Молодой царевичъ воспитывался въ мрачномъ угличскомъ дворцѣ, похожемъ на монашескую обитель, вдали отъ брата, вдали отъ столицы. Ему было уже около девяти лѣтъ. Мать и дяди его, Нагіе, внушали ему ненависть къ московскому правительству, толковали объ ожидающемъ его престолѣ, призывали даже ворожей къ царевичу, чтобы узнать, долго ли жить Ѳеодору. Ходили слухи, что рѣзвый мальчикъ часто хвалился передъ дворцовыми слугами, какъ онъ отомститъ своимъ гонителямъ; говорили, что однажды, слѣпивъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми изъ снѣга нѣсколько человѣческихъ фигуръ, онъ назвалъ ихъ именами придворныхъ и началъ рубить саблею: одному отсѣкъ голову, другому руку, третьяго провѣзлъ насквозь, говоря будто бы: «Такъ будетъ имъ въ мое царство!».

Подобные слухи, при всей своей ничтожности, тревожили въ Москвѣ начальнѣйшихъ людей. Рѣшено было освободиться отъ опаснаго царевича насильственнымъ мѣрою. Незвѣстно, всѣхъ ли приверженцевъ Годунова должно упрекать въ этомъ ужасномъ замыслѣ наравнѣ съ нимъ, только убійство, очевидно было задумано въ Москвѣ. Выполнить его поручено было дяку Михаилу Битяговскому. Михайло Битяговскій, опредѣленный къ должности дворецкаго при царевичѣ, нашелъ средства согласить на кровавое свое дѣло брата своего Данила, племянника Качалова, мамку царевича боярыню Волохову и ея брата Осипа. Они условились сложить бѣду на падучую болѣзнь царевича, о которой распространились слухи въ Угличѣ и въ столицѣ, и выжидали только удобной минуты для совершенія ужаснаго своего предпріятія. Однажды, въ майское утро, мамка вывела царевича на крыльцо. Тутъ одинъ изъ убійцъ, взявъ его за руку, спросилъ: «У тебя государь новое ожерелье?—«Нѣтъ, старое», отвѣчалъ царевичъ, приподнявъ голову. Въ эту минуту сверкнулъ въ рукѣ убійцы ножъ; но ударъ по горлу былъ невѣренъ. Крикъ показавшейся въ дверяхъ кормилицы испугалъ злодѣя; онъ бросилъ ножъ и убѣжалъ. Но двое другихъ убійцъ вырвали несчастнаго царевича изъ рукъ кормилицы, зарѣзали и быстро скрылись. Мать прибѣжала на шумъ, но уже поздно: бездыханное тѣло сына, какъ будто оживленное ея воплемъ, затрепетало послѣднимъ трепетомъ. Вслѣдъ затѣмъ явились дяди царевича, Нагіе, и велѣли бить въ набатъ. Гонцы поскакали по всѣмъ улицамъ, отъ воротъ къ воротамъ: «Чего стоите? Царя у насъ нѣтъ», говорили они жителямъ, выскакивавшимъ на громкій стукъ ихъ. Страшная вѣсть облетѣла Угличъ въ одну минуту; каждый спѣшить ко дворцу.

Народъ отыскиваетъ убійцъ, влечетъ на мѣсто преступленія и, вмѣстѣ съ виновными, убиваетъ многихъ невинныхъ. Но страсти наконецъ успокоились, и Нагіе вмѣстѣ съ угличанами ужаснулись послѣдствій столькихъ убійствъ безъ суда законнаго. Написали донесеніе къ царю, отправили въ Москву гонца, а между тѣмъ постарались дать убитымъ Битяговскимъ съ товарищами видъ вооруженныхъ разбойниковъ. Однимъ вложили въ руку обогрѣнные куриною кровью ножи, на другихъ бросили желѣзныя палицы, сабли, самопалы и оставили въ ожиданіи суда изъ Москвы, а тѣло царевича Дмитрія положили во гробъ и поставили въ соборной церкви.

Въ Москвѣ давно ожидали этого извѣстія. Гонца къ царю не допустили, переписали грамоту по-своему, объяснили смерть Дмитрія падучею болѣзнію; Борисъ Годуновъ взялъ на себя увѣдомить Θεодора о горестномъ событіи. Благочестивый царь долго плакалъ, не говоря ни слова, и изъявилъ согласіе на предложеніе Бориса—для погребенія царевича и изслѣдованія дѣла отправить въ Угличъ митрополита Геласія, кн. Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешинина. Не удивительно, что Годуновъ выбралъ въ эту опасную для него комиссію митрополита Геласія: Геласій былъ обязанъ ему своимъ повышеніемъ. Не удивителенъ и выборъ Клешинина: онъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ злоумышленниковъ противъ Дмитрія. Но выбору Шуйскаго многіе дивились: съ этимъ именемъ каждый привыкъ соединять ненависть къ Годунову. Никто не подозрѣвалъ, что этого-то и хотѣлось дальновидному крамольнику. Онъ предвидѣлъ, что смерть царевича припишется ему, и въ доказательство совершенной своей невинности избралъ въ слѣдственные судьи своего стариннаго врага. Когда самъ Шуйскій привезъ изъ Углича подтвержденіе исторіи о падучей болѣзни царевича, это зажало рты многимъ обвинителямъ Годунова. А могъ ли онъ повредить Борису, когда противъ его внушеній Θεодору не устоялъ и самъ Діонисій, глава духовенства?

Патріархъ Іовъ, которому Θεодоръ передалъ на верховный судъ донесеніе членовъ угличской комиссіи, основался на этомъ донесеніи и объявилъ на соборѣ предъ царемъ, что «смерть царевича Дмитрія учинилась судомъ Божиимъ, и что Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей Битяговскихъ и другихъ велѣлъ побить напрасно, изъ личной злобы, за ихъ усердіе къ государю». «За столь великую измѣну—продолжалъ Іовъ—Михайло Нагой съ братьями и угличкіе мужики заслуживаютъ всякаго наказанія; но это дѣло земское, зависящее отъ гнѣва и милости государя, а наша обязанность молиться о типинѣ междоусобной брани». Θεодоръ, основавшись на этомъ мнѣніи, поручилъ судъ надъ «виновными» боярамъ; а тѣ, чтобы скрыть концы, разослали всѣхъ Нагихъ по темницамъ въ отдаленные города, несчастную мать Дмитрія постригли въ монахини и отправили въ дикую пустыню св. Николая на Быскѣ (близъ Череповца); около двухъ сотъ угличанъ, обвиненныхъ въ убіеніи невинныхъ, казнили смертью; многимъ отрѣзали языки, многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Целымъ.

Неизвѣстно, теперь-ли родилась въ умѣ Годунова мысль объ обладаніи московскимъ престоломъ, или уже и прежде она управляла его дѣйствіями; но съ этого времени царственное величіе, очевидно, сдѣла-

лось его цѣлью. Θεодоръ заболѣлъ, дряхлѣлъ и видимо приближался къ смерти; право на престолъ переходило послѣ него къ родственникамъ его, Рюриковичамъ, Гедиминовичамъ, Романовымъ; а кто бы изъ нихъ ни воцарился, паденіе временщика было неизбѣжно. Значитъ, уже не одно безграничное властолюбіе, но и самая заботливость о личной безопасности указывала ему, въ чемъ искать опоры. Нужно было только устранить соискателей престола и возвысить свое право надъ ними. Предусмотрительный умъ ясно представилъ Борису положеніе властей въ безгосударное время. Начальнымъ человѣкомъ дѣлался тогда патріархъ, и какъ, по недостатку прямого наслѣдника, предстояло избраніе на царство, то первый и сильнѣйшій голосъ въ этомъ избраніи принадлежалъ ему. Борису нужно было только заставить Θεодора завѣщать престолъ царицѣ Иринѣ, или, по крайней мѣрѣ, увѣрить въ томъ верховную думу. При содѣйствіи царскаго душеприкащика, Іова, легко было и этого достигнуть.

XXVIII. ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ДО ПРИКРѢПЛЕНІЯ ИХЪ.

(Изъ соч. Бяляева „Крестьяне и Русь“).

Отношеніе крестьянъ къ землѣ. По исконному убѣжденію русскаго народа, земля составляла основаніе всѣхъ отношеній человѣка къ обществу: безъ земли можно было быть княжимъ бояриномъ, слугою княжимъ и боярскимъ, монахомъ, священникомъ или другимъ духовнымъ лицомъ и вообще вольнымъ государевымъ человѣкомъ; но чтобы быть членомъ городской или сельской общины, для этого непременно должно было имѣть какую либо долю городской или сельской земли. Гость, купецъ, крестьянинъ не могли быть безъ земли, они считались принадлежащими къ той или другой общинѣ по землѣ, или, по тогдашнему выраженію, „по землѣ и водѣ тянули къ городу или волости“. Бояринъ, монастырь, прибрѣтая землю, чрезъ это самое дѣлались членами общины, по землѣ и водѣ тянули къ городу и, наоборотъ, крестьянинъ, купецъ, вообще тяглый человѣкъ, лишаясь земли, переставалъ быть тяглымъ человѣкомъ и членомъ общины. Въ XIV и XV вв. земли попрежнему были и общинныя, и частныя, и крестьяне могли жить или на общинныхъ земляхъ, или на своихъ собственныхъ, или на владѣльческихъ; отсюда и отношенія крестьянъ къ землѣ были различны.

1) Если крестьяне сидѣли на общинной или черной землѣ, то они пользовались ею только какъ члены общины, получая въ надѣлъ извѣстные участки или выти земли въ безсрочное пользованіе, такъ что на одномъ и томъ же участкѣ крестьянинъ могъ сидѣть цѣлую жизнь и передавать его своимъ наслѣдникамъ, но, разумеется, съ неизмѣннымъ условіемъ быть членомъ общины и „тянуть во всѣ общинныя разрубы и разметы“, т. е. уплачивать всѣ общинныя пошлины, лежащія на занимаемомъ участкѣ земли. Этотъ участокъ земли до нѣкоторой степени представлялъ какъ бы собственность крестьянина. Крестьянинъ, владѣющій участкомъ общинной земли, имѣлъ на нее всѣ права пользованія и распоряженія, могъ отдавать ее въ наемъ, могъ самъ воздѣлывать ее въ какихъ угодно видахъ. Община во все это не вступалась, крестьянинъ въ этомъ отношеніи былъ полнымъ хозяиномъ даннаго ему участка, только бы исполнялъ лежащія на немъ общинныя обязанности.

2) Если крестьянинъ сидѣлъ на своей собственной землѣ, имъ самимъ расчищенной изъ дикаго поля, или купленной у другаго землевладѣльца-собственника, то онъ былъ полнымъ собственникомъ, какъ и прочіе частные землевладѣльцы, могъ свободно какъ отчуждать ее, такъ и распоряжаться ею, могъ продавать, дарить, завѣщывать, отдавать въ наймы, селить на ней крестьянъ на свое имя.

3) Крестьяне, сидящие на чужой землѣ, т. е. на землѣ частнаго собственника, князя, боярина, монастыря, купца, крестьянина, — занимали землю только по взаимному соглашенію съ землевладѣльцемъ и, при недостаткѣ такого согласія, не могли оставаться на этой землѣ: земля эта вполне принадлежала своему собственнику, и крестьянинъ сидѣлъ на ней въ качествѣ безсрочнаго жильца, могъ просидѣть на ней цѣлую жизнь и даже передать ее своимъ дѣтямъ, но могло быть и такъ, что черезъ годъ, около Юрьева дня осенняго, онъ или самъ оставлялъ землю, или хозяинъ ссылалъ его. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы переселенія крестьянъ съ одной земли на другую были общимъ правиломъ; это скорѣе были исключенія, по крайней мѣрѣ въ XIV и XV вв. Крестьянинъ, живущій на чужой землѣ, имѣлъ право обрабатывать ее и пользоваться ея плодами, дѣлясь ими съ господиномъ на половину (изполовникъ), или по другимъ условіямъ; онъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣчалъ по занятой имъ землѣ предъ правительствомъ, онъ платилъ съ земли подати въ казну, какъ членъ общества, по землѣ онъ тянулъ судомъ и данью и иными пошлинами, по землѣ онъ былъ не наймитомъ, батракомъ, а наемщикомъ-домохованномъ. Крестьянинъ обыкновенно получалъ отъ господина дворъ и долю или выть пахотной земли и сѣнокоса и право вѣзжать въ лѣсъ, ежели таковой былъ, за что платилъ господину своею работою или произведеніями воздѣлываемой земли и оставался хозяиномъ даннаго участка, пока не оставлялъ его самъ, или пока землевладѣлецъ не сгонялъ его. Но иногда землевладѣлецъ отдавалъ крестьянину нѣсколько деревень со всѣми угодьями и предоставлялъ ему, какъ хозяину, населять отданныя деревни, призывать на нихъ крестьянъ и пользоваться всѣми доходами на известныхъ условіяхъ.

Отношенія крестьянъ между собою. Крестьяне по отношенію другъ къ другу составляли общины, которыя имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ, головъ, сотскихъ, старостъ и другихъ. Каждая община составляла отдѣльное юридическое или—скорѣе—административное цѣлое, впрочемъ, цѣлое свободное, а незамкнутое. Въ члены общины каждый поступалъ по своей волѣ, сядя на землю, которая или принадлежала къ общинѣ, или тянула къ ней въ административномъ отношеніи.

Крестьянскія общины были различны: у крестьянъ, живущихъ на черныхъ или общинныхъ земляхъ, самою большею общиною была волость, имѣвшая своего старосту; къ этой высшей общинѣ тянули низшія общины, села и большія деревни, приписанныя къ волости, имѣвшія также своихъ старостъ; къ селамъ тянули деревни и вообще мелкіе поселки. У крестьянъ, живущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, общину составляла вотчина, т. е. всѣ села и деревни, принадлежащія къ одному имѣнію и находящіяся въ одномъ уѣздѣ. Крестьянинъ, какъ свободный человѣкъ, какъ членъ русскаго общества, въ отношеніи къ землевладѣльцу былъ только жильцомъ-наемщикомъ, и всѣ отношенія ихъ были чисто-гражданскія, частныя, основанныя на взаимныхъ условіяхъ; общественныя же отношенія сюда не принадлежали, для нихъ была другая форма—община. Конечно, иногда богатые, сильные землевладѣльцы принимали на себя и общественныя отношенія крестьянъ, такъ что ихъ крестьяне ничѣмъ не тянули ни къ намѣстникамъ, ни къ волостямъ, ни къ другимъ общественнымъ властямъ; но это былъ не общій порядокъ, а привилегія, даваемая самимъ правительствомъ тому или другому землевладѣльцу изъ особенной милости, или по другимъ соображеніямъ; по общему же порядку общественныя отношенія крестьянъ шли мимо ихъ землевладѣльцевъ, при посредствѣ крестьянскихъ общинъ и ихъ старостъ и другихъ начальниковъ, выбираемыхъ самими крестьянами.

Отношеніе крестьянъ къ правительству. Всѣ крестьяне вообще, какъ городекіе, такъ и сельскіе, живущіе на собственныхъ земляхъ или на общинныхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ отношеніи къ правительству, судомъ и данью тянули по землѣ и водѣ, т. е. по мѣсту жительства. Они были подчинены намѣстникамъ, волостелямъ и другимъ начальникамъ, назначаемымъ отъ правительства, доставляли имъ кормы и другіе указанные доходы и тянули во всѣ пошлины, почему и назывались тяглыми людьми. Подати и службы, лежащія на крестьянахъ, были многообразны: такъ, напр., въ тверскихъ владѣніяхъ, по свидѣтельству тамошнихъ княжескихъ грамотъ, крестьяне платили дань, ямъ, тамгу, осминичее (кажется, съ получаемого отъ

земли хлѣба), медовое—отъ завѣтя пчеловодствомъ, кормы намѣстникамъ и волостелямъ и другимъ начальнымъ людямъ, сторожевое, писчее (кажется, на веденіе писцовыхъ книгъ), кромѣ того, также лежали на крестьянахъ службы, подвода, ратное дѣло, княжье дѣло. Хотя служба, подати и пошлины лежали на всѣхъ крестьянахъ безъ различія, какъ на живущихъ на собственныхъ и общинныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, но самый платежъ податей и пошлины и отправленіе службъ были неодинаковы. Крестьяне, живущіе на черныхъ земляхъ, платили въ казну больше, нежели крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, и даже между владѣльческими крестьянами не было равенства; крестьяне, живущіе на земляхъ боярскихъ и княжескихъ, платили менѣе, нежели крестьяне монастырскіе и церковные. Это различіе въ старое время опредѣлялось *сохами*. Въ старой Руси всѣ поземельныя владѣнія для раскладки податей и повинностей были разбиты на большія доли или единицы, называвшіяся *сохами* и заключающія въ себѣ отъ 1200 до 400 четвертей въ полѣ, т. е. по нынѣшней мѣрѣ, отъ 1800 до 600 десятинъ, смотря по тому, къ какому классу или кисти принадлежали земли, составляющія соху, т. е. были ли дворцовыя, вотчинныя, помѣстныя, монастырскія, или общинныя черныя. Правительство полагало одинаковую подать со всѣхъ сохъ безъ различія: напримѣръ, въ намѣстничій кормъ полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, бочку овса и воезъ сѣна съ сохи; но тяжесть платежа была не одинакова, ибо въ княжихъ и боярскихъ земляхъ соха была вдвое больше, нежели въ черныхъ земляхъ, а на большомъ пространствѣ было больше и крестьянъ. Слѣдовательно, платить было легче, ибо та же податная единица разлагалась на большее число плательщиковъ: напримѣръ, въ боярскихъ сохахъ приведенный выше намѣстничій кормъ разлагается на 300 плательщиковъ, въ монастырскихъ на 150, а въ черныхъ на сто плательщиковъ. Кромѣ различія въ платежѣ податей, крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, имѣли еще то отличіе въ отношеніяхъ къ правительству противъ крестьянъ, живущихъ на черныхъ или на общинныхъ земляхъ, что казенныя подати у нихъ иногда включались въ условіе съ землевладѣльцемъ; поэтому такіе землевладѣльческие крестьяне не знали никакихъ казенныхъ сборщиковъ и другихъ слугъ администраціи: все это, по условію, было въ вѣдѣніи землевладѣльца, господина; онъ представлялъ въ казну подати съ крестьянъ, Это условіе, кажется, было одною изъ важныхъ причинъ, почему даже богатые крестьяне, могшіе имѣть собственныя земли, охотно сажались на земляхъ сильныхъ частныхъ собственниковъ; они всегда предпочитали имѣть дѣло съ однимъ землевладѣльцемъ, который за нихъ отвѣчалъ предъ правительствомъ, лишь бы не сноситься съ разными сборщиками и правительственными слугами разныхъ вѣдомствъ.

О крестьянскомъ переходѣ. Черные люди или крестьяне, какъ городскіе, такъ сельскіе, свободно могли переходить и изъ городовъ въ деревни, и изъ деревень въ города, и какъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ на общинныя земли, такъ и съ общинныхъ земель къ частнымъ землевладѣльцамъ; но только сажаться на земли могли не иначе, какъ съ согласія или общинъ и общинныхъ начальниковъ, въ городѣ—сотниковъ, въ волостяхъ—старостъ, или съ согласія землевладѣльцевъ, если сажались на частныхъ земляхъ.

Такимъ образомъ, выходъ крестьянина былъ свободенъ и зависѣлъ или отъ самого крестьянина, или отъ землевладѣльца; поселеніе же крестьянина на новой землѣ условливалось непременно согласіемъ или хозяина земли, или начальника той общины, которой принадлежала земля: каждый могъ поселиться только тамъ, гдѣ его примутъ. Это было первое естественное ограниченіе свободного перехода крестьянъ съ одной земли на другую. Ограниченіе это, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и постепеннаго уменьшенія, вслѣдствіе этого, дикихъ полей и лѣсовъ, никому не принадлежащихъ, естественно должно было дѣлаться ощутительнѣе.

Второе важное ограниченіе свободного перехода крестьянъ состояло въ раздѣленіи крестьянъ на тяглыхъ и нетяглыхъ. По всѣмъ княжескимъ граматамъ тяглыхъ людей нельзя было переводить ни изъ города въ деревню, ни съ общинной земли на землю частнаго владѣнія. Переходъ тяглаго человека допускался только въ двухъ случаяхъ: или когда община согласится отпустить желающаго ее оставить, или когда выходящій изъ общины дастъ за себя от-

купъ. Собственно свободный переходъ съ одной земли на другую безусловно дозволялся только людямъ вольнымъ, которые живутъ за чужимъ тягломъ, не имѣютъ своей выти или доли общинной земли: таковы были сыновья при отцахъ, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ и вообще *захребетники*, *подсудники*, не вступившіе еще ни въ какое обязательство съ общиною, или уволенные отъ обязательства. Причина такого ограниченія состояла въ томъ, что всѣ тяглые люди вносились въ писцовую книгу, и за каждымъ внесеннымъ въ писцовую книгу была записана извѣстная выть земли, съ которой онъ долженъ былъ платить подати и тянуть во всѣ общинные разruby и разметы; а община отвѣчала за исправный платежъ тяглеца передъ правительствомъ, и въ случаѣ выхода его изъ общины, раскладывала его долю платежа на остальныхъ своихъ членовъ, до новыхъ писцовыхъ книгъ. Естественно, что законъ долженъ былъ останавливать переходъ тяглыхъ людей съ одной земли на другую, чтобы такимъ образомъ не отягощать общинъ излишнимъ платежемъ за вышедшихъ тяглецовъ и предоставлять выпускъ самимъ общинамъ, которыя и дозволяли выходъ или неисправнымъ, негоднымъ своимъ членамъ, имѣя въ виду замѣнить ихъ лучшими, или такимъ, за которыхъ вносился окупъ слѣдующихъ съ выходящаго тяглеца податей и другихъ общинныхъ расходовъ. Но, конечно, ограниченіе перехода для тяглыхъ людей на дѣлѣ не уничтожало этого перехода, а только стѣсняло его, ибо своевольныхъ переходовъ или побѣговъ тяглыхъ людей было не мало, чему доказательствомъ служатъ многія жалобы общинъ, что платить подати тяжело, что люди разбѣжались.

Третье общее ограниченіе свободного перехода крестьянъ состояло въ назначеніи законнаго срока въ году, мимо котораго крестьянинъ не могъ переходить съ одной земли на другую. Срокомъ для перехода крестьянъ во владѣніяхъ князей московскаго дома былъ Юрьевъ день осенній. По закону, крестьяне, вышедшіе не въ срочное время, возвращались на старое мѣсто жительства доживая до срока; равнымъ образомъ и землевладѣльцы не могли выгонять крестьянина мимо этого срока. Впрочемъ, это ограниченіе крестьянскаго выхода Юрьевымъ днемъ предотвращало только безпорядки переходовъ и ограничивало произволъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, но нисколько не отрицало права свободного перехода: крестьянинъ, перешедшій съ одной земли на другую не въ срокъ, возвращался назадъ только для того, чтобы дожить до срока, и, доживши, могъ перейти безпрепятственно. Здѣсь собственно охранялся только частный интересъ или крестьянина, или землевладѣльца; другихъ цѣлей общественныхъ законъ здѣсь не имѣлъ въ виду. Кромѣ общихъ мѣръ ограниченія свободного перехода крестьянъ съ одной земли на другую, установленныхъ нами, мы встрѣчаемъ еще частныя, временныя мѣры противъ того же перехода. Такъ, свободный переходъ крестьянъ иногда ограничивался тѣмъ, что частные землевладѣльцы не имѣли права перезывать крестьянъ изъ тѣхъ же волостей, гдѣ находились ихъ недвижимыя имѣнія. Такимъ образомъ переманиваніе крестьянъ съ общинныхъ земель затруднялось, ибо переводить крестьянъ изъ дальнихъ волостей было не такъ удобно, какъ изъ сосѣднихъ общинъ, съ одной стороны потому, что на отдаленныхъ крестьянъ землевладѣльцу труднѣе дѣйствовать, а съ другой стороны и потому, что самая перевозка крестьянъ изъ дальнихъ волостей представляетъ болѣе затрудненій.

Такимъ образомъ, въ XIV и XV вѣкахъ, по граматамъ русскихъ князей, переходъ крестьянъ съ одной земли на другую и отъ землевладѣльца къ землевладѣльцу былъ не совсѣмъ свободенъ и подвергался разнымъ ограниченіямъ; даже встрѣчались частныя мѣры какъ-бы прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Впрочемъ, въ сущности все это не уничтожало общаго права крестьянъ переходить съ одной земли на другую и права землевладѣльцевъ ссылать однихъ поселенцевъ и принимать другихъ, а только законно полагало мѣру и границы для обузданія своеволия и прекращенія безпорядковъ; всѣ ограниченія относились только къ извѣстнымъ условіямъ, или были мѣрами временными, частными. Всѣ крестьяне въ XIV и XV вв. и по закону, и на дѣлѣ были людьми свободными и, безъ всякихъ отношеній къ мѣсту жительства, составляли одинъ классъ народа съ одними общественными правами и обязанностями; крестьянами назывались только домовладѣльцы, имѣвшіе землю или свою, или общинную, или чужую, на которой они жили какъ жильцы, нанимая ее на разныхъ частныхъ условіяхъ и съ непрѣмнымъ общимъ условіемъ тянуть

тягло, т. е. платить казенные подати и отправлять повинности по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. Необходимое условіе, чтобы быть крестьяниномъ, было хозяйство на извѣстномъ участкѣ земли городской или сельской; но владѣльческое отношеніе къ землѣ здѣсь не принималось въ расчетъ: было ли хозяйство крестьянина на собственной землѣ, или на общинной, или на землѣ частнаго владѣльца,—это все равно: во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянинъ пользовался одинаковыми общественными правами и обязанностями. Крестьянинъ съ землею и земля съ крестьяниномъ тѣсно были связаны; всѣ отношенія крестьянина къ обществу и государству опредѣлялись землею, и всѣ отношенія земли, какъ крестьянской земли, условливались хозяйствомъ крестьянина. Сверхъ того, крестьянинъ, какъ свободный членъ русскаго общества, имѣлъ право переходить не только съ одной земли на другую, изъ города въ село и изъ села въ городъ, но и могъ поступать въ другіе классы общества: въ купцы, въ духовенство и въ служилые люди у князя,—разумеется, съ однимъ неперемѣннымъ условіемъ, если община его отпустить или за откупъ или какъ нибудь иначе.

Крестьяне во время Судебниковъ. Судебники 1497 и 1550 годовъ въ сущности не измѣнили ни отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и къ землѣ ни ихъ значенія, какъ членомъ общества. Крестьяне и по Судебникамъ признаны свободными людьми, сидящими или на своихъ, или на общинныхъ, или на владѣльческихъ земляхъ; даже попрежнему и по Судебникамъ признанъ законнымъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день осенній. Но Судебники, съ одной стороны, скрѣпили и опредѣлили положительнымъ закономъ верховной власти то, что уже прежде было утверждено обычаями; а съ другой стороны—постепенное развитіе государства, съ утвержденіемъ единодержавія и съ уничтоженіемъ удѣльнаго разнораздѣла, многое измѣняя или усовершенствуя въ общественномъ устройствѣ, естественно не могло миновать крестьянства. И ежели немного измѣненій досталось по Судебникамъ на долю крестьянъ, то, по крайней мѣрѣ, многое, при столкновеніи съ общими нововведеніями, сдѣлалось болѣе яснымъ и опредѣленнымъ. Но, что всего важнѣе, Судебники и послѣдующее законодательство прямо свидѣтельствуютъ, что крестьяне, какъ свободные члены русскаго общества, получили на свою долю тѣ же самыя права и то же участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какія достались и прочимъ классамъ общества; а это прямо указываетъ что и прежде, до Судебниковъ, права крестьянъ были такъ же широки, какъ и по Судебникамъ.

Первый важный законъ Судебниковъ, — законъ свободного перехода крестьянъ съ одной земли на другую,—есть ничто иное, какъ подтвержденіе прежнихъ законовъ о томъ же предметѣ; даже срокъ перехода, Юрьевъ день осенній, также прежній. Видимая новостъ Судебника, платежъ за пожилое (ссуда), въ сущности не была новостью, ибо и прежде крестьянинъ не могъ отойти отъ землевладѣльца, не рассчитавшись съ нимъ; Судебникъ здѣсь только опредѣлилъ общій порядокъ и установилъ цѣну за пожилое.

Во-2-хъ. Облегчая расчеты крестьянина съ землевладѣльцемъ, Судебники въ то же время строго наблюдаютъ, чтобы при крестьянскихъ переходахъ не пропадали казенныя подати. По судебнику 1550 г., крестьянинъ, даже отходя отъ землевладѣльца и освобождаясь отъ господскихъ работъ, не переставалъ платить государевыхъ податей съ оставленной имъ земли до тѣхъ поръ, пока не сниметъ съ этой земли своего хлѣба. Мало этого: Судебникъ строго взыскиваетъ казенныя подати даже съ крестьянина, продававшагося въ полные холопы (рабы), пока его хлѣбъ стоитъ въ полѣ, или, въ противномъ случаѣ, хлѣбъ этотъ отбирается въ казну. Здѣсь законъ ясно отличаетъ частныя, гражданскія отношенія крестьянъ отъ ихъ же отношеній государственныхъ. Судебникъ не снимаетъ съ крестьянина воли записываться въ холопы, но требуетъ, чтобы онъ напередъ исполнилъ лежавшія на немъ общественныя обязанности по званію свободного члена русскаго общества.

Въ-3-хъ. Судебникъ, не снимая съ крестьянина воли записываться въ холопы, въ то же время ограждаетъ его отъ холопства, если онъ не хочетъ принять его. Такъ, по Русской Правдѣ, въ старое время закупъ обращался въ обѣльнаго раба, если господинъ выручитъ его, т. е. заплатитъ за него всѣ судебныя иски по тѣмъ или другому преступленію. По царскому Судебнику,

напротивъ, вырученный господиномъ въ судебномъ искѣ, крестьянинъ оставался свободнымъ и не лишался права переходить къ другому господину.

Въ 4-хъ. Царскій Судебникъ, согласно съ прежними узаконеніями и обычаями, признаетъ крестьянскую общину, и не только признаетъ ее, но и утверждаетъ за нею разныя права и преимущества, одинаковыя съ правами и преимуществами другихъ общинъ. По царскому Судебнику, намѣстники, волостели и всѣ другіе правители, назначаемые государемъ въ города и волости, не могли судить суда безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей общины. Форма, въ которой Судебникъ требуетъ непремѣннаго присутствія лучшихъ людей на судѣ, не исключаетъ и не полагаетъ различія между общинами крестьянъ, живущихъ на собственнымъ земляхъ, на общинныхъ и на владѣльческихъ; слѣдовательно, и крестьяне владѣльческіе отъ своихъ общинъ посылали своихъ выборныхъ людей для присутствія на судѣ волостеля или намѣстника. Кромѣ того, каждая община или волость, чья бы она ни была, по Судебнику должна была имѣть не только своихъ выборныхъ людей и старостъ на судѣ, но и своего земскаго дьяка, который писалъ на судѣ дѣла своихъ волостныхъ людей. Крестьянская община, точно такъ же, какъ и городская, по Судебнику признавалась первою защитницею своихъ членовъ. Намѣстники и волостельныя люди ни по суду, ни до суда не могли взять крестьянина безъ согласія общинныхъ выборныхъ начальниковъ, старостъ и цѣловальниковъ, или, въ противномъ случаѣ, подвергались пенѣ. Относительно крестьянской общины царскій Судебникъ, кажется, ввелъ только одну новостъ — земскихъ волостныхъ дьяковъ, о которыхъ не упоминается даже въ Судебникѣ 1497 г. Такимъ образомъ, по Судебникамъ были утверждены всѣ прежнія права крестьянъ: крестьяне попрежнему всѣ признаны свободными членами русскаго общества, безъ всякаго различія, на какихъ бы земляхъ они ни жили; мѣстожителство попрежнему осталось чисто-частнымъ гражданскимъ отношеніемъ крестьянъ и въ сущности не измѣняло ихъ общественныхъ отношеній. Всѣ крестьяне безъ различія составляютъ одинъ опредѣленный классъ русскаго общества, и Судебники не представляютъ и намековъ на различіе между крестьянами, живущими на своихъ или общинныхъ земляхъ, и между крестьянами на земляхъ владѣльческихъ. Самое устройство крестьянскихъ общинъ у тѣхъ и другихъ крестьянъ получило одинаковую форму; мало этого: крестьянскія общины по Судебникамъ, нисколько не отличены отъ общинъ городскихъ: и въ тѣхъ, и въ другихъ одни и тѣ же права и обязанности, одинаковыя выборные начальники съ одинаковымъ значеніемъ. Въ городскихъ общинахъ были выборные старосты, цѣловальники и земскіе дьяки, и такіе же старосты, цѣловальники и земскіе дьяки были и въ крестьянскихъ волостныхъ общинахъ; въ города присылались отъ правительства намѣстники, въ волости волостели; у намѣстниковъ въ судѣ участвовали выборные старосты и цѣловальники изъ городскихъ общинъ, и у волостелей также присутствовали на судѣ выборные старосты и цѣловальники крестьянскихъ общинъ; городскія общины защищали своихъ членовъ и дѣлали между ними раскладки казенныхъ податей и повинностей, и на крестьянскихъ волостныхъ общинахъ лежали тѣ же права и обязанности; городскія общины, по Судебникамъ, имѣли надзоръ за своими членами при посредствѣ выборныхъ сотскихъ и десятскихъ; то же самое было и въ общинахъ волостныхъ крестьянскихъ. Вообще, по Судебникамъ, согласно съ прежними исконными обычаями, устройство городскихъ и сельскихъ общинъ было одинаково, и жителство крестьянъ на общинныхъ или на владѣльческихъ земляхъ здѣсь не полагало никакого различія. Землевладѣльцы вообще не касались общественныхъ отношеній крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ. Крестьяне, при свободномъ переходѣ съ владѣльческихъ земель на общинныя и съ волостныхъ на городскія и наоборотъ, естественно не могли утратить своего общаго характера. А свободный переходъ крестьянъ Судебники даже во многомъ облегчили, отдѣливши отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ по ссудамъ отъ отношеній по землѣ и яснѣ опредѣливши поземельныя отношенія. Вообще конецъ XV в. и почти весь XVI в. были временемъ самаго полнаго развитія крестьянскихъ общинъ; все, выработанное прежнею жизнью для крестьянскихъ общинъ, теперь получило полное утвержденіе и опредѣленіе. Не только Судебники, но и всѣ современныя имъ памятники ясно свидѣтельствуютъ, что грозные государи московскіе Іоаннъ III и Іоаннъ IV были самыми усердными утвердителями исконныхъ крестьянскихъ правъ, и особенно царь Іоаннъ IV постоянно стремился къ тому,

чтобы крестьяне въ общественныхъ отношеніяхъ были независимы и, согласно съ исконными русскими обычаями, имѣли одинаковыя права съ прочими классами русскаго общества.

Общее заключеніе о крестьянствѣ XVI вѣка. Вообще крестьяне XVI в. получили полное развитіе своихъ правъ, какъ люди свободные, полноправные члены русскаго общества, составляющіе особый, самостоятельный классъ. Въ XVI в. законъ гласно призналъ за крестьянами всѣ ихъ права, выработанныя жизнью русскаго общества. Свободный переходъ крестьянъ съ одной земли на другую получилъ значительное облегченіе строгимъ отдѣленіемъ поземельныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ отъ отношеній по ссудамъ. Личность крестьянина, какъ полноправнаго члена въ обществѣ, приобрѣла для себя сильную опору въ равенствѣ суда для всѣхъ классовъ общества и въ пенѣ за безчестіе, утвержденныя закономъ, а также въ зависимости отъ крестьянской общины, а не отъ произвола землевладѣльцевъ. А крестьянскія общины, безъ различія на владѣльческія, или на черныя земли, получили такую самостоятельность и такія права собственнаго суда и управленія, какими прежде рѣдко пользовались самыя богатые и сильныя землевладѣльцы, и почти совершенно сравнялись съ городскими общинами. Самое владѣніе землею получило больше прочности и самостоятельности противъ прежняго времени. Конечно, община или землевладѣлецъ попрежнему могли еще сослать неисправнаго крестьянина съ земли; но они не имѣли права убавить или прибавить участокъ земли противъ порядной записи; земля, составляющая тягловую долю крестьянина, оставалась неприкосновенною, пока крестьянинъ исправно тянулъ съ нея тягло; власть его надъ этимъ участкомъ простиралась до того, что онъ могъ мѣнять и продавать его людямъ, соглашающимся нести тягло. Иногда крестьяне до того простирали свою власть на землю, принадлежащую частнымъ владѣльцамъ, что удерживали ее за собою противъ воли собственниковъ, и собственники, чтобы сослать такого крестьянина съ ихъ земли, должны были прибѣгать къ помощи правительства. Конечно, это со стороны крестьянъ было явное злоупотребленіе; но самая возможность такого злоупотребленія уже свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи крестьянской самостоятельности. Но рядомъ съ обширнымъ развитіемъ и законнымъ признаніемъ крестьянскіе полноправности XVI вѣкъ представляетъ постепенное стѣсненіе матеріальныхъ средствъ въ крестьянствѣ.

Земля, этотъ основной капиталъ землевладѣльца, незамѣтно, но быстро ускользаетъ изъ крестьянскихъ рукъ. Государи московскіе Іоаннъ III и Іоаннъ IV, такъ много сдѣлавшіе для развитія крестьянской полноправности, едва-ли не въ большихъ размѣрахъ способствовали постепенному переходу земли изъ крестьянскихъ рукъ въ руки служилыхъ людей, или въ непосредственное распоряженіе гравительства. Признавая всю землю государственною, безъ различія, въ чьихъ бы рукахъ она ни была, они постоянно имѣли въ виду, чтобы земля изъ службы не выходила, и поэтому смѣло измѣняли ея назначеніе, соображаясь съ тѣмъ, гдѣ служба земли представлялась болѣе выгодною для государства. Оказывалась ли у правительства нужда въ деньгахъ, земли большими массами отдавались на оброкъ; нужны ли были служилые люди, земли поступали въ помѣстья и вотчинныя дачи; встрѣчались ли недочеты въ оброчномъ содержаніи, земля переводилась на прямое государственное тягло, по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. Вообще на каждое новое требованіе, на каждую нужду правительства отвѣчала земля. Конечно, почти все это дѣлалось и прежде, но далеко не въ тѣхъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ XVI в. Мы знаемъ, что удѣльные князья въ прежнее время раздавали земли и въ помѣстья, и въ вотчины, и отдавали на оброкъ; но эта раздача по самой уже слабости удѣльнаго правительства была слишкомъ ограничена. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились государи московскіе въ XV в. Завоеваніе Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани и другихъ огромныхъ земель и совершенное уничтоженіе удѣловъ поставили ихъ на такую высоту, что съ ихъ государственною властью власть прежнихъ князей нельзя уже и сравнивать; въ прежнее время князья болѣею частью *смотрѣли изъ рукъ народа*, а у московскихъ государей XVI в. народъ сталъ смотрѣть изъ ихъ рукъ и, какъ милость, получалъ отъ нихъ утвержденіе неприкосновенности своихъ правъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, по совершенномъ покореніи Новгорода, въ Вотской пятинѣ

около трети отдалъ въ помѣстья своимъ служилымъ людямъ, а остальное предоставилъ монастырямъ и земцамъ новгородскимъ; такія же распоряженія московскихъ государей были въ Твери, Псковѣ, Смоленскѣ, Казани и въ другихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Москвѣ. Московскіе служилые люди и переселенцы охотно сдѣлились въ завоеванныхъ земляхъ, розданныхъ имъ щедро рукою, и, конечно, не гнались за тѣмъ, что богатое государское жалованье имъ давалось съ непремѣннымъ условіемъ службы, на помѣстномъ правѣ, или съ иными какими ограниченіями, ибо богатство государскаго жалованья съ лѣтвою выкупало невыгоды службы и другія ограниченія. Переселенцы же изъ завоеванныхъ земель въ московскія волости рады были занимать отведенныя имъ земли на условіяхъ, назначенныхъ правительствомъ, лишь бы вовсе не остались безъ земель. Такимъ образомъ, огромныя завоеванія московскихъ государей въ XVI в. не только распространили московскія владѣнія на всю Русскую землю и даже далеко за ея прежніе предѣлы, но и способствовали къ тому, чтобы всю землю, состоящую въ московскихъ владѣніяхъ, мало по малу ввести въ службу и въ тягло, ибо за новыми поселенцами изъ завоеванныхъ земель легко было распространить тяжести службы и тягла и на старожильцевъ во всѣхъ московскихъ владѣніяхъ. Въ царствованіе царя Ивана Васильевича особенно была развита раздача земель въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ. Упорныя и продолжительныя войны этого государя съ Казанью, Ливонією, Польшею и Швецією требовали постоянно огромныхъ войскъ, какихъ не бывало при прежнихъ русскихъ государяхъ: такъ, еще въ первую ливонскую войну, бывшую въ 1555 году, псковскій лѣтописецъ насчитываетъ до полутораста тысячъ воиновъ; казанскіе походы, вѣроятно, были еще многочисленнѣе; въ походѣ на Полоцкъ одной только *посохи* съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ было 80 т. человекъ; во время войны съ Баторіемъ у царя подъ Нарвою было собрано 300 т. войска, и, наконецъ, по всей украинской линіи, противъ крымскихъ и нагайскихъ татаръ, каждое лѣто стояли полки по Окѣ и по другимъ рѣкамъ, и сторожи по городкамъ и засѣкамъ отъ Алатыря до Путивля. Такимъ образомъ, въ царствованіе Іоанна IV Московское государство въ разные годы имѣло по крайней мѣрѣ до милліона войска разныхъ названій и разныхъ способовъ содержанія; изъ этихъ войскъ по крайней мѣрѣ половина, т. е. до полумилліона людей, постоянно получали на свое содержаніе помѣстныя дачи, а судя по тому, что въ 1550 г., въ царскомъ приговорѣ, на 1,050 человекъ бояръ и дѣтей боярскихъ, изъ помѣщенныхъ въ Московскомъ уѣздѣ, отъ Москвы за 60 и за 70 верстъ, было назначено 118,000 чети земли, должно допустить, что къ концу царствованія Іоанна IV было въ помѣстной раздачѣ по крайней мѣрѣ до 60 милліоновъ четвертной земли *). Кромѣ того, на содержаніе во время походовъ другого полумилліона войскъ, не получавшихъ помѣстій, а также для пособія и помѣщикамъ въ военное время, нужны были огромныя суммы денегъ. Если въ 1563 г. самому послѣднему разряду войскъ, *посохъ*, для полоцкаго похода давалось по 5 рублей конному и по 2 рубля пѣшему воину, а въ то время 6 рублей равнялись фунту серебра, то для полоцкаго лишь похода на одну посоху, которой тамъ было 80 т. человекъ, должно было собрать, по крайней мѣрѣ, 180,000 рублей или 30 т. фунтовъ серебра. Какое же огромное количество нужно было на веденіе всѣхъ войнъ, бывшихъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ? А едва-ли не большую часть всѣхъ издержекъ должна была выплачивать земля, записанная въ тяглѣ.

*) Царь Иванъ Васильевичъ могъ раздавать земли въ такихъ размѣрахъ безпрепятственно и во вновь покоренныхъ краяхъ, и въ старыхъ московскихъ владѣніяхъ, ибо, при свободномъ переходѣ крестьянъ и при зависимости ихъ не столько отъ землевладѣльцевъ, сколько отъ своихъ общинъ, права крестьянъ почти нисколько не нарушались при переходѣ земель изъ одного владѣнія въ другое. Крестьяне, при переходѣ черной земли въ помѣстное или вотчинное владѣніе, конечно, должны были нести подати и въ пользу государства, и въ пользу помѣщика или вотчинника; но на дѣлѣ подати эти отнюдь не были двойными, ибо по сошной раскладкѣ съ помѣстныхъ или вотчинныхъ земель шло въ казну почти вдвое менѣе, чѣмъ съ черныхъ земель, и сверхъ того крестьяне въ помѣшникъ или вотчинника находили своего покровителя и часто помощателя ссудой, а ежели онъ былъ тяжемъ для нихъ, то они могли свободно оставлять его земли.

Принимая въ соображеніе такія огромныя траты земли и денегъ, понятно, что положеніе крестьянъ въ XVI в. должно было сдѣлаться тяжелымъ и по мѣстамъ невыносимымъ, особенно тамъ, гдѣ производились военныя дѣйствія, сопровождаемыя, по обычаю, страшнымъ грабежомъ и опустошеніями. Поэтому насъ нисколько не должны удивлять огромныя пространства пустопорожнихъ земель, указываемыя писцовыми книгами XVI в. и другими памятниками. А тѣмъ меньше мы должны приписывать такое запустѣніе земель свободному переходу крестьянъ; самые памятники вездѣ жалуются и приписываютъ запустѣніе не свободному переходу, а другимъ причинамъ: голоду, повальнымъ болѣзнями, войнѣ, плохому хозяйству землевладѣльцевъ и тяжести податей и повинностей.

Свободный же переходъ крестьянъ ни въ одномъ памятникѣ не представляется причиною запустѣнія земель. Да и дѣйствительно, съ земли выгодной, не опустошенной, необремененной невыносимыми податями и повинностями, и при свободѣ перехода, крестьянинъ не имѣлъ надобности переходить; перемѣна мѣстожителства для землевладѣльца, по самой природѣ его промысла, весьма неудобна и отяготительна, поэтому онъ рѣшается на нее только въ крайности.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ оставленія земель крестьянами, слѣдствіе опустошенія или несоразмѣрнаго отягощенія податями и повинностями, было то, что подати и повинности еще невыносимѣе ложились на крестьянъ, оставшихся на своихъ мѣстахъ, ибо за опустѣлыя выти по порядку платили живущіе выти до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ. А это породило новое искусственное запустѣніе земель, особенно у помѣщиковъ и вотчинниковъ многоземельныхъ и богатыхъ, желавшихъ привлечь къ себѣ побольше крестьянъ и въ то же время разсчитывавшихъ облегчить имъ разныя повинности и казенныя подати не на свой счетъ, а на счетъ казны. Они это дѣлали обыкновенно такъ: при составленіи писцовыхъ книгъ всѣми мѣрами старались показать за собою земли сколько можно меньше заселенной и сколько можно больше пустой, дабы такимъ образомъ, въ общей раскладкѣ, писцы на ихъ имѣнія, какъ пустующія, положили менѣе податей. Для этой цѣли они обыкновенно, во время составленія писцовыхъ книгъ, удаляли крестьянъ съ своихъ земель, даже прятали въ лѣсахъ, а по составленіи книгъ или опять приглашали на старыя поселенія, или переманивали къ себѣ съ общинныхъ земель и отъ небогатыхъ землевладѣльцевъ, не умѣвшихъ показать свои земли запустѣлыми. При обшемъ отягощеніи крестьянъ казенными податями и повинностями, такая уловка богатыхъ землевладѣльцевъ почти всегда удавалась, и крестьяне охотно шли на ихъ земли, значительно такимъ образомъ облегченныя въ несеніи казенныхъ податей и повинностей противъ другихъ земель. Въ случаѣ нужды, богатые землевладѣльцы употребляли и насиліе для умноженія своихъ крестьянъ, а вслѣдъ за богатыми землевладѣльцами то же дѣлали и черныя волости, гдѣ случались ловкіе начальники. О такихъ продѣлкахъ, очень невыгодныхъ для казны и невыносимо тягостныхъ для крестьянъ; мы имѣемъ свидѣтельства въ официальныхъ памятникахъ XVI в. Такъ, въ царской граматѣ новгородскимъ дьякамъ, отъ 20-го января 1556 г., сказано, что по всѣмъ новгородскимъ пятинамъ, при описи 1554 г., многія земли названы пустыми, а послѣ розыску оказалось, что „многія обжи за дѣтми боярскими паханы и кошены, а въ первыхъ обыскѣхъ писаны пусты, непаханы и некошены“. И царь писалъ къ дьякамъ: „И вы бѣ, дьяки наши, того сыскавъ до прѣма, да на тѣхъ людяхъ, кто тѣ пустыя обжи пахать и косить, и на тѣхъ, кто въ обыску зымѣ сказывалъ, что тѣ обжи пусты, а опослѣ того есте сыскали, что тѣ обжи не пусты, наши всякіе подати и на прошлые лѣта доправляли вдвое... А сыскивали бы накрѣпко, чтобъ у васъ живущаго впустѣ не писали“. Здѣсь, вѣроятно, обманъ былъ замѣченъ преимущественно по своей обширности, ибо неправильно пустующими землями оказались многія обжи по всѣмъ пяти новгородскимъ пятинамъ; а не столько рѣзкіе обманы, очевидно, сходили съ рукъ и ложились страшнымъ гнетомъ на землевладѣльцевъ, отчего рождалось новое запустѣніе: цѣлыя селенія разбѣгались съ сторонамъ, кто къ сильнымъ землевладѣльцамъ, кто въ наемные работники, кто въ стрѣльцы, кто въ казаки, кто даже въ холопы.

Всѣ частныя мѣры для поправленія этого дѣла явно оказывались неэффективными. Судебникъ и дополнительныя къ нему узаконенія царя Ивана

Васильевича, облегчившія свободный переход крестьянъ и утвердившія ихъ общественную самостоятельность, сдѣлали свое дѣло и не могли идти дальше; они дали правительству средства свободно распоряжаться землями и обратитъ ихъ на службу государству; но когда дошло дѣло до самихъ крестьянъ, то оказалась необходимость въ новыхъ узаконеніяхъ, на которыя царь Иванъ Васильевичъ не могъ уже рѣшиться въ явное противорѣчіе со своими прежними законами. Онъ ограничивался только строгими розысками, чтобы владѣльцы жилыхъ земель не писали пустыми и крестьянъ не таили; но эти розыски, естественно, не всегда были удачны и производили только запутанности и проволочки, а между тѣмъ волости пустѣли, крестьяне разорялись, и сборъ податей терпѣлъ недочетъ. Царь предпринималъ и другія мѣры: такъ, въ 1551 г. запретилъ епископамъ, монастырямъ и церквамъ приобретать села и деревни безъ доклада государю; потомъ, въ 1581 г., совершенно запретилъ духовенству вновь приобретать недвижимыя имѣнія; въ соборномъ приговорѣ этого года сказано: „А митрополоту и владыкамъ или монастыремъ земель не покупати, и въ закладѣ не держати, а кто послѣ сего уложенія купить землю, или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на государя“. Сверхъ того, по этому же приговору, духовенство отказалось въ пользу казны отъ всѣхъ недвижимыхъ имѣній, находившихся въ то время у него въ залогѣ, и отъ имѣній, данныхъ служилыми князьями. Но эти и подобныя мѣры, конечно, только давали новыя средства казнѣ, сбора же податей тѣмъ не менѣе не облегчали, и онъ лежалъ какимъ-то гнетомъ на тяглыхъ людяхъ. Крестьянская община болѣе и болѣе подвергалась запустѣнію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и болшему раззоренію, такъ что самая юридическая самостоятельность и общественное значеніе этихъ общинъ, утвержденныя за ними законами Іоанна IV-го, послужили имъ къ большому отягощенію, ибо, съ одной стороны, не смотря на свою самостоятельность и значеніе, онѣ были слишкомъ безсильны предъ громадными силами правительства, а съ другой стороны—самая юридическая самостоятельность подвергала ихъ неумолимой ответственности предъ правительствомъ, по самому ходу дѣлъ требовавшимъ огромныхъ пожертвованій.

Такимъ образомъ, крестьяне въ продолженіе пяти вѣковъ, отъ Русской Правды почти до конца XVI столѣтія, пользуясь свободнымъ переходомъ съ одной земли на другую, мало по малу развились въ отдѣльный самостоятельный классъ русскаго общества, пользующійся юридическою полноправностью наравнѣ съ другими классами общества; въ то же время они, частью вслѣдствіе того же свободного перехода съ одной земли на другую, незамѣтно очутились въ такомъ тяжеломъ и безотрадномъ положеніи, что находили болѣе выгоднымъ остаться вовсе безземельными батраками и даже холопами, лишь бы только освободиться отъ тягла, лежащаго на землѣ. Но, очевидно, и въ этомъ тяжеломъ положеніи любовь крестьянъ къ свободѣ и самостоятельности была такъ велика, что сравнительно немногіе рѣшались мѣнять безотрадную и тяжелую жизнь крестьянина на жизнь боярскаго холопа, свободную отъ тяжестей тягла и обезпеченную боярскимъ содержаніемъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ писцовыя книги, въ которыхъ на сто дворовъ крестьянскихъ не приходилось и десяти дворовъ людскихъ или холопскихъ, не смотря на то, что, по Судебнику, переходъ изъ крестьянства въ холопы былъ свободенъ.

XXIX. ПРИКРѢПЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЛИЧНЫМИ СТРЕМЛЕНІЯМИ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»).

Сперва Борисъ не смѣлъ думать о вѣнцѣ царскомъ и довольствовался одною честью быть, по мысли предшествовавшихъ великихъ князей, въ особенностяхъ царя Ивана IV, ревностнымъ поборникомъ идеи государева, управляя подъ чужимъ именемъ. Но, не придвидя потомства отъ Теодора, слабаго душою и тѣломъ, онъ считалъ себя одного въ правѣ воззвѣсть

на престолѣ царей московскихъ. Между всѣми сановниками придворными онъ одинъ разумѣлъ духъ времени, насущныя требованія дѣйствительности, видѣлъ, хотя, можетъ быть, не съ полнымъ сознаниемъ, всю не состоятельность прежней общественной системы юридическихъ родовыхъ отношеній и очевидно возрастающую силу идеи государства. Оттого смотрѣлъ на себя, какъ на достойнѣйшаго носить титулъ царскій. Чтобы выполнить свое твердое убѣжденіе на дѣлѣ, ему, однако же, нельзя было опереться на общинниковъ, искать въ нихъ средствъ къ возвышенію въ своемъ лицѣ начала государственнаго на развалинахъ прежнихъ юридическихъ родовыхъ отношеній. Людямъ промышленнымъ Грозный далъ все, что только можно было дать: чѣмъ могъ ихъ привязать къ себѣ «изрядный правитель»? Не на потребностяхъ общинниковъ могъ онъ основать свою власть, свое будущее могущество; ему нужно было отыскать въ дѣйствительности другой интересъ общественный, и онъ думалъ его найти въ интересѣ дѣтей боярскихъ, людей, обязанныхъ ратною службою.

По мѣрѣ того, какъ идея государства все болѣе и болѣе раскрывалась въ общественныхъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и количество земель государственныхъ, умножалось число помѣстій, слѣдовательно и людей служилыхъ, состоявшихъ преимущественно изъ дѣтей боярскихъ, обязанныхъ по первому требованію являться *конными, людными, оружными* и становиться подъ знамена царскія. Такъ какъ въ интересѣ государей было имѣть какъ можно болѣе служилыхъ людей за количество земли какъ можно меньшее, то ясно, что дѣти боярскія непременно должны были явиться, въ системѣ государственнаго хозяйства, владѣльцами мелкопомѣстными.

То обстоятельство, что дѣти боярскія были именно мелкіе владѣльцы, и заставило проницательнаго Годунова обратить на нихъ вниманіе. Онъ видѣлъ въ нихъ, людяхъ ратныхъ, для осуществленія идеи государства оплотъ самый надежный. Но какимъ образомъ думалъ приковать правитель къ своимъ выгодамъ разрядъ общественный столь многочисленный, столь сильный по ремеслу своему? Средство для достиженія своей цѣли, нужно полагать, заимствовалъ Борисъ отъ Руси Литовской, гдѣ въ областяхъ, граничащихъ съ Польшею, совершилось закрѣпленіе крестьянъ въ концѣ XV столѣтія; а можетъ статься онъ слѣдовалъ историческому преданію, ибо и прежде, до него, дѣлаемы были, какъ кажется, попытки частныхъ закрѣпленій.

Безъ всякаго сомнѣнія, Борисъ поднялъ и рѣшилъ вопросъ о закрѣпленіи болѣе въ интересѣ личномъ; тѣмъ не менѣе его распоряженіе объ отмѣнѣ Юрьева дня совершенно согласовалось съ требованіями государства и исторіи. Въ первую эпоху нашего общественнаго бытія, предшествовавшую Андрею Боголюбскому, когда жизнью управляло естественное родовое начало, всѣ разряды общественные находились въ состояніи непрестаннаго движенія: князья мѣнялись столами, слѣдуя обычаю родового старѣйшинства; дружинники, думцы первыхъ русскихъ князей отъѣзжали отъ одного господина къ другому; общинники, по всей вѣроятности, также безпрепятственно мѣняли мѣсто жительства. Во второй половинѣ XII столѣтія родовой бытъ естественный рѣшительно преобразовался въ юридическій, и князья изъ кочующихъ родичей сдѣлались осѣдыми отчинниками; переходы княжескіе съ мѣста на мѣсто, по всему

пространству земли русской, мало по малу ограничили. По мѣрѣ того, какъ князья-отчинники исчезли, и Москва объединила Русь восточную, люди служилые, потомки прежнихъ дружинниковъ, постепенно утратили возможность отъѣзда. Вслѣдъ за людьми служилыми потеряли возможность перехода и люди неслужилые, общинники городскіе и сельскіе. Вопросъ о закрѣпленіи возникъ неминуемо: къ нему вела сама исторія. При этомъ, однако, не нужно забывать, что оти́мны Юрьева дня требовалъ и финансовый интересъ государства. Только при условіи осѣдлости производительнаго населенія могъ быть правильно распредѣляемъ и взимаемъ налогъ. Послѣднее обстоятельство врядъ-ли ускользало отъ прозорливости Годунова: не смотря на то, оно было для него дѣломъ второстепеннымъ. Существенная причина, побудившая Бориса обнародовать отъ имени Θεодора указъ о закрѣпленіи, была иная, болѣе личная, совершенно, впрочемъ, сообразная съ нуждами государственными.

Указъ 1592 или 1593 года, въ силу котораго закрѣплялись крестьяне, доселѣ еще не отысканъ; но о содержаніи его можно судить по указу отъ 21-го ноября 1597 г. и еще по другому указу, о холопахъ, отъ 5 го февраля того же года. Въ первомъ сказано: «Которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ-за дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей изъ помѣстій и отчинъ, изъ патріарховыхъ, митрополичихъ, владычныхъ и монастырскихъ отчинъ выбѣжали до нынѣшняго года за 5 лѣтъ (слѣдовательно крестьянскій выходъ былъ уже уничтоженъ въ 1592 г. или, по крайней мѣрѣ, въ 1592 г.), и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и отчинниковъ, за кѣмъ они живутъ, отъ тѣхъ, изъ-за кого выбѣжали, судъ давати и сыскивати накрѣпко, а по суду тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ животы отвозить назадъ, гдѣ кто жилъ; а которые крестьяне выбѣжали до сего указа лѣтъ за 6 и за 10 и больше, а тѣ помѣщики или отчинники, изъ-за кого они выбѣжали, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ по нынѣшній годъ лѣтъ за 6 и болѣе, царю и великому князю Θεодору Іоанновичу не били челомъ, и государь царь и великій князь на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ на тѣхъ, за кѣмъ они живутъ, указалъ суда не давати, а назадъ ихъ, кто гдѣ жилъ, не возити, а давати судъ и сыскъ въ бѣглыхъ крестьянахъ, которые отъ нынѣшняго года бѣжали за пять лѣтъ (челомъ, слѣдовательно, могли бить владѣльцы только на крѣпостныхъ, находившихся въ бѣгахъ съ 1592, или, по крайней мѣрѣ, съ 1593 г.); а которыя дѣла въ бѣглыхъ крестьянахъ засужены, а до нынѣшняго государева царева указа не вершены, и тѣ дѣла вершити по суду и по сыску и по сему уложенію». Во второмъ указѣ о холопахъ, отъ 5-го февраля 1598 г. читаемъ: «А о *вольныхъ* людяхъ государь приговорилъ со всѣми бояры, которые люди служатъ у кого добровольно (тѣхъ, слѣдовательно, которые не подпали подъ опредѣленіе какого-то предшествовавшего указа о закрѣпленіи), и тѣхъ вольныхъ людей ставити въ холопѣ приказѣ съ тѣми, у кого служатъ, да спрашивать, сколь давно, кто у кого служить и кабалу на себя даетъ-ли, и которые люди вольные *послужили* у кого недѣль пять-шесть, а кабаль на себя давати не хотятъ, тѣхъ отпущати на волю; а кто послужилъ съ полгода и больше, и на тѣхъ холопей служивыхъ кабалы давати и челобитья ихъ не слушати, потому что тотъ человекъ (господинъ) того добровольнаго холопа кормилъ и

обувалъ и одѣвалъ». Такимъ образомъ, законъ о закрѣпленіи былъ изданъ вскорѣ послѣ смерти Димитрія царевича, незадолго до смерти бездѣтнаго Ѳедора, и изданъ по соображеніямъ Годунова. Это доказываютъ слѣдующія слова въ указѣ царя Василя Шуйскаго 1607 г.: «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, *не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ*, выходъ крестьянамъ приказалъ, и у кого колико тогда было крестьянъ, книги учинилъ». Выраженіе: *не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ*, опредѣляя историческій характеръ царской власти при Шуйскомъ,—что, впрочемъ, до насъ не касается,—въ то же время показываетъ, противъ кого былъ направленъ указъ «изряднымъ правителемъ». Борисъ уничтоженіемъ выхода крестьянскаго хотѣлъ сокрушить, еще до своего избранія на царство, силу естественныхъ враговъ государственнаго начала, имъ представляемаго, связать руки большимъ владѣльцамъ, ибо такое уничтоженіе только для нихъ могло быть невыгоднымъ, а не для мелкопомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, интересъ которыхъ Годуновъ стремился отдѣлить отъ боярскаго и приковать къ собственному или государственному, что все равно.

Отчего же закрѣпленіе промышленнаго населенія было невыгоднымъ для большихъ землевладѣльцевъ и выгоднымъ для мелкихъ? Отвѣтъ простой. Какъ скоро въ данное время въ данной странѣ существуютъ два рода поземельной собственности, большая и малая, однородныя по качеству и принадлежащія двумъ разрядамъ владѣльцевъ, большимъ и малымъ, обрабатывающимъ свое достояніе посредствомъ рабочихъ, необходимо должно обнаружиться извѣстное политико-экономическое явленіе, одинаково и постоянно повторяющееся при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. На площади поземельнаго владѣнія большого объема, очевидно, возможно помѣщеніе большого количества рабочихъ, нежели на поверхности поземельнаго владѣнія малаго размѣра. Отъ этого самаго большой землевладѣлецъ будетъ всегда имѣть болѣе чистаго поземельнаго дохода, нежели собственникъ мелкопомѣстный, при меньшихъ требованіяхъ отъ земледѣльца. Земледѣлецъ, стѣсненный владѣльцемъ мелкопомѣстнымъ, пользуясь обычаемъ перехода, поневолѣ уйдетъ къ большому поземельному собственнику, ибо того будетъ требовать его выгода. Но, коль скоро право перехода у земледѣльца отнято, онъ увидитъ себя принужденнымъ остаться на землѣ мелкаго владѣльца и противъ воли удовлетворять всѣмъ его требованіямъ. Последнее, слѣдовательно, будетъ выгодно для мелкопомѣстнаго, къ ущербу большого поземельнаго собственника. Это-то и понималъ на практикѣ Годуновъ, уничтожая юрьевскій выходъ: отъ имени Ѳедора, онъ обнародовалъ распоряженіе, выгодное для однихъ дѣтей боярскихъ, землевладѣльцевъ мелкихъ.

Закрѣпляя крестьянъ, Годуновъ, однако же, вовсе не думалъ ихъ смѣшивать съ холопами (рабами). Еслибъ въ самую пору отминовенія Юрьева дня, осенняго, Годуновъ хотѣлъ крестьянъ обратить въ холоповъ, то, очевидно, сравнялъ бы ихъ юридически съ послѣдними, о чемъ онъ рѣшительно не думалъ, равно какъ и его современники. Въ пору закрѣпленія всѣмъ казалось, что промышленникъ теряетъ только возможность переходить съ мѣста на мѣсто, не болѣе.

Для самого Бориса закрѣпленіе необходимо было только какъ средство открыть путь къ престолу. Приковывая крестьянина къ одному мѣсту, онъ дѣйствовалъ въ интересъ людей ратныхъ, дѣтей боярскихъ,

владѣвшихъ небольшими участками земли, желая привязать ихъ къ себѣ и тѣмъ самымъ взять перевѣсъ надъ своими соперниками, боярами и духовенствомъ, обладавшими большими владѣніями. Это явствуетъ изъ словъ послѣдняго указа царя Василія Шуйскаго: «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, *по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ*».

Съ перваго взгляда кажется, что Годуновъ, заказывая крестьянамъ выходъ, поступалъ неблагоразумно, ибо, посягая на выгоды большихъ владѣльцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, онъ въ то же время дѣйствовалъ противъ себя, потому что, подобно имъ, обладалъ великимъ имѣніемъ.

По странной случайности, весьма многіе члены рода Годуновыхъ умерли бездѣтными и чрезъ то дали возможность своимъ ближайшимъ родственникамъ, въ томъ числѣ и Борису, приобрести много отчинъ по наслѣдству. Со времени вступленія Ѳеодора на престолъ, Годуновъ сталъ получать ежегодно царскаго жалованья 15,000 р.; сверхъ того, въ качествѣ конюшаго, съ царскихъ конюшенныхъ слободъ имѣлъ ежегодно дохода 12,000 р., съ торговыхъ банъ за валами города Москвы 1,500, съ пожалованной Ѳеодоромъ области Ваги или Шенкурска 32,000 р., изъ княжествъ Рязанскаго и Сѣверскаго 30,000 р., изъ городовъ Твери и Торжка 8,000 р., съ наслѣдственныхъ своихъ владѣній въ Вяземскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ, умноженныхъ другими отчинами, имѣлъ Борисъ 8,000 р. дохода; слѣдственно, всего 106,500 р. Будучи такимъ богачемъ, Годуновъ, по свидѣтельству Герсея, со своими ближними въ 40 дней могъ вывести въ поле 100,000 вооруженныхъ людей. Обладатель несмѣтнаго движимаго имущества и значительныхъ отчинъ, Борисъ, замисливъ великій общественный переворотъ въ быту промышленниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, заранѣе постарался отстранить отъ себя невыгодныя слѣдствія, долженствовавшія неминуемо постигнуть большихъ землевладѣльцевъ. Есть основанія думать, что еще до закрѣпленія онъ успѣлъ перевести на свои земли достаточное количество рукъ для ихъ воздѣлыванія: иначе какъ бы онъ могъ въ 1598 г., подъ Серпуховомъ, угощать на свой счетъ, въ теченіе шести недѣль, подъ шатрами, на серебряной посудѣ, несмѣтное войско съ неслыханною щедростью, изъ своей казны дарить бояръ и людей ратныхъ? Закрѣпляя крестьянъ, Годуновъ наносилъ ударъ однимъ большимъ землевладѣльцамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, обезопасивъ себя предварительно. Тщетно негодовали на него знаменитые родичи: противъ ихъ притязаній, заранѣе предусмотрѣнныхъ, находилъ онъ оплотъ въ дѣтяхъ боярскихъ, страшныхъ своей многочисленностью, своимъ ратнымъ духомъ. Напрасно роптало на него духовенство: за Бориса стоялъ горой патріархъ, неограниченный повелитель надъ міромъ церковнымъ. Все улыбалось счастливцу, приготовившему исподволь торжество свое; завѣса будущаго тихо приподнималась передъ нимъ, и онъ ждалъ только смерти Ѳеодора, чтобы явить въ своемъ лицѣ, предъ изумленной Россіей, окончательное торжество начала государственнаго надъ развалинами древнихъ юридическихъ родовыхъ отношеній.

XXX. УЧРЕЖДЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА ВЪ РОССІИ.

(Изъ соч. Зернина: «Учрежденіе въ Россіи патриаршества», помѣщенное въ «Архивъ историко-юридич. стѣднѣй» Калачева за 1855 г., и изъ соч. Хлябникова: «О вліяніи общества на организацию государства въ царскій періодъ русской исторіи»).

Въ 1586 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, ¹прибылъ въ Москву антиохійскій патриархъ Іоакимъ за милостынею. При свиданіи съ царемъ онъ разсказалъ о бѣдствіяхъ и кручинахъ своей паствы. Набожный Феодоръ отъ души собогѣзновалъ объ угнетенныхъ восточныхъ христіанахъ; между прочимъ, разсказъ патриарха поселилъ въ душѣ его важную мысль. Созвавъ высшее духовенство и своихъ бояръ на совѣщаніе, царь началъ имъ говорить: «Богу тако извольцу, въ наказаніе наше; яко сущимъ тамо (на Востокѣ) патриархомъ и прочимъ святителемъ нареченіемъ святительства токмо именоватися, власти же едва ли не всяко лишенымъ; наша же страна, яко же зрите, благодатию Божіею во многорасширеніе приходитъ, наипаче же благочестивая наша вѣра, еже на основаніи апостолъ и пророкъ утверждена, возрастаетъ и множится, и сего ради хошу, аще Богу, угодно будетъ и писанія божественная не прорекують, яко да въ царствующемъ градѣ Москвѣ устроится превысочайшій престолъ патриаршескій; аще бо угодно вамъ сія, возвѣстите ми, азъ бо мню, яко ничтоже въ сихъ благочестію поврежденіе, но паче преуспѣваніе вѣрѣ Христовѣ».

Митрополитъ и прочіе чины думы одобрили царскую мысль; однако сдѣлано было замѣчаніе, что объ этомъ прежде всего нужно извѣстить восточныхъ патриарховъ, ибо такое важное дѣло, какъ учрежденіе московскаго патриарха, должно быть совершено по приговору всей восточной церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ, «да не возмнится инѣмъ языкомъ, наипачеже пишущимъ на святую нашу вѣру прочимъ латыномъ и еретикомъ, яко въ царствующемъ градѣ Москвѣ патриаршескій престолъ устроится единою ти царскою властію».

Здѣсь вниманіе наше останавливается на слѣдующихъ пунктахъ: 1) царь Феодоръ говоритъ, что восточные патриархи существуютъ только по имени; 2) онъ поставляетъ на видъ обширность и постепенное распространеніе области русской церкви; 3) предлагаетъ учредить въ Россіи патриаршество. Очевидно, что онъ указываетъ на несообразность подчиненія русскаго клира константинопольскому патриарху и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ средство уничтожить эту несообразность. Въ отвѣтъ царю думы поражаетъ насъ предусмотрительность и стараніе отклонить всѣ толки со стороны враговъ греческой церкви.

Взявъ все это въ соображеніе, мы видимъ, что главная причина учрежденія у насъ патриаршества таилась во внутреннемъ состояніи и взаимныхъ отношеніяхъ той и другой церкви.

Итакъ, главнымъ виновникомъ въ дѣлѣ учрежденія патриаршества былъ царь Феодоръ; онъ собралъ думу, которой поставилъ на видъ причину, побуждавшую его произвести такую важную перемѣну въ іерархіи. Но есть поводъ думать, что въ этой мысли его особенно поддерживало духовенство, представителемъ котораго въ 1586 г. былъ митрополитъ

Діонисій, прозванный мудрымъ грамматикомъ. Современники изображаютъ его человѣкомъ съ твердымъ характеромъ, съ высокимъ представленіемъ о своемъ достоинствѣ и полнымъ сознаниемъ своихъ верховныхъ правъ. Такой человѣкъ всего способнѣе былъ возымѣть мысль сдѣлаться патріархомъ, тѣмъ болѣе, что со стороны царя препятствій быть не могло: онъ находился подъ влияніемъ «сладкорѣчиваго митрополита».—Но займемся разборомъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось разсматриваемое нами событіе.

Лѣтомъ 1587 г. прибылъ въ Москву грекъ Николай; онъ словесно извѣстилъ царя, что восточные патріархи согласны исполнить его желаніе и для рукоположенія уполномочили іерусалимскаго патріарха. Слѣдовательно, Теодоръ былъ увѣдомленъ объ успѣхѣ своего предпріятія и ожидалъ іерусалимскаго патріарха. Вдругъ смоленскій воевода извѣстилъ его, что въ Смоленскъ прибылъ цареградскій патріархъ Іеремія. Такая неожиданность, съ одной стороны, привела въ смущеніе царя и правителя, съ другой—поселила въ нихъ подозрѣніе. Смоленскому воеводѣ сдѣланъ былъ выговоръ за оплошность и за то, что онъ не развѣдалъ о причинѣ пріѣзда Іереміи; между прочимъ, наказано было обращаться съ патріархомъ какъ можно почтительнѣе. Іеремія, зная, что царь ожидаетъ прибытія іерусалимскаго патріарха, спѣшилъ объясниться и просилъ рѣшительнаго отвѣта: быть или не быть ему въ Москвѣ.

Получивъ царское согласіе, онъ немедленно отправился въ дальнѣйшій путь. На дорогѣ и подѣ Москвою ему были приготовлены почетныя встрѣчи. Недѣлю Іеремія прожилъ въ Москвѣ, и все къ нему никто не является отъ царя съ приглашеніемъ. Наконецъ, ему назначена аудіенція. Царь принялъ его торжественно. Свиданіе было непродолжительное. Послѣ того какъ царь и патріархъ разбѣялись взаимными привѣтствіями и дарами, первый удалился во внутреннія палаты; патріархъ же, по собственному его желанію, отведенъ былъ въ особую палату для разговора съ Борисомъ Годуновымъ. Они бесѣдовали въ присутствіи только дьяковъ: всѣ лишніе свидѣтели были высланы въ проходную палату. Борисъ прежде всего спросилъ патріарха о причинѣ его пріѣзда и о томъ, кто въ Царьградѣ патріархъ въ его отсутствіе, также о странствіи его, черезъ Литовскую землю и о разговорахъ съ *панамидами* и канцлеромъ. Іеремія сталъ рассказывать повѣсть о своихъ несчастіяхъ. Онъ удовлетворилъ также желанію правителя кое-какими извѣстіями о дѣлахъ литовскихъ. Бесѣда ихъ заключилась *тайными рѣчами*, которыя патріархъ сообщилъ Борису и которыя послѣдній обѣщался донести «въ слухъ царю».

Вскорѣ послѣ этого разговора царь совѣщался съ царицею и правителемъ; потомъ созвана была дума боярская, въ которой царь говорилъ слѣдующее: «Прежде всего приходилъ къ намъ изъ Антиохіи святѣйшій Іоакимъ патріархъ, и мы тогда съ вами, бояре, совѣтовались какъ бы намъ Господь Богъ свое милосердіе даровалъ и устроилъ въ государствѣ Московскомъ патріарха, и святѣйшій Іоакимъ рекся о томъ посоветовать со всѣми патріархи. Нынѣ же, по неизрѣченной милости Божіей, пришелъ къ намъ самъ святѣйшій патріархъ Іеремія цареградскій и вселенскій, чего доселѣ при нашихъ родителяхъ не бывало, чтобы отъ такого великаго и начальнаго въ вѣрѣ христіанской мѣста изъ православнаго Царьграда пришелъ патріархъ. И мы, прося у Бога милости,

разсудили, чтобы патриарху цареградскому быть нашего государства въ начальномъ городѣ Владимірѣ».

Между тѣмъ во время царскихъ совѣщаній протекли многіе дни и недѣли; Іеремія началъ уже просить объ отпускѣ въ Царьградъ. Наконецъ къ нему былъ присланъ Борисъ Годуновъ, съ объявленіемъ царской мысли—«остаться ему въ Россійскомъ царствѣ и патриаршествовать на престолѣ владимірскомъ и всея Руси, дабы такимъ обычаемъ именоваться ему вселенскимъ». — Іеремія отвѣтствовалъ: «будетъ на то воля великаго государя, и азъ того не отмѣшусь; только мнѣ во Владимірѣ быти невозможно, занеже патриархъ всегда бываетъ при государѣ; а то что за патриаршество, что жить не при государѣ?» Отвѣтъ патриарха огорчилъ царя; онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Іеремію Годунова и дьяка Щелкалова уговаривать его, но все было тщетно.

Тогда Феодоръ созвалъ думу, въ которой говорилъ: «Помыслили мы вселенскому патриарху Іеремію быть у насъ на престолѣ владимірскомъ и всея Великія Россіи; а въ царствующемъ градѣ Москвѣ быть, по прежнему, отцу нашему и богомольцу Іову митрополиту, а святѣйшій Іеремія сего не хочетъ, если мы не произволимъ ему быть въ Москвѣ у пречистыя Богородицы; мы же разсудили, какъ намъ такого сопредстольника великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, мужа житія достохвальнаго, святаго и преподобнаго отъ пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ изгнать и учинить греческаго патриарха, а онъ здѣшняго обычая и закона не знаетъ и намъ съ нимъ ни о какихъ духовныхъ дѣлахъ безъ толмача бесѣдовать нельзя». — Послѣ этого Годуновъ и Щелкаловъ еще разъ были посланы къ Іеремію съ объявленіемъ царской воли, что если самъ не изволитъ остаться въ Россіи и патриаршествовать во Владимірѣ, то поставилъ бы, по крайней мѣрѣ, патриархомъ кого-нибудь изъ русскаго клира. Патриархъ далъ свое согласіе, по долгомъ совѣщаніи съ присланными.

Все это мы знаемъ изъ нашихъ отечественныхъ извѣстій; посмотримъ, какъ говоритъ объ этомъ Арсеній, архіепископъ елассонскій, спутникъ Іеремія, описавшій его пребываніе въ Москвѣ и учрежденіе русскаго патриаршества. Описавъ пріѣздъ патриарха, Арсеній въ своемъ повѣствованіи переходитъ къ слѣдующему: «Прошло много недѣль (послѣ свиданія съ царемъ), и Іеремія все еще не получалъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ сталъ говорить, что его присутствіе необходимо въ Константинополѣ, и просилъ разрѣшенія отправиться въ обратный путь. Тогда присланъ былъ къ нему Борисъ Годуновъ, который съ какимъ-то страхомъ объявилъ патриарху волю царскую, чтобы онъ совсѣмъ остался въ Москвѣ и чтобы именовался патріархомъ владимірскимъ, московскимъ и всея Руси, получая богатое содержаніе. Патриархъ благодарилъ, отказываясь отъ такой чести; но, чтобы нѣкоторымъ образомъ исполнить волю царя, предложилъ поставить въ патриархи кого-нибудь изъ среды русскаго духовенства, послѣ чего царь созвалъ на соборъ всѣхъ епископовъ и архимандритовъ и передалъ имъ отвѣтъ Іеремію. Члены собора единогласно рѣшили, чтобы ихъ главою былъ патриархъ Іеремія. Царь теперь вторично послалъ къ патриарху отъ себя и отъ лицъ всего духовенства боярина Андрея Щелкалова и брата его дьяка Василія Щелкалова, чтобы побудить его къ выполненію всеобщаго теперь желанія. Посланные, передавая патриарху рѣшеніе собора, упомянули, что ему назначаются бо-

гатые дары, обширная область, большіе, малые и значительные города, ежедневно мѣра хлѣба и 1000 аспровъ новгородскихъ (серебряныхъ копѣекъ); свѣтъ его также обѣщаны помѣстья и богатое содержаніе. Іеремія со смиреніемъ вторично отказался и повторилъ свое первое предложеніе. Такъ какъ государь и духовные теперь приняли это предложеніе, то и приступили къ выполненію его».

Извѣстіе это несогласно съ отечественнымъ въ главной мысли и въ частностяхъ. Арсеній говоритъ, что: 1) Іеремія не могъ принять сдѣланнаго ему предложенія, 2) будто бы наше духовенство также раздѣляло мысль, чтобы Іеремія былъ его главою. Последняго нельзя допустить по слѣдующимъ причинамъ: 1) духовенство наше, поддерживая общеніе съ восточными патріархами по дѣламъ вѣры, въ то же время постоянно питало какую-то недовѣрчивость собственно къ личности греческихъ духовныхъ; примѣровъ тому много въ исторіи нашей іерархіи; 2) если бы Іеремія сдѣлался русскимъ патріархомъ, то къ прежнимъ затрудненіямъ прибавилось бы еще новое, а именно: въ Византіи на мѣсто Іереміи непременно избрали бы новаго патріарха,—спрашивается: въ какихъ же отношеніяхъ былъ бы къ нему Іеремія? Обстоятельство это такъ важно, что не могло быть упущено изъ виду, а потому мы съ увѣренностью можемъ сказать, что наше духовенство не могло просить Іеремію, чтобы онъ патріаршествовалъ въ Россіи.

Но если духовенство было противъ того, чтобы Іеремія остался въ Россіи, то тѣмъ болѣе этого не могъ допустить Годуновъ, вполне постигавшій всю важность замышляемой перемѣны въ русской іерархіи. Чтобы понять надлежащимъ образомъ участіе Годунова въ этомъ дѣлѣ, намъ необходимо объяснить одно обстоятельство, о которомъ умалчиваетъ Арсеній,—намъ нужно возвратиться къ первой бесѣдѣ Годунова съ патріархомъ. Мы видѣли, что первая бесѣда ихъ кончилась *тайными рѣчами*, которыя Іеремія просилъ сообщить царю. Послѣ этой бесѣды, по предварительномъ совѣщаніи съ царицею и Годуновымъ, Феодоръ созвалъ думу, которой прежде всего изъявилъ свою радость по причинѣ пріѣзда въ Москву цареградскаго патріарха; далѣе сообщилъ, что назначаетъ Іеремію Владимірѣ съ титуломъ патріарха владимірскаго и всея Руси. Спрашиваемъ: почему царь не хотѣлъ, чтобы Іеремія былъ въ Москвѣ? Мы думаемъ, что все это было дѣломъ Годунова. Умный и дальновидный правитель съ перваго взгляда понялъ, чего добивался византійскій патріархъ. Бесѣдуя съ нимъ съ глазу на глазъ, Годуновъ узналъ объ истинной причинѣ его пріѣзда, узналъ, что онъ готовъ всегда остаться въ Россіи, претерпѣвши въ Константинополѣ много несчастій. Но Борисъ зналъ также очень хорошо, какъ подѣйствуетъ на набожнаго царя это неожиданное изъявленіе желанія патріарха; поэтому онъ долженъ былъ употребить все свое вліаніе, чтобы объяснить царю все неудобство, если Іеремія будетъ русскимъ патріархомъ; далѣе нужно было представить, что этимъ можно оскорбить достойнаго уваженія митрополита Іова. Что Годуновъ дѣйствовалъ именно такъ, это оправдывается послѣдующими обстоятельствами. Царь, какъ мы уже видѣли, не желая обидѣть и патріарха, и Іова, первому предложилъ патріаршествовать во Владимірѣ, второму жить попрежнему въ Москвѣ. Но Іеремія, оставшись во Владимірѣ, все еще могъ быть опасенъ для Годунова по своему высокому сану и уваженію, какое питали къ нему царь и народъ. Легко могло

быть, что въ дѣлахъ затруднительныхъ и особой важности обратились бы прежде всего къ рѣшенію патріарха, а онъ могъ дѣйствовать и несогласно съ видами правителя. Вотъ почему, какъ говоритъ Арсеній, Борисъ не безъ страха объявилъ Іеремію о царскомъ желаніи, чтобы онъ патріаршествовалъ въ Россіи: онъ опасался, чтобы патріархъ не принялъ этого предложенія, хотя тотъ, будучи вѣренъ византійскому преданію, не могъ принять его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было сдѣлано; объ этомъ мы заключаемъ по отвѣту, данному Годунову Іеремію.

Помимо всего это го, отношеніе Бориса Годунова къ вопросу объ учрежденіи у насъ патріаршества обусловливалось и его личными властолюбивыми стремленіями.

Два сословія составляли главную силу общества древней Россіи: духовенство и служилый классъ, изъ которыхъ первое владѣло всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ, а другое сосредоточивало главную военную силу. Если Борисъ хотѣлъ искать опоры для своихъ честолюбивыхъ стремленій, то она представлялась ему скорѣе въ заступничествѣ за интересы духовенства и служилаго сословія, чѣмъ въ содѣйствіи интересамъ простого народа, который былъ слишкомъ грубъ и бѣденъ, чтобы онъ могъ дать опору, особенно для незаконнаго восшествія на престолъ.

На низшіе классы могъ опереться законный государь, какъ это сдѣлалъ Іоаннъ IV; но этого не могъ сдѣлать человѣкъ, которому еще нужно было взойти на престолъ. Борисъ долженъ былъ искать опоры въ этихъ двухъ сословіяхъ тѣмъ болѣе, что главная цѣль у нихъ была одна—крѣпостное право.

Духовенство имѣло страшную нравственную силу, и притомъ, по своему званію, оно не могло быть естественнымъ соперникомъ Бориса. Вотъ почему онъ сдѣлалъ все, чтобы найти здѣсь прочную опору.

Прежде всего нужно было сосредоточить всю власть духовенства въ однихъ рукахъ и поставить во главѣ его человѣка преданнаго. Онъ достигъ этого, сдѣлавъ Іова патріархомъ. Въ своемъ посланіи 1597 г. Іовъ хотя говоритъ, что мысль о введеніи патріаршества пришла Θεодору, но въ лѣтописи «о многихъ мятежахъ» выдается за положительный фактъ, что введеніе патріархата было посовѣтовано Θεодору цареградскимъ патріархомъ Іеремію, который былъ въ это время въ Москвѣ. Нельзя думать, чтобы патріархъ самъ пришелъ къ такой мысли, потому что для грековъ въ ней самой не было ничего выгоднаго. Но такое сосредоточеніе духовной власти было очень выгодно Борису, и очень можетъ быть, что самая мысль о патріаршествѣ родилась въ его головѣ.

О своемъ возведеніи на патріаршество Іовъ говоритъ, что онъ достигъ этого сана «Вожимъ превысокимъ человеколюбіемъ и изволеніемъ о Святомъ Дусѣ, блаженныя памяти сына моего, Богомъ вѣнчаннаго царя и государя великаго князя Θεодора Ивановича, всея Русіи самодержца, того же попеченіемъ и труды истиннаго по благочестію поборника, искренняго доброхота и ближняго пріятели царева». Заручивъ себѣ главу церкви, Борисъ не оставилъ и ея главныхъ членовъ: четыре епископа были сдѣланы митрополитами, пять—архіепископами. Монастырямъ были даны тарханныя грамоты, и снова было негласно допущено приобрѣтеніе имѣній по завѣщанію. Этими, главнымъ образомъ, и объясняется, по

чему, при восшествіи на престолъ Бориса, вся дѣятельная роль принадлежитъ духовенству и всего болѣе его главѣ, патріарху Іову.

Когда рѣшено было, что Іеремія не останется въ Россіи, приступили къ учрежденію патріаршества. Царь просилъ патріарха назначить кого нибудь изъ русскихъ духовныхъ. Іеремія охотно согласился. Тогда царь послалъ къ нему Годунова и Щелкалова, чтобы узнать, какъ совершается установленіе патріарха въ Византіи. Когда Іеремія сообщилъ византійскій церемоніаль, то немедленно приступили къ дѣлу. Совершенно былъ выборъ трехъ кандидатовъ: Іова митрополита, Аликсандра, архіепископа новгородскаго, и Варлаама казанскаго; они представлены были царю, и окончательный выборъ палъ на Іова, котораго 23-го января 1589 г. посвятили въ патріархи московскіе.

Мы считаемъ существенно важнымъ показать: 1) какія установились отношенія между новымъ патріархомъ и подвластнымъ ему клиромъ; 2) какія отношенія установились между нашимъ патріархомъ и византійскимъ.

1) Что касается правъ новаго патріарха въ подвластномъ ему діоцезѣ, то они были тѣ же, какъ и митрополита всея Руси, а именно: а) патріарху, какъ и митрополиту всея Руси, окончательно принадлежалъ судъ церковный, но съ прежнимъ ограниченіемъ: дѣла, важныя для всей церкви, рѣшались соборомъ; б) патріаршеская область была очень обширна, но та же, какъ и митрополита всея Руси; в) дворъ и управленіе патріарха въ сущности остались тѣ же, какъ и при митрополитѣ.

Поремѣна въ степеняхъ іерархіи, происшедшая по учрежденіи патріаршества, состояла въ томъ, что установлено было 4 митрополіи, 6 архіепископій и 8 епископій. Впослѣдствіи число митрополій было увеличено.

2) Отношенія русскаго патріарха къ византійскому приняли слѣдующій видъ: патріархъ Іеремія, при учрежденіи въ Россіи патріаршества, дѣйствовалъ, не унижая константинопольской патріархіи: первенство ея было утверждено въ ряду прочихъ патріархій. Русскому патріарху назначено мѣсто по іерусалимскому, хотя царь Θεодоръ желалъ, чтобы нашей патріархіи дано было 3-е мѣсто и старшинство надъ антиохійскою и іерусалимскою. Въ Москвѣ Іеремія далъ Іову уложенную грамоту, скрѣпленную подписью русскихъ и греческихъ духовныхъ, участвовавшихъ въ соборѣ.

Возвратившись въ Константинополь, Іеремія созвалъ соборъ, на которомъ единогласно утвердили русскую патріархію. Восточные патріархи признали русскаго равнымъ себѣ. Любопытно, что къ учрежденію въ Россіи патріаршества примѣнили XXVIII правило Халкедонскаго собора, которымъ утверждены права и преимущества ново-римскаго патріарха и равенство его съ древне-римскимъ. Москву греки считали третьимъ Римомъ; посему и главѣ московскаго духовенства предоставлены права патріарха на томъ же основаніи, на какомъ возвышенъ былъ глава византійской іерархіи и сравненъ съ древне-римскимъ архіепископомъ.

Итакъ патріаршество въ Россіи учреждено было по приговору всей греческой церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Глава русскаго клира явился вполне самостоятельнымъ.

XXXI. ВОЦАРЕНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ змиченіи царствованія Бориса Годунова».)

1598 г., января въ 6-й день, плачь и рыданія оглашали Москву: «послѣдній пѣтъ русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ». На праздникъ Богоявленія, въ 12 часовъ пополудни, началъ царь Ѳеодоръ сильно изнемогать. Видя отшествіе свое въ вѣчный покой, призвалъ онъ къ себѣ благочестивую царицу и великую княгиню Ирину Ѳеодоровну и, давъ ей «о Христѣ палованіе», простившись съ ней, не повелѣлъ ей царствовать, но принять иноческій образъ. Потомъ приказалъ призвать патріарха Іова и своихъ бояръ. Видя неминуемую кончину царя, патріархъ сказалъ ему: «Видимъ государевъ мы свѣтъ померкающъ отъ очю нашихъ и тебя праведнаго отшествіе къ Богу: кому сіе царство и насъ сирыхъ приказываешь и свою царицу?» Ѳеодоръ отвѣчалъ тихимъ голосомъ: «Въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ волентъ создавшій насъ Богъ; како Ему угодно, тако и будетъ, а съ царицею моею Богъ волентъ, како ей жить, и о томъ у насъ уложено». По духовному завѣщанію, умирающій вручалъ послѣ себя скипетръ своей супругѣ Иринѣ, а душу свою приказывалъ «отцу своему и богомольцу», святѣйшему Іову патріарху, да брату своему царскому Ѳеодору Никитичу Романову-Юрєву, да шурина своему Борису Ѳеодоровичу Годунову. Давъ отвѣтъ патріарху въ присутствіи бояръ, царь повелѣлъ себя соборовать и причастился св. Таянъ. Въ часъ утра 7-го января его уже не было.

На разсвѣтъ, какъ скоро разнесся по всей Москвѣ слухъ о царскомъ преставленіи, повсюду «въ царствующемъ градѣ» раздались вопль, стѣнаніе, воздыханіе, сѣтованіе; повсюду «въ царствующемъ градѣ» послышалось персей біеніе; не обрѣлся ни одинъ домъ, гдѣ бы не было плачущихъ. Святѣйшій патріархъ повелѣлъ благовѣстить у соборной церкви Пречистой Богородицы, чтобы собрать народъ. Люди съ усердіемъ стегались на звонъ колокола: іереи, діаконы, иноки, инокини, мужи и жены, ихъ конхъ нѣкоторые несли грудныхъ младенцевъ на рукахъ. Всѣ стремились во дворецъ къ одру усопшаго государя, чтобы проститься съ нимъ и дать клятву въ вѣрности Иринѣ.

Въ 9-й день послѣ Ѳеодоровой кончины Ирина, оставивъ «превысочайшую царскую свѣтлость», пожелала вступить инокиней въ обитель Новодѣвичьяго монастыря. Напрасно святители, бояре, народъ били челомъ и со слезами молили государыню, чтобы она показала милость: попрежнему держала скипетръ царствія. Ирина не вняла мольбамъ народнымъ и постриглась подъ именемъ Александры. Вслѣдъ за сестрой удалась въ Новодѣвичій монастырь и Годуновъ.

Узнавъ объ отреченіи Ирины, духовенство, бояре, народъ собрались въ Кремль для совѣщанія. Государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ народу и, представивъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобы пѣловали крестъ на имя думы боярской. Такъ дѣйствовалъ онъ, по всей вѣроятности, по желанію бояръ, въ особенноти Шуйскихъ. На требованіе Щелкалова раздался всеобщій крикъ: «Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу: ей мы дали

присягу и другой не дадимъ никому; она и въ черницахъ мать Россіи!» Щелкаловъ снова совѣтовался съ боярами, опять вышелъ къ народу и сказалъ, что царица навсегда отеклась отъ міра и что народъ, во избѣжаніе неустройствъ, долженъ дать присягу на имя думы боярской. На это всѣ хоромъ воскликнули: «Да здравствуетъ отецъ нашъ Борисъ Ѳеодоровичъ! Онъ будетъ преемникомъ матери нашей царицы!»

Всѣмъ соборомъ пошли въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ народа, заклиналъ инокиню Александру благословить брата на царство. Во время этого обращенія Іова къ царственной вдовѣ, всѣ проливали слезы и сама Александра. Патріархъ сталъ послѣ того увѣщевать Бориса, чтобы тотъ принялъ скипетръ; но Годуновъ «не поддавался, отрицался», говоря, что и безъ него есть много бояръ, достойныхъ избранія на царство, присовокуплялъ однако же, что «съ бояры радѣти и промыслиати радѣ не токмо попрежнему, но и свѣше перваго», Іовъ снова сталъ упрашивать, но тщетно. Во все это время государствомъ управлялъ патріархъ съ боярскою думою, разсылая указы именемъ «царицы Александры» и на ея же имя получая донесенія земскихъ воеводъ. Между тѣмъ въ Смоленскѣ и иныхъ городахъ воеводы вели раздоръ между собою и не слушались предписаній боярской думы. Одновременно съ тѣмъ распустилъ Борисъ молву о вторженіи татарскаго хана съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ казаками. Народъ былъ въ ужасѣ и недоумѣніи.

По совершеніи чотыредесатницы по царѣ Ѳеодорѣ, въ пятницу, 17-го февраля, собрался въ Кремлѣ земскій соборъ, состоявшій изъ выборныхъ всѣхъ русскихъ городовъ, куда заблаговременно отправилъ правитель своихъ рачителей, чтобы несомнѣннымъ образомъ обезпечить успѣхъ своего будущаго избранія на царство. Извѣстивъ соборъ, что Ирина не захотѣла ни сама держать скипетръ правленія, ни благословить брата на царство, и что Годуновъ также отказывается отъ вѣнца, патріархъ Іовъ сказалъ: «И вы бы, преосвященные митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные люди, и гости (изъ купцовъ), и дѣти боярскіе, и всѣхъ чиновъ всякіе люди царствующаго града Москвы, и всея Россійскія земли всѣ православные крестьяне о томъ о великомъ дѣлѣ намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ православномъ государствѣ государемъ быти?» И, не дожидаясь отвѣта выборныхъ, продолжалъ: «А у меня, Іова патріарха, и у митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и архимандритовъ, и у игуменовъ, и у всего освященнаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ, и у служилыхъ всякихъ людей, и у гостей (у купцовъ), и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣмъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Ѳеодоровича иного государя никого не искати и не хотѣти». Соборъ безъ прекословія согласился съ Іовомъ.

Описывали также на земскомъ соборѣ, какъ Годуновъ, будучи правителемъ, своею мудрою, неусыпною дѣятельностью возвысилъ государство, смирилъ хана, шведовъ, Литву, расширилъ государственные предѣлы, умножилъ число царей-данниковъ и слугъ, какъ знаменитѣйшія вѣнчанныя главы Европы и Азіи изъявляютъ уваженіе и пріязнь Москвѣ, какая тишина внутри государства, милость войску и народу,

правосудіе въ присутственныхъ мѣстахъ, защита для нищихъ, вдовъ, сиротъ. Бояре и выборные, выслушавъ рѣчи, говоренныя на соборѣ, единодушно съ кликами и слезами положили, что мимо Бориса царя имъ не искать.

На другой день, февраля 18-го, въ часъ утра, духовенство, бояре и народъ съ колѣнопреклоненіемъ молились въ Успенскомъ соборѣ, чтобы сердце Бориса смягчилось и онъ, наконецъ, преклонившись на общее желаніе, принялъ вѣнецъ; еще два дня прошло въ молебствіи, и февраля 20-го Іовъ, предъидя духовенству, боярамъ, народу, явился, окруженный несмѣтною толпою, въ Новодѣвичій монастырь. Тщетно молилъ патріархъ отъ лица Россіи инокиню Александру благословить брата на царство: вѣнценосная вдова «на милость не положила, брата своего Бориса Ѳеодоровича на государство не пожаловала». Напрасно уговаривалъ Іовъ самого Годунова; правитель отвѣчалъ: «Какъ тебѣ, государю и отцу своему, и вселенскому собору, и боярамъ, и дворянамъ, и всему православному крестьянству говорилъ прежде сего, и нынѣ тоже говорю: не мните себѣ того, что мнѣ помыслить на такого великаго государя пресвѣтлаго и праведнаго царя превысочайшую царскую степень на высоту царствія его». Это вѣщалъ Борисъ, проливая слезы. Іовъ со всѣмъ священствомъ и весь соборъ земскій не знали, что имъ дѣлать, и въ недоумѣніи возвратились въ Москву. Положили 21-го февраля пѣть во всѣхъ церквахъ праздничный молебенъ, также въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, потомъ взять честныя и животворящіе кресты, чудотворные образа и еще попытать разъ сходить въ обитель, чтобы умолить непреклоннаго правителя принять державу.

Сверхъ того, патріархъ, тайно посовѣтовавшись съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами, игуменами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, крѣпко утвердилъ слѣдующее: снова просить вдовствующую царицу отпустить брата на царство, а также просить и Годунова, если же онъ будетъ и теперь отказываться, то угрожать ему гнѣвомъ Божиимъ и даже отлученіемъ отъ церкви. Послѣ этого тайнаго совѣщанія святителей, патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами, выборными, дворянами, дѣтьми боярскими, приказными, служилыми людьми, купцами, крестьянами, мужами и женами, изъ коихъ нѣкоторые шли съ малыми дѣтьми, иные же несли грудныхъ младенцевъ, отслуживъ молебенъ богородицѣ Одигитріи, съ честными и животворящими крестами, съ чудотворными образами, двинулся въ послѣдній разъ въ монастырь Новодѣвичій.

Какъ скоро крестный ходъ, сопровождаемый выборными и несмѣтнымъ множествомъ народа, приблизился къ обители, скрывавшей въ своихъ стѣнахъ Ирину и Годунова, вынесли изъ обители, при колокольномъ звонѣ, крестному ходу во срѣтеніе, чудотворный образъ смоленской Богоматери Одигитріи; вслѣдъ за чудотворною иконою шелъ Борисъ. Дойдя до образа пречистой Богородицы владимірской, правитель, «слезъ многихъ наполнился», возопилъ гласомъ великимъ: «О милосердая царице, пречистая Богородице, мати Христа Бога нашего! Почто толикъ подвигъ сотворила еси и чудотворный свой образъ воздвиги съ честными кресты и со иными множества чудотворныхъ образовъ? Тѣмъ, пречистая Богородица, помолися о мнѣ и помилуй мя». Говоря это, палъ онъ на землю предъ иконою «со многими рыданіемъ и плачемъ», и, лежа на землѣ,

орошалъ ее слезами «на многъ часъ», послѣ того всталъ, приложился къ иконѣ владимірской и къ другимъ, не переставая точить изъ очей «рѣки слезъ». Подойдя къ Іову, правитель молвилъ ему, плача: «О святѣйшій отецъ и государь мой Іовъ патріархъ! Почто чудныя чудотворныя иконы пречистыя Богородицы и честныя кресты воздвиглъ еси и толикъ многотрудный подвигъ сотворилъ еси?» Первосвяtitель, благословивъ Бориса Ѳеодоровича животворящимъ крестомъ, молвилъ ему сквозь слезы: «Не буди удержимъ печалью. Богомъ возлюбленный сыну, но утѣши сердце свое упованіемъ Божиимъ и пречистыя Богородицы милостью и великихъ чудотворцевъ. Еще глаголеши, яко толикъ подвигъ азъ воздвигохъ, повѣмъ же ти, сыну, истину глаголю: не азъ сей подвигъ сотворихъ, якоже глаголеши, но пречистая Богородица съ превѣчнымъ своимъ младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и съ великими чудотворцы возлюби тебе и воздвигшеся, и изволи притти, и святую волю сына своего Бога нашего исполнити на тебѣ, государѣ нашемъ. Тѣмъ же, сыну, устыдися пришествія ея, послушай, яко же Богъ изволи и пречистая Богородица и великіе чудотворцы, и не буди противенъ воли Божіи, повинися святой воли Его и симъ ослушаніемъ не наведи на себя праведнаго гнѣва Его». За симъ первосвяtitель благословилъ правителя. Крестный ходъ вступилъ торжественно въ церковь Богородицы Одигитріи, а Годуновъ пошелъ въ келью сестры; бояре, дворяне, дѣти боярскія, люди служилые, приказные, купцы, крестьяне, мужи и жены, съ малыми дѣтьми, съ грудными младенцами, частью толпились въ оградѣ монастырской, частью же, не будучи въ состояніи помѣститься внутри ограды, около монастырскихъ стѣнъ, съ рыданіемъ и воплемъ, моля Бориса принять скипетръ царствія.

Святѣйшій патріархъ, совершивъ въ церкви пречистой Богородицы Одигитріи божественную литургію «соборнѣ», съ животворящими крестами и чудотворными образами, въ священныхъ одеждахъ, въ чемъ служили литургію, пошелъ въ келью инокини Александры; за нимъ послѣдовали бояре и весь царскій синклитъ. Дворяне же, дѣти боярскія, люди служилые, приказные, купцы, крестьяне и иные, собранные въ обитель насильно, частью стоя въ оградѣ монастыря, частью же внѣ ограды, «съ великимъ плачемъ и рыданіемъ велегласно» вопіали: «О благочестивая царица и великая княгиня инокиня Александра Ѳеодоровна всея Руси! Милосердуй о насъ, царица, пощади, пощади, благовѣрная и христолюбивая государыня; благослови и даждь боговѣчнаго царя на царство, всѣмъ намъ благонадежнаго государя, всему Россійскому государству самодержца, брата своего Бориса Ѳеодоровича!» Также молили со слезами и Годунова, «чтобъ онъ, государь, пожаловалъ своихъ богомольцевъ, и бояръ, и христолюбивое воинство, и все православное христіанство, скипетроцарствія царскимъ вѣнцемъ вѣнчанъ былъ, царствующему-жъ граду Москвѣ и всему Россійскому государству самодержавецъ, а намъ государь благонадежный». Когда инокиня-царица явилась у окна своей кельи, чтобы взглянуть на народъ, ему дали о томъ знать помаваніемъ рукъ; люди пали ницъ: не хотѣвшимъ повергнуться на землю пристава и рачители Борисовы «пхали въ шію и били», нехотѣвшимъ плакать приказывали мочить глаза слюною и вопить насильно.

Долго молили Александру. Наконецъ она тронулась и, обратясь къ Іову, всему собору святителей и боярамъ, сказала: «Для ради всеміло-

стиваго въ Тройцѣ славимаго Бога нашего и пречистыя, пренепорочныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, даю вамъ своего единокровнаго брата; да будетъ вамъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, всея Русіи самодержцемъ». Затѣмъ сталъ говорить Борисъ, воздохнувъ изъ глубины сердца: «Сія ли угодно твоему человѣколюбію, владыко, и тебѣ, моей великой государынѣ, еже такое великое бремя на меня возложила еси, неудобъ мною носиму быти, и на толикіи превысочайшіи царскіи престолѣ предаеши меня, о немъ же мысли моей не было и на разумъ мой не възде? Всевидающій сердца человѣческаго зритель Богъ свидѣтель на меня, да и ты, моя великая государыня, что въ мыслѣ моей о томъ нѣтъ и на разумъ мой не възде; азъ всегда при тебѣ хочу быти и святое пресвѣтлое равноангельское лицо твое зрѣти». Державная инокиня, «во мнозѣмъ душевномъ умиленіи и тихости», снова стала увѣщевать брата: «еже противу всемогущаго Бога воли кто можетъ стояти или не повинуюся вопреки глаголю? Всемогущенъ бо есть и всесиленъ, творить бо елико хоцетъ: и ты бы, братецъ мой, безъ всякаго прекословія, повинуюся воли Божіи, былъ всему православному крестьянству государемъ». Борисъ рыдалъ и отрицался, не хотя, повидимому, быть на государствѣ. Сестра продолжала увѣщевать его. Наконецъ, «по многоувѣщательнымъ и премудрымъ умильнымъ словесамъ» сестры своей, Годуновъ изрекъ: «Господи Боже мой милостивый и прещедрый и человѣколюбивый, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ! Аще угодно сія Твоему человѣколюбію, Владыко, буди святая Твоя воля: Твой бо есмь рабъ. Спаси мя по милости Твоей и соблюди по множеству щедротъ Твоихъ: на Тя бо уповахъ, спаси мя». И обратясь къ патріарху, собору святителей, боярамъ, заключилъ: «Аще будетъ на то воля Божія, буди такъ». Въ отвѣтъ на слова эти Іовъ, святители, бояре съ радостными слезами пали на землю и возслали благодарственное моленіе Богу. Потомъ патріархъ, вышедъ въ сопровожденіи собора святителей и бояръ изъ кельи Александры, возвѣстилъ остальнымъ пришедшимъ «всесильнаго Господа милость», что, по «Его святой волѣ», Борисъ Федоровичъ «пожаловалъ, хоцетъ быти на великомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи самодержцемъ». Какъ море, всколыхался народъ. Всѣ, воздѣвъ руки на небо, единогласно, яко «единѣми усты», загремѣли: «Слава, слава единому безсмертному всемогущему и вся содержащему въ Тройцѣ славимому Богу нашему, что не презрѣлъ моленія нашего и не оставилъ насъ сирыхъ по своей святой милости и по нашему моленію и прошенію далъ намъ великаго государя царя правдѣ и милостѣ!»

XXXII. ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Изъ соч. Павлова: «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова»).

Вступивъ на престолъ, Борисъ окончательно утвердилъ за Россіей, слѣдовательно и за христіанской Европой, цѣлый новый промышленный міръ—Сибирь, которой послѣдній независимый владѣтель, престарѣлый слѣпецъ Кучумъ, послѣ пораженія воеводою Воейковымъ на рѣкѣ Оби,

являсь бѣглецомъ къ нагаямъ, испилъ у нихъ смертную чашу. Въ новопріобрѣтенной странѣ, по мановенію воли Борисовой, возникли города, укрѣпленные и населенные русскими выходцами и ссыльными: Кетскій острогъ, Тюмень, выстроенный въ 1585 г., Тобольскъ—въ 1586 г., Березовъ и Пелымъ—въ 1593 г., Верхотурье, Туринскъ—въ 1600 г.; явились пути сообщеніе; туземцамъ и русскимъ поселенцамъ дарованы разныя льготы.

Промышленный интересъ государства требовалъ охраненія границъ отъ набѣговъ крымцевъ. По свидѣтельству современниковъ, Борисъ строилъ съ этою цѣлью крѣпости и засѣки на южной границѣ; сверхъ того, учредилъ сторожевую линію, посредствомъ которой быстро передавалась воеводамъ и Москвѣ вѣсть о малѣйшемъ непріятельскомъ движеніи татаръ. Объ этомъ живомъ телеграфѣ XVI в. повѣствуетъ одинъ иностранецъ. «Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именныя царскою, крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и 40 верстъ. По большой части, при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожить на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланыхъ. Сіи всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ дерева, находясь на вершинѣ, уже вдали замѣчаетъ скачущаго вѣстника, и едва пойметъ изъ словъ его или изъ знаковъ, съ какой стороны подымается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля, а нѣрѣдко вмѣсто людей открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердить слова товарища, тогда, съ прибытіемъ вѣстника, воинство беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля».

Вѣрный въ своемъ стремленіи своему благодѣтелю Грозному, изъ школы котораго вышелъ, Годуновъ, подобно ему, хотѣлъ стать, изъ цѣлей экономическихъ, твердою ногою на одномъ изъ прибалтійскихъ пунктовъ, тѣмъ болѣе, что Нарва, бывшее складочное мѣсто между Россіею и Западномъ, была утрачена по Плюсскому перемирію (28-го декабря 1586 г.). Пользуясь раздоромъ, возникшимъ между польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и его дядею Карломъ IX, королемъ шведскимъ, онъ думалъ снова овладѣть Ливоніею, готова ей въ короліи сына злополучнаго Эриха XIV, шведскаго принца Густава, жениха Ксеніи Борисовны,—разумѣется, подъ покровительствомъ царя московскаго. Желая имѣть приверженныхъ слугъ въ самой Ливоніи, Годуновъ отпустилъ въ отечество ливонцевъ, плѣнныхъ еще при Іоаннѣ IV, одаривъ ихъ съ неслыханною щедростію. Въ своей граматѣ къ воеводамъ въ Ивангородъ и Псковъ повелѣвалъ онъ своему повѣренному Клаусу говорить отъ своего лица жителямъ: «Слухъ дошелъ до великаго государя, что имъ, рижанамъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей во всемъ тѣснота; хотятъ рижскихъ людей отвести

отъ ихъ вѣры и привести въ католическую вѣру, и права и обряды и вольности ихъ порушати, и такъ сдѣлати, чтобы нѣмцевъ не найти и съ фонаремъ въ Ливонской землѣ... И великій государь про то добре поскорбѣлъ. Похотѣть рижане, лучшіе люди, быти подъ рукою государя, и вочины ихъ будутъ за ними по прежнему; а изъ Риги никого выводить не велить, и урядовъ и правъ, какъ у нихъ велось изстари при арцыбискупѣ и при майстрѣ, порушати не велить, и торговати всѣмъ безъ пошлины». Не имѣя никакого прибалтійскаго пункта, Годуновъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, дать значеніе торговлѣ бѣломорской и съ этою цѣлью основалъ, еще при царѣ Ѳеодорѣ, Архангельскъ. Сохранился любопытный отвѣтъ Бориса отъ имени царя Ѳеодора Елизаветѣ, королевѣ англійской, требовавшей, чтобы торговые люди иныхъ земель товаровъ ихъ (англичанъ) «съ собою не привозили за свои товары». Царь Ѳеодоръ или Годуновъ, что все равно, такъ писалъ къ знаменитой повелительницѣ Британіи: «Предѣлы Россіи открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы султановы, цесарскіе, нѣмецкіе, французскіе, испанскіе, литовскіе, персидскіе, бухарскіе, хивинскіе, шемахинскіе и многіе иные, такъ что можемъ обойтись и безъ англичанъ и въ удобность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю. Для насъ всѣ равны». Это свидѣтельство можетъ много навести на мысль, будто бы Годуновъ сознавалъ важность свободы торговли; однако существовали въ государствѣ Московскомъ и въ его время, въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., внутреннія таможи, остатокъ удѣльщины. этой общественной системы исключительныхъ отношеній.

Заботясь о промышленности, Борисъ не менѣе обращалъ вниманія на образованіе народа, умственное и нравственное.

Видя къ себѣ нерасположеніе всѣхъ приверженцевъ стараго порядка вещей, подозрительный Годуновъ, вступивъ на престолъ, изъ чувства самосохраненія, окружилъ себя своего рода опричниной, состоявшей изъ иноземныхъ тѣлохранителей: сыпалъ на нихъ и на ихъ соотчичей милость за милостью. Принятые въ русское подданство, иностранцы должны были непремѣнно дѣйствовать съ одной стороны на самого Годунова, а съ другой стороны на общество. Вѣроятно, подъ ихъ вліяніемъ задумалъ онъ основать въ Москвѣ свѣтскія училища. Для вызова наставниковъ отправилъ онъ около 1601 г. въ Германію Крамера. Это видно изъ письма къ царю лиценціата правъ, Тобіи Лонціуса изъ Гамбурга, отъ 24-го января 1601 г.: «Онъ (Крамеръ) употребилъ много стараній и просьбъ, такъ и Лонціусъ, для того, чтобы склонить меня на выѣздъ въ землю вашего императорскаго и королевскаго величества, ибо ваше императорское и королевское величество не только требуете ученыхъ людей, но намѣрены даже въ вашемъ державномъ городѣ и областяхъ всемилостивѣйше учредить и устроить школы и университеты... Ваше императорское и королевское величество подлинно стяжаете чрезъ то во всеенной безсмертное имя отца отечества, котораго Богъ воздвигъ и утвердилъ на благо края. Мнѣ случилось быть въ Ливоніи, въ Дерптѣ, гдѣ подданные вашего императорскаго и королевскаго величества, купцы псковскіе, имѣютъ свой гостинный дворъ и торгуютъ: я познакомился съ ними и могу сказать искренно, что сами нѣмцы не оказывали мнѣ столько чести и доброжелательства, какъ эти добрые русскіе. За то я и люблю ихъ душевно, усердствую быть орудіемъ Вышняго Промысла для ученія и наставленія

юношества въ Россіи, во славу Божию и ко благу отечества. Но ѣхать въ землю столь отдаленную не могу безъ удостовѣренія, что то угодно вашему величеству». Около того же времени, а можетъ быть немного ранѣе, посылаѣтъ Годуновъ въ Любекъ Романа Бекмана для приглашенія въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ.

Замысливъ образовъ подданныхъ, Годуновъ, какъ сказано было выше, хотѣлъ учредить школы. Борисъ предложилъ—говорить одинъ иностранный писатель—государственному совѣту (боярской думѣ) вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и для изученія разныхъ языковъ учредить школы; но попы и монахи противились сему намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единоувѣріе, единоправіе, если же настанетъ разноязычіе, поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ свое намѣреніе, однако же послалъ въ чужія земли 18 молодыхъ дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ, но только одинъ возвратился въ Россію: прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего отечества.

Мы сказали, что иноземные выходцы, милостиво принятые въ русскую службу Годуновымъ, имѣли вліяніе на самое общество московское. Въ угодность Борису, многіе русскіе, даже пожилые, начали брить бороду. Такъ какъ въ службѣ царской было весьма много женатыхъ иноземцевъ, то, по естественному ходу вещей, ихъ семейные нравы должны были по-дѣйствовать и на русское общество, среди котораго они жили. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ Годунова общественное положеніе русской женщины значительно измѣнилось, и она въ началѣ XVII в. является нѣсколько иною, нежели въ XVI в. Общественное значеніе женщины въ XVI в. было крайне незавидно: ее рѣшительно держали взаперти, обращаясь съ затворницею весьма грубо.

Со временъ Годунова русская женщина стала дышать нѣсколько свободнѣе. По свидѣтельству Маржерета, когда царица прогуливалась, нѣсколько женщинъ слѣдовало, не боясь нареканія, за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины. Гораздо чаще, чѣмъ прежде, по словамъ Петрея, мужъ сталъ выводить свою жену къ постороннему, когда у мужа бывали гости. Годуновъ, желая истребить грубые пороки, запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуешь вора или убійцу, нежели того, кто, вопреки указу, осмѣлится открыть кружечный дворъ. «Пусть дома—говоритъ Борисъ—каждый ѣстъ и пьетъ, сколько хочетъ: можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино москвитянамъ; если же содержатели питейныхъ домовъ не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы: они получаютъ земли и помѣстья».

Оживляя всѣми возможными мѣрами промышленность, стремясь водворить въ государствѣ Московскомъ образованіе умственное и нравственное, Годуновъ не менѣе того старался дать достолюбезное мѣсто Россіи въ ряду другихъ державъ, имѣя въ виду разорвать узы, связывавшія Москву съ Востокомъ, и сблизить ее съ Западомъ. Дипломатія русская представляла при немъ тройственный характеръ; во-1-хъ, Годуновъ вступалъ въ сношенія съ иноземными государствами изъ интересовъ мате-

ріальнихъ; во-2-хъ, изъ интересовъ образованія; въ-3-хъ, изъ интересовъ семейныхъ.

Въ интересахъ матеріальныхъ дѣйствовалъ онъ двояко: отрицательно и положительно, стараясь — съ одной стороны — защищать Московское государство отъ крымскаго разоренія, а съ другой — стремился обогатить вещественныя силы Россіи новыми приобрѣтеніями въ Сибири, Грузіи, Лапландіи, Ливоніи и Эстоніи, сносясь и при Ѳеодорѣ, и въ свое государство съ Ганзою, Англією. Крѣпости и засѣки держали крымцевъ въ грозѣ; сверхъ того вредили хану одна изъ трехъ ордъ нагайскихъ, приверженныхъ къ царю, и астраханскіе воеводы; Сибирь, послѣ безуспѣшнаго сопротивленія Кучума, покорилась Москвѣ; Грузія поступила-было на-время подъ наше покровительство; сверхъ того шелъ споръ съ Данією за границы въ Норвегіи; Годуновъ не терялъ также надежды приобрѣсти отъ Швеціи Эстонію, а отъ Польши Ливонію. Склоняясь на просьбу купцовъ Ганзы, Борисъ далъ имъ жалованную грамоту на свободу торговли, сбавивъ, впрочемъ, любчанамъ пошлину только до половины; сносясь съ Англією по дѣламъ торговымъ, онъ, при всемъ уваженіи, при всѣхъ милостяхъ къ торговцамъ этой страны, не хотѣлъ, однако же, предоставить имъ однимъ право беспошлинной торговли.

Въ интересахъ образованія Годуновъ пересылался съ Любекомъ, Тосканой, вызывая въ Москву ученыхъ и ремесленниковъ.

Изъ интересовъ семейныхъ онъ велъ переговоры съ Англією, Гольштинією, Австрією, Данією, ища невѣсты для своего возлюбленнаго сына Ѳеодора, которому уповалъ передать престолъ, думая тѣмъ возвысить родъ свой предъ всѣми другими боярскими родами.

XXXIII. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСА ГОДУНОВА.

(Изъ ст. Костомарова: «Смутное время Московскаго государства. Названный царь Димитрій», помѣщенной въ «Вѣстн. Европы» 1866 г.).

Царство Бориса въ первые годы шло мирно и спокойно. Оно казалось золотымъ вѣкомъ для Москвы. Скоро измѣнилось все. Не смотря на всѣ щедроты Бориса, его не любили. Его бы не избрали въ цари, если бы избраніе происходило правильнымъ порядкомъ, если бы духовенство и московская чернь не порѣшили тогда судьбы Русской земли. Московскіе люди понимали, что всѣ знаки царскаго добродушія истекаютъ изъ одного желанія утвердить за собою похищенную власть, что Борисъ только обольщаетъ народъ. Люди родовитые съ омерзеньемъ видѣли на царскомъ престолѣ потомка мурзы Чета, природнаго татарина, тогда какъ были княжескіе роды гораздо его знаменитѣе. Мысль, что потомство татарской крови утвердится на престолѣ московскомъ на будущія времена, оскорбляла народное самолюбіе тѣхъ, кому была знакома исторія русской земли и кто дорожилъ ею, какъ святынею. Но дѣло было искусно обдѣлано. Борисъ, въ качествѣ избраннаго всею землею, вѣнчанный, помазанный, поддерживаемый патріархомъ и всѣмъ духовенствомъ, былъ крѣпокъ какъ нельзя болѣе. Онъ казался вполне законнымъ государемъ, и никакой потомокъ Рюрика или Гедимины не въ силахъ былъ поста-

вить своихъ родовыхъ преимуществъ противъ правъ народнаго избранія и церковнаго освященія. Столкнутъ Бориса и не допустить родъ его до вѣнца можно было только такимъ именемъ, за которымъ бы, прежде возведенія Бориса, народъ признавалъ право назвать престолъ московскій. Такимъ именемъ было одно имя—имя Димитрія царевича. Правительство, объявивши разъ, что этотъ царевичъ въ дѣтствѣ зарѣзася, старалось, чтобы не говорили о немъ, хотѣло, чтобы всѣ русскіе люди забыли его. Между тѣмъ въ народѣ шепотомъ продолжали обвинять Бориса въ убійствѣ царетвеннаго дитяти. Казни въ Угличѣ, переселеніе жителей этого города въ Сибирь, заточенія и ссылки, которыя послѣдовали послѣ смерти царевича, гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливался не вѣрить, что царевичъ самоубійца,—все это уже бросило черное пятно на Бориса. Въ судьбѣ Димитрія оставалось много таинственнаго, неразгаданнаго. Среди этой неизвѣстности легко могъ получить вѣру слухъ, что убить былъ не Димитрій, а подмѣненный заранѣе мальчикъ, самъ же Димитрій здравствуетъ и готовится гласно потребовать отъ Бориса своего наслѣдія. И вотъ, въ 1600 г., сталъ разноситься слухъ, будто Димитрій не убитъ, а, предохраненный друзьями, проживаетъ до сихъ поръ. Эта роковая вѣсть перевернула Годунова и измѣнила до корня. Мягкосердечіе его исчезло. Въ немъ проснулся прежній Борисъ Годуновъ, воспитанникъ страшныхъ годовъ опричнины, не содрогавшійся ни предъ чѣмъ истребитель Углича, гонитель Шуйскихъ и всѣхъ враговъ своихъ. Цѣль его жизни была утвердить свой родъ на престолѣ; для этой цѣли онъ былъ жестокимъ и суровымъ, для этой цѣли сдѣлался добродушнымъ и милосерднымъ. Кроткія средства не удавались теперь: для той же цѣли ему приходилось опять сдѣлаться подозрительнымъ, мрачнымъ, свирѣпымъ. Онъ увидалъ, что у него есть враги, а у враговъ можетъ явиться страшное орудіе. Надобно было найти это орудіе, истребить своихъ враговъ, или же приходилось потерять плоды трудовъ всей жизни, ожидать себѣ и своему роду позора и гибели. Его положеніе было таково, что онъ не могъ, не смѣлъ объявить, чего онъ ищетъ, кого преслѣдуетъ, какого рода измѣны страшится; заикнуться о Димитріи значило бы вызывать на свѣтъ ужасный призракъ. Оставалось хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ воцарившемуся государю, пытать ихъ, мучить, чтобы такимъ образомъ случайно попасть на слѣдъ желаемой тайны. Такъ Борисъ и сталъ поступать. Если бы Борисъ зналъ подлинно, кто враги его, то только на нихъ бы налегъ, и ихъ гибелью окончилось бы все дѣло; но онъ только подозрѣвалъ, а не былъ увѣренъ. На первого онъ напалъ на Богдана Бѣльскаго; этотъ человекъ былъ ближе всѣхъ къ Димитрію. Царь Іоаннъ Васильевичъ поручалъ ему охранять свое дѣтище. Борисъ всегда считалъ его себѣ опаснымъ, въ 1599 г. удалилъ его изъ Москвы и послалъ въ украинскія степи строить городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій зажилъ тамъ богато и знатно, сооронилъ крѣпкій городъ, набралъ на свой счетъ войско, кормилъ, одѣвалъ, жаловалъ ратныхъ людей. Когда разнесся слухъ о Димитріи, Борисъ, не упоминая объ этомъ имени, придрался къ Бѣльскому за то, что онъ, какъ доносили царю, будучи въ Царевѣ-Борисовѣ, въ веселый часъ произнесъ неосторожныя слова: «Царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я царь въ Царевѣ-Борисовѣ!» Бѣльскаго привезли въ Москву. Царь позорилъ его, поругался надъ нимъ, приказалъ доктору своему, шотландцу, выпинать ему

густую, красивую бороду, которою Бѣльскій гордился. Его сослали куда-то на Низъ и заточили въ тюрьму. Ссылка постигла и другихъ, которые были съ Бѣльскимъ въ Царевѣ-Борисовѣ.

Слѣдъ Димитрія не былъ отысканъ. Борисъ, растоптавъ Бѣльскаго, принялся за другихъ. Пострадала и фамилія Романовыхъ, и нѣсколько другихъ родственныхъ и дружескихъ съ нею знатныхъ фамилій. Романовы находились въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Бѣльскимъ. При томъ же Романовы были и безъ того бѣлымъ въ глазу у Бориса. Это былъ родъ самый близкій къ прежней династіи и самый любимый народомъ. Если Борисъ вступилъ на престолъ, будучи шуриномъ покойнаго царя, то Романовы также могли добиваться вѣнца, будучи двоюродными братьями по матери царя Θεодора. На сторонѣ ихъ были и память добродѣтельной Анастасіи, и безукоризненное ихъ всѣхъ поведеніе, и непричастность ихъ рода къ тяжелому времени опричнины. Въ народѣ носились слухи, будто царь Θεодоръ предъ смертію хотѣлъ, чтобы вѣнецъ царскій перешелъ по избранію Романовымъ, а не Борису. Понятно, что при такой обстановкѣ Романовы не были расположены къ Борису, и Борисъ могъ подозрѣвать Романовыхъ, когда ему приходилось отыскивать тайнаго зла прстивъ себя. Нужно было потормозить Романовыхъ: авось у нихъ найдутъ нити, по которымъ можно добраться до тайны; нужно было потомъ во всякомъ случаѣ избавиться отъ нихъ навсегда. По извѣстіямъ, сообщаемымъ лѣтописцами, Борисъ придрался къ нимъ такимъ образомъ: одинъ изъ холопей Александра Никитича Романова, Второй-Бартеневъ, явился къ окольничему Семену Годунову, родственнику и клеврету царя Бориса, и предложилъ свои услуги—донести на Романовыхъ. Семенъ сейчасъ же обѣщалъ ему царское жалованье. Тогда Второй-Бартеневъ наклеалъ въ мѣшокъ разныхъ кореньевъ и положилъ этотъ мѣшокъ въ казну Александра Никитича, а потомъ сдѣлалъ доносъ, будто у его боярина есть коренья, которыми онъ хочетъ извести царя и добыть вѣдовствомъ царства. Когда Семенъ донесъ объ этомъ, царь послалъ сдѣлать обыскъ. Обыскали Александра Никитича, взяли заповѣдный мѣшокъ и повесли къ патриарху Іову; изъ мѣшка вынуты были коренья и положены на столъ при патриархѣ и другихъ лицахъ изъ знатнаго духовенства. Улика была на лицо. Дѣлавшіе обыскъ ссылались на Второго-Бартенева, какъ на свидѣтеля, не смотря на то, что онъ же былъ и доносчикъ. Начали брать Романовыхъ одного за другимъ. Борисъ осудилъ всѣхъ братьевъ съ ихъ семьями, какъ измѣнниковъ и злодѣевъ своихъ, и сослалъ ихъ въ разные отдаленныя мѣста. Александра сослали къ Бѣлому морю, въ Луду; его тамъ скоро не стало: по извѣстію лѣтописца, его удавилъ приставъ Лодыженскій. Василія Никитича сослали въ Яренскъ, а потомъ въ Пелымъ. Этотъ бояринъ страдалъ отъ жестокостей своего пристава, который надѣлъ на узника тяжелыя цѣпи, мучилъ и билъ вопреки приказаніямъ самого Бориса, а оправдывался тѣмъ, что Романовъ укралъ у него ключъ отъ цѣпи и хотѣлъ убѣжать. Туда же сослали и брата его Ивана Никитича, больного, не владѣвшаго рукою. Борисъ не былъ изъ такихъ тирановъ, которые находятъ себѣ наслажденіе въ страданіяхъ тѣхъ, кого считаютъ врагами. Онъ только охранялъ самого себя, чтобы они ему не могли быть вредны. Поэтому Борисъ вовсе не приказывалъ мучить братьевъ, сосланныхъ въ Пелымъ. Онъ велѣлъ имъ дать особый дворъ съ двумя избами, давать имъ по калачу и по два денеж-

нихъ хлѣба въ сутки, въ скоромные дни по части говядины и по три части баранины, а въ постные дни рыбы, не накладывать цѣпей, но велѣлъ не допускать къ нимъ никого, не позволять ни съ кѣмъ переписываться, слѣдить за каждымъ ихъ словомъ. Слуги Борисовы показывали свое усердіе къ царю больше, чѣмъ царь требовалъ. Василій Никитичъ скоро умеръ въ Целымѣ отъ дурнаго содержанія и худаго обращенія. Михаила Никитича заточили за 30 верстъ отъ Чердыни въ Наробской волости и держали въ земляной тюрьмѣ. О немъ сохранилось преданіе, что онъ былъ силенъ; и теперь хранятся въ наробской церкви его цѣпи: плечныя въ 12, ножныя въ 19, а замокъ на нихъ въ 10 фунтовъ. Приставы и сторожа истязали его, но не по приказанію Бориса. Всѣхъ ихъ разлучили съ семьями. Болѣе всѣхъ братьевъ отличался Ѳеодоръ Никитичъ, отъ природы умный, острый, любезный и пріятливый съ русскими и съ чужеземцами, любознательный и начитанный, знакомый даже немного съ латынью; никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ; не было въ Москвѣ красивѣе мужчины, такъ что красота его вошла въ пословицу, и если портной, сдѣлавши платье и примѣривъ его, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: «Теперь ты совершенно Ѳеодоръ Никитичъ». Говорятъ, что еще при царѣ Ѳеодорѣ принудили его жениться на бѣдной дѣвушкѣ, вѣроятно съ цѣлью унижить его; но онъ нашелъ добрую жену въ этой незнатной дѣвицѣ, урожденной Шестовой. Этого то щеголя московскаго постригли насильно въ Сійскомъ монастырѣ, подъ именемъ Филарета, и приставили къ нему строгій надзоръ; жену его Ксенію Ивановну разучили съ малолѣтними дѣтьми, постригли подъ именемъ Марыи и сослали въ Егорьевскій погостъ Толвуйской волости въ Заонежь; малолѣтнихъ дѣтей ея, мальчика Михаила и дѣвочку, сослали на Бѣлоозеро съ теткою ихъ, сестрою Романовыхъ, дѣвицею Анастасією. Туда же сослали мужа другой сестры Романовыхъ, князя Бориса Канбулатовича Черкаскаго, съ женою и дѣтьми. Постригли и мать Ксеніи Ивановны, Марью Шестову. Сослали по дѣлу Романовыхъ многихъ другихъ свойственниковъ и друзей ихъ, въ томъ числѣ князя Сидцаго, бывшаго воеводою въ Астрахани: его привезли изъ Астрахани въ оковахъ, разлучили съ женою и сослали въ Кожеозерскій монастырь, а жену въ Сумскую пустынь; сослали также князей Репниныхъ, Карповыхъ и Шестовыхъ.

Но Филаретъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ, чтобы клеветы Бориса могли услышать отъ него чтонибудь важное. Филаретъ говорилъ только: «Бояре мнѣ великіе недруги, искали головъ нашихъ, научали говорить на насъ людей нашихъ: я самъ видѣлъ то не однажды. У нихъ теперь нѣтъ ни одного разумнаго; не сдѣлаетъ съ ними царь никакого дѣла; только и есть умный человѣкъ, что Богданъ Бѣльскій: тотъ досуужъ и къ посольскимъ, и ко всякимъ дѣламъ...» Предъ приставомъ Филаретъ вспомнилъ о семьѣ и показывалъ видъ, что не знаетъ ничего объ ней, и говорилъ: «Милыя мои дѣти! Маленькіе бѣдныя остаются! Кто ихъ будетъ кормить и поить! А жена моя бѣдная на удачу уже жива ли! Гдѣ она? Чаю, гдѣнибудь туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ. Мнѣ же что надобно! То мнѣ и лихо, что жена и дѣти: какъ помянешь ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ! Много они мнѣ мѣшаютъ. Дай Господи услышать, чтобъ ихъ раньше Богъ прибралъ: я бы тому обрадовался. Чаю, и жена сама тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ

смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одинъ своею душою». А между тѣмъ, не смотря на всю строгость, Филаретъ зналъ, гдѣ его жена и дѣти; находились добрые люди, которые облегчали участь страдальцевъ. Въ Толвуйской волости былъ попъ Ермолай и нѣкоторые крестьяне, которые освѣдомлялись о положеніи Филарета и сообщали объ немъ извѣстія женѣ его, и отъ нея переносили вѣсти ему.

И другія фамиліи испили подобную чашу. Такъ, семейство Пушкиныхъ, по доносу своихъ холоповъ, было разослано въ Сибирь; ихъ помѣстья и вотчины описаны, имущество распродано, а доносчики получили награды. Дьяку Щелкалову не прошло даромъ, что онъ читалъ народу о присягѣ боярской думѣ: и его сослали въ 1602 г. Подозрительный до крайности, Борисъ каждую минуту боялся за свой вѣнецъ, за свое существованіе, за свой родъ и былъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ. Димитрій не отыскивался; но Борисовы агенты провѣдали и доносили царю, что тайные враги спроваживаютъ этого Димитрія за рубежъ въ Польшу. Борисъ, попрежнему не упоминая имени Димитрія, приказалъ устроить на западной границѣ караулы, не пропускать никого черезъ границу хоть бы съ проѣзжемъ памятью, но всѣхъ велѣлъ задерживать и доносить ему объ нихъ. Всѣ знали, что ищутъ какихъ-то важныхъ государственныхъ преступниковъ; но никому не объявляли, кого именно ищутъ. Народъ испыталъ много тѣсноты, оскорбленій; много было схвачено и перемучено невинныхъ людей, а того, кого Борису было нужно, не нашли. Награды за доносы привлекли къ этимъ занятіямъ. По московскимъ улицамъ, говоритъ современникъ, то и дѣло сновали мерзавцы да подслушивали, что въ народѣ говорится, и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ, сейчасъ говоруну въ хватаютъ и въ пытку. Не проходило пира, чтобъ въ немъ не было соглядатаевъ; гдѣ только люди соберутся, тамъ и доносчики явятся. Обвиняемыхъ въ недоброжелательствѣ къ государю и въ злоумышленіяхъ обыкновенно подвергали пыткамъ, и, если они подъ пытку оказывались сколько-нибудь виновными, заключали въ темницы или разсылали по отдаленнымъ землямъ. Имущества опальныхъ брали въ казну или раздавали доносчикамъ. Борисъ воспользовался положеніемъ холоповъ и ихъ естественною непріязнью къ господамъ. Въ тѣ времена господинъ безъ крѣпостнаго акта могъ покуситься на свободу служившаго у него человѣка, и сильный всегда могъ оскорбить, закабалить, примучить слабого. Зато холопу, если ему тяжело становилось холопство, былъ прекрасный способъ освободиться отъ рабства—донести на господина. Скрывая упорно главнѣйшую причину розысковъ, Борисъ гласно высказалъ другаго рода страхъ: чтобы его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями, и достаточно было голословнаго слуха о вѣдовствѣ, чтобы начать розыскъ. Царь дѣйствительно боялся вѣдовства, но въ самомъ дѣлѣ не столько, сколько показывалъ, прикрывая этою боязнью надежду посредствомъ розысковъ напасть на слѣдъ Димитрія. Искали въ сущности Димитрія; никто не смѣлъ сказать, что его ищутъ; между тѣмъ объ этомъ знали, и расходился на бѣду Борису слухъ о Димитріи въ русскомъ народѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе Борисъ хотѣлъ уничтожить эту молву въ самомъ источникѣ.

Быстро исчезла та призрачная любовь, которую Борисъ подогрѣвалъ къ себѣ въ русскомъ народѣ искусственною добротою и щедротами. Бо-

риса стали ненавидѣть; его ненавидѣли бояре, ненавидѣло и дворянство, которое ему обязано было закрѣпленіемъ крестьянъ; скоро снѣ охладѣло къ нему, послѣ того какъ онъ сталъ царемъ. Народъ въ первое льготное время послѣ вѣнчанія новаго царя отдохнулъ немного отъ своего обычнаго бремени; но, когда воротился прежній порядокъ, ему послѣ отдыха стало тяжелѣе, чѣмъ прежде, терпѣть отъ налоговъ и грабительства правителей. Страшный голодъ, постигшій Русь въ 1601 и 1602 гг., довершилъ подготовку Московской земли къ потрясеніямъ. Нищета поразила простой народъ быстро. Тогда многіе изъ владѣльцевъ, державшихъ у себя холоповъ,—и добровольныхъ, и насильно закабаленныхъ,—прогнали ихъ отъ себя, потому что дорого обходилось ихъ прокормленіе. Изгнанники увеличивали толпы голоднаго народа. Настала тяжелая зима. Въ слѣдующій годъ былъ такой же неурожай. Тогда уже постигла Московское государство такая бѣда, какой, какъ говорили, не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Люди стали умирать съ голоду. Царь приказалъ отпереть свои житницы, продавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны, а очень бѣднымъ раздавать деньги. Каждый день въ Москвѣ раздавали нищимъ по полуденгѣ человѣку, а въ праздники и воскресные дни по цѣлой денгѣ. Для приходившихъ за царскою милостынею въ нѣсколькихъ мѣстахъ близъ стѣны Бѣлаго города выстроили переходы, и въ нихъ-то раздавалась милостыня; каждый день у царя выходило по 20.000 фунтовъ стерлинговъ, говорить одинъ англичанинъ. Но этого было недостаточно: хлѣбъ и прочіе припасы, при накопившемся многолудствѣ, дорожали болѣе и болѣе; невозможно было всѣхъ прокормить такою милостынею; притомъ же въ Московской землѣ, по замѣчанію современника, всѣ должностныя лица были воры; они на этотъ разъ раздавали царскія деньги своей роднѣ, пріятелямъ и тѣмъ, которые съ ними дѣлились барышами; ихъ сообщники приходили въ лохмотьяхъ, заурядъ съ нищими и голодными, и получали прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ царскія деньги, а настоящіе нищіе, хромые, слѣпые, увѣчные, не могли дотолпиться: ихъ прогоняли палками. Бѣдняги ѣли сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, всякую падаль. Много народу умирало по улицамъ. Борисъ учредилъ стражу, чтобы подбирать и хоронить тѣла умирающихъ безпріютно отъ голода, и приказалъ изъ своей казны отпускать на мертвецовъ саваны. Эта стража то-и-дѣло развѣзжала по Москвѣ и увозила мертвецовъ въ ямы за городомъ. Случалось такимъ образомъ, что и живыхъ, павшихъ отъ изнеможенія, захватывали; случалось, что везутъ полныя сани труповъ, а между ними слышатся стоны и жалобныя моленія; а тѣ, что везутъ, какъ будто не слышатъ, рассчитывая, что, все равно, придется же забирать ихъ и увозить впослѣдствіи, и такъ безъ содроганія бросали еще дышащихъ людей въ могилы.

Раздача милостыни продолжалась съ мѣсяцъ. Потомъ правительство разсудило, что раздача милостыни только обогащаетъ плутовъ, накопляетъ голодный народъ въ столицѣ; смертность усиливается, можетъ явиться и зараза; притомъ подозрительный Борисъ боялся, чтобы народъ, пришедши въ крайнее ожесточеніе, не поднялъ бунта, а это было бы опасно въ столицѣ при такомъ многолудствѣ. Запретили раздачу милостыни въ столицѣ. Это было именно въ такую пору, когда вѣсть о щедротахъ Бориса успѣла распространиться по отдаленнымъ угламъ русскаго міра и со всѣхъ сторонъ шли народныя толпы къ Москвѣ за пропитаніемъ;

на дорогѣ постигла ихъ вѣсть, что уже болѣе не раздають въ Москвѣ милостыни и не кормятъ голодныхъ. Путники, лишенные средствъ, погибали по дорогамъ, какъ мухи, а другіе ѣли ихъ трупы, и эту пищу у нихъ отнимали стаи волковъ, которые бросались и на мертвыхъ, и на живыхъ. Голодное время сдѣлало свое: кромѣ гибели множества народа, оно утвердило въ московскомъ народѣ тяжелую мысль, что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, потому что достигнуто и поддерживается беззаконіями. Если старожилы не помнили на Руси такого страшнаго голода, то не помнили и такого бродяжничества, какъ въ эти времена. Господа выгоняли слугъ своихъ, когда черезчуръ дорого стоило ихъ прокормить, а потомъ, какъ хлѣбныя цѣны спадали, хотѣли возвратить ихъ себѣ; но бывшіе холопы, если не успѣвали пропасть отъ голода, скитались и не хотѣли ворочаться. Бѣглецы собирались въ шайки. Къ этимъ бродягамъ приставало множество холоповъ, принадлежавшихъ опальнымъ боярамъ. Этихъ опальныхъ холоповъ собрались тогда тысячи; лишенные права шататься изъ двора во дворъ, они приставали къ разбойничьимъ шайкамъ, которыя повсюду составлялись въ разномъ числѣ. Все это бѣглое населеніе, естественно, было недовольно тогдашнимъ правительствомъ, все съ радостью готово было броситься къ тому, кто поднимется на Бориса, кто пообѣщаетъ льготы. Тутъ не было никакихъ стремленій къ какому бы то ни было иному государственному и общественному строю: громада недовольныхъ легко приступаетъ къ новому лицу, надѣясь, что при новомъ будетъ лучше, чѣмъ при старомъ.

XXXIV. КРИЗИСЪ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВѢКА.

(Изъ «Очерковъ по исторіи смуты» С. Ѳ. Платонова).

Мы знаемъ, какъ сложенъ былъ составъ Московскаго государства и какъ разнообразны были по характеру его части. Торгово-промышленныя сѣверныя области съ значительнымъ развитіемъ независимаго отъ частныхъ владѣльцевъ крестьянскаго землевладѣнія, съ процвѣтаніемъ сильнаго не однимъ многолюдствомъ, но и достаткомъ, тяглаго посада, съ почти полнымъ отсутствіемъ служилаго люда на помѣстьяхъ, — мало походили на южныя окраинныя области, въ которыхъ все почти земледѣльческое населеніе было «прибрано» на государеву службу и пахало на собственномъ своемъ «помѣстьѣ» и на государевой пашнѣ, въ которыхъ на посадахъ почти не было тяглыхъ людей и сѣверный «міръ» замѣненъ былъ стрѣльцомъ «сотнею» и казачьимъ «приборомъ». Западная часть государства, съ ея старинными торгово-промышленными городами Новгородомъ и Псковомъ, которые втянули въ себя всѣ силы и интересы, руководившіе хозяйственною жизнью края, и процвѣтали въ то время, когда окрестныя мѣста теряли исконное промышленное населеніе, мѣняя его на пришлое военное, — мало имѣла общаго съ восточными областями или Низомъ, гдѣ, наоборотъ, только что начиналась хозяйственная дѣятельность русскаго племени и рядомъ съ военными гарнизонами осѣдалъ мирный земледѣлецъ и промышленникъ, недавно пришедшій изъ «верховыхъ» городовъ. Наконецъ, центръ государства, въ

которомъ крестьяне бросали свою пашню, посадскіе оставляли свой посадъ, служилые люди «пустошили» свои помѣстья и вотчины, а монастыри прибирали къ своимъ рукамъ брошенное и запустошенное,—представляеть собою нѣкоторый хаосъ, образовавшійся на развалинахъ прошлаго порядка, и тѣмъ напоминаетъ намъ «дикое поле», на которомъ въ такомъ же хаотическомъ броженіи носились элементы этого прошлаго порядка, еще не улегшіеся, да врядъ ли и способные улежаться въ какую-либо форму гражданственности и образовать собою новый порядокъ.

Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ тѣми внутренними движеніями въ московскомъ обществѣ и государствѣ, которыя происходили въ XVI вѣкѣ и привели государство, изученное нами, къ серьезнѣйшему кризису и смутамъ.

Мы слѣдуемъ тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые полагаютъ, что смута начала XVII вѣка имѣла корни въ московской жизни, а не была скурпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству польскими «кознями» и папской «интригою». Разумѣется, мы назвали бы политику Рѣчи Посполитой и папской куріи недальновидною и неискусною, если бы она не умѣла во-время понять и оцѣнить происходившія въ московской жизни замѣшательства и если бы она не пыталась извлечь изъ нихъ свою пользу. Но мы не думаемъ, что эта политика могла привить здоровому политическому тѣлу заразу междоусобія и могла поднять народныя массы другъ на друга безъ причинъ, лежавшихъ въ ихъ бытѣ. Думать такъ значитъ отказываться отъ всякой надежды понять дѣйствительное значеніе смуты и правильно объяснить ея происхожденіе.

Московскіе люди, жившіе въ условіяхъ, въ которыхъ созрѣвала смута, чувствовали ея приближеніе. Безъ привычки къ свободному и простому изложенію наблюденій и впечатлѣній, они въ своихъ писаніяхъ оставили намъ не ясно выраженные опасенія и предчувствія бѣды, но намеки, смутные и тревожные, смыслъ которыхъ, однако, остается вѣкъ сомнѣній. Изъ памятниковъ письменности того времени всѣхъ яснѣе говорить о грядущихъ бѣдствіяхъ извѣстная «бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ», составленная во второй половинѣ XVI вѣка, въ тѣ годы, когда уже сталъ ясенъ разбродъ населенія и упадокъ хозяйствъ въ центральныхъ и западныхъ мѣстностяхъ государства. Обращая наблюдаемые въ дѣйствительности факты въ пророческое предсказаніе чудотворцевъ, «бесѣда» говоритъ, что «при послѣднемъ времени» запустѣютъ волости и села «никимъ гоними», «люди начнутъ всяко убывати, и земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ менши, и тѣмъ достальнымъ людямъ будетъ на пространной земли жити негдѣ». Это, разумѣется, не предсказаніе; предсказаніе начинается тамъ, гдѣ авторъ говоритъ, что «царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися-начнутъ». Писавшій во времена Грознаго и призывавшій читателя молиться «за царя и великаго князя и за его царицу и великую княгиню и за ихъ благородныя чада», авторъ въ дѣйствительности не могъ видѣть частую смѣну царей и додумался до нея путемъ пессимистическихъ размышленій. Московская жизнь представлялась ему въ безотрадномъ свѣтѣ, благодаря «царской простотѣ», «иноческимъ грѣхамъ» и «мірскому невоздержанію»; онъ понималъ, что дѣло идетъ къ общему потрясенію, и представлялъ себѣ его по своему. Та же мысль

о близости потрясеній была и у князя Курбскаго, когда онъ изъ Полоцка писалъ Грозному въ 1579 году, что тѣ «не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконіа», и грозилъ царю скорою гибелью «со всѣмъ домою» за то, что онъ «пустошитъ землю свою и губитъ подручныхъ всеродитъ». Рядомъ съ подобными, не вполнѣ вразумительными литературными иносказаніями, въ одномъ официальномъ актѣ 1584 года находимъ совершенно ясное, хотя и короткое, указаніе на общественный кризисъ и «тощету». Этотъ актъ — приговорная о тарханахъ грамота, поводомъ къ которой было «многое запустѣніе за воинскими людьми въ вотчинахъ ихъ и въ помѣстьяхъ» и выходъ изъ за служилыхъ людей крестьянъ, то-есть уже знакомый намъ упадокъ служилыхъ земельныхъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, въ московскомъ обществѣ и правительственной средѣ существовало представленіе о томъ, что дѣла въ государствѣ идутъ неправильнымъ путемъ, не въ должномъ направленіи, и русскіе люди чувствовали близость той или другой развязки».

Конечно, изъ разговоровъ съ русскими же людьми, — непосредственно или черезъ другихъ своихъ соотечественниковъ, — узналъ извѣстный Джильсъ Флетчеръ обстоятельства московской жизни его времени. Онъ былъ въ Московскомъ государствѣ въ 1588 — 1589 гг., а въ 1591 году была уже издана въ Лондонѣ его книжка «Of the Russia Common Wealth». Въ V-й главѣ этого труда Флетчеръ сообщаетъ между прочимъ, что младшій братъ царя Θεодора Ивановича Димитрій живетъ далеко отъ Москвы, подъ надзоромъ и охраною матери и ея родныхъ, но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушеній со стороны тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя. Раньше смерти царевича Флетчеръ зналъ ея вѣроятность; ему былъ извѣстенъ даже слухъ о томъ, что царевича хотѣли извести ядомъ, — тотъ самый слухъ, который впослѣдствіи мелькаетъ въ различныхъ русскихъ сказаніяхъ. Заключая рассказъ о родѣ русскихъ царей, въ концѣ V-й главы, Флетчеръ замѣчаетъ, что, повидимому, царскій родъ «скоро пресѣчется со смертію особъ, нынѣ живущихъ», и это произведетъ переворотъ въ Русскомъ царствѣ. Въ глазахъ Флетчера ожидаемый переворотъ не долженъ былъ ограничиться простою смѣною владѣтельныхъ лицъ. Въ IX-й главѣ, при описаніи опричнины и опалѣ Грознаго, онъ говоритъ, что политика Грознаго и его, съ точки зрѣнія Флетчера, «варварскіе» поступки, хотя и прекратившіеся съ воцареніемъ Θεодора, такъ потрясли все государство и до того возбудили всеобщій ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно кончиться не иначе, какъ междоусобіемъ (a civill flame). Въ то же время Флетчеръ соображалъ, что въ этомъ междоусобіи или возстаніи, если оно произойдетъ, руководство и рѣшающая роль должна принадлежать войску (the militarie forces), а не народной массѣ и не знати (nobilitie); въ этомъ смыслѣ составилъ онъ заключеніе къ X-й главѣ. Итакъ, Флетчеръ, бывшій въ Московскомъ государствѣ всего нѣсколькимъѣсяцевъ, успѣлъ не только подмѣтить признаки критическаго положенія дѣлъ въ Москвѣ, но и предсказать возможный исходъ изъ этого положенія. Прекращеніе династіи ему казалось вѣроятнымъ болѣе, чѣмъ за восемь лѣтъ до кончины царя Θεодора; онъ предсказывалъ «всеобщее возстаніе» болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до самозванщины. Очевидно, что

для самого Флетчера, или же для тѣхъ англичанъ, съ которыми онъ видался въ Россіи и которые знали хорошо русскія дѣла, русская жизнь представляла совершенно ясныя свидѣтельства переживаемаго ею тяжелаго перелома.

Въ чемъ же заключался этотъ переломъ?

Въ основаніи московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ больше давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: «это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было социальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглою массы и стремленіе ея къ выходу съ «тяглыхъ жеребьевъ» на черныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложнений общественной жизни. Оба противорѣчія въ своемъ раскрытіи, во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое смутное время. »

XXXV. ПРИЧИНЫ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ. »

(Изъ ст. Соловьева: „Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Теодора Иоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ“, помѣщенной въ „Современникъ“ за 1849 г.).

Въ началѣ XVII столѣтія страшная болѣзнь объяла государственное тѣло и стала грозить конечною гибелью. Не преступленія правителя, не дерзкій умыселъ монаха, не крамола бояръ, не зависть сосѣдней державы, не тайныя ковы знаменитаго ордена произвели эту болѣзнь въ государствѣ: она тайлась внутри его и ждала только удобной минуты, чтобы развиться во всей силѣ.

Уже пять вѣковъ шла борьба между началами государственными и противогосударственными; къ концу XVI в. государство восторжествовало: сосредоточивающая сила преодолѣла всѣ препоны, огромное государственное тѣло было объединено, сплочено, готово, повидимому, выйти изъ той замкнутости, въ которой удерживала его внутренняя борьба, и начать цѣльную жизнь въ кругу другихъ государствъ, родственныхъ ему по одной общей основѣ гражданскаго быта—христіанству; казалось, что съ новою династіей Московское государство начнетъ новое бытіе, усвоитъ

себѣ плоды западно-европейской цивилизаціи и быстро пойдеть по пути усовершенствованія, по пути къ наряду; казалось, что и новый царь, вѣрный ученикъ Грознаго, сознавалъ новыя потребности юнаго государства, сознавалъ назначеніе своей династіи и воспитывалъ въ сынѣ своемъ правителя, способнаго удовлетворить этимъ новымъ потребностямъ и выполнить назначеніе династіи. Но все это казалось только, и нужно было пройти еще цѣлому столѣтію, прежде чѣмъ новая жизнь могла начаться для Россіи. Что же были за причины такого замедленія?

Пять вѣковъ упомянутой борьбы, борьбы напряженной и кровавой, не могли но оставить послѣ себя слѣдовъ въ нашемъ древнемъ обществѣ; никогда и нигдѣ подобныя передомы, подобные переходы изъ одного порядка вещей въ другой не обходятся дешево для народовъ, никогда и нигдѣ подобныя борьбы на жизнь и на смерть, въ которыхъ всѣ средства обыкновенно считаются дозволенными, не остаются безъ гибельныхъ послѣдствій для народной нравственности. Въ борьбѣ сильного съ слабымъ интересъ самосохраненія становится интересомъ господствующимъ; но извѣстно, что такое господство вовсе не благопріятствуетъ развитію доблестей гражданскихъ; чтобы спастись отъ насилій сильного, слабый прибѣгаетъ къ коварству и противъ меча готовитъ отраву; съ другой стороны—сильный не преминетъ воспользоваться всякимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, причѣмъ заставитъ слабого стать своимъ орудіемъ и такимъ образомъ развратитъ его. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, при господствѣ интереса самосохраненія, довѣренность между гражданами необходимо ослабѣваетъ, всякій начинаетъ опасаться другого, особиться, начинать думать только о самомъ себѣ и при единствѣ внѣшнемъ внутреннее исчезаетъ. Вспомнимъ, какія средства должны были употреблять великіе князья противъ удѣльныхъ, вспомнимъ поведение бояръ при послѣднихъ Рюриковичахъ, обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ Грознаго, и средства его въ борьбѣ со стариною, вспомнимъ крестоцѣловальную записъ Годунова и рассказы о доносахъ въ его царствованіе; присоединимъ еще сюда нѣсколько извѣстій о состояніи народной нравственности въ это время. Вотъ слова автора московской хроники: «Во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимоверно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышающій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ глумомъ высокомеріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и распутствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ».

Таковы были дурные соки, накопленные обществомъ въ продолженіе пяти вѣковъ; ясно, что общество не могло начать новой жизни, не очистившись прежде отъ этихъ соковъ, не излечившись отъ своей тяжелой болѣзни, а это излеченіе могло произойти только вслѣдствіе сильного потрясенія всего организма. Нужно было, чтобы болѣзненные начала, развившись во всей полнотѣ, вызвали противоборство началъ жизненныхъ, и общество, выдержавъ борьбу съ опасною болѣзнію, вышло изъ нея

чистымъ, здоровымъ и крѣпкимъ; надобно было, чтобы единство, данное Руси московскими государями, перешло, какъ необходимость, въ народное сознаніе, чтобы это матеріальное единство стало духовнымъ, не зависящимъ болѣе отъ силы, отъ сосредоточія вѣшняго; надобно было очистить народъ отъ общественнаго разврата, затронувши въ немъ высшіе гражданскіе интересы и заставивши его жертвовать всѣмъ для ихъ соблюденія. Но, кромѣ этихъ причинъ, дѣлавшихъ необходимымъ сильное государственное потрясеніе, были еще другія. Выше было сказано, что къ концу XVI в. государство восторжествовало надъ родовымъ бытомъ: не было болѣе удѣльныхъ князей, убоицы прекратились, но слѣдствія ихъ остались. Во время прежнихъ родовыхъ споровъ и междоусобій враждующіе князья постоянно имѣли нужду въ толпѣ людей праздныхъ, привыкшихъ къ буйной воинской жизни, къ жизни на счетъ другихъ, на счетъ общества; толпами этихъ-то людей поддерживались междоусобія, потому что побѣжденный всегда находилъ средства снова набрать войско. Но когда убоицы стихли, то что было дѣлать этимъ людямъ безпристаннымъ, бездомовнымъ, которымъ было тѣсно въ обществѣ? Что было дѣлать теперь казакамъ? Толпами шли они за границу государства, но много оставалось ихъ еще внутри; государство начало набирать ихъ въ свою службу, но служба эта была для нихъ тяжка; имъ хотѣлось прежней воли, прежняго безнарядья, чтобы безнаказанно жить на счетъ общества; толпы ихъ умножились на Украинѣ при Грозномъ и Годуновѣ: они ждали предлога возмутить покой государства, но этого предлога не было; у единаго царя не было родичей, соперниковъ; но если ихъ не было на самомъ дѣлѣ, то надлежало ихъ выдумывать, надлежало явиться сопернику мнимому, однимъ словомъ—для казаковъ необходимъ былъ самозванецъ. Но не для однихъ казаковъ былъ необходимъ онъ. Мы знаемъ, что бояре, дружина княжеская также сильно стояли за родовыя отношенія между князьями, потому что этими только отношеніями поддерживалось право отъѣзда; родовыя отношенія исчезли, исчезла и возможность отъѣзда, князья и бояре должны были безпрекословно подчиниться волѣ царя, и какого царя? Не прирожденнаго на престолѣ Ивана III-го, но ихъ прежняго товарища и соперника, который и на престолѣ продолжалъ питать къ нимъ прежнія подозрѣнія, прежнюю вражду; опала грозила ежеминутно, а средствъ къ спасенію не было; у новаго царя не было родича, не было соперника; но если не было на самомъ дѣлѣ соперника царю, то надобно было его выдумать, надлежало явиться сопернику мнимому: для бояръ былъ необходимъ самозванецъ.

Такимъ образомъ, самозванецъ былъ необходимъ для бояръ, для казаковъ; былъ нуженъ также для Польши, для іезуитовъ; сколько причинъ для его появленія и успѣховъ!

XXXVI. ПРЕБЫВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ I ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Изъ статьи Костомарова: «Смутное время Московскаго государства. Названный царь Димитрій», помѣщенной въ «Вѣстн. Европы» за 1866 г.).

Въ 1600—1601 г., когда Борисъ учреждалъ по границѣ заставы и не пропускалъ никого даже съ проѣздами памяти, сталъ по Кіеву

бродить молодой монахъ. Онъ говорилъ о себѣ, что онъ вышелъ изъ Московской земли. Это былъ переходной калика, странникъ: много шаталось такихъ повсюду. Онъ поступилъ во дворъ кн. Острожскаго, кievскаго воеводы. Этотъ столѣтній старецъ, главный дѣятель защиты православія противъ римскаго католичества, былъ гостепріименъ, особенно для православныхъ духовныхъ; много ихъ проживало у него на его счетъ. Но таинственный монахъ оставался у него недолго: онъ оставилъ его и перешелъ къ панамъ Гойскимъ. Гойскіе были люди чрезвычайно вліятельные и извѣстные. Они были аріане и въ то время оставались самыми ревностными двигателями этой вольнодумной секты въ Рѣчи Посполитой. Православные паны дружили съ еретикомъ во имя свободы совѣсти. Гойскіе устроили на Волыни двѣ аріанскіихъ школы: одну въ Гошѣ на р. Горынѣ, другую въ Соколѣ на р. Случѣ. Сами они проживали въ Гошѣ; около нихъ постоянно собирался аріанскій сборъ, т. е. пріѣзжали единовѣрцы толковать и спорить, а послѣ споровъ пировать и веселиться. Въ такой кругъ попалъ нашъ калика и сбросилъ съ себя монашеское платье: нѣкоторые говорятъ, будто онъ служилъ на кухнѣ у Гойскаго, другіе говорятъ, что онъ самъ училъ дѣтей; но вѣроятнѣе третье извѣстіе; что онъ самъ тамъ учился. Сколько мы его знаемъ въ послѣдствіи, онъ кое-чему учился и успѣлъ нахвататься вершковъ польскаго либеральнаго воспитанія. Здѣсь, вѣроятно, онъ приобрѣлъ навыкъ къ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ и вообще ту ловкость и развязность, которою послѣ отличался. Тогда въ Польшѣ въ школахъ и въ панскихъ дворахъ, гдѣ воспитывалось юношество, очень заботились о томъ, чтобы развить тѣлесныя силы и быстроту движеній молодого человѣка. Нашъ калика, побывши нѣсколько времени при дворѣ Гойскаго, сдѣлался ловкимъ молодымъ человѣкомъ, и гимнастика далась ему лучше, чѣмъ латинская грамматика. Сверхъ того, пребываніе въ этой школѣ свободомыслія положило на него печать того религіознаго индифферентизма, которой не стерли въ послѣдствіи и отцы іезуиты. Отъ Гойскаго калика перешелъ въ мѣстечко Брагинъ къ кн. Адаму Вишневецкому и поступилъ къ нему на дворовую службу.

Знатные паны держали у себя на дворахъ большіе *оршаки* слугъ. Изъ нихъ одни назывались дворяне, были шляхетскаго происхожденія и занимали ближайшія къ панской особѣ должности; изъ нихъ-то составлялась надворная команда, выходившая въ поле подъ панскою хоругвью. Другіе, подъ общимъ названіемъ *либерин*, составляли дворню: между ними различались гайдуки, казаки, хлопцы, пахолки, пахолята. У пана, какъ у независимаго владѣтельнаго лица, были свои придворные чины. Дворы Вишневецкихъ отличались многолюдствомъ, и паны не были разборчивы въ пріемѣ слугъ, даже сами не знали, кто у нихъ служить: приходили къ нимъ и уходили отъ нихъ бродяги разныхъ странъ: стоило только попросить маршала записать себя въ реестръ. Молодой московскій человѣкъ былъ лѣтъ двадцати, худощавъ, небольшого роста, съ русыми волосами, лицо у него было кругловатое, некрасивое, смуглое, большой расплуснутый носъ, подъ носомъ бородавка, голубые глаза отдавались какою-то задумчивостью, голосъ его былъ пріятенъ, говорилъ онъ складно, съ воодушевленіемъ. Поживши недолго въ ряду другихъ слугъ, онъ заболѣлъ или казался больнымъ, легъ въ постель и попросилъ къ себѣ русскаго священника. Его исповѣдали. Онъ сказалъ духовнику: «Если

я умру отъ этой болѣзни, похороните меня съ честью, какъ погребаютъ царскихъ дѣтей». Священникъ изумился и спросилъ: «Что значить это?»—«Я не открою тебѣ теперь,—отвѣчалъ слуга,—пока я живъ, не говори объ этомъ никому, такъ Богу угодно; по смерти моей возьми у меня изъ-подъ постели бумагу, прочитаешь, узнаешь послѣ моей смерти, кто я таковъ, но и тогда знай самъ, а другимъ не рассказывай». Священникъ, вмѣсто того, чтобы исполнить такъ, какъ говорилъ больной, сдѣлалъ такъ, какъ, быть можетъ, втайнѣ хотѣлось больному: онъ побѣжалъ къ Вишневецкому и рассказалъ все. Вишневецкій вмѣстѣ съ этимъ исповѣдникомъ самъ пришелъ къ больному и сталъ его спрашивать. Тотъ молчалъ. Вишневецкій отыскалъ подъ постелью свитокъ, прочиталъ и узналъ изъ него, что предъ нимъ находится сынъ московскаго царя Іоанна Васильевича Грознаго, Димитрій, котораго считали убитымъ въ Угличѣ въ царствованіе Ѳеодора Ивановича. Голова закружилась у пана: пріятно стала щекотать его самолюбіе мысль, что въ его домѣ, между его слугами, пришелъ искать убѣжища несчастный изгнанный царевичъ, законный наслѣдникъ великаго сосѣдняго царства. Вишневецкій приложилъ попеченіе о его выздоровленіи. Димитрій поднялся на ноги очень скоро. Тогда князь одѣлъ его въ богатое платье, началъ обращаться съ уваженіемъ и повезъ его къ брату своему воеводѣ Константину Вишневецкому. Между тѣмъ дали знать объ этомъ королю. Называвшій себя Димитріемъ рассказывалъ, что Борисъ, посаявъ завладѣть царствомъ, когда умереть его зять, царь Ѳеодоръ, тайно приказалъ убить царевича Димитрія, но царевича спасъ его пѣстунъ. Провѣдавъ, что ребенка хотятъ убить, онъ подмѣнилъ его другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ подосланными убійцами на постелѣ, ночью.

Вишневецкіе имѣли большое значеніе въ южно-русскомъ краѣ; домъ ихъ всегда былъ биткомъ набитъ шляхтою. Теперь вѣсть о чудесно спасенномъ царевичѣ распространилась быстро, и всѣ бѣжали смотрѣть на такое диво. Вишневецкій показывалъ его предъ всѣми. Молодой чело-вѣкъ говорилъ о своей судьбѣ съ жаромъ и возбуждалъ сочувствіе въ слушавшей шляхтѣ. «Я долженъ былъ скрываться подъ вымышленными именами,—говорилъ онъ,—я зналъ, какого я происхожденія, и, когда пришелъ въ возрастъ, тяжело мнѣ стало въ Московской землѣ, и я ушелъ къ вамъ и теперь принялъ твердое намѣреніе — возвратить отеческое достоинство. Я не изъ честолюбія хочу этого, а чтобы не торжествовало злодѣяніе; многіе московскіе бояре желаютъ этого, многіе знаютъ, что я живъ, ожидаютъ меня, ненавидятъ тирана и готовы признать меня законнымъ государемъ». Въ этомъ краѣ, не смотря на сосѣдство, мало были знакомы съ подробностями обстоятельствъ Московской земли и потому легко вѣрили. Этому помогло одно обстоятельство: нашелся въ Польшѣ какой-то ливонецъ, который увѣрялъ, что служилъ царевичу Димитрію въ его дѣтствѣ и былъ тогда въ Угличѣ, когда случилось убійство. «Я не знаю,—говорилъ онъ,—настоящаго ли тогда убили или подмѣненнаго, но я помню царевича и узнаю его, если тотъ, кто называется его именемъ, дѣйствительно настоящій». Король приказалъ послать этого ливонца къ Вишневецкому. Ливонецъ, поговоривши съ претендентомъ, потомъ всѣмъ говорилъ: «Это настоящій царевичъ Димитрій. Я узналъ его по знакамъ на тѣлѣ; кромѣ того, я его спрашивалъ, онъ помнитъ много такого, что случилось въ его дѣтствѣ и чего другой

не могъ бы знать». Вѣроятно, отъ этого ливонца пошло въ ходъ доказывать истинность Димитрія, между прочимъ, тѣмъ, что у него на лѣвомъ плечѣ красная родинка, которую, будто бы, видѣли на немъ тогда, когда онъ, будучи еще ребенкомъ, жилъ въ Угличѣ.

Проживая у Вишневецкаго, Димитрій завелъ сношенія съ казаками и побуждалъ ихъ помочь ему достигнуть московскаго престола. Онъ отправилъ поджигать противъ Бориса и донскихъ казаковъ. Это порученіе принялъ на себя, по увѣренію современника, Григорій Отрепьевъ: бывъ монахомъ въ Чудовомъ монастырѣ, онъ служилъ у патріарха Іова для писмоводства и ходилъ съ нимъ въ царскую думу, а потомъ былъ обвиненъ въ чернокнижествѣ и убѣжалъ въ 1602 г. въ Польшу.

Вишневецкій завезъ молодого царевича къ своему тестю Юрію Мнишку, сендомирскому воеводѣ, въ Самборъ, городъ «королевскихъ добръ», отданный въ управленіе Мнишку. Воевода былъ въ восторгѣ, когда узналъ, какого знатнаго и страннаго гостя привезъ ему зять: онъ расточилъ все, чтобы понравиться гостю и плѣнить его. Самборъ зашумѣлъ гостями. Съ разныхъ сторонъ спѣшили посмотреть на московскаго царевича. Сѣзжались къ Мнишку сосѣдніе паны. У Мнишка начались пиры, гдѣ всего роскошнѣе выказывалась приманчивая сторона польской жизни. Не скупился Мнишекъ, надѣясь воротить съ лихвою потраченное на счетъ московщины. Димитрій тутъ рассказывалъ о козняхъ Бориса, о собственномъ терпѣніи. Шляхтичи обѣщали служить ему и положить за него жизнь. Димитрій нравился полякамъ.

Дочь Мнишка Марина употребила всю силу женской прелести, чтобы овладѣть царевичемъ; а это было нетрудно. Монахъ-скиталецъ влюбился, и первыя впечатлѣнія любви, какъ бываетъ часто, опредѣлили его послѣдующую судьбу. Тутъ, вѣроятно, утвердилось то предпочтеніе всему польскому предъ русскимъ, та любовь къ польскимъ нарядамъ, къ польскому языку, къ польскому образу жизни и къ польскимъ понятіямъ,—все, что впослѣдствіи очертило характеръ этого человѣка и погубило его.

Чтобы увѣрить гостей въ подлинности Димитрія,—какъ, разумѣется, захотѣлось Мнишку съ перваго раза, —призваны были слуги, которые когда-то находились въ плѣну въ московщинѣ. Слуги, разумѣется, говорили такъ, какъ желательно господамъ, увѣряли предъ всѣми, что знали и видали Дмитрія въ московщинѣ, и клялись, что это по истинѣ царевичъ. Ихъ не спрашивали, какъ и гдѣ они могли видѣть царевича; всѣ вѣрили имъ, потому что пріятнѣе было вѣрить, чѣмъ не вѣрить. Въ южно-русскомъ краѣ жило много московскихъ дѣтей боярскихъ, перешедшихъ на жительство во владѣнія польскаго короля; многіе убѣжали туда отъ тиранства Іоанна Васильевича, другіе спасались отъ Бориса. Услышали они, что явился царевичъ. Имъ было подручно признать его за настоящаго.

Кромѣ женскихъ сѣтей, наслѣдника московскаго престола опутывали въ то же время иными сѣтями. Въ Западной Европѣ знали, что въ Московскомъ государствѣ царь всемогущъ, ничто не можетъ остановить его воли: народы привыкли повиноваться ей безъ размышленія и считать справедливымъ то, что царь такимъ почитаетъ. Казалось, нужно только, чтобы московскій государь былъ расположенъ присоединиться къ западной церкви, и весь управляемый имъ край послѣдуетъ за нимъ. При-

стремленіи римской пропаганды проникнуть въ Московское государство, Димитрій появился чрезвычайно кстати для нея; да и для него, въ его положеніи, она была необходима. Чтобы съискать себѣ поддержку въ Польшѣ, Димитрію выгодно было показаться готовымъ принять католичество и обѣщать его ввести въ Московское государство, а католической пропагандѣ отыскивался наконецъ самый удобный случай для ея видовъ. Димитрія побудили написать письмо къ папскому нунцію Раингони, жившему въ Краковѣ, и искать его покровительства. Кругомъ царевича все твердило, что если онъ приобрѣтетъ его благосклонность, то успѣхъ несомнѣненъ: нунцій напишетъ святому отцу, а слово святого отца все можетъ: вся Польша пойдетъ за него. Наконецъ изъ Кракова послѣдовало новое приглашеніе къ Вишневецкому и Миишку, чтобы они ѣхали въ столицу и везли съ собою спасеннаго чудесно царевича и представили королю. Такъ Димитрій, поживши въ домѣ Миишка весело, выѣхалъ; его провожало уже много друзей, а въ головѣ у него былъ чарующій образъ женской прелести, который болѣе всего увлекаетъ къ предприимчивости пылкія натуры.

Димитрій съ панами прибылъ въ Краковъ въ мартъ 1604 года. На другой день пріѣзда нунцій посѣтилъ Димитрія. Онъ слушалъ съ участіемъ его рассказъ о чудесномъ спасеніи, удивлялся промыслу Божію и говорилъ: «Перстъ Божій явно показываетъ, что провидѣніе сохранило тебя для великаго дѣла человѣческаго спасенія. Призваніе твое велико!» Наконецъ, нунцій объявилъ положительно, что король и польская нація будутъ ему помогать только въ такомъ случаѣ, если онъ приметъ покровительство папы и соединеніе со св. римско-католическою религіею. Претенденту некуда было дѣваться: въ случаѣ отказа, онъ лишился помощи. Этого мало: онъ могъ бояться, что когда Борисъ начнетъ усиленно домогаться его выдачи, то его могутъ и выдать, какъ существо бесполезное для цѣлей Польши и, напротивъ, вредное для согласія съ сосѣдями. Димитрій обѣщалъ. Обдѣлавши, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, монсиньоръ ввелъ самъ царевича къ королю. Сигизмундъ III давно уже ждалъ его и желалъ видѣть. Получивши извѣстіе о появленіи его у Вишневецкихъ, польскій король тотчасъ сообразилъ, что изъ этого можно извлечь выгоды для страны, которою управлялъ, и разослалъ письма къ разнымъ важнымъ панамъ: извѣщалъ о событіи, просилъ совѣта, какъ поступить, а съ своей стороны склонялся къ мнѣнію, что слѣдуетъ принять благосклонно претендента на московскій престолъ, но не излагалъ этого мнѣнія настойчиво, готовясь, во всякомъ случаѣ, послѣдовать чужимъ совѣтамъ. Этимъ поступкомъ король хотѣлъ оградить себя на будущее время отъ укоровъ, которые бы его постигли, еслибъ онъ самовольно поступалъ такъ или иначе въ такомъ важномъ дѣлѣ. Король получалъ различные отвѣты: нѣкоторые совсѣмъ были противъ участія въ этомъ дѣлѣ; другіе не прочь были обратить это явленіе въ пользу Рѣчи Посполитой, но боялись войны съ Московскимъ государствомъ. Выпытавши мнѣніе пановъ, король приготовился принять Димитрія ласково, но сдержанно. Самъ онъ лично былъ болѣе расположенъ въ его пользу, чѣмъ сколько смѣлъ высказать. Онъ встрѣтилъ претендента стоя, съ горделивой, но привѣтливой осанкой, опершись одной рукой на маленькій столикъ, и протянулъ ему руку съ улыбкой. Изгнанникъ поцѣловалъ ее. Король былъ въ шляпѣ. Димитрій съ открытой головой. Димитрій, по

обычаю, пересыпалъ рѣчь свою примѣрами изъ исторіи и кончилъ ее такъ: «Вспомните, ваше величество, что вы родились узникомъ: Богъ освободилъ васъ и вашихъ родителей; Богъ хочетъ, чтобы вы освободили меня отъ изгнанія и потери отеческаго престола». Сигизмундъ ничего не отвѣчалъ, но далъ знакъ своему дворецкому; тотъ попросилъ царевича на минуту выйти. Король сталъ совѣтоваться съ нунціемъ наединѣ. Черезъ нѣсколько минутъ царевича позвали снова, за нимъ вошли и паны. Король далъ ему такой отвѣтъ: «Боже тебя сохрани въ добромъ здоровѣ, московскій князь Димитрій. Мы тебя признаемъ княземъ; мы вѣримъ тому, что отъ тебя слышали, вѣримъ письменнымъ доказательствамъ, тобою доставленнымъ, и свидѣтельствамъ другихъ; поэтому мы назначаемъ тебѣ на твои нужды сорокъ тысячъ злотыхъ въ годъ; съ этого времени ты другъ нашъ и находишься подъ нашимъ покровительствомъ; мы позволяемъ тебѣ имѣть свободное обращеніе съ нашими подданными и пользоваться ихъ помощью и совѣтомъ, насколько будешь имѣть нужду». Въ этихъ словахъ не было никакого обѣщанія со стороны короля и еще менѣе польской націи: всякое политическое дѣло зависѣло отъ сейма, а не отъ короля. Но и этого уже было достаточно. Сигизмундъ по крайней мѣрѣ заявилъ, что не станетъ противодействовать тѣмъ, которые возымѣли бы доброе желаніе помогать Димитрію. Претендентъ не отвѣчалъ ни слова, пришелъ въ смущеніе; нунцій за него изъявлялъ чувства благодарности. Отъ короля Димитрій отправился къ воеводѣ. Туда прибылъ и нунцій. Снова онъ обнималъ и цѣловалъ Димитрія, совѣтовалъ быть дѣятельнымъ, просилъ присутствовавшихъ пановъ помогать ему всѣми силами къ пріобрѣтенію короны. Димитрія просилъ не забывать своего великаго назначенія — содѣйствовать распространенію римско-католической вѣры. Здѣсь нунцій вручилъ Димитрію письмо отъ папы: святой отецъ посылалъ ему свое благословеніе, назидательные и утѣшительные совѣты и побужденія — преслѣдовать неуклонно предположенную цѣль и возвратить себѣ родительское достоинство. Къ Димитрію назначили отца іезуита Савицкаго, который поучалъ его въ догматахъ католической вѣры, показывалъ ему величіе католическаго богослуженія и укоренялъ въ немъ мысль о соединеніи съ католическою церковью для блага и согласія всего христіанства.

Во время пребыванія его въ Краковѣ явилась толпа московскихъ людей. Во главѣ ихъ былъ какой-то Иванъ Порошинъ съ товарищами: они услышали, что во владѣніи короля польскаго есть кто-то, называющій себя царевичемъ Димитріемъ, и хотѣли взглянуть на него. Когда ихъ допустили, они поклонились ему и признали его своимъ законнымъ государемъ. Тогда же съ Дону прибыло двое атамановъ, Корела и Нѣжакожъ, отправленныхъ на вывѣдку, настоящій ли Димитрій явился. Казацкіе атаманы, видя, что знатные паны и самъ польскій король признаютъ явившагося Димитрія настоящимъ, объявили ему готовность служить всѣмъ тихимъ Дономъ и, воротившись къ своимъ, увѣряли, что царевичъ дѣйствительный. Димитрій воротился съ Мнишками и съ Вишневецкими въ Самборъ. Тутъ паны кликнули кличъ, приглашали шляхту и казаковъ идти съ ними въ московщину добывать законному царю престолъ. Не трудно было набрать охотниковъ на какой-нибудь набѣгъ въ Украинѣ, особенно Вишневецкимъ, когда они владѣли тамъ множествомъ имѣній и голосъ ихъ былъ повсюду знаемъ и уважаемъ. Пока

собирались охотники, претендентъ спячь поселился у Мнишка, и опять начались пиры и веселости. Свидѣвшись вновь съ Мариной, Дмитрій, уже признанный отъ короля въ званіи царевича, сталъ смѣлѣе. На помощь ему поспѣлъ патеръ Савицкій, втершійся къ нему въ дружбу иезуитъ. Онъ началъ ему совѣтовать жениться на Маринѣ. Мнишекъ обрадовался, обнималъ нареченнаго зятя, плакалъ отъ умиленія. Но свадьба была отложена до того счастливаго времени, когда Дмитрій, низвергнувши Бориса, сядетъ на престолъ московскій. Удовольствившись, что дочь совершенно плѣнила Дмитрія, Мнишекъ потребовалъ крупную цѣну за свою красавицу. 23-го мая 1604 г. Дмитрій вручилъ Мнишку записъ, гдѣ давалъ слово жениться на Маринѣ по восшествіи на престолъ, обѣщалъ дать Мнишку 100,000 польскихъ золотыхъ на подъемъ и на заплату долговъ его, для покупки убранствъ невѣсты и столоваго серебра, а потомъ обѣщалъ во владѣніе будущей женѣ своей Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами этихъ государствъ и отрекался самъ владѣть въ нихъ. Существуетъ еще другая записъ отъ 12-го іюня 1604 г. Тамъ претендентъ обѣщалъ дать самому Мнишку въ вѣчное и потомственное владѣніе Смоленское и Сѣверское княжества, за исключеніемъ половины Смоленской земли и шести городовъ Сѣверской, которые отдавалъ польской коронѣ ради дружеской любви съ польскимъ королемъ.

Живучи у сендомирскаго воеводы, Дмитрій написалъ грамоты къ московскому народу и просилъ послать ихъ впередъ, прежде чѣмъ онъ войдетъ въ свое наслѣдіе. Въ этихъ грамотахъ онъ благодарилъ тѣхъ, которые помогли ему спастись, и увѣщевалъ народъ русскій отстать отъ Бориса и признать законнаго государя. Эти грамоты появились въ украинскихъ земляхъ и подготавливали народъ къ появленію царевича. Борисъ принялъ чрезвычайныя мѣры, чтобы ничего и никого не пропускать изъ Литвы; но грамоты Дмитрія входили въ Московское государство въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который привозился въ Россію по случаю дороговизны. Явилось множество незваныхъ слугъ и пособниковъ претенденту, и его грамоты переписывались и распространялись по дорогамъ, на улицахъ городовъ и посадовъ.

XXXVІІ. БОРЬБА ЛЖЕДИМИТРІЯ СЪ ГОДУНОВЫМЪ.

{ (Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева). }

15-го августа 1604 г. Лжедмитрій выступилъ въ походъ. Подъ Глинными полями, сопровождавшіе его, собрались въ коло и выбрали гетманомъ Юрія Мнишка, выбрали и полковниковъ. Въ октябрѣ 1604 г. Лжедмитрій вошелъ въ области Московскаго государства. Жители перваго пограничнаго города, Моравска, узнавъ, что идетъ царь съ польскимъ войскомъ, стали волноваться и больше изъ страха, чѣмъ по доброй волѣ, отправили къ Дмитрію пословъ съ покорностью и присягнули ему. Казаки, которые всегда шли впереди главнаго войска, приблизились къ Чернигову и были встрѣчены выстрѣлами; но потомъ черниговцы вступили въ переговоры и связали воеводу, не хотѣвшаго сдаваться царевичу. Не смотря на то, казаки, до прихода главнаго войска, бросились на по-

садъ и пограбили его. Димитрій послалъ сказать имъ, чтобы отдали добычу: иначе онъ поведетъ противъ нихъ рыцарство; казаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя и не всю. Черниговъ поддался; но не поддался Новгородъ Сѣверскій, гдѣ засѣлъ воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвысилъ его наперекоръ мѣстничеству. На требованіе сдачи изъ Новгорода Сѣверскаго отвѣчали полякамъ: «Вы пріѣхали на наши деньги съ воровъ!» Басмановъ отбилъ приступъ, не далъ зажечь города, и не-терпѣливый Лжедимитрій, раздраженный помѣхою, началъ укорять поляковъ: «Я думалъ больше о полякахъ, — говорилъ онъ, — а теперь вижу, что они такіе же люди, какъ и другіе». Рыцарство отвѣчало ему: «Мы не имѣемъ обязанности брать города приступомъ, однако не отказываемся и отъ этого, пробей только отверстіе въ стѣнѣ». Поляки хотѣли-было уже покинуть его, какъ пришла вѣсть, что воевода князь Василій Рубецъ-Мосальскій сдалъ Путивль, самый важный городъ въ Сѣверской землѣ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе украинскіе города, и на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку Лжедимитрій уже признавался истиннымъ царевичемъ. Народъ видѣлъ этого царевича, окруженнаго поляками, но видѣлъ и усердіе его къ вѣрѣ православной: такъ онъ велѣлъ привести въ Путивль изъ Курска чудотворную икону Богородицы, встрѣтилъ ее съ честью и поставилъ въ своихъ палатахъ и каждый день горячо молился предъ нею; эта икона сопровождала его и въ Москву, гдѣ онъ держалъ ее также во дворцѣ. Царскій воевода Димитрій Шуйскій стоялъ неподвижно у Брянска, не помогая Басманову и писалъ царю, что надобно выслать больше войска. Борисъ велѣлъ набирать полки, но въ приговорѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что «войска очень оскудѣли: одни, прельщенные воровъ, передались ему; многіе казаки, позабывъ крестное цѣлованіе, измѣнили, иные отъ долгаго стоянія изнурились и издержались, по домамъ разошлись многіе люди, имѣя великія помѣстья и отчины, службы не служатъ ни сами, ни дѣти ихъ, ни холопы, живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и святой церкви». «Мы судили и повелѣли, — продолжаетъ царь, — чтобы всѣ патриаршіе, митрополичьи, архіепископскіе, епископскіе и монастырскіе слуги, сколько ни есть ихъ годныхъ, немедленно собравшись, съ оружіемъ и запасами, шли въ Калугу; останутся только старики да больные». Новая рать была поручена первому боярину, кн. Мстиславскому, который сошелся съ войсками самозванца подъ Новгородомъ Сѣверскимъ 18-го декабря: царскаго войска было отъ 40 т. до 50,000, у самозванца же не болѣе 15,000. И прежде, при недостаткѣ ратнаго искусства, многочисленность московскихъ войскъ мало оказывала пользы въ чистомъ полѣ, а теперь шаткость, недоумѣніе отнимали нравственныя силы у воеводъ и воиновъ. Шереметевъ и Салтыковъ еще прежде говорили, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ; послѣ этого легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ, у русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ стану самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще мало! Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: 21 декабря, одушевивъ свое войско рѣчью, которая дышала полною увѣренностью въ правотѣ дѣла, онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло. Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбить съ лошади, получилъ нѣсколько ранъ въ

голову; царское войско потеряло 4,000 человекъ убитыми, и только неопытность Лжедмитрія въ ратномъ дѣлѣ помѣшала ему нанести Мстиславскому совершенное пораженіе. Обозрѣвая послѣ битвы поле сраженія и видя столько труповъ съ русской стороны, Лжедмитрій заплакалъ.

Не смотря, однако, на эту побѣду, которая по настоящему должна была бы сильно возвысить духъ въ сподвижникахъ Лжедмитрія, дѣла его грозили принять очень дурной оборотъ. Левъ Сапѣга писалъ Мнишку, что въ Польшѣ на его предпріятіе смотрятъ очень дурно, и совѣтовалъ возвратиться. И Мнишекъ, подъ предлогомъ сейма, сталъ собираться въ Польшу; рыцарство начало требовать у Лжедмитрія денегъ. Лжедмитрій ѣздилъ отъ одной роты къ другой, уговаривая рыцарство остаться, но встрѣчалъ только оскорбленія: одинъ полякъ сказалъ ему: «Дай Богъ, чтобы посадили тебя на колъ». Лжедмитрій далъ ему за это въ зубы, но этимъ не унялъ рыцарства, которое стащило съ него соболю шубу; русскіе приверженцы царевича должны были потомъ выкупать ее. Съ Лжедмитріемъ осталось только 1,500 поляковъ, которые вмѣсто Мнишка выбрали гетманомъ Дворжицкаго. Но эта убыль въ войскѣ скоро была вознаграждена: пришло 12,000 казаковъ малороссійскихъ, съ которыми самозванецъ засѣлъ въ Сѣвскѣ. Такъ какъ главный воевода кн. Мстиславскій былъ раненъ, то другіе воеводы, Дмитрій Шуйскій съ товарищами, не позаботились извѣстить царя о битвѣ подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Борисъ узналъ объ ней стороною и тотчасъ послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова съ рѣчью и милостивымъ словомъ. Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ Мстиславскому для леченія ранъ медика и двоихъ аптекарей. У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли также спросить о здоровьѣ. Такое благоволеніе могло быть оказано войску только за самую блистательную побѣду; слѣдовательно, здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ опасностью,—робость, заставившая его унизиться до ласкательства предъ войскомъ. Если и разбитое войско получило знаки царскаго благоволенія, то понятно, что Борисъ спѣшилъ осыпать милостями воеводу, который одинъ исполнилъ свою обязанность какъ должно, Басманова, защитника Новгорода Сѣверскаго: онъ былъ вызванъ въ Москву, куда имѣлъ торжественный вѣздъ, получилъ боярство, богатое помѣстье, множество денегъ и подарковъ.

На помощь къ больному отъ ранъ Мстиславскому былъ посланъ кн. Василій Ивановичъ Шуйскій, который, при появленіи самозванца, торжественно, съ Лобнаго мѣста, свидѣтельствовалъ предъ московскимъ народомъ, что истинный царевичъ умеръ и погребенъ имъ, Шуйскимъ. Самозванецъ вышелъ изъ Сѣвска и 21-го января 1605 г. ударилъ на царское войско при Добрыничахъ, гдѣ, не смотря на храбрость необыкновенную, потерпѣлъ пораженіе. Но радость Бориса не была продолжительна: скоро пришли вѣсти, что самозванецъ не истребленъ окончательно, а усиливается. Послѣ пораженія при Добрыничахъ самозванецъ заперся въ Путивлѣ и, видя малочисленность своего войска, хотѣлъ было уѣхать въ Польшу; но теперь между русскими было уже много людей, которые тѣсно соединили свою судьбу съ его судьбою и которые не хотѣли ни сбѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису: они удержали Лжедмитрія, грозя, что могутъ спасти себя, выдавъ его живымъ Годунову, и утверждая, что, не смотря на пораженіе, средствъ у него еще

много, что у Бориса много враговъ. Враги Бориса, которымъ нужно было поддержать самозванца, не замедлили предложить послѣднему свою помощь: 4,000 донскихъ казаковъ явилось въ Путивль. Что же дѣлали въ это время царскіе воеводы? Они пошли осаждать Рыльскъ; но тутъ поляки распустили слухъ, что къ нимъ на помощь идетъ Жолкѣвскій, гетманъ польный; языкъ сообщилъ эту вѣсть царскимъ воеводамъ, которые испугались, отступили поспѣшно отъ Рыльска, стали въ Комарницкой волости и начали страшно мстить ея жителямъ за приверженность къ Лжедмитрію: не было пощадъ ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ, что, разумѣется, еще болѣе усилило ненависть къ Борису и привязанность къ Лжедмитрію. Недѣлятельность воеводъ разсердила царя: онъ послалъ сказать воеводамъ, что они ведутъ дѣло нерадиво: столько рати побили, а самозванца не поймали. Бояре и все войско оскорбились: при шаткости, при усобицѣ, первая немилость уже производила сильное неудовольствіе, заставляла много думать, какъ бы избыть немилостиваго государя; уже многіе начали смотрѣть на свою службу не какъ на необходимую обязанность въ отношеніи къ царю и царству, но какъ на милость, которую они оказывали Борису, и при первомъ неудовольствіи начинали думать объ отступленіи отъ него.

Побуждаемые царемъ, воеводы пошли осаждать Кромы, гдѣ засѣлъ приверженецъ Лжедмитрія Акинфіевъ да донскіе казаки съ атаманомъ Корелю. Воеводы, по словамъ иностранца очевидца, при осадѣ Кромъ, занимались дѣлами, достойными одного смѣха; но русскій лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: когда деревянная стѣна Кромъ уже сгорѣла и нужно было было порѣшнить дѣло, Салтыковъ велѣлъ отвезти нарядъ отъ крѣпости, «норовя окаянному Гришкѣ». Къ шаткости, ослабленію нравственному присоединилось еще бѣдствіе физическое, открылась сильная смертность въ станѣ царскомъ: Борисъ прислалъ лекарства ратнымъ людямъ, а между тѣмъ попытался отдѣлаться отъ самозванца отравою, подослалъ къ нему въ Путивль монаховъ съ зельемъ; но умыселъ былъ открытъ, и скоро разнеслась вѣсть о смерти самого Бориса: 13 го апрѣля, когда онъ всталъ изъ-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа, и послѣ двухчасовыхъ страданій онъ умеръ, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа. Пронесся слухъ, что онъ погибъ отъ яда, собственною рукою приготовленнаго.

Послѣ Бориса остался сынъ Ѳеодоръ, который, по отзыву современниковъ, хотя былъ и молодъ, но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ стариковъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому философскому естественнословію. Дѣйствительно, какъ видно, Борисъ первый изъ царей московскихъ расширилъ для своего сына кругъ знаній, которымъ ограничивались при воспитаніи русскихъ людей: такъ, извѣстна карта Московскаго государства, начерченная рукою Ѳеодора. Жители Москвы спокойно присягнули Ѳеодору, цѣловали крестъ «государынѣ своей царицѣ и великой княгинѣ Марѣ Григорьевнѣ всея Руси и ея дѣтямъ, государю царю Ѳеодору Борисовичу и государынѣ царевнѣ, Ксеніи Борисовнѣ», причемъ прибавлено: «И къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставать, съ нимъ и съ его совѣтниками не ссылатся ни на какое лихо, не измѣнять, не отѣзжать, лиха никакого не сдѣлать, государства не подыскивать, не по своей мѣрѣ ничего не искать и того вора, что называется царевичемъ Ди-

митріємъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣть не хотѣть». Въ Москвѣ всѣ присягнули безъ сопротивленія; но состояніе умовъ въ жителяхъ областей было подозрительно. Доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедмитрія, въ которыхъ онъ обѣщаетъ быть въ Москвѣ, «какъ на деревѣ станетъ листь размѣтываться».

Недѣятельность бояръ Мстиславскаго и Шуйскаго, воеводъ огромной рати, неумѣніе или нежеланіе ихъ истребить самозванца, вождя дружины малочисленной, сбродной, заставили новое правительство отозвать обоихъ князей въ Москву и на ихъ мѣсто послать уже показавшаго свою вѣрность и мужество Басманова. Басмановъ увидалъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствовала шаткость умовъ и нравственная слабость, ничего сдѣлать нельзя, что дѣло Годуновыхъ проиграно окончательно смертью Бориса, въ которой многіе видѣли указаніе свыше на рѣшеніе борьбы; притомъ же за Ѳедора, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ его, извѣстныхъ, впрочемъ, не всѣмъ, не было старины, какъ за отца его, а это въ то время очень много значило. Басмановъ видѣлъ, что воеводы сколько нибудь дѣятельные, способные сообщать дѣятельность, одушевленіе войску, не хотѣя Годуновыхъ, видѣлъ, что противиться общему расположенію умовъ значить идти на явную и бесполезную въ его глазахъ гибель, и, не желая пасть жертвою присяги, рѣшился покончить дѣло. Онъ соединился съ князьями Голицыными, Василюмъ и Иваномъ Васильевичами, съ Салтыковымъ и 7-го мая объявилъ войску, что истинный царь есть Дмитрій. Полки безъ сопротивленія провозгласили послѣдняго государемъ; только немногіе не захотѣли нарушить присяги Ѳедору и съ двумя воеводами, князьями Ростовскимъ и Телятевскимъ, побѣжали въ Москву. Послѣ измѣны войска, гонцы съ грамотами отъ Лжедмитрія безпрестанно являлись въ Москвѣ, но ихъ хватили и замучивали до смерти. 1-го іюня пріѣхали съ грамотами Наумъ Плещеевъ и Гаврило Пушкинъ; отправились сперва въ Красное село, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, которые еще при царѣ Ѳедорѣ были не за Годунова. Плещеевъ и Пушкинъ прочли красносельцамъ Лжедмитріеву грамоту. Лжедмитрій напоминалъ въ ней о присягѣ, данной отцу его, Іоанну, о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи, въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ; извинялъ бояръ, войско и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову, не вѣдая злокозненнаго права его. Въ заключеніе самозванецъ обѣщалъ награду всѣмъ въ случаѣ признанія, гнѣвъ Божій и свой царскій въ случаѣ сопротивленія. Красносельцы съ радостью приняли посланныхъ и собрались шумною толпою провожать ихъ въ городъ. Правительство выслало-было противъ нихъ стрѣльцовъ, но тѣ, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы Лжедмитрія съ красносельцами достигли безпрепятственно Лобнаго мѣста, гдѣ прочли народу грамоту Лжедмитріеву. Народъ волновался, просилъ Василя Ивановича Шуйскаго объявить правду, точно ли онъ похоронилъ Дмитрія царевича въ Угличѣ. Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, и вмѣсто его убить и похороненъ поповъ сынъ. Ворота въ Кремль не были закрыты; толпы народа ворвались туда, схватили царя Ѳедора съ матерью и съ сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ; родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, имѣніе ихъ разграбили,

дома разломали. 3-го іюня отправлены были изъ Москвы къ самозванцу въ Тулу съ повинною бояринъ кн. Иванъ Воротынскій и кн. Андрей Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Еще прежде пріѣзда Воротынскаго и Телятевскаго, какъ скоро узнано было о присягѣ Лжедмитрію, отправились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій да дьякъ Сутуновъ покончить съ Годуновыми. Посланные начали съ патріарха Іова, самого ревностнаго приверженца послѣднихъ: его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время самой службы и, какъ простаго монаха, сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ подъ стражею родныхъ бывшаго царя также разослали въ заточеніе. Покончивъ съ патріархомъ и Годуновыми, Голицынъ и Мосальскій съ Молчановымъ, Шелефединовымъ и тремя стрѣльцами пошли въ старый домъ Борисовъ: царицу Марью удавили скоро, молодой Ѳеодоръ боролся отчаянно; наконецъ одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ: народу объявили, что царица Марья и сынъ ея со страху отравились. Царевна Ксенія осталась въ живыхъ. Тѣло царя Бориса выкопали въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, на Срѣтенкѣ.

XXXVIII. ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ I.

(Изъ «Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Дмитріѣ Самозванцѣ» Кулиша).

Не выѣзжая еще изъ Тулы, Лжедмитрій началъ державствовать, и первая грамота, разосланная по государству, была о прекращеніи мятежей, которые тогда кипѣли повсюду въ низшихъ сословіяхъ противъ помѣщиковъ и законныхъ властей. Новый царь накрѣпко приказывалъ, «чтобъ не было въ людяхъ шалости, убійства и грабежу», а кто на кого имѣетъ неудовольствіе, то писалъ бы къ нему. Такъ, возвысаясь на престолъ посредствомъ вражды черни къ высшимъ сословіямъ, онъ не хотѣлъ, однакожъ, терпѣть ея самоуправства. Въ то же время онъ заботился уже и о государственномъ богатствѣ. Зная, что все въ Россіи, такъ сказать, сдвинулось съ своего мѣста, онъ опасался, чтобы червямъ и другія земли не уклонились отъ податей, а казначей не утаили старыхъ суммъ подъ шумъ и тревоженіе государства, и потому строго повелѣвалъ не выпускать изъ казны денегъ, беречь ихъ крѣпко и собирать подати безъ всякой отсрочки и послабленія. Узнавъ, что посолъ англійскаго короля Іакова, Ѳома Смитъ, и агентъ по торговлѣ, Джонъ Мерикъ, возвращаются на Архангельскъ въ отечество, онъ велѣлъ возвратить ихъ, взять у нихъ грамоты Борисовы и обѣщать своимъ именемъ заключеніе дружественнаго союза съ королемъ Іаковомъ и новыя торговныя выгоды въ Россіи для англійскихъ купцовъ.

Наконецъ, 20-го іюня, Дмитрій вступилъ въ Москву. Лѣтній день сіялъ во всей красѣ. Столица представляла зрѣлище шумной радости; улицы, заборы, кровли домовъ, башни и колокольни покрыты были народомъ, какъ роями пчелъ; яркіе цвѣта праздничныхъ одеждъ дѣлали видъ этотъ великолѣпнымъ. И вездѣ раздавалось имя Дмитрія, который

ѣхалъ медленно, на бѣломъ конѣ, въ царской одеждѣ, въ драгоценномъ ожерельѣ. Вокругъ него — 60 бояръ и князей, предъ нимъ — стройныя дружины поляковъ въ полномъ вооруженіи, съ трубами и литаврами, за нимъ — ряды иностранцевъ, казаковъ и стрѣльцовъ. Вездѣ москвичи падали предъ нимъ ницъ и восклицали: «Здравствуй, отецъ нашъ, государь и великій князь всероссійскій. Даруй тебѣ, Боже, многія лѣта! Да освѣтитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостью, которую онъ спасъ тебя въ семь мѣръ. Ты наше солнце красное!» Царь, ознакомясь съ обычаями польскаго дворянства, не любилъ восточныхъ поклоненій, хотъ и радовался выраженію любви народной. Онъ не отвѣчалъ на привѣты привѣтами и велѣлъ вставать простертымъ на землѣ подданнымъ и молиться за него Богу. Но, не смотря на видимый восторгъ Москвы, впереди всего поѣзда ѣхалъ отрядъ хорошо вооруженныхъ трубачей и литавриковъ для развѣдыванія, не таится ли гдѣ измѣна. Гонцы скакали изъ улицы въ улицу и возвращались къ царю съ успокоительными донесеніями. Случилось, однако же, нѣчто непріятное: когда Дмитрій выѣхалъ на площадь черезъ живой мостъ и Москоропкія ворота, вдругъ поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони чуть не попадали. Пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько минутъ всѣхъ ослѣпила. Москвичи ужаснулись и, творя крестныя знаменія, говорили другъ другу: «Господи, спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію».

На лобномъ мѣстѣ ожидало царя духовенство съ крестами и хоругвями. Поѣздъ остановился. Дмитрій сошелъ съ коня и подошелъ ко крестамъ. Здѣсь благоговѣнскій протопопъ произнесъ къ нему рѣчь, униженно моля о пощадѣ народа, который былъ во тьмѣ и теперь только увидѣлъ свѣтъ, уподобляя царя Богу и прося не слушать людей, подвигающихъ его на гнѣвъ неподобными слухами. Потомъ пѣли молебствіе, и въ то время, какъ русскіе въ благоговѣйномъ молчаніи внимали церковному клиру, поляки продолжали играть въ трубы и въ бубны. Лжедмитрій не унялъ ихъ, по разсѣянности ли, среди новой для него роли, по вольнодумству ли и пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ, но только это обстоятельство, на которое горько жалуются набожные лѣтописцы, зачлось ему въ умахъ народа на черный его день. Еще сильнѣе оскорблено было православное чувство русское, когда, вслѣдъ за царемъ, вошли въ Успенскій и Архангельскій соборы «поганные католики и люторы», не знаменуясь крестомъ, не поклоняясь образамъ, на все глядя безъ благоговѣнія, съ гордымъ и насмѣшливымъ видомъ. Народъ, однако же, тронутъ былъ искреннимъ чувствомъ, съ какимъ царь палъ на гробъ своего мнимаго отца, Іоанна Грознаго, плакалъ и вспоминалъ свое сиротство и гоненіе.

Новый царь немедленно приступилъ къ устройству двора своего, подражая въ названіяхъ сановниковъ обычаямъ двора польскаго: появились въ Россіи великій дворецкій, великій оружничій, великій мечникъ, надворный подскарбій и прочая.

Политика, а можетъ быть и иныя побужденія, заставили его оказать милости всѣмъ опальнымъ Борисова времени. Возвращены изъ ссылки и оставшіеся въ живыхъ Романовы. Монахъ Филаретъ, возведенный, еще по приказанію Годунова, въ архимандриты, сдѣланъ теперь ростовскимъ митрополитомъ; сынъ его Михайла, будущій царь, поселился съ матерью въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы, а братъ Иванъ

получилъ мѣсто въ царскомъ совѣтѣ. Даже Годуновы пощажены отъ опалы; имъ роздали военодскія мѣста въ Сибири и въ другихъ отдаленныхъ областяхъ: царь велъ себя великодушно, не унижаясь до преслѣдованія падшихъ.

На четвертый день по прїѣздѣ въ Москву, Лжедмитрій поставилъ новаго патріарха на мѣсто сверженнаго Іова. Ему нужно было покорное орудіе въ замышляемыхъ имъ преобразованіяхъ, а онъ зналъ, что русскіе святители строго держатся преданій старины, противясь всѣмъ зависящими отъ нихъ средствами каждому нововведенію, и потому избралъ въ патріархи грека Игнатія. Этотъ архіерей, спасаясь отъ гоненія турокъ, бѣжалъ изъ отчества въ Римъ и жилъ тамъ нѣсколько времени; потомъ, при царѣ Ѳеодорѣ, онъ прїѣхалъ въ Россію, умѣлъ поправиться Годунову и поставленъ рязанскимъ архіепископомъ. Игнатій встрѣтилъ самозванца въ Тулѣ, какъ сына Іоанна Грознаго. Лжедмитрій замѣтилъ въ немъ свободу мыслей касательно уставовъ церкви и поспѣшилъ возвести его въ санъ патріарха.

Съ самаго вступленія своего въ Москву новый царь дѣятельно занимался дѣлами правленія: постоянно, въ каждую среду и субботу, принималъ самъ на Красномъ крыльцѣ челобитныя. ежедневно присутствовалъ въ совѣтѣ; въ облегченіе бѣднѣжковъ, изнуряемыхъ долговременными тягбами, онъ побуждалъ приказы рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ, а для прекращенія дороговизны какъ русскимъ, такъ и иноземцамъ далъ свободу торговли и промышленности. Онъ былъ милосердъ до слабости и щедръ до расточительности. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что есть два средства удержать подданныхъ въ повиновеніи: одно—держатъ ихъ въ грозѣ и страхѣ, а другое—привлекать ихъ щедрыми наградами, и что онъ избралъ послѣднее. На этомъ основаніи онъ подтвердилъ духовенству старыя льготныя грамоты и далъ новыя, велѣлъ заплатить всѣ суммы, взятая при Грозномъ у людей разнаго званія въ видѣ государственнаго займа, и удвоилъ жалованье служилымъ людямъ. Но особенно озаботился онъ тѣмъ сословіемъ, на которомъ преимущественно основывается матеріальная сила и богатство государства. Кратковременность его царствованія не позволила ему распутать узлы, затянутые Борисомъ, однако же начало было сдѣлано. Во-первыхъ, ограничено было право высшихъ сословій брать служилыя кабалы такъ, чтобы бѣднякъ, тѣснымъ нуждою, не могъ закабалить себя разомъ отцу и сыну, дядѣ и племяннику, старшему и меньшому брату вмѣстѣ, но только одному изъ родственниковъ. Во-вторыхъ, освобождены были отъ преслѣдованій помѣщичьихъ крестьяне, перебѣжавшіе во время голода къ другимъ землевладѣльцамъ для прокормленія, а холопы, закрѣпощенные насильно, получили право возвращать свою вольность. Но возстановить попрежнему Юрьевъ день было невозможно: начались бы новыя замѣшательства, безпорядки и безконечныя расправы между слабымъ и сильнымъ, какъ было при Борисѣ, а новому царю нуженъ былъ повсемѣстный миръ для утвержденія на престолѣ. Притомъ же онъ замышлялъ войну противъ турокъ и нуждался въ ратномъ сословіи: еслибъ разрѣшить крестьянамъ вольный переходъ изъ помѣстія въ помѣстіе, вся земледѣльческая часть народонаселенія пришла-бы въ движеніе, и тогда наборъ ратныхъ людей былъ бы очень затруднителенъ; многіе землевладѣльцы могли бы не явиться въ войско подъ предлогомъ опустѣнія помѣстій, покинутыхъ

крестьянами. Волею и неволею онъ долженъ былъ отложить уничтоженіе Борисова закона до преобразованія военныхъ силъ государства.

Итакъ, въ дѣлахъ правленія все шло съ обыкновенною силою. Сознавая свои заслуги, видя вездѣ довольныя лица, слыша умиленные благодаренія народа, царь пересталъ опасаться тайныхъ недоброжелателей и отпустилъ нѣмцевъ и поляковъ, помогавшихъ ему въ завоеваніи престола. Каждый изъ нихъ получилъ за весь походъ щедрое жалованье.

Дѣйствуя, такимъ образомъ, въ духѣ царя истинно русскаго, не нуждающагося среди своего народа въ иноземной стражѣ, Лжедмитрій не былъ намѣренъ, однако, соблюдать въ точности родные обычаи, отъ которыхъ отвыкъ во время пребыванія своего въ чужеземномъ обществѣ: такъ, напр., ввести за столомъ музыку и пѣніе, не умывалъ рукъ послѣ обѣда, вставши изъ-за стола не ложился спать, противъ обычая прежнихъ царей, и въ то время, когда вся Москва улеглась въ постели, онъ съ кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ выходилъ изъ дворца, осматривалъ казну, посѣщалъ аптеки и лавки нѣмецкихъ мастеровъ, которые, подобно ему, въ это время не спали. Эти уединенныя прогулки вовсе не были похожи на царственное поведеніе, къ которому москвичи издавна привыкли. Прежніе цари не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою князей и бояръ, которые вели ихъ подъ руку, или, лучше сказать, переносили, въ церковь отправлялись въ громадной раззолоченной колымѣ, и если ѣздили верхомъ, то взбирались на сѣдло, ступивши сперва на скамейку, которую два боярина подставляли имъ подъ ноги. между тѣмъ какъ другіе держали коня и подавали поводья. Лжедмитрій для своихъ разъѣздовъ выбиралъ самыхъ горячихъ жеребцовъ; слѣдуя наѣздническимъ урокамъ, полученнымъ въ Запорожьѣ, едва бралъ въ руку поводъ, уже былъ на сѣдлѣ, веселился бѣшенными скачкамъ своего коня, и ни одинъ ѣдокъ не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости. Въ охотѣ онъ не оставался празднымъ зрителемъ; пылкая его натура вездѣ требовала жаркой дѣятельности. Онъ завелъ себѣ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли англійскихъ договъ; съ ними гонялся по полямъ и лѣсамъ, презирая усталость и опасности. Онъ обладалъ силою рѣдкою и хорошо владѣлъ оружіемъ, самъ пробовалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ съ необыкновенною мѣткостью, самъ училъ воиновъ наѣздничеству и фехтованью, велѣлъ строить, штурмовать и защищать крѣпости, бросался въ свалку и смѣялся, когда въ аамѣшательствахъ его сшибали съ ногъ и давили. Однимъ словомъ, говоритъ современникъ-иностранецъ, его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки—все доказывало, что онъ былъ герой, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытывшій. Но тогдашніе русскіе, и особливо простолюдины, не въ состояніи были цѣнить горячей дѣятельности молодого царя, его навыка къ воинскимъ трудамъ и забавамъ, его опытности въ ратномъ искусствѣ. Всѣ эти свойства для нихъ казались странностями, не совмѣстными съ достоинствомъ особы государя.

А завистникамъ царя того и хотѣлось. Не говоря о Шуйскихъ, никогда не питавшихъ любви къ нему, онъ опротивѣлъ и другимъ придворнымъ, какъ человѣкъ, не согласный съ ними ни въ образѣ мыслей, ни въ привычкахъ, ни во вкусѣ къ удовольствіямъ. Особенно досадно имъ было, что царь приблизилъ къ себѣ нѣкоторыхъ поляковъ; тяжело

запали также имъ въ душу и его насмѣшки нать ихъ необразованностью. Отличая иноземцевъ за ихъ познанія, царь безъ церемоніи говорилъ сановитымъ боярамъ, что они ничего не видали, ничему не учились, и обѣщаль посылать ихъ въ чужія земли, гдѣ бы они могли хоть сколько нибудь образовать себя. Разжигаемые завистью и оскорбленнымъ самолюбіемъ, придворные начали дружно работать надъ разрушеніемъ благоденствія царя, возведеннаго на престолъ ими самими. Они внушали тайно народу, что человекъ съ такими скоморошескими, ляшскими ухватками и обычаями не можетъ быть сыномъ Іоанна Васильевича; рассказывали, что онъ ѣстъ богопротивную телятину, вовсе не моется въ банѣ, держится тайно латинской ереси, да и всѣхъ русскихъ хочетъ обусурманить,

Эти внушенія не остались безъ дѣйствія. Къ нимъ присоединилось неблагоприятное для царя впечатлѣніе, произведенное на народъ буйными поляками, которые позволяли себѣ съ горожанами всякія наглости, вообразивъ, что оказанная царю услуга даетъ имъ на то право. Теперь представилось народу въ ужасающемъ видѣ и то, что царь далъ іезуитамъ обширный домъ въ самомъ Кремлѣ и позволилъ служить латинскую обѣдню.

Волненіе умовъ часъ отъ часу усиливалось. Одинъ монахъ рѣшился всенародно объявить, что знаетъ царя съ дѣтства подъ именемъ Отрепьева, что даже училъ его грамотѣ и жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ монастырѣ. Монаха схватили и, если вѣрить лѣтописцу, тайно умертвили въ темницѣ. Но возмущеніе этимъ не кончилось. Торговые люди, давніе приверженцы Шуйскаго, сильно шумѣли и, можетъ быть, рѣшились бы на какое нибудь отчаянное дѣло, еслибъ не предупредила ихъ бдительность Басманова. Его полиція слѣдила за клеветами боярскими, и скоро онъ узналъ, что главою возмутителей народныхъ былъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Улики были явны: Шуйскій повинился. Но царь такъ убѣжденъ былъ въ своей царственности, что не хотѣлъ изречь ему собственнаго приговора и отдалъ своего обличителя на судъ народа. Созванъ былъ соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ и знаній и единодушно призналъ Шуйскаго лжецомъ и преступникомъ, достойнымъ смертной казни. Такимъ образомъ, вся земля уже въ волненіи мятежа; не въ страхъ отъ иноземнаго покровительства Дмитрію, но въ покоѣ и посреди собственной семьи народной, подтвердила за нимъ снова наслѣдственное право царствовать. Дмитрій торжествовалъ и, въ избыткѣ великодушія, хотѣлъ показать Россіи, что не боится никакихъ зложелателей и желаетъ властвовать милостію, а не грозю. Когда Шуйскаго вывели на лобное мѣсто и уже палачъ взялъ въ руки топоръ, чтобы снять ему съ плечъ голову, появился изъ Кремля гонецъ и кричалъ: «Стой!» Онъ объявилъ, что царь, по просьбѣ своей матери и близкихъ особъ, даруетъ преступнику жизнь. Шуйскихъ лишили только имущества и разослали въ галицкіе пригороды, но еще съ дороги возвратили, отдали имущество и прежнія мѣста при дворѣ. Такимъ великодушіемъ царь думалъ покорить себѣ на вѣки строптивыя души старыхъ крамольниковъ; но юношеское чувство жестоко обмануло его, и нѣкоторые изъ придворныхъ тогда же предсказали, что Василій Шуйскій не оставитъ его въ покоѣ.

XXXIX. ОТНОШЕНІЯ ЛЖЕДИМИТРІЯ КЪ КАТОЛИЦИЗМУ И СНОВЕНІЯ ЕГО СЪ РИМОМЪ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева и изъ его же ст. «Обзоръ событій русской исторіи отъ смерти Феодора Иоанновича до вочаренія дома Романовыхъ», помѣщенной въ «Современникъ» за 1848 г.).

Отступленіе Лжедимитрія отъ старыхъ обычаевъ могло оскорблять нѣкоторыхъ; трудно сказать, что оно могло оскорблять многихъ, потому что пристрастіе къ иноземнымъ обычаямъ начало распространяться еще при Годуновѣ. Могли оскорбляться нѣкоторые приближенные люди, большинство не было свидѣтелемъ уклоненія самозванца отъ старыхъ обычаевъ; молодечество его, видное для всѣхъ, конечно, не могло оскорблять большинство.

Сильнѣе всего могли оскорбиться пристрастіемъ самозванца къ чуждой вѣрѣ. Онъ принялъ католицизмъ; но изъ всего видно, что это принатіе было слѣдствіемъ расчета: въ Польшѣ оно было необходимо ему для полученія помощи отъ короля, т. е. отъ іезуитовъ. Теперь, когда онъ уже сидѣлъ на престолѣ московскомъ, ему нужно было сохранить дружескія отношенія къ папѣ, Сигизмунду и ко всѣмъ католическимъ державамъ. Въ это время, не смотря на появленіе другихъ могущественныхъ интересовъ въ Европѣ, еще не утратила своей силы и привлекательности мысль о необходимости всеобщаго христіанскаго ополченія противъ страшныхъ турокъ; не удивительно, что походъ противъ турокъ сталъ любимой мечтою пылкаго, храбраго Лжедимитрія. Но онъ зналъ, что для осуществленія этой мечты нужно было находиться въ тѣсномъ союзѣ, въ единеніи съ католическими державами, съ папою. Пріязнь папы, іезуитовъ и руководимаго ими короля Сигизмунда нужны были Лжедимитрію еще по другой причинѣ: онъ былъ влюбленъ въ Марину Мнишекъ, которую хотѣлъ какъ можно скорѣе видѣть въ Москвѣ; король, духовенство католическое могли препятствовать ея пріѣзду, и сами Мнишки были ревностные католики. Нѣтъ сомнѣнія, что, для выхода изъ затруднительнаго положенія относительно римскаго двора и для своихъ политическихъ замысловъ, Лжедимитрій желалъ соединенія церквей, которое должно было рѣшиться на соборѣ, желалъ внушить русскимъ людямъ, что дѣло это не такъ трудно, какъ они думали, что нѣтъ большой разницы между обоими исповѣданіями; такъ, напримѣръ, у него вырывались слова, что можно быть осьмому и девятому собору, что въ латинахъ нѣтъ порока, что вѣра латинская и греческая — одно. Говорятъ, что на вопросъ одного изъ русскихъ вельможъ, правда-ли, что онъ хочетъ построить для поляковъ въ Москвѣ церковь, Димитрій отвѣчалъ: «Почему же мнѣ этого не сдѣлать? Они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили же имѣть свою церковь и школу еретикамъ». Но мысль о рѣшительныхъ, насильственныхъ мѣрахъ въ пользу католицизма была ему совершенно чужда, какъ видно изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ его поступковъ и сношеній съ римскимъ дворомъ.

Римскій дворъ внимательно слѣдилъ за отношеніями Лжедимитрія къ Польшѣ, потому что отъ нихъ всего болѣе зависѣло дѣло католицизма, введеніе котораго въ свое государство обѣщалъ самозванецъ папѣ: еслибъ

царь разорвалъ связь съ Польшею, съ Мнишкомъ, то ужъ тѣмъ меньше сталъ бы обращать вниманія на прежнія обязательства свои относительно Рима. Папскій нунцій въ Польшѣ, Рангони, писалъ къ Лжедмитрію, что онъ всего болѣе старается объ усиленіи любви и укрѣпленіи союза между нимъ и Сигизмундомъ. Извѣщая царя о восшествіи на престолъ папы Павла V-го, Рангони просилъ его, чтобы онъ послалъ поздравить новизбраннаго папу, къ которому уже отправленъ портретъ его. Посылая къ Лжедмитрію, между прочими подарками, латинскую библію послѣдняго изданія, Рангони намекаетъ въ письмѣ къ нему, что ему остается, въ благодарность за благодѣяніе Божіе, исполнить обѣщаніе свое—ввести католицизмъ въ Московское государство; но при этомъ Рангони совѣтуетъ, чтобы царь началъ это дѣло мудро и бережно, дабы, въ противномъ случаѣ, не потерпѣть какого нибудь вреда.

Лжедмитрій исполнилъ просьбу нунція, отправилъ къ новому папѣ поздравительное письмо, въ которомъ съ признательностью упоминаетъ о расположеніи къ себѣ покойнаго папы Климента VIII. Извѣщая о счастливомъ окончаніи борьбы своей съ Годуновымъ, Дмитрій говоритъ, что, въ надеждѣ на помощь и покровительство Божіе, столь явно ему оказанное, онъ будетъ всѣми силами заботиться о распространеніи христіанства: для этого онъ намѣренъ соединить свои войска съ императорскими противъ турокъ и просить папу убѣдить императора не заключать мира съ послѣдними. О введеніи католицизма между своими подданными ни слова, и хотя пишетъ, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ сообщить папѣ отправившійся въ Римъ іезуитъ Лавицкій, однако въ наказѣ, данномъ послѣднему, также ничего не говорится о введеніи католицизма. Изъ этого наказа узнаемъ только о желаніи царя, чтобы папа склонилъ императора и короля польскаго къ войнѣ съ турками и склонилъ также Сигизмунда признать за Дмитріемъ императорскій титулъ. Новый папа писалъ Дмитрію: «Мы увѣрены, что католическая религія будетъ предметомъ твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могутъ поклоняться Господу и снискивать его помощь; убѣждаемъ и умоляемъ тебя стараться всѣми силами о томъ, чтобы желанныя наши чада, народы твои, приняли римское ученіе; въ этомъ дѣлѣ обѣщаемъ тебѣ нашу помощь, посылаемъ монаховъ, знаменитыхъ чистотою жизни, и если тебѣ будетъ угодно, то пошлемъ и епископовъ».

Болѣе всего надѣялся папа пользы дѣлу католицизму отъ брака Дмитріева съ Мариною. Кардиналъ Боргезе писалъ нунцію, что его святѣйшество ожидаетъ и духовныхъ плодовъ отъ этого брака для блага всего христіанства. Самъ папа писалъ къ Дмитрію, что бракъ его съ Мариною есть дѣло, въ высокой степени достойное его великодушія и благочестія, что этимъ поступкомъ Дмитрій удовлетворилъ всеобщему ожиданію. «Вѣрь,—продолжаетъ папа,—что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію спасительнаго дѣла, именно привести въ лоно римской церкви и народъ московскій, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благороднѣйшій бракъ». То же самое писалъ папа къ Маринѣ и отцу ея. Папа такъ спѣшилъ бракомъ самозванца съ Мариною, что уполномочилъ патера Савицкаго обвѣнчать ихъ тайно въ великій постъ. Зная, что Лжедмитрій добывается императорскаго титула, папа черезъ кардинала Боргезе наказывалъ нунцію удовлетворить въ этомъ отношеніи желанію царя. Не считая приличнымъ прямо требовать

отъ Сигизмунда, чтобы тотъ уступилъ желаніямъ Димитрія относительно титула, папа косвеннымъ образомъ намекалъ королю, какъ бы важенъ былъ союзъ Москвы съ Польшею для дружнаго нападенія на общихъ враговъ—турокъ.

Но въ то самое время, какъ римскій дворъ употреблялъ всѣ усилія для скрѣпленія союза между Москвою и Польшею, возникли затрудненія въ собственныхъ сношеніяхъ его съ Димитріемъ: папа надѣялся, что бракъ царя на католичкѣ будетъ могущественно содѣйствовать распространенію латинства въ московскихъ областяхъ; но Димитрій требовалъ, чтобы Марина содержала католицизмъ втайнѣ, наружно же исполняла законы греческаго исповѣданія, ходила въ русскую церковь, постилась въ дни, предписанные православіемъ. Нунцій Рангони, къ которому Димитрій обратился съ этими требованіями, отвѣчалъ, что, не смотря на пламенное желаніе услужить ему, онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить его желанію, ибо такое важное и трудное дѣло требуетъ для своего рѣшенія власти высшей и разсужденія болѣе зрѣлаго. Не желая, чтобы это дѣло пошло далѣе, Рангони пишетъ къ Димитрію, увѣщая его не дѣлать никакого принужденія своей невѣстѣ въ столь важномъ дѣлѣ, какъ религія, указывая при этомъ на то, что въ противномъ случаѣ могутъ произойти большія непріятности. Однако Димитрій не тронулся увѣщаніями нунція, и дѣло было отослано на рѣшеніе папы.

Въ началѣ марта 1606 г. Боргезе увѣдомлялъ Рангони, что пункты, предложенные царемъ, рѣшены не согласно съ его желаніемъ, ибо конгрегация изъ кардиналовъ и теологовъ, послѣ тщательнаго обсужденія предмета, произнесла приговоръ, что престолъ апостольскій не разрѣшаетъ въ подобныхъ случаяхъ и не бывало примѣра, чтобы когда нибудь разрѣшилъ. Между тѣмъ папу беспокоило и то, что тѣлохранителями Димитрія были иностранцы, исповѣдывавшіе протестантизмъ, что въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ нему людей были два поляка, братья Бучинскіе, которые также не были католиками; вотъ почему папа, посылая обратно къ Димитрію отправленнаго имъ въ Римъ Лавицкаго, пишетъ при этомъ Димитрію: «Особенно внемли увѣщаніямъ не ввѣрять себя и своихъ еретикамъ и не удаляться отъ совѣта мудрыхъ и благочестивыхъ людей». Подъ послѣдними папа разумѣетъ Мнишка съ товарищами и особенно католическихъ духовныхъ; изъ этихъ же словъ видно, что царь не слишкомъ преклонялся къ совѣтамъ мудрыхъ и благочестивыхъ и нуждался въ увѣщаніяхъ по этому случаю. Гераздо болѣе могъ надѣяться папа отъ Марины; поэтому въ своихъ письмахъ къ ней онъ увѣщаетъ ее воспитывать будущихъ дѣтей своихъ въ строгости и благочестія, съ младенчества напитать ихъ мыслью, что на нихъ лежитъ обязанность распространять истинную религію. Въ заключеніе Павелъ V-й поручаетъ расположенію московской царицы Андрея Лавицкаго и весь орденъ іезуитовъ, полезный цѣлому свѣту: Павелъ V-й изъявляетъ надежду, что народъ московскій легко обратится въ католицизмъ, потому что отъ природы кротокъ и до сихъ поръ еще не былъ зараженъ ересями.

Не смотря, однако, на всю эту перемѣну, Димитрій не думалъ слушаться никакихъ увѣщаній и поддаваться вліянію іезуитовъ; какъ онъ уважалъ мнѣніе русскаго народа относительно латиновъ, доказательствомъ служить то, что онъ не пригласилъ папскаго посла Александра Рангони къ столу и прямо объявилъ ему самому, что онъ поступилъ такъ для

русскихъ. Не ревность къ католицизму заставляла его поддерживать дружелюбныя сношенія съ папою и Польшею: и тотъ, и другая нужны были ему лишь по сильному желанію его воевать съ турками и по его связи съ семействомъ Мнишекъ.

Вовсе не желая жертвовать интересами своего государства интересамъ дворовъ иностранныхъ, римскаго и польскаго, Димитрій вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не могъ, не умѣлъ показаться своему народу царемъ, сохраняющимъ его интересы, именно потому, что явно пренебрегалъ внѣшностью, которою всегда болѣе руководствуется толпа въ своихъ сужденіяхъ, ибо внутренняго не знаетъ, и если знаетъ, то не разумѣетъ. Димитрій думалъ, что, удовлетворивъ низшимъ классамъ народонаселенія соблюденіемъ старыхъ обычаевъ, онъ можетъ позволить себѣ внутри дворца образъ жизни, который своими удобствами и разгуломъ обольстил его въ странѣ чуждой; но внутри дворца, около трона, стояли заклятые враги царя, слѣдившіе за каждымъ его движеніемъ и поносившіе каждое движеніе его въ толпахъ народа, разумѣется, съ преувеличеніями. Иногда, впрочемъ, Димитрій явно, предъ всѣми, поступалъ необдуманно, оскорблялъ народъ; такъ, онъ велѣлъ вывести арбатскихъ и чертольскихъ священниковъ изъ занимаемыхъ ими домовъ, въ которые перевелъ своихъ нѣмецкихъ тѣлохранителей. Вообще надобно замѣтить, что хотя и были причины къ народному неудовольствію, которое, иногда, и обнаруживалось, однако это неудовольствіе никогда не было столь сильнымъ и всеобщимъ, какъ обыкновенно представляютъ. Вышеприведенныя слова самозванца о безразличіи исповѣданій, о возможности новаго собора, должны были оскорблять русскихъ людей, заставлять ихъ смотрѣть на него, какъ на еретика, прелестника; но многіе ли люди слышали подобныя слова? Одинъ изъ современниковъ, смотрѣвшій на Лжедмитрія, какъ на еретика, приписывавшій ему много дурныхъ дѣлъ, долженъ, однако, признаться, что большинство было за него, что онъ пользовался сильною народною привязанностью. Это особенно обнаружилось, когда явились обличители: дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Феодоръ Калачникъ. Послѣдній, когда вели его на казнь, вопилъ всему народу: «Приняли вы вмѣсто Христа антихриста и поклоняетесь посланному отъ сатаны; тогда опомнитесь, когда всѣ погибнете». Но народъ ругался надъ нимъ, кричалъ: «По дѣломъ тебѣ смерть». Но зато гораздо поразительнѣе былъ въ противоположномъ смыслѣ поступокъ дьяка Тимофея Осипова: постившись и причастясь св. таинъ, Осиповъ пришелъ во дворецъ и предъ всѣми началъ говорить Димитрію: «Ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не царь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ». Это вывело царя изъ терпѣнія: онъ велѣлъ немедленно казнить Осипова. Вольная, нарушавшая обычаи предковъ жизнь Димитрія также находила усердныхъ и явныхъ порицателей среди самихъ царедворцевъ: такъ, однажды, когда, въ четвергъ на шестой недѣлѣ великаго поста, за столомъ царскимъ подали жаренную телятину, то князь Василій Шуйскій замѣтилъ Димитрію, что въ постъ русскіе не могутъ ѣсть мяса; послѣдній, охотникъ до споровъ, началъ возражать князю; тогда думный дворянинъ Татищевъ взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ-было сослать въ Вятку, но былъ упрощенъ Басмановымъ. Неудовольствія усилились съ прибытіемъ Ма-

рины въ Москву. Димитрій, страстно влюбленный въ свою невѣсту, не хотѣлъ принуждать ее въ дѣлахъ вѣры, требуя только отъ нея наружнаго соблюденія православныхъ обрядовъ въ глазахъ народа; но этою уступкою онъ не могъ угодить послѣднему: знали царедворцы, слѣдовательно зналъ и народъ, что Марина остается латинкою. Грѣсъ Игнатій согласился совершить бракъ и вѣнчать Марину на царство, но архіереи русскіе, Гермогенъ казанскій и Іоасафъ коломенскій, говорили, что если невѣста не перемѣнитъ исповѣданія, то бракъ не будетъ законнымъ: Гермогенъ былъ удаленъ въ свою епархію и тамъ заключенъ въ монастырь; Іоасафа оставили въ покоѣ, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Бракъ и царское вѣнчаніе были совершены, и здѣсь новый соблазнъ, новая причина къ неудовольствію: свадьба была на 9-я мая, на пятницу и на Николинъ день, что запрещено уставомъ православной церкви. Но не одни духовные интересы были затронуты съ прибытіемъ Марины: для помѣщенія родственниковъ невѣсты вывели изъ кремлевскихъ дворцовъ не только купцовъ и духовныхъ, но даже бояръ, и въ томъ числѣ мнимыхъ родственниковъ царя — Нагихъ; притомъ спутники Мнишковыхъ, поляки, вели себя въ Москвѣ съ безрасудною кичливостью. Народъ волновался; купцы исправно обирали расточительныхъ гостей, но въ душѣ скрывали тоску и злобу. Казаки, вѣрные спутники Димитрія, также не упускали случая ругаться надъ гражданами, называли ихъ жидами. Тогда Шуйскій съ товарищами увидѣли, что приспѣло время приступить къ дѣлу и ловко воспользовались общимъ настроеніемъ для составленія заговора съ цѣлью сверженія самозванца. Шуйскій выступилъ во главѣ заговора, подъ предлогомъ спасенія православной вѣры; на самомъ же дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду, конечно, лишь свои честолюбивые замыслы.

XL. ГИБЕЛЬ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

(Изъ «Московской летописи Бера», помѣщенной въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ»).

На другой день Пасхи, 24-го апрѣля, пріѣхалъ въ Москву воевода сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили князья, бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1-го мая, и царская невѣста пожаловала. Въ продолженіе всего этого дня какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ играли безъ умолку московскіе музыканты. Не всѣ, однако, веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, какъ и въ день пріѣзда Димитріева. Многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности приуныли москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей, опасенія москвитянъ еще болѣе увеличились: они ждали большой бѣды. Уже и прежде народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ полякамъ и нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими

боярами, разглашалъ, что царь есть самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что поляки и вѣмцы непременно ихъ перебьютъ.

Шуйскій, котораго Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленниковъ бояръ, купцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности, что онъ давно это предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю, но москвитяне его не поддерживали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ поляковъ. Да и самъ Димитрій полякъ: его признали цесаревичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь, впрочемъ, найти въ юномъ героѣ защитника вѣры и отечественныхъ обычаевъ; но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ, презираетъ святыхъ, оскверняетъ храмы чудотворца Николая и пречистой дѣвы Маріи, дозволилъ входить въ нихъ некрещенымъ, ляхамъ, да еще съ собаками, онъ изгоняетъ пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ латинамъ, а самъ женится на поганой полькѣ. «Если мы—продолжалъ Шуйскій—не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія православной вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностью: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что царь есть самозванецъ и что онъ замышляетъ злое съ своими поляками; пусть посоветуются съ гражданами московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ поляковъ, да и тѣ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ вмѣстѣ съ обманщикомъ». Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, москвитяне должны были броситься во дворецъ съ воплемъ: «Поляки губятъ царя», и, окруживъ государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены русскими буквами, и всѣхъ чужеземцевъ истребить, не трояка, однако же, вѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ тайный заговоръ. Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ, но ни мало не безпокоился; онъ думалъ, что имѣетъ довольныя силы для усмиренія русскихъ, а того не размыслилъ, что поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

8-го мая совершилось царское бракосочетаніе. Вскорѣ потомъ царица была коронована. Наканунѣ свадьбы Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими боярами: поляки хотѣли нарядить невѣсту въ польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла: русскіе же требовали, чтобы какъ царь, такъ и царица вѣнчались по старинѣ, въ русскомъ. Послѣ долговременнаго пренія Димитрій сказалъ: «Хорошо! я согласенъ исполнить желаніе бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значить!»

Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ перкви Пресвятой Богородицы, но въ слѣдующій день (9 го мая) прислалъ къ супругѣ польскую одежду, объявивъ притомъ: «Вчера я сдѣлалъ угодное народу, теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ». Съ того времени царица всегда наряжалась по-польски. Праздновали эту свадьбу очень весело; поляки при семъ случаѣ напились допьяна и, возвращаясь домой, дозволяли себѣ самыя наглыя поступки; рубили саблями встрѣчавшихся москвитянъ и позволяли себѣ другія насилія. Народъ все это бралъ на замѣчаніе.

Въ субботу, 10-го мая, царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: такую пищу русскіе признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о томъ въ народѣ, и москвитяне еще болѣе убѣдились, что царь ихъ полякъ, но скрывали свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11-го мая Мартинъ Беръ, уроженецъ нейштатскій, говорилъ во дворцѣ, съ дозволенія государя, первую лютеранскую проповѣдь для господъ капитановъ, докторовъ и другихъ нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ нѣмецкую слободу.

12-го мая разнеслась въ городѣ молва, что Димитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіи храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣсть нечистую пищу, не выпарившись ходить ко обѣднѣ, не класть поклоновъ предъ образомъ чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу со своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что царь не истинный Димитрій, и что страшная бѣда грозитъ отечеству. Такъ говорили въ слухъ на всѣхъ рынкахъ. Двое алебарщиковъ, схвативъ одного изъ такихъ говоруновъ, привели его во дворецъ и донесли государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные бояре смотрѣли на бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умѣе не бываетъ; говорили притомъ, что государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ нѣмцевъ и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо его затѣялъ. Эти увѣренія успокоили безстрашнаго героя: онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ капитановъ, которые 13-го, 14-го и 15-го мая увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ, спрятали ихъ письменныя извѣты и, сказавъ: «Все это ничего не значить», оставилъ изъ всей гвардіи во дворцѣ попрежнему не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Не справедливо говорить пословица: чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается. Димитрій оправдалъ изреченіе св. апостола Павла: «Егда бо рекуть миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападаетъ на нихъ все губительство». Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться.

Ночью на 16-е мая случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ на 17-е мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часа по полуночи, когда царь и поль-

скіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспать отъ вчерашняго похмѣлья, измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, схвативъ дубины, ружья, сабли, копыя, кто что могъ, устремились ко дворцу съ крикомъ: «Кто умерщвляетъ царя?» «Поляки», отвѣчали бояре. Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу Басманову узнать о причинѣ смутенія. Но коварные бояре отвѣчали вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отчего волнуется народъ, и что, вѣроятно, случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, и самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными и спрашиваетъ, чего они хотятъ, что значить колокольный звонъ. Народъ завопилъ: «Выдай самозванца, тогда узнаешь отвѣтъ нашъ!»

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: «Бѣда, государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: зачѣмъ не послушалъ вѣрныхъ нѣмцевъ!» Между тѣмъ одинъ изъ бояръ ворвался сквозь толпу тѣлохранителей въ царскій покой и закричалъ Димитрію: «Ну, безвременный царь! Проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Вѣрный Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ голову нагледу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его алебардщики, схватилъ мечъ у курляндскаго дворянина Вильгельма Шварцгофа и, грозя имъ народу, закричалъ: «Я вамъ не Борисъ!» Но, встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ подошелъ къ толпѣ бояръ и просилъ ихъ не выдавать государя. Татищевъ, знатный вельможа, обругалъ его какъ нельзя хуже и ударилъ своимъ длиннымъ ножомъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре бросили его съ крыльца, вышиною въ 12 сажень. Такъ погибъ за царя этотъ герой, другъ и покровитель нѣмцевъ.

Матешники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ. Но легко ли было одолѣть такое множество? Чернь вырубала нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій едва могъ убѣждать во внутренніе покои. Нѣмцы заперлись изнутри и стали за дверьми.

Устрашенный царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Русскіе, стрѣлая въ дверь перваго покоя, заставили нѣмцевъ отойти въ сторону; наконецъ, раздробили ее топорами. «О, для чего—говорили между собою алебардщики—мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славой и спасли бы царя: это оружіе годится только для красоты, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губитъ и насъ!» Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но вида, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь между тѣмъ пробѣжалъ царицыны покои, достигнулъ Каменнаго дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 сажень; но вся надежда на спасеніе исчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Русскіе, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ царской умывальни, и, отнявъ у нихъ оружіе, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію, причемъ, спрашивая, куда дѣвался царь, обыскивали дворецъ и похитили множество сокровищъ. Бояре же и князья вломилась къ царицѣ. Женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. «Гдѣ царь и царица?» воскликнули бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличіе). «Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали царя. Мы не обязаны его караулить», было отвѣтомъ. «Непотребныя — закричали бояре; — гдѣ царица вапаша?» «На что же вамъ царица?» спрашиваетъ гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами. Послѣ того бояре раздѣлили между собою всѣхъ дѣвицъ, благородныхъ полекъ, и отослали ихъ въ свои дома. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей притаилась Марина, бояре оставили въ покоѣ, только бранили ее безъ пощады и требовали непременно, чтобы она призналась, куда скрылась ея царица. «Сегодня рано поутру — сказала гофмейстерина — мы отправили ее въ домъ пана воеводы сендомирскаго; тамъ она и теперь».

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежащаго государя и услышавъ стоны его, спѣшили помочь ему и хотѣли отнести его во дворецъ. Народъ, замѣтивъ это, увѣдомилъ бояръ, которые тотчасъ оставили гофмейстерину и бросились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить Димитрія. Тщетно стрѣльцы, имъ убѣжденные, старались спасти его: положивъ на мѣстѣ одного или двухъ бояръ ружейными выстрѣлами, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы сказать съ плѣнникомъ Платва: «Слишкомъ несправедливо тащить и колотить въ одно время». Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, но тогда уже разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражею, обезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни слова; что думалъ, извѣстно только Богу сердецвѣдцу; можетъ быть, онъ вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ нѣмцевъ. Одинъ изъ копыеносцевъ, ливонскій дворянинъ Вильгельмъ Фирстенбергъ, пробрался въ комнату, желая знать, что будетъ съ царемъ, но былъ заколотъ однимъ изъ бояръ подлѣ самого государя. «Смотри,—говорили нѣкоторые вельможи,—какъ усердны псы нѣмецкіе! И теперь не покидаютъ своего царя; побьемъ ихъ до послѣдняго!» Но другіе не согласились.

Принесшіе Димитрія въ комнату поступали съ нимъ не лучше живодъ: тотъ щипнеть, другой колышетъ. Въмѣсто царской одежды, нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. «Поглядите на царя всероссійскаго,—сказалъ одинъ,—у меня такой царь на конюшнѣ!». «А я бы этому царю далъ знать», говорилъ другой. Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: «Говори, кто ты, кто твоей отецъ, и откуда ты родомъ?» «Вы всѣ знаете,—отвѣчалъ Димитрій,—что я царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою, она въ монастырѣ; или выве-

дите меня на Лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться». Тутъ выско-
чилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и, сказавъ: «Чего
толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!»—
прострѣлилъ его насквозь.

Между тѣмъ старый измѣнникъ Шуйскій разбѣжалъ на дворъ вер-
хомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бро-
сились ко дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они
остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ польскій шутъ; имъ
отвѣчали, что Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ, впрочемъ,
не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: «Бей его, руби его». Князья и бояре
обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ
отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзали въ животъ ему но-
жи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный
Басмановъ, и, сбросивъ его съ крыльца, кричали: «Ты любилъ его жи-
ваго, не разставайся и съ мертвымъ!» Такимъ образомъ, тотъ, кто вчера
гордился своимъ могуществомъ и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою, те-
перь лежитъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствие поразило и его, и супругу, и
гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо бы было и другимъ осте-
регаться такой же свадьбы: она была не лучше парижской. Димитрій
царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

XLII. РАЗБОРЪ МНѢНІЙ О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО САМОЗВАНЦА.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Слухи и мнѣнія о самозванцѣ ходили и ходятъ разные. Первое мнѣніе
состоитъ въ томъ, что человекъ, объявившій себя Димитріемъ, былъ
истинный царевичъ, сынъ Іоанна Грознаго, спасшійся отъ гибели, при-
готовленной ему Годуновымъ въ Угличѣ, гдѣ вмѣсто него былъ убитъ
другой ребенокъ, подставной. Здѣсь прежде всего надобно замѣтить, что
въ извѣстіяхъ о спасеніи Димитрія находятся историческія несообраз-
ности. Напримѣръ, говорятъ, будто онъ спасся бѣгствомъ въ Украину,
къ своему отцу крестному, кн. Ивану Мстиславскому, жившему тамъ въ
ссылкѣ еще со временъ Грознаго; послѣ же смерти Мстиславскаго, въ
скорости случившейся, царевичъ отправился въ Польшу; но извѣстно,
что никакого Мстиславскаго на Украинѣ никогда не было; притомъ, если
царевичъ былъ спасенъ и отправленъ въ Польшу, то что мѣшало ему
немедленно же открыться польскому правительству? Гонимые удѣльные
князья обыкновенно убѣгали изъ Москвы въ Литву. Тогда дѣло не под-
лежало бы никакому сомнѣнію. Далѣе, въ извѣстіяхъ о спасеніи есть
противорѣчія относительно обстоятельствъ спасенія: одни говорятъ, что
спасъ царевича докторъ подмѣномъ; другіе—что сама мать. Но важнѣе
слѣдующее обстоятельство: всѣ извѣстія согласны въ одномъ, что убій-
ство подмѣннаго ребенка произошло ночью, тогда какъ намъ досто-
вѣрно извѣстно, что происшествіе случилось днемъ. И тѣ показанія, ко-
торыя говорятъ, что царевичъ былъ убитъ, и тѣ, которыя утверждаютъ,
что онъ закололъ себя ножомъ въ припадкѣ падучей болѣзни, вполне
согласны въ этомъ обстоятельствѣ; слѣдовательно, не было возможности

убійцамъ, потомъ роднымъ царевича, близкимъ къ нему людямъ и гражданамъ углицкимъ обмануться; если бы даже обманулись сначала, то мертвое тѣло лежало долго предъ глазами всѣхъ, всѣ имѣли возможность увидеть свою ошибку. Свидѣтельства очевидцевъ о несходствѣ малолѣтняго Дмитрія съ тѣмъ, кто потомъ назвался его именемъ, не важныя, взятые отдѣльно, ибо часто люди, знавшіе младенца и увидѣвши потомъ того же человѣка взрослымъ, не могутъ найти между ними ничего общаго; не важно и свидѣтельство о томъ, что Дмитрій былъ гораздо моложе, чѣмъ казался Лжедмитрій; часто человѣкъ можетъ казаться многими годами старѣе и моложе своего возраста, а жизнь Дмитрія была именно такова, что могла его состарить. Но чрезвычайной важности для насъ свидѣтельства современниковъ, вполне безпристрастныхъ, какъ, напримѣръ, Буссова, который былъ очень привязанъ къ Лжедмитрію, превозносить его достоинства, имѣеть всѣ побужденія засвидѣтельствовать его царское происхожденіе и между тѣмъ свидѣлствуешь о противномъ. Его свидѣтельство основывается на свидѣтельствѣ Басманова, который больше всѣхъ другихъ имѣлъ причины утверждать законность Лжедмитрія и, не смотря на то, свидѣлствуешь о его самозванствѣ, свидѣлствуешь наединѣ, въ разговорѣ съ человѣкомъ довѣреннымъ и привязаннымъ къ царю.

Но если тотъ, кто царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ Дмитрія, носилъ это имя незаконно, то является вопросъ: въ собственной-ли годъ родилась мысль о самозванствѣ, или она внушена была другими? и, во второмъ случаѣ, сознательно-ли онъ принялъ на себя роль самозванца, или былъ убѣжденъ, что онъ истинный царевичъ? Чтобы сознательно принять на себя роль самозванца, сдѣлать изъ своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищемъ разврата, что и доказываютъ намъ характеры послѣдующихъ самозванцевъ. Что же касается до перваго, то въ немъ нельзя не видѣть человѣка съ блестящими способностями, пылкаго, впечатлительнаго, легко увлекающагося, но чудовищемъ разврата его назвать нельзя. Въ поведеніи его нельзя не замѣтить убѣжденія въ законности правъ своихъ, ибо чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходящую до неосторожности, эту открытость и свободу въ поведеніи? Чѣмъ объяснить мысль отдать свое дѣло на судъ всей земли, когда онъ созвалъ соборъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго? Чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты обращеніе къ матери? Почему, говорятъ, разстрига, сѣвъ на престолъ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? Для чего не объяснилъ онъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, своихъ воспитателей и хранителей? Возможность такихъ вопросовъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что Лжедмитрій не былъ сознательный обманщикъ. Если бы онъ былъ обманщикъ, а не обманутый, то чего бы ему стоило сочинить подробности своего спасенія и похищенія? Но онъ этого не сдѣлалъ. Что онъ могъ объявить? Могущественные люди, его подставлявшие, разумѣется, были такъ осторожны, что не дѣйствовали непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствуютъ, но именъ ихъ не зналъ; по имени онъ зналъ только о дьякахъ Щелкаловыхъ. Но теперь рождается вопросъ: кѣмъ же былъ подставленъ самозванецъ? Кто увѣрилъ его въ томъ, что онъ царевичъ Дмитрій? Кому было выгодно, нужно появленіе самозванца? Оно было

выгодно для Польши. Лжедимитрій пришелъ отсюда; слѣдовательно, онъ могъ быть подставленъ польскимъ правительствомъ. Кого же мы должны разумѣть подъ польскимъ правительствомъ? Короля Сигизмунда III? Но характеръ послѣдняго даетъ-ли намъ право приписать ему подобный планъ для заведенія смуты въ Московскомъ государствѣ? Осторожное, робкое поведение Сигизмунда въ началѣ дѣятельности самозванца даетъ-ли основаніе предполагать въ королѣ главнаго виновника дѣла? Планъ придуманъ кѣмъ-нибудь изъ вельможъ польскихъ? Указываютъ на Льва Сапѣгу, канцлера литовскаго. Сапѣга два раза былъ въ Москвѣ посломъ, одинъ разъ при Ѳеодорѣ, другой при Борисѣ, и въ послѣдній разъ пріѣхалъ изъ Москвы съ сильнымъ ожесточеніемъ противъ Бориса. Когда самозванецъ объявился у князя Вишневецкаго, то Петровскій, бѣглый москвичъ, слуга Сапѣги, первый явился къ Вишневецкому, призналъ Отрепьева царевичемъ и указалъ примѣты: бородавки на лицѣ и одну руку короче другой. Потомъ Сапѣга явился сильнымъ поборникомъ плановъ Сигизмунда противъ Москвы, ожесточеннымъ врагомъ новаго царя Михаила, восшествіе котораго разстроивало его планы; въ царствованіе Михаила, до самой смерти своей, держитъ онъ подъ рукою, наготовѣ, самозванца, несчастнаго Лубу, какъ орудіе смуты въ Москвѣ. Любопытно, что и нашъ лѣтописецъ злобу поляковъ и разореніе, претерпѣнное отъ нихъ Московскимъ государствомъ, приписываетъ раздраженію Сапѣги и товарищей его за то, что они видѣли въ Москвѣ много иностраннаго войска. Наконецъ нѣкоторые разсказываютъ, что послѣ сраженія при Добрыничахъ, самозванецъ издалъ манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что былъ въ Москвѣ при посольствѣ Льва Сапѣги. Такого манифеста, впрочемъ, не сохранилось, а въ дошедшемъ до насъ ни слова не упоминается объ этомъ обстоятельстве. Какъ бы то ни было, если заподозрить кого-нибудь изъ вельможъ польскихъ въ подстановкѣ самозванца, то прежде всего подозрѣніе должно пасть на Льва Сапѣгу. Но можно-ли заподозрить одного частнаго человѣка въ начинаніи такого дѣла? Гораздо болѣе основанія заподозрить могущественныхъ тогда въ Польшѣ іезуитовъ, которымъ появленіе самозванца, какъ орудіе для введенія католицизма въ Московское государство, было очень нужно; на Сапѣгу же можно смотрѣть какъ на повѣреннаго іезуитовъ. Но, принимая это мнѣніе, надобно непременно принять, что самозванецъ былъ человѣкъ воспитанный, подставленный въ польскихъ владѣніяхъ, а не Григорій Отрепьевъ, какъ согласно утверждаютъ всѣ русскія свидѣтельства, отвергнуть которыя чрезвычайно трудно. Очевидцы признавали въ первомъ Лжедимитріи великороссіянина, который бѣгло и краснорѣчиво изъяснялся на московскомъ нарѣчій, какъ на родномъ, четко и красиво писалъ, латинскую грамоту зналъ плохо или почти вовсе не зналъ. Побочный сынъ Стефана Баторія, воспитанникъ іезуитскихъ школъ, за котораго выдавали его нѣкоторые, не могъ бы писать *in per- rator*; когда посолъ папскій произносилъ предъ нимъ латинскую рѣчь, то ее должно было переводить ему. Московское правительство при Годуновѣ, Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ постоянно упрекало польское въ томъ, что оно было виновникомъ разоренія Московскаго государства, помогая Лжедимитрію, и въ то же время постоянно утверждало, что самозванецъ этотъ былъ москвичъ, именно Григорій Отрепьевъ. Если бы была малѣйшая возможность усомниться въ этомъ, то что мѣшало мо-

сковскому правительству укорить польское за то, что оно прибрало своего поляка, назвало его царевичемъ Димитріемъ и выслало въ Московское государство для смуты? Нѣкоторые современники говорили, что монахъ Григорій Отрепьевъ игралъ въ дѣлѣ важную роль, былъ руководителемъ самозванца. Это мнѣніе основывалось на томъ, что подлѣ самозванца при его появленіи дѣйствительно находился монахъ, называвшійся Григоріемъ Отрепьевымъ; но дѣло объясняется извѣстіемъ, что Отрепьевъ, объявивши себя царевичемъ, сдѣлалъ свое прежнее имя монаху Леониду. Если бы монахъ Григорій Отрепьевъ существовалъ отдѣльно, что мѣшало явиться ему въ Москву и этимъ появленіемъ уничтожить Годуновскую выдумку или ошибку и самымъ блистательнымъ образомъ подтвердить, что тотъ, кто называется Димитріемъ, не есть разстрига Гришка Отрепьевъ? Желаніе нѣкоторыхъ писателей, чтобы такъ было, остается только желаніемъ, ибо не подтверждается свидѣтельствомъ источниковъ. Что самозванецъ былъ москвичъ, съ которымъ іезуиты познакомились уже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя царевичемъ, неоспоримо доказываетъ посланіе папы Павла V къ воеводѣ сендомирскому, гдѣ говорится, что Лжедимитрій обращенъ въ католицизмъ францисканцами, а не іезуитами.

Но если самозванецъ былъ человѣкъ изъ Москвы, или даже если согласимся, что руководителемъ его былъ монахъ московскій, то какъ объяснить себѣ возможность для Сапѣги или для іезуитовъ ковать эту крамолу въ Москвѣ? Предполагаютъ, что Сапѣга во время своего пребыванія въ Москвѣ сговорился съ боярами о подстановкѣ посредствомъ дьяка Власева. Слѣдовательно, это мнѣніе о подстановкѣ самозванца іезуитами и Сапѣго требуетъ, для вѣроятности своей, соединенія съ другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ современниками событія, а именно, что самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ тамошними врагами Бориса. Это послѣднее мнѣніе твердо само по себѣ, не требуетъ никакихъ предположеній, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ извѣстіями о походеніяхъ Отрепьева. Принимая это мнѣніе какъ вѣроятнѣйшее, мы, разумѣется, не имѣемъ никакой нужды отвергать участіе Сапѣги и вообще польскихъ пановъ или іезуитовъ въ замыслѣ; но должно замѣтить, что если Польшѣ или іезуитамъ было выгодно появленіе самозванца и смута, имѣющая оттого произойти, то внутренними врагамъ Бориса, терзавшимися мыслью, что Годуновъ на престолѣ, грозимымъ ежечасно тяжелою опалю, это появленіе было болѣе чѣмъ выгодно: оно вполне соответствовало ихъ цѣли, ибо могло свергнуть Годунова, и въ то же время было такъ ничтожно, что послѣ легко бы было отъ него отдѣлаться и очистить престолъ для себя. Мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ хронографовъ о Годуновѣ: «Навелъ онъ на себя негодованіе чиновначальниковъ всей Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили».

Но не въ однихъ хронографахъ русскіе современники выразили такое мнѣніе. Изъ иностранныхъ писателей его высказываетъ Буссовъ, оставившій намъ лучшее описаніе событій, которыхъ былъ очевидцемъ, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ главными дѣятелями. Буссовъ говоритъ также, что самъ царь Борисъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ. Это мнѣніе о подстановкѣ самозванца внутренними вра-

гами Бориса не только правдоподобіе всѣхъ другихъ само по себѣ, но и высказано современниками, близкими къ дѣлу, имѣетъ за себя еще то, что вполне согласно съ русскими свидѣтельствами о походахъ Григорія Отрепьева, — свидѣтельствами, которыя нѣтъ возможности отвергнуть. И по извѣстіямъ польскимъ Отрепьевъ, открывая о своемъ происхожденіи Вишневецкому, объявилъ, что онъ, спасенный отъ убійцы, отданъ былъ на воспитаніе къ одному сыну боярскому, а потомъ былъ въ монахахъ.

XLII. ВОЦАРЕНІЕ ШУЙСКАГО, НЕПРОЧНОСТЬ ЕГО ПОЛОЖЕНІЯ И ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНІЯ ВТОРАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ.

(Изъ ст. Соловьева «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Теодора Иоанновича», помѣщ. въ «Современникъ» 1848 и 1849 гг.).

Во главѣ заговора, которымъ былъ сверженъ и погубленъ Лжедмитрій I, стояли Шуйскій и Голицынъ, имѣя въ виду престолъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою партію. Партія Шуйскаго естественно была сильнѣе, во-первыхъ, уже потому, что онъ болѣе выдавался изъ толпы, чѣмъ Голицынъ, особенно въ послѣднее время; во-вторыхъ, потому, что онъ имѣлъ сильную партію между жителями Москвы: тѣ, которые имѣли силу и отвагу свергнуть Лжедмитрія, не могли не воспользоваться этою силою и отвагою для возведенія на престолъ своего любимаго боярина. Противники Шуйскаго знали это и потому хотѣли противопоставить голосу московскихъ сторонниковъ князя Василя голосъ выборныхъ изъ всей земли Русской, созванія которыхъ они требовали. Но Шуйскій не хотѣлъ дожидаться земской думы и рѣшился захватить престолъ точно такимъ же образомъ, какъ недавно свергнулъ съ него Лжедмитрія, т. е. скопомъ и заговоромъ. 19-го мая, въ 6 часовъ утра, купцы, разношники и ремесленники толпились на красной площади точно такъ, какъ 17-го числа; бояре, придворные сановники, вмѣстѣ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, вышли также на площадь; они предложили избрать патріарха, который долженъ былъ стоять во главѣ временнаго правленія, и разослать, между тѣмъ, повсюду грамоты для созванія земской думы; они хотѣли сперва избрать патріарха, потому что еслибъ имъ удалось избрать его изъ своихъ, то Шуйскому было бы трудно получить согласіе думы: изъ опыта было извѣстно, какое могущественное вліяніе на рѣшеніе выборныхъ имѣлъ глава церкви. Но на предложеніе бояръ въ толпѣ закричали, что патріархъ не такъ нуженъ, какъ царь, которымъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ. Бояре не смѣли противиться, и Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ. Итакъ Шуйскій былъ избранъ точно такъ же, какъ былъ свергнутъ Лжедмитрій, скопомъ и заговоромъ, не только безъ согласія всего государства, но даже безъ согласія всѣхъ жителей Москвы; умѣренная, спокойная масса народонаселенія не была довольна въ обоихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ не сказала своего да: самое гибельное предзнаменованіе для новаго царя, потому что, когда усердіе клеветовъ его охладѣетъ, то кто поддержитъ его? Такимъ образомъ, на московскомъ престолѣ явился царь партіи; но партія противная су-

ществовала: озлобленная неудачею, она не теряла надеждъ; къ ней присоединились, т. е. объявили себя противъ Шуйскаго, всѣ тѣ, которымъ были выгодны перемѣны, и всякая перемѣна могла казаться теперь законною, ибо настоящаго, установленнаго ничего не было. Масса людей умѣренныхъ молчала, потому что не питала сочувствія ни къ одному явленію,—ни къ новому порядку вещей, ни къ движеніямъ, противъ него направленнымъ; произволу людей безпокойныхъ открывалось свободное поприще, а представители общества, люди, не разрознившіе своихъ интересовъ съ интересами послѣдняго, должны были сносить все буйство этого произвола, не имѣя на что опереться, во имя чего ратовать, не имѣя сочувствія къ человѣку, который провозгласилъ себя главою государства.

Шуйскій, въ исполненіе обѣщанія, даннаго другимъ боярамъ, вмѣстѣ съ нимъ возставшимъ на Лжедмитрія, такъ повѣстилъ о своемъ воцареніи: «Божіею милостію мы, великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, щедротами и человѣкълюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ освященнаго собора, и по челобитію и прошенію всего православнаго христіанства, учинились на отчизнѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ. Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику. И нынѣ мы, великій государь, будучи на престолѣ Россійскаго царства, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ добродѣтельнымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденствіи, и позволилъ я, царь и великій князь всея Руси, цѣловать крестъ на томъ: что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьевъ ихъ и у женъ, и у дѣтей не отнимать, если они съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отнимать, если они съ ними въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство не гибло; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнить, смотря по винѣ, которую взвелъ напрасно. На томъ на всемъ, что въ сей запискѣ написано, я, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, цѣлую крестъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалую, судить истиннымъ, праведнымъ судомъ, и безъ вины опалы своей ни на кого не класть, и не другимъ никому никого въ неправдѣ не подавать и отъ всякаго насильства оберегать». Не менѣе замѣчательна и другая окружная грамота, написанная отъ имени московскихъ властей о гибели самозванца и выборѣ Шуйскаго: «Мы всѣ, бояре и окольничіе, и дворяне, и всякіе люди, узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Дмитрія, царица инокиня Марѣя, и ея братъ Михайло Нагой съ братьею всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Дмитрій умеръ подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Дмитріемъ ложно: а какъ его поймали, и тотъ воръ и самъ сказалъ, что онъ Гришка Отрепьевъ, и на государствѣ учинился бѣсовскою помощію, и людей всѣхъ прельстилъ чернокнижствомъ, и за то тотъ Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла, принялъ отъ Бога возмездіе, злѣе живогъ

свой скончалъ... И послѣ того, прося у Бога милости, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, а также и мы, бояре, и окольничіе, и дворяне, дѣти боярскіе и всякіе люди Московскаго государства, *избрали всѣмъ Московскимъ государствомъ*, кому Богъ изволитъ быти на Московскомъ государствѣ государемъ; и всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ государя на Московское государство, великаго государя царя и великаго князя Василя Ивановича, всея Руси самодержца, государя благочестиваго, и по Божьей церкви, и по православной христіанской вѣрѣ поборателя, отъ корня великихъ государей россійскихъ, отъ великаго князя Александра Ярославича Невского, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею *во многія лѣта* претерпѣлъ, а наипаче всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика смертью пострадалъ». Вслѣдъ за этою грамотою Шуйскій разослалъ другую, уже отъ своего имени, въ которой также объявлялъ о гибели Лжедмитрія, съ точнѣйшимъ объясненіемъ причинъ. Въмѣстѣ была разослана и окружная грамота отъ имени царицы Марѣы, гдѣ она отрекалась отъ Лжедмитрія.

Теперь легко можно представить, какъ должны были смотрѣть въ Москвѣ и въ областяхъ на описанныя событія. Неизбѣжно должны были найтись многіе, которымъ могло показаться страннымъ, какъ воръ Гришка могъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижіемъ прельстить весь мудрый сонмъ властей московскихъ? Недавно эти власти извѣщали народъ, что новый царь есть истинный Димитрій, теперь увѣряютъ въ противномъ. — увѣряютъ, что Димитрій грозилъ гибелью православію и чести государственной, увѣдомляютъ, что онъ погибъ, но какъ, это оставляютъ въ тайнѣ, объявляютъ, что избранъ новый царь всѣмъ государствомъ, а между тѣмъ извѣстно, что не всѣмъ. Странность, темнота событія извѣщаемаго порождали недоумѣнія, сомнѣнія, недовѣрчивость. Этотъ недостатокъ довѣрія къ новому правительству и необходимо соединенное съ нимъ неуваженіе отнимали руки у добрыхъ и развязывали руки злымъ, которымъ было выгодно мутить государство; а мутить его было легко. До сихъ поръ области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, пришедшее къ нимъ, непреложнымъ; но теперь Москва явно признается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ; теперь необходимо рождается вопросъ: не омрачены ли москвитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тяготѣли всѣ области, связью между Москвою и областями было довѣріе къ власти, въ ней преобладающей; теперь это довѣріе было нарушено, и связь исчезла, государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію; потерявъ вѣру въ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему: тутъ-то въ самомъ дѣлѣ наступилъ для всего государства омраченіе бѣсовское, — омраченіе, произведенное духомъ лжи, отъ которой менѣе другихъ былъ чистъ Шуйскій, котораго сонмъ клеветовъ посадилъ на престолъ царей Московскихъ.

1-го іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство; скоро послѣ этого, свергнувъ Игнатія, возвели на патріаршескій престолъ Гермогена казанскаго, «обнаружившаго твердость свою при самозванцѣ и потерпѣвшаго отъ него гоненіе». Современники называютъ Гермогена ученыхъ, словесныхъ, мудрыхъ, хитроумныхъ, но не сладкоглазыхъ, т. е. рѣчь

его, отличавшаяся вѣшною, холодною витѣватостію, не ласкала сердца слушателей; этой несладкоглаголивости соотвѣтствовала жестокость нрава, неумѣренная строгость къ слабостямъ человѣческимъ: сюда присоединялся еще въ Гермогенѣ важный недостатокъ, особенно въ то смутное время—легковѣріе. Гермогенъ, говорятъ, охотно слушалъ навѣты, худо отличалъ истинное отъ ложнаго и вѣрилъ всему. Этою слабостію воспользовались, какъ видно, враги Шуйскаго: они наговорили патріарху на послѣдняго и успѣли посорить ихъ; по жестокости нрава, патріархъ не скрылъ своего неудовольствія на Василія и выражалъ его своимъ обхожденіемъ съ нимъ.

Можно себѣ представить, какъ гибельно было такое обхожденіе патріарха для Шуйскаго, который и безъ того уже не пользовался большимъ уваженіемъ и довѣренностью гражданъ. Исполненіе клятвы, данной боярамъ, не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта, сильно повредило Шуйскому; нѣсколько приверженныхъ къ нему бояръ и гражданъ уговаривали его, чтобы онъ «въ томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось». И точно, это небывалое дѣло заставило смотрѣть на Шуйскаго, какъ на полуцаря, не похожаго на предшествовавшихъ государей; а между тѣмъ въ думѣ, наполненной врагами Шуйскаго, открылось свободное поле для крамоль, которыхъ царь теперь не могъ сдерживать, ибо не могъ предпринять никакой сильной мѣры безъ согласія тѣхъ же самыхъ крамольниковъ; наконецъ, ограниченіе власти царской относительно наказанія, — ограниченіе ея боярами неблагонамѣренными, — обѣщало безнаказанность всякой смуты, всякой крамоль: кліентъ Голицына или какого нибудь другого могущественнаго боярина могъ отважиться на все, по внушенію своего патрона, зная, что послѣдній можетъ отстоять его отъ наказанія. Шуйскій былъ скупъ отъ природы; теперь, когда казна была истощена расточительностью самозванца, онъ хотѣлъ наполнить ее бережливостію и потому не оказалъ никакой щедрости по случаю своего воцаренія. Этимъ онъ возбудилъ негодованіе алчной толпы, бывшей до сихъ поръ за него, въ надеждѣ милостей и наградъ: видя, что нельзя жить на счетъ скупого царя, площадные крикуны и смутники перешли на сторону вратовъ его.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ Шуйскій выслалъ изъ Москвы всѣхъ тѣхъ, которые не участвовали въ умыслахъ противъ Лжедмитрія: князя Рубца-Мосальскаго отправилъ воеводою въ Корелу, Аѳанасія Васильева въ Уфу, Михаила Салтыкова въ Ивангородъ, Богдана Бѣльскаго въ Казань; другихъ стольниковъ и дворянъ разослалъ также по разнымъ городамъ на службу; у нѣкоторыхъ даже отнялъ помѣстья и вотчины. Эта мѣра была также вредна, ибо, съ одной стороны, вмѣсто утишенія областей, онъ разослалъ туда на службу людей озлобленныхъ, слѣдовательно вѣрныхъ возмутителей; съ другой, враги царя могли воспользоваться этимъ, чтобы обвинить его въ измѣнѣ своему обѣщанію—не мстить за прежнее нелюбие. Такимъ образомъ, при самомъ воцареніи Шуйскаго были уже готовы матеріалы для воспламененія мятежа въ областяхъ и въ самой столицѣ. Нѣкоторые изъ бояръ знатныхъ крамольлики противъ новаго царя съ цѣлью занять его мѣсто; но было много и такихъ сановниковъ второстепенныхъ, которые не могли имѣть сами надежды на престолъ, не могли соперничать ни съ Шуйскими, ни съ Голицыными, однако не хотѣли видѣть на престолѣ ни Шуйскаго, ни

Голицына, ни кого либо другого изъ бояръ, ибо знали, что смѣна одного боярина другимъ на престолѣ не поведетъ ни къ чему прочному, а будетъ только источникомъ новыхъ смутъ и междоусобій; они должны были искать чего нибудь новаго, прочнаго, что бы могло обезпечить имъ навсегда ихъ выгоды, потому что если бы сановникъ второстепенный, ненавидя Шуйскаго, сталъ подъ знаменемъ Голицына и возведеніемъ послѣдняго на престолъ получилъ большія выгоды, то эти выгоды не могли быть прочны, ибо тотчасъ же образовалась бы другая боярская партія противъ Голицына, а сверженіе послѣдняго вело къ гибели всѣхъ его клевретовъ. Вотъ почему второстепеннымъ сановникамъ невыгодно было становиться подъ знамена бояръ, и они должны были искать новаго прочнаго порядка вещей. Наконецъ, люди разнаго происхожденія, хотѣвшіе жить общественными смутами, очевидно, должны были становиться подъ знамена перваго искателя престола, кто бы онъ ни былъ, ибо они не искали прочнаго порядка вещей; напротивъ, только шаткости и смуты въ государствѣ могли быть для нихъ ручательствомъ за ихъ выгоды. Но всѣ означенныя лица, и бояре, хотѣвшіе престола для себя, и сановники второстепенные, не хотѣвшіе царствованія боярскаго, наконецъ смутники изъ лицъ всякаго происхожденія, которымъ выгодны были перемѣны, не могли отважиться прямо на сверженіе Шуйскаго. Голицынъ съ товарищами не имѣлъ никакого права, никакой возможности прямо выставить себя соперникомъ новому царю и открыто противъ него дѣйствовать. Какое изъ своихъ правъ могъ выставить Голицынъ, которое бы превышало права Шуйскаго? Въ какихъ преступленіяхъ могъ онъ обвинять Шуйскаго, которыя бы превышали его собственныя? Голицынъ и другіе бояре искатели престола (если только были они) могли надѣяться на корону тогда, когда Шуйскій будетъ свергнутъ другимъ, чужимъ, а не ихъ именемъ, слѣдовательно могли только крамолить противъ него, а не дѣйствовать открыто. То же самое должно сказать и о всѣхъ другихъ людяхъ, почему бы то ни было недовольныхъ Шуйскимъ и жаждущихъ перемѣны: они могли возмутиться противъ Шуйскаго, какъ царя, неправильно избраннаго; но во чье имя возмутились бы они, кого предложили бы взамѣнъ Шуйскаго? Такимъ образомъ для всѣхъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію, нужно было лицо, во имя котораго можно дѣйствовать, лицо, столько могущественное, чтобы могло свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько ничтожное, чтобы не могло быть препятствіемъ для исполненія извѣстныхъ замысловъ; однимъ словомъ—нуженъ былъ самозванецъ; Шуйскаго можно было свергнуть только такъ, какъ свергнуть былъ Годуновъ. Вотъ причины появленія и успѣховъ втораго самозванца. Какъ для благоустроеннаго гражданскаго общества государь, правительство не можетъ умирать, такъ для тогдашняго разстроеннаго русскаго общества не могъ умереть самозванецъ. И точно: еще первый Лжедимитрій не испустилъ духа, какъ уже пронеслась вѣсть о второмъ.

XLIII. ВОЛНЕНИЯ ВЪ СЪВЕРСКОЙ УКРАИНѢ И БУНТЪ ШАХОВСКАГО.

(Изъ «Истории государства Россійскаго» Карамзина).

Казалось, что самозванецъ, всѣми оставленный въ часъ бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни приверженцовъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коиъ онъ любилъ, осыпалъ милостями и наградами, громогласнѣ другихъ кляли память его, желая неблагодарностью спасти себя и спаслися: сохранили всю добычу измѣны, санъ и богатство. Нѣкоторые изъ нихъ умѣли даже снискать довѣренность Василіеву: такъ, кн. Григорій Петровичъ Шаховскій, извѣстный любимецъ разстригинъ, былъ посланъ воеводою въ Путивль, между тѣмъ нигдѣ граждане и чернь не оказывали столько усердія къ самозванцу и не могли столько бояться новаго царя, какъ въ землѣ Сѣверской; гдѣ оставалось еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ, злодѣевъ, сподвижниковъ Отрепьева, и куда многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили возвратиться. Шаховскій пылалъ ненавистью къ виновникамъ Лжедмитріевой гибели; зналъ расположеніе народа сѣверскаго и неудовольствіе россиянъ, которые имѣли право участвовать и не участвовали въ избраніи вѣнценосца; зналъ волненіе умовъ и въ Москвѣ, и въ цѣломъ государствѣ, смятенномъ бунтами и еще несовсѣмъ успокоенномъ властью закона; считалъ державство Василя нетвердымъ, обстоятельства благоприятными и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство: созвалъ гражданъ въ Путивль и сказалъ имъ торжественно, что московскіе измѣнники, вмѣсто Дмитрія, умертвили какого-то нѣмца, что Дмитрій, истинный сынъ Іоанновъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей сѣверскихъ, что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украины, за оказанное ими усердіе къ Дмитрію, жребій новгородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ, что не только за истиннаго царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, стрѣльцы, казаки, люди боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и черниговскимъ воеводою княземъ Телятевскимъ. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному обману, кто не хотѣлъ измѣнить Василю и дерзалъ противиться мятежу, тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали! Такъ погибли воеводы, бояринъ князь Буйносовъ въ Бѣлгородѣ, Плещеевъ въ Ливнахъ; другихъ, ввергли въ темницы. Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ царю, вѣрность называли измѣною, богатство преступленіемъ; холопы грабили имѣніе господъ своихъ, безчестили ихъ женъ, женились на дочеряхъ боярскихъ. Плавая въ крови, утопая въ мерзостяхъ насилія, терпѣливо ждали Дмитрія. Увѣряя въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожь уразумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи изъ Сѣномира.

Могъ ли одинъ человекъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпое, безъ условія съ другими, безъ приготовленія и за-

говора? Шаховскій имѣлъ клеветовъ въ Москвѣ, гдѣ, скоро по убіеніи Лжедмитрія, распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, усакавъ верхомъ съ двумя царедворцами неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ: одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь золотыхъ и сказалъ: «Знаешь ли насъ? Ты перевезъ государя Дмитрія Іоанновича, который спасается отъ московскихъ измѣнниковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ казнить ихъ, а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ». «Вотъ онъ!» промолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали то же. Сіи путешественники или бѣглецы выѣхали изъ предѣловъ Россіи въ Литву, и вдругъ вся Польша заговорила о Дмитріи, который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него перемены обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василювъ, князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мишикова дѣйствительно объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Дмитріемъ. что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, что теща купила для него богатые одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей, что съ нимъ только одинъ москвитянинъ, дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные россияне, и въ числѣ ихъ кн. Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ. Новый самозванецъ нисколько не сходствовалъ наружностью съ первымъ, былъ выше его, лицомъ не бѣлъ, а смуглъ, имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ), глаза большіе, брови густыя, навислыя, бородавку среди щеки, усы и бороду стриженную; но такъ же, какъ Огрепьевъ, онъ говорилъ твердо языкомъ польскимъ и разумѣлъ латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго царя Теодора и мнимый чернокушникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василюва царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе растрги, чтобы питать мятежъ въ землѣ Сѣверской; но онъ не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Дмитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ растрги встревожилъ московскую чернь, которая, три дня терзавъ мертваго лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію, ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ жить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другого на свое мѣсто. Дѣйствовала и любовь къ чудесному, и любовь къ мятежамъ. «Чернь московская—пишутъ очевидцы—была готова смѣнять царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ безначаліи», и люди, обогрѣнные, быть можетъ, кровью самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василю! Клеветы Шаховскаго въ столицѣ желали волненія, безпокойства народнаго и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедмитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибавляли къ стѣнамъ. Въ сихъ грамотахъ упрекали россиянъ неблагодарностью къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ царей и сказывали, что Дмитрій будетъ въ Москвѣ къ

новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія: призывали всѣхъ дьяковъ, слмчали ихъ руки съ подметными письмами и не открыли сочинителей.

Свѣдавъ о бунтѣ южной Россіи и сендомирскомъ самозванцѣ, правительство увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ крутицкаго митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: митрополита не приняли и не слушали. Ни грамоты, ни посольства не имѣли успѣха. Бунтъ кипѣлъ, остервененіе возрастало. Дѣйствуя неуспѣшно, Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украиною, писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную, которую онъ похитилъ въ день московскаго мятежа. Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле съ воеводою, холопомъ кн. Телятевскаго, Иваномъ Болотниковымъ. Сей человекъ, взятый въ плѣнъ татарами, проданный въ неволю туркамъ и выкупленный нѣмцами въ Константинополь, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи, захотѣлъ возвратиться въ отечество, услышалъ въ Польшѣ о мнимомъ Димитріи, предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Шаховскому въ Путивль. Внутренню вѣря или не вѣря самозванцу, Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами; имѣя умъ смѣтливый, нѣкоторыя званія воинскія и дерзость, сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа.

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ идти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали бояринъ Воротынский и кн. Трубецкой. Но Болотниковъ нанесъ имъ пораженіе, послѣ чего дворяне разбѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ царства.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ плѣнными: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а царя Василія — *Шубникомъ*; велѣлъ однихъ утопить, другимъ вести въ Путивль для казни, нѣкоторыхъ сѣчь плетми и едва живыхъ отпустить въ Москву; шелъ впередъ и возстановлялъ державу самозванца. Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся земля Рязанская пристали къ бунту, вооружились, избрали начальниковъ: сына боярскаго Истома Пашкова, веневака сотника Григорія Сунбулова, бывшаго воеводою въ Рязани, и тамошняго дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго. Сіе новое войско отличалось ревностью болѣе чистою, составленное изъ гражданъ, владѣльцевъ, людей домовитыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими клеветами Басманова въ измѣнѣ Θεодору, они хотя и присягнули Василію, но осуждали дѣло москвитянъ, убіеніе разстриги и думали, что присяга Шуйскому сама собою уничтожается, когда живъ Димитрій, старѣйшій и слѣдственно одинъ вѣнценосецъ законный. Измѣна распространилась отъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предалися тѣмъ Лжедимитрія, чтобы спастись отъ ярости мятежниковъ.

Встревоженный бѣгствомъ воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ воеводъ знаменитыхъ, наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа, о нелѣпой баснѣ разстригина спасенія, о сонмищѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служить единственно

предлогомъ для злодѣйства въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, царь выслалъ въ поле новое, сильнѣйшее войско и, какъ-бы спокойный сердцемъ, какъ-бы въ мирное, безмятежное время, задумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства, снять опалу съ памяти вѣщценосца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія: велѣлъ пышно и великолѣпно перенести тѣла Бориса, Маріи, юнаго Феодора изъ бѣдной обители св. Варсонофія въ знаменитую лавру Сергіеву.

Но рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнью Димитрія. Юноша, ближній государевъ, кн. Скопинъ-Шуйскій, имѣлъ успѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры, но воеводы главные встрѣтились съ непріателемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ октябрѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ, торжественно объявили Василю царемъ сверженнымъ, писали къ москвитянамъ, духовенству, синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги, что война кончилась и царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и достояніе, обѣщая имъ *богатство* и *воеводство*; разсыпались по дорогамъ, не пускали запасовъ въ столицу, ими осажденную... Войско и самое государство какъ-бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучъ спасенія.

Въ коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна: Болотниковъ, называя себя воеводою царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ; но воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Димитрія отъ него, отъ Шаховскаго; не выдали и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ и, стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, вслѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ царемъ); за Ляпуновымъ явились и всѣ рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ думнаго дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностью ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлил: изъявляя человеколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія, говорилъ: «Они также русскіе и христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да раскаяются, и кровь отечества да не лется въ междоусобицѣ!» Василій или дѣйствительно надѣялся утишить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость главнымъ виновникамъ оного, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ смолянъ и тверитянъ; они соединились въ Можайскъ съ воеводою царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Но мятежники упорствовали. Василій ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю, двадцатилѣтнему князю Ско-

лину-Шуйскому, который окружил непріятеля въ станѣ. Болотниковъ бился до совершеннаго изнуренія силъ и бѣжалъ съ немногими къ Серпухову.

Болотниковъ думалъ остановиться въ Серпуховѣ, но жители не впустили его. Онъ засѣлъ въ Калугѣ, въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ, собралъ тысячъ десять бѣглецовъ, изготовилъ къ осадѣ и писалъ къ сѣверской думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужныѣ Димитрій, истинный или мнимый, что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, что всѣ ихъ клеветы готовы слѣдовать примѣру Ляпунова и Сунбулова, если явленіе вождѣннаго царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ. Но кого было представить? Сендомирскаго ли самозванца Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и нисколько несходнаго съ Лжедимитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглецъ могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутствіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Случай далъ, между тѣмъ, другое орудіе Шаховскому.

Мы говоримъ о бродягѣ Илейкѣ, Лженетрѣ, мнимомъ сынѣ царя Теодора, явившемся среди терскихъ казаковъ. Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Теодоровымъ, звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою терскихъ мятежниковъ, встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честью, какъ племянника и на мѣстника Дмитріева въ его отсутствіе, и даже не усомнился обѣщать ему царство, если Димитрій, ими ожидаемый, не явится. Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ атаманомъ Илейкою, призвали къ себѣ запорожцевъ, ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій пользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско съ бояриномъ Ивановымъ Шуйскимъ, который осадилъ Калугу (30-го декабря), но безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти одна за другою встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу. Бунтъ вспыхнулъ въ уѣздѣ Арзамасскомъ и Алатырскомъ; мордва, холопы грабили, рѣзали царскихъ чиновниковъ и дворянъ, утопили алатырскаго воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила. Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную; тамъ начальствовали усердные Годуновы, хотя и въ честной ссылкѣ. Изъ Вятки, изъ Перми силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь славилъ Димитрія. Между тѣмъ цѣлое войско злодѣевъ разными путями шло отъ Путивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распоряжался хладнокровно, посылалъ рати и воеводъ; между прочимъ Мстиславскій и Скопинъ-Шуйскій были посланы къ Калугѣ, а самъ царь еще остался въ Москвѣ съ дружиною царскою, чтобы хранить святыню отечества и церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Воеводы, посланные царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частью не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ обступивъ Калугу, не могъ взять ея. Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца.

Наконецъ Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и разогналъ войско царское: всѣ обратили тылъ, кромѣ юнаго князя Скопина-Шуйскаго; онъ упор-

нимъ боемъ далъ время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; осаждавшіе отступили, сражаясь, къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе воеводы соединили разсыянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15,000 воиновъ царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ.

Сія вѣсти поразили Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ, но не въ душѣ: созвалъ духовенство, бояръ, людей чиновныхъ, предложилъ имъ мѣры спасенія, далъ строгіе указы, требовалъ немедленнаго исполненія и грозилъ казнью ослушникамъ; всѣ россияне, годные для службы, должны были спѣшить къ нему съ оружіемъ, монастыри — запасти столицу хлѣбомъ на случай осады и сами иноки готовиться къ ратнымъ подвигамъ за вѣру. Употребили и нравственное средство: святители предали анаемѣ Болотникова и другихъ главныхъ злодѣевъ. Время было дорого: къ счастью, мятежники не двигались впередъ, ожидая Илейки, который съ послѣдними силами и съ Шаховскимъ еще шелъ къ Тулѣ. 21-го мая Василій сѣлъ на ратнаго коня и самъ вывелъ войско: приходилось идти всѣмъ царствомъ на скопище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василюмъ Мстиславскій и Воротынский, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячъ воиновъ, цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ онъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть. Казалось, что Россія нашла царя, а царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностью повторили обѣтъ Василювъ и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ и что Болотниковъ къ нимъ присоединялся, Василій послалъ Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова къ Каширѣ. Самозванецъ Петръ велѣлъ тоже занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлись на берегу Восми, началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолевали; но Голицынъ и Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ восклицаніемъ: «Нѣтъ для насъ бѣгства; одна смерть или побѣда!» и сильнымъ, отчаяннымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятевскій ушелъ въ Тулу, оставивъ москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространства тридцати верстъ и взяли 6,000 плѣнныхъ.

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъясилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность, двинулся къ Алексию, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастья и въ семи верстахъ отъ города сразились съ полкомъ князя Скопина-Шуйскаго, но неудачно. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостью бился въ вылазкахъ, три, четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобойныхъ орудій, стрѣляя только издали и немѣтко. Воеводы московскіе не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную.

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о

царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василія и дать Россіи много вѣщеносца, новаго ли бродягу, или когонибудь изъ вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣсненныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: «Гдѣ же тотъ, за кого умираемъ? Гдѣ Димитрій?» Шаховскій и Болотниковъ клялись имъ: первый — что царь въ Литвѣ, второй — что видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какогонибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію ляхамъ, такими словами: «Отъ границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте насъ отъ Шуйскаго». Съ письмами и наказомъ послали въ Литву атамана казаковъ дѣлпровскихъ, Ивана Заруцкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ московскій, онъ не хотѣлъ вѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семь городъ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василію. Послали другого вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его.

Въ Тулѣ мятежники оборонялись усиленно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина дала царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. Муромецъ, сынъ боярскій, именемъ Суминъ-Кровковъ, предложилъ Василію затопить Тулу, изъяснивъ возможность успѣха и ручаясь въ томъ жизнью. Приступили къ дѣлу, велѣли ратникамъ носить землю на берегахъ Упы, ниже города, и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялась, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ; только высокія мѣста остались сухи и казались грядями острововъ. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ царю, вились, требовали милосердія и находили его. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и самозванца Петра, если царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и скорѣе *сгнутся другъ друга* отъ голода, нежели сдадутся. Василій общалъ милость, и 10-го октября бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами московскими, взялъ Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на плечо, палъ ницъ и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сендомірѣ: обманщикъ или царь истинный, не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти. Вотъ сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ». Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій общалъ и не хотѣлъ явно нарушить слова: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, вслѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами, а князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни боярства.

Но общая радость все прикрывала. Взятіе Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго царства или Смоленскаго княжества. Три дня славили въ храмахъ милость Божию къ Россіи; пять дней молился Василій въ лаврѣ св. Сергія и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на серпуховской дорогѣ, близъ Данилова монастыря, Болотникова отвезли въ Каргополь и тайно утопили, Шаховскаго сослали въ Каменную пустыню Кубенскаго озера, а вѣроломныхъ нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, въ Сибирь. Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и освободили. Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею.

XLIV. ПОЯВЛЕНІЕ ВТОРАГО ДМИТРИЯ.

(Изъ ст. Костомарова: «Смутное время Московскаго государства», помпш. въ «Вѣстникъ Европы» за 1866 г.).

Давно желанный Дмитрій явился. Царь Василій Шуйскій узналъ о немъ тогда еще, когда стоялъ подъ Тулою. Одни говорятъ, что его звали Богданомъ и что онъ былъ литвинъ; другіе называютъ его Матвѣемъ Веревкинымъ изъ Стародуба, третьи—Иваномъ; четвертые говорятъ, что онъ былъ сынъ убѣжавшаго въ Литву при Грозномъ кн. Курбскаго; пятые—что онъ былъ еврей и т. п. По однимъ извѣстіямъ, его выслала въ Московское государство жена Мишка, чрезъ своего агента Мѣховецкаго; по другимъ, его отыскалъ въ Кіевѣ посланный нарочно съ цѣлью найти Дмитрія путивльскій попъ Воробей. Намъ кажется болѣе достовѣрнымъ сказаніе, записанное въ одномъ изъ западно-русскихъ хронографовъ. Былъ онъ родомъ стародубецъ, переселился въ Бѣлую Русь, училъ дѣтей у священника въ Шкловѣ, потомъ перешелъ въ Могилевъ и тамъ также договорился учить дѣтей у священника Сашковича, который, подобно многимъ своимъ собратіямъ, держалъ школу. Учитель такъ былъ бѣденъ, что лѣтомъ ходилъ въ изорванномъ тулупѣ и носилъ бараній шлыкъ, потому что не на что было ему сдѣлать лѣтней одежды. Изъ Могилева онъ перешелъ въ Пропойскъ, и тамъ сочинилъ шпиономъ, задержали и посадили въ тюрьму. Тогда онъ, для своего избавленія, сказалъ на себя, что онъ московскій бояринъ Нагой, дядя царя Дмитрія. Пропойскій подстароста Рогоза Чечерскій извѣстилъ объ этомъ своего старосту пана Зѣновича, а тотъ приказалъ его отпустить и проводить въ Московское государство. Къ нему пристало тогда двое молодцовъ: одинъ по имени Грипъко, другой Рагозинскій. Они провели его въ Попову-Гору. Тамъ, какъ узнали, что идетъ Нагой, стали его спрашивать о Дмитріи, и такъ какъ всѣ толковали, что онъ живъ, то и названный Нагой сталъ увѣрять ихъ, что Дмитрій живъ и скоро придетъ изъ Польши. Еще пристало къ нему нѣсколько молодцовъ, и въ томъ числѣ Алексѣй Рукинъ, подьячій. Съ ними онъ отправился въ Стародубъ и тамъ говорилъ такъ: «Я Нагой, родной дядя царя; самъ царь вдалеко, идетъ съ паномъ Мѣховецкимъ, ведетъ тысячу конныхъ. Вотъ

онъ скоро васъ обрадуетъ, прїѣдетъ и пожелуетъ васъ за вашу вѣрность, дастъ вамъ большія льготы».

Прошло нѣсколько времени. Не приходилъ Мѣховецкій съ Димитріемъ. Его товарищъ Алексѣй Рукинъ отправился по сосѣднимъ городамъ рассказывать, что Димитрій живъ. Было легко найти легковѣрныхъ, потому что Шаховскій уже подготовилъ къ этому Сѣверскую землю. Рукинъ прїѣхалъ въ Путивль. «Гдѣ Димитрій?» спрашивали его. Онъ отвѣчалъ: «Въ Стародубѣ». Они задержали его, послали съ нимъ въ Стародубъ нѣсколько своихъ путивлянъ и сказали ему: «Мы тебя замучимъ, если ты не покажешь намъ Димитрія». Стародубцы уже теряли терпѣніе, когда пришли къ нимъ путивляне. Въ стародубѣ толпа жителей, вмѣстѣ съ пришедшими изъ Путивля, приступила къ названному Нагому и спрашивала: «Гдѣ же Димитрій, почему онъ не приходитъ? Гдѣ онъ, туда мы пойдѣмъ къ нему головами!» Нагой говорилъ: «Не знаю!» Тогда стародубцы стали грозить пыткою. Нагой увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Тогда стародубцы и путивляне принялись за Рукина за то, что онъ увѣрялъ ихъ ложно. Стали полосить ему спину кнутомъ, приговаривая: «Говори, гдѣ Димитрій, гдѣ Димитрій?» Тогда, не стерпя муки, Алешка закричалъ: «Смилуйтесь, ради Никола Чудотворца! Я покажу вамъ Димитрія!»

Его отпустили. Тогда онъ указалъ на того, кто назвался Нагимъ, и сказалъ: «Вотъ Димитрій Ивановичъ! Онъ предъ вами и смотритъ, какъ вы меня мучите. Онъ у васъ въ рукахъ! Вы можете и его убить рядомъ со мною. Онъ для того не объявляется вамъ сразу, чтобы узнать, рады ли вы его приходу будете!» Новопоказанному Димитрію оставалось или принять на себя это имя, или подвергнуться пыткамъ. Онъ, принявъ повелительный видъ, махнулъ грозно палкою и сказалъ: «Вы все еще меня не знаете! Я государи!» Это было сказано съ такою рѣшимостью, что стародубцы, пораженные, невольно упали къ ногамъ его и закричали: «Виноваты, государь, передъ тобой, не узнали тебя! Помилуй насъ! Ради тебѣ служить противъ твоихъ недруговъ! Животъ свой положимъ за тебя!» Его повели съ колокольнымъ звономъ въ городъ (замокъ), убрали для него покой, какъ могли, чтобы они казались царскимъ жилищемъ, несли ему подарки и деньги.

Изъ Стародуба разосланы были грамоты въ сосѣдніе сѣверскіе города, чтобы люди русскіе спѣшили къ своему царю. Посланы были гонцы съ грамотами и въ Москву. Въ нихъ извѣщалось всѣмъ, что, «съ Божіею помощію, Димитрій спасся отъ убійцъ, благодаритъ московскихъ людей за то, что, при ихъ пособіи, онъ достигъ престола, и снова проситъ, чтобы его въ другой разъ посадили на царство». Изъ Сѣверской земли, гдѣ такъ давно ждали Димитрія, собрались къ нему тысячи три вольницы, севрюковъ. Явился въ Стародубъ и Мѣховецкій съ отрядомъ украинской вольницы. Современники думали, что этотъ Мѣховецкій и выпустилъ Димитрія изъ литовскихъ предѣловъ въ Россію.

Въ это время прибылъ въ Стародубъ Заруцкій, посланный отъ Болотникова искать Димитрія. Казацкій атаманъ явился къ Димитрію и сразу увидалъ, что это вовсе не тотъ, который царствовалъ въ Москвѣ. Но Заруцкому нужно было Димитрія какогонибудь; Заруцкій поклонился ему, увѣрялъ всѣхъ, что дѣйствительно узналъ въ немъ настоящего государя. Онъ не поѣхалъ назадъ въ Тулу, остался при Димитріи, сдѣ-

лся его всегдашнимъ товарищемъ, довѣреннымъ лицомъ. Вору хотѣлось испытать, точно ли преданы и вѣрны ему стародубцы. И вотъ однажды онъ выѣхалъ за ворота съ Заруцкимъ, и начали они развѣзжаться и сражаться копьями. По тайному приказанію Дмитрія, Заруцкій сбиль его съ коня. Дмитрій упалъ и показывалъ видъ, будто сильно ушибленъ, Заруцкій пустился бѣжать. Народъ закричалъ: «Ловите, держите измѣнника!» Схватили его, связали и привели къ Дмитрію. Тотъ всталъ и, засмѣявшись, сказалъ: «Благодарю васъ, православные хрістіане! Вотъ теперь я дважды увѣрился, что вы мнѣ вѣрны!» Всѣ стародубцы смѣялись, а Заруцкій все-таки схватилъ нѣсколько порядочныхъ пинковъ; но послѣ того всѣ знали, что Заруцкій самый близкій человекъ къ царю Дмитрію.

Дмитрій нѣсколько времени оставался въ Стародубѣ, ожидая болѣе силъ, а между тѣмъ отправилъ къ Шуйскому, находившемуся подъ Тулою, посланца, одного боярскаго сына изъ Стародубскаго уѣзда. Этотъ человекъ смѣло явился предъ царемъ Василюемъ съ грамотою. Въ ней Дмитрій называлъ Шуйскаго измѣнникомъ, похитителемъ и требовалъ уступить ему престолъ. Посланецъ, съ своей стороны, сказалъ царю: «Прямой ты измѣнникъ! Подыскался царства подъ нашимъ государемъ». Царь приказалъ его пытать, вѣроятно, чтобы вывѣдать отъ него о состояніи дѣлъ. Но у посланца не вывѣдали никакой вѣсти. Онъ жарился на огнѣ да въ то же время расточалъ на Шуйскаго всевозможныя ругательства. Такъ онъ и умеръ въ мукахъ.

Когда, наконецъ, понабралось у Дмитрія сѣверской вольницы, онъ двинулся на Карачевъ, взялъ его, оттуда повернулъ къ Козельску: разбилъ и взялъ въ плѣнъ московскій отрядъ и вернулся къ Карачеву. Тутъ литовскіе люди, бывшіе съ нимъ, заспорили за добычу, полученную подъ Козельскомъ отъ разбитаго московскаго отряда, и думали уйти. Дмитрій былъ непредпріимчиваго и нехрабраго нрава и притомъ подозрителенъ. Онъ сообразилъ, что поляки его оставляютъ, а русскимъ нельзя довѣряться. Дмитрій поэтому хотѣлъ бѣжать. Но тутъ прислалъ за нимъ изъ-подъ Карачева Мѣховецкій, оставшійся при войскѣ. «Воротись, извѣщай онъ его,—будешь самъ здѣсь на лицо, такъ войско тебя послушается и не разойдется!» Дмитрій пробылъ съ недѣлю въ Орлѣ, раздумывалъ такъ и-сякъ и наконецъ воротился, по просьбѣ Мѣховецкаго, въ Карачевъ, но опять увидалъ, что поляки не слишкомъ расположены служить ему и думаютъ только о добычѣ, а московскіе люди готовы при первомъ случаѣ выдать его. Сообразивши все это, Дмитрій опять тайно убѣжалъ. На этотъ разъ онъ уже не остановился въ Орлѣ, а бѣжалъ въ Путивль. По всему видно, онъ хотѣлъ вовсе отказаться отъ званія Дмитрія, случайно принятаго въ Стародубѣ. Онъ не чувствовалъ въ себѣ настолько силы, чтобы носить это имя, и радъ былъ случаю улизнуть и избавиться отъ своей роли. Но и теперь, какъ въ первый разъ, не удалось ему. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ нѣкто Валавскій, съ нимъ было тысяча человекъ. Онъ шелъ изъ Украйны отъ знатнаго пана Ружинскаго на помощь Дмитрію. Потомъ Самуиль Тышкевичъ привелъ украинскую вольницу. Современники говорятъ, что игравшій роль Дмитрія не хотѣлъ имъ сказаться и называть себя царскимъ именемъ; но всѣ стали допытываться и уличать его, и онъ не могъ извернуться и долженъ былъ сознаться, что онъ тотъ самый, который уже

признавалъ себя за Дмитрія. «Куда же ты это бредешь?» спрашивали его. «Меня—говорилъ онъ—поляки оставляють, а своимъ я не довѣряю: они меня выдадутъ или убьютъ. Я хотѣлъ бѣжать въ Путивль. Тамъ люди мнѣ издавна преданы. Оттуда я въ первый разъ, по смерти Годунова, былъ приглашенъ на царство». Его не пустили. Вслѣдъ затѣмъ явились къ нему новые пособники изъ Бреславльскаго воеводства: Хмѣлевскій, Хруслинскій и князь Адамъ Вишневецкій. Послѣднему, должно быть, очень дико было признавать новое лицо за то самое, которое онъ зналъ такъ близко, какъ рѣдкій тогда могъ знать въ Польшѣ.

Поятно, что такими пособниками руководила обычная въ Украинѣ охота къ шатанію и разбою. Руководило ими и желаніе отмстить за тѣхъ, которые потерпѣли въ Москвѣ во время войны, и за тѣхъ, которые томились въ плѣну. Много было въ Польшѣ женъ и дѣтей, которыя въ томительной неизвѣстности о судьбѣ своихъ мужей и отцовъ взывали о справедливой карѣ лживому московскому народу, говорить современникъ. Это чувство должно было служить нравственнымъ предлогомъ къ оправданію своей лжи. Доблестные поляки, говорить тотъ же современникъ, вступая съ призракѣмъ царя, увѣряли единогласно, что Дмитрій ушелъ изъ Москвы отъ смерти. Самъ Богъ помогъ ихъ справедливому дѣлу: они мстили за тяжкія оскорбленія своимъ согражданамъ.

Съ этими новыми силами Дмитрій воротился опять къ Карачеву, а изъ Карачева со всѣмъ полчищемъ пошелъ къ Брянску. Русскіе предупредили его и сожгли Брянскій посадъ, а въ самый городъ ввели крѣпкій гарнизонъ. Воръ стоялъ подъ Брянскомъ нѣсколько недѣль. За девять дней до Рождества прибылъ на помощь Брянску воевода кн. Куракинъ. Зима была въ тотъ годъ теплая, и въ декабрѣ все еще не замерзала Десна. По ней плавали льдины: былъ большой холодъ и въ водѣ, и въ воздухѣ. Литовскіе люди никакъ не ожидали, чтобы ихъ непріатели рѣшились идти вплавь. Но московскіе люди не побоялись холода, перешли рѣку и дружнымъ натискомъ выбили изъ окоповъ толпу; тутъ же ударили на нее осажденные въ Брянскѣ. Довольно воровъ побили и побрали въ плѣнъ. Шайка снялась съ обоза и отступила въ Карачеву, а оттуда воръ опять пріѣхалъ въ Орелъ.

XLV. БОРЬБА МОСКВЫ СЪ ТУШИНЫМЪ.

(По «Исторіи смутнаго времени въ Россіи» Бутурлина).

Послѣ брянской битвы самозванецъ расположился на зимовку въ Орлѣ, а царскіе воеводы въ Болховѣ. Глубокіе снѣга и морозы препятствовали важнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался. Къ нему изъ Польши стекались не одни бездомные витязи, но даже знатнѣйшіе паны, напр. Тышкевичъ, прибывшій въ Орелъ съ 700 конныхъ, Рожинскій съ 1,000 и др. Подъ знаменами вора собралось всего 7,000 поляковъ, 8,000 донскихъ и запорожскихъ казаковъ да довольно русскихъ злодѣевъ. Изъ всѣхъ польскихъ пановъ Рожинскій почитался достойнѣйшимъ и домогался главнаго начальства; Мѣховецкій, прежній гетманъ, долженъ былъ уступить ему

свое званіе. По открытіи весны, съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ походу. Самозванецъ, уповавъ столько же на измѣну, сколько и на открытую силу, разсылалъ повсюду грамоты, въ коихъ старался убѣждать, что онъ тотъ же Димитрій Іоанновичъ, спасшійся во время московскаго бунта. Въ царскомъ войскѣ притомъ оказалась измѣна, что очень облегчило самозванцу побѣду надъ нимъ и движеніе къ самой Москвѣ. Дѣйствія самозванца становились опасными, въ особенности потому, что онъ распоряжался совершенно въ духѣ предначертаній Болотникова. По повелѣнію его, объявили повсюду, что крестьянамъ, присягнувшимъ ему, отдавались земли господъ ихъ, служившихъ Василю, и что даже дозволялось имъ жениться на барскихъ дочеряхъ, коихъ успѣють захватить въ помѣстьяхъ. Чернь возставала въ пользу злодѣя. Устрашенные дворяне и дѣти боярскія покидали дома свои и уходили въ Москву съ женами и дѣтьми. Хотя междоусобіе болѣе чѣмъ когда либо принимало видъ рѣшительной борьбы, и хотя, казалось, посему надлежало высшимъ сословіямъ способствовать утвержденію власти царя Василя, но нашлись вельможи, какъ кн. Катыревъ, Троекуровъ, Трубецкой, которые стали подговаривать воиновъ къ измѣнѣ. Но злоумышленіе ихъ было во время открыто и заговорщики разсажены были по темницамъ, а менѣе знатные изъ нихъ были казнены.

1-го іюня самозванецъ расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы по волоколамской дорогѣ. Здѣсь на высотахъ позади селенія возникъ укрѣпленный станъ самозванца, который поэтому и получилъ отъ лѣтописцевъ названіе *тушинскій горъ*. Въ продолженіе двухъ недѣль обѣ стороны находились въ бездѣйствіи. Самозванецъ, вѣроятно, надѣялся овладѣть столицей посредствомъ одной измѣны, но всѣ старанія его, чтобы взволновать въ свою пользу столичную чернь, остались безуспѣшными: московскіе обыватели гнушались покориться явному злодѣю. Между тѣмъ польскіе отряды ходили по окрестностямъ и брали города. Городъ Коломна былъ взятъ и почти разрушенъ Лисовскимъ, который съ другой стороны подступилъ къ Москвѣ: но царскіе воеводы успѣшно отбили его и заставили удалиться въ Тушино.

Не смотря на этотъ успѣхъ, положеніе царя не становилось лучше, ибо Василій только могъ удерживаться въ Москвѣ, не имѣя достаточныхъ силъ, чтобы дѣйствовать наступательно противъ Тушина; притомъ предвидѣлось, что трудно будетъ удержать въ службѣ помѣщиковъ, всегда тяготящихся продолжительнымъ отсутствіемъ изъ своихъ имѣній. Въ виду этого Василій рѣшился добиваться достиженія соглашенія съ польскими послами, съ коими уже шли переговоры. 25-го іюля царь подписалъ договоръ съ ними, причемъ они обязались отозвать на родину своихъ соотечественниковъ, находящихся съ воромъ и составляющихъ его главную опору. Но условіе это выполнено не было.

По договору, царь отпустилъ всѣхъ поляковъ, оставшихся въ Москвѣ, со времени перваго Лжедимитрія. Ихъ, въ томъ числѣ и Мишка съ дочерью, отправили въ обходъ на Угличъ, Тверь и Бѣлую къ смоленскому рубежу, подъ конвоемъ кн. Долгорукаго, чтобы они не были захвачены воромъ. Случилось, впрочемъ, иначе: плѣнники попали въ руки отряда войскъ самозванца. Марина долго колебалась между тщеславіемъ и позоромъ, не рѣшаясь признать завѣдомаго обманщика своимъ мужемъ; но Мишкекъ, прельщенный разными обѣщаніями самозванца, склонилъ

дочь свою къ позорному шагу. Самозванца съ нею прежде тайно обвѣнчалъ одинъ іезуитъ, а затѣмъ она явилась въ Тушино и имѣла торжественное свиданіе съ воромъ, причемъ съ обѣихъ сторонъ притворная нѣжность изъяснялась родостными слезами. Присутствіе Марини въ станѣ самозванца много возвысило послѣдняго въ общемъ мнѣніи.

Царь надѣялся на помощь извнѣ и отправилъ Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ для собиранія рати и веденія переговоровъ со Швеціей, король которой, Карлъ IX, обѣщалъ прислать помощь. Между тѣмъ подѣ Москвою битвы продолжались. Царь, узнавъ, что войско самозванца раздѣлилось, такъ какъ одинъ изъ польскихъ военачальниковъ, Сапѣга, вздумалъ дѣйствовать отдѣльно противъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, выслалъ противъ него сорокатысячную рать, которая однако близъ села Рахманова потерпѣла пораженіе. Ужасъ столицы былъ неизобразимъ. Казалось, что исчезалъ послѣдній лучъ надежды. При общемъ уныніи, не только простолюдины, но даже важныя лица стали шайками выѣзжать въ Тушино. Царь сначала хотѣлъ дѣйствовать великодушными средствами. Онъ объявилъ всенародно, что никого не желаетъ удерживать при себѣ принужденно, что всякому дается воля избрать одно изъ двухъ: или свободно выѣхать изъ Москвы, или пѣловать крестъ въ томъ, что останется въ осадѣ безъ всякой шатости. Но въ несчастныя времена ничто не удается, и многіе изъ присягнувшихъ на другой же день уѣхали въ Тушино. Таковы были: кн. Димитрій Черкасскій, кн. Алексій Сицкій, Бутурлинъ. Напрасно встревоженный царь обратился тогда къ понудительнымъ мѣрамъ. Повсемѣстно разосланными указами было повелѣно всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ ѣхать на службу въ Москву, подѣ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе. Такому же наказанію и отобранію всего имущества въ казну подвергались тѣ изъ обывателей, которые бы стали укрывать *нѣтовогъ* (т. е. неявившихся на службу), или даже принимать ихъ только на ночлегъ. Изнемогающее правительство было такъ мало уважаемо, что вездѣ предписанныя строгости оставались безъ исполненія.

Если бы Рожинскій и Сапѣга рѣшились воспользоваться первому тревогою въ столицѣ для приступа, то, вѣроятно, они бы овладѣли Москвою. Но польскіе вожди не хотѣли траты людей на приступъ и, имѣя въ виду, что среди ужасовъ его трудно было бы уберечь отъ расхищенія московскія сокровища, коими надѣялись овладѣть, стояли на томъ, чтобы столицу не добывать открытою силою, а вынуждать къ сдачѣ посредствомъ строгаго стѣсненія. Да и самозванецъ, видя, что вся Россія постепенно покоряется ему, надѣялся безъ большихъ усилій одолѣть царя и вынудить къ сдачѣ столицу чувствомъ ея одиночества среди измѣны государства. Стоящіе еще за царя города, Москва, Переяславль-Рязанскій, Нижній, Смоленскъ, Новгородъ и геройская обитель Троицко-Сергіева, представлялись какъ лучезарные, но малочисленные оазисы среди мрачнаго господства мятēja, распространявшагося на все государство, кромѣ лѣдовитыхъ окраинъ онаго. Правда, вѣрные города отличались отъ прочихъ богатствомъ и многолюдствомъ, а потому не нуждались еще въ военныхъ средствахъ, но разобщенныя силы ихъ не могли дѣйствовать въ совокупности, необходимой для успѣха, а слѣдственно можно было предвидѣть постепенное паденіе самыхъ послѣднихъ оплотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конечное торжество разрушителей общественнаго устройства въ Россіи.

Въ самой Москвѣ, до тѣхъ поръ еще пребывавшей въ повиновеніи, появилась шаткость, даже въ рядахъ тѣхъ изъ защитниковъ престола, которые по своему званію должны были менѣе прочихъ колебаться въ вѣрности своей. Всѣ болѣе или менѣе дѣйствовали по одному только расчету, и самыя даже преступныя связи съ измѣнниками казались одною только дозволенною осторожностью. Многіе знатные отъѣзжали въ Тушино по тайному соглашенію со своими родственниками, еще оставшимися при царѣ, добы во всякомъ случаѣ имѣть вездѣ заступниковъ и такимъ образомъ обезопасить родъ свой, какая-бы сторона ни восторжествовала. Другіе слуги царскіе открыто торговали своимъ вѣроломствомъ и часто переѣзжали изъ Москвы въ Тушино и обратно для полученія жалованья отъ царя. Лѣтописецъ называетъ ихъ *перелетами* и увѣряетъ, что многіе изъ нихъ до десяти разъ перебѣгали отъ одной стороны къ другой. Имъ нигдѣ не довѣряли, но они были вездѣ принимаемы благосклонно, ибо строгость казалась неумѣстной, и каждый надѣялся поощреніемъ побѣговъ ослабить своего врага. Корыстолюбіе жителей столицы побуждало ихъ еще къ другимъ преступленіямъ. Хотя тушинскій станъ утопалъ въ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, но въ немъ нуждались въ соли, въ лѣкарственныхъ зеляхъ. И то, и другое было туда доставляемо изъ Москвы, съ большою выгодною для занимавшихся симъ промысломъ; случалось, что и оружіе поступало изъ Москвы на продажу въ Тушино.

Василій не измѣнилъ себѣ. Окруженный вельможами вѣроломными, чиновниками безусердными и чернью строптивою, онъ бодрствовалъ и удерживалъ въ повиновеніи столицу при содѣйствіи какъ украинскихъ помѣщиковъ, коихъ преданность ему основана была на личныхъ выгодахъ, такъ и духовенства, единственнаго сословія, непричастнаго беззаконію. Онъ надѣялся на переговоры Скопина со шведами, на рать, которую Шеинъ собиралъ въ Смоленскѣ, а Шереметьевъ въ низовой землѣ. Къ тому же мятежники, на мѣсто того, чтобы добрымъ обхожденіемъ стараться привлечь къ себѣ жителей занимаемыхъ ими городовъ и волостей, обращались съ ними неистово и искали только казни и удовлетворенія гнуснѣйшихъ страстей. Самозванецъ, всѣмъ обязанный полякамъ, не смѣлъ ни въ чемъ имъ противорѣчить. Знатнѣйшіе изъ нихъ, къ крайней досадѣ и угнетенію русскихъ, выпросили себѣ въ собственность разные города; паны своевольничали, обирали обывателей и отнимали красивыхъ женъ и дочерей у мужей и отцовъ; польскіе воины толпами выходили изъ тушинскаго стана, подъ предлогомъ отыскиванія фуража, и, собираясь въ шайки, усиленные множествомъ пристававшихъ къ нимъ русскихъ злодѣевъ, чинили ужасные разбои по селамъ и деревнямъ. Самозванецъ, чувствуя, сколько это вредило ему, разсылалъ всѣмъ воеводамъ своимъ настоятельныя приказанія ловить и строго наказывать разорителей; но злодѣи находили безсовѣстныхъ покровителей въ польскихъ вождахъ. Замосковскіе люди, поддавшіеся вору въ надеждѣ обезопасить себя отъ убійства и разоренія, видѣли, что жестоко обманулись. Власть самозванца нисколько не предохраняла ихъ отъ свирѣпѣйшаго насилія, и постыднымъ малодушіемъ они обезчестили себя безъ всякой пользы. Тогда рѣшились они свергнуть постыдное иго и снова покориться царской власти. Почти въ одно время Галичъ, Кострома, Вологда, Городецъ, Кашинъ и др. отложились отъ вора. Также и на правой сторонѣ Волги

дѣла принимали лучший оборотъ для царя при содѣйствіи непоколебимой твердости Нижняго-Новгорода. Шереметьевъ имѣлъ въ этой странѣ много успѣховъ надъ бунтовщиками. Въ столицѣ однако часто стали повторяться смуты, особенно, когда вслѣдствіе прекращенія подвоза, хлѣбъ повысился въ цѣнѣ до 7 рублей за четверть. Чернь буйными толпами приступала къ царю и кричала, что нѣтъ силъ болѣе терпѣть нужду продолжительнаго обложенія. Патріархъ увѣщевалъ богатыхъ хлѣбопродавцевъ сбавить цѣны, но корыстолюбіе превозмогло въ нихъ всякое чувство состраданія. Тогда прибѣгнули къ помощи Троицко-Сергіевского монастыря, имѣвшаго въ Москвѣ житницы и въ нихъ громадное количество хлѣба. Появленіе этого хлѣба на рынкѣ понизило цѣны и нѣсколько успокоило волновавшуюся Москву.

Между тѣмъ блеснулъ новый лучъ надежды. Скопинъ съ новгородскимъ ополченіемъ и вспомогательнымъ шведскимъ отрядомъ шелъ къ Москвѣ. Самозванецъ очень беспокоился этимъ, польскіе военачальники также. Сапѣга, неудачно до сихъ поръ осаждавшій Троицко-Сергіевскій монастырь, вознамѣрился предупредить пришествіе Скопина и выступилъ ему на встрѣчу. Битва произошла недалеко отъ Калязина, поляки были опрокинуты и гонимы до Рябова монастыря. Скопинъ, обрадованный успѣхомъ, возвратился въ Калязинъ. Сапѣга стоялъ еще четыре дня въ бездѣйствіи при Рябовѣ, не отваживаясь на новое нападеніе и стыдясь отступленія. Но наконецъ войско его возмутилось вслѣдствіе распространившагося слуха, что король польскій вступаетъ въ Россію и призываетъ всѣхъ поляковъ на службу къ себѣ, лишая ихъ такимъ образомъ возможности довершить торжество Лжедмитрія и получить богатыя награды. Тогда Сапѣга повернулъ назадъ.

Скопинъ употребилъ въ пользу свое стояніе въ Калязинѣ. Неусыпныя старанія его были обращены на разные предметы, ведущіе къ одной цѣли: къ составленію государственнаго ополченія для освобожденія Москвы. Для пополненія казны онъ разослалъ во всѣ сѣверные города, не занятые непріателемъ, грамоты, коими приказывалъ прислать къ нему всѣ находящіяся въ сборѣ государственные доходы, собрать вновь по 50 руб. съ сохи и, кромѣ того, призвать всѣхъ вѣрныхъ росіянъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ какъ деньгами, такъ сукнами и тафтами. Въ мѣстахъ же, гдѣ продавцы этихъ товаровъ, нужныхъ для снаряженія войска, отказались бы добровольно ставить, предписывалось отбирать ихъ по описи и безъ согласія хозяевъ, впрочемъ удовлетворяя купцовъ немедленно, по оцѣнкѣ, изъ государственной казны. Почти вездѣ безропотно исполнялись его требованія.

Постепенное умноженіе силъ, сосредоточивавшихся подъ хоругвью Скопина, подало наконецъ надежду на близкое избавленіе Троицы и Москвы. Россія видѣла въ юномъ героѣ предназначеннаго къ спасенію отечества. Но самое влеченіе къ нему всѣхъ сердецъ уже отрывало предъ нимъ гибельную бездну. Пылкій Прокофій Ляпуновъ не переставалъ властвовать надъ рязанцами, очарованными его умомъ и отвагою. Подъ руководствомъ его они не измѣняли еще царю. Но вѣрность Ляпунова не имѣла прочнаго основанія: онъ хотя презрѣлъ Болотникова, презиралъ и самозванца, не любилъ и Василія и твердо былъ увѣренъ, что Россія не успокоится подъ его злостасною державой. Глаза его обращались на Скопина, любимца всего народа. Ляпуновъ отправилъ къ

нему посланцевъ съ грамотою, въ коей предлагалъ вступить на престолъ вмѣсто Василія, оглашеннаго недостойнымъ. Скопинъ съ прискорбнымъ изумленіемъ прочиталъ грамоту, гнѣвно разорвалъ ее, но не отправилъ, движимый великодушіемъ, посланцевъ, молившихъ о пощадѣ, къ царю для вѣрной казни. Это имѣло пагубныя послѣдствія: завистники воспользовались симъ случаемъ для клеветы, и искра злобы заронила въ сердца царя противъ надежнѣйшаго защитника его престола.

Между тѣмъ въ тушинскомъ станѣ господствовала безурядица. Король, начавшій войну съ Россіей, дѣйствительно прислалъ своихъ пословъ, которые должны были передать его приказъ тушинскимъ полякамъ оставить вора и идти къ Смоленску. Поляки были недовольны этимъ, кричали, что король хочетъ ихъ лишить заслуженной награды, которую они должны получить, возведя на престолъ Лжедмитрія. Большинство ихъ высказывалось за неповиновеніе королевскому приказу. Рожинскій былъ того же мнѣнія. Однако переговоры сіи тревожили самозванца. Поляки признавали его государемъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ вовсе не уважали его. Рожинскій въ его присутствіи билъ палкой его любимцевъ, а Тышкевичъ въ глаза называлъ его обманщикомъ. Боясь, чтобы при такихъ условіяхъ поляки не выдали его королю, какъ къ этому тоже побуждали королевскіе послы своихъ соотечественниковъ, самозванецъ задумалъ бѣжать. Рожинскій, однако, нагналъ его, вернуть въ Тушино и учредилъ даже за нимъ надзоръ: поляки не желали упустить его изъ рукъ своихъ. Теперь положеніе самозванца еще болѣе ухудшилось. Когда, 27-го декабря, онъ рѣшился спросить Рожинскаго, въ какомъ положеніи находится дѣло переговоровъ съ королевскими послами, то этотъ панъ отвѣчалъ: «Какое тебѣ дѣло, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ. Довольно мы крови за тебя пролили, а пользы не видимъ!» Слова эти, сопровождаемые не только бранью, но даже угрозами побоевъ, такъ устрасли самозванца, что онъ рѣшился, во что бы то ни стало, удалиться изъ стана. Въ тотъ же день, когда трубили вечернюю зорю, онъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, отправился въ навозныхъ санихъ въ Калугу съ шутомъ своимъ Иваномъ Кошелевымъ. Поляки старались поймать его, но напрасно; они страшно негодовали. Въ концѣ-концовъ большинство ихъ, съ Рожинскимъ во главѣ, порѣшило, что, упустивъ самозванца, имъ ничего не остается, какъ идти къ королю подъ Смоленскъ.

Скопинъ, подкрѣпленный новою русскою ратью и шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ, достигалъ наконецъ своей цѣли: отступленіе Рожинскаго предоставляло ему возможность идти въ Москву, не подвергаясь опасностямъ рѣшительнаго боя. 12-го марта онъ уже былъ въ столицѣ. Восторгъ москвитянъ обратилъ прибытіе его въ народное торжество. Въ Москвѣ онъ ревностно занимался приготовленіями къ походу противъ Сигизмунда. Онъ хотѣлъ избавленіемъ Смоленска заслужить новую признательность отечества, уже прославлявшаго его за освобожденіе столицы. Но въ неисповѣдимыхъ совѣтахъ Всевышняго не ему суждено было довершить спасеніе Россіи... Московскіе жители не переставали честить героя. Не смотря на свою скромность, онъ занялъ въ глазахъ народа такое положеніе, что даже царь казался второстепеннымъ лицомъ въ столицѣ. При столь всеобщемъ влеченіи сердецъ, вѣроятно, многіе предполагали, что онъ можетъ быть наслѣдникомъ бездѣтнаго Василія.

Царскій братъ Димитрій видѣлъ въ побѣдоносномъ сродникѣ опаснаго для себя соперника. Шведскій военачальникъ предупреждалъ Скопина о какихъ-то тайныхъ ковахъ противъ него и совѣтовалъ для безопасности своей поспѣшить выступленіемъ изъ Москвы. Но чистой душѣ Скопина не легко было подозрѣвать въ злодѣйствѣ ближайшихъ родственниковъ. Будучи 23-го апрѣля на пиру у кн. Воротынскаго, онъ не отказался выпить меду изъ чашки, поднесенной ему супругой Димитрія Шуйскаго, и тотчасъ заболѣлъ. Едва успѣли его живаго отнестъ къ нему въ домъ. Кровь рѣкою лилась у него изъ носа, и въ ночь онъ скончался. Москва дрогнула при сей вѣсти. Народъ называлъ Димитрія убійцею. Царь на спасеніе брата принужденъ былъ выслать дружину свою, которая и отстояла домъ его. Неутѣшнымъ москвичамъ, удержаннымъ силою отъ мести, по мнѣнію ихъ праведной, оставалось только оплакивать кончину героя.

Но дѣйствительно ли онъ отравленъ? Доказательствъ преступленія не было да и быть не могло, ибо естественно, что никто не осмѣливался приступить къ изслѣдованію происшествія, навлекшаго подозрѣніе на лица, приближенные къ царю. Съ другой стороны, должно ли слѣпо вѣрить молвѣ народной, всегда готовой приписывать насилию скоропостижную кончину знаменитыхъ мужей? Изъ современныхъ писателей только нѣмецъ Беръ и псковской лѣтописецъ прямо обвиняютъ въ отравленіи Скопина, первый самого царя, а послѣдній — жену Димитрія Шуйскаго. Но Беръ врагъ Василія и недоброжелатель русскихъ. Псковская лѣтопись, писанная въ замѣтномъ духѣ ненависти ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи и къ поддерживаемому ими царю, также не должна была усомниться дать вѣру клеветамъ. Какъ бы то ни было однако, а, опуская въ землю гробъ доблестнаго защитника своего, царь погребалъ не его одного, но и престолъ свой.

XLVI. ОСАДА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

(Изъ «Сказанія о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ» Авраамія Палицына).

Сказаніе, чего ради Троицкій Сергіевъ монастырь былъ въ осадѣ. Наказуя, Господь всегда насъ не оставляетъ, и прибѣгающихъ къ нему пріемлетъ, а отвращающихся съ долготерпѣніемъ ожидаетъ, и сего ради попустилъ насъ въ самовластіи быть, чтобы когда въ сѣтяхъ безумно увязнемъ, ниоткуда помощи не обрѣтши, опять къ нему, раскаявшись, очи возвели и оттуда помощь получили. Такъ попустилъ Господь Богъ, чтобы владѣлъ нами поспатель иносческаго чина, растрига Григорій Отрепьевъ, назвавшійся царскимъ сыномъ Дмитріемъ Ивановичемъ всея Россіи. И на царскій престолъ возшелъ, и въ недолгое время тотъ Григорій достойную месть пріялъ отъ Бога, позорно скончался. Потомъ же въ его мѣсто иной назвался, и достигаетъ онъ до царствующаго града Москвы, но не былъ здѣсь принятъ. Всюду же въ Россіи слухъ о немъ прошелъ, и сего ради всѣ воры къ нему собрались, не за тѣмъ, чтобы на царскій престолъ его возвести, но чтобы всѣ древнія царскія сокро-

вища присвоить. Вся же Россія отъ ложныхъ царей очень страдаетъ, и богатство всѣхъ градовъ на царей отъемлемо бываетъ, народъ же изъ околныхъ странъ всюду отъ меча гибнетъ. Хотя царемъ всей Россіи Василій Ивановичъ нарицается, но отъ тушинскаго вора все Россійское государство разоряется, и лишь немногіе грады въ Поморіи не соблазнились и крестному пѣлованію остались вѣрны. Иные же, ради дальняго разстоянія, примкнули къ врагамъ россійскимъ, измѣнникамъ сѣверскимъ и полякамъ. Труденъ путь бываетъ отсюда приходить къ Москвѣ всѣмъ, добροхотствующимъ по правдѣ, ибо окружили враги царствующій градъ, и на всѣхъ путяхъ хотящіе къ нему притекать побиваемы бываютъ, а градъ Москва, ради недостатка въ необходимомъ, въ озлобленіи бываетъ; потому изъ него многіе бѣгаютъ и къ врагамъ пристають, а надежно о семъ враги веселятся. Долгое время помогали граду люди, приходящіе отъ Троицы живоначальныя Сергіева монастыря, одни прямо, другіе пробиваясь околными стезями и лѣсами, и тутъ съ избранными воинами и съ неизмѣнными хранителями предъ всѣмъ народомъ оставались. Измѣнники же, отбѣгающіе отъ царя Василія, всегда отъ этого вору съ поляками доносили, и сихъ враговъ христіанскихъ на домъ св. Троицы возбуждали. Долгое время подъ Москвою стоя, они хотѣли сію святыню себѣ покорить; но всевидящему Оку иное угодно было сотворить. Все же царь Василій имъ сопротивляется, дани и оброки отъ царства своего пріемля по троїцкой дорогѣ, все получаемое воинамъ раздавая. Измѣнники же отъ его руки дары принимали и вскорѣ сребролюбия ради и кровопролитія къ врагамъ притекали. Царствующій же градъ Москва сихъ ради измѣнъ колеблется, но, искусившись и отъ Гришии, и отъ Петруши, того вора не принимаетъ. Но поляки часто перехватывали московскія посылки: тогда великая польза царствующему граду была отъ обители чудотворца Сергія, ради святыхъ его молитвъ, ибо въ ней скопилось много народа, преданнаго царю законному, изъ разныхъ земель. Тогда же въ той великой лаврѣ архимандритъ Іоасафъ и келарь старецъ Авраамій Палицынъ, съ прочими доброхотствующими къ царствующему граду, со всѣмъ усердіемъ великое тѣхнѣніе показали, и велика помощь была отъ обители чудотворца всѣмъ людямъ, къ Москвѣ правящимъ, во вснхъ нуждахъ, и относительно посылокъ, и относительно передачи вѣстей: ибо, себя защищая, обитель и городъ охраняла, до конца монастырской казны не жалѣла. Воинствующіе же люди всѣ питаемы были отъ трапезы преподобныхъ чудотворцевъ и, елико возможно, храбро сражались. Ихъ братолюбія сердца враговъ ужасались, боясь, чтобы оно не было начальнымъ свѣтиломъ, смотря на которое прочіе отъ нихъ отступать и къ правдѣ обратятся.

О советѣ вора съ Литвою, какъ бы разорить домъ пресвятыя Троицы.
Собрались сонмище сатанинское, и отверзли псы уста свои, такъ говоря: «О царь великій Димитрій Ивановичъ! Доколѣ будутъ мѣшать великому твоему благородству вороны сія, вогнѣздившіеся во гробъ каменномъ, и доколѣ эти старцы будутъ вредить намъ повсюду? Не только на путяхъ вѣстниковъ нашихъ хватаютъ, изъ лѣсовъ выхода, какъ звѣри, но и смертамъ лютымъ предають безъ пощады: паче же всего имѣють многихъ единомышленниковъ, и всѣ грады развращаютъ, служить учать царю Шуйскому. Тебѣ, о великій россійскій браздодержатель, самому извѣстно, также и намъ, что многіе знатные, принявъ ино-

чество, здѣсь живутъ, и, если не обратитъ на нихъ вниманія, они могутъ всегда зло устроить намъ; слухъ же пошелъ, что ждуть князя Михайла Скопина съ черными псами, со шведскими нѣмцами, и Федора Шереметева съ понизовскими людьми; и такъ вкупѣ всѣ собравшись и твердыню сію занявъ, могутъ насъ побѣдить. И посему, пока они не укрѣпились, да поведить твое благородіе смирить ихъ; если не покорятся, то разсыплемъ въ воздухъ прахомъ всѣ жилища ихъ». Велехвально же берется за это гетманъ Сапѣга съ подручнымъ ему воинствомъ и Александръ Лисовской и воры русскіе. Такъ они на путь злой поспѣшаютъ.

О приходѣ подъ Троицкій Сергіевъ монастырь гетмана Петра Сапѣги, до пана Александра Лисовскаго и иныхъ многихъ, съ польскими и литовскими людьми и съ русскими измѣнниками. Въ лѣто 1717 Богъ попустилъ за грѣхи наши, что сентября въ 23-й день пришелъ подъ Троицкій Сергіевъ монастырь литовскій гетманъ Петръ Сапѣга и панъ Александръ Лисовской, со многими польскими и литовскими людьми и съ русскими измѣнниками, по московской дорогѣ. И когда они были на Клементьевскомъ полѣ, осадные люди изъ града вышли конные и пѣшіе, и съ ними бой великій имѣли и, милостью пребезначальныя Троицы, многихъ литовскихъ людей побили и поранили, сами же во градъ благополучно возвратились. Богоотступники же, польскіе и литовскіе люди и русскіе измѣнники, сіе видя, воскричали нехлыми голосами, поспѣшно и сурово окружили со всѣхъ странъ Троицкій Сергіевъ монастырь. Архимандритъ Іоасафъ и весь освященный соборъ со множествомъ народа вошелъ во св. церковь св. живоначальныя Троицы и молился образу пречистыя Богородицы и многоцѣлебнымъ мощамъ великаго чудотворца Сергія объ избавленіи и о помощи противъ враговъ. Градскіе же люди вокругъ обители слободы и всякія службы огню предали, чтобы не дать врагамъ жилищъ. Гетманъ Сапѣга и Лисовской, разсмотрѣвши мѣсто, гдѣ имъ съ воинствомъ своимъ стать, и раздѣлившись, начали строить себѣ станы и поставили два острога, а въ нихъ крѣпости многія сотворили и ко обители пути заняли, и никому пройти было невозможно, ни въ домъ, ни изъ дома чудотворца.

О укрѣпленіи осады и о великой тѣснотѣ во градѣ. Осадные же воеводы, князь Григорій Борисовичъ Долгорукій, да Алексѣй Голохвастовъ, и дворяне приговорили со архимандритомъ Іоасафомъ и съ соборными старцами, что слѣдуетъ, для большей безопасности, всѣхъ людей привести къ крестному цѣлованію, а начальствовать старцамъ и дворянамъ, и раздѣлить градскія стѣны, и башни, и ворота, и нарядъ устроить по башнямъ и внизу, чтобы всякій вѣдалъ свое мѣсто. Градскіе люди воздыхали и плакали, ибо изъ околныхъ странъ многіе прибѣжали, и такова тѣснота была въ обители, что не было мѣста празднаго. Многіе люди и скоты безъ крова остались, и потому расхищали всякія деревья и камни на постройку убѣжищъ, ибо осень настала, и зима приближалась. Всѣ изнемогали, жены дѣтей рождали предъ всѣми, не имѣя куда скрыться, всякое богатство гибло, и всякій смерти просилъ со слезами. Если бы кто и каменное сердце имѣлъ, и тотъ, видя сію тѣсноту и напасти, восплакалъ бы, ибо исполнилось на насъ пророческое слово «Праздники ваши свѣтлыя въ плачъ вамъ переложу и въ сѣтованіе, и веселіе ваше въ рыданіе».

Отписка къ полякамъ и ко есмъ измѣнникамъ. Да вѣдаетъ ваше темное державство, гордые начальники, Сапѣга и Лисовской, и прочая ваша дружина, что напрасно прельщаете насъ, Христово стадо православныхъ христіанъ. Богоборцы. мерзость запустѣнія, вѣдайте, что и десяти лѣтъ христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, а ваши грамоты мы, принявъ, оплевали. Какая же польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта и предложить ложь на истину, честь на безчестіе, свободу на горькое рабство, оставить св. истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона и покориться еретикамъ, которые прокляты отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Или какое пріобрѣтеніе и почестъ оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться самозванцу врагу и вамъ, латынамъ иновѣрнымъ, и быть какъ жида или хуже ихъ? Жида, не познавъ Господа своего, распяли его; мы же знаемъ своего православнаго государя, подъ властью царей христіанскихъ отъ прародителей нашихъ мы рождались въ вертоградѣ истиннаго пастыря Христа. Какъ оставить намъ повелѣваете христіанскаго царя и ложною ласкою, и тщетною лестью, и суетнымъ богатствомъ прельстить насъ хотите? Не хотимъ и богатства всего міра за нарушеніе своего крестнаго цѣлованія.

XLVІІ. ОСАДА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

(Изъ статей Соловьева «Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Θεодора Иоанновича», помѣщ. въ «Современникъ» за 1848 г.).

Въ то время, какъ шведы только еще обѣщали пособіе Шуйскому, поляки успѣшно дѣйствовали въ пользу самозванца подъ Москвою. Сапѣгѣ было поручено взять Троицкій монастырь, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями, а изъ этихъ областей столица получала пособія ратью, деньгами и хлѣбными запасами. Узнавъ о движеніи Сапѣги, Шуйскій послалъ брата своего Ивана перехватить ему дорогу; но московское ополченіе было на голову разбито подъ Рахмановомъ. Поразивъ царское войско, Сапѣга вмѣстѣ съ Лисовскимъ приступили къ Троицкому монастырю 23-го сентября. Войско осаждавшихъ простиралось до 30,000 человѣкъ; но такъ какъ, послѣ первыхъ попытокъ овладѣть монастыремъ, Сапѣга увидалъ необходимость остаться подъ нимъ долгое время, почему долженъ былъ озаботиться собраніемъ запасовъ на зиму и разсылать отряды для занятія другихъ городовъ, то число войска его часто измѣнялось, уменьшалось иногда до 10,000 человѣкъ. Силы осажденныхъ трудно опредѣлить съ точностію, по недостатку свѣдѣній. По сохранившейся современной записи о сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человѣкъ; если, по мнѣнію одного изслѣдователя мы должны приложить сюда еще 700 ратниковъ, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, поименованные у Палицына, да если приложимъ сюда еще монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды, то выйдетъ около 1,500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ; при опредѣленіи числа послѣднихъ должно сообразоваться съ возможностью помѣщенія внутри монастыря,

гдѣ, надобно замѣтить, было много еще женщинъ и дѣтей: толпы околныхъ жителей съ семействами собрались въ монастырь, и тѣснота была страшная. Воеводами лаврской рати были: окольныйчій кн. Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Шуйскій, напрягая все свое вниманіе на югъ государства, гдѣ вспыхивали безпрестанно возстанія, откуда приходили подъ Москву Болотниковъ и самозванцы, не имѣлъ возможности и не считалъ нужнымъ укрѣплять достаточными гарнизонами подъ начальствомъ надежныхъ людей сѣверные пункты, не тронутые измѣною. Слѣдствіемъ такой очень естественной беззаботности было то, что осаднымъ воеводою на столь важномъ пунктѣ, какъ Троицкій монастырь былъ назначенъ Долгорукій, одинъ изъ первыхъ измѣнниковъ при Годуновѣ и недавно еще бывший въ службѣ втораго самозванца. Архимандритомъ монастыря былъ въ это время Іоасафъ, человѣкъ, какъ видно, очень кроткій, способный поэтому утишать враждующихъ, водворять миръ между множествомъ народа, собраннаго изъ разныхъ сословій, съ разными правами, понятіями, ставшаго раздражительнымъ и нетерпѣливымъ вслѣдствіе бѣдствій и лишений всякаго рода. Келаремъ монастыря былъ Авраамій Палицынъ, на котораго мы должны обратить особенное вниманіе, какъ на человѣка, принимавшаго важное участіе въ описываемыхъ событіяхъ, и какъ автора извѣстной книги: «Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря». Авраамій Палицынъ назывался въ міру Аверкіемъ Ивановичемъ; въ 1588 г., въ царствованіе Θεодора, Аверкій Палицынъ подвергся тяжелой опалѣ: имѣніе его отобрано въ казну, самъ онъ сосланъ и постригся или постриженъ въ монахи. Причина опалы неизвѣстна; но если обратимъ вниманіе на годъ ея, если вспомнимъ, что около этого времени, въ концѣ 1587 г., имѣла мѣсто опала Шуйскихъ, друзей ихъ и клеветовъ, то не можемъ удержаться отъ мысли, что опала Палицына имѣетъ связь съ опалою Шуйскихъ за заговоръ противъ Годунова, за предложеніе царю развестись съ Ириною. Въ 1600 г. Борисъ снялъ опалу съ монаха Аверкія; но послѣдній при Годуновѣ и самозванцѣ оставался въ удаленіи; только, съ восшествіемъ Шуйскаго на престолъ, Авраамій получаетъ важное значеніе, начинаетъ играть важную роль: онъ становится келаремъ Троицкаго монастыря, перваго монастыря въ государствѣ, государь исполняетъ просьбы его, самыя затруднительныя; все это подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о прежнихъ связяхъ Палицына съ фамиліею новаго царя, который теперь спѣшилъ вознаградить человѣка, пострадавшаго за приверженность къ его роду.

Разсмотрѣвши внимательно всѣ поступки Палицына, историкъ можетъ вывести о его характерѣ слѣдующее заключеніе: это былъ человѣкъ чрезвычайно ловкій, дѣловой, уклончивый, начитанный и, по тогдашнимъ понятіямъ, краснорѣчивый,—однимъ словомъ, настоящій келарь, ибо значеніе этого монастырскаго чиновника состояло въ томъ, чтобы быть представителемъ монастыря предъ мірскими властями, охранителемъ его выгодъ, ходатаемъ по дѣламъ его въ судахъ. Если каждый монастырь имѣлъ нужду въ опытномъ и ловкомъ келарѣ, то ясно, каковъ долженъ былъ келарь Троицкаго монастыря, владѣвшаго такою огромною недвижимою собственностію, имѣвшаго столько правъ и вольностей: келарь его долженъ былъ почти постоянно отсутствовать изъ монастыря, почти постоянно жить въ столицѣ, хлопоча по дѣламъ обители; такъ и

во время осады келарь Палицынъ находился въ Москвѣ. Но обратимся къ событіямъ.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно помогали ратникамъ: тогда, какъ одни отправляли богослуженіе, другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для осажденныхъ; иные же день и ночь находились на стѣнѣ вмѣстѣ съ воинами, раздѣляли ихъ труды, выходили вмѣстѣ съ ними на вылазки, принимая даже начальство надъ отрядами; вѣроятно, большая часть изъ нихъ до постриженія были людьми служилыми. Польскіе вожди писали и къ воеводамъ троицкимъ и ко всѣмъ воинамъ, убѣждая къ сдѣлѣ общаніями богатыхъ наградъ, въ противномъ случаѣ грозили злою смертію. Убѣжденія и угрозы остались тщетны. Причины такого явленія найти не трудно: монахи и воины видѣли предъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ Грознаго; они видѣли предъ стѣнами святой обители Сергія толпы ненавистныхъ иновѣрцевъ, пришедшихъ поругать и расхитить монастырь. Здѣсь дѣло шло не столько о томъ, передаться ли царю тушинскому отъ царя московскаго, сколько о томъ, предать ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ истинной вѣры; троицкіе сидѣльцы защищали не одинъ престолъ нелюбимаго Шуйскаго, но и гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрности. Но измѣна вкралась и сюда. Если въ станѣ Сапѣги нашлись казаки, которые, мучимые совѣстью за то, что подняли святотатственную руку на обитель св. Сергія, перебѣгали къ осажденнымъ и сообщали имъ о замыслахъ непріятеля, то и въ стѣнахъ монастыря нашлись перебѣжчики между монастырскими слугами и даже между дѣтьми боярскими, которые не стерпѣли сидѣть въ осадѣ, ставшей чрезвычайно трудною во время зимы. Осенью, когда было еще тепло, многочисленныя толпы народа могли жить на открытомъ воздухѣ; но когда начались морозы, то все столпилось въ кельяхъ; отсюда страшная тѣснота и ея слѣдствія — повальная болѣзнь, къ которой присоединился еще недостатокъ топлива. Среди этихъ физическихъ бѣдствій открылось и зло нравственное — вражда между монахами, несогласіе между воеводами, слышались обвиненія въ измѣнѣ. Марта 29-го 1609 г. дочь Годунова Ксенія или Ольга писала изъ Троицкаго монастыря, гдѣ находились во время осады, къ одной своей теткѣ, что она «въ своихъ бѣдахъ чуть жива, конечно больна, со всѣми старпцами, и впредь никакъ не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ въ осадѣ, шатость и измѣна великая». Стрѣльцы и монастырскіе служки жаловались на архимандрита и братію, что плохо ихъ кормятъ. Оправдательная грамота архимандрита къ царю дошла до насъ; она содержитъ любопытныя подробности о состояніи монастыря во время осады. Архимандритъ пишетъ: «Какъ сѣли въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ троицкій хлѣбъ, а своего у всякаго было мало запасено, и деньги, что кому пригоже, даемъ. А какъ въ казнѣ денегъ не стало, и мы собирали съ братіи по рублю съ человека, а съ иныхъ по половинѣ, а инымъ, кому надобно, занимаемо да даемъ». Архимандритъ укоряетъ ратниковъ въ неумѣренности: «Мы имъ говорили, что ѣшьте въ трапезѣ, что братіе ѣдятъ, то и вы, изъ-передъ меня, изъ-передъ архимандрита возьми передъ себя,

а свое передъ меня поставь; и они братскую яству просятъ по кельямъ, потому что въ трапезѣ ставятъ передъ четверыхъ, а имъ то по кельямъ пойдетъ одному, что у нихъ, у иныхъ жены да дѣти, а у иныхъ жонки... И смирить намъ себя больше того не вѣдаемъ какъ; а ѣдимъ мы съ братьею въ трапезѣ, съ Филипова заговѣнья, сухари съ хлѣбомъ... А намъ, государь, въ осадѣ тѣснота и нужда великая: по дрова не выпустятъ, отъ келій кровли и заднія сѣни и чуланы сожжены, а нынѣ жжемъ житницы и проч.».

Не одни ратные люди писали жалобы на архимандрита и соборныхъ старцевъ: нашлись жалобщики между братьею, въ которой произошло раздвоеніе по случаю доноса на казначея монастырскаго Іосифа Дѣвочкина. Палицынъ пишетъ, что діаконъ и лѣваго крылоса головшикъ Гурій Шишкинъ вывѣдалъ у Дѣвочкина измѣну и донесъ главному воеводѣ. Долгорукій тотчасъ схватилъ казначея и, по тогдашнему обычаю, велѣлъ пытать. Такой поступокъ воеводы съ однимъ изъ главныхъ лицъ въ монастырѣ возбудилъ негодованіе въ архимандритѣ и соборныхъ старцахъ, вооружилъ ихъ и противъ доносчика Шишкина съ товарищами. Поступокъ Долгорукаго съ Дѣвочкинымъ оскорбилъ и второго воеводу Голохвастова: въ самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ состояніи умовъ, когда всѣмъ всюду видѣлась измѣна, когда одно неосторожное слово могло служить поводомъ къ доносу и вести къ пыткамъ, никто не могъ имѣть ручательства въ личной неприкосновенности, и потому Голохвастовъ хотѣлъ, какъ видно, силою воспротивиться Долгорукому. Заступничество Голохвастова за Дѣвочкина, обвиненнаго въ измѣнѣ, равно какъ умыселъ отнять городовые ключи у Долгорукаго, дало поводъ смотрѣть и на Голохвастова, какъ на участника въ измѣнѣ казначея, дало поводъ думать, что второй воевода хочетъ прибрать къ своимъ рукамъ ключи для того, чтобы отпереть непріятелю входъ въ монастырь. Палицынъ прямо обвиняетъ Голохвастова въ согласіи съ Дѣвочкинымъ, говорить, что воевода снесся съ врагами и назначилъ день, въ который хотѣлъ предать имъ монастырь такимъ образомъ: когда осажденные сдѣлаютъ вылазку, Голохвастовъ хотѣлъ затворить ворота и предать вышедшихъ на жертву полякамъ, впустивъ враговъ въ то же время другимъ входомъ въ монастырь. Изъ связи разсказа Палицына выходитъ, что Дѣвочкинъ, признавшись на пыткахъ въ собственной измѣнѣ, оговорилъ и своихъ соучастниковъ, и въ томъ числѣ Голохвастова.

Но должно замѣтить, во-первыхъ, что самъ Палицынъ уничтожаетъ довѣріе къ своимъ показаніямъ, умалчивая подробности, закрывая истину словомъ витіеватымъ; во-вторыхъ, еслибъ Дѣвочкинъ точно на пыткахъ оговорилъ Голохвастова, или еслибъ осажденные узнали объ измѣнѣ послѣдняго какимъ-нибудь другимъ образомъ, то и Долгорукій, и старцы, въ своихъ донесеніяхъ въ Москву, не преминули бы довести объ этомъ де свѣдѣнія царя и Палицына, но въ ихъ донесеніяхъ ни слова не говорится объ измѣнѣ Голохвастова и о подробностяхъ замысла, какъ ихъ приводитъ Палицынъ. Долгорукій заключаетъ свое донесеніе Палицыну о поведеніи Голохвастова слѣдующими словами: «А про Алексѣя, въ осадѣ, вѣдаютъ многіе люди, что Алексѣй дѣла не дѣлаетъ, только ссору чинить, а только все на него писати, ино и письмо не обдержитъ. И тебѣ бы, господине, пораdѣти о святомъ мѣстѣ: будетъ, по грѣхомъ, осада про-

длится, и тебѣ-бѣ порадыти, и государю о томъ побити челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, о томъ дѣлѣ царскій указъ учинилъ». Въ другой грамотѣ къ тому же Палицыну Долгорукій пишетъ: «Пожалуй, государь Аврамій Ивановичъ, чтобъ тебѣ государю извѣстити тайно, что здѣсь въ осадѣ ссору дѣлаетъ великую Алексѣй Голохвастовъ, чтобъ государь пожаловалъ, на просухѣ прислалъ сюда вѣрныхъ челоуѣкъ сто; и про него-бѣ велѣлъ сыскати, и велѣлъ бы его пожаловати, къ Москвѣ взяти. И буде пожалуетъ государь ко мнѣ, холопу своему, о томъ дѣлѣ отписать, и онъ бы, государь, пожаловалъ, велѣлъ ко мнѣ, холопу своему, тайно отписать». Изъ этихъ словъ видно, что Долгорукій боялся явно дѣйствовать противъ Голохвастова, у котораго было много приверженцевъ, съ которыми, какъ видно, одинаково думали архимандритъ и соборные старцы. Въ то время, когда Шуйскаго мало уважали, ибо отъ гнѣва его всегда можно было найти убѣжище въ Тушинѣ, въ то время одного приказа изъ Москвы было недостаточно для смѣны воеводы,—нужно было прислать сто челоуѣкъ вѣрныхъ людей и поступать съ величайшею осторожностью и тайною. Но упомянутыя грамоты старцевъ и Долгорукаго не дошли въ Москву; Голохвастовъ остался воеводою до конца осады и не обнаружилъ на малѣйшей попытки къ измѣнѣ; сто челоуѣкъ вѣрныхъ не были присланы изъ Москвы, и дѣло осталось неразрѣданнымъ, вслѣдствіе чего историкъ не имѣетъ права обвинять Голохвастова, ибо прямое обвиненіе Палицына опровергается молчаніемъ враговъ втораго воеводы и самымъ характеромъ повѣствованія, мало внушающимъ довѣрія.

Въ 1610 г., въ началѣ января, Скопинъ, усилившись на сѣверѣ, прислалъ помощь въ монастырь; осаждающіе не могли держаться долѣе и сняли осаду.

XLIII. СВЕРЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ ШУЙСКАГО СЪ ПРЕСТОЛА.

(Изъ «Русской исторіи съ жизнеописаніемъ» Костомарова).

17-го февраля 1609 г. толпа, подъ начальствомъ кн. Романа Гагарина, Григорія Сумбулова, бросилась въ Кремль; она состояла изъ многихъ служилыхъ людей разныхъ городовъ и, обратившись къ боярамъ, кричала: «Надобно переимѣнить царя! Василій сѣлъ самовольствомъ, не всею землею избранъ». Нѣкоторые бояре уже были не въ ладахъ съ Шуйскимъ, особенно Голицыны, такъ какъ Василій Васильевичъ Голицынъ самъ помышлялъ о престолѣ. Но они не рѣшились стать заодно съ мятежниками, потому что за Шуйскаго былъ патріархъ Гермогенъ. Замѣчательно, что патріархъ самъ постоянно не ладилъ съ царемъ, но изъ чувства законности стоялъ за него, какъ за существующую верховную власть. Толпа мятежниковъ вышла изъ Кремля на Красную площадь. Ударили въ набатъ. Явился патріархъ «Князь Василій Шуйскій нелюбъ намъ на царствѣ!»—кричала толпа:—онъ тайно убиваетъ и сажаетъ нашу братію въ воду!» «А кого же казнилъ Шуйскій?» спросилъ патріархъ. Мятежники не назвали именъ, но кричали: «Изъ-за Василя кровь льется, и земля не усмирится, пока онъ будетъ на царствѣ. Его одна Москва выбрала, и мы хотимъ избрать иного царя!» Патріархъ на это сказалъ: «До сихъ

поръ Москва всѣмъ городамъ указывала, а ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань и никакой другой городъ не указывалъ Москвѣ; а что кровь льется, то это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя».

Убѣжденія патріарха спасли на этотъ разъ Василія; между тѣмъ дороговизна жизненныхъ припасовъ въ столицѣ, окруженной непріателемъ, увеличилась; въ апрѣлѣ бояринъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія. Умыселъ былъ открытъ. Зачинщика казнили. Положеніе царя становилось все ужаснѣе: до него доходили слухи, что его убьютъ то на Николинъ день, то на Вознесенье. Народъ врывался къ нему во дворецъ и кричалъ: «Чего еще намъ дожидаться! Развѣ голодною смертію помирать?» Царь обнадеживалъ москвичей скорымъ прибытіемъ Скопина со шведскими людьми и убѣждалъ купцовъ не поднимать цѣны на хлѣбъ. Но московскіе купцы поступали такъ же, какъ нѣкогда при Борису: припрятывали хлѣбъ, чтобы продавать его по дорогой цѣнѣ. На счастье Василія, въ это время дѣла тушинскаго вора пошли неудачно. Города, прежде признававшіе его, выведенные изъ терпѣнія безчинствомъ поляковъ и русскихъ воровъ, одинъ за другимъ отпадали и признавали царя Василія. Крестьяне собирались шайками, били и топили шатавшихся тушинцевъ. Сапѣга ничего не могъ сдѣлать съ Троицкимъ монастыремъ. Попытки тушинцевъ овладѣть Москвою не имѣли успѣха. Но болѣе всего поправились дѣла Василія послѣ успѣховъ Скопина. Зимой тушинскій лагерь пришелъ въ совершенное разстройство. 12-го января 1610 г. Сапѣга отступилъ отъ Троицы; въ февралѣ воръ убѣжалъ въ Калугу, а въ началѣ марта Тушино совершенно опустѣло. Почти вся Русь покорилась Василію; но съ запада на него наступала бѣда: Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ, а русскіе, бывшіе въ Тушинѣ, явились къ польскому государю просить на московское царство Владислава. Судьба, казалось, не давала Василію ни минуты отдыха. Одна бѣда проходила, другая наступала. Въ концѣ апрѣля скоростижно скончался Скопинъ, и это приблизило паденіе Василія. Народная молва считала царя участникомъ его смерти. Уже поляки и запорожцы забирали южные города; Стародубъ, Почепъ, Черниговъ взяты были приступомъ и ограблены; Новгородъ-Сѣверскій и Рославль пѣловали крестъ Владиславу.

Вмѣсто Скопина царь назначилъ главнымъ предводителемъ войска своего брата Димитрія, но русскіе не терпѣли его, а жену его считали убійцею Скопина. Шведскій полководецъ Делагарди презиралъ Димитрія Шуйскаго за неспособность. Московскіе плѣнники сообщили подъ Смоленскомъ полякамъ, что народъ не любитъ Василія, что войско не захочетъ за него биться, и вся Русь охотно признаетъ Владислава царемъ. По этимъ извѣстіямъ, Сигизмундъ отправилъ къ Москвѣ войско подъ начальствомъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго. Войско Шуйскаго, тысячъ въ тридцать, двинулось къ Можайску; съ нимъ шелъ и Делагарди со своею ратью, состоящею изъ людей разныхъ націй. Въ московскомъ войскѣ было много новобранцевъ, въ первый разъ шедшихъ на бой. Охоты защищать царя Василія не было ни у кого. Враги встрѣтились между Москвою и Можайскомъ, при деревнѣ Клушино. Отъ перваго напора поляковъ побѣжала московская конница, смяла пѣхоту; иноземцы, бывшіе подъ вачальствомъ Делагарди, взбунтовались и стали передаваться непріателю. Тогда начальники московскаго войска съ Димитріемъ Шуйскимъ убѣжали въ лѣсъ, а за ними и всѣ бросились вразсыпную. Жол-

жѣвскому досталась гарета Димитрія Шуйскаго, его сабля, булава, знамя, много денег и мѣховъ, которые Димитрій намѣревался раздать войску Делагарди, но не успѣлъ. Делагарди, оставленный своими подчиненными, изъявилъ желаніе переговорить съ гетманомъ Жолкѣвскимъ и, когда гетманъ пріѣхалъ къ нему, то Делагарди выговорилъ у него согласіе уйти безпрепятственно изъ предѣловъ Московскаго государства. «Наша неудача — сказалъ Делагарди — происходитъ отъ неспособности русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, если бы ими начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели, и счастье измѣнило московскимъ людямъ».

Жолкѣвскій принудилъ сидѣвшихъ въ Царевѣ-Займищѣ Елецкаго и Валуева присягнуть Владиславу, присоединиться къ нему съ ихъ пяти-тысячнымъ отрядомъ, и пошелъ прямо на Москву. Можайскъ сдался ему безъ сопротивленія. Волокъ-Ламскій, Ржевъ, Погорѣлое Городище, Іосифовъ монастырь покорились добровольно. По совѣту Валуева, Жолкѣвскій послалъ агентовъ своихъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ обѣщалъ Русской землѣ тишину и благоденствіе подъ управленіемъ Владислава, если русскіе изберутъ королевича царемъ. Эти грамоты разбрасывались по улицамъ, ходили по рукамъ, всенародно читались на сходкахъ. Царь Василій не могъ ничего сдѣлать. Съ другой стороны подходилъ тушинскій воръ изъ Калуги и 11-го іюля сталъ въ Коломенскомъ селѣ. Тогда Прокопій Ляпуновъ написалъ своему брату Захару и Василю Васильевичу Голицыну, что слѣдуетъ удалить и Шуйскаго, и вора.

17-го іюля Захаръ Ляпуновъ собралъ сходку дворянъ и дѣтей боярскихъ за Арбатскими воротами и сказалъ: «Наше государство доходитъ до конечнаго разоренія. Тамъ поляки и Литва, тутъ калужскій воръ, а царя Василя не любятъ. Онъ не по правдѣ сѣлъ на престолъ и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомъ, чтобъ онъ оставилъ престолъ, а калужскимъ людямъ пошлемъ сказать, пусть они своего вора выдадутъ; и мы сообща выберемъ всю землю иного царя и встанемъ единомысленно на всякаго врага». Послали въ Коломенское.

Русскіе, бывшіе при ворѣ, сказали: «Сведите Шуйскаго, а мы своего Димитрія свяжемъ и приведемъ въ Москву». Послѣ такого отвѣта толпа отправилась къ царю Василю. Выступилъ впередъ дюжій, плечистый Захаръ Ляпуновъ и сказалъ царю: «Долго ли за тебя кровь христіанская будетъ литься? Ничего добраго отъ тебя не дѣлается. Земля раздѣлилась, разорена, опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; братья твои окормили отравою государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжался нать нами, положи посохъ свой! Сойди съ царства. Мы посовѣтуемъ сами о себѣ иными мѣрами». Василій вышелъ изъ себя, обнажилъ большой ножъ, который носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ: «Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ того не говорятъ?» Ляпуновъ погрозилъ ему своею крѣпкою рукою и сказалъ: «Василій Ивановичъ! Не бросайся на меня, а то я тебя вотъ такъ тутъ и изотру!» Бывшіе съ Ляпуновымъ дворяне сказали: «Пойдемъ, объявимъ народу».

Они вышли на Красную площадь и зазвонили въ колоколъ. Народъ сбѣжался. Захаръ Ляпуновъ съ лобнаго мѣста приглашалъ патріарха, духовенство, бояръ, служилыхъ людей и всякаго чина православныхъ христіанъ за Серпуховскія ворота на всенародную сходку. Народъ по-

валилъ за Серпуховскія ворота. Приѣхали патріархъ, бояре. «Вотъ три года-четвертый сидитъ Василій Шуйскій на царствѣ—говорили народу:—неправдою сѣлъ, не по выбору всей земли, и нѣтъ на немъ благословенія Божія, нѣтъ счастья землѣ! Какъ только его братья пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся, а ратные разбѣгаются! Собирайтесь въ совѣтъ, какъ намъ Шуйскаго отставить, а иного выбрать всею землею».

Патріархъ хотѣлъ было защищать Шуйскаго, котораго не любилъ, но потомъ уѣхалъ. Бояре отправились къ царю. Своенъ царя Василія. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, сказалъ ему: «Вся земля бьетъ тебѣ челомъ; оставь свое государство ради междоусобной брани, за тѣмъ, что тебя не любятъ и служатъ тебѣ не хотятъ».

Царю Василію ничего не осталось, какъ повиноваться. Онъ положилъ свой царскій посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжій домъ. Верховное правленіе на-время перешло къ боярскому совѣту, подъ предсѣдательствомъ кн. Мстиславскаго.

На другой день, 18-го іюля, толпа москвичей вышла къ Данилову монастырю и послала въ Коломенское сказать: «Мы свое клятвенное слово совершили, Шуйскаго свели, теперь ведите къ намъ своего вора». Но изъ Коломенскаго села имъ дали такой отвѣтъ: «Дурно, что вы не помните крестнаго цѣлованія своему государю, а мы за своего помереть рады». Тогда многимъ въ Москвѣ стало жаль Шуйскаго, а Шуйскій, узнавши это, послалъ денегъ стрѣльцамъ, которыхъ было тысячъ до восьми въ Москвѣ, чтобы съ ихъ помощью возвратить себѣ престолъ. Патріархъ началъ осуждать низложеніе царя.

Тогда, 19-го іюля, Захаръ Ляпуновъ подобралъ себѣ товарищей, подговорилъ чудовскихъ іеромонаховъ. Они пришли въ домъ къ Василію Шуйскому, разлучили его съ женой, увезли ее въ Вознесенскій монастырь и объявили, что Василію слѣдуетъ постричься въ монахи. «Люди московскіе, что я вамъ сдѣлалъ?—сказалъ Шуйскій:—какую обиду учинилъ? Развѣ мнѣ это за то, что я воздалъ мечь тѣмъ, которые содѣяли возмущеніе на нашу православную вѣру и тщались разорить домъ Божій?» Ему повторили, что надобно постричься. Шуйскій наотрѣзъ сказалъ, что не хочетъ. Тогда іеромонахамъ велѣно было совершить обрядъ постриженія, и когда, по обряду, спросили его, желаетъ ли онъ, Василій громко закричалъ: «Не хочу!» Но князь Тюфякинъ, одинъ изъ соумышленниковъ Ляпунова, произносилъ за него обѣщаніе, а Ляпуновъ крѣпко держалъ Василія за руки, чтобы онъ не отмахивался. Его одѣли въ иноческое платье и увезли въ Чудовъ монастырь. Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ насильно постригли жену Василія. Патріархъ Гермогенъ вопіялъ противъ такого беззаконія и говорилъ, что инокомъ сталъ теперь тотъ, кто за Василія отрекался отъ міра.

Василій былъ послѣдній государь изъ дома св. Владиміра.

XLIX. СЕМИВОЯРЩИНА.

(Изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).

До сверженія Василія Шуйскаго властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго, и самозванца, и ляховъ: она хотѣла *своего* царя, и въ семъ смыслѣ дума писала отъ имени синклита и всѣхъ чиновъ людей, гостей и купцовъ ко всѣмъ областнымъ воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *взявъ челобитію земли Русской, оставилъ государство и міръ* для спасенія отечества, что Москва цѣловала крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю тушинскому, что всѣ россияне должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею самодержца вождя бѣднаго. Въ семъ же смыслѣ отбѣтствовали бояре и гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Василіевомъ низверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. «Не требуемъ твоей защиты,— писали они,— не приближайся, или встрѣтимъ тебя какъ непріятеля». Но дума боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, гетманъ къ ней приближался, народъ вольничалъ, холопы не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы даже въ станъ къ Лжеимператору, единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая; ея главою былъ кн. Ѳеодоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней.

Въ то время, когда Москва, безъ царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея, когда отечество смятенное не видѣть между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовью и надеждой, когда измѣны и предательства унизили въ глазахъ народа самыхъ первыхъ вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистью,—мысль искать государя внѣ отечества, какъ древніе новгородцы искали князей въ землѣ варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ, вѣроятно, послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими, торжественно объявилъ боярамъ, духовенству, всѣмъ чинамъ и гражданамъ, что для спасенія царства должно вручить скипетръ Владиславу. Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть вѣнценосцемъ, того мнѣніе и голосъ имѣли силу; надѣялись, что король плѣнится честью видѣть сына монархомъ великой державы и дозволить ему перемѣнить законъ, или Владиславъ юный, еще нетвердый въ догматахъ латинства, легко склонится къ нашимъ и, вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ православія. Еще благородная гордость

страшилась уничтоженія взять невольню властителя отъ ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ея постыдную слабость; еще духовенство страшилось за вѣру, и патріархъ убѣждалъ бояръ не жертвовать церковью никакимъ выгодамъ государственнымъ: не имѣя средства возвратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ цари или князя Василя Голицына, или юнаго Михаила, сына Филаретова, внука первой супруги Іоанновы. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ Михаилу, любезному для него памятью Анастасіи и добродѣтелью отца. Но время еще не наступило, а гетманъ уже стоялъ подъ Москвою: ни Голицынъ, крамольникъ въ думѣ и бѣглець на полѣ ратномъ, ни юноша, питомецъ колій, едва извѣстный свѣту, не общали спасенія Москвѣ, извѣи тѣснимой двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часъ былъ дорогъ, и большинство голосовъ въ думѣ рѣшило—принять совѣтъ Мстиславскаго.

Немедленно послали къ гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель? «Желаю не крови вашей, а блага Россіи, — отвѣчалъ Жолкѣвскій:—предлагаю вамъ державство Владислава и гибель самозванца». Дали взаимно заложниковъ, вступили въ переговоры на Дѣвичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ бояре, Мстиславскій, Голицынъ и другіе, съ честью встрѣтили гетмана, объявляя, что Россія готова признать Владислава царемъ, но съ условіями, необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Теплеиневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительнаго согласія королевскаго; король же не только медлилъ дать ему наказъ, но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ клушинскаго дѣла, заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостью являя гетмановы трофеи, знамена и плѣнниковъ Шейну непреклонному. Жолкѣвскій, равно смѣлый и благоразумный, скрывъ отъ бояръ свое затрудненіе, спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора: отвергалъ и соглашался королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе, чтобы Владиславъ крестился въ нашу вѣру, онъ далъ имъ надежду, но устранилъ обязательство, говоря: «Да будетъ королевичъ царемъ, и тогда, внимая совѣсти и пользѣ государственной, можетъ добровольно исполнить желаніе Россіи». Устранилъ, до особеннаго Сигизмундова разрѣшенія, и другія статьи, а именно: чтобы Владиславу не сноситьъ съ папою о законѣ, утвердить въ Россіи смертную казнь для всякаго, кто оставитъ греческую вѣру для латинской, не имѣтъ при себѣ болѣе пятисотъ ляховъ, соблюсти всѣ титулы царскія и жениться на россиянкѣ. Жолкѣвскій съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ короля: наконецъ, уже не могъ медлить, опасаясь нетерпѣнія россиянъ и своихъ ляховъ, готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья, и 17-го августа подписалъ достопамятныя условія россиянь съ Владиславомъ.

Къ тому же россияне, бывъ недовольны собственнымъ желаніемъ царя Василя умѣрить самодержавіе, въ четыре года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только боярамъ въ правосудіи и въ налогахъ, но и *земской* думѣ въ гражданскомъ законодательствѣ. Они боялись не самодержавія вообще, но самодержавія въ рукахъ иноплеменнаго, еще иновѣрнаго монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, и для того предписали ему

условія, согласныя съ выгодами боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя волность, не хотѣлъ приучить наслѣдника Сигизмунда, будущаго монарха польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатами, Жолкѣвскій и бояре звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два алтаря, богато украшенные; вокругъ алтарей духовенство, патріархъ; святители, съ иконами и крестами, за духовенствомъ бояре и сановники; далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты съ распущенными знаменами, ляхи и россияне. Гетманъ съ своими воеводами вступилъ въ шатеръ, приблизился къ алтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій за короля и королевство, республику Польскую и великое княжество Литовское за себя и войско. Потомъ московскіе бояре и сановники, дворянство и купечество, воины и граждане, цѣловали крестъ Владиславу съ видомъ усердія и благоговѣнія. Гонцы отъ думы боярскаго спѣшили во всѣ города объявить имъ новаго царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ россиянъ и каждого изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу клушинской битвы и не оставивъ ничего драгоценнаго ни у себя, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища московскія. Первый вельможа, князь Метиславскій, отплатилъ ему такимъ-же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Но еще крестъ и евангеліе лежали на алтаряхъ Дѣвичьяго поля, когда вручили гетману грамоту Сигизмундову: Сигизмундъ писалъ къ гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ знатнѣйшимъ посломъ, Гонсѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія, вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго, представить Россіи въ вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей, извѣстнаго ревнителя латинской вѣры, дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго ляхами, — казалось гетману болѣе нежели дерзостью, казалось безуміемъ. Онъ рѣшался исполнить договоръ, утаить волю королевскую отъ россиянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честью и благомъ республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь ляховъ отъ самозванца. И дѣйствительно, благодаря Жолкѣвскому, ляхи и россияне оставили Лжедмитрія, первые объявили себя слугами республики, послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, а самозванецъ и Марина ночью усаkali въ Калугу съ атаманомъ Заруцкимъ, съ шайкою казаковъ, татаръ и россиянъ немногихъ.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно, бояре усердно и прямодушно. Началось безпрोकословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимірѣ, Ярославлѣ и далѣе. Молились въ храмахъ за государя новаго; всѣ указы писались, всѣ суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ. Многіе радовались искренно, алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе, и въ числѣ ихъ патріархъ, скрывали

горестъ, не ожидая ничего добраго отъ ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ; бывъ дотолѣ у Сигизмунда, они явились въ столицѣ съ видомъ лицемернаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому милостью Божіею, ихъ невинностью и добродѣтелью; обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что государство и православіе спасены на вѣки. Самъ гетманъ ежедневными письмами убѣждалъ Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершеннаго добрымъ геніемъ республики, а бояръ московскихъ плѣнялъ изображеніемъ златаго вѣка Россіи подъ державою вѣнценосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона. Жолкѣвскій не хотѣлъ явно властвовать надъ думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ, онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клеветовъ самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды россиянъ безпорочныхъ. Боаре не согласились, отвѣтствуя: «Возможно-ли слугамъ обманщика равняться съ нами?» И сдѣлали они неблагодарно, какъ мыслилъ Жолкѣвскій, ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ самозванцу въ Калугу. Но гетманъ успѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человѣкъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Голицына, одобреннаго духовенствомъ искателя державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане. Оба, какъ устроилъ гетманъ, должны были, въ качествѣ великихъ пословъ, ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь царскую, требовать ихъ согласія на статьи договора, не рѣшенныя гетманомъ, и между тѣмъ служить королю заложниками: отвѣтствовать своею головою за вѣрность россиянъ. Отпѣвъ молебень съ колѣнопреклоненіемъ въ соборѣ Успенскомъ, давъ посламъ благословеніе на путь и грамату къ юному Владиславу о величій и православіи Россіи, Гермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнить церкви, не плѣняться мірскою лестью, и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11-го сентября изъ Москвы, а чрезъ десять дней ляхи были уже въ стѣнахъ кремлевскихъ.

Такимъ образомъ случилось первое нарушеніе договора, по коему надлежало гетману отступить къ Можайску. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства россиянъ и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, гетманъ склонилъ не только Салтыкова съ тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ бояръ лекоумныхъ, хотя и честныхъ, *требовать* вступленія ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовою признать Лжедмитрія. Не слушали ни патріарха, ни вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, идти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ: жители на разсвѣтѣ увидѣли себя какъ-бы плѣнниками между воинами королевскими, изумились, негодовали, однако же успокоились, вѣря торжественному объявленію думы, что ляхи у нихъ будутъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремль,

Китаѣ и Бѣломъ городѣ, овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевольствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей. Гетманъ властвовалъ, но только указами думы, изъясняя снисходительность къ народу, чистилъ бояръ и духовенствъ. Дворецъ кремлевскій, гдѣ пили и веселились сонмы иноплемennыхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостинницѣ; кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежедневно наполняясь, какъ въ Феодорово время, знатнѣйшими россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ: такъ гетманъ, именемъ царя Владислава, далъ первому боярину, князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть вѣнценосцемъ, санъ конюшаго и слуги. Россіяне снесли также избраніе ляха Гонсѣвскаго въ предводители осмнадцати тысячъ московскихъ стрѣльцовъ, которые со временъ Іжедимитрія I, едва не спасеннаго ими, уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплемennиковъ: Гонсѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростію и пирами. «Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ—пишутъ ляхи,—только осмидесятилѣтній патріархъ, боясь государя иновѣрнаго; но и его уже хладное, загрубѣлое сердце смягчилось привѣтливостію и любезнымъ обхожденіемъ гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ всегда хвалившаго греческую вѣру, такъ что и патріархъ казался наконецъ искреннимъ его другомъ». Гермогенъ былъ другомъ единственно отечества и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ.

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ и занявъ отрядами всѣ города смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ королемъ, гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана: ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое, и рѣшительно увѣралъ бояръ въ немедленномъ прибитіи къ нимъ Владислава. Но судьба влекла Россію къ другому назначенію.

Какъ несчастный царь Василій съ своими братьями завидовалъ князю Михайлу Шуйскому, такъ Сигизмундъ со своими панами завидовалъ гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и государя. Недоброжелатели гетмановъ говорили королю: «Извлекая мечъ, ты, государь, объявилъ, что думаешь единственно о благѣ республики: теперь, имѣя случай распространить ея владѣнія, можешь ли упустить его только для чести видѣть сына на престолѣ московскомъ?... Не скажешь ли народъ твой, ревнитель свободы, что ты плѣняешься властью самодержавною? Если же царство Россійское столь завидно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Москву и собственною рукою, какъ побѣдитель, возьми ея державу!» Хотя разсудительные вельможи умоляли короля немедленно принять договоръ гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ поляковъ въ блюстители, обогатить казну республики казною царскою, удовлетворить ея всѣмъ требованіямъ войска, наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россією, но король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ: хотѣлъ самъ быть царемъ или завоевателемъ Россіи и въ семъ расположеніи ждалъ пословъ московскихъ, Филарета и Голицына.

Менѣе другихъ вѣря гетману или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили думу, что, вопреки условіямъ, ляхи грабятъ въ уѣздахъ Остафкова, Ржева и Зубцова, что Сигизмундъ велитъ дворянамъ россійскимъ присягать ему и Владиславу вмѣстѣ, обѣщая имъ за то жалованье п

земли. 7-го октября послы увидѣли Смоленскъ и станъ королевскій, куда ихъ не впустили; указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ терпѣть ненастье, холодъ и голодъ. Тѣ, которые предлагали царство Владиславу, требовали пищи отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а вельможи литовскіе отвѣчали: «Король здѣсь на войнѣ и самъ терпитъ нужду». Представленные Сигизмунду, послы торжественными рѣчами изъяснили причину своего посольства и, сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. вмѣсто короля, имъ гордо отвѣтствовалъ канцлеръ Сапѣга, а черезъ нѣсколько дней объявили имъ королевскую волю.

Какъ ни важны были статьи договора, устраненныя Жолкѣвскимъ, хотя патріархъ и бояре въ наказѣ, данномъ посламъ, велѣли имъ неотступно требовать и *молить слезно*, чтобы королевичъ, находившійся тогда въ Литвѣ, принявъ греческую вѣру отъ Филарета и смоленскаго епископа, ѣхалъ въ Москву уже православный, и тѣмъ отвратилъ соблазнъ, не терпимый и въ Польшѣ, гдѣ государи должны быть всегда одной вѣры съ народомъ, но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія королевскаго на статьи, утвержденныя гетманомъ, ибо россияне цѣловали крестъ первому безъ всякой оговорки, довольствуясь надеждою склонить его къ своему закону уже въ царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отци сиротамъ*, жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ государя. И что же? Вельможи королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малолѣтній, что онъ не можетъ устроить царства смятеннаго, что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедмитрію. Послы отвѣчали: «Королевичъ молодъ, но Богъ устроитъ державу разумомъ его и счастьемъ, нашимъ радѣніемъ и вашими совѣтами, вельможи думные. Смоленскъ не имѣетъ нужды въ войнахъ иноземныхъ: оказавъ столько вѣрности во времена самыхъ бѣдственныхъ, столько доблести въ защитѣ противъ васъ, измѣнитъ ли чести нынѣ, чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ душами за боярина Шеина и гражданъ: они искренно, вмѣстѣ съ Россією, присягнувъ Владиславу». «Для чего же и не Сигизмунду?» возразили паны. Филаретъ и Голицынъ изумились. «Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда,—сказали они,—и вы, избравъ шведскаго принца въ короли, не цѣловали креста родителю его, Іоанну». Въ отвѣтъ на упоминаніе о статьяхъ договора Жолкѣвскаго, канцлеръ Левъ Сапѣга объявилъ посламъ королевскимъ именемъ: 1) что въ крещеніи и женитбѣ Владислава воленъ Богъ и Владиславъ; 2) что онъ не будетъ своситися о вѣрѣ съ папою; 3) что смертная казнь для отметчиковъ отъ греческаго исповѣданія въ Россіи утверждается; 4) что о числѣ ляховъ, коимъ быть при особѣ царя, послы могутъ условиться съ нимъ самими; 5) что всѣ иныя желанія и требованія россиянъ предложатся сейму въ Варшавѣ, гдѣ, съ его согласія, король дастъ имъ сына въ царя, но прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедмитрія и совершенно усмиривъ Россію. Паны изъясняли, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ Россіи, то вольные ляхи и казаки, числомъ не менѣе восьмидесяти тысячъ въ ея предѣлахъ, соединились бы съ Лжедмитріемъ; что король хочетъ Смоленска не для себя, а для Вла-

дслава, ибо оставитьъ ему все въ наслѣдство, и Литву, и Польшу; что смоленскіе граждане должны присягнутьъ королю единственно изъ чести. Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу или разграбить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: «Конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ будетъ его пепелъ и кровь жителей».

О семъ худомъ успѣхѣ посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестью и бояре благонамѣренные, и гетманъ, который, все-еще увѣряя въ непремѣнномъ исполненіи своего договора, рѣшился употребить крайнее средство: оставить Москву и лично объясниться съ королемъ. Сами россияне удерживали, заклинали его не предавать столицы опасностямъ безначалія и мятежей. Пожавъ руку у Мстиславскаго, онъ сказалъ ему: «Буду довершить мое дѣло и спокойствіе Россіи». Ляхамъ онъ сказалъ: «Я далъ слово боярамъ, что вы будете вести себя примѣрно для вашей собственной безопасности; поручаю вамъ царство Владислава, честь и славу республики». Преемникомъ его, т. е. истиннымъ градоначальникомъ Москвы, надлежало быть ляху Гонсѣвскому, съ усердною помощію Михаила Салтыкова и дьяка Ѳедора Андропова, названнаго государственнымъ казначеемъ. Устроивъ все для охраненія тишины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и тихо ѣхалъ Москвою, провожаемый толпами жителей. Улицы и кровли домовъ были наполнены людьми. Вездѣ раздавались громкіе клики: желали ему счастливаго пути и скорого возвращенія. Сіе торжество гетманово ознаменовалось дѣломъ безславнѣйшимъ для боярской думы: она выдала бывшаго царя своего иноплеменику! Жолкѣвскій взялъ съ собою Василія и, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду.

Гетмана встрѣтили пышно воеводы королевскіе и сенаторы, говорили ему рѣчи и славили его, какъ героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду своего державнаго плѣнника въ богатой одеждѣ. Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго... Изъявивъ гетману благодарность за мнимую славу имѣть такого плѣнника и за мнимое взятіе Москвы, король не хотѣлъ, однако же, утвердить его договора. Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ: доказывалъ, что вопареніемъ королевича Московская и Польская держава будетъ навѣки единою къ ихъ обоюдному счастью, и что никогда первая не признаетъ Сигизмунда царемъ; грозилъ новою, жестокою, необозримою въ бѣдствіихъ войною. Считаая гетмана пристрастнымъ къ своему дѣлу, Сигизмундъ не вѣрилъ ему, твердилъ, что занятіе Смоленска необходимо для блага республики и для его королевской чести, наконецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять пословъ московскихъ къ уступчивости миролюбивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ гетманъ долженъ былъ исполнить королевскую волю; но, властвуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаретомъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ ея справедливости и требовалъ Смоленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. «Вы боялись—сказалъ онъ—пустить насъ и въ Москву, а, пустивъ, радовались! Не упорствуйте, или договоръ, заключенный мною съ вами, столь благонамѣренный, столь благословенный для обѣихъ державъ, уничтожится неминуемо. Король думаетъ, что не взять Смоленска есть для него безчестіе, возьметъ силою и только изъ уваженія къ моему ходатайству медлитъ: сѣкира лежитъ у корня!»

Не хотѣли дать времени посламъ списаться съ Москвою, говоря: «Не Москва указываетъ королю, а король Москвѣ»; требовали неукоснительнаго рѣшенія. Отказавъ панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще *слезно* заклинали ихъ не ниспровергать дѣла гетманова, но тщетно. Еще переговоры длились, хотя и бесполезно. Послы россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи: имъ не дозволяли писать въ Смоленскъ, мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами, такъ что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей, никакихъ предписаній отъ думы боярской, слыша единственно отъ пановъ, что шведы воюютъ Россію, самозванецъ усиливается въ Калугѣ, ожидая къ себѣ крымцевъ и турокъ въ сподвижники, что король датскій готовится взять Архангельскъ, что всѣ возрастаютъ, всѣ идутъ на Россію; что она гибнетъ и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ.

Россія дѣйствительно гнила и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтью. Столица, безъ осады, безъ приступа взятая иноплемениками, казалась нечувствительною къ своему уничтоженію и стыду. Бояре сидѣли въ думѣ и писали указы, но слушаясь Гонсѣвскаго, который, уже зная Сигизмундову волю отвергнуть договоръ гетмановъ и предвидя слѣдствія, употреблялъ всѣ нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ стрѣльцовъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ, велѣлъ истребить всѣ рогатки на улицахъ, запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ и выходить ночью изъ домовъ, вездѣ усилилъ стражу. Выгнали дворянъ и богатѣйшихъ купцовъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ Деревяннаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить нѣмцевъ и ляховъ. Однакожъ благоразумныя предписанія гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Еще тишина царствовала, и москвитяне пировали съ ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями и нося камень за пазухою, какъ говоритъ историкъ-очевидецъ. Ляхи не вѣрили терпѣнію россиянъ, а россияне доброму намѣренію ляховъ, видя ихъ незаконное господство въ столицѣ, удобное только немногимъ знатымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменику условія, благодѣныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастись отъ праведной казни. Сильные мечомъ ляховъ, они законодательствовали въ робкой думѣ, утверждая Мстиславскаго и другихъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши послы живутъ у короля въ неволѣ, и все еще ждала Владислава. Долго молчалъ, король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ: долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ, и тогда возвратится въ Литву, чтобы на сеймѣ, въ присутствіи нашихъ пословъ, утвердить договоръ московскій. Между тѣмъ король отъ собственного имени давалъ указы думѣ о вознагражденіи бояръ и сановниковъ, къ нему усердныхъ, жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги, однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни грава. И дума уважала его волю, какъ будто бы нераздѣльную съ

волею царя малолѣтняго. Люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ королевскій просить милостей, равно незаконныхъ и срамныхъ... Уже народъ, менѣе думы терпѣливый, изъявлялъ досаду, не видя Владислава, и бояре, опасаясь мятежа, закинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ сейма: о Владиславѣ не было слуха, а король заботился единственно о взятіи Смоленска.

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ правительствомъ быть главою и душою государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ гетманомъ и Гонсѣвскимъ для собиранія дани на жалованье королевскому войску. Жалобы еще удвоились отъ неистовства ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствовали въ нихъ и грабили, но и жгли, мучили и убивали россіянъ. Гдѣ нѣтъ защиты отъ правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Псковъ, Великія Луки, Яма, Иванъ-городъ, Копорье, Орѣшекъ упорствовали въ вѣрности къ самозванцу отъ ненависти къ ляхамъ; Казань, въ счастливѣйшіе дни тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ, вдругъ пристала къ нему, почти всѣми отверженному и презрѣнному. Ея чернь и граждане, свѣдавъ о вступленіи гетмана въ столицу, возмущались, объявили, что лучше хотѣть служить калужскому царьку, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедмитрію.

Никѣмъ нетревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду, какъ пугалище для Москвы, самозванецъ, имѣя тысячъ пять казаковъ, татаръ и россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ, и Сигизмунду, но недолго: вскорѣ онъ былъ убитъ татарскимъ княземъ Арасланомъ, мстившимъ за казнь отца. Въ Калугѣ по этому случаю сдѣлалось страшное смѣтеніе. Ударили въ набатъ. Марина, отчаянная, полунагая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣгала изъ улицы въ улицу, требуя мести, а къ утру не осталось ни единаго татарина живого въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Араслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили казаки и граждане. Трупъ Лжедмитріевъ съ честью предали землѣ въ соборной церкви. Вскорѣ затѣмъ у Марины родился сынъ. Его торжественно крестили и называли Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; но россіяне чиновные, которые еще находились между послѣдними клеветами самозванца, кн. Димитрій Трубецкой, Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну,—они цѣловали крестъ государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердился на московскомъ престолѣ, дали знать о семъ думѣ боярской, овладѣли Калугою и взяли Марину подъ стражу.

Россія, казалось, желала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ въ крайности униженія безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные провидѣніемъ начать великое дѣло... и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ—патріархъ Гермогенъ, другой—Ляпуновъ рязанскій. Ляпуновъ враждовалъ, Гермогенъ усердствовалъ

несчастному Шуйскому: новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ, и не безмолствовали, когда, нарушая договоръ, тетманъ овладѣлъ столицей. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ царствѣ. Уже Гермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ духовенствомъ и чиновниками областей убѣждалъ не терпѣть насилія иноплемениковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодование возрастало, и какъ скоро услышали москвитяне о смерти Лжедмитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и слава Бога, вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться для изгнанія ляховъ. Тщетно Сигизмундъ, зная о гибели самозванца и лишась предлога оставаться въ Россіи будто бы для его истребленія, писалъ боярамъ, что «Владиславъ скоро будетъ въ Москву»: Россія уже не хотѣла Владислава. Дума въ своемъ отвѣтѣ благодарила Сигизмунда за милость, требуя, однако же, скорости и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ главы; но патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, если не крестится въ нашу вѣру и не выплетъ всѣхъ ляховъ изъ Россіи. Гермогенъ сказалъ; столица и государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи и копья: начали вооружаться. Городъ сносился съ городомъ; писали и наказывали другъ къ другу словесно, что пришло время стать за вѣру и государство. Особенное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты, всюду разосланныя изъ Москвы: одна къ ея жителямъ отъ уѣздныхъ смолянъ, другая отъ москвитянъ ко всѣмъ Россіянамъ. Кромѣ Рязани, Владиміръ, Суздаль, Нижній, Ярославль, Кострома, Вологда ополчились усердно для избавленія Москвы отъ ляховъ, по мысли Ляпунова и благословенію Гермогена.

Что же сдѣлало такъ называемое правительство, боярская дума, свѣдавъ о семъ движеніи, признаковъ души и жизни въ государствѣ истерзанномъ? Донесло Сигизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника, велѣло послать Филарету и Голицыну уважать Сигизмундову волю и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ будетъ угодно королю, велѣло Шеину впустить ляховъ въ Смоленскъ, выслало даже войско съ кн. Куракинымъ для усмиренія бунта во Владимірѣ. Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота боярская не скрѣплена патріархомъ, и не хотѣли повиноваться: дали тайно знать смоленскому воеводѣ, чтобы онъ не исполнилъ указа думы, и доблестный Шеинъ остался непоколебимъ. Съ другой стороны, войско союзныхъ городовъ близъ Владиміра встрѣтило и разбило Куракина. Сямъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть думы, оттолбъ признаваемая единственно невольною Москвою.

Уже москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, переѣзжали въ обхожденіи съ ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый, какъ было предъ гибелью растриги. Кричали на улицахъ: «Мы по глупости выбрали ляха въ цари, однакожь не съ тѣмъ, чтобы идти въ неволю къ ляхамъ; время раздѣлаться съ ними!» Не взирая на то, Гонсѣвскій

еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, довольствовался угрозами, сказалъ Гермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ. Болѣе наглости оказали злодѣи россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Гермогенъ не велѣлъ ополчаться Ляпунову. «Не велю,—отвѣтствовалъ патріархъ,—если увижу крещеннаго Владислава въ Москвѣ и ляховъ, выходящихъ изъ Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю всѣхъ отъ данной королевичу присяги». Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ; Гермогенъ осыпалъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ ножа твоего, да въздетъ вѣчная клятва на главу измѣнника!» Мстиславскій тоже никакъ не хотѣлъ одобрить народнаго возстанія и писалъ отъ имени думы грамату за граматою къ королю, что обстоятельства ужасны и время дорого, что одна столица не измѣняетъ еще Владиславу, а держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Иванъ-городъ и Псковъ, обольщенные генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть царемъ шведскаго принца, что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе магометово, умышляютъ предаться шаху Аббасу, что области низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь сибирскихъ возмущены Ляпуновымъ, но что немедленное прибытіе королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь королевскую. Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого короля съ войскомъ, отвѣтствуя ему за успѣхъ, т. е. за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію бояръ и даже многихъ польскихъ сенаторовъ, вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву, не думалъ и самъ идти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники; сильно, упорно хотѣлъ одного — взять Смоленскъ и ничего болѣе не дѣлалъ.

І. ПОЛЯКИ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1611 ГОДУ.

(Изъ «Московской лѣтописи Бера, помѣщенной въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ»).

По смерти Лжедимитрія II, города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жителямъ ея письмо слѣдующаго содержанія: «Попуталъ насъ лукавый! Сгубилъ наше царство проклятый самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи, но прежде прогоните нехристей, поганныхъ поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься».

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся, но что нельзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. вмѣстѣ съ симъ отвѣтомъ разослали тайно граматы, въ коихъ совѣтовали своимъ единоземцамъ признать царемъ королевскаго сына, чтобы внутренніе раздоры прекратились и города воевать между собою перестали; но въ то же время они убѣждали исподволь истреблять поляковъ, имѣющихъ въ Россіи помѣстья или просто въ ней жившихъ. «Такимъ образомъ,—писали москвитяне,—государство незамѣтно очистится

отъ невѣрныхъ. Мы же съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить при случаѣ всѣхъ поляковъ, въ столицѣ живущихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни латы, ни шлемовъ». Слѣдуя внушенію, города присягнули Владиславу въ январѣ 1611 года и думали оставить поляковъ въ дуракахъ; но русскіе скоро испытали на себѣ пословицу: «Не рой ямы другому, самъ въ нее попадешь».

25-го января московскіе обыватели жаловались намѣстнику Владислава, Гонсѣвскому, что поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ русскаго богослуженія, ругаются надъ св. иконами, даже стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей, что русскимъ и въ домахъ нѣтъ безопасности, казна государственная расхищена, и непомѣрныя суммы выдаются на содержаніе 6,000 воиновъ, а царь Владиславъ не является, и что король, вопреки, обѣщанію, до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать наотрѣзъ намѣстнику и всѣмъ его ротмистрамъ, чтобы они позаботились о скорѣйшемъ прибытіи королевича, а въ противномъ случаѣ убрались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. «Для такой невѣсты, говорили москвитяне,—какова Россія, мы скоро найдемъ и другого жениха!»

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ жалобу и просилъ москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастью, ибо, говорилъ намѣстникъ, его величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ царскому сану достоинствомъ; притомъ же король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ польской коронѣ, чтобы впослѣдствіи не имѣть объ немъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ, Гонсѣвскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго русскими государя, и далъ слово строго наказывать поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пьянымъ польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Срѣтенскихъ воротъ, гдѣ находилась эта икона, ему отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подъ образомъ, а самого виновника вывели за городъ и сожгли. При семъ случаѣ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ царь Владиславъ, что москвитяне должны молиться о здравіи его величества, что государь повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своеволие, охранять гражданъ и святыню ихъ, и что казнъ виновнаго дворянина служить яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили русскимъ имѣть при себѣ что-либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, пріѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ нихъ оружія. Если же москвитяне изъявляли досаду, поляки говорили имъ: «Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть, а васъ тысячи; мы не думаемъ ничего дурнаго, вы же, москвитяне, насъ не любите».

Не взирая на убѣжденія, москвитяне весьма негодовали на поляковъ. «Уже и теперь — говорили они — нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберется побольше этихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотятъ быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ! Мы выбрали царемъ поляка только не для того, чтобы каждый безмозглый дяхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака король не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться дома. Не хотимъ Владислава! А эти пусть добромъ отсюда убираются: не то переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь семьсотъ тысячъ! если на что рѣшимся, постоимъ за себя!

Злоба народа безпрестанно увеличивалась. Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго и нерѣдко поносили поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. «Эй, пучки! — кричали насмѣшники: — долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно, придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ оставить нашего города!» За все, что ни покупали, поляки должны были платить вдвое дороже русскихъ, или возвращаться съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. «Смѣйтесь, какъ хотите, — говорили они русскимъ, — для насъ все равно; мы не будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаяваться!» и уходили домой осмѣянные.

13-го февраля польскіе дворяне велѣли своимъ служителямъ купить овса на рынкѣ, за московскою дорогою. Одинъ изъ поляковъ, замѣтивъ, сколько платили русскіе, приказалъ отнѣрить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, такъ же, какъ платили и другіе. Московскій торгашъ, недовольный этою платою, требовалъ съ него за каждую бочку по два флорина. «Эй ты, москаль, — закричалъ слуга, — какъ смѣешь ты грабить насъ? Развѣ мы не одному царю служимъ?» «Коли не хочешь дать за бочку по 2 флорина, — возразилъ москвитянинъ, — возьми свои деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не покупать его дешевле. Убирайся къ чорту!» Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ и, преслѣдуемые москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе русскихъ. Тутъ 12 польскихъ воиновъ ударили на многія сотни москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество москвитянъ, недовольныхъ поляками, что дѣло едва не окончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе намѣстника отвратило бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: «Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! Вы испытаете всю тяжесть Его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ царей, вы избрали наконецъ государемъ нашего королевича; но, едва присягнули ему въ вѣрности, вы

уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого щенкомъ, забывъ, что Богъ избралъ ихъ своими намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая царемъ своего законнаго государя, а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуюсь царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностью: конечно, шести тысячамъ трудно устоять противъ семисотъ тысячъ; но побѣда зависить не отъ числа, а отъ Бога; и горстью людей Онъ можетъ истребить несмѣтныя полчища. Что возбуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы стоимъ за правое дѣло!»

«Полно врать, — закричали изъ толпы: — безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками».

«Нѣтъ, братцы, — продолжалъ намѣстникъ: — колпаками и съ дѣвками не управитесь: и онѣ васъ утоматъ; чего же не сдѣлаютъ 6,000 героевъ? Прощу васъ, умоляю, будьте смиренны и покойны!»

«Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ!» сказали москвитяне.

«Этого не дозволяетъ намъ присяга, — возразилъ намѣстникъ: — государь не затѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ же разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда».

«Такъ не долго вамъ оставаться въ живыхъ!» воскликнулъ народъ.

«Это зависить не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете ссору, да не сумѣете кончить ее, тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны, а не то вы пропади. Съ нами Богъ!» Сказавъ это, намѣстникъ возвратился въ замокъ, а москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія вѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ.

Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда польскій военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. «Пусть требуютъ платы отъ своего царя», говорилъ народъ.

Болѣе всего москвитяне злились на своихъ вельможъ, Миханла Глѣбовича Салтыкова, Ѳедора Андропова, Ивана Тарасовича Граматина, и требовали выдачи этихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ царство королевичу Владиславу. Около 3,000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ него, но едва начальникъ нѣмецкой дружины Борковский ударилъ тревогу и нѣмцы бросились къ ружью, москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; капитанъ удержалъ ее, сказавъ: «Пусть ихъ ругаются! Собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ, но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!» Въ четверть часа не было уже видно ни одного русскаго. Но поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ волненіе народа, полководцы ихъ отмѣнили торжественный выходъ въ Вербное воскресенье, которое послѣ Николина дня считается важнѣй-

шимъ праздникомъ: они опасались при семъ случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ этотъ день выходигъ къ народу царь и отъ двора своего до церкви, называемой Іерусалимомъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ патріархъ; шествіе открываетъ клиръ, воспѣвая *осанну*, съ различными обрядами; за нимъ слѣдуетъ болѣе 20 боярскихъ дѣтей въ красномъ платьѣ и разстилаютъ его по дорогѣ, гдѣ царь ведетъ патріаршаго осла. Какъ скоро пройдетъ патріархъ, они подбираютъ свою одежду и, забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ её до самой церкви. За первосвященникомъ везутъ въ санихъ огромное съ разными плодами дерево, на коемъ сидятъ три или четыре отрока и поютъ священные гимны; шествіе заключаютъ князья, бояре и купцы. На этотъ праздникъ стекается безчисленное множество народа, причѣмъ такая бываетъ тѣснога, что люди слабаго сложенія не смѣютъ присутствовать на церемоніи, если хотѣть остаться живыми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи намѣстника праздновать столь великій день, изъявила сильный ропотъ и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ стерпѣть такое насиліе; волю народную надлежало исполнить; узду осла ти держалъ, вмѣсто царя, знатнѣйшій изъ московскихъ вельможъ Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать намѣстнику, что москвитяне, подстрекаемые патріархомъ, отложили мятежъ до Страстной недѣли и что бояре приготовили сани съ дровами, которые намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о томъ, намѣстникъ и Борковский отдали приказъ, чтобы ни одинъ нѣмецъ, ни одинъ полякъ, подъ смертною казнью, не еставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

II. ВОЗСТАНІЕ ПРОТИВЪ ПОЛЯКОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

(Изъ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина).

19-го марта, во вторникъ Страстной недѣли, въ часъ обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Гонсѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увиѣлъ кровопролитіе между ляхами и россиянами, хотѣлъ остановить, не могъ и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцовъ и грабили лавки, вломились въ домъ къ боярину князю Андрею Голицыну и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Московою рѣкою: конные ляхи гнали, топтали, рубили ихъ, но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны стрѣльцами. Еще сильнѣйшая бѣгва закипѣла на Срѣтенскѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностью приведенный одушевить Москву, князь Димитрій Пожарскій. Онъ клякнулъ доблѣхъ, устроитъ дружины, снялъ пушки съ башенъ и встрѣтилъ ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопгалъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовской за Московою рѣкою также сталъ противъ нихъ съ воинами и народомъ. Близи еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, изъ Арбатъ и Зна-

менѣ. Гонимскій подкрѣплялъ своихъ, но число россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дроблемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами; преграждали улицы столами, лавками, дровами, стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ ляхи отступали. Уже москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ нѣмцами капитанъ Маржереть, вѣрный слуга Годунова и разстрига, изгнанный Шуйскимъ и принятый гетманомъ въ королевскую службу: торгуя вѣрностью и жизнью, сей честный наемникъ ободрилъ ляховъ неустрашимостью и, нѣкогда ливъ кровь свою за россіянъ, жадно облился ихъ кровью. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однакожъ преодолевало, и москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: «Огня! Огня!» и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михаила Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина; гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменику. Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя въ лицо москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать дома; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастью для изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-Городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло, но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣжали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня и предвидя такою же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города среди труповъ отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое правительство россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменикамъ, дымящимся кровью москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи. Тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные: прервавъ на вѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной думѣ ляховъ и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Гонимскій принявъ совѣтъ, и въ слѣдующее утро 2,000 нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ дома, церкви, монастыри и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ; жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище: бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе, не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ рассыпалось по дорогамъ къ лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу еще глубокомъ, цѣпѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра, смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія. Нѣкоторые засѣли въ брѣпкой Симоновской обители ждать избавителей. Но, оставленная въ

жертву огню и ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенскою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; онъ бился съ ляхами и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною, не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. Вѣрные ему до конца, не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ лавру. До самой ночи уже безпрепятственно губилъ огонь столицу, ляхи съ гордостью побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ — бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, обѣщало имъ безопасность, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла и презирая месть россиянь.

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали; наконецъ вездѣ потухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ что ляхи въ Китай и Кремль, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ, но ликовали и грабили казну царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатія, чтобы послать къ Сигизмунду или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску; сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцовъ и людей знатныхъ; сдирали съ иконъ оклады, дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоценныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; радилась въ бархатъ и штофъ; пили изъ бочекъ венгерское и мальвазію; изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба; бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали и пьяные рѣзали другъ друга... А россияне, ихъ клеветы гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за царя Владислава, съ іерархомъ, достойнымъ такой паствы, Игнатіемъ, угодникомъ разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовой обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ, и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Гермогена на Карилловскомъ подворьѣ.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распространивъ ужасъ, дала и новую силу народному движенію. Ревностные иноки лавры, едва услыжавъ, что дѣлается въ столицѣ, послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей монастырскихъ, написали умиленные грамоты къ областнымъ воеводамъ и заклинали ихъ угасить ея дымящійся пепелъ кровью измѣнниковъ и ляховъ.

III. ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ И КАЗАКИ ПОДЪ МОСКВОЮ.

(Изъ ст. Забѣлина: «Мининъ и Пожарскій», помпш. въ «Русск. Архивъ» за 1872 г.)

Ровно черезъ недѣлю послѣ московскаго погрома пришли наконецъ воеводы изъ городовъ, первый—Прокопій Ляпуновъ съ рязанцами, Трубецкой и Заруцкій изъ Калуги, дружина тушинскаго вора; пришелъ

кн. Репнинъ съ нижегородцами, пришли съ воеводами арзамазцы, муромцы, владимірцы, костромичи, ярославцы, романовцы, угличане, капиряне, и Москву осадили накрѣпко. Но прежде, чѣмъ рассказывать, какъ дѣйствовали эти воеводы, лѣтописецъ тотчасъ же прямо начинаетъ повѣсть о томъ, что была у нихъ подъ Москвою *рознь* великая, и безо всякаго дѣла стояли многіе дни. Ратные люди всѣхъ полковъ сошлись на совѣтъ, объяснили, что отъ множества воеводъ и отъ ихъ несогласій только замѣшательство ратному дѣлу, не знаютъ, кого изъ нихъ слушать, и порѣшили выбрать начальниковъ. Выбрали Трубецкаго, Заруцкаго и Ляпунова. Выборъ первыхъ двухъ прямо показывалъ, что въ войскѣ господствовала партія тушинская, казачье *атаманье*, какъ выражался патріархъ Гермогенъ. Однако Ляпуновъ, какъ настоящій диктаторъ, забралъ всю власть въ руки къ себѣ. Ненавидя вообще измѣнниковъ бояръ, призвавъ въ ополченіе ихъ же холоповъ, съ объявленіемъ имъ свободы, онъ давалъ сильно чувствовать свою власть *отецкимъ* дѣтямъ, т. е. тому же боярскому сословію, у котораго, однакожъ, какъ у сословія помѣщиковъ, онъ всетаки былъ главнымъ представителемъ. Приходили къ нему на поклоненіе и ставали у его избы много времени, дожидаясь, когда приметъ или когда выйдетъ. Съ казаками тушинской дружины онъ поступалъ еще хуже. Зато была на него ненависть великая. Съ другой стороны, Заруцкій опирался только на своеволие казаковъ, понабралъ себѣ въ кормленіе много городовъ и волостей и на казачье насиліе и буйство всегда смотрѣлъ сквозь пальцы, потому что искренно дружилъ только полякамъ. Зато и на него отъ всей земли была ненависть великая. Трубецкой во всѣхъ случаяхъ держался стороны Заруцкаго. Таковъ былъ составъ этого ополченія.

Очень понятно, что среди такихъ обстоятельствъ скоро должна была возродиться мысль объ избраніи какого либо законнаго царя, чтобы, по крайней мѣрѣ, освободить себя отъ деспотизма избранныхъ воеводъ. Еще больше должны были разсуждать объ этомъ сами воеводы, чтобы избавиться другъ отъ друга и именемъ новаго царя завладѣть властью вполне. Придумали послать въ Новгородъ просить царя изъ-за моря, у варяговъ, шведскаго королевича Филиппа. У Заруцкаго же съ казаками и иными боярами и дворянами была другая мысль: они хотѣли подойти поближе къ цѣли и думали посадить на царство калужскаго воренка, Маринкина сына. Она же въ ту пору и жила недалеко отъ Москвы, въ Коломенѣ.

Между тѣмъ ратнымъ людямъ отъ воеводскаго управленія пришло не въ мочь. Снова они собрались на совѣтъ и написали воеводамъ отъ всей рати челобитную, въ которой просили, чтобы воеводы были между собою въ совѣтѣ и ратныхъ людей жаловали бы по достоинству, а не выборомъ и не черезъ мѣру, и себѣ бы взяли вотчины тоже въ мѣру, а остальные вотчины и всякія земли взять бы во дворецъ и тѣмъ кормить и жаловать ихъ, ратныхъ людей. Также между собою всѣмъ ратнымъ другъ друга не попрекать, кто служилъ въ тушинскихъ таборахъ и кто служилъ въ Москвѣ царю Василію. А о боярскихъ дворовыхъ людяхъ, которые ушли отъ бояръ-измѣнниковъ и теперь въ казакахъ, помыслить и сказать имъ указъ, въ какомъ чинѣ имъ служить... Ясно, что въ ратныхъ людяхъ просыпались здравыя политическія стремленія: они хотѣли порядка, правильнаго устройства, хотѣли забыть позорное прошлое, хотѣли какъ бы обновиться, начать новую жизнь... Начальники, прочи-

тавши челобитную, стали судить объ ней разно. Трубецкому и Заруцкому она очень не понравилась, именно по поводу вотчинъ, что вполнѣ и обнаруживало, съ какими цѣлями и зачѣмъ именно они передвинулись отъ Калуги къ Москвѣ. Ради вотчинъ передвигались они отъ одного самозванца къ другому, а потомъ и пришли къ Москвѣ, гдѣ пока еще мутной воды было много, и еще можно было уловить не одну рыбку, а пожалуй и цѣлую рыбицу, какъ уловилъ себѣ Заруцкій богатую область Вагу, а за нимъ потомъ и Трубецкой уловилъ ее же.

Ляпуновъ, починомъ котораго, вѣроятно, и челобитная была написана, показалъ себя другимъ человѣкомъ. Онъ примкнулъ къ челобитной и, вопреки желанію товарищей-воеводъ, велѣлъ составить приговоръ, который былъ написанъ 30-го іюня и съ большими подробностями распространялся главнымъ образомъ о правильномъ распредѣленіи помѣстій и вотчинъ, грозя отнимать, кто забралъ не по своей мѣрѣ, слишкомъ много, взыскивать неправильно собранные доходы и т. п., что все должно было окончательно возстановить противъ Ляпунова всѣхъ воровъ и грабителей. Замѣчательно, что въ приговорѣ, наравнѣ съ другими, участвовали и *дворовые*, т. е. боярскіе холопы. Таковы были внутреннія, домашнія отношенія въ первой рати, собравшейся на очищеніе Москвы. Съ поляками она билась все-таки крѣпко и храбро, почти каждый день. Три дня дрались съ Сапѣгою и заставили его отойти отъ Москвы; очистили весь Бѣлый городъ, подѣлали въ немъ много укрѣпленій. Но все это строилось энергіей Ляпунова. Писался онъ третьимъ послѣ тушинскихъ бояръ, какъ думный дворянинъ, но на дѣлѣ былъ первымъ и главнымъ и распоряжался самостоятельно. Но скоро настала часть и для него. Какъ слѣдовало ожидать, дѣло вышло изъ-за казаковъ. Казаки больше всего воевали по селамъ и деревнямъ и по большимъ дорогамъ, грабя и побивая торговыхъ и всякихъ запасистыхъ людей. Прокопій много разъ говорилъ князю Трубецкому, Заруцкому, Просовецкому, чтобы унимали своихъ казаковъ, что торговымъ людямъ отъ нихъ нѣтъ проѣзда въ Москву, а оттого и всей рати нужда во всемъ. Атаманъ объясняло, что воровать казакамъ оно не позволяетъ, а что если кто тайно ѣздитъ, тѣхъ велитъ ловить, казнить смертью, а нельзя поймать, такъ на мѣстѣ ихъ побивать. Порѣшивши такъ (о чемъ Прокопій разослалъ по городамъ и грамоты), казаки стали ѣздить на грабежъ уже станицами, человѣкъ по 200, по 300 и больше. Какъ ихъ ловить и какъ ихъ на мѣстѣ побивать? Однако подобный случай не замедлил. У Николя на Угрѣшѣ Матвѣй Плещеевъ поймалъ такихъ воровъ 28 человѣкъ и посажалъ ихъ въ рѣку, потопилъ. Но трупы были привезены въ Москву на зрѣлище всему казачеству. Тогда оно и поднялось на Прокопія всѣмъ казачьимъ кругомъ. Прокопій было побѣждалъ въ свою Рязань, но ратные возвратили его и упростили остаться попрежнему. Тогда принялся за дѣло соперникъ его Заруцкій, сговорившись съ Гонсѣвскимъ, польскимъ воеводою Кремля. Была подѣлана подъ руку Ляпунова измѣнная грамота, что онъ сносится съ поляками. Казаки потребовали его въ кругъ для земскаго дѣла. Онъ было не шелъ, но атаманъ поклялся, что ничего худого ему не сдѣлаютъ. Однако для земскаго дѣла ни Трубецкой, ни Заруцкій не вышли въ кругъ. Начался великій шумъ, споръ; но атаманъ Сергѣй Карамышевъ разомъ все покончилъ, начавъ Прокопія съчъ саблею. Сказалъ-было прежній великій недругъ Прокопія Иванъ Ржевскій прямое, смѣлое слово, что губить Прокопія невинно, но тутъ же и погибъ заодно съ нимъ.

Смерть Ляпунова произвела потрясающее впечатлѣніе на всю рать, особенно на дворянское земство, на прямыхъ служилыхъ людей, которые и поспѣшили убраться изъ Москвы. Иные, кто былъ повороватѣе и похитрѣе, покупали себѣ у Заруцкаго воеводства и начальства и тоже подобру, по-здорову удалялись отъ злодѣевъ. Какъ потомъ неистовствовали казаки надъ служилымъ дворянствомъ, объ этомъ лѣтописцы рассказываютъ слѣдующее. Вскорѣ принесенъ былъ изъ Казани образъ Богородицы, списокъ съ чудотворной. Всѣ ратные вышли встрѣчать святыню пѣшими, а Заруцкій съ казаками выѣхалъ на коняхъ, непочтительно и невѣжливо. При этомъ казаки явили великое самовластіе: всѣхъ ратныхъ поворили, лаiali и поносили, а многихъ и били; ратные въ великомъ ужасѣ и страхѣ думали, что ихъ всѣхъ побьютъ, какъ Ляпунова. Затѣмъ, во время отбоя отъ поляковъ Дѣвичьяго монастыря, на битвахъ, многіе честные люди, стольники, дворяне, искали сами себѣ смерти отъ казачьяго насилія, безчестія и позора. Особенное гоненіе и тѣсненіе было отъ понизовыхъ казаковъ, отъ волжской вольницы, въ которой много было боярскихъ холопей. Они продолжали мстить боярству помѣщичьи обиды и наказывали его за начатую смуту тѣмъ же оружіемъ. Служилые почти всѣ разошлись по домамъ. Осталась подъ Москвою рать Тушина и Калуги, рать тушинскаго царика подъ начальствомъ его бояръ Трубецкаго и Заруцкаго, который сдѣлался теперь полнымъ властелиномъ, ибо Трубецкой игралъ при немъ ничтожную роль. Конечно, эта рать приносила Москвѣ весьма двусмысленную помощь. Она и не устояла противъ Сапѣги, который успѣлъ спокойно доставить запасы осажденнымъ въ Кремлѣ полякамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выбилъ ее изъ Бѣлаго города. Потомъ она отбила Ходкѣвича, но, вѣроятно, потому, что онъ пришелъ прямо на таборы, значить, было уже необходимо за себя постоять; а затѣмъ во все время дорога врагамъ въ Кремль и изъ Кремля была вообще не совсѣмъ закрыта, и особенной тѣсноты имъ не было. Такъ вели себя тушинскіе воеводы потому, что имъ главнымъ образомъ нужно было только стоять у Москвы, какъ они стояли еще въ Тушинѣ, ибо это *стоять* значило пользоваться кормленіемъ и доходами съ городовъ, дворцовыхъ богатыхъ селъ, съ вотчинъ и волостей, раздавать вотчины своимъ доброхотамъ и совѣтникамъ, первенствовать и владычествовать надъ землею. Вотъ почему они хотѣли сначала присягнуть калужскому воренку, а потомъ присягнули новому самозванцу, появившемуся во Псковѣ, но ими же, вѣроятно, и поставленному. Съ такими царями можно было очень долго *стоять*, домогаясь будто бы очистить Москву отъ польской силы.

ІІІ. ПРИЗЫВНЫЯ ГРАМАТЫ ИЗЪ ТРОИЦКАГО МОНАСТЫРЯ И ПОДГОТОВЛЕНІЕ НИЖЕГОРОДСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ МОСКВЫ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Благодаря польскому безнарядью, безнарядное ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго могло держаться подъ Москвою, придавая себѣ попрежнему

видъ людей, пришедшихъ сражаться за православную вѣру противъ богоборныхъ польскихъ и литовскихъ людей. Но русскіе люди вовсе не такъ смотрѣли на это ополченіе по смерти Ляпунова; вотъ что писали казанцы къ пермичамъ: «Подъ Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за домъ пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крестное цѣлованье. Митрополитъ, мы и всякіе люди Казанскаго государства согласились съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими, съ горными и луговыми татарами и луговою черемисою на томъ, что намъ быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, за Московское и Казанское государство стоять, другъ друга не побивать, не грабить и дурного ничего не надъ кѣмъ не дѣлать; а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинить по приговору, смотря по винѣ; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ людей въ города не пускать и прежнихъ не перемѣнять, быть всѣмъ попрежнему; казаковъ въ городъ не пускать; стоять на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать бы намъ на Московское государство государя всею землею Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволю, одни, не согласившись со всею землею, то такого государя намъ не хотѣть».

Изъ этой грамоты мы видимъ, что земскіе люди, жители чистой половины Московскаго государства, жители Поволжья, противоположнаго казацкой украинѣ, вовсе не пришли въ отчаяніе отъ гибели Ляпунова и торжества казаковъ подъ Москвою, вовсе не соединяли дѣла очищенія земли съ личностью одного человѣка, одного воеводы; скорбно отзываясь о гибели представителя своего, они въ то же время даютъ знать, что общее дѣло отъ этого не проиграно, что между ними господствуютъ совѣтъ и соединеніе, даютъ знать, что они не допускаютъ никакой перемѣны, никакой новизны до возстановленія законнаго порядка, до избранія царя всею землею, и повторяютъ свой первый приговоръ надъ казаками: казаковъ въ города не пускать и государя, ими одними избраннаго, не хотѣть.

Нравственныя силы чистаго, общественнаго народонаселенія были напряжены попрежнему, и попрежнему раздались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру отцовскую противъ боговъ богоборныхъ. Прежде призывалъ къ возстанію за вѣру начальный человѣкъ въ безгосударное время, патріархъ; теперь не было его слышно изъ темницы кремлевской; но, вмѣсто грамотъ патріаршихъ, шли призывныя грамоты отъ властей прославленнаго недавно новою славой Троицкаго Сергіева монастыря, отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына. Хитрый келарь не хотѣлъ терпѣть нужды подъ Смоленскомъ, не хотѣлъ дожидаться заточенія въ глубь Польши и уѣхалъ, не повидавшись съ послами. По приѣздѣ въ свой монастырь, онъ нашелъ, что дѣло Владислава проиграно, и сталъ ревностно за дѣло освобожденія: когда ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ, Авраамій явился къ нему со святою водою. Другимъ характеромъ отличался человѣкъ, котораго имя стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Палицына въ знаменитыхъ посланіяхъ троицкихъ, архимандритъ Діонисій: съ нимъ-то мы и должны теперь познакомиться.

Однажды, при началѣ смутнаго времени, въ Москвѣ, на рынокъ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза у всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того чтобы осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: «Да, братъ! Я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибъ я былъ настоящимъ монахомъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей кельѣ, прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи!» Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ невѣждою. «Нѣтъ, братья,—говорилъ имъ монахъ,—дерзкій невѣжда я, а не онъ. Всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобы мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ кельѣ». Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ старицкаго Богородскаго монастыря, именемъ Діонисій.

Скоро опять увидали Діонисія на площадяхъ московскихъ, и тутъ уже онъ не говорилъ, что неприлично было ему, какъ монаху, показываться среди народа, тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Увѣщевая духовенство, патріархъ Гермогенъ ставилъ въ примѣръ Діонисія: «Смотрите—говорилъ онъ—на старицкаго архимандрита: никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ». Подъ всемірными соборами патріархъ разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники царя Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, не смотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы.

Изъ старицкаго монастыря Діонисій былъ переведенъ на архимандрію въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Когда Москва была разорена и воры свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю, и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены, у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обсѣчены; многіе приходили въ монастырь для того только, чтобы исповѣдаться, приобщиться и умереть; многіе не успѣвали достигнуть монастыря, умирали на дорогѣ; монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Діонисій призвалъ келаря, казначея, всю братію, слугъ и крестьянъ монастырскихъ и началъ имъ говорить, что во время такой бѣды надобно изъ всѣхъ силъ помогать людямъ, которые ищутъ пріюта у св. Сергія. И вотъ пошелъ промыслъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ, въ монастырь и кругомъ монастыря. Прежде всего начали строить дома, больницы для раненыхъ, избы на страннопримство всякаго чина людямъ, прибѣгавшимъ изъ Москвы и другихъ городовъ, особыя избы мужчинамъ, особыя женщинамъ, въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ; монастырскіе люди ѣздили по селамъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки живымъ, саваны мертвымъ. А внутри монастыря, въ кельѣ архи-

мандричьей, сидѣли *писцы борзые*, изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ, собирали они учительныя слова изъ божественныхъ писаній, составляли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію земли.

Лѣтомъ 1611 г., когда еще Ляпуновъ былъ живъ, разосланы были Діонисіемъ граматы въ Казань, во всѣ понизовые города, въ Новгородъ Великій, на Поморье, въ Вологду и Пермь: «Православные христіане!—говорилось въ граматѣ:—вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молитѣ служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ, Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андропова, и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разореніе учинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ св. Божія церкви и Божіе образы? Гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтушіе, иноки, добродѣтелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общеою смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходы къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смигуйте, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою отъ скудости не разошлось».

6-го октября троицкія власти опять разослали граматы по областямъ съ извѣстіемъ, что «пришелъ къ Москвѣ, къ литовскимъ людямъ на помощь, Ходкѣвичъ, а съ нимъ пришло всякихъ людей съ 2,000 человекъ, и стали по дорогамъ въ Красномъ селѣ и по коломенской дорогѣ, чтобы имъ къ боярамъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, которые стоятъ за православную христіанскую вѣру, никакихъ запасовъ не пропустить и голодомъ отъ Москвы отогнать, и насъ, православныхъ христіанъ, привести въ конечную погибель, а бояре, воеводы и всякіе ратные люди стоятъ подъ Москвою крѣпко и неподвижно, хотятъ за православную христіанскую вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертию животъ вѣчный получить. А каширане, калужане, туляне и другихъ замосковскихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли, а изъ сѣверныхъ городовъ Юрій Беззубцовъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ же на спѣхъ, а на другой сторонѣ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, и всякіе служилые, и ратные люди собираются теперь въ Переяславль Залѣсскомъ и хотятъ идти къ Москвѣ же». Грамата оканчивается тѣмъ же увѣщаніемъ, какое мы видѣли и въ прежнихъ граматахъ. Конечно, у Троицы очень хорошо знали о поведеніи казачковъ въ подмосковномъ станѣ; но все же это войско стояло подъ хо-

ругвью православной вѣры и Московскаго государства, держало въ осадѣ вѣчныхъ враговъ креста Христова и успѣшно билось съ ними: потому неудивительно, что троицкія власти считаютъ своею обязанностью въ минуту опасности призывать русскихъ людей на помощь ополченію Трубецкаго и Заруцкаго.

Народъ былъ готовъ встать, какъ одинъ человекъ; непрерывный рядъ смутъ и бѣдствій не сокрушилъ могучихъ силъ его, но очистилъ общество, привелъ его къ сознанію необходимости пожертвовать всѣмъ для спасенія вѣры, угрожаемой врагами вѣшними, и наряда государственнаго, которому грозили враги внутренніе, воры. Явились признаки сознанія необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ,—признаки того, что народъ, не видя никакой вѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобы оттуда извлечь средства спасенія. По областямъ промчалось слово, города переслали другъ другу грамоты, гдѣ писали, что въ Нижнемъ Новгородѣ было откровеніе Божіе какому-то благочестивому человеку, именемъ Григорію, велѣно ему Божіе слово проповѣдать во всемъ Россійскомъ государствѣ; говорили, что этотъ Григорій сподобился страшнаго видѣнія въ полночи: видѣлъ онъ, какъ снялась съ его дома крыша, и свѣтъ великій облісталъ комнату, куда явились два мужа съ проповѣдью о покаяніи, очищеніи всего государства. Во Владимірѣ было также видѣніе. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пищи и питья воздержаться три дня, даже и съ грудными младенцами. И по приговору, по своей волѣ, православные христіане постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Такъ, при господствѣ религіознаго чувства, выразилась въ народѣ мысль о необходимости очищенія всей земли, отдѣленія себя отъ настоящаго смутнаго и оскверненнаго общественнымъ развратомъ времени. Еще Шуйскій думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріарха хотѣли очистить народъ отъ грѣха недавнихъ клятвоступленій; но это дѣйствіе было произвольно съ ихъ стороны, и потому преждевременно; теперь-же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія: православные христіане постились, говорить грамота, по своему изволенію.

Итакъ все было готово; ждали только начала движенія. Движеніе обнаружилось въ Нижнемъ Новгородѣ. Правительственными лицамъ здѣсь въ описываемое время были: воеводы—князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Иванъ Ивановичъ Биркинъ, дьякъ Василій Семеновъ; въ числѣ земскихъ старостъ былъ Кузьма Мининъ Сухорукій, мясной торговецъ. Когда, въ октябрѣ 1611 г., нижегородцы получили троицкую грамоту, то старшіе люди въ городѣ съ духовенствомъ собрались для совѣта, и Мининъ сказалъ: «Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу». На другой день нижегородцы сошлись въ соборной церкви; тамъ протопопъ Савва увѣщевалъ ихъ стать за вѣру и потомъ прочелъ троицкую грамоту; послѣ протопопа началъ говорить Мининъ: «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить че-

ломъ, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». Послѣ этого начались частыя сходки. Мининъ продолжалъ свои увѣщанія. «Что же намъ дѣлать?» спрашивали его. «Ополчѣться,—отвѣчалъ Мининъ:—сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличь кликать по вольныхъ служилыхъ людей»,—«А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ?» послышался опять вопросъ. Мининъ отвѣчалъ: «Я убогій съ товарищами своими: всѣхъ насъ 2,500 человекъ. а денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 рублей: брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей въ сборныя деньги принесъ; то же и вы всѣ сдѣлайте». «Будь такъ, будь такъ!» закричали всѣ. Начался сборъ; пришла одна вдова и сказала: «Осталась я послѣ мужа бездѣтна, и есть у меня 12,000 рублей, 10,000 отдаю въ сборъ, 2,000 оставляю себѣ». Кто не хотѣлъ давать волю, у тѣхъ брали силою. Но, прежде чѣмъ скликать ратныхъ людей, надобно было найти воеводу. Въ это время въ Суздальскомъ уѣздѣ жилъ стольникъ и воевода извѣстный, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, который прѣбывалъ сюда отъ Троицы и долѣживался отъ ранъ, полученныхъ при разореніи Москвы. Мининъ снесся съ нимъ, уладилъ дѣло и сказалъ народу, что не за кѣмъ больше посылать, кромѣ князя Пожарскаго. Посланы были къ нему архимандритъ Ѳеодосій, дворянинъ Болтинъ да изъ всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Пожарскій отвѣчалъ посланнымъ: «Радъ я вашему совѣту, готовъ хоть сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мною у такого великаго дѣла быть и казну собирать». Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого нѣтъ. Пожарскій сказалъ имъ на это: «Есть у васъ Кузьма Мининъ; бывалъ онъ человекъ служилый, ему это дѣло за обычай».

Когда посланные возвратились и объявили нижегородцамъ слова Пожарскаго, тѣ стали бить челомъ Кузьмѣ, чтобы принялся за дѣло; Мининъ отказывался для укрѣпленія, чтобы нижегородцы сдались на всю его волю: «Соглашусь,—говорилъ онъ,—если напишете приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны, и будете ратнымъ людямъ давать деньги». Нижегородцы согласились, и Мининъ написалъ въ приговорѣ свои прежнія слова, что не только отдавать имѣнія, но женъ и дѣтей продавать. Когда приговоръ былъ подписанъ, Кузьма взялъ его и отправилъ къ Пожарскому, чтобы нижегородцы, охладѣвъ въ усердіи, не взяли его назадъ.

Вѣсть, что нижегородцы встали и готовы на всякія пожертвованія для ратныхъ людей, скоро распространилась по городамъ ближайшимъ; смоленскіе дворяне, лишившіеся помѣстій въ своей области вслѣдствіе завоеванія ея поляками и получившіе земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, прислали бить челомъ нижегородцамъ, чтобы тѣ приняли ихъ къ себѣ, потому что Заруцкій выгналъ ихъ изъ новыхъ помѣстій, не велѣвши крестьянамъ слушаться ихъ. Нижегородцы послали этихъ челобитчиковъ къ Пожарскому, упрашивать его, чтобы шелъ къ Нижнему немедленно; онъ поѣхалъ, на дорогѣ присоединилъ къ себѣ служилыхъ людей дорогобужскихъ и вяземскихъ и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Нижній, гдѣ былъ принятъ съ великою честью. Прежде всего новый начальникъ ополченія занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ; но скоро нижегородской казны стало недостаточно: нужно было писать по всѣмъ городамъ, просить ихъ содѣйствія. Эти грамоты написаны отъ имени Пожарскаго,

Ивана Биркина, Василия Юдина и всякихъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго Новгорода; въ нихъ говорится, что, «по Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ и дѣлится не малое время. Усмотря между ними такую рознь, хищники нашего спасенія, польскіе и литовскіе люди, умыслили Московское государство разорить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства согласились другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ — быть намъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать. Московское государство отъ враговъ очищать и своимъ произволомъ, безъ совѣта всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобы далъ намъ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ христіанскимъ государямъ. Изъ всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и дѣти боярскіе подъ Москвою были, польскихъ и литовскихъ людей осадили крѣпкою осадю, но потомъ дворяне и дѣти боярскіе изъ-подъ Москвы разѣхались для временной сладости, для грабежей и похищенія; многіе покушаются, чтобы быть на Московскомъ государствѣ панѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея. Но теперь мы, Нижняго Новгорода всякіе люди, сославшись съ Казанью и со всѣми городами низовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разореніе, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими на помощь Московскому государству; да къ намъ же пріѣхали въ Нижній изъ Арзамаса смоляне, дорогобужане и вятчане и другихъ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, и мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, посовѣтовавшись между собою, приговорили животы свои и дома съ ними раздѣлить, жалованье имъ и подмогу дать и послать ихъ на помощь Московскому государству. И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованіе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять: идти бы теперь на литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ. Если вы, господа дворяне и дѣти боярскіе, опасаетесь отъ казакъ какого нибудь налога или какихъ нибудъ воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться: какъ будемъ всѣ верховые и низовые города въ сходу, то мы всею землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого вора мѣшать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому до сихъ поръ мы не приставали, да и впередъ никакого дурна не захотимъ: непременно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на польскихъ и литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему не разогнали низовой рати воровствомъ, грабежемъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ. А какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ, то станемъ надъ польскими и литовскими людьми промыслять вмѣстѣ заодно, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, и которые люди подъ Москвою или въ какихъ нибудъ городахъ захотятъ дурно учинять или Маринкою и сыномъ ея новую кровь захотятъ начать, то мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ. Мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, точно также и литовскаго короля».

Въ этой граматѣ, возвыщавшей второе возстаніе земли, объявляется движеніе чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, противъ казаковъ, сколько противъ польскихъ и литовскихъ людей; основная мысль граматы: надобно намъ соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы не дать казакамъ сдѣлать ничего дурного. Грамата имѣла сильное дѣйствіе, ибо въ областяхъ всѣ были готовы къ возстанію и ждали только начала. Отовсюду слали въ Нижній выборныхъ на совѣтъ, присылали и разну, шли ратные люди. Первые пришли коломнчи. За коломнчами пришли рязанцы, за ними служилые люди украинскихъ городовъ; пришли добрые казаки и стрѣльцы, которые сидѣли въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василиемъ. Всѣ получили жалованье. Между всѣми этими гостями и нижегородцами былъ великій совѣтъ и любовь, говорить лѣтописецъ. Кн. Пожарскій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ, говоритъ лѣтопись, былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынь и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно, это были послѣдніе люди Московскаго государства. коренные, основные люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться. Такъ окончился 1611 и начался 1612 годъ.

ЛІV. ДВИЖЕНІЕ НИЖЕГОРОДСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ КЪ МОСКВѢ И ОЧИЩЕНІЕ ЕЯ ОТЪ ПОЛЯКОВЪ.

(Изъ ст. Забѣлина: «Мининъ и Пожарскій», помпн. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1872 г.).

Обыкновенно историки рассказываютъ, что нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ той минуты, какъ прочитали призывную грамату изъ Троицкаго монастыря. Дѣло вообще представляется въ такомъ видѣ, что нижегородцы до того времени какъ будто, по словамъ легенды, въ самомъ дѣлѣ спали и слухомъ не слышали, что дѣлается въ Москвѣ: изъ этой только граматы они узнали именно о томъ, что настоятъ необходимость помочь отечеству. Такъ написалъ объ этомъ Авраамій Палицынъ, и ему одному повѣрили историки предпочтительно предъ всѣми лѣтописцами, которые о такомъ дѣйствиіи троицкихъ граматъ и даже о самихъ граматахъ не говорятъ ни слова.

Но теперь доказано, что старецъ Авраамій, въ своемъ сказаніи «Объ осадѣ Троицкаго монастыря», писалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ эпическую поэму, даже въ иныхъ мѣстахъ книжно-стихотворнымъ складомъ; а главное писалъ своему монастырю и особенно себѣ высокопарный панегирикъ, похвальное слово. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, сообщаемыя старцемъ, исторія должна принимать съ великою осторожностью. Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошее и доброе дѣлалось и совершалось въ то время починомъ Троицкаго монастыря, старецъ беззащитниво, напр., расписываетъ, что ляпуновское ополченіе

было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно троицкими грамотами, которыя будто разсланы были тотчасъ послѣ московской разрухи, т. е. въ то время, когда уже ополченіе со всѣхъ сторонъ приближалось къ Москвѣ. О томъ, что поднялъ это ополченіе никто иной, какъ патріархъ Гермогенъ, старецъ Авраамій вовсе не знаетъ, или какъ-бы не хотѣть знать, въ то время какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ вся тогдашняя переписка городовъ между собою. Онъ, напротивъ, говорить, что «тѣ ихъ грамоты отъ обители живоначальныя Троицы во всѣ россійскіе города достигли, и слухъ сей въ уши всѣхъ распространился, и милостію пребезначальныя Троицы по всѣмъ городамъ всѣ бояре и воеводы и все воинство и всенародное множество православныхъ христіанъ мало по малу разгорались духомъ ратнымъ и вскорѣ, согласившись между собою, сподвиглись отъ всѣхъ городовъ къ Москвѣ на отмщеніе крови христіанской».

Этихъ грамотъ исторія до сихъ поръ еще не открыла. Ей извѣстны двѣ окружныя грамоты отъ Троицы: одна, написанная въ іюлѣ, другая 6-го октября; обѣ писаны по просьбѣ стоявшихъ подъ Москвою воеводъ, а не по началу самого монастыря, какъ свидѣтельствуеъ и самъ Авраамій. Первая писана еще при жизни Ляпунова и проситъ помощи ратными людьми и казною. Самъ Ляпуновъ еще въ апрѣлѣ писалъ въ Казань (гдѣ грамота получена мая 1-го) о томъ же, объявляя и боярскимъ холопамъ волю, если пойдутъ къ Москвѣ. Но Казань не двигалась, и потому повторительная просьба пошла отъ Троицы, кромѣ Казани, и въ другіе города. Однако, въ томъ же іюлѣ пришла наконецъ казанская рать съ бояриномъ В. П. Морозовымъ; но она Ляпунова уже не застала и на приступахъ къ Дѣвичьему монастырю, вѣроятно, потерпѣла позоръ отъ казаковъ. Очень хорошо понималъ стремленіе казаковъ и чутко слѣдилъ за ними патріархъ Гермогенъ. Въ августѣ онъ торопливо и въ душевномъ волненіи пишетъ въ свой любезный Нижній Новгородъ грамоту съ твердымъ наказомъ скорѣе писать въ Казань къ митрополиту, чтобы писалъ въ полки (подъ Москву) къ боярамъ и казацкому войску *учительскую* грамоту, чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и *атаманамъ* говорили (отъ Казани) безстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажали. Эта грамота была получена въ Нижнемъ 25-го августа. 30-го числа она пошла въ Казань и по всѣмъ городамъ. Казанцы переслали ее въ Пермь. По всему Поволжью и съ приходами всѣ узнали, чего хотятъ казаки, и всѣ стали единодушно противъ ихъ мысли. Въ то же самое время распространилась вѣсть и объ убійствѣ промышленника и поборателя по христовой вѣрѣ, Ляпунова. Казань и объ этомъ шлетъ послѣднюю грамоту въ Пермь (получена 16-го сент.) и увѣдомляетъ, что она сослалась уже съ Нижнимъ и со всѣми поволжскими городами, «что быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединенѣ, за государство стоять, новыхъ начальствъ въ города не пускать, *казаковъ въ города не пускать*; если станутъ они выбирать государя, не сославшись со всею землею, того государя не принимать». Ясно, что вся земля отложилась уже отъ подмосковнаго ополченія, отъ казаковъ и ихъ воеводъ, что въ ней уже зарождалось дѣло независимое и самостоятельное. По всей землѣ только и говору было, что казаки опаснѣе ляховъ, чѣмъ идти къ Москвѣ значить идти къ казакамъ на позоръ и на смерть. Это показываетъ, что казацкіе подвиги навели порядочный страхъ на всю землю. Вся земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два

врага отечеству, поляки и казаки, съ которыми требуются почти одинаковые счета.

Все это даетъ намъ основаніе не вѣрить сказанію Палицына, что нижегородцы возбуждены были троїцкими грамотами. Нѣтъ, они давно были возбуждены, съ самаго начала смуты, и постоянно поддерживались въ своихъ мысляхъ патріархомъ Гермогеномъ, который еще 25-го августа дѣлаетъ ихъ живымъ центромъ переписки со всѣми городами противъ замысла казаковъ присягнуть Маринкину сыну; а прошелъ сентябрь, и нижегородцы принялись за дѣло уже настоящимъ образомъ. Сильнѣе всего возбудить ихъ къ дѣлу могла именно грамота патріарха, принесшая имъ самое возмутительное свидѣніе о намѣреніяхъ бояръ и казацкой *атамань*. Надо же было покончить со всѣми подобными воровствами и смутами. Ни одинъ живой человѣкъ не могъ этого не почувствовать. Пора было возбудить спящихъ, т. е. указать выходъ изъ безвыходнаго, погибельнаго положенія. Такой живой человѣкъ, возбудитель спящихъ, и явился въ лицѣ Минина. Но онъ поднялся не Ходкѣвича отбивать, какъ призывали троїцкія власти, прося, чтобы не мѣшали, чтобы «въ долгое время, главнымъ утѣшеніемъ, боярамъ и воеводамъ и воимъ ратнымъ людямъ (казакамъ) какія порохи не учинили». Мининъ поднялся съ мыслью создать свое независимое, сильное и крѣпкое ополченіе, сильное настолько, чтобы не бояться и казаковъ съ ихъ казацкими воеводами.

Очень понятно, что для такого ополченія нуженъ былъ и воевода иной, вовсе не рядовой, съ какимъ можно было отправить полки только противъ Ходкѣвича. Въ этомъ случаѣ нравственные качества воеводы, быть можетъ, становились несравненно важнѣе, чѣмъ военныя качества. Вотъ почему дѣлается яснымъ, что Пожарскаго не одинъ Мининъ желалъ и выбиралъ, а приневолили его къ воеводству бояре и вся земля, *сильно*, т. е. насильно, какъ онъ, на глазахъ у всѣхъ, свидѣтельствовалъ самъ въ переговорахъ съ новгородскими послами. Затѣмъ на глазахъ у всѣхъ же, въ окружныхъ своихъ грамотахъ, онъ свидѣтельствовалъ, что посылали за нимъ многожды ѣхать въ Нижній для земскаго совѣта, что по прошенію онъ пріѣхалъ, и стали къ нему въ Нижній пріѣзжать бояре, воеводы, стольники, стряпчіе, дворяне большіе и меньшіе, дѣти боярскія, т. е. все служилое сословіе, которое въ выборѣ воеводы должно было имѣть, конечно, сильнѣйшій голосъ; что, главное, съ ними со всѣми и съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою и съ посадскими людьми на совѣтѣ они и всѣ дали Богу души свои, т. е. поклялись, цѣловали крестъ на всемъ томъ, на чемъ стоять порѣшили. Слѣдовательно, воеводство Пожарскаго утверждено было всѣмъ міромъ, и служилыми, и посадскими.

Нижегородцы не торопились. Они работали всю осень и всю зиму до великаго поста, когда, въ началѣ марта, и тронулись въ походъ къ Ярославлю, задумавъ устроить въ этомъ городѣ, такъ сказать, главную свою квартиру, ибо онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ срединный городъ для сбора рати.

Между тѣмъ прослышали о нижегородскомъ собраніи и въ Москвѣ. И вотъ что сдѣсь обнаружилось. И враги, сидѣвшіе въ Кремлѣ, на которыхъ поднимались нижегородцы, и свои, которые *стояли* вокругъ Кремля и должны были бы очень обрадоваться такой вѣсти, стали дѣйствовать заодно, причемъ свои-то показали еще больше ловкости и энергіи въ замыслахъ остановить движеніе. Кремлевскіе измѣнники-бояре

приступили къ патриарху Гермогену, заставляя его писать въ Нижний, чтобы не собирались и не ходили подъ Москву, и, когда онъ остался непоколебимъ, сами написали въ Ярославль и Кострому, а вѣроятно и въ другіе значительные города, чтобы народъ образумился и оставался вѣренъ Владиславу, ибо безъ него ничего хорошаго и сдѣлаться не можетъ.

Заруцкій послалъ въ Ярославль казаковъ, за которыми слѣдомъ пошелъ съ полками Просовецкій, чтобы занять Ярославль и всѣ поморскіе города, чтобы не соединились съ нижегородцами. Трубецкой, конечно, не замѣчалъ, что затѣваетъ его властелинъ—товарищъ. Вотъ какъ было хотѣли встрѣтить нижегородцевъ изъ-подъ Москвы тѣ именно воеводы, къ которымъ на помощь призывали народъ троицкія грамоты. Правду нижегородцы говорили, отправляясь въ походъ, что они теперь послѣдніе люди. Однако попытка Заруцкаго не удалась. Тотчасъ былъ посланъ изъ Нижняго передовой полкъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, который прибылъ въ Ярославль прежде Просовецкаго; казаковъ переловили, посажали въ тюрьмы, и Просовецкій, узнавъ объ этомъ, не пошелъ къ Ярославлю.

Первые шаги ополченія повсюду были для него торжествомъ. Вездѣ встрѣчали его съ истинною радостью, доставляя казну на помощь и собирая ратныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Такъ оно двигалось изъ города въ городъ вверхъ по Волгѣ и прошло Балахну, Юрьевъ, Рѣшму, Кинешму, Кострому и пришло въ Ярославль еще по зимнему пути. Въ Ярославлѣ ополченіе было встрѣчено съ особенною радостью и съ большимъ почетомъ. Пожарскому и Минину ярославцы принесли даже многіе дары, но предводители ничего не приняли. Не затѣмъ они шли, чтобы собирать себѣ дары по городамъ, хотя это была самая обычная почестъ въ рускомъ старинномъ быту при всякой встрѣчѣ и при всякой радости. Дары-то именно и бывали знакомъ и выраженіемъ радости.

Изъ Ярославля походъ замѣшкался надолго, главнымъ образомъ потому, что изъ-подъ Москвы Трубецкой и Заруцкій увѣдомили, что они присягнули псковскому ворѣ Сидоркѣ, представлявшему лицо тушинскаго вора, будто не убитаго въ Калугѣ. Это была новая *ложной лжи ложь*; они присягали ему еще 2-го марта, разумѣется съ тою цѣлью, чтобы смѣять и спутать нижегородское движеніе, которое тогда только что выступило въ походъ. Но когда нижегородцы стали уже въ Ярославлѣ, куда они успѣли придти еще по зимнему пути, то Трубецкой, узнавъ, вѣроятно, что дѣло выходитъ не шуточное, которое смѣять и разстроить уже невозможно, повернулъ свой воеводскій флюгеръ въ эту же сторону и 28-го марта послалъ къ другу-келарю въ Троицкій монастырь объясненіе, что присягнулъ онъ неволею, какъ и другіе, что онъ радъ соединенію съ Пожарскимъ, что нельзя ли отъ монастыря послать о томъ Пожарскому грамоту. Конечно, грамота была послана. Въ ней троицкія власти просили Пожарскаго идти подъ Москву *на-спѣхъ*, чтобы тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, развѣю свою не потеряли большого Каменнаго города и остроговъ-укрѣпленій и пушекъ. Вслѣдъ затѣмъ Пожарскій пишетъ въ Путивль, для извѣщенія украиннымъ городамъ и съ увѣщаніемъ, чтобы отстали отъ псковскаго вора.

Такимъ образомъ, только въ половинѣ іюня нижегородцы узнали, что подъ Москвою, по крайней мѣрѣ хотъ съ виду, воровство утихло. Но

они очень желали, чтобы оно утихло и за Москвою, въ украинскихъ городахъ, къ югу, и для того писали грамоту въ Путивль.

Уже изъ этихъ двухъ грамотъ, на сѣверъ и на югъ отъ Москвы, выясняется, что нижегородское ополченіе, прежде чѣмъ двигаться дальше, стояло на одномъ, добивалось одного, самаго главнаго, т. е. общаго соединенія всѣхъ городовъ въ одной мысли. Съ этою цѣлью отовсюду оно постоянно требовало присылки выборныхъ, челоѣка по два и по три, для общаго земскаго совѣта, т. е. неутомимо, на походъ же, собирало этотъ совѣтъ и всѣми силами старались образумить города, привлечь ихъ на путь неподвижной правды. Оно очень хорошо понимало, что только «всемирное соединеніе» можетъ положить конецъ криводушію этихъ воеводъ. Дѣйствуя изъ Ярославля по этому направленію слишкомъ два мѣсяца, оно добилося наконецъ того, что тушинскіе бояре прислали повинную даже съ великимъ моленіемъ. По мѣрѣ того, какъ росла въ Ярославлѣ нижегородская, не военная только, а именно нравственная, сила, какъ все видѣе и видѣе восходило это солнце общаго избавленія отъ всякихъ враговъ, чужихъ и домашнихъ, все больше разсѣивался туманъ всякаго лукавства и криводушія въ людяхъ. Но для того, чтобы достигнуть единенія мыслей въ городахъ, очень удаленныхъ другъ отъ друга, потребно было время. Напоминаемъ о состояніи тогдашнихъ путей и о многихъ другихъ препонахъ, какія всегда являются въ военное и притомъ смутное время. Ни почтъ, ни телеграфовъ не было, и все это дѣлали *нарочные*, успѣвавшіе служить съ истинною отвагою и преданностью.

Вообще, мы можемъ утвердительно сказать, что нижегородское ополченіе, оставаясь такъ долго въ Ярославлѣ, не потеряло для главной своей цѣли ни одной минуты. Оно неисчислимо больше завоеваній сдѣлало безъ меча, однимъ своимъ поведеніемъ, привлеченіемъ всѣхъ къ неподвижной правдѣ. И это самое важное изъ того, что можно сгнать ему въ заслугу. Дѣло меча, послѣ успѣховъ этого мирнаго дѣла, стало уже дѣломъ второстепеннымъ и не столько затруднительнымъ. Прежде всего надо было осадить со всѣхъ сторонъ, взять приступомъ свою собственную смугу, и эта осада была несравненно мудренѣе осады Китай-города и Кремля.

Только 26-го іюля ополченіе могло безъ помѣхъ двинуться въ Москву. И оно не помедлило. Но въ это время Заруцкій употребилъ послѣднее средство: онъ подослалъ къ Пожарскому убійцъ. Подосланный Заруцкимъ казакъ Стенька хотѣлъ нырнуть ножомъ Пожарскаго и попалъ по ногѣ казаку Роману. Вся рать и всѣ посадскіе зашумѣли, поймали Стеньку и стали пытать. Онъ повинился, указалъ товарищей, которыхъ тоже похватили и разослали въ города по тюрьмамъ, а иныхъ взяли съ собой въ Москву для обвиненія злодѣйства. Тамъ они предъ всею ратью вину свою объявили и были всѣ отпущены на свободу. «А убить ни единого не далъ кн. Дмитрій Михайловичъ», прибавляетъ лѣтопись. Конечно, толпа не пощадила бы, по крайней мѣрѣ главныхъ, злодѣевъ. Но не кровь начинать шель Пожарскій.

Въ то время Трубецкой съ Заруцкимъ прислали пословъ (официальныхъ) и просили идти подъ Москву не мѣшкая, ибо идетъ близко Ходѣвичъ. Пожарскій тотчасъ отправилъ передовой отрядъ, велѣлъ спѣшить, но, пришедъ въ Москву, въ таборы казацкіе не входитъ, и

стать особо, укрѣпивъ свой собственный острожекъ у Петровскихъ воротъ. Затѣмъ послалъ еще отрядъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Допаты, велѣлъ тоже спѣшить, но стать также особо, у Тверскихъ воротъ.

Между тѣмъ въ Москву пришли и ратные изъ украинскихъ городовъ, вѣроятно, по призывнымъ грамотамъ Пожарскаго. Они стали тоже особо, но потому, что Заруцкій не пустилъ ихъ къ себѣ. И было имъ отъ него и отъ казаковъ великое утѣшеніе, такъ что всею ратью они отправили посольство въ Ярославль съ просьбою идти не медля и избавить ихъ отъ казацкаго насилія. Между тѣмъ Заруцкій, услышавъ, что ополченіе уже двинулось изъ Ярославля, собрался съ казаками, мало не съ половиною войска, и побѣжалъ отъ Москвы къ Маринкѣ на Коломну, а потомъ въ рязанскія мѣста, чѣмъ и доказалъ какъ нельзя лучше, съ какими цѣлями онъ стоялъ слишкомъ годъ подъ Москвою. Отъ оставшагося войска съ Трубецкимъ нѣсколько атамановъ и казаковъ явились къ Пожарскому еще въ Ростовѣ съ просьбою идти подъ Москву не мѣшкая; а пришли вовсе не для того, — прибавляетъ лѣтописецъ, — пришли развѣдать, нѣтъ ли какого умышленія надъ ними, потому что, по пословицѣ: «на ворѣ шапка горитъ», они ожидали отъ нижегородской силы расправы за свое воровство. Кн. Дмитрій и Козьма, по своему обычаю, пожаловали пословъ деньгами и сукнами и отпустили съ честью.

Ополченіе наконецъ пришло подъ Троицкій монастырь, было встрѣчено съ великою честью и хотѣло тутъ стоять нѣкоторое время, желая, по своему обычаю, укрѣпиться съ подмосковными казацкими таборами. чтобы другъ на друга никакого зла не умышлять. Но скоро изъ Москвы явились дворяне и казаки съ вѣстью, что Ходкѣвичъ приближается и скоро будетъ въ Москвѣ. Пожарскому было уже не до уговора съ казаками. Отпѣли молебны и съ благословеніемъ троицкихъ властей и братіи тронулись въ походъ; но шли съ большимъ опасеніемъ, были «въ великой ужаси, какъ на такое великое дѣло идти!» Это значитъ, что ополченіе до послѣдней минуты сомнѣвалось въ своемъ успѣхѣ и боялось особенно казаковъ, съ которыми въ одной мысли не успѣло укрѣпиться никакимъ уговоромъ. Опасенія были не напрасны.

Наконецъ, ополченіе придвинулось къ Москвѣ. Оно пришло вечеромъ и расположилось ночевать на Яузѣ, за 5 верстъ отъ города. Между тѣмъ были посланы развѣздные осмотрѣть мѣста, гдѣ бы стать правильнымъ станомъ. Трубецкой безпрестанно присылалъ къ нижегородцамъ, звалъ къ себѣ стоять въ таборы, т. е. у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, а Ходкѣвичъ двигался съ западной стороны. Нижегородцы всею ратью отказались: отнюдь тому не быть, чтобы стать вмѣстѣ съ казаками: опять они начнутъ враждовать съ земскими; *всею ратью*, слѣдовательно, выражено старое и полное недовѣріе къ таборамъ и къ ихъ воеводѣ. На это она имѣла множество причинъ и въ числѣ ихъ весьма недавнюю и яркую причину со стороны только-что бѣжавшаго Заруцкаго.

На утро отъ Яузы ополченіе вступило въ городъ. Трубецкой со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его и снова звалъ Пожарскаго стоять къ себѣ, въ свои укрѣпленія; Пожарскій снова ему отвѣтилъ, что отнюдь ему вмѣстѣ съ казаками не стаять, и сталъ у Арбатскихъ воротъ. Ходкѣвичъ стоялъ уже на Поклонной горѣ и скоро перешелъ Москву-рѣку у Ново-дѣвичьяго монастыря. Съ нимъ, кромѣ поляковъ, были венгры и мало-

россійскіе казаки подъ предводительствомъ Наливайки. Онъ придвинулся именно къ той мѣстности, гдѣ стояли полки Пожарскаго. Первому Пожарскому и выпала честь встрѣтить враговъ. Трубецкой съ своими сталъ подальше, по другую сторону Москвы рѣки, за Крымскимъ бродомъ, и въ добавокъ прислалъ къ Пожарскому просить конныхъ сотенъ себѣ на подмогу, чтобы промыслить надъ Ходѣвичемъ со стороны, сбоку. Пожарскій, надѣясь въ правдѣ быть, отпустилъ къ нему пять сотенъ, выбравъ лучшихъ изъ своихъ полковъ. Между тѣмъ Ходѣвичъ и наступалъ только съ одними конными, а Пожарскому самому конные были бы очень надобны.

Началась битва и продолжалась съ перваго часа до осьмого. Бился Пожарскій одними своими конными. Отъ Трубецкаго ни одинъ не вышелъ на помощь. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили нижегородцевъ, приговаривая: «богаты пришли изъ Ярославля, и одни могутъ отбиться отъ гетмана!» Трубецкой не выпускалъ въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Не асенъ ли былъ его умыселъ обезсилить Пожарскаго и именно конными войскомъ, когда у Ходѣвича только конные и были? Нижегородцы бились до послѣднихъ силъ, а гетманъ наступалъ жестоко. Могли ли они стоять противъ польской, венгерской, малороссійской конницы. неизмѣримо болѣе опытной и искусной? Рѣшено было слѣзть съ коней и биться пѣшими. «И былъ бой зѣло крѣпокъ»: хватились за руки съ врагами и сѣкли другъ друга безъ пощады. Отосланныя къ Трубецкому конныя сотни не могли вытерпѣть и бросились на помощь безъ его приказанія. Онъ было не пускалъ, но головы не послушали, ринулись и помогли своимъ. За ними также самовольно ринулись и прямые люди изъ казацкой атаманы: Филатъ Межаковъ, Аванасій Колошна, Дружина Рослановъ, Марко Козловъ, крикнувъ Трубецкому: «Для чего не помогаешь погибающимъ? Изъ вашей (воеводской) нелюбви только пагуба творится и государству, и ратнымъ».

Гетманъ былъ отбитъ, воротился на Поклонную гору, а оттуда перекрестился къ Донскому монастырю, на сторону Трубецкаго, ибо не могъ не замѣтить, что дѣйствія Трубецкаго были двусмысленны и могли быть ему очень полезны. Онъ пошелъ по сторонѣ Трубецкаго, по зарѣчью, и повелъ свои атаки жестокиимъ обычаемъ: смялъ полки, втопталъ ихъ въ рѣку и побилъ бы многихъ, еслибъ не устоялъ съ своимъ полкомъ кн. Пожарскій. Тогда Трубецкой съ казаками ушелъ въ свои таборы, къ устью Яузы. Гетманъ занялъ зарѣчье противъ Кремля, выбивъ оттуда и остальныхъ казаковъ. Такимъ образомъ, добрый подвигъ кн. Пожарскаго, отбѣсившаго поляковъ съ своей стороны, пропалъ даромъ по несостоятельности казацкихъ полковъ, которые, видимо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, все еще продолжали играть въ смуту. Нижегородцы приуныли и даже впали въ большой страхъ и отчаяніе. Воеводы посылали въ таборы, чтобы за-едино подняться на гетмана. «Они же не хотятъ». Тогда Пожарскій отправилъ къ нимъ старца Авраамія. Старецъ посулилъ имъ дать много монастырской казны. Казаки на обѣщаніе склонились и тогда только, условившись съ полкомъ Пожарскаго, двинулись на гетмана вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ. Тотчасъ былъ отбитъ острожекъ Климентовскій, причемъ однихъ венгровъ было побито 700 человекъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ и крапивамъ, гдѣ только можно было попрятаться; чтобы не пропустить въ городъ польскихъ запасовъ. Однако большой

надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божию, и вкупѣ всѣ дали обѣщаніе построить храмъ, да поможетъ Господь одолѣть врага.

День склонялся къ вечеру. Господь услышалъ вопль призывающихъ Его съ вѣтромъ, говорить лѣтопись, и послалъ свыше помощь—слабого и къ ратному дѣлу неискуснаго, Господь охранилъ нижегородца Козьму Минина Сухорука, отъ него же перваго началось и собраніе этого ополченія на спасеніе и очищеніе государства. При этомъ лѣтописецъ, какъ бы съ радостью, восклицаетъ: «Да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили! Не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю». Козьма задумалъ самъ ударить на враговъ, пришелъ къ кн. Пожарскому и сталъ просить людей. «Бери, кого хочешь!» отвѣчалъ князь. Козьма взялъ роту Хмѣлевскаго да дворянъ три сотни. На томъ берегу, у Крымскаго двора (церковь Іоанна Воина), стояли двѣ гетманскія роты, конная и пѣшая. Козьма, переправясь за рѣку, съ великою прыткостью ударилъ впрямь на эти роты. Онѣ, не дождавшись еще дѣла, дрогнули и побѣжали; конные потоптали пѣшихъ. Козьма еще прытче погналъ за ними. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козьма съ великимъ стремленіемъ гонить поляковъ, всѣ, въ одинъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ скрывались, повскакали, какъ одинъ человекъ, и ринулись тискомъ на гетманскіе таборы. Слѣдомъ за ними напустили конные полки. Гетманъ не выдержалъ этого натиска, дрогнулъ и побѣжалъ со всѣмъ войскомъ, оставивъ храбрымъ въ добычу свои таборы со всѣми запасами, къ которымъ, конечно, бросились первые казаки, запасы отнимали, а таборы разграбили дочиства. Въ такихъ дѣлахъ казаки были первые мастера. Всѣ ратные такъ охрабрились, что порывались идти слѣдомъ за врагами, гнать гетмана дальше. Но воеводы остановили храбрыхъ. Довольно нынче одной радости, сказали они, чтобы послѣ скорби не приключилась! Это вѣдь Божіею помощію прогнаны наши враги! Однако, расположивъ казаковъ и стрѣльцовъ по городскому рву, они велѣли всю ночь держать неумолкаемую стрѣльбу изъ ружей. Такая была стрѣльба, что не было слышно, кто что говорить, а огонь и дымъ стояли какъ отъ великаго пожара. Гетманъ, отодвинувшись къ Донскому монастырю, всю ночь стоялъ на коняхъ, ожидая новаго нападенія, и на разсвѣтъ побѣжалъ совсѣмъ отъ Москвы.

Казалось, въ виду такого славнаго и радостнаго дѣла, должна была смолкнуть всякая злоба, всякій раздоръ. Но корень смуты не исчезалъ. Онъ, какъ огонекъ, тѣлся подъ пепломъ общаго разгрома и тотчасъ загорался болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ, какъ скоро находилъ себѣ средство и случай выказаться. Этотъ корень заключался въ самовластныхъ боярскихъ притязаніяхъ, во всякихъ притязаніяхъ великородства и владычества, какими была исполнена боярская среда снизу и до верху. И вотъ, какъ только пріобрѣтенъ былъ успѣхъ надъ врагами и стало всѣмъ легче и свободнѣе, боярство заговорило о своихъ правахъ. Начальники между собою стали не въ совѣтъ. Тушинскій бояринъ Трубецкой сталъ величаться своимъ боярствомъ и потребовалъ отъ нижегородской рати, отъ Пожарскаго и Минина и ото всѣхъ, чтобы пріѣзжали къ нему на совѣтъ, какъ къ честнѣйшему, въ его таборы. Но къ нему никто не ѣхалъ, не для того, чтобы не хотѣли ему честь воздавать, а боялись

отъ казаковъ убійства. Была всѣмъ очень памятна смерть Ляпунова, къ которому на защиту не вышелъ Трубечкой, не заступился за него. Всею ратью порѣшили устроить совѣтные съѣзды на Трубѣ, почти на срединѣ между таборами и нижегородскимъ станомъ. Здѣсь воеводы съ выборнымъ человекомъ Козьмоу установили одно правительство: перенесли сюда разрядъ и другіе приказы и всякія дѣла стали дѣлать заодно, о чемъ и написали въ города грамоты, присовокупивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрять, и свои грамоты писать тоже на имя обшихъ воеводъ. О томъ же соединеніи правящей власти были посланы грамоты и особо, отъ всей рати, для утвержденія. Это происходило въ началѣ октября или даже въ началѣ сентября. Для нижегородцевъ и для друзей отечества это было тоже своего рода немалое завоеваніе и побѣда надъ врагомъ, ибо всякое соединеніе въ одну мысль объ истинномъ добрѣ и благѣ отечества было исключительно задачей нижегородскаго ополченія. Но прежде, чѣмъ такъ устроилось, боярская и боярствующая среда употребила свои завѣтные попытки разстроить всякій союзъ въ подмосковской рати и поворотить дѣло на прежній путь. Видимо, что приверженцы поляковъ и Владислава не теряли надежды на поворотъ дѣла въ его сторону до послѣдней минуты. Видимо, что нижегородцы были для нихъ великою помѣхою, и они всѣ силы употребляли, чтобы разсѣять это ополченіе, въ которомъ преобладалъ исключительно духъ земства, посадскій, мужичій духъ, стоявшій крѣпко и прямо на правдѣ, раскрывавшій безъ ужимокъ всякую ложь и неправду, сводившій очень правильно земскіе счеты, кто что забралъ и чѣмъ завладѣлъ незаконно.

Съ большимъ сочувствіемъ къ Пожарскому лѣтописцы описываютъ его поведеніе при сдачѣ поляками Кремля. Эти сказанія дороги, какъ свѣдѣтельства, что и людямъ XVII в. вовсе не чужды были симпатіи къ поступкамъ человѣчнымъ, вполне гуманнымъ.

Кремлевскіе сидѣльцы въ осадѣ испытывали въ это время страшный, неизобразимый голодъ. Поляки, чтобы освободить себя отъ бесполезныхъ ртовъ, стали мало по малу выпроваживать голодныхъ вонъ изъ Кремля. Такимъ образомъ, дошла очередь до боярскихъ женъ и дѣтей. Великородные бояре, продававшіе постоянно отечество, очень опечалились, боясь безчестія и всякаго насилія своимъ женамъ со стороны осаждавшаго ихъ войска. Къ кому было обратиться, кто-бъ ихъ защищалъ отъ позора, сохранилъ, взялъ на свои руки? Бояре послали просить объ этомъ прямо къ Пожарскому и къ Козьмѣ. Здѣсь они надѣялись найти добрыхъ людей. Пожарскій не только обѣщалъ исполнить ихъ просьбу, но, во время выхода боярынь изъ Кремля, самъ выѣхалъ къ нимъ, встрѣтилъ и принялъ *честью*, съ почетомъ, проводилъ каждую въ безопасное мѣсто къ ихъ знакомымъ и велѣлъ обезпечить ихъ содержаніе. Казаки за это хотѣли убить нижегородскаго воеводу: они собирались грабить боярынь-измѣнницъ.

Скоро сдались и поляки. Въ переговорахъ о сдачѣ они просили за себя и за бояръ-измѣнниковъ не погубить ихъ и ставили условіемъ, чтобы приняли ихъ въ полки Пожарскаго, а къ Трубечкому отнюдь не хотѣли идти, боясь казаковъ. Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ Пожарскій явился защитникомъ несчастныхъ и беззащитныхъ. Принять

бояръ онъ пришелъ съ своимъ полкомъ. Это было на Каменномъ мосту, у Троицкихъ воротъ Кремля. Какъ только завидѣли выходящихъ бояръ, казаки поднялись тоже всѣмъ полкомъ, вооружились, распустили знамена и хотѣли постоять за ожидаемую добычу. Едва-едва прошло безъ кровавой ссоры, и дѣло, вѣроятно, уладилось какими либо обѣщаніями. Казаки отошли въ свои таборы, и Пожарскій принялъ бояръ съ великимъ почетомъ. Изъ поляковъ полкъ Струся взялъ Трубецкой. Казаки весь полкъ побили, такъ что не многіе остались. Другой полкъ, Будилловъ, взялъ кн. Пожарскій и разослалъ его по городамъ; ни одного не убили и не ограбили.

23-го октября 1612 г. Кремль и вся Москва были очищены, по крайней мѣрѣ отъ явныхъ враговъ. Трубецкой по своему великородству сталъ въ Кремлѣ на царя-борисовскомъ дворѣ. Пожарскій не коснулся царскихъ палатъ и сталъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, поближе къ своимъ нижегородцамъ. Казаки, однако, готовили эпилогъ своего *столянна* подъ Москвою. Они безпрестанно стали просить у воеводъ жалованья, а того не помня (замѣчаетъ лѣтописецъ), что всю казну во многихъ городахъ выграбили, теперь же едва и послѣдней казны у начальниковъ силою не отняли. Они пришли однажды въ Кремль толпою съ прямымъ намѣреніемъ побить начальниковъ и захватить казну. Но собрались дворяне и не дали совершить убійства; много вражды было, едва безъ крови прошло.

IV. РЕЗУЛЬТАТЪ СМУТЫ.

Знакомясь съ причинами смуты, мы назвали ее послѣднимъ выраженіемъ того двусторонняго кризиса, который переживало Московское государство въ XVI вѣкѣ. Политическая сторона этого кризиса имѣла видъ борьбы между верховною властью и родовой аристократіею. Борьба привела еще до смуты къ полному разгрому княжескаго боярства и къ образованію дворцовой знати. Въ первомъ періодѣ смуты новая дворцовая знать сама истощила свои силы въ борьбѣ за престолъ и стала жертвою внутренняго междоусобія. Паденіе виднѣйшихъ семей дворцоваго круга дало возможность остаткамъ родовой знати съ Шуйскими во главѣ снова стать у власти съ явною реакціонною программою. Но несочувствіе общества и рядъ возстаній ниспровергли олигархическое правительство княжатъ. Тогда, въ видѣ компромисса между родовой знатію и знатію позднѣйшей формаціи, созданъ былъ проектъ уніи съ Рѣчью Посполитою, по которому власть должна была принадлежать думѣ подъ главенствомъ государя изъ дома Вазы. Но этотъ проектъ повелъ къ полному паденію боярскаго правительственнаго класса. Раздавленное Сигизмундомъ и его «вѣрниками», боярство больше не поднималось, и новая династія XVII вѣка по своему усмотрѣнію, искусственно и безъ вышнихъ стѣсненій, могла образовать свой собственный правительственный классъ на почвѣ бюрократической службы и дворцоваго фаворитизма. Это было одно изъ видныхъ послѣдствій смуты.

Другая сторона кризиса XVI вѣка представляла собою очень сложный процессъ борьбы за землю и рабочія руки. Правительственная практика

и житейскія отношенія связывали право землевладѣнія съ правомъ на крѣпостной трудъ. Недовольство закрѣпощаемой трудовой массы выразилось, въ центрѣ и на окраинахъ государства, усиленнымъ выходомъ крѣпостныхъ на новыя земли и въ казачество. Выселеніе повело за собою попытки, со стороны власти и землевладѣльцевъ, регулировать выходъ и задерживать населеніе за владѣльцами. Но эти попытки только ссорили между собою представителей мелкаго и крупнаго, тарханнаго, землевладѣнія и обостряли вражду крѣпостнаго люда къ угнетавшему его общественному порядку. Выходя на поле и собираясь въ казачьи станицы, или же снова попадая на новой осѣдлости въ постылую зависимость, «боярскіе люди» готовы были силою дѣйствовать противъ государства. Они воспользовались движеніемъ перваго самозванца и поддерживали его, а затѣмъ вторично пошли за Болотниковымъ на Москву уже съ открытымъ желаніемъ общественнаго переворота. Оказавшись слабѣе того порядка, на который возстали, «воры» казаки и холопы понесли пораженіе отъ Шуйскаго; но немедля снова пришли подъ Москву съ тушинскимъ воровъ. Новая неудача заставила ихъ стать подъ одни знамена съ земскими людьми для борьбы съ иноземнымъ игомъ. Въ общемъ станѣ подъ Москвою имъ впервые удалось одолѣть служилыхъ людей, овладѣть правительственнымъ положеніемъ и стать властью въ странѣ. Но это самое торжество «воровъ» вызвало дружный отпоръ земщины, начавшей немедля прямую войну съ казаками и побѣдившей ихъ. Стѣсненные Пожарскимъ, подмосковные казаки раздѣлялись: часть ихъ вступила на земскую службу въ прямое подчиненіе земской власти, а часть ушла изъ государства. Ея предводитель Заруцкій мечталъ объ основаніи своего государства на Каспій, завелъ сношенія съ кочевниками и съ Персіей, думалъ организовать казачество на Полѣ, на казачьихъ рѣкахъ. Но десятилѣтняя борьба казачества съ государствомъ уже всѣмъ показала, что казакамъ съ нимъ не сладить. Хорошій наблюдатель событій, знакомый намъ И. Масса, въ августѣ 1614 года писалъ на родину о Заруцкомъ: «я твердо увѣренъ, что ранѣе двухъ мѣсяцевъ будетъ ему конецъ». Побѣду М. Ѳ. Романова надъ казаками Масса называлъ «одною изъ главнѣйшихъ побѣдъ царя». Такъ думали всѣ. Донское казачество не пристало къ Заруцкому; оно предпочло мирныя сношенія съ Москвою новымъ рискованнымъ предпріятіямъ противъ Москвы, и у государства съ казачествомъ понемногу установился своеобразный порядокъ отношеній, не то прямого подданства, не то политическаго протектората. Въ этомъ заключалось важное послѣдствіе земскихъ побѣдъ 1612 года.

Итакъ, въ смутѣ уничтожилось старое боярство и было поражено казачество. Верхъ и низъ московскаго общества проиграли игру, а выиграли ее средніе общественные слои. Ихъ ополченіе овладѣло Москвою; ихъ «начальники» правили страню до царскаго избранія; ими же, наконецъ, былъ избранъ царь Михаилъ. Передъ смутою и въ ея началѣ еще жива бала память о боярахъ «государяхъ» Русской земли, которые шли отъ «великихъ и удѣльныхъ князей» и посужались только «великимъ государемъ» московскимъ. Они были господствующимъ классомъ въ обществѣ и сообщали обществу аристократическій отбѣнокъ. Съ ними боролся Грозный. Онъ разгромилъ ихъ, но не могъ истребить ихъ памяти, и новая, созданная Грознымъ знать тянулася подражать во всемъ,

кромѣ политическихъ тенденцій, тѣмъ же «государямъ». Она усвоивала формы ихъ княжескаго землевладѣльческаго быта и готова была унаслѣдовать ихъ гордость и заботливость объ «отечествѣ» и «чести». Смута смела всѣ эти аристократическіе пережитки и выдвинула впередъ простаго дворянина и «лучшаго» посадскаго человѣка. Они стали дѣйствительно силою въ обществѣ на мѣсто разбитаго боярства. Произошла, словомъ, смѣна господствующаго класса, и исчезли послѣдніе остатки стараго соціальнаго режима.

Такъ опредѣляется основной фактъ нашей общественной исторіи начала XVII вѣка. Въ немъ находитъ свое объясненіе внутренняя политика новой династіи въ первое время послѣ смуты. Созданная средними слоями населенія на ихъ земскомъ соборѣ и даже въ отсутствіи бояръ седмочисленной думы, новая династія была тѣсно связана съ избравшею ее средою и дѣйствовала съ ея постоянною поддержкой. Царь и земскій соборъ составляли единое и исполнѣ согласное правительство, главною заботой котораго было поддержать и укрѣпить возстановленный государственный порядокъ. Обѣ силы дорожили одна другою: соборъ былъ единственною опорою власти, дѣйствовавшей въ разстроенномъ государствѣ, а царь былъ виѣшнимъ символомъ народной независимости и порядка. Не соборъ стремился раздѣлить съ властью ея прерогативы, а царь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможные неудачи. Къ полной солидарности власть и ея совѣтъ приводились сознаниемъ общей пользы и взаимной зависимости. Поэтому политика правительства царя Михаила совпадала съ стремленіями земскаго собора, служившаго органомъ господствовавшихъ въ странѣ классовъ. Она была холодна къ интересамъ старой родословной знати. Даже Пожарскій, клонившій свои симпатіи къ этой знати, не былъ, несмотря на свои исключительныя заслуги, хорошо поставленъ въ Кремлевскомъ дворцѣ: его выдали головою Борису Салтыкову всего черезъ годъ послѣ освобожденія имъ Москвы. А перворазрядныя княжескія фамиліи изъ упѣлѣвшихъ послѣ смуты, напримѣръ, Голицыны и Куракины, до конца XVII вѣка сошли съ перваго плана придворной жизни. Гораздо внимательнѣе относилась новая династія къ простому служилому классу. Его землевладѣніе было одною изъ самыхъ большихъ заботъ правительства. Уже 5-го іюня 1613 года новый царь слушалъ указы Ивана Грознаго объ ограниченіи права распоряженія вотчинами и возстановилъ ихъ силу: «впередъ бояромъ и дьякомъ Помѣстнаго приказу велѣлъ о княженецкихъ и о монастырскихъ вотчинахъ дѣлать по прежнему указу царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи». Такимъ образомъ на земельныя операціи тарханскихъ владѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, правительство по-прежнему налагало свою руку. Простымъ же служилымъ людямъ въ ихъ хозяйственной нуждѣ правительство шло навстрѣчу. Оно устраивало ихъ на помѣстьяхъ и, по ихъ челобитьямъ, крѣпило за ними крестьянъ, обѣщая полную отбѣну знаменитыхъ «урочныхъ лѣтъ». Крѣпостной трудъ, безъ котораго не умѣли жить землевладѣльцы, правительство признавало, какъ и они, неперемѣннымъ условіемъ земельного хозяйства служилаго чело-вѣка. Въ жертву потребностямъ этого хозяйства и приносилась гражданская независимость сельскаго работника. За то въ другихъ своихъ слояхъ, на земляхъ черныхъ и дворцовыхъ, тяглое сословіе «торговыхъ», «по-

садскихъ» и «уѣздныхъ» людей пользовалось большимъ правительственнымъ вниманіемъ. Правительство не разъ высказывало свое пожеланіе, чтобы всѣ эти люди отъ бѣдъ и скорбей своихъ «пораживались». Всѣми подобными мѣропріятіями, взглядами, пожеланіями правительство въ сущности давало отвѣтъ на то, что говорили ему его избиратели въ своихъ челобитныхъ и въ рѣчахъ на земскихъ соборахъ.

Но были и такія послѣдствія смуты, которыя осложняли положеніе новаго правительства и мѣшали ему работать согласно съ желаніями его подданныхъ. Это—политическія отношенія московскаго государства къ его сосѣдямъ, образованныя неудачами смутнаго времени. Нельзя было оставлять за шведами Новгородъ, за Сигизмундомъ Смоленскъ, за Владиславомъ титулъ государя московскаго. Неизбѣжны войны требовали большой траты силъ и денегъ. Служба ложилась тяжело на служилыхъ людей и они роптали на ея напряженность и неравномѣрное распредѣленіе служебныхъ тяготъ между отдѣльными служилыми людьми. Платежи истощали послѣднія средства тяглыхъ міровъ, и тяглые люди роптали на тяжесть тягла, на неравномѣрное распредѣленіе податнаго бремени, наконецъ, на угнетающую конкуренцію иностранныхъ капиталовъ, допущенныхъ на московскіе рынки правительствомъ. Выходило такъ, что, будучи вѣрно серединнымъ слоемъ населенія, которые его избрали и поддерживали, московское правительство все таки не удовлетворяло ихъ и вызывало откровенныя жалобы на тягость жизни и на его собственную дѣятельность. Когда при царѣ Алексѣѣ отъ жалобъ народная масса перешла кое-гдѣ къ открытому ропоту и волненіямъ, правительство поставило земскому собору 1648 года общій вопросъ объ улучшеніи житейскихъ условій путемъ упорядоченія законодательства. На земскомъ соборѣ и сказалось еще разъ, кому въ то время въ государствѣ принадлежало преобладаніе силы и вліянія. Не казачество и «боярскіе люди», не старая знать, не тарханнныя землевладѣльцы изъ духовенства и высшаго чиновничества, а опять-таки средніе слои общества, сильныя соборною организаціею, дали направленіе общественнымъ реформамъ уложенія 1648—1649 гг. Насколько это уложеніе вышло за предѣлы простой кодификаціи, настолько оно было работою земскихъ представителей служилаго и тяглаго класса. Служилые люди добились уничтоженія урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, запрещенія духовенству пріобрѣтать вотчины, уничтоженія судебныхъ льготъ духовенства. Тяглые люди достигли закрытія посадовъ, возвращенія въ тягло закладчиковъ, конфискаціи частновладѣльческихъ слободъ на городскихъ земляхъ, уничтоженія иностраннаго торговаго внутри страны. Право челобитій сослужило добрую службу тѣмъ, кто умѣлъ имъ во время воспользоваться.

Въ 1648—1649 годахъ, стало быть, мы видимъ такое же торжество середины московскаго общества надъ его верхомъ и низомъ, какъ и въ 1613 году. Но времена за 35 лѣтъ перемѣнились. Если низшіе слои населенія по-прежнему не могли, даже и позже, въ разинское время, низвергнуть крѣпостной порядокъ, то въ высшихъ слояхъ общества къ серединѣ XVII вѣка успѣла окрѣпнуть новая сила—знать дворца и приказа. Она оцѣнила значеніе событій, совершившихся на земскомъ соборѣ 1648 года и настоящій характеръ реформъ уложенія. Организациа общественной середины на земскихъ соборахъ ей казалась опасною для правительственного авторитета, и она старалась упразднить эту органи-

зацію Не даромъ Никонъ, соединявшій въ себѣ авторитетъ пастыря съ вліяніемъ временщика, писалъ о соборѣ 1648 года, что онъ «былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей». Со вступленіемъ Никона въ соправительство съ царемъ, земскіе соборы исчезли изъ Московскаго обихода. Напрасно московскіе горожане въ 1662—1663 годахъ, когда отъ нихъ требовалось мнѣніе объ общемъ земскомъ дѣлѣ, просили о созваніи земскаго собора и говорили такіе рѣчи: «о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по пяти человекъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить не возможно». Государь на это ничего не указалъ.

(Опиравшаяся до тѣхъ поръ на средніе классы общества и ими даже созданная власть искала для себя иной опоры.

LVІ. ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѦОДОРОВИЧА И ВСТУПЛЕНІЕ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ» и изъ статей Полегаю: «Вступленіе на престолъ Михаила Ѧодоровича», помѣщ. въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1834 г.).

Освободивъ Москву отъ враговъ, вожди ополченія народнаго послали во всѣ города Россіи съ извѣщеніемъ о семъ радостномъ событіи. Они вмѣстѣ съ другими сановниками и духовенствомъ, бывъ убѣждены опытомъ, что народъ русскій можетъ быть счастливымъ только подъ скинотромъ государя самодержавнаго и православнаго, созвали изъ многихъ городовъ замѣчательнѣйшихъ лицъ. Изъ нихъ составилъ земскій совѣтъ для избранія царя. Важность предмета приводила ихъ въ недоумѣніе. Всѣ имѣли одну цѣль: желали царя крови русской, способнаго къ соглашенію разномыслящихъ партій и въ то же время твердаго для защиты отечества отъ притязанія чужестранныхъ державъ; но кого избрать? Земскій совѣтъ истоился въ преніяхъ; долго не могли они рѣшиться. Наконецъ, по общему согласію, 21-го февраля 1613 г., избрали того, кого Гермогенъ (тогда уже не существовавшій) при жизни своей хотѣлъ благословить на царство — шестнадцатилѣтняго отрока Михаила Ѧодоровича Романова-Юрьева, непричастнаго ни къ какой партіи, чистаго совѣстью, знатнаго родомъ. Въ тотъ же день присягнула ему вся Москва, а затѣмъ вся Россія. Земскій совѣтъ послалъ двѣ грамоты: одну къ Михаилу, другую къ родительницѣ его, въ коихъ изъяснено было общее желаніе имѣть царемъ Михаила Ѧодоровича, съ убѣдительною просьбою о скоромъ прибытіи въ Москву. Посламъ, коимъ поручено было вручить сіе грамоты, велѣно убѣждать Михаила принять корону, а родительницу его согласиться на то и благословить на царство сына. Земскій совѣтъ писалъ и къ Сигизмунду: въ грамотѣ своей къ нему, упомянувъ о всѣхъ сношеніяхъ нашихъ съ Польшей отъ времени Бориса Годунова, укорялъ поляковъ въ пособіи самозванцамъ, въ явномъ нарушеніи договоровъ, просилъ короля и сына его отмѣнить желаніе

быть на російскомъ престолѣ и, возстановля миръ, разиѣниться плѣнниками.

Скоро въ Москву пріѣхали посланные изъ Костромы, зарайскій протоіерей Дмитрій и гонецъ Иванъ Усовъ. Радостную вѣсть привезли они въ Москву: Михаилъ принялъ вѣнецъ, поднесенный ему; Русская земля пережила безгосударственное время; въ Россіи былъ царь, избранный по думѣ и согласію православныхъ. Онъ не могъ отказаться: народъ уже любилъ его, уже видѣлъ въ немъ избранника Божія, присягалъ ему предъ престоломъ Бога, не дожидаясь его согласія, и кровью доказывалъ вѣрность свою юному государю.

Михаила избрали въ Москвѣ февраля 21-го. 25-го присягала первопрестольная столица, и посланы были повсюду грамоты о присягѣ ему. Быстро летѣла между тѣмъ молва, предупреждая приказы. Мать и сынъ жили въ костромской своей вотчинѣ, страшась смуть, тоскуя о томъ, что дѣлается въ Москвѣ, слыша о раздорѣ вельможъ и опасаясь буйныхъ мятежниковъ и литовскихъ наѣзтниковъ, всюду бродившихъ отчаянными шайками. Вѣсть объ избраніи Михаила въ цари распространилась въ костромской области, и удалой начальникъ одного изъ бродящихъ польскихъ отрядовъ вздумалъ изумить русскихъ смѣлымъ, неожиданнымъ предпріятіемъ: схватить избраннаго царя и увезти его въ Польшу, или умертвить, если не успѣетъ захватить въ неволю. Скрытно пробрался онъ въ окрестности помѣстья Романовыхъ. Остановясь въ сосѣдствѣ села Домнина, селеніи Деревницахъ, поляки взяли старика, тамошняго крестьянина, и спрашивали его о дорогѣ къ помѣстью и о томъ, въ этомъ ли помѣстьѣ находится теперь Михаилъ. Сей старикъ былъ Иванъ Сусанинъ. Онъ вызвался самъ провести убійцъ къ помѣстью Романовыхъ и, по глубокимъ снѣгамъ въ тамошнихъ лѣсахъ, завелъ ихъ окольными дорогами въ сторону. Поляки увидѣли, наконецъ, обманъ, но было поздно. Въ ярости начали они терзать Сусанина. Ни пытки, ни побой — ничто не поколебало великодушнаго старика. Онъ умеръ въ мученіяхъ, и Михаилъ былъ спасенъ: посланные отъ Сусанина предупредили его объ опасности; Марѳа успѣшила укрыться съ юнымъ сыномъ своимъ въ Кострому. Здѣсь съ изумленіемъ узнали они неожиданную вѣсть. Ожидая избранныхъ пословъ изъ Москвы, костромичи просили Марѳу и Михаила поселиться въ келіяхъ знаменитаго Ипатьевского монастыря.

Марта 13-го прибыло посольство земскаго совѣта и остановилось въ подгороднемъ селѣ Новоселкахъ. Вся Кострома взволновалась; жители спѣшили поклониться принесеннымъ изъ Москвы иконамъ. Послали къ Михаилу спросить, когда позволить онъ предстать посламъ земскаго совѣта всего Русскаго государства. Получивъ позволеніе, ночь провели въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ начальствомъ; на другой день, утромъ, открылось трогательное зрѣлище: костромское духовенство, въ сопровожденіи множества народа, подняло чудотворную икону Θεодоровскія Богоматери и торжественно пошло изъ собора къ Ипатьевской обители. Съ другой стороны двинулись присланные изъ Москвы съ чудотворною Владимірскою иконою. Тутъ были архіепископъ Θεодоритъ, келарь Аврамій, бояре, воины. Народъ сопровождалъ ихъ. Раздалось священное пѣніе. Марѳа и Михаилъ встрѣтили великое шествіе за вратами монастыря и смиренно поверглись предъ иконами и крестами. Ихъ просили

послѣ сего идти въ почетномъ мѣстѣ въ главную Троицкую церковь обители Ипатьевской. Марфа не хотѣла. «Знаю,—говорила она,—знаю, что вы пришли звать сына моего въ цари, но онъ не захочетъ, и я не благословлю его!» Едва могли упротить благочестивую инокиню не противиться и идти къ моленію во храмъ, предоставляя будущее волю Бога. Она и сынъ ея шли, заливаясь слезами. Въ церкви отслужили молебенъ, и тогда архіепископъ Ѳеодоритъ преклонился предъ Михаиломъ и проговорилъ: «Московского государства митрополитъ Кирилль, ростовскій и ярославскій архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный соборъ благословляютъ тебя, великаго государя-царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, Бога о тебѣ молятъ и челомъ тебѣ бьютъ».

Бояринъ Шереметевъ слѣдовалъ за нимъ и сказалъ: «Великій государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи! Твои, государь, бояре, окольные люди, чашники, стольники, стряпчие, дворяне московскіе и приказные люди, дворяне изъ городовъ, жильцы, головы, естрѣленскіе сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди, гости, торговые люди Московскаго государства и всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди велѣли тебѣ, государь, челомъ ударить и о твоёмъ государевомъ многолѣтнемъ здравіи спросить».

Громкогласно началъ Ѳеодоритъ читать посланіе земскаго совѣта. Упомянувъ о пресѣченіи на престолѣ московскомъ царскаго корня, о злодѣйствахъ измѣнниковъ и насиліи поляковъ, хотѣвшихъ «попратъ вѣру греческаго закона и учинить въ Россіи проклятую латинскую вѣру, онъ говорилъ, что наконецъ Москва очищена, церкви Божіи облеклись въ прежнюю дѣпоту, попржнему славится въ нихъ имя Божіе; но о Московскомъ государствѣ пешись и Божьими людьми промышлять некому: государя у насъ нѣтъ». Земскій совѣтъ извѣщалъ объ избраніи Михаила въ Успенскомъ соборѣ, объ единодушной всѣхъ клятвѣ служить ему, прамить, биться за него до смерти; молили его, да идетъ на царство свое «и да возвыситъ Богъ десницу его; православная вѣра да будетъ нерушима въ великомъ Россійскомъ государствѣ, возсіявъ во всю вселенную, какъ подъ небомъ пресвѣтлое солнце; а христіане да получаютъ тишину, покой и благоденствіе». Бояринъ Шереметевъ подтвердилъ чтеніе словами. Онъ и Ѳеодоритъ обратились къ матери Михаила, проговорили повелѣнные рѣчи и умоляли: «моленія и челобітя не презрять и идти съ сыномъ на царскій престолъ».

Ожидали отказа Марфы и Михаила, но не столь упорнаго и рѣшительнаго, какой услышали. Вѣримъ искренности отрицанія ихъ: это не были хитрый Годуновъ или честолюбивый Шуйскій. Кроткій юноша и мать его, инокиня, испытанная бѣдствіями, вблизи видѣвшая смерть столькихъ царей и ужасы безначалія, едва только не полгода вышедшая изъ кремлевскаго гибельнаго заточенія, гдѣ голодъ и сабля врага ставили ее и сына на край могилы, еще за нѣсколько дней едва не потерявшая сына своего,—при одномъ слухѣ, что сынъ избранъ въ цари, она и онъ могли трепетать, ужасаться чести, имъ предлагаемой. Мысль, что Михаила окружитъ буйный сонмъ бояръ, что Сигизмундъ будетъ мстить отцу за избраніе сына на царство и состояніе Русской земли, опустошенной, кипящей измѣною и крамолою, все это страшнымъ видѣніемъ предстояло очамъ Марфы и Михаила. «Сыну моему не быть царемъ; не

благословлю его; въ мысли у меня того не было и въ разумъ мой прійти не могло!» воскликнула инокиня Марѳа. «Не хочу царствовать и могу-ль быть наслѣдникомъ великихъ царей русскихъ?» говорилъ Михайль. Тщетно молили ихъ. «Его ли, юнаго, отдамъ вамъ въ пари?—отвѣчала Марѳа. Люди русскіе! Вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятву? Когда судомъ Божиимъ не стало царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его и передались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись царю Василию и поѣхали къ тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ государямъ клятвopеступлений, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, крестопреступленіе? И что же такое ваше Русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками; народъ страждетъ, обѣднѣлъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, въ неволѣ польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? И могу ли приступить къ тому безъ благословенія отца его?»

«Благослови только, великая инокиня! — возражалъ Ѳеодоритъ. — Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы, всею Русскою землею, его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ: но вспомни, что Борисъ извелъ царскій корень, убилъ Дмитрія царевича и разстрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божиимъ погибъ разстрига, царя Василия выбрали немногіе люди; другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство, и возникъ злодѣй тушинскій, обольщая народъ на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастья, сохраненіемъ православія. Мы били челомъ Василию, да оставить онъ царство свое, для блага Русской земли. и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники Михайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ предали царя злодѣю Жолкѣвскому. И если было ири томъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стоять за церковь Божію; всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судьбы Божіихъ, хоть и погибли Годуновы и Шуйскіе: судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей-ли воспротивиться? Не страшись и за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ».

Но тщетны были сія слова. Напрасно Ѳеодоритъ многорѣчиво приводилъ примѣры изъ исторіи, говорилъ о Константинѣ и Ѳеодосіи, Давидѣ, Маркіонѣ и Іосифѣ: напрасно восклицалъ: «Гласъ народа — гласъ Божій; кого предъизберетъ Богъ, того и возлюбитъ; кого наречетъ, того и оправдаетъ; кого оправдаетъ, того и прославить. Назначенному во чревѣ матери честь приложится, и изъ младенчества онъ на то предугроенъ будетъ». Марѳа и Михайль плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Владимірскаго Богоматери, Аврамій подалъ образъ московскихъ чудотворцевъ; оба понесли святые иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михайль. «Что дѣлаете!—восклик-

нуль благочестивый юноша: — зачѣмъ сей подвигъ Божиимъ иконамъ, трудъ вамъ и дѣло выше силъ моихъ мнѣ! — «Если вѣришь имъ, — говоритъ владыка, указывая на образа, — вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать и спасутъ отъца твоего! Что челобѣе, и что имъ дѣлается? Волею Бога сіи святые иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!» Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ поверглись предъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей и соединили клики свои съ рыданіемъ старцевъ и младенцевъ.

Уже около шести часовъ продолжалось умиленное зрѣлище. «Итакъ, вы не внемлете мольбамъ! — возгласилъ наконецъ Θεодоритъ. — Совершилось; да будетъ по вашему: мы идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, Русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но предъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что огнь на тебя падетъ бѣдствіе отчизны! И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божиимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе; да расточится царство Московское; да услышать о безгосударствѣ нашемъ враги, да придутъ и расхитятъ насъ!»

Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божиимъ. Марѳа поверглась предъ святыми иконами и изрекла согласіе. Θεодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила наперстный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебенъ и провозгласили многолѣтніе царю Михаилу. Сидя на тронѣ своемъ, юный царь принималъ поздравленія. Звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа — оглашали воздухъ, когда онъ появился въ царскомъ великолѣпнѣ изъ храма и шелъ къ келіи, гдѣ обиталъ, уже облаченный великолѣпными уборами. Три дня продолжался колокольный звонъ, и тогда же духовенство и бояре постановили навсегда праздновать въ Костромѣ иконѣ Θεодоровскія Богоматери въ 14-й день марта, — день принятія Михаиломъ престола царскаго.

Вѣсти изъ Костромы получены были вечеромъ, наканунѣ дня Благовѣщенія (24-го марта). На другой день, съ ранняго утра, Кремль былъ наполненъ народомъ. Въ Успенскомъ соборѣ читали донесеніе Θεодорита, пѣли молебенъ и благословляли новаго царя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Веселье сдѣлалось общее.

Марта 19-го, сопровождаемый духовенствомъ, присланнымъ отъ земскаго совѣта, и множествомъ съѣхавшихся въ Кострому разнаго знанія людей, Михаилъ, въ предшествіи святыхъ иконъ, отправился въ Москву. Мать слѣдовала за нимъ. Путь его до Ярославля казался торжественнымъ шествіемъ; народъ выбѣгалъ на дорогу съ хлѣбомъ и солью; духовенство встрѣчало его при церквахъ со крестами. Ярославль весь двинулся въ срѣтеніе царя. Путь Михаила изъ Ярославля продолжался болѣе двухъ недѣль. Царь поклонился въ Ростовѣ и Переяславѣ св. мощамъ, посѣщалъ монастыри и прожилъ Святую недѣлю въ Троицкой лаврѣ. Путь отъ Троицкой обители до Москвы былъ истиннымъ торжествомъ

дѣтей, встрѣчающихъ отца своего. Москвичи ѣхали, шли, бѣжали на встрѣчу государю и съ восторгомъ смотрѣли на благодѣльнаго, кроткаго, юнаго властителя Русской земли. Ряды войскъ, граждане съ глѣбomosью — предшествовали Михаилу и толпились на пути. Близъ Москвы все духовенство, всѣ бояре, съ крестами и иконами, вышли привѣтствовать царя. Улицы заперлись народомъ, плачущимъ отъ радости и громко благословляющимъ царя. Преклонясь предъ святынею Успенскаго собора и поклонясь гробамъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ, Михаилъ вошелъ въ царскіе чертоги: Марѳа благословила его и удалилась на житье въ Вознесенскій монастырь.

Царь былъ теперь въ древнихъ кремлевскихъ чертогахъ; его встрѣтилъ радостный народъ; предъ нимъ смиренно ударилъ челомъ сонмъ вельможъ и царедворцевъ, недавно торжествовавшій спасеніе столицы отъ враговъ; уже по слѣдамъ остатка измѣнниковъ, за скопищами Зарудцаго, пошли войска; другіе двинулись противъ враждебныхъ шведовъ; Польша не начинала военныхъ дѣйствій. Такъ казалось все благопріятнымъ, но не таково было въ самомъ дѣлѣ. Гдѣ было царское войско? Гдѣ была казна царская?

И въ такомъ состояніи Россіи бремя правленія падало на царя едва не отрока, юнаго, неопытнаго, страшившагося за участь своего родителя, трепетавшаго окружающихъ его; ибо кто окружалъ его, кто были его совѣтниками?

Совѣтъ царя представлялъ страшное смѣшеніе вельможъ и царедворцевъ, пережившихъ пять царей и страшныя времена безначалія. Кромѣ того, что никто изъ всѣхъ царскихъ сановниковъ не отличался достоинствами, многіе ли изъ нихъ не были еще запятаны измѣною, вѣроломствомъ, малодушіемъ? Своеволие въ совѣтахъ, ничтожное мѣстничество, гордость другъ предъ другомъ, охлажденіе къ чести государственной были общимъ удѣломъ царедворцевъ Михаила, плодомъ, возвращеннымъ событіями минувшаго, но еще не прошедшаго времени.

Царь не смѣлъ употребить строгости, долженъ былъ снисходить своеволею, если знатность и санъ защищали вельможу. Вѣроятно, руководимый матерью, онъ прибавилъ только въ совѣтъ вельможъ знатнѣйшее духовенство. Дѣла стали означаться прежде всего именемъ духовенства, потомъ вельможъ и чиновниковъ.

Вѣрные юному Михаилу совѣтовали поспѣшить великимъ таинствомъ коронованія, освящавшимъ главу избраннаго царя въ глазахъ его подданныхъ. Еще прежде сего торжества избраніе Михаила ознаменовали составленіемъ соборно утвержденной грамоты: «Да незабвенно будетъ писаніе въ ней въ роды и роды и во вѣки вѣковъ». Предложеніе объ этомъ учинено было въ земскомъ совѣтѣ духовенствомъ апрѣля 14-го дня, когда Михаилъ находился въ Троицкой лаврѣ. Общій кликъ собранія: «Благословенъ Богомъ глаголь нашъ, святители, пастыри душъ нашихъ!» «Да будетъ тако, да будетъ тако!» было отвѣтомъ. Цѣлый мѣсяцъ составляли грамоту, сочинили ее со всею роскошью риторики, переписали на девяти большихъ листахъ, читали въ земскомъ совѣтѣ и подписали всѣ, кто былъ въ собраніи. Важное писаніе это начиналось указаніемъ на происхожденіе русскихъ царей отъ Августа цесаря, потомъ содержало въ себѣ краткую исторію русскихъ царей. Съ честью упоминая о Годуновѣ и Шуйскомъ, умалчивали о убіеніи Димитрія; всю вину послѣднихъ бѣдъ

ствій и междоусобій слагали на «богоотступника, проклятаго еретика и чернокужника Отрепьева», на Сигизмунда клятвопреступника, на Михаила Салтыкова и Федора Андропова. Подробно излагали наконецъ избраніе Михаила, отрицаніе его и матери отъ престола, согласіе ихъ только изъ страха, да не будутъ онъ и она виноваты предъ Богомъ въ конечномъ разореніи отечества. Грамата заключалась страшнымъ проклятіемъ и угрозою казни всякому, кто будетъ противникъ опредѣленія и присяги царю Михаилу.

Земскій совѣтъ былъ уничтоженъ послѣ подписанія утвержденной грамоты: Михаилъ царствовалъ.

Іюля 11-го, въ тотъ день, когда Михаилу совершилось ровно семнадцать лѣтъ, совершенно было его коронованіе.

Народъ ликовалъ, взирая на царя юнаго, видя обновленіе древняго царскаго вѣлѣнія. «Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ его на царство въ чревѣ матери! — говорилъ народъ. — Не даромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волхованію предуглавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи». Пиръ, милостыни, колокольный звонъ и веселье продолжались три дня.

ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА.

LVII. СОСТОЯНИЕ ГОСУДАРСТВА ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА.

(Изъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

Мало въ исторіи найдется примѣровъ, когда бы новый государь вступилъ на престолъ при такихъ крайне печальныхъ обстоятельствахъ, при какихъ избранъ былъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Федоровичъ. Съ двумя государствами, Польшею и Швеціею, не окончена была война. Оба эти государства владѣли окраинами Московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ, двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника ему провозглашала казацкая вольница въ Астрахани въ особѣ малолѣтняго сына Марины, и Заруцкій во имя его затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе Московскаго государства. Внутри государства многіе города были сожжены до тла, и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ казаковъ, грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне еще въ прошломъ году не могли убрать хлѣба и умирали отъ голода. Повсюду господствовала крайняя нищета, въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ подданныхъ. Одна бѣда вела за собою другія; но величайшая бѣда состояла въ томъ, что московскіе люди, по мѣткому выраженію матери царя, «измалодушествовались». Всякій думалъ только о себѣ, мало было чувства чести и законности. Всѣ лица, которымъ повѣрялось управленіе и правосудіе, были склонны для своихъ выгодъ грабить и утѣснять подчиненныхъ не лучше казаковъ, наживаться на счетъ крови бѣднаго народа, вытягивать изъ него послѣдніе соки, зажимать общественное достоинство въ то время, когда необходимо было для спасенія отечества крайнее самопожертвованіе. Молодого царя тотчасъ окружили кривые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себѣ какъ можно болѣе земель и присвоивали даже государевы дворцовыя села. Въ особенности род-

ственники его матери, Салтыковы, стали играть тогда первую роль и сдѣлались первыми совѣтниками царя, между тѣмъ какъ лучшіе, наиболѣе честные, дѣятели смутнаго времени оставались въ тѣни заурядъ съ другими. Кн. Пожарскій, за нежеланіе объявлять боярство новопожалованному боярину Борису Салтыкову, выданъ былъ ему головою. Близъ молодого царя не было людей, отличавшихся умомъ и энергіей. Пренная печальная исторія русскаго общества приносила горькіе плоды. Мучительства Грознаго, коварное правленіе Бориса, наконецъ смуты и полное разстройство всѣхъ государственныхъ связей выработали поколѣніе жалкое, мелкое, поколѣніе тупыхъ и узкихъ людей, которые мало способны были стать выше повседневныхъ интересовъ. При новомъ шестнадцатилѣтнемъ царѣ не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежнихъ временъ. Самъ Михаилъ былъ отъ природы добраго, но, кажется, меланхолическаго нрава, не одаренъ блестящими способностями, но не лишенъ ума; зато не получалъ никакого воспитанія и, какъ говорятъ, вступивши на престолъ, едва умѣлъ читать.

Въ высшей степени знаменательно сужденіе одного голландца о тогдѣшнемъ состояніи Россіи: «Царь ихъ подобенъ солнцу, котораго часть покрыта облаками, такъ что земля Московская не можетъ получить ни теплоты, ни свѣта... Всѣ приближенные царя—всѣмудріе юноши; ловкіе и дѣловые приказные—алчные волки, всѣ безъ различія грабятъ и разоряютъ народъ. Никто не доводитъ правды до царя; къ царю нѣтъ доступа безъ большихъ издержекъ; прошенія вельзя подать въ приказъ безъ огромныхъ денегъ, и тогда еще не извѣстно, чѣмъ кончится дѣло: будетъ ли оно задержано или пущено въ ходъ». Смутное время, однако, сдѣлало большую перемѣну въ строѣ государственнаго правленія противъ прежнихъ временъ: оно выдвинуло значеніе собора всей земли Русской. Во все свое царствованіе, а въ первыхъ годахъ въ особенності, царь Михаилъ въ важныхъ дѣлахъ собиралъ земскую думу изъ выборныхъ всей земли и вообще во всѣхъ дѣлахъ дѣйствовалъ заодно съ боярскимъ приговоромъ, какъ и значится въ законодательныхъ актахъ того времени. Это объясняется новостью династіи и тѣмъ, что Михаилъ былъ посаженъ на царство волею собора; при смутныхъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ, для собственной безопасности, опираться на волю земли. Участіе земскихъ соборовъ въ правленіи не могло остановить лихоимства, неправосудія и всякаго рода насилій, дозволяемыхъ себѣ воеводами и вообще начальными людьми, потому что, какъ бы ихъ ни смѣщали, кѣмъ бы ихъ не замѣняли, все-таки неизбѣжно происходили одни и тѣ же явленія, коренившіяся во всеобщей порчѣ нравовъ. Поэтому-то Масса, голландецъ, чужой человѣкъ, наблюдавшій и близко знавшій русскую жизнь, говоря о началѣ царствованія Михаила, выразился такъ: «Надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, ибо такой царь нуженъ Россіи, иначе она пропадетъ, народъ этотъ благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки, и только въ рабствѣ онъ богатъ и счастливъ». Первою заботою новаго правительства былъ сборъ казны. Это было естественно, потому что какъ только новый царь вступилъ на престолъ, такъ къ нему обратились всякихъ чиновъ служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за государство, терпѣли всякую нужду и страданія, а между тѣмъ ихъ помѣстья и вотчины

запустили, разорены, не дают никаких доходов; недостает им ни платья, ни вооружения. Они просили денег, хлеба, соли, суконь и безъ обиняковъ прибавляли, что если имъ царскаго денежнаго и хлебнаго жалованья не будетъ, то они отъ бѣдности станутъ грабить, воровать, разбивать проѣзжихъ по дорогамъ, убивать людей, и не будетъ никакой возможности ихъ унять. Царь и собооръ разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорѣе и точнѣе подати и всякіе доходы, слѣдующіе въ казну, сверхъ того умоляли всѣхъ людей въ городахъ, монастыряхъ давать въ казну взаймы все, кто что можетъ дать: денегъ, хлеба, суконь и всякихъ запасовъ. Приводилось въ худой примѣръ то, что московскіе гости и торговые люди въ прошлые годы пожалѣли дать ратнымъ людямъ денегъ на жалованье и черезъ то потерпѣли страшное разореніе отъ поляковъ. Такія грамоты посылались преимущественно въ сѣверо-восточный край, менѣе другихъ пострадавшій, и въ особенности къ богатымъ Строгоновымъ, оказавшимъ важное пособіе Пожарскому и Минину. То, что поступало въ казну, оказывалось недостаточнымъ. А между тѣмъ нужно было много чрезвычайныхъ усилій для поддержанія порядка и огражденія государства, котораго части съ трудомъ подчинились единству власти. Понадобилось нѣсколько лѣтъ, чтобы расправиться съ Заруцкимъ и съ буйными казацкими шайками, бродившими по Россіи. Въ 1614 году правительство снова просило денегъ и должно было бороться со всякаго рода сопротивленіемъ. Дворяне и дѣти боярскія бѣжали со службы; ихъ принуждены были ловить и въ наказаніе отбирать треть имущества на государя. Иные пристали къ казакамъ. Посадскіе люди не платили положенныхъ на нихъ податей по 175 руб. съ сохи и другихъ поборовъ, тѣмъ болѣе, что сборщики и воеводы наблюдали при этомъ свои противозаконныя выгоды. Но въ то время, когда тяглыхъ, посадскихъ и волостныхъ людей доводили до ожесточенія сборами и притѣвленіями, монастыри одинъ за другимъ выпрашивали для себя и своихъ имѣній льготы, жаловались на разореніе и дѣйствовали въ этомъ случаѣ черезъ посредство богомольной матери государя, которая тогда записывала имъ и вотчины.

Такъ 1614—1615 годы проходили въ усиленной борьбѣ съ внутреннимъ неурядиствомъ. На юго-востокѣ въ іюнѣ 1614 г. порѣшили съ Заруцкимъ. Но множество другихъ казацкихъ шаекъ продолжало разорять государство почти во всѣхъ его предѣлахъ подъ начальствомъ полковника Яска Баловня. Между тѣмъ въ Сѣверской странѣ началъ свирѣпствовать Лисовскій съ нѣсколькими тыщами разнаго сброда, носившими общее названіе лисовчиковъ. Русская земля, пострадавшая и обѣднѣвшая въ смутное время, потерпѣла новое разореніе отъ разбойниковъ Лисовскаго, а между тѣмъ угрожающее положеніе со стороны Швеціи и Польши требовало увеличенія ратныхъ силъ и, вслѣдствіе этого, умноженія денежныхъ средствъ. Сдѣланы были распоряженія о новыхъ поборахъ. Строгоновы обѣщали давать деньги въ казну, и съ ихъ приказниковъ велѣно было взять 13.810 рублей. Положено было брать во всѣхъ городахъ со двора по гривнѣ, а съ уѣздовъ всѣхъ волостей—съ сохи по 120 рублей; но когда дѣло дошло до сбора, то въ разныхъ мѣстахъ опять началось сопротивленіе. Воеводы должны были употреблять на ослушниковъ ратныхъ людей, но въ то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, пріѣзжавшіе для царскихъ дѣлъ,

брали прежде всего съ народа для себя то, чего имъ не слѣдовало брать, отягощали жителей кормами (сборомъ продовольствія) въ свою пользу, а потомъ уже правили съ низшихъ посадскихъ и крестьянъ государственныя подати. Многихъ забивали и замучивали до смерти на правежахъ и доносили въ Москву, что нечего взять. Посадскіе изъ городовъ посылали челобитчиковъ жаловаться на утѣсненія въ Москву, но это стоило также лишннихъ денегъ. Въ Москвѣ, въ приказахъ съ челобитчиковъ брали взятки, да и сами челобитчики, пріѣзжавшіе въ столицу отъ своихъ обществъ, присваивали себѣ порученныя имъ мірскія деньги. Тогда правительство думало усилить свои доходы продажей напитковъ, приказывало вездѣ строить кабаки, курить вино, запрещало служилымъ и посадскимъ держать напитки для продажи. И это средство не могло принести много пользы: для того, чтобы пить, нуженъ былъ достатокъ; тѣ же, которые пропивали послѣднюю деньги, могли доставить только ничтожный доходъ казнѣ и зато менѣе были въ состояніи платить прямые налоги. Эти сборы были недостаточны, а служилымъ надобно было платить, и дѣти боярскія вытребованныя на службу, роптали, что не получаютъ жалованья, и разбѣгались. Въ это время правительство старалось умножить и усилить въ войскѣ отдѣлъ стрѣльцовъ, какъ болѣе организованное войско; на нихъ тогда полагались всѣ надежды, и потому по городамъ приказано было набирать въ стрѣльцы охочихъ вольныхъ людей, умѣющихъ стрѣлять.

Правительство, не въ силахъ будучи сладить съ поборами, созвало въ 1616 году земскій соборъ. Приказано было выбрать лучшихъ уѣздныхъ, посадскихъ и волостныхъ людей для «великаго государева земскаго дѣла на совѣтъ». Этотъ соборъ постановилъ всемірный приговоръ: собрать со всѣхъ торговыхъ людей пятую деньгу съ имущества, непременно деньгами, а не товарами, а съ уѣздовъ по 120 рублей съ сохи. Со Строгоновыхъ, по расчету, приходилось взять 16 000 рублей, но, кромѣ того, соборъ наложилъ на нихъ еще 40.000. «Не пожалѣйте своихъ животныхъ,—писалъ къ Строгоновымъ царь,—хоть и себя приведете въ скудость. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе Россійскому государству, нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ».

LVIII. ОТНОШЕНІЯ РОССИИ КЪ ПОЛЬШѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѦЕДОРОВИЧА.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ» и Берха: Царствование царя Михаила Ѧедоровича и взгляды на международствіе»).

Главною заботою Михаила была Польша. Сигизмундъ раскаявался, что, помышляя о пріобрѣтеніи себѣ престола московскаго, лишилъ сына своего возможности достигнуть онаго: онъ желалъ поправить свою ошибку и начать вновь борьбу съ Россією; но внутреннее разстройство Польши препятствовало ему въ томъ. На сеймѣ его упрекали въ безполезныхъ тратахъ, войско польское требовало невыплаченнаго жалованья, безъ чего

не хотѣло вновь сражаться съ русскими, а казна Сигизмундова была все истощена. Обстоятельства сіи были причиною, что около четырехъ лѣтъ король не могъ предпринять рѣшительнаго похода. Михаилъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы управиться съ Заруцкымъ, съ внутренними мятежниками и примириться съ Швеціею.

Сигизмундъ въ стѣсненномъ своемъ положеніи вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ предложилъ вступить въ переговоры съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе дѣла было предоставлено суду императора Матея, въ расположеніи котораго онъ былъ увѣренъ. Нѣсколько разъ уполномоченные сѣзжались, но совѣщаніе ихъ не имѣло успѣха. Послы польскіе и царскіе утверждали, что единственное средство къ примиренію—возвести Владислава на престолъ російскій, а наши требовали возвращенія Смоленска, вывода польскихъ войскъ изъ Россіи, признанія Михаила царемъ, да сверхъ того, чтобы Польша заплатила миллионъ рублей за убытки. Между тѣмъ частныя непріязненныя дѣйствія продолжались. Михаилъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Сигизмунда, спѣшилъ возвратить города, коими поляки овладѣли именемъ Владислава. Войска царскія заняли Вязьму, Дорогобужъ, Вѣлю, обложили Смоленскъ, намѣреваясь голодомъ принудить его къ сдачѣ; но подоспѣвшій Ходкевичъ подкрѣпилъ осажденныхъ и снабдилъ ихъ съѣстными припасами. Вскорѣ потомъ прибылъ Гонсѣвскій, принудилъ наши войска снять осаду и разбилъ ихъ совершенно.

Между тѣмъ Сигизмундъ настояніями своими успѣлъ наконецъ склонить сеймъ къ возобновленію войны съ Россіею для водворенія Владислава на престолъ московскій. Самъ королевичъ принялъ главное начальство надъ войскомъ, но военными дѣйствіями располагалъ гетманъ Ходкевичъ подъ надзоромъ особенныхъ комиссаровъ, назначенныхъ недовѣрчивымъ сеймомъ. Владиславъ сдѣлалъ воззваніе къ русскому народу. Нѣкоторые умы были поколеблены. Воевода Ададуровъ сдалъ ему Дорогобужъ и сталъ подъ его знамена. Владиславъ занялъ безъ труда и Вязьму. Но храбрый бояринъ Лыковъ, защищавшій Можайскъ, остановилъ непріятеля, принудивъ его провести зиму въ Вязьмѣ, претерпѣвать голодъ и холодъ среди жителей, ожесточенныхъ противъ него. Окрестные города оставались вѣрными Михаилу. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, ропотъ въ войскѣ и повелѣнія сейма кончить войну переговорами заставили Владислава сдѣлать предложеніе о мирѣ; но Михаилъ не хотѣлъ слышать о немъ, покуда непріятель не выступитъ изъ предѣловъ Россіи. Въ то же время царь принималъ мѣры къ защитѣ столицы, на помощь коей спѣшили со всѣхъ сторонъ войска. Поляки не могли открыть себѣ путь къ Москвѣ. При Владиславѣ осталось наконецъ не болѣе 1.000 человекъ регулярнаго войска. Онъ уже думалъ отступать, окончивъ такимъ образомъ походъ столь же трудный, сколько бесполезный, какъ вдругъ неожиданно прибылъ къ нему запорожскій гетманъ Сагайдачный, котораго Сигизмундъ склонилъ дарами идти на помощь къ Владиславу. Бѣдствовавшая Россія подверглась новой борьбѣ: Сагайдачный привелъ съ собою 20.000 казаковъ, испытанныхъ въ бояхъ. Съ ними Владиславъ пошелъ прямо къ Москвѣ, отправивъ къ Михайловымъ боярамъ грамоту, въ которой требовалъ немедленнаго повиновенія; въ противномъ случаѣ грозилъ мстю. Владиславъ пытался взять Москву штурмомъ, но не имѣлъ удачи: поляки

были отбиты. Тогда королевичъ началъ помышлять о мирѣ. Открылись переговоры. Послы царскіе, Шереметевъ, Мезецкій и Измайловъ, объявили, что не будетъ и рѣчи о соглашеніи, если польскіе уполномоченные станутъ называть Владислава царемъ; а когда поляки начали доказывать права его на престолъ московскій, то наши стали вычислять всѣ неправды Сигизмундовы и удалились. Владиславъ опять возобновилъ переговоры, соглашаясь отказаться отъ царскаго титула съ тѣмъ, чтобы всѣ чины русскаго государства отпраздновали торжественное посольство въ Варшаву просить прощенія у него въ мятежѣ и чтобы уступили ему Псковъ, Смоленскъ и города сѣверскіе. Бояре отвергли съ негодованіемъ это предложеніе. Владиславъ отступилъ къ Троицкой лаврѣ, намѣреваясь тамъ зимовать, чтобы потомъ, съ весною, возобновить войну и опустошить въ конецъ Россію; но войско его опять начало роптать за неплатежъ жалованья. а комиссары, по приказанію сейма, настаивали на заключеніи мира. Царь, съ своей стороны, тоже желалъ прекращенія войны. Послѣ долгихъ переговоровъ. 1-го декабря 1618 года, заключено перемиріе на 14 лѣтъ въ селѣ Деулинѣ, въ 7 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Положено: Владиславу отказаться отъ царскаго титула, а Михаилу отъ ливонскаго, черниговскаго и смоленскаго. Россія уступила области Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую; поляки возвратили плѣнныхъ, въ томъ числѣ Филарета.

Но царя постоянно занимала мысль о возвращеніи отъ Польши уступленныхъ ей областей; онъ стремился къ тому, чтобы возстановить Россію въ томъ положеніи, въ какомъ она была при послѣднемъ царѣ Рюрика дома. Естественно, намѣреніе это должно было произвести новую борьбу съ Польшею. Года черезъ три по примиреніи съ этой державой Михаилъ объявилъ въ земскомъ совѣтѣ, что Сигизмундъ нарушаетъ мирный договоръ, что Владиславъ удерживаетъ титулъ царя московскаго, что въ грамотахъ ко двору московскому польскіе паны пишутъ укоризны, что турецкій султанъ Османъ, шведскій король Густавъ-Адольфъ и ханъ крымскій убѣдительно просятъ идти войною на общаго врага, и что сами они уже начали военные дѣйствія. Если и при настоящихъ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ, присовокупилъ государь, Сигизмундъ не хочетъ нашей дружбы, чего же ожидать послѣ, когда онъ примирится съ Швеціею и Турціею, и не потеряемъ ли дружбы союзниковъ нашихъ, если отвергнемъ ихъ предложенія? Всѣ отвѣчали, что готовы жертвовать жизнью на войну съ королемъ польскимъ.

Хотя срокъ перемирія съ поляками еще не миновалъ, но Михаилъ, узнавъ о смерти Сигизмунда (1632 г.), желалъ воспользоваться междупарствіемъ въ Польшѣ и сдѣлалъ огромныя приготовленія къ упорной борьбѣ: нанялъ иноземное войско въ Англіи, Голландіи и Швеціи, вызвалъ изъ-за границы искусныхъ генераловъ, инженеровъ, закупилъ большое количество оружія, пороха. Армія состояла изъ 70.000 русскихъ и 30.000 нѣмцевъ съ сильною артиллеріею; главнымъ предводителемъ назначенъ знаменитый доблестью бояринъ Шеня. Въ октябрѣ 1632 года царь получилъ пріятное извѣстіе о взятіи городовъ Серпейска и Дорогобужа. Въ ноябрѣ и декабрѣ наши взяли Бѣдую, Невель, Рославль, Почепъ, Трубчевскъ и Себежъ. Михаилъ былъ очень доволенъ сими успѣхами. Войска наши потомъ обложили Смоленскъ и начали осаду этого города. Между тѣмъ Владиславъ, сынъ Сигизмунда, былъ избранъ коро-

лемъ польскимъ. Этотъ опытный и мужественный воинъ поспѣшилъ на помощь къ Смоленску и прибылъ, когда этотъ городъ, послѣ 10-ти-мѣсячной осады, томимый голодомъ, готовъ былъ сдаться. Армія польская состояла изъ 20.000 человекъ, къ которымъ еще присоединились 15.000 казаковъ. Владиславъ атаковалъ армию Шеина, принудилъ ее снять осаду и зашапцаться въ окопахъ. Шеинъ пытался выйти изъ окоповъ, чтобы рѣшительнымъ дѣломъ окончить борьбу; но усилія его были бесполезны: войска его пали духомъ. Между подчиненными Шеину воеводами и особенно между иностранными генералами нашей арміи возникло такое несогласіе, что Леслий (бывшій шотландскій полковникъ) въ присутствіи Шеина застрѣлилъ англійскаго генерала Сандерсона, начальствовавшаго надъ 3.000 англичанъ, находившихся въ нашей службѣ; открылись повальные бѣдѣзны; цѣлые полки бѣжали. Шеинъ, до того времени мужъ знаменитый неустрашимостью и заслугами, заключилъ капитуляцію, покрывшую его безславіемъ, по которой онъ оставилъ Владиславу весь свой лагерь и 125 пушекъ. По возвращеніи въ Москву, Шеинъ, Измайловъ и старшій сынъ его были казнены; прочіе, оказавшіеся виновными по смоленскому походу, были наказаны и сосланы. Владиславъ, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, желалъ мира, потому что въ войскъ его опять возникъ ропотъ за невыдачу жалованья; къ тому же съ турками онъ былъ въ войнѣ, а съ Швеціею перемиріе его приближалось къ сроку. Михаилъ, послѣ пораженія Шеина, не могъ продолжать военныхъ дѣйствій; составленіе новой арміи требовало времени и представляло большія затрудненія, а потому и онъ съ своей стороны желалъ примиренія. Приступили къ переговорамъ. Въ маѣ сѣхались уполномоченные съ обѣихъ сторонъ и, послѣ 30 жаркихъ совѣщаній, подписали при рѣчкѣ Поляновкѣ, недалеко отъ Вязьмы, 15-го іюня 1634 года, мирный трактатъ, главное содержаніе коего состояло изъ слѣдующихъ статей: 1) Вѣчный миръ и забвеніе всего прошедшаго. 2) Польскій король отрицается отъ данной ему руссіанами присяги и отъ всѣхъ правъ своихъ на руссійскій престолъ и возвратить присланный къ нему избирательный актъ. 3) Въ вознагражденіе уступить царь Михаилъ Ѳеодоровичъ польской коронѣ: Черниговъ и Смоленскъ съ ихъ уѣздами, Дорогобужъ, Бѣлую, Рославль, Стародубъ, Трубчевскъ, Невель, Себежъ, Красное, Муромскъ и Новгородъ Сѣверскій, съ артиллеріею, снарядами и архивами. Поселянамъ воспрещается оставлять мѣста своихъ жительства, но дозволяется только выѣхать оттуда солдатамъ, купцамъ и духовенству. 4) Царь Михаилъ долженъ исключить Смоленскъ и Черниговъ изъ титула своего и не писаться *вселя Россіи*, дабы не разумѣли подъ симъ названіемъ Россію, принадлежащую Польшѣ. 5) Царь долженъ отказаться отъ всѣхъ покушеній и правъ на Лифляндію, Эстляндію и Курляндію и не дозволять проходить чрезъ земли свои чужимъ войскамъ для покоренія сихъ странъ. 6) Для опредѣленія границъ будутъ назначены съ обѣихъ сторонъ комиссары. 7) Купцы обѣихъ державъ будутъ наслаждаться полною свободою, но русскіе не должны пріѣзжать въ Краковъ и Вильну, а польскіе въ Москву. 8) Плѣнные должны быть обоюдно возвращены безъ всякаго возмездія. 9) Царь и король обязываются не оказывать никакихъ пособій общимъ непріятелямъ. 10) Въ точномъ сохраненіи мирныхъ условій сихъ присягнетъ король въ Варшавѣ предъ русскими послами, а царь учинить то же въ

Москвѣ предъ польскими. 11) Послы обѣихъ державъ должны будутъ быть отправлены въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Если миръ сей не имѣлъ существенныхъ выгодъ, то для отечества нашего былъ онъ полезенъ въ двоякомъ отношеніи: царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пріобрѣлъ чрезъ оный возможность возстановить силы своего государства, устроить разоренную Москву и укрѣпить границы; притомъ торжественнымъ отреченіемъ Владислава отъ правъ на російскій престолъ успокоились умы кичливыхъ, которые при малѣйшемъ неудовольствіи передавались Владиславу.

ЛІХ. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА.

(Изъ соч. Смирнова: *Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ*).

Поляки, прославляя воинскія доблести Сигизмунда и Владислава, говорили, что «московское кесарство такъ разорено было войнами и запустошено въ смутное время, что не только городовъ, но и деревень на поляхъ не видишь, а гдѣ хотя деревенька и осталася—и тутъ людей нѣтъ». Они не преувеличивали. И нашъ лѣтописецъ также говоритъ, что почти вся земля русская была пуста. И въ этой-то пустой, разоренной землѣ самовластвовали «сильники», не только воеводы и намѣстники гражданскіе, но и даже высшія власти духовныя. Такую терпѣвшую и терпящую отъ своихъ и чужихъ враговъ землю долженъ былъ устраивать Филаретъ Никитичъ, по святому обычаю печалованія, бывшаго лучшею чертою дѣятельности русскихъ святителей. Должно думать, что еще на пути изъ Польши въ Москву ему привелось отчасти познакомиться съ тѣми безпорядками въ жизни отечества, причины которыхъ лежали какъ въ недавнемъ переворотѣ, какой произвело смутное время, такъ и въ тѣхъ лицахъ, которые и при установившемся уже, повидимому, государственномъ порядкѣ нечестно и противогосударственно относились къ дѣлу устроения. Вслѣдъ затѣмъ, какъ Филаретъ Никитичъ сѣлъ на престолъ патріаршій, его начальною заботою было—узнать достоверно настоящее состояніе Русской земли. Съ соборомъ пастырей онъ пришелъ къ сыну-государю съ совѣтомъ—сдѣлать общую перепись государству и раздѣлить на всѣхъ поровну тяжесть улучшенія и исправленія отечества. Соборъ, съ патріархомъ во главѣ, донесъ Михаилу Ѳеодоровичу, что прежніе дозорщики, со времени восшествія на престолъ Михаила до возвращенія Филарета Никитича изъ Польши, «дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, за иными не по дружбѣ тяжело; что отсюда—несправедливость, постоянныя жалобы, просьбы разныхъ льготъ, и многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и на всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловати велѣти отъ сильныхъ людей оборонить». По такому благому совѣту и разумѣйшему начинанію патріарха, положено было послать дозорщиковъ въ разоренныя и неразоренныя города Русской земли, давъ имъ полныя наказы, чтобъ они «описали и дозрили всѣ города вправду, безъ посуловъ, чтобы пріостановили переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, сыскивали про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ; сыскивали бы, что отъ разо-

ренія запустѣло, отъ такихъ людей, которые умѣли бы честно и правдиво рассказать обиды и насильства и разоренье... чтобы всякія нужды и тѣсноты и разоренья и всякіе недостатки были вѣдомы, и государь бы съ патриархомъ начали промышлять, чтобы во всемъ поправить, какъ лучше». Такая подробная перепись была лучшимъ средствомъ узнать существенные недостатки, опредѣлить и начертать планъ устроительной дѣятельности. Судя по грамотѣ, перепись должна была имѣть, повидимому, гражданскій характеръ и выгоду—правильную раскладку повинностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ описываемы были города и у всякихъ людей села и деревни, были описываемы и церкви, въ которомъ селѣ который храмъ и чье сооруженіе; видно, что желало правительство узнать нужды церковныя, происшедшія отъ разоренія поляковъ, русскихъ измѣнниковъ и казаковъ. Такъ какъ къ участию въ разузнаваніи нуждъ государства были призваны и лица духовныя, и отъ нихъ спрашивали и ссыскивали о недостаткахъ церкви и притѣсненіяхъ отъ сильныхъ людей, то понятно, что этою мѣрою обличались нарушенныя въ смутное время и позднѣе сильными людьми права церкви и ея служителей и опредѣлялся характеръ церковно-устроительной и административной дѣятельности Филарета Никитича.

Въ переписныхъ книгахъ того времени слишкомъ часто можно встрѣтить такую формулу, выражавшую состояніе русскихъ церквей: «На посадѣ монастырь, а въ немъ церковь ветха, стоитъ безъ пѣнія, запустѣла съ такого-то года», или: «Такой-то монастырь разоренъ до основанія, игумена въ томъ монастырѣ и старцевъ нѣтъ ни одного человѣка, и церковь стоитъ безъ пѣнія, и образовъ и книгъ нѣтъ, и вотчины всѣ разорены до основанія». Хотя общеою переписью могло достигаться то, что крестьяне оставались при прежнихъ владѣльцахъ, но эта мѣра не могла быть еще существенною поддержкою для церквей и монастырей, за которыми числились прежде вотчины, потому что жалованныя грамоты на нихъ большею частью были сожжены, или утратились какимъ-нибудь образомъ при разореніи. Въ древней же Руси было закономъ представлять по временамъ грамоты, не только данныя прежними царями, но даже если онѣ были даны царствующимъ еще лицомъ, для новой подписи и утвержденія царя; иначе онѣ были рушены всякими сильными лицами или общинами. Монастыри жаловались, что они вслѣдствіе потери грамотъ оскудѣли, что братія питаться нечѣмъ. Слѣдовательно, нужно было возстановленіе прежнихъ жалованныхъ грамотъ и подтвержденіе ихъ. Этимъ путемъ давалась возможность существованію небогатыхъ монастырей, совершенно лишившихся во время безурядицъ своихъ владѣній, которыя переходили какими-то путями къ богатымъ монастырямъ. Такъ, Филаретъ Никитичъ долженъ былъ по жалобѣ разбирать дѣло о завладѣніи Троицкимъ монастыремъ рыбными ловлями и садами у бѣднаго переяславскаго Данилова монастыря; точно то же случилось и при спорахъ монастырей и церквей съ частными лицами. Но при такихъ разбирательствахъ нужно было дѣйствовать съ осмотрительностью. Если были примѣры того, что частныя лица завладѣвали несправедливо собственностью другихъ и общины отягали земли у другихъ, слабѣйшихъ, конечно, основываясь на различныхъ жалованныхъ грамотахъ, которыми особенно богато время самозванцевъ и Сигизмунда, то нѣкоторые монастыри и сельскія церкви желали увеличить свои имѣ-

нія и доходы, пользуясь тоже этимъ общимъ разореніемъ и сожженіемъ актовъ, хотя бы у нихъ послѣднихъ и не существовало. Но допущеніе такого незаконнаго увеличенія церковныхъ имѣній, всегда пользовавшихся большими или меньшими льготами въ отношеніи даней и различныхъ послугъ государству, особенно было бы невыгодно теперь, при устроеніи и исправленіи многихъ земскихъ нуждъ, требовавшихъ безотлагательно капиталовъ. Не желая оскорблять церкви отказомъ въ удовлетвореніи ея законныхъ требованій и нарушать завѣщанія прежнихъ царей и доброхотныхъ дателей въ пользу церквей и, съ другой стороны, сохраняя интересы государства и не допуская преобладанія, основаннаго притомъ на сомнительныхъ правахъ, въ льготахъ и имѣніяхъ надъ государствомъ и его тяглымъ и бѣднымъ крестьянствомъ, царь и патріархъ постановили: «Тѣ списки съ жалованныхъ грамотъ, у которыхъ архимандричьихъ и игуменскихъ, и соборныхъ старцевъ, и дьячихъ рукъ иѣтъ,—тѣмъ спискамъ не вѣрить», если бы на нихъ кто либо основывалъ свои права на какія либо имѣнія и льготы. Изъ этого постановленія видно, что списки съ прежнихъ дѣйствительныхъ жалованныхъ грамотъ иногда писались или восстанавливались какъ монастырями, такъ и церквами, владѣвшими прежде какими либо имѣніями, на память, а иногда составлялись и подложныя жалованныя грамоты. Одного только подтвержденія прежнихъ жалованныхъ грамотъ было, однако же, недостаточно для того, чтобы устроить церковь русскую, разоренную въ смутное время. Нѣкоторые монастыри били челомъ, что «прежнихъ государей вотчины дано имъ мало, что монастырскія деревнишки разорены ворами». Постоянныя просьбы монастырей и жалобы не оставались въ этомъ случаѣ неудовлетворенными: однимъ монастырямъ жаловались земли, лѣса и рыбныя ловли, или давалось право зазывать въ запустѣлыя земли крестьянъ, распахивать дарственные земли и во всемъ устроить попрежнему, или же давались выморочныя имѣнія хотя и на оброки. Иногда въ пользу церкви шла половина мыта со всѣхъ судовъ, проходящихъ по рѣкамъ той мѣстности, гдѣ находился монастырь: крестьяне монастырскіе избавлялись отъ нѣкоторыхъ налоговъ. Такія льготы давались иногда или на вѣчныя времена, или на опредѣленное время, или на неопредѣленное.

Съ заботливостью о внѣшнемъ благоустройствѣ русской церкви Филаретъ Никитичъ соединилъ заботливость и о внутреннемъ ея благолѣтіи. Въ 1627 году повелѣніемъ и благословеніемъ его было составлено «Сказаніе о дѣйственныхъ чинахъ московскаго Успенскаго собора». Большая часть сказанія состоитъ изъ перечня: въ какіе дни и гдѣ бываетъ служеніе патріаршее, и бываетъ ли при служеніи этомъ царь. Въ статьяхъ, касающихся крестныхъ ходовъ, значится: какія иконы и изъ какихъ церквей должны быть воздвигаемы и по какому пути долженъ быть направлень ходъ. Къ нѣкоторымъ сказаніямъ о крестныхъ ходахъ приложено краткое историческое повѣствованіе о причинѣ и времени установленія хода. Есть правила относительно звона. Устроая церкви Божіи въ землѣ московской, нужно было обратить патріарху свое вниманіе и попеченіе на далекую Сибирь, тѣмъ болѣе, что тамъ дѣло просвѣщенія было вновь и, при смутныхъ обстоятельствахъ церкви русской, не могло быть ведено и поддерживаемо съ тою ревностью и наблюдательностью, какихъ требовала непросвѣщенная сторона. Недостатокъ пастырей въ

языческой странѣ былъ причиною того, что дѣло просвѣщенія христіанскаго шло медленно между туземцами. Рѣшено было учредить въ Сибири, состоявшей до того времени въ вѣдомствѣ московской епархіи, каѳедру архіепископскую. Мѣстомъ каѳедры былъ назначенъ Тобольскъ, столица Сибири. Былъ избранъ на каѳедру тобольскую архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря Кипріянь. Памятниками его ревности и трудовъ въ этомъ отношеніи осталось до 30 храмовъ и 12 монастырей, которые онъ или самъ строилъ, или возобновлялъ и поддерживалъ прежде его бывшіе. Порядокъ жизни въ монастыряхъ вводилъ онъ тѣмъ, что поставлялъ въ игумены лично извѣстныхъ ему строгого жизнью монаховъ, прибывшихъ съ нимъ въ Сибирь изъ Волокаламскаго, Соловецкаго и другихъ монастырей.

Время перваго самозванца, окруженнаго католиками, какъ оно ни было коротко, имѣло свое вліяніе на русское общество: въ Москвѣ были уже латинскія библіи, переводы съ польскихъ книгъ, латинскія изображенія страстей Христовыхъ. Постоянныя столкновенія съ поляками не могли пройти безслѣдно особенно для лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ слоямъ русскаго общества. Правда, такихъ лицъ, зараженныхъ иновѣрными мыслями, мы знаемъ не много: это князь Хворостининъ и еще какой-то князь, считавшій москвитянъ невѣждами въ дѣлахъ вѣры потому именно, что они крѣпко стоятъ за свое православіе. Какія же мѣры были приняты нашею церковью противъ вторженія католицизма, которое могло разростись и охватить многихъ? Если не могло быть серьезной полемической борьбы съ католицизмомъ частью потому, что проявленія его были большею частью одиночны, частью по недостатку людей, способныхъ вступить въ борьбу съ нимъ на южныхъ, на примѣръ, границахъ Россіи, все-таки нельзя было оставить зло неразслѣдованнымъ. Въ распоряженіи патріарха Филарета Никитича были только мѣры и средства: или уединить лицъ, зараженныхъ латинствомъ и свободомысліемъ, или пресѣчь и уничтожить причины, могущія породить измѣну православію, т. е. не дать возможности русскимъ сближаться съ католиками. Когда патріархъ узналъ о Хворостининѣ и его заблужденіяхъ, онъ сослалъ его въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь, гдѣ князь долженъ былъ содержаться подъ крѣпкимъ надзоромъ и исполнять келейное монашеское правило. Ему запрещено было давать для чтенія какія нибудь книги, кромѣ книгъ церковныхъ. Филаретъ Никитичъ, какъ и большая часть народа русскаго того времени, особенно не терпѣлъ католиковъ и старался не допускать ихъ въ Россію. Для сохраненія чистоты вѣры такими путями правительство даже жертвовало важными государственными интересами. Когда, на примѣръ, въ 1627 г., французскій король Людовикъ XIII присылалъ въ Москву посольство для исходатайствованія своимъ подданнымъ свободной торговли въ Россіи, причемъ была попытка просить и о построеніи костела, посольству было отказано во всемъ наотрѣзъ. Даже въ трудное время для Россіи, предъ Смоленской войною, при недостаткѣ собственныхъ военныхъ силъ, когда нужно было обратиться за помощью иностранныхъ войскъ, положено было закономъ «людей римской вѣры однолично не наймовать», и, когда между наемными войсками какимъ-то образомъ оказалось нѣсколько католиковъ, ихъ вывезли обратно за границу. Иностранные писатели замѣчали, что изъ всѣхъ иновѣрцевъ только католики и жида нетерпимы

были русскими. Послѣ московскаго разоренія поляки стали особенно ненавистны русскимъ за тѣ оскорбленія отечественной святыни, до которыхъ доходило рыцарство, оскверняя Божіи церкви, ругаясь надъ алтарами, иконами, мощами и проч. Свою ненависть русскіе перенесли съ поляковъ и на всѣхъ католиковъ.

Самое видное мѣсто въ дѣятельности святѣйшаго патріарха занимаетъ печатаніе и исправленіе богослужебныхъ книгъ. Поляки и шведы, разоряя русскія церкви, жгли и книги церковныя. Въ Москвѣ, въ единственномъ мѣстѣ, откуда выходили для сѣверной Россіи печатныя богослужебныя книги, «вся штанба печатнаго дѣла отъ враговъ и супостатъ разорися и огнемъ пожжена бысть, погиге до конца и не остана ничтоже такового орудія. Хитрин на то людѣ мали останася и въ иные грады отбѣгоша». Понятно, что печатное дѣло пріостановилось. Съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича дѣло печатанія возобновилось; была устроена типографія и печатались церковно богослужебныя книги. Но печатаніе сравнительно шло неуспѣшно. И тогда, когда возвратился изъ Литвы Филаретъ, «зельною ревностію одержимъ бывъ къ божественнымъ книгамъ, повелѣлъ печатанію строитися безпрестани и предавать книги по всей русской землѣ святымъ Божіимъ церквамъ», такъ въ нихъ нуждавшимся. Патріархъ и царь видѣли, что въ книгахъ «многое нѣкое и презлишно разногласіе и несличное стихословіе. О семъ разумно вземлюще, они повелѣли отъ градовъ книги харатейныя добрыхъ переводовъ древнихъ собрати и отъ тѣхъ древнихъ божественныхъ писаній стихословіе исправляти, яже неисправленіемъ отъ преписующихъ и многолѣтнихъ обычаевъ погрѣшено». Изъ описи книгъ лаврской бібліотеки видно, что при патріархѣ Филаретѣ были взяты отсюда списки церковныхъ книгъ въ Москву для исправленія по нимъ книгъ, печатаемыхъ вновь. Такимъ образомъ, пособиями при исправленіи были избраны добрые хартейные славянскіе переводы. Въ рѣдкихъ случаяхъ справщики пользовались и греческимъ текстомъ, особенно когда онъ оказывался сходнымъ съ древними славянскими переводами. Греческія книги и тогда уже не пользовались довѣріемъ. Книги грековъ считали искаженными латинянами. Однако, и при такихъ неширокихъ пріемахъ исправленія, какія были приняты, желанія патріарха, направленные къ тому, чтобы, «все исправивъ, въ единоголасіе привести всѣ потребности и чины церковнаго священноначалія», были выражены самымъ дѣломъ. Особенно было обращено вниманіе патріарха на пересмотръ требника и служебника: первый былъ печатанъ четыре раза, второй шесть разъ. Хотя патріархъ строго слѣдилъ за печатаніемъ, самъ досматривалъ отпечатанныя уже книги, но, не знакомый съ языкомъ греческимъ, можетъ быть даже не чуждый такого жъ взгляда на грековъ, какой имѣли другіе, онъ не могъ многого сдѣлать для исправленія книжнаго. Выборъ старыхъ переводовъ безъ свѣрокъ по тексту греческому не избавлялъ отъ повторенія важныхъ погрѣшностей. Исправленіемъ по древнимъ переводамъ ограничивалась только дальнѣйшая порча книгъ богослужебныхъ. Оттого-то въ служебникахъ и другихъ книгахъ времени патріарха Филарета встрѣчаются еще важные недостатки.

Иностранцы-современники говорятъ, что русскіе не любили никакихъ высшихъ знаній, и одинъ изъ нихъ писалъ: «Невѣжество русскихъ таково, что во всей землѣ ни изъ высшаго сословія, ни изъ духовенства нѣтъ человѣка, который бы разумѣлъ слово по-латыни, хотя этотъ

языкъ есть корень и орудіе всякаго благоустройства, мудрости и искусства». Школы при церквяхъ, впрочемъ, какъ говорятъ иностранцы же, были, но въ нихъ не многіе священники или дьячки учили юношество только читать и писать на русскомъ языкѣ. Никакихъ общеобразовательныхъ книгъ не было. О русскомъ духовенствѣ и монашествѣ иностранцы говорятъ, что они ничего не могутъ отвѣтить, если ихъ спросить что выбудь изъ библіи или изъ святыхъ отцовъ, или объ ихъ вѣрѣ. Живое слово было забыто; священники не читали никакихъ проповѣдей, не дѣлали никакихъ толкованій библейскихъ текстовъ, а ограничивались только ихъ чтеніемъ, и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Суевѣріе въ духовенствѣ было такъ же обычно, какъ и въ простомъ народѣ. Съ малообразованностью и суевѣріемъ духовенство соединяло порокъ пьянства, доходившій до того, что нетрезвые священники вступали въ стачки съ крестьянами, выходили на грабежи и разбои, творя соблазны и вѣрнымъ, и невѣрнымъ своимъ поведеніемъ. Грубые пороки, неразлучные съ порокомъ пьянства, унижали и бѣлое, и черное духовенство. Въ монастыряхъ было многое нестроенье, пьянство и своеволие: держали и питье пьяное, и табакъ; близъ монастырей харчевни были настроены, и продавалась брага, а старцы по пирамъ и братчинамъ ходили, постоянно бражничали и безчинствовали. Если таковы были тѣ, которые должны были служить примѣромъ доброй жизни для другихъ, можно представить, насколько высокъ былъ умственный и нравственный уровень простаго народа. Иностранцы не находятъ словъ, описывая его грубые пороки. Что же предпринималъ патріархъ относительно возвышенія умственного и нравственного состоянія русскаго народа? Къ сожалѣнію, только въ послѣдніе годы своей жизни Филаретъ нашелъ время обратить вниманіе на устройство школъ. Но вслѣдствіе недостатка людей, способныхъ заняться дѣломъ обученія русскаго юношества, нужно было обращаться съ просьбами объ учителяхъ на востокъ. Съ такою просьбою и обращался Филаретъ Никитичъ къ Кириллу, патріарху константинопольскому. Протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе просьбъ изъ Россіи, пріѣхалъ въ 1633 г. въ Москву на службу по дѣламъ духовнымъ—переводить греческія книги на славянскій языкъ и учить малыхъ ребятъ греческому языку и граматѣ на учительскомъ дворѣ. Корму положено было ему по полтинѣ на день и, сверхъ того, ежегодно царскаго жалованья по десяти аршинъ камки и по сорока куніцъ. Олеарій видѣлъ московскую школу, введенную въ послѣдніе годы жизни патріарха. Въ какихъ размѣрахъ шло обученіе, мы не знаемъ. Филаретъ желалъ поднять уровень народнаго образованія. Онъ призывалъ и архіепископовъ къ участию въ устроеніи училищъ при домахъ архіерейскихъ. Но позднее, вслѣдствіе другихъ нуждъ, начатіе дѣятельности по отношенію къ народному образованію и недостатокъ людей, способныхъ къ этому дѣлу въ землѣ Русской, можетъ быть и недостатокъ въ грекахъ, готовыхъ отправиться въ Москву по требованію патріарха, все это было причиною того, что школа не могла приносить желанныхъ плодовъ. Не далѣе какъ въ 1640 г., кіевскій митрополитъ Петръ Могила писалъ Михаилу Ѳеодоровичу: «Пожалуй, царь, повели въ царствующемъ своемъ градѣ монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину граматъ греческой и славянской учили. Нынѣ волошскій воевода добре позна, какова мзда отъ Бога

для воздвиженія училищъ. Аще возможно и величеству твоему въ семь прошеніи митрополита кievскаго пожаловати, по своей воли сотвори, и митрополитъ кievскій старцевъ со учителями пришлетъ». Эта просьба кievскаго митрополита объ устроеніи монастыря въ Москвѣ съ цѣлью обученія русскихъ грамотъ славянской и греческому языку ясно доказываетъ, что устроенная патріархомъ школа была слишкомъ недостаточна для своей цѣли.

Заботились царь и патріархъ и объ уничтоженіи пьянства, безчиній въ словѣ и дѣлѣ, какъ между духовенствомъ, такъ и въ народѣ. Распушенность въ этомъ отношеніи была такъ велика, что даже такіе монастыри, изстари отличавшіеся строгостью жизни, какъ Сергіева лавра и обитель Соловецкая, были увлечены общимъ потокомъ. И здѣсь пьянство, развратъ, нарушенія уставовъ нашли себѣ пріютъ въ смутное время. И вотъ съ первыхъ лѣтъ патріаршества Филарета Никитича было обращено сильное вниманіе на уничтоженіе такихъ пороковъ и своеволія въ монастыряхъ. Въ 1621 г., царь пишетъ грамоту въ Соловки, «чтобы братія жила по божественному уставу, по правиламъ отцевъ и по преданію Зосимы и Савватія, чтобы не самовластвовали, питья не держали». Но дѣло нравственнаго исправленія общества, ранѣ поставленнаго въ самыя удобныя условія для того, чтобы распушенность взяла верхъ надъ сдержанностью, каково время смутное, не можетъ быть достигнуто силами и временемъ одного человѣка. Въ нравственномъ отношеніи общество воспитывается поколѣніями.

Конецъ XVI и начало XVII вѣка были очень тяжелымъ временемъ для церкви православной. Если она по временамъ—и ранѣ XVII вѣка, и позднѣе—страдала въ какой либо странѣ, то въ другой, по крайней мѣрѣ, она не терпѣла особыхъ притѣсненій. Не таково было положеніе церкви за это время. Тяжелыя бѣдствія постигали ее одновременно и на Востокѣ, и въ Греціи, гдѣ ее разоряло и унижало своеволіе и фанатизмъ турокъ, и въ Грузіи, тѣснимой и разоряемой Шахъ-Аббасомъ. Церковь южно-русскую раздирала унія; церковь сѣверной Руси—самозванщина со всѣми ея ужасами. Если когда, то именно въ тяжелыя времена, члены церкви нуждаются въ общеніи, взаимной помощи, въ сохраненіи единенія и мира духовнаго. Успокоенное Русское государство и церковь русская, получившія свою вѣру изъ Греціи, связанныя узами племеннаго родства съ угнетенными и нуждающимися въ помощи братьями другихъ церквей, имѣли теперь случай подать съ своей стороны помощь, какую могли, братьямъ по духу и тѣлу. Церковь восточная, крайне бѣдствовавшая въ то время, и прежде обращалась съ просьбами о милостынѣ къ церкви русской; но смуты государственныя прервали на время эти сношенія, и они возобновились только съ умиротвореніемъ государства. За милостынею пріѣзжаютъ: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и простые старцы изъ іерусалимской, александрійской, константинопольской патріархій, а черезъ эти каѳедры русскіе не забывали и каѳедру антиохійскую. Особенно часто писалъ въ Россію патріархъ константинопольскій Кириллъ. Вся церковь восточная ни откуда не ждала помощи, какъ только отъ русской церкви, не имѣла ни откуда надежды, какъ только изъ Россіи. И русская церковь оправдывала надежды церквей восточныхъ. Чтобы судить о русской милостынѣ на востокъ въ первую четверть XVII в., укажемъ на то, что только въ одномъ 1624 г. рус-

скими послами роздано было по разнымъ монастырямъ восточныхъ патриархій за здравіе царское 1590 золотыхъ. Кромѣ восточныхъ церквей, приходили за милостынею изъ Угорской земли, Сербіи, Болгаріи. Замѣтимъ, однако, что отказывали тѣмъ лицамъ, которыя, приходя въ Русскую землю, не приносили какихъ либо политическихъ новостей изъ Турецкой или Литовской земли, или вообще той страны, чрезъ которую кому случалось ѣхать. Правительство желало знать о томъ, что дѣлается въ политическомъ мірѣ. Привѣжающихъ обыкновенно ирежде всего спрашивали въ посольскомъ приказѣ: гдѣ кто ѣхалъ, какою землею, и что слышали, какія отношенія между сосѣдними дворами, и нѣтъ ли какихъ либо замысловъ. Не сообщавшіе политическихъ новостей принимаемы были холодно. Православная церковь южно-русская также не была забываема милостями царя и патриарха. Начиная съ 1621 г., мы видимъ приходящихъ за милостынею изъ Львова, Галича, Кіева; архимандритъ пещерскій Петръ Могила часто сносился грамотами съ патриархомъ Филаретомъ то по личнымъ нуждамъ, то ходатайствуя за другихъ. Въ 1620 г. было посольство въ Москву отъ Сагайдачнаго съ просьбою о покровительствѣ. Православные казаки Малороссіи около 1625 г. отправили въ Москву посольство, во главѣ котораго былъ епископъ луцкій Исаакій, съ просьбою принять казаковъ подъ русское покровительство отъ гнета католицизма. «У малороссіянъ одна только дума, говорилъ Исаакій, какъ бы поступить подъ государеву руку». Но эти посольства и просьбы не достигали свой цѣли. Михаилъ Ѳеодоровичъ и патриархъ, не желая нарушить до урочнаго времени мирнаго времени съ поляками, обнадежили пословъ обѣщаніемъ быть полезными въ свое время, щедро одарили ихъ, но, связанное договоромъ 1618 г., правительство хотя и не могло начать войны съ Польшею изъ-за казаковъ, тѣмъ не менѣе желало знать о всѣхъ притѣсненіяхъ, какія терпѣли православные отъ католиковъ.

Патриарха Филарета лѣтописецъ не даромъ назвалъ государственныйшимъ патриархомъ. Мы видимъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій его искуснаго дипломата и правителя: въ лицѣ его совершилось дѣйствительное соединеніе высшей духовной и гражданской власти. Въ грамотахъ и указахъ того времени значилось: «Государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи и великій государь, святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи указали». И титулъ «великаго государя» не былъ у Филарета Никитича только почетнымъ титуломъ, но дѣйствительнымъ обозначеніемъ и государственной власти, и государственной дѣятельности патриарха. Въ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи есть указъ о наслѣдствахъ, изданный только однимъ великимъ государемъ патриархомъ, безъ участія царя. Когда вступилъ на престолъ Михаилъ еще «не бѣ ему толика разума», чтобы исправить разстроенный государственный порядокъ; бояре окружавшіе престолъ царя, своевольствовали и не боялись молодого государя. Мать не много могла пособить въ дѣлѣ управленія. Патриархъ Филаретъ, богатый опытомъ, въ ранніе годы занимавшій видное мѣсто при дворѣ московскомъ, всего лучше могъ быть руководителемъ и совѣтникомъ своего сына, и лѣтописецъ справедливо замѣтилъ, что онъ «всякими царскими и ратными дѣлами владѣлъ». Онъ съ перваго же раза понялъ нужду экономическаго устроенія страны и посовѣтовалъ царю произвести общую перепись въ видахъ облегченія и уравниенія раскладокъ въ государственныхъ повин-

ностях. Такъ же хорошо понялъ онъ и нужду усиленія самодержавной власти, когда, по его совѣту, было уничтожено мѣстничество на службѣ при полкахъ и при отправленіи посольскихъ обязанностей. Со времени возвращенія изъ Польши и до самой смерти Филарета всѣ важныя государственныя постановленія и распоряженія производились по совѣту и благословенію его. Бояре часто собирались у государя патріарха предъ крестовою палатою въ сѣняхъ для разсужденія о дѣлахъ государственныхъ. О нихъ докладывали царю и патріарху. До самой смерти патріархъ былъ преданъ интересамъ государства и дѣятельно участвовалъ въ правленіи государствомъ. Это двоевластіе заявлялось официально при торжественныхъ приѣмахъ пословъ иностранныхъ и въ судахъ надъ русскими боярами. Патріархъ присутствовалъ при аудіенціяхъ посламъ. Въ такихъ случаяхъ онъ сидѣлъ по правую руку государя въ своемъ святительскомъ мѣстѣ, обитомъ чернымъ бархатомъ, въ бархатной мантии съ сажеными источниками, въ большомъ клобукѣ съ золотыми дробницами, съ каменьемъ и жемчугами. Когда патріархъ не присутствовалъ при приѣмахъ или отпускахъ пословъ у царя, они официально представлялись одному патріарху. Церемоніи приѣма пословъ были тѣ же, что и при представленіи ихъ царю.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ ПОДЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ВЪ XVI И XVII СТ.

IX. СОЕДИНЕНИЕ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЮ И ЛЮБЛИНСКАЯ УНІЯ.

(По соч. Кояловича: «Люблинская унія»).

Сто восемьдесятъ три года прошло со времени перваго соединенія Литвы съ Польшею при Ягеллѣ (1386) до послѣдняго, рѣшительнаго соединенія ихъ при королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ Сигизмундѣ-Августѣ (1569). Очевидно, что процессъ слиянія двухъ государствъ въ одно тормозился многими препятствіями, если государства эти, состоя подѣ управленіемъ одной династіи, иногда подѣ управленіемъ однихъ и тѣхъ же государей, при несомнѣнномъ желаніи этихъ послѣднихъ добиться слиянія, долго не могли соединиться въ одно прочное и неразрывное цѣлое. Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягеллѣ было рѣшено случайностью существованія въ Польшѣ царственной невѣсты, на которой и женился в. князь литовскій. Съ другой стороны, Литва, въ виду усиливавшагося Московскаго государства, въ виду набѣговъ крымцевъ, въ виду того, что сама была обременена многочисленными русскими землями, должна была искать себѣ союзниковъ и нашла ихъ въ полякахъ, королемъ которыхъ сдѣлался ея великій князь. О народныхъ симпатіяхъ, ведшихъ въ XIV столѣтіи Литву и Польшу во взаимныя объятія, не можетъ быть и рѣчи: симпатій этихъ не существовало, по крайней мѣрѣ онѣ ни въ чемъ не проявились. Но соединеніе Литвы съ Польшею на первыхъ же порахъ вызвало многочисленныя затрудненія. Противоположность между строемъ литовскимъ и строемъ польскимъ была слишкомъ значительна, чтобы дѣло могло сладиться вполне мирно и спокойно. Въ Литвѣ государи были наслѣдственные, почти съ неограниченною властью, въ Польшѣ они были избирательные съ очень ограниченою властью. Аристократія литовская принадлежала,

къ княжескимъ фамиліямъ, нѣкогда владѣтельнымъ. Въ Литвѣ между аристократіей и простымъ народомъ былъ многочисленный средній классъ, такъ называемое боярство, которое, примыкая съ одной стороны нечувствительно къ аристократіи, а съ другой — къ простому народу, давало возможность этому послѣднему быть свободнымъ классомъ земледѣльцевъ. Въ Польшѣ крупный аристократизмъ терялся въ шляхетствѣ, которое, съ другой стороны, сосредоточивъ въ себѣ всѣ права, приготовило для крестьянскаго сословія почти рабское состояніе. Поэтому въ Литвѣ ни крестьянству, ни аристократіи не могло особенно нравиться близкое соединеніе съ Польшею, причемъ эта послѣдняя должна была неминуемо навязать первой свой политическій и общественный строй. За то литовско-русское боярство могло желать и дѣйствительно желало соединенія, при которомъ оно надѣялось преобразиться въ шляхетство.

Пользуясь дѣйствіемъ элементовъ, не расположенныхъ къ униі, двоюродный братъ Ягелла—Витовтъ, вскорѣ послѣ 1386 года, поднялъ смуту, которая угрожала расторгнуть тѣ слабыя узы, какими Ягелло старался привязать исконное владѣніе своихъ предковъ къ своему новому королевству. Пришлось за Витовтомъ утверждать личное право управлять Литвою. Литовцы задобрены были дарованіемъ польскихъ дворянскихъ гербовъ, польскихъ чиновныхъ названій, дозволеніемъ сеймовъ по образцу польскихъ, и въ свою очередь обѣщали быть въ неразрывномъ союзѣ съ Польшею. Это соглашеніе достигнуто было на сеймѣ въ Городлѣ въ 1413 г. Витовтъ, однако, держалъ себя отдѣльно и ограждалъ, насколько могъ, свои владѣнія отъ польскаго вліянія. Онъ даже намѣревался провозгласить себя королемъ, но польско-литовская интрига помѣшала этому. Впрочемъ, главная причина неудачи скрывалась не въ этихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ: Литва дѣйствовала врозь съ Русью. По городельскому акту польскими преимуществами могли пользоваться только приваившіе католичество, а такъ какъ таковыми были главнымъ образомъ литовцы, то новыя ихъ привилегіи внесли рознь между ними и русскими.

Послѣ смерти Витовта рѣзкая отдѣльность Литвы отъ Польши продолжалась по прежнему. Польскій король и в. князь литовскій Казиміръ (1440—1492) ничего не сдѣлалъ для сліянія двухъ половинъ своихъ владѣній. При немъ въ Литвѣ усилился даже элементъ русскій, ибо король особенно благоволилъ къ нему. Цѣлая масса русскихъ князей переходила добровольно подъ его власть; даже Новгородъ искалъ его покровительства и чуть было не примкнулъ къ Литвѣ. При сынѣ Казимира, Александрѣ, управлявшемъ Литвою въ то время, когда братъ его Янъ-Альбертъ управлялъ Польшею, значеніе русскаго элемента въ Литвѣ возросло до того, что Глинскій былъ самымъ приближеннымъ человекомъ, и даже, послѣ смерти Александра, возникла серьезная опасность, чтобы онъ не утвердился на виленскомъ престолѣ. Но столь благоприятныя для отдѣльнаго существованія Литвы обстоятельства прекратились съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Янъ-Альбертъ, и Александръ явился государемъ обоихъ государствъ. Теперь онъ долженъ былъ хлопотать объ униі и при этомъ о возвращеніи подъ власть Польши Киевской и Волынской областей, что обѣщалъ еще сдѣлать Ягелло, но не могъ выполнить на самомъ дѣлѣ. Литовцы всполошились, собрали всѣ свои силы и затормозили это дѣло такъ, что новый актъ соединенія Литвы съ Поль-

шей съ подчиненіемъ послѣдней областей Кіевской и Волынской составлялся нѣсколько дѣтъ, подписанъ только немногими литовцами и остался безъ исполненія. Тѣмъ не менѣе народное западно-русское дѣло понесло невозвратимую потерю. Русскія области обѣдѣли лучшими людьми, перешедшими въ Московское государство, даже нѣкоторыя русскія земли отпали совсѣмъ отъ Литвы. Народное дѣло осталось въ рукахъ однихъ литовцевъ немногочисленныхъ, значительно ополченныхъ и олатиненныхъ, а потому мало способныхъ опираться на поддержку народа. Можно думать, что если бы Сигизмундъ, наслѣдникъ Александра, менѣе любилъ Литву, то онъ безъ особаго труда достигъ бы окончательной ея уніи съ Польшею. Но онъ самъ нарочно не поднималъ вопроса ни объ укрѣпленіи прежнихъ договоровъ, ни о передачѣ областей Кіевской и Волынской. Онъ даже далъ Литвѣ особаго правителя въ лицѣ своего сына Сигизмунда-Августа.

Не смотря на то, что и этотъ послѣдній былъ, подобно отцу, ревностнымъ литовскимъ патриотомъ, онъ, сдѣлавшись польскимъ королемъ, поставленъ былъ въ необходимость хлопотать объ уніи. До сихъ поръ одною изъ сильнѣйшихъ связей между двумя смежными государствами была династія Ягеллоновъ, любимая въ Литвѣ и доставлявшая Польшѣ королей. Сигизмундъ Августъ былъ бездѣтенъ и послѣдній изъ Ягеллоновъ. Смерть его угрожала полнымъ разединеніемъ, такъ какъ поляки выбрали бы, вѣроятно, на свой престолъ одно лицо, литовцы—другое, причемъ трудно было рассчитывать на тѣсную дружбу какъ обоихъ государей, такъ и обоихъ народовъ. Хотя и патриотъ литовскій, Сигизмундъ-Августъ не желалъ допустить разрыва между Литвою и Польшею,—разрыва, который считалъ одинаково неудобнымъ для обоихъ сторонъ. Во что бы то ни стало, слѣдовало покончить дѣло въ томъ смыслѣ, чтобы не допускать разобщенія. Сигизмундъ-Августъ принялся за разрѣшеніе этой трудной задачи.

Онъ началъ съ того, что часть доходовъ, идущихъ съ государственныхъ литовскихъ земель въ его кассу и находившихся во владѣніи литовскихъ вельможъ, подарилъ польской коронѣ. Это значило, что король, избранный въ Польшѣ, тѣмъ самымъ дѣлается великимъ княземъ литовскимъ; это значило также, что если Литва сольется съ Польшею, то и тамъ будетъ участвовать въ избраніи короля; въ противномъ же случаѣ ей придется принимать того, кого выберутъ поляки. Этотъ «варшавскій репессъ» сильно разсердилъ литовскихъ вельможъ. Они протестовали, но безъ успѣха, такъ какъ великій князь могъ по своему произволу распорядиться тѣмъ, что считалось его собственностью. Между вдовольными ходила мысль даже о томъ, чтобы передаться царю московскому, мысль, которая могла бы имѣть значительный успѣхъ, еслибы на московскомъ престолѣ сидѣлъ вмѣсто Іоанна IV, уже прославившагося тогда своими жестокостями, кто-либо другой.

Намъ уже извѣстно, что изъ всѣхъ сословій Литвы одно лишь боярство могло желать слиться съ Польшею. Но оно жило на земляхъ аристократіи и потому было отъ нихъ зависимо. Когда въ Литву проникли многія польскія новости въ родѣ сеймовъ, гербовъ и т. д., дѣлавшіяся доступными лишь для аристократіи, то боярство стало очень негодовать на свое положеніе. Аристократія сдѣлала ему уступку допущеніемъ областныхъ сеймовъ, на которыхъ участвовали и бояре; они-то могли

избирать депутатов и на главный сеймъ. Но понятно, что, сидя на землѣ аристократовъ, бояре не могли имѣть существеннаго значенія ни на областныхъ сеймахъ, ни на главномъ. Король замѣтилъ эту слабую сторону и воспользовался ею. Онъ юридически уравнилъ литовское боярство съ аристократіей во всѣхъ правахъ. Такимъ образомъ сразу получалась значительная сила въ самой Литвѣ, готовая способствовать полному сліянію съ Польшею. Подготовивъ такимъ образомъ все дѣло, король велѣлъ (1569) съѣхаться и полякамъ, и литовцамъ на сеймъ въ Люблинъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о полномъ сліяніи обоихъ союзныхъ государствъ.

Сеймъ открылся 10-го января. Поляки рѣшились дѣйствовать энергично и думали, что имъ удастся дѣло покончить вдругъ. Предполагая вопросъ о томъ, что унія неминуемо состоится, какъ-бы находящимся внѣ всякаго сомнѣнія, они предложили литовскимъ представителямъ сразу засѣсть съ ними вмѣстѣ и такимъ образомъ вести дальнѣйшее обсужденіе дѣла. Но литовцы, для которыхъ предлагаемая унія была не особенно желательною, этого предложенія не приняли. Они ссылались на обычай, по которому до сихъ поръ сеймы польскій и литовскій собирались отдѣльно и сносились другъ съ другомъ при помощи короля или особыхъ комиссаровъ; къ тому же они говорили, что желаютъ прежде покончить съ королемъ свои собственныя, чисто литовскія дѣла. Подъ послѣдними должно подразумѣвать то, что они добивались отъ Сигизмунда-Августа утвержденія своего собственнаго статута для Литвы и нѣкоторыхъ другихъ особыхъ правъ. Король сообразилъ, что удовлетворить ихъ желанію—значить сдѣлать полное сліяніе Польши и Литвы невозможнымъ, и потому отказалъ въ просьбѣ литовскихъ депутатовъ, пригласивъ ихъ прежде всего покончить важнѣйшее дѣло—дѣло унія. Такимъ образомъ тактика литовцевъ не удалась; но не удалась и тактика поляковъ, желавшихъ сразу устроить совмѣстные засѣданія: литовцы заявили, что они по-прежнему будутъ засѣдать отдѣльно до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ соглашеніе по всѣмъ пунктамъ. Вслѣдъ за тѣмъ обнаружилось, что обѣ стороны придерживаются весьма различныхъ точекъ зрѣнія на унію. Литовцы требовали оставленія въ сторонѣ вопроса о государственномъ слитіи Литвы съ Польшею и высказывались лишь за закрѣпленіе нравственнаго братскаго союза. Поляки выдвигали на первый планъ актъ унія Александра и варшавскій рецессъ. Первый изъ этихъ актовъ литовцы называли пустою бумагою, о второмъ говорили, что, такъ какъ сами, подобно полякамъ, имѣютъ право на избраніе государя, который въ Литвѣ можетъ получать власть не только по наслѣдству, то Сигизмундъ-Августъ, подаривъ Польшѣ на вѣчныя времена доходы съ литовскихъ государственныхъ имуществъ, подарилъ ей то, чего самъ не имѣетъ. Желая достигнуть соглашенія, король предложилъ обѣимъ сторонамъ слѣдующій проектъ унія: сліяніе Литвы съ Польшею въ одно государство и въ одинъ народъ; признаніе одного монарха, избраннаго на общемъ сеймѣ; уничтоженіе особыхъ сеймовъ, особыхъ печатей, особой монеты, а также всѣхъ статей статута, нарушающихъ подобное единство; собственная Литва и Бѣлоруссія могутъ сохранять литовскій государственный титулъ, государственный должностны и очищенный статутъ; что касается до остальныхъ (малорусскихъ) частей княжества, то эти особенности на нихъ не распространяются, и онѣ

переходятъ въ непосредственное польское управленіе. Литовцы отвергли этотъ проектъ, противопоставивъ ему слѣдующій свой: Польша свободно избираетъ себѣ короля, а Литва, также свободно, избираетъ этого короля своимъ великимъ княземъ, причемъ послѣ коронаціи въ Краковѣ должна слѣдовать коронація въ Вильнѣ; сохраняется отдѣльность сеймовъ, монеты, управленія; литовскій статутъ остается въ силѣ и не подвергается передѣлкѣ; Литва сохраняетъ всѣ свои владѣнія, не исключая Кіевской и Волынской областей, а Польша обязана гарантировать цѣльность этихъ владѣній. Но этотъ проектъ въ свою очередь отвергли поляки, говоря, что тутъ вовсе нѣтъ уніи, ибо «мы и съ невѣрными можемъ имѣть такой союзъ». Король, въ качествѣ защитника уніи въ польскомъ смыслѣ, рѣшился на хитрость. Онъ секретно условился съ польскими депутатами, чтобы они незамѣтно собрались въ назначенный день и часъ въ замокъ. Предполагалось затѣмъ, что король къ тому же времени призоветъ къ себѣ своею властью всѣхъ литовцевъ и введетъ ихъ въ польскій сеймъ. Поляки приготовились, король послалъ за литовцами, но тѣ, провѣдавъ, въ чемъ дѣло, не явились и даже на слѣдующій день (28-го февраля), не желая впредь подвергаться подобнымъ сюрпризамъ, и уѣхали изъ Люблина почти всѣ.

Такимъ образомъ, дѣло уніи казалось неудавшимся, сеймъ разстроеннымъ. Поляки страшно негодовали и, въ пылу гнѣва, кричали, что литовцы хуже турокъ, что ихъ слѣдуетъ проучить оружіемъ. Понятно, что о войнѣ серьезно не думали, какъ потому, что исходъ ея могъ быть плачевнымъ для самой Польши, такъ и потому, что въ такомъ случаѣ пришлось бы навсегда отказаться отъ полнаго сліянія, на какое можно было рассчитывать лишь при мирной политикѣ. Поляки рѣшились продолжать занятія сейма, какъ-бы игнорируя какъ уѣхавшихъ, такъ и оставшихся литовцевъ, но зато они пригласили въ Люблинъ представителей Подлясы, литовской области, расположенной къ югу отъ Бѣловѣжской пуши. Многіе граждане Подлясы были недовольны литовскими аристократами, обращавшимися съ ними очень безцеремонно. Подляскимъ депутатамъ обѣщаны были нѣкоторыя льготы въ податяхъ, если они признаютъ, отъ имени своей области, унію и засядутъ на сеймѣ вмѣстѣ съ поляками. Къ тому же большинство этихъ депутатовъ были должностныя лица, а должности ихъ были соединены съ поземельнымъ владѣніемъ, которое могло быть отнято королемъ въ случаѣ упорства съ ихъ стороны. Все дѣло сладилось такъ, какъ желалъ король. За Подлясьемъ очередь дошла до Волыни, съ представителями которой люблинскій сеймъ думалъ поступить подобнымъ же образомъ. Предполагалось оттягать отъ Литвы одну область за другой, обезсилить ее и такимъ путемъ заставить согласиться на унію, сообразную съ польскимъ проектомъ. Литовцы поняли тактику и испугались. Они прислали королю просьбу о закрытіи существующаго сейма и о назначеніи новаго, на который будутъ присланы и новые депутаты отъ Литвы. Король былъ не прочь поступить сообразно этой просьбѣ, но польскіе политики стали настаивать, что если отсрочить дѣло, то унія можетъ погибнуть, что это маневръ со стороны литовцевъ, что, напротивъ, именно теперь открывается возможность сломить ихъ упрямство, ибо дѣло присоединенія Подлясы и Волыни заставитъ непременно литовцевъ пріѣхать въ Люблинъ и сдаться. Представленія эти взяли верхъ: рѣшено было про-

должать сеймъ, издать актъ соединенія Литвы съ Польшей и назначить литовскимъ депутатамъ, не новымъ, а прежнимъ, прибыть черезъ шесть недѣль.

Между тѣмъ волынское дѣло продолжалось. У малороссійскихъ аристократовъ не было сознательныхъ и сильныхъ побужденій отрѣшиться отъ Польши, а между тѣмъ, независимо отъ всякихъ отношеній къ ней, были побужденія предпочитать союзъ съ этой страной союзу съ Литвой. Русскія области больше всѣхъ страдали отъ татаръ, и къ нимъ гораздо скорѣе могла послѣть помощь польская, чѣмъ литовская. Къ тому же послѣ Глинскаго Ю. З. Русь обѣднѣла русскими людьми. Ихъ стали замѣнять литовцы, причемъ затрогивались интересы оставшихся русскихъ людей. О симпатіяхъ боярства къ Польшѣ говорено было выше. Не смотря на все это, представители Волыни на сеймъ ѣхали неохотно. А представителями этими были не депутаты, избранные мѣстными сеймиками, но тоже должностныя лица, у которыхъ король, какъ в. князь литовскій, могъ отнять ихъ земли. Это обстоятельство и не могло не вліять на податливость волынцевъ. Хотя, прибывъ въ Люблинъ, они говорили, что русскій народъ ихъ растерзаетъ за слияніе ихъ области съ Польшею, но тѣмъ не менѣе они, руководствуясь вышеуказанными причинами и, быть можетъ также, тою привычкою покоряться волѣ монарха, которая такъ свойственна русскому человѣку, закачивали свои рѣчи заявленіемъ: «Однако волю государя готовы исполнить». Въ концѣ концовъ волынцы присягнули на унію и засѣли вмѣстѣ съ польскими депутатами.

Литовскіе депутаты, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, вернулись въ Люблинъ. Они попытались было оттянуть русскихъ депутатовъ на свою сторону, но тѣ, связанные присягою, не могли дѣятельно помочь имъ, хотя искренно того желали и умоляли сеймъ, чтобы онъ ихъ «не разлучалъ съ литовцами». Теперь уже литовцамъ невозможно было настаивать на своихъ прежнихъ условіяхъ уніи. Допуская въ принципѣ избирательную систему государя, они, оставляя за собою вопросъ о наслѣдственности своей династіи, требовали поочередныхъ литовскихъ сеймовъ, оставленія особой печати литовской и статута, въ чемъ видѣли гарантію противъ безусловнаго польскаго господства въ Литвѣ. Что касается до основаній Александровской уніи и варшавскаго рецесса, то литовцы «съ великою болью и стѣсненіемъ сердца, по приказанію вашей королевской милости», изъявляли на нихъ свое согласіе. Но поляки рѣшились не уступать ни на шагъ и потому отказались принять даже тѣ немногія требованія, которыя имъ теперь представляли литовцы. За этимъ дѣло опять остановилось и грозило опять разстроиться. Обѣ стороны, измученныя борьбою, какъ-бы по взаимному соглашенію, обратились къ слѣдующему средству: потребовали, чтобы самъ король велъ дальшее дѣло посредствомъ польскаго сената съ одной стороны и литовскаго съ другой. Оба сената съѣзжались во дворецъ и располагались въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Король присутствовалъ поочередно въ обѣихъ, склоняя стороны къ уступкамъ и передавая уступки одной стороны другой сторонѣ. Но король, въ роли посредника, далеко не могъ быть безпристрастнымъ. Двигатель уніи, онъ долженъ былъ больше сочувствовать настойчивости поляковъ, ибо ихъ требованія, хотя и невыгодныя и несправедливыя относительно Литвы, въ сущности ставили унію на прочную почву. То обстоятельство, что въ Польшѣ онъ былъ государемъ избраннымъ и очень

ограниченнымъ, а въ Литвѣ наследственнымъ и самодержавнымъ, давало королю возможность своимъ авторитетомъ импонировать больше одной сторонѣ, чѣмъ другой. Въ продолженіе двухъ дней сряду тянулись эти новыя совѣщанія, во время которыхъ король, еле передвигая ноги, ходилъ изъ одной комнаты въ другую, вымаливая уступки. 30 го іюня, въ послѣдней разъ попытавшись безуспѣшно отстоять литовскую печать, литовцы сдались, и объявлено было, что на слѣдующій день, 1-го іюля, будетъ происходить присяга на унію, что и дѣйствительно состоялось.

Литовцамъ, присягнувшимъ на декретъ о люблинской уніи столь недобровольно, оставалась только надежда, что король не приведетъ въ исполненіе всего этого декрета. Дѣйствительно, ни Сигизмундъ-Августъ, ни его преемники не исполнили его въ точности, не уничтожили литовской печати, которая имѣла болѣе важное значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Она, вмѣстѣ съ литовскими государственными чинами и, главное, вмѣстѣ съ литовскимъ статутомъ, служила живымъ напоминаніемъ литовской отдѣльности отъ Польши.

LXI. НАЧАЛО МАЛОРОССІЙСКАГО КАЗАЧЕСТВА.

(Изъ соч. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій»).

Казачество безспорно татарскаго происхожденія, какъ и самое названіе казакъ, означающее по-татарски бродягу, вольнаго воина, наѣздника. По основаніи Крымскаго царства и по занятіи ордами черноморскихъ странъ, татарскіе наѣзники стали беспокоить русскихъ жителей обоихъ существовавшихъ тогда государствъ—Московского и Литовскаго. Они отправлялись на военные подвиги по своей охотѣ, безъ приказанія и часто безъ позволенія своихъ старшихъ. Такихъ называли казаками. Отъ XVI вѣка осталось у насъ нѣсколько свидѣтельствъ о татарскихъ казакахъ. Такъ Василій Ивановичъ, великій князь московскій, жаловался турецкому падишаху, что азовскіе и бѣлогородскіе татарскіе казаки безпокоятъ предѣлы Московскаго государства, помогая Литвѣ, которая тогда вела войну съ Москвою. Въ 1510 году великій князь литовскій Сигизмундъ I жаловался крымскому хану, что на литовскія области нападаютъ перекопскіе казаки, а въ 1516 году крымскій ханъ Махметъ-Гирей объяснялъ тому же литовскому государю, что происшедшее предъ тѣмъ нападеніе татаръ на Украину сдѣлано было своевольными татарами, бѣлогородскими казаками. Русскіе, принужденные отражать татарскіе набѣги, невольно должны были усваивать и тѣ способы и приемы войны, какіе употребляли ихъ враги, и такимъ образомъ, у русскихъ явилось такое же казачество, какое было у татаръ. Возникли и русскіе казаки. Но это названіе въ XVI вѣкѣ еще не ограничивалось значеніемъ военныхъ людей: въ Московскомъ государствѣ на дальнемъ сѣверѣ (1564 г.) были *волостные* и *деревенскіе* казаки, называвшіеся такъ въ отличіе отъ земскихъ людей и неплатившіе, какъ послѣдніе, тягла по *обжамъ* (поземельная единица), имѣвшіе однако свои дворы, лошадей и скотъ и занимавшіеся промыслами и торговлею. Они не были воины: изъ другихъ, нѣсколько подвижнѣйшихъ, актовъ видно, что они занимались возкою соли и

пользовались нѣкоторыми исключительными правами по этому занятію. Между тѣмъ, въ другихъ краяхъ того же Московскаго государства, на нижней Волгѣ, казаками (1582 года) назывались работники на судахъ тѣ, что послѣ на Волгѣ назывались бурлаками. Нанимаясь къ какому-нибудь хозяину судна, они звались его казаками. Въ томъ же Приволжскомъ краѣ, въ тѣ же времена, казаками назывались и военные люди, не только бродячіе, гуляющіе, вольные, но и начинавшіе составлять подъ этимъ именемъ особое служилое военное сословіе, заурядъ со стрѣльцами. Такимъ образомъ, слово «казакъ» въ XVI вѣкѣ имѣло очень широкое значеніе и вообще выражало въ обширномъ смыслѣ то, что иначе называлось «гуляющій человѣкъ», т. е. не связанный тяглою.

Въ Руси, принадлежавшей въ XVI вѣкѣ къ Литовскому государству, названіе «казакъ» означало воина; но этотъ воинъ, однако, занимался промыслами и торговлею. Такъ, въ грамотѣ, данной въ 1499 г. кievскимъ мѣщанамъ, говорится о казакахъ, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и привозили ее въ Кіевъ на продажу. При Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ было два рода казаковъ; однихъ набирали старосты изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей, другіе собирались въ вольныя шайки и выбирали сами себѣ предводителей. Первые назывались по имени своего старосты и предводителя. Такъ, подъ 1503 г. мы встрѣчаемъ черкасскіхъ Князь-Дмитровыхъ казаковъ. Съ учащеніемъ и усиленіемъ татарскихъ набѣговъ развивалось и усиливалось русское казачество. 1516 г. обозначается историками какъ періодъ уже значительной дѣятельности казаковъ. Важнѣйшими предводителями и устроителями казачества были хмельницкій староста Предславъ Ляндскоронскій, черкасскій и каневскій староста Евстафій Дашковичъ, которому приписывали первому устройство казаковъ въ смыслѣ военного сословія, и князь Дмитрій Вишневецкій, знаменитый впослѣдствіи своими покушеніями на Крымъ и Молдавію и своею трагическою кончиною въ Царьградѣ. Ядромъ казачества сдѣлались Черкасы и Каневъ съ ихъ волостями, находившіеся долгое время подъ старостинскою властью Евстафія Дашковича, которому польскіе историки даютъ титулъ «знаменитаго казака». Обязанности казаковъ было воевать съ татарами, но они не были единственными воинами въ краѣ. Необходимость военной силы въ Украинѣ побуждала правительство держать вообще жителей городовъ на военной ногѣ. Такъ, въ уставной грамотѣ кievскимъ мѣщанамъ вмѣнялось въ обязанность на лошадяхъ и съ вооруженіемъ ходить въ погоню за татарами. Не будучи такимъ образомъ воинами, подобно казакамъ, мѣщане несли, сверхъ того, повинности, соотвѣтственныя мѣщанскому званію; казаки же, какъ люди исключительно военного сословія, освобождались отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной. Что для казаковъ составляло привилегію, то для мѣщанъ было отягощеніемъ. Сверхъ того, города, кромѣ тягостей, положенныхъ закономъ на мѣщанское сословіе, терпѣли еще отъ произвола старостъ и воеводъ, и оттого мѣщане, особенно молодые и бѣдные, которыхъ выгоды и симпатіи мало привязывали къ мѣщанству, убѣгали самовольно въ казаки; за ними и хлопцы изъ селеній стали также порываться въ казачество и самовольно покидать свои тяглыя обязанности. Изъ нихъ-то образовалось другого рода казачество, вольное, не подчиненное существовавшему по закону правленію: ядромъ такого вольнаго казачества сдѣлалась Запорожская Сича. Когда собственно возникла эта славная впоследствии община—нѣтъ точныхъ указаній.

Въ 1533 г. Евстафій Дашковичъ на піотроковскомъ сеймѣ представлялъ о необходимости держать постоянную казацкую стражу въ двѣ тысячи человекъ на днѣпровскихъ островахъ да, кромѣ того, нѣсколько сотъ конныхъ для доставки имъ продовольствія. Такимъ образомъ, и въ этомъ году, повидимому, еще не было Сичи. Въ шестомъ десятилѣтіи XVI вѣка князь Димитрій Вишневецкій построилъ городъ (укрѣпленіе) на островѣ Хортицѣ и помѣстилъ тамъ казаковъ. Появленіе казацкаго поселенія на днѣпровскихъ островахъ по близости къ татарскимъ предѣламъ не по вкусу пришлось татарамъ; самъ ханъ ходилъ добывать этотъ городокъ и выгонять изъ своего сосѣдства казаковъ. Скоро послѣ того казаки имѣли уже за порогами постоянное укрѣпленіе на островѣ Томаковкѣ. То была славная впослѣдствіи Запорожская Сича. Въ актахъ, сколько намъ извѣстно, о ея существованіи первый разъ являются указанія въ грамотѣ Сигизмунда-Августа подъ 1568 годомъ, гдѣ говорится уже, что казаки на Низу, на Днѣпрѣ, не только ходятъ, какъ прежде бывало, но *перемтшикувають*, то-есть, обитаютъ.

Вѣроятно, образованіе Сичи совершалось не вдругъ, а постепенно и возникло изъ рыболововъ и звѣролововъ, которые издавна имѣли обычай отправляться весною къ порогамъ и за пороги, ловить тамъ рыбу и звѣрей, а осенью возвращались въ Украину и въ украинскіе города продавать свѣжую и просольную рыбу и звѣриныя шкуры. Условія пустынного края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сдѣлаться воинами. Изъ промышленнаго товарищества неизбежно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и въ поле не только за рыбою и звѣрями, но и за военною добычею, нападали на татарскіе улусы, захватывали скотъ, лошадей, брали у побѣжденныхъ конскую сбрую и вооруженіе. Была еще иная приманка для удалцовъ ходить на Низъ. Изъ Турціи чрезъ Очаковъ шелъ торговый путь въ Московское государство: этимъ путемъ проходили купеческіе караваны съ товарами. Казаки нападали на нихъ и расхищали везомое богатство. Возвращаясь съ нимъ домой, они давали и другимъ поводъ покушаться на такой промыселъ. Украинскому поселенію пришлось по вкусу такіе походы. Число отправлявшихся весною на Низъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Запорожье наполнялось бѣглецами.

Простота жизни, готовность на всякую опасность, благочестіе, цѣломудріе, совершенное братство между собою и строгое повиновеніе волѣ начальства — то были нравственныя требованія запорожской братчины, приближавшіяся, за исключеніемъ военнаго занятія, къ монастырской. Запорожцы собирались на раду-сходку, подобную стариннымъ вѣчамъ. На радѣ выбирались начальники. Главнымъ былъ атаманъ, носившій названіе кошевого, и вся запорожская община, въ правительственномъ смыслѣ, называлась кошемъ — слово татарскаго происхожденія. Кошъ раздѣлялся на курени; надъ каждымъ куренемъ былъ выборный куренной атаманъ, подчиненный кошевому. Кошевой имѣлъ безусловную власть надъ кошемъ, но, по окончаніи года, отдавалъ отчетъ въ управленіи и, въ случаѣ злоупотребленій, подвергался смертной казни. Запорожцы жили въ куреняхъ, человекъ по сту пятидесяти въ одномъ; ссора между собою строго запрещалась; суровые и даже безчеловѣчныя на войнѣ, запорожцы казнили смертью своихъ товарищей, дѣлавшихъ насилія и разбои въ мир-

ныхъ христіанскихъ поселеніяхъ; воровство наказывалось повѣщеніемъ. Въ товарищество поступали и холостые, и женатые, но ввести женщину въ Сичу запрещалось подѣ смертною казнью. Запорожецъ, вступая въ Сичу, обѣщалъ воевать за христіанскую вѣру и биться противъ ея враговъ. Онъ долженъ былъ ходить въ церковь, хранить посты и обряды по уставу восточной церкви.

Такъ жили, по описанію, переданному малорусскими лѣтописями, первые запорожцы, оставшіеся на болѣе или менѣе продолжительное время въ Сичѣ. Большая часть удалцовъ, которымъ суждено было не погибнуть и не попасть въ плѣнъ, возвращалась домой, обогащаясь добычею, нѣсколько разъ повторяли свои походы на Низъ, или же изъ нихъ образовывались казацкія шайки, которыя выбирали предводителей, величаемыхъ гетманами, или они, отвѣдавши казацкаго житія, поступали подѣ предводительство какого-нибудь пана, который, въ такомъ случаѣ, называясь ихъ гетманомъ, обращался съ ними, какъ съ вольными людьми. Такіе вольные казаки служили у князей Вишневецкихъ и Ружинскихъ. Единаго начальника надъ всѣми украинскими казаками еще не было. Крайнее равенство правъ господствовало въ ихъ бытѣ. Шляхтичъ-ли, князь-ли, мѣщанинъ или сельскій хлопъ шелъ въ казаки—онъ былъ равенъ своимъ товарищамъ. Сперва вольное казачество наполнялось мѣщанами, а потомъ большинство въ немъ состояло изъ сельскихъ хлоповъ, не хотѣвшихъ повиноваться своимъ панамъ. Мѣстожительство казаковъ не ограничивалось Черкасами и Каневомъ, какъ было въ началѣ, но распространялось по всему пространству нынѣшнихъ губерній: Кіевской, Полтавской и южной части Подольской. Тамъ проживали казаки, люди вольные, не хотѣвшіе подчиняться установленнымъ властямъ и связанные съ центромъ казацкой волости — запорожскою Сичью. Одна изъ украинскихъ лѣтописей говоритъ, что царь турецкій сдѣлалъ вопросъ: «Сколько въ Украинѣ казаковъ?» Ему отвѣчали: «У насъ гдѣ кракъ (кустъ), тамъ казакъ, а гдѣ байракъ (бугеракъ), тамъ сто казаковъ». Казацкіе походы не ограничивались уже стычками съ татарами въ степяхъ и разбиваніемъ купцовъ; на своихъ *чайкахъ*, какъ назывались ихъ челны, обшитые тростникомъ и помѣщавшіе до шестидесяти человекъ, казаки пускались въ открытое море, проникали въ Румелію, Анатолію, напали на мусульманскіе города, избавляли изъ галукъ и темницъ христіанскихъ плѣнниковъ, появлялись даже подѣ стѣнами столицы падишаха. Возвращаясь домой съ добычею, нѣкоторые изъ бѣдняковъ становились богачами и своимъ примѣромъ увлекали другихъ на казацкіе подвиги.

Польское правительство не покровительствовало умноженію казачества: оно не могло не видѣть въ немъ подрыва существующаго порядка, такъ какъ казачество наполнялось людьми, убѣжавшими отъ повинностей; притомъ оно боялось, что казацкіе набѣги на Крымъ и Турцію будутъ вызывать непріязненные дѣйствія противъ Польши со стороны мусульманскихъ сосѣдей, съ которыми оно не хотѣло вести войнъ. Польскимъ и литовскимъ государямъ казалось лучше платить крымскимъ ханамъ дань, которую они называли, изъ благоприличія, жалованьемъ. Татары нужны были для нихъ въ нескончаемой борьбѣ Литвы съ Москвою, чтобы при случаѣ можно было напускать на земли послѣдней союзныя орды. Правительство однако не желало совершеннаго уничтоженія казаковъ, но хотѣло, чтобы ихъ было немного, въ качествѣ пограничной стражи

для обереженія польскихъ предѣловъ отъ татарскихъ своевольныхъ казаковъ. 1557 г. Сигизмундъ-Августъ похвалилъ Димитрія Вишневецкаго за его храбрые подвиги противъ татаръ, но не согласился исполнить того, что онъ предлагалъ — содержать гарнизонъ въ устроенномъ имъ замкѣ на днѣпровскомъ островѣ. Сигизмундъ-Августъ, напротивъ, возлагалъ на него обязанность бдительно смотрѣть, чтобы казаки отнюдь не дѣлали нападенія на области турецкаго императора, съ которымъ, какъ съ крымскимъ царемъ, заключенъ былъ вѣчный миръ. Въ 1568 г., когда уже образовалась запорожская Сича. Сигизмундъ-Августъ въ универсалѣ къ казакамъ писалъ: «Мы освѣдомились, что вы, самовольно выѣхавши изъ нашихъ украинскихъ замковъ и городовъ, проживаете на Низу, по Днѣпру, по полямъ и по инымъ *выходамъ* и причиняете вредъ и грабительство подданнымъ турецкаго царя, также чабанамъ и татарамъ перекопскаго царя, а тѣмъ самымъ приводите границы нашихъ государствъ въ опасность отъ непріятеля. Приказываемъ вамъ возвратиться въ наши замки и города, съ поля, съ Низу, и со всѣхъ входовъ, не отправляться туда своевольно и не безпаконить татарскихъ улусовъ; если же кто не станетъ повиноваться настоящему нашему приказанію, тѣмъ украинскія наши старосты будутъ чинить жестокое наказаніе». Распоряженія эти не имѣли силы. Сича не уничтожалась, напротивъ, укрѣплялась, казацкіе побѣги не только не прекратились, но увеличивались. Въ послѣдній годъ своего царствованія (1572), Сигизмундъ-Августъ поручилъ коронному гетману Язловецкому произвести въ казачествѣ переборъ, и ограничивъ казаковъ извѣстнымъ числомъ, взять ихъ изъ-подъ власти старостъ подъ свою власть, назначивъ имъ годовое жалованье. Тогда, сколько извѣстно, былъ поставленъ первый разъ старшій надъ всѣми казаками съ правомъ суда надъ ними, подъ главнымъ начальствомъ короннаго гетмана. Этимъ старшимъ былъ нѣкто Янъ Бадовскій шляхетскаго происхожденія. Съ этихъ поръ являются надъ казаками старшіе, признаваемые правительствомъ.

Преемникъ Сигизмунда-Августа, Стефанъ Баторій, хотѣлъ ослабить и мало-по-малу довести до уничтоженія казаковъ. Стефанъ началъ свое дѣло стѣсненія казаковъ мѣрами, повидимому, благопріятными для казачества. Онъ послалъ, какъ-бы въ знакъ милости и благосклонности казацкому гетману Ѳеодору Богданку бунчукъ, булаву, печать съ изображеніемъ воина, зная съ королевскимъ гербомъ и подтвержденіе въ достоинствѣ какъ гетмана, такъ и старшины. Онъ учредилъ въ казацкомъ сословіи особое сословіе подъ названіемъ реестровыхъ, на образецъ пограничной венгерской стражи, называемой гайдуками. Учрежденная нарочно комиссія обязана была въ опредѣленное время набирать изъ жителей коронныхъ имѣній южной Руси реестровыхъ казаковъ и вести имъ списокъ. Ихъ должно было быть только шесть тысячъ и они составляли шесть полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковский, корсунскій, чигиринскій и переяславскій. Каждый полкъ, подъ начальствомъ полковника и его помощника, эсаула, дѣлился на десять сотенъ, каждая сотня состояла подъ начальствомъ сотника и его помощника, сотеннаго эсаула. Гетману, главному начальнику надъ всѣми казаками, давался для резиденціи городъ Трехтемировъ. При гетманѣ были чины генеральные: эсaulъ, судья и писарь. Всѣмъ казакамъ положено жалованья по червонцу въ годъ и по тулупу каждому. Осыпая, такимъ образомъ, милостями

казаковъ, король показывалъ имъ, что считаетъ ихъ своими подданными и имѣть право верховнаго начальства надъ ними. Учрежденіемъ въ казацкомъ сословіи реестровыхъ король сдѣлалъ разъединеніе между казаками; онъ имѣлъ въ виду, чтобы современемъ только эти шесть тысячъ, записанные въ реестръ, остались казаками, а прочіе мало-помалу вошли въ сословіе посполитыхъ: они всѣ наравнѣ съ другими, подпали-бы подъ власть дворянъ; наконецъ и шесть тысячъ реестровыхъ, получая жалованье, какъ солдаты, подвергаясь распоряженіямъ главнокомандующаго польскими войсками, должны были сдѣлаться только однимъ изъ отдѣловъ польской арміи. Ѳедоръ Богданко поблагодарилъ за подарки, а о подчиненности не думалъ, и тотчасъ-же, безъ позволенія короля, пошелъ воевать съ турками. Преемникъ его, Ганъ Подкова, овладѣлъ Молдавіею. Оттоманская Порта просила къ усмиренію его содѣйствія Польши: Стефанъ приказалъ хитрымъ образомъ схватить его и казнить. Казаки выбрали гетманомъ друга Подковы, Шаха, и начали мстить за Подкову. Тогда-то было начало столѣтней вражды южнорусовъ съ поляками.

ЛХП. МОРСКІЕ ПОХОДЫ ЗАПОРОЖСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

(Изъ соч. Баплана: «Описаніе Украйны» *)

Задумавъ *потулять* на морѣ, казаки испрашиваютъ дозволенія не у короля, а у гетмана, потомъ составляютъ раду, т. е. военный совѣтъ, и выбираютъ походнаго атамана, такъ точно, какъ и главнаго вожда. Впрочемъ, атаманъ походный ставится на время. Послѣ сего они отправляются въ войсковую *скарбницу*, сборное свое мѣсто, строятъ тамъ челны, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ. Челны сіи безъ киля; дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна явоваго или липоваго; оно обшивается съ боковъ на 12 ф. въ вышину досками, которыя приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 ф.: толстые канаты изъ камыша, обвитые лыкомъ или баярышникомъ, какъ связанные боченки, обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Челны казацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣ турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ; но при сильномъ вѣтрѣ казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы; если же ихъ зальетъ волнами, то камышешевые канаты предохраняютъ отъ потопленія. Сухари складываютъ въ бочки, длиною въ 10, а въ попереchnikъ около 4 ф.; достаютъ ихъ черезъ втулку. Сверхъ того, каждый казакъ запасается горшкомъ варенаго проса и горшкомъ тѣста, распущеннаго въ водѣ, которое они ѣдятъ, смѣшавъ съ просомъ. Тѣсто сіе, вкусомъ кисловатое, служитъ казакамъ для пищи и для питья: называютъ его *салама-*

*) Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Par le sieur de Bauplan. A Rouen. 1650.

тою, т. е. лакомымъ кушаньемъ, хотя я не находилъ въ немъ большой пріятности и употреблялъ оное въ путешествіяхъ только при недостаткѣ лучшей пищи. Казаки во время похода всегда трезвы, и, если замѣшается пьяница, атаманъ тотчасъ приказываетъ выбросить его за бортъ; имъ не позволено также брать съ собою водки, ибо трезвость считаютъ необходимою при исполненіи своихъ предпріятій.

Для отмщенія татарамъ за разореніе Украины казаки выбираютъ осеннее время; заранѣе отправляютъ въ Запорожье снаряды и запасы, необходимые для похода и для постройки челновъ. Въ Запорожѣ собирается отъ 5 т. до 6,000 хорошо вооруженныхъ казаковъ, которые немедленно принимаются за постройку лодокъ. Не менѣе 60 человекъ, искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, трудится около одного челна и отдѣлываютъ оный чрезъ 15 дней, такъ что въ двѣ или три недѣли изготовляютъ около 80 или 100 лодокъ съ 4 или 6 фальконетами. На челнъ садится отъ 50 до 70 казаковъ, изъ коихъ всякій имѣетъ саблю, двѣ пищали, 6 фунтовъ пороха, достаточное количество пуль и квадрантъ; туда же кладутъ ядра для фальконетовъ и необходимые жизненные припасы. Походная одежда состоитъ изъ рубахи, двухъ шароваръ (одни для перемѣны), кафтана изъ толстаго сукна и шапки. Вотъ какіе витязи садятся на летучій флотъ, приводящій въ трепетъ многолюдные города Анатоліи!

Челны казацкіе спускаются по Днѣпру и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами; атаманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранѣе провѣдываютъ о намѣреніи казаковъ и, чтобы удержать ихъ, разставляютъ галеры свои на устьѣ днѣпровскомъ; но хищные казаки для входа въ море избираютъ ночь самую темную, предъ новолуніемъ, а до того времени скрываются въ 3 или 4 миляхъ отъ устья, въ камышахъ, куда галеры турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: онѣ стерегутъ казаковъ только на устьѣ и всегда безъ успѣха. Впрочемъ, проѣздъ казаковъ чрезъ Лиманъ не можетъ совершенно укрыться отъ стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ по берегамъ Анатоліи, Болгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Казаки, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра, причаливаютъ къ берегамъ Анатоліи и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженныхъ пищалями, дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Анатолію, нерѣдко, на цѣлую милю отъ морскаго берега, потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе на новые поиски. Есть надежда на успѣхъ—вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ — возвращаются съ добычею на родину; встрѣтятся ли имъ на морѣ турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ въ абордажъ. Открываютъ же непріятельскій корабль или галеру прежде, нежели турки замѣтятъ ихъ челны, возвышающіеся надъ морскою поверхностью не болѣе 2¹/₂ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, казаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце у нихъ было за спиною. За часъ до захожденія онаго на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ

него, чтобы не упустить непріятеля изъ вида. Наконецъ, въ полночь, по данному знаку, устремляются на врага: половина удалцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждетъ абордажа и, сбѣжавшись съ турецкимъ судномъ, въ одно мгновеніе входитъ на оное. Турки, изумленные нападеніемъ 80 или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ, а казаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно со всѣмъ его экипажемъ. Если бы они умѣли править морскими судами, то уводили-бы съ собою и взятые корабли; но они еще не дошли до этого искусства.

Наконецъ настаетъ время къ возвращенію на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ днѣпровскомъ; но казаки смѣются надъ этимъ даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ, уменьшили число ихъ, или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ: они причаливаютъ въ заливъ въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ узкая лощина, длиною около 3 миль, которую иногда море заливаетъ на $\frac{1}{4}$ мили, покрывая ее водою не болѣе какъ на $\frac{1}{2}$ фута. Черезъ сію лощину казаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человекъ, и черезъ 2 или три дня весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ казаки избѣгаютъ сраженія съ турецкими галерами, стоящими на устьѣ днѣпровскомъ близъ Очакова, возвращаются въ войсковую казарму и дѣлятъ тамъ добычу.

Впрочемъ, и казаки въ свою очередь, попадаютъ въ западню, если встрѣтятся съ турецкими галерами среди бѣла дня на открытомъ морѣ. Тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ члены ихъ разсыпаются, какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удалцы теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но, когда рѣшаются на битву, привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни, не трогаясь съ лавокъ, палятъ непрерывно изъ пищалей; другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ своимъ товарищамъ; мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ турокъ до ручной схватки. При всемъ томъ пушки наносятъ казакамъ вредъ ужасный: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; зато привозятъ богатую добычу: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя ткани и иные драгоценныя товары. Вотъ славный ихъ промыселъ: они живутъ одною добычею, ибо, возвратясь на родину, ничѣмъ не занимаются.

Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня и возвращаются не позже первыхъ чиселъ августа мѣсяца.

ЛХІІІ. ПОДГОТОВКА ЦЕРКОВНОЙ УНИИ.

(Изъ «Историческихъ монографій и изслѣдованій» Костомарова, т. ІІІ).

Съ тѣхъ временъ, какъ историческія судьбы повлекли русскія земли къ сближенію, а наконецъ къ соединенію съ Польшею, выступаетъ въ нихъ

новая борьба между греческимъ и римскимъ богослуженіемъ; на сторонѣ перваго было большинство народонаселенія и привычки старины, на сторонѣ другаго—пособія правительственныхъ личностей и орудія западной образованности. Борьба эта то ослабѣвала и почти угасала, то оживала снова. Папское всевластіе ни на шагъ не оставляло своихъ привычныхъ стремленій подчинить себѣ русскую церковь и не пренебрегало мірскими обстоятельствами, если они, по своему стеченію, наклонялись ему въ пользу.

Съ принятія католичества Ягелломъ, устроившимъ, посредствомъ своего бракосочетанія съ Ядвигою, соединеніе Польши съ Литвою, католическій обрядъ сталъ вѣдраться въ русскіе края. Въ 1413 г., на городненскомъ сеймѣ, гдѣ совершился первый актъ соединенія Литвы съ Польшей, постановлено распространить права, которыми пользовалась польская шляхта, на Русь, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускать къ должностямъ только такихъ лицъ, которые не отрекаются отъ послушанія апостольскому престолу. На этомъ сеймѣ было заявлено, что разновѣріе признается вреднымъ для цѣльности и безопасности государства. Тогда многіе, получившіе званіе шляхты, приняли католичество. Впрочемъ, это произошло болѣе собственно съ литовцами. Что касается до Руси, то это грозное предпочтеніе католичества и исключеніе русскихъ отъ правъ едва ли только не на бумагѣ существовало: все, что входило въ область Литовскаго княжества, было отдано удѣльной власти Витовта, а этотъ благоразумный князь, всю жизнь стремившійся устроить независимость русско-литовскаго государства, понималъ, что отдѣльность Руси отъ Польши въ религіозномъ отношеніи способствуетъ его политическимъ видамъ. При немъ (1415) церковь русская въ іерархическомъ отношеніи отдѣлилась отъ московской избраніемъ особаго кіевского митрополита. Въ земляхъ южнорусскихъ, принадлежавшихъ Польшѣ при Ягеллѣ, католичество успѣшнѣе дѣлало шаги къ господству, но болѣе чрезъ увеличеніе массы иноземцевъ, получавшихъ въ странѣ должности, а не чрезъ обращеніе русскихъ. Самъ Ягелло не былъ фанатикомъ, и гдѣ приходилось ему дѣйствовать въ исключительную угоду католичеству, тамъ онъ поступалъ по требованію окружавшей его среды, а не по собственному побужденію. Папы побуждали его, какъ и Витовта, обращать православныхъ въ католичество. Король дѣйствительно строилъ католическія церкви въ русскихъ земляхъ, давалъ тамъ земли и староства природнымъ полякамъ, но все-таки сдѣлалъ мало существеннаго въ этомъ вопросѣ.

Наслѣдникъ Ягелла Владиславъ II уничтожилъ всякое стѣсненіе греческой религіи и далъ равныя права ея исповѣдникамъ съ послѣдователями римской. Тогда совершилась первая унія на флорентійскомъ соборѣ. Митрополитъ Исидоръ, изгнанный изъ Москвы, провозгласилъ унію въ литовскихъ владѣніяхъ; католическое правительство не могло этому не благопріятствовать, но православные люди приняли нововведеніе дурно, Исидору неудобно оказалось жить въ южной Руси, и онъ долженъ былъ удалиться въ Римъ.

Унія XV вѣка болѣе существовала въ воображеніи немногихъ, чѣмъ въ религіозной жизни и церковномъ управленіи. Великій князь Казимиръ въ своихъ привилегіяхъ не дѣлалъ разницы между послѣдователями греческой церкви, признающими и не признающими унію. Сынъ его Александръ, на котораго Иванъ III пошелъ войною подъ благовиднымъ пред-

логомъ защиты вѣры, далъ привилегію на свободное отправленіе богослуженія греческой вѣры и не дѣлалъ различія между признававшими и отвергавшими единство восточной церкви съ западною. Безъ сомнѣнія, признавать его и не признавать было все равно въ то время.

При обоихъ Сигизмундахъ всѣ вѣроисповѣданія пользовались равенствомъ правъ и безусловною свободою. Тогда въ Польшѣ, а особенно въ Литвѣ, распространилось реформатство: оно годъ отъ году болѣе и болѣе угрожало ниспроверженіемъ католической религіи. И православные увлекались новизною и принимали новое ученіе. Въ Польшѣ нашло пріютъ и свободу ученіе, повсюду гонимое, отвергавшее троичность Божества и видѣвшее въ Христѣ не Бога, а учителя и благодѣтеля челоуѣчества, избраннаго промысломъ возвѣстителя вѣчныхъ истинъ; это ученіе называли аріанствомъ. Съ другой стороны, ереси занесли въ литовскую Русь выходцы изъ Московщины, послѣдователи бродившихъ въ разныхъ формахъ остатковъ древняго новгородскаго и псковскаго вольнодумства. Правительство терпѣло, ничему не мѣшало, ничего не преслѣдовало. Дворяне-католики, оставаясь вѣрны своей религіи, не поднимали голоса противъ свободы мысли, потому что считали ее драгоценнѣйшимъ правомъ своего сословія. Сами католическіе духовные не смѣли вопіять противъ общаго направленія и старались только объ удержаніи своихъ матеріальныхъ выгодъ. Для нѣкоторыхъ было все равно, хотъ бы вся Рѣчь Посполитая отпала отъ католичества, лишь бы не отнимались имѣнія, приписанныя къ духовнымъ должностямъ. Такъ, по кончинѣ Сигизмунда-Августа, кувяскій епископъ на сеймѣ предложилъ утвердить постановленіемъ полную свободу религіозныхъ мнѣній и равенство правъ послѣдователей какихъ бы то ни было толковъ; себѣ въ замѣнъ снисходительный іерархъ требовалъ укрѣпленія за духовенствомъ церковныхъ имуществъ. Предложеніе его было принято и многими духовными, и большинствомъ свѣтскихъ. 6-го января 1573 г. послѣдовало постановленіе о свободѣ вѣроисповѣданій и равенствѣ правъ ихъ послѣдователей. Это было сдѣлано для того, чтобы обязать будущихъ королей идти по слѣдамъ Ягеллоновъ. Новый король Генрихъ присягнулъ въ соблюденіи такого закона. Послѣ его бѣгства изъ Польши, въ слѣдующее затѣмъ безкорольеве, государственные чины повторили прежнее постановленіе, обязавшись клятвою за себя и за своихъ потомковъ хранить и защищать на вѣчныя времена свободу мысли и убѣжденій. Стефанъ Баторій, протестантъ, принявшій католичество при вступленіи на престолъ, присягнулъ въ смыслѣ такого закона и обязался хранить его свято во все царствованіе. Въ 1589 г. вступилъ на польско-литовскій престолъ Сигизмундъ Ваза, католикъ, тѣмъ болѣе ревностный, что съ мыслью о протестанствѣ у него соединялись тяжелыя воспоминанія о семейныхъ несчастіяхъ и несправедливостяхъ, понесенныхъ отцомъ его. Но сдѣлаться польскимъ королемъ онъ не могъ иначе, какъ произнеся, подобно своему предшественнику, присягу сохранять свободу мысли и вѣры.

Польша гордилась и имѣла право гордиться, что нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы такъ цѣнилась свобода совѣсти, мысли, слова и дѣла. Но безграничная свобода, которою такъ гордилось шляхетское сословіе, воспитало противъ себя въ своемъ нѣдрѣ враждебное свободѣ начало. Сигизмундъ-Августъ, по ходатайству кардинала Гозиуса, допустилъ ввести во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой орденъ іезуитовъ. Король поступалъ

последовательно и справедливо. Принявъ за правило оказывать терпимость всякому толку, всякому религиозному товариществу въ государствѣ, нельзя было отказать въ законномъ покровительствѣ обществу, дѣйствовавшему въ пользу той церкви, которую исповѣдывалъ самъ король предъ лицомъ всего свѣта. Сначала іезуиты вступили исключительно въ Пруссію, но въ 1564 г. вошли въ Великую Польшу, призванные туда познанскимъ епископомъ Конарскимъ, и водворились въ Брунсбергъ; потомъ, въ 1570 г., вошли въ Литву и явились въ Вильнѣ, вслѣдъ затѣмъ, при Стефанѣ Баторіи, въ Полоцкѣ, а потомъ проникли въ южную Русь. Баторій оказывалъ имъ покровительство не съ цѣлью содѣйствовать ихъ задушевной мысли—истреблять все некаатолическое, а потому что считалъ ихъ способными къ воспитанію юношества. Іезуиты твердили, что ихъ единственная цѣль—распространеніе просвѣщенія. Они повсюду заводили школы и ничего не брали за ученіе. Впрочемъ, при такой безсребренной раздачѣ умственныхъ даровъ, они не оставались въ наклади: они брали отъ родителей учившихся у нихъ дѣтей, въ видѣ подарковъ и приношеній, хлѣбъ, рыбу, овощи, медъ, полотно, сукна, сосуды и проч. и получали такимъ образомъ столько, сколько бы имъ не могла дать опредѣленная плата за ученіе, а между тѣмъ эта видимая безплатность ихъ школъ поддерживала доброе о нихъ мнѣніе въ народѣ. Они искусно поддѣлывались къ духу господствующихъ понятій. Большинство уважало и любило ихъ, хотя проникательные люди очень скоро поняли настоящее ихъ направленіе и предвидѣли, что они принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы. Цѣль ихъ была—подчинить Рѣчь Посполитую власти апостольскаго престола въ церковномъ отношеніи и тѣснить несогласныя съ католичествомъ ученія. Сначала, пока они еще не укрѣпились на польской почвѣ, чтобы не подать на себя подозрѣнія, они, заманивъ дѣтей протестантовъ въ свои школы, выпускали ихъ протестантами и увѣряли, что, заботясь единственно о просвѣщеніи, не хотятъ обращать никого въ католичество, но, когда получили довольно силы, начали дѣло обращенія быстро, стараясь толковать такъ, какъ будто собственно не они виною обращенія, а ихъ ученики сами, получивши образованіе, узнавши истину, додумались, отреклись отъ заблужденій и возвратились къ истинной церкви. Но потомъ сами іезуиты возбуждали въ обращенныхъ фанатизмъ и даже подстрекали къ насиліямъ. Такъ же дѣйствовали они противъ православія и сначала приступили къ нему еще мягче, чѣмъ къ протестанству. Они не только не показывали неуваженія къ греческой церкви, напротивъ, доказывали, что обряды ея и догматы, установленные боговдохновенными мужами, святы и достойны уваженія, но для греческой церкви необходимо было бы вступить въ древнее единство съ римскою. Ревностѣйшіе православные не отвращались отъ мысли о такомъ соединеніи, тѣмъ болѣе, что видѣли въ немъ средство къ улучшенію церковнаго устройства и благолѣпія и къ просвѣщенію своего духовенства.

Князь Константинъ Острожскій, по своему вліянію, происхожденію, богатству бывшій важнѣйшимъ лицомъ въ южной Россіи, раздѣлялъ эту мысль и дружелюбно толковалъ съ іезуитами о соединеніи церквей. Петръ Скарга, написавши свою книгу о единствѣ вѣры, посвятилъ ее Острожскому; по его свидѣтельству, дѣти этого православнаго вельможи были уже въ царствованіе Стефана расположены къ латинству. Завлекая вообще церковь въ соединеніе съ латинствомъ, іезуиты старались, вмѣстѣ

съ тѣмъ, пока духовенство не поддастся на ихъ уловки, отрывать отъ церкви ея послѣдователей поодиночно и такимъ образомъ бросать рознь и смуту между русскими. Тотъ же Скарга, въ томъ же своемъ сочиненіи, даетъ такое правоученіе свѣтскому человѣку греко-русской вѣры: «Если сами духовные не хотятъ церковной любви — отступись отъ нихъ, ибо они сами отступились отъ папы: считай ихъ людьми иной вѣры, упрямцами, отщепенцами, вошедшими въ духовный санъ воровствомъ, мимо ключей св. Петра; у нихъ нѣтъ права отпускать грѣхи; отъ нихъ не получишь спасенія, если же тебѣ нравятся греческіе обряды, можешь ихъ соблюдать по буллѣ папы Александра VI, съ дозволенія твоего исповѣдника; безопаснѣе, однако, для тебя принять латинскіе обряды, исполненные большаго величія, сердечнаго и духовнаго благочестія». Православному духовенству они представляли выгоды и всеобщее уваженіе, какими оно будетъ пользоваться наравнѣ съ католическими духовными, если соединится съ римскою церковью, изображали въ черныхъ краскахъ униженіе, въ какомъ, по ихъ толкованію, находилась православная церковь, признавая надъ собою верховную власть константинопольскаго патріарха, раба турецкаго султана. Между тѣмъ, они внушеніями незамѣтно подготавливали людей, способныхъ занять важныя духовныя мѣста въ православной церкви, чтобы потомъ посредствомъ ихъ достигъ предполагаемой цѣли. Такъ вели свое дѣло іезуиты во времена Баторія. Но при этомъ королѣ невозможно было приступить къ какому-нибудь явному, всеобщему насилію. Баторій ласкалъ іезуитовъ, но въ то же время былъ очень далекъ отъ введенія уніи. Янъ Замойскій, заправлявшій при Стефанѣ всѣми дѣлами, говорилъ диссидентамъ; «Я—католикъ и отдамъ бы половину жизни за то, чтобы и вы были католики; но отдамъ всю свою жизнь за ваши права и свободу, еслибъ васъ стали насиловать и принуждать быть католиками». Когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ III, іезуитамъ было гораздо удобнѣе. Скарга сталъ его духовникомъ. Іезуитское внушеніе побуждало короля пріобрѣсть вѣнецъ безсмертія на небеси и вѣчную славу въ исторіи совершеніемъ спасительнаго подвига соединенія христіанъ въ единое стадо. Іезуиты убѣждали политическихъ людей въ выгоды церковнаго соединенія для цѣлости государства, ибо тогда Русь, составляющая въ Рѣчи Посполитой особую народность, можетъ слиться съ Польшею, и уничтожится нравственно-духовная связь, соединяющая съ Московіею русскія области Рѣчи Посполитой, — связь, которую уже тогда дальновидные люди находили опасною въ будущемъ для государственной прочности.

Плану іезуитовъ способствовали тогдашнія отношенія русской церкви къ константинопольскому патріарху. Отправляясь изъ Греціи въ Москву, тогдашній патріархъ Іеремія испросилъ у короля Сигизмунда III дозволеніе употребить въ дѣло свое право судить и рядить по церковному управленію и низложилъ кievскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, потому что онъ до своего посвященія, находясь въ свѣтскомъ званіи, былъ женатъ на второй женѣ, а посвящать двоеженцевъ было противно церковнымъ правиламъ. Въмѣсто него патріархъ, по желанію нѣкоторыхъ дворянъ, посвятилъ въ санъ митрополита минскаго архимандрита Михаила Рагозу, креатуру іезуитовъ, тайно расположеннаго къ уніи, но искусно принимавшаго личину ревностнаго православнаго и даже простачка. Укоряя русское духовенство въ безпорядочной жизни и уклоненіяхъ отъ

церковнаго благочинія, патріархъ грозилъ, по своемъ возвращеніи изъ Москвы, учинить розыскъ и сдѣлать тоже съ другими церковными савовниками, что онъ сдѣлалъ съ Онисифоромъ, а пока, для примѣра, патріархъ лишилъ чина архимандрита супральскаго Тимофея Злобу, котораго обвиняли въ убійствѣ.

Іеремія ознаменовалъ проѣздъ свой черезъ южную Русь утвержденіемъ львовскаго братства: это было явленіе новое и чрезвычайно важное. Мысль о братствахъ перешла къ русскимъ отъ западной церкви, гдѣ въ обычаѣ было составлять добровольныя корпораціи на религиозныхъ началахъ. Іезуиты особенно любили учреждать братства, которыхъ цѣль ограничивалась чтеніемъ извѣстныхъ молитвъ, соблюденіемъ такихъ или иныхъ правилъ благочестія и воздержанія; къ этому обязывали себя вступившіе въ братство, дававшіе при вступленіи извѣстный положенный вкладъ, а потомъ ежегодно жертвовавшіе въ общую кружку. Подобно тому завелись братства и въ православной церкви, но приняли здѣсь значеніе высокое. Львовское братство завелось при церкви Успенія Богородицы и монастырѣ св. Онуфрія въ 1586 г., по благословенію антиохійскаго патріарха Іоакима. Членомъ этого общества могъ быть всякій православный, платящій ежегодно въ общую кружку шесть грошей. Изъ этихъ вкладовъ и изъ добровольныхъ пожертвованій образовалась сумма, которую употреблять слѣдовало на вспоможеніе тѣмъ изъ братьевъ, которые пришли бы въ состояніе, требующее поддержки. Эти братья сходились въ опредѣленное время, выбирали ежегодно четырехъ начальниковъ всего братства, обязывались помогать другъ другу. Братство львовское, по волѣ благословившаго его учрежденіе патріарха антиохійскаго, присвоило себѣ надзоръ за благочиніемъ и порядкомъ всей русской церкви. Братья обязаны были всюду наблюдать и слѣдить за порядкомъ церковнаго, религіознаго и нравственнаго быта, все узнавать и обо всемъ доносить своему собранію. Живетъ ли не по закону священнослужитель или причетникъ—члены братства обличали его предъ епископомъ; но если братство находило, что и епископъ ведетъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ, то имѣло право обличать его и, въ случаѣ неисправленія, не признавать его власти, противиться ему, какъ врагу истины. Братство смотрѣло также за нравственностью мірянъ и особенно обязывало себя преслѣдовать волшебниковъ и волшебницъ и предавать ихъ епископскому суду. Епископъ не смѣлъ противиться постановленіямъ братства. Епископъ былъ безсиленъ передъ приговоромъ толпы, состоявшей, кромѣ духовныхъ и дворянъ, изъ мѣщанъ, пекарей, воскобойниковъ и другого рода ремесленниковъ и торгашей. Это не могло нравиться епископамъ. Патріархъ Іеремія не только утвердилъ устройство, данное братству Іоакимомъ, но еще расширилъ права его. Онъ постановилъ, чтобы братство находилось внѣ всякой зависимости отъ мѣстнаго епископа или отъ какого нибудь другого іерарха, кромѣ патріарха константинопольскаго, и во Львовѣ далъ ему монополію воспитанія; тамъ не дозволялось быть иному православному училищу, кромѣ братскаго, гдѣ предполагено учить дѣтей св. писанію, а также славянскому и греческому языку, если для этого найдутся учителя. вмѣстѣ съ тѣмъ братство получило право печатать священныя и церковныя книги и ученія: граматику, риторику, пѣнтику и философію. Патріархъ поощрялъ заводить такія же братства повсюду, но оставилъ первенство за львовскимъ. Такимъ образомъ, за-

ведено было троицкое братство въ Вильнѣ, а за нимъ и многія другія въ городахъ православнаго края.

Понятна цѣль, какую имѣлъ патріархъ. Такое общество, завися исключительно отъ власти патріарха, давало ему возможность знать все, что происходитъ на Руси, и держать въ рукахъ всю русскую церковь. Какихъ бы довѣренныхъ лицъ ни поставилъ патріархъ на епископскихъ мѣстахъ—живучи вдаль, онъ всегда могъ опасаться, что эти люди увлекутся своими личными и мѣстными интересами въ ущербъ церкви, тогда какъ разнородное общество, съ правомъ надзора надъ епископами, станетъ крѣпко держаться воли вдалекѣ пребывающаго патріарха, какъ ради независимости отъ ближайшихъ властей, такъ и потому, что для братствъ не было иного пути проводить свои намѣренія и предположенія, какъ черезъ покровительство патріарха.

По возвращеніи изъ Московскаго государства, патріархъ остановился въ Замостьѣ. Тутъ онъ поручилъ митрополиту созвать синодъ для слѣдствія надъ поведеніемъ духовныхъ лицъ, обличаемыхъ братствомъ. Митрополитъ медлилъ, боялся, чтобы на этомъ синодѣ не было доносовъ и на него самого. Владыки чувствовали за собою грѣхи и также просили митрополита не созывать собора. Говорятъ, что, по тайному приказанію лужскаго владыки, посланный патріархомъ къ митрополиту писарь митрополитій Григорій былъ ограбленъ въ пинскихъ лѣсахъ: у него взяли патріаршія письма, которыя такимъ образомъ не доходили до митрополита. Патріархъ продолжалъ жить въ Замостьѣ. Тутъ, не дожидаясь собора, явился къ нему львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, обвиненный также братствомъ, и доносилъ въ свою очередь на лужскаго епископа Кирилла Терлецкаго, что его въ народѣ обвиняютъ въ наѣздахъ, буйствѣ, развратѣ, дѣланіи фальшивой монеты. Гедеонъ вообще хотѣлъ настроить патріарха такъ, чтобы послѣдній готовъ былъ обратиться въ дурную сторону все, что услышитъ о лужскомъ владыкѣ; но патріархъ, вмѣсто того, чтобы получить предубѣжденіе противъ Кирилла, какъ хотѣлось Гедеону, потребовалъ къ себѣ Кирилла и свелъ его съ глазу на глазъ съ Гедеономъ. Тогда Гедеонъ не сталъ обвинять Кирилла, а увѣрялъ, что все, что говорятъ о немъ въ народѣ, клевета, восхвалялъ святую жизнь лужскаго епископа и въ присутствіи патріарха обращался съ нимъ по-братски, дружелюбно. Патріархъ отпустилъ Кирилла милостиво. Гедеонъ послѣ того, пользуясь тѣмъ, что патріархъ не умѣетъ читать и писать по-русски и по-польски, подсунулъ ему къ подписи бумагу, гдѣ заключалось обвиненіе на Кирилла. Патріархъ подписалъ, а потомъ, узнавъ, что его обманули, составилъ Кириллу оправдательную грамоту, гдѣ повелѣвалось не вѣрить тому, что прежде написано было на Кирилла Терлецкаго, и что его обманули; въ знакъ своего особаго благоволенія, онъ нарекъ лужскаго епископа своимъ экзархомъ или намѣстникомъ на предстоящій соборъ, котораго онъ долго ждать не рѣшался. Само собою разумѣется, что это было сдѣлано въ ущербъ достоинству митрополита. Соборъ подъ предсѣдательствомъ нарѣченнаго экзарха могъ судить всѣхъ владыкъ и самого митрополита. Гедеона, на котораго возсталъ львовское братство, патріархъ оставилъ подъ запрещеніемъ до покаянія. Тогда Гедеонъ отправился къ львовскому католическому епископу Соликовскому, кланялся ему, объяснялъ, что патріархъ притѣсняетъ владыкъ, желая съ нихъ что-нибудь сорвать, совѣтовался о средствахъ избавить русскую церковь отъ неволи

и тутъ же высказалъ мысль, какъ бы хорошо было подчинить русскую церковь папѣ; она бы избавилась на будущее время отъ произвола константинопольскихъ іерарховъ.

Патріархъ уѣхалъ, не открывши собора. Русскіе духовные говорили, что патріархъ затѣвалъ розыски надъ поведеніемъ духовныхъ только для того, чтобы имѣть возможность придраться и брать поборы. Находясь подъ властью Турціи, патріархи и вообще греческіе духовные были по-неволѣ въ такомъ положеніи, что нуждались въ подаянніи, собираемомъ преимущественно въ независимыхъ православныхъ странахъ; православный востокъ терялъ къ себѣ уваженіе, по мѣрѣ того какъ духовные чины, носившіе званіе архимандритовъ, игуменовъ и даже епископовъ, блуждали по Литвѣ и Руси, собирали милостыню, выпрашивали себѣ у правительства и у знатныхъ вельможъ мѣста къ ущербу туземцевъ и часто затѣвали смуты и несогласія. Заведеніе братствъ, независимыхъ отъ епископовъ, русскіе іерархи считали для себя оскорбленіемъ и вообще униженіемъ духовныхъ властей. Между тѣмъ іезуиты указывали на все это русскимъ духовнымъ и доказывали, что присоединеніе къ римской церкви есть единственное средство избавиться отъ зависимости отъ патріарха, раба невѣрныхъ.

Мудрено ли, что въ вѣкъ всеобщаго прозелитизма такіе ловкіе на діалектику проповѣдники, какими были іезуиты, не встрѣчали себѣ достойнаго отпора, а обращаемихъ ими изъ православія некому было поддерживать въ отеческой вѣрѣ? «Изъ духовныхъ греческой вѣры, говорить современникъ, — не нашлось бы десятка во всей Руси, чтобы умѣли объяснить: что такое таинство, чистилище, папская власть и пр.; а когда владыки и игумены порывались показать свое просвѣщеніе, то возбуждали смѣхъ, когда какую нибудь простонародную польскую или русскую поговорку приписывали какому нибудь Солону или Пинеагору».

При такомъ состояніи духовенства, простой народъ только по имени былъ христіанскимъ; а были такіе, что безъ крещенія оставались во всю жизнь. Народъ жилъ своею старою жизнью, нераздѣльно отъ природы, безъ первоначальныхъ понятій о сущности христіанской религіи. Во всемъ еще господствовали языческій строй понятій и вѣрованій. Понятія о душѣ и загробной жизни сохранялись отъ временъ отдаленныхъ и почти чужды были христіанскаго рая и ада. Русскій поселянинъ воображалъ, что души умершихъ летаютъ по деревьямъ, превращаются въ деревья, въ птицъ, въ звѣрей, блуждаютъ по лѣсамъ, болотамъ и полямъ, а потомъ уходятъ въ отдаленную страну, гдѣ-то на востокъ солнца; божество рисовалось въ неопредѣленномъ образѣ верховной силы, безъ яснаго сознанія, является ли эта сила въ одномъ или во множествѣ образовъ.

Въ дворянствѣ греческой вѣры развилась холодность къ отцовской религіи, переходившая часто и скоро въ убѣжденіе о превосходствѣ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: православная церковь безпрестанно теряла своихъ членовъ дворянскаго происхожденія. Во время Сигизмунда-Августа, когда въ Польшѣ и Литвѣ распространилась реформація, многіе покидали вѣру отцовъ и принимали кальвинство или арианство, другіе хотя явно не переходили въ иновѣрство, но оставались безъ всякой сердечной и нравственной связи со своею вѣрою и почти такъ же были ей чужды, какъ и перешедшіе въ другую; коль скоро рус-

скій шляхтичъ получилъ воспитаніе или даже только воображалъ себя воспитаннымъ, у него понятія и чувства обращались къ иному міру, и онъ старался быть чуждымъ православію. Съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты накинута на Рѣчь Посполитуя свою католическую сѣть, русскіе стали переходить въ католичество.

Въ южной Руси отцу семейства невозможно было найти учителя, который бы преподавалъ законъ Божій и первоначальныя свѣдѣнія, и родители поневолѣ поручали воспитаніе дѣтей иновѣрцамъ, а тѣ, по духу прозелитизма, общему тогда всѣмъ толкамъ, старались воспитанникамъ внушить предпочтеніе чужой вѣрѣ. Князь Острожскій, одинъ изъ немногихъ знатныхъ людей, преданныхъ православію, съ сердечною болью указывалъ на упадокъ церковнаго благочинія въ русской церкви, невѣжество священниковъ, матеріальное своеволие архипастырей, лѣность и равнодушіе мирянъ къ дѣламъ вѣры. Острожскій завелъ у себя школу, типографію, всѣхъ православныхъ дворянъ побуждалъ дѣлать то же. Но мало было охотниковъ слѣдовать его примѣру, да и трудно было. Учителей негдѣ было набирать на всю Русь: своихъ нѣтъ, съ востока также получить нельзя было, въ Московщинѣ тоже невѣжество. Естественно было поддаваться іезуитскимъ внушеніямъ и приходило невольно къ мысли о соединеніи съ римскою церковью.

Митрополитъ въ 1590 г. (а по нѣкоторымъ въ 1591) созвалъ въ Брестѣ синодъ для совѣта объ улучшеніяхъ въ церкви. Онъ жаловался, что константинопольская каедедра занимается по произволу турецкой власти, указывалъ на тягость зависимости отъ патріарха. Съ нимъ совѣщались: Кириллъ Терлецкій, уже давно расположенный къ латинству, пинскій епископъ Леонтій Пелчицкій, холмскій Діонисій Збирійскій и львовскій Гедеонъ Балабанъ. Всѣ наши, что было бы полезно для церкви исполнить ея древнее желаніе соединенія съ западной. Тогда епископы, но безъ митрополита, составили записъ, гдѣ изложили, что, по своему долгу, заботясь о приведеніи своихъ, порученныхъ имъ Богомъ, овецъ къ христіанскому согласію, они желаю признать власть римскаго первосвященника, если только божественная служба и весь церковный уставъ восточной церкви останутся ненарушаемыми во вѣки. Это было первое и исходное дѣло уніи.

LXIV. БРЕСТСКІЙ СОБОРЪ И ЦЕРКОВНАЯ УНІЯ.

(По соч. Кулиша: «Исторія возсоединенія Ю.-З. Руси», Кояловича: «Литовская унія» и по соч. Сливова: «Іезуиты въ Литвѣ»).

Все было подготовлено къ церковной уніи: люди, интересы, страсти. Это былъ результатъ сложной работы іезуитскаго ордена и многихъ сознательныхъ и безсознательныхъ орудій его. Оставалось только сдѣлать послѣдній шагъ. И вотъ въ 1590 г. собрался въ литовскомъ городѣ Брестѣ соборъ изъ православныхъ духовныхъ лицъ и русской шляхты, съ цѣлью установить церковное благочестіе на прочныхъ основаніяхъ. Соборъ этотъ былъ назначенъ патріархомъ Іеремією; онъ самъ желалъ на немъ присутствовать; но митрополитъ Рагоза медлил конвокаціей

до тѣхъ поръ, пока патріархъ не удался. Его мѣсто занялъ теперь человекъ, лучше котораго невозможно было и желать для предполагаемой іезуитской цѣли.

Еще въ 1577 г. іезуитъ Петръ Скарга издалъ на польскомъ, тогда общедоступномъ, языкѣ сочиненіе: «О единствѣ церкви Божіей и объ отступленіи грековъ отъ единства, съ предостереженіемъ и наставленіемъ народамъ русскимъ». Книга эта предназначалась программой для возвращенія православныхъ въ унию, а чрезъ посредство униі — въ латинство. Въ ней прежде всего указаны причины, по которымъ въ русской церкви никогда не можетъ быть порядка. Первая причина — семейная жизнь священниковъ, которые вслѣдствіе этого заботятся только о мірскомъ, оставляя безъ всякаго пастырскаго попеченія свою паству. Семейная жизнь священниковъ служитъ причиною того, что на Руси вся наука упала, а попы омужичились. Вторая причина — славянскій языкъ. Греки, говоритъ Скарга, обманули русскихъ и съ умысломъ не дали имъ своего языка, оставивъ у нихъ языкъ славянскій, потому что только при помощи латинскаго и греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и въ вѣрѣ. На всемъ свѣтѣ еще никогда не было и никогда не будетъ ни академіи, ни коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки могли преподаваться и быть понимаемы на иномъ языкѣ. При славянскомъ языкѣ никогда никто ученымъ не можетъ быть; онъ никогда не имѣлъ правилъ и грамматики. Третья причина, не позволяющая быть порядку въ русской церкви, это униженіе духовнаго сословія и внимательства свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла.

Показавъ несостоятельность церкви православной, какъ со стороны догматической, такъ и со стороны нравственной, Скарга указываетъ средства выйти изъ этого безвыходнаго положенія: 1) чтобы кievскій митрополитъ принималъ благословеніе не отъ константинопольскаго патріарха, но отъ папы; 2) каждый русскій долженъ быть согласенъ съ римскою церковью во всѣхъ артикулахъ вѣры; 3) русскіе должны признавать верховную власть столицы римской; что же касается церковныхъ обрядовъ, то они могутъ оставаться попрежнему неприкосновенными.

На первомъ же съѣздѣ русскіе іерархи выполнили главную для нихъ часть программы, составленной Скаргою. Они заключили съ папами весьма знаменательное условіе — не позволять простымъ людямъ держать монастыри. Это значило — лишить магдебургскія, цеховыя и братскія общины патроната надъ монастырями, которые епископы и архимандриты обращали въ экономическія заведенія, оставляя церкви безъ иконъ, безъ книгъ, безъ утвари и богослуженія, а не то — даже и запертыми. На второмъ съѣздѣ 1591 года рѣшено было избавиться униі отъ внимательства свѣтскихъ людей вообще въ церковныя дѣла. Но мысль эта выразилась открыто только въ протестаціяхъ противъ королевскихъ урядниковъ и помѣщиковъ за то, что они вступаютъ въ дѣла духовенства, судятъ священниковъ, разводятъ браки; а тайно отъ большинства присутствовавшихъ на соборѣ составленъ четырьмя архіереями актъ признанія папы главою церкви. Эти архіереи были: Кириллъ луцкій, Гедeonъ львовскій, Леонтій пинскій и Діонисій холмскій. Митрополитъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, и заставлялъ іезуитовъ тайно убѣждать себя (просто напросто — дѣло шло о возвышеніи, въ глазахъ короля, цѣны отступничеству).

Приверженцы римской курии въ Польшѣ считали православную Русь не только вѣрною, но и легкою добычею латинской церкви. Общество было разрознено въ экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ; связи между различными его частями были порваны; соперничество и недоверіе господствовали тамъ, гдѣ бы слѣдовало царствовать согласію; просвѣщеніе въ высшемъ классѣ было только кажущееся; мракъ, свойственный народной массѣ, едва мѣстами начиналъ уступать случайнымъ проблескамъ знанія. Но практика показала, что добыча была не такъ легка.

Придворные патеры Сигизмунда III работали дѣятельно посредствомъ своихъ агентовъ на Руси. Православныхъ пановъ они, что называется, обернули вокругъ пальца; мѣщанъ имѣли они больше всего въ виду, но меньше всего боялись на попрощѣ интриги, такъ какъ мѣщане лишены были голоса на сеймѣ, а шляхетнымъ ихъ представителямъ, этимъ «старшимъ братчикамъ» мѣщанскимъ, іезуиты всегда готовы были давать полную свободу проявлять силу свою въ словозверженіи. Притомъ іезуиты разочли, что паны, охладѣвъ къ реформациі, охладѣютъ и къ православію. Только задоръ однихъ пановъ къ новаторству, въ противодѣйствіе королю и его католической радѣ, подстрекалъ другихъ къ упорству въ древнемъ благочестіи, на зло той же самой придворной лигѣ. Знали очень хорошо іезуиты, что православные паны всѣ очутятся въ одной церкви съ королевемъ и сенаторами, но никакъ не съ торгашами и холопами, которымъ они давали свои охраненныя грамоты въ качествѣ старшихъ братчиковъ. А безъ привилегированныхъ, неприкосновенныхъ для самого короля, членовъ братства, какая религіозная корпорація въ низшихъ сферахъ можетъ устоять противъ шляхетскаго полноправства? О казакахъ іезуиты вовсе не думали въ началѣ: начинали они думать о казакахъ только тогда, когда мѣщане и ихъ духовенство ухватились за эту послѣднюю защиту противъ допускаемыхъ закономъ насилій.

Итакъ, іезуиты дѣйствовали смѣло, быстро, настойчиво. Безъ вѣдома такихъ тузовъ православія, какъ Острожскій, Скуминъ-Тышкевичъ и другіе, составленъ былъ актъ отреченія отъ православія; помимо ихъ согласія отправлена была, осенью 1595 г., депутація въ Римъ, съ выраженіемъ готовности греко-русской церкви признать своимъ главою папу. Послами были извѣстный уже намъ Кириллъ Терлецкій и новый владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй. Поцѣй принадлежалъ къ панамъ аристократамъ. Папскій нунцій Коммендони обратилъ его изъ православія въ католичество; но іезуиты настаивали его снова обратиться въ православіе, чтобы тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать въ пользу латинской церкви, въ званіи уніатскаго архіерея. Замыливая глаза православнымъ, согласно іезуитской практикѣ, Поцѣй учредилъ самъ православное братство въ Брестѣ, на подобіе львовскаго. Братство брестское было похоже на львовское только именемъ, но не духомъ. Не понимали этого «старшіе братчики», и въ ихъ числѣ Острожскій. Онъ, глубокій уже старикъ, уважалъ Поцѣя за хорошую нравственность, ученость и благочестіе, онъ не противился возведенію въ санъ архіерейскій этого человѣка, который еще недавно носилъ военную одежду по должности каштеляна, а потомъ облачился въ одежду святительскую. Этотъ-то новый православный архипастырь, вмѣстѣ съ старымъ другомъ дома Острожскихъ, Терлецкимъ, явился въ Римъ искать благословенія своему дѣлу у папы. Поцѣй и

Терлецкій имѣли сначала частное свиданіе съ папою, потомъ начались совѣщанія съ іезуитами и кардиналами, и, наконецъ, когда все было улажено, 23-го декабря, папа Климентъ VIII далъ имъ торжественную аудіенцію въ присутствіи всего ватиканскаго двора. Епископы, приложившись къ туфлѣ святѣйшаго отца, представили ему грамату, писанную по-русски. Ее громко прочелъ Евстафій Воловичъ, еще въ юности соvrащенный въ католичество, виленскій каноникъ (впослѣдствіи епископъ), ученикъ и сподручникъ іезуитовъ, пріѣхавшій въ Римъ съ епископами въ качествѣ королевскаго секретаря. Вслѣдъ затѣмъ прочтенъ былъ переводъ граматы на латинскомъ языкѣ. Папа благодарилъ епископовъ за пріѣздъ, обѣщалъ сохранить неприкосновенными всѣ церковные обряды восточной церкви. Затѣмъ Поцѣй прочелъ по-латыни отъ имени митрополита и всѣхъ епископовъ обѣщаніе, особенно составленное по этому случаю, и епископъ луцкій Терлецкій прочелъ то же самое по-русски, а вслѣдъ затѣмъ епископы, также отъ имени митрополита и всѣхъ отсутствующихъ епископовъ, приняли присягу на вѣрность папѣ. Послѣ этого Климентъ VIII, не скрывая своей радости, подозвавъ къ себѣ епископовъ, сказалъ имъ: «Желаю не господствовать надъ вами, но немощи ваши носить на себѣ». На слѣдующій день, наканунѣ Рождества, папа торжественно совершилъ вечерню въ соборѣ св. Петра, причемъ находились и епископы въ восточномъ облаченіи. Въ память событія вычеканена была медаль.

Присяга принята была и отъ имени Рагозы. Нельзя было долѣе скрываться. Православные теперь уже ясно видѣли, что митрополитъ измѣнилъ заѣтамъ церкви. Въ началѣ 1596 г. на сеймѣ въ Варшавѣ кн. Острожскій и православные депутаты, въ присутствіи короля, объявили сейму, что они протестуютъ противъ уніи, что не признаютъ Поцѣя и Терлецкаго своими епископами. Составленъ былъ особый оффиціальныи протестъ: Мартынь Буховецкій долженъ былъ прочесть его публично; но сеймъ до этого не допустилъ. Тогда Острожскій внесъ этотъ протестъ въ актовыя книги сейма, а копіи съ онаго разослалъ по всему краю между православными.

Дѣло принимало оборотъ крайне затруднительный. Никакихъ уступокъ нельзя было добиться отъ православныхъ, и іезуиты увидѣли необходимость дѣйствовать круто, чего въ предварительныхъ планахъ вовсе не имѣлось въ виду, ибо полагали, что унія пойдетъ легко и что всѣ православные незамѣтно перейдутъ въ нее.

Въ отвѣтъ на протестъ король далъ подтвердительныя граматы епископамъ, обѣщая защищать ихъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые бы рѣшились не признавать ихъ епископами. Къ народу же онъ издалъ манифестъ, въ которомъ извѣщалъ о послѣдовавшемъ соединеніи церквей, но ручался, что всѣ догматы и обряды восточной церкви будутъ сохранены неприкосновенно, согласно постановленіямъ и древнимъ ученіямъ св. отцовъ греческихъ и апостольскихъ соборовъ. Въ этомъ же манифестѣ король приказывалъ митрополиту Михаилу созвать соборъ въ Брестъ-Литовскъ, въ которомъ могли участвовать какъ духовные, такъ и свѣтскіе православнаго и католическаго исповѣданій. Итакъ, соборъ долженъ былъ рѣшить судьбу уніи. Всѣ ревнители православія готовились къ этому собору, чтобы самоотверженно отстаивать свою родную церковь. Время собора назначено было въ октябрѣ 1596 г.

Никогда въ западно-русской церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 г. въ Брестѣ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ, экзархъ константинопольскаго патріарха въ Литвѣ и во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ, человѣкъ извѣстный своею ученостію и сильными связями въ Константинополѣ; Кириллъ Лукарьскій, экзархъ александрійскаго патріарха; западно-русскій митрополитъ Михайлъ съ семью епископами; множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ западно-русской церкви; далѣе кн. Острожскій съ многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей и множество людей всякаго чина и званія. Представителями латинянъ были: главнѣйшіе двигатели уніи — луцкій епископъ, епископъ львовскій съ іезуитами, епископъ холмскій; потомъ, гетманъ литовскій кн. Николай Радзивиллъ, канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарбій литовскій Димитрій Фалецкій, тоже со свитами. Всѣ съѣхавшіеся на соборъ немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими уніатами, Поцѣмъ и другими епископами, не отказавшимися отъ уніи, и взяли чуть ли не подъ стражу Михаила Рагозу. Патріаршіе экзархи и другіе представители восточной церкви соединились съ двумя западно-русскими епископами, Гедеономъ львовскимъ и Михайломъ перемышльскимъ, съ Острожскимъ, съ послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители православной западно-русской церкви. Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе; шатры и пушки покрывали окрестности Бреста; и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ уніатскую половину, и она обратилась съ тревожными вопросами къ Острожскому. Но онъ увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено, и, вѣроятно, слово князя было выраженіемъ мыслей большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла и въ сочувствіи цѣлаго народа, что никакъ не думали обращаться къ силѣ безъ прямого вызова противной стороны и, какъ увидимъ сейчасъ, даже совершенно пренебрегли этою силою. Собираясь около двухъ патріаршихъ экзарховъ, двухъ своихъ епископовъ и всего духовенства, они выжидали, пока митрополитъ, согласно всегдашнему обычаю, назначить имъ мѣсто для собора. Но тотчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе — не нарушать спокойствія — подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того; они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запереть всѣ церкви, чтобы лишить соборъ православный приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя, они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ пообширнѣе. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ и, освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу. Дѣйствія этого собора въ обѣихъ его половинахъ (духовной и мірской) поражаютъ насъ изумительно вѣрнымъ званіемъ церковныхъ и гражданскихъ литовско-польскихъ законовъ и еще болѣе изумительно строгимъ исполненіемъ ихъ.

Всѣ увидѣли теперь, что митрополитъ и окружавшіе его епископы предадутъ латинянамъ свою церковь и, слѣдовательно, подлежатъ суду. Судъ этотъ православные считали въ правѣ произвести надъ высшимъ своимъ іерархомъ и епископами теперь, потому что имѣли на сторонѣ своей представителей восточныхъ патріарховъ, уполномоченныхъ произвести этотъ судъ; слѣдовательно, на сторонѣ православныхъ были судьи по власти выше митрополита и всѣхъ западно-русскихъ епископовъ. Званіе Никифора, патріаршаго экзарха, не подлежало никакому сомнѣнію, потому что сами православные просили патріарха прислать его въ Литву. Имѣя на своей сторонѣ каноническую законность власти, православные не колебались ни минуты вѣрить этой власти судъ надъ дѣлами церкви западно-русской, и каждое дѣйствіе этой канонически законной власти возвышало въ нихъ довѣріе къ собору. Экзархъ Никифоръ черезъ пословъ позвалъ митрополита на судъ согласно съ церковными правилами судить виновнаго лично. Посланные не находили его; соборъ продолжалъ посылать ихъ для новыхъ поисковъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посольствъ, митрополита, наконецъ, нашли въ кругу латинянъ и получили отвѣтъ, что онъ не явится на соборъ православныхъ. Соборъ теперь имѣлъ право судить виновнаго и заочно также по церковнымъ правиламъ. Выбранный отъ собора прочиталъ грамоты Никифора къ митрополиту съ убѣжденіемъ не приставать къ уніи, писанныя одна до пріѣзда на соборъ, другая въ день самаго пріѣзда; затѣмъ прочитаны были всѣ «позвы» митрополиту и послѣдній его отвѣтъ. Виновность его и единомышленность съ нимъ епископовъ не подлежала никакому сомнѣнію. Но такъ какъ, осуждая митрополита и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ осудить и унію, то члены собора, оставивъ въ сторонѣ виновниковъ ея, занялись рѣшеніемъ вопроса объ уніи. Сдѣлано было опроверженіе ея, и затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірской половинѣ и требовалъ ея мнѣній. Съѣздъ православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору единогласное мнѣніе, что уніи не желаетъ весь литовско-русскій народъ. Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ уніи митрополитъ и епископы осуждены на низложеніе съ кафедръ. Опредѣленіе собора было послано къ виновнымъ, и всѣ члены собора составили протестъ противъ уніи и владыкъ, принявшихъ ее, и отправили къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ.

Сторона уніатская дѣлала какъ бы подражаніе православному собору, но самое слабое и крайне неудачное, не смотря на святость мѣста, въ которомъ производили свои дѣйствія (въ кафедральной церкви св. Николая). Въ страхѣ отъ православныхъ, будущіе уніаты окружали себя военною силою и, вопреки всѣмъ правиламъ церкви, допустили въ члествѣ членовъ собора иновѣрцевъ, т. е. латинянъ. Далѣе, подобно православнымъ, они считали нужнымъ снести съ непринявшими уніи; но сносились частнымъ образомъ, не съ собора и не чрезъ грамоту, а словесно, посредствомъ иновѣрцевъ. На основаніи этихъ частныхъ и канонически незаконныхъ сношеній, они сочли неучаствовавшихъ въ уніи виновными, руководствуясь не обличеніемъ ихъ и высказаннымъ ими отвѣтомъ, а тѣмъ убѣжденіемъ, что уніи всѣ упорно противятся. Еще далѣе. Православный соборъ разсуждалъ объ уніи и опровергалъ ее.

Уніатскому собору нельзя было разсуждать о ней и вести преній: унія давно была рѣшена безъ собора и теперь утверждена была уже папою; разсуждать было не о чемъ, и уніатскій соборъ ограничился чтеніемъ папской утвердительной грамоты на унію. Наконецъ, православный соборъ, слѣдуя вполнѣ соборнымъ правиламъ, допустилъ совѣщательное участіе мірянъ. потому что дѣло касалось всего народа и его гражданскихъ отношеній къ церкви. Уніатскому собору некого было спрашивать о мнѣніи народа, потому что на немъ не было ни одного земскаго посла. Поэтому уніатскій соборъ только объявилъ унію, какъ дѣло рѣшенное, представилъ отъ себя тоже протестъ королю противъ непринявшихъ уніи, съ просьбою изложить силою виновныхъ епископовъ и принять мѣры противъ народа.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что общій съѣздъ разногласящихъ сторонъ, собравшійся для примиренія ихъ въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалѣ короля и въ грамотѣ митрополита, вовсе не достигъ этой цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины, православную и латинствующую, которыя остались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшила дѣло уніи: одна отвергла ее, другая приняла. Значить, произнести окончательный приговоръ о соборѣ и принять рѣшеніе представлено было будущему времени.

Конечно, взаимныя проклятія и отрѣшенія нисколько не препятствовали какъ православнымъ, такъ и уніатамъ оставаться при своихъ мнѣстахъ и званіяхъ. Но положеніе православныхъ, оставшихся вѣрными восточной церкви, было гораздо труднѣе. Епископовъ, подчинившихся папѣ, защищало правительство; другихъ оно преслѣдовало. Тотчасъ послѣ брестскаго собора Сигизмундъ III издалъ грамоту, въ которой говоритъ: «Митрополитъ съ епископами, со всѣмъ духовенствомъ и многими людьми греческой русской вѣры, сошлись въ соборной брестской церкви св. Николы, послѣ молитвы, три дня разбирали дѣло, справляясь со священнымъ писаніемъ, съ правилами св. отецъ, братски призывали къ себѣ епископовъ Михаила и Гедеоны съ ихъ товарищами; но они, хотя сначала сами добровольно приступали къ уніи и объ этомъ къ намъ писали, но теперь, по наущенію упорныхъ людей, оставили св. храмъ Божій, въ которомъ во все время собора ни разу не были, пожелали соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и поругателями вѣры православной русской. Мало того: соединяясь съ какимъ-то еретикомъ Никифоромъ и другими греками, со шпіонами и измѣнниками нашими, засѣли въ еретической божницѣ, гдѣ съ окаменѣлымъ фараоновымъ сердцемъ, съ упорствомъ и злостью, осмѣлились рѣшать дѣла, къ нимъ не подлежащія, возстали противъ насъ, своего господаря, противъ Рѣчи Посполитой и своихъ начальниковъ, отлучились отъ церкви Божіей, составили тайные протесты и заговоры, подписывали бланкеты и прикладывали печати, призывали къ рукоприкладству людей, не принадлежащихъ къ собору, насильно заставляя ихъ подписываться, а потомъ на этихъ бланкетахъ что-то писали и по государству нашему разсылали». Далѣе король извѣщалъ всѣхъ, что епископы Михаилъ и Гедеонъ прокляты, а потому запрещается почитать ихъ епископами и входить съ ними въ какія либо сношенія; всѣ же правительственныя власти и должностныя лица обязываются уважать постановленіе брестскаго собора, въ противникахъ же оного видѣть преступниковъ.

Такимъ образомъ, король призналъ однихъ уніатовъ преданными престолу и отечеству и объявилъ, что на противниковъ уніи, т. е. православныхъ, смотритъ, какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, отступниковъ отъ церкви Божіей. Это было начало преслѣдованій, открывшее широкое поприще интригъ, мелкой зависти, фанатичнымъ проискамъ.

Несправедливое рѣшеніе короля не столько испугало, сколько озлобило православныхъ. Еще 9-го октября въ Брестѣ православные избрали изъ среды своей двухъ свѣтскихъ депутатовъ, Малиновскаго и Древинскаго, и снабдили ихъ инструкціей, какъ они должны дѣйствовать и чего требовать отъ короля и сейма. Въ инструкціи говорится, что предки ихъ и они сами болѣе шестисотъ лѣтъ подчинялись константинопольскому патріарху; что, составляя только часть восточной церкви, они не могутъ признать надъ собою власти папы. Въ заключеніе просили короля низложить митрополита Михаила и епископовъ, принявшихъ унію, и лишить ихъ правъ на церковныя имущества. Въ 1598 г. православные подали сейму жалобу на митрополита и епископовъ, принявшихъ унію; но разсмотрѣніе жалобы было отложено. Между тѣмъ (1600) умеръ митрополитъ Рагоза, не добившись все-таки осуществленія завѣтной своей мысли—засѣдать въ сенатѣ. Современники пишутъ, что совѣсть преслѣдовала его, и въ послѣднюю минуту онъ объявилъ желаніе умереть православнымъ; но окружавшіе ложе больного уніаты не допустили до этого.

Королевскою грамотой 8-го апрѣля 1600 г. преемникомъ ему назначенъ вѣрный и надежный сподвижникъ іезуитовъ Ипатій Поцѣй, утвержденный въ санѣ уніатскаго митрополита. Тогда дѣло уніи уже всецѣло поступило въ вѣдѣніе іезуитовъ.

ЛХУ. ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА ІЕЗУИТОВЪ КЪ МИТРОПОЛИТУ КІЕВСКОМУ МИХАИЛУ РАГОЗѢ.

(Изъ «Истории возсоединенія Ю. З. Руси» Кулиша).

«Мы бы желали, чтобы ваша милость благоволила видѣть въ нашихъ совѣтахъ такую же преданность къ вашей особѣ, какъ и къ общему благу католической церкви. Конечно, долгъ и профессія наша велятъ намъ имѣть въ виду прежде всего увеличеніе вселенской церкви подъ послушаніемъ единого папстыря; но та же самая ревность къ общему благу тѣмъ больше влечетъ насъ къ расположенію вашей милости, чѣмъ больше усматриваемъ въ особѣ вашей милости заслуги и задатки дальнѣйшаго продолженія благочестивой ревности къ той же церкви. Велика будетъ радость всѣхъ католиковъ, когда они, благодаря мудрымъ стараніямъ столь великаго архипастыря, увидятъ осуществленіе давно желаннаго соединенія; но не менѣе блистательное украшеніе будетъ и для вашей милости, когда, будучи въ нашихъ краяхъ примасомъ восточной церкви, возсядете вы въ сенатѣ рядомъ съ короннымъ примасомъ. А это невозможно, доколѣ вы будете оставаться въ какой либо зависимости отъ патріарха, находящагося подъ нехристіанскою властью, или

имѣть съ нимъ какія бы то ни было сношенія. Довольно этотъ узелъ не будетъ разрубленъ, дотолѣ и у самого короля его милости, и у коронныхъ чиновъ не развяжутся руки. Скажите, почему коронныя провинціи, принимающія обряды западной церкви, должны считаться хуже московскихъ, имѣющихъ собственныхъ патріарховъ? Ваша милость уже сломали первый ледъ счастливо, и какъ, вступая на свой высокій постъ, вы не искали благословенія цареградскаго патріарха, по причинѣ суетвѣрія, котораго набрались греки въ бусурманской средѣ, живя вдали отъ центра истиннаго ученія, такъ можете обойтись безъ него и впоследствии. Да не устрашаютъ вашу милость разныя препятствія. Большею частью они уже устранены; остальные могутъ быть устранены мудрымъ совѣтомъ и постылиствомъ въ задуманномъ предпріятіи. Развѣ маловажное преодолѣно препятствіе благимъ нашимъ намѣреніямъ тѣмъ, что выборъ іерарховъ начинаетъ ускользать изъ рукъ у русской шляхты? Она почувала здѣсь нашу твердость въ обращеніи народа русскаго; она могла бы и впоследствии почувать эту рѣшимость. Потому что надобно бояться, чтобы на ту должность, которую занимаете нынѣ вы, не поставлялись такіе люди, которые могли бы разрушать основанія этого труда и начатаго вашей милостью зданія. Не безъ Божіей воли это случилось, что они, не избирая вашей милости на эту должность, не могутъ столкнуть и низвести съ нея вашей милости. Ибо имѣете ваша милость королевскую привилегію; есть у васъ въ Коронѣ и Литвѣ тайныя связи, родство, пріятель и могущественная партія; за васъ стоитъ вся католическая церковь, которая, въ случаѣ надобности, поддержитъ васъ могущественно. Кто же вашей милости можетъ помѣшать, для подготовленія себѣ преемника, подбирать себѣ коадьютора? А для него при дворѣ его королевской милости привилегія будетъ готова, только бы онъ, съ своей стороны, былъ готовъ слѣдовать по стопамъ вашей милости. Наконецъ не смотрите на ваше духовенство, ни на ничтожныя бунты безумной черни. Что касается духовенства, то ваша милость всего удобнѣе можете держать его въ послушаніи слѣдующимъ способомъ: замѣщайте всѣ вакансіи не знатными людьми, чтобы не брыкались, а простыми, убогими и такими, которые бы вполне зависѣли отъ вашей милости. А если бы на духовныхъ прелатурахъ оказались строптивые, тогда, подъ предлогомъ надобности въ ревностныхъ наставникахъ и порядочныхъ игуменахъ, смѣщайте противящихся и непослушныхъ вамъ прелатовъ, а на ихъ бенефіціи возвышайте преданныхъ вамъ; а чтобы и эти не разжирѣли, отправляйте подозрѣваемыхъ на иныя мѣста и, по указанію обстоятельствъ, перемѣщайте. Не мѣшаетъ иныхъ охлаждать почетнѣйшими поѣздками и посольствами, которые бы они совершали на собственный счетъ. Протопоповъ, которые попроще, берите съ собой въ дорогу и заблаговременно пріучайте при себѣ и направляйте къ тому, чтобы они усвоили вашъ способъ дѣйствія. На цоповъ накладывайте подати для общаго блага св. церкви и всего больше наблюдайте за тѣмъ, чтобы они безъ вашей милости, своего пастыря, не отправляли синодовъ и всяческихъ сходокъ, а кто бы изъ нихъ осмѣлился преступить строгое запрещеніе, тѣхъ подвергать наказанію. Что касается свѣтскихъ, а особливо черни, то какъ донинѣ ваша милость поступали очень благоразумно, такъ и на будущее время, по мѣрѣ возможности, вы будете осмотрительны, чтобы не подать имъ никакого повода къ

уразумѣнію замысловъ и намѣреній вашей милости. Потому если бы надобно было опасаться войны съ ними, то мы не совѣтуемъ наступать на нихъ явно. Гораздо лучше въ мирное время передовыя между ними головы различными способами уловлять и обязывать то чрезъ посредство своихъ агентовъ, то какими-либо иными дѣйствіями и награжденіями. Церемоній не вносить въ церковь разомъ: онѣ могутъ быть измѣнены мало по малу. Диспуты и споры съ западною церковью для виду не оставляйте, равно какъ и другихъ подобныхъ способовъ для уничтоженія слѣда своего предпріятія, чѣмъ можно замылить глаза не только шляхтѣ, но и черни. Для молодежи греческаго закона открывайте особыя школы, лишь бы имъ не запрещали посѣщать католическіе костелы и доканчивать образование въ нашихъ школахъ (іезуитскихъ). Слово уніа должно быть изгнано: не трудно придумать другое, которое бы не такъ было противно для народа. Кто ходитъ около слоновъ, тотъ бережется носить красное платье. Что касается въ особенности до словія шляхетскаго, то ему больше всего внушайте, дѣйствуя на совѣсть, чтобъ не имѣло общенія съ еретиками въ Коронѣ и Литвѣ, а, напротивъ, помогало бы искренно католикамъ къ ихъ искорененію. Отъ этого предостереженія, по нашему мнѣнію, такъ много зависитъ, что, доколѣ еретики не будутъ истреблены въ Рѣчи Посполитой, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться совершеннаго согласія уніи греческихъ церквей въ отечествѣ съ костеломъ католическимъ. Ибо какими образомъ могли бы послѣдователи восточной церкви обратиться исполнѣ подл послушаніе св. отца, доколѣ въ Польшѣ будутъ отказывать ему въ послушаніи тѣ, которые нѣкогда были членами западной церкви? Остальное возложимъ на Господа Бога, на раздачу духовныхъ бенефицій и на ревность коронныхъ чиновъ, которые, имѣя въ своихъ владѣніяхъ права патроната, станутъ допускать къ отправленію богослуженія однихъ только уніатовъ. Будемъ надѣяться, что нашъ богобоязненный, благочестивый государь и столь горячая, при его покровительствѣ, къ католическому обряду королевская рада не перестанутъ притѣснять то на сеймахъ, то въ судахъ, отступниковъ отъ св. католической вѣры, а этимъ потянуть и упорныхъ въ русскомъ народѣ схизматиковъ: волею-неволею принуждены они будутъ поддаться подл послушаніе св. отца. А мы всѣ, члены ордена, не оставимъ содѣйствовать съ нашей стороны не только молитвами, но и работою въ вертоградъ Господнемъ».

ЛХVІ. ІОСАФАТЬ КУНЦЕВИЧЪ.

(Изъ соч. Кояловича: «Литовская унія»).

Іосафать Кунцевичъ признанъ святымъ мученикомъ уніатскою и латинскою церковію, восхваленъ восторженными церковными пѣснопѣніями, неисчислимыми стихотвореніями, проповѣдями, брошюрами; за нимъ уже въ 1673 году числилось 186 чудесъ. Намъ кажется, что съ такимъ историческимъ феноменомъ не слѣдуетъ обращаться легко и сразу, безъ дальнихъ околичностей поспирать возданную ему честь, не слѣдуетъ и по уваженію къ его почитателямъ, и потому, что у такого человѣка, безъ сомнѣнія, была же особаго рода гармонія убѣжденій и дѣйствій,

которая и ему самому казалась хорошею, и плѣнила собою массу единовѣрныхъ ему людей. При оцѣнкѣ такого лица мы считаемъ за лучшее сперва запрятать подалѣе наши личныя убѣжденія и чувства и смотрѣть на факты безпристрастно. Это, однако, не значитъ, чтобы мы способны были превратиться въ холоднаго, безучастнаго зрителя дѣлъ Кунцевича. Нѣтъ, выдвигаемые наружу факты будутъ давать постепенно волю нашимъ убѣжденіямъ и чувствамъ, нашимъ симпатіямъ и антипатіямъ; но мы не будемъ класть въ дѣло предзанятыхъ мыслей, а будемъ высказывать ни больше, ни меньше, какъ тѣ убѣжденія, какія у насъ сформировались изъ изученія фактовъ.

Іосафатъ Кунцевичъ, вопреки общему въ Литвѣ того времени желанію, чтобы высшая іерархія была благородной крови, не могъ похвалиться знатностью происхожденія. По торжественному засвидѣтельствованію Лавренція Древинскаго на сеймѣ 1620 года, онъ былъ сынъ сапожника, жившаго во Владимірѣ Волинскомъ. Родился Кунцевичъ въ 1579 г. Чѣмъ онъ занимался до двадцатилѣтняго возраста, ремесломъ отца или чѣмъ другимъ, навѣрное не знаемъ; несомнѣнно только, что онъ не много посвящалъ тогда времени наукамъ, потому что образованіе его не простиралось далѣе умѣнья читать славянскія и польскія книги. Не смотря, однако, на этотъ недостатокъ образованія, Кунцевичъ открылъ себѣ широкое поприще дѣятельности. Въ то время возникла уніи и представилась Кунцевичу въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ. Много значило здѣсь то, что онъ родился и жилъ въ брестской епархіи, епархіи Поцѣя, который поражалъ многихъ безхитростныхъ людей силою своего ума, видимою искренностію своихъ убѣжденій и громаднымъ шумомъ своихъ дѣйствій. Пылкая, впечатлительная душа Кунцевича, рѣдко дававшая себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и впечатлѣніяхъ, сильно была поражена всѣмъ этимъ, и онъ страстно привязался и къ уніи, и къ Поцѣю. Около 1604 года Кунцевичъ по торговымъ дѣламъ находился въ Вильнѣ, сблизился съ уніатскими монахами Троицкаго монастыря, рѣшился оставить міръ, и когда въ этомъ году сюда пріѣхалъ Поцѣй, то онъ былъ постриженъ имъ въ монашество и поступилъ подъ руководство Іосифа Рутскаго, вскорѣ сдѣлавшагося архимандритомъ вилenskaго Троицкаго монастыря. Здѣсь, по свидѣтельству уніатскихъ писателей, онъ пріобрѣлъ удивительно глубокое и обширное знаніе христіанскаго ученія. Не сомнѣваемся въ усердіи и природныхъ дарованіяхъ Кунцевича, но не сомнѣваемся также и въ томъ, что это изученіе, не смотря на зрѣлый возрастъ его, было очень несамостоятельно и очень далеко отъ истиннаго духа христіанства. Кунцевичъ подавленъ былъ двумя тогда великими авторитетами уніи — Поцѣемъ, какъ мы уже сказали, и Рутскимъ, которыхъ былъ восторженнымъ почитателемъ и отъ которыхъ перенялъ двѣ особенности, которыя только въ человѣкѣ его покроя и образованія могли совмѣщаться, не возбуждая въ душѣ недоумѣній и колебаній, именно: отъ одного, Поцѣя, онъ перенялъ уваженіе къ остаткамъ въ уніи православія, т. е. къ обрядамъ ея, а отъ другого, Рутскаго, латинскій духъ уніи, безусловное подчиненіе папѣ и такое же единеніе съ латинянами. Къ такому странному складу мыслей не мало располагало Кунцевича сближеніе съ іезуитами, къ которымъ онъ не разъ забѣгалъ въ коллегію. Но одно въ особенности обстоятельство объединило, скрѣпило въ мысляхъ его, Поцѣя и Рутскаго, унію и ла-

тинство и такъ настроило его душу, что онъ уже естественно, безсознательно пошелъ по тому пути, который привелъ его къ насильственной смерти. Въ 1609 году Поцѣй едва не погибъ въ Вильнѣ отъ ярости раздраженнаго народа. Кунцевичъ и Рутскій (изъ-за котораго началось волненіе народное) явились, какъ мы уже знаемъ, главными глашатаями мученической славы Поцѣя. Какъ долго хранилось въ Кунцевичѣ сильное впечатлѣніе отъ всего этого событія и къ чему оно окончательно привело его, это увидимъ послѣ, а теперь мы скажемъ, что съ этихъ поръ онъ такъ привязался къ униі, что рѣшился служить ей интересамъ съ необыкновенною горячностью и подчиненіемъ имъ всего на свѣтѣ. Это настроеніе Кунцевича выразилось въ одной его особенностях, которую рассказываютъ униатскіе писатели и которая составляетъ чистѣйшую копию іезуитства того времени. Онъ имѣлъ обычай ходить по улицамъ Вильны и когда бы то ни было убѣждать попадавшихся ему на встрѣчу ремесленниковъ, нищихъ, стариковъ и старухъ, празднующихся большихъ и малыхъ — идти за нимъ въ Троицкій монастырь и сейчасъ же исповѣдываться. Подобное усердіе встрѣчало не разъ, особенно въ началѣ, когда Кунцевичъ еще былъ діакономъ, между прочимъ, то затрудненіе, что, собравъ толпу людей, готовыхъ исповѣдываться, нужно еще было упрашивать кого либо изъ іеромонаховъ идти исповѣдывать ее, что, по сознанію самихъ униатскихъ писателей, не всегда обходилось безъ усиленныхъ просьбъ. Затрудненіе это исчезло, когда вскорѣ самого Кунцевича возвели въ священническій санъ, — зато удвоилось и его усердіе. Онъ просиживалъ за исповѣдью по шести часовъ сряду. Мало того, во время путешествій, куда бы то ни было, онъ, какъ только останавливался на постояломъ дворѣ, сейчасъ же звалъ къ исповѣди всѣхъ находившихся тутъ, между которыми, естественно, бывали и не совсѣмъ трезвые. Особенно часто приходилось исповѣдываться въ подобныхъ случаяхъ содержателямъ постоялыхъ дворовъ и ихъ домохозядамъ. Съ этимъ-то настроеніемъ, съ этою пламенною любовью къ униі и желаніемъ спасти чрезъ нее, Кунцевичъ вступилъ на архимандрію бытеньскую, потомъ жировицкую, далѣе троицкую виленскую въ 1614 году и затѣмъ на полоцкую и витебскую архіепископію въ 1617 году, сперва коадьюторомъ (викаріемъ) Гедеоны Брольницкаго, а потомъ (1618 г.) самостоятельнымъ архіереемъ. Впрочемъ, сначала, пока жилъ престарѣлый и, какъ видно, равнодушный къ униі Гедеоны Брольницкій, положеніе Кунцевича было очень фальшивое. Стѣсняемый Брольницкимъ и еще болѣе полоцкими православными, отъ лица которыхъ полоцкій бурмистръ прямо сказалъ новому епископу, что если онъ пріѣхалъ съ униєю, то пусть лучше возвратится назадъ, Кунцевичъ могъ обнаружить только одну свою особенность — видимое благочестіе и приверженность къ православнымъ обрядамъ. На оторонѣ это ввело въ такое заблужденіе православныхъ, что нѣкоторое изъ нихъ даже въ 1620 году считали его расположеннымъ къ православію и думали, что онъ поѣдетъ въ Кіевъ къ патріарху Теофану и вмѣстѣ съ нимъ будетъ рукополагать іерарховъ для западно-русской церкви. Но въ областяхъ полоцкой епископіи, особенно ближайшихъ къ границамъ Россіи, имѣли болѣе ясныя и точныя свѣдѣнія о новомъ епископѣ. Когда онъ поѣхалъ въ Могилевъ въ 1619 году, то жители его заперли городскія ворота и навели на Кунцевича крѣпостныя пушки. Такое от-

кровенное выраженіе чувствъ не обошлось даромъ жителямъ Могилева. Церкви ихъ были запечатаны, священники, не признавшіе власти Кунцевича, разосланы, и нѣкоторые изъ гражданъ попали подъ уголовный судъ. Тоже сдѣлано и въ Оршѣ, жители которой, вѣроятно, не болѣе были покорны уніатскому епископу.

Какъ видимъ, свѣтская власть усердно дѣйствовала въ пользу Кунцевича. Уніатскому пастырю, по общехристіанскому разумѣнію обязанностей духовнаго пастыря, оставалось тутъ только убѣждать непокорныхъ и отъ себя ничего не прилагать къ мѣрамъ гражданскимъ. Не отвергаемъ, конечно, что Кунцевичъ, какъ свидѣлствуютъ уніатскіе писатели, и проповѣдывалъ по своему разумѣнію слово Божіе, и увѣщевалъ на всѣхъ путяхъ и распутяхъ, и молился Богу объ ихъ обращеніи въ унію; но достовѣрно знаемъ, что онъ не ограничивался всѣмъ этимъ и понималъ свое дѣло нѣсколько иначе. Онъ самъ тянулъ къ уніи силою всякаго православнаго, заставлялъ быть уніатомъ. Мало того, Кунцевичъ не оставлялъ въ покоѣ даже мертвыхъ. Такъ, въ Полоцкѣ онъ приказывалъ вырывать изъ могилы недавно умершихъ православныхъ, очевидно, злѣйшихъ враговъ своихъ, и отдавать на съѣденіе собакамъ. Понятное дѣло, что ненависть къ нему православныхъ должна была достигнуть высшей степени. Ею заражались многіе изъ уніатовъ и отпадали отъ своего епископа. Между тѣмъ, въ 1620 году, посвященъ былъ на полоцкую кафедру православный епископъ Мелетій Смотрицкій, о которомъ здѣсь скажемъ лишь то, что его тогда превозносили до небесъ всѣ православные и что онъ сильно жаждалъ новыхъ отличій на этомъ новомъ поприщѣ. Его краснорѣчивыя посланія, которымъ ничего подобного не могло выйти изъ устъ Кунцевича, расходились быстро по епархіи полоцкой. Жители этой епархіи, оживленные новою силою, толпами бросали унію и группировались въ плотную массу православнаго народа.

Многіе на мѣстѣ Кунцевича пали бы духомъ и смирились бы, хотя на-время, предъ такими обстоятельствами. Кунцевичъ, напротивъ, почерпалъ въ этомъ новую энергію, не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью и призывалъ всѣ власти, всѣ матеріальныя силы для подавленія православныхъ. Власти, однако, смутились предъ его требованіями. Къ королю, митрополиту Рутскому и гетману литовскому Льву Сапѣгѣ пришли самыя мрачныя извѣстія о настроеніи умовъ областей, составлявшихъ епархію полоцкую, и сильно смутили ихъ. Было отъ чего и смутиться. Мы говорили, что въ восточныхъ областяхъ Литвы сословія русскаго народа плотнѣе были соединены и болѣе способны къ открытому возстанію. Настроеніе это сейчасъ же вызвало родственное себѣ сочувствіе казаковъ, и между жителями этихъ областей и казаками открылись сношенія и совѣщанія о мѣрахъ противъ Кунцевича. Эти-то вѣсти произвели то, что началась лихорадочная взаимная переписка между дворомъ литовскимъ и гетманомъ Сапѣгою и митрополитомъ Рутскимъ. Рѣшились умѣрить ревность Кунцевича. Писалъ къ нему въ этомъ тогѣ Рутскій, писалъ и Левъ Сапѣга, возненавидѣвшій теперь унію изъ-за смутъ по всему государству. Въ этихъ письмахъ Кунцевичу предложены были и религіозныя, и гражданскія внушенія. Сапѣга, напримѣръ, писалъ къ нему, что насиліе въ дѣлѣ вѣры противно евангелію, противно церкви Христовой, не имѣетъ оправданія въ примѣрѣ ни одного святаго отца,

противно гражданскимъ законамъ Польши, гибельно для нея и по именному повелѣнію короля запрещено Кунцевичу. Но ничто не могло помѣшать на Кунцевича. Онъ отвѣтилъ Сапѣгѣ, что спасеніе, т. е. чрезъ унию, выше всего, что предъ нимъ ничто спасеніе государства, и приготовился къ новымъ подвигамъ въ пользу униі—рѣшился ѣхать въ Витебскъ, самое неприступное мѣсто въ его епархіи.

Жители города Витебска, какъ только получили грамоты Смотрицкаго,—кажется, еще въ 1620 году,—торжественно читали ихъ въ ратушѣ, а также торжественно составили протестацію противъ Кунцевича.

Смыслъ этой протестаціи былъ тотъ, что они не хотятъ знать униатскаго епископа и будутъ признавать своимъ епископомъ Мелетія Смотрицкаго. Рѣшеніе это было такъ единодушно, что въ Витебскѣ оставалось едва нѣсколько униатовъ. Въ другомъ мѣстѣ такую перемѣну въ народѣ легко было бы, можетъ быть, ослабить; но здѣсь она имѣла много силы и прочности. Населеніе въ Витебскѣ было чисто-русское. Поляковъ и вообще латинянъ почти вовсе не было; не было, слѣдовательно, орудій, посредствомъ которыхъ можно было бы поражать православныхъ. Были здѣсь, правда, въ градѣ, т. е. крѣпости, королевскіе чиновники: но они мало имѣли власти надъ городомъ. Жители его издавна пользовались такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ, т. е. сами управляли городомъ, независимо отъ королевскихъ чиновниковъ. Ко всему этому нужно прибавить сношенія Витебска съ казаками и то чисто-случайное обстоятельство, что между городскими чиновниками было нѣсколько протестантовъ—людей, вовсе не расположенныхъ вредить православнымъ въ пользу униі. Кунцевичъ очень хорошо зналъ настроеніе умовъ витебчанъ; мало того, онъ зналъ, что рѣшеніе ихъ возбуждаетъ сочувствіе и подкрѣпленіе въ другихъ областяхъ—Могилевѣ, Оршѣ, Вильнѣ и въ самомъ Полоцкѣ. Но, не смотря ни на что, онъ рѣшился ѣхать въ 1622 году въ Витебскъ и утвердить тамъ унию во что бы то ни стало.

Собираясь въ этотъ путь, онъ явно готовился къ смерти и во всю дорогу такъ много говорилъ о своемъ мученичествѣ и, видно, такъ раскрашивалъ его, что возбудилъ отвращеніе и негодованіе въ своей свитѣ, которая просила его оставлять этотъ разговоръ, по крайней мѣрѣ, во время ѣды. Очевидное дѣло, что Кунцевичъ хотѣлъ стяжать славу Поцѣя, прославленнаго за мнимое мученичество въ Вильнѣ 1609 г., съ тою только разницею, что разгоряченное возбужденіе Кунцевича взяло рѣшительно верхъ надъ разсудкомъ. Кунцевичъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, добиться мученичества, въ чемъ никакъ нельзя подозрѣвать Поцѣя. А какъ скоро образовалось у него такое рѣшеніе, то съ нимъ, естественно, соединилось и другое, не имѣвшее ничего общаго съ образомъ дѣйствій древнихъ христіанскихъ мучениковъ. Желая, во что бы то ни стало, быть убитымъ, естественно было подготовлять къ этому своихъ враговъ, дѣйствовать на ихъ страсти, раздражать ихъ. Такъ и сдѣлалъ Кунцевичъ. Онъ явился въ Витебскъ не съ любовію и кротостію христіанскаго пастыря, а съ правами епископа, поддерживаемаго властію гражданскою. Не обращая никакого вниманія на раздраженіе народа, онъ рѣшился отслужить во всѣхъ витебскихъ православныхъ церквахъ и безцеремонно отправлялся совершать богослуженіе то въ ту, то въ другую церковь. Это должно было служить доказательствомъ, что униа вездѣ въ Витебскѣ существуетъ. Въ другихъ мѣстахъ Литвы при

подобныхъ обстоятельствахъ случалось обыкновенно такъ, что весь народъ бѣгалъ изъ такихъ церквей. Здѣсь случилось наоборотъ. Народъ къ такимъ церквямъ собирався больше, чѣмъ когда либо, только не съ молитвою въ сердцахъ и устахъ, а съ яростію, и Кунцевичу не разъ приходилось испытывать публичныя оскорбленія. Кунцевичъ какъ будто того только и ждалъ. Немедленно составлялись акты о насиліи и оскорбленіи ему со стороны православныхъ, вносились въ городскія и гродскія книги и призывалась военная сила, чтобы сдѣлать церкви доступными епископу. Церкви очищались этою силою отъ непокорнаго духовенства и народа, и ключи ихъ передавались Кунцевичу. Кажется, все уже было готово къ народному возстанію. Но этотъ народъ показалъ, что онъ еще можетъ терпѣть, держаться законной колѣи. Не даромъ онъ давно пользовался магдебургскимъ правомъ, которое лучше всѣхъ тогдашнихъ средствъ приучало народъ къ уваженію закона. Православные не считали себя въ правѣ отстаивать силою свои церкви, потому что онѣ находились подъ патронатствомъ короля, составляли какъ-бы собственность государственную, отнимаемую у нихъ теперь отъ имени короля. Но нельзя было оставаться вовсе безъ церквей. Поэтому православные выстроили шалаши на краю города и тамъ стали собираться совершать свое богослуженіе. Только вещей отнятыхъ церквямъ, какъ чистой собственности церкви, а не государства, они не дали уніатамъ и спрятали ихъ у себя, переноса изъ нихъ по временамъ, что было нужно, въ новоустроенныя церкви. Нечего скрывать, что этимъ новымъ положеніемъ не всѣ были довольны. Напротивъ, многіе еще болѣе раздражались этимъ самымъ смиреніемъ, на которое осуждало себя православіе. Но, что всего важнѣе, Кунцевичъ не оставлялъ православныхъ въ покоѣ и здѣсь. Онъ подавалъ жалобы, что при этихъ новыхъ церквяхъ состояются мятежныя сходки, а между тѣмъ еще съ болѣе усердіемъ отнималъ у православныхъ церкви въ самомъ городѣ. Въ одну изъ такихъ церемоній народъ потерялъ терпѣніе и дошелъ до того, что сбросилъ въ одно мѣсто шапки, что было знакомъ конфедераціи и призыва къ насилію, и Кунцевичъ едва спасся отъ народной ярости. Послѣ того православные, дѣйствительно, начали совѣщаться объ убійствѣ неугомоннаго фанатика. Составленъ былъ такой планъ, чтобы городскія власти, на которыя должна была пасть прежде всего отвѣтственность за волненіе—члены ратуши, выѣхали предъ назначеннымъ днемъ изъ города. Люди же, задумавшіе заняться гнуснымъ дѣломъ—убійствомъ, рѣшились, послѣ совершения его, бѣжать къ казакамъ и поднять ихъ на защиту города, когда власть станетъ преслѣдовать преступленіе. Избранъ былъ воскресный день—12-е ноября 1623 года. Въ тотъ же день представился взволнованному народу и особенный случай, послужившій предлогомъ къ выполненію задуманнаго плана. Утромъ въ это воскресенье, около восьми часовъ, едва кончилась заутреня, и Иосафатъ удался въ свой архіерейскій домъ, протодіаконъ его Дорошеи увидѣлъ православнаго священника, который шелъ за городъ въ новоустроенный шалаши совершать службу, безъ сомнѣнія, не одинъ, а съ народомъ. Трудно разгадать, съ чьей стороны поданъ поводъ къ ссорѣ; но говорятъ, что протодіаконъ сталъ бить священника и, при помощи архіерейскихъ слугъ, втащилъ его въ архіерейскій домъ и заперъ въ кухнѣ. Немедленно раздался набатъ въ колокола ратушный и церковные. Народъ повалилъ къ

архіерейскому дому, разбилъ ворота, до смерти прибилъ архіерейскую прислугу; убійцы ворвались въ комнату Іосафата и стали поражать его палками по головѣ, а одинъ изъ нихъ нанесъ ударъ топоромъ. Затѣмъ вытащили его на дворъ и, замѣчая еще признаки жизни, стали стрѣлять въ него пулями. Несомнѣнно, что въ этомъ убійствѣ главную роль играли какіе-то пришельцы, а не жители Витебска, хорошо знавшіе Кунцевича, потому что при этомъ возбудилось въ нихъ недоумѣніе—дѣйствительно ли они убили Кунцевича, а не кого другого. Недоумѣніе возбудила открытая на Кунцевичѣ власяница, которой они никакъ не предполагали на немъ. Тогда же началось разграбленіе дома архіерейскаго и, между прочимъ, погреба, что придадо ярости народа новое оживленіе и повело къ новымъ неистовствамъ. Мертваго Кунцевича били, таскали по улицамъ, клали на него убитую его собаку, садились на его обезображенное тѣло даже женщины съ грудными ребенками и распѣвали пѣсни, затѣмъ притащили на высокую гору надъ Двиною и столкнули къ рѣкѣ, наконецъ наполнили власяницу камнями, привязали ее къ тѣлу и бросили Кунцевича въ Двину на самое глубокое мѣсто.

Въ январѣ 1624 г. прибыла въ Витебскъ судная коммисія съ полномочіемъ судить и казнить и открыла свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ виленскаго воеводы Льва Сапѣги, того самаго Сапѣги, который за годъ предъ тѣмъ предостерегалъ Кунцевича отъ опасныхъ послѣдствій его фанатизма. Зная Сапѣгу, какъ одного изъ безпристрастнѣйшихъ людей того времени, нужно было надѣяться, что онъ произведетъ нелицепріятное изслѣдованіе дѣла. Никто, конечно, не думалъ и не ждалъ, что будутъ оправданы убійцы и прямые ихъ участники. Преступленіе и преступники должны были понести заслуженное наказаніе. Но, безъ всякаго сомнѣнія, многіе ожидали, что будутъ строго изслѣдованы причины преступленія, что будутъ точно разграничены: убійство Кунцевича и волненіе народа, убійцы и народъ, выведенный изъ терпѣнія, и что если такое разграниченіе не поведетъ къ оправданію многихъ замѣшанныхъ въ преступленіи, то не падетъ тяжестью на весь городъ и, главное, Кунцевичъ и унія не избѣгутъ осужденія. Мы не думаемъ, чтобы Сапѣга не способенъ былъ дать такой именно оборотъ всему дѣлу; но, къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали этому. Прежде всего судьи поминутно ожидали нападенія казаковъ и торопились покончить скорѣе свое порученіе. Въ три дня они разобрали преступленіе и казнили преступниковъ. Для суда, хотя гласнаго и открытаго, но касающагося такого запутаннаго важнаго дѣла, это слишкомъ малый срокъ. Выслушано было собственно только обвиненіе, направленное противъ цѣлаго города и по преимуществу противъ членовъ ратуши, а не противъ главныхъ убійцъ, которые всѣ бѣжали. На оправданіе лицъ, представленныхъ суду, мало обращено вниманія. Вопросъ о дѣйствіяхъ Кунцевича вовсе не былъ поднятъ.

Такимъ образомъ, суду недоставало и времени для разбора дѣла и дѣйствительныхъ преступниковъ. Судъ нелицепріятный или отказался бы отъ постановленія окончательнаго рѣшенія по такому дѣлу, или призналъ бы необходимымъ смягчить наказаніе находившимся въ его рукахъ преступникамъ изъ боязни казнить выше мѣры или безвинно. Судъ по дѣлу Кунцевича пришелъ къ совершенно другому заключенію. Онъ явно держался той мысли, чтобы непременно казнить кого либо и казнить

какъ можно строже. Конечно, такая мысль внушалась неимоверною гнусностью и жестокостью преступленія; но извѣстно, что для суда и судей личныя впечатлѣнія не должны служить мѣрою тяжести судебныхъ приговоровъ, и витебскіе судьи, безъ сомнѣнія, были люди очень привычныя къ гнусностямъ испорченной части рода человѣческаго, потому что были судьи постоянныя и опытыя, а не случайныя и новички. Нѣтъ, такой взглядъ установился у нихъ другимъ путемъ. Вѣсть о смерти Кунцевича разнеслась съ необычайною быстротою. Рутскій, папскій нунцій, латинская и униатская партія и Сигизмундъ заговорили, какъ одинъ человѣкъ. Казнить, истребить всѣхъ схизматиковъ — раздавалось со всѣхъ сторонъ. Не думаемъ, чтобы Сапѣга безусловно поддавался этому говору общественнаго фанатизма, но, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ убѣжденъ, что если оказать теперь малѣйшее снисхожденіе православнымъ и бросить тѣнь на унию, то исторія Кунцевича можетъ повториться въ очень многихъ мѣстахъ и, очень вѣроятно, начнется всеобщая рѣзня униатовъ, которая неоспоримо получитъ смыслъ гражданскій и сгубитъ государство. Такимъ образомъ, витебское дѣло получило политическое значеніе; а извѣстно, что для суда и судей, каковы бы они ни были, нѣтъ ничего хуже, если преступленіе получаетъ смыслъ политическій. Въ такихъ случаяхъ судъ обыкновенно съ величайшимъ трудомъ добивается правды и рискуетъ увлечься временнымъ настроеніемъ общества. Такъ случилось и теперь: православные были наказаны выше мѣры, а униаты совершенно незаконно избѣгли осужденія. Казнили смертію собственно людей прикосновенныхъ къ преступленію — большую часть членовъ ратуши и нѣкоторыхъ простыхъ гражданъ, лишили магдебургскаго права весь городъ, предоставивъ льготы однимъ униатамъ, и наложили на всѣхъ православныхъ контрибуцію въ пользу каедры епископа и избитыхъ слугъ его. Логичность дѣла и справедливость требовала, чтобы судьи подвергли отвѣтственности также и нѣкоторыхъ чиновниковъ крѣпости, потворствовавшихъ православнымъ, на что указывалось въ рѣчи адвоката Кунцевича. Особенно слѣдовало подвергнуть суду нѣкоторыхъ православныхъ шляхтичей Витебской области, какъ на примѣръ, Гурку, Киселя-Дрошницкаго, Янушковскихъ, и Котовича, на которыхъ указывалось въ обвиненіи, какъ на участниковъ въ заговорѣ противъ Кунцевича. Но судьи все это оставили въ сторонѣ.

Такой поворотъ дѣла имѣлъ громадныя слѣдствія. Убіиство Кунцевича тѣсно связано было съ восстановленіемъ православной іерархіи, и общее мнѣніе признавало ее теперь достойною большаго преслѣдованія, чѣмъ прежде. Притомъ неоспоримая связь этого убійства съ общимъ настроеніемъ умовъ православныхъ поставляла и всѣхъ ихъ въ такое же положеніе въ глазахъ латинянъ, въ какое поставлена была православная іерархія. Естественнымъ плодомъ такого положенія было уныніе православныхъ и многократные случаи обращенія ихъ въ унию. Умножались эти случаи еще отъ слѣдующаго обстоятельства. Убитый Кунцевичъ не былъ тронутъ судомъ: онъ оставленъ чистымъ, совершенно безвиннымъ, настоящимъ мученикомъ. Началось восхваленіе его, которому никто не смѣлъ противорѣчить. Пущено было въ ходъ все искусство іезуитское, чтобы окружить самовольнаго, неразумнаго мученика самую яркую славою. Тѣло его вынуто было изъ Двины и поставлено въ соборной витебской церкви съ пышною торжественностью. Еще съ

большою торжественностію отвезено въ Полоцкъ и погребено въ тамошней соборной церкви. Пошли рассказы о чудесахъ. Рассказывали, напри-
мѣръ, что когда убили Кунцевича, и тѣло его лежало на площади, то
надъ нимъ стало облако и виденъ былъ въ немъ свѣтъ—явленіе, какъ
видимъ, очень пластичное для разныхъ объясненій. Рассказывали, что
явившійся на Двинѣ свѣтъ указалъ мѣсто, куда было брошено тѣло
Кунцевича, между тѣмъ какъ нельзя вѣрить, чтобы никто изъ оставав-
шихся въ Витебскѣ уніатовъ не наблюдалъ издали, куда бросали тѣло
ихъ епископа. Рассказывали еще, что когда пришлось облачать въ ризы
тѣло Кунцевича, вынудое изъ воды, то побѣжавшіе за ризами въ со-
борную церковь никакъ не могли отпереть сундука, въ которомъ онѣ
лежали. Пришлось взять сундукъ и несть къ рѣкѣ. Несущіе второпяхъ
уронили сундукъ; онъ разбился, и оттуда выпали сосуды церковные и
будто бы всѣ разставились въ томъ положеніи и порядкѣ, какъ стоятъ
обыкновенно на престолахъ. Сейчас же оказалось, что по этому мѣсту
убійцы тащили прежде тѣло Кунцевича и что здѣсь именно осталась
кровь его. Для большого эффекта говорили, что сперва выпала чаша и
стала какъ слѣдуетъ (очень вѣроятно и естественно), затѣмъ дискосъ
и другія вещи,—эффектъ самъ за себя говоритъ. Въ припадкѣ усердія,
читатели новаго мученика дошли до того, что указывали, какъ на чудо,
на то, что изъ Витебска далеко вышли провожать тѣло Кунцевича
сами православные, протестанты, татары и жида, — чудо, какихъ совер-
шается безъ счету въ исторіи торжествъ и церемоній и къ которымъ
нѣтъ ничего легче прибавлять умиленіе собравшагося народа, слезы, ры-
данія и тому подобныя вещи, что и прибавляютъ уніатскіе писатели,
говоря о Кунцевичѣ. Въ такомъ ли родѣ были всѣ остальные чудеса
Кунцевича или нѣтъ, — не считаемъ нужнымъ входить въ разсужденія.
Намъ это не нужно. Кунцевича мы знаемъ и безъ этого. Коснулись же
мы этого предмета съ особою цѣлію. Для насъ эти чудеса важны соб-
ственно въ томъ отношеніи, что такое усиленное дѣйствованіе на вооб-
раженіе народа, въ такую трагическую минуту, когда даже закоренѣлые
враги Кунцевича способны были чувствовать состраданіе къ этому не-
счастному, не могло обойтись безъ важныхъ послѣдствій. За нимъ очень
часто и легко слѣдовало убѣжденіе въ святости Кунцевича и истин-
ности уніи. Такимъ образомъ, и съ этой стороны православные получали
удары, которые были тѣмъ чувствительнѣе, что уніаты сейчасъ же под-
вели эти случаи совращенія православныхъ въ унію подъ то правило
или положеніе христіанской церкви, что кровь мучениковъ всегда бы-
ваетъ плодотворна, и православные, изъ боязни новыхъ бѣдъ, не осмѣ-
ливались обличать открыто и свободно восторговъ и манифестацій лати-
нянъ и уніатовъ. Словомъ, православные теперь были подавлены и нрав-
ственно и физически.

ЛХVІІ. КІЕВО-МОГИЛЯНСКАЯ КОЛЛЕГІЯ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ХVІІ ВѢКѢ.

(Изъ «Исторіи Кіевской Академіи» Макарія Бумакова).

Кіевская академія явилась въ концѣ ХVІ столѣтія, и явилась, какъ
необходимый плодъ того времени и тогдашнихъ обстоятельствъ право-

славной церкви въ западной части Россіи. XVI вѣкъ для цѣлой Европы былъ такимъ временемъ, когда она, послѣ великихъ религіозныхъ и политическихъ переворотовъ, въ высшей степени чувствовала въ себѣ жажду просвѣщенія, и когда поэтому во всѣхъ почти лучшихъ городахъ разныхъ государствъ ея, какъ бы наперерывъ, спѣшили заводить университеты и коллегіи, въ которые толпами стремилось любознательное юношество, Россія еще не входила въ составъ европейскихъ государствъ и продолжала жить своею отдѣльною жизнью. Но западная часть ея, съ 1560 г. будучи присоединена къ Польшѣ и чрезъ Польшу пришедши въ соприкосновеніе съ Европою, не могла не ощутить въ себѣ тѣхъ особенныхъ движеній, какія происходили въ общей жизни Европы, не могла не принять въ нихъ нѣкотораго участія. И кievское училище, съ нѣсколькими другими, заведенное тогда у насъ, по образцу европейскихъ, было явнымъ слѣдствіемъ и свидѣтельствомъ сего участія—перваго участія Россіи въ умственной жизни Европы. Но здѣсь только одна и отнюдь еще не главная причина появленія кievской академіи.

Для Россіи, въ ея отдѣльной жизни, XVI вѣкъ былъ также временемъ пробужденія отъ двухвѣковаго умственного сна, въ которомъ держало ее татарское порабощеніе, временемъ глубокаго, но еще робкаго сознанія потребности въ просвѣщеніи. Жалоба новгородскаго архіепископа Геннадія (1500 г.) всероссійскому митрополиту Симону на недостатокъ училищъ для образованія пастырей церкви, жалобы на совершенный недостатокъ училищъ, высказанныя самому царю отцами, присутствовавшими на Стоглавомъ соборѣ, училище Заиконоспасское, открытое по приказанію Бориса Годунова (около 1599 г.)—суть прямые доказательства той мысли, что русскіе глубоко уже сознавали потребность просвѣщенія. Западная Россія, состоявшая вмѣстѣ съ Польшею подъ владычествомъ потомковъ Ягелла, хотя и отдѣлена была, повидимому, отъ Руси восточной, но внутренне не прерывала совершенно и не могла прервать родственнаго союза съ нею. Посему-то, принимая чрезъ Польшу естественнымъ и необходимымъ образомъ нѣкоторое участіе въ жизни Европы, она, въ то же самое время, не переставала жить по преимуществу русской жизнью. Кievское православное училище, учрежденное въ ней вмѣстѣ съ другими подобными, было выраженіемъ этого глубокаго сочувствія ея съ образованнымъ Западомъ и съ твердою въ вѣрѣ и православіи Русью восточною, начавшею въ свою очередь сознавать потребность въ просвѣщеніи. Вотъ гдѣ можно полагать другую, но опять еще не главную, причину появленія училища собственно въ Кіевѣ. XVI вѣкъ для западной Россіи былъ временемъ, когда она въ первый разъ увидѣла крайнюю опасность лишиться перваго и драгоцѣннѣйшаго своего достоянія—православія. Давнее покушеніе папы подчинить русскихъ своей духовной власти теперь воскресло съ новою силою. Іезуиты, проникшіе въ Польшу еще при Сигизмундѣ-Августѣ, управляя теперь всею польскою политикою, немедленно и съ жаромъ приступили къ своему любимому дѣлу. Желая совращать съ пути православія людей взрослыхъ, но нетвердыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ, они распустили разныя полемическія сочиненія на восточную церковь; а чтобы посѣвать и укоренять свои неправыя мысли въ душахъ еще юныхъ и неопытныхъ, они заводили въ Вильнѣ, Полоцкѣ и на Волынѣ свои училища. Въ такихъ обстоятельствахъ что оставалось дѣлать православнымъ? Училищамъ надобно было противопоставить училища, сочиненіямъ сочи-

ненія; а для этого нужны были люди ученые, и, значитъ, опять нужны были училища. И вотъ они начинаютъ возникать одно за другимъ. Первое православное училище явилось въ Острогѣ около 1580 г. Его учредилъ величайшій въ то время ревнитель православія Константинъ Константиновичъ князь Острожскій. Второе основано во Львовѣ около 1586 г. Третье благословилъ завести въ Вильнѣ въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія II, путешествовавшій по Россіи. Православное братство, только-что образовавшееся предъ тѣмъ, при церкви монастыря Свѣтодуховскаго, не замедлило привести въ исполненіе священную волю іерарха. Точно такое же православное училище открыто, наконецъ, и въ Кіевѣ, столицѣ православія. Святая речность по вѣрѣ успѣла и здѣсь связать узами христіанскаго братства нѣсколько лицъ разныхъ сословій, которыя, предположивъ себѣ цѣлью попеченіе о всемъ, касающемся дѣла благосостоянія церкви, рѣшились, между прочимъ, содѣйствовать всѣмъ мѣрами успѣхамъ и процвѣтанію лучшей изъ кіевскихъ приходскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви. Сіе-то благочастивое братство, на обратномъ пути патріарха Іеремія II изъ Москвы въ Константинополь, испросило у него благословеніе преобразовать свою школу въ высшее православное училище, по образцу другихъ, существовавшихъ уже въ княжествѣ Литовскомъ. Первосвятитель восточной церкви, на одномъ концѣ Россіи утвердившій патріаршій престолъ и давшій ей перваго патріарха, на другомъ—положилъ своимъ благословеніемъ основной камень православному училищу, тогда четвертому въ кіевской православной митрополіи. Итакъ ревность по православію—вотъ главная и ближайшая причина появленія кіевской академіи. Такимъ образомъ, академія сія, по своему происхожденію, служить живымъ памятникомъ трехъ важнѣйшихъ въ исторіи событій: она напоминаетъ намъ великую эпоху пробужденія Европы къ просвѣщенію и вмѣстѣ съ тѣмъ первое участіе Россіи въ умственной европейской жизни; она служитъ памятникомъ дѣятельнаго сознанія потребности просвѣщенія народа русскаго, послѣ удручающаго его татарскаго ига, и дружелюбнаго участія въ семъ дѣлѣ великаго княжества Литовскаго или, частиѣ, Малороссіи; памятникомъ, наконецъ, первой явной опасности для западной Россіи лишиться православія и вмѣстѣ памятникомъ особенной ревности кіевлянъ къ православной вѣрѣ.

Первыя двадцать пять лѣтъ существованія кіевской школы остаются для насъ почти неизвѣстными. Сеймъ 1597 г., объявившій народъ русскій отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ, далъ полную волю фанатизму ревнителей папскаго престола, и скоро вся Украина запылала страшною, непримиримою войною. Это продолжалось до 1607 г., когда новымъ сеймомъ ограждены были нѣсколько права христіанъ православныхъ. Легко представить себѣ, каково должно было состояніе кіевского училища и въ это десятилѣтіе. Тогда какъ всѣ православныя училища были всячески тѣснены и разрушаемы іезуитами, главнѣйшими дѣятелями въ сихъ гоненіяхъ, могло ли оно укрыться отъ ихъ преслѣдованія? Если они старались довести до совершеннаго упадка училище острожское, львовское, то не упускали, безъ сомнѣнія, ничего ко вреду училища братскаго, которое, находясь въ самой столицѣ православія, служило оплотомъ правой вѣры. Наконецъ, къ довершенію бѣдствій, претерпѣнныхъ симъ училищемъ, огонь испепелилъ его въ концѣ 1614 г.

Къ счастью, кievская школа не пала навсегда: и послѣ пожара ревность по православію возродила ее изъ пепла. Анна Гугулевичевна, единственно по усердію и приверженности къ православной церкви, въ нѣдрахъ коей она родилась и была воспитана, пожертвовала для помѣщенія братской школы нѣсколько зданій и дворъ на Подолѣ (тотъ самый, гдѣ доселѣ существуетъ академія), съ условіемъ, чтобы при школахъ заведенъ былъ и монастырь, и гостепріимный домъ для православныхъ странниковъ духовнаго званія.

Чему обучали въ кievскомъ училищѣ? Патріархъ Теофанъ называетъ его въ одной изъ своихъ грамотъ школою наукъ эллино-словенскаго и латино-польскаго письма; однако отсюда не должно заключать, будто бы, кромѣ показанныхъ четырехъ языковъ, ничего болѣе здѣсь не преподавали. Такъ назывались и училища острожское, львовское и виленское, по примѣру которыхъ заведено наше; но въ нихъ не только были сообщаемы желающимъ первоначальныя свѣдѣнія въ этихъ языкахъ, а на всѣхъ ихъ преподаваемы были и словесныя науки, т. е. поэзія и риторика. Преподаваніе, независимо отъ постороннихъ препятствій, было въ состояніи цвѣтущемъ. Хотя здѣшніе наставники большею частью воспитывались въ православныхъ училищахъ, но слушали тамъ науки, пересаженные изъ Европы. Послѣднее подтверждается тѣмъ, что по крайней мѣрѣ извѣстные изъ сихъ наставниковъ были весьма достаточно приготовлены къ своему дѣлу. Таковы: Мелетій Смотрицкій, мужъ, въ свое время ученѣйшій и славный между соотечественниками многими сочиненіями, но, къ сожалѣнію, запятнавшій свое имя измѣною православію. Онъ первоначально преподавалъ свою славянскую грамматику, которую издалъ уже впоследствии въ Вильнѣ (1616 г.). Іовъ Борецкій, потомъ кievскій митрополитъ. «Сей митрополитъ—говоритъ объ немъ святитель ростовскій—бѣ благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добръ умѣвый и тѣхъ языковъ нинѣ въ школахъ учивый». Вообще же учителями во все это время являются здѣсь монашествующіе, которыхъ ввела во дворъ свой Анна Гугулевичевна.

Кievское училище было открыто и поддерживаемо братствомъ, состоявшимъ изъ людей всѣхъ сословій; потому и вступать въ него имѣли право дѣти всякаго званія. Анна Гугулевичевна, жертвуя своимъ домомъ на школы, изъявила желаніе, чтобы въ нихъ обучались дѣти и дворянскія, и мѣщанскія всѣхъ православныхъ, остававшихся въ воеводствахъ Кievскомъ, Волинскомъ и Брацлавскомъ. Что касается до числа обучавшихся, то оно, можно думать, было постоянно не малое. Послѣ сего можно уже судить, сколько пользы принесло кievское училище всему Малороссійскому краю. Самъ Богданъ Хмельницкій здѣсь получилъ первоначальное образованіе. Сколько, наконецъ, воспиталось здѣсь смиренномудрыхъ пастырей церкви, которые, по самому мѣсту, ими занимаемому, и по своему долгу, болѣе другихъ могли распространять и словесно, и письменно свѣтъ познаній и особенно свѣтъ спасительной вѣры между единоземцами!

Между тѣмъ, какъ киево-братское училище болѣе и болѣе обезпечивало свое существованіе и содержаніе, день ото дня прибрѣтая себѣ новымъ покровителей и защитниковъ почти по всей Украинѣ, и наконецъ утверждено было грамотою королевскою,—въ это самое время незамѣтно и намѣренно ему готовилась опасность, которая, безъ сомнѣнія,

много повредила бы ему, если бы не обращена была Промыслѣмъ для нашего училища въ начало продолжительнаго и великаго счастья. Въ 1625 г. въ Кіево-Печерскую лавру прибылъ, съ твердымъ желаніемъ поступить въ число братій, одинъ иностранецъ, знаменитый своимъ происхожденіемъ и своими личными заслугами въ польской военной службѣ, своимъ образованіемъ, самымъ полнымъ и лучшимъ въ тѣ времена. Это былъ воеводичъ земель молдавскихъ, Петръ Могила. Съ самаго поступленіе на новое поприще онъ не могъ безъ величайшей скорби смотрѣть на бѣдственное состояніе православной церкви въ тогдашней Малороссіи, не могъ безъ огорченія сносить, какъ ученые іезуиты и униаты наводняли ее своими полемическими сочиненіями и соблазняли православныхъ, не имѣвшихъ у себя образованныхъ пастырей, которые способны были бы отразить такіа нападенія. Получивъ санъ архимандрита Кіево-Печерской лавры, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значительные доходы, Петръ Могила отправилъ на собственномъ иждивеніи нѣсколько даровитыхъ и довольно уже приготовленныхъ юношей въ лучшія иностранныя училища для окончательнаго образованія на пользу церкви. Прошло четыре года; посланные возвратились на родину съ запасомъ свѣдѣній, съ рѣшимостью принести ей въ жертву все, что имѣли. Тогда воспитатель ихъ приступилъ къ другому важному дѣлу: онъ вознамѣрился, съ согласія всей братіи своей, открыть при лаврскомъ монастырѣ училище для дѣтей православныхъ. Можно было ожидать, что училище братское будетъ оставлено даже прежними своими питомцами и, пріобрѣтая мало новыхъ, падеть неминуемо. Къ счастью братскаго училища, эта угрожавшая ему опасность не укрылась отъ заботливаго взора многочисленнаго братства Богоявленскаго, и три просительныхъ листа отъ трехъ главнѣйшихъ тогда сословій въ Малороссіи, участвовавшихъ въ лицѣ нѣсколькихъ представителей своихъ въ семь братствъ, одинъ за другимъ поданы были Петру Могилѣ въ той силѣ, чтобы онъ не заводилъ особаго училища въ лаврѣ, а соединилъ бы его съ братскимъ, находящимся на Подолѣ. Гетманъ Иванъ Петрицкій съ своими асаулами, полковниками и со всѣмъ запорожскимъ войскомъ клятвенно обѣщали защищать братское училище и все, ему принадлежащее, изъ рода въ родъ, отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; дворянство давало обѣтъ ежегодно избирать изъ среды своей старостъ для попеченія о содержаніи сего училища. Могила согласился. Признательная коллегія никогда не забывала своего величайшаго благодѣтеля. Болѣе ста лѣтъ, переименованная уже и въ академію, она, во имя его, называлась собственно Кіево-Могилянскою.

Много сдѣлалъ Петръ Могила для своей коллегіи относительно внѣшняго ея благосостоянія, еще больше относительно ея внутренняго устройства. Онъ распространилъ въ ней кругъ наукъ, ввелъ новый училищный порядокъ, завелъ при ней необходимое учебное пособіе—библіотеку. Предметы обученія въ коллегіи были слѣдующіе: три языка — славянскій, греческій и латинскій, вѣтное пѣніе, православный катихизисъ, арифметика, поэзія, риторика, философія и богословіе. Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ первоначально, здѣсь обучали юношей геометріи, музыкѣ и отчасти астрономіи.

Первые наставники коллегіи воспитывались въ академіяхъ и университетахъ заграничныхъ. А извѣстно, какъ преподавались тогда науки въ

Европѣ. Въ богословіи, съ одной стороны, преобладалъ схоластицизмъ. Съ другой стороны, по случаю отторженія лютеранъ отъ римской церкви и происхожденія многихъ другихъ религіозныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое всячески старалось защищать свое ученіе, подвергавшееся нападенію прочихъ, и опровергать все чужое,—науки богословскія были обращены въ жаркую полемику. Самая строгая схоластика господствовала и въ философіи. Аристотель оставался попрежнему въ уваженіи; его сочиненія издаваемы были вновь, и знаменитые ученые продолжали писать на нихъ огромные комментаріи. Правда, Англія имѣла уже Бэкона и Локка, Франція—Декарта; но творенія этихъ великихъ мыслителей были пока мало извѣстны и не успѣли освободить философію отъ тяжкихъ оковъ схоластики. По риторикѣ методы Аристотеля, Димитрія Александрійскаго и особенно Цицерона и Квинтиліана почитались лучшими руководствами и единственными образцами при составленіи учебниковъ. Новые авторы писали комментаріи на эти образцы, или сочиняли цѣлые томы о томъ, какъ писать письма, какъ умножать при сочиненіи слова и мысли и т. п. Поэзія въ школахъ занималась только стихосложеніемъ латинскимъ и разными его родами и видами. Изрѣдка преподаваемы были воспитанникамъ немногія правила стихосложенія на языкахъ отечественныхъ. Въ такомъ точно видѣ всѣ эти науки явились и въ коллегіи нашей. Изъ языковъ главнѣйшимъ почитался латинскій, который потому и находился здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи съ первыхъ годовъ училища. На этомъ языкѣ излагались всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго катихизиса; на немъ писались почти всѣ сочиненія ученическія. По-латыни обязаны были говорить всѣ воспитанники и въ классахъ, и въ жилыхъ комнатахъ, и на улицахъ, словомъ вездѣ, гдѣ только могли сойтись другъ съ другомъ. Вторымъ языкомъ послѣ латинскаго считался здѣсь славянскій. И объ немъ также заботились здѣсь хотя и не столько, сколько о первомъ. На немъ писались какъ наставниками, такъ и воспитанниками разныя стихотворенія по силлабическому размѣру: учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно приготовить драму, комедію или трагедію для лѣтнихъ рекреаций, а ученики нѣсколько діалоговъ, акростиховъ и другихъ виршей. На немъ сочиняемы были разныя поздравительныя рѣчи; на немъ произносились наставниками въ храмахъ Божіихъ поученія. Но болѣе всего изученію его содѣйствовало то, что на немъ изложено св. писаніе, которое составляло всегда главнѣйшій предметъ занятій для обучавшихся богословію. На самой низшей степени, сравнительно съ другими, находился здѣсь языкъ греческій. Между науками, преподававшимися въ коллегіи, первое мѣсто занимало богословіе, которое наиболѣе и процвѣтало здѣсь. Побужденіемъ къ подробнѣйшему и основательнѣйшему изученію его служила отчасти унія, заставлявшая воспитанниковъ знать какъ можно лучше особенно спорные пункты вѣроученія, съ одной стороны, чтобы въ послѣдствіи вразумлять и утверждать въ нихъ православныхъ, а съ другой, чтобы быть въ состояніи отражать всѣ нападенія враговъ и даже побѣждать ихъ. Съ этою цѣлью богословіе читалось здѣсь, преимущественно въ трактатахъ о предметахъ спорныхъ, съ величайшею обширностью и отчетливостью, и полный курсъ его продолжался цѣлыхъ четыре года, между тѣмъ какъ преподаваніе курса философіи ограничивалось двумя годами, а преподаваніе риторики, равно какъ и поэзіи, только однимъ

Процвѣтанію богословія содѣйствовало, конечно, и то, что по этой наукѣ постоянно, когда только она преподавалась, были прекрасные профессоры, знавшіе ее въ совершенствѣ.

Съ радостью, еще при жизни своей, видѣлъ Могила плоды отъ своей коллегіи для церкви Божіей и просвѣщенія. Промыслу угодно было въ такой краткій промежутокъ времени вывести изъ сего училища столько знаменитыхъ пастырей, подобно свѣтиламъ просіявшихъ на тверди русской православной церкви и русскаго просвѣщенія. Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, и Іоанникій Голятовскій, архимандритъ, являются изъ кievской коллегіи первымъ по времени яркимъ созвѣздіемъ на этомъ горизонтѣ. Оба они были славные состязательные богословы. Когда, около половины XVII ст., уніаты и римско-католики стали издавать противъ восточной церкви разныя бранныя сочиненія, тогда для состязанія съ ними, съ общаго согласія всѣхъ малороссійскихъ церквей, избраны были Барановичъ и Голятовскій. И они достойно оправдали сіе избраніе.

Поприщемъ дѣятельности для выходившихъ изъ коллегіи была главнымъ образомъ Малороссія, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли случай служить Великой Россіи. Но затѣмъ они проникаютъ во всѣ страны обширнѣйшаго царства Русскаго, занимаютъ большую часть пастырскихъ кафедръ и всюду разносятъ съ собою свѣтъ просвѣщенія. Питомцы кievской коллегіи являлись защитниками православія не на одномъ западѣ нашего православнаго отечества, ратуя только противъ уніатовъ: многіе изъ нихъ являются столпами всей россійской церкви, обуреваемой расколами. На престолѣ россійскомъ возсѣлъ величайшій изъ государей, который, думая преобразовать свое царство, собиралъ себѣ отсюду достойныхъ сподвижниковъ: коллегія принесла ему, какъ священную дань, лучшихъ своихъ воспитанниковъ, какихъ только когда либо имѣла. Св. Димитрій Туптало, Стефанъ Яворскій, Феофилактъ Лопатинскій, Теофанъ Прокоповичъ, св. Иннокентій Кульчинскій и Гавріилъ Бужинскій — вотъ извѣстнѣйшіе изъ нихъ.

ЛXVIII. СОСТОЯНІЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ПОДЪ ПОЛЬСКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ НАКАНУНѢ ВОЗСТАНІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

(Изъ соч. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій»).

Дворянство южно-русское, при появленіи уніи, зашумѣло: составились братства, конфедераціи, съ цѣлью защищать отеческую вѣру; но лѣтъ тридцать съ небольшимъ послѣ того французскій инженеръ Болланъ, служившій въ Польшѣ, говорилъ: «Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ».

Многіе русскіе дворяне, происходя отъ св. Владимира или Гедимина, пользовались предъ польскимъ дворянствомъ знатностью рода, обладали богатствами и, участвуя на сеймахъ, могли быть двигателями государ-

ственного управленія. Они полюбили эту роль, промѣняли тѣсное поприще на обширное и свыклись съ мыслью, что отечество ихъ цѣлая Рѣчь Посполитая, а не присоединенная къ ней южная Русь. Принявъ, по необходимости, польскій языкъ, употребляемый при дворѣ и на сеймѣ, они скоро переимѣнили и вѣру, потому что переимѣна освобождала ихъ отъ невыгоднаго взгляда на нихъ римско-католическаго духовенства, столь сильнаго въ то время въ католической Польшѣ, и открывала имъ дорогу къ пріобрѣтенію староствъ; притомъ ободряли ласки короля и двора и всеобщія похвалы шляхетскаго сословія. Другіе потеряли вѣру и народность черезъ браки съ польками; а если сами заимствовали отъ супруговъ единственно языкъ, то всегда почти предоставляли дѣтямъ слѣдовать внушеніямъ матерей въ отношеніи вѣры. Такимъ образомъ перерождались цѣлыя фамиліи. Еще болѣе дѣйствовало на перерожденіе русскаго дворянства воспитаніе. Дѣти русскихъ дворянъ учились въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Ярославлѣ и прочихъ городахъ внутреннихъ странъ Рѣчи Посполитой, иныя за границею, въ Австріи, во Франціи, въ Испаніи, Италіи: іезуиты вездѣ овладѣвали тогда воспитаніемъ. Какъ только прибудетъ въ училище молодой русинъ, на него устремляется все вниманіе: ему внушаютъ отвращеніе къ вѣрѣ отцовъ его, описываютъ ее ересью, представляютъ догматы римско-католической церкви истинными, а обряды ея стараются выставить въ привлекательномъ видѣ. Молодое чувство покоряется внушеніямъ наставниковъ: русскій принимаетъ римско-католическое исповѣданіе, возвращается на родину, и все въ ней кажется ему варварскимъ: онъ затыкаетъ уши, слыша рѣчь южно-русскую, на подданнаго своего онъ смотритъ не только какъ на презрѣннаго раба, но какъ на существо, отверженное Богомъ, лишенное облегченія своей горькой участи и за предѣлами гроба. Наконецъ многіе дворяне, живя на родинѣ, увлечены были убѣжденіями іезуитовъ, которые разсыпались тогда по всей южной Руси и разными путями выгоняли и унижали православныхъ духовныхъ, которыхъ поляки съ намѣреніемъ лишали средствъ къ образованію, дабы они не были въ состояніи спорить съ римско-католическими духовными и опровергать ихъ. Болѣе двадцати лѣтъ послѣ введенія уніи большая часть православныхъ епископскихъ кафедръ оставалась незанятою; посвященіе священниковъ сопряжено было съ затрудненіями. Дворяне видѣли вокругъ себя католиковъ и униатовъ, которые притомъ были образованнѣе православныхъ. Польскіе дворяне съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе расселялись на Руси, а русскіе дворяне незамѣтно стали расположены быть отступниками.

Польское право предоставляло владѣльцамъ безусловную власть надъ подданными; не только не было никакихъ правилъ, которыя бы опредѣляли отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертію, не давая никому отчета. Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, вовсе ему не принадлежащаго, чаще всего оставался безъ наказанія, потому что для обвиненія его требовались такія условія, какія рѣдко могли встрѣтиться. «Нѣтъ государства,—говорилъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скарга,—гдѣ бы подданныи и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ, безпредѣльною властью шляхты: разгнѣванный землянинъ (владѣлецъ) или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго холопа все, что у него есть, но и самого

убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого слова дурного не потерпитъ». Со времени уни панъ готовъ былъ поступать безжалостнѣе съ крестьяниномъ, чуждымъ ему и по языку, и по вѣрѣ. Надобно прибавить, что въ то же время между дворянствомъ Рѣчи Посполитой распространились чрезмѣрная роскошь и мотовство, требовавшія огромныхъ издержекъ. По сказанію Боплана, обыкновенный обѣдъ въ знатномъ польскомъ домѣ превышалъ знатные столы во Франціи. Серебряная и вызолоченная посуда, множество кушаньевъ, иноземныя вина, въ то время дорогія, музыка при столѣ и толпы слугъ составляли условія тогдашняго обѣда. Такая же расточительность господствовала въ одеждѣ. Паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Такихъ дармоѣдовъ въ иномъ домѣ было по нѣскольку тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ. «Крестьяне въ Польшѣ — говорить современникъ — мучатся какъ въ чистилищѣ, въ то время когда господа ихъ блаженствуютъ какъ въ раю». Кромѣ обыкновенной барщины, зависѣвшей отъ произвола пана, «хлопъ» былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ дворовую службу дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того, крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, предъ Пасхою, Пятидесятницею и Рождествомъ, онъ долженъ былъ давать такъ называемый *осмыгъ*, т. е. нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ долженъ былъ отдавать десятую часть, и кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *очкового*, каждый волъ — пошлинѣ подъ названіемъ *рогатаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставичину*, за право пасти скотъ — *спаское*; за право собирать жолуди — *жолудное*, за измоль муки — *сухомельщину* и т. п. Крестьянамъ не дозволялось не только приготовить у себя въ домахъ напитки, но даже покупать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ панской корчмы, отданной обыкновенно жиду на аренду, а тамъ продавали хлопамъ такое пиво, медъ и водку, что и скотъ пить не станетъ. Случится у пана какая нибудь радость, подданнымъ его печаль: надобно давать поздравительное; если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матерію, мясники — мясо, корчмари — напитки; по деревнямъ хлопны должны были давать *стачію* его гайдукамъ и казакамъ. Ъдетъ ли панъ на сеймикъ или на богомолье въ Ченстохово, или на свадьбу къ сосѣду, на его подданныхъ налагалась всегда какая нибудь новая тягость. Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитой), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у хлопа куръ, барановъ, масло, колбасы, а пойдетъ хлопъ жаловаться пану, такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ беспокоить его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать, какъ его слуги. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ пожизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ, а сами или жили и веселились въ своихъ дворцахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали предъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новыя поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой

разсчитливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплативъ такъ называемаго *дудка*; если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить *поемщицу*. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено, и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещенымъ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежные пени и казнить смертью. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было ужаснѣе, нежели въ родовыхъ, даромъ что тамъ подданные имѣли право жаловаться на злоупотребленія.

Рядомъ съ утѣсненіемъ народа шло поруганіе православной вѣры. До смерти короля Владислава, со времени введенія уніи, польское правительство издало десять *конституцій*, обезпечивавшихъ спокойствіе послѣдователей греко-русскаго исповѣданія; но, во-первыхъ, духовные считали себя въ правѣ не слушаться никакихъ конституцій на томъ основаніи, что церковь выше государства. а во-вторыхъ — эти конституціи, по самымъ правамъ польскимъ, могли относиться только къ дворянскому сословію. Дворянинъ православной вѣры могъ въ своемъ имѣніи или старостѣ построить церковь, монастырь, покровительствовать духовнымъ; но тамъ, гдѣ владѣлецъ — католикъ и не благопріятствуетъ вѣротерпимости, тамъ подобныя конституціи не могли имѣть ровно никакой законной силы, ибо и совѣсть, какъ честь и жизнь хлоповъ, зависѣла отъ произвола пана. А такъ какъ пановъ католической вѣры со дня на день становилось больше, чѣмъ православныхъ, то эти конституціи давались въ полной увѣренности, что онѣ не могутъ остановить стремленія лишить русскихъ своенародности. Владѣльцы захватывали церковныя имѣнія, приписанныя къ тѣмъ храмамъ или обителямъ, которые находились на землѣ ихъ вотчинъ или старостъ, обращали насильно православныя церкви въ уніатскія; нерѣдко толпа шляхтичей, жившихъ у пана, врывалась въ монастырь, разгоняла и мучила иноковъ, принуждая къ уніи. Ихъ заключали въ оковы, вырывали имъ волосы, томили голодомъ, иногда же топили и вѣшали. Тогда жида, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно для себя извлечь новыя выгоды, убѣдили пановъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, церкви гонимаго вѣроисповѣданія. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину, не забывая при этомъ всякаго рода нахальства и пренебреженія къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая содержанія, притомъ терпя оскорбленіе отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе скло-

народъ къ уніи.

Въ городахъ одни католики были избираемы въ должности п, въ ка-

чествѣ членовъ городского начальства, потакали римско-католическому духовенству и допускали распоряженія, стѣснительныя для православія. Въ Львовѣ запрещено было православнымъ не только участвовать въ муниципальномъ совѣтѣ, но даже торговать и записываться въ ремесленные цехи. Не дозволяли хоронить православныхъ съ христіанскими обрядами; священникъ не смѣлъ идти къ больному съ дарами; наглость львовскихъ католиковъ и униатовъ доходила до того, что толпы врывались въ церковь во время богослуженія. Въ Кіевѣ насильно обратили большую часть церквей въ униатскія, и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь.

Русское дворянство легко поддавалось польскому вліянію и теряло народность, а за народностью и вѣру предковъ. Простой народъ, поработанный дворянствомъ, показавъ бы долѣе страдательное противодѣйствіе, ропталъ бы на судьбу, вздыхалъ бы о вѣрѣ отцовъ своихъ, а въ концѣ концовъ, подъ силою всеизглаживающаго времени, уступилъ бы гнету обстоятельствъ и забылъ бы старину такъ же точно, какъ нѣкогда, послѣ введенія христіанства, онъ долго вздыхалъ о своемъ язычествѣ и втайнѣ обращался къ своимъ прежнимъ божествамъ, а между тѣмъ время дѣлало свое, и мало по малу народъ сроднился съ новою вѣрою и сталъ чуждъ языческой старинѣ своей. По общечеловѣческимъ законамъ то же должно было, если не сразу, то въ теченіе не малаго времени, совершиться съ православіемъ и съ русскою жизнью. Все должно было опоясаться и окатоличиться, если бы, на бѣду польскимъ и римско-католическимъ затѣямъ, не стояло противъ нихъ казачество, вооруженное, крѣпкое, составлявшее цвѣтъ и матеріальную силу русскаго народа. Наполняясь изъ простаго народа, оно готово было защищать оружіемъ то, что было дорого простому народу. Хлопъ, бѣжавшій въ казачество, вносилъ туда сердечную, глубокую ненависть ко всему панскому, шляхетскому, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ко всему ляхскому, потому что ненавистный ему панъ былъ или сдѣлался ляхомъ: заурядъ со всѣмъ панскимъ стала ему противна и враждебна римско-католическая вѣра; еще противнѣе была для него унія, какъ вѣра, которую, въ довершеніе своего произвола надъ хлопомъ, насильно навязывалъ панъ послѣднему на совѣсть. Такимъ путемъ сдѣлались казаки единственными борцами за православную вѣру и русскую народность.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ЛХІХ. О СВАДЬБѢ И БРАКОСОЧЕТАНІИ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Изъ соч. Олсarıя: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 г.“ Переводъ Барсова).

Когда великій князь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ, то былъ еще очень молодъ, и при немъ все еще оставался его бывшій дворецкій и воспитатель Морозовъ, по волѣ и усмотрѣнію котораго великій князь и велъ управленіе. Этотъ Морозовъ прежде всего привлекъ на свою сторону тѣхъ, которые наиболѣе готовы были служить его волѣ; родственниковъ же его царскаго величества и въ особенности родственниковъ матери его, бывшей великой княгини, удалилъ отъ двора на воеводства и другія видныя должности съ тѣмъ, чтобы онъ могъ наполнить дворъ людьми, ему приверженными, и важнѣйшія должности распределить между друзьями, которые, по его усмотрѣнію, должны были оставаться за одно съ нимъ. Никто изъ знатнѣйшихъ вельможъ не долженъ былъ превзойти Морозова въ болѣе ревностномъ служеніи молодому царю и постоянномъ при немъ пребываніи. Чтобы удалить отъ в. князя тѣхъ изъ бояръ, которые могли явиться къ нему съ какими нибудь скучными и для его возраста даже съ тягостными служебными занятіями, Морозовъ часто возилъ его на охоту и доставлялъ ему всякаго рода и другія удовольствія. Для того же, чтобы прочіе удержать за собою расположеніе царя, Морозовъ помышлялъ о томъ, какъ бы вступить въ ближайшее родство съ нимъ. Разсчетъ его былъ таковъ: онъ зналъ, что его царское величество долженъ былъ скоро жениться, и для того, чтобы царь оставался въ родствѣ съ среднимъ сословіемъ, къ которому принадлежалъ Морозовъ, онъ рѣшилъ предложить ему въ супруги дочь одного дворянина, на сестрѣ которой думалъ жениться самъ. Между придворными дворянами былъ тогда одинъ, по имени Ілья Даниловичъ Милославскій, который имѣлъ двухъ дочерей-красавицъ и ни одного наследника мужескаго пола. Этотъ Ілья часто прислуживалъ Морозову,

бывшему тогда въ силѣ при дворѣ, былъ его, какъ говорится, *factotum*, ревностно помогать ему, такъ что Морозовъ охотно терпѣлъ его не ради только его красивой дочери, но и ради его угодливости. Однажды, улучивъ удобное время, Морозовъ началъ выхвалять красоту сказанныхъ двухъ сестеръ и возбудилъ въ молодомъ государѣ сильное желаніе увидѣть ихъ. Обѣ сестры были приглашены къ дѣвицамъ—сестрамъ его царскаго величества, какъ бы только для посѣщенія сихъ послѣднихъ. Когда его царское величество увидѣлъ тутъ дочерей Милославскаго, то почувствовалъ тотчасъ же любовь къ старшей изъ нихъ. Милославскому объявлена повтому милость его царскаго величества и то, что онъ долженъ сдѣлаться тестемъ царя. Милославскій, конечно, не задумался дать тотчасъ же свое согласіе и благодарить за великую милость. Затѣмъ, такъ какъ Милославскій былъ небогатъ, ему послано большое количество денегъ и разныя дорогія вещи въ домъ, чтобы онъ снарядилъ себя и своихъ приличнымъ образомъ. Вскорѣ же послѣ того затѣяна и свадьба, и въ 1647 г., на 22 году невѣсты, совершенно бракосочетаніе, но безъ всякой торжественности и втиши, чтобы не было наслано на невѣсту и жениха какого-либо чародѣйства, отъ чего бываетъ худо и чего въ то время очень опасались русскіе, по своему суевѣрію. Черезъ 8 дней послѣ этого царскаго бракосочетанія бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ сыгралъ и свою свадьбу, взявши за себя сестру молодой великой княгини, и сдѣлался такимъ образомъ зятемъ его царскаго величества.

LXX. МОСКОВСКІЯ СМУТЫ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Изъ соч. Олгарія: „Подробное описаніе путешествія юлишинскаго посольства въ Московію и Персію“).

Илья Даниловичъ Милославскій, сдѣлавшись тестемъ царя, вошелъ въ большую силу. Ему данъ былъ домъ въ Кремлѣ, подлѣ дворца его царскаго величества; домъ этотъ онъ снесъ до основанія и на мѣсто его выстроилъ новыя великолѣпныя палаты. Старые слуги при дворѣ одинъ за другимъ удалены и вмѣсто ихъ посажены родственники Милославскаго, которые, будучи весьма бѣдны, были и очень жадны къ обогащенію себя. Въ этомъ отношеніи особенно отличался одинъ изъ нихъ, по имени Леонтій Степановичъ Плещеевъ, который посаженъ былъ главнымъ судьей въ земскомъ дворѣ или приказѣ. Онъ безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простого народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими. Онъ завелъ при себѣ негодныхъ молодцовъ, чтобы они взводили какое нибудь ложное показаніе на честныхъ людей, имѣвшихъ состояніе, доносили на нихъ и обвиняли въ воровствѣ, убійствѣ, или иномъ какомъ преступленіи. По этимъ доносамъ бѣдныхъ людей брали въ темницу, содержали ихъ самымъ сквернымъ образомъ и не выпускали ихъ такъ по нѣскольку мѣсяцевъ, пока тѣ впадали почти въ отчаяніе. Между тѣмъ безбожныя слуги Плещеева являлись къ друзьямъ заключеннаго, въ тайнѣ дѣлали

имъ предложенія, какъ освободить ихъ друга. Черезъ такихъ-то мошенниковъ онъ торговался съ этими друзьями несчастнаго и назначалъ, что они должны дать за освобожденіе его. Въ числѣ такихъ безбожныхъ чиновниковъ былъ еще одинъ, по имени Петръ Тихоновичъ Траханіотовъ, шуринъ Плещеева. Этотъ былъ уже возведенъ въ окольничьи (что составляетъ ближайшую степенъ къ званію боярина или государственнаго совѣтника) и посаженъ управляющимъ пушкарскаго приказа; подъ его управленіемъ находились стрѣльцы, оружейники, полицейскіе чины и всѣ тѣ, которые служили при оружейной палатѣ, и со всѣми этими людьми онъ поступалъ самымъ жестокосерднымъ образомъ и удерживалъ у нихъ заслуженную ими заработную плату. Кромѣ того, были большія препятствія и въ торговлѣ: заведено было множество монополій, и кто приносилъ наибольшую взятку, тотъ возвращался весело домой. Былъ еще одинъ чиновникъ, который предложилъ дѣлать желѣзные аршинныя съ клеймомъ, изображающимъ орла, и каждый, кто только долженъ употреблять аршинъ, обязанъ былъ покупать новый клейменный аршинъ, стоящій какихъ нибудь 10 копейекъ (шиллингъ), плата за него рейхстахеръ; старые же аршины при этомъ были запрещены, подъ опасеніемъ высокой пени. Распоряженіе это, простиравшееся и на всѣ области, привнесло доходу до нѣсколькихъ тысячъ талеровъ. Другой подобный же чиновникъ, изъ желанія оказать услугу казнѣ и тѣмъ снискать себѣ благосклонность, далъ предложеніе, чтобы по всей Россіи соль, которой пудъ (40 фунтовъ) стоилъ двѣ гривны или 10 грошей, обложить добавочной пошлиной въ одну гривну или пять грошей. Онъ даже высчиталъ, сколько тысячъ дохода ежегодно можетъ приносить такой налогъ въ казну. Но по прошествіи года сдѣланъ былъ расчетъ, и тогда оказалось, какъ много тысячъ потеряно было на соленой рыбѣ (употребляемой въ Россіи болѣе говядины), которая, по причинѣ вздорожанія соли, была недостаточно просолена и погнила, и какъ значительно меньше прежняго продано было самой соли, такъ какъ она осталась въ складочныхъ амбарахъ, испортилась и тамъ растаяла. На такія великія тягости и невыносимыя мученія вознегодовалъ простой народъ; утромъ и вечеромъ онъ собирался у церквей и толковалъ, какъ бы избавиться отъ такого бѣдствія. Всѣ видѣли, что тѣ, которые ближе всего были къ царю, не хотѣли выслушивать ихъ жалобъ, а тѣмъ менѣе желали облегчить ихъ тягости, и потому единогласно порѣшили: сторожить всякій разъ, когда царь будетъ выѣзжать, или во время каваго нибудь торжественнаго хода будетъ проходить изъ дворца въ городскую церковь, и отъ имени всего общества подать самому его царскому величеству нѣсколько просьбъ, пожаловаться ему на несправедливости и ежедневно совершаемыя злоупотребленія. Но, хотя недовольнымъ и удалось нѣсколько разъ выждать царя и подавать просьбы,—просьбы эти всегда принимали отъ нихъ бояре, которые, по обыкновенію сопровождали царя. Такъ какъ самъ царь не читалъ ихъ, а приказывалъ боярамъ сообщать ему объ ихъ содержаніи, то естественно, что бѣдствія угнетенныхъ подданныхъ передавались ему невѣрно, и по жалобамъ не воспомянувалось никакого рѣшенія. Между тѣмъ негодованіе народа все болѣе и болѣе разжигалось. 1648 г., іюня 6-го дня, былъ праздникъ, въ который его царское величество со всѣми боярами и знатными господами отправлялся въ Срѣтенскій монастырь. Въ этотъ день собралось несчетное множество народа на большомъ рынкѣ и по всѣмъ ули

цамъ, черезъ который долженъ былъ проходить крестный ходъ. Когда по окончаніи службы Господней, его царское величество возвращался верхомъ домой, народъ съ силою протѣснился къ нему. нѣкоторые изъ толпы схватили за узду коня и молили выслушать ихъ, жаловались и громко вопили на Плещеева и его несправедливости и неотступно просили отрѣшить его и на мѣсто его назначить честнаго, совѣстливаго человѣка, добавляя, что, въ противномъ случаѣ, народъ долженъ окончательно погибнуть. Царь ужаснулся такого неожиданнаго нападенія и такихъ отчаянныхъ жалобъ всего народа, обратился къ нему съ дружескою рѣчью, чтобы онъ успокоился, что онъ развѣдаетъ все дѣло и удовлетворить просьбы. Народъ успокоился, благодарилъ царя и желалъ добраго здравія и долгой жизни, съ чѣмъ царь и отправился къ себѣ. Нѣкоторые же изъ бояръ, преданныхъ Плещееву и бывшихъ тутъ же въ поѣздѣ, начали бранить народъ, били нѣкоторыхъ изъ его среды кнутиями по головамъ, а иныхъ даже сшибли съ ногъ на землю. Народъ озлобился, схватился за каменья и началъ бросать ихъ въ обидчиковъ. Эти послѣдніе, не привыкшіе къ такому тяжкому граду, который посыпался на ихъ спины, мигомъ обратились въ бѣгство и помчались во дворецъ. Озлобившаяся чернь съ силою двинулась туда же за ними, но стрѣльцы, ежесекундно державшіе стражу у дворца, успѣли сдержать народъ, пока преслѣдуемые бояре могли укрыться въ покояхъ. Тогда народъ, какъ-бы обезумѣвъ отъ ярости, началъ неистовствовать, шумѣть, звать и кричать, чтобы ему выдали Плещеева. На крикъ этотъ бояринъ Морозовъ вышелъ на верхнее крыльцо къ народу и именемъ царя увѣщевалъ его, чтобы онъ отказался отъ такого требованія своего; но народъ закричалъ: «Мы и тебя хотимъ взять!» Морозовъ, чтобы избѣжать собственной опасности, поспѣшно долженъ былъ удалиться. Вслѣдъ за тѣмъ толпа бросилась къ дому Морозова, разбила въ немъ ворота и двери, все расшибла и разломала, и разграбила въ домѣ его, чего нашла. Въ домѣ Морозова нашли жену его, но ей не сдѣлали никакого оскорбленія, а сказали только: «Еслибъ ты не была сестрой великой княгини, мы изрубили бы тебя на мелкія части!» Послѣ этого народъ раздѣлился на особыя толпы: однѣ толпы потянулись къ Плещееву, другіе къ Траханиотову, третьи къ государственному канцлеру, нѣкоторые къ другимъ заподозрѣннымъ вельможамъ, даже къ писарямъ и другимъ лицамъ, бывшимъ въ дружбѣ или въ какомъ нибудь сообществѣ съ ненавистными имъ людьми, и вездѣ, у всѣхъ этихъ людей, разъяренные толпы опустошили, разграбили дворы и уничтожили въ нихъ все, что только попало подъ руку.

Въ то время, когда такое разграбленіе совершалось внѣ Кремля, самый Кремль велѣно было запереть, и рано утромъ слѣдующаго дня, т. е. 7-го іюля, всѣмъ нѣмецкимъ офицерамъ дано было тайное приказаніе собраться и, хорошенько вооружившись, немедленно прибыть въ Кремль. Царь выслалъ къ мятежникамъ двоюроднаго брата своего, знатнаго и достохвальнаго вельможу Никиту Ивановича Романова, котораго народъ очень любилъ за его всегдашнюю доброту, попытаться, не сможетъ ли онъ укротить озлобленное настроеніе и возстановить спокойствіе. Съ непокрытой головой выѣхалъ Никита Романовъ къ народу принявшему его съ должною почтительностью и называвшему его своимъ отцомъ, и въ трогательныхъ выраженіяхъ сказалъ: «Его царское

величество испытывает глубокую скорбь при видѣ такого бѣдствія. Нѣсколько дней тому назадъ онъ уже обѣщалъ народу старательно разслѣдовать все дѣло и дать ему милостивое удовлетвореніе; это же обѣщаніе его царское величество приказалъ черезъ него, Никиту, теперь еще разъ повторить народу и добавить, что онъ непременно сдержитъ его, а потому недовольные могутъ теперь успокоиться и смириться». На это народъ отвѣчалъ: «Мы совершенно довольны его царскимъ величествомъ и охотно готовы успокоиться, но не прежде, пока его царское величество прикажетъ выдать намъ виновниковъ такого бѣдствія, именно Морозова, Плещеева и Траханіотова, чтобы бояре эти при глазахъ нашихъ получили заслуженную ими кару». Никита благодарилъ народъ за отвѣтъ, похвалилъ его за непоколебимую преданность царю, но при этомъ онъ клялся народу, что Морозова и Траханіотова въ Кремлѣ нѣтъ, но что они бѣжали. Мятужники просили тогда, чтобы имъ выдали немедленно хотя Плещеева. Никита простился засимъ съ народомъ и поскакалъ опять въ Кремль. Вскорѣ изъ Кремля пришло извѣстіе, что царь рѣшилъ выдать немедленно же Плещеева и приказалъ казнить его предъ народомъ; когда же отыщутъ остальныхъ двухъ бояръ, то и съ ними будетъ поступлено, какъ слѣдуетъ, по закону. Палачъ вышелъ изъ Кремля и вѣлъ съ собою Плещеева. Разсвирѣпѣвшій народъ, какъ только завидѣлъ послѣдняго, не могъ выждать, чтобы его довели до мѣста казни, прочли приговоръ и затѣмъ казнили, но тутъ же бросился, забили Плещеева палками до смерти, разможивъ ему голову, такъ, что она обратилась въ какую-то размазю, и мозгъ его разлетѣлся брызгами въ лица стоявшихъ кругомъ людей. Съ убитаго сорвали одежду и обнаженное тѣло потащили на площадь, волоча его по всѣмъ нечистотамъ. Бояринъ Морозовъ хотѣлъ найти свое спасеніе въ бѣгствѣ, но, замѣченный извощиками и ямщиками, которые заградили ему дорогу, бѣжалъ назадъ, успѣвъ уйти отъ нихъ, къ великому счастью своему, и тайнымъ ходомъ пробрался въ Кремль, такъ что изъ преслѣдовавшихъ никто не замѣтилъ этого. Между тѣмъ, чтобы показать народу, что царь крѣпко озабочивается преслѣдованіемъ бѣглецовъ, послали отыскать Траханіотова, котораго посланные поймали близъ Троицкаго монастыря и привезли его въ Москву. Царь приказалъ, чтобы палачъ, въ продолженіе часа, водилъ его по торгу, съ деревянною колодкою на шеѣ, и затѣмъ отрубилъ ему топоромъ голову. Этою мѣрою вторично охлаждено было до нѣкоторой степени разгоряченное настроеніе народа; онъ благодарилъ царя за справедливый судъ, желалъ ему долгой жизни и просилъ, чтобы и съ Морозовымъ было поступлено такимъ же образомъ. Нѣсколько дней спустя царь приказалъ въ волю угостить виномъ и медомъ стрѣльцовъ, которые держали его дворскую стражу. Подобно ему, и тестъ великаго князя, Илья Даниловичъ Милославскій, началъ дружески и кротко обращаться съ важѣйшими изъ гражданъ, ежедневно приглашалъ по нѣсколько человѣкъ изъ цеховъ, по очереди, къ своему двору, любовно принималъ ихъ и всячески старался пріобрѣсть доброе къ себѣ расположеніе главѣйшихъ изъ нихъ. Патріархъ также приказалъ попомъ и священникамъ, чтобы и они, съ своей стороны, прилагали стараніе усмирить все еще гнѣвное настроеніе народа. Царь замѣтилъ негодныхъ чиновниковъ людьми разумными, кроткими и весьма уважаемыми народомъ. Когда теперь стало видно, что описанная въ высшей степени страшная гроза достаточно поутихла, и можно было

думать, что все приведено уже въ мирное и лучшее положеніе, царь приказалъ въ одинъ изъ дней торжественнаго шествія своего созвать народъ на извѣстное мѣсто внѣ Кремля, куда и вышелъ къ народу, въ сопровожденіи Никиты Романова. Царь обратился здѣсь къ народу съ рѣчью, въ которой прежде всего сказалъ, что ему въ высшей степени прискорбно, какъ жестоко поступали и обращались съ народомъ, невѣдомо для него, безбожные Плещеевъ и Траханіотовъ, которые за то получили уже вполне заслуженное возмездіе, и на мѣста ихъ назначены теперь мужи богобоязливые, которые будутъ править народомъ съ кротостью и справедливостью, будутъ блюсти пользу и благо народное. о чемъ и самъ онъ, царь, будетъ отнынѣ имѣть бдительное смотрѣніе. Увеличенная пошлина на соль, продолжалъ царь, вмѣстѣ съ этимъ будетъ отменена: выданныя до сего милостивныя грамоты на исключительную торговлю, смотря по обстоятельствамъ, будутъ отобраны, а нѣкоторыя льготы народныя и прежде дарованныя вольности онъ, царь, желаетъ теперь расширить и умножить и во всемъ поступать впредь, какъ отецъ подданныхъ своей страны, съ царскимъ милосердіемъ. Въ отвѣтъ на это народъ низко кланялся, благодарилъ и желалъ долголѣтней жизни царю. Затѣмъ царь продолжалъ, что боярина Бориса Ивановича Морозова, котораго онъ также обѣщалъ выдать имъ, хотя онъ и не можетъ, конечно, во всемъ оправдать, но точно также не находитъ виновнымъ во всемъ. При этомъ царь сказалъ, что онъ желалъ быть увѣреннымъ, что, такъ какъ онъ никогда еще ни о чемъ особенномъ не просилъ своихъ подданныхъ, они уважатъ эту первую его просьбу и простятъ Морозову то, что онъ сдѣлалъ имъ недобраго; онъ же, царь, ручается, что отнынѣ Морозовъ будетъ оказывать имъ всю свою любовь, вѣрность и доброе расположеніе; если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не занималъ болѣе мѣста государственнаго совѣтника, то онъ, царь, отставить его отъ этой должности, но только чтобы онъ, царь, не выдавалъ народу головою его, своего второго отца, воспитавшаго и возраставшаго его; его сердце не можетъ вынести этого, и потому онъ хочетъ думать, что народъ не потребуетъ отъ него такой жертвы. Когда при этомъ слезы, какъ свидѣтельство великой любви къ Морозову, выступили на глазахъ царя и прервали рѣчь его, весь народъ преклонилъ головы и громко закричалъ: «Боже, сохрани его царское величество въ добромъ здравіи на многія лѣта! Какъ угодно Богу и его царскому величеству, такъ и да будетъ!» При такомъ заявленіи народа царь такъ же сердечно обрадовался, какъ прежде сердечно скорбѣлъ, когда народъ требовалъ головы Морозова. Онъ поблагодарилъ народъ за такое рѣшеніе и увѣщевалъ его успокоиться и быть послушнымъ, увѣряя его притомъ, что самъ онъ всегда и безъ отмены будетъ исполнять все то, что теперь обѣщалъ народу. Затѣмъ царь, въ сопровожденіи своихъ придворныхъ людей, бывшихъ при его шествіи, мирно возвратился въ Кремль.

Спустя нѣсколько времени послѣ того царь ѣздилъ въ Троицкій монастырь, а съ нимъ и Морозовъ, который милостиво и низкими поклонами на обѣ стороны, ѣхавши верхомъ, здоровался съ народомъ. Съ той поры всякій, подавшій письменную просьбу царю чрезъ Морозова, никогда не получалъ отказа.

Такой-то великой опасности подвергалось тогда благосостояніе молодого государя и его подданныхъ, когда слишкомъ ослаблены были бразды для несправедливыхъ и своекорыстныхъ управителей.

LXXI. О СМУТАХЪ ВО ПСКОВѢ И ВЪ НОВГОРОДѢ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Изъ ст. Зермина: „О смутахъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича“ помѣщ. въ „Библ. для чтенія“ за 1860 г.).

Народное волненіе, происшедшее въ 1650 г. во Псковѣ и въ Новгородѣ, было нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ московскаго. Здѣсь, какъ и тамъ, въ тѣхъ же слояхъ народонаселенія начались безпорядки: такъ же, какъ и тамъ, пня боярина Морозова оглашено было измѣною государю и землѣ; такъ же, какъ и тамъ, народъ бушевалъ и требовалъ казни мнимыхъ измѣнниковъ. Новгородъ и Псковъ, два старые вѣчника, видя, какъ далеко увлекло ихъ своеволие, и страшась справедливаго гнѣва государя, задумали даже измѣну: они рѣшились искать помощи и покровительства у иновѣрной Литвы.

Въ 1648 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, Алексѣй Михайловичъ отправилъ въ Швецію къ королевѣ Христинѣ посольство, во главѣ котораго былъ окольничій Пушкинъ. Поводомъ къ отправленію посольства было слѣдующее обстоятельство. Съ самаго столбовскаго мира, не смотря на надзоръ за рубежомъ, отдѣлявшимъ шведскія владѣнія отъ московскихъ, тѣ изъ подданныхъ обоихъ государствъ, которыхъ преслѣдовали кредиторы, уходили за рубежъ, избавляясь такимъ образомъ отъ уплаты долговъ. Но такъ какъ въ теченіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ ушло за рубежъ болѣе шведскихъ, чѣмъ московскихъ подданныхъ, то шведское правительство постоянно обращалось въ Москву съ жалобами на слабый надзоръ за границею. Жалобы эти наконецъ превратились въ явное неудовольствіе: разрывъ казался неизбежнымъ. Пушкинъ, однако, предупредилъ его и положилъ конецъ обоюднымъ неудовольствіямъ заключеніемъ стокгольмскаго договора, по которому 1-е сентября 1647 г. было принято за нормальный терминъ, такъ что всѣ перебравшіеся за рубежъ до этого срока оставались на своихъ мѣстахъ, всѣхъ же, перебѣжавшихъ послѣ, оба правительства обязывались немедленно выдать. Сверхъ того, Алексѣй Михайловичъ по договору долженъ былъ заплатить Швеціи къ 1650 г. 190,000 р. Сумму эту должно было уплатить частью деньгами, а частью хлѣбомъ. По заключеніи договора пріѣхалъ въ Москву шведскій комиссаръ Логинъ Нуменсъ. Ему заплатили часть деньгами; на остальную приказано было отпустить изъ царскихъ житницъ хлѣба. Вслѣдъ за этимъ изъ Москвы отправленъ былъ во Псковъ гость Феодоръ Емельяновъ, которому велѣно было купить 2,000 четвертей хлѣба «для того, чтобъ цѣны приподнять; чтобъ нѣмцамъ по дорогой цѣнѣ продать», такъ какъ по договору хлѣбъ изъ царскихъ житницъ долженъ быть отпущенъ по той цѣнѣ, какая будетъ на рынкахъ. Но этотъ своекорыстный человѣкъ, пріѣхавъ во Псковъ, закупилъ тамъ весь хлѣбъ и не позволялъ даже обывателямъ покупать его безъ своего позволенія, которое получалось за дорогую цѣну. Псковичи, встревоженные такимъ его поступкомъ, подняли ропотъ, винили шведовъ въ алчности, Пушкина въ измѣнѣ, не забыли и Морозова, говоря, что онъ дѣйствуетъ заодно съ иноземцами. А тутъ нашлись люди, которые съумѣли превратить народный ропотъ въ явный бунтъ. Чернь начала вымещать свою злобу на тѣхъ, кто, по

ея мѣнѣю, были главными виновниками всего зла. Домъ Емельянова разграбили, стали побоями принуждать жену его, чтобы она сказала, гдѣ мужъ ея спряталъ деньги. Узнавъ объ этомъ, воевода околицій Собакинъ прибылъ на мѣсто, гдѣ происходили безпорядки; но мятежники его обезчестили и отняли у него городскіе ключи. Потомъ они овладѣли боевыми снарядами; не пощадили и архіепископа, заключивъ его въ тюрьму. Когда же пріѣхалъ во Псковъ Нумейсъ съ деньгами, полученными въ Москвѣ, то ему было сдѣлано насиліе: царскія деньги у него отняли, самого его безчестили, пытали и наконецъ отдали приставамъ. Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать, заводчики псковскаго мятежа старались увлечь и Новгородъ, гдѣ дѣйствительно нашлись люди, готовые при первомъ удобномъ случаѣ поднять знамя бунта. Свѣдавъ о псковскихъ безпорядкахъ, царь отправилъ съ грамотою дворянина Сонины; въ грамотѣ онъ увѣщевалъ мятежниковъ «исполнить крестное цѣлованіе и принести свои вины». Псковичи Сонины отпустили безъ дѣла. Вслѣдъ за симъ они отправили къ царю выборныхъ изъ купцовъ, стрѣльцовъ и казаковъ по одному человѣку съ челобитною, въ которой писали съ большимъ невѣжествомъ, не говоря ни слова о винѣ своей. Царь велѣлъ допустить къ себѣ псковскихъ челобитчиковъ, сперва гнѣвался на нихъ, а потомъ «положилъ на милость». На челобитной подъ всѣми статьями онъ велѣлъ написать свой указъ и въ такомъ видѣ отдать подавшимъ съ тѣмъ, чтобы они обратно отвезли его во Псковъ, приказавъ имъ также увѣщевать мятежныхъ своихъ собратій, чтобы они покорились и выдали воровъ и заводчиковъ смуты. Когда выборные, возвратившись во Псковъ, объявили жителямъ царскій указъ, то имъ не повѣрили, указу не послушали и «государево жалованье поставили ни во что». Наконецъ, царь принялъ рѣшительныя мѣры: приказано было князю Хованскому идти во Псковъ съ ратными людьми. До какой степени въ Москвѣ избѣгали всякихъ принудительныхъ мѣръ, можно заключить изъ того, что Хованскому приказано напередъ прислать во Псковъ уговаривать непокорныхъ, а потомъ уже, если уговоры будутъ безуспѣшны, дѣйствовать оружіемъ. Хованскій отправилъ во Псковъ дворянина Савву Бестужева съ товарищами; но мятежники его казнили, двухъ изъ его товарищей отпустили обратно, прочихъ посадили въ тюрьму. Между тѣмъ, узнавъ о грозныхъ приготовленіяхъ со стороны Москвы, псковичи написали листъ къ польскому королю и просили у него помощи и покровительства. Хованскій двинулся на Псковъ съ войскомъ. Когда онъ подошелъ къ городу, то бунтовщики вступили въ бой съ царскимъ войскомъ. Кроткій царь и послѣ этого, «по своему государскому милосердному обычаю, жалѣя о христіанскихъ погибающихъ душахъ и ожидая въ винахъ ихъ обращенія, для унятія христіанской крови», еще разъ обратился къ мирнымъ средствамъ. Онъ отправилъ теперь во Псковъ коломенскаго и каширскаго епископа Рафаила. Прибывъ во Псковъ, Рафаилъ немедленно, по царскому указу, созвалъ въ соборную церковь псковскихъ стрѣльцовъ, казаковъ и всякихъ чиновъ людей; здѣсь онъ имъ объявилъ слѣдующее: «Псковичи, стрѣльцы, казаки и всегородные земскіе старосты и посадскіе и всякихъ чиновъ жилищные люди! Благочестивый и христілюбивый великій государь, царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея Россіи самодержецъ, прислалъ меня, богомольца своего, архимандрита и протопопа, а велѣлъ вамъ говорить...» Изложивъ по порядку всѣ

обстоятельства мятежа и указавъ на безуспѣшность прежнихъ увѣщаній. Рафаилъ въ заключеніе объявилъ псковичамъ слѣдующую угрозу: «А будетъ вы, забывъ государево крестное цѣлованье, вины своей къ нему, государю, не принесете и его государственной милости къ себѣ не уважите и отъ такого злого воровства не отстанете и тѣхъ воровъ и заводчиковъ не отдадите: и великій государь, съ помощью Божіею, пойдетъ на васъ самъ и велитъ васъ до конца разорить; и тѣ многія крови прольются за вашу неправду и клятвенное преступленіе. И вамъ бы однолично, не дожидаясь на себя государственной большой опалы и разоренья, вины свои къ нему, великому государю, принести и тѣхъ воровъ и заводчиковъ отдать, и меня, Рафаила, епископа и архимандрита и протопопа, отпустить къ государю къ Москвѣ безъ всякаго замешканія». Затѣмъ прочитана была царская грамота. Съ своей стороны убѣждалъ непокорныхъ повиноваться и патріархъ Іосифъ. Въ случаѣ же неповиновенія патріархъ грозилъ, что отлучитъ ихъ отъ святыни и отъ христіанства и предастъ проклятію.

Увѣщанія Рафаила произвели, наконецъ, ожидаемое дѣйствіе: мятежъ прекратился, народъ цѣловалъ крестъ и обѣщалъ выдать зачинщиковъ. Но, избѣгая злой участи, нѣкоторые изъ главныхъ заводчиковъ и послѣ приведенія къ присягѣ задумали-было произвести новое волненіе. Воевода кн. Львовъ и дьякъ Степановъ донесли въ Москву, что прежніе воры псковскіе стали скопомъ и заговоромъ ходить по улицамъ днемъ и ночью съ ружьемъ, говорить «всякія смутныя прежнія свои воровскія слова» и подущать псковичей къ новому мятежу; что они хотѣли даже бить въ набатъ, однако стрѣльцы всѣхъ приказовъ, перехватывъ возмутителей, привели въ сѣзжую избу, и дальнѣйшаго волненія не было. Вскорѣ полученъ былъ царскій указъ, которымъ повелѣвалось всѣхъ арестованныхъ отправить въ Новгородъ, гдѣ велѣно было держать ихъ въ оковахъ, женъ же и дѣтей ихъ приказано разставить по дворамъ, «гдѣ пригоже, и береженіе къ нимъ потомужъ держать».

Описаніе мятежа въ Новгородѣ оставилъ намъ клирикъ патріарха Никона Шушеринъ. Разсказъ его простъ и безыскусственъ; на первомъ планѣ выставленъ Никонъ, а за этою величавою личностью многія любопытныя подробности остались въ тѣни. Изложимъ разсказъ Шушерина о новгородскомъ мятежѣ, сохраняя по возможности простоту, которою отличается все его сочиненіе.

Въ то время, какъ митрополитъ Никонъ жилъ въ Новгородѣ, при бояринѣ воеводѣ князѣ Хилковѣ, произошло сильное возмущеніе. Случилось оно слѣдующимъ образомъ. Нѣкто изъ посадскихъ людей, по прозванію Волкъ, наущенный совѣтомъ дьявола, ради своего прибытка, сталъ ходить по нѣмецкимъ дворамъ, говоря иноземнымъ купцамъ: «что дадите мнѣ, если я открою вамъ тайный надѣ вами умыселъ новгородцевъ?» Когда же нѣмцы повѣрили ему, считая его своимъ истиннымъ оберегателемъ и, какъ второго Іуду, наградили червонцами и ефимками, тогда онъ объявилъ имъ за непреложную истину, что слышалъ въ народѣ на Морозова нареканіе въ измѣнѣ. Такъ какъ противъ этого боярина было тогда сильное народное возмущеніе, то Волкъ объявилъ нѣмцамъ, что ихъ, какъ друзей и лазутчиковъ Морозова, скорѣ хотятъ предать смерти, а имѣнія ихъ разграбить. «Поэтому совѣтую вамъ,—продолжалъ онъ,—если вы хотите спасти жизнь свою отъ напрасной смерти, уѣзжайте отсюда

какъ можно скорѣе». Нѣмцы, услышавъ это и видя, что народъ дѣйствительно волнуется, повѣрили объявленному имъ; они, не медля ни минуты, уложили свои товары въ повозки и выѣхали за городъ. Тогда Волкъ, не довольствуясь тою своею ложью, за которую получилъ отъ нѣмцевъ награду, возымѣлъ умыселъ еще злѣйшій. Онъ пошелъ въ земскую избу и тамъ, а равно въ рядахъ, объявилъ всякихъ чиновъ людямъ, что нѣмцы, друзья и пріатели измѣнника Морозова, были въ Москвѣ ради шпіонства и отъ него, измѣнника, отпущены въ свою землю съ казною. «Теперь они находятся въ Новгородѣ, возвращаясь домой,—говорилъ онъ,—намъ же слѣдуетъ радѣть великому государю и всему Московскому государству, и мы можемъ показать нашу ревность, если схватимъ нѣмцевъ и, отобравъ у нихъ казну, будемъ судить ихъ, какъ шпіоновъ и измѣнниковъ». Народъ, слушая такія рѣчи и принимая ихъ за правду, возмутился, бросился догонять нѣмцевъ. Настигнувъ ихъ на дорогѣ, новгородцы начали ихъ бить чѣмъ ни попало и разграбили ихъ имущество. Несчастные, однако, избавлены были отъ смерти, потому что лучшіе и богатѣйшіе изъ гражданъ начали говорить народу, что если можетъ кто доказать измѣну нѣмцевъ и подлинно уличить ихъ, то лучше дѣйствовать судомъ; когда объявятся ихъ умыселъ, то изъ показаній ихъ узнаются и другіе сообщники, теперь же, до слѣдствія, ихъ нужно держать подъ крѣпкимъ карауломъ. Но народъ, оставивъ нѣмцевъ, бросился грабить дома богатыхъ гостей и торговыхъ людей. Воевода кн. Хилковъ, видя такіе безпорядки, послалъ дьяковъ и стрѣleckихъ головъ уговаривать народъ прекратить смятеніе и оставить напрасное разореніе. Мятежники не только не слушали увѣщаній, а стали грозить смертью самимъ увѣщателямъ и устремились на убійство воеводы. Соединившись съ стрѣльцами и казаками, бунтовщики бросились въ Кремль къ воеводскому дому. «Вы всѣ друзья Морозова и заодно съ нимъ измѣняете, условившись отпускать за рубежъ хлѣбъ и мясо; намъ же причиняете скудость, почему у насъ и дороговизна», вопила толпа. Кн. Хилковъ бѣжалъ изъ своего дома въ домъ митрополита, который принялъ его съ любовью, велѣлъ ему скрыться во внутреннихъ палатахъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы заперли ворота. Когда же мятежники съ крикомъ и бранью приступили къ воеводскому дому и узнали здѣсь, что воевода скрылся у митрополита, то завопили всѣ въ одинъ голосъ: «Идемте къ митрополиту и тамъ убьемъ измѣнника». Такимъ образомъ, около Софійскаго дома собрались толпы съ дубинами и камнями и стали разбивать бревномъ ворота. Въ эту минуту предъ народомъ появился Никонъ. «Съ оружіемъ ли изыдете на мя?—сталъ говорить онъ.—Азъ по вся дни бѣхъ съ вами и не ясте мя, нынѣ по что тако прийдете ко мнѣ? Видите, яко азъ предъ вами стою и не скроюся, понеже азъ есмь пастырь, подобаетъ ми душу положить за вы». И еще многому поучалъ онъ непокорныхъ. Но крамольники, пылая злобою, бросились на него, какъ волки. «Онъ заступникъ измѣнничій и хранитель!» раздалось со всѣхъ сторонъ, и вдругъ съ яростью устремились на митрополита, начавъ бить его палками. «Господи, не постави имъ грѣха сего: не вѣдятъ бо, что творять!» восклицалъ Никонъ. Но не всѣ были ослѣплены и омрачены злобою: въ толпѣ нашлись люди, сердцу которыхъ доступно было состраданіе. Видя, какъ святотатцы влечать митрополита по землѣ и бить безъ милосердія, люди, менѣе омраченные злобою, обступили Никона, разогнали разъ-

яренную чернь и не дали убить его, хотя многіе уже думали, что онъ уже убитъ. Страхъ напалъ на мятежниковъ: одинъ за другимъ стали они расходиться; наконецъ всѣ удалились. Тогда дворовые люди митрополита подняли Никона и привели въ келью. Онъ же, не страшась смерти, забывая претерпѣваемую имъ боль, заботился единственно объ усмирении бунта. Велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ, какъ бываетъ обычай предъ молебствіями, послалъ онъ ко всѣмъ архимандритамъ и игуменамъ гонцовъ съ приказомъ явиться къ нему немедленно; тогда былъ только третій часъ дня, самъ же Никонъ исповѣдовался. Когда духовенство собралось въ Софійскую церковь, то митрополитъ съ иконами и хоругвями пошелъ изъ нея въ Знаменскую соборную церковь на торговой сторонѣ. Никонъ съ трудомъ переступалъ, харкая кровью. Прибывши въ церковь, онъ едва могъ отслужить литургію и, подкрѣпивъ себя св. причастіемъ, снова пожелалъ явиться предъ народомъ. Будучи не въ состояніи идти отъ боли и изнуренія, онъ велѣлъ везти себя въ открытыхъ саняхъ къ земской и таможенной избамъ. Когда везли его сюда, онъ смѣло сказалъ собравшимся: «Слышали ли вы, что я, не обвинясь, говорилъ вамъ правду и теперь еще разъ скажу вамъ, что душа моя грѣшная уже приготовлена къ смерти, я сподобился принять тѣла и крови безсмертнаго моего Христа Бога; желая спасти и ваши грѣшныя души отъ потопляющихъ васъ волнъ возмущенія, нарочно пришелъ къ вамъ. Если вы знаете за мною какую нибудь вину или неправду къ царю или российскому царству, то, объявивши мнѣ ее, убейте меня». Слова эти поразили даже тѣхъ, которые были наиболѣе озлоблены; терзаемые совѣстью, что подняли руки на своего неповиннаго пастыря, они въ безмолвіи начали расходиться. Наконецъ улица совершенно опустѣла. Никонъ, видя, какъ Богъ помогаетъ ему, велѣлъ везти себя въ Софійскую церковь и здѣсь предать проклятію главныхъ заводчиковъ мятежа, всѣхъ поименно; послѣ этого онъ отправился въ свои кельи.

Между тѣмъ мятежники, размысливъ о своемъ поступкѣ, положили написать отъ лица всего Новгорода челобитную и послать ее въ Москву. Съ этою цѣлью они собрали всякихъ чиновъ людей и стали принуждать ихъ подписываться на бѣломъ листѣ; кто же не хотѣлъ, тому грозили смертью: для этого предъ глазами поставлены были плаха и топоръ; болѣе же всего надули духовенство. Потомъ избранъ былъ новый воевода безъ государева указа; выборъ палъ на бывшаго митрополичья дворецкаго Ивана Жеглова, который тогда за какой-то поступокъ содержался въ кандалахъ. Его поставили воеводою въ земской избѣ, придавъ ему и другихъ начальныхъ людей. Чтобы не дать возможности митрополиту и кн. Хилкову извѣстить царя о случившемся въ Новгородѣ, мятежники разставили по дорогамъ заставы. Сознавая, какъ велико зло, совершенное ими, они стали помышлять о томъ, какъ бы отложиться отъ царя и принять подданство Польши или Швеціи. Никонъ во все это время берегъ воеводу и, не взирая на бдительность враговъ, нашелъ средство извѣстить царя: гонецъ его пробрался въ Москву окольными дорогами. Царь, получивъ письмо отъ митрополита, съ тѣмъ же гонцомъ послалъ и отвѣтъ. Въ грамотѣ своей Алексѣй Михайловичъ называлъ Никона новымъ страстотерпцемъ, исповѣдникомъ и мученикомъ. Другую грамоту царь прислалъ ко всему народу. Онъ объявилъ мятежникамъ, чтобы они, сознавъ свою вину, просили у митрополита прощенія, если

не хотять быть казненными. Царь довольствовался выдачею главныхъ виновниковъ мятежа; далѣе онъ писалъ, что если митрополитъ простить ихъ, то и его къ нимъ милость будетъ, и вины ихъ отданы будутъ; если же не повинятся, то скорѣ примуть смерть. Но и прежде полученія царской грамоты лучшіе люди, которые были только подъ проклятіемъ, стали приходить въ соборную церковь и просить у митрополита прощенія и разрѣшенія. Когда же получена была царская грамота и прочтена всему міру, то всѣми овладѣлъ величайшій ужасъ, какъ скоро услышали о смерти. Одно только утѣшало виновныхъ: царь все дѣло предоставилъ митрополиту. Поэтому всѣ бросились теперь къ нему, какъ къ отцу милосердому, и со слезами просили у него милости и прощенія, отдавая себя совершенно въ его волю, только бы онъ былъ заступникомъ за нихъ у государя. Тогда Никонъ, поучая кающихся часа три или болѣе, довелъ ихъ до такого умиленія, что ни одинъ человекъ не могъ удержаться отъ слезъ. Видя всеобщее сокрушеніе, Никонъ разрѣшилъ всѣхъ отъ клятвы, благословилъ и общалъ испросить милость у государя; главныхъ же виновниковъ велѣлъ перехватать и заковать въ кандалы. Народъ исполнялъ его приказаніе съ такою ревностью, что схвачено и заточено было въ тюрьмѣ болѣе 300 человекъ. Обнадеженные словомъ митрополита, новгородцы совершенно успокоились. Когда же посланный изъ Москвы кн. Хованскій прибылъ съ своимъ отрядомъ въ Новгородъ и объявилъ, что царь еще разъ подтвердилъ, что разборъ всего новгородскаго дѣла предоставляется митрополиту, то Никонъ и при такомъ полномочіи не вышелъ изъ предѣловъ умѣренности: смертью казненъ былъ только Волкъ; Жегловъ и 10 главнѣйшихъ его сообщниковъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь; прочихъ всѣхъ митрополитъ отпустилъ безъ всякаго наказанія. — И отъ того времени въ Новгородѣ настала совершенная тишина.

По возстановленіи порядка въ Псковѣ и Новгородѣ нужно было оказать удовлетвореніе шведскому правительству, ибо королева Христина писала къ царю о Нуменсѣ, котораго во Псковѣ мятежники измучили и «учиняли надъ нимъ не по-христіански», вопреки взаимной дружбѣ между обоими государствами и вѣчному мирному докончанію. Христина была увѣрена, что царь окажетъ удовлетвореніе какъ Нуменсу, такъ и другимъ шведскимъ подданнымъ, понесшимъ убытки. Царь, получивши королевино письмо, немедленно велѣлъ привезти Нуменса въ Москву, потомъ обласкавъ и щедро одаривъ, онъ отпустилъ его въ Швецію. Нуменсу возвращено было все награбленное у него во Псковѣ. Вмѣстѣ съ этимъ были казнены главнѣйшіе виновники насилія, причиненнаго ему.

ЛХХІІ. ИЗЪ УЛОЖЕНІЯ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Глава І. О богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ.

1) Будетъ кто, иновѣрцы какой нибудь вѣры или русскій человекъ, возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, или на честный Крестъ, или на святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивать всякими сысками накрѣпко, если сыщется на то допряма, того богохульника, обличивъ, казнить — сжечь.

Глава II. О государевой части, и какъ его государское здоровье оберегать.

1) Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣсту про то его злое умышленіе сыщется допрама, что онъ на царское величество злое дѣло мыслить и дѣлать хотѣлъ, и такого по сыску казнить смертью.

3) А будетъ кто царскаго величества недругу городъ сласть измѣною, или въ городъ кто царскаго величества приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежнихъ людей для измѣны-же, а сыщется про то допрама, такихъ измѣнниковъ казнить смертью же.

9) А будетъ кто измѣнить, а послѣ его въ Московскомъ государствѣ останутся отецъ, мать, братья родные или не родные, дядя, или иной кто его роду, а жилъ онъ съ ними вмѣстѣ и животы и вотчины у нихъ были общіе, то сыскивать всякими сысками накрѣпко, знали-ли отецъ, мать и родъ его про ту его измѣну; если сыщется допрама, что они про измѣну того измѣнника знали, ихъ казнить смертью, и вотчины и помѣстья ихъ и животы взять на государя.

19) А будетъ кто, свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыслъ, государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ, а въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и сыщется про то допрама, и его за то казнить смертью безъ всякой пощады.

Глава III. О государевомъ дворѣ, чтобъ на государевъ дворъ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было.

2) А будетъ кто въ государевомъ дворѣ кого задереть и съ дерзости ударить рукою, и такого тутъ же изымать и, не отпуская его, про тотъ его бой сыскать, и сыскавъ допрама, за честь государева двора посадить въ тюрьму на мѣсяцъ. А кого онъ ударить, и тому на немъ управить безчестіе. А будетъ кого онъ ударить до крови, и на немъ тому, кого онъ окровавить, безчестіе доправить вдвое, да его же за честь государева двора посадить въ тюрьму на шесть недѣль.

Глава IV. О поддѣлкахъ, и которые печлти поддѣлываютъ.

Глава V. О денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлать воровскія денги.

1) Которые денежные мастера учнутъ дѣлать мѣдныя, или оловянные, или укладныя денги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавлять мѣдь, или олово, или свинецъ, и тѣмъ государевой казнѣ учнутъ чинить убыль, и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнить смертью—залить горло.

Глава VI. О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства.

1) А будетъ кому случится ѣхать изъ Московскаго государства, для торговаго промысла или инаго для какого своего дѣла, въ иное государство, съ Московскимъ государствомъ мирное, и тому на Москвѣ бить челомъ государю, а въ городахъ воеводамъ о проѣзжей грамотѣ, а безъ проѣзжей грамоты не ѣздить; а въ городахъ воеводамъ давать имъ проѣзжія грамоты безъ всякаго задержанія.

3) А будетъ кто поѣдетъ въ которое государство безъ проѣзжей грамоты и, бывъ въ иномъ государствѣ, прїѣдетъ въ Московское государство, а иной кто учнетъ на него извѣщать, что онъ ѣздилъ безъ проѣзжей грамоты самовольствомъ для измѣны или для инаго какого дурна, про того сыскивать всякими сысками накрѣпко. Если про него въ сыску скажутъ, что онъ впрямъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжей грамоты для измѣны или для инаго какого лихаго дѣла, то по сыску за измѣну казнить смертью.

4) А будетъ въ сыску объявится, что онъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжей грамоты для торговаго промыслу, а не для измѣны, и ему за то учинить наказаніе, бить кнутомъ, чтобы, на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать.

Глава VII. О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства.

Глава VIII. О искупленіи плѣнныхъ.

Глава IX. О мытахъ и о перевозахъ и о мостахъ.

Глава X. О судѣ.

1) Судѣ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всей Руси судить боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, и судьямъ, и всякую расправу дѣлать всѣмъ людямъ Московскаго государства, отъ большаго и до меньшаго чину, вправду. Также и прѣзжихъ иноземцевъ, и всякихъ прибыльныхъ людей, которые въ Московскомъ государствѣ будутъ, тѣмъ же судомъ судить, и расправу дѣлать по государеву указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавлять, ни убавлять; ни въ чемъ другу не дружить, недругу не мстить, никому ни въ чемъ ни для чего не норовить. дѣлать всякія государевы дѣла не стыдяся лица сильныхъ, набавлять обиженнаго отъ руки неправеднаго.

2) А спорныя дѣла, которыхъ въ приказахъ почему-либо вершить будетъ нельзя, вносить изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевыми боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ. А боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ сидѣть въ палатѣ и, по государеву указу, государевы всякія дѣла дѣлать всѣмъ вмѣстѣ.

3) А будетъ который судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ или свой, и о томъ истецъ учнетъ бить челомъ государю до суда, что ему передъ тѣмъ судьею искать не можно; если и отвѣтчикъ до суда учнетъ бить челомъ, что истцу его судья другъ или свой, и отвѣчать ему передъ тѣмъ судьею не можно: то истца и отвѣтчика тому судѣ, на кого будетъ такое челобитье, не судить, а судить ихъ иному судѣ, кому государь укажетъ.

5) А будетъ который бояринъ, или окольничій, или думный человекъ, или дьякъ, или иной какой судья, истца или отвѣтчика по посуламъ, или по дружбѣ, или по недружбѣ праваго обвинить, а виноватаго оправить, а сыщется про то допрама, и на тѣхъ судьяхъ взять истцовъ искъ втрое, и отдать истцу, да и пошлвыи, и пересудъ, и правой десятокъ взять на государя на нихъ же; да за ту же вину у боярина и у окольничаго, и у думнаго человека отнять честь. А будетъ который судья такую неправду учинить не изъ думныхъ людей, то ему учинить торговую казнь, и впредь ему у дѣла не быть.

30) А будетъ патріарха, или митрополита, или архіепископа, или архимандрита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческій чинъ, обезчестить словомъ стольникъ, или стряпчій, или дворянинъ московскій, или гость, или дьякъ, или жалецъ, или дворянинъ, или сынъ боярскій городской, или иноземецъ, или дворовый человекъ, а сыщется про то допрама, и имъ за такое безчестье чинить указъ За патріарха бить батогами. За митрополита посадить въ тюрьму. За архіепископа и епископа въ тюрьму же посадить.

31) А будетъ патріарха, или митрополита, или архіепископа, или епископа, или архимандрита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческій чинъ обезчестить словомъ гостинной и суковной сотни или черныхъ сотенъ и слободъ тяглой человекъ, или стрѣлецъ, или казакъ, или пушкаръ, или кто какого инаго чина, а про то сыщется допрама, и имъ за то чинить указъ. За патріарха учинить торговую казнь, да посадить въ тюрьму на мѣсяцъ. За митрополита бить батогами, да въ тюрьму посадить на четыре дня. За архіепископа и епископа бить батогами, да въ тюрьму посадить на три дня. А архимандритамъ и игуменамъ, и архидіакону, и Троицы Сергіева и всѣхъ монастырей келарямъ, и казначеямъ, и соборнымъ старцамъ, и рядовой братіи править за безчестіе.

132) А который отвѣтчикъ умретъ послѣ того, какъ онъ въ истцовомъ искѣ обвиненъ, и съ истцомъ онъ до смерти своей не раздѣлался, и за такихъ умершихъ отвѣтчиковъ велѣтъ истцовъ искъ править на жепъ его и на дѣтяхъ, или на братьяхъ кто послѣ его во дворѣ и въ имѣніи его останется.

174) А будетъ кто холопа своего или рабу, по какому вибудь случаю, отъ себя отпустить на волю, а послѣ того на томъ, кто того холопа или рабу на волю отпустилъ, или на его сына учнетъ кто чего искать, и при искѣ своемъ учнетъ ссылаться на того отпущеннаго холопа или рабу, то тѣхъ отпущенныхъ холопа и рабу по такой ссылкѣ не допрашивать и въ свидѣтели не ставить.

176) А будетъ въ судѣ отвѣтчикъ ссылется на истцова отца или мать, то по тѣмъ ссылкамъ отца и мать допрашивать; никому не дозволяется отца и

матери на судѣ отводить, и дѣло вершить должно отцовымъ и материнскимъ свидѣтельствомъ.

201) А будетъ кто самъ кого задереть, и учинится межъ ними бой, и на томъ бою того, кто напередъ задереть, кто ранитъ, и онъ на того, кто его ранитъ, учнетъ бить челомъ за увѣче; а тотъ, на кого онъ учнетъ бить челомъ, въ томъ не запрется и скажетъ, что онъ его ранилъ, себя обороняя, а сыщется про то допрама, что тотъ бой почался отъ того челобитчика отъ самого, то отвѣтника въ томъ бою не винитъ и за увѣче на немъ раненому ничего не указывать, потому что раненый самъ не правъ.

228) А будетъ кто, ради вражды или разграбленія, зажжетъ у кого дворъ, и послѣ того онъ будетъ пойманъ, и сыщется про него допрама, что пожаръ онъ учинилъ съ умысломъ, такого зажигальщика казнить сожженіемъ.

233) А будетъ кто у кого насильствомъ отъиметь землю, или межи или грани передѣлаетъ, а сыщется про то допрама, и у того, кто такъ учинитъ, ту чужую землю взявъ, отдать тому, у кого отнять, да на немъ-же доправить владѣнье по государеву указу; а за насильство учинить наказаніе, какое государь укажетъ.

279) А будутъ у кого на дворѣ хоромы высокія, а у сосѣда его близко тѣхъ хоромъ будутъ хоромы поземныя, и ему изъ своихъ высокіхъ хоромъ на тѣ низкія хоромы сосѣда своего воды не лить и сору не сметать и иныхъ притѣсненій тому своему сосѣду не дѣлать. А будетъ онъ на тѣ сосѣднія низкія хоромы учнетъ воду лить, соръ метать, или иную какую пакость чинить, а на судѣ сыщется про то допрама, и ему тѣ свои высокія хоромы отъ тѣхъ сосѣднихъ хоромъ велѣтъ отнести. А будетъ онъ тѣхъ своихъ хоромъ отъ сосѣднихъ не отнесетъ, и тѣсноту тому своему сосѣду учнетъ дѣлать по-прежнему, и у него тѣ хоромы велѣтъ отломать, чтобы впредь сосѣду его отъ него никакого насильства не было.

Глава XI. Судъ о крестьянахъ.

1) Которые государевы дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьяне и бобыли, выбѣжавъ изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, живутъ за патриархомъ или за митрополитами, архіепископами и епископами, или за монастырями, или за боярами, или за окольничими, и за думными, и за комнатными людьми, и за стольниками, и за стряпчими, и за дворянами московскими, и за дьяками, и за жильцами, и за городовыми дворянами и дѣтими боярскими, и за иноземцами, и за всякими вотчинниками и помѣщиками, а въ писцовыхъ книгахъ, которыя книги писцы подали въ помѣстный и иные приказы послѣ московскаго пожара прошлаго 134 года, тѣ бѣглые крестьяне или отцы ихъ написаны за государемъ, то тѣхъ государевыхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей сыскивать и свозить въ государевы дворцовыя села и въ черныя волости на старые ихъ надѣлы по писцовымъ книгамъ съ женами и съ дѣтими и со всѣми ихъ крестьянскими животами безъ урочныхъ лѣтъ.

Глава XII. О судѣ патриаршихъ, приказныхъ и дворовыхъ всякихъ людей и крестьянъ.

Глава XIII. О монастырскомъ приказѣ.

Глава XIV. О крестномъ цѣлованіи.

Глава XV. О вершенихъ дѣлахъ.

Глава XVI. О помѣстныхъ земляхъ.

Глава XVII. О вотчинахъ.

Глава XVIII. О печитныхъ пошлинахъ.

Глава XIX. О посадскихъ людяхъ.

1) Которыя слободы на Москвѣ патриарши и митрополичьи, и владычны, и монастырскія, и боярѣ, и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякихъ чиновъ людей, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляютъ и лавками владѣютъ, а государевыхъ податей не платятъ и служебъ не служатъ, и всѣ тѣ слободы со всѣми людьми, которые въ тѣхъ слободахъ живутъ, взять за государя въ тягло и въ службу безлѣтно и безповоротно, кромѣ кабалныхъ людей; а кабалныхъ людей, если по распросу скажется, что они ихъ вѣчные, отдавать тѣмъ людямъ, чьи они, и велѣтъ ихъ свести на свои дворы. А которые и кабалные люди, а

отцы ихъ и родители ихъ были посадскіе люди или изъ государственныхъ волостей, и тѣхъ причислять къ посадамъ. А впредь кромѣ государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городахъ не быть. А у патріарха слободы ваять совсѣмъ, кромѣ тѣхъ дворовыхъ людей, которые на старіи за прежними патріархами живали въ ихъ патріаршихъ чинахъ, какъ-то: дѣти боярскія, пѣвчіе, дѣяки, подъячіе, истопники, сторожи, повары и хлѣбники, конюхи и иныхъ чиновъ дворовые люди, которымъ дается годовое жалованье и хлѣбъ.

40) А кого изъ русскихъ людей дворы на Москвѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломѣ и въ Земляномѣ городѣ въ загородныхъ слободахъ, тѣхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ у русскихъ людей нѣмцамъ и нѣмкамъ-вдовамъ не покупать и въ закладъ не имать. А которые нѣмцы и ихъ жены и дѣти у русскихъ людей дворы или мѣста дворовыя учнутъ покупать или по закладнымъ учнутъ бить челомъ на русскихъ людей, и купчія и закладныя учнутъ приносить въ запискѣ въ земскій приказъ, и тѣхъ купчихъ закладныхъ не записывать. Если русскіе люди учнутъ нѣмцамъ или нѣмкамъ дворы и дворовыя мѣста продавать, то имъ за то отъ государя быть въ опалѣ. А на которыхъ нѣмецкихъ дворахъ поставлены нѣмецкія кирки, и тѣ кирки сломать и впредь въ Китаѣ, въ Бѣломѣ и въ Земляномѣ городѣ на нѣмецкихъ дворахъ и киркахъ не быть; а быть имъ за городомъ Землянымъ отъ церквей Божіихъ въ дальнихъ мѣстахъ.

Глава XX. Судъ о холопахъ.

Глава XXI. О разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ.

1) Которые разбойники разбиваютъ и людей побиваютъ, и тати крадутъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ городахъ, на посадахъ и въ уѣздахъ, и такіа разбойныя и убійственныя и татинныя дѣла вѣдать въ разбойномъ приказѣ.

3) А вѣдать въ городахъ разбойныя и убійственныя и татинныя дѣла губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ по наказамъ изъ разбойнаго приказа, а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ не вѣдать. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, въ тѣхъ городахъ губныя дѣла вѣдать воеводамъ и приказнымъ людямъ.

8) А которые люди привезутъ въ губу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей и на ихъ дворовыхъ людей и на крестьянъ, которые ихъ въ губу приведутъ, возводить разбой, татьбу или иное какое воровство, то ему не вѣрять, для того чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ имати и въ губу приводить.

9) А приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, тогда татя пытать и въ иныхъ татьбахъ, и въ убійствѣ; если съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убійствѣ не повинится, а скажетъ, что красть впервые, а убійства не учинилъ, то его за первую татьбу бить кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить его въ тюрьму на два года, а животы его отдать истцамъ въ выть; во время содержанія въ тюрьмѣ должно его посылать въ кандалахъ работать на всякія надѣлы, гдѣ государь укажетъ. А какъ онъ два года въ тюрьмѣ отсидитъ, его послать въ украинныя города, гдѣ государь укажетъ, и велѣть ему въ украинныхъ городахъ быть, въ какой чинъ онъ пригодится, и дать ему письмо за дьячею подписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

10) А будетъ того татя нѣзываютъ на другой татьбѣ, то его пытать и въ иныхъ татьбахъ. Если онъ повинится только въ двухъ татьбахъ, а убійства онъ не учинилъ, его послѣ пытки бить кнутомъ и, урѣзавъ у него праваго уха, посадить въ тюрьму на четыре года, изъ тюрьмы посылать на всякія государевы надѣлы въ кандалахъ. А какъ онъ въ тюрьмѣ урочныя лѣта отсидитъ, его послать въ украинныя города, гдѣ государь укажетъ, и дать ему письмо, что онъ за другую татьбу урочные годы въ тюрьмѣ отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.

11) А приведутъ татя и доведутъ на него татьбѣ три или четыре или больше, и того татя, пытавъ, казнить смертию, хотя онъ и убійства не учинилъ, а животы его отдать истцамъ на выть.

12) А будетъ татя учинить и на первой татьбѣ убійство, его казнить смертию.

Глава XXII. Указъ, за какія вины кому чинить смертную казнь, и за какія вины смертию не казнить, а чинить наказаніе.

1) Будетъ который сынъ или дочь учинить отцу своему или матери смерт-

ное убійство, то ихъ за отеческое или за матернее убійство казнить смертию безо всякой пощады.

2) А будетъ который сынъ или дочь отцу своему или матери смертное убійство учинять съ инымъ съ кѣмъ, а сыщется про то допрама, тогда тѣхъ, которые съ нимъ такое дѣло учинять, казнить смертию же безо всякой пощады.

3) А будетъ отецъ или мать сына или дочь убѣсть до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ; отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходитъ имъ къ церкви Божьей, у церкви объявлять тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ; а смертию отца или мать за сына и за дочь не казнить.

8) А будетъ чей нибудь человѣкъ домыслить смертное убійство на того, кому овъ служить, или противъ его вынетъ какое оружіе, съ цѣлью его убить, и ему за такое его дѣло отсѣчь руку.

19) А будетъ кто, не бояся Бога и не опасаяся государственной опалы и казни, учинить надъ кѣмъ нибудь мучительское надругательство, отсѣчетъ руку или ногу или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а сыщется про то допрама, и за такое его надругательство самому ему тоже учинить; да на немъ же взять изъ вотчинъ его и изъ животновъ тому, надъ кѣмъ овъ такое надругательство учинить; будетъ отсѣчетъ руку, и за руку 50 рублей; а будетъ отсѣчетъ ногу, и за ногу 50 рублей; а за носъ и за ухо, и за губы, и за глазъ, по тому же за всякую рану, по 50 рублей.

14) А будетъ жена учинить мужу своему смертное убійство, или окормить его отравой, а сыщется про то допрама, и ее за то казнить: живую окопать въ землю и держать ее въ землѣ до тѣхъ поръ, пока она умретъ.

19) А будетъ кто надъ кѣмъ учинить смертное убійство по чьему наученію, а сыщется про то допрама, и того, кто на смертное убійство научалъ, и кто убилъ, обоихъ казнить смертию.

Глава XXIII. О стрѣльцахъ.

1) Стрѣльцовъ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и татьбы съ полицнымъ, судить и управу межъ ними чинить въ стрѣльцкомъ приказѣ.

Глава XXIV. Указъ о атаманахъ и о козакахъ.

Глава XXV. Указъ о корчмахъ.

1) У кого корчму найдутъ впервые, или кто на продажу вино курить, и на тѣхъ впервые заповѣди править 5 рублей, а на питухахъ по полуполтинѣ на человѣка. А у кого корчму вторично найдутъ, на тѣхъ людяхъ заповѣди править вдвое — по десяти рублей, а на питухахъ по полтинѣ на человѣка; да тѣхъ же людей, у кого корчму найдутъ вторично, бить кнутомъ на торгу, а питуховъ бить батогами.

8) А которымъ людямъ питія у себя безъявно держать не велѣно, а они у себя питье держать учнутъ, не явя, и то неявное питье у нихъ найдутъ, и на тѣхъ людяхъ имать заповѣди пять рублей съ человѣка, а питье имать на государя.

11) Да въ прошломъ, въ 142 году, по указу блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Россіи на Москвѣ и въ городахъ, о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкій подъ смертною казнью, чтобъ нигдѣ рускіе люди и иноземцы всякіе табакъ у себя не держали и табакомъ не торговали. А кто рускіе люди и иноземцы табакъ учнутъ держать или табакомъ учнутъ торговать, и тѣхъ людей продавцевъ и покупателей велѣно имать и присылать въ новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинить наказаніе большое безъ пощады подъ смертною казнью, а двory ихъ и животы продавать, а деньги имать въ государеву казну. А нынѣ государь и царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи указалъ и бояре приговорили: тѣмъ людямъ, у кого табакъ объявился, указъ чинить противъ того же, какъ о томъ указано въ прошломъ, во 142, году.

Совершена сія книга повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи самодержца въ третье лѣто Богомъ хранимой его державы и при сынѣ его государевѣ благоверномъ царевичѣ и великомъ князѣ Димитріи Алексѣевичѣ, въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157, января въ 29 день.

ЛХХШ. О ЗНАЧЕНИИ УЛОЖЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЪ ЕГО.

(Изъ речи профес. Морошкина: «Объ уложениі и послѣдующемъ его развитіи», помѣщ. въ «Отчетъ москов. университета» за 1838 г.).

Уложение составлено въ 1649 году повелѣніемъ Алексѣя Михайловича, трудами и искусствомъ бояръ: Одоевского, Прозоровскаго, окольногочаго Волконскаго и дьяковъ: Леонтьева и Грибоѣдова. Государь и великій земскій соборъ Уложение слушали, утвердили и на мѣрѣ поставили. Съ тѣхъ поръ уложение начало свое дѣйствіе въ предѣлахъ Русской земли и до изданія Свода Законовъ пребыло главнымъ источникомъ законодательства. Сто восемьдесятъ шесть лѣтъ оно правило жизнью русскаго народа. Оно вѣчно пребудетъ историческимъ первообразомъ русскаго законодательнаго ума, русскаго гражданскаго быта и юридическаго слова. Уложение родословно, какъ Москва, патриархально, какъ русскій народъ, и грозно, какъ царскій гнѣвъ. По мѣсту своего происхожденія, будучи Уложениемъ Москвы, по времени изданія — произведеніемъ упорной старины, оно какъ будто приковываютъ народъ къ неподвижному основанію московской мѣстности и древнихъ обычаевъ; но, будучи соборнымъ, по своимъ источникамъ и редакціи, оно поставлено на распутии русской исторіи; оно вольно было принять всѣ стикхи русской общественной жизни и дѣйствительно ихъ приняло и уложило. Уложение не отвергаетъ и чужеземнаго, не противится преобразованіямъ и усовершенствованіямъ; но при этомъ оно хочетъ быть самобытнымъ, хочетъ быть Уложениемъ Москвы, оно хочетъ быть единымъ, послѣдовательнымъ, народнымъ. Въ этомъ отношеніи оно упорнѣе самой Россіи. Когда наше отечество склонило свою главу подъ остріе преобразованія, одно Уложение пробилось сквозь ряды иностранныхъ регламентовъ и гордоюсно возлегло на тронѣ Екатерины II.

Намъ извѣстны и ближайшія побужденія къ изданію Уложения. Незадолго до сего изданія прекращеніе царствующаго дома Рюрикова произвело безгосударное состояніе. Россія разрѣшилась на области, Москва на партіи; не стало власти и закона: все было ниспровергнуто, все истреблено; уцѣлѣло одно неподвижное основаніе—вѣра отцовъ; она-то возстала противъ анархіи и спасла отечество отъ гибели. На престолъ восходитъ домъ Романовыхъ; явился царь, явилось царство. Надлежало дать законную форму обновленному обществу, и вотъ является Уложение. Уложение утвердило царскую власть, единство государства, безопасность личности и святость собственности cadaго.

Итакъ, Уложение въ исторіи русскаго законодательства имѣетъ высокое значеніе. Оно есть произведеніе всемірнаго стремленія народовъ къ едaнству; въ немъ исчезаютъ уставы древнихъ областей Россіи. Оно есть плодъ вліянія византійскаго законодательства и литовскаго Статута; оно есть настоятельная потребность времени.

Основательное просвѣщеніе и опытность въ государственномъ управленіи всегда бывають осмотpительны. Великіе законодатели не имѣли суетной славы творить новыя государства и новыя законы. Извѣдавъ иностранныя учрежденія, они останавливались на правахъ своего народа, извлекая изъ нихъ лучшее для своего законодательства. Такъ думалъ и нашъ законодатель, царь Алексѣй. Составляя Уложение, онъ внесъ въ него не болѣе 19 статей новыхъ, да и тѣ были составлены совѣтомъ бояръ, по случаю возникшихъ недоумѣній въ судебныхъ дѣлахъ; слѣдовательно и эти статьи можно разсматривать какъ объясненіе или развитіе законовъ, уже изданныхъ. Всѣ же прочія принадлежатъ къ прошедшему времени. Источники Уложения указаны самимъ законодателемъ. Государь говоритъ о нихъ такимъ образомъ: „Которыя статьи написаны въ правилѣхъ св. апостолъ и св. отецъ и въ градскихъ законахъ греческихъ царей, а пристоинны тѣ статьи къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать, и чтобы прежнихъ великихъ государей указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собирать, и тѣ государскіе указы съ старыми судебниками справить. А на ноторыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей, въ прежнихъ судебникахъ указу не положено, и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, и тѣ бы статьи по-

тому же написать и наложить по его государеву указу общимъ совѣтомъ". Итакъ, по собственному указанію законодателя, къ составленію Уложенія приняты слѣдующіе источники: 1) правила св. апостолъ и св. отцовъ; 2) гражданскіе законы греческихъ царей; 3) прежніе судебники, указы государей и боярскіе приговоры; 4) статьи, не рѣшенные ни Судебниками, ни царскими указами, 5) Литовскій Статутъ.

Наиболѣе важное значеніе, какъ источники для Уложенія, имѣютъ Судебники, уклады и боярскіе приговоры.

Судебникъ былъ развитіемъ Русской Правды, которой самое имя уже показываетъ, что она была судебникомъ первыхъ временъ нашего общественнаго быта; а Уложеніе есть развитіе Судебника. Между всѣми тремя памятниками законодательства находится тѣсная генетическая связь. Всѣ они состоятъ между собою въ родствѣ по нисходящей линіи, имѣютъ одно содержаніе и выражаютъ только различныя степені въ юридической обработкѣ сего содержанія. Что-же такое Судебникъ? Судебникъ есть судъ, московская правда. Самое названіе уже показываетъ, что здѣсь нѣтъ самаго права, а только судовая формальная сторона его. Законодатель устраиваетъ судъ, усаживаетъ судей, устанавливаетъ тяжущихся. Внѣшнее устройство присутствія составляетъ первую его обязанность. Далѣе онъ опредѣляетъ зовъ къ суду, средство къ открытію истины, пишетъ реестръ судебныхъ доказательствъ и оцѣниваетъ ихъ по достоинству. Наконецъ, судья произноситъ приговоръ, составляетъ опредѣленіе и приказываетъ дѣяку изготовить судную или правую грамоту. Здѣсь законъ дѣлается говорливымъ и плодовитымъ, ибо дѣло идетъ объ опредѣленіи судебныхъ издержекъ и взыманія пошлинъ. Приставъ суда исполняетъ опредѣленіе, беретъ вѣябное, хоженое и возвращаетъ въ свое мѣсто. Вотъ краткій очеркъ Судебника. Спрашивается: есть ли тутъ какое нибудь понятіе о правѣ, есть ли тутъ внутреннее содержаніе законодательства? Кажется, нѣтъ. Если и встрѣчаются здѣсь положенія самаго права, то это случайно, единственно отъ неукосности разграничить форму отъ содержанія. Если это такъ, то гдѣ же самое право, гдѣ лица, которымъ оно принадлежитъ, гдѣ предметы, на которое оно простирается, гдѣ способы пріобрѣтенія, употребленія и прекращенія права? Право живетъ въ народныхъ, обычаяхъ, и вѣщаетъ его суть *цѣловальники*, люди *добрые*, люди *лучше*, избираемые по половинѣ съ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Они-то наполняютъ формы суда матеріальнымъ содержаніемъ. Испытайте судныя дѣла до Судебника и послѣ него до самаго Уложенія: вы не встрѣтите рѣшенія, гдѣ бы дѣякъ, составляя приговоръ, сдѣлалъ ссылку на законъ. Да и нѣтъ въ этомъ надобности. Судъ есть дѣло государево; государю принадлежитъ открыть судъ, оградить дѣйствіе права, осуществить или исполнить право; но самое право есть безусловная принадлежность народа, есть дѣло совѣсти, коей рѣшенія разумѣются всегда прямо, сами собою. Немного мы встрѣтимъ исключеній изъ сего общаго правила. Первое такое отступленіе обнаруживается въ учрежденіи погашающей давности, которая по тогдашнимъ понятіямъ принадлежала къ порядку судопроизводства, какъ напр. давность для отысканія самовольно и насильно завладѣннаго, давность для выкупа залога, для выкупа родовыхъ, давность для взысканія долга и въ разсрочкѣ платежа для несчастнаго банкрота. Вотъ статьи Судебника, которыя приводятся иногда въ основаніе рѣшеній; но эти статьи не народнаго происхожденія: онѣ обязаны бытіемъ законодателю, принадлежатъ къ судопроизводству. Судья обязанъ знать, кому должно давать судъ и кому не должно. Естественно, законодатель, при опредѣленіи порядковъ суда, касается иногда самаго права, но, какъ сказано выше, единственно потому, что онъ неясно различалъ судъ отъ права.

Вотъ какой источникъ имѣло Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. По тому понятію, что законодательство должно содержать въ себѣ только формальную сторону, отъ Уложенія нельзя ожидать обширнаго матеріальнаго развитія, и оно должно имѣть и имѣетъ характеръ Судебника; но поелику со временъ Судебника до Уложенія народная жизнь изъ селъ начала сосредоточиваться въ города и особенно въ столицу; поелику гражданскія отношенія сдѣлались разнообразны, и законодатели начали двигать народными убѣжденіями и умами: то древнее состояніе права необходимо должно было подвергнуться важнымъ перемѣнамъ. Встрѣчались судныя дѣла, столь сложныя, столь новыя по своему происхожденію, что ихъ или весьма трудно, или вовсе невозможно было

подвести подъ древніе обычаи. Встрѣчались и такіа дѣла, кои по волѣ государя велѣно было разсматривать по новымъ положеніямъ права, если не противорѣчащимъ, то по крайней мѣрѣ несходнымъ съ обычаями. Всѣ сіи обстоятельства произвели то, что обычаи народа оказались слабыми обнять народную жизнь, и совѣсть цѣловальниковъ отреклась произносить права, изъ коихъ уже многія вовсе не разумѣлись сами собой. Тогда-то открылся въ исторіи законодательства періодъ перехода обычаевъ въ положительное законодательство, періодъ прехожденія права въ законъ. Но и это совершилось не вдругъ. Между обычаемъ народа и закономъ государства есть третье, посредствующее, чрезъ которое обычай, слѣдуя нормальному своему процессу, переходитъ въ положительный законъ. Это — юриспруденція судебныхъ мѣстъ, судебные обычаи и рѣшенія дѣла. Положенія въ Судебникѣ были недостаточны. а нужда въ нихъ была настоятельная: поэтому судьи, вступая въ должность, старались ознакомиться съ приговорами своихъ предмѣстниковъ, въ которыхъ, естественно, находилось много сходнаго съ предстоящими имъ судебными случаями. Въ какомъ же отношеніи была эта судебная юриспруденція къ законодательству? Такъ какъ въ Судебникѣ почти не было положеній о самомъ правѣ, ибо оно большею частью жило еще въ народномъ сознаніи и въ фактахъ гражданской жизни, освященныхъ одною древностію, то первымъ дѣломъ судебныхъ мѣстъ было усвоить всѣ народныя понятія о правѣ, или, по выраженію древнѣйшей юриспруденціи, дать тяжбамъ „отъ епка суда“, т. е. въ рѣшеніяхъ своихъ о каждомъ фактѣ жизни, напр. о владѣніи холопами, уплатѣ долга, наследованіи и т. п., основываться на тѣхъ правилахъ, кои принимаютъ изъ глубокой древности, „судить по старинѣ и по пошлѣнѣ“. Но какъ, съ другой стороны, нѣкоторыя права въ семь періодѣ получили мѣсто и въ самомъ законодательствѣ, получили значеніе закона и, однакожъ, по своей краткости, случайности или излишне обширному объему были неудобны въ приложеніи къ дѣламъ, то здѣсь получили начало не то что толкованіе, а извѣстныя правила примѣненія закона къ дѣламъ. Законъ былъ суровъ и не гибокъ; дѣло присутственныхъ мѣстъ было дать ему мягкость и гибкость въ приложеніи. Наконецъ, встрѣчались и такіа дѣла, кои невозможно было рѣшить ни по обычаямъ, ни по Судебнику, ибо ни въ томъ, ни въ другомъ не было о семь никакого положенія. Въ такомъ случаѣ присутственное мѣсто, не докучая докладомъ законодательной власти, руководствовалося здравымъ смысломъ и смотрѣло только на то, чтобы не прійти въ противорѣчіе съ обычаями жизни и съ положеніемъ Судебника или указомъ государевымъ. И такъ, первоначальныя боярскіе приговоры заключали въ себѣ слѣдующія стихіи: 1) право по сознанію народа, 2) объясненія Судебника и указовъ, 3) положенія здраваго разсудка, или логику судей. Но эти простыя стихіи права съ теченіемъ времени, какъ-бы химически соединяясь между собою, взаимно себя видоизмѣняли и умѣряли, какъ видно во множествѣ боярскихъ приговоровъ Уложенія и послѣ Уложенія. По этой системѣ каждый новый приговоръ суда становился правиломъ для послѣдующихъ. Сიმъ способомъ могла составиться безконечная цѣпь живой казуистической юриспруденціи, достаточной на каждое новое дѣло. Законодательная власть не хотѣла препятствовать свободному развитію практическихъ началъ, будучи довольна тѣмъ, что они не противорѣчатъ Судебнику и существующимъ указамъ.

Такимъ образомъ, обширная частная дѣятельность Москвы обходилась почти безъ законодательства. Наконецъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича сіи обычаи присутственныхъ мѣстъ сдѣлались столь многочисленны и юриспруденція подъячихъ столь многосложна, запутана, что не было другого средства помочь нуждамъ государства, какъ отвердить сію текущую юриспруденцію въ положительный законъ, что и исполнено Уложеніемъ. Уложеніе поглотило въ себѣ всѣ боярскіе приговоры, въ коихъ заключались вышеозначенныя стихіи. Самая большая часть Уложенія составлена изъ судебныхъ обычаевъ и изъ боярскихъ приговоровъ, и почти ничего не прибавлено новаго. Вотъ чѣмъ можно объяснить неимоверную скорость въ составленіи сего кодекса.

Итакъ, Уложеніе въ историческомъ процессѣ русскаго законодательства должно разсматривать, какъ вторую степень отверженія народнаго сознанія о правѣ, вторую степень отверженія народной совѣсти. Уложеніе, принявъ въ себя множество понятій о правѣ, отдѣльно отъ судопроизводства, само въ себѣ, открыло богатѣйшій источникъ для юриспруденціи. Однакожъ, не смотря на

свою временную полноту, ясность и точность, оно не могло остановиться въ своемъ развитіи; нужны были объясненія, ограниченія и перемѣны: почему и находимъ, что къ Уложенію въ скоромъ времени сдѣлалось большое приращеніе законовъ. Всѣ новоуказанныя статьи должно разсматривать, какъ органическое порожденіе Уложенія. Это—потомство, это—семья Уложенія, и, должно сознаться, семья благоустроенная, безъ исключенія обхвачая единою патриархальною властію Уложенія. Въ исторіи законодательства мы встрѣчаемъ новоуказанныя статьи и не видимъ боярскихъ приговоровъ съ положительностью обычая; однакожь, это отнюдь не ведетъ къ заключенію, что авторитетная юриспруденція подъянчихъ съ Уложеніемъ прекратилась. Есть мѣста въ новоуказанныхъ статьяхъ, изъ коихъ очень легко усмотрѣть, что между Уложеніемъ и сими статьями былъ посредникъ, именно боярскіе приговоры, что толкованіе на статьи Уложенія отверждалось въ положительный законъ только тогда, когда на данные случаи не было боярскихъ приговоровъ. Дьякъ докладываетъ боярамъ дѣло и говорить, что это дѣло новое, не подходящее ни подъ одну статью Уложенія, и что рѣшить его не по чемъ, ибо „больше того примѣровъ не сыскано, а подъячіе сказали, что у нихъ вершеныхъ дѣлъ нѣтъ“. По этому докладу бояре останавливаются рѣшеніемъ, дѣлаютъ представленіе государю, съ прописаніемъ того, „что подъячіе сказали“, и съ прописаніемъ собственнаго мнѣнія въ видѣ вопросовъ. Вслѣдствіе сего представленія государь указалъ и бояре приговорили,—и вотъ новоуказанная статья. Итакъ, новоуказанная статья въ системѣ законовъ появлялась только тогда, когда на данный судебный вопросъ не было примѣрныхъ рѣшеній: слѣдственно Уложеніе не только не останавливало развитія судебной юриспруденціи, но сообщало ей новое движеніе, новую обширнѣйшую дѣятельность.

ЛХХІѲ. О РУССКИХЪ СУДАХЪ, ЗАКОНАХЪ И РОДАХЪ НАКАЗАНІЯ ВЪ ЭПОХУ УЛОЖЕНІЯ.

(Изъ соч. Олсarıя: «Подробное описаніе путешествія юлишинскаго посольства въ Московію и Персію»).

Что касается до судебныхъ дѣлъ, то производятся они въ приказахъ (канцеляріяхъ). Каждый, назначенный управляющимъ приказа, бояринъ или судья, имѣетъ при себѣ дьяка или секретаря и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами или засѣдателями выслушиваетъ тяжущихся, которые являются предъ нимъ, и присуждаетъ имъ рѣшеніе. До послѣдняго времени русскіе имѣли только нѣкоторые, немногіе письменные законы и обычаи, данные различными в. князьями, и лишь противъ измѣнниковъ отечеству, противъ преступниковъ въ оскорбленіи его царскаго величества, противъ воровъ, убійцъ и должниковъ. Во всемъ же остальномъ, въ произнесеніи приговора судьи руководствовались большею частью собственнымъ своимъ усмотрѣніемъ, а иногда и желаніемъ сдѣлать кому добро или зло. Нѣсколько же лѣтъ назадъ (1649), по указу его царскаго величества, собраны были разумнѣйшіе изъ всѣхъ сословій люди, которые составили и написали нѣкоторые законы и постановленія, и законы эти были затѣмъ утверждены царемъ и его боярами и напечатаны по-русски во всеобщее свѣдѣніе; эта книга въ листъ, въ два добрыхъ пальца толщиною, называется Соборное Уложеніе, т. е. единогласно принятое и собранное законоположеніе, по которому судьи и постановляютъ теперь свои приговоры. или, по крайней мѣрѣ, должны постановлять. Такъ какъ всѣ приговоры эти дѣлаются отъ имени царя, то они безпрекословно должны быть исполняемы, и никто не смѣетъ подавать на нихъ дальнѣйшія жалобы.

Въ прежнее время съ тяжущимися соблюдался такой порядокъ суда-производства: если кто обвиняетъ другого и не можетъ ничѣмъ доказать своего обвиненія, то судья присуждаетъ тяжущимся рѣшить дѣло присягою. Затѣмъ онъ спрашиваетъ обвиняемаго (отвѣтника), такъ какъ отъ него зависитъ выборъ: «Хочешь-ли взять присягу на свою душу, или отдать ее на душу обвинителю (истцу)?» Кто послѣ этого захочетъ принять присягу, тотъ въ продолженіе трехъ недѣль, однажды въ недѣлю, приводится къ судѣ, который его наставляетъ и увѣщаетъ относительно того, какое великое и опасное дѣло есть присяга, и вообще предостерегаетъ его не присягать. Если, не смотря на то, увѣщаемый все-таки присягаетъ, то, хотя бы онъ присягнувъ и въ правомъ дѣлѣ, всѣ присутствующіе при присягѣ плюютъ ему въ лицо, выгоняютъ его изъ церкви, въ которой онъ присягалъ, и вообще послѣ этого всѣ презируютъ его, указываютъ на него пальцами, и онъ не можетъ болѣе ходить въ церковь, а тѣмъ болѣе не можетъ быть допущенъ до принятія св. тайнъ, до которыхъ допускается онъ только тогда, какъ его постигнетъ тяжкая болѣзнь, и въ немъ будутъ усмотрѣны очевидные признаки приближающейся смерти.

Въ недавнее время, впрочемъ, для присяги установленъ слѣдующій порядокъ: того, кто долженъ присягать, спрашиваютъ прежде передъ образами, хочеть-ли онъ взять себѣ на душу и на спасеніе свое присягу? Когда онъ отвѣчаетъ утвердительно, то берутъ крестъ, величиною въ пядень, держать этотъ крестъ передъ присягающимъ, и этотъ послѣдній крестится и цѣлуетъ крестъ; затѣмъ снимаютъ со стѣны образъ и также даютъ ему приложиться къ нему. Присягнувшій такимъ образомъ и въ правомъ дѣлѣ не смѣетъ принимать св. причастія иначе, какъ только по истеченіи трехъ лѣтъ, что, впрочемъ, мало смущаетъ рѣшающихся на присягу. Если будетъ дознано, что присяга дана ложно, то виновнаго сѣкутъ кнутомъ по голому тѣлу и ссылаютъ на заточеніе въ Сибирь, лишая причастія до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ находиться при послѣднемъ издыханіи.

Хотя русскіе не легко рѣшаются на присягу, особенно во 2-й или въ 3-й разъ, что способенъ сдѣлать только отчаянный и совсѣмъ развратный человѣкъ, тѣмъ не менѣе у нихъ въ большомъ ходу, когда они сойдутся, покупаютъ или продаютъ, чтобы увѣрить кого въ чемъ, божиться, причемъ они говорятъ: «Вотъ тѣ крестъ!» и крестятъ себя пальцами, по своему обыкновенію; но такой легкой божбѣ не всегда слѣдуетъ вѣрить.

У русскихъ употребляются разнаго рода страшныя мученія для того, чтобы допытаться правды. Между прочими родами пытокъ, вотъ, напримѣръ, одна: преступнику связываютъ за спиною руки, поднимаютъ его на веревкѣ къ перекладинѣ между двумя столбами, а къ ногамъ привязываютъ тяжелый брусъ, на которомъ палачъ прыгаетъ, и такимъ образомъ вытягиваетъ члены преступника. На землѣ подъ ногами раскладывается иногда при этомъ огонь, который причиняетъ ужасныя мученія несчастному, опалия жаромъ ноги и дымомъ захватывая ему дыханіе. Иногда же преступнику на головѣ пробриваютъ волосы и на выбритое мѣсто капаютъ холодною водою; эта пытка должна быть невыносимо мучительна. Нѣкоторыхъ преступниковъ, смотря по роду преступленія, при такихъ пыткахъ бьютъ еще кнутомъ, и по ранамъ,

образующимся у них на тѣлѣ отъ разсѣченія кнутомъ, водятъ раскаленнымъ желѣзомъ.

По жалобамъ на драку, у русскихъ тотъ, кто первый началъ, считается виновнымъ: обыкновенно же правъ у нихъ бываетъ тотъ, кто прежде подалъ жалобу.

Убийца не вслѣдствіе необходимой обороны (которая у русскихъ дозволена), но умышленно убившій кого-либо, ввергается въ темницу, въ которой онъ шесть недѣль долженъ выдержать наказаніе на хлѣбъ и водѣ; затѣмъ его допускаютъ къ принятію св. таинъ и обезглавливаютъ.

Если кто обвиняется въ воровствѣ и будетъ въ томъ уличенъ, то его немедленно подвергаютъ пыткамъ, чтобы узнать, не укралъ ли онъ еще чего нибудь? Если онъ въ вооруженіи чего-либо другого на пыткахъ не сознается, и то воровство, въ которомъ онъ обвиняется и уличенъ, было первое, то его сѣкутъ плетью на всемъ пути отъ Кремля до большой площади, гдѣ налаачъ отрѣзаютъ у него одно ухо, затѣмъ сажаютъ его на два года въ темницу и потомъ выпускаютъ на свободу. Если онъ будетъ пойманъ въ воровствѣ въ другой разъ, то у него, прежнимъ же порядкомъ, отрѣзываютъ другое ухо и подъ конецъ опять сажаютъ въ темницу, гдѣ онъ и содержится до тѣхъ поръ, пока не наберется нѣсколько подобныхъ ему птицъ (воровъ), съ которыми онъ отсылается въ Сибирь; смертной же казни собственно за воровство, при которомъ убійства совершено не было, никто въ Россіи не подвергается. Если воръ на пыткахъ признается, кому именно продалъ онъ накраденное имъ имущество, то судъ призываетъ тѣхъ покупателей и присуждаетъ ихъ къ тому, чтобы они истцу, у котораго покрадено было имущество, сдѣлали достаточное вознагражденіе, и такую уплату русскіе называютъ *вытъ*. Такіе распоряжки многихъ воздерживаютъ отъ покупки подозрительныхъ вещей или имущества.

Но правосудіе русское особенно дѣятельное вниманіе обращаетъ на долги и должниковъ. Кто не хочетъ, или не можетъ платить, тотъ препровождается къ приставу, т. е. долженъ сидѣть въ домѣ прислужника судьи, подобно тому, какъ у насъ сидятъ подъ стражей или на послушаніи. Если въ обѣщанный должнику срокъ уплаты долга отъ него не послѣдуетъ, то его сажаютъ въ долговую темницу (яму), безъ всякаго воззрѣнія на лица: русскій ли то, или иностранецъ, мужчина или женщина, купецъ или ремесленникъ, священникъ, монахъ или монахиня. Ежедневно выводятъ его на общественную площадь предъ приказомъ и тамъ въ продолженіе часа бьютъ его по голенамъ гибкими прутьями толщиною въ мизинецъ, такъ что несчастный громко вопить отъ сильной боли. Иногда исполнитель такого наказанія, если получить посулъ или подарокъ отъ должника, дѣлаетъ легкіе удары, или и совсѣмъ даетъ промахъ. Съ другой стороны нѣкоторые должники сами иногда засовываютъ себѣ въ сапоги толстые куски шерсти или деревянные дубки, по которымъ въ такомъ случаѣ и приходятся удары прутьевъ. По выдержаніи такого наказанія и позора, должникъ обязанъ или снова отправиться въ темницу, или же представить поручительство за себя въ томъ, что завтра онъ снова предстанетъ на площадь и дастъ себя на дальнейшее битье. Этотъ родъ наказанія русскіе называютъ: поставить на правешъ. Если должникъ рѣшительно не имѣетъ никакихъ средствъ

уплатить долгъ, то долженъ поступить въ кабалу къ заимодавцу и служить ему.

Остальныя наказанія, употребляемыя надъ преступниками, суть слѣдующія: разрѣзываніе или вырываніе ноздрей, битье батогами и сѣченіе кнутомъ по обнаженной спинѣ. Ноздри вырываютъ тѣмъ, которые наслаждаются нюханьемъ табаку, и наказанныхъ такимъ образомъ мы нерѣдко встрѣчали въ Россіи. Бить батогами можетъ каждый господинъ своего слугу или всякаго другого, надъ кѣмъ онъ имѣетъ хотя какуюнибудь власть. Наказаніе это состоитъ въ томъ, что преступникъ снимаетъ съ себя кафтанъ и все остальное платье до рубахи и животомъ ложится на землю, затѣмъ двое людей садятся на него, одинъ на голову, а другой на ноги и бьютъ его гибкими прутьями по спинѣ, будто скорняки, выколачивающіе мѣхъ. Такого рода наказаніе часто употреблялось во время нашего путешествія между русскими, которые сопровождали насъ.

Сѣченіе кнутомъ, на наши глаза, одно изъ варварскихъ родовъ наказанія. Такое наказаніе я видѣлъ 25 го сент. 1634 г. въ Москвѣ, когда оно совершалось надъ 8 мужчинами и надъ одной женщиной, оказавшимися виновными въ нарушеніи запрещенія въ продажѣ табаку и водки. Преступники, предъ приказомъ, называемымъ Новая четверть, должны были обнажить свое тѣло по поясъ и прилечь на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача, охвативъ руками шею этого прислужника. Ноги преступниковъ были крѣпко связаны и сдерживались за конецъ веревки другимъ прислужникомъ палача, такъ что подвергавшіеся наказанію не могли двигаться, ни вверхъ, ни внизъ. За преступникомъ становился палачъ, въ трехъ добрыхъ шагахъ отъ него, и начиналъ длиннымъ и толстымъ кнутомъ наносить ему удары по спинѣ изо всей своей силы, такъ что послѣ каждого удара выступала кровь и струилась внизъ по тѣлу преступника. Рѣзкость ударовъ увеличивалась еще и тѣмъ, что на концѣ кнута обыкновенно прикрѣпляются три ремня длиною въ палецъ, изъ жесткой, невыдѣланной лосиной кожи, которые рѣжутъ, словно ножи. За тяжкія преступленія нѣкоторые преступники этого рода наказаніемъ засѣкаются до смерти. Предъ исполненіемъ описываемаго мною наказанія, служитель судьи, находившійся тутъ же, прочелъ въ особой запискѣ, сколько ударовъ должно было дать каждому изъ преступниковъ, и затѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ кричалъ: «Полю!» На этотъ разъ мужчины получили отъ 20 до 26 ударовъ каждый, а женщина 16 ударовъ, послѣ которыхъ она упала безъ чувствъ. По исполненіи этого наказанія на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже на палецъ шириной, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содраны были кожи. Тѣмъ не менѣе, послѣ всего этого, каждому виновному въ продажѣ табаку, привѣшивалась на шею пачка съ табакомъ, а продавцамъ водки на шею водочная фляга или стеклянка, и въ такомъ видѣ, связанныхъ за руки попарно и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, сказанныхъ преступниковъ провели сперва изъ города и затѣмъ обратно въ Кремль и во все это время продолжали бить ихъ кнутомъ. Рассказываютъ, что нѣкоторые наказанные такимъ образомъ молодцы натягиваютъ на израненную спину свою еще теплую шкуру только что убитой овцы, и этимъ способомъ скоро излѣчиваются отъ ранъ своихъ.

Въ прежнія времена съ понесшими наказаніе обходились такъ же почти, тельно, какъ и со всѣми другими, водили съ ними всякія дѣла; въ настоящее же время на такихъ людей начинаютъ смотрѣть съ нѣкотораго рода презрѣніемъ. Такъ какъ русскіе во внѣшнихъ приемахъ своихъ, съ теченіемъ времени, во многомъ стали лучше прежняго и очень подражаютъ нѣмцамъ, то они чувствительнѣе стали теперь и ко всему тому, что касается чести или безчестія. Палачи ихъ прежнее время вовсе не считались такими безчестными, какими считаются они тамъ въ настоящее время. Ни одинъ честный и почтенный человѣкъ не захочетъ теперь у нихъ знаться съ высѣченнымъ человѣкомъ, который считается уже какъ бы человѣкомъ негоднымъ, развѣ будетъ дознано, что такому наказанію подвергся онъ по ненависти судьи; въ такомъ случаѣ его скорѣе жалѣютъ, чѣмъ презираютъ, и честные люди, въ доказательство его невинности, не стыдятся тогда вести съ нимъ дальнѣйшее знакомство. Почтенные люди теперь также избѣгаютъ сообществъ съ живодерами и палачами; эти послѣдніе хотя и могутъ вести даже и торговлю, но занимаются ею неохотно, потому что собственная должность ихъ доставляетъ имъ довольно большія деньги. Кромѣ того, что они получаютъ отъ правительства, за исполненіе разныхъ наказаній, деньги, по мѣрѣ возможности и съ преступниковъ получаютъ за то, чтобы они не такъ жестоко ихъ наказывали. Они продаютъ также, хотя потихоньку, и водку заключеннымъ, которыхъ ежедневно сидятъ множество, и это также доставляетъ имъ значительный доходъ. Вслѣдствіе такой прибыльности должности палача, въ прежнее время ее покупали разными подарками, но теперь никто уже не смѣетъ перепродать ее. Если же случается недостатокъ въ исполнителяхъ наказаній, что и бываетъ не рѣдко по множеству экзекуцій, то цехъ мясниковъ обязанъ поставить ихъ изъ среды своей.

ЛХХV. НИКОНЪ И ЕГО ПАТРИАРШЕСТВО ДО РАЗРЫВА СЪ ЦАРЕМЪ.

(Изъ соч. Знаменскаго: «Руководство къ русской церковной исторіи».)

Въ 1605 г. у крестьянина Нижегородской области, села Вильдеманова, Мины, родился сынъ Никита. Онъ скоро лишился своей матери и все дѣтство провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачихи. Ему рано удалось выучиться грамотѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни, и 12 лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дома отца въ монастырь, гдѣ еще въ этомъ раннемъ возрастѣ удивлялъ братію силой своего характера въ монастырскихъ подвигахъ. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. 20 лѣтъ онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села, но по своимъ достоинствамъ недолго могъ оставаться въ такомъ захолустьѣ. Черезъ 2 года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собой въ Москву. Черезъ 10 лѣтъ, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, Никита заставилъ свою жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ тоже постригся въ монахи подъ именемъ Никона. Изъ Анзерскаго

скита, по неудовольствіямъ съ братіей, онъ ушелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ былъ выбранъ въ игумены. Въ 1646 г. онъ былъ въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ и былъ замѣченъ царемъ, котораго поразила его величественная наружность и сильная рѣчь. По своей религіозности и впечатлительности, Алексѣй Михайловичъ скоро сблизился съ Никономъ. По желанію царя, Никонъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря; долженъ былъ каждую недѣлю являться къ царю во дворецъ для духовной бесѣды и сдѣлался неустаннымъ ходатаемъ за несчастныхъ, обиженныхъ на судѣ, вдовъ и сиротъ. Въ 1648 г. онъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Новгородъ. Здѣсь Никонъ проявилъ обширную общественную дѣятельность. Особенно важныя гражданскія услуги онъ оказалъ во время новгородскаго и псковскаго бунтовъ.

Пользуясь своей близостью къ царю, Никонъ не разъ говорилъ ему, что учрежденіе монастырскаго приказа противно законамъ, и настаивалъ на его уничтоженіи. Но приказъ былъ крѣпокъ не силою кроткаго и благочестиваго царя, а духомъ времени, былъ крѣпокъ потому, что воплотилъ отвѣчалъ современнымъ идеямъ объ отношеніи между церковью и государствомъ. Не успѣвъ настоять на его уничтоженіи, Никонъ получилъ только царскую несудимую грамату, по которой всѣ духовныя лица новгородской епархіи подчинялись суду одного своего митрополита, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. За то своимъ вліяніемъ онъ побудилъ царя къ другому важному дѣйствию, въ которомъ выразилось преклоненіе свѣтскаго могущества предъ величіемъ церковной власти. Въ 1652 г., по порученію царя, онъ отправился на Соловки, чтобы перевезти оттуда въ Москву мощи митр. Филиппа. Съ нимъ отправлена была царская молитвенная грамата къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ, погибшимъ жертвою столкновенія съ царской властью, молилъ св. мученика пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти. Во время отсутствія Никона, царь писалъ ему замѣчательныя письма. Какъ средневѣковые вожди юныхъ народовъ, при которыхъ развивалась папская власть, въ своемъ благоговѣніи предъ пастыремъ церкви, онъ совершенно забывалъ свой царскій санъ, не щадилъ словъ, чтобы возвеличить митрополита и унизить предъ нимъ самого себя. Изъ писемъ царя видно, что бояре очень недовольны были силой Никона, видно и то, что самъ Никонъ не умѣлъ смягчать своей силы кротостью и благодушіемъ. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть снисходительнѣе къ боярамъ, но въ то же время просилъ его не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его, царя, что онъ заодно съ нимъ, митрополитомъ. Добрый до слабости, находясь подъ двумя вліяніями, Никона и бояръ, царь боялся оскорбить и ту, и другую сторону, лавировалъ между ними, старался мирить ихъ и какъ нибудь замять ихъ рознь. Такъ поступалъ онъ и въ вопросѣ о монастырскомъ приказѣ. Оставляя приказъ во всей его силѣ, потому что онъ нравился боярамъ, царь думалъ удовлетворить и своего друга, давъ ему несудимую грамату. Наконецъ умеръ патріархъ Іосифъ. По возвращеніи Никона съ мощами, выборъ въ патріархи, разумѣется, палъ на него. Но ему не такого хотѣлось патріаршества, какое было у Іосифа. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему заставили его отказаться отъ выбора, чтобы потомъ быть снова выбраннымъ на всей своей волѣ. Въ Успенскомъ со-

борѣ, въ собраніи бояръ и народа, царь, весь въ слезахъ, лежалъ у ногъ Никона, умоляя его принять патріаршій санъ. Тогда Никонъ, обратясь ко всѣмъ, просилъ, будутъ ли его почитать какъ архипастыря и отца; слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церкви? Всѣ сказали, что будутъ и дадутъ, и Никонъ принялъ патріаршество (1652).

Неограниченная дружба соединяла царя и патріарха въ первые 6 лѣтъ управленія Никона. Безъ патріарха не рѣшалось ни одно государственное дѣло, какъ во времена Филарета. Усиленію его значенія много содѣйствовалъ скорый отъѣздъ царя къ войску по случаю польской войны. Во время своего отсутствія (1654—1655) царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ. Особенно энергическую дѣятельность Никонъ проявилъ по случаю открывшейся тогда моровой язвы. Разсылая грамоты о мѣрахъ предосторожности противъ заразы, вразумляя суевѣрный народъ, который пассивно встрѣтилъ бѣду и считалъ за грѣхъ противостоять ей, какъ наказанію Божію, онъ въ тоже время успѣлъ оказать важныя личныя услуги царю, все время хранилъ царское семейство, спасая его отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстамъ. Благодарный царь предложилъ Никону дать взаимную клятву не оставлять другъ друга до смерти и почтилъ его титуломъ «великаго государя». И снова стало два великихъ государя, но теперь другой великій государь носилъ этотъ титулъ уже не какъ отецъ царя, а какъ патріархъ. Власть патріаршая приравнивалась къ власти царской. Монастырскій приказъ на время потерялъ всякую силу. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имущества, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами: вмѣсто прежнихъ 10.000 дворовъ сталъ владѣть 25.000. Когда Никонъ выстроилъ свои великолѣпные патріаршіе монастыри (Иверскій, Крестный и Новый Іерусалимъ), царь и имъ далъ богатыя вотчины. Но въ то же время, вслѣдствіе той-же дружбы царя съ патріархомъ, никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10.000 воиновъ; столько же выставили монастыри. Патріархъ, кромѣ того, на свои богатыя средства увеличивалъ богадѣльни, раздавалъ богатую милостыню, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы и т. п.

Патріаршая власть при немъ была чрезвычайно сильна. Онъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только великимъ государемъ, окружилъ себя царской пышностью и недоступностью, возлюбилъ, какъ говорило духовенство, стоять высоко, ѣздить широко. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ, употреблялъ всѣ средства тогдашняго искусства для украшенія соборовъ и сообщенія пышности своему богослуженію; лучшія облаченія, какія есть въ патріаршей ризницѣ, принадлежать ему; на нихъ употреблены цѣлыя пуды жемчуга, золота и камней. Штатъ его дома былъ еще многочисленнѣе, чѣмъ при Филаретѣ. Протопопъ казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ говорилъ однажды патріарху: «Государевы-царевы власти уже не слышать, всѣмъ отъ тебя страхъ, и посланники твои пуще царевыхъ всѣмъ страшны; никто не смѣетъ съ ними и говорить; затвержено у нихъ: знаете ли патріарха?» Никона боялись сами бояре, которыхъ онъ обличалъ безъ всякаго стѣсненія. Еще до патріаршества о немъ говорили, что лучше погибнуть въ Новой землѣ за Сибирью, чѣмъ попасть подъ начало новгородскому митрополиту. Патріархомъ онъ сталъ еще самовластнѣе. Онъ жегъ у бояръ вывезен-

ныя съ запада иконы и органы; у боярина Никиты Романова изрѣзали въ куски ливрею, сдѣланную по западному образцу для домовыхъ слугъ. Какъ бы въ противодѣйствіе новымъ началамъ, выраженнымъ въ Уложеніи, Никонъ издалъ вновь пересмотрѣнную и дополненную Кормчую, въ которую включилъ подложную грамоту Константина В. папѣ Сильвестру, которая была важна для него, какъ апологія церковной власти и церковныхъ имуществъ. Подложности этой грамоты, впрочемъ, не подозрѣвали ни царь, ни патріархъ. Никонъ убѣждалъ царя даже вовсе оставить Уложеніе и замѣнить его Кормчей; онъ не успѣлъ въ этомъ, но все-таки заставилъ Алексѣя Михайловича разослать по всѣмъ воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканова въ дополненіе Уложенія съ повелѣніемъ производить судъ по этимъ выпискамъ.

Патріархъ хотѣлъ воротить исторію назадъ къ тому времени, когда государство не знало ничего выше градскихъ законовъ Кормчей, и не чувствовалъ, что чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ настаивать на восстановленіи такой старины, тѣмъ будетъ хуже и для него, и для его дѣла. Значеніе его держалось только на его личной силѣ и любви царя, опорахъ слишкомъ непрочныхъ для того, чтобы онѣ могли устоять противъ историческаго хода государственной жизни. Орудіемъ, которымъ эти опоры были подломлены, были многочисленные враги Никона, дѣйствовавшіе противъ него со всѣмъ усердіемъ личнаго раздраженія. Своимъ великимъ государствованіемъ, крутымъ, характеромъ, привычкой сталкиваться со всѣми, власть имѣющими, онъ вооружилъ противъ себя очень сильную партію бояръ; противъ него были Стрѣшневъ, родня царя по матери, Милославскіе, родня первой супруги царя, Морозовъ, царскій своякъ, супруга царя Марья Ильинична, составитель Уложенія кн. Одоевскій, бояре Долгорукій, Трубецкой и др. Много враговъ явилось у Никона по поводу его церковныхъ исправленій, которыя были имъ введены очень круто, съ обыкновенно его самоувѣренностью и деспотизмомъ его личнаго авторитета. Привычка не обращать вниманія на другихъ поставила его въ самое невыгодное положеніе между двумя сильными партіями: партіей новизны, стремившейся къ западу, и партіей старины. Образованные бояре, въ родѣ Морозова, Романова и др., раздражены были не менѣе старовѣровъ, когда патріархъ, вводя свои церковныя «новшества», въ то же время возставалъ противъ новыхъ государственныхъ понятій и проблесковъ европейской цивилизаціи, жегъ картины и органы, рѣзалъ ливреи у боярской дворянѣ. Между приверженцами старины было тоже не мало сильныхъ людей, нѣсколько бояръ, духовникъ царя. Наконецъ противъ патріарха было все духовенство, раздраженное его строгостію, недоступностію, жестокими наказаніями, поборами въ патріаршую казну и на войско.

ЛХХVІ. ВОЗНИКНОВЕНІЕ РАСКОЛА ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XVII СТОЛѢТІЯ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева и «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ» Костомарова).

При Іоаннѣ III и сынѣ его Василіи видимъ страдательное пользованіе чужимъ знаніемъ, искусствомъ, видимъ вызовъ иностранныхъ мастеровъ;

Иоаннъ IV хотѣлъ сдѣлать этотъ вызовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но ему помѣшали ливонцы; при Годуновѣ являются иностранныя дружины, и слышатся жалобы на пристрастіе русскихъ къ иностраннымъ обычаямъ, на потаковничество царя этому пристрастію; русскіе люди отправляются учиться за границу. Лжедмитрій затѣваетъ преобразованія въ широкихъ размѣрахъ, но гибнетъ; смута останавливаетъ движеніе къ новому, особенно когда приверженцы новаго явились по преимуществу въ тушинскомъ станѣ и потомъ подъ Смоленскомъ у польскаго короля, когда противъ нихъ направилось народное возстаніе, восторжествовавшее во имя отцовской вѣры. Но какъ скоро смута утихла, стремленіе ко введенію западныхъ новизнъ усиливается все болѣе и болѣе: русскія войска устраиваются на иностранный образецъ: происходитъ небывалый наплывъ иностранцевъ въ Москву; иностранные мастера заводятъ производства свои, получаютъ привилегіи съ условіемъ учить русскихъ людей; пользованіе плодами цивилизаціи изъ чужихъ рукъ стремится стать болѣе дѣятельнымъ. Но если правительство, если люди, обладавшіе болѣе широкимъ взглядомъ, чувствовали необходимость преобразованій и шли къ нимъ, разумѣется, сперва ощупью, колеблющимися шагами, то въ этомъ движеніи своемъ они должны были встрѣтить сильныя препятствія, сильныхъ и многочисленныхъ противниковъ. Эти препятствія происходили, естественно отъ долговременнаго застоя, отъ долговременной особой жизни русскихъ людей вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, отъ недостатка внутренняго движенія. Горизонтъ русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди немногочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленій; эта неизмѣняемость явленій необходимо приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященіи; они получали религіозный характеръ, религіозную неприкосновенность, измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ; такъ жили дѣды и отцы, измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе ихъ памяти. Такова обыкновенно бываетъ жизнь сельскаго населенія, которое потому такъ упорно держится стараго, такъ тяжело на подъемъ; здѣсь все новое, каждое измѣненіе является чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ, грѣховнымъ, является произведеніемъ высшихъ, таинственныхъ и враждебныхъ силъ. Въ обществѣ развитомъ начало движенія представляется городомъ: здѣсь человѣкъ непрерывно сталкивается съ новыми людьми, съ новыми родами дѣятельности, чрезъ это горизонтъ его расширяется, онъ привыкаетъ къ перемѣнѣ, перестаетъ бояться новизны и начинаетъ упражнять свои духовныя силы, выказывать свое господство надъ веществомъ, измѣняя его, выказывать свое господство надъ силами природы, заставляя ихъ служить себѣ; тогда какъ въ сельской жизни, въ занятіяхъ земледѣльческихъ, человѣкъ особенно чувствуетъ могущество силъ природы, находится подъ ихъ вліяніемъ. Но въ Московскомъ государствѣ городъ не могъ имѣть такого значенія, какое онъ имѣлъ въ Западной Европѣ, не могъ представлять въ такой степени начала движенія, развитія. Московское государство было государство сельское по преимуществу; въ немъ городъ былъ большое огороженное село, и земледѣліе принадлежало къ числу занятій городскихъ жителей, промышленность мануфактурная была на низкой ступени развитія, торговля очень слаба. Отсюда понятно, почему введеніе новизнъ должно было такъ сильно взволновать общество. Если въ обществѣ, подобномъ русскому XVII вѣка, вообще вся вышняя

«обстановка жизни, вследствие долговременной неизмѣняемости своей, пользуется религіознымъ уваженіемъ, если считается грѣхомъ прикоснуться къ ней, измѣнить, исправить, то понятно, что еще болѣе грѣховнымъ должно являться покушеніе произвести перемѣну во вѣншей обстановкѣ религіи, въ обрядѣ богослужебномъ. При отсутствіи просвѣщенія, дающаго возможность различать существенное отъ несущественнаго, перемѣна во вѣншемъ кажется измѣненіемъ существеннаго, измѣненіемъ религіи; мысль, что перемѣна есть исправленіе, не допускается: предки, святые отцы такъ молились и спаслись, угодили Богу, прославились чудесами, а теперь говоря, что надобно молиться не такъ, говорить, что святые молились не такъ, какъ надобно! Легко понять, какъ долженъ былъ встревожиться древній русскій человѣкъ при такихъ новизнахъ или новшествахъ, по тогдашнему выраженію; легко понять, что первою мыслью многихъ было: надобно стоять за вѣру, переданную отцами!

Исправленіе св. книгъ продолжалось, ибо нельзя было печатать книгъ, не исправивши, не приведши текста къ единству; но гдѣ было взять исправителей? Вслѣдствіе недостатка учености явилась возможность посредствомъ видимаго исправленія вносить искаженія въ книги, что и было сдѣлано при патріархѣ Іосифѣ исправителями: Степаномъ Вонфатьевымъ, Иваномъ Нероновымъ, ключаремъ Успенскаго собора, Никитой, священникомъ суздальскимъ, Логгиномъ, протопопомъ муромскимъ, и другими. Они внесли въ церковныя книги утвердившееся еще въ XVI вѣкѣ и внесенное въ Стоглавъ ученіе о сугубой аллилуйи, о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, которое такимъ образомъ и сдѣлалось господствующимъ въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ Іосифъ крестился двумя перстами; Никонъ, будучи митрополитомъ новгородскимъ и въ началѣ патріаршества, крестился также. Мудреный вопросъ о книжномъ исправленіи не могъ быть доступенъ многимъ; но лучшимъ людямъ бросался въ глаза страшный безпорядокъ въ богослуженіи; въ одно время въ церквахъ пѣли и читали въ два, три и нѣсколько голосовъ, такъ что ничего нельзя было разобрать. Никонъ, какъ сказано, подобно всѣмъ исправителямъ, крестился двумя перстами; но черезъ годъ съ чѣмъ нибудь по вступленіи на патріаршество съ нимъ произошла перемѣна. По указаніямъ Епифанія Славинецкаго, греческаго духовенства и по собственному изслѣдованію, Никонъ убѣдился, что книги испорчены. Легко понять, какъ этимъ убѣжденіемъ оскорблялось самолюбіе исправителей, являвшихся теперь исказителями. Никонъ не обратилъ вниманія на ихъ оскорбленное самолюбіе. Во дворцѣ, въ присутствіи царя (въ концѣ 1653 или самомъ началѣ 1654 г.), патріархъ держалъ соборъ, указавъ разности въ печатныхъ русскихъ книгахъ съ греческими и древними рукописями славянскими и предложилъ вопросъ: «Слѣдовать ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ или греческимъ и нашимъ старымъ?» Большинство отвѣчало утвердительно на вторую часть вопроса; но прямо воспротивился этому рѣшенію коломенскій епископъ Павелъ и старые исправители съ нѣкоторыми другими духовными лицами. Дѣло исправленія было поручено Епифанію съ товарищами и греческому монаху Арсенію. Соборъ греческихъ архіереевъ въ Константинополѣ подтвердилъ рѣшеніе московскаго. Пріѣхавшій въ Москву антиохійскій патріархъ Макарій, вмѣстѣ съ другими восточными архіереями, торжественно объ-

явилъ въ Успенскомъ соборѣ, въ недѣлю православія, что надобно креститься тремя перстами, и проклялъ тѣхъ, кто крестится двумя. Московскій соборъ 1656 г. подтвердилъ окончательно дѣло.

Такимъ образомъ, соборъ этотъ объявилъ рѣшительную войну двуперстному сложенію. Дѣло было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложеніе, какъ повсемѣстное у восточныхъ православныхъ народовъ, дѣйствительно имѣло за собою всѣ признаки древности и правды, то не надо было забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстнымъ сложеніемъ и уважала многихъ святыхъ, которые осѣняли себя такимъ же крестнымъ знаменіемъ. Возложить проклятіе на двуперстіе, въ глазахъ противниковъ Никона, значило предать проклятію святыхъ русской церкви, отрѣшиться разомъ отъ священныхъ преданій. Восточные архіереи, чуждые Россіи, могли отнестись, не зная ни духа русскаго народа, ни склада его понятій, такъ легко къ этому вопросу, не сообразивши всѣхъ условій; Никонъ не долженъ былъ поступить такъ круто и легкомысленно.

Но были люди, которые не хотѣли успокоиться на соборныхъ рѣшеніяхъ и свидѣтельствѣ греческихъ архіереевъ. Нероновъ съ товарищами прислали царю челобитную: «Арсеній грекъ взятъ въ Москвѣ и живеть у патріарха Никона въ келіи; Никонъ его, врага, свидѣтелемъ поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. чудотворцевъ свидѣтельство отмѣняетъ. Охъ, увы, благочестивый царю! Стани добръ, церковное чадѣ, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тебя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай: зримъ въ нихъ ни единого отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія истиннаго на лицѣ вообразить не хотятъ и сложенію перстовъ противятся; на колѣни же поклониться Господеву покою ради не хотятъ». Царь не обращалъ вниманія на эти посланія, передавалъ ихъ Никону; но въ народѣ обращали на нихъ большое вниманіе.

Въ 1658 г. явилась грамата къ патріарху: «Бьютъ челомъ и извѣщаютъ богомольцы твои, Соловецкаго монастыря попы: Виталій, Кирилль, Садофъ, Никонъ, Спиридонъ и Германъ, на архимандрита Илію и его совѣтниковъ: въ прошломъ 1657 г. присланы въ Соловецкій монастырь служебники твоего государева исправленія; архимандритъ Ілья принялъ ихъ тайно съ своими совѣтниками и, не объявивъ ихъ никому изъ насъ, положилъ въ казенную палату, и лежатъ они тамъ другой годъ непереплетенные; но когда объ нихъ узнали, то стали между собою говорить: для чего это служебниковъ намъ не покажутъ? И вотъ въ нынѣшнемъ 1658 г., на шестой недѣлѣ великаго поста, архимандритъ съ своими совѣтниками написали приговоръ о служебникахъ, и, созвавши насъ, всѣхъ поповъ, принудилъ архимандритъ великими угрозами и прещеніемъ прикладывать руки къ своему бездѣльному приговору, складывая смуту и бѣду съ себя на насъ, будто онъ служебники намъ давалъ, а мы у него не приняли; но мы у него служебниковъ просили посмотришь, а онъ намъ и посмотришь не далъ; меня, попа Германа, дважды плетью били за то только, что обѣдню я пропѣлъ по новымъ служебникамъ. Какъ начали съ Руси въ монастырь пріѣзжать богомольцы и стали зазирать, что въ Соловкахъ служатъ по старымъ служебникамъ, то архимандритъ, услыхавъ это, вымыслилъ новый приговоръ, уже не тайно, а объявилъ всей братіи, что отнюдь нынѣшнихъ служебниковъ не принимать, а намъ,

всей братіи; за архимандрита стоять, и написавъ приговоръ 8-го іюня, собралъ онъ всю братію въ трапезу на черный соборъ; случились въ то время богомольцы разныхъ городовъ, и произошелъ шумъ великій; началъ архимандритъ говорить всей братіи со слезами: «Видите, братья, послѣднее время; встали новые учителя, отъ вѣры православной и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, какъ и отцы наши!» Тутъ всѣ закричали великими голосами: «Намъ латинской службы и еретическаго чина не принимать, причащаться отъ такой службы не хотимъ, и тебя, отца нашего, ни въ чемъ не выдадимъ». Да и все Поморье онъ архимандритъ, утверждаетъ, по волостямъ монастырскимъ и по усольямъ заказываетъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимали. Мы къ такому приговору рукъ прикладывать не хотѣли, такъ на насъ архимандритъ закричалъ съ своими совѣтниками, какъ дикіе звѣри: «Хотите еретическую службу служить! Живыхъ не выпустимъ изъ трапезы!» Мы испугались и приложили руки». Враги новшества подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружились противъ него, не какъ противъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патріарха: здѣсь Никона обвиняютъ въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное, положительное обвиненіе Никону состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ стяжителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, преимущественно бѣлымъ: патріархъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко».

По совѣту, данному константинопольскимъ патріархомъ, Никонъ началъ поступать рѣшительно со своими противниками: Павелъ коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ, Нероновъ былъ отправленъ въ заточеніе въ вологодскій монастырь. Но этими ссылками и заточеніями нельзя было утишить волненія. Когда патріархъ разослалъ свои новыя богослужебныя книги и приказывалъ служить по нимъ и креститься тремя перстами, ропотъ поднялся разомъ во многихъ мѣстахъ. Кромѣ крестнаго знаменія, поднялись старыя толки о сугубой и трегубой аллилуйи; защитники старины видѣли ересь въ написаніи имени Іисусъ, вмѣсто Иисусъ, какъ писали и печатали прежде. Начались толки объ осьмиконечномъ и четвероконечномъ крестѣ. Распространились мистическія предсказанія о скоромъ появленіи антихриста, которое, по апокалипсическимъ вычисленіямъ, приходилось на 1666 годъ. Пошли ходить по рукамъ грамотевъ книги: «О вѣрѣ» и «Орель», гдѣ тогдашніе мудрецы излагали свои прощанія о послѣднихъ временахъ міра. Всего болѣе помогло развитію противодѣйствія то, что было много недлюбившихъ Никона. Бояре, за исключеніемъ немногихъ, не терпѣли его за постоянное вмѣшательство въ мірскія дѣла и за рѣзкія выходки. Духовенство было озлоблено противъ него за надменность, строгость и притѣсненія, которыя терпѣло оно отъ его приказныхъ. Никонъ требовалъ отъ священниковъ трезвой жизни, точнаго исполненія требъ и заставлялъ читать въ церкви поученія народу, — новость, которая не нравилась невѣжественному духовенству. Для Никона ничего не стоило священника, за небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, посадить на цѣпь, мучить въ тюрьмѣ

и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь. Пророки и сновидцы возмущали своими ложными откровениями против Никона. Патриархъ въ 1656 г. написалъ всенародную грамоту, гдѣ убѣждалъ не вѣрить лжепророчествамъ; но народъ, привыкши къ прежнему крестному знаменію, увидя внезапное измѣненіе церковныхъ обычаевъ, болѣе расположенъ былъ вѣрить врагамъ Никона, убѣждавшихъ русскихъ людей хранить древнее благочестіе, чѣмъ голосу патриарха, ненавидимаго духовенствомъ. Была у Никона одна сильная подпора въ царѣ, но скоро онъ потерялъ и ее.

ЛХХУІІ. ПАДЕНІЕ НИКОНА.

(Изъ соч. Субботина: «Дѣло патриарха Никона»).

Дружба царя Алексѣя Михайловича съ патриархомъ Никономъ прекратилась вскорѣ послѣ его возвращенія въ Москву изъ польскаго похода. Когда онъ пріѣзжалъ оттуда въ первый разъ и увидѣлся съ Никономъ въ Вязьмѣ, тогда эта дружба существовала въ полной силѣ. Быть можетъ, именно тогда царь предоставилъ ему названіе «великаго государя», которое прежде усвоено было патриарху Филарету, и то какъ царскому отцу и соправителю. Какъ случилось, что Никонъ принялъ это «злуполучное для него» имя, и когда это случилось, повидимому, онъ самъ не зналъ опредѣленно. Онъ утверждалъ только одно, что это случилось не по его желанію. «Надѣюся на Господа», — писалъ онъ къ государю, — «что нигдѣ не отыщется моего хотѣнія или повелѣнія на сіе... и не вѣмъ, откуда начася, а мню, тобою, великимъ государемъ. такіе начатки явились». Какъ бы то ни было, только Никонъ носилъ уже и употреблялъ въ указахъ титулъ великаго государя. когда царь окончательно пріѣхалъ въ Москву изъ похода. Вскорѣ послѣ этого дружбѣ двухъ великихъ государей суждено было сильно поколебаться. Походъ, дѣятельность воинская и полная самостоятельность въ члѣ полковъ развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пережито много, явились новыя привычки, новыя взгляды. Великій государь возвращается въ Москву и застаётъ тамъ другаго великаго государя, который въ это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился вполне относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ остановиться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властью. Но если царь самъ почувствовалъ, что Никонъ сдѣлался тяжелъ для него, то еще больше ему показали это и дали почувствовать враги Никона, умѣвшіе съ замѣчательною ловкостью занять его мѣсто при царѣ. А враговъ Никонъ успѣлъ, при своемъ характерѣ, нажить слишкомъ много во всѣхъ сословіяхъ. Большая часть бояръ не терпѣла его за его близость къ царю, за его распоряженія въ царскомъ совѣтѣ, за строгія замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ имъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Не любило его и черное духовенство за то, что обращался съ нимъ слишкомъ властительно и строго, бѣлое духовенство — за недоступность и недостаточное вниманіе къ его настоятельнымъ

нуждамъ. Надобно прибавить къ этому неудовольствіе противъ Никона приверженцевъ стараго порядка вещей. старыхъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, за исправленіе которыхъ Никонъ принялся съ обычной энергіей, неудовольствіе людей, у которыхъ были единомышленники и въ простомъ народѣ, и при царскомъ дворѣ, чтобы понять, какая огромная коалиція составила противъ Никона и стала между нимъ и его другомъ—царемъ. Могъ ли Алексѣй Михайловичъ, съ его мягкимъ, до вѣрчивымъ характеромъ, не подчиниться вліянію всѣхъ этихъ людей, которые въ одинъ голосъ говорили ему, что царской власти уже не слышать въ государствѣ, что великій государь патріархъ сильнѣе великаго государя царя и т. п. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патріарху, царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой расчетъ съ Никономъ; онъ былъ слишкомъ мягокъ для этого и предпочелъ удалиться отъ патріарха. Никонъ замѣтилъ это и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, привыкшаго къ противоположному; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ снискать до того, чтобы искать объясненія и кроткими средствами уничтожить вѣлюбье въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалялся и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя. Итакъ, вскорѣ по возвращеніи царя изъ польскаго похода, отношенія двухъ друзей сдѣлались очень натянуты; надобно было ожидать взрыва накопившихся въ томъ и другомъ неудовольствій. Враги Никона сторожили удобную минуту, чтобы зажечь вражду между царемъ и патріархомъ. Благопріятный случай къ тому представился скоро.

Лѣтомъ 1658 г., по случаю пріѣзда въ Москву грузинскаго царевича Теймураза, во дворцѣ былъ обѣдъ, на который, противъ обыкновенія, Никонъ приглашенъ не былъ. Окольный Хитровъ, очищавшій въ толпѣ народа путь для царевича, ударилъ палкой патріаршаго боярина, присланнаго сюда зачѣмъ-то отъ Никона; бояринъ не смолчалъ, сказалъ Хитрову, чтобы тотъ не смѣлъ драться, что онъ здѣсь не даромъ, а присланъ за дѣломъ отъ патріарха. Этимъ именемъ бояринъ, конечно, надѣялся смутить окольного, но Хитровъ вовсе не испугался: напротивъ, патріаршій бояринъ получилъ отъ него новый палочный ударъ съ наставленіемъ, чтобы не слишкомъ чванился. Это было уже, такимъ образомъ, сознательное, намѣренное оскорбленіе патріарха въ лицѣ его боярина. Такъ именно и повяло это дѣло Никонъ. Онъ написалъ собственноручно письмо къ государю, требовалъ суда за оскорбленіе своего боярина. Царь отвѣтилъ, что самъ увидится съ патріархомъ и поговорить объ этомъ дѣлѣ; но свиданія не было и удовлетворенія никакого не дано. Очевидно, Хитровъ принадлежалъ къ партіи враждебныхъ Никону бояръ и дѣйствовалъ, сильно рассчитывая на ихъ поддержку; они-то, безъ сомнѣнія, и не допускали царя до свиданія съ Никономъ. Предстояла возможность скоро увидѣться съ царемъ на двухъ приближавшихся праздникахъ: 8-го іюля былъ праздникъ въ Казанскомъ соборѣ, на которомъ царь обыкновенно присутствовалъ и участвовалъ въ крестномъ ходѣ; но Алексѣй Михайловичъ не пришелъ въ Казанскій соборъ; наступилъ другой, еще болѣе торжественный праздникъ, 10-го іюля, въ память

принесенія изъ Персїи въ Москву ризы Господней; въ этотъ праздникъ царь всегда слушалъ вечерню, утреню и обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; но на этотъ разъ онъ прислалъ князя Ромодановскаго сказать, чтобы его не ждали ни къ одной службѣ. Все это было явнымъ знакомъ царскаго неудовольствія; да князь и не скрывалъ отъ Никона, что царское величество на него гнѣвенъ за то, зачѣмъ онъ называетъ себя великимъ государемъ. Никонъ сталъ защищаться; но Ромодановскій сказалъ ему рѣшительно, царскимъ словомъ, чтобы «впредь онъ не смѣлъ называться и писаться великимъ государемъ и что царь почитать его впередъ не будетъ». Трудно допустить, чтобы Ромодановскій рѣшился говорить отъ себя, не получивъ на самомъ дѣлѣ порученія отъ царя. Тогда Никонъ рѣшился торжественно, въ церкви, отречься отъ патріаршества. По всей вѣроятности, онъ не думалъ совсѣмъ оставить патріаршую кафедру, а надѣялся только своимъ отреченіемъ смутить царя, скорѣе подвинуть его на объясненіе и съ полнымъ для себя торжествомъ возстановить прежнія отношенія съ государемъ. Патріархъ служилъ свою послѣднюю литургію въ Успенскомъ соборѣ весьма торжественно; стеченіе народа было большое. Во время причастія патріархъ приказалъ ключарю поставить сторожей у входныхъ дверей, чтобы народъ не пускали изъ церкви, потому что онъ намѣренъ говорить поученіе. Дѣйствительно, въ обычное время Никонъ вышелъ на амвонъ и сталъ читать народу слово Златоуста, въ которомъ говорилось о высокомъ назначеніи пастырскаго служенія и о томъ, какое зло бываетъ для церкви, когда пастырь не искусенъ пасти стадо; потомъ, не прерывая теченія мыслей, онъ сталъ не читать уже, а говорить рѣчью, на люди смотря, что онъ именно такой неискусный пастырь, не хорошо пасъ ихъ и не умѣетъ пасти, что поэтому онъ больше не будетъ патріархомъ и чтобы они впередъ его патріархомъ не считали. При этихъ словахъ въ церкви произошло смѣтеніе, поднялся шумъ, такъ что въ «гнѣсотѣ великой рѣчей патріарха нельзя было разслушать», что именно и какъ говорилъ онъ дальше. Произнесши отреченіе, Никонъ сталъ разоблачаться, снялъ митру, омофоръ, саккошь; власти его отговаривали, чтобы не дѣлалъ этого, а когда принесли ему мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, всѣмъ соборомъ это платье у него отняли. Никонъ въ одномъ подризникѣ ушелъ въ ризницу; здѣсь написалъ письмо къ государю, потомъ надѣлъ мантию съ источниками и черный клобукъ, взялъ простой посохъ и вышелъ изъ алтаря. Народъ окружилъ его и сказалъ, что безъ государева указа изъ собора его не отпустить. Никонъ дошелъ до амвона, что посрединѣ церкви, на которомъ облачаются архіереи, и сѣлъ на послѣдней ступени. Между тѣмъ митрополиты Питиримъ крутицкій и Михаилъ сербскій, съ другими властями, пошли къ государю извѣстить его о томъ, что случилось въ Успенскомъ соборѣ. Выслушавъ ихъ, царь сказалъ, что онъ «какъ будто спитъ съ открытыми глазами и все это видитъ во снѣ». Для объясненія съ патріархомъ онъ отправилъ въ соборъ кн. Трубецкаго да окольничьяго Стрѣшнева. Какого рода объясненіе происходило у нихъ съ патріархомъ, извѣстія объ этомъ разнорѣчивы, хотя и много было свидѣтелей ихъ разговора. Нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей довольно уклончиво сказали, что «утѣшенія ради народнаго рѣчей ихъ не слышали». Самъ князь Трубецкой въ своей сказкѣ показалъ, что дѣло происходило такъ: онъ спросилъ Никона, «для чего патріаршество остав-

ляетъ. не посовѣтовавшись съ великимъ государемъ, отъ чьего гоненія? кто его гонитъ? И чтобы онъ патріаршества не оставлялъ и былъ по-прежнему». Патріархъ отвѣчалъ: «Оставилъ я патріаршество собою, а не отъ чьего и не отъ какого гоненія, и государева гнѣва никакого на меня не было». Потомъ патріархъ вручилъ князю письмо и велѣлъ подать государю, да приказалъ бить челомъ государю, чтобы пожаловалъ ему келью. «И я, — пишетъ Трубецкой далѣе, — про то про все великому государю извѣстилъ, и великій государь послалъ меня къ патріарху въ другой разъ и велѣлъ ему говорить, чтобы онъ патріаршества не оставлялъ и былъ попрежнему, а келій на патріаршемъ дворѣ много, въ которой хочешь, въ той и живи, и письмо ему отдалъ»; и патріархъ Никонъ сказалъ: «Ужь-де я слова своего не перемѣню и давно-де у меня о томъ обѣщаніе, что патріархомъ мнѣ не быть», и пошелъ изъ соборной церкви вонъ. Пятимъ и Михайлъ сербскій показали въ сущности согласно съ Трубецкимъ. Но самъ Никонъ, въ письмѣ къ патріарху константинопольскому Діонисію, передаетъ дѣло иначе. По его словамъ, на вопросъ Трубецкаго: куда и зачѣмъ идетъ, онъ отвѣчалъ, что «даетъ мѣсто гнѣву царскаго величества (то же писалъ онъ и въ письмѣ, которое вручилъ онъ Трубецкому для передачи государю), что безъ правды царскаго величества синклитъ, бояре и всякіе люди церковному чину всякіе обиды творять, а сыску и управы царское величество не даетъ, а о чемъ мы жалуемся, и онъ гнѣвается на насъ; кромѣ того, онъ писалъ, что тогда же предъ множествомъ народа бояре укоряли его, зачѣмъ называлъ себя великимъ государемъ и во многія государственныя дѣла вступается, и говорили, чтобы впередъ великимъ государемъ не назывался и въ государственныя дѣла не вступался». Присутствіе Стрѣшнева, одного изъ самыхъ жестокихъ враговъ Никона, располагаетъ вѣрить, что царскіе посланные, дѣйствительно, повторили патріарху тотъ упрекъ, который утромъ того дня онъ уже слышалъ отъ князя Ромодановскаго; притомъ теперь была такая рѣшительная минута для Никона и его противниковъ, что послѣдніе не могли не понять, какъ выгодно было для ихъ собственнаго дѣла поддержать раздраженіе патріарха, подстрекнуть его идти смѣлѣе по тому опасному пути, на который самъ онъ, противъ ихъ ожиданія, но къ особенному ихъ удовольствію, такъ неосторожно рѣшился вступить. Послѣ объясненія съ царскими посланными Никону ничего не оставалось болѣе, «какъ изъ соборной церкви идти вонъ»; онъ отправился пѣшкомъ на Ильинку, на подворье Воскресенскаго монастыря.

Такимъ образомъ, если Никонъ рассчитывалъ своимъ торжественнымъ отреченіемъ отъ патріаршества вызвать царя на объясненіе и полное примиреніе, которое было бы такимъ торжествомъ для него, то онъ долженъ былъ горько разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, не умолялъ остаться, не просилъ торжественно прощенія. Никонъ отправился въ свой Воскресенскій монастырь.

Какъ только Никонъ прибылъ въ Воскресенскій монастырь, вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ туда по царскому указу Трубецкой съ дьякомъ Лопухинымъ. Имъ приказано было спросить Никона: «Зачѣмъ онъ, не доложивъ великому государю и не подавъ ему благословенія, поѣхалъ съ Москвы скорымъ обычаемъ?» Никонъ отвѣчалъ письмомъ, которое послалъ

съ Трубецкимъ. «По отшествіи вашего боярина Алексѣя Никитича съ товарищами,—писалъ онъ,—ждалъ я отъ васъ великихъ государей, по моему прошенію милостиваго указа, но не дождался, и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь». Кромѣ того, онъ говорилъ Трубецкому, что «увѣхалъ не въ дальнее мѣсто и, буде царское величество на милости преложится, опять будетъ». Но Трубецкому не было приказа звать патріарха въ Москву; напротивъ, ему поручено было сказать Никону, «чтобы подалъ благословіе великому государю, государынѣ царицѣ и ихъ дѣтямъ, и чтобы благословилъ того, кому изволитъ Богъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь крутицкому митрополиту». На эти предложенія, которыя такъ прямо вели къ рѣшенію его участи, Никонъ отвѣчалъ съ замѣчательнымъ въ его положеніи спокойствіемъ и покорностью. Онъ сказалъ, что великимъ государямъ посылаетъ благословіе свое и прошеніе, что благословляетъ и того, кому Богъ изволитъ быть на его мѣстѣ патріархомъ, и даже челомъ бьетъ государю, чтобы поспѣшилъ избраніемъ ему преемника, чтобы церковь Божія не вдовствовала и безъ пастыря не была; о себѣ же повторилъ, и съ клятвою, что патріархомъ быть не хочетъ. Миротлюбивыя письма Никона тронули кроткое сердце Алексѣя Михайловича, старая пріязнь оживала; ему стало жалко Никона, запало раздумье, не слишкомъ ли строго и теперь уже поступлено съ нимъ, дѣйствительно ли виноватъ онъ, не лучше ли возстановить то, что было прежде, — словомъ, царь медлилъ избраніемъ новаго патріарха, а между тѣмъ началъ съ Никонѣмъ сношенія, напоминавшія прежнюю ихъ искренность. Это расположеніе царя къ примиренію съ Никонѣмъ должно было подѣйствовать на противниковъ патріарха, для которыхъ возстановленіе Никона было бы страшнымъ ударомъ. Оно побудило ихъ употребить всѣ усилія, чтобы опять склонить царя въ противную сторону и самое дѣло Никона повести такъ, чтобы оно кончилось не просто избраніемъ новаго патріарха вмѣсто стараго. Очевидно, о всемъ этомъ Никонъ получалъ подробныя извѣстія; эти извѣстія тяжело падали на его душу, особенно послѣ того, какъ ласковыя рѣчи царя, черезъ разныхъ посланныхъ, возбудили въ немъ надежду на возстановленіе прежнихъ близкихъ отношеній съ царемъ,—надежду, которой такъ противорѣчили всѣ эти слухи изъ Москвы: и вотъ мирнаго и кроткаго расположенія духа, которое посѣтило — было Никона, какъ не бывало; вмѣсто прежнихъ смиренныхъ писемъ съ просьбами о прощеніи, онъ пишетъ царю облачительныя посланія въ свою защиту и въ защиту своихъ правъ. Съ особеннымъ негодованіемъ писалъ онъ объ осмотрѣ, произведенномъ въ его кельяхъ. «Слышу я, что пересмотрѣны худыя мои и смиренныя вещи, оставшіяся въ кельѣ, пересмотрѣны письма, а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать, потому что я былъ избранъ, какъ первосвященитель, и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя, также много писемъ отъ другихъ людей, въ которыхъ открывали мнѣ тайныя грѣхи, требуя разрѣшенія; этого никому не должно знать, и даже тебѣ. Дивлюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія! Прежде ты бывался произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить...»

Враги Никона торжествовали: имъ удалось разрушить возобновлявшіяся добрыя отношенія между царемъ и патріархомъ; мало этого: они успѣли поселить между ними новыя неудовольствія, и взаимныя отношенія ихъ сдѣлать затруднительнѣе и запутаннѣе прежняго. Время, между тѣмъ, проходило. Царь находился подъ вліяніемъ бояръ и хотѣ все-еще не рѣшался приступить къ избранію новаго патріарха, но уже не дѣлалъ попытокъ къ сближенію съ Никономъ. Наконецъ, въ февралѣ 1660 г., царь рѣшился составить соборъ для разсужденія объ избраніи преемника патріарху Никону. Основаніемъ для соборныхъ разсужденій по церковнымъ правиламъ должно было послужить самовольное удаленіе Никона съ патріаршества и неоднократно подтвержденное имъ увѣреніе, что онъ не намѣренъ снова возвратиться на патріаршую кафедру, также его собственное согласіе на избраніе новаго патріарха. Соборъ опредѣлялъ: поставить новаго патріарха, Никона же почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства. Таково было опредѣленіе собора по дѣлу патріарха Никона. Оставалось составить актъ соборнаго рѣшенія и скрѣпить его подписями. Составленіе акта царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ извѣстному старцу Епифанію Славинецкому. Епифаній не отказывался исполнить порученіе, но откровенно сказалъ государю, что онъ не выполнитъ согласенъ съ соборнымъ рѣшеніемъ, что, въ исполненіе царской воли, онъ «готовъ написать слово о избраніи и постановленіи новаго патріарха, ибо это нужно и правильно; о низложеніи же Никона, бывшаго патріарха, писать не можетъ по той причинѣ, что онъ не нашелъ такого правила, по которому бы архіерей, оставившій престолъ свой, но не отрекшійся епископства, подвергался низложенію и дѣлался чуждъ архіерейства». Это былъ тогда единственный смѣлый и благородный голосъ въ защиту Никона. Надобно думать, что представленія Епифанія имѣли вліяніе на царя; по крайней мѣрѣ въ актѣ соборнаго дѣянія, который былъ наконецъ составленъ, совсѣмъ не говорится о низложеніи Никона, но всѣ соборныя разсужденія сводятся къ одному заключенію, что «вмѣсто благовѣстнаго Никона, патріаршества своего отрекшагося, иному боголюбивому архіерею избранну, хиротонисовану и на престолъ патріаршескій возведену быти правильно, благополезно и праведно». Въ это самое время пріѣхалъ въ Москву бывший митрополитъ газскій Паисій Литаридъ, которому суждено было имѣть весьма сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ Никонова дѣла и на самого Никона.

Паисій былъ самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Москву; но это былъ въ то же время самый истый «гречинъ», какой только пріѣзжалъ когда либо въ Россію: хитрый, льстивый, пронырливый, любившій интриги и всего болѣе дорожившій своими матеріальными выгодами, которыя собственно и влекли его въ Россію и для которыхъ онъ легко жертвовалъ и долгомъ, и совестью. Паисій присоединился къ противникамъ Никона. Онъ съ перваго раза понялъ положеніе дѣла въ русской столицѣ; благоразуміе и личные интересы съ перваго же раза указали ему какое положеніе самъ онъ долженъ занять въ отношеніи къ Никонову дѣлу. Примкнувъ къ сильнѣйшей сторонѣ, онъ скоро сдѣлался ея умомъ, ея душой; захватилъ все дѣло въ свои руки: при дворѣ онъ занялъ такое прочное положеніе, что никакіе доносы не могли поколебать его, царь и бояре ждали отъ него указанія, какъ распутать слишкомъ запутавшееся дѣло, какъ привести

его къ желанному концу, слушали его, по выраженію Никона, какъ пророка Божія. Доселѣ, впрочемъ, участіе Паясія въ дѣлѣ патріарха Никона ограничивалось довольно мелкими услугами партіи, враждебной патріарху, письмами въ защиту царя, сочиненіемъ отвѣтовъ на разные вопросы по Никонову дѣлу, интригами при дворѣ да оскорбительными выходками лично противъ Никона съ цѣлью вызвать его на новые опрометчивые поступки; но отъ него надѣялись и ждали чего-нибудь поважнѣе. Это и самъ онъ видѣлъ, это говорили ему и бояре и даже самъ царь. Однажды думные бояре прямо сказали ему, чтобы онъ поискалъ средства покончить соблазнительное и вредное церковное дѣло. Паясій отвѣчалъ, что онъ знаетъ такое средство, только согласится ли принять его русское правительство? Это было передано царю, и при первой встрѣчѣ съ Паясіемъ царь сказалъ ему: «Ради самой истины, открой мнѣ твою мысль о средствахъ къ исправленію нашей церкви». «Отправь грамоты къ четыремъ вселенскимъ патріархамъ,—отвѣчалъ Паясій,—объяви имъ относящееся къ Никону, изложи вкратцѣ обвиненія противъ него, и тотчасъ достигнешь твоего желанія». Написаны были грамоты къ вселенскимъ патріархамъ. Казалось бы, ничего не было проще и вѣрнѣе, какъ изложить съ полною откровенностью дѣло Никона, показать, что сдѣлано по этому дѣлу въ Москвѣ, и просить у патріарховъ совѣта, какъ поступить дальше, какъ его кончить, или, если въ Москвѣ уже было готовое предположеніе объ его окончаніи, просить на это разрѣшенія. Но дѣло поведено было совсѣмъ не такъ просто и открыто. Было написано нѣсколько вопросовъ о царской и патріаршей власти, имѣвшихъ приложение къ дѣлу Никона, и на эти вопросы требовали рѣшенія отъ патріарховъ ни сколько не объясняя въ самихъ вопросахъ, для чего это нужно, и, что особенно важно, ни однажды не упоминая даже имени патріарха Никона, какъ будто всѣ эти вопросы не имѣли къ нему отношенія! Прибыли патріаршіе отвѣты, скрѣпленные собственноручными подписями четырехъ патріарховъ. Отвѣты были именно такіе, какихъ желали въ Москвѣ: поступки Никона, къ которымъ относились вопросы, были всѣ осуждены, дѣйствія царя и власти одобрены, имъ дано полномочіе распоряжаться въ дѣлѣ Никона самостоятельно, ибо патріархи утверждали за соборомъ мѣстныхъ пастырей и право поставить новаго архіерея, вмѣсто отрешагося, и право судить своего митрополита или патріарха. Отвѣты патріарховъ рѣшали дѣло Никона не прямо: о самомъ Никонѣ не было ни слова. Конечно, всѣ они имѣли ближайшее отношеніе къ его дѣлу и уполномочивали соборъ русскихъ пастырей дѣйствовать по отношенію къ нему самостоятельно; но все-таки они возбуждали сомнѣніе, то ли именно сказали бы патріархи, еслибъ ихъ прямо спросили о Никонѣ, еслибъ имъ съ полной откровенностью изложили его дѣло.

Такимъ образомъ, самое простое предпріятіе, къ которому, хотя и поздно, прибѣгли наконецъ для рѣшенія Никонова дѣла, и отъ котораго, дѣйствительно, можно было ожидать этого рѣшенія, было ведено такими окольными путями, такъ нерѣшительно и запутано, что не принесло дѣлу никакой пользы: только потеряны были даромъ и время, и деньги. Послѣ начатыхъ сношеній съ патріархами по дѣлу Никона, безъ ихъ участія было уже неудобно продолжать и кончить это дѣло; а для избѣжанія всѣхъ сомнѣній, царь видѣлъ одно средство: пригласить самихъ патріарховъ въ Москву для личнато присутствія на соборѣ, который дол-

женъ будетъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣла о патріархѣ Никонѣ. Къ этому послѣднему средству онъ и рѣшился наконецъ прибѣгнуть. Никонъ не боялся патріаршаго суда. При первомъ извѣстіи объ открывшихся сношеніяхъ съ восточными патріархами по поводу его дѣла, онъ писалъ государю: «Мы не отнимаемъ суда и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ и св. апостолъ и св. отецъ канонамъ». Онъ изложилъ свое дѣло въ длинномъ письмѣ къ патріарху константинопольскому Діонисію. Содержаніе этого письма слѣдующее: сначала Никонъ подробно описываетъ, какъ онъ избравъ на патріаршество, какъ царь въ первое время уважалъ его и какъ потомъ послѣдовала перемѣна въ ихъ отношеніяхъ; здѣсь онъ рассказываетъ случай при встрѣчѣ Теймураза, по которому царь не далъ ему никакого удовлетворенія, говоритъ далѣе, какъ царь пересталъ являться при патріаршемъ служеніи и чрезъ бояръ извѣстилъ его о своемъ гнѣвѣ, и какъ онъ рѣшился, наконецъ, оставить патріаршество; затѣмъ слѣдуютъ жалобы на бояръ и государя, что предоставилъ себѣ и имъ большую власть въ церковныхъ дѣлахъ, особенно учрежденіемъ такъ называемаго монастырскаго приказа; отъ бояръ переходитъ къ Паисію Лигариду, говоритъ объ его вліяніи на царя, о жизни въ Москвѣ и проч.; упоминаетъ о нѣкоторыхъ другихъ, болѣе частныхъ обстоятельствахъ, какъ напр. о томъ, какъ Стрѣшневъ называлъ его именемъ собаку и научилъ ее благословлять по-патріаршески, и какъ за это онъ его проклялъ. Письмо было написано вообще не въ спокойномъ духѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, и гдѣ рѣчь идетъ о Паисіи, о которомъ Никонъ говоритъ съ величайшимъ негодованіемъ, не стѣсняясь никакими выраженіями. Предстояло большое затрудненіе, какъ переправить письмо въ Константинополь. Вызвался отвѣсти его дальній родственникъ Никона, жившій у него въ числѣ боярскихъ дѣтей. Приняты были всѣ предосторожности, чтобы тайно выѣхать ему изъ Россіи; но за Никономъ и его людьми слѣдили неусыпно: посланца схватили на дорогѣ, отобрали отъ него письмо и доставили государю. Этому письму суждено было пріобрѣсти важное значеніе при разсмотрѣніи Никонова дѣла на патріаршемъ соборѣ.

Патріархи прибыли въ Москву 2-го ноября 1666 г.; судъ же надъ Никономъ начался ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого: такой длинный промежутокъ времени прошелъ частью въ торжествахъ и церемоніяхъ, частью въ предварительныхъ совѣщаніяхъ и разсужденіяхъ о Никоновомъ дѣлѣ. Понятно, что эти совѣщанія имѣли существенную важность для дѣла: здѣсь именно патріархи должны были получить на него тотъ или другой взглядъ, соотвѣтственно которому они дѣйствовали потомъ на соборѣ. «Но всѣ эти предвѣстительныя совѣщанія, какъ замѣчаетъ Паисій, служили только преддверіемъ къ великой борьбѣ противъ пресловутаго Никона». Первый актъ этой борьбы происходилъ въ царскомъ дворцѣ, куда приглашены были патріархи, архіереи и синклитъ. Царь открылъ засѣданіе рѣчью. Послѣ рѣчи представлены были извѣстные намъ отвѣты четырехъ восточныхъ патріарховъ на вопросы о царской и патріаршей власти и прочтены изъ нихъ главные статьи; затѣмъ патріархи спросили русскихъ архіереевъ: дѣйствительно ли Никонъ виноватъ въ томъ, въ чемъ осуждаютъ его эти статьи? Они отвѣчали: да. Потомъ вручены были

патріархамъ разныя записки, заключающія въ себѣ вкратцѣ главнѣйшіе проступки Никона. При этомъ царь предложилъ имъ въ толмачи и слѣдователи по обвиненіямъ, произнесеннымъ противъ Никона, двухъ архіереевъ, Павла крутицкаго и Иларіона рязанскаго. Патріархи одобрили избраніе, но попросили придать имъ еще одноязычнаго съ ними Паисія, знакомаго съ дѣломъ. Государь отвѣчалъ: «Имѣйте его отнынѣ при себѣ; отъ него узнаете все подробно». Записка съ подробнымъ изложеніемъ обвиненій противъ Никона Паисіемъ же была составлена. Она очень обширна. Въ какомъ духѣ она написана, можно судить по началу: «Внемлите племена народовъ, главы церкви, равноангельные архіереи, небесные и земные чины и стихіи, которыхъ и Моисей призываетъ во свидѣтельство, внемлите! Я открою вамъ, праведнымъ судіямъ, козни бывшаго патріарха Никона, который, сверхъ всякаго чаянія, изъ сыновей бѣдныхъ родителей, будучи возведенъ на патріаршую кафедру, какъ новый Люциферъ, дерзнулъ поставить престолъ свой выше другихъ, сталъ поражать благодѣтелей своихъ и терзать, подобно эхиднѣ, родную мать свою церковь». Замѣчательно, что Паисій, желая рѣшительнѣе убѣдить патріарховъ въ преступности Никона, доказываетъ, что Никонъ посягалъ на достоинство и власть ихъ самихъ, александрійскаго и антиохійскаго патріарховъ, чего, разумѣется, никогда и на мысль не приходило Никону. Доказательства эти очень оригинальны. Паисій утверждаетъ, напримѣръ, что «Никонъ имѣлъ замыселъ называться патріархомъ и папою, нарушая должное почтеніе къ истинному папѣ и патріарху александрійскому», которому принадлежать это титло искони и понинѣ канонически. Никонъ оскорбилъ іерусалимскаго патріарха, «назвавъ себя патріархомъ Новаго Іерусалима, ибо онъ невѣжественно и безстыдно назвалъ обитель свою новою Новымъ Іерусалимомъ». Паисій старался представить Никона «нововодителемъ, поколебавшимъ уставъ и древнее церковное преданіе»; онъ ввелъ новыя наѣвы, отмѣнилъ нѣкоторые церковныя пѣсни, внутри алтаря предъ зеркаломъ расчесывалъ волосы и т. п. Что касается прочихъ обвиненій противъ Никона, то въ нихъ повторяются извѣстные толки о его гордости и надменномъ обращеніи съ архіереями, о крайней жестокости къ подчиненнымъ, неправосудіи и ужасномъ любостяжаніи, такъ что, по словамъ Паисія, онъ только и дѣлалъ, что, «вѣчно замкнутый, считалъ свои деньги и драгоценныя сибирскіе мѣха, предоставивъ судъ однимъ свѣтскимъ людямъ, обыкновенно продающимъ правосудіе».

Между собраніемъ, на которомъ патріархамъ вручена была записка съ обвиненіями противъ Никона, и послѣдовавшимъ за тѣмъ новымъ собраніемъ, прошелъ значительный промежутокъ времени. Это новое собраніе происходило 22-го ноября. Архіереи собрались теперь, чтобы рѣшить только вопросъ: произнести-ли надъ Никономъ судебный приговоръ, не приглашая его къ отвѣту, такъ какъ преступления его доказаны вѣрными свидѣтелями, или вызвать его на соборъ для выслушанія вопросовъ и подачи отвѣтовъ? Большинствомъ голосовъ рѣшено было вызвать Никона для законнаго оправданія. Составили соборъ во дворцѣ, въ столовой царской палатѣ; присутствовали самъ царь Алексѣй Михайловичъ, патріархи, архіереи, архимандриты съ нѣсколькими протопопами и синклитъ. Никонъ очень заботился сохранить свое патріаршее достоинство на судѣ предъ двумя восточными патріархами. Онъ настоялъ, чтобы ему

позволено было идти на соборъ въ преднесеніи креста. Не смотря на раннюю пору, Кремль былъ наполненъ народомъ; Никонъ на пути раздавалъ благословеніе. Въ столовую палату онъ вошелъ съ обычными обрядами. Ему предложили садиться; но увидѣвъ, что особаго мѣста, какъ другимъ патріархамъ, ему не приготовлено, онъ отвѣтилъ, что мѣста для себя не принесъ и сѣсть ему негдѣ; онъ предпочелъ стоя отвѣчать на вопросы. Тогда всталъ съ своего мѣста и царь Алексѣй Михайловичъ и просилъ выслушать, что онъ будетъ говорить. Алексѣй Михайловичъ обратилъ вниманіе патріарховъ на главное, въ чемъ виноватъ былъ Никонъ, на его самовольное удаленіе съ патріаршества, отчего церковь около девяти лѣтъ оставалась безъ верховнаго пастыря и претерпѣла много бѣдствій; онъ предложилъ патріархамъ разсудить объ этомъ поступкѣ Никона, допросить его. для чего поступилъ онъ такимъ образомъ? Патріархи предложили Никону этотъ вопросъ. Никонъ отвѣтилъ, что ушелъ по причинѣ царскаго гнѣва, и въ доказательство, что царь дѣйствительно гнѣвался на него, разсказалъ подробно о случившемся при встрѣчѣ Теймураза, какъ царь не далъ ему удовлетворенія по жалобѣ на Хитрова, и какъ послѣ того пересталъ являться при патріаршемъ служеніи въ нарочитые праздники. Дѣло касалось лично Алексѣя Михайловича; онъ отвѣчалъ, что когда Никонъ прислалъ жалобу, у него обѣдалъ грузинскій царь и въ ту пору розыскивать и оборону давать было некогда. Царь сказалъ еще, что въ праздники не дѣлалъ выхода за многими государственными дѣлами. Наконецъ, вѣроятно, также по поводу Никонова объясненія, Алексѣй Михайловичъ прибавилъ, что посылалъ къ патріарху кн. Ромодановскаго сказать, «чтобы онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ». Затѣмъ патріархи повторили Никону вопросъ: какія же обиды ему были отъ великаго государя? И потомъ съ тѣмъ же вопросомъ обратились къ рускимъ архіереямъ. Послѣдніе отвѣтили, что никакихъ обидъ Никону отъ государя не было. И самъ Никонъ сказалъ, что обидъ дѣйствительно не было, но что у него и рѣчи не было объ обидахъ, а говорилъ онъ о гнѣвѣ царскомъ: когда царь сталъ гнѣваться и пересталъ ходить въ церковь, тогда и онъ рѣшился оставить патріаршество, по примѣру прежнихъ патріарховъ, и «прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣжали же, Аванасій александрійскій, Григорій Богословъ». Этимъ отвѣтомъ Никонъ выводилъ соборныя разсужденія о его дѣлѣ на тотъ путь, которымъ слѣдовало бы идти имъ съ самаго начала; указывая въ свое оправданіе на примѣры древнихъ патріарховъ, онъ этимъ обращалъ вниманіе своихъ судей къ церковной практикѣ и каноническимъ правиламъ, на основаніи которыхъ имъ и слѣдовало разсуждать, имѣлъ ли патріархъ Никонъ право оставлять самовольно свою кафедру по тому или другому побужденію, и если не имѣлъ, то какому подлежить за то наказанію? Патріархи ограничились краткимъ замѣчаніемъ, по поводу сдѣланнаго Никономъ указанія на примѣры древнихъ патріарховъ, что примѣры эти не служатъ къ его оправданію. Царь представилъ собору письмо Никона, перехваченное на дорогѣ, какъ самую сильную улику противъ Никона въ разныхъ его преступленіяхъ: «Я на него ни малаго безчестія и укоризны не писывалъ, скасалъ при этомъ Алексѣй Михайловичъ, а онъ въ грамотахъ своихъ къ вселенскимъ патріархамъ написалъ на меня многія без-

честія и укоризны». Царь Алексѣй Михайловичъ далъ самое невыгодное толкованіе его письму. «Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія св. патріарховъ отчелъ и къ католицкой вѣрѣ причелъ и назвасть всѣхъ еретиками». Никонъ старался было объяснить свою мысль, говорилъ, что у него рѣчь идетъ о Паисіи, о поставленныхъ по его благословенію архіереяхъ; Паисія же онъ дѣйствительно не признаетъ православнымъ. Но объясненіе Никона не было принято. Самъ царь обратился на него вниманіе собора и притомъ выставилъ дѣло гораздо прямѣе и рѣшительнѣе, нежели въ первый разъ: «Бранясь съ митрополитомъ газскимъ, Никонъ писалъ въ грамотѣ константинопольскому патріарху, будто все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ святая соборная восточная церковь имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ св. московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало, держимъ и вѣруемъ по преданію св. апостолъ и св. отецъ истинно: бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили». При этомъ царь и весь соборъ поклонились патріархамъ до земли. Патріархи, съ своей стороны, поддержали мнѣніе царя. 5-го декабря собрались въ столовой царской палатѣ патріархи, власти, синклитъ. Явился на соборъ и Никонъ. Онъ вошелъ съ тѣми же обрядами, какъ и въ первый разъ, и также въ преднесеніи креста. Но теперь такая торжественность признана совершенно неприличною: «Повелѣша святѣйшіи патріархи, сказано въ соборномъ дѣяніи, крестъ святой инодіакону своему отъ крестоносца взять, и бысть тако». Начались опять допросы Никону и обвиненія противъ него. Порядка въ изслѣдованіяхъ на этомъ второмъ засѣданіи мы находимъ еще меньше, нежели на первомъ; безпорядочность доходила иногда до нарушенія благопристойности. То патріархи совершенно неожиданно зададутъ Никону вопросъ, въ родѣ слѣдующихъ: а зачѣмъ ты носишь черный клобукъ съ херувимами? или: а зачѣмъ ты надѣлъ на себя два креста? То встанетъ кто-нибудь изъ властей или бояръ, чтобы повторить, опять совершенно неожиданно, какую-нибудь старую улику противъ Никона; то всѣ вмѣстѣ закричатъ на него: «Какъ ты Бога не боишься! непристойныя ты рѣчи говоришь, безчестишь царя и святѣйшихъ патріарховъ!» Не удивительно, что и самъ Никонъ не слишкомъ заботился при этомъ о соблюденіи приличій, не стѣснялся въ своихъ отвѣтахъ даже патріархамъ. «Широкъ ты здѣсь,—замѣтилъ онъ по одному случаю антиохійскому патріарху,—какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ!» За подобныя рѣчи и патріархи платили ему суровыми словами. Антиохійскій сказалъ одинъ разъ: «Самъ дьяволъ исповѣдуетъ иногда истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ». Всего важнѣе было на этотъ разъ изслѣдованіе объ отреченіи Никона, происходившее и теперь въ самомъ началѣ засѣданія. Никонъ повторилъ свой прежній отвѣтъ, что ушелъ отъ государева гнѣва; но прибавилъ къ этому, что теперь готовъ идти куда великій государь изволитъ. Патріархи какъ будто не обратили вниманія на отвѣтъ Никона; они только замѣтили ему, что онъ отрекался съ клятвою, и что многіе слышали его клятву. «Это меня затѣяли», отвѣчалъ Никонъ и снова прибавилъ, что если онъ не нуженъ, куда царское величество изволитъ, туда онъ и пойдетъ. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ на второмъ соборномъ засѣданіи слѣдуетъ признать то, что здѣсь

была, наконецъ, сдѣлана попытка судить Никона на основаніи церковныхъ правилъ: патріархи приказали читать выдержки изъ постановленій по вопросамъ о царской и патріаршей власти. Никонъ отвѣчалъ на счетъ этихъ постановленій, «что ихъ нѣтъ въ русской Кормчей, а греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики въ Венеціи». Послѣ этого греческіе архіереи были спрошены: какъ долженъ быть наказанъ Никонъ, нарушитель божественныхъ каноновъ, презритель отеческихъ преданій, и проч., и проч.? Греки отвѣтили: «Да будетъ отлученъ и лишенъ всякаго священнодѣйствія». — «Хорошо вы сказали», — замѣтили на это патріархи, — пусть будутъ спрошены теперь и русскіе архіереи». Русскіе повторили отвѣтъ грековъ. Тогда встали оба патріарха, а александрійскій, въ качествѣ судіи вселенной, произнесъ приговоръ. Итакъ на соборѣ приведены были, безъ надлежащаго притомъ разсмотрѣнія, только два или три правила въ основаніе суда надъ Никономъ. Правда, самъ Никонъ, своими рѣзкими и странными замѣчаніями о греческихъ книгахъ, напечатанныхъ въ Венеціи, прервалъ повидимому дальнѣйшее чтеніе правилъ; но эти замѣчанія не могли бы служить препятствіемъ къ ближайшему разсмотрѣнію правилъ, относящихся къ дѣлу Никона, если бы сами члены собора имѣли желаніе войти въ такое разсмотрѣніе; кромѣ того, нельзя не замѣтить здѣсь еще разъ, что соборъ опять оставилъ безъ вниманія тѣ правила касательно поступковъ Никона, которыя въ значительномъ числѣ были уже собраны и разсмотрѣны на прежнемъ соборѣ. Приговоръ Никону, произнесенный александрійскимъ патріархомъ, «въ качествѣ судіи вселенной», начинается такъ: «Благословенъ Богъ и проч. Изволися Духу Святому и намъ: по данной намъ власти вязать и рѣшить, мы, согласно приговору святѣйшихъ патріарховъ, братій и сослужителей нашихъ, постановляемъ, что Никонъ на будущее время не есть и не именуется московскимъ патріархомъ, а инокомъ и старцемъ Никономъ, за проступки, всюду разнесшіеся, и за прегрѣшенія, имъ совершенныя противъ божественныхъ каноновъ».

Такимъ образомъ судьба патріарха Никона была наконецъ рѣшена. Заслуживалъ-ли онъ дѣйствительно такого строгаго приговора, какой былъ произнесенъ надъ нимъ? Мы, конечно, не возьмемъ на себя рѣшенія этого вопроса; но судъ надъ Никономъ или, точнѣе, ходъ этого суда, не имѣлъ законной правильности. Оставивъ безъ вниманія главную сторону дѣла, соборъ остановился преимущественно на разныхъ частныхъ обвиненіяхъ противъ Никона, притомъ воспользовавшись случайнымъ обстоятельствомъ, перехваченнымъ письмомъ его къ патріархамъ, остановился на обвиненіяхъ въ такихъ проступкахъ, которые, положимъ, подвергали его справедливому осужденію, но на которые не обратили бы вниманія (да и не обращали прежде), если бы не случилось главнаго, что довело его до суда, но на что судъ не обратилъ надлежащаго вниманія, т. е. самовольнаго оставленія кathedры на цѣлыхъ девять лѣтъ. И потомъ, какъ разсматривали на соборѣ самыя обвиненія, представленныя противъ Никона? Никонъ стоялъ не предъ судьями, а предъ одними обвинителями, которые собрались только затѣмъ, чтобы высказать ему его вины, дѣйствительность которыхъ они признавали уже не подлежащую сомнѣнію. Самъ Никонъ, по своему обычаю, очень рѣзко, но вмѣстѣ и вѣрно указалъ при двухъ случаяхъ внутреннія побужденія, которыми руководствовались патріархи въ судѣ надъ нимъ, и которыя, конечно, съ своей сто-

роны, старался внушить имъ и Паисій, знакомя ихъ съ положеніемъ дѣла. Когда патріархи въ столовой палатѣ произнесли надъ Никономъ приговоръ, онъ замѣтилъ имъ, что они не посмѣли бы этого сдѣлать, если бы не было на то воли государя. Въ другой разъ, когда патріархи, при низложеніи Никона, сняли съ него клобукъ съ жемчужными херувимами и панагію съ камнями, онъ сказалъ имъ: «Возьмите, это вамъ пригодится; вѣдь вы скитальцы и данники турокъ, пришли изъ далекихъ странъ не за тѣмъ, чтобы учинить миръ, а чтобы получить нѣчто потребное себѣ и чѣмъ заплатить данъ вашимъ обладателямъ». Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ ихъ поведеніи относительно Никонова дѣла замѣтно не столько желаніе выкинуть въ него со всею основательностью, сколько желаніе угодить царю и чрезъ то сохранить свои личные интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе, если не болѣе, охотно они оправдали бы Никона, какъ теперь осудили его, если бы это согласно было съ желаніемъ русскаго царя и, слѣдовательно, съ ихъ личными выгодами: вѣдь не затруднились же въ послѣдствіи четыре патріарха разрѣшить Никона, уже умершаго, отъ осужденія, произнесеннаго надъ нимъ ихъ «братіями», возвратить ему имя патріарха и прислать прощальныя грамоты, когда ихъ попросилъ объ этомъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Прошла цѣлая недѣля послѣ того, какъ на соборѣ былъ произнесенъ судъ надъ Никономъ. Наконецъ 12-го декабря его призвали въ церковь Благовѣщенія, надъ воротами въ Чудовомъ монастырѣ. Въ церкви находились только патріархи съ архіереями да нѣсколько бояръ. Алексій Михайловичъ не рѣшился присутствовать при такомъ печальномъ дѣйствіи, какъ низложеніе его бывшаго друга, котораго прежде онъ самъ торжественно возвелъ на патріаршій престолъ. Изъ народа въ церковь не пустили никого. Какъ только вошелъ Никонъ, патріархи велѣли читать соборное постановленіе объ его низложеніи съ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ его проступковъ. Потомъ александрійскій патріархъ снялъ съ него клобукъ съ херувимами и панагію; только архіерейской мантии не рѣшился снять съ него, а велѣно было отобрать ее у Никона уже на пути въ заточеніе. Тайкомъ отъ народа совершали надъ Никономъ обрядъ низложенія; тайкомъ же рѣшились отправить его и въ заточеніе. Отъѣздъ былъ назначенъ 13-го декабря. Съ утра стали сходитьсь въ Кремль толпы народа. Между ними распространился слухъ, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ, и когда народъ устремился туда, чтобы занять удобныя мѣста, гдѣ можно будетъ видѣть низложеннаго патріарха, Никона выпроводили изъ Москвы другими улицами. Его повезли въ ссылку въ Отрапонтонъ монастырь.

Въ дѣлѣ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ рѣшился вопросъ о сравнительномъ превосходствѣ властей церковной и гражданской; съ паденіемъ Никона восторжествовала эта, послѣдняя.

ЛХХVІІІ. ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВИТІЕ РАСКОЛА.

(Изъ соч. Щапова «Русскій расколъ старообрядства»).

„Насѣялъ небесный Домовладыка плодovitую ниву нашей православной державы пшеницею чистаго благочестія“, съ глубокою скорбью говорилъ царь Алексѣй Михайловичъ на московскомъ соборѣ въ 1667 году; „но завистливый врагъ въ то время, какъ мы, поставленные отъ Бога стражами надъ ней, дремали, всѣялъ куколь душевредный. Куколь этотъ — душепагубные нынѣ насѣянные расколы, которыхъ тлетворное прозябаніе тѣшитъ осквернить чистую пшеницу слова Божія истинной католической вѣры“. Эти скорбныя слова царя Алексѣя Михайловича говорилъ по поводу русскаго раскола старообрядства, который съ 1666 г. уже явно и окончательно отпалъ отъ церкви. Съ этого времени и до конца XVII столѣтія расколъ весьма быстро распространялся. Какія были причины быстрого распространения раскола по Россіи? Историческія причины происхожденія и распространения раскола заключались: а) въ духѣ времени, въ которое возникъ и распространения расколъ старообрядства, именно въ томъ, что съ XVI в. до патріарха Никона, многіе въ русскомъ народѣ питали суевѣрную привязанность къ одной внѣшней обрядности церковной безъ духа вѣры, и, будучи слѣпо привержены ко всему, что имѣло видъ какой бы то ни было, только русской, старины, обнаруживали недовольство церковными исправленіями и гражданскими преобразованіями, начавшимися въ царствованіе Алексѣя Михайловича при Никонѣ; здѣсь заключается главный и первоначальный источникъ раскола; б) въ духовно-нравственномъ состояніи русскаго народа во время возникновенія и распространения раскола; здѣсь находится самая почва, въ которой развился и распространился расколъ; в) въ самомъ расколѣ, особенно расколоучителяхъ и въ духѣ и въ направленіи раскола; здѣсь заключаются внутреннія силы и способы, посредствомъ которыхъ расколъ самъ собою развился, возросталъ и распространялся, какъ опредѣленное общество, отдѣльное отъ православной церкви; г) въ уклоненіяхъ отъ церковнаго или церковно-іерархическаго порядка, допускавшихся нѣкоторыми православными лицами, и въ другихъ недостаткахъ относительно благоустройства церковнаго, и д) въ разныхъ гражданскихъ безпорядкахъ и недостаткахъ того времени, когда возникъ и распространился русскій расколъ. Это, такъ сказать, была атмосфера, подъ вліяніемъ которой развивался расколъ.

Нѣкоторые писатели выражаютъ мысль, будто ревностная поспѣшность Никона въ исправленіи книгъ произвела раскольниковъ. Раскольниковскіе писатели признаютъ также патріарха Никона единственнымъ виновникомъ раскола въ русской церкви. Оба эти обвиненія, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, среди которыхъ появился расколъ, оказываются несправедливыми. Исправленіе церковныхъ книгъ патріархомъ Никонѣмъ было не болѣе, какъ только внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола. А главный, первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, но церковно-гражданскій, кроется гораздо глубже и восходитъ гораздо далѣе временъ патр. Никона. Русскій расколъ явно сложился изъ двухъ началъ: во-первыхъ, изъ начала собственно церковнаго, какъ секта церковно-обрядовая, несогласная съ православною церковью въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ; во-вторыхъ, изъ начала гражданскаго, или противогосударственнаго, какъ секта, возставшая, по собственному выраженію раскольниковъ, противъ новшествъ не только церковныхъ но и гражданскихъ. Потому и источника раскола прежде всего надобно искать въ духѣ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа въ тотъ періодъ времени, когда расколъ зачался, развился и распространился. Въ продолженіе всей древней русской исторіи вѣра и благочестіе предковъ нашихъ имѣли направленіе преимущественно церковно-богослужебное, обрядовое. Богослужебнымъ книгамъ усвоили почти такое же существенное значеніе въ дѣлѣ спасенія, какъ самому слову Божію и вѣрѣ Христовой. Богослужебныя книги съ благоговѣйнымъ усердіемъ и любовью списывали, переписывали и читали „въ честь и славу Отцу

и Сыну и Святому Духу, или, себѣ на здравіе и на спасеніе и поущимъ ихъ". Нѣкоторые даже всю жизнь свою посвящали перепискѣ першорныхъ книгъ, и этимъ благочестивымъ трудомъ занимались не только инокъ, священники и міряне, но и сами архипастыри и князья. Въ XVII в. въ церковныхъ книгахъ оказалось уже „многое нѣкое и презалишнее разгласіе еже и къ заповѣдямъ господнимъ несличное стихословіе“, отъ котораго возникло уже „всякое несогласіе и несоотвѣстность въ церковномъ соединеніи“, какъ замѣчали самъ царь Михайлъ Федоровичъ и патр. Филаретъ. Даже нѣкоторые честные протопопы, „служащіе въ святыхъ церквахъ, по священнымъ книгамъ чтуще и поуще, не добръ разумѣли глаголаемое и читаемое“. Дѣти получали отъ своихъ родителей чисто внѣшнее, мертво-обрядовое воспитаніе: ихъ учили только земнымъ поклонамъ и двуперстному или трехперстному кресту, а никогда не объясняли, въ чемъ состоитъ духъ христіанскаго поклоненія *духомъ и истиною*, въ чемъ состоитъ искушительное значеніе креста; имъ преподавали подробныя до мелочности правила, какъ вкушать просфоры, какъ улачивать ихъ на кусочки и проч., а возвышенныхъ истинъ евангельскаго ученія и кратко никогда не преподавали. Патріархъ Никонъ положилъ пресѣчь раскольническое направленіе въ самомъ его источникѣ и воостановить богослужебно-обрядовый чинъ и церковно-богослужебную жизнь въ ихъ первоначальной чистотѣ. Дѣятельно, съ дальновидною ревностью и истинно пастырскимъ благоразуміемъ началъ онъ исправлять церковно-богослужебныя книги, при посредствѣ людей ученыхъ, каковы: Епифаній Славинецкій, Арсеній Грекъ и другіе по древне-славянскимъ и греческимъ подлинникамъ, послѣ предварительнаго совѣщанія съ русскими пастырями на соборѣ 1654 года, съ соизволенія царя Алексѣя, по согласію съ патріархомъ константинопольскимъ и при соучастіи антиохійскаго Макарія. Зачинщиковъ раскола онъ устранилъ отъ книгопечатнаго двора, какъ людей неспособныхъ къ исправленію книгъ; а потомъ, когда встрѣтилъ отъ нихъ пререканіе и противодѣйствіе въ дѣлѣ исправленія книгъ, разсылая ихъ въ ссылку и заточеніе по разнымъ мѣстамъ. Такимъ образомъ, Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно законными, истинно-церковными мѣрами. Всѣ главныя зачинщики его были разсыланы. И издатели „Служебника“ 1655 г. имѣли полное право сказать, что благочестивымъ повелѣніемъ патр. Никона и царя Алексѣя Михайловича, „лукавство изчезе, неправда отгнана бысть; лжа потребися, вмѣсто же сихъ истина ликуетъ, правда цвѣтетъ, любовь владычествуетъ“. Сдѣлавши столь успѣшное начало, Никонъ издалъ первую важнѣйшую въ церковномъ богослуженіи книгу „Служебникъ“, въ то же время признавъ нужнымъ издать толкованіе церковныхъ обрядовъ и таинствъ, чтобы ввести православныхъ въ самый духъ и смыслъ церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Вслѣдствіе такихъ энергическихъ, умныхъ и благодатныхъ распоряженій Никона можно сказать, что расколъ, вѣроятно, былъ бы совершенно остановленъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально проявился, какъ секта религиозно-обрядовая. Но въ это время, къ величайшему несчастію, многочисленныя и сильныя враги Никона при дворѣ общимъ заговоромъ съ раскольниками возстали лично противъ самаго Никона, совершенно лишили его прежней свободы дѣйствованія, даже благорасположенія и содѣйствія царя, и принудили удалиться изъ Москвы, а зачинщиковъ раскола, вождей и поборниковъ его, возвратили изъ ссылки въ Москву и подъ видомъ будто ревности къ старой вѣрѣ, а въ самомъ дѣлѣ для успѣшнаго выполненія своихъ замысловъ касательно Никона, дали полную свободу и просторъ распространенію раскола. Такимъ образомъ, въ продолженіе восьмилѣтняго междупатріаршества, мятежныя зачинщики раскола успѣли докончить свое дѣло, отторгли отъ церкви суевѣрныхъ ревнителей обрядовъ и образовали особое скопище мнимыхъ старообрядцевъ. Итакъ, первый зародышъ, первый основной элементъ раскола старообрядцевъ заключается собственно въ характерѣ религиозной жизни русскаго народа, въ вѣковомъ, историческомъ развитіи въ большей части народа, односторонняго, мертво-обрядоваго направленія, въ преобладанія внѣшности, обрядности надъ живою христіанскою мыслью и въ открывшейся съ XVI в. борьбѣ этой живой христіанской мысли, духа съ мертвою буквою и обрядностью.

Но сущность и сила русскаго раскола старообрядства заключается далеко не въ одной упорной ревности о старыхъ обрядахъ. Сила русскаго раскола заключается главнымъ образомъ въ его *религиозно-гражданскомъ демократизмѣ*.

въ томъ духѣ и направленіи, какое онъ получилъ во время самаго возстанія раскольниковъ противъ Никона, и особенно послѣ Никона, когда онъ перешелъ изъ сферы собственно церковной въ сферу гражданской, народной жизни. Расколъ возникъ въ патріаршество Никона, сначала въ нѣшемъ духовенствѣ, и возсталъ противъ церкви и особенно противъ патріарха Никона. Патр. Никонъ, глубоко любя христіанское богослуженіе, лучше всякаго другаго современнаго пастыря русскаго понималъ, какъ важно въ духовно-нравственномъ воспитаніи русскаго народа, особенно простаго народа, благоустроенное, благолѣпное церковное богослуженіе, и потому прежде всего обратилъ вниманіе на исправленіе и усовершеніе церковно-богослужебнаго чина и порядка, разстроенаго главнымъ образомъ небреженіемъ и невѣжествомъ неграмотнаго къ богослуженію духовенства. Такъ онъ не могъ равнодушно видѣть, въ какомъ упадкѣ находилось въ церкви русскаго богослужебное пѣніе. Еще будучи митрополитомъ новгородскимъ, онъ „первѣе повелѣ въ соборной церкви греческое и кievское пѣніе пѣти... и превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибавѣ крылосы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго, и таковаго пѣнія, якоже у него, ни у кого не бывало“. Въ то же время онъ старался ввести въ церкви русскаго внятное и благоговѣнное чтеніе при богослуженіи. Какъ истинный просвѣщенный пастырь, Никонъ не могъ равнодушно видѣть, что многіе неразумно, даже и не похристіански почитали св. иконы, молились въ церквахъ всякъ своей, изъ дома принесенной, иконѣ, называя ихъ своими богами. Отъ глубокаго упадка духовнаго просвѣщенія въ Великороссіи до патр. Никона весьма умножилось число священно и церковно-служителей недостойныхъ, неграмотныхъ, весьма мало просвѣщенныхъ; много было священниковъ почти безграмотныхъ. Патр. Никонъ не могъ терпѣть безпорочной жизни въ духовенствѣ. Стараясь привести въ уваженіе священный чинъ, онъ былъ взыскателемъ къ нерадивымъ, непослушливымъ и злымъ. Онъ выслушивалъ и безпристрастно удовлетворялъ справедливыя жалобы челобитчиковъ на духовныхъ, принималъ доносы отъ областныхъ управителей о худыхъ поступкахъ духовенства и порочныхъ протопоповъ, поповъ и другихъ священнослужителей строго смирялъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, заключалъ въ темницы. Особенное, строгое вниманіе обратилъ онъ на выборъ ставленниковъ. Усердно изыскивалъ и умножалъ способы для распространенія духовнаго просвѣщенія. Послѣ слабаго надзора за духовенствомъ при предшествовавшихъ Никону патріархахъ, понятно, какъ тяжкимъ казалось необыкновенно строгое управленіе Никона. Множество было недовольныхъ въ духовенствѣ строгимъ управленіемъ Никона. При такомъ настроеніи умовъ, при почти общемъ недовольствѣ духовенства управленіемъ Никона и при суетвѣрномъ предубѣжденіи почти всего народа противъ церковныхъ исправленій, еще болѣе усиленномъ и распространенномъ неблагонамѣренными справщиками, слѣдовало только воззвать кому либо изъ недовольныхъ Никомомъ въ духовенствѣ или въ народѣ, и расколъ неминуемо долженъ былъ возникнуть. Изъ исторіи первоначальнаго распространенія раскола видно, что почти вездѣ первые, главные расколоначальники были изъ духовенства: протопопы, попы, архимандриты и простые иноки. За духовенствомъ уже возставалъ народъ. Но, возникши первоначально въ сферѣ религіозной, церковной, расколъ не остановился на этомъ, потому что духъ времени заключалъ въ себѣ много элементовъ для дальнѣйшаго развитія и усиленія его. Вскорѣ послѣ паденія Никона расколъ перешелъ въ сферу гражданской жизни и здѣсь получилъ новую жизнь. Послѣ роковаго 1686 года, когда на великомъ патріаршемъ соборѣ московскомъ окончательно довершено и утверждено было великое дѣло Никона, начались народные гражданскіе бунты подъ знаменемъ раскола. Съ этого времени расколоначальники подняли свой мятежный голосъ уже не противъ одного патр. Никона, но и противъ царя Алексѣя Михайловича. Въ первой половинѣ XVII вѣка въ русскомъ народѣ господствовало глубокое предубѣжденіе противъ иностранцевъ; смотря на нихъ, какъ на еретиковъ, поганыхъ, зловѣрныхъ, русскіе за грѣхъ почитали даже ѣсть и пить съ ними изъ одной посуды; не смотря на то, въ царствованіе Алексѣя Михайловича общеніе съ иностранцами все болѣе и болѣе возрастало, и приливъ служилыхъ иноземцевъ (докторовъ, аптекарей, инженеровъ, офицеровъ, фабрикантовъ) увеличивался съ каждымъ годомъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являлись новыя, западные обычаи, напр.

украшение комнат картинами и портретами, театральныя представленія, оркестръ музыки, танцы, большая простота, мягкость и непринужденность свѣтскаго обращенія и угощенія, исключавшаго прежнюю грубую восточную обрядность и формализмъ и т. п.; домъ А.-С. Матвѣева былъ въ то время училищемъ новаго, европейскаго, великосвѣтскаго образованія. Нѣкоторые московскіе бояре стали „носить платье, кафтаны и шапки съ иноземскихъ образцовъ“. Равнымъ образомъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторые бояре, по примѣру иностранцевъ, начали себѣ брить бороды и стричь волосы, также вопреки господствовавшему въ народѣ суевѣрному предубѣжденію противъ бладобритія. Всѣ эти и подобныя новизны, переходившія къ намъ съ запада, весьма не нравились закоренѣлымъ приверженцамъ русской старины. Народъ по этимъ признакамъ новаго духа времени предчувствовалъ тотъ поворотъ, который долженъ былъ скоро совершиться во всемъ нашемъ гражданскомъ образованіи, во всемъ обществѣ: нераасудительные русскіе люди, привыкшіе жить въ своей національной замкнутости и исключительности, думали, что подлѣ наѣхавшихъ въ Россію иностранцевъ, нѣмцевъ, латиновъ, они не могутъ остаться прежними православными русскими людьми, что съ новыми иноземными обычаями общенія должны исчезнуть старыя благочестивыя, религиозныя русскіе нравы и обычаи.

Нравственная жизнь большей части русскаго народа, предъ появленіемъ раскола и во время распространенія его, къ прискорбію, во многихъ отношеніяхъ представляла почву самую благоприятную и удобную для распространенія раскола. Нравственная жизнь русскаго народа въ рассматриваемое время представляла весьма обильную почву для возрастанія раскола потому, что она не оживлена, не озарена была въ достаточной мѣрѣ животворнымъ свѣтомъ просвѣщенія. Старыя книги, старыя понятія, и никакой новой, свѣжей мысли, никакой новой книги, даже никакого новаго изданія, а тѣмъ болѣе исправленія старой книги! Вотъ жалкій девизъ умственной жизни большей части народа въ XVII в. Съ невѣжествомъ всегда находится въ тѣсной связи грубое легковѣріе и суевѣріе. При недостаткѣ нравственнаго вліянія духовенства, суевѣріе въ народѣ особенно поддерживалось колдунами и чародѣями, этими вѣковыми хранителями языческихъ суевѣрій. Древнія языческія суевѣрія въ XVII в. какъ будто снова оживали въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, и мракъ этихъ суевѣрій до такой степени окружалъ, затемнялъ умственную жизнь народа, что правительство церковное и гражданское находилось вынужденнымъ дѣйствовать противъ суевѣрій особенно, систематически, указами и грамотами. Въ XVII в. неоднократно возникали даже процессы о колдовствѣ. Съ XVI в., кромѣ того, въ настроеніи русскихъ умовъ особенно усилилось еще какое-то странное мистикоапокалиптическое воззрѣніе не только на церковныя, но и на гражданскія событія и перемѣны въ Россіи. Особенно великое, бѣдственное потрясеніе Россіи въ началѣ XVII в. открывало людямъ религиозно-настроеннымъ, но легкомысленнымъ, непросвѣщеннымъ, широкій просторъ для разныхъ мистико-апокалиптическихъ толковъ и гаданій, которые распространяясь въ народѣ, возбуждали въ немъ суевѣрныя ожиданія скорого свѣтопреставленія, безотчетныя опасенія за цѣлость и сохранность православной русской вѣры и церкви и древняго порядка и устройства Россіи. Подъ вліяніемъ мистико-апокалиптическихъ воззрѣній, въ каждомъ необыкновенномъ лицѣ, выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ русскихъ людей, или возмущавшемъ старый порядокъ вещей, или вводившимъ что либо новое, видѣли образъ антихриста. При такомъ настроеніи умовъ, могъ ли не имѣть успѣха расколъ, который, въ религиозномъ отношеніи, и есть ничто иное, какъ окончательное проявленіе, утвержденіе, освѣщеніе всѣхъ мѣній и суевѣрій XVI и XVII в.? Ложно-апокалиптический взглядъ раскола на церковныя исправленія Никона и гражданскія преобразованія Петра В., главная и существенная проповѣдь его о воцареніи будто бы въ Россіи антихриста съ 1666 г. суть прямое слѣдствіе, окончательное развитіе и выраженіе мистико-апокалиптическихъ мѣній и ожиданій XVI и первой половины XVII в. И такъ какъ эти мѣнія сильно, глубоко занимали въ то время духъ народа, то не удивительно, что расколъ, раскрывшій освѣтившій эти мѣнія, встрѣтилъ живое сочувствіе въ большой части народа и сильно распространялся. Расколъ потворствовалъ суевѣрію и распространялся по причинѣ суевѣрія, преобладавшаго въ XVII и даже въ XVIII в. Народъ русскій изъ стари отличался уваженіемъ и привязанностью къ своему духовен-

ству; но, частью худое поведение нѣкоторыхъ изъ самыхъ духовныхъ, частью еретики, особенно возстававшіе противъ православнаго духовенства, мало-помалу ослабляли, потрясали въ народѣ рускомъ это уваженіе къ духовной іерархіи. Уже во второй половинѣ XVI в. ересь стригольниковъ сильно потрясла довѣренность къ духовенству не только низшему, но и высшему. Худая, неблагопріятная жизнь многихъ духовныхъ еще болѣе подкрѣпляла и увеличивала такое неуваженіе къ духовенству. Вслѣдствіе этихъ причинъ въ XVII в. противленіе церковной іерархіи и стремленіе освободиться отъ власти и нравственнаго вліянія духовенства обнаруживалось весьма часто и многообразно. Нѣкоторые недовольны были, напр., вотчиннымъ управленіемъ и судомъ церковной власти, и потому стремились освободиться отъ власти духовенства. Злоупотребленія церковнаго вотчиннаго управленія и владѣнія все чаще и чаще обнаружившіяся въ XVI и XVII в., еще болѣе усиливали это стремленіе и непозиновеніе церковной власти. Крайній недостатокъ нравственнаго вліянія духовенства на народъ и порочная жизнь еще болѣе увеличивали возможность появленія и усиленія безпоповщины. Естественнo и то, что расколъ преимущественно утвердился и распространился на сѣверѣ, въ новгородскихъ погостахъ, ибо здѣсь неизгладимо сохранились еще остатки ереси стригольниковъ, тоже возстававшихъ, какъ извѣстно, противъ церковной іерархіи и духовенства.

Говоря объ умственныхъ и нравственно-религіозныхъ недостаткахъ русскаго народа въ XVII в., благопріятствовавшихъ развитію раскола, мы не можемъ, наконецъ, умолчать еще объ одномъ мрачномъ недостаткѣ, который, впрочемъ, свойственъ былъ большей части нашего народа не только въ XVII в., но и всегда. Это склонность его къ грубой, необузданной свободѣ въ нравственной жизни, къ грубому разврату и праздношатайству. При недостаткѣ постояннаго, вполнѣ обезпеченнаго, усерднаго труда, особенно же при господствѣ въ XVII в. безпорядочнаго бродяжничества народа, необразованный русскій человѣкъ, въ своей праздной, бродячей, разгульной жизни, или предавался вѣдѣнымъ толкамъ и отсюда легко переходилъ къ расколу, или, къ вымыслу какого либо раскольническаго толка, или всего чаще предавался грубому разврату и отъ него также доходилъ до раскола. Исторія показываетъ, что для простаго народа нашей самой сильной, почти единственной нравственной сдержкой, главнымъ нравственно-воспитательнымъ средствомъ въ древнее время были постановленія церкви. Забывалъ, оставлялъ онъ эту послѣднюю нравственную сдержку, это послѣднее самое сильное средство нравственнаго самосохраненія, что и было въ не малой части русскаго народа въ XVII в., и вотъ его грубая страсти, плотскіе чувственные инстинкты его неразвитой, не смягченной просвѣщеніемъ природы, проявлялись во всемъ своемъ дикомъ, необузданномъ разгулѣ. Если и въ наше время этотъ недостатокъ еще господствуетъ въ народѣ, то въ XVII в., при грубости, жесткости нравовъ, при совершенномъ отсутствіи просвѣщенія, смягчающаго, облагораживающаго народную нравственность, эта склонность къ необузданной свободѣ, разгулу жизни выходила даже изъ границъ общественнаго благочинія и порядка. Когда мы обращаемъ вниманіе на эту привычку къ грубой, ничѣмъ не сдерживаемой свободѣ жизни и разврату, на это нравственное отрицаніе необходимости высшаго церковнаго освещенія союза мужчины и женщины, намъ становится понятнымъ, почему и въ русскомъ расколѣ старообрядства, почему и въ скитахъ и монастыряхъ раскольническихъ такъ сильно былъ развитъ развратъ, и такъ приманчивъ онъ былъ для многихъ русскихъ людей. Расколъ освятилъ и этотъ мрачный недостатокъ народнои нравственности русскаго стараго времени. Безпоповщина въ главѣйшихъ своихъ толкахъ расторгаетъ и запрещаетъ бракъ и позволяетъ, какъ въ мірѣ живущимъ, такъ и подвизающимся въ общинахъ или монастыряхъ, незаконное сожитіе. Многія секты, какъ напр., стефановщина, филиповщина и другія, блудъ считаютъ любовью.

Нравственные недостатки русскаго общества XVII в. заключали въ себѣ начала, изъ которыхъ организовался, сложился расколъ. Какія же были орудія, силы и способы въ самомъ расколѣ, послѣ окончательнаго отдѣленія его отъ церкви, посредствомъ которыхъ онъ развился въ такую сильную и многочисленную общину? Главными орудіями образованія и распространенія раскола, очевидно, прежде всего были расколуучители. Это были люди, стоявшіе во главѣ оппозиціи, недовольной новымъ порядкомъ вещей, люди, къ которымъ примыкали всѣ недовольные въ томъ или другомъ отношеніи церковнымъ и

гражданскимъ правительствомъ. Мятѣжное движеніе, произведенное первоначально расколоучителями въ сферѣ собственно церковной, скоро перенесено было ими въ сферу гражданской, народной жизни и во главѣ его стали являться и дѣйствовать уже чисто въ духѣ демократическомъ воамутители народные, партизаны противогосударственныя, каковы напр. Хованской, Стенька Разинъ, Денисовъ и др. Расколоучители стали являться изъ всѣхъ сословій и пошли проповѣдывать по Россіи расколъ по тѣмъ разнымъ нравственнымъ и народно-демократическимъ побужденіямъ, которыя существовали во внутренней жизни большей части русскаго народа XVII и первой половины XVIII в.: расколоучители изъ духовенства—по своимъ религіозно-демократическимъ побужденіямъ и стремленіямъ, расколоучители изъ стрѣльцовъ и солдатъ—по своимъ стремленіямъ къ старинной вольности и т. д. Общее начало было одно—противленіе, во имя старой вѣры, новому государственному порядку, демократическое недовольство церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ въ разныхъ отношеніяхъ и преимущественно недовольство новымъ порядкомъ и направлениемъ внутренней жизни Россіи, послѣ исправленій Никона и преобразованій Алексѣя Михайловича и Петра В. Со стороны расколоучителей первой и непосредственною причиною быстрого распространенія раскола почти по всей Россіи была уже эта самая чрезвычайная многочисленность ихъ, быстрое разсѣяніе съ проповѣдью о расколѣ по всей Россіи и постоянное, неусышное проповѣданіе раскола. Уже въ продолженіе 8 лѣтъ, пока Никонъ находился въ удаленіи отъ дѣлъ церковныхъ и церковь русская оставалась безъ патріарха, расколъ успѣлъ распространиться въ Россіи почти повсюду. Судъ надъ Никономъ, осужденіе и паденіе его въ глазахъ людей неразумительныхъ и суевѣрныхъ служили очевиднымъ доказательствомъ мнимой правоты раскола и неправды Никона. Расколовачальники торжествовали, и расколъ быстро, успѣшно распространялся. Успѣхъ первоначальной раскольничьей проповѣди весьма много зависѣлъ еще оттого, что первые расколоучители распространяли свое ученіе съ особеннымъ фанатическимъ жаромъ и энтузіазмомъ. Эта горячность, одушевленность и сила проповѣди, соединенная съ религіознымъ фанатизмомъ, который на первой порѣ во всякомъ сектантѣ всегда бываетъ чрезвычайно пламененъ, много содѣйствовали успѣху расколоучителей. Что удивительнаго, если расколоучители, особенно книжные, начитанные, даровитые, являлись простому народу, казались истинными учителями, радѣющими о его спасеніи. Они же, расколоучители, въ фанатической ревности и горячности своей предлагали свое ученіе, повидимому, съ самымъ горячимъ и искреннимъ сочувствіемъ къ душевному спасенію ближнихъ, съ глубокими вздохами сокрушенія о грѣховности міра, часто со слезами умиленія, почти всегда съ старою церковною книгою въ рукахъ, говорили о предметахъ самыхъ трогательныхъ для простоудушно-набожнаго сердца, глубоко потрясающихъ душу вѣрующаго, какъ-то: о наступленіи послѣднихъ временъ, о близкой кончинѣ міра, о пришествіи антихриста, о приближеніи второго пришествія Христова, о страшномъ судѣ и т. п. Простолудины, особенно благочестивые, простоудушно-набожные, невольно умилялись, умягчались сердцемъ, какъ воскъ, отъ такой проповѣди и совращались въ расколъ. Кромѣ этого общаго свойства, фанатической горячности, одушевленности и силы проповѣди первыхъ расколоучителей, многіе изъ нихъ имѣли большой успѣхъ въ дѣлѣ распространенія раскола по своимъ особеннымъ, личнымъ свойствамъ. Одни изъ нихъ, напр., ваушали къ себѣ полное довѣріе своимъ высокимъ священнымъ саномъ и авторитетомъ. Таковъ былъ епископъ коломенскій Павелъ. Не меньшимъ почетомъ, по своему сану и званію, пользовались въ народѣ и совѣтники Павла епископа, бывшіе прежде справщики книгъ, каковы: придворный протопопъ и духовникъ царскій Стефанъ Воиновъ, протопопъ Аввакумъ, протопопъ Іоаннъ Нероновъ и др., все протопопы, да при томъ еще справщики книгъ. Справщики книгъ считались въ народѣ самыми высшими мудрецами, богословами, законниками. И потому можно себѣ представить, какимъ довѣріемъ пользовались въ народѣ, и какое вліяніе могли имѣть на народъ всѣ эти расколоучители. Другіе расколоучители имѣли большой вѣсъ въ народѣ по своей близости ко двору и по своимъ связямъ съ высшими сановниками, князьями и боярами. Аввакума ласкали князья и бояре.

Самое географическое положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно сильно распространяли свои мысли старообрядческіе учителя, представляло имъ не мало

удобствъ для успѣшнаго распространенія и усиленія старообрядческой общины. Они преимущественно распространяли свое ученіе въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ географическія условія мѣстности благоприятствовали успѣшному и безпрепятственному распространенію ихъ мыслей. Въ сѣверномъ поморьѣ, въ предѣлахъ олонекскихъ и каргопольскихъ, безпрепятственному и успѣшному распространенію раскола весьма много благоприятствовали частью лѣсистою, пустынною и малонаселенною этихъ мѣстъ, частью малодоступною ихъ для правильнаго надзора, частью торговые пути сообщенія, которые изъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ поморскихъ городовъ и селъ пролегли въ южные и внутренніе города Россіи. Вольшіе, непроходимые лѣса представляли самыя удобныя мѣста для укрывательства и поселенія расколуучителей и ихъ многочисленныхъ послѣдователей: болота и озера ограждали ихъ отъ городовъ, откуда имъ угрожала опасность. Расколуучители обыкновенно поселялись въ этихъ лѣсахъ и отсюда ходили въ близлежащія православныя села и погосты для уловленія православныхъ въ свою общину.

Въ церковно-правительственномъ отношеніи происхожденію и распространенію раскола при Никонѣ весьма много содѣйствовало возстаніе, вмѣстѣ съ расколочальниками, бояръ противъ Никона и низложеніе его. Церковь русская никогда, кажется, не имѣла столько нужды въ единствѣ и согласіи дѣйствій церковнаго и гражданскаго правительства, какъ при Никонѣ, когда она совершала весьма важное и даже, можно сказать, послѣ принятія христіанства, самое великое дѣло исправленія церковнаго порядка и богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, и когда, между тѣмъ, противъ нея возстали противники церковнаго порядка и власти, ревновавшіе за старый церковный безпорядокъ. Къ несчастію, въ это-то самое время бояре монастырскаго приказа, заодно со многими членами боярской думы, напрягали почти всѣ усилія къ тому, чтобы ограничить власть церковнаго правительства и низвергнуть Никона. Боярамъ, желавшимъ совершенной независимости отъ патріаршей власти, господства надъ духовенствомъ и обладанія церковными и монастырскими имѣніями, нужно было, во что бы то ни стало, низложить сильнаго защитника правъ и величія высшей церковной власти Никона. по примѣру патр. Филарета безпощадно преслѣдовавшаго и обуздывавшаго ихъ своеволие, особенно противное канонамъ церковнымъ вмѣшательство въ дѣла чисто-духовнаго вѣдомства. Монастырскій приказъ служилъ для нихъ въ этомъ отношеніи лучшимъ оружіемъ. Виновникъ учрежденія монастырскаго приказа, кн. Одоевскій, былъ личнымъ врагомъ Никона. Никонъ не утерпѣлъ: съ твердостью и энергіею жаркаго защитника правъ церкви онъ возсталъ противъ монастырскаго приказа, возсталъ особенно противъ непомѣрнаго самоуправства бояръ въ непринадлежащей имъ сферѣ церковнаго правленія, но, къ прискорбію, тѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ. И вотъ, во время этого-то раздора, расколъ особенно усилился и распространился, принявъ сторону боярской оппозиціи противъ Никона.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи не мало благоприятствовалъ какъ происхожденію, такъ и распространенію раскола примѣчаемый во многихъ частяхъ церковнаго управленія въ XVII в. недостатокъ церковно-правительственнаго надзора. Особенно епархіальное управленіе русской церкви, въ періодъ распространенія раскола, представляло много неустройства и недостатковъ, которые были очень благоприятны для успѣха раскола. Исторія отдастъ полную справедливость многимъ благопопечительнымъ епархіальнымъ архипастырямъ 2-й половины XVII столѣтія, но свидѣтельствуется также, что въ это время были и такіе архипастыри, которые къ сожалѣнію, мало заботились о спасеніи душъ своей паствы и объ удовлетвореніи самымъ важнымъ потребностямъ своихъ епархій. Медленность въ поставленіи священниковъ въ прадные приходы была весьма благоприятна для распространенія раскола. Если архипастыри долго не поставляли священниковъ, гдѣ было нужно, то туда приходили расколыническіе наставники и учителя или бѣглецы расколыническіе попы и совращали православныхъ. Съ другой стороны, были въ нѣкоторыхъ епархіяхъ такіе архипастыри, которые поставляли недостойныхъ священниковъ. Отцы собора 1667 г. также жаловались, что епархіальные архіереи нерѣдко посвящали во священники безъ разбора людей всякаго рода: бѣглыхъ изъ рабства, изъ крестьянства, безъ отцускихъ и безъ свидѣтельствъ. Малоспособные, безграмотные и недостойные священники и дьяконы сами легко совращались въ рас-

коль да и другихъ за собою увлекали. Бывали случаи, что архимандриты, вмѣстѣ съ свѣтскими чиновниками, за взятки прикрывали раскольниковъ. Въ церковно-іерархическомъ отношеніи весьма много благопріятствовали распространенію раскола малочисленность и обширность епархій, отсутствіе епископскихъ кафедръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, были совершенно необходимы. Расколъ особенно свободно и успѣшно распространялся въ самыхъ большихъ епархіяхъ, которыя, по чрезвычайной обширности своей, весьма неудобны были для епископскихъ обозрѣній. И преимущественнымъ поприщемъ его распространенія здѣсь были отдаленнѣйшіе, крайніе предѣлы, которые почти совершенно лишены были епископскаго надзора и въ которыхъ, по ихъ обширности и отдаленности, слѣдовало быть особымъ епархіямъ. Такова, напр., была сибирская епархія и нѣкоторые великороссійскія.

Гражданское состояніе Россіи во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. не менѣе церковнаго состоянія ея заключало въ себѣ элементовъ, благопріятствовавшихъ развитію раскола. И въ государствѣ Московскомъ, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовалось въ имперію Всероссійскую, совершалась борьба разрозненныхъ силъ, началъ старой и новой Россіи. Въ народномъ бытѣ, въ гражданскомъ устройствѣ русскаго общества много было внутреннихъ противорѣчій, разрозненности, разлада, питавшихъ разединеніе въ духѣ народномъ. Соединяющая централизирующая сила государства стремится сосредоточить, примирить разрозненные народные элементы въ государственномъ единствѣ, въ крѣпости общественной, въ единствѣ законодательства и управленія, уничтожаетъ старую подвижность, распыленность народонаселенія, укрѣпляетъ его къ государственной землѣ, короче — стремится *собрать разсыпанныя храмины*, по выраженію великаго Петра; а большинство народа, масса, движимая еще средневѣковыми стремленіями къ разобщенію, не сознающая государства, упруго стремится удержать старое положеніе, или, по характеристическому выраженію актовъ, *бредеть врознь*. Правительство обращаетъ строгое вниманіе на личныя рабочія, производительныя силы народонаселенія: для этого вводитъ перепись подушную, ревизію душъ и государственное тягло и государственную службу переводитъ съ земли на лицо, каждому назначаетъ службу, работу въ своемъ опредѣленномъ общинномъ кругѣ, съ cadaго требуетъ также опредѣленной подушной подати. Такимъ образомъ, каждый членъ той или другой сословной общины строго, окончательно подчиняется, укрѣпляется къ государству. Тяжкимъ казалось большей части народа, воспитаннаго въ средневѣковой вольности, это строгое, личное подчиненіе и служба государству, эта личная, подушная зависимость отъ него. И вотъ множество было недовольныхъ этимъ, такъ сказать, личнымъ тяготѣніемъ къ государству, личнымъ укрѣпленіемъ къ общинамъ, невозможностью попрежнему исключиться изъ списка податныхъ и служилыхъ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича расколъ призналъ и донынѣ признаетъ противнымъ вѣрѣ Христовой. Расколъ отвергъ также законы и регламенты Петра В. Въ расколѣ сходились всѣ частныя антипатіи и стремленія: и недовольство деспотизмомъ власти и преобладаніемъ сильныхъ, и недовольство крѣпостнымъ состояніемъ, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стѣсненіе свободы и своеволія законами, и тягость податнаго состоянія, и прочія. Демократическая раскольническая община всѣмъ открывала и давала убѣжище и чрезъ то сама росла. Раскольническая община принимала всѣхъ тѣхъ, кто одержимъ былъ еще старымъ противогосударственнымъ духомъ противленія гражданской власти, личнаго произвола и необузданной свободы. Но особенно развитію раскола благопріятствовалъ духъ противогосударственной вольности и самоуправства, господствовавшій въ стрѣльцахъ и казакахъ, преимущественно по украинамъ Россіи. Стрѣльцы по городамъ были главными зачинщиками мятежей. Солдаты и особенно казаки, жившіе безъ строгаго надзора, также необузданно предавались своеволію и буйству, по уздамъ опустошали и разоряли храмы, мучили, сожигали и убивали народъ и причиняли вредъ государству. Известно, что доискіе казаки, которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считалось до 20.000, въ расколѣ принимали дѣятельное участіе. Бунтъ Разина, бунтъ Булавина и другихъ мятежниковъ, тысячи буйныхъ казаковъ и всякой вольницы, разбойничавшихъ вмѣстѣ съ ними на Дону и Волгѣ, это было буйное проявленіе всѣхъ старыхъ анархическихъ, противогосударственныхъ элемен-

товъ, къ концу XVII в. все болѣе и болѣе вытѣснявшихся изъ средины Россіи, скопившихся въ Украинѣ, куда еще не проникли благоустроительныя начала государства и подъ конецъ древней Россіи, такъ сказать, всплывшихъ наверхъ для того, чтобы показать весь хаосъ старыхъ, отжившихъ, противогосударственныхъ началъ и всю необходимость государственнаго возрожденія и обновленія Россіи. Тутъ были и бѣглецы дворяне, оставившіе службу, и бѣглецы попы и монахи, которыхъ преслѣдовала церковь за порочную жизнь, тутъ были и приказные, писавшіе переметныя письма измѣнникамъ для своей корысти, тутъ были и боярскіе люди и холопы, и крестьяне, не хотѣвшіе служить своимъ помѣщикамъ, и всякаго рода люди, одержимые противогосударственнымъ духомъ. И вотъ, среди этой-то толпы противогосударственныхъ людей расколъ нашелъ подкрѣпленіе, и она, подъ его знаменіемъ, ратовала противъ государства. Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII в. были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ, почти во всѣхъ концахъ ея, среди кореннаго туземнаго народонаселенія, находилось множество людей пришлыхъ, бѣглыхъ, гулищихъ. Много было такихъ людей въ сѣверной области Россіи, въ пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, гдѣ расколъ преимущественно распространился. Изъ московскихъ предѣловъ множество бѣжало народа въ низовые города и въ Заволжье. Вотъ въ какомъ броженіи находилось русское народонаселеніе въ то время, когда по Россіи распространялся расколъ! При такомъ бродяжничествѣ, трудно ли было распространиться ему? Удивительно ли, что сначала расколъ, прикрываясь именемъ пустынничества, самъ принялъ характеръ бродяжничества, потворствовалъ склонности и страси къ бродяжничеству? Поучая, что паспортъ есть печать антихриста, раскольники отрекаются отъ принадлежности своей обществу, говоря: „Града настоящаго не имамы, но грядущаго зыскуемъ“. По ихъ преданію, слова эти въ первый разъ сказаны были будто бы какими-то бродягами Петромъ и Евдокимомъ еще царю Алексѣю. Гражданское начальство Россіи, въ періодъ распространенія раскола во второй половинѣ XVII и первой половинѣ XVIII в., въ нѣкоторомъ отношеніи само было причиною усиленія народной, раскольнической оппозиціи противъ правительства и начальства. Народъ часто не находилъ правды на судѣ, и страдалъ невинно. Не даромъ чернь до того озлоблена была противъ бояръ, окольничихъ и другихъ чиновниковъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича неоднократно поднимала бунты противъ нихъ и неистово требовала у царя позволенія избивать виновниковъ народныхъ бѣдствій. Не даромъ тотъ же неистовый вопль раздавался въ бунтѣ стрѣльцомъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, бунтахъ донскихъ казаковъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, раскольники принимали самое дѣятельное участіе. Наконецъ не безъ причинъ раскольники доселѣ питаютъ злобную вражду къ начальству, чиновникамъ и нападаютъ даже на вѣншіе знаки, отличающіе чиновника отъ другихъ разрядовъ людей. Въ раскольническихъ стихахъ и сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчаются жалобы на неправду судей, на притѣсненія, причиняемые народу чиновниками, какъ на прямые знаки господства антихристова. Купцы и крестьяне всего болѣе страдали отъ чиновниковъ въ періодъ распространенія раскола: потому въ купцахъ и крестьянахъ всего болѣе замѣтна доннынъ раскольническая злоба противъ чиновниковъ и вообще противъ начальства. Поэтому основателей раскольническихъ сектъ, послѣ бѣглыхъ поповъ, дьяконовъ и дьяковъ, всего болѣе было изъ купцовъ и поселянъ. Бѣдные крестьяне страдали также и отъ крѣпостнаго состоянія. Крѣпостное положеніе ихъ было самое тяжкое. Если, съ одной стороны, гражданскіе начальники и помѣщики своими притѣсненіями отталкивали народъ отъ православнаго общества и невольно заставляли его уклоняться въ расколъ, то, съ другой стороны, многіе гражданскіе начальники и помѣщики, изъ за корыстныхъ видовъ, потворствовали расколу и тѣмъ способствовали его распространенію. Расколу часто потворствовали разныя начальствующія лица, особенно въ областяхъ. Почти во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда укрывались раскольники, преслѣдуемые церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ, они, къ сожалѣнію, находили между мѣстными управителями и чиновниками покровителей и помощниковъ, особенно по украинамъ Россіи, напр., въ сѣверномъ Поморьѣ, въ Сибири, въ Заволожскомъ краю, гдѣ вообще слабъ былъ надзоръ начальства. Такъ, когда расколоучитель попъ Козьма бѣжалъ изъ Москвы послѣ 1667 г. съ 20 единомышленниками въ Стародубскій край, „бѣше

ему на той часъ — стародубскій полковникъ зѣло знаетъ и другъ Гаврила Ивановичъ". Пользуясь покровительствомъ своего друга-полковника, погѣ Козьма положилъ основаніе знаменитымъ въ исторіи раскола 17 стародубскимъ слободамъ. Весьма много также способствовало распространенію раскола корыстное потворство раскольникамъ помѣщиковъ, промышленниковъ на заводахъ и ихъ управляющихъ и прикащиковъ. Раскольники, чтобы жить свободно въ помѣстьяхъ, старались угождать помѣщикамъ. Зажиточные крестьяне-раскольники исправно выплачивали оброкъ, а богатые раскольники охотно платили даже много лишняго оброка, лишь бы имъ было жить льготно, свободно въ помѣстьяхъ господъ. Потому помѣщикамъ выгодно было имѣть въ своихъ владѣніяхъ такихъ раскольниковъ, и вотъ они потворствовали имъ, а иногда и сами придерживались раскола. И такъ дѣлали не только свѣтскіе помѣщики, но и духовные вотчинники.

Въ заключеніе замѣтимъ, что самыя гражданскія мѣры противъ раскола, какія употреблялись во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII в. не столько уничтожали расколъ, сколько иногда еще болѣе способствовали его усиленію и распространенію. Не говоря о жестокихъ гражданскихъ казняхъ, которымъ подвергали раскольниковъ и которые только сильнѣе раздражали, озлобляли, ожесточали ихъ и тѣмъ еще болѣе усиливали оппозицію раскола, самая ссылка раскольниковъ немало способствовала распространенію раскола. Въ самомъ началѣ, какъ только открылся расколъ, царь Алексѣй Михайловичъ «многихъ раскольниковъ послать въ оземствованіе и въ темницы заточи». Многие изъ этихъ сосланныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ мѣстахъ ссылки и заточенія, какъ навѣсто, были первыми расколоучителями. Многие раскольники ссылаемы и заточаемы были въ монастыри, и адѣсь они, какъ сказано въ актахъ, притворствомъ и лукавымъ ухищреніемъ выманивались и, уходя изъ монастырей въ иныя мѣста, чинили противность горше перваго. Въ 1683 и въ 1702 г. сосланы были зараженные расколомъ стрѣльцы въ южную Россію на Яикъ: отъ нихъ и адѣсь заразились расколомъ донскіе и яикскіе казаки. А ссылки раскольниковъ въ Сибирь такъ много способствовали распространенію раскола въ этой странѣ, что въ 1722 г. Петръ В. по этому поводу и по ходатайству епископа нижегородскаго Питирима издавъ указъ о прекращеніи ссылки раскольниковъ въ Сибирь и о посылкѣ ихъ, вмѣсто Сибири, въ Рогервикъ на вѣчную работу.

XXIX. БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ МАЛО-РОССІИ КЪ МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ.

(Изъ «Разсказовъ о Западной Руси» Щербальскаго).

Съ самаго введенія униі, въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ, не прекращались нашія со стороны поляковъ, а со стороны русскихъ возстанія. Русь приходила въ конечное разореніе. Славный Кіевъ обратился въ это время въ ничтожный городишко; въ немъ было не болѣе 6.000 жителей. Домишки были всѣ низенькіе, крытые соломой, а по вечерамъ освѣщались лучинами; изъ множества церквей, украшавшихъ эту колыбель православія, оставалось только десять: всѣ прочія были или разорены, или обращены въ унию. Что было съ Кіевомъ, то и съ другими городами. Сынъ Острожскаго, сынъ Сапѣги, дѣти многихъ другихъ ревностныхъ православныхъ стали католиками. Іезуиты вездѣ торжествовали, а потомки старинныхъ князей русскихъ и литовскихъ дѣлались ихъ усердными помощниками, утѣсняя вѣру своихъ предковъ, утѣсняя своихъ братьевъ единоплеменниковъ.

Одна надежда была, казалось, на Россію, на ея защиту и покровительство. Русскіе западные стали вспоминать, что они одного племени съ восточными московскими; что они отдѣлились отъ своей братіи, когда надъ тѣми тяжело лежало татарское иго, но вотъ объ игѣ татарскомъ тамъ уже и память прошла, Москва пережила годину самозванцевъ, а западной Руси, которой было сначала легче, чѣмъ восточной, теперь съ каждымъ годомъ становилось все тяжелѣе. Видя это, кievскій митрополитъ Іовъ Борецкій посылалъ въ Москву сказать царю Михаилу: «У Малороссіи одна только дума, какъ бы поступить подъ твою государскую руку; намъ, кромѣ государя, некуда дѣваться». Но Московское государство еще не вполне оправилось послѣ смутнаго времени: принять Малороссію значило вступать въ тяжелую борьбу съ Польшей, а на это не было еще силъ у восточной Руси; слѣдовательно, Малороссіи должно было надѣяться только на свои собственные силы.

По счастью, силъ этихъ еще было много: ими были братства, духовенство, простой народъ; опорой православія и русской народности были также казаки. Поляки были недовольны казаками за ихъ безпокойный духъ, за набѣги, которые тѣ дѣлали на крымскія и турецкія земли и за которые нерѣдко приходилось отвѣчать Польшѣ; но съ ними поляки долго боялись поступать такъ безцеремонно, какъ съ остальною частью русскаго народа. Впрочемъ, ловкіе іезуиты всегда умѣли доставить назначеніе въ старосты, каштеляны и другія должности въ русскіхъ земляхъ горячимъ католикамъ, которые готовы были усердствовать въ католическомъ духѣ даже тогда, когда уже на польскомъ сеймѣ составлялись рѣшенія, не одобряющія религіозной нетерпимости. Это, положимъ, было еще понятно при королѣ Сигизмундѣ, который самъ былъ изувѣръ и негодовалъ на постановленія сеймовъ, если они оказывали снисхожденіе *схизматикамъ*; но то же самое продолжалось и при его сынѣ Владиславѣ, государѣ вообще очень милостивомъ. Народъ русскій не переставалъ притѣснять. Украина же не переставала возмущаться.

Казакамъ были, однакожъ, обѣщаны въ это время нѣкоторыя права, а именно: чтобы въ войсковые реестры вписывать уже не шесть, а двадцать тысячъ казаковъ и попрежнему избирать своего старшину. Король, кромѣ того, прислалъ имъ, въ знакъ своего благоволенія, булаву. Онъ это дѣлалъ отчасти потому, что точно благоволилъ къ казакамъ, а отчасти потому, что замышлялъ походъ противъ турокъ. На сказанныя льготы была прислана привиллегія, но привиллегія эта была передана только двумъ довѣреннымъ казакамъ, гетману Барабашу и войсковому нисарю Богдану Хмельницкому, съ тѣмъ притомъ, чтобы они до времени держали ее въ тайнѣ. А какъ война съ турками не состоялась, то и привиллегія королевская такъ и осталась подъ спудомъ у Барабаша. Объ этомъ зналъ только одинъ Хмельницкій.

Зиновій-Богданъ Хмельницкій былъ природный казакъ, учился въ кievскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ одной изъ школъ, заведенныхъ на Украинѣ іезуитами, и считался между своими земляками очень книжнымъ, ученымъ человѣкомъ. Службу свою онъ началъ при дворѣ одного изъ богатѣйшихъ украинскихъ пановъ, Потоцкаго, у котораго завѣдывалъ конюшными. Рассказываютъ, что однажды этотъ Потоцкій, напившись пьянъ за обѣдомъ, чуть не отрубилъ голову своему конюшему такъ, для потѣхи. Но Хмельницкому была дорога своя голова: онъ убѣ-

жалъ въ Сѣчь, а оттуда перешелъ на Украину и записался въ казаки, между которыми скоро заслужилъ уваженіе за свою храбрость, смѣтливость и расторопность. Онъ дослужился черезъ нѣсколько лѣтъ до званія генеральнаго писаря, одного изъ самыхъ важныхъ между казачьею старшиной. Научившись въ іезуитской школѣ скрытности и лукавству, Хмельницкій велъ себя очень искусно: былъ всегда за-одно съ казаками, участвовалъ во всѣхъ возстаніяхъ, бывшихъ въ его время, а между тѣмъ ладилъ съ поляками, которые, видя его образованность и цѣня умѣнье его говорить по-латыни, обращались съ нимъ, какъ съ шляхтичемъ. Но вотъ произошелъ случай, который навсегда разсорилъ его съ поляками. У Хмельницкаго былъ небольшой хуторъ, гдѣ и жилъ онъ съ своимъ семействомъ. Хуторъ этотъ понравился польскому подстаростѣ Чаплинскому, и онъ сталъ просить его для себя у гетмана, объясняя, что хуторъ этотъ заселенъ, а по закону казакъ не можетъ держать людей на своей землѣ. Кончилось тѣмъ, что Чаплинскій собралъ жолнеровъ, напалъ однажды на хуторъ Хмельницкаго и взялъ его себѣ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ и даже женою Хмельницкаго, а одного изъ его сыновей застрѣлъ до смерти. Самому Богдану удалось уйти, захвативъ съ собою только ту королевскую привиллегію, которую держалъ подъ спудомъ Барабашъ и которую не задолго передъ тѣмъ Хмельницкій укралъ у него, напоивъ его пьянымъ. Онъ кинулся къ гетману съ жалобой на Чаплинскаго, но удовлетворенія не получилъ, жаловался суду, но и тамъ отказались защитить его. Тогда озлобленный казакъ вышелъ и сказалъ: «Маю шаблю въ руцѣ: еще казацька не умерла мати!» За эти слова онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Бывъ оттуда освобожденъ чрезъ нѣсколько времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у сената и наконецъ у самого короля; но и тамъ жалобы его не были уважены. Тогда уже ничего болѣе не оставалось Хмельницкому, какъ взяться за свою «шаблю». Онъ такъ и рѣшился. Возвращаясь изъ Варшавы, онъ ѣхалъ медленно, останавливался въ каждомъ селѣ, заводилъ знакомства, вездѣ рассказывалъ о своихъ обидахъ и вывѣдывалъ, готовъ ли народъ подняться теперь, какъ во время Наливайки и Острицы. Эту готовность онъ находилъ вездѣ. Пробравшись наконецъ на Украину, Хмельницкій повѣстилъ о томъ своимъ пріятелямъ и просилъ ихъ пріѣхать на свиданіе съ нимъ въ какой-то лѣсъ. На зовъ его пріѣхало много старыхъ казаковъ съ сивымъ усомъ и съ рубцами отъ польскихъ сабель на морщинистыхъ лбахъ. Хмельницкій сталъ имъ говорить, что нѣтъ для казаковъ въ Подышѣ ни суда, ни защиты, что нечего имъ дѣлать другаго, какъ, по примѣру отцовъ, добывать себѣ правду саблями. «Вотъ, говорилъ онъ, показывая украденную привиллегію, король хочетъ насъ пожаловать, да паны не допускають. Чего ждать? Весь народъ русскій только ждетъ отъ насъ примѣра!» Однакожь для большей осторожности, Хмельницкій совѣтовалъ позвать къ себѣ на помощь татаръ. Казаки слушали, иные возражали: кончили однакожь тѣмъ, что всѣ съ нимъ согласились. Хмельницкаго тутъ же выбрали въ гетманы, чтобы вести казаковъ, когда наступитъ часъ. Это было въ 1646 году.

Уговорившись такимъ образомъ съ казаками украинскими, Хмельницкій поѣхалъ въ Сѣчь, чтобы оттуда пробраться въ Крымъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Кіевъ поклониться св. угодникамъ русскимъ. Полагають, что онъ видѣлся также съ митрополитомъ Петромъ Могилою и получилъ

отъ него благословеніе на замышленное дѣло. Потомъ онъ отправился къ запорожцамъ. Побывши нѣсколько времени въ Сѣчи и условившись съ главными запорожскими коноводами, Хмельницкій направилъ путь къ татарамъ и скоро воротился оттуда съ нѣсколькими тысячами наѣзниковъ. На другой день по прибытіи его собралась рада, на которой Хмельницкій объявилъ, что все готово для выступленія въ походъ. Рада весело зашумѣла и назначила Хмельницкаго гетманомъ.

Между тѣмъ польское начальство узнало о рѣчахъ Хмельницкаго въ Сѣчи о поѣздкѣ его въ Крымъ и начало собирать коронное войско; строгія взысканія были объявлены тѣмъ, кто вздумалъ бы уходить въ Запорожье. Но это никого не остановило: Украина начинала уже колыхаться. Казаки, крестьяне, вообще русскіе и православные люди толпами кинулись къ Запорожью. Такъ прошла зима. Въ началѣ 1647 г., какъ только стоялъ снѣгъ и Днѣпръ вскрылся, Хмельницкій съ казаками и татарами переправился чрезъ него и сталъ недалеко отъ впаденія въ него рѣки Тасьмина. Собрались между тѣмъ и поляки: командовалъ ими коронный гетманъ Потоцкій. Онъ послалъ противъ Хмельницкаго два войска: одно сухопутнымъ, другое Днѣпромъ, на судахъ. Узнавъ, что на судахъ плывутъ все свои же, казаки, Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Какъ только увидѣли они его, замазали шапками, пристали къ берегу и сказали: «Веди насъ вмѣстѣ съ другими на поляковъ». Барабашъ, который былъ тутъ же на байдакахъ, былъ выброшенъ въ воду. «Братя-рыцари-молодцы, сказалъ имъ Хмельницкій; да будетъ вамъ вѣдомо, что мы взяли за сабли не ради одной славы или добычи, а ради обороны живота, женъ и дѣтей нашихъ. Всѣ народы защищаютъ жизнь свою и свободу, звѣри и птицы тоже дѣлаютъ, на то имъ Богъ далъ зубы и когти». Соединивши казаковъ, пришедшихъ на судахъ и прибывшихъ съ нимъ, Хмельницкій повелъ ихъ противъ польскаго войска. Оно стояло обозомъ на рѣчкѣ Желтыя Воды. Казаки съ гикомъ кинулись на польскій обозъ; оттуда навели на нихъ пушки; ядра полетѣли съ громомъ и визгомъ; въ то же самое время съ тыла раздался другой гикъ: то неслись татары. Поляки смѣшались было, но скоро оправались, засѣли въ своемъ обозѣ и отсиживались въ немъ слишкомъ сутки. Хмельницкій наконецъ остановилъ бой и, подѣхавъ къ польскому обозу, закричалъ зычнымъ голосомъ, чтобы оттуда выслали переговорщика. Выслали. Хмельницкій обласкалъ его, угостилъ по обычаю, но потребовалъ, чтобы поляки сдали всѣ свои пушки, а сами возвратились съ миромъ домой. Поляки, нечего дѣлать, согласились и поднялись съ своего обоза. Казаки слѣдовали за ними издали. Но вдругъ, когда поляки дошли до одного яра, на нихъ бросились татары и однихъ истребили, другихъ захватили въ плѣнъ; казаки же только стояли поодаль и посмѣивались. Въ то время, какъ на Желтыхъ Водахъ происходила эта рѣзня, коронный гетманъ Потоцкій стоялъ близъ Черкасъ съ остальнымъ войскомъ и проводилъ время въ пированьи. Однако разъѣзды, которые онъ высылалъ отъ времени до времени по сторонамъ, доносили ему, что окрестности пустыютъ, что народъ выбирается изъ деревень, а по перелѣскамъ и степнымъ курганамъ показываются вооруженные люди.

Смутился Потоцкій и рѣшился подвинуться впередъ. Идетъ: все пусто. Народъ какъ будто вымеръ. Вдругъ разъѣзды замѣтили человѣка, который одинъ тащился степью: это былъ шляхтичъ, которому удалось

какъ-то, хотя и израненному, спастись отъ желтоводской гибели. Онъ разсказалъ Потоцкому, что и какъ было. Очнувшись отъ этого страшнаго извѣстія, гетманъ велѣлъ отступать; но казаки были уже близко вмѣстѣ съ татарами. Настигнувъ поляковъ, Хмельницкій пошелъ за ними слѣдомъ, не тревожа ихъ однакожь, а самъ заслалъ самыхъ добродѣтельныхъ людей впередъ, чтобы испортить дорогу и одѣлать засаду въ лѣсу; черезъ который надобно было проходить. Какъ только поляки подошли къ этому лѣсу, казаки и татары кинулись на нихъ, а изъ лѣса открылась перестрѣлка. Тогда началась рѣзня еще ужаснѣе прежней. Мало кому удалось уйти съ побойща, да и тѣхъ, кому это удавалось, окрестные крестьяне ловили и приводили къ Хмельницкому. Побѣда была полная. Казаки прежде всего отпѣли благодарственный молебенъ, а потомъ начали пировать. Двадцать пять бочекъ горѣлки было выпито заразъ. Помня, что первые помощники всему дѣлу были запорожцы, Хмельницкій, одаривъ тѣхъ, которые были съ нимъ, послалъ оставшимся на пиво 1.000 талеровъ да 300 на свѣчу въ свѣчую церковь.

Какъ только сдѣлалось извѣстно о совершенномъ истребленіи поляковъ, вся Украина закипѣла и поднялась; затевердилась и вся Русь западная, повсюду началъ стекаться народъ въ Бѣлую-Церковь, гдѣ между тѣмъ расположился Хмельницкій, и записываться въ казаки. Эти прибывые люди, также какъ и казаки, сговорившись по нѣскольку десятковъ, а иногда и сотенъ человѣкъ вмѣстѣ, отправились, какъ они говорили, очищать русскую землю отъ жидовъ и ляховъ, и очищали ее такъ, что только пепелъ и кровь оставались тамъ, гдѣ они проходили. Дворяне, ксендзы, униатскіе священники и евреи, слышавъ о приближеніи *гайдамаковъ*, убѣгали опрометью, оставляя все свое имущество, лишь бы спасти головы. Но и это имъ удавалось рѣдко, потому что вся прислуга панская состояла изъ русскихъ, и она сама зазывала *гайдамаковъ* на своихъ пановъ.

Духовенство, съ своей стороны, проповѣдывало всеобщее возстаніе и призывало народъ на защиту православія: народъ западной Руси или поднимался, или готовился подняться; католическіе костелы подвергались поруганію и разграбленію, ксендзовъ вѣшали вмѣстѣ съ жидами и собаками, латинскихъ покойниковъ вырывали изъ могилъ и ругались надъ ними; живыхъ же, особенно евреевъ, истребляли цѣлыми толпами вдругъ, и такъ свирѣпствовали на обоихъ берегахъ Днѣпра, въ Подоліи и Сѣверской землѣ. Польская шляхта, владѣвшая имѣніями въ русскихъ земляхъ, либо разбѣгалась, стараясь пробраться въ Польшу, либо иногда, собравшись вокругъ какого-нибудь магната, запиралась въ его замкъ, и случалось, хотя и рѣдко, что успѣвала отбиться отъ страшныхъ *гайдамаковъ*. Между такими панами, которые стыдились уходить отъ казаковъ и крестьянъ, замѣчательнѣе всѣхъ былъ Вишневецкій. Происходилъ онъ изъ стариннаго православнаго рода, одинъ изъ его предковъ былъ даже гетманомъ надъ казаками, но самъ онъ перешелъ въ латинство и съ большимъ усердіемъ строилъ костелы, утѣснялъ православіе и обращалъ въ унию. Узнавъ о движеніи казаковъ и крестьянъ, онъ собралъ всю свою челядь, нѣсколько сотъ человѣкъ мелкой шляхты, жившей въ его обширныхъ имѣніяхъ, и выступилъ съ ними противъ *гайдамаковъ*, совершая надъ ними такія жестокости, какія они совершали надъ поляками и евреями.

Между тѣмъ царствовавшій въ Польшѣ король Владиславъ умеръ. Слѣдовало приступить къ избранію новаго государя, и неурядица въ польскомъ управленіи сдѣлалась хуже прежняго. Со времени пораженія Потоцкаго все собирались и не могли собраться послать новое войско противъ казаковъ. Наконецъ собрались и назначили трехъ начальниковъ. Согласія между ними не было: «У пановъ Богъ умъ отнялъ,—говорилъ о нихъ Хмельницкій: каждый хочетъ быть старшимъ, а гдѣ старшихъ много, тамъ войско нездорово». Но паны думали высоко о себѣ и своемъ войскѣ. «Противъ такой сволочи,—говорили они о казакахъ,—не стоитъ тратить пулъ; мы ихъ плетями разгонимъ». Хмельницкій выступилъ противъ нихъ изъ Бѣлой-Церкви, собравъ прежде всѣ гайдамацкія партіи. Такимъ образомъ у него составилось войско тысячъ въ полтораста, несравненно больше, чѣмъ у поляковъ. Хмельницкій встрѣтился съ ними недалеко отъ Константинова и еще разъ жестоко разбилъ ихъ. Затѣмъ они возвратились въ Польшу, гайдамаки опять разсыпались во всѣ стороны, а гетманъ отправился въ Галицкую Русь, гдѣ, при его приближеніи, народъ точно такъ же, какъ и въ остальной Руси, поднялся противъ своихъ пановъ. Изъ Галиціи онъ перешелъ въ восточную часть нынѣшняго Царства Польскаго, гдѣ тоже жилъ и живетъ народъ русскаго происхожденія. И здѣсь крестьяне встрѣчали его какъ освободителя. Такимъ образомъ, вся земля русская, 250 лѣтъ уже бывшая подъ польскимъ владычествомъ, приступила къ великому союзу.

Такого всеобщаго возстанія еще не было ни разу, и ни разу Рѣчь Посполитая не находилась въ такой страшной опасности. Татары, которые въ первые время слѣдовали только издали за казаками, послѣ первыхъ успѣховъ сдѣлались горячими ихъ союзниками. Крымскій ханъ, довольный множествомъ плѣнниковъ и богатою добычею, которыми снабжалъ его Хмельницкій, представилъ султану турецкому, что и ему самому, султану, будетъ выгодно тѣснѣ сойтись съ казаками. Къ Хмельницкому прибылъ посолъ изъ Константинополя. Гетманъ обласкалъ его и обѣщалъ уступить ему часть своихъ завоеваній съ тѣмъ, чтобы турки, въ случаѣ надобности, пособили казакамъ отторгнуть Русь отъ Польши. Отъ господарей валахскаго и молдавскаго, отъ князя седмиградскаго точно также пріѣзжали къ Хмельницкому посланники; наконецъ и съ московскимъ царемъ казачій вожь вступилъ въ сношенія, совѣтуя ему воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши и возвратить Смоленскую и Сѣверскую земли. Посреди всѣхъ этихъ гонцовъ и пословъ, получая грамоты сильныхъ государей, Хмельницкій и самъ имѣлъ видъ какъ-бы государя или независимаго владѣтеля, хотя въ жизни своей ни на шагъ не отступалъ отъ обыкновенной казачьей простоты и изъ золотыхъ чаръ пилъ простую горѣлку. Въ началѣ 1649 г., возвратившись изъ-подъ Львова и Замостя, Хмельницкій вступилъ въ Кіевъ при звонѣ колоколовъ; встрѣченный духовенствомъ, самимъ митрополитомъ, окруженный безчисленными толпами народа, онъ ѣхалъ подъ войсковымъ знаменемъ, держа въ рукахъ гетманскую булаву.

Между тѣмъ, избранъ былъ, наконецъ, на польскій престолъ новый государь—Янъ Казимиръ. Про него говорили, что онъ ласковъ, снисходителенъ, насилія не терпитъ и готовъ защищать русскую церковь отъ католиковъ и униатовъ. Говорили также, что онъ обвинялъ самихъ поляковъ за нынѣшнее казачье возстаніе и будто бы однажды выразился

такъ: «Не слѣдовало у Богдана отнимать его хутора, срамить жены и убивать его сына». Слыша про все это, казаки были довольны. И точно: первую заботою новаго короля было послать къ казакамъ слово милости и прощенія. Выбранъ для этого былъ человѣкъ знатный, русскаго происхожденія и православной вѣры, по имени Адамъ Кисель. Хмельницкій принялъ королевскихъ пословъ въ Переяславѣ. Онъ хотѣлъ показаться имъ во всемъ своемъ величїи и могуществѣ: надъ нимъ держали бунчуки, полковники окружали его, держа въ рукахъ свои полковничьи булавы. Кругомъ толпились народъ, потому что свиданіе было на площади. Когда послы передали грамоту королевскую и осыпанную дорогими камнями булаву, то Кисель началъ говорить рѣчь; но одинъ изъ полковниковъ перебилъ его: «Кисель! Ты кость отъ костей нашихъ, и ты отщепился отъ насъ и присталъ къ ляхамъ!» Хмельницкій приказалъ не мѣшать послу, но какъ было заставить молчать цѣлую толпу народа! «Зачѣмъ вы принесли эти *цапи*? Хотите обмануть насъ!» закричалъ одинъ. — «Не обманете!» подхватилъ другой. «Пусть за вами остается ваша Польша, а Украина намъ, казакамъ, пускай остается». Хмельницкій былъ въ этотъ разъ спокоенъ и вѣжливъ, но это было только одинъ разъ. Когда начались переговоры, онъ горячился, кричалъ, грозилъ. «Либо мнѣ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ пропасть, либо землѣ Польской со всѣми сенаторами, *дуками*, корольками и шляхтою сгинуть!» Кисель упрашивалъ Хмельницкаго, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, написалъ, въ чемъ состоятъ его желанія, и что, по его мнѣнію, долженъ сдѣлать король, дабы успокоить Русь. На это Хмельницкій написалъ слѣдующія условія: чтобы и памяти и слѣда уніи не было на Руси; чтобы кїевскій митрополитъ былъ первымъ сенаторомъ послѣ примаса; чтобы всѣ воеводы, каштеляны и другіе сановники на Руси были изъ православныхъ; чтобы казачьему войску были подтверждены его стародавнія права; чтобы во всей Украинѣ не оставалось ни одного жида; чтобы гетманъ зависѣлъ отъ одного только короля. Съ этимъ и уѣхало польское посольство.

Условія Хмельницкаго были отправлены для утвержденія королемъ и сеймомъ, а между тѣмъ положено было, чтобы и съ русской, и съ польской стороны быть перемирію. Но перемиріе было плохо соблюдаемо: опять начали бродить шайки гайдамаковъ, опять нѣкоторые паны польскіе съ жолнерами и слугами своими нападали на русскія деревни. Тѣхъ и другихъ трудно было теперь успокоить. Въ Кїевѣ, напримѣръ, поляки, надѣясь на перемиріе, стали показываться на улицахъ: народу это не понравилось, и однажды онъ побросалъ въ Дибирь слишкомъ сто человѣкъ вдругъ. А какъ между тѣмъ срокъ перемирія оканчивался, то Хмельницкій сталъ исподволь подвигаться къ польской границѣ. Со всѣхъ сторонъ стекался къ нему народъ: русскіе крестьяне, волохи, сербы, донскіе казаки, даже черкесы пристроивались къ казакамъ; сильная орда татарская къ нимъ тоже примкнула. Между тѣмъ и изъ Польши выступило войско и расположилось близъ замка Збаражъ, на Волыни. Войско это, однакожъ, было слабо въ сравненіи съ казачьимъ. Присоединился къ нему князь Вишневецкій съ нѣсколькими тысячами своихъ слугъ и прїятелей, а Вишневецкій даже безъ войска своего, самъ лично, былъ уже большою помощью. потому что не было между панами человѣка столь рѣшительнаго и смѣлаго, какъ онъ, и столько любимаго жолнерами и шляхтою.

Узнавъ о приближеніи несмѣтной казачьей силы, поляки окопались въ своемъ обозѣ. Подступивъ къ нимъ, татары и казаки захотѣли озладѣть ими съ налета, но это не удалось. Тогда Хмельницкій обложилъ польскій обозъ кругомъ, велѣлъ насыпать валъ и, поставивъ на него пушки, открылъ по полякамъ сильный огонь. Поляки подняли свои окопы выше; поднялъ и свои Хмельницкій, такъ что не только изъ пушекъ, но и изъ ружей можно было въ польскомъ обозѣ бить на выборъ. Поляки пришли-было въ отчаяніе и уже говорили, чтобы сдаться, но Вишневецкій и нѣкоторые другіе начальныя люди удержали ихъ. Внутри окопа стали дѣлать другіе окопы; каждая хоругвь обводила около себя небольшой валикъ, чтобы за нимъ найти защиту, или вырывала въ землѣ для себя логовище. Поляки рылись, какъ кроты, но не сдавались. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: отъ множества убитыхъ воздухъ сдѣлался смраднымъ, провіантъ весь вышелъ, такъ что не только простые жолнеры, но и самые знатные паны принуждены были ѣсть крысъ и падалъ. Казаки же съ своихъ укрѣпленій подсмѣивались и ругались надъ ними: «Когда вы, панове, станете на Украинѣ собирать чиншъ (оброкъ)?» кричали они имъ, издѣваясь. «Вотъ вамъ аренды, вотъ ставщины, вотъ пересуды, вотъ сухомельщины» (разныя сборы, которые взыскивали паны съ своихъ крестьянъ). Приходилось все это выслушивать полякамъ, но они все-таки не сдавались. Вишневецкій стыдилъ трусливыхъ, а нѣкоторыхъ изъ своихъ рукъ закалывалъ; обнадеживалъ другихъ на скорую помощь и всегда былъ на ногахъ, не зная ни отдыха, ни покоя. «Лучше умремъ всѣ до единого, чѣмъ порадуемъ подлое холопство нашею трусостью», говорилъ онъ. Пока все это происходило на Волини, король по всей Польшѣ объявилъ «посполитое рушеніе», т. е. поголовное вооруженіе шляхетства, и самъ принялъ надъ нимъ начальство. Хмельницкій кинулся на встрѣчу королю подъ городомъ Зборовомъ. Началась страшная рѣзня. Король самъ не жалѣлъ своей головы и кидался туда, гдѣ было болѣе опасности. Бой продолжался до глубокой ночи. Поляки не дали одолѣть себя, но они были окружены со всѣхъ сторонъ, и держаться долго имъ не было никакой возможности. Когда наступила ночь, и сѣча должна была прекратиться, знатнѣйшіе паны собрались къ королю и стали убѣждать его, чтобы онъ, спасая свою жизнь, постарался тайно уйти изъ обоза. «Никогда—отвѣчалъ онъ—не покажу я примѣра гнусной трусости. Я готовъ жить и умереть съ вами». Онъ приказалъ окапывать обозъ и готовиться на утро къ послѣднему бою. Дѣйствительно, какъ только засіялъ день, началась сѣча. Неоконченные окопы не могли выдержать сильнаго напора. Казаки ворвались въ польскій обозъ и внутри его рѣзали, истребляли все, что имъ попадалось. Нѣсколько хоругвей собралось вокругъ короля, чтобы защищать его до послѣдней крайности... Въ это время неожиданно раздались крики: «Згода! Згода!» Это Хмельницкій приказалъ остановить бой. Онъ не хотѣлъ, какъ говорилъ и прежде, воевать противъ своего государя, а истреблялъ пановъ и ксендзовъ да ихъ пособниковъ жидовъ, угнетавшихъ Русь. Когда битва прекратилась, прибыли гонцы отъ Хмельницкаго и отъ хана, предлагая окончить дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ. Нѣсколько времени король и паны не рѣшались было вступить въ переговоры съ возмущившимися холопами, какъ называли они украинцевъ, но наконецъ рѣшились, и слѣдующія условія

были тогда утверждены. Все случившееся предавалось забвенію; казакамъ разрѣшалось быть въ числѣ 40,000 и жить въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Полтавской и Черниговской; общано было, что коронныя войска не будутъ вступать въ ту часть Руси, гдѣ дозволялось жить и селиться казакамъ; евреямъ не дозволено было тамъ жить; всѣ должности въ этой части Руси положено было раздавать только православнымъ; относительно уніи опредѣлено было сдѣлать особое постановленіе, съ согласія кіевского митрополита; іезуитамъ запрещалось находиться въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ существуютъ русскія школы; кіевскому митрополиту дано право засѣдать въ сенатѣ. Когда эти условія были подписаны королемъ, Хмельницкій просилъ дозволенія принести свою и народа русскаго признательность королю; бывъ къ нему допущенъ, онъ, ставъ на колѣна, сказалъ ему: «Много уже лѣтъ, нынѣшній и могущественнѣйшій государь, свирѣпая и кровавая ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ была обращена на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привилегіи нашихъ старшинъ, считали казаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши для нихъ были хуже магометанъ. Захвативъ въ государствѣ власть, они не давали намъ свободнаго голоса на сеймахъ; насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода мы претерпѣвали отъ нихъ безнаказанно. Прости смѣлости рѣчи моеей, государь милостивый; мы не обманывали тебя, представляя причины, вынудившія насъ защищать жизнь свою. Терпѣніе наше лопнуло, мы принуждены были заключить союзъ съ чужестранцами и употребить ихъ помощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущество, что свойственно даже животному? Скотъ, если его мучать, бодается. У меня въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милостиваго и невиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали казаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ!»

Если сравнить зборовскій договоръ съ тѣми условіями, которыя были переданы Хмельницкимъ Киселю, и особенно съ тѣмъ, что гетманъ нѣсколько разъ говорилъ послу королевскому въ Переяславлѣ, то окажется большая разница. Въ Переяславлѣ Хмельницкій говорилъ за весь народъ западной Руси, а въ зборовскихъ статьяхъ шла рѣчь только о казакахъ да о той странѣ, гдѣ имъ разрѣшалось жить и которую обыкновенно называютъ Украиною. Казачество уже начинало отдѣляться отъ остального народонаселенія. Очевидно, что положеніе Хмельницкаго, не взирая на его побѣды, было довольно затруднительно: правда, крымцы были его союзниками, но между ними и гетманомъ нерѣдко происходили ссоры; они безпрестанно требовали денегъ и подарковъ, грозя въ противномъ случаѣ уйдти въ Крымъ. Для нихъ ничего не значило бы даже вдругъ перейти на сторону поляковъ, если бы король общалъ болѣе добычи, чѣмъ казаки. На такихъ союзниковъ положиться было нельзя, а безъ союзниковъ одному Хмельницкому противъ Рѣчи Посполитой устоять было трудно. Поэтому онъ искалъ помощи у сосѣднихъ государей. Султанъ охотно вызывался на союзъ съ нимъ, требуя, однако, его подданства; но Хмельницкій боялся, что такой союзъ съ бусурманами не понравится народу и особенно духовенству. Московскій царь, которымъ въ это время

былъ Алексѣй, сынъ Михаила Ѳеодоровича, не оказалъ ему помощи во время послѣдней войны съ поляками; но народъ, а особенно чинъ духовный, былъ, не взирая на то, расположенъ искать у него покровительства и защиты. Посоль царскій, который въ это время прїѣзжалъ къ Хмельницкому, писалъ въ Москву, что народъ вообще склоненъ къ государю православному и желаетъ быть подъ его высокою рукою. Хмельницкій самъ хотъ и досадовалъ на неподаніе паремъ помощи, но разсыпалъ предъ его посланникомъ лъстивыя рѣчи. «Если Богъ насъ помилуетъ, отъ проклятыхъ ляховъ освободить, то я, гетманъ, и войско иного государя, кромѣ великаго государя, свѣтила русскаго, имѣть не будемъ». Такъ говорилъ Богданъ, но на слова лукаваго старика положиться было нельзя. Вѣрно было только то, что онъ безъ союзниковъ и покровителей не надѣялся одолѣть польской силы и предвидѣлъ, что зборовскому договору существовать недолго. Въ Варшавѣ были этимъ договоромъ очень недовольны. Сеймъ и паны радные едва-едва согласились его утвердить, да и то съ непремѣннымъ намѣреніемъ нарушить его при первомъ случаѣ. Они даже нарушили его немедленно, не допустивши кievскаго митрополита на сеймъ. Недовольны были и жители земель русскихъ, не попавшіе въ число условленныхъ 40,000 казаковъ. «Гдѣ же обѣщанія гетмана?—кричали они:—развѣ мы тоже не были казаками? А теперь опять будетъ панщина». И точно: паны, которые во время возстанія повыбрались изъ русскихъ земель, стали возвращаться въ свои помѣстья и требовать отъ своихъ крестьянъ прежнихъ работъ и прежнихъ поборовъ. Нѣкоторые начинали дѣлать отместки за разореніе своихъ усадьбъ и за понесенныя обиды. Народъ съ своей стороны начиналъ разбѣгаться и собираться въ гайдамацкія шайки. По всему становилось замѣтно, что тишинѣ не устоять, и, дѣйствительно, въ началѣ 1651 г. началась рѣзня.

Хмельницкій, предвидя, что войнѣ быть неизбежно, держалъ татаръ наготовѣ, а чтобы помощь съ ихъ стороны была вѣрнѣе, онъ ласкался къ турецкому султану, отъ котораго татары зависѣли. Еще въ началѣ года онъ послалъ повѣстить хана, чтобы онъ, не мѣшкая, шелъ на помощь. Но ханъ не торопился на этотъ разъ, а безъ него Хмельницкій не рѣшился выступить на встрѣчу королевскому войску, которое было притомъ въ этомъ году особенно многочисленно. Хмельницкій и потому еще не рѣшался идти на короля безъ союзниковъ, что народъ не такъ охотно стекался по его призыву, какъ прежде, недоволенъ будучи за то, что былъ совершенно забытъ въ зборовскихъ статьяхъ. Наконецъ прибылъ ханъ; соединившись съ нимъ, казаки двинулись противъ поляковъ. Начался бой близъ рѣки Стыри у Берестѣчка. Татары не выдержали и побѣжали. Хмельницкій кинулся къ хану убѣждать его, чтобы онъ воротилъ своихъ татаръ. Но тотъ только прищипоривалъ коня, а когда гетманъ ему надобѣлъ своими просьбами и упреками, то онъ велѣлъ захватить и его съ собою. «Ты самъ виноватъ, говорилъ онъ; увѣрилъ меня, что поляковъ мало. Будешь у меня въ плѣну, пока не заплатишь вмѣсто поляковъ мнѣ и моимъ мурзамъ».

Между тѣмъ поляки стали крѣпко напирать на казаковъ. Тѣ мѣшались и путались, однако, огородившись по обычаю повозками, держались нѣсколько дней; но, потерявъ наконецъ надежду, пустились на утекъ топкими болотами, къ которымъ примыкалъ ихъ обозъ. Множество казаковъ и еще болѣе бывшихъ съ ними крестьянъ при этомъ потонуло,

другіе были настигнуты поляками; самая большая часть умерла съ голоду въ дремучихъ лѣсахъ, которые тянутся по Стыри и Припети. Долго на Украйнѣ не было никакихъ вѣстей ни о гетманѣ, ни о казакахъ. Наконецъ онъ явился, вырвавшись кое-какъ изъ рукъ татаръ, почти голый; затѣмъ начали появляться и бѣглецы изъ-подъ Берестечка, отошальные, изнуренные, едва волоча ноги. Отъ цѣлыхъ полковъ едва возвращалось по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Но это было еще не все; возстаніе, которое тоже было, хоть и не очень сильное, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, было подавлено литовскимъ гетманомъ Радзивилломъ. Гоня передъ собою казаковъ, которые были въ Сѣверской странѣ, онъ шелъ вдоль Днѣпра къ Кіеву и овладѣлъ имъ. Потоцкій въ то же время шелъ къ Кіеву же изъ-подъ Берестечка.

Противъ соединенныхъ войскъ, польскаго или короннаго и литовскаго, Хмельницкому не съ чѣмъ было стать. Страшное пораженіе, понесенное казаками, хоть и не сломило русскаго народа, который опять началъ собираться въ гайдамацкія партіи, но уничтожило большое войско гетмана. Тогда онъ послалъ къ Потоцкому письмо, прося мира и свидѣтельствуясь Богомъ въ своей преданности королю. Потоцкій согласился вступить въ переговоры; но когда казаки заикнулись о подтвержденіи зборовскихъ статей, то онъ хотѣлъ ихъ перевѣшать. Хмельницкій понималъ, что послѣ неудачи нельзя надѣяться на выгодный миръ, и рѣшился сдѣлать уступки. Число казаковъ должно было не превышать двадцати тысячъ; имъ было дозволено сохранить свои старинныя права и жить только въ Кіевскомъ воеводствѣ (Кіевской и Полтавской губерніяхъ); всѣ прочіе простолюдины западной Руси были признаны крестьянами, и имъ было приказано по старому служить своимъ помѣщикамъ; гетманъ казачьяго войска былъ подчиненъ коронному; объ униі не было сказано ни слова; о правѣ кіевскаго митрополита засѣдать въ сенатѣ—тоже; войску королевскому не позволялось квартировать только въ казачьихъ мѣстечкахъ; евреямъ разрѣшалось по прежнему вездѣ жить, арендовать имѣнія и пр. Таковы были тяжелыя условія, подписанныя въ Бѣлой-Церкви. Но если зборовскій договоръ не устоялъ, то не устоять было и бѣлоцерковскому. Самъ Хмельницкій не думалъ его исполнять, а чернь и казаки не хотѣли знать его. Видя, что прежніе паны возвращаются въ свои помѣстья, они ихъ грабили и сожигали имѣнія, или же, бросивъ свои дома и забравъ съ собою, что было полегче, перебирались за Днѣпръ въ Московское царство. Многія тысячи перешли такимъ образомъ. Царь Алексѣй принималъ ихъ охотно и отводилъ имъ земли по Ворсклѣ, по Донцу и въ другихъ незаселенныхъ мѣстахъ. Такъ выстроились казачьи слободы, а нынѣ города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ и многіе другіе. Хмельницкій, видя, что народъ тянется къ царству православному, и что на татаръ и турокъ мало надежды, сильнѣе прежняго сталъ упрашивать въ Москвѣ, чтобы царь принялъ подъ свою руку народъ украинскій. Долго не рѣшался на это царь, но наконецъ, въ 1653 г. осенью, онъ собралъ земскую думу, чтобы, по общему приговору, принять или отвергнуть ходатайство Хмельницкаго.

Въ самый Покровъ день, отслушавъ обѣдню, которую совершалъ патріархъ Никонъ, царь вступилъ въ Грановитую палату, гдѣ уже ожидали его выборные люди отъ духовнаго и свѣтскаго чина всего государства Московскаго. По знаку царя дьякъ сталъ громко читать, что гет-

манъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ въ прошедшихъ годахъ многократно извѣщалъ государя объ утѣсненіяхъ, которыя терпятъ отъ поляковъ народъ русскій и церковь православная, и просилъ его принять ихъ подъ свою высокую государеву руку. Прочитавъ это, потребовали мнѣнія, какъ поступить. Патріархъ, митрополитъ и прочее духовенство, черное и бѣлое, бояре и окольничьи, дѣти боярскія и посадскіе люди единогласно сказали, чтобъ русскій народъ украинскій и литовскій подъ государеву руку принять и войну Рѣчи Посполитой, если нужно, объявить. Тогда царь приказалъ отправить великихъ пословъ къ гетману для принятія присяги на вѣрное подданство отъ него и отъ всего народа русскаго, украинскаго и литовскаго. Главнымъ бояриномъ въ этомъ посольствѣ былъ Бутурлинъ. Въ послѣдній день 1653 г. онъ съ товарищами прибылъ въ Переяславль, гдѣ была назначена на 8 января великая рада. Раннимъ утромъ ударили въ литавры, на городскую площадь повалилъ народъ, потомъ явился туда старый гетманъ подъ бунчуками и войсковою старшина. Поклонясь на всѣ стороны, Хмельницкій сказалъ: «Панове полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные хрістіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божию и хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя русское не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно, и видно нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Изберите себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Руси. Царь турецкій—бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья православные хрістіане, греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ—тоже бусурманъ; хоть мы по нуждѣ и вели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови хрістіанской. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше почитали жида и собаку, чѣмъ нашего брата хрістіанина. А православный хрістіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, единого закона и исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ великій царь хрістіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое хрістіанское сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то, кромѣ его царской высокой руки, благодѣйшаго престоупица не обрящемъ. Кто же съ нами несогласенъ,—тому вольная дорога: идти куда хочешь». Вся толпа на площади переяславской и всѣ тѣ, которые тѣснились вокругъ на заборахъ и на крышахъ, въ одинъ голосъ воскликнули:—«Волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!» Спросивши еще разъ, всѣ ли такъ желаютъ, гетманъ сказалъ громкимъ голосомъ: «Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!» А народъ восклицалъ: «Боже утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки всѣ были едино!» Вслѣдъ затѣмъ были прочитаны казакамъ статьи, по которымъ Украина подчинялась царю. Статьи эти состояли въ слѣдующемъ: Украина будетъ управляться тамошними уроженцами, они же будутъ собирать подати въ царскую казну; гетманъ будетъ избираться по старинному, вольными голосами; царь опредѣлитъ жалованье старшинѣ и казакамъ; реестровымъ казакамъ быть въ числѣ 60,000; гет-

ману предоставлялось право попрежнему принимать иностранных пословъ. кромѣ, однакожъ, отъ польскаго короля и турецкаго султана; казаки просили, и царь согласился, чтобы въ помощь имъ и для охраненія ихъ границъ было прислано московское войско.

Это происходило въ началѣ 1654 г. Между царемъ и польскимъ королемъ началась изъ-за Украины война, и война эта шла весьма счастливо для Россіи. Въ Москвѣ знали, что не только на русскихъ земляхъ польскаго короля, но и на литовскихъ живетъ не малое число православныхъ, поэтому, начиная войну, царь обратился къ нимъ съ грамотою, въ которой говорилъ: отъ многихъ временъ обращаясь къ намъ православные жители Литвы и русскихъ земель, прося помощи и заступленія «на досадителей святой восточной церкви греческаго закона». И вы-бъ всѣ,—заключалъ царь,—на супостатовъ восточнаго благочестія возстали. Приказаніе это было дѣйствительно многими услышано. Въ Бѣлоруссіи крестьяне охотно принимали царскія войска, нѣкоторые города защищались только для вида, а иные сами отворяли ворота. Войско же литовское постоянно терпѣло неудачи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ русскіе заняли Смоленскъ, Оршу, Минскъ, Могилевъ, Вильну, главный городъ Литвы, доходили до самаго Балтійскаго моря у Риги и овладѣли Дерптомъ, вообще же приобрѣли болѣе 200 городовъ. Въ то же время Хмельницкій, съ своими казаками, и бояринъ Бутурлинъ, съ небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ, прошли всю Подолію, проникли въ Галицію, радостно встрѣчаемые крестьянами, и принудили Львовъ уплатить себѣ окупъ. Польское государство было въ это время въ самомъ отчаянномъ положеніи. Когда казаки и царскія дружины врывались съ востока, шведскій король, переправившись чрезъ Балтійское море, вступилъ въ Польшу, прошелъ ее съ сѣвера на югъ и занялъ Варшаву и Краковъ. Яну Казимиру не оставалось болѣе мѣста въ своемъ королевствѣ; онъ принужденъ былъ уйти за границу. Царь Алексѣй, по занятіи Вильны, сталъ себя именовать самодержцемъ литовскимъ, волынскимъ и подольскимъ. Когда же король Янъ Казиміръ прислалъ къ царю просить мира, то московскіе бояре повели съ нимъ рѣчь о томъ, чтобы послѣ смерти короля Яна, который былъ бездѣтенъ, сеймъ избралъ ему преемникомъ Алексѣя Михайловича. Но дѣлу этому трудно было устроиться. Не говоря о католическомъ духовенствѣ, котораго было множество во всѣхъ владѣніяхъ Рѣчи Посполитой, и которое было сильно нерасположено къ Россіи, не питала къ ней расположенія и большая часть шляхты, не только въ Литвѣ, но даже и въ русскихъ земляхъ, гдѣ она успѣла уже сильно ополячиться. Были противники московскому подчиненію и между казацкой старшиною, потому что многіе изъ этой старшины были шляхтичи, обучавшіеся въ польскихъ и іезуитскихъ школахъ, и привыкшіе къ необузданной свободѣ, которой, какъ они знали, московскія власти не допускали. Такимъ образомъ, когда Украина, вслѣдъ за Хмельницкимъ, присягала московскому царю, два казачьихъ полковника отказались присягать ему. Одинъ изъ нихъ, Вогунъ, скоро принялъ однакожъ участіе въ войнѣ противъ поляковъ, а другой, Сѣрко, ушелъ къ запорожцамъ, которые, кому бы ни присягали, служили сегодня одному, а завтра другому. Не безъ розни было и между высшимъ духовенствомъ украинскимъ. Попы были на сторонѣ Россіи, но митрополитъ, которымъ былъ въ это время Сильверстъ Коссовъ, природный шляхтичъ, отказался подчиниться

московскому патриарху, признавая надъ собою власть только одного патриарха цареградскаго. Были слухи, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ и засылалъ къ нему просить, чтобы онъ опять возвратилъ Украину подъ свою державу. Къ этому присоединить надобно еще, что и Хмельницкій хитрилъ и тянулъ на обѣ стороны, къ Москвѣ и Варшавѣ.

Въ Москвѣ не слишкомъ довѣряли Хмельницкому. Бояринъ Бутурлинъ оказывалъ ему надлежащій почетъ, но зорко за нимъ присматривалъ, и войско московское неотлучно находилось при войскѣ казацкомъ. Старому гетману, который уже привыкъ не знать надъ собою никакой власти и стѣсненія, не нравилось согладательство московскаго боярина: онъ увидѣлъ, что подъ крѣпкою московскою властью ему не удастся быть царькомъ на Украинѣ, а потому и онъ, подобно кievскому митрополиту, сталъ тайно обшляться съ польскими панами. Стоя подъ Львовомъ и переговариваясь относительно окупа, онъ выдавалъ себя за вѣрнаго союзника короля польскаго и между прочимъ сказалъ: «Постановляйте, какія хотите, условія съ москалями, я ихъ оставляю и иду въ свое *русское владѣніе*». Быть господаремъ особаго владѣнія, кажется, и было истиннымъ, тайнымъ желаніемъ Хмельницкаго. Объ этомъ онъ договаривался тайно съ королемъ шведскимъ и княземъ семиградскимъ, съ которыми у него положено было раздѣлить польское государство. Но все это было извѣстно въ Москвѣ, а потому и не могло исполниться. Притомъ же приближалась и смерть Хмельницкаго. Онъ умеръ 14-го августа 1657 г.

Послѣ смерти Хмельницкаго, гетманомъ былъ избранъ Иванъ Выговскій. Избраніе это было сдѣлано, не обославшись съ Москвою, прежде даже, нежели тамъ узнали о смерти Богдана. Это, разумѣется, не поправилось въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что Выговскому тамъ не совсѣмъ довѣряли. Выговскій былъ шляхтичъ, и сердце его лежало къ Польшѣ, ему не столько хотѣлось быть независимымъ господаремъ, сколько польскимъ княземъ и сенаторомъ. Скоро послѣ избранія своего онъ обнаружился: московское войско вступило въ Украину, съ тѣмъ-ли, чтобы защищать ее отъ поляковъ, или чтобы не допускать въ ней самой беспорядковъ—неизвѣстно; но Выговскій собралъ раду и объявилъ, что Москва нарушаетъ переяславльскія условія, и что потому онъ не хочетъ быть гетманомъ. Однако, рада упростила его остаться.

Между тѣмъ на Украинѣ было много недовольныхъ избраніемъ Выговскаго, особенно между казаками и жителями лѣваго берега Днѣпра. Они говорили, что избраніе произведено было неправильно, что на избирательной радѣ были почти одни только полковники да другія лица изъ старшинъ, а простыхъ казаковъ и крестьянъ почти не было. Недовольны были избраніемъ этимъ и въ Запорожѣ, откуда никого не было на избирательной радѣ. Выговскій собралъ преданные ему полки, выступилъ съ тѣмъ, чтобы смирить своихъ противниковъ, и требовалъ, чтобы московское войско помогло ему. Но воевода московскій, кн. Ромодановскій, не рѣшался этого сдѣлать безъ приказанія отъ царя; онъ видѣлъ, что гетманъ хочетъ употребить московское войско для наказанія людей, наиболѣе преданныхъ царю. Это раздражало Выговскаго: онъ и его приверженцы стали распускать слухи, что царь хочетъ уменьшить казачье войско до 10,000 человекъ, да и тѣхъ обратить въ драгуны, «вѣчными

невольниками сдѣлать, а женъ заставить ходить въ лаптяхъ». Съ другой стороны, напротивъ, жаловались, что гетманъ собираетъ поборы не въ войсковой скарбъ, а въ свои собственные сундуки, и дѣлится ими со старшиною, что онъ умышляетъ измѣнить царю и призываетъ хава на Украину.

Между тѣмъ пріѣхали польскіе комиссары. Переговоривъ съ ними и условившись, Выговскій собралъ въ Гадячѣ раду, но на радѣ этой, какъ и на той, которая избрала Выговскаго, было много казачьей старшины, а простыхъ казаковъ и черни было мало. Гетманъ явился туда и привелъ польскихъ комиссаровъ. Поклонившись радѣ, онъ сказалъ комиссарамъ, что войско желаетъ мира и союза съ Рѣчью Посполитою. Статьи, на которыя согласились польскіе комиссары, обѣщали очень много. Украина, которой на этотъ разъ даны были болѣе обширные размѣры, а именно нынѣшнія губерніи: Кіевская, Полтавская, Черниговская съ частью Подоліи и Волыни; Украина должна была примкнуть къ Польскому королевству на тѣхъ же правахъ, какъ Литовское княжество, т. е. высылать на общій сеймъ нѣкоторое число пословъ, имѣть особаго гетмана, маршалковъ, подскарбіевъ и другихъ чиновниковъ и урядниковъ, не иначе какъ изъ русскихъ, а также свои суды и трибуналы; казаковъ и другихъ обывателей украинскихъ король, по представленію гетмана, обѣщаль дѣлать шляхтичами; изъ духовенства и шляхетства украинскаго должны были нѣкоторые назначаться въ сенатъ; унию положено было совершенно уничтожить.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ князю Ромодановскому о переговорахъ въ Гадячѣ и о вступленіи въ Украину татаръ, онъ объявилъ царскую грамоту, въ которой Выговскій провозглашался измѣнникомъ, и казакамъ повелѣвалось избрать себѣ новаго гетмана. Чернь и простые казаки, особенно лѣвобережскіе, толпами повалили къ Ромодановскому, когда къ нимъ дошла эта царская грамота; обозъ гетманскій таялъ, какъ снѣгъ отъ лучей солнца. Выговскій собралъ было раду, чтобы прочесть гадячскія условія, но рада не стала его слушать; гетмана громко упрекали въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ накликалъ татаръ на Украину, что онъ ее продаетъ полякамъ. Началась свалка, и дѣло кончилось тѣмъ, что Выговскій принужденъ былъ бѣжать и отдать свою булаву и печать войсковую казакамъ, которые бросились за нимъ въ догонку.

Такъ кончилась затѣя Выговскаго. Но какъ подобная затѣя была не послѣднею на Украинѣ, то о ней и другихъ ей подобныхъ стоитъ поразмыслить. Хмельницкій задумывалъ устроить особое владѣніе украинское; но онъ только задумывалъ это, а въ дѣйствіе не приводилъ; умный старикъ видѣлъ, что Украинѣ особымъ владѣніемъ быть невозможно, что у нея нѣтъ ни горъ, ни рѣкъ, которыя отдѣляли бы ее отъ Россіи и Польши, и могли бы защищать ее въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Онъ видѣлъ также, что простонародье, рядовые казаки и низшее духовенство сильно тянутъ къ Москвѣ, а часть войсковой старшины и шляхты къ Польшѣ, что поэтому, въ случаѣ войны съ Россіей или Польшей, въ Украинѣ всегда будетъ много людей, готовыхъ передаться, и слѣдовательно ослабить украинскія силы. И такъ, оставалось рѣшить, куда выгоды было Украинѣ примкнуть, къ Москвѣ или Польшѣ. По мнѣнію Хмельницкаго, къ Москвѣ; по мнѣнію Выговскаго, къ Польшѣ. Кто же изъ этихъ двухъ людей смотрѣлъ правдѣ и видѣлъ вѣрнѣе? Это

рѣшилъ самъ народъ украинскій: за Польшу были сотни, или, можетъ быть, тысячи человѣкъ, а за Россію милліоны.

Измѣна Выговскаго сильно встревожила Москву. Надо не забывать, что война съ Польшею еще продолжалась, и именно въ это время русскія рати въ Литвѣ потерпѣли большія неудачи. Причиною этихъ неудачъ было отчасти неискусство воеводъ, а еще болѣе безпорядки и насилія, которыя дозволили себѣ ратные люди. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Оршѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ царскія войска были встрѣчаемы съ хлѣбомъ-солью, ихъ теперь истребляли сами жители, или наводили на нихъ поляковъ. Польскому королю удалось притомъ отбиться отъ шведовъ, а потому онъ могъ обратиться въ свои силы противъ русскихъ. Къ довершенію затрудненій, Выговскій замутилъ Украину.

Измѣна Украины была однако не всеобщая: почти весь лѣвый берегъ Днѣпра и Запорожье остались вѣрны, но Заднѣпровье сильно бушевало. Московскіе бояре, надѣясь, что имя Хмельницкаго опять соединитъ казаковъ воедино, отыскали его сына Юрія и поставили его гетманомъ. Но Юрій Хмельницкій былъ еще очень молодой человѣкъ, слабый умомъ и характеромъ. Его окружила старшина по большей части преданная Польшѣ, и увлекла за собою. Тогда началась совершенная неурядица: то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ казаки собирались и избирали себѣ гетмана; эти гетманы называли одинъ другого измѣнникомъ, вели свои полки другъ противъ друга, и дѣла до такой степени перепутались, что уже трудно было разобрать, кто стоитъ за Москву, кто за Польшу. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ появились татары, принялись жечь и грабить и уводить въ плѣнъ, не разбирая, кто имъ союзникъ, кто врагъ.

Надо было однакожь вывести страну изъ этого жалкаго состоянія; нужно было выставить знамя, около котораго люди могли бы сражаться, нужно было дать Украинѣ гетмана. Но гдѣ было взять человѣка, котораго имя, какъ знамя, собрало бы вокругъ себя украинскій народъ? Такого человѣка не было. Многіе полковники посылали въ Москву грамоты и гонцовъ съ завѣреніями въ преданности, но и Выговскій не пересталъ увѣрять въ ней, даже послѣ гадячской рады; подобныя же увѣренія не переставалъ посылать и Юрій Хмельницкій. Какъ же было положиться на слова такихъ людей? Надежнѣе прочихъ казался кошевой атаманъ запорожскій Иванъ Брюховецкій; вотъ что о немъ писали русскіе воеводы въ Москву: «Хотя не ученъ, да уменъ, и ужасъ какъ воровать исправенъ», посадивъ его на границѣ, «можно спать въ Москвѣ безъ торопливости».

Брюховецкій былъ точно неглупый казакъ, но лживый и притомъ злой. Запорожцы любили его, но онъ имѣлъ худую славу на Украинѣ; однако, такъ какъ не было другого человѣка, на котораго можно было бы положиться, Москва рѣшилась его поддерживать. Избирательная рада собралась въ Нѣжинѣ, и хоть всѣ рады казацкія не обходились безъ шума, но подобной нѣжинской радѣ врядъ-ли когда бывало; запорожцы силою отбили другихъ кандидатовъ и угрозою заставили признать Брюховецкаго гетманомъ. Новый гетманъ далеко не оказался человѣкомъ, какой былъ нуженъ въ то время Украинѣ, человѣкомъ, который могъ бы собрать вокругъ себя разметавшійся на всѣ стороны на-

родъ и успокоить страну. Онъ понималъ и любилъ только крутыя мѣры, производилъ казни, лишалъ города привилегій, отбиралъ имѣнія у монастырей и пользовался общественными деньгами. Поэтому ни духовенство, ни горожане не любили его, и назначеніе его въ гетманы не усилило Россіи на Украинѣ.

Между тѣмъ въ Задѣйпровѣ Хмельницкій, наскучивъ неурядицей, которая была вокругъ него, и не имѣя силъ съ нею управиться, пошелъ въ монастырь, уступивъ мѣсто человѣку, болѣе способному жить и дѣйствовать среди всеобщей сумятицы. Человѣкъ этотъ былъ Петръ Дорошенко. Послѣ смерти стараго Богдана никто не пользовался на Украинѣ такою извѣстностью и славой, какъ онъ. Извѣстность эта и истинно казацкая удалъ привлекали къ нему даже лѣвобережскихъ казаковъ, недовольныхъ Брюховецкимъ. Онъ опять пробудилъ мысль о независимости Украины и, чтобы отбиться въ одно время и отъ Москвы, и отъ Польши, рѣшился поддаться турецкому султану. Втянутый противъ воли въ войну съ Турціей, король польскій пожелалъ примириться съ Россіей, чего не менѣе его желалъ и царь. Русскіе и польскіе послы съѣхались въ селеніи Андрусовѣ и, послѣ долгихъ споровъ, постановили перемиріе (1667) на тринадцать лѣтъ, на такихъ условіяхъ: границѣ между Русскимъ и Польскимъ государствами быть по Днѣпру, приче́мъ земли Смоленская и Сѣверская отходили къ Россіи; Кіеву, хотя и находящемуся на правомъ берегу этой рѣки, оставаться за Россіей два года; Запорожью быть въ повиновеніи какъ царю, такъ и королю.

Въ Россіи были очень довольны андрусовскимъ миромъ и особенно радовались возвращенію Кіева, надѣясь удержать его не на два года, а навсегда; но на Украинѣ хотя и были довольны тѣмъ, что старинный православный Кіевъ былъ изъятъ изъ-подъ власти поляковъ, однакожъ, сильно негодовали на то, что Украина была разорвана на двѣ части.

LXXX. ДОРОШЕНКО И ТУРЕЦКОЕ ВМѢШАТЕЛЬСТВО ВЪ МАЛОРОССІЙСКІЯ ДѢЛА.

(По «Исторіи Малороссіи» Маркевича).

Андрусовскій договоръ раздѣлилъ Малороссію на двѣ части, что очень не нравилось какъ казакамъ, такъ и простому народу. Гетманъ западной стороны Дорошенко задумалъ поэтому воспользоваться всеобщимъ неудовольствіемъ и добиться не только цѣлости, но и независимости Малороссіи. Тѣмъ не менѣе самъ онъ не былъ на столько вліятеленъ, на сколько Хмельницкій, по слову котораго вся Украина единодушно бралась за оружіе. Да, наконецъ, и борьба, предпринятая во имя независимости Малороссіи, вызывала не только примиреніе, но даже союзъ между двумя могущественными государствами, Польшею и Россіею, противъ соединенныхъ силъ которыхъ Дорошенко не въ состояніи былъ бороться безъ посторонней помощи, тѣмъ болѣе, что въ самой Украинѣ были партіи, исключавшія возможность единодушнаго дѣйствія. Запорожскій атаманъ Сирко ненавидѣлъ Дорошенка, иные изъ старшинъ лънули къ Польшѣ, иные къ Московскому государству. Желая во что-бы то ни

стало добиться своей цѣли, хотя-бы и при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, Дорошенко обратилъ свои взоры на Турцію, и подданствомъ Малороссіи султану, подданствомъ, конечно, болѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, онъ рассчитывалъ купить содѣйствіе турецкихъ и татарскихъ силъ для веденія борьбы съ польскимъ и московскимъ правительствами.

Побуждаемый клеветами Дорошенка, султанъ сталъ заявлять самыя высокомерныя требованія на счетъ Малороссіи польскому посланнику въ Константинополь; когда-же посланникъ отвѣчалъ на нихъ отрицательно и заявилъ, что западная Украина есть достояніе Польши, а вмѣшательство посторонней державы во внутреннія дѣла Польши не можетъ быть терпимо, то султанъ велѣлъ посадить его въ Семибашенный замокъ и послалъ сказать хану, чтобы тотъ съ восемьюдесятью тысячами своего войска шелъ на соединеніе съ Дорошенкомъ. Такимъ образомъ открылась новая война съ Польшею. Но уже съ самаго-же начала обнаружилось, что Дорошенко не пользуется между казаками полною симпатіею. Сирко и запорожцы не только отказались дѣйствовать заодно съ нимъ, но даже лишили его татарской помощи, сдѣлавъ набѣгъ на Крымъ, когда большинство крымскихъ воиновъ отправилось за свои предѣлы, по приказанію султана, для поддержки Дорошенка. Оставленный крымцами, гетманъ былъ вынужденъ къ миру съ поляками, которые, утомленные и истощенные прежними войнами, легко согласились объявить ему отъ имени короля прощеніе и даже сдѣлали нѣкоторыя незначительныя уступки въ пользу гетмана и казацкой старшины.

Но беспокойный Дорошенко не удовольствовался одною попыткою: онъ продолжалъ мечтать объ осуществленіи своихъ завѣтныхъ желаній. Присягнувъ королю, онъ тайно сносился съ московскими боярами, съ Брюховецкимъ, продолжалъ свои сношенія съ турецкимъ правительствомъ и на родинѣ старался приготовить умы къ новому, рѣшительному шагу. Пользуясь нелюбовью казаковъ къ Брюховецкому, Дорошенко ловко подвелъ подъ него интригу, думая, что съ исчезновеніемъ гетмана восточной стороны, достигнется соединеніе Малороссіи. Брюховецкій дѣйствительно былъ уничтоженъ, но провозглашеніе Дорошенка гетманомъ обѣихъ сторонъ встрѣтило сильное препятствіе: въ московской половинѣ казаки, преданные царю, выбрали въ гетманы Многогрішнаго, и выборъ ихъ былъ подтвержденъ царемъ, въ польской—король назначилъ гетманомъ Ханенка. Загнѣва въ Малороссіи ожесточенная междоусобная война, явились и другіе претенденты на гетманство, напр., Юрій Хмельницкій, сынъ Богдана, который нашелъ себѣ поддержку у хана крымскаго. Дорошенку пришлось опять искать помощи въ Константинополь и, для полученія ея, заключить съ султаномъ (1669) договоръ, въ силу котораго казаки объявляли себя подручниками Турціи, за что послѣдняя обязалась ихъ защищать отъ Польши и Россіи и утвердить за Дорошенкомъ пожизненное гетманское достоинство. Хотя магометанская Турція и не пользовалась расположеніемъ православнаго народа и казачества, хотя многіе изъ бывшихъ друзей Дорошенка перешли на сторону его соперниковъ, узнавъ о договорѣ съ султаномъ, тѣмъ не менѣе сначала Дорошенко имѣлъ успѣхъ. Султанскія приказанія отвели значительныя татарскія силы отъ Юрія Хмельницкаго и передали ихъ въ распоряженіе Дорошенка. Юрій былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ

Константинополь, гдѣ ему нашли мѣсто въ Семибашенномъ замкѣ. Почти одновременно съ этимъ и Ханенко потерпѣлъ цѣлый рядъ неудачъ, хотя и не переставалъ воевать съ Дорошенкомъ. Такимъ образомъ Украина раздѣлилась на три гетманства: въ столицѣ своей Батуринѣ сидѣлъ Многогрѣшный, преданный Москвѣ, Чигиринъ былъ мѣстопробываніемъ Дорошенка, гетмана турецкаго, а въ Умани находился Ханенко, сторонникъ Польши. Въ Кальникѣ жилъ присланный изъ Стамбула паша, который выдавалъ отъ имени султана фирманы.

Но военное счастье скоро измѣнило Дорошенку. Татары не столько помогали ему, сколько грабили украинскій народъ, и этимъ все болѣе и болѣе подрывали авторитетъ гетмана, который долженъ былъ опираться на такихъ союзниковъ; другой помощи Турція не присылала, между тѣмъ какъ къ Ханенку приходили польскія войска. Города Могилевъ, Брацлавъ, Баръ, Немировъ, Ладыжинъ и Рашковъ покорились полякамъ, уманцы нанесли пораженіе самому Дорошенку. Тогда онъ рѣшился обратиться опять въ Москву, писалъ царю о своей готовности служить ему вѣрно, о томъ, что возсталъ собственно противъ поляковъ и желалъ добиться единства своего отечества, а потому будетъ счастливъ, если православный царь возьметъ всю Малоросію подъ свою высокую руку. Но въ Москвѣ не вѣрили въ искренность заявленій вѣроломнаго чигиринскаго гетмана, да и не хотѣли ссориться съ Польшею, а потому на просьбу Дорошенка послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Для блага Украины отстань отъ турокъ и, по андрусовскому постановленію, будь вѣрноподаннымъ короля польскаго». Дорошенко былъ въ отчаяніи, казалось, насталъ послѣдній часъ его гетманства, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что султанъ Магометъ IV хочетъ окончательно обезпечить за собою обладаніе Украиной, и потому двинулъ туда не только войска Крыма, но и многочисленную турецкую рать. Хотя султанъ направилъ свои войска на западную сторону, но царь Алексѣй Михайловичъ понималъ, что и восточная не безопасна въ случаѣ, если турки утвердятся въ западной, а потому рѣшился оказать помощь Польшѣ, для чего разрѣшилъ батуринскому гетману Самуйловичу, смѣнившему Многогрѣшнаго, который, по доносу казачьихъ старшинъ, былъ сосланъ въ Сибирь, оказать содѣйствіе Ханенку. Но удачныя дѣйствія Самуйловича противъ крымцевъ не повели ни къ чему. Войска султана вездѣ побѣждали, тѣмъ болѣе, что Польша могла выставить противъ нихъ лишь незначительныя силы. Крѣпость Каменецъ была взята, турецкая армія осадилъ Львовъ. Дорошенко былъ свидѣтелемъ, какъ призванная имъ турецкая рать истребляла христіанское населеніе, мостила улицы иконами, обращала церкви въ мечети. Польша успѣла спастись лишь тѣмъ, что отказалась отъ Украины, Подоліи и Каменца въ пользу Турціи и обязалась выплачивать ей ежегодную дань.

Послѣ того какъ турки ушли, предоставивъ опять Дорошенка своимъ собственнымъ силамъ, положеніе его стало снова незавиднымъ: ненависть народа и казачества къ нему проявлялась все сильнѣе. Вотъ почему, когда Самуйловичъ, съ дозволенія царя, задумалъ присоединить къ себѣ и западную Украину, которая теперь считалась подвластною Турціи, онъ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія. Даже Ханенко, отчаявшись въ польской помощи, добровольно сложилъ съ себя гетманство и явился въ станъ Самуйловича. Дорошенко упорствовалъ, но не могъ, за недо-

статкомъ силъ, отражать своихъ противниковъ, въ руки которыхъ переходили города праваго берега Днѣпра одинъ за другимъ. Наконецъ въ Переяславлѣ собралась, въ присутствіи кн. Ромодановскаго, казачья рада, которая провозгласила соединеніе обѣихъ сторонъ подъ верховною властью царя и избрала Самуиловича общимъ гетманомъ.

Долго еще послѣ этого держался Дорошенко въ Чигиринѣ съ горстью преданныхъ ему малороссовъ, заводя переговоры то съ Москвою, то съ Польшею, то посылая просить помощи въ Крымъ и Константинополь. Турецкія и татарскія войска приходили, разоряли страну, дрались то съ Самуиловичемъ, то съ поляками, но всѣ эти кровопролитія не привели ни къ какому рѣшительному результату. Новый польскій король Янъ Собѣскій ознаменовалъ себя рядомъ блистательныхъ побѣдъ надъ магометанами, но своими собственными силами очистить отъ нихъ страну не былъ въ состояніи. Онъ обращался съ просьбою о помощи къ Москвѣ, доказывая, что борьба противъ турокъ и татаръ должна быть общимъ дѣломъ Польши и Россіи. Царь не торопился оказывать эту помощь, хотя и не отказывалъ въ ней рѣшительно. Все вниманіе его было обращено на удержаніе за собою Кіева, отошедшаго по Андрусовскому договору къ Москвѣ только на два года, и на соединеніе, если это возможно, обѣихъ береговъ подъ своею властью. Въ началѣ 1675 года русскіе и польскіе послы сѣхались опять въ Андрусовѣ. Поляки говорили, что готовы заключить вѣчный миръ, но жаловались, что царь не оказываетъ имъ надлежащей помощи въ войнѣ съ турками и не возвращаетъ Кіева. На это русскій уполномоченный кн. Одоевскій отвѣчалъ: «Россія не въ противность договорамъ владѣетъ всею западною Україною, и слѣдовательно Кіевомъ. Всѣ эти города завоеваны Россіею не у поляковъ, а у турокъ. Польша не имѣла права, безъ совѣщанія съ Россіею, отдавать султану заднѣпровскую Україну; но если уже она отдала ее, то не въ правѣ имѣть на нее никакихъ притязаній. Напротивъ того, королю должно быть пріятнѣе, чтобы Кіевомъ овладѣла держава христіанская, а не магометане. Впрочемъ, какъ бы ни судили о томъ поляки, Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не можетъ быть возвращенъ королевству». Стѣздъ кончился только установленіемъ перемирія на 30 съ половиною лѣтъ, а польскіе уполномоченные отказались утвердить за Россіею ея пріобрѣтенія.

Между тѣмъ междоусобная война въ Малороссіи, съ участіемъ москвитянъ, поляковъ, татаръ и турокъ, продолжалась по прежнему. Страна замѣтно пустѣла, жители ея спасались на востокъ и тамъ, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, основывали свои поселенія. Но Самуиловичъ дѣйствовалъ противъ Дорошенка удачно, отвлекая отъ него все болѣе и болѣе казаковъ. Сначала султанскій гетманъ заявилъ, что скорѣе сядетъ на бочку съ порохомъ и взорветъ себя, чѣмъ отдастся Самуиловичу и откажется отъ гетманства въ его пользу; но неблагопріятныя обстоятельства сломили его упорство. Кошевой атаманъ войска запорожскаго Сирко, принимавшій и самъ дѣятельное участіе въ смутахъ, теперь явился миротворцемъ и, боясь успѣховъ польскаго короля, который началъ заводить дружественныя сношенія съ ханомъ, сталъ совѣтовать Дорошенку поддаться царю и не соперничать съ Самуиловичемъ. Не имѣя средствъ продолжать войну, Дорошенко такъ и сдѣлалъ: за нѣсколько времени до кончины царя Алексѣя Михайловича,

сдалъ свои города и вручилъ свои знаки гетманскаго достоинства Самуйловичу, а самъ получилъ отъ царя богатые помѣстья и сошелъ съ политической сцены.

Самуйловичъ продолжалъ носить титулъ гетмана обѣихъ сторонъ, но въ сущности власть его на правомъ берегу не была прочна и въ гетманскомъ достоинствѣ для праваго берега польскимъ королемъ утвердѣнъ былъ Гоголь. Однако принадлежность Кіева Москвѣ и титулъ Самуйловича постоянно беспокоили Польшу. Въ 1677 г. пріѣхалъ въ Москву уже къ царю Ѳеодору королевскій посолъ Свидерскій съ грамотою. Въ ней хвалился король своими подвигами противъ турокъ, увѣнчанными миромъ безъ содѣйствія христіанскихъ державъ, жаловался на кіевскаго воеводу кн. Голицына, который, пренебрегая завітною пятиверстною чертою отъ города, цѣлое лѣто не пропускалъ въ Бѣлую Церковь провіанта, разными грабежами и разореніями вытѣснилъ изъ Василькова жителей и ссорился съ польскими начальниками. На Самуйловича была также жалоба: она состояла въ томъ, что онъ именуетъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и присваиваетъ себѣ города и полки заднѣпровскіе. Прилагая при семъ подлинныя письма гетманскія, король просилъ на этотъ счетъ скорѣйшаго удовлетворенія. Черезъ три дня данъ былъ Свидерскому слѣдующій отвѣтъ: «Хотя по договору Андрусовскому положено Россіи владѣть землею на 5 только верстъ отъ Кіева, но, по Буждановскому договору, Польша уступила Турціи западную Украину. Россія отняла эту Украину отъ Турціи. Признанный Россією, Турцією и Польшею западный гетманъ Дорошенко объявилъ себя и всѣ свои горда и земли царскими вѣрноподіанными. И такъ Польшѣ дѣла нѣтъ до Украины. Что касается до ссоры кіевскаго воеводы съ комендантомъ бѣлоцерковскимъ, то царь запретилъ воеводѣ продолжать эту ссору, остается королю запретить тоже коменданту. Самуйловичъ не виноватъ, именую себя гетманомъ обѣихъ сторонъ; таковъ былъ его титулъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, нынѣ же про то знать скорѣе туркамъ, а не полякамъ».

ЛXXXI. РАЗВИТІЕ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Изъ соч. Хлѣбникова: «О вліяніи общества на организцію государства въ царскій періодъ русской исторіи»).

Единственный классъ общества, который все потерялъ и ничего не выигралъ въ смутное время,—крестьяне. Царская власть должна была принести въ жертву соціальной необходимости интересы крестьянъ, потому что ихъ прикрѣпленіемъ она пріобрѣла себѣ расположеніе всѣхъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли опору государства.

Но если царская власть сознавала необходимость этой уступки, то она дѣлала ее неохотно; да она и не могла повернуть дѣло круто, потому что у всѣхъ на памяти было смутное время, и ей предстояло бороться съ сильнымъ врагомъ въ лицѣ польскаго короля Владислава. Быстрое развитіе бунта Разина и огромное вліяніе на крестьянъ его „прелестныхъ листовъ“ доказало, какъ могло быть опасно крестьянское движеніе въ распатавшемся послѣ смутнаго времени государственномъ строѣ, если пятьдесятъ лѣтъ государственной дѣя-

тельности едва могли дать государству столько силъ, чтобы бороться съ опаснымъ возстаніемъ. Въ силу этой необходимости прикрѣпленіе крестьянъ при Михаилѣ носило еще очень мягкій характеръ: оно совершилось вполне только въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Очень хорошо понимая положеніе дѣлъ, Михаилъ не спѣшилъ удовлетворить настоятельныя просьбы дѣтей боярскихъ о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, съ правомъ безсрочно отыскивать бѣглыхъ, и только въ концѣ царствованія дѣлаетъ неполную уступку ихъ требованіямъ. До 1637 г., оставался въ силѣ старый законъ, по которому бѣглые крестьяне отыскивались за пять лѣтъ, и только въ 1637 г. этотъ срокъ былъ удвоенъ. Право срочнаго или безсрочнаго иска бѣглыхъ крестьянъ составляетъ существеннѣйшую часть крѣпостнаго права. Только право безсрочнаго сыска отдастъ крестьянина вполне во власть помѣщика. Но право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ продолженіе пяти лѣтъ, и даже десяти лѣтъ, существовавшее отъ 1637 по 1647 г., далеко не отдавало крестьянина въ руки помѣщика и не могло уничтожить конкуренціи, невыгодной для мелкихъ владѣльцевъ. Это ясно видно изъ челобитной, которую подали въ 1642 г. дворяне и дѣти боярскіе. Въ этой челобитной они пишутъ, что богатые помѣщики, вотчинники и монастыри бѣглымъ крестьянамъ на пустыхъ мѣстахъ строятъ слободы, а ихъ помѣстья и вотчины оттого стоятъ пусты, а тѣ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы, „надѣясь на тѣхъ сильныхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ-за нихъ подговариваютъ, а дома ихъ пожигаютъ и разоряютъ всякимъ разореньемъ. Но если даже имъ удастся провѣдать, гдѣ живутъ ихъ крестьяне до урочныхъ лѣтъ, то они нигдѣ не могутъ добиться на тѣхъ крестьянъ суда и управы и даже, засудясь, за суднымъ дѣломъ завершеньемъ волочатся многое время“. На основаніи этой челобитной, срокъ на крестьянъ, взятыхъ насильно изъ-за дворянъ и дѣтей боярскихъ, былъ продолженъ на пятнадцать лѣтъ, а для вышедшихъ добровольно остался все-таки прежній десятилѣтній срокъ.

Но если не было строго прикрѣпленіе помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, то еще менѣе строго было прикрѣпленіе черносошныхъ крестьянъ при Михаилѣ Феодоровичѣ. Главная масса черносошныхъ крестьянъ сосредоточивалась въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ почти не было помѣщиковъ, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ отдаленности отъ Москвы, и въ Сибири. Крестьяне черныхъ сохъ были прикрѣплены еще при Иоаннѣ IV. Но между прикрѣпленіемъ черносошныхъ крестьянъ и прикрѣпленіемъ крестьянъ, живущихъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, была, кажется, значительная разница, что и должно было вытекать изъ самой сущности дѣла. Крестьяне помѣстные и вотчинные прикрѣплялись столько же къ лицу, сколько и къ мѣсту, потому что ихъ прикрѣпленіе было сдѣлано въ интересахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Крестьяне черносошные прикрѣплялись только къ мѣсту съ цѣлью уравнивать сборъ податей и повинностей. Изъ различія этихъ цѣлей должно было произойти и различіе въ самомъ характерѣ прикрѣпленія. Помѣстные и вотчинные крестьяне должны были быть прикрѣпленными потомственно, потому что иначе это прикрѣпленіе имѣло значеніе только въ теченіе одного поколѣнія, тогда какъ черносошные крестьяне могли быть прикрѣплены лично, и государство могло предоставить ихъ дѣтямъ, родственникамъ, или вообще всѣмъ, не имѣющимъ опредѣленнаго тягла, принять тягло въ другомъ мѣстѣ, потому что оно отъ этого ничего не теряло. Вотъ почему не только въ царствованіе Михаила, но и во все царствованіе Алексѣя, отличавшееся суровыми мѣрами въ отношеніи бѣглыхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, въ грамотахъ часто говорится о вольныхъ, гулящихъ людяхъ. Что это касалось только черносошныхъ крестьянъ, это видно уже изъ того, что о вольныхъ гулящихъ людяхъ говорится только въ грамотахъ, касающихся сибирскихъ городовъ и сѣверныхъ уѣздовъ Россіи, гдѣ не было прикрѣпленія крестьянъ. Эти послабленія въ прикрѣпленіи черносошныхъ крестьянъ обуславливались, быть можетъ, особымъ положеніемъ Сибири.

Обратимся теперь къ экономическому положенію крестьянъ въ этотъ періодъ. Экономическое положеніе крестьянъ, разумѣется не могло сдѣлаться лучшимъ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, чѣмъ до прикрѣпленія. Правда, правительство заботилось, чтобы помѣщикъ не разорялъ крестьянъ, но оно не опредѣляло никакой нормы податей и повинностей, которая обязывъ былъ

платить крестьянинъ помѣщику. Даже самая забота правительства о неотягощеніи излишними поборами крестьянъ вытекаетъ не изъ желанія облегчить участь крестьянъ, но просто изъ того, что правительство на каждого помѣщика и вотчинника смотрѣло какъ на воина, который долженъ былъ служить съ доходовъ, получаемыхъ имъ съ помѣстья, такъ какъ онъ не получалъ денежнаго жалованья. Очевидно, если онъ разоритъ свое помѣстье лишними налогами, если отъ его поборовъ крестьяне разбѣгутся, то онъ не въ состояніи будетъ исполнить свою службу. Этотъ особый характеръ заботы правительства очень ясно видимъ изъ наказа даннаго окольничему Лобанову-Ростовскому при верстаніи крестьянъ, въ 1621 г. Въ немъ велѣно было окладчикамъ, если они узнаютъ, что кто-либо не исправляетъ службы потому, что его помѣстье запустѣло, подлинно узнать, отъ чего оно запустѣло: отъ насильства сосѣдей, или „кто запустилъ своимъ нестроеніемъ, или какимъ воровствомъ“. „А которые запустѣли своимъ воровствомъ — продолжалъ наказъ, — и тѣхъ бити кнутомъ, и въ службѣ взяты по нимъ поруки, чтобы имъ служить; а буде поруки по нимъ не будетъ, и тѣхъ сажати въ тюрьму до государева указа“. Но о точномъ опредѣленіи повинностей крестьянина нигдѣ нѣтъ и помина. Если бы существовало что-либо подобное, то до насъ дошло бы множество грамотъ, потому что государство, поставивъ такіа условія, должно бы было требовать и ихъ исполненія.

Черносошные крестьяне пользовались старой свободой, но ее не совсѣмъ еще потеряли и помѣщичьи крестьяне. Они даже сохраняли, хотя въ слабой степени, нѣкоторое политическое участіе въ дѣятельности уѣзда. Прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, правительство не думало совершенно уничтожить личность крестьянина и сравнять его съ безправнымъ холопомъ. Крестьяне, во все царствованіе Михаила и Алексѣя Михайловича, принимаются какъ свидѣтели; они заключаютъ договоры найма, займа, поручительства безъ участія владѣльца съ посторонними лицами. Тѣмъ не менѣе, какъ ни слабо было крѣпостное право въ періодъ царствованія Михаила Федоровича, но все же крестьянинъ зависѣлъ существенно отъ помѣщика или вотчинника, который надъ нимъ имѣлъ судъ и расправу. Оставались только два общественные интереса, которые связывали крестьянъ — это государственныя подати и повинности и участіе, хотя пассивное, въ губномъ управленіи. Съ цѣлью раскладки податей и повинностей, вѣроятно, существовали уѣздные старосты въ Муромѣ, которые, должно быть, выбирались изъ всѣхъ крестьянъ безъ различія.

Государственныя подати и повинности ложились въ болѣе или менѣе большихъ размѣрахъ на крестьянъ всѣхъ родовъ, за очень незначительными исключеніями. Предметы, для которыхъ они собирались, были необыкновенно многочисленны и разнообразны; кромѣ многихъ мѣстныхъ, случайныхъ, общими и повсемѣстными были: дань, ямскія деньги, стрѣлечкіе запасы, строеніе городовъ и остроговъ, повинности на содержаніе цѣловальниковъ. Но и эти повинности падали неравномѣрно на различнаго рода крестьянъ. Жалованныя грамоты монастырей освобождаютъ по большей части ихъ крестьянъ отъ всѣхъ податей, исключая ямскихъ денегъ, стрѣлечкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городского и острожнаго дѣла; эти повинности монастырскіе крестьяне должны были отправлять наряду со всѣми сошными крестьянами. Помѣстные и вотчинные крестьяне также должны были платить ямскія деньги, стрѣлечкіе хлѣбные запасы и чрезвычайные сборы, какъ напримѣръ, сборъ на южныя укрѣпленія. Вѣроятно, для раскладки этихъ сборовъ существовалъ выборный уѣздный староста. Таково было положеніе крестьянъ въ царствованіе Михаила Федоровича.

Крутой и рѣзкій переходъ происходитъ въ положеніи крестьянъ съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича. Въ 1646 г. посланы были писцы, чтобы описать всѣхъ живущихъ крестьянъ, и было постановлено, что кто послѣ этой описи будетъ принимать бѣглыхъ крестьянъ, то этихъ крестьянъ выдавать старымъ помѣщикамъ со всѣмъ ихъ имуществомъ и, кромѣ того, на нихъ же взять государевы подати и помѣщичьскія за всѣ годы, которые они были въ бѣгахъ. Въ 1647 г. десятилѣтній срокъ сыска бѣглыхъ былъ измѣненъ въ пятнадцатилѣтній; наконецъ, на земскомъ соборѣ 1649 г., срокъ сыска совсѣмъ отмѣненъ, и крестьянинъ былъ вполнѣ прикрѣпленъ. Съ этого времени во все продолженіе царствованія Алексѣя идетъ рядъ самыхъ строгихъ мѣръ къ прекращенію крестьянскихъ побѣговъ. Въ 1654 г. по челобитной дво-

рянъ и дѣтей боярскихъ, въ которой они говорили, что во время ихъ службы крестьяне уходятъ, часто убивъ ихъ женъ и дѣтей и выжегши ихъ усадьбу, государя чрезъ воеводъ велѣлъ передать челобитчикамъ, чтобы они въ Москву бить челомъ не ѣздили, а готовились бы въ службу и ждали милостиваго государева указа. Дѣйствительно, въ томъ же году были посланы сыщики во всѣ низовые города для отысканія бѣглыхъ крестьянъ и было приказано воеводамъ и приказнымъ людямъ наказывать крестьянъ за побѣги, изъ десяти двухъ человѣкъ кнутомъ. Скоро правительство увидѣло, что недостаточно за побѣги наказывать только крестьянъ, если тѣ, кто будетъ ихъ принимать и укрывать, будутъ оставлены безъ всякаго наказанія. Въ 1661 г. было постановлено бить кнутомъ нещадно государевыхъ приказныхъ людей въ дворцовыхъ слободахъ, посадскихъ, ямскихъ и земскихъ старостъ, если они будутъ принимать бѣглыхъ. А если бѣглыхъ принимали сами помѣщики или ихъ прикащики, по приказанію помѣщиковъ, то взять ихъ изъ помѣстья за cadaго бѣглаго крестьянина по крестьянину изъ его собственного помѣстья и отдавать его владѣльцу, изъ имѣнія котораго былъ принятъ бѣглый крестьянинъ. Въ 1663 г. прикащикамъ всѣхъ владѣльцевъ за пріемъ бѣглыхъ, кромѣ обыкновеннаго наказанія кнутомъ, было прибавлено годичное тюремное заключеніе. Въ 1664 г. и эта мѣра еще была признана недостаточною, и было постановлено: брать со всякаго помѣщика за пріемъ бѣглыхъ по четыре его собственныхъ крестьянина, за пріемъ cadaго чужаго крестьянина.

Всѣ эти строгіе законы о бѣглыхъ должны были совершенно измѣнить отношенія помѣщика и вотчинника къ его крестьянамъ, хотя они не могли совершенно уничтожить возможность побѣговъ. Еще въ 1670 г. убѣжали въ Сибирь 2000 человѣкъ изъ Устюжскаго уѣзда и Усольскихъ уѣздовъ, такъ что въ 1671 г. нельзя было выбрать и четверти ямскихъ денегъ. Хотя, принимая всѣ эти мѣры противъ бѣглыхъ, правительство первоначально не думало совершенно уничтожить юридически личность крестьянина и сравнять ее съ холопомъ, потому что крестьянинъ, въ періодъ царствованія Алексѣя Михайловича, заключалъ сдѣлки займа, найма, поручительства, принимался свидѣтелемъ, но тѣмъ не менѣе фактически онъ сдѣлался теперь совершенно зависимымъ отъ землевладѣльца, а это фактическое положеніе не земледіло скоро сдѣлаться и юридическимъ. Измѣненіе прежнихъ отношеній между вотчинниками и крестьянами всего яснѣе видно въ имѣніяхъ монастырскихъ, которыя и теперь сохранили въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старинный характеръ управления. Правда, что и теперь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, рядомъ съ судебною властью прикащика, существовали старосты и цѣловальники, а въ другихъ монастыряхъ судилъ и управоу вѣдалъ прикащикъ вмѣстѣ со священникомъ и старостою; но уже значительное измѣненіе обнаруживается въ томъ, что теперь даже въ монастырскихъ имѣніяхъ прикащики имѣли право наказывать батогами. Прикащику Покровскаго монастыря было приказано соборомъ, что если крестьяне будутъ пропивать свои животы, „то тѣхъ крестьянъ имать и за первую вину велѣтъ передъ попомъ, и передъ старостою, и передъ крестьяны, на сходя бить батоги нещадно“. Должно думать, что это новое положеніе отразилось еще рѣшительнѣе въ имѣніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. У крестьянъ оставалась защитницею только царская власть, но она защищала ихъ только въ видахъ военныхъ интересовъ государства и не думала ограничивать власть помѣщиковъ. Котошихинъ говоритъ, что каждому члену служаго сословія, когда онъ получить помѣстье или вотчину, выдавалась грамота, въ которой писалось, „чтобы они крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей и отъ всякихъ обидъ и палоговъ остерегали, а подати съ нихъ имали по силѣ, а не черезъ силу, чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и вотчинъ не разогнать и въ нищю не привести“. Если правительство замѣчало, говоритъ Котошихинъ, что помѣщикъ разоряетъ своихъ крестьянъ, то у такихъ помѣщиковъ имѣніе отбиралось. Но это самое мѣсто Котошихина лучше всего доказываетъ, что правительство не думало законодательнымъ порядкомъ опредѣлить сборы помѣщиковъ и вотчинниковъ, а вступалось только тогда, когда имѣніе доводилось до полнаго разоренія. Главное отличіе крестьянъ отъ холоповъ теперь состояло въ томъ, что крестьяне обрабатывали землю, тогда какъ холопы жили при дворѣ помѣщика. Безъ сомнѣнія, правительство, прикрѣпляя крестьянъ, не имѣло въ виду увеличивать массу холоповъ; оно желало только дать дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ опредѣленный доходъ, чтобы они ис-

правно могли являться на службу. Оно даже прямо запретило брать на крестьянъ кабалы, главный источникъ холопства въ прежнее время. Конечно, еслибъ оно замѣтило, что землевладѣльцы воспользовались своимъ новымъ положеніемъ, чтобы массами обращать крестьянъ въ холопы, то оно обратило бы на это вниманіе, такъ какъ такое направленіе грозило бы опасностью государству. Но на отдѣльные случаи злоупотребленія властью оно обращало мало вниманія, такъ какъ оно защищало крестьянъ не во имя ихъ собственныхъ интересовъ, но во имя военныхъ интересовъ государства. Еще въ 1647 г. совершалась продажа крестьянъ безъ земли, и правительство не обратило на это вниманія, такъ какъ это были исключительные факты.

Если помѣщикъ продавалъ крестьянина безъ земли, то его преступленіе состояло не въ томъ, что онъ лишилъ его земли, а только въ томъ, что онъ давалъ его труду другое назначеніе, на которое дало ему право государство. Крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ ни къ землѣ, ни къ лицу; онъ былъ, если можно такъ выразиться, прикрѣпленъ къ государству; онъ былъ сдѣланъ государственнымъ работникомъ при посредствѣ помѣщика. Въ силу этой особенности прикрѣпленія, правительство не думало законодательнымъ порядкомъ лишать его всѣхъ правъ свободнаго гражданина, потому что такая мѣра не входила совершенно въ кругъ его соображеній и нисколько не нужна была для специальной цѣли прикрѣпленія. Но когда крестьянинъ сталъ фактически въ полное и зависимое положеніе отъ помѣщика, то двусмысленность и шаткость его юридическаго положенія должна была имѣть какой-нибудь опредѣленный исходъ: или правительство должно было стого опредѣлить его отношенія къ помѣщику, или предоставить его исполнѣ на его волю. Правительство не думало прибѣгнуть къ первой мѣрѣ, а потому оно должно было предоставить все естественному ходу дѣла. Въ 1675 г. оно разрѣшило продажу крестьянъ безъ земли и тѣмъ оно просто и ясно указало, какой исходъ оно дало двусмысленному положенію крестьянъ. Такимъ образомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ крестьяне потеряли мало по малу всѣ права свободныхъ людей.

ЛХХХІІ. ВОЗМУЩЕНІЕ РАЗИНА.

(Изъ соч. Костомарова «Бунтъ Стеньки Разина»).

Когда пала удѣльная стихія подъ ударами торжествующаго самодержавія, образовалось казачество, служившее какъ бы протестомъ новому порядку вещей. Ряды казачества постоянно пополнялись тѣми, которые были недовольны этимъ порядкомъ и связанными съ нимъ стѣсненіями. Русскій міръ былъ раздѣленъ на два государства, Литовское и Московское, и въ обѣихъ половинахъ явилось казачество. Въ южной Руси Запорожье сдѣлалось его центромъ и развило казаческій духъ по всей Украинѣ; въ Руси Московской тѣ же причины произвели наплывъ народа на Донъ, откуда уже казачество распространилось по Волгѣ, Тереку, Яику, а также проникло и въ Сибирь. Долго независимая община донскихъ казаковъ при царѣ Михаилѣ признала надъ собой власть Москвы, присягнула ей государю и обѣщала отказаться отъ разбоевъ и нападеній на сосѣдей. Но обѣщаніе соблюдалось плохо: правда между казаками была партія вѣрныхъ, хотѣвшихъ согласовать свою вольность съ повинновеніемъ Москвѣ; но были и казаки воровскіе, которые хотѣли дѣйствовать свободно и считать Донъ исполнѣ вольнымъ. Число послѣднихъ было значительное, ибо малѣйшее неудовольствіе обращало въ ихъ ряды и тѣхъ, которые при другихъ обстоятельствахъ были вѣрными. Закрѣпощеніе крестьянскаго люда въ концѣ XVI в. еще болѣе усилило

эту партію, такъ какъ на Донѣ стали толпами бѣгать крестные, не выносящіе новаго, почти рабскаго положенія и таившіе въ глубинѣ сердца, ненависть къ своимъ притѣснителямъ. Обремененіе безчисленными повинностями вело туда же людей изъ посадовъ и черносошныхъ сель. Злоупотребленія воеводъ и вообще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей. Воеводы посылались на кормленіе, смотрѣли на свою должность, какъ на доходъ. Судъ, находясь въ ихъ рукахъ, до крайности былъ продаженъ. Сила выборнаго управленія со старостами и цѣловальниками въ XVII в. упала; оно подчинилось вліянію воеводъ и дьяковъ: тогда выборные сами по себѣ были грабителями не хуже воеводъ и дьяковъ. Выборы производились подъ вліяніемъ послѣднихъ и притомъ только богатыми членами общины. Разъ выбранныхъ нельзя было смѣнить до срока, и случалось, что земскіе старосты, стаянувшись съ воеводами и дьяками, да съ товарищами ихъ откупщиками, собирали съ жителей поборы не по закону, брали лишнее себѣ и дѣлились съ приказнымъ людомъ. Иногда даже воеводамъ приказывалось при сборахъ охранять народъ отъ выборнаго начальства, богатыхъ мужиковъ-горлановъ, какъ ихъ называютъ акты. Отъ всѣхъ такихъ злоупотребленій жители разбѣгались, пустѣли цѣлыя посады и большія села. Усиленная ловля бѣглецовъ не прекращала бродяжничества, но развила разбойничество. Царствованіе Алексѣя Михайловича богато разбоями, особенно въ десятилѣтіе передъ появленіемъ Стеньки Разина. Въ 1667 г. они совершались въ Московскомъ государствѣ повсюду, и правительство то и дѣлало, что разсылало по областямъ сыщиковъ да воинскія команды, при чемъ однако цѣль оставалась далеко не достигнутою. Въ самой Москвѣ убійства и грабежи приняли большіе размѣры. Было ясно, что Русь готовится къ какому-то страшному волненію, и волненіе произошло, когда за него принялся Стенька Разинъ.

О Разинѣ извѣстно, что онъ съ своимъ братомъ, атаманомъ одного казацкаго отряда, участвовалъ въ 1665 г. въ походѣ противъ поляковъ. Къ осени атаману надѣло воевать вдаль отъ родины, и онъ просилъ у воеводы кн. Долгорукова позволенія вернуться на тихій Донъ. Князь позволенія не далъ, и атаманъ ушелъ самовольно, но былъ настигнутъ и казненъ смертію за ослушаніе. У казненнаго было два брата: Степанъ (Стенька) и Фролъ (Фролка). Неизвѣстно, ушли ли они сейчасъ на Донъ, или дождались окончанія похода, но несомнѣнно, что въ душу ихъ, особенно въ душу Стеньки, западо пламенное желаніе отмстить за казнь брата. Стенька обладалъ значительною физическою силою, ловко владѣлъ оружіемъ, былъ храбръ. Суровый и сосредоточенный, онъ нѣрѣдко предавался самому необузданному пьянству и разврату. Врагъ всего, что стояло выше его, онъ былъ неразборчивъ въ средства при стремленіи къ разъ предполагаемой цѣли, былъ строгъ, даже жестокъ до изуверства, вольнодумно, по тогдашнему, смотрѣлъ на церковь. Во взорѣ и голосѣ его было столько повелительнаго, что всѣ, которые сближались съ нимъ, невольно становились исполнителями его воли; его даже считали чародѣемъ, застрахованнымъ и отъ пули, и отъ холоднаго оружія.

На Дону были казаки «домовитые», старые, прямые, настоящіе казаки, и «голутвенные» или «голытба». Къ послѣднимъ принадлежали разные бѣглецы и бездомные скитальцы. Ихъ собралось на Дону особенно много послѣ того, какъ московское правительство стало усиленно пре-

слѣдовать разбойниковъ и бродягъ. Все это были бѣглецы, готовые на бунтъ и разбой, если сыщется голова, умѣющая собрать ихъ въ одну ватагу. Стенькѣ не трудно было сойтись съ этой голытьбою. Но въ Черкасскѣ былъ атаманъ Корнило Яковлевъ, старый заслуженный воинъ, глава партіи домовитыхъ казаковъ, стремящихся къ спокойной жизни и къ миру съ Москвою. При нихъ нельзя было Стенькѣ разгуляться; къ тому же у Стеньки не было еще ни денегъ, ни достаточнаго вліянія, чтобы рѣшиться на великое дѣло — «тряхнуть Москвою». Съ небольшимъ отрядомъ онъ думалъ было двинуться къ турецкимъ берегамъ за добычею и славою. Корнило помѣшалъ этому предпріятію и даже выжиль съ Дона удалаго предводителя небольшого отряда голутвенной черни.

На нѣсколькихъ стругахъ шайка Разина поплыла вверхъ по Дону, затѣмъ очутилась на Волгѣ и тутъ стала разбойничать порядкомъ. Она напала даже на казенныя суда, охраняемыя стрѣльцами, при чемъ какъ стрѣльцы, такъ и чернорабочіе казенныхъ судовъ не оказали существеннаго сопротивленія нападающимъ. Суда были захвачены, разграблены; шайка раздобылась деньгами, оружіемъ и увеличилась въ числѣ. Весною 1668 г. она уже выступаетъ въ Каспійское море, достигаетъ персидскихъ береговъ, наводитъ ужасъ на ближайшіе персидскіе города, жжетъ, грабитъ, убиваетъ и только осенью 1669 г. опять возвращается къ русскимъ берегамъ.

Во все время, когда казаки гуляли по Каспію, по устью Волги плавали служилые люди и провѣдывали, не возвращаются ли удалыцы, чтобы тотчасъ дать о томъ знать воеводамъ въ Астрахань. Воеводы однако не думали вступать во враждебныя отношенія съ ними и заранее выправили такую милостивую грамоту отъ имени царя, которая давала прошеніе казакамъ, если они принесутъ повинную. Очевидно, они не рассчитывали на свои силы и боялись, что въ самомъ ихъ городѣ удалецъ, слава котораго уже гремѣла, безъ труда найдетъ сообщниковъ, готовыхъ затѣять смуту. Поэтому, какъ только казаки стали приближаться къ Астрахани, воеводы послали къ нимъ на встрѣчу Никиту Скрипицына съ государевою грамотою и слѣдующими словами: «Вамъ ничего не будетъ, вы пойдете спокойно домой на Донъ, если отдадите пушки, которые пограбили на Волгѣ и въ Яикѣ-городкѣ, также отдадите струги, отпустите служилыхъ людей, что забрали на Волгѣ и въ Яикѣ-городкѣ, и пришлете кн. Семену Ивановичу Львову (товарищу воеводы кн. Прозоровскаго) купеческаго сына Сехамбета и прочихъ плѣнныхъ». Казакамъ кстати было такое предложеніе, и они на него согласились. Послѣ этого Стенька и его дружина расположилась станомъ подѣ Астраханью, въ качествѣ мирныхъ гостей, и въ продолженіи десяти дней посѣщали городъ. Между ними и астраханцами завязалась дѣятельная торговля; она была выгодна для обѣихъ сторонъ. Награбленные въ Персіи драгоценности покупались на расхватъ какъ астраханцами, такъ армянами и персіянами, проживающими въ этомъ городѣ. Одинъ голландецъ говоритъ: «Я самъ купилъ за 40 рублей огромную золотую цѣпь величиною въ сажень; за каждымъ золотымъ кольцомъ было по пяти драгоценныхъ камней». Всѣ казаки были одѣты въ шелковыя, бархатныя одежды; жемчугъ и драгоценныя камни въ видѣ вѣнцовъ украшали ихъ шапки. Десятидневное пребываніе Разина подѣ Астраханью произвело сильное впечатлѣніе

на народъ и пробудило въ немъ симпатію къ счастливому атаману и даже благоговѣніе передъ нимъ.

Вернувшись на Донъ, Разинъ выбралъ себѣ мѣсто между Кагальницкою и Ведерниковскою станицами на островѣ, который имѣлъ 3 версты протяженія. Тамъ устроилъ онъ городокъ Кагальникъ и приказалъ обнести его землянымъ валомъ. Голытьба, подъ влияніемъ молвы о его славі, стекалась къ нему со всѣхъ сторонъ. Были пришельцы и изъ Сѣчи запорожской. Разинъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлялъ съ пришельцами свою добычу, одѣялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣваться, искали у него и пріюта, и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ его силу, въ его счастье. Подозрительно поглядывали изъ Черкаска домовитые казаки на этого зловѣщаго предводителя голытьбы, тревожились и въ Москвѣ. Къ концу зимы правительство послало въ Черкасскъ грамоту, и посланному съ ней, Евдокимову, велѣно тайно вывѣдать, что дѣлаетъ и замышляетъ Стенька. Во время пребыванія Евдокимова въ Черкасскѣ, явился туда и Стенька. Заподозривъ Евдокимова въ шпіонствѣ, онъ велѣлъ своимъ приверженцамъ умертвить царскаго гонца, что и было исполнено, не смотря на противодѣйствіе со стороны законнаго атамана Яковлева. Теперь этотъ послѣдній былъ атаманомъ только по имени. Толпа переходила къ Стенькѣ; онъ распоряжался, кричалъ, что настало время идти противъ бояръ, и созывалъ молодцовъ съ собою на Волгу. Бояръ ненавидѣли многіе; имя царя, напротивъ, было священнымъ и для самой крайней вольницы. Но Стенька пошелъ еще дальше: онъ сталъ врагомъ самой вѣры. Въ Черкасскѣ незадолго передъ тѣмъ сгорѣли церкви. Зная щедрость Стеньки, нѣкоторые убѣждали его поусердствовать на возобновленіе храмовъ. «На что церкви? Къ чему попы? Вѣнчаться что-ли? Да не все-ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да попляшите вокругъ него, вотъ и повѣнчались!»—говорилъ Стенька.

Наконецъ въ маѣ 1670 г. попылъ Стенька вверхъ по Дону вмѣстѣ съ удалымъ воромъ Ваской Усомъ и толпою вольницы. Вскорѣ онъ очутился подъ Царицынымъ. Царицынцевъ онъ увѣрялъ, что царское войско скоро придетъ къ нимъ и истребитъ ихъ, а потому царицынцы передались бы ему, Стенькѣ. Не смотря на противодѣйствіе своего воеводы, царицынцы открыли ворота казакамъ. Воевода былъ схваченъ и утопленъ, а Стенька ввелъ въ городъ, ко всеобщей радости жителей, казачье устройство: раздѣлилъ жителей на десятки и сотни, назначивъ имъ городского атамана. Изъ Царицына Стенька разослалъ по всему Поволжью своихъ эмиссаровъ. Кн. Львовъ изъ Астрахани двинулся было съ нѣсколькими тысячами стрѣльцовъ на выручку Царицына, но не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, ибо войны его подъ Чернымъ Ярмомъ, встрѣтившись съ казаками, побратались съ ними, перебили своихъ начальниковъ и поступили на службу къ Разину. Они говорили, что весь астраханскій людъ ждетъ «батюшку» къ себѣ, и что представители Московскаго правительства въ этомъ городѣ безсильны, чтобы противопоставить серіозное препятствіе. Во второй половинѣ іюня Стенька уже былъ у низовьевъ Волги.

Астраханскій воевода кн. Прозоровскій давно уже ожидалъ нападенія и готовился къ нему: онъ дѣлательно вооружалъ ратниковъ, усиливалъ оборону, преслѣдовалъ возмутителей. Митрополитъ своимъ духовнымъ

авторитетомъ старался вліять на поддержаніе преданности правительству. Но двусмысленныя, угрюмыя лица стрѣльцовъ и астраханскихъ посадскихъ не переставали тревожить воеводу. 21 го іюня вечеромъ казаки явились подъ городомъ и начали приступъ. Астраханцы не защищались, а напротивъ, помогли осаждающимъ перелѣзть черезъ стѣны. Лишь только значительное число казаковъ очутилось въ городѣ, астраханская чернь бросилась на дворянъ, дѣтей боярскихъ, пушкарей и вообще всѣхъ тѣхъ, которые защищали городъ серьезно. Бунтовщики ранили я Прозоровскаго. Стенька приказалъ умертвить плѣнныхъ. Прозоровскому онъ что-то сказалъ на ухо, но когда тотъ въ отвѣтъ отрицательно покачалъ головою, то послѣдовало приказаніе умертвить и его. Всѣхъ казненныхъ оказалось 441; ихъ зарыли въ одной могилѣ. Астрахань получила, какъ и Царицынъ, казацкое устройство: она должна была управляться кругомъ или народнымъ сборищемъ, выборными атаманами, эсаулами, сотниками и десятниками. Вслѣдъ затѣмъ въ Астрахани начались пиры, продолжавшіеся три недѣли, при чемъ Разинъ бывалъ постоянно пьянъ и потѣшалъ какъ себя, такъ и чернь лютыми казнями, совершаемыми надъ «лиходѣями».

Увеличивъ свою армію толпами астраханцевъ и оставивъ Васюку Уса, въ качествѣ атамана, въ Астрахани, Стенька пошелъ мимо Царицына вверхъ по Волгѣ. Саратовъ сдался ему безъ сопротивленія. Стенька приказалъ утопить тамошняго воеводу; умерщвлены были всѣ дворяне и приказные люди, а въ городѣ введено казацкое устройство. Самара представила нѣкоторое сопротивленіе, но и она была скоро взята, благодаря возмутительному настроенію черни. Агенты Разина распространялись все болѣе и болѣе. Всего успѣшнѣе дѣйствовали они въ нынѣшнихъ губерніяхъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, проникали до Новгорода, до береговъ Бѣлаго моря, показывались въ Москвѣ. Въ своихъ воззваніяхъ Стенька говорилъ, что идетъ истреблять бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренять всякое чиновначіе и власть, установить во всей Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ. Заслышавъ объ успѣхахъ Стеньки, холопъ вооружался на господина, служилый на своего начальника, азычникъ и магометанинъ на христіанина. Стенька сносился съ крымскимъ ханомъ и пытался призвать его опустошительныя орды на Русь. Каждый новый успѣхъ Стеньки усиливалъ броженіе, которое къ началу осени приняло ужасающіе размѣры.

5-го сентября Стенька подступилъ къ Симбирску. Посадскіе люди Симбирска приняли его съ распростертыми объятіями, но собственно городъ или кремль, расположенный на горѣ, укрѣпленный довольно сильно и защищаемый храбрымъ бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, оказывалъ сопротивленіе. Стенька началъ осаду и довелъ Милославскаго до крайности: еще немного времени, и бояринъ былъ бы поставленъ въ невозможность продолжать защиту. Но вдругъ явился на выручку изъ Казани сильный отрядъ, предводимый кн. Барятинскимъ. Онъ пробился сквозь мѣстности, занятыя возмущившимися чувашами и черемисами и во время подоспѣлъ къ Симбирску. Въ войскѣ Разина было много нестройныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ русскихъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, а также изъ инородцевъ. Эти отряды не выдержали напора Барятинскаго, въ отрядѣ котораго были части, обученныя

европейскому военному строю, и побѣжали. Казаки сражались храбро, но когда наступленіе вечера раздѣлило сражающихся, оказалось, что Барятинскому удалось одержать значительныя преимущества надъ противниками. Въ рукахъ его очутилось нѣсколько пушекъ, много плѣнныхъ. Стенька, считавшійся до сихъ поръ неуязвимымъ для пулъ и мечей, получилъ нѣсколько ранъ. Во время ночи онъ усумнился въ возможности поправить дѣло и созвалъ донцевъ на совѣтъ тайно отъ прочихъ сообщниковъ-крестьянъ. Надежды на послѣднихъ было мало: воевать они не умѣли и могли бы, при всемъ многолюдствѣ, только испортить дѣло, когда бы имъ пришлось сражаться вновь съ непріятелемъ, знающимъ ратное искусство. Казаки рѣшились оставить ихъ на произволъ судьбы и бѣжать. Чтобы скрыть свое намѣреніе отъ крестьянъ, Стенька выстроилъ послѣднихъ въ боевой порядокъ и сказалъ: «Стойте здѣсь, а я съ казаками пойду на новоприбылыхъ людей». Пользуясь темнотою ночи, казаки сѣли на суда и уплыли внизъ по Волгѣ. Утромъ мятежники увидѣли, что казаки ихъ оставили. Въ страхъ они кинулись бѣжать къ Волгѣ, преслѣдуемые царскими войсками. Тутъ истреблены ихъ цѣлыя массы. Болѣе 600 человекъ попались въ плѣнъ и были казнены на мѣстѣ безъ всякаго слѣдствія и суда.

Впечатлѣніе, произведенное симбирскою битвою было очень сильно. Жители подгородныхъ симбирскихъ слободъ явились съ повинною; воевода отобралъ изъ нихъ по человѣку со слободы и наказалъ кнутомъ, а прочихъ только привелъ къ присягѣ. Еслибъ исходъ симбирской битвы былъ иной, мятежъ несомнѣнно принялъ бы ужасныя размѣры. Стенька находилъ сочувствіе не только въ окрестныхъ жителяхъ, но и въ далекихъ углахъ Россіи: масса поднялась бы страшнымъ пластомъ. Теперь проигрышъ уронилъ значеніе Стеньки въ глазахъ народа. Оставленные казаками, шайки крестьянъ не могли долго держаться противъ отрядовъ царскаго войска. Отовсюду жители приносили повинную и обыкновенно увѣряли, что воровали поневолѣ, хотя часто неправдоподобіе такой отговорки было очень явно. Они выдавали зачинщиковъ, которыхъ воеводы тотчасъ допрашивали, потомъ вѣшали, менѣе виновныхъ сѣкли кнутомъ, а массу приводили къ присягѣ. Воровскія письма, волновавшія умы, собирали и отправляли въ Москву.

То обстоятельство, что Стенька оставилъ чернь на произволъ судьбы, не прошло для него даромъ. Когда онъ со своими казаками, спасаясь отъ пораженія, присталъ къ Самарѣ, самарцы не пустили его въ городъ; тоже повторилось и въ Саратовѣ. Стенька прибылъ въ Царицынъ и нѣсколько времени оправлялся отъ ранъ, полученныхъ подъ Симбирскомъ, а потомъ, съ горстью своихъ вѣрныхъ донцовъ и царицынцевъ, вернулся на Донъ, надѣясь еще поправить дѣло какъ при помощи казаковъ, такъ и при помощи астраханцевъ. Но долгое отсутствіе его на Дону способствовало усиленію вліянія Яковлева, а слухи о пораженіяхъ Стеньки рѣшительно дали перевѣсъ этому домовитому, миролюбивому атаману. Когда Стенька со своею шайкою оставилъ Донъ, Корнило Яковлевъ тайно отправилъ въ Москву товарища умерщвленнаго Евдокимова, но не послалъ никакой отписки, а только велѣлъ словесно объяснить обо всемъ. Онъ, очевидно, лавировалъ, не высказываясь долго ни за московское правительство, ни за Разина. Но когда послѣдній, не побывавъ «на Москвѣ», какъ хвалился, возвратился на Донъ, Яковлеву не-

зачѣмъ было продолжать прежнюю двойную игру. Онъ высказался противъ него, а съ нимъ и всѣ домовитые казаки. Напрасно Стенька разсылалъ по станицамъ свои воровскія письма: бѣглецы изъ Московскаго государства уже прежде выведены были имъ изъ Дона и погибли или разбѣжались; настоящіе казаки не увлекались его призывами, зная, что попытка къ новову возмущенію, совершенная при ихъ участіи, въ случаѣ неудачи грозитъ появленіемъ московскихъ войскъ на Дону и, быть можетъ, уничтоженіемъ Донскаго казачества. Понимая, что Яковлевъ и жители Черкаска въ сильной степени парализуютъ успѣхъ воззваній, приглашающихъ къ бунту, Стенька въ февралѣ отправился къ Черкаску. Сначала ласково, потомъ съ угрозами онъ требовалъ, чтобы его впустили въ городъ. Ему отказали. Переговоры продолжались недѣлю. Черкасскъ былъ укрѣпленъ. Стенькины силы были недостаточны. Освободившись отъ посѣщенія, Яковлевъ послалъ въ Москву вѣсть о нападеніи Стеньки на Черкасскъ и просилъ прислать войска для защиты Черкаска и для истребленія гнѣзда матежниковъ. Видно, Стенька возбудилъ противъ себя большую вражду въ Черкасскѣ, такъ какъ донскіе казаки никогда до того не рѣшались призывать къ себѣ московскія войска, боясь за свои льготы. Изъ Москвы немедленно послали Яковлеву приказаніе чинить премыселъ надъ Стенькою Разиннымъ и доставить его въ Москву на расправу, а бѣлгородскому воеводѣ кн. Ромодановскому велѣно отправить на Донъ отрядъ въ 1000 человекъ.

Въ апрѣлѣ казаки поплыли изъ Черкаска къ Кагальнику; 14 апрѣля сожгли его до основанія и перевѣшали всѣхъ сообщниковъ Стеньки. Неизвѣстны подробности взятія Стеньки. Одни источники говорятъ, что онъ былъ взятъ силою, другіе—что обманомъ. Яковлевъ былъ его крестный отецъ, а потому въ глазахъ Стеньки могъ пользоваться до нѣкоторой степени особеннымъ довѣріемъ. И этотъ Яковлевъ, какъ говорятъ, сталъ убѣждать Стеньку въ томъ, что дѣло его проиграно, и что покорностью онъ можетъ приобрести царское прощеніе. Стенька мало вѣрилъ такимъ убѣжденіямъ, но повиновался изъ отчаянія; притомъ жизнью онъ не дорожилъ. Захвативъ Стеньку и его брата Фролку, Яковлевъ самъ повезъ ихъ въ Москву. Фролка былъ отъ природы тихаго нрава и затосковалъ. «Вотъ, братъ, говорилъ онъ съ грустью, это ты виною нашихъ бѣдъ». Стенька отвѣчалъ: «Никакой бѣды нѣтъ! Насъ примутъ почестно: самые большіе господа выйдутъ на встрѣчу посмотрѣть на насъ».

Въ Москвѣ ихъ привезли прямо въ Земскій приказъ и начали пытать. Самые страшныя пытки не заставили Стеньку проронить хотя бы одно слово, хотя бы одинъ вздохъ. вмѣстѣ съ нимъ пытали и Фролку, который кричалъ отъ боли. Стенька сказалъ ему: «Экая ты баба! Вспомни наше прежнее житье! Долго мы прожили со славою, повелѣвали тысячами людей; надобно же теперь бодро переносить и несчастье. Развѣ это больно? Словно баба уколола». 6-го іюня его вывели на лобное мѣсто вмѣстѣ съ братомъ. Множество народа стеклось на кровавое зрѣлище. Прочитали длинный приговоръ, гдѣ изложены были всѣ преступленія обвиненныхъ. Стенька слушалъ чтеніе спокойно, съ гордымъ видомъ. По окончаніи чтенія палачъ взялъ его подъ руки. Стенька обратился къ церкви Покрова пресв. Богородицы, перекрестился, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ: «Простите!» Его положили межъ двухъ до-

сокъ. Палачъ отрубилъ ему сначала правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колено. Стенька при этихъ страданіяхъ не издалъ ни одного стона, не показалъ знака, что чувствуетъ боль. Ужасное зрѣлище истязаній надъ братомъ окончательно лишило Фролку мужества. «Я знаю слово государево!» закричалъ онъ. «Молчи, собака!» сказалъ ему Стенька. То были послѣднія его слова. Палачъ отрубилъ ему голову. Его туловище разсѣкли на части и воткнули на колья, какъ и голову, а внутренности бросили собакамъ на съѣденіе.

ЛХХХШ. ГРАМАТА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ДОНСКИМЪ КАЗАКАМЪ ПО СЛУЧАЮ ВОЗМУЩЕНІЯ РАЗИНА.

(Изъ «Матеріаловъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина», изданныхъ Поповымъ).

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, на Донъ въ нижніе и верхніе города атаманамъ и казакамъ Корнилову Яковлеву и всему войску Донскому милостивое слово. Въ нынѣшнемъ въ 178 году въ маѣ мѣсяцѣ къ намъ, великому царю, пріѣхалъ съ Дону атаманъ Михайло Самаренинъ. А въ распросѣ сказалъ: нынѣшней зимы въ мартѣ мѣсяцѣ воръ Стенька Разинъ съ товарищами, съ Волги пришедъ къ вамъ на Донъ, учинилъ кругъ и началъ говорить воровскія развратныя рѣчи, наговаривая, чтобъ къ ихъ воровству иные приставали. И вы, атаманъ и старые казаки, помня Бога и нашу государскую милость, не принимая Стенькиныхъ злыхъ развратныхъ рѣчей, начали съ нимъ спорить; и онъ, Стенька, съ товарищами своими, желая учинить страхъ, добрыхъ казаковъ побивалъ и въ воду металъ. И онъ, Стенька, поносилъ имя Господне и св. церковь хулилъ; и священниковъ съ Дону началъ сбивать, желая жить безъ брака и тѣмъ истинные христіанскіе народы отъ Бога отлученными учинить и осквернить. А вы тому его злomu воровскому совѣту не слѣдуйте, въ чемъ и впредь милостивый Богъ въ христіанской истинной вѣрѣ страхомъ своимъ святымъ васъ утвердитъ; также какъ и въ прежнія времена намъ, великимъ государямъ-царямъ, храбро и мужественно служили, и нынѣ намъ, великому государю, служите вѣрно, а относительно бояръ нашихъ и воеводъ указа нашего царскаго величества никогда не престоупайте. И по совѣту всего Донскаго войска, по выбору съ атаманами, сколько можно, вы бы бусурманскихъ народовъ тѣснили и между ними на Дону смѣлымъ сердцемъ стояли, въ чемъ и впредь мы, великій государь, на васъ надѣмся, что въ прежнемъ постоянствѣ пребудете, а воровскихъ шатостныхъ людей за крѣпкимъ атаманскимъ постереганіемъ и старшинъ всего войска береженіемъ сдержите. И отъ указа нашего государскаго, и отъ истиннаго своего послушанія не отступайте. А что повсегодно по нашему государскому милостивому указу на Донъ запасы вамъ посылають, и тѣ запасы изготовлены и по причинѣ той ссоры воровской на Воронежъ до времени задержаны. А для обнадеживанія нашей государской ко всему войску Донскому милости Михайло Самаренинъ съ товарищами пожалованъ нашимъ государскимъ жалованьемъ; а до подлинной отъ васъ съ Дону вѣдомости по нашему великаго госу-

даря указу дожидаются отпуска своего на Москвѣ. Да іюля въ 8-й день, къ намъ великому государю, писалъ бояринъ нашъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Іюня въ 20-й день объявились въ украинскихъ городахъ Донскіе казаки Сементъ Болдырь съ товарищами семнадцатью человекѣми, а о своемъ отпускѣ съ Дону письма у себя не имѣли. И въ нынѣшнее время, такъ какъ воръ Стенька съ товарищами злыми, богоотступными на кровь христіанскую сталъ наступать, нужно, чтобы у васъ добрымъ казакамъ отлучнымъ отъ злыхъ быть, и гдѣ кому случится для промысловъ въ русскіе города ѣхать, брали бы отъ васъ, атамана, проѣзжія памяти. И какъ къ вамъ сія наша великаго государя милостивая грамота прійдетъ, и вы бы, атаманъ и все войско Донское, читали ее всѣмъ въ слухъ во многіе дни, и для православной христіанской вѣры святыхъ Божіихъ церкви созидали, и священническій чинъ при себѣ имѣли, и въ войсковомъ послушаніи, въ чемъ нашъ государскій указъ исполнять, были неотступно. А если тотъ воръ и богоотступникъ, церквамъ Божіимъ врагъ, скверный песь Стенька Разинъ съ товарищами на погибель свою смертную съ Дону отъ васъ ушелъ на Волгу, то и нашъ великаго государя указъ въ города поволжскіе къ боярамъ и воеводамъ нашимъ посланъ, велѣно ратныхъ людей на нихъ посылать, и, за такія ихъ богомерзкія дѣла, какъ отступниковъ побивать безъ пощады, чтобы въ вѣрныхъ христіанскихъ народахъ отъ такихъ воровъ и богоотступниковъ смута не была, и кровь христіанская невинно отъ нихъ не проливалась. А вы бы, нашего царскаго величества атаманъ и старшина и все войско Донское, со всякимъ впредь опасеніемъ въ милости Божіей и въ нашемъ государскомъ жалованьи были надежны и неотступны, и невинная кровь христіанская не лилась бы. А когда такія воровскія ссоры на Дону перестанутъ, и казаки въ послушаніи будутъ, то по нашему великаго государя указу съ Воронежа къ вамъ на Донъ всѣ запасы безъ задержанія будутъ отпущены. А что у васъ, помощью Всесильнаго Бога и нашимъ государскимъ счастьемъ, вѣрною вашею службою учнется дѣлать, о томъ бы къ намъ, великому государю, извѣстія присылали, и для вѣдомости въ украинскіе города къ воеводамъ нашимъ и къ приказнымъ людямъ для опасенія писали, чтобы служилые и торговые люди отъ тѣхъ воровъ во всемъ оберегались. Писанъ на Москвѣ лѣта 7178, іюля въ 8 й день.

ЛХХХІV. ВОЗВЫШЕНІЕ МАТВѢЕВА И НАЧАЛО БОРЬБЫ МЕЖДУ НАРЫШКИНЫМИ И МИЛОСЛАВСКИМИ.

(Изъ соч. Щербальскаго: «Чтенія изъ русской исторіи съ исхода XVII в.»).

Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ (1669 г.), съ высокой башни Ивана-великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола: это была вѣсть народу о преставленіи царицы Маріи Ильиницы. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе, какъ въ закрытыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ нѣны сдѣлалъ богатые вклады, тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше царя печалились и родственники покойной царицы—Милославскіе, а также и ихъ друзья и свойственники: Соковнины, Хитрово, Урусовы; всѣ онѣ были въ милости, силѣ и почетѣ по свойству своему съ покойною. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ, чести-ли боярской, воеводства-ли доходнаго, придворной-то должности приближенной, тотчасъ къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы; тотъ къ дочери, а она къ царю, и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ вступить во второй бракъ, а съ новою царицею приблизилась бы новая родня, новые люди.

Уже въ послѣднее время, при прежней царицѣ, стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напримѣръ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человекъ. Началъ онъ съ небольшого: былъ сынъ небогатаго человѣка, безъ родства и безъ связей, но мало-по-малу сдѣлался чуть не первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ, въ приходѣ Николе-на-Столбахѣ, никому не навязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ-ли палатахъ или въ думѣ заговорить съ нимъ какой-нибудь важный бояринъ, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ; и добился онъ такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался; коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ царя, какъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе исполнились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. Государь безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, былъ задушевымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ государю человекъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинишна, и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои, и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечеренъ, государь и самъ не рѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго приказа, т. е. какъ бы министромъ иностранныхъ дѣлъ; слѣдовательно, не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государей, приѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ. Въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобы все вокругъ него было парадно, и подсмѣивался, что его министръ живетъ какъ какой-нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣевъ долго отшучивался, понимая, очень хорошо, что заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся люди,

которые заговаривать, что онъ корыстуетъ казеннымъ добромъ и хочетъ перешеголять родовыхъ князей, а это такая вина, которая показала бы хуже самой корысти. По этому-то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ, и отыгрывался отъ постройки новаго дома. «Я человѣкъ маленький, незнатный, говорилъ онъ царю;—не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ». Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по Москвѣ слухъ; и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: «Мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братій и навесимъ тебѣ камень въ твой домъ, если ты жалѣешь царскую казну!» Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный, по тогдашнему, большой и красивый, въ которомъ не стыдно было принять хотя бы и цесарскаго посла. Не надобно однакожь думать, чтобы это было что-нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ новую залу Зимняго или новаго Кремлевскаго дворца. Ни дома Матвѣева, ни даже изображенія этого дома, къ сожалѣнію, не сохранилось: но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII вѣкѣ; есть даже нѣкоторые изъ нихъ, которые сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которые возобновлены въ старинномъ видѣ, напримѣръ, домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ издавна принадлежащій фамилии Романовыхъ, и терема царскіе въ Кремлевскомъ дворцѣ, оставшіеся въ томъ видѣ, какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнаты маленькія, низенькія, со сводами, расписанныя *травами* или обитыя кожей съ тисненными на ней узорами; вдоль стѣнъ — лавки, вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой молебни; въ передней или столовой палатѣ длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и весьма нерѣдко садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же, въ особомъ шкафѣ или на полкахъ, стояли тяжелыя серебряныя блюда, кубки, ковши — драгоценности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ. Это были такъ называемыя *терема*. Тамъ жила сама хозяйка и дѣти; хозяинъ приходилъ туда только ночевать, и лишь очень немногіе изъ числа близкихъ родственниковъ имѣли туда доступъ. Такимъ образомъ наши прабабки вели жизнь уединенную, которая проходила въ попеченіяхъ о домашнемъ хозяйствѣ и дѣтяхъ, да въ руководѣнныхъ занятіяхъ; на виду были одни мужчины, хотя не рѣдко бывало, что женщины имѣли вліяніе на ихъ дѣйствія.

Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребями. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя и цѣнныя: денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и атласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши), хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замками и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, то хотя и ихъ берегли, какъ зѣницу ока, однако частенько ихъ тревожили: это были хранилища квасовъ разнаго сорта, лива, медовъ и разныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ

железнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольникъ, ключникъ или ключница бѣжить въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, открываетъ исполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую ендову, откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ.

Такъ жили русскіе двѣсти лѣтъ тому назадъ. Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать, Матвѣевъ этого не терпѣлъ, любилъ быть одинъ и нерѣдко заглядывалъ въ книгу духовнаго или историческаго содержанія. Онъ и самъ писалъ; его собственною рукою было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества по извѣстіямъ, вычитаннымъ въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, спрашивать, какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ, и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземныхъ своихъ знакомыхъ, что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ и нерѣдко забавлялъ царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами. Пьесы были большею частью духовнаго содержанія, изъ нихъ нѣкоторыя были написаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того: находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына приучилъ къ тому же, давалъ ему учителей иностранныхъ языковъ и исторіи, и если бы прожилъ долѣе, то имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что старанія его не пропали даромъ: молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ очень интересно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти царя Θεодора Алексѣевича.

Дочерей у Матвѣева не было. Но въ домѣ его жила дочь одного изъ его старыхъ сослуживцевъ, небогатаго дворянина Кирилла Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобы женщины нужно было что-нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева не была, по крайней мѣрѣ, отдалена отъ всего свѣта, подобно дѣвицамъ знатныхъ домовъ; онъ ея не пряталъ въ неприступныхъ теремахъ, такъ что ее видали многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему, даже иностранцевъ. Звали ее Наталіей; она была красивая дѣвушка, высокая ростомъ, съ темнорусою косою, съ широкими рѣсницами на большихъ карихъ глазахъ.

Случилось, что увидѣлъ ее и царь; красота дѣвушки сдѣлала на него впечатлѣніе. «Я не зналъ, Сергѣичъ, — сказалъ онъ, — что у тебя есть дочь». «Это не дочь моя, а пріемышъ», — отвѣчалъ Матвѣевъ и называлъ ее. Тѣмъ на первый разъ и окончилось; но черезъ нѣсколько времени царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ вступить съ нею въ бракъ.

Государь сочетался бракомъ съ Наталіей Кирилловною въ 1671 году. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ родня ея, Нарышкины. Отецъ ея былъ сдѣланъ бояриномъ и получилъ богатые волости, братья взяты ко двору, Матвѣевъ тоже получилъ санъ боярина.

30-го мая 1672 года въ старомъ Кремлевскомъ дворцѣ у царя родился сынъ, котораго называли Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій императоръ.

Около этого времени между людьми близкими ко дворцу стали ходить слухи, что между мачихой и падчерицами не стало согласія. Какъ это случилось, съ чего это началось, врядъ-ли кто-нибудь могъ достоверно сказать; царевны-ли, изъ которыхъ многія были совершеннолѣтнія, недружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ, — дѣло темное: но между царевною и царицей не было дружества. Государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ ея младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ. Глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи: Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталью Кирилловну; другіе, родственники покойной царицы, угрюмо сжались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ: не всѣ знали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось какъ прежде, да и государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ.

Черезъ два года послѣ рожденія Петра объявленъ былъ старшій сынъ государя, Ѳеодоръ Адексѣевичъ. Объявленіе было то же, что признаніе наслѣдникомъ престола. Царевичу тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, онъ былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, здравый умъ и былъ прекрасно, по тому времени, образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Съ этого времени царевичъ Ѳеодоръ считался наслѣдникомъ престола: на него смотрѣли, какъ на будущаго государя Россіи. И дѣйствительно, когда Алексѣй Михайловичъ, въ январѣ 1676 года, скончался, Ѳеодоръ вступилъ на престолъ.

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА АЛЕКСѢВИЧА.

ЛХХХV. ПРИДВОРНЫЯ ИНТРИГИ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ТЕОДОРА АЛЕКСѢВИЧА.

(Изъ «Истории Россіи» Соловьева)

Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, не достигши старости, и оставилъ семейство свое въ очень печальномъ для государства положеніи, предвѣщавшемъ большія смуты, и это въ такое время, когда столько важныхъ вопросовъ стояло на очереди, когда все колебалось при страшномъ поворотѣ на новый путь, когда при всеобщемъ истощеніи отъ прежнихъ войнъ предстояла еще опасная война съ могущественными турками. Старшій сынъ, торжественно объявленный при отцѣ наслѣдникомъ престола, былъ четырнадцатилѣтній болѣзненный мальчикъ; самый близкій и довѣренный человѣкъ при покойномъ государѣ былъ Матвѣевъ, по праву пользовавшійся этою близостью и довѣренностью, человѣкъ съ обширною начатанностью, большой охотникъ до образованія и людей образованныхъ, ловко владѣвшій перомъ, опытный въ дѣлахъ правленія, давно уже завѣдывавшій внѣшними сношеніями. Матвѣевъ могъ быть самымъ лучшимъ совѣтникомъ, подпорою молодого царя; но, къ несчастію, между Теодоромъ и любимцемъ отца его уже разступилась бездна: воспитанница Матвѣева была мачиха Теодора, а извѣстно, какое страшное значеніе имѣло тогда слово—мачиха. Никогда еще въ семействѣ царей русскихъ не было этого печальнаго явленія, этой вражды между дѣтьми отъ разныхъ матерей и, какъ нарочно, это печальное явленіе произошло въ такое опасное время, когда предстояло преобразование, и долженъ былъ воспитываться преобразователь; первое чувство, которое онъ встрѣтитъ въ родной семьѣ, (судеть вражда! И безъ подобныхъ извѣстій, которыхъ мы не имѣемъ, легко понять, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на дворецъ, на тамошнія отношенія, второй бракъ царя Алексѣя при такомъ большомъ числѣ дѣтей отъ перваго брака. Помѣшать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметныя письма въ гранови-

тых сѣняхъ и проходныхъ съ обвиненіями Матвѣева въ чародѣйствѣ. Матвѣевъ оправдался, и государь женился на его воспитанницѣ. Алексѣй Михайловичъ жилъ долго съ первою женою, привязался къ ней, вслѣдствіе чего во дворцѣ образовалось и утвердилось много крѣпкихъ отношеній. Укрѣпили свое вліяніе Милославскіе съ своими родичами, людьми близкими и сблизившимися. Милославскіе, люди даровитые, дѣятельные, умѣвшіе приобрѣтать вліяніе и пользоваться имъ, люди съ легкою нравственностью, съ неразборчивостью средствъ. И вдругъ, вслѣдствіе новаго брака царя, все это теплое гнѣздо, свитое ими и друзьями ихъ во дворцѣ, должно разрушиться! Новая царица съ своей родней, съ своими ближними людьми, Матвѣевъ хозяйничаютъ во дворцѣ. Столкновение интересовъ страшное, и ненависть страшная.

Смертью царя Алексѣя и восшествіемъ на престолъ Θεодора, сына Милославской, отношенія перемѣнились. Чего могла ждать хорошаго теперь царица Наталья съ дѣтьми и Матвѣевъ отъ этой накопившейся ненависти царевнѣ, Милославскихъ и друзей ихъ? Здѣсь такъ естественно рождается вопросъ: неужели Матвѣевъ прежде не подумалъ объ этомъ и не постарался обезпечить себя и своихъ на счетъ перемѣны царствованія? Оставя въ сторонѣ нравственные побужденія, которыя если бы не были сильны у Матвѣева, то были очень сильны у царя Алексѣя, можно объяснить дѣло расчетомъ: царь Алексѣй былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны послѣдовать за своими единоутробными братьями, не переживутъ отца, и Петръ будетъ наслѣдникомъ. Но другое дѣло, когда царь умеръ скоропостижно: о движеніяхъ Матвѣева въ пользу Петра въ эту страшную минуту сохранились извѣстія у иностранцевъ. Вотъ самое подробное изъ нихъ, оставленное полякомъ, авторомъ любопытнаго разсказа о стрѣльцкомъ бунтѣ: «Когда первая жена царя умерла и оставила двоихъ сыновей и шесть дочерей, то они много терпѣли отъ Матвѣева, а потомъ подверглись еще большому преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою. Умирая, Алексѣй благословилъ на царство сына отъ Милославской, Θεодора, который въ то время лежалъ больной, и опекуномъ назначилъ князя Юрія Долгорукаго. Матвѣевъ утаилъ смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобы они стояли за маленькаго Петра, и потомъ уже ночью повѣстилъ боярамъ о преставленіи государя. Когда они начали собираться, онъ посадилъ маленькаго Петра на престолъ и уговаривалъ бояръ, чтобы они признали его безпрекословно государемъ, потому что Θεодоръ опухъ, лежитъ больной, и плоха надежда, что будетъ жить. Но бояре, узнавши отъ патріарха, который былъ при смерти царской, что отецъ благословилъ Θεодора на царство и Долгорукаго назначилъ опекуномъ, ждали послѣдняго. Пріѣзжаетъ наконецъ Долгорукій во дворецъ, какъ волъ реветъ съ жалости по царю и прямо къ патріарху: «Кого отецъ благословилъ на царство?» «Θеодора», отвѣчаетъ патріархъ. Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая увѣщаній Матвѣева, стремятся къ покоямъ Θεодора; подходятъ—двери заперты. Долгорукій приказываетъ выломать двери, бояре берутъ на руки Θεодора, потому что самъ онъ идти не можетъ, ноги распухли, несутъ, сажаютъ на престолъ и сейчасъ же начинаютъ подходить къ рукѣ, поздравляя на царствѣ. Мать царя Петра и Матвѣевъ скрылись, видя, что ничего не могутъ сдѣлать противъ Долгорукаго и всѣхъ бояръ».

Мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ извѣстїи, потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда дали силу всякаго рода обвиненїямъ безъ разбора, лишь бы только къ чемунибудь приязаться, въ это время не послышалось ни слова обличенїя ни отъ кого изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больного Θεодора присягнуть маленькому Петру.

Какъ бы то ни было, Θεодоръ вступилъ на престолъ спокойно, не произошло никакихъ перемѣнъ; Матвѣевъ остался въ прежнемъ важномъ санѣ великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя. Но враги его уже владѣли дворцомъ и не могли оставить его въ покоѣ. За больнымъ Θεодоромъ ухаживали тетки и шесть сестеръ одноутробныхъ, мачиха была удалена. Противъ Матвѣева дѣйствовалъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, злобившійся на него особенно за то, что его внушенїю приписывалъ удаленїе свое на астраханское воеводство при царѣ Алексѣѣ; съ Милославскимъ заодно дѣйствовалъ другой могущественный бояринъ — дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Хитрово былъ самъ незнатнаго происхожденїя, но онъ былъ не охотникъ до другихъ новыхъ людей, которые были видѣе его по талантамъ, онъ былъ не охотникъ до Ордына-Нащокина, былъ не охотникъ и до Матвѣева, особенно, когда узналъ навѣрное или подозрѣвалъ, что Матвѣевъ указывалъ царю Алексѣю на злоупотребленїя его по управленїю приказомъ Большого Дворца.

Паденїе Матвѣева было рѣшено: представили, что нельзя такого подозрительнаго челоуѣка оставить правителемъ аптеки, когда государь боленъ, и аптеку отняли у Матвѣева; потомъ датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на его требованїе прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку, 500 рублей вслѣди заплатить Гею и воспользо-вались этимъ случаемъ, чтобъ отнять у Матвѣева завѣдыванїе посольскими дѣлами и удалить его изъ Москвы. Когда Матвѣевъ прїѣхалъ, по обычаю, во дворецъ, бояринъ Стрѣшневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и объявилъ ему: «Указалъ великїй государь бытъ тебѣ на службѣ въ Верхотурѣ воеводоу». Посольскій приказъ былъ порученъ думному дяку Ларїону Иванову. Матвѣевъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почетную ссылку; при нихъ былъ монахъ, священникъ, учитель сына польскїй шляхтичъ Поборскїй, большая дворня; взяты были двѣ пушки для безопасности. Но въ Ланшевѣ Матвѣева остановили: прїѣхалъ полуголова московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книги лѣчебника, въ которомъ многія статьи писаны цифирью, потребовалъ двоихъ людей: Ивана Еврея и Карла Захара; Матвѣевъ отвѣчалъ, что книги нѣтъ, а людей выдалъ. Съ мѣсяцъ послѣ этого прожилъ Матвѣевъ въ Ланшевѣ, какъ однажды разбудили его ночью: прїѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ и думный дякъ Семеновъ: «Давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣнїе на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей». Матвѣевъ сейчасъ все и всѣхъ выдалъ; Соковнинъ и Семеновъ поѣхали на слѣзжїй дворъ и послали оттуда за Матвѣевымъ, чтобы пришелъ сейчасъ же. Бояринъ пошелъ пѣшкомъ; здѣсь разспрашивали его племянниковъ и людей о знаменитомъ лѣчебникѣ, взяли сказки за руками, взяли

съ Матвѣева сказку о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства больному царю. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами Каскеріусомъ и Стефаномъ Симономъ, по рецепту, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; всякое лѣкарство отвѣдывалъ прежде докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а послѣ него дядьки государевы, послѣ же пріема, что оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же, Матвѣевъ, въ глазахъ государя. За Соковиннымъ и Семеновымъ явился въ Ланшевъ дворянинъ съ указомъ перевести Матвѣева въ Казань. Здѣсь воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій приставилъ къ нему караулъ, и скоро пришелъ царскій указъ—отпустить людей по деревнямъ, другихъ на волю; потомъ ночью пріѣхалъ дьякъ Гороховъ: «Гдѣ имѣніе? Давай сейчас!» Матвѣевъ отвѣчалъ: «Въ животахъ моихъ ни краденнаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ, животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои нажитые милостью Божіею и великихъ государей жалованьемъ, за посылскія службы и за свои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажиты, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его государская!» Пріѣхалъ стольникъ Тахачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву, и потребовалъ отъ него пушекъ, пороху, свинцу, панцырей, шапокъ, наручей: «Къ унітію всякаго воровства былъ я починщикъ, а не къ начинанію», отвѣчалъ Матвѣевъ. Затѣмъ явился присланный отъ воеводы стрѣлецкій голова, взялъ Матвѣева, сына его, людей съ женами и дѣтьми и повелъ въ сѣзжую избу пѣшкомъ на позоръ людямъ. Тутъ въ сѣзжей избѣ объявилъ ему вины: онъ написалъ въ сказкѣ своей въ Ланшевъ, что, послѣ пріема лѣкарства государемъ, остатокъ выпивалъ онъ, Матвѣевъ; но дядьки государевы объявили, что никогда онъ не выпивалъ остатковъ. Лѣкаръ Давыдъ Берловъ донесъ, что лѣчилъ онъ у Матвѣева человѣка его Карлу Захара, и тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ господскихъ побоевъ; однажды онъ заснулъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу; во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ и объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человѣкъ; Матвѣевъ вскочилъ и, найдя его за печью, сорвалъ съ него шубу, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты замертво. Берловъ прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ, съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ грекомъ Спафари, запершись, читали черную книгу; Спафари училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея. Матвѣевъ хотѣлъ было говорить, но дьякъ Гороховъ крикнулъ: «Слушай, молчи, а не говори». У Матвѣева отняли боярство, все имѣніе, дали только тысячу рублей и сослали на житье въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ страшномъ горѣ, среди лишеній всякаго рода Матвѣевъ отправилъ три челобитныя къ царю съ оправданіемъ, къ патриарху и ближнимъ боярамъ съ просьбами о ходатайствѣ. Старикъ опытный въ дѣлахъ правленія, но неопытный въ бѣдствіяхъ жизни, не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи жаловаться и надѣяться, что жалоба будетъ имѣть дѣйствіе, не разсудилъ, что самая бессмысленность обвиненій и незаконность заочнаго осужденія отнимали всякую надежду къ оправданію и облегченію участи, пока несовершеннолѣтній царь окруженъ Милослав-

скими и Хитрово съ товарищами. Три письма отправилъ Матвѣевъ къ патриарху, писалъ къ духовнику царскому протопопу Никитѣ Васильевичу, кн. Долгорукову, кн. Одоевскому, къ боярину Стрѣшневу, все съ просьбами о заступничествѣ. Онъ рѣшился даже обратиться съ этими просьбами къ Милославскому и Хитрово. Не зная, что дѣлается при дворѣ, Матвѣевъ писалъ даже и къ отцу царицы Натальи, просить, чтобъ царица и царевичъ Петръ ходатайствовали за него у царя; Матвѣевъ не зналъ, что царица не могла защитить и родного брата своего, Ивана Кирилловича Нарышкина, на котораго тотъ же лѣкаръ подалъ доносъ

Изъ адресовъ на письмахъ Матвѣева мы видимъ, кто были самые вліятельные, самые близкіе къ царю люди. Къ нимъ скоро присоединился другой Милославскій, бояринъ Иванъ Богдановичъ, котораго мы видѣли воеводою въ Казани во время ссылки Матвѣева. Иванъ Богдановичъ былъ самый энергическій изъ Милославскихъ, ибо Ивана Михайловича ставили только на интригу, на подземный подкопъ противъ кого-нибудь. По возвращеніи изъ Казани, Иванъ Богдановичъ, какъ говорятъ, схватился за всѣ дѣла, но сейчасъ же пошли на него со всѣхъ сторонъ жалобы, и это отдалило отъ него молодого царя, у котораго уже было двое любимцевъ: первый—постельничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, другой—комнатный стольникъ Алексѣй Тимофеевичъ Лихачевъ. Приближеніе Языкова объясняется легко изъ самой должности его: та же должность дала значеніе Адашеву при Іоаннѣ IV, Ртищеву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но есть извѣстіе, что двое бояръ, князь Долгорукій и Хитрово, не имѣя личной возможности соперничать съ Милославскимъ и быть постоянно съ царемъ, выдвинули нарочно Языкова и Лихачева перевѣшивать вліяніе Милославскаго. Объ Языковѣ сохранились отзывы какъ о чрезвычайно ловкомъ придворномъ, его называютъ «человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскихъ прежде площадныхъ, потомъ же дворянскихъ обхожденій проникателемъ». Лихачева называютъ «человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія». Понятно, что для всѣхъ этихъ лицъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ царя: молодая царица можетъ уничтожить или ослабить вліяніе царевнѣ, тетокъ, и сестеръ, а слѣдовательно и Милославскихъ, можетъ привести во дворецъ своихъ родственниковъ. Рассказываютъ, что идя однажды въ крестномъ ходу, Ѳеодоръ увидалъ дѣвушку, которая ему очень понравилась; онъ поручилъ Языкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это Агафья Семеновна Грушецкая, живетъ у родной тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, и дьяку дано знать, чтобъ не выдавалъ племянницы впредь до указа. Милославскій, узнавъ о намѣреніи царя жениться на Грушецкой, подумалъ, что это происки Языкова и Лихачева, сталъ чернить Грушецкую и мать ея; но Языковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой, въ іюлѣ 1680 г., и Милославскій потерялъ съ этихъ поръ всякое вліяніе, а Языковъ и Лихачевъ стали получать все большія и большія пожалованія. Такимъ образомъ самыми близкими къ царю, самыми вліятельными на дѣла правленія явились люди новые, молодые. Но подлѣ нихъ, если не въ такой близости, однако съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла, видимъ человѣка изъ одного изъ самыхъ стародавнихъ родовъ, еще молодого по лѣтамъ, боярина кн. Василья Василье-

вича Голицына, не однимъ именемъ и отчествомъ напоминавшаго знаменитаго предка своего, слышшаго столпомъ въ смутное время. Безспорно, что Голицынъ былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ описываемаго времени; къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, дававшее ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднѣе, чѣмъ для другихъ.

Итакъ, говоря о правительственной дѣятельности Θεодора Алексѣевича, царя очень молодого и болѣзненнаго, мы обязаны постоянно имѣть въ виду людей, его окружавшихъ, сначала Милославскихъ, потомъ, особенно съ 1680 г., Языкова, Лихачева и Голицына, хотя, разумеется, по недостатку подробныхъ извѣстій, мы не можемъ опредѣлить долю каждаго изъ нихъ въ правительственной дѣятельности.

LXXXVI. ОТНОШЕНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ПОЛЬШѢ И ТУРЦІИ ПРИ ЦАРѢ ΘЕОДОРѢ АЛЕКСѢВИЧѢ.

(Изъ соч. Вейдемейера: «О Россіи подъ державою дома Романовыхъ»).

По поводу Малороссіи при царѣ Θεодорѣ возникли у насъ споры съ Польшею и Портою. Малороссія вся, кромѣ Чигирина, находилась уже подъ владычествомъ царя Алексѣя Михайловича, признавая гетманомъ Самойловича. Однако же царь Алексѣй не успѣлъ окончательно утвердить за собой заднѣпровскую часть ея. Дорошенко засѣлъ въ Чигиринѣ, призывая къ себѣ на помощь турокъ и татаръ; Янъ Собѣскій, король польскій, требовалъ, на основаніи андрусовскаго мира, возвращенія Кіева, считалъ владычество царя за Днѣпромъ нарушеніемъ мира и грозилъ войною; но опаснѣйшій противникъ Θεодора былъ турецкій султанъ, который, по послѣднему договору съ Польшею, признавалъ заднѣпровскую часть Малороссіи ему принадлежащею: Θεодоръ не страшился противниковъ и готовился къ упорной борьбѣ, съ твердымъ намѣреніемъ защищать Малороссію, старое достояніе Россіи, возвращенное его родителемъ. Θεодоръ хотѣлъ сперва уничтожить безпокойнаго Дорошенка, который, не смотря на претерпѣнныя имъ неудачи, не переставалъ волновать Малороссію съ намѣреніемъ быть въ ней независимымъ обладателемъ. Царь послалъ къ Чигирину, гдѣ засѣлъ Дорошенко, многочисленное войско подъ начальствомъ Ромодановскаго, соединившагося съ Самойловичемъ. Сіи два военачальника убѣждали его сдаться безъ сопротивленія, обѣщая ему полную свободу. Дорошенко, не получая помощи ни отъ султана, который ему тоже не довѣрялъ, ни отъ Польши, потерявъ надежду успѣть въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ и согласился на предложенія, сдѣланныя ему русскими полководцами. 1676 г, сентября 19-го, онъ положилъ оружіе, отдалъ Самойловичу всѣ знаки гетманскаго достоинства и присягнулъ въ вѣрности съ своими подданными московскому царю.

Янъ Собѣскій назначалъ безпрестанно новыхъ гетмановъ въ заднѣпровскую часть Украйны, требуя, чтобы Россія не вмѣшивалась въ ея

дѣла; но получивъ въ отвѣтъ, что Польша уступкою Малороссіи султану турецкому лишила себя права спорить о сей землѣ, прекратилъ свои отребованія, ожидая, какой конецъ будетъ имѣть война Россіи съ турками. Султанъ выслалъ подъ начальствомъ Ибрагима-паши многочисленное войско. Ибрагимъ напалъ всѣми силами своими на Чигиринъ и взорвалъ часть стѣнъ сей крѣпости; но осажденные отражали его мужественно, съ значительнымъ для него урономъ. Ромодановскій съ Самойловичемъ подошли на помощь къ Чигирину, разбили на голову Ибрагима (1677 г.).

Онъ лишился въ сей битвѣ большого числа людей, пушекъ, всего обоза и бѣжалъ за Днѣпръ. Султанъ былъ такъ раздраженъ симъ извѣстіемъ, что приказалъ умертвить Ибрагима и многихъ находившихся при немъ второстепенныхъ турецкихъ военачальниковъ. Въ слѣдующемъ году султанъ выслалъ войско еще многочисленнѣе. Ромодановскій опять его разбилъ и обратилъ въ бѣгство, но имѣлъ оплошность не преслѣдовать непріятеля, полагая его въ такомъ разстройствѣ, что онъ ничего предпринять не можетъ. Турки же между тѣмъ, собравъ разбѣянное свое войско, напали на Чигиринъ, овладѣли имъ и разорили его. Неустранимый Ромодановскій вновь напалъ на нихъ и, послѣ жестокаго сраженія, 19-го августа 1678 г., обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ непріятель лишился двухъ третей своей арміи и лагеря. Ромодановскій, однако, за оплошность, слѣдствиемъ коей было взятіе турками Чигирина, былъ смѣненъ; на мѣсто его назначенъ кн. Черкасскій. Во время сей кровавой войны, ознаменованной блестящими побѣдами царскихъ войскъ, несчастная заднѣпровская часть Малороссіи была совершенно опустошена турками.

Должно замѣтить, что предъ вторымъ чигиринскимъ походомъ было отдано строгое приказаніе не считаться мѣстничествомъ, такимъ образомъ царь Феодоръ готовился нанести вскорѣ послѣдній ударъ этому пагубному предразсудку.

Варшавскій дворъ, вопреки договорамъ, не оказалъ намъ помощи въ войнѣ противъ турокъ и думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ угрозами требовать возвращенія городовъ, завоеванныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ. По поводу несогласія съ варшавскимъ дворомъ прибыло въ Москву въ маѣ 1678 г. великолѣпное польское посольство; главными лицами онаго были кн. Михайло Чарторыйскій и гр. Янъ Сапѣга. При посольствѣ однихъ слугъ находилось 300 человекъ и отрядъ тѣлохранителей. Приемъ былъ сдѣланъ тоже пышный. Бояре имѣли съ польскими послами 23 засѣданія, вслѣдствіе которыхъ заключенъ договоръ 3-го августа 1678 г. Главныя статьи онаго были: 1) перемиріе на 13 лѣтъ; 2) возвращеніе полякамъ Невеля, Собежа и Велижа; 3) выдача 200,000 руб. полякамъ при заключеніи трактата и 4) прекращеніе возникшихъ недоразумѣній и продолженіе дружественныхъ и торговыхъ сношеній.

Султанъ, послѣ двухъ неудачныхъ походовъ въ Малороссію, довольствовался тѣмъ, что тревожилъ насъ, подстрекая крымскаго хана дѣлать къ намъ сильныя набѣги, такъ что татары подходили къ самому Киеву; но мужественная оборона царскихъ войскъ уничтожила покушеніе ихъ овладѣть этимъ городомъ; потомъ храбрый Сирко разбилъ ихъ на голову, преслѣдовалъ и вторгнулся въ ихъ владѣнія. Неудачи сіи заставили султана думать о мирѣ съ Россією тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался

воевать съ Австрією. Начались переговоры, вслѣдствіе конхъ 3-го января 1661 г. заключенъ миръ въ Бахчисараѣ, по коему султанъ отказался отъ задніпровской Украйны съ условіемъ, чтобы ни Россія, ни Турція не возобновляли разрушенныхъ тамъ городовъ, исключя Кіева, Триполя, Василькова и Стаекъ, уступленныхъ Россіи, которая также удержала за собою и Запорожье. Такимъ образомъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, одержавъ блистательныя побѣды надъ турками и татарами, имѣлъ славу окончить войну за Малороссію, продолжавшуюся 27 лѣтъ.

ЛХХХІІ. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МЪСТНИЧЕСТВА И СУДЬБА ЕГО ВЪ РАЗЛИЧНЫЯ ЭПОХИ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Изъ ст. Соловьева: «О мѣстничествѣ», помѣщенной въ «Московскомъ литературномъ и учебномъ сборникѣ» 1847 г.).

Всѣ европейскія государства обязаны началомъ своимъ великому движению дружинъ, которое обыкновенно называютъ переселеніемъ народовъ. На западѣ дружины встрѣтили колоссальную имперію Рима съ ея великими государственнымъ учрежденіями: изъ взаимнаго столкновенія, изъ борьбы, началъ дружинныхъ съ началами, завѣщанными имперію, изъ борьбы примогущественномъ воздѣйствіи христіанства, развилась исторія западныхъ европейскихъ народовъ. На востокѣ Европы также явилась дружина, но она нашла здѣсь не имперію, но многочисленныя племена, живущія подлѣ формою родового быта; слѣдовательно, здѣсь начало дружинное пришло въ столкновеніе, вступило въ борьбу не съ началомъ государственнымъ, какъ на западѣ, но съ началомъ родовымъ. Одно изъ явленій, происшедшихъ отъ этого столкновенія дружиннаго начала съ родовымъ, есть мѣстничество. Вождь дружины или князь скоро подчинился вліянію родового быта племенъ, которыя признали его своимъ главою: скоро, вмѣсто одного властителя, мы видимъ въ члѣбѣ народа цѣлый владѣтельный родъ, который считаетъ всю землю добытую дѣдовскимъ оружіемъ, своею нераздѣльною собственностью; между князьями господствуютъ чисто родовыя отношенія. Если вождь дружины подчинился родовому быту, то неужели храбрые товарищи его, дружинники, не заразились тоже родовыми понятіями? Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ на первоначальный, чистый характеръ дружины, послѣ чего намъ уже легко будетъ увидать тѣ измѣненія, которыя произошли въ ея характерѣ среди славянскихъ племенъ. Дружина, которая появляется во всѣхъ краяхъ Европы въ началѣ среднихъ вѣковъ, представляетъ намъ свободную толпу пришлецовъ изъ разныхъ странъ и народовъ; не ищите въ ней исключительной національности: всякій храбрецъ, изъ какого бы народа ни былъ, принимался радушно; какое же мѣсто занималъ всякій пришлецъ среди старыхъ дружинниковъ? Это мѣсто зависѣло отъ назначенія вождя. Такъ было вездѣ, такъ было и у насъ. Начиная съ первыхъ временъ до послѣднихъ, дружина или дворъ нашихъ князей наполнялись пришлецами изъ всѣхъ странъ и народовъ, съ востока и запада, которымъ князья назначали мѣсто, давали кормленіе, смотря по ихъ происхожденію, по мѣсту, которое они занимали въ прежнемъ отечествѣ, и по личнымъ доблестямъ. Знаменитому пришлецу часто давали почетнѣйшее мѣсто, часто отстранялъ онъ старыхъ дѣдовскихъ сподвижниковъ и думцевъ князя. Но если отъ князя зависѣло назначеніе мѣста для пришлецовъ, то ясно, что онъ могъ по произволу назначать мѣста военныя и гражданскія своимъ старымъ дружинникамъ и вступающимъ въ дружину ихъ сыновьямъ и родичамъ. Это-то право князя, которымъ онъ пользовался въ дружинѣ, встрѣтило препятствіе въ родовомъ бытѣ и понятіяхъ того племени, котораго онъ былъ главою. Легко склониться предъ пришлецомъ, легко уступить на время другому, зная, что воля князя можетъ переимѣнить отношенія, зная, что если не самъ, то сынъ или внукъ могутъ опять возвыситься и превзойти со-

перника. Но не такъ легко это сдѣлать при господствѣ родовыхъ понятій, ибо родъ составлялъ одно цѣлое, и когда одинъ членъ рода терялъ честное мѣсто, то съ нимъ терялъ цѣлый родъ, понижаясь предъ родомъ того, которому было уступлено: отношеніе, допущенное разъ однимъ членомъ рода къ чужому роду, тяготѣло надъ всѣми членами рода для настоящаго времени и надо всѣми потомками ихъ для будущаго. Это-то господствовавшее въ древней Руси понятіе о нераздѣльности рода стало въ противоположность съ дружиннымъ правомъ князя назначать мѣста для своихъ дружинниковъ и легло въ основаніе мѣстничеству. И князь, подчинившійся родовому быту, родовымъ понятіямъ, князь, который самъ понималъ только родовые счеты со старшими и младшими братьями, проводившій всю жизнь въ этихъ счетахъ, не могъ не признать господства родовыхъ счетовъ между дружинниками своими, не могъ не признать мѣстничества. Но, признавъ мѣстничество, князь не могъ, однако, отказаться отъ права наполнять свою дружину какъ можно большимъ числомъ храбрыхъ мужей, потому что храбрая и многочисленная дружина давала ему значеніе и силу, она давала ему богатство, давала побѣду въ родовыхъ расприхъ, отворяла ворота къ старшему столу. Отсюда необходимость для князя принимать людей, извѣстныхъ своею доблестью; но эти люди соглашались поступить въ службу князя только при условіи мѣста, соответствующаго ихъ достоинству, и потому они непремѣнно должны были отгѣснять старыхъ дружинниковъ, старыхъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ, *заѣзжали* ихъ, по мѣстническому выраженію. Еще хорошо, если пришлецъ былъ издалека, изъ чужаго народа, угринъ, чудинъ, нѣмецъ, ляхъ; тѣмъ, которыхъ онъ заѣзжалъ, нельзя было выставить противъ него ни родовыхъ счетовъ по лѣстницѣ, ни служебныхъ по разряду; оставалось повѣрить князю, что заѣзжіи *челомъ честиныи*, и уступить мѣсто, или самимъ отгѣхать къ другому князю. Вотъ почему дружина, послѣ двора князей нашихъ, такъ легко наполнялась пришлецами изъ чужихъ народовъ. Но если пришлецъ былъ изъ русскаго княжества, если степень его въ лѣстницѣ и служебное мѣсто въ дружинѣ прежняго князя были извѣстны, тогда уже нельзя было избѣжать мѣстническихъ столкновеній, какъ, напр., въ слѣдующемъ дѣлѣ:

„Государь князю Ивану Васильевичу московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Эюзинъ: сказали, государь, быти у твоего государева дѣла передъ тобою, государемъ, въ окольничихъ Федору Нагому, да мнѣ, холопу твоему, милостивый государь, покажи милость, пощади холопа твоего: *ми дѣдо, ми прадѣдо мой въ Твери меньше дѣда и прадѣда Феодорова николи не бываахъ*; сыщи, государь, милосердіемъ твоимъ, какъ тебѣ, государя, Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты, государь, какъ велишь холопу твоему: надежда вся на Бога, да на тебя, государя. Милостивый государь, покажи милость, смилуйся!“

Но, кромѣ заѣздовъ, частый случай къ мѣстническимъ столкновеніямъ подавалъ безпрестанный переходъ князей изъ одной волости въ другую, причемъ они приводили изъ стараго княжества въ новое своихъ собственныхъ дружинниковъ, къ которымъ, разумѣется, питали большую любовь и довѣренность, вслѣдствіе чего давали имъ высшія мѣста передъ дружинниками, которыхъ находили въ новомъ княжествѣ, и которые были имъ неизвѣстны. Отсюда—ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришлецамъ, стараніе первыхъ сбить, во что бы то ни стало, послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ завести крамолу противъ князя и призвать на его мѣсто другого. Смуты и неудовольствія вслѣдствіе означенной причины появляются очень рано.

Единственнымъ средствомъ для старыхъ дружинниковъ, заѣзженныхъ пришлецами, оставалось отгѣзжать въ другія княжества: вотъ почему право отгѣзда было самымъ драгоценнымъ для бояръ нашихъ, вотъ почему они такъ горячо за него стояли и упорствомъ своимъ въ его сохраненіи вызвали такіа страшныя мѣры со стороны московскихъ государей.

Эти отгѣзды вслѣдствіе мѣстничества играютъ иногда важную роль въ событіяхъ. Такъ, во время борьбы великаго князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, когда знаменитый московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ отгѣзжалъ къ Юрію, и побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго, то другой бояринъ Юрія, Морозовъ, вопреки Ивану Дмитріевичу и сыновьямъ Юрія, вступился за плѣннаго Василія Васильевича и выхлопатель ему у дяди выгодныя условія явно въ ущербъ своего князя. Этого явленія нельзя иначе объяснить, какъ

мѣстничествомъ, именно тѣмъ, что Иванъ Дмитріевичъ захватилъ Морозова, который и началъ стараться возстановить Василя, дабы послѣ имѣть возможность отъѣхать къ нему.

Но когда московскіе князья, собравъ сѣверовосточную Русь въ одно государство, положили конецъ отъѣздамъ изъ одного княжества въ другое, а отъѣзды къ великому князю литовско-русскому получили значеніе измѣны, вслѣдствіе преобладавша государственнаго повятія и различія вѣроисповѣданій, тогда-то мѣстническіе споры должны были усилиться при московскомъ дворѣ до чрезвычайности. Московскіе великіе князья и потомъ цари, которыхъ главною задачею было уничтоженіе родовыхъ отношеній между князьями и замѣненіе ихъ государственными, ставши, слѣдовательно, въ разладъ съ старою Русью, которой мѣстничество было порожденіемъ, по этому одному должны были враждебно смотрѣть на него, не говоря уже о страшномъ вредѣ, произтекшемъ отъ мѣстничества для службы. Не смотря, однако, на стремленіе московскихъ государей противоборствовать мѣстничеству, это исчадіе стараго порядка вещей было еще такъ сильно, что государи должны были терпѣть его, даже уступать ему. Когда князю нужно было принять въ свою дружину знаменитаго пришлеца и дать ему высшее мѣсто предъ старыми боярами, то для возстановленія мѣстническихъ отношеній, нарушенныхъ прѣздомъ новаго дружинника, необходимо было сдѣлать новый рядъ, что означалось словомъ *мѣнить* т. е. перемѣнять мѣстническія отношенія.

Если иногда правительство для пользы службы нарушало обычное право мѣстничества, то люди, оскорбленные этимъ нарушеніемъ, не думали исполнять воли правительства, и оно уступало, наконецъ, ихъ требованіямъ. Такъ, напр., А. Голицынъ за службу не вѣхалъ для В. Трубецкаго, ибо предъ тѣмъ ему не дано было счесть на Трубецкаго, и царь велѣлъ отвезти его на службу приставу, который его на службу и привезъ; но онъ списковъ не взялъ и зато посаженъ въ тюрьму, сидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли и списковъ все-таки не взялъ; наконецъ царь велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить и со службы отпустить, и назначить на его мѣсто другаго. Но вскорѣ снова искалъ А. Голицынъ на В. Трубецкомъ, и какъ видно, судъ былъ на этотъ разъ данъ ему. Такъ мы видимъ, что правительство уступило наконецъ требованію Голицына, не смотря на свой первый отказъ ему и учиненное наказаніе.

Какъ сильно было мѣстничество въ началѣ московскаго единодержавія показываетъ невмѣстательство правительства касательно распредѣленія мѣстъ въ войскѣ. Мѣста въ войскѣ вообще не подлежали распредѣленію исполнительной власти: каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицомъ или лицами, по извѣстнымъ обычаямъ отношенія этихъ мѣстъ между собою и по напередъ даннымъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, мѣстническимъ отношеніямъ всѣхъ служащихъ лицъ государства. Верховная власть, особливо же въ началѣ единодержавія московскаго, когда всѣ отношенія жизни, а слѣдовательно и мѣстничества, какъ главной пружины этой жизни, было еще простѣе и непосредственнѣе и не получали послѣдующей сложности государственнаго механизма, рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ, или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то; войско же само собою собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ росписаніяхъ, кому, гдѣ и какъ быть и проч. Каждый уже зналъ напередъ свое мѣсто въ немъ, отдѣльныя дружины располагались въ полки, полки размѣщались въ ополченія на 3 или на 5 полковъ. воеводы принимали начальство надъ полками, кому съ кѣмъ вмѣстѣно и т. д., и все это двигалось и слагалось по извѣстному внутреннему обычному закону и отношенію жизни, которая по тому самому и не нуждалась ни въ какомъ вышнемъ двигателѣ, ея управляющемъ. Правительству же оставался одинъ только высшій, общій надзоръ за правильнымъ сборомъ и размѣщеніемъ войска, и самъ царь, не принимая на себя труда рѣшать, кому съ кѣмъ и гдѣ быть вмѣстѣно, высказывалъ иногда въ своихъ грамотахъ, что предоставляется самимъ воеводамъ знать или разсудить, гдѣ кому съ кѣмъ быть пригоже и что *пригоже*.

Иногда воеводы, прежде чѣмъ принимали на себя службу, какъ-бы торговались съ правительствомъ и напередъ вступали съ нимъ въ условія, на которыхъ служить ему готовы, напр., кн. А. Хилковъ, М. Кашинъ и М. Салтыковъ били челомъ объ указѣ, что если грамоты будутъ приходить къ одному кн.

Трубецкому, то мы на службу готовы, а если къ Трубецкому и Хворостяину вмѣстѣ, то имъ быть невмѣстно.

Нерѣдко мѣстничество прямо оспаривало письменные акты и царскія грамоты потому только, что они противорѣчили ему; такъ, напр., при Годуновѣ подлинная невмѣстная грамота, данная Грознымъ, была обвинена воровскою, не смотря на скрѣпы и дьячью подпись, и дьякъ Щелкаловъ, вызванный рѣшить подлинность ея, отвѣчалъ, справедливо или нѣтъ, что „такой не довелось дати, а поднести который подъячий во многихъ дѣлахъ, и подписалъ-де онъ за невѣды“. Мы уже упоминали о неповиновеніи воеводъ указамъ царскимъ и о вредѣ, проистекавшемъ отъ этого неповиновенія; но мѣстнические счеты происходили не въ однихъ полкахъ, а также и при дворѣ, гдѣ, разумѣется, упорство мѣстниковъ имѣло слѣдствія больше смѣшныя, чѣмъ вредныя. Такъ Котошихинъ описываетъ упрямство мѣстниковъ: „Царь велить посадить за столъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ-за стола вонъ... и кричитъ: хотя-де царь велитъ ему голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спускится подъ столъ, и проч.“. Бывали примѣры, что бояре, проигравшіе свое дѣло по мѣстничеству, хотѣли постричься, и царь принужденъ былъ давать имъ правую грамоту.

Какъ же могли противодѣйствовать вел. князья и цари такой могущественной формѣ отношеній? Любопытно взглянуть на средства, употребляемыя государями для нарушенія мѣстническаго порядка въ пользу лицъ, которыя они хотѣли возвысить. Въ дворцовыхъ запискахъ читаемъ слѣдующій случай: при Василіи Шуйскомъ Иванъ Пушкинъ, меньшій въ родѣ, билъ челомъ на Д. М. Пожарскаго, но судъ не былъ вершенъ. Царь Михаилъ велѣлъ, при своемъ вѣщѣ, Гаврилѣ Пушкину, высшему родичу, сказать боярство Д. М. Пожарскому, но Гаврила отвѣчалъ ему, что „ему невмѣстно, что ихъ родители меньше Пожарскихъ не бывали и что доселѣ еще судъ не вершонъ съ меньшимъ его родичемъ“. Но государь указалъ для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, и тогда Гаврило боярство сказывалъ. 15 лѣтъ спустя, Борисъ Пушкинъ, племянникъ Гаврилы, билъ снова челомъ на Д. М. Пожарскаго, но былъ за безчестье посланъ въ тюрьму. „потому что при царѣ Василіи Пушкинъ былъ меньше Д. Пожарскаго да и дѣдъ твой сказывалъ боярство Пожарскому, а былъ безъ мѣста для царскаго вѣнца, а не для его челобитя“. Обыкновенно-же царь, повышая своихъ любимцевъ, употреблялъ слѣдующія средства: или не давалъ вершенія суду, или оставлялъ противника, или объявлялъ службу невмѣстною.

Въ 1550 г. царь Іоаннъ Грозный уничтожилъ мѣстнические счеты князей, дѣтей и большихъ дворянъ съ воеводами; объявлено, что служба ихъ не будетъ порукою для ихъ будущихъ счетовъ въ отечествѣ, когда они сами будутъ въ санѣ воеводъ и случится имъ быть вмѣстѣ съ тѣми-же воеводами, подъ которыми прежде служили.

Ища выхода изъ ненавистнаго ему порядка вещей, Грозный учредилъ *опричнину*, которая была не иное что, какъ древняя дружина, знавшая только своего вождя, покорная только его велѣнію, долженствовавшая забыть преданія прошедшаго, забыть настоящія отношенія къ родной странѣ, къ роднымъ людямъ. Изъ такого значенія опричнины ясно, что въ ней мѣстнические счеты не могли имѣть мѣста, что воля вождя рѣшала здѣсь все. И точно, мы видимъ, что опричнина спутала мѣстнические счеты, и въ послѣдующихъ случаяхъ на нее указываютъ, какъ на случайное нарушеніе обычнаго права мѣстничества, котораго не должно принимать въ расчетъ: „То дѣялось въ опричинѣ, говорятъ челобитчики, а хотя и будетъ таковъ разрядъ и былъ, а та была государева воля въ опричинѣ, а въ томъ государь воленъ“. Но и здѣсь, въ этой опричинѣ, въ этой Александровской слободѣ, притонѣ страшной дружины, царя смущали мѣстническія челобитныя: „Быть безъ мѣстъ!“ было на нихъ отвѣтомъ. Когда полкамъ опричнымъ нужно было соединиться съ земскими, тогда воеводы земскіе бывали въ одномъ полку съ опричными и мѣстами не считались.

Вообще царствованіе Грознаго не богато мѣстническими случаями: пѣлые годы, какъ кажется, проходили безъ споровъ; споры эти происходили преимущественно между военными чинами; царь рѣшалъ ихъ скоро, благоразумно и милостиво; всего чаще встрѣчается слѣдующее рѣшеніе: „Служить, и какъ служба минетъ, тогда и счетъ будетъ данъ“. Почти половина всѣхъ споровъ

рѣшалась такою невмѣстностью службы, что было самымъ прямымъ и вѣрнымъ исходомъ изъ тѣхъ препитствій и невыгодъ, которыя мѣстничество могло представлять для государственной службы. Для рѣшенія споровъ назначаемы были одинъ или два боярина и при нихъ дьякъ, да записывалъ подъячій. Но иногда самъ Грозный, охотникъ до историческихъ розысканій и критики вообще, бралъ на себя трудъ разбирать челобитчиковъ и самъ выводилъ ихъ по колѣнныя росписи, вычислялъ службы ихъ предковъ и давнія, многостороннія отношенія этой службы къ другимъ родамъ и лицамъ, судилъ и рѣдилъ, но всегда болѣе или менѣе соображаясь съ обычнымъ правомъ и ссылаясь на его положенія; иногда отставлялъ отъ дѣла случаи, представленные челобитчиками, и самъ придумывалъ новое, замысловатое отношеніе по службѣ, по которому приказывалъ рѣшать. Замѣчательно, что съ 1572 г., т. е. со времени уничтоженія опричнины, число мѣстническихъ случаевъ удваивается и возрастаетъ съ каждымъ годомъ; это легко объясняется тѣмъ, что опричнина необходимо должна была спутать всѣ отношенія.

Грозный, видя, что мѣстничество еще сильно, что открыто дѣйствовать противъ него невозможно, употреблялъ самое лучшее средство для обхода его вредныхъ слѣдствій, именно объявленіе службы невмѣстною, и съ несправыми челобитчиками поступалъ вообще очень милостиво. Объявляя походы безъ мѣстъ, отстраняя споры невмѣстными грамотами, правительство незамѣтно отучало такимъ образомъ воеводъ отъ мѣстничества, что случилось и при Романовыхъ, когда всѣ почти походы бывали безъ мѣстъ. Но этой благоразумной мѣрѣ Грознаго и его кротости въ отношеніи къ мѣстничеству не подражали въ царствованіе сына его Θεодора, т. е. въ правленіе Годунова. Годуновъ при всемъ его умѣ и талантахъ, былъ не въ уровенъ своему положенію потому, что постоянно ставилъ интересъ личный и интересъ своей семьи выше интереса государственнаго: такъ поступилъ онъ и въ отношеніи къ мѣстничеству. Годунову нужно было возвысить свой родъ предъ другими, а невмѣстность службы не могла содѣйствовать этому возвышенію, ибо оставляла всѣ отношенія попржему, тогда какъ Годунову нужно было не временное, но постоянное возвышеніе его рода предъ другими родами боярскими, чего онъ не могъ достигнуть только рѣшительнымъ опредѣленіемъ отношеній, вслѣдствіе приговора царскаго: если, напримѣръ, Сицкій билъ челомъ на Годунова, и ему дана невмѣстная грамота, это значить, что отношенія между ними остались прежнія, что Сицкій въ правѣ считать себя выше Годунова и впередъ бить на него челомъ: Годунову нужно было, чтобы дѣло было рѣшено окончательно, чтобы окончательно, навсегда Годуновы поставлены были выше Сицкихъ.

Годуновъ постоянно забывалъ государственную мудрость, когда дѣло шло о его личныхъ выгодахъ; если бы онъ предвидѣлъ близкую кончину мѣстничества, то ему не нужно было бы употреблять крутыхъ мѣръ противъ него, а продолжать только отрицательныя мѣры Грознаго, обходя вредныя слѣдствія мѣстничества и давая ему спокойно вымирать.

Вотъ почему, вмѣсто кротости Іоанновой, мы видимъ при Θεодорѣ необновленную строгость и, вмѣсто объявленій службы невмѣстною, даже произволъ правительства въ дѣлахъ по мѣстничеству: когда обычное право было разъ нарушено для Годунова, то онъ хотѣлъ освятить это нарушеніе и для другихъ родовъ; всего ненавистнѣе ему было оставленіе прежнихъ отношеній, и потому объявленіе службы безмѣстною при немъ вышло изъ употребленія; но все царствованіе Θεодора, при учетверившемся числѣ споровъ и челобитій, мы находимъ собственно не болѣе пяти невмѣстныхъ грамотъ или рѣшеній, что служба невмѣстна; но зато заключеній въ тюрьму и другихъ наказаній за челобитыя по мѣстничеству мы находимъ въ 15 лѣтъ до 15.

Какъ же скоро Годуновъ достигъ своей цѣли, сталъ царемъ, выдѣлился изъ прежней среды и возвысился надъ всѣми прежними отношеніями, такъ тотчасъ же перемѣнилъ свое поведеніе касательно мѣстничества: теперь уже мѣстничество не могло быть для него опасно, не могло его затронуть, и потому Борисъ въ отношеніи къ нему являлся необыкновенно кроткимъ, ибо суровыя мѣры тамъ, гдѣ дѣло не шло о личныхъ выгодахъ, не входили въ планы Бориса, желавшаго, наоборотъ, милостями привлечь къ себѣ всѣ сословія. Ставши царемъ, Борисъ хотѣлъ показать, что онъ не оставилъ за собою никакихъ изъ прежнихъ отношеній, и потому явился совершенно безпристрастнымъ къ своимъ родичамъ, Годуновымъ, оставилъ ихъ при прежнихъ отно-

шеніяхъ въ мѣстническомъ распорядкѣ, какъ обыкновенно царскіе родственники по женѣ. Но, оставаясь равнодушнымъ къ повышенію своихъ родичей. Борисъ постепенно повышалъ своего любимца и будущаго измѣнника Петра Басманова, точно такъ, какъ Грозный повышалъ самаго Годунова: какъ при Грозномъ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ челобитій на Годунова, такъ въ царствованіе послѣдняго мы находимъ безпрестанныя челобитія на Басманова, отъ которыхъ отстоявалъ его царь Борисъ.

При новой династіи Романовыхъ мѣстничество обнаруживаетъ явные признаки вымиранія. Такъ, мы встрѣчаемъ теперь примѣры, противорѣчившіе мѣстническимъ понятіямъ и обычаю, такъ какъ прежде мы находимъ ссылки на эти уставы и приговоры въ однихъ отвѣтахъ царя или разряда: знакъ, что мѣстничество стало уже терять всю свою прежнюю крѣпость обычая. Правительству слѣдуетъ благоразумной мѣрѣ Грознаго: почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что и привело постепенно и естественно къ мысли объ уничтоженіи мѣстничества, совершенномъ при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ: здѣсь вѣчное „быть безъ мѣстъ“ замѣняло только повтореніе этого выраженія при каждомъ походѣ. Повидимому, въ XVII в. мѣстничество достигло своего окончательнаго результата, а именно сдѣлало извѣстныя степени въ государственныхъ должностяхъ принадлежностью немногимъ родамъ; такъ встрѣчаемъ у Котошихина слѣдующее раздѣленіе родовъ: 1) „Роды, которые бывають въ боярехъ, а въ окольничихъ не бывають; 2) роды меньше тѣхъ, которые бывають въ окольничихъ и боярехъ; а бывъ въ спальникахъ, бывають пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе. Роды же, которые бывають въ думныхъ дворянѣхъ, окольничихъ, изъ честныхъ родовъ и изъ среднихъ, и изъ дворянъ, и тѣ больше той чести не доходятъ“. Но, съ другой стороны, въ XVII в. мы видимъ въ мѣстничествѣ уже чуждыя ему понятія, которыя свидѣтельствуютъ о сильномъ ударѣ, ему нанесенномъ: встрѣчаемъ новое понятіе о высотѣ своего степеню: такъ кн. Вяземскій говоритъ: „Да и по степеніи мы больше Вельяминовыхъ, отъ Мономахова большаго сына пошли, а Вельяминовыхъ степенъ прежде изъ орды къ в. кн. Калитѣ, а не отъ великихъ и не удѣльныхъ князей пошли, а потому мы и больше Вельяминовыхъ“. Но въ древнѣйшую эпоху, когда еще были живы всѣ преданія удѣльной Россіи и владѣтельнаго княжества, когда въ Москвѣ мѣстничалось второе и третье поколѣніе бывшихъ владѣтельныхъ князей, въ это время мы не находимъ ни разу, чтобъ потомокъ великаго или удѣльнаго князя указывать на свое княжеское происхожденіе и на немъ думалъ опереть права своей чести. Какъ же объяснить такую новостъ? Мы видели, что первые государи наши, противодѣйствуя мѣстничеству, вводили въ свою дружину пришельцовъ изъ разныхъ странъ и народовъ, такъ что, за исключеніемъ изъ общаго счета 163 княжескихъ родовъ Рюриковичей и 96 родовъ, неизвѣстно откуда пришедшихъ, оказывается, что на 36 родовъ непрішлыхъ приходится 351 выѣхавшихъ въ Россію со всѣхъ концовъ міра: въ томъ числѣ изъ Франціи, Италіи, Англіи, Цесаріи, Венгріи и пр. 35; изъ Пруссіи 65; изъ Польши и Литвы, считая и Гедиминовичей, 214; изъ нѣмцевъ и варягъ 56; изъ грековъ, сербовъ и пр. 17; изъ разныхъ татарскихъ ордъ, сарацинъ, Кафы, Персіи, Грузіи 143. Всѣ эти пришлые роды были знатные, честные, или, по крайней мѣрѣ, такъ называли себя; уличить ихъ въ обманъ было невозможно. Князь вѣрилъ для собственной выгоды, бояре вѣрили по невозможности не вѣрить, потому послушно раздвигали ряды свои для принятія пришельца: аристократическое чувство ихъ не могло быть оскорблено. Но въ позднѣйшее время пріѣздъ новыхъ дружинниковъ, новыхъ слугъ царскихъ изъ чужихъ земель прекращается, или, по крайней мѣрѣ, становится рѣдкимъ; а вмѣсто того пробиваются до первыхъ степеней въ государствѣ люди неизвѣстнаго, низкаго происхожденія. Іоаннъ Грозный первый нанесъ сильный ударъ аристократическому чувству, подаривъ своею довѣренностью людямъ низкаго происхожденія, относительно низкаго, поставивъ ближе всѣхъ къ себѣ Адашева, учредивъ санъ думныхъ дворянъ, сильно возвысивъ вліяніе дьяковъ на дѣла, „которыхъ отцы“,—пишетъ Тетеринъ къ Морозову—„нашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣють, но и головами нашими торгуютъ“. Правда, дьяки оставались дьяками: не шли впередъ; но ихъ сила, ихъ вліяніе на дѣла не могли не оскорбить аристократическаго чувства родовъ, не могли не возбудить этого чувства, прежде не высказавшагося, ибо нетронутаго, неоскорбленнаго; Грозный

первый задѣлъ аристократическое чувство, и при Грозномъ впервые оно высказалось, именно въ Курбскомъ. Послѣ это чувство не переставало быть оскорбляемо; во время междоусобицы Волотниковъ сталъ воеводою, Андроновъ спорилъ съ Салтыковымъ о довѣренности Сигизмунда, о вліяніи на дѣла Москвы; наконецъ при новой династіи Языковы, Милославскіе, Матвѣевы, Хитрово могли достигнуть „первыхъ степеней въ государствѣ“. Слѣдовательно, понятіе о высотѣ своею степенью обнаруживаетъ естественную, необходимую аристократическую реакцію, вызванную втѣсненіемъ худородныхъ людей на высшія ступени, ближайшія къ трону. На какихъ основаніяхъ древніе знатные роды могли мѣстничаться съ Языковыми и Матвѣевыми? Ихъ нельзя было утянуть ни лѣствицею, ни разрядомъ, противъ нихъ можно было выставить только свое знатное происхождение; но какъ скоро понятіе о высотѣ происхождения разъ было возбуждено естественнымъ образомъ чрезъ противоположеніе, то уже и древніе знатные роды начали считаться другъ съ другомъ высотой своей степени, и Вяземскій выставляетъ свое происхождение отъ Метислава В. предъ татарскимъ происхожденіемъ Вельяминовыхъ точно такъ, какъ Салтыковъ выставляетъ свое знатное происхождение предъ Сулешевымъ, который былъ иноземецъ и на Москвѣ новый.

ЛХХХУШ. УНИЧТОЖЕНІЕ МѢСТНИЧЕСТВА.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Виднѣ всѣхъ бояръ, доступнѣ всѣхъ новому по своей образованности и между тѣмъ членомъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ былъ князь Вас. Вас. Голицынъ. Ему-то государь указалъ вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ ратей устроенія и управленія, и съ нимъ у того дѣла быть выборнымъ стольникамъ и генераламъ, стольникамъ же и подполковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городovýmъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Эта, по нашему, *коммиссія* назначалась для слѣдующаго: «Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріатели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски подъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобы прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ неприбыльно, переимѣнить на лучшее, а котораго и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріятелями имѣются пристойны, и тѣмъ быть безъ переимѣны».

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно росписать служилыхъ людей по ротамъ, въ ротмистры и поручики назначить изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изъ всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ переимѣны, чтобы были между собою безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ. Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, но при этомъ выборные объявили: «По государеву указу они, выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники записаны въ ротмистры и поручики: а Трубецкихъ, Одоов-

скихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеинныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не записано, потому что за малыми лѣтами въ чины они не приказаны: такъ опасаются они, выборные люди, чтобы послѣ отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ родамъ ихъ укоризны и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устройства указать бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть въ Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставитъ и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было».

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитіи выборныхъ людей. 12-го января 1682 г. Ѳеодоръ назначилъ чрезвычайное *сиденье* съ боярами, къ которому были приглашены патріархъ, архіерей и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитія выборныхъ людей; когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь; онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдающаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: «Злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устройство, а непріятелямъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая пагуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе. Наша царская держава, разсмотрѣвъ, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріятелемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидающему Оку, желаемъ, да божественный Его Промыслъ, мира и благоустройства виновникъ, своимъ всеильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить изволитъ и отъ такого злокознства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединитъ благоволитъ». Далѣе государь привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянулъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: «По нынѣшнему-ли выборныхъ людей челобитію всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или по прежнему быть съ мѣстами?».

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ восприятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое жъ враждованіе и ненависть содѣвались: и еще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, то-бъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ

освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе».

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и другимъ людямъ; они отвѣчали, чтобъ великій государь «указалъ учинить по прошенію патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроения, разрушенія, непріятелемъ радованія, а между ними богопротивное дѣло — великія продолжительныя вражды». Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: «Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поминалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелимъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ, и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ приказахъ и у расправныхъ и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и всегда у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять, и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься». На это всѣ присутствующіе отвѣчали: «Да погибнетъ во огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспоминается во вѣки!».

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь, и разрядныя книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патріархъ, обратясь къ свѣтскимъ чинамъ думы, сказалъ: «Начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и верушимо, а если кто теперь или впредь оному дѣлу воспрекословитъ какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія». Всѣ присутствующіе отвѣчали: «Да будетъ такъ». Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велитъ въ разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать по-прежнему. Въ награду имъ онъ велитъ эту родословную книгу пополнить недостающими къ ней именами, для чего велитъ взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, которые хотя и не явились въ честяхъ, но съ царствованія Іоанна Васильевича и при его державѣ явились въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды въ вышеописанныхъ частяхъ и въ посылкахъ не были, а съ царствованія Михаила Феодоровича и при немъ, государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ послахъ, и въ посланникахъ, и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ, и въ иныхъ честныхъ чинахъ и въ десятияхъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со сви-

дѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятняхъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣстъ».

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось, что легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь? Отмѣненъ онъ притомъ не желѣзною волею Петра, но волею слабого, умирающаго Феодора. На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что можно было возразить на слова царя и патріарха, порицавшихъ мѣстничество? Что можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій *при случаѣ* считалъ своею обязанностью отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ базчество, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служивыхъ людей росписали по новому въ разныя войсковыя должности, и они бьютъ челомъ, что члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестія, и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали *при случаѣ*, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возстать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались св. угодники, потому что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло—во вражду. Но если такъ, если мѣстничество само по себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностью, войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновение не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься, и вырвать ихъ стало уже легко. Дѣду и отцу Голицына, конечно, не приходило въ голову, что внукъ и сынъ ихъ доложитъ царю челобитье служивыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество запаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя, вслѣдствіе поворота къ чужому, западному, это очевидно; но сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родового союза—этого подмѣтить нельзя; ясно обратное содѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ низшихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подкупнымъ окладомъ.

ЛХХХІХ. КІЕВСКОЕ ВЛІЯНІЕ ВЪ МОСКВѢ И СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ.

(Изъ «Исторіи русской словесности» Галахова.)

Жалобы на невѣжество, изъ котораго истекають всѣ общественныя бѣдствія, необходимость науки, какъ главнаго средства къ улучшеніямъ, побудили московскихъ просвѣщенныхъ людей обратиться за помощью къ югозападной Руси. Еще въ 1649 г. пригласили изъ кіевской лавры нѣсколько иноковъ, «изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи». Имъ предложили два дѣла, въ которыхъ Москва особенно нуждалась: обучать юношество свободнымъ наукамъ и переводить Библію съ греческаго на славянскій. Переходъ югозападныхъ ученыхъ въ Москву усилился со времени присоединенія Украйны къ Великороссіи. Въ 1664 г. прибылъ изъ Полоцка Симеонъ Полоцкій. Учрежденіе духовной академіи было новымъ предметомъ, привлекавшимъ южнорусскихъ ученыхъ въ Москву: они имѣли право домогаться званія преподавателей въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены на одинакихъ основаніяхъ съ мѣстомъ ихъ собственнаго образованія.

Отношеніе московскаго духовенства къ пришлымъ единовѣрцамъ не отличалось благосклонностью и довѣріемъ, причину чего слѣдуетъ искать не въ личныхъ только расчетахъ, но и въ другихъ соображеніяхъ. Его пугала мысль, что религіозныя понятія югозападныхъ ученыхъ не совершенно согласны съ православнымъ вѣроученіемъ, что изъ дѣла уніи они вышли не вполне твердыми и чистыми, что къ богословію ихъ могли привиться толкованія католическія и лютеранскія. Подозрительность идетъ издалека, почти съ самаго начала уніи. Патріархъ Іоакимъ постоянно негодовалъ на Полоцкаго: нѣкоторыя сочиненія послѣдняго осуждены на церковномъ соборѣ. При открытіи московской академіи южнорусскихъ ученыхъ не допустили занять въ ней учительскихъ мѣстъ, хотя они были рекомендованы лицами, уважаемыми при дворѣ. Сомнѣнія въ православіи малорусскаго духовенства усилились по поводу споровъ объ евхаристіи между Лихудами и Сильвестромъ Медвѣдевымъ, строителемъ Законоспаскаго монастыря, усвоившимъ нѣкоторыя латинскія толкованія. Медвѣдевъ называлъ своимъ учителемъ Полоцкаго, который самъ учился у Лазаря Барановича. Мнѣнія учениковъ бросали тѣнь и на ихъ учителей, такъ что Іоакимъ, для разъясненія дѣла, вынужденъ былъ снестись съ кіевскимъ митрополитомъ и Лазаремъ Барановичемъ, и потребовать отъ нихъ категорическаго отвѣта касательно ихъ отношеній къ латинству и уніи. Непріязнь къ латинской вѣрѣ вела за собою отчужденіе отъ западнаго просвѣщенія. Впрочемъ, по ближайшему разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что сомнѣнія въ православіи южнорусскихъ ученыхъ не подтверждены тяжелыми и явными уликами. Осудивъ проповѣди Полоцкаго, патріархъ Іоакимъ говорилъ однакожъ: «Могло быть, сочинитель имѣлъ другія мысли».

Представитель югозападной русской науки въ Москвѣ былъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій (1628—1682), одолженный своимъ образованіемъ польскимъ школамъ и кіевской академіи. По пріѣздѣ въ Москву, Полоц-

кій назначенъ въ наставники къ царевичу Ѳеодору (1672). Выборъ палъ на него какъ по личному его знакомству съ царемъ, такъ и по ученой славѣ, окружавшей югозападное духовенство. Могли содѣйствовать тому и выгодные о немъ отзывы Барановича, который называетъ его, въ одномъ письмѣ къ царю, своимъ ученикомъ. Послѣ Барановича и Галатовскаго Полоцкій пользовался наибольшею извѣстностью между югозападными учеными. Наряду съ нимъ Москва могла поставить только Епифанія Славинецкаго, получившаго образованіе въ кievской академіи. Но Славинецкій, по характеру трудовъ своихъ, принадлежалъ къ классу людей собственно ученыхъ, которые не входятъ въ близкое соприкосновеніе съ обществомъ, тогда какъ Полоцкій обращалъ главное вниманіе на духовныя потребности современнаго общества и старался немедленно удовлетворять имъ. Его учено-литературная дѣятельность имѣла въ виду ближайшіе интересы большинства; служа имъ своими способностями и знаніями, Полоцкій приобрѣлъ общую извѣстность. Самое разнообразіе его сочиненій, относящихся ко всѣмъ родамъ духовной словесности, давало возможность многимъ находить въ нихъ каждому что-либо для себя пригодное. По порученію патріарха Іоасафа, онъ написалъ «Жезлъ правленія»—книгу обличительную на раскольниковъ. «Въ Вѣнцѣ вѣры» изложена имъ система православнаго богословія. Два сборника словъ: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная» содержатъ въ себѣ плоды его живой проповѣди. Въ комедіяхъ «Блудный сынъ» и «О царѣ Навуходоносорѣ» далъ онъ образцы назидательныхъ драматическихъ представленій. Какъ искусный риемотворецъ, переложилъ въ стихи «Псалтирь», и кромѣ того, въ двухъ книгахъ: «Риемологіонъ» и «Вертоградъ Многоцѣннои», собралъ другія произведенія своего піитическаго дара. Но при всемъ различіи предметовъ, по всѣмъ сочиненіямъ Полоцкаго проходитъ одна и та же мысль: вездѣ онъ указываетъ необходимость ученія, вездѣ выставяетъ важность умственнаго успѣха, исканія мудрости, «не имѣвшей мѣста, гдѣ голову приклонити».

По содержанію и формѣ, сочиненія Полоцкаго были для Москвы новизною, которая возбуждала столько же приверженности въ однихъ, сколько недовольства въ другихъ. Если Сильверстъ Медвѣдевъ смотрѣлъ на Полоцкаго, какъ на своего учителя, и веселился душевнымъ веселіемъ, читая его сочиненія, то патріархъ Іоакимъ подозрѣвалъ въ Полоцкомъ іезуитскаго ученика, зараженнаго нѣкоторыми ересями. Особые обстоятельства выдвинули Полоцкаго впередъ, независимо отъ его таланта и науки: онъ пользовался довѣренностью царя Ѳеодора и могъ дѣйствовать свободнѣе, чѣмъ другіе. Онъ завелъ во дворцѣ такъ называемую верхнюю типографію (верхъ—царскіе чертоги), гдѣ и печаталъ свои книги. По примѣру южнорусскихъ проповѣдниковъ, началъ въ московскихъ церквахъ живое, устное проповѣданіе. И при дворѣ оказалъ онъ пользу своимъ вліяніемъ, возвышая значеніе науки въ мнѣніи тѣхъ, отъ кого зависѣло дать ей большой просторъ, устраивая драматическія представленія съ царевною Софією и тѣмъ развивая вкусъ къ образованнымъ забавамъ.

Достоинство и вмѣстѣ отличіе проповѣдей Полоцкаго отъ современныхъ духовныхъ словъ заключается въ томъ, что онѣ практичнѣе и устроеныѣе; его поученія были вызываемы тѣми потребностями, которыми дѣйствительно существовали въ его время. Слова его написаны «на

различныя нужды». Не отрекаясь отъ жизни, а служа ей по долгу пастыря, онъ умѣлъ пренебречь хитростями въ выборѣ предметовъ, развитіи темы и выраженіи. Мысль каждаго поученія выговаривается опредѣлительно, въ короткомъ приступѣ; постройка, не всегда свободная отъ искусственныхъ приѣмовъ, всегда удобопонятна; нѣтъ безцѣльныхъ отходовъ въ сторону, ни высканныхъ примѣненій. Сухимъ отвлеченностямъ, обременительнымъ для вниманія, Полоцкій предпочитаетъ описанія и рассказы, которые наглядно представляютъ мысль и сообщаютъ проповѣди изобразительность. Онъ сознавалъ необходимость безыскусственного изложенія: «Простое слово въ писаніи разумѣется удобнѣе, нежели слово, покрытое красотами художественными; ядро удобнѣе снѣдается вылущенное, нежели въ скорлупѣ содержащееся».

Воспитаніе, суевѣріе и расколъ были тремя главными темами поученій Полоцкаго. Онъ преимущественно выдавались изъ современнаго настроенія общества; потому общество болѣе нуждалось въ ясномъ на нихъ взглядѣ. Говоря о воспитаніи вообще, не всегда отличаеомъ отъ ученія, Полоцкій разсматриваетъ его необходимость и важность, предметы его и способъ достигать успѣшныхъ результатовъ. Слово въ день Рождества Христова, отъ лица патріарховъ, пріѣхавшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ, молитъ именемъ Божіей премудрости, нынѣ рожденной міру, взыскать премудрости не мірской или эллинской, а истинной; затѣмъ обращается къ царю съ моленіемъ: «Положи въ сердцѣ твоємъ училища, греческія, славянскія и иныя, назидати, учениковъ умножити, учителей взыскати». Въ «Вечерѣ душевной» часто прославляются святые, которые радѣли о воспитаніи дѣтей своихъ, или сами подали примѣръ тщательнаго исканія мудрости. «И зло, и благо,—говоритъ Полоцкій,—нисходятъ на чадъ не по естеству отъ родителей, а отъ ученія. Учиться слѣдуетъ каждому: и монаху, и мірянину; чтеніе божественныхъ писаній всѣмъ полезно: и мужчинамъ, и женщинамъ. Предметъ ученія—истинная, а не эллинская премудрость».

Слова Полоцкаго предлагаютъ много любопытныхъ данныхъ для исторіи народныхъ обычаевъ и суевѣрій, которые обличаются имъ отъ имени пресвѣщенія и религіи. Онъ выставляетъ и смѣшную, и вредную ихъ стороны, ихъ протирѣчія наукѣ и здравому смыслу, ихъ родство съ языческими обычаями. Исчисляя, въ одномъ словѣ, разные виды лжепророковъ, проповѣдникъ отводитъ между ними особое мѣсто волхвамъ и ворожеямъ, которые по звѣздамъ, вѣтрамъ, звѣринымъ утробамъ, птичьему полету, встрѣчамъ, снамъ и тому подобнымъ примѣтамъ устраиваютъ настоящее или предсказываютъ будущее. «Поученіе отъ іереевъ къ паствѣ» увѣщаетъ ее пребывать въ благочестіи, не подражая тѣмъ людямъ, которые сердцемъ и устами исповѣдуютъ истиннаго Бога, а дѣлами своими отвергаютъ Его и чуждымъ богамъ,—или лучше бѣзамъ, поклоняются. Кто же эти двоевѣрцы? Это люди, предающіеся богомерзкимъ скаканіямъ, плясаніямъ, играніямъ; это—прибѣгающіе за помощью къ дьяволу, чародѣйству сами или довѣряясь чародѣямъ; это—почитатели чуждыхъ боговъ, хранители языческихъ обычаевъ, къ которымъ отнесены и произведенія безыскусственной поэзіи подъ именемъ «бѣговскихъ пѣсенъ». Изъ богомерзкихъ обычаевъ въ городахъ, селахъ и весяхъ три особенно возмущаютъ Полоцкаго, какъ остатки языческихъ вѣрованій. Первый обычай — «поставлять нѣкія висѣльницы, простѣе

именуемые рѣлями (качелями), на которыхъ и малые, и большіе привыкли качаться, съ опасностью для здоровья, а иногда и для жизни, и всегда со грѣхомъ, ибо то самое творили древніе идолослужители въ честь своихъ лжебоговъ». Второй обычай—нелѣпое скаканіе и плясаніе съ неблагопристойными припѣвами. Третій—наканунѣ рождества Іоанна Предтечи разводять огонь и прыгаютъ чрезъ него, называя это торжество «купахо»; язычники точно такимъ же образомъ чествовали своихъ боговъ. Въ тотъ же день нѣкоторые невѣжды всю ночь проводятъ безъ сна и стерегутъ восходящее солнце; узрѣвъ его, баснословятъ, что оно играетъ, переходя съ мѣста на мѣсто и мѣняясь въ цвѣтѣ. «О безуміе! О суевѣріе!» восклицаетъ Полоцкій; «Откуда взяли они это играніе солнца? Въ священномъ писаніи этого нѣтъ; въ преданіяхъ св. отцевъ тоже; философы и звѣздословы не знаютъ того, а невѣжды и слышатъ другъ отъ друга, и видятъ собственными глазами. Что же видятъ? Дѣйствительно, пьяному человѣку, отъ винныхъ паровъ, въ голову восходящихъ, кажется, что все вокругъ него ходитъ, хотя въ самомъ дѣлѣ все стоитъ неподвижно. И какъ одна вещь двоится и троеится въ глазахъ пьяницы, такъ и этимъ солнцезрителямъ, отъ излишняго смотрѣнія на солнце, отъ великаго дѣйствія лучей его, поражающихъ глаза, представляется, что оно прыгаетъ и мѣняется цвѣтомъ и объемомъ. Къ тому же и дьяволъ за такое ихъ суевѣріе можетъ сотворить перемѣну въ ихъ очахъ или въ воздухѣ, но не въ солнцѣ».

Сочинивъ въ обличеніе раскола цѣлую книгу: «Жезлъ Правленія», Полоцкій дѣйствовалъ противъ него и проповѣдью. Въ одномъ поученіи онъ уподобляетъ слово Божіе водному потоку, котораго не могъ перейти пророкъ Іезекіиль. Начальники еретиковъ, покушаясь перейти его, терпѣли кораблекрушеніе и отъ глубины писаній божественныхъ низвергались въ адскую глубину: «И нынѣшнимъ суетумдрамъ, во глубину писанія врывающимся и по своему умышленію толкующимъ его, надобно блюстись. Неискусившемуся въ плаваніи нельзя искать въ пучинѣ бисеровъ, такъ и невѣгласу не подобно взимать тайные бисеры премудрости. Людямъ малоученымъ довольно, стоя на брегѣ рѣки, утолять жажду»... Другое слово, приписывая развитіе раскола нерадивости и неискусству отцовъ духовныхъ, видитъ еще большую вину ихъ въ томъ, что они сами на зло наставляютъ: «Таковыя беззаконные іереи обрѣлись въ нынѣшнія времена (слово произнесено въ 1682 г.) въ Русскомъ царствѣ: не только благословеніе давали измѣнникамъ, но и сами поднимали оружіе противъ самодержца, на мучительство и грабленіе, сами нарицались атаманами».

Полоцкій питалъ большое пристрастіе къ стихамъ, которое въ XVII в. господствовало между югозападными учеными. Онъ сочинялъ цѣлыя книги стихотвореній «о всякихъ разныхъ дѣлахъ». Каждый случай, мало-мальски выходившій изъ обыденнаго теченія жизни, заставлялъ его слагать вирши. Кромѣ «Псалтири» и молитвъ, мы имѣемъ отъ него мѣсяцесловъ въ стихахъ, т. е. краткія похвалы святымъ. За три дня до своей смерти онъ излагалъ въ стихахъ значеніе философіи для нравственнаго совершенства человѣка.

ХС. ПОДГОТОВКА КЪ ОТКРЫТІЮ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ МОСКВѢ.

(Изъ «Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской академіи» Смирнова).

Грекамъ обязана Русь принятіемъ свѣта христіанства, имъ же одолжена и распространеніемъ свѣта образованія. Не смотря на тяжкія бѣдствія отъ невѣрныхъ, преслѣдовавшія грековъ на востокѣ, въ сердцахъ хранителей эллинской мудрости еще горѣла любовь къ драгоценному наслѣдію науки. Но тяжесть рабства могла когда-нибудь истребить и эту святую привязанность, сокрушить и это послѣднее достоинство бѣдныхъ грековъ. Нужно было передать куда-нибудь свѣтъ возвышенной христіанствомъ древней мудрости, и наслѣдницею такого сокровища могла быть одна Русь: она только могла вполнѣ сочувствовать положенію своихъ древнихъ просвѣтителей, она представлялась способною быть послушной ученицей греческой мудрости. Нѣкто іеромонахъ Тимоѳей нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, выучился тамъ греческому языку и, возвратившись въ Москву въ 1679 г., былъ представленъ царю Ѳеодору и съ чувствомъ соболѣзнованія пересказывалъ ему о притѣсненіяхъ, какія терпѣли православные на востокѣ отъ магометанъ и латинянъ, о разореніи святыхъ церквей и объ оскуднѣніи свободныхъ греческихъ наукъ, къ восточной благочестивой вѣрѣ потребныхъ. Единовѣрная Русь никогда не отказывала въ помощи грекамъ, приходившимъ за милостынею для поддержанія церквей, а теперь нужно было оказать имъ помощь духовную, которая могла быть для нихъ существеннѣе даже внѣшнихъ пособій, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ была полезна и для самихъ русскихъ. Царь хорошо понялъ это и рѣшился помочь притѣсняемымъ грекамъ заведеніемъ училища въ Москвѣ. Водвореніе у насъ греческаго образованія долженствовало быть полезно грекамъ, еще болѣе оно могло сближать съ ними русскихъ и способствовать сношеніямъ Россіи съ востокомъ; оно было полезно и для поддержанія православія на востокѣ, когда церкви единовѣрной, чрезъ изученіе языка греческаго, сдѣлаются въ самомъ источникѣ доступны сокровища мудрости греческихъ отцевъ и писателей; оно было полезно для грековъ, ибо они сами стали почерпать въ училищѣ московскомъ ученыя знанія. Съ другой стороны, собственно греческое образованіе было благотельно для русскихъ, ибо могло служить оплотомъ противъ лжемудствующихъ расколуучителей и, какъ послѣ писалъ патріархъ іерусалимскій Досѳеѳей, могло отдалять православныхъ отъ ученія латинскаго.

Выслушавъ трогательный разсказъ іеромонаха Тимоѳея, Ѳеодоръ Алексѣевичъ умилился сердцемъ и просилъ патріарха Іоакима учредить въ Москвѣ греческое училище. Патріархъ съ радостью спѣшилъ исполнить желаніе царя, взялъ къ себѣ Тимоѳея въ крестовые іеромонахи, назначилъ для помѣщенія училища три верхнія палаты въ типографіи и на первый разъ набралъ изъ разныхъ сословій до 30 учениковъ. Тимоѳей опредѣленъ ректоромъ училища, а учить греческому языку поручено жившему въ Москвѣ греку Мануилу Левендатову, мужу искусному въ свободныхъ наукахъ, а послѣ него греку же іеромонаху Іоанну. «Нельзя

описать, говорить современникъ, усердія царя и патріарха къ училищу: то оба они, то порознь, и явно, и тайно едва не каждую недѣлю приходили въ училище утѣшаться духомъ о новомъ и неслыханномъ дѣлѣ и щедро награждали учениковъ и одеждою, и деньгами». Съ радостью принято и на востокъ извѣстіе объ открытіи въ Москвѣ греческаго училища. Скоро начатки эллинскаго ученія показалиcя малы для государя, и онъ пожелалъ дать школъ болѣе обширныя размѣры и преобразовать ее въ академію. Осторожный царь не хотѣлъ поручить академію даже ученымъ изъ югозападныхъ областей русскихъ; царь опасался, не заражены ли они духомъ уніи, и послалъ взять наставниковъ для академіи отъ вселенскихъ патріарховъ.

Между тѣмъ царь поспѣшилъ заготовить и грамоту, которою предоставлялись большія права и привилегіи академіи. Она состоитъ изъ 18 пунктовъ. Прежде всего говорится въ ней о важности и пользѣ ученія мудрости. Далѣе царь ссылается на грамоты патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго, которые въ 1668 г. благословили учредить въ Москвѣ училище славяно-греко-латинское. Въ академіи предназначено преподавать слѣдующія науки: грамматику, піитику, риторикъ, діалектику, философію разумительную (умозрительную), естественную (физику) и богословіе созерцательное (учащее вещей божественныхъ) и дѣятельное (учащее совѣсти очищенія). Къ симъ наукамъ присоединяются: право церковное и гражданское (ученіе правосудія духовнаго и мірскаго) и прочія свободныя науки. Помѣститъ академію предназначалось въ Зоиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ для сего обѣщано построить зданія на казенный счетъ. На содержаніе училища, учителей и учениковъ приписывались къ Заиконоспасскому монастырю нѣкоторые монастыри съ ихъ отчинами. Сверхъ сего желающіе могли жертвовать въ академію на пищу и одежду учениковъ. Наконецъ, чтобъ обезпечить академію со стороны учебныхъ пособій, царь обѣщалъ предоставить академіи царскую бібліотеку. Блуститель или ректоръ академіи и учителя избираются изъ сыновъ православной вѣры, русскихъ или грековъ; послѣдніе должны имѣть свидѣтельство о своемъ православіи отъ восточныхъ патріарховъ и, кромѣ того, въ самой Россіи должны быть испытаны въ вѣрѣ. Жившіе въ Малороссіи и Литвѣ могутъ быть избираемы въ учителя, только должны представить достовѣрное свидѣтельство о своемъ православіи. Въ академію могутъ быть принимаемы ученики изъ всѣхъ сословій, только чтобъ были православной вѣры. А учиться дома у иностранныхъ учителей греческому, польскому, латинскому и другимъ языкамъ воспрещается безъ разрѣшенія ректора и учителей академіи: нарушители сего подвергаются конфискованію имѣнія. Во все время ученія ученики освобождаются отъ свѣтскаго суда, исключая уголовныхъ преступленій, а за всякіе другіе проступки судить ихъ ректоръ съ учителями. За продолжительную усердную службу при академіи, засвидѣтельствованную ректоромъ, учителю обѣщается особая пенсія отъ щедротъ царскихъ.

Иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію и желающіе поступить на службу царскую, прежде испытываются въ вѣрѣ блустителемъ академіи и учителями, и если, по ихъ свидѣтельству, окажутся достойными, принимаются въ службу; а тѣ, въ которыхъ усмотрѣно будетъ направленіе, противное духу православія, высылаются назадъ за границу. Блуститель и

учители обязываются наблюдать, чтобы въ народѣ не было какихъ-нибудь распрей и непристойныхъ толковъ о вѣрѣ.

Иновѣрцы, принимающіе православную вѣру, записываются въ особыя книги, которыя должны храниться у ректора и учителей: они должны наблюдать за образомъ ихъ мыслей и жизни. Ректору же и учителямъ вѣщается въ обязанность наблюдать, чтобы ни у духовныхъ, ни у мірянъ не было въ домахъ запрещенныхъ книгъ. Судя по содержанію этой грамоты, можно заключать, что при составленіи грамоты руководствовались уставами западныхъ университетовъ и академій. Представителемъ западнаго образованія былъ у насъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Симеонъ Полоцкій, учившійся въ польскихъ академіяхъ и имѣвшій большую силу при дворѣ. Его вліяніемъ только и можно объяснить, что западныя академіи взяты были въ примѣръ при устройствѣ академіи московской; сочинителемъ грамоты, кромѣ него, признать некого. Царь подписалъ проектъ, но, не успѣвъ привести его въ исполненіе, скончался (28-го апрѣля 1682 года). Вскорѣ открывшійся бунтъ стрѣлецкій и волненія, поднятыя раскольниками, воспрепятствовали правительству заняться устройствомъ академіи; впрочемъ, ученіе въ типографской школѣ продолжалось. По укрощеніи мятежей, когда бразды правленія приняла царевна Софія, заботы о начатомъ дѣлѣ образованія возобновились, и два ученые инока представили царевнѣ просьбы въ стихахъ о водвореніи наукъ въ столицѣ, по плану Ѳеодора. Первымъ былъ чудовскій іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ, который въ ноябрѣ 1682 года поднесъ царевнѣ просьбу въ стихахъ. Другой былъ настоятель Заякоуспасскаго монастыря іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Онъ представилъ царевнѣ грамоту царя Ѳеодора объ учрежденіи академіи и вмѣстѣ съ нею свое стихотворное посланіе. Но вѣроятно, вслѣдствіе вліянія патріарха Іоакима, который неблагопріятно смотрѣлъ на Медвѣдева, какъ поборника латинства, и въ которомъ онъ опасался видѣть блюстителя будущей академіи, привилегіи академіи не были утверждены. Въ это время въ Москву уже ожидали учителей греческихъ, за которыми посылали къ восточнымъ патріархамъ.

Со времени открытія ихъ ученой дѣятельности въ Москвѣ, начинается исторія Славяно-Греко-Латинской академіи, существовавшей въ Москвѣ почти 130 лѣтъ.

ОБЗОРЪ ВНУТРЕННЯГО СОСТОЯНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ХСІ. СТОЛИЦА МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Изъ ст. Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.», помѣщенной въ «Современникъ»).

Средоточіемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построенія его. Вѣроятно, онъ существовалъ съ основанія самой Москвы и былъ, какъ вообще всѣ русскіе города, деревянный. Въ 1367 г. впервые заложенъ былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV в. великій князь Іоаннъ опять построилъ каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 г. правительницею Еленю. За Кремлемъ и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ простирался посадъ, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями и назывался Бѣлымъ городомъ, отъ бѣлаго цвѣта окружавшей его стѣны. За этой стѣною слѣдовалъ другой посадъ, который былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревянною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Землянымъ городомъ. Сверхъ того, на другой сторонѣ Москвы-рѣки, какъ продолженіе Землянаго города, стоялъ городокъ, и, наконецъ, многіе монастыри, укрѣпленные, по тогдашнимъ обычаямъ, стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городовъ. Москва своей огромностью изумляла иностранцевъ; впрочемъ, отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся; потому что дворы были очень велики. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41.500 домовъ. Кремль занималъ середину столицы и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Кремль окружала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башенъ носила собственное названіе, однѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по

мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башенъ. Башни проѣзжія были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія (переименованныя въ Спасскія), Никольскія, Константиновскія (теперь не существующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія (переименованныя въ Пречистенскія), Неглинныя, Тайнинскія къ Москвѣ-рѣкѣ и Портомоинныя на юго-западномъ углу у водовзводской башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжія. Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башенъ, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги. Кремлевскія стѣны были уставлены пушками.

Въ Кремлѣ былъ дворецъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы были деревянныя. Но по мѣрѣ того, какъ держава московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменные зданія. При Іоаннѣ III построенъ былъ каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворецъ для жилья, оконченный въ 1508 г. Но послѣ пожара 1626 г. принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Ѳеодоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворецъ, но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу и предпочелъ для себя жить въ деревянномъ зданіи, находя, что деревянныя здоровѣе каменныхъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворецъ. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены каменные зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII вѣкѣ цари продолжали предпочитать деревянныя зданія для жилья и для каждого члена царскаго семейства строили особые домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревянныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. На взгорьѣ къ Москвѣ-рѣкѣ былъ запасной дворецъ, каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранились хлѣбные запасы) и цѣрковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Черкаскаго, Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затѣйливость украшеній останавливали на себѣ глаза путешественниковъ; но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ были покрыты золоченою мѣдью и ослѣпительно блитали противъ солнца. Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменные, но въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ, а другой путешественникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ только тридцать. Вѣрно только то, что ихъ было больше, чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ. Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими

зданіями, близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ. Къ огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать четыре человѣка, чтобы раскатать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-городъ. Китай-городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта, которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы-рѣки съ бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было Лобное мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностью и причудливою смѣсью восточной архитектуры съ европейскою. На Красной площади предъ лицомъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднолюбы. На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждого товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай-городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, дома знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привилегіи англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостинныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла Овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по рассказамъ иностранцевъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало Козье болото, урочище, на которомъ казнили преступниковъ. За предѣлами Китай-города слѣдовалъ Бѣлый городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемый такъ особенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-города. Стѣна Бѣлаго города шла по линіи нынѣшнихъ бульваровъ, и, какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли по повелѣнію Екатерины II. Бѣлый-городъ или Царь-городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частью Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ со своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостинный шведскій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей; на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близъ урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или дѣтій заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола.

За предѣлами Бѣлаго города былъ расположенъ Земляной городъ. Стѣна его была построена очень скоро, и, вѣроятно, отъ этой скорости весь Земляной городъ назывался Скородумомъ, т. е. скоро задуманнымъ городомъ. Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленнымъ очертаніемъ и какъ на западъ, такъ и на востокъ упиралась въ Москву-рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Яузу. Въ Земляномъ городѣ за Яузою былъ древесный рынокъ, гдѣ продавались лѣсные издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ. Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ. Жители здѣсь

были большею частью посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ. Дома были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностью пространства.

Замоскворѣе въ древности называлось Зарѣчье. Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлецкая слобода. Она была обнесена стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Земляного города, потому что подходила къ Москвѣ-рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много. Одиѣ изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ, мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотентъ), гончаровъ и др. За Яузой помѣщалась, между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Грознымъ. Послѣ смутнаго времени нѣмцы разсѣлились по городу и построили себѣ церкви въ Бѣломъ городѣ; но, по настоянію духовенства, при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселили въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви. Сверхъ всѣхъ слободъ по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать. Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и башнями во вкусѣ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпрестанно появлялись новые дворы.

Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую. Это были круглыя деревяшки, сложенные плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой, и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирався съ жителей поборъ подъ именемъ мостовщины, и земскій приказъ занимался мошениемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочемъ, женщинамъ ходить не иначе, какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человекъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялась падаль и во многихъ мѣстахъ господствовала невыносимая вонь. Пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе. Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Несмотря однако на частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ помелами, запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ, а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра сама по себѣ была плохимъ средствомъ, и притомъ не все ей подлежали. При Алексѣѣ Михайловичѣ вѣльно было, чтобъ всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянные трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ складывались вмѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

ХСII. О КОРОНОВАНІИ И МИРОПОМАЗАНІИ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ.

(Изъ соч. Флетчера: «О государствѣ русскомъ или образѣ правленія русскаго царя»).

Торжественные обряды, совершаемые при коронованіи русскихъ царей, суть слѣдующіе. Въ большой церкви Успенія, находящейся въ оградѣ царскаго замка, устроено возвышенное мѣсто, на которомъ стоитъ наложъ съ царскимъ вѣнцомъ и одѣяніемъ изъ дорогой матеріи. Въ день миропомазанія собираются туда: патріархъ съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и игуменами, всѣ богато одѣты въ своихъ облаченіяхъ. Потомъ входятъ дьяконы съ хоромъ пѣвчихъ, которые, при входѣ царя въ церковь, начинаютъ пѣть многолѣтіе царю, на что патріархъ и митрополитъ съ прочимъ духовенствомъ отвѣчаютъ гимномъ, въ родѣ молитвы, который поютъ всѣ вмѣстѣ и чрезвычайно громко. По окончаніи гимна, патріархъ съ царемъ всходятъ на возвышеніе, гдѣ для государя приготовленъ особый стулъ. Вслѣдъ затѣмъ патріархъ приглашаетъ царя сѣсть, и самъ садится подлѣ него на другомъ стулѣ, нарочно для того поставленномъ, кланяется въ землю и читаетъ слѣдующую молитву: «Господи Боже нашъ. Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, иже Самуиломъ пророкомъ избравъ раба своего Давида и помазавъ того въ цари надъ людьми своими Израиля! Ты и нынѣ услыши молитву нашу недостойныхъ и виждь отъ святаго жилища Твоего благовѣрнаго раба своего, царя и великаго князя, еже благоволилъ еси воздвигнути царя въ языцѣ Твоемъ святемъ, его же стяжалъ еси честною кровію едиnorodнаго Ти Сына, помазати сподоби елеомъ возрадованія, одѣй того свыше силою, положи на главѣ его вѣнецъ отъ камени честна, даруй тому долготу днй, дай же въ десницы его скипетръ царствія, посади того на престолъ правды, огради того всеоружествомъ святаго Ти Духа, утверди того мышцу, покоряи ему вся языки варварскія, всѣхъ въ сердцахъ его страхъ Твой, и еже къ послушнымъ милостивное, соблюди того въ непорочной вѣрѣ, покажи того опасна хранителя святыхъ Твоихъ соборныхъ церквей величійхъ, да судить люди Твоя, правдою и нищихъ Твоихъ, судомъ спасетъ сыны убогихъ, и наслѣдникъ будетъ Ти небеснаго царствія». Эту молитву говоритъ онъ тихимъ голосомъ, а потомъ произноситъ громко: «Яко Твоя держава и Твое есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». По окончаніи молитвы, патріархъ приказываетъ нѣкоторымъ архимандритамъ принести царское одѣяніе и вѣнецъ, что дѣлается весьма чинно и торжественно, а между тѣмъ произноситъ громко: «Миръ всѣмъ». Потомъ начинается онъ читать другую относящуюся къ тому молитву: «Тебѣ единому Царю вѣковъ, иже земное царство Тобою ввѣренный, поклоняю выю съ нами, и молимъ Ти ся, Владыко всѣхъ, сохрани того подъ кровомъ Твоимъ, удержиши того царство, благоудное Ти всегда творити, всегда того сподоби, возсіяй во днехъ его правду и множество мира, да въ тихости его тихо и безмолвно житіе проживемъ. во всякомъ благочестіи и чистотѣ!» Эту молитву патріархъ произноситъ нѣсколько тихимъ голосомъ, а потомъ договариваетъ опять громко: «Ты бо еси Царь мірови и Спасъ душамъ нашимъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и

присно и во вѣки вѣковъ, аминь». Потомъ, возлагая на царя одѣяніе и вѣнецъ, благословляетъ его крестнымъ знаменемъ и говоритъ: «Во имя Отца и Сына и св. Духа». То же самое дѣлаютъ и митрополиты, архіепископы и епископы, которые всѣ по порядку подходятъ къ царскому мѣсту и одинъ за другимъ благословляютъ царя двумя первыми пальцами. Затѣмъ патріархъ читаетъ еще молитву, которая начинается такъ: «О Пресвятая Госпоже Дѣво, Богородицѣ», и проч. Послѣ этой молитвы одинъ изъ дьяконовъ произноситъ сильнымъ громкимъ голосомъ: «Благовѣрному и благородному, и христолюбивому, Богомъ избранному и Богомъ почтенному и Богомъ возлюбленному и поставленному, и Богомъ вѣнчанному царю и великому князю Владимірьскому и Московскому... и всея Россіи самодержцу, многая лѣта!» На что прочіе священники и дьяконы, стоящіе въ нѣкоторомъ отдаленіи, близъ алтаря или стола, поютъ въ отвѣтъ: «Многая лѣта, многая лѣта!» Тоже самое повторяютъ священники и дьяконы, стоящіе по правой и лѣвой сторонамъ церкви, послѣ чего всѣ вмѣстѣ поютъ громогласно: «Благовѣрному и благородному» и проч. «многая лѣта!» По окончаніи торжества подходятъ къ царю сперва патріархъ съ митрополитами, архіепископами и епископами, потомъ дворянство и всѣ присутствующіе по порядку, и приносятъ ему поздравленія, преклоняя передъ нимъ главу, и у ногъ его падаютъ въ землю.

Титулъ, который получаетъ царь при коронованіи, слѣдующій: «Божіею милостію царь и великій князь всея Россіи самодержецъ, Владимірьскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Лифляндскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель». Этотъ титулъ заключаетъ въ себѣ владѣнія царя и являетъ все его величіе, почему имъ весьма гордятся, заставляя не только туземцевъ, но и иностранцевъ (которые съ чѣмъ либо обращаются къ царю словесно или письменно) повторять его вполнѣ отъ начала до конца. Такое требованіе производитъ иногда большія непріятности и даже ссоры съ татарскими и польскими послами, которые не хотятъ употреблять названіе царя, т. е. императора, и повторяютъ въ подробности весь его длинный титулъ. Я самъ, бывъ на аудіенціи у царя (Феодора Іоанновича), почелъ достаточнымъ привѣтствовать его только слѣдующими словами: «Царь всея Россіи, великій князь Владимірьскій, Московскій и Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій»; остальное же нарочно пропустилъ, зная, что они тщеславятся тѣмъ, что титулъ царскій длиннѣе титула королевы англійской. Но это было такъ дурно принято, что канцлеръ (находившійся тогда при царѣ съ прочими сановниками) громкимъ и сердитымъ голосомъ настаивалъ, чтобы я произнесъ весь титулъ. На его требованіе я отвѣчалъ, что титулъ царскій слишкомъ длиненъ, и иностранцу трудно его запомнить, но что я сказалъ изъ него столько, что достаточно видно мое уваженіе къ остальному; однако все было напрасно, такъ что я наконецъ велѣлъ моему толмачу проговорить сполна весь титулъ.

ХСШ. О ЦАРСКИХЪ ЧИНОВНЫХЪ И ВСЯКИХЪ СЛУЖИЛЫХЪ И ДВОРЦОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Изъ сочиненія Котошикина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).

1. Прежніе большіе роды князей и бояръ многіе совсѣмъ исчезли. Нынѣ же послѣ тѣхъ родовъ роды, которые бывають въ боярахъ, а въ окольничихъ не бывають. суть: кн. Черкасскихъ, кн. Воротынскихъ, кн. Трубецкихъ, кн. Голицыныхъ, кн. Хованскихъ, кн. Пронскихъ, Шейныхъ, Салтыковыхъ, кн. Репниныхъ, кн. Прозоровскихъ, кн. Буйносовыхъ, кн. Хликовыхъ, кн. Урусовыхъ.

2. Роды меньше тѣхъ, которые бывають въ окольничихъ и въ боярахъ, суть: кн. Куракиныхъ, кн. Долгоруковыхъ, Бутурлиныхъ, кн. Родомановскихъ, кн. Пожарскихъ, кн. Волконскихъ, кн. Лобановыхъ, Стрѣшневыхъ, кн. Бариатинскихъ, Милославскихъ, Сукиныхъ, Пушкиныхъ, Измайловыхъ, Плещеевыхъ, Львовыхъ.

3. Роды же, которые бывають въ думныхъ дворянахъ и окольничихъ, изъ честныхъ (почетныхъ) родовъ, и изъ среднихъ, и изъ дворянъ; и тѣ роды больше той чести не доходятъ. Есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, только еще въ честь не пришли за недослуженіемъ.

4. Думные дѣяки. Три или четыре, а больше четырехъ не бываетъ; и въ тѣхъ думныхъ дѣякахъ бывають изъ дворянъ и изъ гостей, и изъ подъячихъ; и изъ тѣхъ думныхъ дѣяковъ посольскій дѣякъ, хотя породы бываетъ меньшей, но по приказу и по дѣламъ выше всѣхъ.

5. Спальники,—которые спятъ у царя въ комнатѣ, посуточно, перемѣнами, человекъ по четыре; и многіе изъ нихъ женатые люди и бывають въ томъ чину многіе годы, и царя раздѣвають и разуваетъ; а бывають въ тѣхъ спальникахъ изъ всякихъ боярскихъ и окольничихъ и думныхъ людей дѣти, которыхъ царь укажетъ, а иные такого чина добываются и не могутъ до того прійти. Бывшіе въ спальникахъ бывають пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе, кого чѣмъ царь пожалуетъ, по своему разсмотрѣнію, и называютъ ихъ комнатными боярами или окольничими, а въ посольственныхъ письмахъ пишутъ ближними боярами и окольничими, потому что отъ близости пожалованы. А жалуетъ царь въ бояре и окольничіе и въ думные люди, хотя котораго и на Москвѣ не бываетъ въ новыи годъ сентября въ 1 день, на Свѣтлое Христова Воскресеніе, на день празднества рожденія его, изъ окольничихъ бояриномъ, или изъ стольниковъ и изъ спальниковъ бояриномъ и окольничимъ или думнымъ человекомъ. И какъ царю случится сидѣть съ тѣми боярами и думными людьми въ думѣ, и въ то время бояре и окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежде въ чину, окольничіе подъ боярами такимъ же образомъ, подъ окольничими думные дворяне также по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дѣяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть, и о чемъ случится мыслить, мыслить съ царемъ, какъ обычай и въ иныхъ государствахъ. А случится царю мысль свою о чемъ объявить, и онъ имъ, объяви, при-

казываетъ, чтобы они, бояре и думные люди, помысли, къ тому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ побольше и разумнѣе, или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою о способѣ объявляютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неучены и не образованы; однако сыщется и кромѣ ихъ на отвѣты разумный изъ большихъ и изъ меньшихъ бояръ. А на чемъ которое дѣло быть приговорять, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякамъ помѣтитъ и тотъ приговоръ записать. А случится писать о чемъ грамоты въ окрестныя государства, и тѣ грамоты приказываютъ готовить посольскому думному дьяку, а думный дьякъ приказываетъ подъячему, а самъ не готовитъ, только чернить и прибавляетъ, что надобно и не надобно. А какъ изготовятъ, тѣ грамоты слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они же, бояре, слушаютъ вдругорядъ съ царемъ всѣ вмѣстѣ; также и инныя дѣла вносятся для слушанія всѣмъ боярамъ, и потомъ бояре слушаютъ вдругорядъ съ царемъ же. А на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ, кромѣ того что послы прикладываютъ руки къ договорнымъ записямъ, руки своей не прикладываютъ; для этого предназначаются думные дьяки; а къ меньшимъ ко всякимъ дѣламъ прикладываютъ руки простые дьяки, и приписываютъ подъячье свои имена.

А какъ царю случится о чемъ мыслить тайно, и въ той думѣываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спаленниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходить; а иные бояре, окольничіе и думные люди въ ту палату въ думу и ни для какихъ дѣлъ не ходятъ, развѣ царь укажетъ.

6. Стольники—дѣти бояръ и окольничихъ, и думныхъ людей, и московскихъ дворянъ, и иныхъ чиновъ людей. Служба ихъ такова: какъ у царя бывають иныхъ государствъ послы или власти и бояре на обѣдахъ, они въ то время предъ царя и предъ властей, и пословъ, и бояръ, носять ѣсть и пить; а ставятъ на столъ кушанія по одному блюду всякаго рода, передъ царя крайчій, а къ инымъ столамъ приставлены бываютъ ставить окольничіе, а съ иными явствами блюда держатъ столники на рукахъ, а на столъ всѣхъ яствъ вдругъ не ставятъ. И будетъ тѣхъ столниковъ числомъ около 500 человекъ. И посылаютъ ихъ въ посольства послами и съ послами въ товарищахъ, и по воеводствамъ, и для сыскныхъ дѣлъ, и бояръ спрашивать о здоровіи, какъ они бываютъ по службамъ; а иные въ Москвѣ сидятъ въ приказахъ у дѣлъ и у пословъ въ приставахъ.

7. Стряпчіе. Чинъ ихъ таковъ: какъ царю бываетъ выходъ въ церковь, или въ походъ на потѣхи, или въ палату въ думу и для обѣдовъ, и въ то время несутъ передъ нимъ скипетръ, а въ церкви держатъ шапку и платокъ, а въ походахъ возятъ панцырь, саблю, колчанъ съ лукомъ и стрѣлами. И посылаютъ ихъ во всякія-же послы, кромѣ воеводствъ и посольствъ. А будетъ тѣхъ стряпчихъ 800 человекъ. А въ Москвѣ стряпчіе и столники живутъ для царскихъ услугъ по полугоду, пополамъ; а другая половина, кто хочетъ, отъѣзжаютъ въ деревни свои до срока.

8. Дворяне московскіе. Тѣхъ дворянъ посылаютъ для всякихъ дѣлъ: и по воеводствамъ, и по посольствамъ въ послахъ, и для сыскныхъ

дѣлѣ, и въ Москвѣ и въ приказы для дѣлѣ, къ служилымъ людямъ въ начальныя люди, въ полковники и въ головы стрѣлцкіе.

9. Дѣяки. Въ дѣяки бывають пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ, и изъ гостей, и изъ подъячихъ. А въ Москвѣ и въ городахъ въ приказахъ, съ боярами и окольными, и думными и ближними людьми, и въ посольствахъ съ послами бывають они въ товарищахъ; и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлають всякія дѣла, и суды судятъ, и во всякія посылки посылаются.

10. Жильцы. Чинъ ихъ таковъ: для выхода и для всякаго дѣла, спать на царскомъ дворѣ челоѣкъ по сорокъ и больше, и посылають ихъ во всякія посылки; а дѣти они дворянскіе, и дѣячьи, и подъяческіе. И изъ того чина назначаются въ стряпчіе, въ стольники, и въ думные люди, да они же бывають въ начальныхъ людяхъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейтерахъ, и въ солдатахъ. А будетъ ихъ числомъ 2.000 челоѣкъ. Да и вообще дѣтямъ бояръ, окольных и думныхъ людей первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ въ жильцахъ; только по породѣ своей одни съ другими не равны.

11. Дворяне городовые и дѣти боярскіе. Они бывають посылаемы во всякія посылки: и по воеводствамъ, и въ начальныя люди къ рейтерамъ и къ солдатамъ, и въ какіе чины годятся, и за службы бывають пожалованы многою честью. И тѣхъ дѣтей боярскихъ происхождение таково: какъ въ прошлыхъ давнихъ лѣтахъ у Московскаго государства бывала война съ окрестными государствами, и въ то время ратныя люди собирались со всего Московскаго государства изъ всякихъ чиновъ людей, и послѣ мира распускались по домамъ; иные изъ нихъ многою своею службою и полонѣмъ освободились отъ рабства и отъ крестьянства, и у кого были помѣстья и вотчины и нынѣ попрежнему за ними; а у которыхъ людей помѣстій и вотчинъ не было, и имъ за службы и за полное терпѣніе помѣстья и вотчины даваны, жилыя и пустыя, малыя, и служить имъ было съ тѣхъ данныхъ помѣстій и вотчинъ противъ прямыхъ дворянъ не съ чего; также у которыхъ дворянъ были помѣстья и вотчины, а по смерти ихъ тѣ ихъ помѣстья и вотчины раздѣлены были дѣтямъ ихъ, и отъ нихъ дѣти также размножились, а дать имъ было изъ старыхъ ихъ отцовскихъ помѣстій и вотчинъ и вновь не изъ чего, потому же и царскихъ службъ не служивали,—и ихъ написали въ дѣти боярскія, что безпомѣстны и малопомѣстны.

Есть кромѣ того и иные чины, которые служатъ при царскомъ дворѣ, а написаны они ниже сего въ разныхъ мѣстахъ.

12. Да въ царскомъ же чинѣ царевичи сибирскіе, касимовскіе, крещенные въ христіанскую вѣру. Честью они бояръ выше, а въ думѣ ни въ какой не бывають и не сидятъ, потому что государства ихъ и они сами учинились въ подданствѣ послѣ воинскаго времени, недавнѣ, да и обычай того не допускаетъ; притомъ и опасеніе имѣють отъ нихъ всякое. А служба ихъ такова: какъ на праздники идетъ царь къ церкви, и они его ведутъ подъ руки, да на всякій день бывають предъ царемъ на поклоненіи. И даны имъ помѣстія и вотчины не малыя, также поженились на боярскихъ дочеряхъ и брали ихъ за себя съ великими пожитками и съ помѣстьями и съ вотчинами; а за которымъ помѣстія мало, и ему въ прибавку идетъ царскій кормъ денежный помѣсячно. И по тѣхъ царевичахъ и князьяхъ, дѣти ихъ, и внучата, и правнучата,

называются царевичи и князья, безъ измѣненія. Также московскіе и родовые дворяне, и дѣти боярскіе, многіе есть старые, издавна тѣхъ родовъ которые прежде сего были во дворянахъ при великихъ князьяхъ. А вновь московскій царь изъ бояръ, и изъ ближнихъ, и изъ иныхъ чиновъ людей, княземъ учинить не можетъ никого, кромѣ боярствъ и иныхъ чиновъ, потому что не обычай тому есть и не повелось; также и графовъ и бароновъ не бываетъ, и изъ московскихъ чиновъ людей къ тѣмъ двумъ чинамъ приравнять никого не можно, потому какъ бы дано было кому баронство, и о томъ бы размышляли, что то было бы самому царю въ стыдъ, будто бы тотъ человѣкъ тѣмъ именемъ отъ него уволился и не подданинъ. А кому царь захочетъ вновь дать боярство или окольниковство и думное дворянство изъ стольниковъ и изъ дворянъ или дворянина изъ дворовыхъ всякихъ чиновъ изъ вольныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію, кто въ какой чинъ и честь годенъ. А грамоты и гербовъ на дворянства ихъ и на боярства никому не даетъ, потому что гербовъ никакому человѣку изложить не могутъ; также и у старыхъ родовъ князей и бояръ, и у новыхъ истинныхъ своихъ печатей нѣтъ; да не только у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей Московскаго государства гербовъ не бываетъ; а когда случится кому къ какимъ письмамъ, или посламъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, то они прикладываютъ, у кого какая печать прилучилась, а не породная; какъ бывають московскіе послы въ посольствахъ и на сѣздахъ, и къ письмамъ, и къ крѣпостямъ печати свои прикладываютъ, а случится тѣмъ же посламъ, или родственникамъ ихъ, быть вдругорядъ въ посольствѣ и къ письмамъ печати свои прикладывать, и у тѣхъ новыхъ писемъ съ старыми письмами многія печати рознятся. А изъ посадскихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, дворянство не дается никому; а кто посадскій человѣкъ, или крестьянинъ, или кто-нибудь, отпустить сына своего на службу въ солдаты и въ рейтары, или въ приказъ подъячимъ и инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малой чести дослужатся повыше, и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины, и отъ нихъ можетъ пойти дворянскій родъ; а грамоты и гербовъ имъ не дается; а даются высокими и меньшими родамъ и дворянамъ грамоты на вотчины и на помѣстья, и въ тѣхъ грамотахъ именуютъ ихъ, кто каковъ чиномъ и чествомъ.

13. Постельничій. Постельничаго чинъ таковъ: вѣдаетъ его царскую постель и спитъ съ нимъ въ одномъ покоѣ; также у того постельничаго для скорыхъ и тайныхъ царскихъ дѣлъ печать. А чествомъ тотъ постельничій равенъ окольному.

14. О пріѣздѣ боярскомъ къ царю. Бояре и окольные, и думные и ближніе люди пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано всякій день; и, пріѣхавъ въ церковь или въ палату, увидѣвъ царя, кланяются передъ нимъ въ землю; а котораго дня они въ пріѣздѣ своемъ запоздають, или за ними царь посылаетъ, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинять не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велитъ изъ палаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму, и они за свои вины также кланяются въ землю, многократно, пока простить; а какъ они и на пріѣздѣ кланяются, а онъ въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не

снимаетъ никогда. А когда случится ему сидѣть въ покояхъ своихъ, и слушаетъ дѣла, или слова разговорныя говорить, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ, а пристануть стоя, и они выходятъ отдыхать—сидѣть на дворѣ; также и послѣ обѣда приѣзжаютъ къ нему, въ вечерни, всякій день. А приѣзжая они къ царскому двору на лошадяхъ верхами или въ каретахъ и въ саняхъ, и съ лошадей слезать, или изъ каретъ и изъ саней выходить, не доѣзжая двора и не близко крыльца; а къ самому крыльцу или на дворъ его царскій, не ѣздить никогда, и лошадей ихъ боярскихъ черезъ дворъ не пускаютъ, а обводятъ кругомъ двора (а ѣздить бояре въ каретахъ, старые, которые на лошадяхъ сидѣть не могутъ). А который бы бояринъ или кто-нибудь учинилъ черезъ силу, чтобъ на царскій дворъ ѣхалъ на лошади, хотя бы безъ самаго царя, а ему бы о томъ вѣдомо учинилось, и его бы скоро за то велѣлъ послать въ тюрьму, до указу своего, и честь его отнятабы была; а ежелибы человекъ его боярскій безъ вѣдома его, провелъ черезъ дворъ лошадь, и тому человеку учинено было наказаніе кнутомъ. Да не только боярамъ ѣздить нельзя и лошадей ихъ водить заказано, но и всякаго чина людей, кромѣ стрѣльцовъ, съ ружьемъ и въ епанчахъ, и торговыхъ людей съ товарами, и крестьянъ и простыхъ людей, черезъ царскій дворъ не пускаютъ тоже; также и иноземцевъ разныхъ вѣръ на дворъ и черезъ дворъ не пускаютъ; а кому до кого будетъ какое дѣло, до бояръ и думныхъ людей, и они ожидаютъ у царскаго двора; также и въ походахъ его царскихъ и въ селахъ черезъ дворы также не пускаютъ. А который бы человекъ, кромѣ стражи, въ Москвѣ и въ селахъ, пошелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ, съ саблею или съ пистолетомъ, тайно, съ простоты, а не умысломъ злымъ, и такого бы человека увидѣли, или бы кто на него указалъ, поймавъ, пытали бы, для чего онъ черезъ царскій дворъ шелъ съ ружьемъ, не на царя ли, или на его домъ, или на бояръ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и не по наученію ли чьему отъ кого изъ бояръ и думныхъ и ближнихъ людей, или отъ посадскихъ и отъ гулящихъ людей и отъ крестьянъ: и если тотъ человекъ съ пытки скажетъ, что онъ шелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ умысломъ своимъ, а не по чьему наученію, хотя его, царя и домовыхъ его кого, или изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, за какое-нибудь дѣло погубить, и такого вора, пытавъ накрѣпко трижды, впрямь-ли онъ шелъ своимъ умысломъ, а не по наученію, казнять смертью, безъ всякой пощады, кто-бы ни былъ. А если скажетъ, что онъ шелъ умысломъ по наученію бояръ и думныхъ людей, или какихъ иныхъ людей, и по его сказкѣ, тѣхъ людей всѣхъ велѣть похватать и пытать, для чего они такого человека на царское здоровье научили, не по наученію ли котораго иностраннаго государя, чтобъ учиниться его подданными, или сами желая государствомъ завладѣть, или чтобъ въ государствѣ учинить смуту для грабежа домовъ и животныхъ: и если тѣ люди по первымъ рѣчамъ въ тѣхъ дѣлахъ винятся, и ихъ также казнять всѣхъ безъ милосердія, если-же не ловинятся, и ихъ всѣхъ посадять въ тюрьму, пока по нихъ поруки будутъ.

15. Стольники меньшихъ родовъ и страпчіе, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и иноземцы, и подьячіе приѣзжаютъ въ городъ и съ лошадей слезать далеко отъ царскаго двора, на площади.

16. А приѣзжаютъ бояре, и думные, и ближніе люди, ходятъ къ царю

во дворецъ въ переднюю палату и ожидаютъ царскаго выхода изъ покоя; а ближніе бояре, выждавъ время, ходятъ въ комнату; а стольники и стряпчіе, и дворяне, и полковники, и головы, и дьяки, и иные служилые чины, къ царю во дворецъ не ходятъ, бывають на крыльцѣ среднемъ передъ палатами непокоевыми; а инымъ чинамъ и до тѣхъ мѣстъ ходитъ не велѣно, гдѣ бывають стольники и иные нарочитые люди.

17. А куда случится царю идти въ походъ, и бояре и окольнічіе, и думные люди, и спальники, бывають съ нимъ вмѣстѣ, кого захочетъ съ собою взять; а инымъ велитъ остаться въ Москвѣ для приказныхъ дѣлъ. А идя въ походъ на войну, или по монастырямъ молиться, или для гулянья въ дальнія и въ ближнія мѣста, дворъ свой царскій и Москву для обереганія приказываетъ одному человѣку боярину, а съ нимъ товарищамъ окольнічимъ двумъ человѣкамъ, да думнымъ дворянамъ двумъ же человѣкамъ, и думнымъ дьякамъ. И случатся какія дѣла изъ полковъ или изъ городовъ, и они тѣ дѣла, кромѣ тайныхъ, иные посылають къ царю въ походъ, а по инымъ дѣламъ указъ чинятъ, не писавъ къ царю, по которымъ можно. Да съ царемъ же бывають въ походахъ стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, жильцы и иныхъ чиновъ люди, которымъ велѣно бываетъ; да стремянный приказъ 1000 человѣкъ стрѣльцовъ на царскихъ лошадяхъ.

18. Также какъ пойдетъ царь куда въ походъ, на недѣлю и больше, или будетъ въ Москвѣ, а боярамъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и полковникамъ и дьякамъ для гулянья, или для какого дѣла понадобится ѣхать въ деревни свои, дня на два или на недѣлю и на мѣсяцъ, и они бьютъ челомъ царю о томъ, и царь ихъ отпускаетъ съ срокомъ, а безъ отпуску изъ бояръ, изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, изъ полковниковъ, изъ дьяковъ изъ Москвы уѣхать не смѣетъ никто ни на одинъ день; да какъ они бывають отпущены на срокъ, и до срока для какого дѣла царю будутъ надобны, и за ними посылають грамоты съ людьми ихъ, которые останутся въ Москвѣ или нарочно съ стряпчими, съ жильцами, съ подъячими, велитъ быть тотчасъ. Да не только когда для гулянья своего отпрашиваются, но когда случится имъ котораго дня другъ у друга быть въ гостяхъ, на свадьбѣ, или на крестинахъ, или на именинахъ, и они отправляются по такому же обычаю.

19. А какъ придетъ празднованіе дня рожденія котораго боярина, или думнаго и ближняго человѣка, или ихъ дѣтей, и они въ тотъ день ѣздитъ царю челомъ ударить, и царь ихъ спрашиваетъ о здоровіи и поздравляетъ, а послѣ того подносятъ царю именинные калачи, и царь у нихъ тѣ калачи велитъ принимать; и потомъ пойдутъ къ царицѣ, и царица также поздравляетъ и калачи велитъ принимать; и потомъ ходятъ къ царевичамъ и къ царевнамъ, и отъ нихъ также бываетъ имъ поздравленіе и калачи принимаютъ; а у царевенъ у самихъ не бывають, кромѣ родственниковъ бояръ, и потомъ межъ себя тотъ день другъ у друга пируютъ. А царь, и царица и царевичи, и царевны у нихъ на обѣдахъ и въ домахъ ихъ не бывають ни у кого; и не только на обѣдахъ, но и на свадьбахъ ихъ и на погребеніяхъ не бывають тоже никогда.

ХСІV. ОБРАЗЪ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ ДОПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

(Изъ соч. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.»).

Представимъ въ короткомъ очеркѣ *обрядъ* древней царской жизни, *комнатной* и *выходной*, т. е. собственно домашней и общественной, если можно такъ обозначить всѣ тѣ случаи повседневнаго порядка, когда государь являлся среди своего синклита и всего народа, присутствуя, какъ первое лицо, при совершеніи общихъ церковныхъ и праздничныхъ дѣйствъ и обрядовъ. Раннее утро заставало государя въ Крестовой, въ которой молебный иконостасъ, весь установленный иконами, богато украшенными золотомъ, жемчугомъ и дорогими каменьями, давно уже освѣщался множествомъ лампадъ и восковыхъ свѣчей, теплившихся почти передъ каждымъ образомъ. Государь вставалъ обыкновенно часа въ четыре утра. Постельничій, при пособіи спальниковъ и стряпчихъ, подавалъ государю платье и одѣвалъ его. Умывшись, государь тотчасъ же выходилъ въ Крестовую, гдѣ его ожидали духовникъ или *крестовый попъ* и *крестовые дьяки*. Духовникъ или крестовый священникъ благословлялъ государя крестомъ, возлагая на чело и ланиты, при чемъ государь прикладывался ко кресту и потомъ начиналъ утреннюю молитву. Окончивъ утреннюю молитву, государь посылалъ ближняго человека къ царицѣ въ хоромы спросить ее о здоровьѣ, какъ почивала? Потомъ самъ выходилъ здороваться съ нею въ ея переднюю или столовую. Послѣ того они вмѣстѣ слушали въ одной изъ верховныхъ церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Между тѣмъ съ утра собирались во дворецъ всѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди «челомъ ударить государю», и присутствовать въ царской думѣ. Они собирались обыкновенно въ *Передней*, гдѣ и ожидали царскаго выхода изъ внутренняго покоя или комнаты. Нѣкоторые, пользовавшіеся особою довѣренностью государя, выждавъ время, входили и въ комнату. Увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, они всегда кланялись передъ государемъ въ землю, даже по нѣсколько разъ. За особенную милость, являемую государемъ, бояре кланялись ему въ землю до тридцати разъ сряду. Поздоровавшись съ боярами, поговоривъ о дѣлахъ, государь, въ сопровожденіи всего собравшагося синклита, шествовалъ, часу въ девятомъ, къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Если же тотъ день былъ праздничный, то выходъ дѣлался въ соборъ, или въ храмъ или монастырь, сооруженный въ память празднуемаго святаго. Послѣ обѣдни въ комнатѣ въ обыкновенные дни государь слушалъ доклады, челобитныя и вообще занимался текущими дѣлами. Съ докладами входили начальники приказовъ и сами ихъ читали предъ государемъ. Думный дьякъ докладывалъ челобитныя, вносимыя въ комнату, и помѣщалъ рѣшенія. Присутствовавшіе въ комнатѣ бояре во время слушанія дѣлъ не смѣли садиться. Когда, особенно по пятницамъ, государь открывалъ обыкновенное *сиденье съ бояры*, засѣданіе думы, то бояре садились по лавкамъ отъ царя поодаль. Засѣданіе и слушаніе дѣлъ въ комнатѣ оканчивалось около двѣнадцати часовъ утра. Бояре, ударивъ челомъ государю, разѣжались, а государь шелъ къ *столовому кушанью* или обѣду, къ которому

иногда приглашалъ и нѣкоторыхъ изъ бояръ, самыхъ уважаемыхъ и близкихъ; но большею частью государь кушалъ одинъ. Обыкновенный столъ его не былъ такъ изысканъ и роскошенъ, какъ столы праздничные, посольскіе и другіе.

Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты. По свидѣтельству иностранцевъ, къ столу царя Алексѣя подавались всегда самыя простыя блюда, ржаной хлѣбъ, немного вина, легкое пиво съ коричневымъ масломъ, а иногда одна только коричная вода. Но и этотъ столъ никакого сравненія не имѣлъ съ тѣмъ, который государь держалъ во время постовъ. Великимъ постомъ царь Алексѣй обѣдалъ только по три раза въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу и пилъ по стакану полпива.

Послѣ обѣда государь ложился спать и обыкновенно почивалъ до вечера, часа три. Къ вечеру снова собирались во дворецъ бояре и прочіе чины, въ сопровожденіи которыхъ царь выходилъ въ верховую церковь къ вечернѣ. Послѣ вечерни иногда также слушались дѣла или собиралась дума. Но обыкновенно все время до ужина государь проводилъ уже въ семействѣ или съ самыми близкими людьми. Время это было отдыхомъ и потому оно посвящалось домашнимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, свойственнымъ вѣку и вкусу тогдашняго общества. По свидѣтельству иностранцевъ, цари отличались большою любознательностью, которая ставила ихъ въ кругъ самыхъ образованныхъ людей того времени. По характеру же нашего древняго образованія, потребность знанія могла удовлетворяться только чтеніемъ,—вотъ почему чтеніе составляло одно изъ любимѣйшихъ занятій во время отдыха. Но, какъ поборники и хранители православія, цари предпочитали чтеніе духовно-назидательное и церковно-историческое. Со временъ царя Алексѣя Михайловича стали вывозить и *журналы*, или тогдашніе европейскіе журналы, которые постоянно переводились для чтенія государю. Кромѣ чтенія, цари любили живую бесѣду, любили рассказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ; объ иноземныхъ обычаяхъ и особенно о старинѣ. Англичанинъ Коллинсъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ держалъ во дворцѣ стариковъ, имѣвшихъ по сту лѣтъ отъ роду, и очень любилъ слушать ихъ рассказы о старинѣ. Въ числѣ ихъ были и *юродивые*. Глубокое, всеобщее уваженіе къ этимъ старцамъ и старицамъ, Христа ради юродивымъ, основывалось на ихъ святой, богоугодной жизни и благочестивомъ значеніи, какое они имѣли для нашей древности. Общество благоговѣло предъ ними, чтило ихъ, какъ пророковъ и провозвѣстателей Божьей воли, какъ неуклонныхъ и нелицепріятныхъ обличителей. Верховные богомольцы пѣвали государю *Лазаря* и всѣ тѣ духовные стихи, которые можно еще слышать и теперь отъ странствующихъ слѣпцовъ... Были еще при царскомъ дворцѣ *слѣпцы домрачен*, которые распѣвали, безъ сомнѣнія, сказки и былины о богатыряхъ князя Владиміра, съ аккомпаниментомъ *домры*, струннаго инструмента въ родѣ гитары.

Въ числѣ обыкновенныхъ и самыхъ любимыхъ развлеченій государя была игра въ шахматы и однородныя съ нею игры: *тавлеи*, *саки* и *биржи*.

Извѣстно также, что въ дворцовомъ штатѣ царя состояли *дураки-шуты* и у царицы *дурки-шутихи*, *карлы* и *карлицы*. Они пѣли пѣсни,

кувыркались и предавались разнаго рода веселостямъ, которыя служили немалымъ потѣшеніемъ государеву семейству. По словамъ иностранцевъ, это была самая любимая забава царя Θεодора Ивановича. Зимомъ, особенно по праздникамъ, цари любили смотрѣть медвѣжье поле, т. е. бой охотника съ дикимъ медвѣдемъ. Раннею весною, лѣтомъ и во всю осень они часто выѣзжали въ окрестности Москвы на соколиную охоту. Эта потѣха начиналась нерѣдко съ самаго утра, а потому измѣняла обыкновенный порядокъ дня. Вообще лѣто государь проводилъ болышею частью въ загородныхъ дворцахъ, развлекаясь охотою и хозяйствомъ. Зимомъ онъ хаживалъ иногда самъ на медвѣдя, на лоса, охотился за зайцами. Оканчивая день, послѣ вечерняго кушанья, государь снова шелъ въ Крестовую и точно такъ же, какъ и утромъ, молился около четверти часа.

Благочестивые московскіе цари, подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подражаніе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церковнымъ празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи, которое засвидѣтельствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобные выходы. И это было необходимо въ то время по самому значенію древняго царскаго сана. Притомъ церемонія, обрядъ—составляли одно изъ главнѣйшихъ условій тогдашняго общественнаго быта, и потому каждый шагъ внѣ дома, а тѣмъ болѣе въ быту государей, по необходимости становился церемоніальнымъ, торжественнымъ. Самые обыкновенные, почти каждодневные выходы царя къ обѣднѣ и вообще къ церковной службѣ въ извѣстные праздники были ничто иное, какъ церемоніальныя шествія, которыя поэтому возвѣщались нерѣдко, смотря по важности праздника, особымъ колокольнымъ звономъ. Къ обѣднѣ государь выходилъ обыкновенно пѣшкомъ, если было близко и позволяла погода, или въ каретѣ, а зимою въ саняхъ, всегда въ сопровожденіи бояръ и прочихъ служилыхъ и дворовыхъ чиновъ. Великолѣпіе и богатство выходной одежды государя соответствовали значенію торжества, по случаю котораго дѣлался выходъ, а также и состоянію погоды въ тотъ день.

Во время шествія свита раздѣлялась рядами; люди меньшихъ чиновъ шли впереди, по старшинству, по два или по три человека въ рядъ, а бояре, окольничіе, думные и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ въ числѣ царской свиты находился постельничій съ *стряпнею*, то-есть съ разными предметами, которые требовались на выходъ и которые несли за постельничимъ стряпчие, именно: *полотенце* или носовой платокъ, *стулъ* съ *головьемъ* или подушкою, на которомъ садился государь; *подножье*, родъ ковра, на которомъ становился государь во время службы; *солншникъ* или зонтъ, защищавшій отъ солнца или дождя, и нѣкоторые другіе предметы, смотря по требованію выхода. Когда государь выходилъ на богомолье въ приходскую или монастырскую церковь, то впереди несли особое *мѣсто*, которое обыкновенно ставилось въ церквахъ для царскаго пришествія. Оно было обито сукномъ и атласомъ краснаго цвѣта, по хлопчатой бумагѣ съ шелковымъ или золотымъ галуномъ. Стряпчие вообще прислуживали государю, принимали, когда было нужно, посохъ, шапку и пр. На малыхъ выходахъ они выносили только полотенце (платокъ) и подножье, теплое или холодное, смотря по времени года.

24-го декабря, въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, рано утромъ государь дѣлалъ тайный выходъ, въ сопровожденіи только отряда стрѣльцовъ и подъячихъ тайнаго приказа въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавалъ милостыню тюремнымъ сидѣльцамъ, плѣннымъ, богадѣленнымъ, увѣчнымъ и всякимъ бѣднымъ людямъ. По улицамъ, гдѣ проходилъ государь, онъ также раздавалъ милостыню нищимъ и убогимъ, которые, безъ сомнѣнія, во множествѣ собирались даже изъ отдаленныхъ мѣстъ къ такимъ боголюбивымъ царскимъ выходамъ. Въ то же время, какъ государь навѣщалъ такимъ образомъ всѣхъ заключенныхъ и сирыхъ, довѣренныя лица изъ стрѣleckихъ полковниковъ или подъячихъ тайнаго приказа раздавали милостыню на земскомъ дворѣ, также и у Лобнаго мѣста. и на Красной площади. И можно сказать, что ни одинъ бѣдный человѣкъ въ Москвѣ не оставался въ этотъ день безъ царской милостыни: каждому было чѣмъ разговѣться, каждый былъ съ «праздникомъ». Такіе царскіе выходы «тайно» дѣлались и наканунѣ другихъ большихъ праздниковъ и постовъ. Въ рождественскій сочельникъ они совершались рано утромъ, часу въ пятомъ. Ни одинъ праздничный царскій выходъ не отправлялся съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, какъ выходъ въ день Богоявленія. Государь являлся въ это время народу въ полномъ блескѣ своего сана, со всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, которые во многомъ напоминали обычаи Востока. По словамъ иностранцевъ, стеченіе народа въ этотъ день было необыкновенное: со всего государства съѣзжались въ Москву видѣть торжественный обрядъ освященія воды, совершавшійся патріархомъ на Москвѣ-рѣкѣ, Отъ Успенскаго собора и до самой Москвы-рѣки, гдѣ находилась іордань, строй стрѣльцовъ въ цвѣтномъ служиломъ платьѣ, съ знаменами и барабанами, со всѣмъ ратнымъ строемъ, двумя линіями пролагалъ широкую дорогу для крестнаго хода. Государь выходилъ въ соборъ, обыкновенно, въ сопровожденіи бояръ и прочихъ сановниковъ, по Красному крыльцу. При его появленіи, народъ, увидѣвъ пресвѣтлыя царскія очи, билъ челомъ. Государь шелъ тихо, въ обыкновенномъ выходномъ платьѣ, опираясь на посохъ индѣйскаго дерева. Иногда случалось, что онъ выходилъ въ *большомъ царскомъ нарядѣ*. Но обыкновенно *царское платье* онъ надѣвалъ всегда въ соборѣ. Въ соборѣ за государемъ входили одни только высшіе чины: бояре, окольничіе, думные и ближніе люди; прочіе же, начиная со стольниковъ, останавливались на помостѣ отъ Успенскаго собора до Архангельскаго, по обѣ стороны, по чинамъ, младшіе ниже старшихъ. Когда изъ западныхъ вратъ собора начинался крестный ходъ, царь выходилъ и останавливался въ южныхъ вратахъ. Патріархъ, проходя мимо, обѣялъ его животворящимъ крестомъ, и духовныя власти отдавали ему по два поклона. Церемонія поклоновъ духовенства происходила иногда и въ соборѣ, при началѣ крестнаго хода.

Торжественное шествіе открывали стрѣльцы, въ числѣ 400 или 600 человѣкъ, иногда и болѣе, выборные изъ стремяннаго и другихъ полковъ, по 200 человѣкъ изъ каждаго. Они были въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ и шли по четыре человѣка въ рядъ, одни съ золочеными пищалями и винтовками, ложи коихъ украшены были перламутровыми раковинами; другіе съ золочеными копыями и, наконецъ, третьи съ нарядными золочеными протазанами (родъ аллебарды). За этимъ блестящимъ отрядомъ стрѣльцовъ слѣдовалъ крестный ходъ, замыкавшійся шествіемъ

патріарха. Здѣсь, въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и св. иконъ, шли митрополиты, архіепископы, епископы архимандриты, игумены, соборіане и весь священническій чинъ, по степенямъ, младшіе впереди, всѣ въ богатѣйшемъ облаченіи. Однихъ приходскихъ священниковъ бывало до трехсотъ и до двухсотъ дьяконовъ. Потомъ начиналось шествіе государя, открываемое обыкновенно нижними чинами, по три человѣка въ рядъ. Впереди шли дьяки разныхъ приказовъ и всѣ тѣ чиновники, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники, въ *золотыхъ*, т. е. золотныхъ кафтанахъ; далѣе ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ шубахъ. Вслѣдъ за этимъ шель постельничій съ *царскою стряпнею*. Впереди его человѣкъ двѣнадцать стряпчихъ несли государево платье, которое царь перемѣнялъ обыкновенно на іордани. Одинъ несъ посохъ, другой шапку, третій зипунъ, четвертый кафтанъ, пятый шубу и т. д. Кромѣ этого перемѣнаго платья, трое стряпчихъ несли на іорданъ царское полотенце, подножіе и стулъ или собственно кресла, а иногда, во время непогоды, солношникъ или балдахинъ. Государь шествовалъ въ большомъ *царскомъ нарядѣ*. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго становаго кафтана, на немъ было царское *платье*, изъ дорогой золотной матеріи, съ жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоценными каменьями. Царскій вѣнецъ, называвшійся, по соболиной опушкѣ, царскою шапкой, блестялъ драгоценными каменьями: алмазами, изумрудами яхонтами. Плечи государя покрывала богатая *діадыма*, именуемая обыкновенно въ чинѣ царскаго вѣчанія *бармами*; на груди на золотой цѣпи былъ крестъ Животворящаго Древа, а иногда золотой крестъ со Спасовою Ризою. Въ правой рукѣ государя былъ жезлъ, богато украшенный золотомъ и каменьями. Наконецъ, бархатные или сафьянные башмаки государя были также богато унизаны жемчугомъ. Подъ руки государя поддерживали обыкновенно двое стольниковъ, изъ ближнихъ людей. Около шли бояре и думные дворяне въ богатѣйшихъ шубахъ, въ богатыхъ горлатныхъ шапкахъ. За ними шель окольничій, а по обѣ стороны царскаго пути шли стрѣлцкіе полковники въ бархатныхъ и обьяривныхъ ферезахъ и въ турецкихъ кафтанахъ: они *оберегали государское шествіе отъ утѣсненія нижнихъ чиновъ людей*. Потомъ слѣдовали гости въ золотныхъ кафтанахъ и наконецъ приказные и иныхъ чиновъ люди и народъ. Подлѣ всего этого шествія, съ обѣихъ сторонъ шло 150 или 200 человѣкъ стрѣльцовъ. Совершеніе обряда освященія воды происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала духовныя власти и соборіане подходили къ государю и патріарху, по степенямъ, по двое въ рядъ, и кланялись. Потомъ патріархъ раздавалъ всѣмъ свѣчи, начиная съ государя, и совершалъ *дѣйство* по чину. Въ то время, какъ онъ погружалъ въ воду животворящій крестъ, начальные люди всѣхъ полковъ и знаменщики съ знаменами подступали къ іордани, для окропленія знаменъ св. водою. Послѣ погруженія креста, патріархъ серебрянымъ ведромъ черпалъ воду изъ іордани и отдавалъ ключарю; потомъ онъ наполнялъ также св. водою государеву *стопу*, которую относили во дворецъ и окропляли тамъ всѣ комнаты и иконы. Послѣ этого патріархъ трижды осѣнялъ государя крестомъ, кропилъ св. водою и поздравлялъ съ торжествомъ. Государь, вмѣстѣ со всѣмъ синклитомъ, прикладывался ко кресту, поздравлялъ патріарха, потомъ принималъ поздравленія отъ духовенства, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, причемъ одинъ изъ первосте-

пленных бояръ говорили поздравительную рѣчь. Послѣ того два архимандрита кропили знамена и войско, стоявшее на Москвѣ-рѣкѣ. Крестный ходъ возвращался въ томъ же торжественномъ порядкѣ. Если ходъ бывалъ до обѣдни, то съ іордани государь иногда ѣзжалъ къ обѣднѣ на Троицкое подворье, гдѣ была церковь Богоявленія; въ противномъ случаѣ, онъ возвращался съ ходомъ въ Успенскій соборъ и, отслушавъ тамъ молебень или отпускную молитву, шествовалъ во дворецъ. Съ подобною же торжественностью отправлялись выходы въ новый годъ (1 сентября), въ Рождество, въ Вербное воскресенье, на Пасху, на Масляницу.

ХСѢ. О ЖИТІИ БОЯРЬ И БЛИЖНИХЪ И ИНЫХЪ ЧИНОВЪ ЛЮДЕЙ.

(Изъ соч. Котошигина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).

1. Бояре и ближніе люди живутъ въ домахъ своихъ, въ каменныхъ и въ деревянныхъ, безъ великаго устройства и призранія; и живутъ съ женами своими и съ дѣтьми своими покоями. Да у нихъ же, большихъ, не у многихъ, бояръ, учинены на дворахъ церкви, а у которыхъ церквей нѣтъ, и они, большихъ и среднихъ статей бояре, которыми повелѣнно держать въ домахъ своихъ поповъ, заутреню и часы, и молебень, и вечерню отправляютъ у себя въ своихъ хоромѣхъ, а у обѣдни бываютъ въ церквахъ, кто гдѣ прихождъ, или гдѣ захочетъ; а въ домахъ у нихъ, кромѣ церквей, обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ бояре и ближніе люди попомъ помѣсячный кормъ и ѣства и питье, а вдовы попы ѣдятъ съ боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось.

2. А въ которые дни бываютъ праздники Господскіе, или иные нарочитые, именинные, родильные и крестильные дни, и въ тѣ дни другъ съ другомъ пиршествуютъ, почасту.

Ѣствы-жъ обычай готовить попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару и безъ перцу, инбирю и иныхъ способовъ, малосольны и безвкусны. А какъ начнутъ ѣсть, и въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иные кушанія приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой ѣствѣ мало уксусу и соли и перцу. и въ тѣ ѣствы прибавляютъ на столъ; а бываетъ всякихъ ѣствъ по 50 и по 100.

Обычай же таковой есть: передъ обѣдомъ велятъ выходить къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостямъ придутъ, станутъ въ палатѣ или въ избѣ, гдѣ гостямъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостямъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дома бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю, чтобы гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости одинъ по одному кланяются женамъ ихъ въ землю и цѣлуютъ и, поцѣловавъ и отойдя, также кланяются въ землю; а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостямъ малымъ обычаемъ; потомъ того господина жена начнетъ подносить гостямъ по

чаркѣ вина двойнаго, или тройнаго съ зельями (травами), величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря или немного больше, и господинъ начнетъ бить челомъ гостямъ и кланяется въ землю же, сколько тѣхъ гостей ни будетъ — всякому по поклону, чтобы они изволили у жены его пить вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пить напередъ вино женѣ своей, потомъ пьеть самъ и подноситъ гостямъ, и гости, передъ питьемъ вина и выпивъ и отдавъ чарку назадъ, кланяются въ землю же; а кто вина не пьеть, и ему вмѣсто вина романен, или ренскаго, или инаго питья по кубку; и послѣ питья того господина жена, поклонясь гостямъ, поидетъ въ свои покои къ гостямъ же, къ боярынямъ, тѣхъ гостей женамъ. А жена того господина и тѣхъ гостей жены съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые близкіе родственники, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ и въ обѣдъ, за всякою ѣтвою, господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романену, и ренское, и пива, приправленныхъ и простыхъ, и меды разные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ жены сыновей того господина, или дочери замужнія, или иныхъ родственниковъ жены, и тѣ гости, вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ, тѣмъ женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ также кланяются и бьютъ челомъ, чтобы гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости, цѣловавъ тѣхъ женъ и пивъ вино, садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ попрежнему туда, гдѣ сперва были. А своихъ дочерей дѣвицъ къ гостямъ не выводить и не показываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, послѣ обѣда господинъ и гости веселятся и пьютъ за здоровье другъ друга, пока не разѣдутся по домамъ. Такимъ же образомъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужскаго полу у нихъ не бываетъ никого.

3. А случится которому боярину и ближнему человѣку женить своего сына, или самому, или брата и племянника женить, или дочь, или сестру и племянницу выдать замужъ, то они, межъ себя свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу той невѣсты, или къ матери, или къ брату, говорить друзей своихъ мужчинъ или женщинъ. Посланные говорить, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорить и спросить, ежели онъ захочетъ свою дочь или иного кого выдать замужъ за него самого, или за инаго кого, и что будетъ за тою дѣвицею приданаго платьемъ и деньгами, и вотчинами, и дворовыми людьми. И тотъ человѣкъ, если хочетъ дочь свою, или инаго кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и сродичами, а подумавъ дастъ отвѣтъ, когда можно; а если дать за него не хочетъ, зная что онъ пьяница, или сумасбродъ, или иной какой дурной обычай за нимъ знаетъ, и тѣмъ людямъ откажетъ, что ему дать за такого человѣка не можно, или чѣмъ-нибудь отговорится и откажетъ.

А если умыслить за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ, то онъ, изготова роспись, сколько за тою дѣвицею дастъ приданаго, денегъ и серебряной и иной посуды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей, пошлетъ къ тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а

тѣ люди передадутъ жениху; а дочери или кого-нибудь, о томъ не скажутъ, и она не вѣдаетъ ничего до замужества своего. И если тому жениху по тому приданому та невѣста полюбится, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери говорить, черезъ ихъ же людей, чтобы они ему ту невѣсту показали; а какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о томъ начать, то отецъ или мать невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать рады, только не ему, самому жениху, а отцу или матери, или сестрѣ, или родственницѣ, кому онъ, женихъ, самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрѣть мать свою или сестру, на который день приговорять. И той невѣсты отецъ и мать къ тому дню готовятся, невѣсту нарядаютъ въ доброе платье, созовутъ гостей, родственниковъ и посадятъ ту невѣсту за столъ; а какъ та смотрильщица придетъ, и ее, честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ невѣсты. Сидя за столомъ, за обѣдомъ, смотрильщица съ невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, испытывая ея умъ и рѣчь, и всматривается въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобы сказать, пріѣхавъ къ жениху, какова она есть; и побывъ мало-ли, много-ли времени, она ѣдетъ къ жениху. И если той смотрильщицѣ та невѣста не полюбится, и она скажетъ жениху, чтобы онъ къ ней не сватался, что она глупа, или на лицо дурна, или на очи недобра, или хрома, или косноязычна, и женихъ отъ той невѣсты отстанетъ прочь и свататься не станетъ; а если та невѣста полюбила, и скажетъ смотрильщица жениху, что добра и разумна и рѣчью и всѣмъ исполнена, женихъ посылаетъ къ невѣстину отцу и матери тѣхъ же первыхъ людей съ заявлениемъ, что онъ ту невѣсту излюбилъ, и хочетъ учинить сговоръ и записи написать, что ему на ней жениться на постановленный срокъ, и что они ту невѣсту также выдадутъ за него на тотъ-же срокъ. И той невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людьми къ жениху, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ для сговору съ немногими людьми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, такого-то дня до обѣда или послѣ обѣда. И женихъ, дождавшись того дня, нарядясь съ отцомъ своимъ, или сродичами, или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ къ невѣстину отцу или матери; пріѣхавшаго невѣстинъ отецъ и родственники встрѣчаютъ и честь воздадутъ, какъ слѣдуетъ, и идутъ въ хоромы и садятся по чину; а посидѣвъ, начнетъ говорить жениха отецъ или иной родственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дома своего отвѣчаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣихъ сторонъ, начнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положить свадьбѣ срокъ, какъ кому можно къ тому времени изготovitъся, за недѣлю и за мѣсяцъ и за полгода и за годъ и больше; и начнутъ между собою писать въ записяхъ своихъ имена, и третьихъ (посредниковъ), и невѣстину, а напишутъ, что ему по сговору ту невѣсту взять на прямой установленный срокъ, непременно, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ, непременно; и положить въ томъ письмѣ межъ собою уговоръ, если женихъ на установленный срокъ дѣвицы не возьметъ, или отецъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взять на виноватомъ 1,000, 5,000 или 10,000 руб. денегъ, сколько кто напишетъ въ записи. И посидѣвъ у него въ гостяхъ, поѣвши и попивши, поѣдутъ къ себѣ, а невѣсту не показываютъ, и невѣста своего жениха не видитъ; а выходитъ въ то время ширинкою (платкомъ) дарить жениха отъ невѣсты мать, или замужняя сестра или какая родственница.

4. Если послѣ сговора женихъ провѣдаетъ про ту невѣсту, или кто со стороны, желая ту невѣсту взять за себя или за сына, нарочно разстроитъ того жениха, что она въ дѣвствѣ своемъ нечиста, или глуха, или нѣма, или увѣчна, что-нибудь худого за нею приведетъ, и тотъ человекъ той невѣсты за себя не возьметъ,—тогда невѣстинъ отецъ и мать бьютъ челомъ о томъ патриарху, что женихъ по сговору своему и по условію невѣсты въ срокъ не взялъ и взять не хочетъ, и тѣмъ ее обезчестилъ; если той невѣсты отецъ и мать, провѣдавъ про того жениха, что онъ пьяница, или игрокъ, или уродливъ, или что-нибудь свѣдавъ худое, за него не выдаютъ и выдать не хотятъ, тогда женихъ бьетъ челомъ о томъ патриарху. И патриархъ велитъ то изслѣдовать, и на виноватомъ возьмутъ зарядъ (неустойку), сколько въ записи написано, и отдадутъ правому жениху или невѣстѣ; а послѣ того вольно ему жениться на комъ хочетъ, или невѣсту вольно выдать, за кого хотѣть-же.

5. А если съ обѣихъ сторонъ противъ писемъ своихъ исполнять и къ свадьбѣ изготоятся въ установленный срокъ, женихъ созываетъ къ себѣ на свадьбу родственниковъ и чужихъ людей, кто кому друженъ, въ чиновные люди и въ сидачіе бояре и боярыни (т.-е. свадебные чины, участвующіе и не участвующіе на свадебныхъ поѣздахъ); также и съ невѣстиной стороны созываютъ гостей такимъ-же образомъ. И въ тотъ день, въ который быть свадьбѣ, готовить у жениха и у невѣсты столъ и посылаютъ приглашенія, что ужъ жениху пора ѣхать за невѣстой, и они поѣдутъ по чину: напередъ несутъ коровайники, хлѣбъ на носикахъ, потомъ ѣдутъ глѣтомъ на лошадахъ верхами, а зимою въ саняхъ попъ съ крестомъ, потомъ бояре, тысяцкій и женихъ; а пріѣхавъ къ невѣстѣ на дворъ, идутъ въ хоромы, по чину, и невѣстинъ отецъ и гости встрѣчаютъ ихъ съ честью. А какъ будетъ имъ время ѣхать къ вѣнчанію, и дружки у отца и у матери новобрачной спрашиваютъ, чтобъ они новобрачного и новобрачную благословили ѣхать къ вѣнчанію, и они благословляютъ ихъ словомъ, а на отпущѣ отецъ и мать благословляютъ жениха и невѣсту образами, а потомъ, взявъ свою дочь за руку, отдадутъ жениху въ руки. И потомъ свадебный чинъ и попъ, и женихъ съ невѣстою вмѣстѣ, взявъ ее за руку, идутъ изъ хоромъ вонъ, а отецъ, мать и гости ихъ провожаютъ на дворъ, а женихъ, посадивъ невѣсту въ колымагу или въ возокъ, садится на лошадь или въ сани, также и весь свадебный чинъ, и ѣдутъ со двора къ той церкви, гдѣ вѣнчаться, а отецъ невѣстинъ и гости идутъ назадъ въ хоромы и пьютъ и ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока будетъ отъ жениха вѣсть; а провожаетъ невѣсту только одна сваха ея, да женихова другая. Послѣ вѣнчанія ѣдутъ со всѣмъ поѣздомъ къ жениху на дворъ, и посылаютъ къ женихову отцу съ вѣстью, что вѣнчались въ добромъ здоровьѣ. И какъ пріѣдутъ къ жениху на дворъ, и ихъ жениховъ отецъ и мать и гости встрѣчаютъ, и отецъ и мать родные, и посаженные, жениха и невѣсту благословляютъ образами и подносятъ хлѣбъ да соль, и потомъ садятся за столы и начнутъ ѣсть, по чину; и въ то время невѣсту откроютъ. Послѣ третьей ѣствы (кушанья) дружки благословляются у отца и у матери новобрачному и новобрачной идти опочивать, и они ихъ благословляютъ; и отпусти и проводивъ, пойдутъ назадъ и начнутъ ѣсть и пить по прежнему. Передъ разѣздомъ гости справляются о здоровьѣ жениха и невѣсты, пьютъ задравныя чаши и

посылають къ невѣстѣннымъ родителямъ сказать, что женихъ и невѣста въ добромъ здоровьѣ, и потомъ всѣ гости разъѣзжаются.

6. А на утро женихъ ѣздитъ съ дружкой созывать къ себѣ гостей, къ обѣду, своихъ и невѣстѣнныхъ. А прїѣхавъ къ невѣстину отцу и матери, бьетъ челомъ имъ за то, что они дочь свою вспоили и вскормили и замужъ выдали, и, созвавъ гостей, поѣдетъ къ себѣ домой. А какъ къ нему гости всѣ съѣдутся, и ~~необращая~~ ~~свадебнымъ~~ чиновнымъ людямъ подносятъ дары. И передъ обѣдомъ онъ, женихъ, ~~ѣздитъ со всѣми~~ поѣздомъ челомъ ударить къ царю. А какъ прїѣдутъ и войдутъ въ палату къ царю, всѣ кланяются въ землю, а царь въ то время сидитъ и спрашиваетъ про женихово и невѣстино здоровье, сидя въ шапкѣ; и женихъ кланяется въ землю; и потомъ царь поздравляетъ ихъ съ законнымъ бракомъ и благославляетъ жениха и невѣсту образами окладными, и даетъ жалованье по сороку соболей да на платье по куску бархату и атласу и объяри золотой, и по куску же атласу, и камки, и тафты простой, да по сосуду серебряному вѣсомъ фунта по полтора, или по два сосуда. А невѣста сама у царя не бываетъ. Подаетъ царь тысяцкому и свадебному чину питья по кубку романей, а потомъ по ковшу меду вишневаго, а какъ они выпьютъ, царь отпустить ихъ къ себѣ домой. А прїѣхавъ домой, женихъ со всѣми гостями начнутъ ѣсть и пить, а послѣ ѣды мать и гости благославляютъ жениха и невѣсту образами и дарятъ, у кого что прилучилось, и поѣвши и попивши, разъѣзжаются по домамъ. А на третій день бываетъ женихъ и невѣста и гости у невѣстина отца и матери, со всѣми своими гостями, на обѣдъ, и послѣ обѣда невѣстинъ отецъ и мать и гости также дарятъ жениха и невѣсту; и поѣвши и попивши, разъѣдутся по домамъ; больше того у нихъ веселья не бываетъ.

Въ то время, какъ женихъ бываетъ у царя, невѣста отъ себя посылаетъ къ царицѣ и къ царевнамъ дары, убрусы (полотенца) тафтяные, шитые золотомъ и серебромъ съ жемчугомъ; и у нихъ тѣ дары царица и царевны принимаютъ и посылають отъ себя спрашивать невѣсту о здоровьѣ.

А на свадьбахъ дѣвицъ и музыки никакой не бываетъ, кромѣ того что въ трубы трубятъ и бьютъ въ литавры.

Тоже бываетъ, когда кто дочь свою вдову, или дѣвицу сестру и племянницу, выдаетъ замужъ: и свадебный чинъ и свадебный пиръ бываютъ такимъ же образомъ.

7. Такимъ же образомъ свадебные сговоры и свадьба, и чинъ у стольниковъ, у стряпчихъ, у дворянъ и у иныхъ людей бываетъ, какъ выше сего писано, и какъ кто можетъ по силѣ своей славную и честную свадьбу учинить; но ѣздить къ царю челомъ ударить только одни думные люди и спальники и ихъ дѣти самыхъ большихъ родовъ.

Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываютъ въ томъ же порядкѣ во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ разнятся, смотря по состоянію.

А въ домахъ они своихъ живутъ также, кто какой части и чиномъ, безъ великаго устроения. И самымъ меньшимъ чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ не можно, потому что говорятъ о нихъ, что богатство многое имѣють, и ежели построятся домомъ какой приказный человекъ, оболгутъ царю и многія кривды учинять, что будто онъ былъ

взяточникъ и злоиматель, царской казны не берегъ, или казну воровски красть, и отъ того злаго слова тому человѣку и не во время будетъ болѣзнь и печаль; или ненависть, его пошлютъ на иную царскую службу, котораго дѣла ему исправить не можно, и навазъ ему напишутъ такой, что онъ изъ него выразумѣть не умѣетъ, и посему службою прослужится (провинится), и ему бываетъ наказаніе: домъ, имущество и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ тому, кто хочетъ купить. А если торговый человѣкъ и крестьянинъ построятся добрымъ обычаемъ, и на него положить на всякій годъ податей больше. И оттого Московскаго государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, а города и слободы безъ устроения же.

10. А если у котораго отца или матери есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очами, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ, красотою и рѣчью исполнены (исправны) и во всемъ здоровы; и если кто начнетъ свататься у того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрѣть мать свою или сестру и кому вѣрять, и тѣ люди вмѣсто той своей увѣчной дочери, назвавъ именемъ той дочери, за которую, не зная, начать свататься, показываютъ другую или третью дочь, и та присланная, видѣвъ, излюбить ту дѣвицу и скажетъ жениху, что она добра и жениться ему на ней можно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ и о свадьбѣ у нихъ съ отцемъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицы жениться на срокъ, а тому человѣку ту свою дѣвицу за него выдать на тотъ же установленный срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ неустойки великія; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, имя которой въ записяхъ напишутъ, а не ту, которую сперва смотрѣльщицы показывали, и тотъ человѣкъ, женися на ней, того дня въ лицо ее не усмотритъ, что она слѣпа, или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому что въ ту свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также если хрома и руками увѣчна и того также не узнаетъ, потому что въ то время ее водятъ свахи подъ руки, а какъ послѣ вѣнчанія увидитъ, что добръ (очень) добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться,—и задумаетъ учинить надъ нею, чтобы она постриглась; а если по доброй волѣ сего не сдѣлаетъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески до тѣхъ поръ, пока она захочетъ постричься сама. И если которая жена бываетъ противна, побоевъ его и мученія не терпитъ, жалуется сродичамъ своимъ, что мужъ живетъ съ нею не въ совѣтѣ и бьетъ и мучитъ, и тѣ сродичи на того человѣка бьютъ челомъ патріарху или большимъ властямъ, и по тому челобитію власти велѣтъ разслѣдовать дѣло, допросить дворовыхъ и сосѣдей: и если правда, то того человѣка сошлютъ въ смиреніе, въ монастырь, на полгода или на годъ, а жена его останется въ домѣ; и какъ урочные мѣсяцы въ монастырѣ отсидитъ, или до того времени жена обѣ нежъ начнетъ бить челомъ, чтобы былъ освобожденъ, и его освободятъ и велѣтъ ему жить съ нею по закону; а если и того не послушаетъ, ихъ разведутъ, и имѣнье ихъ имъ раздѣлять пополамъ, и до семи лѣтъ имъ одному жениться на другой, а другой за иного идти замужъ не позволено. А иногда человѣкъ, видя свою жену увѣчную или несовѣтливую, отступя отъ нея, самъ пострижется; иные мужья и жены больше того дѣлаютъ: прибѣгаютъ къ отравамъ.

11. А котораго человѣка обмануть; выдадутъ за него дѣвицу не ту, которую показывали смотрильщицѣ, бьютъ онъ челомъ о томъ патриарху и властямъ: и по его челобитью возьмутъ у нихъ зарядныя записи и допрашиваютъ сосѣдей и дворовыхъ людей по душамъ, что впрямъ ли выдана та, которая въ записи стоитъ именемъ? И если та, и потому такъ и быть противъ записей, и что скажутъ люди, а тому не вѣрять, которую смотрѣлъ, для того что, не провѣдавъ подлинно, не женися; а если сосѣди и сторонніе и дворовые люди скажутъ, что выдалъ дочь свою не ту, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену разведутъ, да и съ того, кто неправдою выдалъ, возьмутъ пеню большую и убытки жениховы, да его же за такое воровство бьютъ кнутомъ, или еще подчасъ бываетъ больше того, каково полюбится царю.

12. Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ тѣмъ-нибудь худымъ, и вмѣсто нея обманомъ показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А если которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ нее подставляютъ стулья, чтобы казалась добродородна, а на чемъ стоитъ, того не выдать.

13. А которыя дѣвицы бываютъ увѣчны и стары, и замужъ ихъ взять за себя никто не хочетъ, такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ, безъ замужества.

14. А который человѣкъ женихъ захочетъ смотрѣть невѣсту самъ, и по его прошенію, отецъ или мать, вѣдая дочь свою, что ее передъ людьми показать не въ стыдъ, покажутъ тому жениху; и тотъ женихъ смотритъ на ту невѣсту, а послѣ того ему не полюбятся, и ту невѣсту начнетъ хулить и поносить худыми и позорными словами, и другихъ жениховъ начнетъ отбивать отъ нея прочь, и той невѣсты отецъ или мать, или кто-нибудь, провѣдавъ о томъ, начнетъ о томъ бить челомъ патриарху или властямъ, что тотъ человѣкъ невѣсту ихъ смотрѣлъ самъ, а послѣ ее хулить и безчестить и другихъ людей отбиваетъ, чтобы о томъ они указъ чинили. И по изслѣдованіи патриархъ и власти, смотря по тому, кто хулилъ и безчестилъ невѣсту, велятъ женить его на ней насильно, а если онъ женится до того челобитья на иной, той невѣстѣ возьмутъ безчестіе, по указу.

15. А который человѣкъ выдастъ дочь свою или сестру замужъ и въ приданое за нею дастъ много имущества и вотчины, и въ скоромъ времени дочь его или сестра замужемъ, не родя дѣтей, или хотя дѣтей и родила, а померли, умереть, то все приданое берутъ у мужа ея и отдадутъ назадъ тѣмъ людямъ, кто выдалъ. А если по смерти ея останется дочь или сынъ, и у мужа ея ради дѣтей имущества не отбираютъ.

Благоразумный читатель! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого обмана на дѣвокъ нѣтъ, какъ въ Московскомъ государствѣ: а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрѣть и уговариваться съ невѣстою предварительно самому.

16. Да бояре же и думные, и ближніе люди въ домахъ своихъ держатъ людей, мужичинъ и женщинъ, человѣкъ по 100 и по 200, и по 300, и по 500, и по 1,000, сколько кому можно, смотря по своей чести и по имуществу; и даютъ тѣмъ людямъ жалованье погодное, женатымъ рубля по 2, по 3, по 5, по 10, смотря по человѣку и по службѣ ихъ, да имъ же платье, какое случится, хлѣбъ и всякій харчъ помѣсячно; и живутъ

они своими покоями на томъ же боярскомъ дворѣ. Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылають бояре погодно въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказамъ, по переѣздамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ брать жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться. А холостымъ людямъ, большихъ статей, дають жалованье денежное по немногу, а меньшей статьи жалованья не дается, да имъ же холостымъ дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и сапоги; и живутъ тѣ холостые люди большихъ статей въ нижнихъ дальнихъ покояхъ, и пьютъ и ѣдятъ въ боярской поварнѣ; да имъ же во всѣ праздничные дни дается по двѣ чарки вина. А женщины, вдовы, живутъ въ своихъ мужнихъ домахъ, и дается имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ; а иные вдовы и дѣвицы живутъ у женъ ихъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и дають имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ съ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они, бояре, замужъ, съ придаваемъ, за своихъ дворовыхъ людей, кого кто излюбитъ, или, иногда бываетъ, выдаютъ неволею; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромѣхъ, какъ чинъ повелся всякаго чину людямъ жениться; а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужчины и женщины, вѣчные (рабы) и кабальные (находящіеся въ рабахъ по договору). Да въ домахъ ихъ боярскихъ учинены приказы для всякихъ домовыхъ дѣлъ и приходовъ, и расходовъ, и для сыску и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ.

Такимъ же обычаемъ и иныхъ чиновъ люди въ домахъ своихъ людей держать, кому сколько прокормить можно, вѣчныхъ и кабальныхъ; а не кабальныхъ людей въ домахъ своихъ держать не велѣно никому.

ХСѢ. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

(Изъ ст. Буляева: «Служилые люди въ Московскомъ государствѣ», помѣщ. въ «Московскомъ Сборникѣ»).

По свидѣтельству договорной грамоты в. кн. Симеона Ивановича съ братьями (1341), вторымъ классомъ служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ были вольные слуги. При томъ изъ этой грамоты видно, во-1-хъ, что слуги, какъ и бояре, могли переходить отъ одного князя къ другому, и князья по русскому народному праву того времени обязывались не держать за это нелюбья и не посягать на чужихъ слугъ, но блюсти, какъ и своихъ; во-2-хъ, что слуги, какъ и бояре, могли покупать села и другія недвижимыя имѣнія; въ-3-хъ, что слуги раздѣлялись на свободныхъ и несвободныхъ; къ первымъ относились тѣ, которые бывали въ кормленіи и доходѣ, т. е., которымъ поручались въ управленіе области съ правомъ пользоваться доходами; а ко вторымъ—тѣ, которымъ назначались отъ князя должности безъ права переѣзжать службу. Такимъ образомъ изъ этой грамоты мы ясно видимъ, что вольные слуги наравнѣ съ боярами пользовались правомъ свободного перехода отъ одного князя къ другому, правомъ владѣнія недвижимыми имѣніями на условіяхъ собственности и правомъ занимать разныя правительственныя должности съ опредѣленными отъ нихъ доходами.

Но всё эти указанія намъ еще не объясняютъ, кто именно причислялся къ этому разряду служилыхъ людей, и какое было различіе между слугами и боярами; въ другихъ московскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ тоже нѣтъ объясненія. Поэтому необходимо прибѣгнуть къ грамотамъ другихъ княженій, ибо вольные слуги въ древности были у всѣхъ русскихъ князей. Въ этомъ случаѣ намъ нѣкоторымъ образомъ могутъ помочь договорныя грамоты Новгорода съ тверскими князьями. Изъ всѣхъ этихъ грамотъ мы видимъ, что въ іерархіи служебныхъ лицъ рядомъ съ боярами стоятъ дворяне точно такъ же, какъ въ московскихъ грамотахъ слуги; слѣдовательно, почти можемъ допустить, что «слуги» (т. е. вольные) и дворяне въ XIII—XV вѣкахъ были одно и то-же. И такъ какъ въ упомянутыхъ новгородскихъ грамотахъ вездѣ дворяне являются только низшими служебными лицами, т. е. сборщиками податей и пошлинъ, рассыльщиками и служителями при судьяхъ, то изъ этого можно заключить, что дворяне, или слуги, пользуясь одинакими правами съ боярами относительно свободы перехода изъ службы отъ одного князя къ другому и относительно владѣнія недвижимыми имѣніями, въ отношеніи къ самой службѣ были на низшей степени противъ бояръ и могли занимать должности только второстепенныя. Далѣе въ другихъ новгородскихъ грамотахъ вездѣ вмѣсто дворянъ поставлены слуги. Такъ и въ договорной грамотѣ съ кн. Ярославомъ Ярославичемъ писанной въ 1270 г., сказано: «А въ Бѣжичахъ тебѣ, княже, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ боярамъ, ни твоимъ слугамъ селъ не держати, не купити, не даромъ пріимати, и по всей волости Новгородской». Такимъ образомъ ясно, что подъ именемъ вольныхъ слугъ, упоминаемыхъ въ древнихъ московскихъ грамотахъ, должно разумѣть дворянъ, что дворяне и слуги въ то время были сановниками. Но очевидно, что этихъ дворянъ нельзя принимать заодно съ дворянами царя Ивана Васильевича послѣ 1566 г., когда этимъ именемъ стали называть высшее служебное сословіе; дворяне XIII—XV вѣковъ, даже до половины XVI, составляли именно то самое сословіе, которое послѣ 1566 года получило названіе боярскихъ дѣтей, т. е. къ нему принадлежали древніе лѣтописные дѣтскіе, отроки и другіе свободные княжескіе служители низшихъ степеней, извѣстные подъ названіемъ младшей дружины.

Изъ единогласнаго свидѣтельства официальныхъ памятниковъ и лѣтописныхъ извѣстій видно, что въ Московскомъ государствѣ второй классъ служилыхъ людей составляли вольные слуги, которые въ древности, у кievскихъ и другихъ князей, вообще назывались младшею дружиною, молодью и состояли изъ княжихъ отроковъ, дѣтскихъ, мечниковъ и гридней; эти же вольные слуги въ XIII, XIV, XV и до половины XVI вѣка назывались еще дворянами, какъ въ московскихъ владѣніяхъ, такъ и въ другихъ русскихъ княжествахъ; а съ 1566 г. въ Московскомъ государствѣ ихъ стали называть дѣтскими боярскими, названіе же дворянъ перешло къ высшему классу служилыхъ людей, которые до 1433 г. назывались боярами, а потомъ боярскими дѣтскими.

Этотъ второй классъ служилыхъ людей, подобно первому, долженъ былъ участвовать во всѣхъ родахъ государственной службы. Впрочемъ, военная служба этого класса не могла равняться со службою лицъ перваго класса: они не были главными воеводами и начальниками полковъ; это доказываютъ слова боярскихъ дѣтей въ соборномъ приговорѣ 1566 г.

«А мы, государевы холопы, служилые люди, намъ какъ государь велитъ; и мы, холопы его, на государево дѣло готовы». Это прямо голосъ людей, не имѣющихъ высшаго значенія въ службѣ, простыхъ воиновъ и много-много сотенныхъ головъ, каковыми точно и являются боярскія дѣти, по свидѣтельству разныхъ памятниковъ. По другимъ службамъ мы видимъ боярскихъ дѣтей разсыльщиками при разныхъ приказахъ и дѣачихъ избахъ, также приставами при заставахъ, приставами при перевозахъ. Въ одной отпискѣ къ тобольскимъ воеводамъ 1640 г. сынъ боярскій значится сборщикомъ ясака. Дѣти боярскія также выбирались въ губные старосты, городовые прикащики, ямскіе стройщики и другія подобныя должности. Прежніе дворяне, или позднѣйшія дѣти боярскія, бывали конюхами, псарями, тенетчиками, рѣшеточными прикащиками. Такимъ образомъ древніе слуги и дворяне, или позднѣйшія дѣти боярскія, во всѣхъ родахъ службы могли занимать только незначительныя должности; но, конечно, имъ не былъ загражденъ путь къ возвышенію, ибо они могли переходить въ высшій классъ служилыхъ людей, и тогда имъ открывалась возможность занимать и высшія должности. Переходъ въ высшій классъ приобрѣтался службою, а служба обыкновенно соразмѣрялась болѣе или менѣе съ состояніемъ служащаго: кто имѣлъ болѣе средствъ, тотъ могъ лучше и служить, ибо, по правиламъ старой московской администраціи, время отъ времени составлялись разборные списки служилыхъ людей: въ этихъ спискахъ отмѣчалось, за кѣмъ какое имѣніе и какъ кто коненъ, люденъ и оруженъ можетъ явиться на дѣйствительную службу. Смотря по спискамъ, служилые люди верстались въ высшія или низшія статьи.

Въ отношеніи къ правамъ состоянія, помимо государственной службы, древніе слуги и дворяне, или позднѣйшія дѣти боярскія, имѣли почти одинаковыя права съ боярами: они могли переходить изъ службы одного князя къ другому; слуги, или дворяне, подобно боярамъ, могли имѣть вотчины въ разныхъ княжествахъ, даже не у тѣхъ князей, у которыхъ они служатъ; слуги, также какъ и бояре, пользовались доходами отъ получаемыхъ должностей, или, по старинному выраженію, кормленьемъ, а также получали отъ князей помѣстья за службу; слуги, какъ и бояре, съ своихъ имѣній обязывались платить подати, чему свидѣтельствомъ служатъ выраженія договорныхъ княжескихъ грамотъ: «А кто иметъ жити моихъ бояръ и слугъ, и моихъ дѣтей въ моемъ удѣлѣ, и тебѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ»; слуги, какъ и бояре, платя дань и подлежа суду по землѣ и по водѣ, т. е. по своимъ имѣніямъ, въ отношеніи къ своимъ домашнимъ распоряженіямъ были совершенно изъяты отъ вмѣшательства своихъ князей; князья въ своихъ договорныхъ грамотахъ объ этомъ предметѣ говорятъ прямо и ясно: «А боярамъ и слугамъ межѣ насъ вольнымъ воля; а дома имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати, а судомъ и данью потянуть по землѣ и водѣ». Такимъ образомъ древніе слуги или дворяне, а позднѣйшія дѣти боярскія, въ отношеніи къ правамъ состоянія были совершенно равны съ боярами; вся разница состояла, кажется, въ богатствѣ и знатности послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе они составляли два класса служилыхъ людей, которые никогда не сливались въ одинъ и во всѣхъ древнихъ памятникахъ постоянно различаются другъ отъ друга; такъ, въ лѣтописяхъ первый классъ постоянно называется старшею дружиною, а

второй—молодшею; въ актахъ XIII, XIV, XV и до половины XVI столѣтій первому классу вездѣ приписывается имя боярь, а второму классу имя слугъ, или дворянъ, и наконецъ съ 1566 г. во всѣхъ актахъ постоянно встрѣчаемъ за первымъ классомъ названіе дворянъ, а за вторымъ боярскихъ дѣтей. Но, конечно, и тотъ, и другой классъ составляли одно служилое сословіе свободныхъ людей, т. е. такихъ, которые вступали первоначально въ службу князей по собственной волѣ и тѣмъ рѣзко отличались отъ сословія другихъ служилыхъ людей, которые поступали въ службу по распоряженію правительства, по прибору, какъ тогда выражались на языкѣ официальныхъ бумагъ, каковы, напримѣръ, были стрѣльцы, воротники, пушкаріи, латники и др., которыхъ прибирали или набирали изъ всѣхъ сословій.

Историческое положеніе, или судьба, слугъ и дворянъ подвергалась измѣненіямъ, какъ и судьба боярь; слуги или дворяне прежде составляли дворъ князя, его младшую дружину, сопровождали князя на войнѣ, дрались подлѣ князя своимъ полкомъ, или посылались княземъ на войну подъ начальствомъ боярь и воеводъ, содержали караулъ въ дѣтинцахъ и острогахъ по городамъ, исправляли разныя должности при дворѣ князя, посылались княземъ по городамъ и волостямъ для сбора податей и по другимъ дѣламъ управленія, и, пока еще оставались на Руси удѣлы, они могли переходить изъ службы одного князя къ другому. Потомъ, когда в. кн. московскіе сдѣлались государами всей Руси, когда удѣлы уничтожились и дружинная служба слилась съ земскою, то служба собственно при государѣ мало-по-малу перешла къ высшему классу служилыхъ людей; слуги же, или дворяне, подъ именемъ дѣтей боярскихъ и помѣщиковъ, разсылались по городамъ и ихъ уѣздамъ, гдѣ стали нести собственно городовую службу, по тогдашнему выраженію, съ городомъ, и во время военныхъ походовъ составляли особые полки дѣтей боярскихъ; имъ предпочтительно была ввѣрена защита украинскихъ городовъ, въ уѣздахъ которыхъ они и получали помѣстья; они же преимущественно съ казаками и стрѣльцами посылались на службу въ Сибирь и другіе отдаленные края.

ХСѢ. РУССКОЕ ВОЙСКО ДО ПЕТРА I.

(Изъ «Исторіи царствованія Петра В.» Устрялова).

«У нашего великаго государя, противъ его недруговъ, рать собирается многая и несчетная, а строенія бываетъ разнаго: многія тысячи копейныхъ ротъ устроены *гусарскимъ* строемъ, другія многія тысячи, конныя, съ огненнымъ боемъ, *рейтарскимъ* строемъ; многія же тысячи съ большими мушкетами, *драгунскимъ* строемъ; а иныя *многія* тысячи *солдатскимъ* строемъ. Надъ всѣми ими поставлены начальныя люди: генералы, полковники, подполковники, майоры, капитаны, поручики, прапорщики. Сила низовая, казанская, астраханская, сибирская—тоже рать несмѣтная; а вся она конная и бьется *лучнымъ* боемъ. Татары Большаго и Малаго Ногаю, башкирцы, калмыки бьются *лучнымъ же* боемъ. Стрѣльцовъ въ одной Москвѣ, не считая городовыхъ, 40,000; а бой у нихъ *солдатскаго* строя. Казаки донскіе, терскіе, яцкіе бьются *огнен-*

и были боемъ, а запорожскіе черкасы *огненнымъ и лучнымъ*. Дворяне же государевыхъ городовъ бьются *разнымъ обычаемъ*, и лучнымъ, и огненнымъ боемъ, кто какъ умѣетъ. Въ государевомъ полку, у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, *свой обычай*: только у нихъ и бою, что аргамаки рѣзвы, да сабли остры: куда ни придутъ, никакіе полки противъ нихъ не стоятъ. То у нашего великаго государя ратное строенье».

Такъ говорилъ во Флоренціи, лѣтъ за 30 до начала царствованія Петра Великаго, русскій посланникъ стольникъ Чегодановъ юному Козмѣ Медичи, будущему герцогу, который съ любопытствомъ спрашивалъ его о царскомъ войскѣ. То же повторяли за границею и другіе наши послы, посланники, гонцы. Слушая ихъ, можно подумать, что Россія задолго до Петра имѣла не только силу несмѣтную, но и войско хорошо устроенное, регулярное. На дѣлѣ было однакожъ иное.

Царь Θεодоръ Алексѣевичъ оставилъ своимъ преемникамъ болѣе 200,000 войска, готоваго къ бою; въ томъ числѣ *строя русскаго* до 60,000, *строя иноземнаго* до 90,000: черкасъ (казаковъ) украинскихъ до 15,000; черкасъ гетманскаго полка до 50,000; кромѣ того, нѣсколько тысячъ казаковъ донскихъ, терскихъ, яицкихъ, сибирскихъ и пѣлую орду калмыковъ.

Войска русскаго и иноземнаго строя раздѣлялись на пѣхотные и конные.

Пѣхота русскаго строя состояла преимущественно изъ *стрѣльцовъ* московскихъ и городовыхъ, въ числѣ 22 полковъ, подъ начальствомъ исключительно русскихъ полковниковъ, которые обыкновенно имѣли званіе стольниковъ. Каждый полкъ заключалъ въ себѣ до 1,000 человекъ и раздѣлялся на сотни, подъ вѣдѣніемъ капитановъ. Какъ въ столицѣ, такъ и въ городахъ, стрѣльцы жили особыми слободами, получали отъ казны жалованье, землю, могли имѣть торговыя лавки, мельницы, освобождались отъ всѣхъ городскихъ повинностей, равнымъ образомъ и отъ торговыхъ пошлинъ, если торговали на сумму не свыше 50 рублей—капиталъ значительный при тогдашней дѣйности монеты. Званіе стрѣльцовъ было наследственное и переходило отъ отца къ сыну. Въ мирное время они исправляли въ своихъ городахъ обязанности гарнизонной службы и разными полицейскія должности; въ случаѣ войны выступали въ походъ, вооруженные мушкетами, саблями, бердышами; у первыхъ ротъ были, сверхъ того, копыя, оттого назывались они копейными. Каждый полкъ имѣлъ свою артиллерию, отъ 7 до 8 пищалей на станкахъ, съ извѣстныхъ числомъ *пушкарей*, которые выбирались однако не изъ стрѣльцовъ, считавшихъ званіе пушкарское для себя униженнымъ; пушкарямъ также отводилась земля или производилось денежное жалованье.

Къ пѣхотѣ русскаго строя принадлежали *городовые казаки*, служившіе съ данной имъ земли, и *люди даточные*, собираемые съ тяглыхъ и нетяглыхъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ, смотря по надобности, иногда съ 50, иногда съ 20 даже съ 3 дворовъ по человѣку, съ исправнымъ оружіемъ и достаточнымъ запасомъ продовольствія на счетъ помѣстныхъ владѣльцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли латы, шишаки, мушкеты, сабли: другіе только луки, топоры и рогатины. По окончаніи войны, всѣ они распускались по домамъ и поступали въ прежнее состояніе. Городовые

казаки и даточные люди во время походовъ оберегали обозы, строили мосты, сооружали окопы; тѣ и другіе бывали и конные; на долю сихъ послѣднихъ доставалась сторожевая и станичная служба.

Боевою конницею было дворянство, многочисленный классъ людей родословныхъ стародавнихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, изъ которыхъ многіе вели родъ свой отъ Владиміра св. Въ одномъ разрядѣ съ ними находились новокрещенные князья и мурзы татарскіе, получившіе помѣстья. Каждый городъ имѣлъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, *дворянъ и дѣтей боярскихъ*; они обыкновенно назывались по имени города, къ которому были приписаны (владимірцами, кашинцами) и раздѣлялись на три статьи: на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ. Послѣдніе занимали низшую ступень, и только за особенное отличіе или достоинство перемѣщались въ дворовый списокъ и въ выборный, т. е. получали вышіе помѣстные оклады. Царскій указъ «служить съ городомъ для знатнаго сановника» выражалъ тяжкую опалу. Изъ выборнаго списка лучшіе помѣщики и вотчинники поступали ко двору, съ званіемъ жильцовъ, въ царскіе тѣлохранители, и хотя смѣнялись обыкновенно чрезъ полгода, но уже оставались въ спискѣ московскаго чина; если же получали помѣстные оклады въ Московскомъ уѣздѣ, то приобретали званіе дворянъ московскихъ, отсюда могли перейти въ стряпчіе и стольники, т. е. въ высшій классъ царедворцевъ.

Право помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія непременно обязывало къ военной службѣ лично самихъ владѣльцевъ, за исключеніемъ, разумеется, тѣхъ, которые не могли служить по своему званію, полу, за старостью, болѣзнию, увѣчьемъ, или находились въ придворныхъ должностяхъ, на воеводствахъ, въ посольствѣхъ, въ званіи губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и т. п. Воеводы вели помѣщикамъ и вотчинникамъ *разборныя книги*, подробные списки, въ которыхъ означались прежнія службы каждаго изъ нихъ, помѣстные оклады, временныя денежныя выдачи, также сыновья взрослые и малолѣтніе, еще не отдѣленные отъ отца, и другіе свойственники, состоявшіе въ семействѣ; сверхъ того, «кто какъ люденъ, коненъ и оруженъ», т. е. съ какимъ боемъ или оружіемъ и съ какимъ числомъ людей явится на службу каждый помѣщикъ и вотчинникъ. Разборныя книги ежегодно сообщались въ Москву, въ главное вѣдомство служилыхъ людей. Разрядъ, основываясь на нихъ, время отъ времени, большею частью предъ началомъ войны, нерѣдко и по объявленіи уже разрыва, посылалъ въ уѣздъ разборщиковъ и окладчиковъ: первыхъ—для пересмотра служилыхъ людей, кто изъ нихъ годенъ къ службѣ или не годенъ; вторыхъ—для *верстанья новиковъ*, т. е. для записки въ государствену службу всѣхъ недорослей, достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста, и для назначенія имъ помѣстныхъ окладовъ.

Въ мирное время помѣщики и вотчинники, бывшіе не у дѣлъ, слѣдовательно состоявшіе въ полковой службѣ, спокойно проживали въ своихъ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ и менѣе всего думая о ратномъ дѣлѣ, пока не прискачетъ отъ воеводы посыльный стрѣлецъ съ царскимъ указомъ: «Строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить». Тутъ брались они за дѣдовскіе заржавленные доспѣхи, устраивали походный кошъ, нагружали нѣсколько возовъ, по мѣрѣ своихъ способствъ, провіантомъ (вяленнымъ и соленнымъ мясомъ, рыбою, толокномъ, гречешъ, масломъ, хлѣбомъ), снаряжали въ походъ съ собою своихъ людей, называ-

чая однихъ къ бою, другихъ въ обозъ, поджидали новаго царскаго указа, который кликнетъ ихъ въ дальній путь, съ Вологды на Украйну, съ Казани на Литву. Многие, не взирая на преклонныя лѣта, на сорокалѣтнюю службу, бодро и смѣло на ретивыхъ коняхъ спѣшили въ указное мѣсто, къ назначенному сроку; другіе медленно и лѣнливо подвигались съ своимъ кошемъ и нерѣдко приходили къ сборнымъ пунктамъ въ концѣ военныхъ дѣйствій; не мало было такихъ, которые, подъ разными благовидными предлогами, уклонялись отъ службы, чаще всего прикидываясь больными, чтобы за неудачный *мѣтъ* на смотру не попасть подъ батоги и не потерять помѣстья, а иные отважно и упорно сказывались въ *мѣтъ*, укрываясь отъ всѣхъ поисковъ городскихъ высылщиковъ.

Пріѣзды помѣщиковъ на сборные пункты представляли живописную, хотя мало утѣшительную картину, по разнообразію вооруженія доспѣховъ, прислуги и обозовъ. Люди богатые являлись на рѣзвыхъ аргамакахъ, въ блестящихъ панциряхъ и въ зеркалахъ, вооруженные булатными саблями, мушкетами, карабинами, съ исправною боевою прислугою, съ обильнымъ запасомъ всякаго продовольствія. Бѣднякъ пріѣзжалъ на плохой лошаdkѣ, безъ латъ и шлема, безъ мушкета и карабина, съ одною саблею въ рукѣ или съ парю pistols, да съ мѣшкомъ сухарей, который несъ за нимъ хилый челядинецъ, вооруженный рогатиною. Явившіеся во время на сборныя мѣста, дворяне городовые распределялись по корпусамъ между другими ратными людьми, имѣя своихъ головъ и есауловъ. Дворяне московскаго чина именовались *полкомъ юсупевымъ*; одна половина его оставалась въ Москвѣ, другая отправлялась въ походъ и всегда находилась при Большомъ полку или при главномъ войскѣ, въ видѣ отдѣльнаго отряда.

Первоначальное войско иноземнаго строя учреждено въ Россіи умомъ Бориса Годунова, въ царствованіе Ѳедора Іоановича. Сознывая превосходство западныхъ народовъ во военномъ искусствѣ, Борисъ охотно принималъ въ царскую службу всѣхъ способныхъ иностранцевъ; многие изъ нихъ сами предлагали свои услуги русскому правительству, въ надеждѣ пріобрѣсти сокровища въ богатой Москвѣ; другихъ *приговаривали* наши послы и торговые агенты за границу; остальные взяты изъ плѣнниковъ прежнихъ войнъ, преимущественно изъ ливонцевъ и поляковъ. Такъ возникла въ концѣ XVI вѣка иноземная дружина въ 2,500 чел., наиболѣе изъ поляковъ и ливонцевъ, съ частью шотландцевъ, датчанъ, шведовъ, пессарцевъ, французовъ и грековъ. Она получала отъ казны значительное содержаніе денежными и помѣстными окладами и состояла въ вѣдѣніи своихъ капитановъ. Дмитрій Самозванецъ избралъ изъ нея 300 лучшихъ нѣмецкихъ воиновъ въ свои тѣлохранители и далъ имъ такое жалованье, что они могли носить бархатную одежду. По воцареніи Шуйскаго, иноземная дружина разсѣялась въ разныя стороны; а во время кровавой брани русскихъ за свободу отечества, вожди народнаго ополченія отклоняли всѣ вызовы иноземцевъ, желавшихъ вступить въ нашу службу, давая знать, что русскіе служатъ и бьются за вѣру и царство безъ жалованья, и спасутъ свою отчизну и безъ наемныхъ людей. Этому же правилу слѣдовалъ и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ первые годы своего царствованія. При нашествіи королевича Владислава на Россію въ 1618 году, когда правительство, для спасенія царства, вооружило всѣхъ жи-

телей Москвы, нашлось въ ней иноземцевъ стараго выѣзда не болѣе 137 человекъ. Царь Михаилъ видѣлъ однакожъ необходимость, для успѣха неизбѣжной борьбы съ Польшей, окружить себя войсками искусными въ ратномъ дѣлѣ: съ этою цѣлью онъ собралъ всѣхъ иноземцевъ *староузызда*, разбѣянныхъ по Россіи, и образовалъ изъ нихъ нѣсколько ротъ, наиболѣе изъ грековъ, сербовъ и волоховъ, подъ начальствомъ ротмистровъ съ славянскими прозваніями.

Когда же пришло время войны съ Польшей, государь прибѣгнулъ къ двумъ важнымъ мѣрамъ, которыя едва ли приходили на мысль и Годунову: съ одной стороны, онъ отправилъ двухъ полковниковъ, Лесли и фонъ-Дама, въ западнаго государства нанять до 7,000 воиновъ въ полномъ вооруженіи на все время замышляемой войны съ Польшею; съ другой же стороны, велѣлъ набрать въ своемъ государствѣ нѣсколько полковъ конныхъ изъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ вольныхъ людей, и ввѣрилъ ихъ нѣмецкимъ офицерамъ для ратнаго обученія иноземнымъ обычаямъ. Лесли и фонъ-Дамъ привели изъ-за границы пять полковъ, которые однако не принесли ожидаемой пользы въ войнѣ съ Польшею, и, послѣ печальнаго опыта подъ Смоленскомъ, правительство болѣе не вызывало иноземныхъ солдатъ въ такомъ огромномъ числѣ; но тѣмъ ревностнѣе, чрезъ пословъ и торговыхъ агентовъ, приговаривало оно за границу въ русскую службу способныхъ *начальныхъ* людей, т. е. полковниковъ, капитановъ, ротмистровъ, поручиковъ, прапорщиковъ, также и капраловъ, для ратнаго обученія русскихъ войскъ иноземному строю. Въ войскахъ Шенна подъ Смоленскомъ было уже шесть полковъ солдатскихъ, одинъ полкъ рейтарскій и одинъ драгунскій: всѣ они составлены были преимущественно изъ русскихъ подъ начальствомъ нѣмецкихъ офицеровъ.

Мысль царя Михаила о введеніи въ русскія войска иноземнаго строя развилась въ обширныхъ размѣрахъ при его преемникѣ. Отъ начала до конца своего царствованія Алексѣй Михайловичъ постоянно вызывалъ въ Россію иноземныхъ офицеровъ для обученія своихъ войскъ, и находилъ ихъ безъ труда: въ западной Европѣ, послѣ тридцатилѣтней войны, скитались безъ дѣла и безъ денегъ тысячи отважныхъ бойцовъ, которые готовы были идти на край свѣта за честию и корыстью. Русскій государь предлагалъ имъ щедрое жалованье, обширныя помѣстья, свободу вѣроисповѣданія, съ правомъ безпрепятственнаго выѣзда изъ Россіи по окончаніи условнаго срока, и цѣлыя толпы нѣмецкихъ *начальныхъ* людей стремились въ Московію; въ особенности много появилось ихъ во время войны за Малороссію: въ одинъ годъ, въ 1661, выѣхали въ Россію: изъ Польши полковникъ Кравфурдъ съ 30 офицерами, въ числѣ которыхъ былъ майоръ Патрикъ Гордонъ; изъ пещарской земли полковникъ Шейнъ, подполковникъ Крейцъ, майоръ Вестендорфъ съ 39 капрами и рейтарами; изъ Шотландіи капитанъ Смитъ; изъ Любека ротмистръ Шульцъ съ 17 рейтарами, изъ Давіи полковникъ Эгератъ и подполковникъ Стробель съ 136 ч. *начальныхъ* людей и рейтаръ; изъ Англіи подполковникъ Дикенсенъ съ нѣсколькими товарищами; изъ Аугсбурга полковникъ фонъ-Падбергъ, подполковники Гольмъ, Вильдъ, Ясманъ, съ 12 ротмистрами, 9 капитанами, 18 поручиками, 15 прапорщиками, лѣкарями, гранатчиками, съ сотнею капраловъ и рейтаръ.

Выѣзжіе нѣмцы нерѣдко ошибались въ своихъ корыстныхъ расче-

тахъ: полковникъ Падбергъ и многочисленные спутники его, до 137 человекъ, по пути въ Москву, въ Великомъ Устюгѣ, едва не погибли съ голода и только угрозою грабежа принудили тамошняго воеводу дать имъ нѣсколько денегъ на кормъ; славный впослѣдствіи сподвижникъ Петра, Гордонъ, въ первый годъ по пріѣздѣ въ Москву думалъ уйти въ Персію: жалованье производилось мѣдными деньгами, быстро упавшими въ цѣнѣ, и чрезъ нѣсколько времени уменьшено было цѣлою третью. Той же участи подвергались и другіе иноземцы. При всемъ томъ они не переставали, толпа за толпою, приходить въ Россію. Многіе выѣзжали съ женами и дѣтьми; другіе поженились въ Россіи, большею частью на дочеряхъ и вдовахъ своихъ единоземцевъ; нѣкоторые приняли и православную вѣру. Впрочемъ, благоразумная вѣротерпимость руководствовала нашимъ правительствомъ: оно только запрещало иноземцамъ имѣть крѣпостныхъ людей православнаго исповѣданія. Это распоряженіе состоялось при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, вслѣдствіе жалобъ дворовыхъ бабъ и дѣвокъ на жену полковника Лесли, которая обременяла ихъ нестерпимою работою и въ великій постъ заставляла ѣсть мясо и «всякая скоромъ» неволю.

До выѣзда въ Россію, всѣ вообще иноземцы, вступившіе въ русскую службу, заключали съ нашимъ правительствомъ, при посредствѣ пословъ или агентовъ, условія на извѣстный срокъ, съ жалованьемъ, смотря по чину; по окончаніи условнаго срока, одни изъ нихъ возвращались во свояси, другіе возобновляли контракты на определенное время, или навсегда оставались въ Россіи, тѣмъ болѣе, что наше правительство весьма неохотно отпускало людей способныхъ и, частью обѣщаніемъ наградъ, частью угрозою ссылки въ Сибирь, удерживало ихъ въ своей службѣ. Такъ Гордонъ, не взирая на ходатайство своего короля, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ вырваться изъ Россіи и за слишкомъ настойчивое требованіе отставки, при царевнѣ Софіи, на нѣкоторое время разжалованъ былъ изъ генераль-поручиковъ въ прапорщики.

Главною цѣлью нашего правительства, при вызовѣ иностранныхъ офицеровъ, было обученіе войскъ иноземному строю: въ составѣ 9 корпусовъ, определеннаго росписаніемъ царя Ѳеодора Алексѣевича, въ послѣдній годъ его жизни, находились уже 63 полка иноземнаго строя; въ томъ числѣ 25 полковъ конныхъ, рейтарскихъ и копейныхъ, и 38 пѣшихъ солдатскихъ; столько же набрала ихъ и Софія для похода на Крымъ.

Въ рейтарскую и копейную службу, кромѣ значительнаго числа иноземцевъ, набирались малопомѣстные дворяне, дѣти боярскіе и всякіе вольные охочіе люди, не бывшіе ни въ тяглѣ, ни холопствѣ; имъ производилось во время похода жалованье отъ 15 до 20 руб., за исключеніемъ тѣхъ, которые могли содержать себя сами въ своихъ помѣстьяхъ, и выдавались отъ казны карабины, сабли, пистолеты, порохъ, свинецъ, шишаки и латы, иногда одежда и лошадь, а въ копейные полки копья. Сверхъ того, всѣ лица, владѣвшіе помѣстьями, но не могшіе служить лично (духовенство, сановники, бывшіе у дѣлъ, престарѣлые и больные помѣщики, вдовы, дѣвицы), выставляли въ случаѣ надобности со ста дворовъ по рейтару, въ полномъ вооруженіи, съ лошадью и съ запасомъ продовольствія. Рейтары и копейщики раздѣлялись на полки; полки раздѣлялись на роты. Полковники были обыкновенно иноземцы, равно какъ

и начальные люди, т. е. майоры, ротмистры, поручики, прапорщики, числомъ до 33 въ каждомъ полку.

Когда не было войны, рейтары какъ начальныя, такъ и рядовые, проживали въ своихъ помѣстьяхъ и не болѣе одного мѣсяца въ году, обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба, занимались ратнымъ ученіемъ, по особому предписанію правительства. Полковникъ, получивъ о томъ *память* изъ рейтарскаго приказа, пріѣзжалъ въ городъ, въ уѣздъ котораго расположенъ былъ его полкъ, разсѣянный по волостямъ и станамъ, собиралъ начальныя люди и рейтары, записывалъ пріѣзды ихъ, досматривалъ оружіе, доспѣхи, лошадей, училъ ратному строю; послѣ чего, сказавъ имъ вслухъ царскій указъ, чтобы они впредь на государеву службу были готовы съ полнымъ оружіемъ и на добрыхъ лошадяхъ, съ вѣдома воеводы распускалъ ихъ по домамъ до будущей осени.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ учреждены были еще драгуны, частью изъ иноземцевъ, частью изъ русскихъ охочихъ людей, изъ боярскихъ дѣтей, новокрещенныхъ и татаръ, также изъ дѣтей стрѣleckихъ, казачьихъ и всякихъ вольныхъ, безпомѣстныхъ людей, которые не въ службѣ, не въ таглѣ и не въ холопствѣ. Имъ производилось жалованье по 3 рубля въ годъ, съ поденнымъ кормомъ: дѣтямъ боярскимъ и иноземцамъ по 8 денегъ, прочимъ по 7. Лошади и доспѣхи давались казенныя. Драгуны имѣли латы и панцири, вооружены были мушкетами, пиками, шпагами и бердышами, службу несли конную и пѣшую; по окончаніи похода распускались по домамъ, лошади же съ сѣдлами и военною сбруею отсылались по разнымъ областямъ, гдѣ лошадей отдавали на кормъ сельскимъ обывателямъ, по одной на 4 двора, а оружіе хранилось у воеводъ или въ монастыряхъ. Гусары, кажется, были переименованы конейщиками.

Пѣхотные полки солдатскіе избирались изъ того же класса вольныхъ людей, какъ и драгунскіе: изъ безпомѣстныхъ, малопомѣстныхъ и изъ крестьянъ, отъ трехъ братьевъ по одному, отъ четырехъ по два; они были поселены при городахъ особыми слободами, сохранившими, подобно стрѣльцамъ, до сихъ поръ названіе солдатскихъ, во время войны получали жалованье и кормовыя деньги наравнѣ съ драгунами; въ мирное время они кормились съ отведенной имъ земли. Оружіе было казенное; оно состояло изъ мушкетовъ, пикъ и длинныхъ и короткихъ шпагъ и бердышей. Солдаты раздѣлялись на полки, отъ 1,000 до 2,000 человекъ, и назывались иногда по имени полковниковъ, напримѣръ, Ловицовъ, иногда по имени городовъ, Рыльскій, Елецкій. Полковники были исключительно иноземцы, какъ и въ рейтарскихъ полкахъ. Полки имѣли по 6 или 8 пушекъ, съ особыми пушкарями. Вообще устройствомъ своимъ солдаты много сходились со стрѣльцами, отличаясь только тѣмъ, что не имѣли ихъ привилегій, состояли въ вѣдѣніи болѣе опытныхъ начальниковъ, чаще упражнялись въ ратномъ дѣлѣ, слѣдовательно лучше могли знать воинскіе приемы.

Въ руководство при обученіи войскъ иноземнаго строя составленъ былъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ уставъ, изданный въ 1648 г. повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича подъ заглавіемъ: *«Ученіе и житность ратнаго строенія пѣхотныхъ людей»*. Впрочемъ, каждый полковникъ слѣдовалъ своей методѣ.

Не взирая однакожъ на всю заботливость царей Михаила, Алексѣя и

Феодора объ учрежденіи въ Россіи полковъ иноземнаго строя и на тысячи иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ, мы не имѣли войска регулярнаго, т. е. правильно устроеннаго, хорошо вооруженнаго и привычнаго къ дѣлу ратному въ той степени, въ какой оно было уже въ западной Европѣ: названіе рейтаръ, копейщиковъ, драгунъ, солдатъ, также нѣкоторая перемѣна оружія по иностраннымъ образцамъ, самое раздѣленіе на полки и роты, подъ начальствомъ иностранныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ, ничто не могло переродить старыхъ воиновъ Руси: попрежнему они оставались тѣми же дворянами, боярскими дѣтьми, городовыми казаками, вообще землевладѣльцами разныхъ названій; попрежнему большую часть года проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ. Карабинъ и сабля спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ висѣли на стѣнѣ, покрываясь ржавчиною, а воинъ-помѣщикъ возился съ сохою, мололъ муку, или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ, чѣмъ могъ. Собрать ихъ въ походъ было трудно: не взирая на самыя строгіе указы, тысячи дворянъ, рейтаръ, солдатъ оказывались въ *нѣтъ*; самые иноземцы, бездомные капитаны, голодною и жадною толпою приходившіе въ Россію, заживались въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ и до того облѣнивались, что нерѣдко досиживались въ своей деревнѣ до третьяго *нѣта*, поплачиваясь за каждый *нѣтъ* своею спиною подъ батожьемъ; послѣ третьяго нѣта ихъ обыкновенно выгоняли за границу.

Вооруженіе воиновъ-помѣщиковъ какъ русскаго, такъ и иноземнаго строя было неисправно и недостаточно; часто являлись рейтары на сборныхъ мѣста съ однимъ пистолетомъ въ рукѣ, объясняя, что другой пистолетъ потерялъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ бою, карабинъ разорвало, а латъ не дано. Лошади, не привычныя къ огню боевому, пугались отъ выстрѣловъ и часто сбивали съ себя всадниковъ прежде, чѣмъ начнется сраженіе. Менѣе всего удовлетворительно было состояніе артиллеріи; въ каждомъ полку солдатскомъ и стрѣлцкомъ было отъ 6 до 8 пищалей въ вѣдѣніи особыхъ пушкарей, назначаемыхъ Пушкарскимъ приказомъ; кромѣ полковыхъ орудій, при разрядномъ шатрѣ или при начальникѣ корпуса находился большой полковой нарядъ, не болѣе, впрочемъ, 10 орудій, также подъ управленіемъ особыхъ пушкарей, столь же несвѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, какъ и полковые.

Всѣ исчисленные нами войска, въ послѣдній годъ царствованія Феодора Алексѣевича, распредѣлены на 9 разрядовъ или корпусовъ, которые именовались по мѣстамъ, гдѣ были расположены полки: 1) разрядъ московскій, до 30,000 человекъ; 2) разрядъ сѣверскій, до 34,000; 3) разрядъ владимірскій, 12,000 слишкомъ; 4) разрядъ новгородскій, до 12,000; 5) разрядъ казанскій, до 14,500; 6) разрядъ смоленскій, до 7,900; 7) разрядъ разанскій, до 15,500; 8) разрядъ бѣлгородскій, до 25,000; 9) разрядъ тамбовскій, до 14,500.

ХСѢШ. О ПРИКАЗАХЪ.

(Изъ соч. Котошилина: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»).

1. Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, а въ немъ сидитъ дьякъ да подъячихъ съ 10 человекъ, и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякія царскія, тайныя и явныя; и въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А посылаются того приказа подъячіе съ послами въ чужія государства, и на посольскіе съѣзды, и на войну съ воеводами, для того, что послы въ своихъ посольствахъ много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ, а воеводы въ полкахъ много неправды чинятъ надъ ратными людьми, и тѣхъ подъячіе надъ послами и воеводами подсматриваютъ и царю, пріѣхавъ, сказываютъ; послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправление свое и страшась царскаго гнѣва, тѣхъ подъячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они предъ царемъ ихъ выславляли, а худымъ не поносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того чтобы его царскія мысли и дѣла исполнялись всѣ по его хотѣнію, а бояре бы и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали.

Да въ томъ приказѣ вѣдаются гранатнаго дѣла мастера и всякое гранатное дѣло и заводы; а деньги на строеніе того гранатнаго дѣла и на заводы, на покупку и на жалованье мастеровымъ людямъ берутъ изъ разныхъ приказовъ, откуда царь велитъ. Да въ томъ же приказѣ вѣдается царская лѣтняя потѣха, птицы, кречеты, соколы, астребы и иныя; а бываетъ тѣми птицами потѣха на лебедей, на утокъ, на журавлей и на иныя птицы и на зайцевъ, и учиненъ для той потѣхи подъ Москвою потѣшный дворъ; да для той же потѣхи и для ученія учинены сокольники съ 100 человекъ, и на томъ дворѣ лѣтомъ и зимою бываютъ у птицъ безпрестанно, днюютъ и ночуютъ попеременно, человекъ по 20; а честию тѣ сокольники равны жильцамъ и стремяннымъ конюхамъ, они пожалованы денежнымъ жалованьемъ и платьемъ погодно, и помѣстьями и вотчинами; и будучи у тѣхъ птицъ, они пьютъ и ѣдятъ царское; а будетъ у царя всякихъ потѣшныхъ птицъ больше 3,000, и кормъ, мясо говяжье и баранье, идетъ тѣмъ птицамъ съ царскаго двора; да для ловли и для ученія тѣхъ же птицъ, въ Москвѣ, въ городахъ и въ Сибири, учинены кречетники и помощники, больше 100 человекъ, люди пожалованные же; а ловятъ тѣхъ птицъ подъ Москвою и въ городахъ, и въ Сибири, надъ озерами и надъ большими рѣками на берегахъ по пескамъ, и наловя тѣхъ птицъ, привозятъ къ Москвѣ больше 200 на годъ; и посылаются тѣ птицы въ Персію съ послами и куда случится, и персидскій шахъ тѣхъ птицъ принимаетъ за великіе подарки и ставитъ ихъ цѣною рублевъ по 100, по 200, по 500, по 1,000 и больше, смотря по птицѣ; да на кормъ тѣмъ птицамъ и для ловли берутъ они, кречетники и помощники, голубей во всемъ Московскомъ государствѣ, у кого-бы ни были, и, взявъ, привозятъ въ Москву, а въ Москвѣ тѣмъ голубямъ устроенъ дворъ, и будетъ тѣхъ голубей больше 100,000 гнѣздъ, а кормъ, ржаная и пшеничная высѣвки, идутъ съ Житеннаго двора.

2. Посольскій Приказъ, а въ немъ сидитъ думный дьякъ да два дьяка, подъячихъ 14 человекъ. А вѣдаются въ томъ приказѣ дѣла всѣхъ

окрестныхъ государствъ, и пословъ чужеземныхъ принимаютъ, и отпускъ имъ бываетъ, также и русскихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ посылаютъ, на которое государство случится, отпускъ имъ бываетъ изъ того-жъ Приказу; да для перевода и толмачества въ этомъ приказѣ имѣютъ переводчиковъ латинскаго, шведскаго, нѣмецкаго, греческаго, польскаго, татарскаго и иныхъ языковъ, съ 50 человекъ, толмачевъ 70 человекъ. А бываетъ тѣмъ переводчикамъ въ Москвѣ работа во всѣ дни, когда случатся изъ окрестныхъ государствъ всякія дѣла, также старыя письма и книги для испытанія велятъ имъ переводить, кто каковъ къ переводу добръ, и потому и жалованье имъ дается; а переводятъ сидючи въ приказѣ, а на домъ имъ самыхъ великихъ дѣлъ переводить не даютъ, потому что опасаются всякой порухи отъ пожарнаго времени и иной причины.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы московскіе и пріѣзжіе иноземцы, всѣхъ государствъ торговые и всякихъ чиновъ люди; и судятъ торговыхъ иноземцевъ, и расправу имъ чинятъ съ русскими людьми въ томъ приказѣ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы 5 городовъ, и для приказнаго строенія, и на всякіе покупки на расходъ; и на жалованье подъячимъ и сторожамъ собираютъ деньги съ тѣхъ городовъ, которые въ томъ приказѣ вѣдомы, съ кабаковъ и съ таможенныхъ доходовъ, погодно; а соберется тѣхъ денегъ въ годъ больше 2,500 руб. Да въ тотъ же приказъ со всего Московскаго государства, съ царскихъ дворцовыхъ и черныхъ волостей, и съ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ и бобылей, собираются деньги плѣнными на выкупъ, которые бывають въ Крыму и въ турецкой землѣ, погодно, по указу; и соберется тѣхъ подоняничныхъ денегъ съ 150,000 р. въ годъ, и кромѣ выкупа тѣхъ денегъ не даютъ ни въ какіе расходы.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы печати: большая государственная, которою печатають грамоты, что посылають въ окрестныя государства; другая, которою печатають грамоты, жалованныя на вотчины всякихъ чиновъ людямъ; тѣю же печатью печатають грамоты къ крымскому хану и къ калмыкамъ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдаются донскіе казаки, татары крещенные и не крещенные, которые въ прошлыхъ годахъ взяты въ плѣнъ изъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и Касимовскаго царствъ, и даны имъ вотчины въ подмосковныхъ ближнихъ городахъ; греческія власти и греки, какъ пріѣзжаютъ для милостыни и для торговли, вѣдомы въ томъ же приказѣ.

3. Разрядный Приказъ, и въ томъ приказѣ сидятъ окольничій да думный дьякъ, да два дьяка. А вѣдомы въ томъ приказѣ всякія воинскія дѣла, и города строеніемъ, крѣпостями, починкою ихъ, вооруженіемъ и служивыми людьми; также вѣдомы бояре, окольничіе, и думные и ближніе люди, и стольники, и дѣти боярскія, и казаки и солдаты, всякою службою, и кого куда случится послать на службу, на войну и на воеводства въ города и во всякія посылки, и за службу о жалованьи и о чести, о прибавкѣ денежнаго жалованья указъ въ томъ же приказѣ, также и о сыскѣ чести, и о безчестіи, и о наказаніи; а кого царь куда посылаетъ, и что кому за службу бываетъ чести, жалованья и безчестія, и то записываютъ въ книги. А доходовъ въ тотъ приказъ съ небольшихъ городовъ и съ судебныхъ дѣлъ пошлинъ соберется въ годъ не много больше 1,000 р.

4. Приказъ Большаго Дворца, а въ немъ бываетъ и сидитъ бояринъ и дворецкій, да окольничій, да думный человекъ да два или три дьяка. И тотъ бояринъ честию бываетъ второй человекъ, подъ конюшимъ первый; а когда дворецкаго не бываетъ, и тогда вѣдаетъ окольничій. А вѣдомы въ томъ приказѣ дворы: сытанный, кормовой, хлѣбный, житенный, и дворовые люди; и указъ, и досмотръ тѣмъ людямъ чинять во всемъ они.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомы больше 40 городовъ, посадскіе люди, тягло и податями, да съ кабаковъ, съ таможенъ и съ водъ, съ мельницъ и съ рыбныхъ ловель, откупу и вѣрный сборъ (взысканіе казенныхъ сборовъ посредствомъ присяжныхъ лицъ), ежегодно; дворцовыя села и черныя волости, и рыбныя угодья, и бобровыя гоны, и бортныя ухожи, и сѣнные покосы въ царскихъ угодьяхъ, и тѣхъ селъ и съ волостей дворцовыя подати хлѣбомъ и деньгами, и всякими податями, и сѣномъ, а съ рыбныхъ и иныхъ угодій откупу, и съ перевозовъ, и съ мостовщины откупу же деньгами; да московскія слободы, восемь слободъ, съ торговыми и ремесленными людьми; и съ нихъ подати берутъ также, какъ и съ иныхъ посадскихъ людей, да они же повинны работать всякія дѣла на царскомъ дворѣ, что случится, безденежно. И соберется съ городовъ и съ селъ, и съ волостей, и съ слободъ, и со всякихъ угодьевъ и промысловъ, денежныхъ доходовъ, кромѣ иныхъ податей, со 120,000 р. въ годъ.

Да въ томъ же приказѣ вѣдома печать и собираютъ печатныя пошлины съ грамотъ и съ иныхъ дѣлъ, которыя посылаютъ по челобитью всякихъ чиновъ людей, въ города и въ дворцовыя волости и села; а соберется тѣхъ пошлинъ въ годъ съ 2,000 рублей; а вырѣзанъ на той печати единорогъ-звѣрь.

Да изъ того же приказа въ Москвѣ откупаютъ на Москвѣ-рѣкѣ и на Яузѣ зимою ледъ и пролубное мытье, и весною перевозъ, а будетъ съ того откупу денегъ въ годъ съ 3,000 р.

А расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ: на церковныя строенія, и какъ царь ходитъ по монастырямъ и по церквамъ, и въ тюрьмы, и въ богадѣльни, нищимъ и убогимъ людямъ на милостыню и на погребенія и на всякія дворцовыя расходы, и на покупки дворцовыхъ запасовъ, и на жалованье подъячимъ и трубникамъ, и работникамъ.

А какъ царь ходитъ въ походы и по монастырямъ и по церквамъ, и для его выѣздовъ и выходовъ наготовливаютъ деньги въ бумагахъ, по 2 гривны, и по полуполтинѣ, и по полтинѣ, и по рублю, и по 2, и по 5, и по 10, и по 20, и по 30, кому сколько прикажетъ дать, чтобъ было готово. Также какъ и царица ходитъ и ѣздитъ; а за нею деньги возятъ и носятъ такимъ же образомъ, и раздача бываетъ всякимъ людямъ, кому что прикажетъ дать.

5. Стрѣлецкій Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ да два дьяка. А въ томъ приказѣ вѣдомы стрѣлцкіе приказы, московскіе и городовые, и собираютъ тѣмъ стрѣльцамъ жалованье со всего Московскаго государства, съ вотячниковыхъ крестьянъ, и Новгородскаго и Псковскаго государства, и Казани, и Астрахани, и Сибири. Да съ крестьянъ же берутъ стрѣлцкіе хлѣбные запасы, по указу, и велятъ имъ запасы всякій годъ поставлять въ Москву; а какъ бываетъ имъ, стрѣльцамъ, служба, и тѣ стрѣлцкіе запасы велятъ имъ ставить на службу, въ которомъ городѣ

доведется; а съ дальнихъ мѣстъ съ крестьянъ вмѣсто запасовъ и провоза ихъ берутъ деньгами по расчету.

А въ Казани, въ Астраханѣ, въ Новгородѣ, въ Псковѣ, въ Смоленскѣ, у Архангельскаго города, и въ иныхъ мѣстахъ, деньги стрѣльцамъ собираютъ также и запасы всякіе ежегодно съ тамошнихъ мѣстъ, гдѣ кто подъ которымъ городомъ живетъ, по московскому же.

А бываетъ въ Москвѣ стрѣльцкихъ приказовъ, когда и войны не бываетъ ни съ которымъ государствомъ, всегда больше 20; и въ тѣхъ приказахъ стрѣльцовъ по 1,000 и по 800 ч. въ приказѣ или немного меньше. И изъ тѣхъ приказовъ одинъ приказъ выборный зовется стрѣмянный, потому что бываетъ всегда съ царемъ и съ царицею во всякихъ походахъ, для обереганія, а въ инныя службы и въ посылки ни въ какія не посылается никуда, кромѣ караула. И въ тѣхъ приказахъ стрѣльцы—люди торговые и ремесленные всякіе, богаты многіе.

9. Приказъ Большой Казны, а вѣдаетъ тотъ приказъ бояринъ тотъ же, что и стрѣльцкій приказъ вѣдаетъ, а съ нимъ товарищъ думный дворянинъ, да два или три дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы гости, и гостинная и суконная сотня, и серебрянаго дѣла мастера, и многихъ родовъ торговые люди.

Да въ томъ же приказѣ вѣдомъ Денежный дворъ; а въ немъ сидитъ для досмотру денежнаго дѣла дворянинъ да дьякъ. А дѣлаютъ деньги серебряныя мелкія. Ефимки и серебро, прутовое и тянутое, привозятъ къ Архангельскому городу изъ Голландской земли, изъ Венеціи, изъ Любека, изъ Гамбурга; а покупаютъ они на тѣ ефимки всякіе товары изъ царской казны, или серебро же мѣняютъ на всякіе товары, а берутъ тѣ ефимки у нихъ за товары, и серебро противъ ефимковъ по четыре гривны и по 14 алтынъ ефимковъ, а товары царскіе ставятъ дорогою цѣною, и изъ тѣхъ ефимковъ, или изъ серебра, въ серебряныхъ деньгахъ царю бываетъ прибыль великая, потому что ефимки и серебро проходитъ дешевою цѣною, а въ дѣлѣ московскихъ денегъ выходитъ изъ ефимка по двѣнадцать и по одному алтыну и двѣ деньги. А денежныхъ мастеровъ для того дѣла берутъ изъ вольныхъ и торговыхъ людей, кто захочетъ, съ поруками и за присягою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ, будучи у царскаго, не воровать серебра и денегъ не красть, и въ серебро мѣди и олова и иного ничего не примѣшивать, и въ домахъ своихъ фальшивыхъ денегъ не дѣлать никакихъ, и чекановъ не красть и воровски подъ чеканы не подрѣзывать. А будетъ тѣхъ денежныхъ мастеровъ, чеканщиковъ, рѣзальщиковъ и пр., 200 человекъ. Какъ они для денежнаго дѣла ходятъ на дворъ или со двора, ихъ осматриваютъ, чтобъ они не приносили олова и свинцу, или съ двора чего не снесли. А если сыщется, что они дѣлали на царскомъ дворѣ или у себя въ домѣ воровствомъ деньги, или подъ чеканы поддѣлывались и тѣ воровскіе чеканы продавали на сторону инымъ людямъ, то имъ, по сыску, бываютъ пытки, много ли разъ воровали, и кому что продавали, и съ кѣмъ о томъ сообща умыслили; и на кого съ пытокъ скажутъ, и тѣхъ всѣхъ пытаются накрѣпко; если вина, чинятъ наказанія, заливаютъ оловомъ горло, а инымъ, смотря по винѣ, отсѣкаютъ руки, и отрѣзываютъ уши, и бьютъ бнудомъ, и отнимаются дома и имущество, и ссылаются въ ссылку въ Сибирь. А въ Московскомъ государствѣ золота и серебра не родится, хотя въ хроникахъ пишутъ, что русская земля на золото

и на серебро урожайная, однако сыскать не могутъ, а когда и сыщутъ, то мало; да и къ такому дѣлу московскіе люди не способны; а иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, не хотятъ искать и къ тому дѣлу пристать, для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, то ихъ промыслъ и заводъ ни во что поставятъ и отъ дѣла отлучатъ.

10. Большой Приходъ, а въ немъ сидитъ окольнічій да два дьяка. А доходы бываютъ въ тотъ приказъ на Москвѣ и съ иныхъ городовъ, съ лавокъ и съ гостиныхъ дворовъ и съ погребовъ, и съ мѣры, чѣмъ всякіе товары и шитыя мѣряютъ, также и таможенные пошлины, и мыто (пошлина съ товаровъ), и перевозъ, и мостовщина; и соберется той казны въ годъ больше 500,000 р. А куда той казнѣ бываетъ расходъ, и то написано ниже сего: какъ бываютъ окрестныхъ государствъ послы на Москвѣ, также и греческія власти, и персидскіе и греческіе купеческіе люди, и имъ покупается всякій кормъ, хлѣбъ и мяса, и конскій кормъ, сѣно и овесъ, и дрова, и дается деньгами; кормовымъ иноземцамъ и ихъ женамъ, вдовамъ и дочерямъ дѣвницамъ, и преводчикамъ, и толмачамъ, и черкасамъ запорожскимъ казакамъ и донскимъ поденный кормъ, по указу; московскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, какъ ихъ посылаютъ въ ниня государства, жалованье въ дорогу, на всякіе судовые заводы, которые ходятъ по Москвѣ-рѣкѣ и по Волгѣ, для хлѣбнаго и рыбнаго, и солянаго, и иного товарнаго промыслу, на товарную покупку, которую покупаютъ и отвозятъ и продаютъ у Архангельскаго города; на жалованье того приказа подъячимъ, и работникамъ судовымъ. и которые на соляномъ царскомъ дворѣ.

11. Пушкарскій Приказъ, а въ томъ приказѣ сидитъ бояринъ да два дьяка. А вѣдомы въ томъ приказѣ пушечные дворы, московскіе и городовые, и казна, и пушкарни, и всякіе пушечные запасы и сборы; а города въ томъ приказѣ вѣдомы небольшіе, и собирается денегъ въ годъ съ 2,500 руб. А будетъ пушкарей и затинщиковъ (стрѣлковъ), и мастеровыхъ всякихъ людей съ 600 человекъ на Москвѣ, кромѣ городовыхъ. А на строеніе пушечное мѣдъ привозятъ отъ Архангельскаго города и изъ Шведскаго государства; а ниня пушки подряжаются дѣлать голландцы, любчане и гамбургцы и привозятъ къ Архангельскому городу. А для пороховаго строенія учинены на Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ дворы и мельницы; а мастера у того дѣла бываютъ иностранцы и русскіе люди, а работники русскіе люди.

12. Царская Мастерская Палата, въ ней сидитъ стряпчій съ ключемъ да дьякъ, а тотъ стряпчій честию противъ окольнічихъ, а въ думѣ не сидитъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ его царское платье и всякое одѣяніе и мастерские люди; а какъ царю на который день платье и шапки всякія выдаютъ, и въ казну принимаютъ назадъ осматривая, съ запискою; а иныхъ дѣлъ, окромѣ того, не бываетъ; да онъ же надсматриваетъ надъ другими стряпчими. И въ ту палату, кромѣ самага царя и тѣхъ людей входитъ никто не смѣетъ.

14. Иноземный Приказъ, а вѣдаетъ тотъ приказъ тотъ же бояринъ, что и Стрѣлецкій приказъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. И вѣдомы въ томъ приказѣ иноземцы всякихъ чиновъ служилые люди и верстаютъ ихъ за службы изъ чина въ чинъ, которыхъ можно безъ царскаго указа, иныхъ высокихъ чиновъ безъ царскаго указа не

верстаютъ; а кормовое жалованье даютъ имъ помѣсячно, въ Большомъ приходѣ и въ иныхъ приказахъ.

15. Рейтарскій Приказъ, а вѣдаетъ его тотъ же бояринъ, а съ нимъ товарищи, дворянинъ да два дьяка. А бываетъ рейтарамъ сборъ изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, изъ дѣтей боярскихъ, малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ, и изъ недорослей и изъ вольныхъ людей; а жалованье имъ дается изъ Рейтарскаго приказу. А собираютъ тѣмъ ратнымъ людямъ на жалованье деньги, какъ бываетъ сборъ со всего государства для войны.

16. Приказъ Новгородская Четверть, а вѣдаетъ тотъ приказъ по-сольскій думный дьякъ да дьякъ. А въ томъ приказѣ вѣдомы города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній Новгородъ, Архангельскій городъ Вологда и иные поморскіе и пограничные со шведскою границею города; и съ тѣхъ городовъ и торговыхъ людей денежныхъ доходовъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ, и соляныхъ, и съ желѣзныхъ и съ иныхъ промысловъ, соберется въ годъ со 100,000 руб. кромѣ того, что прозойдетъ въ тѣхъ городахъ на всякіе расходы.

17. Приказъ Устюжская Четверть, а въ немъ сидитъ бояринъ да два или три дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ городъ Устюгъ Великій, со всякими податями съ посадскихъ людей и съ волостныхъ и уѣздныхъ крестьянъ, съ кабаковъ; и съ таможенъ, и со всякихъ откуповъ; а соберется тѣхъ доходовъ въ годъ больше 20,000 руб.

18. Приказъ Костромская Четверть, а въ немъ сидитъ думный дворянинъ, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ города: Ростовъ, Ярославль, Кострома и иные. и доходу съ тѣхъ городовъ съ посадскихъ людей и таможенныхъ, и кабацкихъ, и иныхъ будетъ 30,000 р.

19. Галицкая Четверть, а въ семъ приказѣ сидитъ бояринъ да два дьяка. А вѣдомъ въ немъ городъ Галичъ, съ уѣздомъ во всякихъ доходахъ, а бываетъ приходу на годъ около 12,000 руб.

21. Оружейный Приказъ,—а вѣдаетъ тотъ приказъ окольничій, а съ нимъ дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ дворцы, гдѣ дѣлаютъ оружье, и казенная оружейная палата, и ствольнаго, и ложнаго, и замочнаго, и иного дѣла мастера. А берутъ къ тому дѣлу мастеровъ на Москвѣ и изъ городовъ и изъ монастырей кузнецовъ и всякихъ для того дѣла способныхъ людей, погодно, по перемѣнамъ, и даютъ имъ за работу по-денный кормъ изъ царской казны; а уголья на то дѣло, и на денежный и на кормовой дворы, берутъ съ Московскаго уѣзда монастырскихъ и вотчинниковыхъ крестьянъ, по указу; но ружья, карабины, пистолеты съ футлярами, мушкеты и бандлеры (ремни черезъ плечо для палаша), на царскій обиходъ покупаютъ въ иныхъ государствахъ, гдѣ случится.

22. Приказъ Золотого и Серебрянаго Дѣла, а вѣдаетъ тотъ же окольничій, а съ нимъ дьякъ. И берутъ въ тотъ приказъ изъ Москвы и изъ другихъ городовъ добрыхъ мастеровъ въ вѣчную службу и даютъ имъ погодное жалованье; а дѣлаютъ они про царскій обиходъ сосуды всякіе и церковную утварь; а на заводъ того дѣла серебро и золото берутъ изъ приказа Большой казны, изъ Казеннаго двора.

23. Аптекарскій Приказъ, а въ немъ сидитъ бояринъ тотъ же, что и въ Стрѣлецкомъ приказѣ, да дьякъ. А вѣдомы въ томъ приказѣ аптека, доктора и лѣкари, иныхъ государствъ люди, да для ученія русскихъ людей съ 20 человекъ; а будетъ тѣхъ докторовъ и лѣкарей до 30 человекъ, и жалованье идетъ имъ по сговору.

24. Монастырскій Приказъ, а въ немъ сидитъ окольнічій да два дьяка. А вѣдомъ въ томъ приказѣ всего Московскаго государства всякій духовный чинъ, митрополиты, архіепископы, епископы, монастыри, попы, во всякихъ дѣлахъ, и со властелинскихъ и съ монастырскихъ крестьянъ подати; соберется тѣхъ податей больше 20,000 р. въ годъ; а расходъ тѣмъ деньгамъ бываетъ также, куда понадобится, что и изъ иныхъ приказовъ, куда царь прикажетъ.

25. Хлѣбный Приказъ, а въ немъ сидитъ дворянинъ да дьякъ. А вѣдаютъ въ томъ приказѣ города и волости, и села, и кабаки, и таможи, съ доходами и съ податями; и соберется такимъ образомъ до 20,000 рублей, кромѣ запасныхъ доходовъ, да въ тѣхъ городахъ устроены пашни на царя, и для досмотру хлѣба и расправы уставлены приказики, дворяне; а сколько хлѣба въ году ни уродится, отдають въ Москвѣ на Житенный дворъ.

27. Каменный Приказъ, а въ немъ сидитъ стольникъ или дворянинъ, да два дьяка. А вѣдомо въ томъ приказѣ всего Московскаго государства каменное дѣло и мастера; и для какого царскаго строенія понадобятся тѣ мастера, и ихъ собирають изъ всѣхъ городовъ, и дають имъ изъ царской казны на поденный кормъ деньги, тѣмъ имъ сытымъ быть можно. Да въ Москвѣ же вѣдомы въ томъ приказѣ известные и кирпичные дворы и заводы; а гдѣ бѣлый камень родится и дѣлають известъ, и тѣ города податями и доходами вѣдомы въ томъ приказѣ. А соберется тѣхъ доходовъ съ 5,000 рублей въ годъ; а камень бѣлый, тесаный и неочищенный привозять къ Москвѣ изъ тѣхъ городовъ уѣздные крестьяне, на кого сколько въ году положено поставить вмѣсто иного оброку.

28. Челобитный Приказъ, а въ немъ сидитъ окольнічій да два дьяка. А подвѣдомственны ему челобитныя. Нѣкоторые люди подаютъ царю челобитныя въ походахъ и въ праздники, и тѣ челобитныя царь слушаетъ самъ и бояре, и по которой челобитной доведется быть указу или отказу, и на тѣхъ челобитныхъ подписываютъ думные дьяки; и выслушавъ царь тѣ челобитныя отсылаетъ въ тотъ приказъ, а изъ приказа посылають тѣ челобитныя съ подъячими, велеть имъ читать ихъ на площади передъ царскимъ дворомъ всѣмъ людямъ, и отдавать именно тѣмъ, чья та челобитная будетъ; а иные люди берутъ свои челобитныя въ приказѣ, и кто о чемъ билъ челомъ, смотря по подписи, ходять въ тѣ приказы, куда подписано будетъ, и гдѣ дѣло его. Да въ томъ же приказѣ вѣдомы судомъ, приказные люди, дьяки и подъячіе, и сторожи, и ходоки; доходы денежныя съ судебныхъ дѣлъ не велики.

29. Приказъ Малой Россіи, а сидитъ въ немъ тотъ-же бояринъ, что и въ Галицкой четверти, а съ нимъ дьякъ. А вѣдома въ томъ приказѣ Малая Россія, войско запорожское казаки и города Кіевъ и Черниговъ съ того времени, какъ отлучились, они отъ польскаго короля и учинились въ подданствѣ царскому. А доходовъ съ той Малой Россіи не бываетъ ничего, ибо принимая ее въ свое владѣнье, царь обѣщалъ и чинилъ присягу на томъ, что малороссійскимъ людямъ быть подъ его владѣньемъ въ вѣчномъ подданствѣ, но по своимъ вольностямъ и привилегіямъ, какъ были въ подданствѣ у польскаго короля, ни въ чемъ не перемѣняя и вольностей ихъ не отнимая. А приговорено войску быть всегда готову противъ его царскихъ непріятелей и для обереганія городовъ, по 60,000 человекъ; а собирать тому войску на жалованье деньги съ тамошнихъ городскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

30. Земскій Приказъ, а въ немъ сидитъ думный дворянинъ, что и въ Костромской четверти, а съ нимъ два дьяка. А въ немъ вѣдомы московскіе посадскіе люди и города небольшіе. Да въ немъ же вѣдомы въ Москвѣ и въ городахъ дворовыя мѣста, бѣлыя и черныя, и слободы, продажей и мѣрою, также мошение и чистка улицъ, собираніе мостовщины со всякаго чина жилищныхъ людей. А какъ царю бываетъ выходъ или походъ, и для чищенья улицъ устроены земскіе метельщики, чело-вѣкъ съ 50. А доходовъ въ тотъ приказъ съ московскихъ торговыхъ людей и съ городовъ, а также съ записки продажныхъ дворовъ и мѣстъ до 15,000 р. въ годъ; а расходъ бываетъ во всякія статьи. Да въ томъ же приказѣ вѣдомы московскія разбойныя и всякія воровскія приводныя дѣла.

31. Холопій Приказъ, а въ немъ сидитъ стольникъ да дьякъ. А вѣдаютъ въ томъ приказѣ боярскихъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей дворовыхъ ихъ, кабалныхъ, и данныхъ, и записныхъ служилыхъ людей; и кто холопъ кому бьетъ челомъ во дворъ, и его запишутъ въ книги, и даютъ на того холопа вѣчныя служилыя кабалы, и данныя, и на урочныя годы записи, тѣмъ людямъ, кому они бьютъ челомъ; и съ записи тѣхъ людей берутъ записныя пошлыны, а въ годъ соберется тѣхъ пошлынъ съ 500 рублей. А если отъ кого боярина и всякаго чину чело-вѣка люди воруютъ и бѣгаютъ, и смуты чиняютъ, и тѣмъ людямъ указъ въ томъ же приказѣ, по Уложенію. А даютъ на тѣхъ кабалныхъ людей кабалы вѣчныя, если бьетъ челомъ кому во дворъ, на его имя самого, или жены его, или дѣтей, по ихъ вѣкъ. а не на урочныя лѣта; а посадскимъ людямъ, и служакамъ монастырскимъ, и попамъ, и холопамъ барскимъ, дается на служилыхъ людей записи на 5 лѣтъ: а больше 5 лѣтъ держать имъ у себя не велѣно. Также кто кому долженъ, а заплатить будетъ нечѣмъ, и такихъ отдаютъ въ услуги служить, за тотъ долгъ урочныя лѣта; а какіе чины велѣно отдавать за долги въ услуги, это подлинно расписано въ Уложенной Книгѣ.

32. Два приказа Судные: Московскій и Владимірскій, а сидятъ въ нихъ по боярину, да по стольнику, да по дьяку и по два. А вѣдомы въ тѣхъ приказахъ судомъ во всякихъ дѣлахъ бояре и окольничіе, и ближніе и думные люди и стольники, и стряпчіе, и дворяне, и всякіе помѣщики и вотчинники. А доходовъ нѣтъ никакихъ, кромѣ пошлынъ съ судныхъ дѣлъ и того съ 500 р. въ годъ во всякій приказъ.

34) Разбойный Приказъ. а въ немъ сидятъ бояринъ, или окольничій, да стольникъ, или дворянинъ, да два дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы всего Московскаго государства разбойныя, татинныя и приводныя дѣла и мастера заплечные; а тѣхъ мастеровъ на Москвѣ съ 50 чело-вѣкъ, и дается имъ годовое жалованье. Также и въ городахъ для разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ устроены приказныя губныя избы, и вѣдаютъ такія дѣла выборные дворяне, за вѣрою (присягою) и крестнымъ цѣлованіемъ, которые за старостью полковыхъ службъ служить не могутъ. И какого чину ни будь князь, или бояринъ, или и простой чело-вѣкъ пойманъ будетъ на разбоѣ, или въ кражѣ, или въ зломъ дѣлѣ въ смертномъ убійствѣ, поджогѣ и иныхъ преступленіяхъ, то его приводятъ въ Москвѣ въ Разбойный или въ Земскій Приказъ, а въ городахъ въ приказы же и въ губную избу; и если кто былъ на разбоѣ и учинилъ убійство, поджогъ и кражу, и товарищи его разбѣжались и не пойманы, и такого въ

праздники и въ иные дни пытаются и мучать безъ милосердія, для того чтобы по его сказкѣ сыскать товарищей. Также иныхъ злочинцевъ такимъ же образомъ пытаются, смотря по дѣлу, однажды, дважды и трижды, и послѣ пытокъ указъ чинять, до чего доведется. А на которыхъ они людей скажутъ, и тѣхъ людей, сыскавъ всѣхъ, поставятъ съ очей на очи и воровъ пытаются накрѣпко, впрямъ ли тѣ люди, на которыхъ они говорятъ, съ ними въ томъ воровствѣ товарищами, и не напрасно-ли они на нихъ говорятъ. Если съ пытокъ скажутъ, что впрямъ тѣ люди ихъ прямые товарищи или оберегальщики, и тѣхъ всѣхъ также начнутъ пытать. А которые винятся, такихъ сажаютъ въ тюрьму и, смотря по дѣлу, указъ чинять, до чего доведется.

35. Панихидный Приказъ, а въ немъ сидитъ дьякъ. А вѣдомо въ томъ приказѣ поминаніе по умершимъ прежнимъ великимъ князьямъ и царямъ российскимъ, царицамъ, царевичамъ, царевнамъ; и котораго дня должно по комъ творить память, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и въ монастыряхъ по церквамъ, указы посылаются изъ того приказа.

36. Счетный Приказъ, а въ немъ сидятъ два дьяка. Они вѣдаютъ и дѣлаютъ всего Московскаго государства приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ, за многіе годы. А приходъ въ него бываетъ остаточныя деньги, которыя въ которомъ году съ кого не взяты въ царскую казну, также въ которомъ году за расходомъ что осталось въ остаткѣ; а собранныя такимъ образомъ деньги въ расходы ни въ какіе не даются безъ царскаго указа.

И всего на Москвѣ, кромѣ городскихъ и патріаршихъ приказовъ и таможенъ, 42 приказа; а дьяковъ въ тѣхъ приказахъ и по городамъ съ воеводами, со 100 человекъ, подъячихъ съ 1,000 человекъ. А устроены приказы на царскомъ дворѣ: Тайныхъ Дѣлъ, Приказъ Большаго Дворца, Мастерскія Палаты, Аптекарскій, Серебрянаго и Золотаго Дѣла, Оружейный, Монастырскій; а остальные всѣ приказы устроены отъ царскаго двора поодаль, на площади за церквами.

45. А кромѣ царскихъ приказовъ и кромѣ городовъ, и царскихъ дворовыхъ селъ и волостей, и патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископскихъ и епископскихъ приказовъ, нигдѣ никакимъ людямъ судовъ и расправы ни въ чемъ не бываетъ. А бываютъ у патріарха и у властей судебныя дѣла, въ духовныхъ статьяхъ и смертяхъ и въ иныхъ и во всякихъ дѣлахъ такимъ же образомъ, что и въ царскомъ судѣ, всякому чину мужскому полу и женскому, кромѣ разбойныхъ, татинныхъ и пожегныхъ дѣлъ; а кого у нихъ за духовныя дѣла въ воровскихъ статьяхъ осудятъ на смерть, кто какую казнь заслужитъ, и они изъ дѣла выпишавъ, приговоръ свой посылаютъ съ тѣми осужденными людьми въ царскій судъ, и по тому ихъ приговору изъ царскаго суда велятъ казнить безъ задержанья, кто чего достоинъ; а безъ царскаго вѣдома не казнятъ ни за что.

48. А во всякомъ приказѣ, съ городовъ и съ посадовъ, и съ волостей, и съ селъ, и съ деревень и съ таможенъ, и съ кабаковъ, и со всякихъ откуповъ денежныя всякіе доходы, которые города, слободы, волости и села, въ которомъ приказѣ вѣдомы, принимаютъ и раздаютъ подъячіе, помѣсячно.

И всего денежныхъ доходовъ на всякій годъ въ царскую казну приходитъ во всѣ приказы, со всего государства, кромѣ того что исходитъ

въ городахъ, съ десять сотъ съ триста съ одиннадцать тысячъ рублей, кромѣ сибирской казны.

ХСІХ. УСТРОЙСТВО ПРИКАЗОВЪ ВЪ ЭПОХУ УЛОЖЕНІЯ.

(Изъ соч. Дмитріева: «Исторія судебныхъ инстанцій отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ»).

Центральная, приказная администрація не потерпѣла существенныхъ измѣненій въ эпоху Уложения. Въ ней по-прежнему проглядываетъ личное начало. Однако въ мѣрахъ и распоряженіяхъ правительства болѣе прежняго видно стремленіе къ внесенію порядка и единства въ это управленіе.

Приказы безпрестанно умножались въ XVII вѣкѣ. Изъ придворныхъ образовались: 1) нѣсколько Мастерскихъ Палатъ, завѣдывавшихъ личною службою царицъ и даже царевнъ. Эти палаты, разумѣется, существовали только при жизни того лица, для котораго были учреждены. Въ вѣдомствѣ ихъ состояли тѣ мастеровые люди, которые должны были работать на царицу. 2) Панафидный Приказъ, или Панафидная Палата, возникъ около 1663 г. 3) Сытенный дворъ, завѣдывавшій царскими погребями. 4) Кормовой дворецъ, завѣдывавшій расходами по царскому столу. 5) Хлѣбный дворъ, завѣдывавшій расходами хлѣбныхъ запасовъ на столъ государя. Изъ мѣстныхъ государственныхъ приказовъ возникли: 1) Приказъ Золотого и Серебрянаго дѣла и 2) Оружейная палата. Первый вѣдалъ мастеровъ, дѣлавшихъ разную посуду и церковную утварь, а вторая—оружейныхъ мастеровъ. Центральные приказы частью измѣнились, частью умножились. Изъ нихъ къ территориальнымъ прибавились: 1) Малороссійскій, 2) Великороссійскій, управлявшій дѣлами Ахтырскаго, Сумскаго, Харьковскаго и Изюмскаго слободскихъ полковъ; 3) Смоленскій, 4) Литовскій и 5) Лифляндскій. Изъ четвертой остались въ это время: Новгородская, Устюжская, Костромская, Галицкая и Новая. Изъ сословныхъ прибавились: Рейтарскій и возстановленный Монастырскій приказы. Изъ управлявшихъ отдѣльнымъ родомъ дѣлъ образовались: 1) Счетный, повѣрявшій приходъ и расходъ всего Московскаго государства; 2) Хлѣбный, управлявшій тѣми городами и волостями, гдѣ устроена была пашня на царя; 3) Преображенскій и 4) Тайныхъ Дѣлъ, родъ тайной канцеляріи государя.

Распределеніе дѣлъ между приказами сохранило прежнюю неправильность. Такъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ завѣдывалъ также гранатнымъ дѣломъ и царскою лѣтнею потѣхой, Хлѣбный Приказъ завѣдывалъ кабаками и таможенными нѣкоторыхъ городовъ, Разрядъ также и т. д. Нѣкоторые дѣла, такъ сказать, странствуютъ по различнымъ мѣстамъ, напримѣръ, гранатное дѣло было и въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, и въ Приказѣ Большаго Дворца. Мѣры для упрощенія приказнаго управленія были прежнія, но принимались еще чаще. Къ нимъ относятся: а) Соединеніе однородныхъ приказовъ. Такъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ въ 1682 г. соединенъ съ Разрядомъ, а въ 1700 г. Владимірскій Судный Приказъ соединенъ съ Московскимъ; Земскій Приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ, который и прежде завѣдывалъ многими земскими дѣлами; Иноземскій—съ Рейтарскимъ; Приказъ Холопьяго Суда—съ Суднымъ; б) Учрежденіе присудныхъ приказовъ. Въ эпоху Уложенія ихъ было очень много, и въ подчиненіи замѣтно болѣе системы. Приказу Большаго Дворца были присудны всѣ такъ называемые *дворы*. Посольскому—всѣ мѣста, завѣдывавшія новыми пріобрѣтеніями Россіи. Но совершенной однородности между подчиненными приказами искать, разумѣется, нельзя. Поэтому отъ Посольскаго Приказа, напримѣръ, зависѣли и нѣкоторыя старинныя области. Его присудные приказы были: Великороссійскій, Малороссійскій, Литовскій, Смоленскій, Новгородскій, Устюжскій, Владимірскій, Галицкій, Половняничинъ. Тоже для введенія іерархіи, указомъ 23-го февраля 1677 г., велѣно было во всѣ приказы, гдѣ сидятъ думные люди, писать изъ Разряда не памятами, а указомъ. Этими всѣ общія административныя мѣста поставлены въ зависимость отъ Разряда: извѣстно, что думные люди обыкновенно управляли приказами, завѣдывавшими цѣлою от-

рассю государственнаго управленія. Разрядъ стоялъ даже вообще во главѣ всѣхъ приказовъ, пока князь В. В. Голицынъ своимъ личнымъ вліяніемъ не далъ перевѣсъ Посольскому, что удержалось и въ послѣдствіи. Кромѣ общихъ мѣръ, приказы соединялись иногда въслѣдствіе порученія ихъ одному лицу. Такъ Милославскій завѣдывалъ въ 1682 г. четырьмя приказами: Новгородскимъ, Большаго Прихода, Владимирскимъ и Галицкой Четвертью. Всѣ эти приказы были при этомъ соединены, „чтобъ челобитчикамъ по тѣмъ разнымъ приказамъ лишнія волокиты не было“. Въ слѣдующемъ году Владимирская и Галицкая Четверти и Новгородскій Приказъ снова подчинены Посольскому Приказу. Точно также Житный Приказъ былъ соединенъ съ Стрѣleckимъ, Литовскій Приказъ въ 1666 году съ Разрядомъ, Челобитный Приказъ въ 1678 году съ Суднымъ. Иногда и безъ этого окончательнаго соединенія приказовъ, управленіе нѣсколькими изъ нихъ поручалось одному лицу. Въ 1657 г. одни и тѣ же дѣлки вѣдали Земскій Приказъ и Костромскую Четверть; въ 1698 г. послѣднею управляли тѣ же судьи, что и въ Стрѣleckомъ Приказѣ; Литовскій Приказъ и Устюжская Четверть въ 1677 г. находились подъ управленіемъ боярина Стрѣшнева. Какія причины побуждали иногда правительство соединять приказы, объ этомъ есть слѣдующее любопытное извѣстіе. „Языковъ, говоритъ оно, присовѣтовалъ царю Ѳеодору Алексѣевичу Милославскаго дѣлами отяготить, дабы ему для оныхъ удобность часто при дворѣ быть отнять, положили на него труднѣйшіе восемь приказовъ“.

Дѣла, поступавшія въ приказы, какъ въ первую инстанцію, начинались и производились точно такъ-же, какъ и прежде. Отношенія городовъ къ приказамъ не только не сдѣлались опредѣленныя, но съ развитіемъ администраціи еще болѣе запутались. Отсутствие всякихъ началъ видно адѣсь въ каждой мѣрѣ правительства. По словамъ Котошихина, Посольскій Приказъ вѣдалъ пять городовъ „для приказнаго строенія“, т. е. другими словами, для дохода. Едва-ли не съ этою цѣлью города такъ часто передавались изъ одного вѣдомства въ другое. Разумѣется, столкновенія были неизбежны, но они всегда разрѣшались частными распоряженіями. Напримѣръ, въ 1692 г. Ярославль, Ростовъ и Переяславль-Залѣскій были соединены подъ управленіемъ одного воеводы. Изъ этихъ городовъ Ярославль зависѣлъ прежде отъ Разряда, а Ростовъ съ Переяславлемъ отъ Костромской Четверти. Возникъ вопросъ, откуда давать воеводскіе указы? Законъ вовсе не предвидѣлъ подобнаго случая. Къ какому отягощенію областныхъ жителей вела эта неопредѣленность, видно изъ многочисленныхъ ихъ жалобъ. Вотъ какъ изображали свое положеніе псковскіе посадскіе люди въ челобитной 1665 г. „И въ розныхъ, государь, приказѣхъ, индѣ ратями, индѣ сборами денежными Псковъ вѣдомъ; а намъ, сиротамъ твоимъ, отъ разныхъ приказовъ и отъ пятинныхъ денегъ тягостъ не въ мѣру, задолжены у нѣмцевъ и товары на ихъ деньги собираемъ изъ малаго найму, чѣмъ питаемся, а по запискамъ въ книгахъ на насъ, сиротахъ твоихъ, изъ того начинаютъ пятинныя деньги, будто съ нашихъ животовъ; и мы, государь, не вѣдаемъ, бѣдные сироты твои, гдѣ заступленія искать, и ктобъ за насъ, сиротъ твоихъ, вступился. Разрядъ, государь, рати строить и указъ твой великаго государя..., а изъ Новгородскія Чети и изъ иныхъ приказовъ денежныхъ сборовъ твоей великаго государя казны на насъ, бѣдныхъ сиротахъ твоихъ, спрашиваютъ въ отпускъ, изъ Пскова къ Москвѣ; а чтобъ, великій государь, въ одномъ приказѣ рати и доходы денежные и хлѣбные псковскаго государства... были и насъ, сиротъ твоихъ, вѣдали строеніемъ, псковскому государству лучше бы показалось и напасныхъ обидъ и разоренія не было“. Въ отвѣтъ на эти жалобы, правительство или подчиняло города по прежнему одному приказу, или принимало косвенныя мѣры, не всегда удобныя. Кажется, съ этою цѣлью въ воеводскихъ наказахъ предписывалось иногда не дѣлать исполненія по приказаніямъ другихъ приказовъ, безъ послушной грамоты изъ того, которому городъ подчиненъ въ военномъ и финансовомъ отношеніи; напр. въ 1697 г. казанскому воеводѣ велѣно по всѣмъ дѣламъ ждать послушной грамоты изъ Казанскаго Дворца. Но и эта мѣра относилась едва ли не къ однимъ важнѣйшимъ городамъ.

Составъ присутствія въ приказахъ остался безъ всякой перемѣны. Извѣстій объ этомъ болѣе прежняго, но изъ нихъ трудно сдѣлать какое-нибудь новое заключеніе. Не легко даже различить настоящихъ судей отъ канцеляріи. Напримѣръ, дѣлки иногда судили, иногда только завѣдывали письмоводствомъ.

Число судей, по прежнему, случайно. Правда, Уложение вездѣ предполагает ихъ нѣсколько; но изъ этого никакъ нельзя заключать о коллегіальномъ началѣ. Хотя и сказано, что когда судьи болѣны или въ отпускѣ, то безъ нихъ допускается одно судовореніе, а рѣшеніе должно быть постановлено вмѣстѣ (вопче), но цѣль здѣсь была другая. Уложение не довѣряетъ однимъ судейскимъ товарищамъ и позволяетъ имъ рѣшать дѣла безъ судей только въ крайнихъ случаяхъ, въ видѣ исключенія. Судья долженъ присутствовать въ приказѣ подѣ страхомъ наказанія за нарушеніе этой обязанности. Законными причинами отсутствія названы только болѣзнь, мѣстническія дѣла и важный недосугъ. Главною цѣлью этихъ законовъ было облегчить производство дѣлъ, возложивъ на нѣсколько лицъ. Оттого въ числѣ судей нерѣдко бывають самые близкіе родственники. Такъ въ 1686 г. Аптекарскимъ Приказомъ завѣдывали двое князей Одоевскихъ; когда въ 1689 г., одинъ изъ нихъ умеръ, то на мѣсто его былъ назначенъ его сынъ. Въ 1666 г. Приказомъ Большой Казны и Лифляндскихъ дѣлъ управляли окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово да сынъ его. Въ 1689 г. въ Иноземномъ Приказѣ были братья Голицыны, князь Василій Васильевичъ и князь Алексѣй Васильевичъ. Случалось также, что приказныя дѣла раздѣлялись между судьями и даже дяками, и такимъ образомъ при наружной коллегіальности устройства, управление превращалось въ совершенно личное. Извѣстно, напр., что гости и гостиная сотня обыкновенно завистли отъ Казеннаго Двора; но въ 1665 г. они были подчинены только одному изъ членовъ этого приказа. Въ 1677 г., по закрытіи Монастырскаго Приказа, всѣ дѣла его предписано вѣдать въ Приказѣ Большаго Дворца, а денежные его недоимки собирать въ Новой Четверти думному дяку Ивану Горохову, между тѣмъ какъ въ этомъ приказѣ главнымъ судьей былъ тогда бояринъ Милославскій и другими дѣлами, напр., калмыцкими, дякъ управлялъ съ нимъ вмѣстѣ. Точно также, и при наружномъ подчиненіи одного мѣста другому, въ дѣйствительности существовали иногда только отношенія между лицами. Вотъ примѣры. Съ 1671 года Костромская Четверть была подчинена Большому Дворцу. Въ 1677 г. членами этого приказа были: бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, стольникъ Александръ Севастьяновичъ Хитрово и при нихъ пять дяковъ; но Костромскою Четвертью, кромѣ главнаго судьи, никто изъ нихъ не завѣдывалъ; при бояринѣ Хитрово въ этомъ приказѣ состоялъ особый дякъ. Въ 1676 г., когда, по удаленіи боярина Матѣева, въ Посольскій Приказъ былъ назначенъ думный дякъ Ларіонъ Ивановъ, то присудные приказы вѣдалъ не онъ, а другіе дяки, его товарищи. Иногда подчиненіе одного мѣста другому носило не только личный, но даже частный и, такъ сказать, домашній характеръ. Напр., въ 1704 г., судья Преображенскаго Приказа кн. Ромодановскій, завѣдуя Сибирскимъ Приказомъ, не только не присутствовалъ въ немъ, но даже не писался въ грамотахъ, хотя и принималъ докладъ отъ дяковъ.

О внѣшнемъ порядкѣ въ приказахъ вышло много постановленій. Въ Уложеніи перечислены неприсутственные дни для всякихъ дѣлъ, кромѣ великихъ царственныхъ: Рождество Христово, Богоявленіе и другіе господскіе праздники. Сырная недѣля, Страстная недѣля, семь дней по Пасхѣ и семейные праздники царскаго семейства. Въ 1649 г. не велѣно нигдѣ присутствовать въ субботу послѣ обѣда, а въ воскресенье до обѣда, кромѣ Разряда, Посольскаго Приказа и Большаго Дворца; въ 1690 г. запрещено присутствовать съ 24-го декабря по 8-е января. Указы послѣ Уложенія назначаютъ ежедневные сроки засѣданій. Указомъ 1658 года велѣно сидѣть въ приказахъ днемъ и ночью, двѣнадцать часовъ; указомъ 1669 г., съ 1 до 8 часовъ ночи; въ 1670 г. просто предписано: въ приказы прѣбывать повседневно поранѣе, а изъ приказовъ выходить попозже. Въ 1680 г. велѣно, какъ поутру, такъ и вечеромъ заниматься службой по пяти часовъ. Это огромное количество времени, посвящаемое службѣ, объясняется тѣмъ, что всѣ дѣла приказные люди обязаны были производить во время присутствія; брать къ себѣ дѣла на домъ было строго запрещено.

Дѣлопроизводствомъ приказовъ завѣдывали дяки-товарищи. Они скрѣпляли всѣ исходящія грамоты. Упомянутое же о нихъ въ началѣ актовъ было вопросомъ чести, дѣломъ мѣстническихъ соображеній. Оттого съ одними изъ судей они писались, а съ другими нѣтъ. Общаго, однообразнаго правила на это не было очень долгое время. Только въ 1680 г. было велѣно, во всякихъ

указахъ и дѣлахъ писаться одному большому судѣ съ товарищами, а не поименно. Дѣяки управляли всѣмъ. Они выдавали приставныя памяти, держали списки недѣльщиковъ, помѣчали поручныя, выдавали записныя книги для записки суднаго дѣла и распределяли дѣла между подъячими. Отвѣтственность ихъ была очень строгая: за промедленіе, кромѣ взысканія въ пользу челобитчика, они подвергались битью батогами; за приказаніе подъячему неправильно записать дѣло ихъ били кнутомъ. Канцелярія раздѣлялась на столы, которыми завѣдывали старые подъячіе. Наказанія за взятки или безпорядокъ были для нихъ еще тяжелѣе: за взятіе къ себѣ дѣла изъ приказа „для какія ни буди хитрости“ и за поправку одному изъ тяжущихся въ ущербъ другому ихъ били кнутомъ и отставляли отъ должности, также за медленное производство, или за невнесеніе суднаго списка въ книгу, съ цѣлью утаить пошлины; наконецъ, если подъячій записывалъ дѣло неправильно, даже по приказанію дѣяка, то подвергался отсѣченію руки. Такъ было поставлено въ Уложеніи, и эти наказанія были не одинъ разъ подтверждаемы. Указомъ 1697 г. подъячимъ велѣно беречь выписки и всякія дѣла и отписки, и челобитчикамъ, безъ доклада начальныхъ людей, не показывать. Въ случаѣ потери акта или самовольнаго сообщенія его просителю, предписано производить розыскъ „со всякою жесточью“ и, по розыску, чинить нещадное наказаніе, или править большія пени, „для того, что за его, великаго государя, годовое жалованье и за подаваніе отъ челобитчиковъ они питаются, и, то памятуя, надобно старымъ подъячимъ и молодымъ всякія дѣла дѣлать и беречь со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ“.

Приставы въ нѣкоторыхъ приказахъ носили особенныя названія: въ Посольскомъ были толмачи, въ Приказѣ Большаго Дворца трубники. Кромѣ приставовъ для разсылки еще употреблялись денежники и пушкаріи.

Въ канцеляріяхъ приказовъ по временамъ производили ревизію. Она состояла въ томъ, что судьямъ предписывалось описать дѣла, счесть подъячійхъ и довести объ этомъ къ извѣстному числу государю подъ страхомъ опалы. Поводомъ къ этому были, кажется, взятки подъячійхъ.

С. ХАРАКТЕРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ БОЯРСКОЙ ДУМЫ.

(Изъ соч. Ключевскаго «Боярская дума древней Руси»).

Боярская дума древней Руси была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, давній обычай неразрывно связалъ объ эти политическія силы, и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго. Эпохи, когда они разрывались, когда Боярская дума оставалась одна безъ государя, какъ въ Смутное время, или когда государь отдѣлялся отъ Думы, какъ во времена опричнины Грознаго, такія эпохи были ненормальными кризисами, болѣзненными состояніями государства. Точно также и древнерусское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти: законъ являлся передъ управляемыми въ видѣ государева указа и боярскаго приговора, и какъ въ боярскомъ приговорѣ они видѣли государевъ указъ, такъ и за государевымъ указомъ предполагался боярскій приговоръ. Вотъ почему собственно нельзя говорить о правительственномъ вѣдомствѣ Боярскаго думы, какъ о чемъ-то очень опредѣленномъ, о ея политическомъ авторитетѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государственной власти. Пространство дѣятельности Думы совпадало съ предѣлами государственной верховной власти, потому что послѣдняя дѣйствовала вмѣстѣ съ первой и черезъ первую. Изъ этого общаго основанія развились всѣ существенныя свойства правительственной дѣятельности древнерусской Боярскаго думы.

Непосредственная дѣятельность верховной власти въ древней Руси опредѣлялась не суммой политическихъ прерогативъ этой власти, а количествомъ на-

личныхъ правительственныхъ потребностей. Носители верховной власти не любили спрашивать себя о томъ, на что они имѣютъ право и на что не имѣютъ его. Они считали себя призванными тамъ, гдѣ переставали дѣйствовать другіе, дѣлать то, чего не могли сдѣлать подчиненныя имъ орудія управленія. Но эти орудія руководились въ своей дѣятельности заведеннымъ порядкомъ, должны были дѣлать только то, на что указывали имъ прямой законъ или признанный обычай. Гдѣ кончались этотъ законъ и этотъ обычай, тамъ начиналась дѣятельность высшаго правительства. Этимъ общимъ правиломъ древнерусской администраціи опредѣлялась и сфера дѣятельности Боярской думы. Она указывала исполнительнымъ органамъ управленія, какъ надобно дѣлать то, чего они не могли сдѣлать безъ указанія сверху, т.-е. на что не давали имъ указаній дѣйствующій законъ и признанный обычай. Черезъ Думу проходило множество дѣлъ, которыя мы называли бы судебными или административными. Однако, мы неточно опредѣляли бы ея характеръ, если бы приписали ей судебныя и административныя функціи. Если подъ судебнымъ или административнымъ мѣстомъ разумѣть учрежденіе, дѣйствующее на основаніи готового закона, то Боярская дума не была такимъ учрежденіемъ. Она разбирала известное судебное или административное дѣло не на основаніи готового, прямого и яснаго закона; это дѣло и не поступило бы въ Думу, если бы существовалъ прямой и ясный законъ, на основаніи котораго можно было бы разрѣшить его. Дума разрѣшала такое дѣло, чтобы показать, какъ надобно впредь рѣшать подобныя дѣла; ея судебный или административный приговоръ становился прецедентомъ, получалъ силу закона. Значитъ, Дума законодательствовала, а не судила и не вела дѣлъ текущей администраціи; точнѣе говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи. Этимъ объясняются нѣкоторыя особенности въ дѣятельности Думы, которыя съ перваго взгляда кажутся странными. Однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ дѣятельности законодательныхъ учрежденій обыкновенно служатъ вопросы государственнаго хозяйства, дѣла финансовыя. Но эти дѣла всегда составляли сравнительно мало замѣтный элементъ въ вѣдомствѣ Московской боярской думы, сколько можно судить о томъ по сохранившимся памятникамъ ея законодательныхъ трудовъ. Напротивъ, эти памятники переполнены дѣлами по службѣ и служилому землевладѣнію, иногда удивительно мелкими на нашъ взглядъ. Это потому, что теченіе государственнаго хозяйства рано вошло въ твердо установившееся русло и могло быть въ большей степени отдано въ руки исполнительныхъ органовъ управленія, чѣмъ дѣла служилыя и поземельныя, требовавшія постоянного надзора и заботливаго руководства со стороны законодателя.

Итакъ, Боярская дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Вотъ почему при изученіи ея правительственной дѣятельности не совсѣмъ удобно прилагать къ ней обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и административныя. Такое дѣленіе внесло бы въ эту дѣятельность расстройство, какого не знала или не признавала сама Дума. Это не значитъ, что думные люди тѣхъ вѣковъ не умѣли отличать дѣла законодательныя отъ судебныхъ или административныхъ. Но правительственная практика Думы основана была не на различіи дѣлъ по существу, а на различіи процессовъ, какими разрѣшались дѣла, восходившія въ Думу. Потому однородныя дѣла рѣшались иногда различными процессами, и наоборотъ—различныя по характеру дѣла шли одинаковымъ путемъ. Въ процессѣ думскаго дѣлопроизводства надобно различать порядокъ возбужденія дѣла и порядокъ его „вершенія“. Дѣло возбуждалось въ Думѣ тремя путемъ: 1) государевымъ указомъ, 2) приказнымъ докладомъ и 3) частнымъ челобитиемъ. Дѣло вершилось: 1) думской комиссіей, 2) общимъ собраніемъ Думы безъ участія государя, 3) общимъ собраніемъ подъ предѣлательствомъ государя и 4) соборомъ, т.-е. Думой съ высшимъ духовенствомъ.

Думные люди, какъ государственные совѣтники, а не какъ начальники приказовъ, сами очень рѣдко возбуждали въ Думѣ вопросы, подлежавшіе ея обсужденію. Это возбужденіе обыкновенно шло сверху или снизу, а не изъ среды самого совѣта; что не могло быть доложено не изъ какого приказа, что не входило въ текущее приказное дѣлопроизводство, то вносилъ въ Думу самъ государь. Ему принадлежалъ починъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики и внутренняго государственнаго строенія. Такія дѣла разумѣли москов-

скіе бояре царя Василія Шуйскаго, когда въ 1608 г. писали гетману второго Лжедмитрія Рожинскому, что въ Московскомъ государствѣ во всякихъ дѣлахъ безъ царскаго „повелѣнія и начинанія ссылаться и дѣлать не привыкли“. Царь или самъ лично предлагалъ вопросъ на обсужденіе боярамъ, или только указывалъ имъ „сидѣть“ объ извѣстномъ дѣлѣ, ставилъ его на очередь, но самъ не присутствовалъ при его обсужденіи. Такъ, въ 1573 г., во время войны съ Швеціей, когда воеводы вернулись изъ неудачнаго похода въ Новгородъ, гдѣ находился царь, послѣдній велѣлъ боярамъ „о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ съ свейскимъ королемъ впередъ быти“; первосовѣтникъ кн. Воротынский съ боярами приговорили вступить съ шведскимъ королемъ въ переговоры, приостановивъ военныя дѣйствія. Вскорѣ по завоеваніи Казани царь, уважая къ Троицѣ, поставилъ Думѣ на очередь два вопроса, велѣлъ „безъ себя“ сидѣть объ устройствѣ новозавоеваннаго царства и о кормленіяхъ. т.-е. о преобразованіи областнаго управленія. Возбуждая дѣло въ Думѣ лично, царь предлагалъ совѣтникамъ, чтобы они, „помыслиа о томъ крѣпко и единодушно согласясь, государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быти“. Въ особо важныхъ случаяхъ царь вносилъ въ Думу заранее заготовленные письменныя предложенія. На Стоглавый соборъ 1551 г. царь Иванъ смотрѣлъ, какъ на государственную Боярскую думу съ участіемъ духовенства, а не какъ на словесное собраніе представителей духовенства только по дѣламъ церкви, и въ посланіи своемъ къ этому собранію обращался не только къ святителямъ, архимандритамъ и „всему священному собору“, но и къ „братіи своей, любимымъ своимъ князьямъ, боярамъ и воинамъ“. Потому кромѣ 37 вопросовъ, касавшихся собственно „церковнаго строенія“, онъ внесъ на Соборъ еще болѣе 10 предложеній, которыя касались государственнаго устройства, того, что царь отъ лица государственнаго правительства называлъ „нашими нуждами и земскими нестроеніями“. Здѣсь царь говорилъ о мѣстничествѣ, о помѣстьяхъ и вотчинахъ, о мытахъ и корчмахъ, объ общей поземельной описи всего государства,—все о предметахъ возбуждавшихъ самое заботливое вниманіе московской законодательной власти въ XVI в. Предложенія эти—или простые вопросы, обращенные къ Собору, или цѣлыя развитыя законопроекты. Они, какъ видно по ихъ изложенію, были написаны или продиктованы самимъ 21-лѣтнимъ царемъ; ихъ долженъ былъ прочитать дьякъ въ присутствіи царя, святителей и бояръ, которыхъ царь приглашалъ вмѣстѣ съ нимъ о томъ „посовѣтовать вкупѣ, приговорити и уложить“. Сохранилась единственная въ своемъ родѣ записочка царя Алексѣя Михайловича, „о какихъ дѣлахъ говорить боярамъ“. По намекамъ царя видно, что она написана въ 1657 году: упомянуты здѣсь кн. Василій—это астраханскій воевода бояринъ Ромодановскій, устроившій тогда договоръ съ калмыками. Отъ этого маленькаго документа вѣетъ тою свѣжестью и добротой, какой проникнуто все, написанное или продиктованное этимъ умнымъ и добрымъ царемъ. Читая записку, живо чувствуешь, какія отношенія существовали между этимъ царемъ и его совѣтниками, какіе вопросы обсуждались въ Думѣ и даже какъ обсуждались. Это краткій конспектъ, показывающій, какъ царь *готовился* къ засѣданіямъ Думы. Онъ не только записалъ, какіе вопросы предложить на обсужденіе бояръ, но и намѣтилъ, что самому говорить о томъ или другомъ изъ нихъ, какъ рѣшить его. Кой о чемъ онъ навелъ справки, записалъ цифры, сколько людей въ томъ или другомъ полку. О другомъ надобно будетъ навести справки въ подлежащемъ приказѣ: тамъ это знаютъ, выпишутъ въ докладъ, и по этому докладу, поговоривъ съ боярами, можно будетъ рѣшить дѣло. Объ иныхъ предметахъ царь не имѣлъ никакого мнѣнія и не знаетъ, какъ рѣшать бояре; о другихъ онъ имѣетъ нерѣшительное мнѣніе, отъ котораго откажется, если станутъ возражать. Онъ даже старается угадать эти возраженія и приготовить отвѣтъ на нихъ. Шведское посольство, задержанное въ Москвѣ, просило позволить ему послать въ Швецію гонца за новыми инструкціями: „сидѣть-де надокучило“. Царь думаетъ, что и позволить „не будетъ худа“. Но вѣдь гонецъ передастъ дома московскія вѣсти?—Ну такъ что же? „они давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца“. По другимъ вопросамъ царь составилъ твердое мнѣніе, за которое онъ будетъ упорно бороться въ Совѣтѣ, если встрѣтитъ сопротивленіе: это вопросы не административной техники или дипломатической осторожности, а простой справедливости и служебной добросовѣстности. Астраханскій воевода въ чемъ-то провинился, по слухамъ даже уступилъ калмыкамъ православныхъ плѣнниковъ, захвачен-

ныхъ ими. Царь рѣшилъ назначить ревизора „сыщика“, а къ воеводѣ послать наказъ, какъ ему жить, отнявъ у него честь (чинъ), да написать ему „съ грозою и милостію, чтобы онъ къ намъ, великому государю, вину свою покрылъ службою“, казнѣ сдѣлалъ бы прибыль свѣше прежняго и тѣмъ возвратилъ бы себѣ отнятую честь, а смѣнять его незачѣмъ, „убыточно и Астрахани къ изводу (разорительно)“. Если же правда, что слышно о плѣнникахъ, „за то довелась ему казнѣ смертная, а то самое легкое, что отсѣчь руку и сослать въ Сибирь“, конфисковать помѣстья и вотчины. Составляя свой конспектъ, царь уже воображалъ себя говорящимъ въ палатѣ: за плѣнниковъ, пишетъ онъ далѣе, „учинить казнѣ, какую *приговорите* по сему наказу“.

Всего чаще дѣла возбуждались въ Думѣ такъ называемыми *судейскими докладами* или *докладными выписками*, восходившими изъ приказовъ. Эти доклады были двухъ родовъ, казуальные и кодификаціонные. Приказъ выписывалъ о какомъ-нибудь дѣлѣ либо по справкѣ со стороны царя или Думы, либо по собственному побужденію когда не могъ самъ рѣшить дѣла. Послѣднее бывало въ случаѣ неполноты, неясности или разногласія законовъ. Въ докладной выпискѣ налагалась сущность дѣла, приводились относящіеся къ нему статьи закона и ставился вопросъ, выведенный приказомъ изъ примѣненія этихъ статей къ данному дѣлу. Вопросъ заключалъ въ себѣ случай или отношеніе, котораго не предусматрѣлъ законъ, и выражался въ обычной формулѣ: „и великій государь о томъ что уложить“ или „что укажетъ?“ Къ такимъ докладнымъ выпискамъ можно отнести и обязательные доклады о дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ по особому закону принадлежало исключительно государю съ Думой.

Въ докладныхъ выпискахъ кодификаціоннаго характера обобщались частные однородные случаи, возбуждавшіе недоумѣніе приказа или превышавшіе его компетенцію, и это обобщеніе выражалось въ формѣ мотивированнаго вопроса. Судья приказа либо устно излагалъ въ Думѣ этотъ вопросъ, „говоря о томъ съ бояры“, либо вмѣстѣ со своими дьяками вносилъ о томъ письменный докладъ. Иногда приказъ представлялъ Думѣ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ или „статей“ объ извѣстномъ предметѣ. Часто, если не всегда, это дѣлалось по особому порученію государя и Думы. Такой докладъ носилъ специальное названіе *статейнаго списка*.

По извѣстнымъ намъ статейнымъ спискамъ нельзя рѣшить, всегда ли дѣла докладывались сперва однимъ боярамъ, а потомъ государю съ боярами; но въ нѣкоторыхъ спискахъ можно замѣтить слѣды вторичнаго доклада. Кромѣ отвѣтовъ, подъ каждой вопросной статьей съ обычной формулой „государь указалъ и бояре приговорили“ или „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили“, на статейныхъ спискахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и другихъ важныхъ предметахъ встрѣчаемъ во главѣ статей еще общую помѣту, которая гласитъ, что государь указалъ и бояре приговорили „симъ статьямъ быть такъ, какъ въ сей докладной выпискѣ написано подъ статьями“. Въ иныхъ докладныхъ спискахъ отвѣты подъ статьями представляютъ не краткія помѣты, а развитыя законоположенія со слѣдами тщательной редакціонной обработки, какую они едва ли могли получить въ ту минуту, когда думный дьякъ помѣчалъ приговоры боярскаго совѣта. Притомъ здѣсь не повторяется предъ каждой отвѣтной статьей обычная законодательная формула, а только во главѣ списка отмѣчено просто: „бояре, слушавъ статей, приговорили быть такъ, какъ въ сей докладной выпискѣ написано“. Можно думать, что вопросный списокъ съ помѣченными на немъ отвѣтами Думы переписывался въ доложившемъ его Приказѣ, причемъ помѣты, положенныя на немъ при первомъ докладѣ, обрабатывались, получали надлежащую редакцію и въ таковомъ отдѣланномъ видѣ вторично докладывались Думѣ, которая давала имъ окончательное утвержденіе. Впрочемъ, въ актахъ есть и болѣе прямая указанія на то, что приговоры бояръ обрабатывались въ приказахъ. Эти приговоры по частнымъ дѣламъ представляютъ обыкновенно развитыя, мотивированныя резолюціи съ изложеніемъ сущности дѣла и основаній его рѣшенія. Но встрѣчаются и краткія необработанные приговоры, въ которыхъ основанія едва намѣчены, но которые заканчиваются словами: „написать въ боярский приговоръ изъ дѣла подлинно. Это значило, по нашему мнѣнію, развитъ боярский приговоръ, указавъ главныя обстоятельства дѣла и основанія его рѣшенія. Законопроектовъ въ собственномъ смыслѣ безъ предварительнаго доклада вопросныхъ статей и безъ думскихъ помѣтъ подъ ними указы, повидимому, не составляли.

Кромѣ государева почина и приказнаго доклада, дѣла возбуждались въ Думѣ еще частными ходатайствами на государево имя, шедшими отъ отдельныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ. Самый докладъ изъ Приказа иногда вызывался такой частной просьбой. Указъ 1694 г., пересчитывая дѣла, какія докладываются боярамъ въ Думѣ, говорить объ апелляціяхъ на рѣшенія приказовъ и о всякихъ челобитныхъ, въ которыхъ о чемъ либо быть челомъ государямъ. Обычнымъ средствомъ возбужденія въ Думѣ вопроса по частному дѣлу была *подписная челобитная*. Ее смѣшиваютъ иногда съ *заручной* челобитной, подававшейся „за руками“ челобитчиковъ и ихъ сторонниковъ, т. е. ими подписанной. Но заручная могла быть подписной, могла и не быть. Подписная шла мимо низшихъ инстанцій прямо „на верхъ“. Когда царь выѣзжалъ изъ столицы или въ праздники выходилъ изъ дворца въ церковь, всякіе люди могли подавать ему челобитныя. Существовало особое учрежденіе, Челобитный приказъ, начальникъ котораго съ дьякомъ принималъ эти челобитныя и по нимъ расправу чинилъ, а которыхъ не могъ рѣшить, тѣ „вносилъ“ къ государю. По указу 1694 г., когда уже не было этого Приказа, люди высшихъ чиновъ приносили челобитныя въ Золотую палату дворца, а другіе дожидались на площади у Краснаго крыльца, пока у нихъ примутъ просьбы. Думные дьяки вносили эти челобитныя „въ верхъ“, гдѣ ихъ слушали, по Котошихину, самъ царь и бояре. Если челобитная не получала „отказа“, не оставлялась безъ послѣдствій, то государь и бояре направляли ее въ тотъ или другой Приказъ, гдѣ ее разсматривали и составляли по ней докладную выписку, которую вносили въ Думу. Что государь съ боярами указывалъ сдѣлать по челобитной, то на ней помѣчалъ или *подписывалъ* какой либо думный дьякъ: отсюда и названіе подписной челобитной. Пока Челобитный приказъ не былъ въ 1685 г. слитъ съ Суднымъ Владимірскимъ, такіа челобитныя съ „подписями“ прочитывались его подъячими на площади передъ царскимъ дворомъ „всѣмъ людямъ“ и отдавались челобитчикамъ, или вручались имъ въ самомъ Приказѣ, а тѣ, смотря по подписи, вносили свои просьбы въ тотъ Приказъ, гдѣ велѣно было разсмотрѣть ихъ дѣла. Подписная челобитная подписывалась думнымъ дьякомъ по докладу: подписная по распоряженію судьи какаго-либо Приказа безъ доклада, „самовольствомъ“, считалась незаконной. Впрочемъ, прошенія по дѣламъ, о которыхъ существовалъ прямой и ясный законъ, кажется, предоставлено было подписывать думнымъ дьякамъ и безъ доклада; въ противномъ случаѣ Приказъ, куда поступила челобитная къ исполненію, обязанъ былъ доложить ее государю. Въ иныхъ дѣлахъ подписная была обязательна: такъ, по указу 1666 г. запрещено было высшему купечеству, гостямъ, покупать и брать въ закладъ вотчины безъ подписныхъ челобитныхъ. Это значило другими словами, что гости не могли приобретать вотчины безъ доклада государю; подписная челобитная была для челобитчиковъ справкой о позволеніи совершить тотъ или другой актъ. Подписныя челобитныя имѣли очень важное значеніе въ развитіи московскаго законодательства: это была наиболее обычная, такъ сказать, ежедневная форма участія общества въ устройствѣ общественнаго порядка. Въ памятникахъ XVII в. находимъ многочисленныя слѣды коллективныхъ челобитныхъ, поданныхъ служилыми людьми московскихъ чиновъ, дворянами разныхъ уѣздовъ и другими классами съ заявленіемъ своихъ мѣстныхъ или сословныхъ нуждъ, съ указаніемъ на какой-либо пробѣлъ въ законодательствѣ. Эти челобитныя подавались обычнымъ порядкомъ, какъ и другія частныя просьбы, проходившія черезъ Челобитный приказъ, докладывались и подписывались думными дьяками, вызывали „выписи“ и доклады изъ Приказовъ, обсуждались въ Думѣ и такимъ образомъ подавали поводъ къ очень важнымъ узаконеніямъ. Довольно сказать, что статьи уложенія, зачислившія въ городское тягло городскія и подгородныя слободы частныхъ привилегированныхъ владѣльцевъ и при этомъ уничтожившія льготное состояніе „закладчиковъ“, были внушены просьбами выборныхъ людей Земскаго собора 1648—1649 г., доложенными и помѣченными думнымъ дьякомъ, какъ докладывались и помѣчались всѣ частныя челобитныя, подавныя самому государю: о чемъ безуспѣшно хлопоталъ царь Иванъ Грозный въ своихъ предложеніяхъ собору 1551 г., то, спустя столѣтіе, проведено было снизу скромной подписной челобитной земскихъ людей. Такъ подписная челобитная получила значеніе народной петиціи, земскаго адреса на Высочайшее имя о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ.

Дѣло, возбужденное въ Думѣ предложеніемъ царя, приказнымъ докладомъ,

либо подписной челобитной, рѣшалось также не одинаковымъ порядкомъ. Немѣя наклонности распадаться на постоянныя спеціальныя отдѣленія, департаменты, Дума любила поручать экстренныя или спеціальныя дѣла временнымъ комиссиямъ, составляя ихъ изъ своихъ же членовъ. Эти комиссіи были довольно разнообразны: *отѣтныя* для переговоровъ съ иноземными послами, *судныя по мѣстническимъ, поземельнымъ и другимъ тяжбамъ, расправныя* по дѣламъ текущаго управленія на время отъѣзда царя изъ Москвы, превратившіяся потомъ въ постоянную Расправную палату; наконецъ, въ XVII в. были комиссіи *уложенныя*, которымъ поручалось составленіе проекта уложенія. Эти комиссіи состояли изъ двухъ, трехъ или болѣе членовъ Думы, къ которымъ иногда присоединяли и недумныхъ людей, обыкновенно дьяковъ. Проектъ уложенія 1649 г. составлялъ былъ двумя боярами, окольничимъ и двумя дьяками. Комиссія, которой поручено было въ 1700 г. составить проектъ новаго уложенія, состояла изъ 12 членовъ Думы, 28 стольниковъ, 2 дворянъ и 6 простыхъ дьяковъ: это былъ скромный первообразъ, неясный силуэтъ, пышной екатерининской „комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія“, родоначальника которой едва-ли можно видѣть въ старомъ Земскомъ соборѣ, никогда не созывавшемся для составленія проектовъ.

Дѣла, поручавшіяся комиссіямъ Думы, или рѣшались ими окончательно, или пересматривались однимъ государемъ, либо вершались общимъ собраніемъ Думы. Общее собраніе рѣшало инныя дѣла въ присутствіи государя, другія безъ него. Изъ памятниковъ московскаго законодательства не видно, чтобы эта разнища въ ходѣ дѣлъ зависѣла единственно отъ ихъ свойства, сравнительной политической важности. Это объясняется характеромъ отношеній Думы къ ея верховному предѣлтелю. Дума, видѣли мы, дѣйствовала по указу государя, по докладу Приказа или по частной челобитной. Возбуждаемая къ дѣятельности сверху или снизу, она можетъ показаться совершенно пассивнымъ учрежденіемъ безъ собственной инициативы, простымъ законодательнымъ механизмомъ. Была ли она самостоятельной двигательницей законодательства? принадлежалъ ли Совѣту бояръ законодательный починъ? Изъ сохранившихся памятниковъ можно извлечь только тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, что такой починъ не былъ въ обычаѣ, въ этомъ заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ политическаго положенія стараго московскаго боярства. Однако, мы увидимъ ниже случай, когда самими боярами былъ возбужденъ важный законодательный вопросъ, затрогивавшій самыя основанія государственнаго устройства. Значитъ, отсутствіе обычая не вытекало изъ отсутствія права или возможности, а только указывало на недостатокъ потребности въ боярскомъ починѣ, на возможность обойтись безъ него при другихъ средствахъ возбужденія дѣлъ въ думѣ. Отношенія думы къ государю такъ сложились, что не развивали этой потребности. Въ устройствѣ высшаго московскаго управленія всего труднѣе точно обозначить предѣлы власти государя и его боярскаго Совѣта. Это потому, что государь и его Совѣтъ не были двумя разными властями, а составляли одно властное, верховное цѣлое. Политическое значеніе и правительственная дѣятельность Думы основывались на томъ глубоко укоренившемся въ московскомъ обществѣ воззрѣніи, лучше сказать, на томъ предположеніи, что Дума не дѣйствуетъ безъ государя, и государь не дѣйствуетъ безъ Думы. Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго Совѣта, какъ и боярскій Совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, былъ простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти. Такое отношеніе государя къ Думѣ выражалось въ одной изъ самыхъ существенныхъ особенностей, какими отличалась послѣдняя, — въ отсутствіи ея отвѣтственности передъ государемъ. Слѣдовъ этой отвѣтственности не замѣтно ни въ чемъ, ни въ памятникахъ законодательства, ни въ устройствѣ боярскаго Совѣта. Дума не была отвѣтственна передъ государемъ, потому что государь не былъ для нея сторонней властью, а самъ входилъ въ ея составъ, былъ ея главой. Мысль объ отвѣтственности появляется только тогда, когда дѣятельность государя и Совѣта раздѣляется, когда тотъ и другой начинаютъ дѣйствовать въ своихъ особыхъ сферахъ, и послѣдній становится орудіемъ перваго. Такъ было съ боярской „консильей“ при Петрѣ въ первые годы XVIII в. Отъ нея мысль объ отвѣтственности перешла по наслѣдству къ Сенату. Сравнивая боярскую Думу и Сенатъ, обычно-

венно отдають рѣшительное предпочтеніе послѣднему по большей самостоятельности и энергіи его дѣйствій, по большей широтѣ его правительственныхъ полномочій: Ему, по словамъ Петра, всякій долженъ былъ повиноваться въ отсутствіи государя, „такъ, какъ Намъ Самому подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію“: онъ былъ установленъ „вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны“; отъ него даже требовалось, чтобы онъ велъ дѣла самостоятельно, не спрашивая на всякое дѣло особаго разрѣшенія у государя. Ничего подобнаго не говорили о старой Боярской думѣ. Но здѣсь сравниваются учрежденія слишкомъ различныя, дѣйствовавшія въ слишкомъ несходныхъ положеніяхъ. По своему происхожденію, Сенатъ былъ орудіемъ верховной власти, а Боярская дума ея участницей. Первый вызванъ былъ потребностью въ хорошо устроенномъ руководителѣ управленія, а вторая служила органомъ господства извѣстнаго класса надъ обществомъ. Первый въ исторіи нашего управленія имѣлъ правительственно-техническое значеніе; значеніе второй было социально-политическое. Въ отсутствіе государя Сенатъ, конечно, дѣйствовалъ самостоятельно, но въ томъ смыслѣ, въ какомъ приказникъ, оперирующій „на отчетѣ“ вдаль отъ ховянина, самостоятельно въ товарища этого хозяина, обязаннаго дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ по соглашенію. За-то думѣ не грозило, что за неисправность съ ней со всей поступлено будетъ, „какъ ворахъ достоинъ“, чѣмъ грозилъ Петръ учрежденію, установленному вмѣсто присутствія собственной государственной персоны. Самостоятельность была обязанностью для Сената, а не его правомъ. При отсутствіи ответственности по той же причинѣ не развился въ обычай и починъ Думы въ законодательствѣ. Государь и Дума не были разными властями, съ своими особыми интересами и стремленіями, которые имъ надобно было бы усиленно заявлять и приводить путемъ законодательства. Текущія дѣла вносились въ Думу думными людьми, какъ начальниками Приказовъ, а дѣла особой важности—самимъ государемъ, какъ председателемъ Думы, и этимъ удовлетворялись потребности управленія. Оставались интересы класса, представители котораго сидѣли въ думѣ, и эти интересы не рѣдко сталкивались съ интересами другихъ классовъ общества и самаго государя. Но эти столкновенія шли внѣ Думы и очень слабо отражались на ея устройствѣ, какъ мы видѣли изъ ея исторіи съ половины XV в. По своему историческому складу Боярская дума не сдѣлалась ареной политической борьбы. Такимъ ея характеромъ опредѣлились и ея дѣловыя правительственныя отношенія къ государю. Когда, при какихъ дѣлахъ сидѣть въ Думѣ самому государю и какія дѣла дѣлать боярамъ безъ его личнаго присутствія, это не было политическимъ вопросомъ. Въ XVI в., который былъ временемъ натянутыхъ отношеній между государемъ и боярствомъ, вопросы о прекращеніи войны, объ устройствѣ Казанскаго царства, о преобразованіи земскаго управленія разрѣшались въ Думѣ безъ государя, какъ безъ него состоялся. судя по редакціи закона, и знаменитый приговоръ 24 ноября 1597 г. о сыскѣ и возвратѣ бѣглыхъ крестьянъ, а подробности законодательства о холопахъ, какъ и о новокрещенныхъ, не годившихся въ государствену службу, разрабатывались Думой въ личномъ присутствіи государя. Въ одномъ случаѣ это присутствіе было обычно, если не необходимо, когда приговоръ бояръ по дѣлу, уже рѣшенному безъ царя, докладывался въ окончательной формѣ, данной ему думнымъ дьякомъ. Но этотъ вторичный докладъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, имѣлъ цѣлью провѣрку дьячьей редакціи приговора и его окончательное утвержденіе, и не видно, чтобы цѣлью его была провѣрка самаго приговора бояръ государемъ. Значить, засѣданіе Думы въ присутствіи государя или безъ него имѣло только процессуальное значеніе, касавшееся не столько сущности дѣла, сколько порядка дѣлопроизводства.

Но приговоры, состоявшіеся въ Думѣ безъ государя, представлялись ли ему на утвержденіе? Изъ записки объ устройствѣ Московскаго государства, составленной въ Смутное время по польскому заказу, читаемъ: „повинность боярамъ и окольничимъ и дьякамъ думнымъ быти всегда на Москвѣ при государѣ безотступно и засѣдать въ палатѣ, думати о всякихъ дѣлахъ, о чемъ государь роскажетъ и что царству Московскому належать будетъ, а доносить до государя думу дьяки думные“. Изъ этого описанія Думы можно заключить, что она обыкновенно обсуждала то, что ей указывалъ или „росказывалъ“ государь, не присутствуя лично на ея засѣданіяхъ; но послѣднія неясныя слова описанія не значать, что приговоры Думы, состоявшіеся безъ государя, всегда

представлялись думными дьяками на его утверждение. Памятники законодательства не поддерживают такого значения. Судебникъ 1550 г. определяетъ и порядокъ дальнѣйшаго законодательства; новые законы вносятся въ кодексъ, „приписываютъ“ въ Судебникъ, какъ новыя дѣла, не предусмотрѣнные прежними законами, „съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору вершатся“. Вопросы о новыхъ законахъ вносились въ Думу изъ приказовъ всегда на государево имя въ обычной формулѣ: „и о томъ великій государь что укажетъ“? Это и есть „государевъ докладъ“. Вопросъ докладывался на государево имя, и потомъ разрѣшался боярскимъ приговоромъ: таковы два момента въ созданіи новаго закона; третьяго момента, представленія приговора всѣхъ бояръ на утверждение государю, не указываетъ Судебникъ. Отдѣльные законодательные акты подтверждаютъ такой порядокъ законодательства. Въ 1606 г. бояре одни безъ царя постановили приговоръ о служилыхъ кабакахъ по докладу Холопьяго приказа и „весь свой приговоръ въ верху приказали въ приказъ Холопья суда въ Судебникъ приписать“, не доложивъ своего постановленія государю. Дума иногда обращалась съ докладомъ къ не присутствовавшему на засѣданіи государю, но не для того, чтобы представить на его утверждение свой приговоръ о дѣлѣ, а потому, что не умѣла или не хотѣла сама постановить приговоръ о немъ. Въ 1588 г. англійскій посолъ Флетчеръ просилъ себя аудіенціи, чтобы представить государю новую присланную изъ Англіи грамоту королевы Елизаветы. Думный дьякъ Посольскаго приказа А. Щелкаловъ сообщилъ объ этой просьбѣ боярамъ, а бояре доложили о томъ государю, „и государь приговорилъ съ бояры“ отказать Флетчеру въ аудіенціи. Извѣстенъ одинъ случай доклада государю боярскихъ приговоровъ. Въ 1636 г. Помѣстный приказъ представилъ царю 13 вопросовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Царь приказалъ рѣшить вопросы боярамъ, а что они приговорятъ, доложить себѣ. На другой день бояре разрѣшили 12 вопросовъ, а на третій день царь утвердилъ всѣ ихъ приговоры безъ перемѣны. Остался безъ отвѣта одинъ вопросъ—о правѣ владѣльцевъ продавать и закладывать вотчины, купленные ими изъ ихъ же подмосковныхъ помѣстій или изъ порожнихъ земель: бояре съ большимъ тактомъ объявили, что „имъ о томъ приговаривать не можно, потому что за ними за самими такія вотчины“. Государь самъ разрѣшилъ вопросъ, утвердивъ за владѣльцами это право. Но такой случай является рѣдкимъ исключеніемъ. Обычнымъ кажется тотъ порядокъ, какимъ, по указу 1694 г., Дума рѣшала безъ государя судныя дѣла, восходившія „въ верхъ“ по челобитнымъ или по докладамъ изъ приказовъ: бояре рѣшали ихъ окончательно, докладывая государямъ лишь о томъ, чего имъ „зачѣмъ безъ ихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ не можно“. Значить, докладъ былъ не обязанностью Думы, а ея отказомъ отъ своего права. Онъ не составлялъ особаго момента въ теченіи дѣла, а былъ только возстановленіемъ личнаго присутствія государя среди бояръ, слѣдствіемъ чего обыкновенно являлся приговоръ государя „съ бояры“. Было, кажется, только два рода боярскихъ приговоровъ, которые всегда или часто представлялись на утверждение государю: это приговоры думы о мѣстныхъ спорахъ и о наказаніи за тяжкія вѣны. Государь пересматривалъ такіе приговоры, и пересмотръ втораго рода дѣлъ обыкновенно сопровождался помилованіемъ виновнаго или смягченіемъ его наказанія. Но по ходатайству духовенства государь смягчалъ и собственные приговоры о преступникахъ.

“ Перечислимъ кратко дѣла, которыя разрѣшались въ общемъ собраніи Думы, не различая ея засѣданій въ присутствіи царя или безъ него. Дума разрѣшала всѣ правительственные вопросы, на которые дѣйствовавшій законъ не отвѣчалъ прямо и ясно или къ которымъ исполнительные органы управленія не умѣли примѣнить прямого и яснаго закона. Такіе вопросы можно раздѣлить на два разряда: Дума опредѣляла частныя отношенія лицъ, входящія въ составъ гражданскаго порядка; она же опредѣляла отношенія лицъ къ государству, строила политическій порядокъ въ широкомъ смыслѣ слова. Дѣла перваго рода возбуждались въ Думѣ частными просьбами или докладами изъ Приказовъ; дѣла втораго рода вносили въ Думу также Приказы и преимущественно самъ государь.

“ Черезъ Думу проходило множество частныхъ дѣлъ, судныхъ и другихъ. Для нѣкоторыхъ Дума служила только распорядительнымъ передаточнымъ пунктомъ, приказывая дьяку помѣтить, „подписать“, на челобитной, въ какой

Приказъ должно направить дѣло, чтобы тамъ учинили по нему указъ. Это были дѣла, которыя Дума находила возможнымъ рѣшить на основаніи дѣйствующаго закона. Флетчеръ вѣрно отмѣтилъ эту распорядительную функцію Думы. Другія дѣла Дума рѣшала сама, какъ послѣдняя или первая правительственная инстанція. Въ качествѣ послѣдней инстанціи, она разсматривала судныя дѣла, рѣшенныя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, но обжалованныя той или другой стороной. Такой инстанціей Дума служила какъ для Приказовъ, такъ и для собственныхъ комиссій. Кроме того, Дума вершила частныя дѣла, начатыя въ подчиненныхъ учрежденіяхъ, комиссіяхъ или приказахъ, но не рѣшенныя ими. Въ этихъ дѣлахъ ее даже трудно назвать послѣдней инстанціей въ строгомъ смыслѣ этого слова: она не пересматривала рѣшенія, постановленнаго низшей инстанціей, а сама доканчивала дѣло и первая провозгласила приговоръ по нему. Обиліе такихъ дѣлъ въ Думѣ было слѣдствіемъ своеобразнаго способа, которымъ разграничивались компетенціи Думы и подчиненныхъ ей учреждений. Раздѣльная черта между ними проводилась не степенью власти, а степенью разумія, если можно такъ выразиться. Не было точно опредѣлено, какія дѣла, поступающія въ Приказъ, можетъ онъ рѣшать самъ и о какихъ долженъ докладывать Думѣ. Приказъ переносилъ въ Думу дѣла, которыхъ ему „зачѣмъ вершить было не мочно“; таково было общее опредѣленіе приказной компетенціи. Можно было бы подумать, что такое неясное опредѣленіе открывало широкій просторъ превышенію власти со стороны приказовъ. Въ дѣйствительности было наоборотъ: старые московскіе Приказы, какъ видно по ихъ докладамъ Думѣ, скорѣе склонны были уменьшать свою власть, часто „не смѣли указывать безъ государева указу“ и заносили въ верхъ къ боярамъ такія дѣла, которыя они могли рѣшить сами на основаніи дѣйствующаго закона. Такое отношеніе приказовъ къ Думѣ замѣтилъ и Флетчеръ; только онъ объяснилъ стѣсненіемъ сверху то, въ чемъ надобно видѣть слѣдствіе самоограниченія и нерѣшимости Приказовъ. Судья, пишетъ Флетчеръ, такъ стѣсненъ въ отправленіи своей должности, что не смѣетъ рѣшать ни одного особеннаго дѣла сами собой, но должны пересылать его исполнѣ въ Москву въ царскую Думу.

Приговоры Думы какъ по рѣшеннымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ обжаловано, такъ и по дѣламъ, восточившимъ въ Думу изъ Приказовъ для вершенія, имѣли законодательное значеніе. Апелляція или „жалоба“ въ древне-русскомъ судѣ, какъ извѣстно, имѣла характеръ обвиненія низшей инстанціи недовольной стороной въ несправедливомъ рѣшеніи дѣла: апелляціонная жалоба называлась „спорнымъ челобитьемъ“ или челобитной „о неправомъ вершеніи на судей“; ея цѣль было доказать, что судья „просудился“, вершилъ дѣло „не дѣломъ“. Судейскіе доклады Думѣ невершенныхъ дѣлъ, какъ мы видѣли, вызывались обыкновенно недоумѣніями судей, возбужденными недостаткомъ закона или его неясностью и противорѣчивостью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ приговоръ Думы пополнялъ, разъяснял и соглашалъ постановленія закона; въ первомъ случаѣ онъ провѣрялъ и исправлялъ пониманіе и примѣненіе закона подчиненнымъ мѣстомъ. Въ обоихъ случаяхъ Дума развивала дѣйствовавшее законодательство. Приговоръ бояръ не ограничивался разрѣшеніемъ частнаго случая; обыкновенно онъ обобщалъ этотъ случай и извлекалъ изъ него постоянное правило на будущее время. Это правило выражалось въ обычной формулѣ, которой заканчивался приговоръ: „да и впредь бояре приговорили“ и т. д. Сохранилось множество боярскихъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ съ такимъ общимъ законодательнымъ заключеніемъ; это были наиболѣе простой и обычный древне-русскій способъ выработки закона. Впрочемъ, боярскій приговоръ по частному случаю имѣлъ законодательное значеніе и безъ этой заключительной прибавки „да и впредь“; въ докладахъ и челобитныхъ его приводили, какъ прецедентъ, основаніе для рѣшенія всѣхъ подобныхъ случаевъ, „выписывали на примѣръ“ наравнѣ съ статьями Уложенія. Такіе прецеденты назывались въ докладахъ „примѣрными и образцовыми дѣлами“. Когда Дума измѣняла дѣйствовавшій законъ, она особой оговоркой „оставляла“ примѣры и образцовыя дѣла, рѣшенныя по этому закону, т. е. запрещала ими руководствоваться. Такимъ законодательнымъ значеніемъ приговоровъ по частнымъ дѣламъ Дума отличалась, какъ законодательная власть, отъ Приказовъ, какъ учреждений судебно-административныхъ: приговоры Приказовъ, не доложенные Думѣ и ею не утвержденные, въ примѣръ не выписывались.

Создавая законъ, Дума строила и государственный порядокъ, обеспечивавшій его дѣйствию. Она съ государемъ вела дѣла вѣншей политики и народной обороны, дѣлала распоряженія о мобилизаціи войскъ, составляла планы военныхъ операцій и т. п. Она же вѣдала и тѣсно связанное съ этими дѣлами государственное хозяйство. Новые налоги, постоянные и временные, прямые и косвенные, вводились обыкновенно по приговору бояръ. Участіе выборныхъ представителей земли въ этомъ дѣлѣ было лишь вспомогательнымъ средствомъ финансовой политики Думы, служило простой справкой. Характеръ этого участія выражается въ вопросѣ, какой предложенъ былъ 1681 г. выборнымъ изъ городовъ по поводу назначеннаго Думой новаго оклада „стрѣльцкихъ денегъ“: „выѣшній платежъ платить имъ въ мочь, или не въ мочь, и для чего не въ мочь“? Когда выборные заявили, что платить имъ сполна не въ мочь, и объяснили, почему не въ мочь, ихъ отпустили по домамъ, а бояре приговорили положить новый окладъ „передъ прежнимъ съ убавкою“.

Выпускъ монеты новаго чекана, назначеніе подарковъ, какіе должно было повести къ иностранному двору московское посольство, всѣ экстраординарные расходы, назначеніе и выдача жалованья ратнымъ людямъ передъ походомъ, даже выдача окладнаго жалованья впередъ дьякамъ, вѣвшимъ въ командировку, — эти и имъ подобныя болѣе или менѣе экстренныя мѣры вызывали докладъ и разрѣшались самой Думой. Но вообще слѣды финансовой дѣятельности Думы въ памятникахъ сравнительно скудны. Теченіе казенныхъ суммъ — это была статья московскаго управленія, наиболѣе тщательно разрабатанная и установленная такими заботливыми хозяевами, какъ московскіе государи; потому здѣсь меньше возникало недоумѣній, требовавшихъ указанія со стороны законодательной власти. Въ одной важной отрасли государственнаго хозяйства исполнительныя учрежденія на каждомъ шагѣ должны были обращаться къ Думѣ за указаціями: это была раздача казенныхъ земель въ помѣстное и вотчинное владѣніе. Здѣсь даже текущія дѣла восходили по докладу „въ верхъ“.

Недостаточно извѣстны подробности того, какъ возникало и складывалось московское центральное и областное управленіе, дѣйствовавшее въ XVI и XVII в. Но боярскій Совѣтъ надобно признать постояннымъ сотрудникомъ государя въ этомъ дѣлѣ. Крупныя и мелкія административныя реформы этихъ вѣковъ шли изъ Думы или черезъ Думу. По актамъ XVI и XVII в. видимъ, что Дума устанавливала областное административное дѣленіе, разграничивала вѣдомства центральныхъ и областныхъ учреждений, опредѣляла порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ, особенно порядокъ суда уголовного и гражданскаго, давала общія правила для назначенія областныхъ управителей, указывала предѣлы ихъ власти, вводила новыя должности или отмѣняла старыя, предметы вѣдомства закрываемыхъ Приказовъ, вмѣстѣ съ книгами, передавала другимъ учреждениямъ и т. п. Иногда она касалась и еще болѣе важныхъ вопросовъ государственнаго устройства.

Не смотря на скудость прямыхъ указаній, можно замѣтить, что Дума имѣла широкое вліяніе на личный составъ управленія. По характеру ея отношеній къ государю, и здѣсь, какъ въ другихъ дѣлахъ, не могло быть точно опредѣлено, въ какихъ случаяхъ назначаетъ на должности и возводитъ въ чины одинъ государь и въ какихъ вмѣстѣ съ Думой. Изъ юмористической челобитной царя Алексѣя къ боярамъ видно, что онъ иногда самъ назначалъ на воеводства и жаловалъ въ стряпчіе и стольники по частнымъ ходатайствамъ думныхъ людей. Но гетмана Брюховецкаго государь пожаловалъ боярствомъ въ 1665 г., „говоря съ бояры“; точно также по приговору царя съ боярами провинціальныя дворяне за службу и полное терпѣніе изъ „дворовыхъ“ возводились въ слѣдующій чинъ, писались „по выбору“. Изъ записки того же царя, о чемъ говорить съ боярами, видимъ, что въ Думѣ обсуждались вопросы о служебномъ передвиженіи самихъ полковъ по городамъ. Въ 1675 г. даже увольненіе отъ должности разбитаго параличемъ киевскаго воеводы состоялось по приговору государя съ боярами на особомъ засѣданіи Думы, которое вызвано было докладомъ Приказа объ этомъ дѣлѣ. Въ 1677 г. вообще запрещено было смѣнять городовыхъ воеводъ и приказныхъ людей безъ именнаго указа, а въ именныхъ указахъ обыкновенно передавались приговоры государя съ Думой. Воеводы назначались въ города изъ Разряда и другихъ Приказовъ, но по докладу государю съ Думой.

По воле государя или по указанию Думы назначались и судьи Приказовъ. Говоря о себѣ, какъ начальникъ Посольскаго приказа, А. Я. Ординъ-Нащокинъ писалъ царю въ 1669 г., что онъ служить ему по его государственной неисчетной милости, а не по *палатному* выбору; но знаменитый канцлеръ при этомъ противопоставлялъ себя правителямъ, которые „изъ палаты къ дѣламъ по *совету* выбраны“. Государь вмѣстѣ съ Думой распредѣлялъ правительственные дѣла и между членами самой Думы, при отъѣздѣ изъ Москвы совѣщался съ боярами, кому слѣдовать за нимъ и кому поручить управление столицей, или въ случаѣ войны—кому изъ бояръ становиться во главѣ полковъ, и какихъ именно, и кому оставаться въ Москвѣ для текущихъ дѣлъ управления.

Надзоръ за ходомъ управления можно признать одной изъ неясныхъ сторонъ дѣятельности Думы. У нея не было особаго механизма для административнаго контроля, и она повѣряла дѣйствія подчиненныхъ учреждений чрезъ нихъ же самихъ. Она старалась имѣть подъ руками подробныя свѣдѣнія обо всемъ наличномъ составѣ управления. Сборъ этихъ свѣдѣній былъ одной изъ специальныхъ обязанностей Разряда, какъ главнаго отдѣленія думской канцеляріи. Онъ составлялъ въ XVII в. „годовыя смѣты“ всемъ служилымъ людямъ—отъ боярина воеводы до послѣдняго пушкаря, служившимъ „съ денежнаго или хлѣбнаго жалованья или съ земли“. Для этого въ началѣ каждого года онъ разсылалъ по приходамъ памяти съ требованіемъ „росписей всякимъ людямъ“ по вѣдомству каждого. Всѣ приказы вели приходо-расходныя книги, отъ времени до времени съ „верху“ требовали, чтобы начальники Приказовъ велили сосчитать и доложили государю, сколько за известное время получено дохода въ каждомъ Приказѣ и сколько, на что и по какимъ указамъ израсходовано, также сколько государевой казны числится въ недоборѣ. Казенныя постройки въ городахъ разрѣшались только по докладу боярамъ, которые указывали порядокъ осмотра ветхихъ зданій и составленія смѣты для постройки новыхъ; повидимому, и эти смѣты, составленныя на мѣстѣ, представлялись подлежащимъ Приказомъ на утвержденіе Думѣ. Наиболѣе обычнымъ средствомъ судебно-административнаго надзора оставался докладъ дѣлъ Думѣ для окончанія ихъ или пересмотра. Этотъ докладъ, какъ мы видѣли, былъ добровольный или невольный: первый вызывался собственнымъ недоумѣніемъ подчиненной инстанціи, второй—либо особымъ закономъ, запрещавшимъ вершить извѣстныя дѣла безъ доклада, либо апелляціонной жалобой, даже „извѣтомъ“, доносомъ. Приговоръ Думы, вызванный докладомъ, не только провѣрялъ дѣйствія подчиненнаго мѣста, но и давалъ указаніе, какъ впередъ дѣйствовать, создавалъ прецедентъ. Такимъ образомъ законодательный процессъ становился и средствомъ контроля за управленіемъ, или контроль становился моментомъ законодательнаго процесса. Съ другой стороны, древне-русская апелляціонная жалоба по своему характеру влекла за собою судъ о правильности дѣйствій должностныхъ лицъ. Потому, какъ извѣстно, такой судъ сопровождался не только утвержденіемъ или отмѣной приговора низшей инстанціи, но и наказаніемъ жалобника или судьи. Челобитныя на судей, по закону, вносились къ боярамъ, т. е. въ общее собраніе Думы или въ ея комиссію. Не смотря на строгость за ложную жалобу, тяжущіеся въ древней Руси любили бить челомъ „о неправомъ вершеннѣи на судей“, и потому апелляция была для Думы очень энергическимъ средствомъ контроля за дѣйствіями подчиненныхъ учреждений, областныхъ и центральныхъ. Президентъ Юстицъ-коллегіи А. Матвѣевъ, сынъ извѣстнаго боярина при царѣ Алексѣѣ, вспоминая въ 1721 г. старину XVII в., писалъ Петру, что въ прошлыхъ годахъ, когда кн. Я. Ѳ. Долгорукій сидѣлъ въ Судномъ Московскомъ приказѣ, въ одинъ годъ съ полтораста дѣлъ по челобитьямъ на его вершенье было перенесено въ Расправную палату; а кн. Я. Ѳ. Долгорукій считался образцовымъ судьей. Судъ по дѣламъ службы о неисправномъ исполненіи служебныхъ обязанностей входилъ въ составъ обширной политической юрисдикціи, принадлежавшей Думѣ. Последняя не только вершила всѣ дѣла по государственнымъ преступленіямъ, но и производила по нимъ слѣдствіе, дѣлала распоряженіе объ арестѣ и обыскѣ заподозрѣннаго, сама его допрашивала. Въ 1674 г. Дума въ полномъ составѣ отправилась на Земскій дворъ, куда привезенъ былъ изъ Малороссіи самозванецъ Воробьевъ, допросила его съ пыткой, допросныя рѣчи послала съ начальникомъ Посольскаго приказа Матвѣевымъ къ государю, оставшись сама на Земскомъ дворѣ дожидаться государева указа, и когда вернулся Матвѣевъ съ указомъ госу-

даря, приговорила самозванца къ казни. Допросъ обвиняемаго въ присутствіи всѣхъ бояръ считался необходимымъ моментомъ правильно веденнаго политическаго процесса. Кн. Курбскій рассказываетъ, что когда приближенные царя Ивана оклеветали въ смерти царицы Анастасіи Сильвестра и Адашева, послѣдніе письменно и чрезъ митрополита просили у царя суда и очной ставки съ клеветниками: „да будетъ, писали они царю, судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ штатомъ твоимъ“. Упомянутый Матвѣевъ-сынъ въ запискахъ своихъ считаетъ совершенно неправильнымъ судъ надъ князьями Хованскими, которыхъ бояре и податные люди, уступая настояніямъ царевны Софьи, въ 1682 г., осудили на смерть по заранѣе составленому приговору, „безъ всякаго розыска, какъ бы надлежало“, не выслушавъ ихъ „очистокъ“ въ своихъ винахъ. Нарушеніе важныхъ обязанностей имѣло значеніе государственнаго преступленія, рассматривалось, какъ „воровство и измѣна“, и судилось Думой.

Даже судъ по мѣстническимъ дѣламъ былъ лишь видомъ суда о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ: споры объ „отечествѣ“ тѣсно сплетались съ служебными отношеніями и постоянно мѣшали надлежащему теченію правительственныхъ дѣлъ. Вотъ почему эти дѣла вѣдала сама Дума, если не поручала ихъ кому-нибудь изъ своихъ членовъ. Значеніемъ Думы, какъ учрежденія, наблюдавшаго за управленіемъ и имъ руководившаго, объясняются и ея отношенія къ областной администраціи. Въ текущихъ дѣлахъ управленія между Думой и областью стоялъ приказъ, какъ посредствующая инстанція, пользовавшаяся извѣстной долей самостоятельности. Но въ вопросахъ, касавшихся самаго порядка управленія или правильности дѣйствій областныхъ управителей, этотъ посредникъ превращался въ простой передаточный пунктъ, черезъ который проходили донесенія изъ области въ Думу и распоряженія Думы въ область. Отписку изъ уѣзда о недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ воеводы Приказъ докладывалъ боярамъ, а бояре возлагали на этотъ или другой приказъ исполненіе мѣры, принятой имъ противъ воеводы. По Судебнику 1550 г., только государь или всѣ бояре, „приговоря вмѣстѣ“, могли черезъ Приказъ вызвать областного управителя къ отчету въ приказныхъ дѣлахъ раньше срока, на какой дана ему должность; самъ Приказъ, въ вѣдомствѣ котораго находился этотъ управитель, не имѣлъ на то права. Въ XVII в. для повѣрки дѣйствій воеводъ въ экстренныхъ случаяхъ посылались особые назначенные Думой ревизоры, „сыщики“. Дума пользовалась даже остатками земскаго самоуправленія, чтобы установить прямой и постоянный надзоръ за дѣйствіями областной приказной администраціи. Такъ, чтобы унять воеводъ отъ „вымышленныхъ и казней и людямъ разорительныхъ поступковъ“, предписывалось сообщать земскимъ избамъ копіи съ данныхъ воеводамъ инструкцій. Старосты и „земскіе всякихъ чиновъ жители“, въ случаѣ нарушенія воеводой этихъ „статей“, должны были посылать въ Москву челобитныя за своими руками, подробно указывая, „противъ которыхъ статей какія неpravости въ доходахъ государевой казнѣ или въ ихъ обидахъ учинить“ воевода; такія челобитныя, разумеется, докладывались въ „верху“. Въ XVI в. земскіе судьи пересылали дѣла, которыхъ не могли вершить сами, въ подлекащій Приказъ, а Приказъ докладывалъ ихъ прямо царю; и въ XVII в. важная тяжба переносилась изъ уѣзда прямо въ Думу, какъ скоро одна сторона „порочила“, оспаривала дѣйствіе мѣстной власти; участіе средней инстанціи, Приказа, мало замѣтно. Поэтому не было совершенной новостью то, что по жалованной грамотѣ 1654 г. добровольно сдавшемуся городу Могилеву дѣла, рѣшенныя выборнымъ городскимъ судомъ, переносились по жалобамъ въ Москву въ Думу, гдѣ ихъ слушали и расправу по нимъ чинили „бояре и думные люди“, хотя въ данномъ случаѣ непосредственное отношеніе Думы къ городскому суду условливалось и тѣмъ, что для управленія новопріобрѣтенными въ Литвѣ городами еще не было въ Москвѣ особаго Приказа, который вскорѣ возникъ подъ именемъ Литовскаго. Такой порядокъ надзора долженъ былъ имѣть значительную степень энергіи, благодаря тому, что государю и боярамъ докладывался вообще всякій необычай—случай въ центральномъ и областномъ управленіи, неповиновеніе воеводъ предписаніямъ приказовъ, какъ и пропaja ста рублей казенныхъ денегъ изъ лубяной коробки въ приказной казенкѣ. Этимъ объясняется извѣстіе Флетчера о множествѣ разнообразныхъ дѣлъ, проходившихъ черезъ Думу, какъ и ея обычай собираться утромъ и вечеромъ.

Въ устройствѣ государственнаго управленія и въ надзорѣ за нимъ, какъ и въ регулированіи частныхъ отношеній гражданскаго порядка, Дума дѣйствовала, не опираясь на готовый законъ, а во имя своего авторитета сама создавая новый законъ или прецедентъ. Такой авторитетъ ея сказывался и въ формахъ законодательства. Высшей законодательной формой въ Московскомъ государствѣ былъ государевъ *именной указъ*. Именнымъ указомъ въ собственномъ смыслѣ назывался законодательный актъ, основанный на приговорѣ государя съ боярами. Въ этомъ смыслѣ именной указъ можно отличать какъ отъ боярскаго приговора, состоявшагося безъ государя, такъ и отъ единоличнаго указа самого государя, не говоря уже о распоряженіяхъ Приказа, также облеченныхъ въ форму государевыхъ указовъ. Но московская правительственная практика такъ мало привыкла отдѣлять волю государя отъ воли его Совѣта, что не дѣлала этого различія и приговоры по дѣламъ, которыя „вершены въ палатѣ“, принимала за „государскіе именные указы“, все равно, были ли они произнесены въ присутствіи государя, или безъ него; точно также выраженіе „государь указалъ“ не всегда означало единоличное повелѣніе государя. Государевъ указъ и боярскій приговоръ не противопоставлялись другъ другу въ смыслѣ актовъ неодинаковой силы; актъ считался одинаково законнымъ, обязательнымъ, составленъ ли онъ дьякомъ по государеву приказу, или по боярскому приговору. Напротивъ, именной указъ, состоявшій по справкѣ или докладу съ указаніемъ основаній и закрѣпленный однимъ или нѣсколькими думными дьяками, отличался, какъ законъ, отъ акта, даннаго государемъ или отъ его имени по выпискѣ за помѣтой простаго дьяка, и отъ предварительнаго распоряженія самаго царя или бояръ, помѣченнаго на должной подписной челобитной. Все, что приговорено „въ верху“ установленнымъ законодательнымъ порядкомъ, было одинаково обязательно для исполнителей. Они должны были отличать подписную челобитную отъ именнаго указа; но не ихъ дѣло было знать, состоялся ли этотъ указъ въ присутствіи царя среди бояръ, или по приговору однихъ бояръ. Западно-европейскимъ наблюдателямъ высшее московское управленіе казалось построеннымъ на тонко разсчитанномъ макиавелизмѣ, они писали, что царь московскій только дѣлалъ видъ, будто уступалъ Думѣ часть своей самодержавной власти, что онъ спрашивалъ ея мнѣнія только для того, чтобы свалить съ себя отвѣтственность за свои дѣйствія. Но если снять съ этого изображенія тенденціозную окраску, основныя черты его окажутся совершенно вѣрными: дѣла съ государемъ власть, Дума дѣлила съ нимъ и отвѣтственность. Съ такимъ же авторитетомъ являлась она и передъ управляемымъ обществомъ. Думные люди рѣзко отличались отъ него: они *по закону* не подвергались тѣлесному наказанію за то, что недумные люди искушали кнутомъ или батогами; за оскорбленіе ихъ наказывали гораздо строже, чѣмъ за оскорбленіе другихъ. Дума рѣдко входила въ прямые отношенія къ обществу, даже какъ будто избѣгала этого. Въ XVII в. довольно часто призывали выборныхъ отъ разныхъ классовъ, чтобы выслушать ихъ мнѣнія о вопросахъ, возбужденныхъ въ Думѣ и ихъ касавшихся. Но этихъ представителей не вводили прямо въ Думу: она не выслушивала ихъ сама, а обыкновенно поручала разспросить ихъ въ извѣстномъ Приказѣ, либо составляла для того особую комиссію изъ своихъ членовъ. Она и на Земскомъ соборѣ выдѣлялась изъ ряда представителей земли. Вопросъ, подлежащій обсужденію, предлагался отъ царя выборнымъ людямъ при боярахъ, но не боярамъ вмѣстѣ съ выборными людьми. Бояре съ государемъ обыкновенно уже до Собора обсуждали этотъ вопросъ; по ихъ приговору съ государемъ и созывались выборные, какъ и распускались. Думные люди являлись на Соборѣ не представителями земли, призванными правительствомъ, а частью правительства, призваннаго представителей земли; члены Думы назначались и руководить совѣщаніями этихъ представителей, „сидѣть съ выборными людьми“. Такъ смотрѣли на Думу и сами выборные. На предложенный имъ правительствомъ вопросъ они отвѣчали, что „въ томъ воленъ государь и его государевы бояре“; высказавъ свое мнѣніе о дѣлѣ, они прибавляли: „и тебѣ государю сверхъ той нашей сказки какъ Богъ извѣститъ и твоя государская дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ“; о боярахъ они выражались: „бояре вѣчные наши господа промышленники“. Такое значеніе „промышленниковъ“, помещателей земли, сказывалось и въ ежедневныхъ отношеніяхъ общества къ думнымъ людямъ, даже на улицѣ. При царѣ Ѳеодорѣ, въ 1681 г. служилымъ людямъ словесно объяв-

лень былъ въ Москвѣ любопытный царскій указъ, повелѣвавшій имъ оставить обычай, о которомъ трудно сказать, дѣйствительно ли его не существовало ни при отцѣ, ни при дѣдѣ этого царя, какъ говорилось въ указѣ. Служилые люди даже высокихъ чиновъ, стольники, стряпчие и другіе, встрѣтившись на дорогѣ съ бояриномъ, думнымъ или ближнимъ человѣкомъ, слѣзали съ лошадей и кланялись въ землю. Указъ предписывалъ боярѣ, думнымъ и ближнимъ людей почитать и достойную имъ честь воздавать, но при встрѣчѣ съ ними на дорогѣ только посторониться, повернуть лошадь, и поклониться „по обычаю“, а съ лошадей сходить и бить челомъ „пристойно одному великому государю“. Если мы представимъ себѣ учрежденіе, которое по предписаннымъ правиламъ творить формулы закона, предоставляя другимъ его разъясненіе и примѣненіе, строго держась точно указанныхъ границъ власти и пріемовъ дѣйствія, такое учрежденіе не будетъ похоже на московскую боярскую Думу. Эта Дума не только создавала законы государственнаго и общественнаго порядка, но при случаѣ сама непосредственно учила людей порядку, не стѣсняясь формальностями. Первообраза и подобія ея отношеній къ управляемымъ надобно искать въ отношеніяхъ древнерусскаго хозяина къ домохозяевамъ. Совѣтъ боярѣ отечески позволялъ подчиненнымъ запросто обращаться къ себѣ, за-то и самъ запросто обращался съ подчиненными.

СІ. ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Изъ соч. Чичерина «О народномъ представительствѣ»).

Ходъ русской исторіи представляетъ весьма замѣчательную параллель съ исторіею запада. И здѣсь, и тамъ общественное развитіе начинается съ появленія германской дружины, подчиняющей себѣ туземцевъ. И здѣсь, и тамъ за первымъ дружиннымъ періодомъ слѣдуетъ эпоха развитія вотчиннаго начала, когда общество дробится на множество отдѣльныхъ союзовъ, основанныхъ на правѣ собственности. Въ Россіи, какъ на западѣ, рядомъ съ вотчиннымъ устройствомъ, возникаютъ вольныя общины съ державными или полудержавными правами. И вотчины, и вольныя общины почти одновременно, на востокъ и на западѣ, уступаютъ мѣсто единой державѣ, замѣняющему средневѣковыя дробныя силы и соединяющему землю въ единое государство.

Наконецъ, для довершенія сходства, Россія, какъ западные народы, проходитъ черезъ періодъ земскихъ соборовъ, за которыми слѣдуетъ полное владычество самодержавія.

Это сродное, параллельное теченіе жизни, которое не повторяется ни у какихъ другихъ народовъ древняго и новаго міра, доказываетъ ясно, что Россія—страна европейская, которая не вырабатываетъ невѣдомыхъ міру началъ, а развивается, какъ и другія, подъ влияніемъ силъ, владычествующихъ въ новомъ человѣчествѣ. Отсюда понятно, что сближеніе съ Европою при Петрѣ В. было для него жизненною необходимостью. Этимъ закрѣплялось и утверждалось то, къ чему она была предназначена всѣмъ предъидущимъ ходомъ своей исторіи.

Но если у каждаго европейскаго народа, при общихъ жизненныхъ основахъ, есть свои особенности, то тѣмъ болѣе имѣетъ ихъ Россія, которая долго стояла поодаль, почти не принимая участія въ общемъ развитіи; монархія сдѣлалась исходною точкою и вожатымъ всего историческаго развитія народной жизни. Народъ помогалъ ей всѣми силами въ устроеніи отечества, но не столько собственною инициативою, сколько

подчиняясь мановенію сверху и неся на себѣ громадныя тяжести для общаго блага. Это историческое значеніе самодержавной власти дало ей такую мощь, какой она не имѣла ни въ одной европейской странѣ.

У насъ какъ на западѣ, во главѣ общества стоялъ князь съ дружиною. Но западные дружинники были гораздо могущественнѣе русскихъ. Они успѣлись на мѣстахъ, сдѣлались центромъ мелкихъ владѣльческихъ союзовъ, вступили въ прочныя, потомственные отношенія къ господину. Дружинная связь превратилась въ феодальную, которая, примыкая къ собственности, преимущественно поземельной, имѣла несравненно болѣе крѣпости, нежели личная, договорная служба. Феодальные владѣльцы, сидя въ своихъ наслѣдственныхъ замкахъ, окруженные вассалами, нерѣдко были въ состояніи лично сопротивляться королямъ; соединяясь, они приобретали еще большее могущество.

Совсѣмъ другое произошло въ Россіи. И здѣсь первоначально были тѣ же элементы, какъ на западѣ. Членъ дружины былъ не прирожденнымъ подданнымъ государства, а вольнымъ человекомъ, который не имѣлъ надъ собою иного господина, кромѣ свободно признаннаго имъ самимъ. Признаніе совершалось въ силу свободного договора; дружинникъ вступалъ въ служебныя отношенія къ князю. Но между тѣмъ какъ на западѣ эти личныя, добровольныя отношенія скоро сдѣлались наслѣдственными и укрѣпились поземельною собственностью, въ Россіи они до самаго XV столѣтія сохранили свой временный, случайный характеръ. Бояре и слуги не успѣлись на мѣстахъ, какъ феодальные владѣльцы, не приобрѣли мѣстной власти, а остались кочевыми наемниками. Этому содѣйствовали, какъ пустынная природа страны, такъ и отсутствіе тѣхъ жизненныхъ средствъ, которыя, накопляясь историческимъ просвѣщеніемъ, вызываютъ людей на прочную осѣдлость. Служилые люди не могли даже собрать вокругъ себя подвластное населеніе, ибо крестьяне, такъ же какъ господа, переходили съ мѣста на мѣсто по обширному пространству, укрываясь отъ всякаго преслѣдованія. Отсюда то явленіе, что до XV вѣка бояре и слуги переѣзжаютъ отъ одного князя къ другому, не обязываясь постоянно службою и сохраняя за собою права и названіе вольныхъ людей.

Но понятно, что эта кочевая жизнь не могла содѣйствовать образованію крѣпкихъ союзовъ, сдѣлаться источникомъ прочныхъ юридическихъ отношеній. Личная воля, безграничная, не знающая надъ собою власти,—таково было единственное право служилыхъ людей. Кто былъ недоволенъ княземъ, тотъ отъѣзжалъ къ другому. Поэтому мы въ Россіи не видимъ ни корпоративной связи между слугами, ни дружной ихъ дѣятельности въ отпоръ притязаніямъ князей, ни крѣпкихъ, коренящихся въ бытѣ, сословныхъ правъ, которыя могли бы служить оплотомъ противъ произвола. Поэтому здѣсь жизнь не могла выработать и сословнаго представительства. Оно установилось позднѣе, дѣйствіемъ сверху, вслѣдствіе потребностей государства, а не явилось плодомъ внутренняго развитія общества.

Съ другой стороны, и вольныя общины имѣли въ Россіи гораздо менѣе внутренней крѣпости, нежели на западѣ. Элементы общинной жизни естественно существовали во всѣхъ русскихъ городахъ, такъ же какъ и въ западныхъ; но за исключеніемъ Новгорода и Пскова, нигдѣ эти смутныя зачатки самоуправленія не могли выработать изъ себя прочной

организации. На югъ и на сѣверо-востокъ, мы видимъ случайныя сходки гражданъ, общины иногда призываютъ или выгоняютъ князей; но эти явленія, естественныя при господствовавшей безурядицѣ, при отсутствіи государственной власти, не успѣли утвердиться, не перешли въ постоянныя учрежденія. Изъ русскихъ общинъ только Новгородъ и Псковъ выработали прочную общинную организацію. Новгородъ и Псковъ стояли уединенно среди Русской земли; ихъ жизнь, ихъ внутреннія движенія не находили отголоска за предѣлами ихъ областей. Тогда какъ на западѣ, который весь былъ устьянъ вольными общинами, города заключаютъ союзы между собою, завоевываютъ себѣ права, вступаютъ въ составъ земскихъ чиновъ, гдѣ играютъ видую роль; для этого нужно было крѣпкое, сильное внутреннее жизнью городское сословіе, чего у насъ никогда не было.

Еще менѣе могло выработаться прочное общественное устройство изъ сельскихъ общинъ. На западѣ и онѣ получили политическое значеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слабѣе были вотчинные элементы. Представители ихъ засѣдали иногда въ сословныхъ собраніяхъ, либо въ отдѣльной палатѣ, либо вмѣстѣ съ городами; въ иныхъ странахъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ, въ Фрисландіи, на сельскихъ общинахъ строился весь политическій бытъ. Въ Россіи же, не смотря на то, что крестьяне, при бродячемъ состояніи общества, сохранили въ средніе вѣка большую свободу, нежели вообще на западѣ, они не были въ состояніи ни добыть себѣ общественныхъ правъ, ни устроить себѣ прочный порядокъ. Кромѣ низкой степени образованія, этому препятствовала самая личная свобода, которая, какъ и у дружинниковъ, дозволяла имъ кочевать съ мѣста на мѣсто, но мѣшала твердой организаціи. Поэтому въ средневѣковой или удѣльный періодъ присутствіе крестьянскаго сословія едва замѣтно въ исторіи. Права общинъ, ихъ участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи, устанавливаются позднѣе, подъ вліяніемъ государственной власти; но съ этимъ вмѣстѣ крестьяне теряютъ личную свободу и становятся крѣпостными.

При такой безсвязности общественныхъ элементовъ, проистекавшей и отъ природныхъ условій страны, и отъ недостатка накопленнаго исторіею просвѣщенія, при господствѣ личной независимости, при слабости корпоративнаго начала, соединяющаго отдѣльныя лица въ самородные, прочные союзы, естественно не могло выработаться сословное представительство, которое предполагаетъ именно внутреннюю связь и дружную дѣятельность различныхъ общественныхъ стихій. Для соединенія разсѣянныхъ, разобщенныхъ силъ нужна была власть, стоящая надъ ними, отъ нихъ независимая; она явилась въ лицѣ московскихъ государей.

Первымъ дѣломъ государственной власти было укрѣпленіе сословій. Прежде всего, эта участь постигла служилыхъ людей. Право отъѣзда было уничтожено; вольные бояре и слуги сдѣлались холопами государя, которые должны были служить ему въ теченіи всей своей жизни. Съ этою цѣлью имъ раздавались помѣстья; они получили не только постоянныя обязанности, но и поземельную осядлость. Такимъ образомъ значеніе дворянства, какъ сословія, несущаго службу съ своихъ земель, то самое значеніе, которое въ феодальномъ мірѣ выработалось само собою, изъ жизни, въ Россіи было установлено государствомъ. Но по этому самому подчиненіе дворянства государственной власти было здѣсь не-

сравненно сильнѣе, нежели на западѣ. Затѣмъ дошла очередь и до низшихъ сословій. Тяглые люди, городовые и сельскіе обыватели, а наконецъ и помѣщичьи крестьяне, были прикрѣплены къ мѣстамъ; каждый, сообразно съ своимъ назначеніемъ, долженъ былъ нести службу. Это было общее тягло, наложенное на всѣ сословія во имя государственной пользы; всѣ одинаково сдѣлались крѣпкими государству, но понятно, что это общее крѣпостное состояніе сословій не могло содѣйствовать развитію началъ права, хотя оно было необходимо для прочной организаціи общинъ и управленія, для обезпеченія правильного исполненія обязанностей, финансовыхъ и служебныхъ, однимъ словомъ для того, чтобы хаотическое общество могло получить крѣпкій строй. Въ основаніе всего государственнаго быта легло начало обязанности, подчиненія, въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, нежели въ какой-либо другой европейской странѣ. Поэтому въ Россіи не могло быть рѣчи о представительствѣ, облеченномъ политическими правами. Крѣпостные люди не имѣютъ правъ относительно господина; они пользуются только льготами, которыя всегда могутъ быть у нихъ отняты.

Однако, съ другой стороны, юная власть, при такой громадной задачѣ, какъ устройство обширнаго государства, не могла обойтись безъ содѣйствія общественныхъ силъ. На одно высшее боярство, которое заняло въ обществѣ первое мѣсто, нельзя было положиться. Оно болѣе всѣхъ другихъ сословій имѣло свои личные виды, болѣе всѣхъ скорѣе было обременено утраченной независимости и тайными кознями и явными крамолами старалось обратить государственныя силы въ свою пользу. Малолѣтство Ивана Грознаго служить тому разительнымъ доказательствомъ. Поэтому московскіе государи старались опереться на содѣйствіе всей земли.

Россія, какъ и западные народы, при устройствѣ государства, прошла черезъ періодъ земскихъ собораній. Если въ средніе вѣка, при безсвязности общественныхъ элементовъ, сословное представительство не могло выработаться изъ жизни, то оно явилось по призыву правительства, когда государственная власть, объединивъ землю, стала требовать содѣйствія общественныхъ силъ. Наиболѣе аналогія представляетъ здѣсь исторія Франціи: какъ Филиппъ Красивый собираетъ генеральные штаты, ища въ нихъ опоры противъ папской власти, такъ Іоаннъ IV, два съ половиною вѣка спустя, созываетъ земскій соборъ для рѣшенія дѣла о войнѣ или мирѣ съ Польшею. Но, очевидно, что при русскомъ общественномъ строѣ, при громадномъ развитіи самодержавной власти, при крѣпостномъ состояніи населенія, земскіе соборы должны были имѣть несравненно меньше значенія, нежели подобныя собранія на западѣ. Если мы сравнимъ ихъ даже съ французскими генеральными штатами, которые изъ западно-европейскихъ учреждений имѣли наименьшую силу, то они покажутся намъ крайне скудными и безцѣльными. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда земля, по пресѣченіи династіи Рюрика, призывалась къ выбору новыхъ государей, на земскихъ соборахъ нѣтъ и помину о политическихъ правахъ. Еще менѣе допускается ихъ вмѣшательство въ государственное управленіе, на что западные чины постоянно заявляли притязаніе. Характеръ земскихъ соборовъ остается чисто совѣщательнымъ. Они созываются правительствомъ, когда оно нуждается въ совѣтѣ по извѣстному дѣлу. Мы не видимъ на нихъ ни инструкцій, данныхъ представителямъ отъ избирателей, ни того обширнаго изложенія обще-

ственныхъ нуждъ, ни той законодательной дѣятельности, которою отличаются даже французскіе генеральныя штаты. Мы не встрѣчаемъ слѣдовъ общихъ преній; часто нѣтъ даже никакого постановленія, а подаются только отдѣльныя мнѣнія различныхъ чиновъ по заданнымъ правительствомъ вопросамъ. Такая бѣдность содержанія лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что земскіе соборы никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ государственной жизни.

Первое созваніе выборныхъ отъ всего государства встрѣчается въ царствованіе Грознаго. Прежде того объ этомъ нѣтъ и помину, ни для законодательства, ни для обсуждения какихъ-либо дѣлъ. Оба Судебника изданы были безъ всякаго участія земли. Но Іоаннъ IV, по достиженіи совершеннолѣтія, желая раздѣлиться съ правленіемъ бояръ, счелъ нужнымъ обратиться къ народу, и съ этою цѣлью велѣлъ собрать въ Москвѣ «своего государства изъ городовъ всякаго чину». Однако это первое собраніе не имѣло даже совѣщательнаго характера: выборные вызваны были единственно для того, чтобы выслушать рѣчь царя. Та цѣль, которая нынѣ легко достигается печатью, въ то время требовала личнаго присутствія выборныхъ людей, которые могли рассказать другимъ то, что они сами слышали.

Иной характеръ имѣлъ соборъ 1566 года, созданный по случаю войны съ Польшею. Польскій король предлагалъ миръ, уступая Москвѣ города и земли, занятые русскими войсками, въ томъ числѣ Полоцкъ и Юрьевъ. Согласится-ли на эти выгодныя предложенія, или, продолжая трудную борьбу, всѣми силами добиваться Ливоніи, которую король принялъ въ свое подданство, не смотря на притязанія Россіи? Таковъ былъ вопросъ, который предстояло рѣшить. Грозный не полагался на совѣтъ бояръ, считая ихъ своими злѣйшими врагами. Онъ велѣлъ созвать соборъ изъ всякихъ чиновъ людей. Изъ грамоты не видать, чтобы это были выборные люди отъ всей земли. Тутъ находились духовныя власти, боярская дума, затѣмъ дворяне первой статьи, дворяне и дѣти боярскія второй статьи, и тѣ и другіе, по всей вѣроятности, только московскіе, ибо изъ иногородныхъ упоминаются только помѣщики торопецкіе, три человѣка, да помѣщики луцкіе, шесть человѣкъ. Изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ многіе обыкновенно находились на службѣ въ Москвѣ; можно полагать, что торопецкіе и луцкіе помѣщики были призваны, потому что дѣло шло о пограничныхъ съ ними областяхъ. Далѣе слѣдуютъ московскіе же чиновники, дѣяки и приказные люди, гости, составлявшіе высшій разрядъ купечества, сорокъ человѣкъ московскихъ же торговыхъ людей, да двадцать одинъ человѣкъ торговыхъ людей смолянъ. Почему изъ иногороднаго купечества призваны были только смоляне, трудно сказать; можетъ быть потому, что они случайно находились въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ, о представительствѣ всѣхъ сословій отъ всей земли здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Всѣ эти чины подають свои мнѣнія отдѣльно, поговоря между собою; общихъ совѣщаній и общаго постановленія нѣтъ. Духовенство отвѣчало, что его совѣты стоятъ за ливонскіе города, а какъ стоять, «въ томъ его государская воля, какъ его, государя, Богъ вразумитъ, а наша должная за него, государя, Бога молить; о томъ совѣтовать намъ непригоже». Бояре, окольничьи и приказные люди говорили: «Вѣдаетъ Богъ да государь нашъ, какъ ему, государю, Богъ извѣститъ», прибавляя при этомъ,

что какъ имъ кажется, слѣдуетъ воевать съ королемъ. Дворяне первой статьи сказали: «вѣдаетъ Богъ да государь, какъ ему, государю, годно, такъ и намъ холопамъ его». «А намъ холопамъ его, кажется, что за то за все пригоже государю стояти, а наша должная, холопей его, за него, государя, и за его государеву правду служить ему, государю своему, до своей смерти». Торопецкіе и лужскіе помѣщики прибавили, что Полоцку нельзя стоять безъ земель, которыя отойдутъ отъ него по межѣ, предложенной поляками. Остальные сословія вкратцѣ высказали тоже, полагая все на волю государя и изъявляя готовность умереть по его повелѣнію. Рѣшено было продолжать войну. Однако, не смотря на эту видимую поддержку земскихъ чиновъ, военныя дѣйствія шли вяло. Начались новые переговоры, при которыхъ царь совѣщался уже съ одними боярами: наконецъ, въ 1570 г., заключено было перемиріе на основаніяхъ, отвергнутыхъ соборомъ 1566 года. Таковы были результаты единственнаго собранія, созваннаго въ XVI столѣтіи для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ.

Широкое поле открылось самостоятельности русскаго общества съ пресѣченіемъ династіи Рюрика. Законнаго наслѣдника престола не было, надобно было призвать землю къ выбору государя.

Послѣ смерти Θεодора, осталась на царствѣ вдова его Ирина, сестра Бориса; но она отреклась отъ престола и постриглась въ монахини. Тогда патріархъ съ духовенствомъ съ боярами и московскими гражданами просили ее благословить брата на царство. Но и Годуновъ отказался. Послѣ долгихъ совѣщаній съ патріархомъ, рѣшено было дожидаться выборныхъ отъ земли, которые должны были съѣхаться въ Москву для собора.

Избраніе всею землею отнюдь не считалось непремѣннымъ условіемъ законнаго вступленія на царство; доказательствомъ служить то, что патріархъ съ духовенствомъ, и съ московскими чинами уже прежде обращались къ Годунову съ просьбою принять царскій вѣнецъ. Но Годуновъ требовалъ созванія выборныхъ, желая утвердить престолъ свой на болѣе крѣпкихъ основахъ. На соборъ съѣхались выборные отъ служилыхъ людей и городовъ, послѣдніе впрочемъ въ незначительномъ числѣ, 33 человекъ. Крестьянъ не было вовсе, доказательство, что сельское населеніе имѣло очень мало значенія въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ, который съ самаго начала стоялъ за Годунова, предложилъ вопросъ: кому быть на царствѣ? и тутъ же прибавилъ, что у него и у всего духовенства, и у бояръ, и у всякихъ чиновъ людей, и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были въ Москвѣ, одна мысль и совѣтъ, чтобы не искать другаго государя, кромѣ Бориса Θεодоровича. Земскіе люди отвѣчали, что у нихъ та же мысль. Рѣшено было опять просить Годунова, который, послѣ новаго притворнаго отказа, наконецъ принялъ вѣнецъ.

Выборъ всею землею не упрочилъ престола Годунова. Династія его пала, главнымъ образомъ вслѣдствіе боярскихъ козней. Орудіе русскихъ вельможъ и поляковъ, Лжедимитрій, послѣ кратковременнаго царствованія, также былъ свергнутъ съ престола. Боярская партія торжествовала: глава ея Шуйскій принялъ царскій вѣнецъ. На этотъ разъ не сочли нужнымъ сзывать соборъ изъ выборныхъ отъ всей земли. Крикъ народа, собраннаго на площади, былъ единственнымъ юридическимъ титуломъ,

на который опирался новый царь. Въ сущности, онъ былъ возведенъ на престолъ своими приверженцами, хотя въ окружной грамотѣ, возвышавшей о его воцареніи, сказано было, что его избрали всѣмъ Московскимъ государствомъ, и били ему челомъ весь освященный соборъ, и бояре и всякихъ чиновъ люди. Въѣхавъ съ тѣмъ Шуйскій далъ на себя записъ и цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы ему *всякаго человека*, не осудя истиннымъ судомъ съ своими боярами, не предать смерти, и не отбирать имѣній у братья, женъ и дѣтей, неповинныхъ въ преступленіи. То же обѣщаніе повторяется особо относительно гостей и торговыхъ людей. Наконецъ царь обязывается не слушать ложныхъ доводовъ, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы православное христіанство безвинно не гибло, а кто на кого солжетъ, того казнить по винѣ.

Записъ Шуйскаго не возбудила ни малѣйшаго сочувствія. Немедленно по его воцареніи начались новыя смуты; земля не хотѣла признавать царя, воздвигнутаго боярами. Наконецъ, послѣ четырехлѣтнихъ междоусобій, Шуйскій былъ низложенъ такъ же, какъ онъ былъ возведенъ на престолъ. Шайка крамольниковъ приступила къ нему съ просьбою объ отреченіи, и такъ какъ онъ не соглашался, то они собрали народъ на площади, и здѣсь бояре и всякихъ чиновъ люди приговорили бить челомъ царю Василю Ивановичу, чтобы онъ оставилъ царство, потому что кровь многая лѣется и въ народѣ говорятъ, что онъ несчастливъ. На этотъ разъ Шуйскій долженъ согласиться. Въ окружной грамотѣ, извѣщавшей объ этомъ событіи, оно выставлялось, какъ происшедшее по челобитью всей земли, всякихъ чиновъ людей всего Московскаго государства.

Послѣ отреченія и насильственнаго постриженія Шуйскаго правленіе приняла боярская дума. Между тѣмъ подъ Москвою стояли Жолкѣвскій съ поляками и тушинскій самозванецъ. Боярская дума рѣшила признать царемъ Владислава и вступила въ переговоры съ Жолкѣвскимъ. Но земля вовсе не хотѣла польскаго царя; она поднялась противъ поляковъ и выгнала ихъ изъ Россіи. Снова верховная власть, и въ первый разъ настоящимъ образомъ, находилась въ рукахъ народа. Въ Москву былъ созванъ соборъ изъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. На немъ были выборные не только отъ служилыхъ и посадскихъ людей, какъ обыкновенно, но въ первый разъ и отъ уѣздныхъ, то-есть отъ крестьянъ. Однако и теперь народъ не считалъ избраніе царя актомъ своей воли, но видѣлъ въ этомъ изволеніе Бога, наставившаго людей на эту мысль. «Тебя убо, превеликій государь, говорили посланные отъ собора Михаилу Ѳеодоровичу, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угоду предъисбра, но по праведному суду Божию сіе царское избраніе на тебѣ великомъ государѣ, возложи..... на се наставляющу народъ единогласіе имѣти, о немъ же Богъ во умъ положити имъ..... Не мы сей подвигъ сотворихомъ, но Пречистая Богородица съ великими чудотворцы возлюби тебе и святую волю Сына своего и Бога нашего изволи исполнити на тебѣ, государѣ нашемъ».

Однако есть извѣстіе, что и съ Михаила Ѳеодоровича взята была боярами такая же записъ, какъ съ Шуйскаго. Но если даже при выборѣ Михаила Ѳеодоровича боярами была взята съ него записъ, подобная прежнимъ, то въ русской государственной жизни она не имѣла никакого зна-

ченія. Никто на нее никогда не ссылался, никто не стоялъ за утвержденія ея права. Напротивъ, понятія о безграничности царской воли высказываются постоянно на земскихъ соборахъ того времени. О политическихъ правахъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича нѣтъ и рѣчи; это начало, которое въ древней Россіи, при ея общественномъ строѣ, не могло пустить корней.

Но царская власть не могла обойтись безъ усиленнаго содѣйствія всей земли. Михаилъ только подъ этимъ условіемъ соглашался принять вѣнецъ. Дѣйствительно положеніе государства было ужасное. И внѣшніе, и внутренніе враги грабили и разоряли землю. Не было ни порядка, ни безопасности. Средства были истощены, люди отстали отъ мирныхъ занятій, привыкли къ крамоламъ, измѣнамъ и мятежамъ. Новое правительство, лишенное силъ, могло держаться только продолженіемъ того дружнаго дѣйствія земскихъ людей, которое избавило государство отъ поляковъ и дало ему царя. Поэтому Михаилъ Ѳеодоровичъ непрерывно созываетъ соборы для совѣщанія о дѣлахъ и для сбора денегъ. Въ его царствованіе насчитываютъ ихъ до двѣнадцати; вѣроятно, ихъ было больше. О многихъ сохранились только скудные свѣдѣнія; другіе же оставили по себѣ акты, которые даютъ намъ возможность ближе познакомиться съ ихъ составомъ и дѣятельностью. Остановимся на послѣднихъ.

Изъ грамотъ видно, что въ царствованіе Михаила соборы имѣютъ уже не чисто совѣщательный характеръ. Это не простая подача мѣтній отъ разныхъ чиновъ, какъ бывало прежде и послѣ. Обыкновенно, какъ дѣлалось и въ боярской думѣ, составляется соборный приговоръ царемъ съ боярами и всякихъ чиновъ людьми, и этотъ приговоръ нерѣдко рассылается для исполненія по областямъ. Такое расширеніе права было естественнымъ послѣдствіемъ смутнаго времени, которое вызвало самодѣятельность земства. Но, съ другой стороны, понятіе о представительствѣ всей земли было до такой степени шатко, или, лучше сказать, до такой степени отсутствовало, что соборы обыкновенно составлялись вовсе не изъ выборныхъ отъ всего государства, а единственно изъ московскихъ чиновъ. Правда, здѣсь бывали и иногородные служилые люди, дворяне и дѣти боярскія, которые находились на службѣ въ Москвѣ и считались какъ бы представителями своихъ сословій; но изъ горожанъ призывались единственно московскіе торговые люди, а отъ крестьянъ не бывало никого.

Здѣсь мы видимъ то явленіе, которое встрѣчалось и прежде, и повторяется впоследствии: городъ Москва замѣняетъ собою государство, точно такъ же, какъ крикъ народа, собраннаго на площади, выдается за голосъ всей земли.

Примѣръ такого собранія всякихъ чиновъ людей, живущихъ въ Москвѣ, представляетъ соборъ 1618 года, созванный по случаю нашествія Владислава. 8-го сентября получается вѣсть о приближеніи королевича; 9-го созывается соборъ изъ духовенства, думныхъ и всякихъ чиновъ людей. Царь говоритъ имъ, чтобъ они стояли крѣпко и бились противъ недруга; они отвѣчаютъ, что дали обѣтъ сидѣть и биться до смерти. Тутъ же составляется общій приговоръ, кому сидѣть въ осадѣ и кого послать по городамъ.

Азовъ былъ взятъ донскими казаками, кои, отбивши разъ осаду турецкаго войска, не могли долѣе держаться собственными силами и про-

сили царя принять городъ въ свое подданство. Вопросъ былъ затруднительный, ибо принятіе Азова отъ казаковъ повлекло Россію въ долготѣнную войну съ Турціею; на это требовались деньги и люди. Поэтому, 3-го января 1642 г., царь указалъ быть собору, а на соборѣ быть духовнымъ властямъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и дьякамъ (московскимъ), головамъ и сотникамъ стрѣleckимъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, гостямъ гостинной и суконной сотни, и черныхъ сотенъ торговымъ людямъ. А они бы выбрали изъ всякихъ чиновъ добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ бы можно о томъ дѣлѣ поговорить. Здѣсь опять мы видимъ однихъ московскихъ жителей, ибо все дѣло происходитъ и рѣшается въ первыхъ числахъ января. Изъ росписанія торговыхъ людей ясно, что всѣ они москвичи; относительно же городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ прямо сказано: «которые на Москвѣ». Любопытно, что первоначально на соборѣ ссылаются вовсе не выборные люди, а, вѣроятно, или назначенные правительствомъ, или кто попалъ; ибо собраннымъ въ столовой избѣ печатникъ говоритъ рѣчь, объявляя имъ о предметѣ совѣщаній и приказываетъ выбрать людей: изъ большихъ статей челоувѣкъ по 20, по 15, по 10 и по 4, а изъ малочисленныхъ чиновъ челоувѣкъ по 6, по 5, по 4, по 3 и по 2, затѣмъ уже, по окончаніи выборовъ, когда росписъ выборнымъ людямъ прислана изъ Разряда въ Посольскій приказъ, составляется изъ нихъ новый соборъ, опять въ столовой избѣ, въ присутствіи бояръ и думныхъ людей. По изложеніи дѣла, выборнымъ приказывается подать свою мысль на письмѣ, чтобы государю про то про все было извѣстно. Докладная записка раздается чинамъ порознь и посылается также къ крутицкому митрополиту, для совѣщанія съ духовенствомъ, которое на второмъ собраніи вовсе не было. Чины представляютъ свои письменныя мнѣнія тоже порознь; общихъ преній и соборнаго приговора здѣсь нѣтъ. Собраніе опять носило чисто совѣщательный характеръ.

Любопытно здѣсь распредѣленіе чиновъ для составленія мнѣній; въ немъ не видно никакой опредѣленности. Отвѣты подаются отчасти по сословіямъ, отчасти по чинамъ, отчасти по совершенно произвольной группировкѣ. Такъ напримѣръ, городовые дворяне и дѣти боярскія разбиваются на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая подаетъ свое мнѣніе отдѣльно. Въ соборномъ актѣ прежде всего идетъ рѣчь духовенства. Оно говоритъ, что его дѣло молиться Богу, «а на то ратное дѣло разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ бояръ и думныхъ людей, а намъ то все дѣло не за обычай. А будетъ твое царское величество изволить рать строить, и мы ратнымъ людямъ въ подможеніе рады помогать, елико сила можетъ». Такимъ образомъ духовенство отказалось отъ изложенія своей мысли по предложенному вопросу, чего мы прежде не видимъ. Рѣчи бояръ и думныхъ людей вовсе нѣтъ; вѣроятно, они мнѣнія не подавали, высказавши его въ боярской думѣ. Затѣмъ идутъ стольники. «Разорвать ли за Азовъ, говорятъ они, въ томъ его государская воля, а наша мысль: велѣтъ въ Азовѣ быть тѣмъ же донцамъ, а имъ въ прибавку послать изъ вольныхъ охочихъ людей. А сколько людей послать, и чѣмъ имъ пожаловать, и сколько послать казны и запасовъ, и откуда взять, и въ томъ во всемъ его же государская воля, велить то государь учинить по своему государскому разсмотрѣнію, а мы на

службу готовы, гдѣ намъ государь укажетъ быть». Не смотря на эту видимую готовность, сущность отвѣта заключалась въ томъ, что они въ Азовѣ не желали служить, ибо совѣтовали послать на помощь казакамъ вольныхъ охотниковъ. Почти то же сказали и московскіе дворяне. Въ краткой своей рѣчи, они все полагаютъ на волю государя: «какъ ему, государю, о томъ Богъ извѣститъ». Но двое изъ нихъ, Никита Беклешевъ и Тимофей Желябужскій, подали отдѣльное, болѣе обстоятельное мнѣніе, въ которомъ впрочемъ просвѣчиваетъ тоже желаніе оградить свои интересы и какъ можно менѣе участвовать въ общемъ дѣлѣ. Относительно принятія Азова и разрыва съ турками они, какъ и прочіе, говорятъ, что «то въ его государской волѣ», но замѣчаютъ при этомъ, что приступъ къ Азову отбить изволеніемъ Бога и молитвами святыхъ, и совѣтуютъ даже не посылать казны крымскому хану, который разоряетъ государство. Для защиты Азова они также, какъ другіе, совѣтуютъ, въ помощь казакамъ, набрать вольныхъ охотниковъ, но прибавляютъ: «Оуричь крѣпостныхъ и кабалныхъ людей». Они распространяются подробно и на счетъ сбора денегъ и даточныхъ людей въ случаѣ войны. Деньги собирать выборнымъ людямъ со всякихъ чиновъ, которые не служатъ службы, или которые у корыстовныхъ дѣлъ, сколько государь укажетъ; даточныхъ людей брать съ большихъ помѣстій, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, и вообще у кого земли много, а у безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ не брать даточныхъ людей или за даточныхъ людей деньги. При этомъ мелкіе московскіе дворяне замѣчаютъ, что московскіе люди отягощены противъ городовыхъ. А если, сверхъ того, нужны будутъ деньги, то брать ихъ со всѣхъ чиновъ людей, хотя бы по гривнѣ съ двора, а сверхъ того, что государь укажетъ.

Гораздо короче выразились головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ: «Разрывать ли съ турецкимъ царемъ и принимать ли Азовъ, въ томъ воленъ государь, какъ изволитъ, а смѣту ратнымъ людямъ и казніѣ, то государь вѣдаетъ, какъ изволитъ, а мы служить рады и готовы, гдѣ укажетъ». Точно также написали владимірцы, дворяне и дѣти боярскія, прибавивъ къ этому только, что бѣдность ихъ города вѣдома государю и его государевымъ боярамъ. Наконецъ совершенно такой же отвѣтъ дали дворяне и дѣти боярскія Нижняго Новгорода, муромцы. Но другіе объяснились гораздо обстоятельнѣе. Общее мнѣніе подали дворяне и дѣти боярскія городовъ Суздаля, Юрьева, Переяславля, Бѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода и проч. Они прямо высказали мысль, что Азовъ надобно держать и съ турецкимъ султаномъ разорвать, потому что иначе можно навлечь на себя гнѣвъ Божій; ибо взятіе Азова совершилось по изволенію Божию. Въ помощь казакамъ надобно послать ратныхъ людей и собрать запасы съ украинскихъ городовъ и съ монастырей, а противъ турокъ велѣтъ строить рать и собирать людей, какъ бывало прежде. Съ перваго взгляда можно подумать, что въ этихъ смѣлыхъ совѣтахъ выражается порывъ патриотическаго чувства, готовность стоять за честь и пользу отечества. Но когда рѣчь заходитъ о томъ, съ кого и какъ брать деньги на войну, дѣло принимаетъ иной оттѣнокъ. Прежде всего, указывается на бояръ и ближнихъ людей, которые нынѣ пожалованы многими помѣстьями и вотчинами. Точно также дьяки и подъячіе нажились и разбогатѣли неправеднымъ издониствомъ, построили себѣ дома, палаты каменныя, такія, что

неудобъ-сказаемыя, какихъ прежде не бывало и у великородныхъ людей. Затѣмъ указывается на духовенство и монастыри: надобно велѣть описать ихъ вотчины съ большимъ допросомъ, и кто изъ нихъ утаитъ крестьянъ, велѣть указъ учинить по уложенію и обратить крестьянъ въ казну. Доходитъ очередь и до неслужащихъ дворянъ: «Которые наша братія отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ», и съ тѣхъ слѣдуетъ взять денегъ и людей. Но при этомъ дворяне и дѣти боярскія просятъ, чтобы ратныхъ людей прибирать, сколько государь изволитъ, «окромѣ нашихъ, холопей твоихъ, крѣпостныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ». Затѣмъ, обращаясь къ себѣ, они продолжаютъ: «А мы, холопы твои, рады за домъ Пречистыя Богородицы и московскихъ чудотворцевъ, и за православную христіанскую вѣру, и за тебя, благочестиваго государя, и за твою великую къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, работать головами своими и всею душою; а бѣдныхъ, государь, насъ, холопей своихъ, и разоренныхъ, и безпомощныхъ, и безпомѣстныхъ, и пустопомѣстныхъ, и малопомѣстныхъ, вели, государь, взыскать своею государскою милостью, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, милостивому государю, Богъ повѣститъ, чтобы было чѣмъ твою государскую службу служить». Съ этою цѣлью совѣтуется сдѣлать точную роспись крестьянамъ у всякихъ чиновъ людей, опредѣлять, со сколькихъ крестьянъ каждый долженъ служить службу, а съ лишнихъ брать деньги. «А будетъ тебѣ, государю, казна нужна будетъ вскорѣ, сверхъ твоей государевой казны, и того сбора вели, государь, взять патріархову казну и у митрополитовъ, и у архіепископовъ и епископовъ, и въ монастыряхъ лежащую домовую казну для такой скорой твоей государевой службы. А со своихъ государевыхъ гостей и со всякихъ торговыхъ людей, которые торгуютъ большими торговыми, и со всякихъ черныхъ своихъ государевыхъ людей вели, государь, съ ихъ торговъ и промысловъ взять денегъ въ свою государеву казну, сколько тебѣ, государю, Богъ извѣститъ, по ихъ торговымъ и промысламъ и прожиткамъ, и тутъ объявится той казны передъ тобою, государемъ, много».

Такова была рѣчь дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, рѣчь, въ которой наивнымъ образомъ соединялись жалобы на бѣдность и просьбы о прибавкѣ жалованья, съ щедростью на чужія деньги. Почти одинаково было мнѣніе дворянъ и дѣтей боярскихъ другихъ городовъ, Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Ярославля и проч. Но гости и торговые люди, которымъ приходилось не получать жалованья, а платить, завели рѣчь совсѣмъ въ другомъ тонѣ. На счетъ Азова они положились на волю государя: «Въ томъ твоя государева воля, какъ тебѣ, государю, о томъ Богъ извѣститъ. А о ратныхъ людяхъ, устройствѣ и о запасахъ, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ; а то дѣло служилыхъ людей, за которыми твое государево жалованье, вотчины многія и помѣстья есть; а мы, холопы твои, гостишки и гостинные и суконные сотни торговые людишки городовые, и питаемся на городѣхъ и отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, и службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ, по вся годы безпрестанно, и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ службъ и отъ пятинныхъ денегъ, что мы, холопы твои, давали тебѣ, государю, на смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали до конца... а торжишки, государь, у насъ, холо-

пей твоихъ, стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ отняли многіе иноземцы... а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ. И мы, холопи твои и сироты, милости у тебя, государя, просимъ, чтобъ тебѣ, государю, пожаловать своей государевой отчины, въ нашу бѣдность возрѣтъ... а что ты, государь, укажешь для своей государевой службы и для ратныхъ людей, положить на всю свою государеву землю, и на всякихъ чиновъ людей, и о томъ о всемъ, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ». Тоже сказали тяглые люди черныхъ сотенъ и слободъ.

Не смотря на то, что почти всѣ чины высказались въ пользу пріятія Азова отъ казаковъ, рѣшеніе царя, какъ извѣстно, было иное. И точно, трудно было начинать тяжелую войну при всеобщемъ, очевидномъ нежеланіи нести ея тяжести.

Упадокъ соборовъ проявляется въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Тогда какъ при Михаилѣ Федоровичѣ насчитываютъ ихъ до двѣнадцати, въ продолжительное и обильное событіями царствованіе Алексѣя Михайловича ихъ было, сколько можно судить по скуднымъ свѣдѣніямъ, всего 4. Первый соборъ былъ созванъ въ 1648 г., по случаю составленія Уложенія. Здѣсь были не одни московскіе чины, но выборные отъ всей земли, отъ служилыхъ людей и городовъ, ибо пѣлъ собора состояла не въ рѣшеніи того или другаго вопроса, а въ утвержденіи новаго законодательнаго памятника, «чтобы то все уложеніе впредь было прочно и неподвижно». Поэтому здѣсь нѣтъ ни законодательной дѣятельности собранія, ни обсуждения предлагаемыхъ законовъ. Составленное комиссіею Уложеніе читается выборнымъ, и они прикладываютъ къ нему свои руки. Въ 1650 г. былъ другой соборъ, по случаю псковскаго бунта. На немъ были бояре и думные люди, городовые дворяне и дѣти боярскія, да московскіе торговые люди; но какое состоялось здѣсь рѣшеніе, объ этомъ не сохранилось свѣдѣній. Наконецъ, два собора были созваны въ 1653 г., по случаю дѣлъ малороссійскихъ. Объ одномъ едва есть скудныя извѣстія, другой же, котораго акты до насъ дошли, былъ вмѣстѣ и послѣднимъ соборомъ всѣхъ чиновъ русской земли. Сравнивая неопредѣленные выраженія грамоты съ прежними подобными, можно думать, что и онъ былъ составленъ изъ москвичей и находившихся въ Москвѣ служилыхъ людей изъ городовъ. Послѣ пространнаго изложенія неправдъ польскаго короля, собранію предложенъ былъ вопросъ: принять ли Хмельницкаго въ подданство и начать ли войну съ Польшею? Мнѣнія духовенства въ актѣ вовсе нѣтъ. Бояре и думные люди приговорили вести войну съ Польшею и принять Хмельницкаго въ подданство. Тоже сказали и другіе чины, которые допрашивались порознь. Краткость свѣдѣній о дѣйствіяхъ собора не должна насъ удивлять, когда мы примемъ въ соображеніе, что онъ былъ созванъ единственно для формы. Дѣло было рѣшено уже въ мартѣ; въ сентябрѣ къ Хмѣльницкому отправлены были посланники съ извѣщеніемъ, что царь принимаетъ его въ свое подданство, а соборъ былъ созванъ 1-го октября. Очевидно, что учрежденіе было въ полномъ упадкѣ. Земскіе соборы прекратились въ Россіи въ половинѣ XVII-го вѣка, одновременно съ прекращеніемъ сословнаго представительства во многихъ государствахъ европейскаго материка. Во Франціи послѣднее собраніе генеральныхъ штатовъ было въ 1614 г., въ Пруссіи въ 1653, въ Баваріи въ 1669, въ Даніи въ 1660 году.

Собрания выборныхъ отъ отдѣльныхъ сословій встрѣчаются, впрочемъ, и позднѣе, но уже съ другимъ характеромъ. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ они ссылаются по вопросамъ, касающимся того или другаго сословія. Такимъ образомъ, выборные отъ служилыхъ людей, весьма вѣроятно отъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ, были призваны къ совѣщанію по вопросу о преобразованіи войска. Послѣдствіемъ было уничтоженіе мѣстничества, по челобитью выборныхъ людей и по приговору собора, составленнаго изъ духовныхъ властей и думныхъ людей. Въ это же время совершались въ Московскомъ государствѣ и финансовыя преобразованія. Въ податяхъ оказалась значительная недоймка, и правительство рѣшилось уравнивать службы и оклады. Съ этою цѣлью, вѣрно было выбрать въ городахъ по два человека и выслать ихъ въ Москву для доставленія правительству свѣдѣній, могутъ ли они или не могутъ платить подати, а если нѣтъ, то почему не могутъ. На основаніи ихъ показаній, налоги были понижены и составлено новое распредѣленіе службъ и податей.

Послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича встрѣчается и послѣдній примѣръ участія народа въ выборѣ царя. Но образцомъ служилъ здѣсь не соборъ, избравшій Михаила Ѳеодоровича, а провозглашеніе Шуйскаго. Патриархъ вышелъ къ народу, собранному на площади, и спросилъ, кому быть преемникомъ престола? Большинство стоявшихъ тутъ людей отвѣчало, что быть царемъ Петру.

СЦ. ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Изъ соч. Градовскаго: «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи»).

Между Москвою и низшимъ управленіемъ не образовалось посредствующихъ инстанцій. Собственно въ области была одна инстанція — уѣздное управленіе, сосредоточенное въ рукахъ воеводы. Развитие воеводскаго управленія обусловливалось тяглымъ характеромъ сословій, не имѣвшихъ никакого самостоятельнаго значенія для государственнаго управленія. Уѣздъ собралъ въ одно цѣлое и замѣнилъ прежнія разнообразныя тяглыя единицы; воевода явился высшимъ исполнителемъ требованій центральнаго правительства и властью понуждающею всѣ сословія къ исправному отбыванію повинностей.

Учрежденіе воеводъ съ такимъ характеромъ относится къ XVII в., когда сила государства, основанная на тягломъ положеніи сословій, установилась окончательно. До тѣхъ поръ остатки самоуправленія, общины, намѣстники и волостели производили невообразимую пестроту въ администраціи. Но появленіе воеводъ или, лучше сказать, воеводскаго управленія относится не къ XVII в. Еще въ XV ст. названіе воеводъ встрѣчается рядомъ съ должностію намѣстника. Оно не означало, кажется, особой должности, отличавшейся отъ намѣстниковъ. Послѣдніе, въ своемъ качествѣ военачальниковъ городскихъ, назывались воеводами мѣстными, въ противоположность *ратнымъ*, посылавшимся изъ Москвы. Но эти воеводы не составляли системы воеводскаго управленія со всѣми ея характеристическими особенностями. Нѣкоторые обстоятельства вызвали эту систему уже въ XVI в. Области, требовавшія усиленнаго вниманія

правительства вслѣдствіе своего географическаго положенія или военныхъ обстоятельствъ, получали воеводъ. Но для того, чтобы отличить ихъ отъ воеводъ въ прежнемъ смыслѣ, т. е. полковыхъ начальниковъ, ихъ называли *годовыми* воеводами и мѣстными воеводами въ противоположность полковымъ, ратнымъ. Такъ называемые годовые воеводы назначались уже въ XVI столѣтіи по разнымъ городамъ. Такъ были воеводы въ Орлѣ, Новосилѣ, Смоленскѣ, Одоевѣ, Пронскѣ, Брянскѣ. Въ это время названіе воеводъ, какъ уѣздныхъ и городовыхъ правителей, начинаетъ смѣшиваться съ названіемъ намѣстника, причемъ послѣднее употребляется болѣе какъ почетное званіе, соединенное, впрочемъ, съ разными доходами, а не для обозначенія дѣйствительной должности административной. Затѣмъ въ иныхъ городахъ упоминаются то намѣстники, то воеводы. Новая правительственная система то замѣняетъ прежніе органы управленія, то вновь уступаетъ имъ мѣсто. Въ XVI в. воеводы хотя и участвовали въ судѣ, но рядомъ съ ними дѣйствовало и прежнее выборное начальство. Напротивъ, съ 1613 воеводское управленіе исключаетъ всякое другое. Можетъ быть, неурядица смутнаго времени вызвала потребность сильной правительственной диктатуры, для цѣлей «земскаго строенія». Но каковы бы ни были причины этой перемѣны, несомнѣнно то, что первоначально выборныя должности утратили свое значеніе. Уже впослѣдствіи восстанавливаются старыя уставныя грамоты и возобновляется учрежденіе губныхъ старостъ. И это восстановленіе далеко не было полно. На земскомъ соборѣ 1642 г. гости и торговые люди, жалуюсь царю на воеводъ, говорили: «При прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежь себя, а воеводъ въ городѣхъ не было, а воеводы были посылаемы, по прежнихъ государей указу, съ ратными людьми только въ крайніе города для береженія отъ тѣхъ же турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ, отъ ихъ разоренія. Въ прежнее время, т. е. до смутнаго времени, воеводы дѣйствительно посылались *преимущественно* «для береженія» городовъ отъ непріятеля. Но въ то же время имъ поручались и другіе предметы. Двинскіе воеводы имѣли право суда, которое они до Михаила Ѳеодоровича раздѣляли съ выборными судьями. Въ другихъ мѣстностяхъ воеводы издавна дѣйствовали по административнымъ и судебнымъ дѣламъ. Моментъ, когда воеводы вытѣснили намѣстниковъ, нельзя опредѣлить съ точностью.

Не изъ одной полковой службы развилась слѣдовательно воеводская должность. Съ самаго начала установилось различіе между *полковыми* и *годовыми* воеводами, посылавшимися не только для береженія городовъ отъ непріятеля, но и для разныхъ административныхъ цѣлей. Обыкновенный срокъ воеводской службы былъ 1—2 года. Впослѣдствіи встрѣчаются примѣры, что воеводы остаются за особенно усердную службу на третій годъ; но это было уже исключеніемъ изъ общаго правила.

Воеводы опредѣлялись обыкновенно изъ дворянъ, написанныхъ по московскому списку, т. е. изъ лицъ, подвѣдомственныхъ Большому Разряду. Областные приказы назначали воеводъ, но съ согласія разряда или другаго установленія, вѣдавшаго служилое сословіе. Никто не могъ быть отпущенъ на воеводство, если его присутствіе въ полку было необходимо. Челобитныя о назначеніи на воеводство подавались въ Разрядъ, и съ справкою изъ Разряда поступали на усмотрѣніе государя.

Затѣмъ отпущенному на воеводство давали наказъ изъ того приказа, гдѣ городъ былъ вѣдомъ. Такимъ образомъ, областные приказы распоряжались людьми, отпущенными чрезъ Разрядъ. Правительство, какъ въ XVII, такъ отчасти и въ XVIII в., скупо надѣляло служилыми людьми гражданское управленіе. Никто не могъ быть назначенъ на воеводство и въ приказы безъ сношенія съ военнымъ вѣдомствомъ. Назначеніе на воеводство происходило не по инициативѣ правительства. Служилые люди сами добивались этой льготы и осаждали государя просьбами. Можетъ быть, отъ этого отчасти зависѣлъ кратковременный срокъ воеводской службы: надо же было удовлетворить такое количество челобитчиковъ! Напротивъ, само правительство не стремилось назначать на воеводство людей способныхъ. Оно смотрѣло на воеводство, какъ на должность инвалидную, и было недовольно, что нѣкоторые лица, «отбывая государственной службы», бѣгутъ челомъ на воеводство. Взглядъ правительства на это дѣло обнаружился въ двухъ мѣрахъ Алексѣя Михайловича. Въ 1661 г. предписано во всѣ города, вѣдомые въ Разрядѣ, назначить въ воеводы и приказные люди изъ раненыхъ и бывшихъ въ плѣну, «а которые отпущены воеводы и приказные люди не ранены, и тѣхъ перемѣнить ранеными». Затѣмъ въ томъ же году всѣхъ воеводъ для полковой службы велѣно выслать къ Москвѣ, а управленіе поручить губнымъ старостамъ, или, гдѣ нѣтъ губныхъ старостъ, отставнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Обыкновенная сфера дѣятельности воеводъ опредѣлялась содержаніемъ общаго наказа. Содержаніе это было не особенно обширно. Его можно подвести подъ слѣдующія рубрики: 1) Наказъ содержалъ въ себѣ постановленія относительно вступленія въ должность новаго воеводы, порядка пріема должности отъ прежняго воеводы и составленія описи о принятіи казеннаго имущества. 2) Затѣмъ слѣдовали постановленія относительно финансоваго управленія. Этотъ отдѣлъ былъ особенно развитъ въ общихъ наказахъ, такъ какъ областные приказы имѣли въ виду главнымъ образомъ финансовое управленіе. 3-я часть опредѣляла отношенія воеводъ къ мѣстному обществу и выборнымъ должностямъ; 4-я заключала постановленія относительно полицейской дѣятельности воеводы, а если городъ былъ пограничный, то и правила объ отношеніяхъ его къ иноземцамъ.

Обращаясь къ подробному разсмотрѣнію обязанностей воеводы, нельзя не остановиться на общемъ замѣчаніи, которое поможетъ намъ объяснить многіе противорѣчивые факты въ воеводскомъ управленіи. Какую бы отрасль мѣстной администраціи мы ни взяли, вездѣ обращаетъ на себя вниманіе тотъ странный фактъ, что воевода имѣетъ всѣ средства для удовлетворенія общегосударственныхъ нуждъ, и почти безсиленъ для служенія мѣстнымъ интересамъ, для удовлетворенія нуждамъ мѣстности и частныхъ лицъ. Воевода былъ облеченъ большою властью для понужденія служилыхъ людей къ отпращиванію обязанностей, но связывая изба не могла разрѣшить ни одного процесса о помѣстьѣ или вотчинѣ; воевода могъ поставить на правѣжъ цѣлую общину за невзносъ полатей, но едва-ли могъ разрѣшить какое-нибудь хозяйственное затрудненіе въ дѣлахъ этой общины. Мало того: центральное правительство старается даже о томъ, чтобъ воеводская власть не получала слишкомъ большаго развитія, не устранила для общинъ возможности и даже необходимости сноситься прямо съ Москвою. Вслѣдствіе этого первое противорѣчіе

воеводской должности заключалось въ непомѣрной власти его, какъ исполнительнаго агента московскаго приказа, и въ безсиліи его, какъ самостоятельнаго администратора. Воевода, такъ сказать, всякій разъ приводился въ движеніе указомъ изъ Москвы, въ противномъ случаѣ, онъ бездѣйствовалъ. Даже и для исполнительной сферы должность эта не всегда была пригодна. Наказомъ опредѣлялись отношенія воеводы главнымъ образомъ къ приказу, выдавшему этотъ наказъ. Другіе приказы находились къ воеводѣ въ отношеніяхъ крайне неопредѣленныхъ, что вело къ большой «волоките» въ исполненіи ихъ предписаній.

Тѣмъ, что мы назвали общею частью наказа, опредѣлялась совокупность порученій, данныхъ воеводѣ по предметамъ вѣдомства одного приказа. Поэтому съ помощью наказа можно опредѣлить сферу дѣятельности воеводы и отношеніе его къ центральному управленію, котораго онъ былъ органомъ. Мы рассмотримъ сначала воеводу, какъ органъ правительственныхъ интересовъ, причемъ главнымъ образомъ обратимъ вниманіе: а) на военную его дѣятельность и отношеніе къ служилому сословію, б) на финансовую и его отношенія къ общинамъ.

Хотя еще въ XVI ст. проведено было различіе между *городовыми* и *полковыми* воеводами, но военный характеръ первыхъ сохранился и въ XVII в. Каждый воевода былъ военнымъ начальникомъ въ уѣздѣ и городѣ. Въ его завѣдываніе поступалъ городъ (крѣпость) со всѣми укрѣпленіями, военными снарядами, запасами, ему подчинялись всѣ служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе. Въ качествѣ такого военного начальника, онъ долженъ былъ бы подчиняться разряду и другимъ воинскимъ приказамъ. На дѣлѣ было не такъ. Воевода, принимая городъ отъ своего предшественника, составлялъ подробную роспись всѣхъ принятыхъ предметовъ и дѣлъ и представлялъ ее въ пославшій его приказъ. Въ эту роспись включалось описаніе города въ военномъ отношеніи и военныхъ снарядовъ, наравнѣ съ другими предметами. Разумѣется, не по всѣмъ этимъ дѣламъ воевода былъ подчиненъ четверти одинаково; конечно, Разрядъ не переставалъ распоряжаться военнымъ управленіемъ; но это нисколько не слагало съ воеводъ обязанности доносить обо всемъ въ свою четверть. Слѣдовательно, военные обязанности сливались въ то время съ административными даже въ центральныхъ установленіяхъ. Воевода же вѣдалъ военное дѣло, какъ представитель своего приказа, въ силу даннаго имъ наказа. Въ качествѣ воинскаго начальника, онъ долженъ былъ наблюдать за хорошимъ состояніемъ городскихъ укрѣпленій, заботиться, чтобъ въ городѣ было достаточно всякихъ запасовъ и т. д.

Военная власть воеводы проявилась довольно разнообразно. Въ центральной Россіи онъ имѣлъ обязанности городского береженія, потому что въ случаѣ похода, войны, онъ не являлся полковымъ начальникомъ, а только высылалъ служилыхъ людей, находящихся въ уѣздѣ, на полковую службу, а самъ оставался съ остальными ратными людьми для охраненія города и уѣзда. Онъ долженъ былъ собирать всѣхъ жителей въ городъ, а уѣздныхъ людей въ острожки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для такого береженія, помимо воеводы, посылались изъ Москвы особые начальные люди. Въ иныхъ случаяхъ они обязаны были только оказывать содѣйствіе ратнымъ и начальнымъ людямъ, посылаемымъ на войну доставлять имъ подводы, суда и т. д.

Какъ начальникамъ ратныхъ людей, имъ поручался наборъ войска, раздача денежнаго и хлѣбнаго жалованья, разверстаніе службы между служилыми и т. д. Воеводы дѣйствовали въ этихъ дѣлахъ по указамъ центрального правительства. Они не могли увеличивать жалованья служилымъ людямъ, верстать на службу, переводить изъ чина въ чинъ безъ указовъ центрального правительства. Со введеніемъ регулярныхъ войскъ посылались въ уѣзды особые воинскіе начальники для обученія и командованія войсками, тамъ расположенными. Они не зависѣли отъ воеводъ.

По отношенію къ служилымъ людямъ власть воеводы, какъ исполнительнаго органа центрального правительства, была велика настолько, насколько правительство могло довѣрять одному лицу. Но это довѣріе не могло быть велико. Рядомъ съ воеводою ему необходимо было имѣть другихъ лицъ, которыя, дѣйствуя подъ надзоромъ воеводы, въ то же время подчинялись бы прямо центральному правительству. Таковы были городовые приказчики, осадные головы, письменные головы, ямскіе приказчики, слободчики, головы: стрѣлцкіе, казацкіе, пушкарскіе, объѣзжіе и т. д. Они отправляли свои обязанности подъ надзоромъ воеводы, который давалъ имъ разныя порученія, нерѣдко даже выходившія изъ круга спеціальной дѣятельности этихъ подчиненныхъ лицъ. Кромѣ того воевода давалъ разныя порученія служилымъ людямъ вообще, напримѣръ, дѣламъ боярскимъ и другимъ. Эти порученія касались военныхъ дѣйствій, построенія городовъ и слободъ, переписи жителей, прибора гуляющихъ людей на пашенныя мѣста и т. п. Но воевода не былъ начальникомъ, замѣнявшимъ для своихъ подчиненныхъ власть центрального правительства. Его власть не исключала возможности непосредственнаго отношенія ихъ къ московскимъ приказамъ; имъ давались указы отъ высшаго правительства. Въ памятникахъ болѣе всего встрѣчается наказовъ, дававшихся стрѣлцкимъ головамъ. Головы эти были начальниками отрядовъ стрѣлцкихъ, расположенныхъ большею частью въ томъ городѣ, гдѣ былъ воевода, а иногда и въ другомъ мѣстѣ. Обязанные лично исполнять всѣ требованія воеводы, они не вполнѣ подчинялись ему въ управленіи своимъ приказомъ. Стрѣлцкіе головы не были единственными лицами, сносившимися непосредственно съ центральнымъ правительствомъ. Факты, подобные вышеприведенному, встрѣчаются относительно засѣчныхъ головъ, подъячихъ, казачьихъ головъ, толмачей и даже сторожей. Назначеніе на мѣсто, увольненіе, наказаніе, опредѣленіе жалованья, большею частью непосредственно зависѣли отъ центрального правительства. Воевода имѣлъ большое значеніе для дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ для служилаго сословія, по отношенію къ ихъ служебнымъ обязанностямъ. Но его власть мало имѣла значенія для нихъ, какъ для класса мѣстнаго общества, а особенно въ отношеніи ихъ экономическихъ интересовъ. Самый важный вопросъ для служилаго сословія былъ вопросъ о помѣстьяхъ. Власть воеводы въ этомъ отношеніи была весьма ограничена. Раздача помѣстій производилась или отдѣльно каждому служилому человеку, или всѣ дворяне и дѣти боярскія извѣстнаго уѣзда или разряда во всей совокупности верстались помѣстьями. Въ послѣднемъ случаѣ почти всегда посылались изъ Москвы особые лица, которыя вмѣстѣ съ окладчиками, выбранными на мѣстѣ служилыми людьми, разверстывали помѣстья между старыми служилыми людьми

и новиками. Верстаніе помѣстными отдѣльными лицъ предоставлялось иногда воеводамъ. Въ этомъ случаѣ онъ получалъ указъ изъ надлежащаго приказа, въ коемъ опредѣлялся размѣръ помѣстнаго жалованья, такъ что воеводамъ оставалось только отвести пожалованному лицу помѣстье въ одной изъ свободныхъ земель. Участіе воеводъ въ помѣстныхъ дѣлахъ состояло въ исполненіи требованій центральныхъ мѣстъ, въ произведеніи обысковъ и слѣдствій, въ отводѣ и отдѣлѣ пожалованныхъ помѣстій.

Эти факты показываютъ, въ какомъ отношеніи стоялъ воевода къ одному изъ важнѣйшихъ мѣстныхъ классовъ, классу служилому. Между дворянствомъ и воеводою не могло установиться отношеній, какія существуютъ между мѣстной землевладѣльческою корпораціей и представителемъ правительства: этого не могло быть при отсутствіи всякой корпоративной связи между мѣстнымъ дворянствомъ. Для отдѣльныхъ лицъ власть воеводы имѣла значеніе на столько, на сколько это нужно было для понужденія ихъ къ исполненію обязанностей. Для удовлетворенія же интересовъ всего служилаго сословія на мѣстѣ, воеводская должность не представляла никакихъ условій. Если служилый человекъ имѣлъ нужду удовлетворить какимъ-нибудь частнымъ потребностямъ своимъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву. Иначе это и быть не могло. Какіе были интересы у дворянства въ то время? Увеличеніе помѣстнаго оклада, прибавка денежнаго жалованья, повышеніе въ чинѣ, переводъ изъ городскихъ дворянъ въ московскіе, пожалованіе части помѣстья въ вотчину,—все это зависѣло отъ центральнаго правительства. Затѣмъ всѣ частные интересы дворянства группировались около ихъ помѣстья или вотчины. Вопросы наслѣдства, сдачи помѣстья, мѣны, купли и т. д. вотъ что занимало его. И по всѣмъ этимъ вопросамъ ему также нужно было ѣздить въ Москву, ибо воевода не имѣлъ достаточно власти для удовлетворенія интересовъ этого рода.

Нѣсколько болѣе были развиты отношенія воеводы къ общинамъ. Воеводская должность, имѣвшая столь мало значенія для привилегированныхъ классовъ, была какъ будто специально предназначена для тяжкихъ людей. Обыкновенно самые наказы долѣе всего останавливаются на отношеніяхъ воеводы къ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ. Иногда въ наказахъ и въ другихъ грамотахъ прямо высказывается, что воевода назначенъ съ цѣлью оберегать посадскихъ людей отъ всякихъ насильствъ, отъ стороннихъ людей, отъ помѣщиковъ и т. д. Воевода не имѣлъ особенныхъ обязанностей къ сословіямъ, ибо основное управленіе сосредоточивалось въ Москвѣ. Но воевода имѣлъ опредѣленные отношенія къ общинѣ, сдѣлавшейся средствомъ къ отбыванію сословныхъ повинностей. Общины каждой мѣстности представляли разрозненные административные организмы. Мѣстныхъ сословій въ Московскомъ государствѣ не было, были только государственные чины. Какъ сословіе, посадскіе и торговые люди имѣли отношеніе только къ Москвѣ; городъ, какъ община, тянувшая разныя повинности, подчинялся воеводѣ. Надзоръ послѣдняго имѣлъ въ виду, чтобы внутренній порядокъ общины не нарушался, чтобы подати раскладывались и собирались безъ «мочтанья» и т. д.

Нѣкоторые обязанности воеводъ къ общинѣ опредѣлялись въ самомъ наказѣ. Напримѣръ, въ 1762 г. олонецкому воеводѣ Богдану Нащокину предписано: «Того беречь накрѣпко, чтобъ въ заонежскихъ и допскихъ

погостѣхъ мужики горланы богатые не воровали, середнимъ и молодчимъ людямъ продажи не чинили и лишнихъ поборовъ, опричь великаго государя оброку, ямскихъ и полонянничныхъ денегъ и всякихъ податей, съ крестьянъ не собирали, и тѣмъ бы имъ продажъ и убытковъ не чинили, а сами бы тѣмъ не корыстовались». То же повторялось и въ другихъ наказахъ. Къ обязанности оберегать молодыхъ и среднихъ людей отъ мужиковъ-горлановъ въ самой общинѣ присоединилась еще обязанность оберегать всю общину отъ притѣсненія сильныхъ людей вообще и мѣстнаго дворянства въ особенности. Мѣстные привилегированные органы въ это время уже получаютъ значеніе оберегателей крестьянина отъ лицъ, смотрѣвшихъ на окружающее народонаселеніе съ точки зрѣнія крѣпостнаго права. Наказъ въ общихъ выраженіяхъ поручалъ воеводѣ наблюдать за точнымъ исполненіемъ предписаній центрального правительства. Но подробности управленія сосредоточивались не въ мѣстности, а въ центрѣ. Акты, дошедшіе до насъ, несомнѣнно убѣждаютъ, что всѣ сколько-нибудь важные вопросы внутренняго управленія восходили на разрѣшеніе центрального правительства, а исполненіе его рѣшеній поручалось мѣстному начальству. Вотъ почему указы мало говорятъ объ отношеніи воеводъ къ общинѣ, а отдѣльные указы изъ четвертей чрезвычайно много. Это понятно. Община несла сословное тягло, а завѣдываніе сословіемъ сосредоточивалось въ Москвѣ; далѣе, хотя воеводское управленіе и дало уѣзду значеніе тяглою административной единицы, но не настолько, чтобы дробныя единицы, общины, потеряли право сноситься непосредственно съ Москвою. Вслѣдствіе этого во всѣхъ случаяхъ какихъ-нибудь недоразумѣній, столкновеній различныхъ интересовъ, воеводское управленіе не могло удовлетворить общинѣ, и онѣ постоянно обращаются въ Москву. Всѣ случаи столкновенія общинъ между собою и съ другими лицами разрѣшались въ Москвѣ. Обязанности самого воеводы по отношенію къ общинѣ сводились поэтому: а) къ надзору за исполненіемъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ высшимъ правительствомъ; б) къ приведенію въ исполненіе отдѣльных мѣръ, по предписанію центральныхъ учреждений; в) въ рѣдкихъ случаяхъ, къ попеченію о внутреннемъ благоустройствѣ общины.

Изъ отношеній воеводы къ сословіямъ можно вывести то заключеніе, что должность эта была организована въ виду тяглою положенія сословій. Уѣздные и посадскіе люди, соединенные въ тяглыя податныя единицы, понуждались ими къ исполненію обязанностей, но и въ этомъ отношеніи центральное правительство имѣло больше значенія для мѣстности. Съ другой стороны, какъ общегосударственное сословіе, посадскіе выдѣлялись постоянно изъ состава мѣстнаго управленія. При оцѣнкѣ дѣятельности воеводъ не должно терять изъ виду этого двойкаго значенія тяглою народонаселенія древней Россіи. Чѣмъ больше сословныя начала выступаютъ на первый планъ, тѣмъ сильнѣе становится роль центрального управленія и слабѣе роль мѣстнаго. Сравнивая значеніе воеводъ въ началѣ XVII вѣка и въ концѣ, нельзя не замѣтить, что приказное управленіе имѣетъ меньшее значеніе до Уложенія, чѣмъ послѣ. Приказы почти замѣняютъ областное начальство, и исполненіе ихъ предписаній охотнѣе поручается самимъ тяглыми людямъ, чѣмъ воеводамъ и другимъ агентамъ центрального правительства. Причинъ этого нельзя, конечно, искать исключительно въ томъ, что воеводы «изворовались» и

что правительство желало избавить народъ отъ воеводскихъ налоговъ и пѣлаго штата приказныхъ людей. Одна изъ существенныхъ причинъ этой перемѣны заключалась въ томъ, что по мѣрѣ образованія сословій правительство приходило къ необходимости дать каждому изъ нихъ особое управленіе и подчинить его одному московскому приказу. Характеръ этого управленія заключался въ томъ, что каждое сословіе исполняло возложенныя на него повинности подъ контролемъ центрального правительства. Всѣ сословія, оставшіяся свободными, постепенно получили такую организацію.

Несамостоятельность воеводы, какъ мѣстнаго правителя, и вообще слабое развитіе понятій о мѣстномъ управленіи въ тогдашнее время лучше всего можно видѣть на тѣхъ сторонахъ мѣстнаго управленія, которыя въ настоящее время составляютъ главную заботу правительства. Мы говоримъ объ удовлетвореніи потребностей самаго мѣстнаго населенія, относительно его духовныхъ, экономическихъ и другихъ цѣлей. Къ числу этихъ потребностей мѣстнаго населенія должно отнести полицейскую и судебную дѣятельность. Полицейская дѣятельность воеводы касалась слѣдующихъ предметовъ: построекъ, путей сообщенія, почтъ, охраненія области отъ моровыхъ язвъ, охраненія городовъ отъ пожаровъ, полиціи безопасности, попеченія о народонаселеніи, попеченія о торговлѣ, мѣрахъ, вѣсахъ и полиціи нравовъ.

Если по этимъ постояннымъ предметамъ дѣятельность воеводъ не была особенно развита, то по другимъ вопросамъ она была еще ничтожнѣе. Слабое, или лучше сказать ничтожное, развитіе медицинской части, отсутствіе всякихъ мѣръ къ развитію народнаго образованія, скудость средствъ къ обезпеченію народнаго продовольствія, и вообще отсутствіе всего, что въ настоящее время составляетъ заботу земскихъ учреждений, характеризуетъ воеводское управленіе. Нельзя однако не признать важнаго полицейскаго значенія воеводъ и уѣздныхъ властей. Полицейская власть ихъ получила слабое развитіе только по отношенію къ тѣмъ предметамъ, кои выходили изъ круга дѣятельности приказнаго управленія. Для того, чтобы она получила такое развитіе, необходимо было, чтобы правительство признало за обществомъ нѣкоторые интересы и взяло на себя ихъ удовлетвореніе. При тягломъ взглядѣ на народонаселеніе такая полицейская дѣятельность правительства была немислима. За то полицейскій характеръ воеводскаго управленія выражался довольно сильно въ другой сферѣ—въ пресѣченіи и преслѣдованіи преступленій. Эта сторона полицейской его дѣятельности проникла даже въ его судебную дѣятельность и сообщала послѣдней какой-то полицейскій характеръ.

Чрезвычайно трудно съ точностію опредѣлить отношеніе между судебною властью воеводы и московскихъ приказовъ. Если принять въ соображеніе, что воевода былъ органомъ приказа въ уѣздѣ, то самый естественный выводъ будетъ тотъ, что воевода былъ низшею, первою инстанціей, а приказы—второю. Но на дѣлѣ не такъ легко было опредѣлить соотношеніе этихъ инстанцій. Нигдѣ не встрѣчается закономъ установленнаго порядка прохожденія дѣлъ по этимъ инстанціямъ. Во-первыхъ значеніе инстанцій рѣзко различалось въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Уголовная власть воеводы (насколько она ему принадлежала) была сравнительно шире его власти по гражданскимъ дѣламъ, обыкновенно ограниченной узкими рамками. Причина этого за-

ключается въ томъ, что въ тѣ времена задачи уголовной юстиціи тѣсно сливались съ простыми полицейскими цѣлями и до нѣкоторой степени даже подчинялись имъ. Восстановленіе общественнаго порядка, нарушеннаго преступленіемъ, что въ настоящее время составляетъ только одну изъ задачъ уголовного правосудія, въ то время было едва-ли не единственною цѣлью правосудія. Обязанности уголовного суда и полиціи тѣсно сливались въ уѣздныхъ должностяхъ. Напримѣръ, на губныхъ старостахъ, кромѣ обязанности судить разбойниковъ, лежала обязанность «того беречь накрѣпко, чтобъ однолично нигдѣ татей и разбойниковъ, разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ не было». Этотъ полицейскій характеръ суда имѣлъ своимъ послѣдствіемъ крайнюю запутанность отношеній между воеводою, въ рукахъ котораго главнымъ образомъ сосредоточивались полицейскія обязанности, и губными старостами. Воеводѣ, между прочими обязанностями полиціи безопасности, поручалось смотрѣть, чтобы нигдѣ не было бою, грабежа, пріѣзда разбойниковъ и т. д. Провести точную границу между этимъ «смотрѣніемъ» и дѣйствительнымъ сыскомъ разбойниковъ въ тѣ времена было чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что само законодательство не особенно заботилось объ этомъ. Ему и самому обществу было рѣшительно все равно, кто ни будетъ «сыскивать» воровъ и разбойниковъ, лишь бы этотъ сыскъ былъ дѣйствителенъ и приводилъ къ какимъ-нибудь результатамъ.

Въ Уложеніи находится слѣдующее постановленіе: въ городахъ татинныя, разбойныя и убійственныя дѣла вѣдать губнымъ старостамъ, по наказамъ изъ разбойнаго приказа, а воеводамъ въ городахъ такихъ дѣлъ не вѣдать. А гдѣ губныхъ старостъ нѣтъ, и въ тѣхъ городахъ губныя дѣла вѣдать воеводамъ и приказнымъ людямъ. Это постановленіе подробно развито въ слѣдующей статьѣ. Изъ нея мы видимъ, что губные старосты получали наказы изъ разбойнаго приказа и дѣйствовали подъ его надзоромъ. Вслѣдствіе этого они состояли въ прямомъ подчиненіи воеводѣ. Будучи разъ выбранъ, губной староста подчинялся разбойному приказу. Въ качествѣ приказныхъ людей губные старосты служили не для однихъ цѣлей уголовной юстиціи. Нерѣдко имъ давались такія же порученія, какъ и воеводамъ. Иногда имъ поручалось производить слѣдствіе надъ воеводою и даже взыскивать съ него штрафъ. Въ 1661 г., по случаю отозванія изъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей для государственной службы, исправленіе ихъ должности поручено было губнымъ старостамъ.

Но если дѣятельность губныхъ старостъ касалась разныхъ предметовъ администраціи по порученіямъ центральнаго правительства, то, съ другой стороны, она не вполнѣ исчерпывала задачи уголовного суда. Ихъ вѣдомство состояло изъ преслѣдованія разбоя, душегубства и татбы. Но скоро правительство убѣдилось, что безъ сильныхъ органовъ уголовной юстиціи въ самой мѣстности оно не можетъ управиться съ разбойниками и татями. Въ 1669 г. разбойное дѣло сосредоточено въ одномъ Разбойномъ приказѣ, тогда какъ прежде оно было раздѣлено между Разбойнымъ и земскимъ приказами. Въ городахъ татинныя, разбойныя и убійственныя дѣла поручены сыщикамъ и губнымъ старостамъ, по наказамъ изъ Разбойнаго приказа. Самое положеніе губныхъ старостъ измѣнилось. Прежде они были подчинены непосредственно Разбойному приказу, теперь мѣсто приказа заняли сыщики. Законъ 1669 г. замѣчате-

лень тѣмъ, что онъ отмѣняетъ губныхъ цѣловальниковъ, такъ что послѣдніе остатки земскаго характера губнаго дѣла уничтожились. За общинами осталась только обязанность доставлять сторожей, дьяка и палача.

Не смотря на эти мѣры, ни разбои не уничтожались, ни злоупотребленія не прекращались. Сыщики имѣли гораздо меньше средствъ для преслѣдованія разбойниковъ, чѣмъ мѣстныя власти, успѣхъ ихъ дѣятельности зависѣлъ отъ того, на сколько воеводы будутъ имъ содѣйствовать, такъ какъ собственныя ихъ средства были ничтожны. Воеводы же помогали имъ весьма неохотно. Съ своей стороны, народъ жаловался на сыщиковъ, что они употребляютъ свою власть не на преслѣдованіе виновныхъ, а на вымогательство разныхъ поборовъ съ мирныхъ жителей, что они потакаютъ ворами и т. д. До какой степени непопулярны были сыщики и все губное управленіе, какъ мало достигали они своей цѣли, видно изъ того, что они просуществовали всего 10 лѣтъ, до 1679 г., послѣ чего они посылались въ уѣзды только въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ это бывало и прежде. Правительство, слѣдовательно, не могло ограничиться губными старостами и сыщиками для искорененія разбоевъ. Возлагая на воеводу разные полицейскія обязанности, оно нерѣдко поручало имъ поимку воровъ и разбойниковъ. Затѣмъ нѣкоторыя обязанности, по закону возложенныя на губныхъ старостъ, на практикѣ поручались воеводамъ, какъ напр., постройка тюремъ и содержаніе арестантовъ. Наконецъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было губныхъ старостъ, воеводы вѣдали разбойныя и татинныя дѣла во всемъ объемѣ. Всѣ средства были извѣданы правительствомъ: губные старосты безъ сыщиковъ, сыщики съ губными старостами, одни сыщики безъ губныхъ старостъ; разбои усиливались, а средства Разбойнаго приказа уменьшались. Необходимо было усилить власть воеводы для противодѣйствія страшному злу. Съ 1679 г., т. е. со времени первой «отставки» губныхъ старостъ, воеводы получили гораздо больше правъ; по крайней мѣрѣ на время. Въ послѣднія двадцать лѣтъ XVII ст. всѣ старыя уѣздныя учрежденія, кромѣ воеводской должности, постепенно закрываются. Губные старосты то уничтожаются, то вновь устанавливаются, относительно другихъ должностей политика правительства также колеблется. Воеводская власть, ограниченная по дѣламъ казеннаго и общиннаго управленія, усиливается по судебнымъ дѣламъ. Только въ 1702 г., при окончательномъ уничтоженіи губныхъ старостъ, воеводское управленіе было ограничено выборнымъ коллегіальнымъ началомъ.

Кромѣ губныхъ дѣлъ, которыя только постепенно перешли въ завѣдываніе воеводы, его суду подлежали многія дѣла. Сюда относились государственныя преступленія, поддѣлка фальшивой монеты, корчемство, преступленія по должности, волшебство, побой, грабежъ и сводничество. По всѣмъ этимъ дѣламъ власть воеводы не была особенно обширна. Дѣла по государственнымъ преступленіямъ разрѣшались всегда въ Москвѣ, воеводѣ же поручалось иногда производство слѣдствія и исполненіе приговора. То же самое должно сказать о преступленіяхъ по должности. Еще неопредѣленною была власть воеводы по дѣламъ о побояхъ, грабежѣ, захватѣ чужого имущества и т. д. Неопредѣленность эта обуславливалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что подобныя дѣла начинались по жалобѣ обиженнаго, а не было закона, предписывавшаго ему начинать дѣло съ уѣздной инстанціи. Обыкновенно жалобщики стремились подавать че-

лобитныя въ московскій приказъ, откуда уже выходило предписаніе воеводѣ произвести слѣдствіе, а иногда и дать судъ на указанныхъ приказомъ основаніяхъ. Обыкновенно въ этомъ случаѣ приказъ писалъ: «А будетъ такъ, какъ билъ челомъ такой-то», т. е. если слѣдствіе подтвердить жалобу челобитчика, то сдѣлать то-то, или учинить по указу, до чего доведется. Всѣ эти факты приводятъ къ заключенію, что уѣздъ не имѣлъ правильно развившейся, самостоятельной инстанціи уголовного суда. Въ большинствѣ случаевъ слѣдствіе было дѣломъ уѣздныхъ властей; судъ, приговоръ—дѣломъ московскихъ приказовъ. Дѣла гражданского суда представляютъ нѣсколько большей опредѣленности. Судъ по долговымъ обязательствамъ вершился воеводою, если онъ не превышалъ извѣстную сумму. Обыкновенно-же большіе иски рѣшались въ Москвѣ, а воеводѣ поручалось править деньги съ отвѣтника.

Такая несамостоятельность воеводскаго суда прямо указываетъ на значеніе воеводы, какъ исполнительнаго органа центрального правительства. Какъ только началось разграниченіе между слѣдствіемъ и судомъ, первое сдѣлалось почти исключительною его обязанностью, послѣдній сосредоточивается въ центральномъ управленіи.

Разсматривая, на основаніи изложенныхъ фактовъ, должность воеводы, нельзя не прійти къ заключенію, что она не годилась для мѣстнаго управленія въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ теперь. Главное ея назначеніе состояло въ исполненіи предписаній центрального и высшаго правительства и въ наблюденіи за исполненіемъ этихъ предписаній другими лицами. Тяглое общество требовало только исполнительнаго органа, а не самостоятельной мѣстной администраціи. Дѣйствительное управленіе было сосредоточено въ Москвѣ. Здѣсь главнымъ образомъ вѣдалось каждое сословіе и каждая община своимъ тягломъ. Воеводѣ поручалось только наблюдать, чтобы тягло это отбывалось «безвозлочно, безъ недоборовъ и безъ воровства».

Имѣя въ виду этотъ исполнительный характеръ воеводской должности, правительство XVII стол. не дошло до коллегіальной формы въ мѣстномъ управленіи. Всѣ должности были единоличныя, воеводская же по преимуществу. Товарищи давались воеводамъ для раздѣленія труда, а не въ видахъ правильности и отчетности дѣлопроизводства. Иногда воеводѣ поручалась одна часть управленія, а товарищу его другая. При томъ товарищей было не нѣсколько, а одинъ, и, конечно, эти два лица не могли составить коллегію. Несамостоятельность воеводской должности обуславливалась еще тѣмъ, что ни въ законѣ, ни на практикѣ не было признано никакихъ общественныхъ интересовъ, которые бы правительство считало своею обязанностью удовлетворять.

Воевода, какъ мы замѣтили выше, былъ прежде всего органомъ областного приказа, т. е. занималъ то мѣсто въ ряду областныхъ учреждений, какое занимаютъ теперь низшія должности губернскаго управленія (исправники) по отношенію къ главнымъ губернскимъ учреждениямъ. Поэтому самые предметы ихъ вѣдомства, означенные въ наказахъ, опредѣлялись главнымъ образомъ кругомъ дѣлъ, подлежащихъ областному приказу. На этомъ основывалось внутреннее противорѣчіе воеводской должности и всей московской администраціи. Не имѣя въ мѣстности самостоятельнаго лица, для общаго мѣстнаго надзора, правительство не могло достигнуть единства мѣстной администраціи и надлежащей быстроты въ

исполненіи его распоряженій. Не смотря на то, что уѣздъ былъ невеликъ и что воевода былъ въ немъ главнымъ должностнымъ лицомъ, уѣздъ былъ до такой степени раздѣленъ между разными приказами, что достигнуть исполненія какой-нибудь мѣры было чрезвычайно затруднительно. Каждый почти приказъ имѣлъ своего представителя въ уѣздѣ и старался о томъ, чтобы этотъ органъ былъ подчиненъ прямо ему. Отсюда пререканія между разными вѣдомствами. Немало неудобствъ порождало и то обстоятельство, что каждый воевода непосредственно сносился съ московскимъ управленіемъ. Результатомъ этого было то, что воеводы нерѣдко отказывались исполнять законныя требованія другихъ воеводъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «у нихъ о томъ отъ великаго государя указу нѣтъ».

Воевода занималъ первое мѣсто между постоянными исполнителями правительственныхъ распоряженій, но былъ далеко не единственнымъ. Ямскіе и городовые прикащики, стрѣleckіе, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы дѣйствовали подъ его наблюденіемъ, но большею частью по наказамъ изъ Москвы. Сюда же слѣдуетъ отнести таможенныхъ и кабацкихъ головъ, губныхъ старостъ и т. д. Затѣмъ у московскаго правительства возникли въ разное время потребности, удовлетвореніе которыхъ оно не хотѣло поручить мѣстному начальству. Отсюда цѣлый легіонъ «присыльныхъ людей изъ Москвы». Между ними наибольшую извѣстность въ нашей литературѣ пользуются такъ называемые сыщики какъ по губнымъ дѣламъ, такъ и для сыску бѣглыхъ. Но кромѣ того въ разное время посылались въ уѣзды: горододѣльцы, сборщики хлѣбнаго и денежнаго сбора, сборщики разныхъ податей и разные лица по отдѣльнымъ порученіямъ. Правительство не хотѣло установить между этими лицами никакихъ іерархическихъ отношеній и, по обстоятельствамъ того времени, имѣло на это основаніе. При отсутствіи не только правильной, но и всякой системы надзора, имѣть въ мѣстности только одно отвѣтственное лицо, прямо подчиненное центральному правительству, было крайне невыгодно, при извѣстныхъ злоупотребленіяхъ всѣхъ приказныхъ лицъ. Напротивъ, правительство стремилось поднять отвѣтственность всѣхъ предъ центральнымъ правительствомъ, а потому подчиняло ихъ прежде московскимъ приказамъ, а потомъ воеводѣ. Если воеводѣ поручалось смотрѣть за разными головами и старостами, то и старостамъ и головамъ поручалось иногда наблюденіе за воеводою. Воевода писалъ въ Москву на головъ, головы на воеводу. Система эта не удалась. Предписанія правительства исполнялись все-таки плохо, а одинаковая отвѣтственность всѣхъ лицъ мѣстнаго управленія передъ центральнымъ вела къ тому, что они сваливали другъ на друга вину, воеводы на головъ, головы на воеводу. О послѣдствіяхъ этой системы для мѣстнаго населенія и говорить нечего. Каждый приказный человѣкъ кормился отъ своихъ «дѣлъ». Неслыханные поборы увеличивали и безъ того большія тягости бѣднаго крестьянства.

Противорѣчія московской административной системы шли дальше. Изъ степени власти, предоставленной воеводамъ, можно видѣть, что они главнымъ образомъ назначались для исполненія порученій центральнаго правительства. Самостоятельность ихъ даже въ дѣлѣ суда—сомнительнаго свойства. Между тѣмъ незнаніе мѣстныхъ условій, отсутствіе правильнаго контроля и невозможность сосредоточить всѣ дѣла въ московскомъ

управленіи приводили въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ самостоятельности, а въ другихъ—къ систематическому произволу воеводъ. Воевода не могъ судить безъ особаго разрѣшенія правительства исковъ на 100 рублей, а между тѣмъ ему поручались дипломатическія сношенія, отъ которыхъ зависѣла цѣлость и безопасность государства. Правительство обозначало обязанности воеводъ въ наказахъ, которые всѣ писались по одному образцу; воеводѣ предписывалось въ точности держаться наказа: «А будетъ онъ (воевода) учнетъ государевы дѣла дѣлать не по сему государеву наказу... и ему за то отъ государя царя быти въ великой опалѣ». Между тѣмъ оно не было увѣрено, что порученія, данныя воеводѣ, могутъ быть выполнены на мѣстѣ. Поэтому, рядомъ съ строгимъ предписаніемъ держаться наказа, оно должно было предоставлять усмотрѣнію воеводъ не только способъ и время исполненія, но и право вовсе не исполнять данныя ему порученія. Въ наказахъ нерѣдко попадаются такія мѣста: «Будетъ въ сихъ вышписанныхъ статьяхъ, что явится къ нынѣшнему дѣлу и времени не согласно и чего дѣлать будетъ не мочно и казнѣ убыточно, а всякаго чина людямъ тягостно, и воеводамъ съ товарищи чинить по своему правому разсмотрѣнію». Воеводамъ, далѣе, обыкновенно предписывалось сообразоваться съ наказами прежнихъ воеводъ и государевыми указами къ нимъ. Но центральное правительство не могло знать, на сколько эти прежніе указы пригодны теперь. Поэтому въ наказахъ новымъ воеводамъ говорилось: «А что въ прежнихъ грамотахъ и наказахъ добро и прибыльно, и имъ тѣ дѣла дѣлать по прежнимъ наказамъ и грамотамъ, а что нынѣ быть непристойно имъ тѣ дѣла дѣлать, смотря по тамошнему дѣлу, какъ будетъ пригоже». Это право исполнять и не исполнять порученія правительства не всегда предоставлялось воеводамъ; но за то *способъ* исполненія этихъ порученій всегда предоставлялся имъ. Наказъ излагалъ порученія, опредѣлялъ обязанности воеводъ; затѣмъ какими средствами будетъ выполненъ этотъ наказъ, до этого правительству не было дѣла, лишь бы онъ былъ выполненъ безъ убытка для казны и разоренія для жителей. Такой смыслъ имѣетъ выраженіе, попадающееся почти во всѣхъ наказахъ: «дѣлать имъ (воеводамъ) по сему наказу, и смотря по тамошнему дѣлу и по своему вымотру, какъ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ».

Результатомъ этого было то, что судьба правительственныхъ распоряженій находилась въ рукахъ воеводъ. Произволу ихъ не было положено законныхъ границъ. Возможность же произвола порождала большія злоупотребленія. Виды этихъ злоупотребленій можно подвести подъ двѣ главныя группы, или, лучше сказать, произволъ воеводскій могъ проявляться двоякимъ способомъ. Воевода могъ воспользоваться своимъ правительственнымъ положеніемъ для того, чтобы съ корыстными цѣлями тѣснить мѣстное населеніе; или онъ могъ, за хорошій посулъ, соединиться съ посадскими и уѣздными людьми для того, чтобы потакать имъ въ неисполненіи обязанностей. Оба случая одинаково часто попадаются въ актахъ того времени. Въ царскихъ грамотахъ воеводамъ часто приходится читать укоризны послѣднимъ, что «они, норовя посадскимъ для своея бездѣльныхъ корысти, не собираютъ и не высылаютъ податей, или не помогаютъ сборщикамъ, присланнымъ изъ Москвы, или не высылаютъ на службу дворянъ, помогаютъ имъ укрываться отъ сборщиковъ» и т. д. Въ другихъ случаяхъ крестьяне и посадскіе жаловались на неслыханные по-

боры и даже грабежи воеводскіе. Воеводѣ выгодноѣ было жить въ мирѣ съ посадскими людьми и брать съ нихъ добровольныя приношенія, чѣмъ угождать правительству, которое онъ, при отсутствіи средствъ надзора, могъ обкрадывать, сколько угодно. Правительство на эти злоупотребленія отвѣчало тѣмъ, что отнимало ту или другую отрасль управленія у воеводы, но устранить ихъ злоупотребленія вполне не было въ состояніи.

Нерѣдко воеводы удачно соединяли и ту и другую систему, т. е. умѣли обманывать правительство и тѣснить уѣздныхъ людей. Медленность, неисполненіе правительственныхъ распоряженій, лихоимство, прямое воровство удачно соединялись въ системѣ воеводскаго управленія. Нѣкоторые воеводы доходили до неслыханныхъ злоупотребленій. Напр., въ 1675 году шуяне жаловались на воеводу Баркова, что онъ, «будучи у нихъ воеводой, почалъ имъ, сиротамъ государевымъ, посадскимъ людямъ, чинить тѣсноту и налогу большую и напрасныя продажи и убытки; бьетъ ихъ безъ сыску и безъ вины и сажаетъ въ тюрьму для своей корысти; и, вынимая изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины». Нерѣдко онъ билъ до полусмерти выборныхъ лицъ, кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ и грабилъ торговыхъ людей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самовластіе воеводъ доходило до какого-то идеальнаго, наивнаго самодурства. Такъ одинъ воевода «постоянно ходилъ по городу съ батогами въ полтора аршина длиною и въ палецъ толщиною и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: я воевода такой-то; всѣхъ изъ подъ тиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не бывать». Бывали другіе случаи и хуже. Разумѣется, такимъ воеводамъ всякіе грабители были по душѣ больше, чѣмъ мирные жители. Разбойное дѣло было для воеводъ большимъ «лакомствомъ», какъ говорятъ акты того времени. Замѣчательно, что при восстановленіи, въ 1627 г., должности губныхъ старостъ нѣкоторые воеводы ни за что не хотѣли отдать имъ губнаго дѣла и хотѣли «вѣдать его сами». Напр., вновь назначенный воронежскій губной староста долго писалъ государю, пока наконецъ ему удалось вырвать свое дѣло изъ рукъ воеводы.

СШ. О ПРИЕМѢ ПОСЛОВЪ ВЪ МОСКВѢ И ОБХОЖДЕНІИ СЪ НИМИ.

(Изъ «Записокъ о Московіи» барона Герберштейна).

Посолъ, отправляющійся въ Московію, подѣзжая къ ея границамъ посылаетъ въ ближайшій городъ вѣстника, который возвѣщаетъ начальнику этого города, что онъ, посолъ такого-то государя, намѣревается вступить въ предѣлы княжескихъ владѣній. Начальникъ тотчасъ тщательно осведомляется не только о томъ, отъ какого государя онъ посланъ, но также какого сословія и достоинства самъ посолъ, равнымъ образомъ, какъ велика его свита; узнавъ это, онъ посылаетъ какого нибудь чиновника со свитой, для приѣма и сопровожденія посла, причемъ принимается въ расчетъ какъ достоинство государя, отъ котораго онъ посланъ, такъ и достоинство самого посла. Между тѣмъ, онъ немедленно даетъ знать

великому князю, откуда и отъ кого прїѣхалъ посолъ. Точно также посланный на встрѣчу съ дороги посылаетъ впередъ кого нибудь изъ своихъ увѣдомить посла, что приближается Большой Человѣкъ, который приметъ его въ извѣстномъ мѣстѣ (мѣсто назначается). Они употребляютъ титулъ Большаго Человѣка, потому что этотъ эпитетъ Большой придается всѣмъ важнымъ особамъ; какой нибудь вельможа, благородный баронъ не величается у нихъ ни свѣтлѣйшимъ, ни вельможнымъ, ни какимъ либо другимъ подобнымъ титуломъ. Впрочемъ, при встрѣчѣ, этотъ посланецъ не сходить съ мѣста; въ зимнее время, напр., по его приказанію считается и расчищается снѣгъ тамъ, гдѣ онъ остановился, чтобы посолъ могъ пройти къ нему, а самъ онъ между тѣмъ не двигается съ расчищенной или большой дороги. Кромѣ того, при встрѣчѣ соблюдается еще слѣдующее. Отправляютъ къ послу вѣстника съ просьбой сойти съ лошади или выйти изъ повозки. Если же кто станетъ извиняться или усталостью, или болѣзнью, тогда отвѣчаютъ, что государевыхъ словъ нельзя ни произносить, ни слушать иначе, какъ стоя. Кромѣ того, посланецъ тщательно остерегается первый сойти съ лошади или выйти изъ повозки, чтобы не уронить этимъ достоинства своего государя; потому онъ только тогда сходить съ лошади, когда замѣтитъ, что сходить посолъ.

Въ первое мое посольство я объявилъ посланцу, встрѣтившему меня за Москвою, что я усталъ отъ дороги, и что мы выполнимъ весь церемоніаль на лошадяхъ. Но, по его мнѣнію, этого никакъ нельзя было сдѣлать (причемъ онъ повторилъ приведенную прежде причину). Толмачи и прочіе уже сошли съ лошади и убѣждали меня сдѣлать тоже. Я отвѣчалъ имъ, что я также сойду, какъ только сойдетъ московитъ: вида, что они такъ высоко цѣнятъ это, я самъ не хотѣлъ унижить моего государя и уменьшить его значеніе. Но такъ какъ онъ отказался сойти первымъ, и эти перекоры немножко затянулись, то я, желая положить имъ конецъ, вынулъ ногу изъ стремени, какъ бы въ намѣреніи сойти. Замѣтивъ это, посланецъ тотчасъ сошелъ съ лошади; я же медленно спустился съ сѣдла, такъ что послѣ онъ досадовалъ на меня за этотъ обманъ.

Тутъ онъ подходитъ и говоритъ съ непокрытой головою: «Великаго государя Василя, Божіею милостію царя и государя всей Русси; и великаго князя и проч. (исчисляетъ важнѣйшія княжества) намѣстникъ и воевода NN области и проч. велѣлъ объявить тебѣ. Узнавъ, что ты посолъ такого-то государя, идешь къ нашему государю, онъ послалъ насъ тебѣ на встрѣчу, чтобы мы привели тебя къ нему (повторяетъ титулъ князя и намѣстника). Кромѣ того, намъ поручено спросить, «по добру ли по здорову ты ѣхалъ» (ибо таковое обычное привѣтствіе: по добру ли по здорову ѣхалъ). Потомъ посланный, протягиваетъ послу правую руку, и опять не отдаетъ почтенія первый, если не видитъ, что посолъ обнажилъ голову. Послѣ этого, вѣроятно по долгу учтивости, онъ снова обращаетъ рѣчь къ нему, спрашивая, по добру ли по здорову онъ ѣхалъ; напоследокъ даетъ знакъ рукою садиться и ѣхать. Когда садутъ на коней или въ повозки, онъ останавливается на мѣстѣ съ своей свитой, и не уступаетъ дороги послу, но сзади всѣхъ слѣдуетъ за нимъ вдалекѣ и тщательно наблюдаетъ, чтобы никто не отставалъ или не слишкомъ приближался. Во время шествія онъ вывѣдываетъ сперва имя посла и cadaго служителя, также имена родственниковъ и изъ какой

кто области родомъ, какой языкъ каждый понимаетъ и какого сословія, слуга ли какого нибудь государя, или родственникъ посла или его свойственникъ, также былъ ли прежде въ ихъ странѣ. Обо всемъ этомъ они немедленно отписываютъ великому князю. Немного дальше, посла встрѣчаютъ челоѣкъ, который объявляетъ, что ему поручено отъ намѣстника доставлять ему все нужное.

Такимъ образомъ, вышедъ изъ Дубровры, литовскаго городка, лежащаго на Борисоенѣ, и сдѣлавъ въ тотъ день 8 миль, мы вступили въ предѣлы Московіи и переночевали подъ открытомъ небомъ. Мы настлали мость черезъ разлившуюся рѣку, чтобы имѣть возможность въ половинѣ ночи выступить оттуда и прійти къ Смоленску. Ибо отъ входа въ московское княжество или отъ границы городъ Смоленскъ отстоитъ только на 12 герм. миль. Рано утромъ, проѣхавъ почти одну герм. милю, мы были приняты съ почетомъ, а оттуда подвинулись едва на полъ-мили, и терпѣливо ночевали подъ открытомъ небомъ на мѣстѣ намъ отведенномъ. На другой день мы подвинулись опять на 2 мили, и намъ было назначено мѣсто ночлега, гдѣ долго и роскошно угощалъ насъ нашъ провожатый. На слѣдующій же день (это было Вербное воскресенье), хотя мы приказали нашимъ служителямъ нигдѣ не останавливаться и отправиться съ багажемъ къ Смоленску, однако, сдѣлавъ едва двѣ герм. мили, нашли ихъ задержанными на мѣстѣ, назначенномъ для ночевки. Видя, что мы идемъ дальше, наши проводники умоляли, чтобы по крайней мѣрѣ мы тамъ отобѣдали. Нужно было уступить имъ, ибо въ этотъ день нашъ проводникъ пригласилъ пословъ своего государя, князя Іоанна Посечія Ярославскаго и дьяка Симеона Трофимова, воротившихся отъ цезаря изъ Испаніи вмѣстѣ съ нами. Зная причину, почему насъ такъ долго задерживали въ этихъ пустыряхъ (они послали къ великому князю изъ Смоленска объявить о нашемъ приѣздѣ и ожидали отвѣта, можно ли будетъ насъ ввести въ крѣпость, или нѣтъ), я хотѣлъ испытать ихъ и выступить въ путь по направленію къ Смоленску. Другіе, приставы, замѣтивъ это, немедленно бѣгутъ къ проводнику и объявляютъ о нашемъ уходѣ; потомъ, воротясь, просятъ, чтобы мы остались, присовокупляя къ просьбамъ даже угрозы. Но пока они метались туда и сюда, мы пришли къ мѣсту третьей ночевки, и тогда мой приставъ сказалъ: «Сигизмундъ, что ты дѣлаешь? для чего сомовольно идешь впередъ въ чужихъ владѣніяхъ противъ распоряженія государя»? Я отвѣчалъ ему: «Я не привыкъ жить въ лѣсахъ, какъ живутъ дикіе звѣри, но подъ крышей и съ людьми. Послы вашего государя шли черезъ царство моего государя, какъ имъ было угодно, по своей волѣ, черезъ города и деревни: такъ и мнѣ это можно. На это нѣтъ приказанія вашего государя, и я не вижу причины и необходимости такъ медлить». Послѣ этого они объявили о своемъ намѣреніи свернуть немного въ сторону, ссылаясь на то, что уже приближается ночь, и что сверхъ того никакъ нельзя войти въ крѣпость поздною порою. Мы же, не уваживъ приводимыхъ ими причинъ, отправились прямо къ Смоленску; тамъ насъ помѣстили въ такихъ тѣсныхъ хижинахъ, вдалекѣ отъ крѣпости, что мы не могли ввести лошадей иначе, какъ выломавъ прежде двери. На слѣдующій день, снова переправившись черезъ Борисоенѣ, мы переночевали у рѣки почти напротивъ крѣпости. Наконецъ намѣстникъ принялъ насъ черезъ своихъ людей и въ знакъ почтенія прислалъ намъ почти пятер-

ную порцію напитковъ, именно мольвазіи и греческаго вина (прочіе напитки были различныя меда), также хлѣба и нѣкоторыхъ кушаньевъ. Мы оставались въ Смоленскѣ 10 дней, ожидая отвѣта великаго князя. Отъ него пріѣхали двое дворянъ, чтобы имѣть попеченіе объ насъ и вести насъ въ Москву. Они приходили къ намъ обоимъ на квартиру въ парадныхъ платьяхъ и никакъ не снимали шапокъ, думая, что мы должны это сдѣлать первые; однако мы не обратили на это вниманія. Впослѣдствіи, когда имъ надобно было изложить, а намъ выслушать порученіе государя, мы отдали честь при произнесеніи имени князя. Впрочемъ, какъ мы поздно пріѣхали въ Смоленскъ, задержанные въ разныхъ мѣстахъ, такъ и тамъ насъ удержали дольше, чѣмъ слѣдовало. Чтобы мы не очень обидѣлись слишкомъ долгой задержкой или чтобы показать, что они раздѣляютъ наше желаніе ѣхать, они одинъ или два раза приходили къ намъ, говоря: «Завтра рано отправимся». И такъ, рано утромъ, мы поскорѣе приготовили лошадей и совершенно готовые прождали цѣлый день. Наконецъ, вечеромъ, они приходятъ съ нѣкоторою торжественностью и говорятъ намъ, что въ этотъ день они никакъ не могли отправиться. Однако, они опять общались, какъ прежде, выступить въ путь завтра утромъ, но точно также отложили отъѣздъ, ибо мы отправились едва на третій день около полудня и весь тотъ день не ѣли.

Наконецъ, 26-го апрѣля достигли мы Москвы. Когда мы были на полъ-мили отъ нея, намъ встрѣтился спѣшившій и покрытый потомъ старикъ дыякъ, тотъ самый, который былъ при посольствѣ въ Испанію: онъ объявилъ намъ, что его государь посылаетъ намъ на встрѣчу великихъ людей, называя этимъ именемъ тѣхъ, которые ожидали и должны были принять насъ. Къ этому онъ прибавилъ, что при свиданіи намъ слѣдуетъ сойти съ лошадей и стоя слушать государевы слова. Послѣ того, подавъ другъ другу руки, мы разговаривали. Между прочимъ я спросилъ его, что за причина, что онъ въ такомъ поту, — и онъ тотчасъ отвѣчалъ мнѣ громкимъ голосомъ: «Сигизмундъ, у нашего государя иначе служатъ, чѣмъ у твоего». Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, мы видимъ людей, стоящихъ длинными рядами, какъ бы какое-то войско; при нашемъ приближеніи они тотчасъ сошли съ лошадей, что въ свою очередь сдѣлали и мы. При самой же встрѣчѣ, одинъ изъ нихъ началъ такимъ образомъ: «Великій государь Василій, Божіею милостью царь и государь всей Руссіи и проч. (говоритъ весь титулъ) узналъ, что прибыли вы, послы его брата Карла, избраннаго императора римскаго и превысокаго короля, и брата его Фердинанда; онъ послалъ насъ, своихъ совѣтниковъ, и приказалъ намъ спросить васъ, какъ здоровъ его братъ Карлъ, римскій императоръ и превысокій король!» Послѣ этого точно также о Фердинандѣ. Тогда второй, обращаясь къ графу говорилъ: «Графу Леонарду. Великій государь (приводитъ весь титулъ) приказалъ мнѣ идти тебѣ на встрѣчу и вести до назначеннаго дома и доставлять тебѣ все нужное». Третій сказалъ тоже самое мнѣ. Когда это было сказано и выслушано съ открытой головою, первый говоритъ снова: «Великій государь (читаетъ титулъ) приказалъ спросить тебя, графъ Леонардъ, по добру-ли по здорову ты ѣхалъ». Тоже самое мнѣ. Мы отвѣчали имъ по ихъ обыкновенію: «Дай Богъ здравія великому князю. По милосердію Божію и по милости великаго князя мы пріѣхали здоровы». Тотъ же самый говоритъ снова: «Великій князь и проч. (затѣмъ повторяетъ титулъ) при-

слалъ тебѣ, Леонардъ, иноходца съ сѣдломъ и другаго коня изъ своей конюшни». Тоже самое мнѣ. Когда мы отблагодарили за это, они подали намъ руки и оба спрашивали по порядку каждаго изъ насъ, по добру-ли по здорову мы ѣхали. Наконецъ они говорили, что намъ слѣдуетъ оказать уваженіе и сѣсть на подаренныхъ лошадей. Мы сѣдлали это и, перешедъ черезъ рѣку Москву и пославъ впередъ всѣхъ другихъ, сами слѣдовали за ними. На берегу есть монастырь; оттуда насъ вели по равнинѣ, черезъ толпы людей, которые стекались отовсюду въ городъ, до самыхъ гостинницъ, находившихся на противоположномъ концѣ. Въ домахъ не было ни людей, ни мебели. Оба пристава говорили каждый своему послу, что они, вмѣстѣ съ тѣми приставами, которые пришли съ нами изъ Смоленска, имѣютъ приказаніе отъ государя заботиться о доставленіи намъ всего нужнаго. Приставили также при насъ писца, говоря, что онъ поставленъ для того, чтобы ежедневно приносить намъ пищу и все нужное. Наконецъ они просятъ насъ, чтобы мы имъ сказали, если въ чемъ будемъ нуждаться. Потомъ они посѣщали насъ почти каждый день, постоянно освѣдомляясь о нашихъ нуждахъ. Содержаніе для германскихъ пословъ у нихъ опредѣлено въ такомъ размѣрѣ, для литовскихъ въ иномъ, для другихъ опять иначе. Назначенные пристава имѣютъ, говорю я, известную предписанную мѣру, сколько именно они должны давать хлѣба, напитковъ, мяса, овса, сѣна и всего другаго, по числу людей. Они знаютъ, сколько дровъ для кухни; также сколько для нагрѣванія бани, сколько соли, перцу, масла, луку и другихъ самыхъ малѣйшихъ вещей они должны давать на каждый день. Эту мѣру соблюдаютъ также пристава, которые провожаютъ пословъ въ Москву и изъ Москвы. Впрочемъ, хотя они обыкновенно доставляли довольно и даже больше, чѣмъ нужно, какъ пищи, такъ и напитковъ, однако почти все, что мы просили сверхъ того, они давали намъ, обмѣнявъ на прежде данное. Они всегда приносили намъ пять сортовъ напитковъ, три сорта меду и два сорта пива. Иногда я посылалъ на свои деньги за нѣкоторыми вещами на рынокъ, въ особенности за живой рыбой. Они упрекали за это, говоря, что это большая обида ихъ государю. Я говорилъ приставу, что хочу достать кровати для дворянъ, которыхъ было со мною пятеро. Онъ тотчасъ отвѣчалъ, что нѣтъ обыкновенія доставлять всякому кровать. Я отвѣчалъ ему, что не требую, но хочу купить, и потому сообщая ему это, чтобы онъ опять не разсердился, какъ прежде. Итакъ, возвратясь на слѣдующій день, онъ сказалъ: «Я докладывалъ совѣтникамъ моего государя, о чемъ мы вчера говорили. Они велѣли сказать тебѣ, чтобы ты не платилъ денегъ за кровати. Ибо они общаются обходиться съ вами также, какъ вы обходитесь съ нашими людьми въ вашихъ странахъ». Отдохнувъ два дня въ отведенномъ намъ домѣ, мы спрашивали у нашихъ приставовъ, въ какой день князь назначитъ намъ аудіенцію? «Когда вы пожелаете, отвѣчали они: мы доложимъ совѣтникамъ князя». Вскорѣ мы попросили объ этомъ. Намъ назначена была аудіенція, но потомъ отложена до другаго дня. Наканунѣ этого дня пришелъ самъ приставъ, говоря: «Совѣтники нашего государя мнѣ приказали объявить тебѣ, что завтра ты пойдешь къ нашему князю». Всякій разъ, какъ они звали насъ, съ ними постоянно были толмачи. Въ тотъ же вечеръ воротился толмачъ и сказалъ: «Приготовляйся, потому что будешь позванъ предъ лицо государя». Также рано утромъ онъ опять

воротился, напоминая: «Сегодня ты будешь предъ лицомъ государя». Потомъ прошло едва четверть часа, и къ каждому изъ насъ пришелъ приставъ, говоря: «Скоро придутъ за вами большіе люди, и потому вамъ слѣдуетъ собраться въ одинъ покой». Когда я такимъ образомъ пришелъ къ цесарскому послу, то тотчасъ прискакалъ толмачъ и сказалъ, что теперь близко большіе люди, важнѣйшіе сановники государевы, которые поведутъ насъ во дворецъ. Одинъ изъ нихъ былъ князь Василій Ярославскій, родственникъ великаго князя, другой—одинъ изъ тѣхъ, которые приняли насъ отъ имени князя; ихъ сопровождало весьма много дворянъ. Между тѣмъ наши пристава убѣждали насъ, чтобы оказали честь тѣмъ большимъ людямъ и вышли имъ на встрѣчу. Мы отвѣчали имъ, что знаемъ свою обязанность и поступимъ сообразно съ нею. Впрочемъ, когда они уже сошли съ лошадей и входили въ гостиницу графа, пристава снова понуждали насъ выйти имъ на встрѣчу и какъ бы предпочесть ихъ князя своимъ государямъ въ оказаніи почести. Мы же, пока они входили, дѣлали видъ, что насъ удерживаетъ то то, то другое препятствіе, замедляя встрѣчу, и застали ихъ ровно на серединѣ лѣстницы. Мы хотѣли вести ихъ въ комнату, чтобы они немного отдохнули, но они отказались отъ этого. Тогда началъ говорить самъ князь Ярославскій: «Великій государь (читаетъ полный титулъ) приказалъ вамъ прійти къ нему». Тотчасъ сѣвъ на лошадей, мы отправились въ сопровожденіи большой свиты и у замка повстрѣчались съ такими толпами людей, что едва пробрались сквозь нихъ при большихъ усиліяхъ нашихъ проводниковъ. Ибо у нихъ такой обычай: изъ окрестностей и соседнихъ мѣстъ, по приказанію князя, созываютъ народъ, крѣпостныхъ людей и воиновъ всякій разъ, какъ надобно вести во дворецъ знатныхъ пословъ отъ иностранныхъ князей и королей; около этого времени запираются всѣ лавки и мастерскія въ городѣ, продавцевъ и покупателей гонять съ площади; наконецъ граждане сходятся со всѣхъ сторонъ. Это дѣлается для того, чтобы этимъ огромнымъ многолюдствомъ и толпами подданныхъ показать чужестранцамъ могущество князя, а такими посольствами отъ иностранныхъ государей явить всѣмъ его величіе. Потомъ, вступивъ въ замокъ, мы увидѣли людей разныхъ сословій, поставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ или участкахъ. У воротъ стояли граждане; воины же и наемные солдаты занимали площадь; тѣ и другіе сопровождали насъ пѣшкомъ, шли впереди насъ и, остановившись, воспрепятствовали намъ доѣхать до лѣстницы и тамъ сойти съ лошадей. Ибо сойти съ лошади близко дворцовой лѣстницы никому нельзя, кромѣ князя. Это дѣлается для того, чтобы казалось, что князю оказано болѣе чести. Сперва, когда мы дошли до середины лѣстницы, насъ встрѣтили нѣкоторые совѣтники князя, подавая руки и цѣлуясь, и повели насъ дальше. Когда мы прошли лѣстницу, насъ встрѣтили другіе, знатнѣйшіе совѣтники, и когда первые отступили (ибо таковъ обычай, чтобы первые, по установленному чину, уступали слѣдующимъ ближайшимъ, и оставались на своемъ мѣстѣ, какъ на назначенномъ постѣ), они подали правую руку, здоровались съ нами. Потомъ, когда мы вошли во дворецъ, гдѣ кругомъ стояли простые дворяне, насъ встрѣтили точно также первостепенные совѣтники и, здороваясь, вышли сказаннымъ порядкомъ. Наконецъ насъ ввели въ другую залу, обставленную князьями и другими знатнѣйшими лицами, изъ которыхъ выбираются совѣтники, и оттуда къ

самой комнатѣ князя (передъ нею стояли дворяне, отправляющіе ежедневную службу при князѣ); между тѣмъ, рѣшительно никто изъ окружающихъ не отдалъ намъ ни малѣйшей почести, и если мы, проходя мимо, кланялись комунибудь изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ, или заговаривали, то тотъ ничего не отвѣчалъ, дѣлая видъ, какъ будто онъ никого изъ насъ никогда не знавалъ и никогда не получалъ отъ насъ поклона. Когда мы наконецъ вошли къ князю, то совѣтники встали передъ нами. Одинъ изъ первостепенныхъ совѣтниковъ, обратясь къ князю, и по своему обычаю, не спросивъ объ нашемъ имени, говорилъ слѣдующія слова: «Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ»; и снова: «Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ за твою великую милость». Тоже самое о Сигизмундѣ. Первое значить все равно, что кланяется или отдаетъ честь; второе—благодарить за полученную милость. Ибо бить челомъ они принимаютъ за поклонъ, благодарность и т. п. Всякій разъ, какъ ктонибудь чего просить, или за чтонибудь благодарить, то обыкновенно наклоняетъ голову; если онъ хочетъ сдѣлать это почтительнѣе, то наклоняется такимъ образомъ, что рукой касается земли. Если они хотятъ благодарить великаго князя за какуюнибудь великую милость или чегонибудь просить у него, то до того кланяются, что лбомъ касаются земли. Князь сидѣлъ съ непокрытой головою на возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ, у стѣны, блиставшей изображеніемъ какого-то святаго; справа на скамьѣ лежала шапка—колпакъ, а слѣва—палка съ крестомъ—посохъ—и тазъ съ двумя рукомыльниками и положенными сверху ручными утиральниками. Говорятъ, что князь, протягивая руку послу римской вѣры, считаетъ, что далъ руку человѣку нечистому и потому, отпуская его, тотчасъ моетъ руки. Противъ князя, на низшемъ мѣстѣ, была также приготовлена скамья для пословъ. Самъ князь, послѣ того, какъ ему была отдана честь, пригласилъ насъ туда наклоненіемъ головы и словомъ, показывая рукой скамью. Когда мы привѣтствовали князя по установленному чину, былъ при этомъ толмачъ, который передавалъ слово въ слово нашу рѣчь. Слыша между прочимъ имена Карла и Фердинанда, онъ вставалъ и сходилъ со скамеечки и, выслушавъ до конца привѣтствіе, сказалъ: «Братъ нашъ Карлъ, избранный императоръ Римскій и превысокій король, здоровъ ли?» Пока графъ отвѣчалъ: «здоровъ»,—онъ взшелъ на скамейку и сѣлъ. По окончаніи моего привѣтствія онъ спрашивалъ у меня тоже самое о Фердинандѣ. Потомъ призывалъ къ себѣ по порядку насъ обоихъ и говорилъ: «Дай мнѣ руку»; взявъ ее онъ прибавлялъ: «По добру ли по здорову ѣхалъ?»—на что каждый изъ насъ отвѣчалъ по ихъ обычаю: «Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ на многія лѣта. Я же, по милосердію Божию и по твоей милости, здоровъ». Послѣ этого онъ приказывалъ, чтобы мы сядились. Мы же, прежде чѣмъ сдѣлать это, благодарили по ихъ обыкновению, наклоня голову на обѣ стороны,—сперва князя, потомъ совѣтниковъ и князей, которые стояли, чтобы оказать намъ честь. Послы другихъ государей, преимущественно тѣ, которые присылаются изъ Литвы, Ливоніи, Швеціи и проч., допущенные предъ лицомъ князя, имѣютъ обыкновение, вмѣстѣ съ своею свитою и служителями, каждый приносить особые дары.

Обычай приношенія даровъ таковъ. Когда изложена и выслушана причина посольства, тотчасъ встаетъ тотъ совѣтникъ, который ввелъ пословъ къ князю и яснымъ и громкимъ голосомъ такъ говорить всѣмъ

вслухъ: «Великій государь, такой то посолъ бьетъ челомъ такимъ то подаркомъ», и повторяетъ тоже самое о второмъ и третьемъ послахъ. Потомъ, такимъ же образомъ говорить имена и подарки каждого дворянина и служителя. Наконецъ сбоку у него ставится дьякъ, который означаетъ по порядку и по именамъ подарки, какъ пословъ, такъ и всѣхъ приносящихъ. Такого рода подарки они называютъ поминками, т. е. памятью. Они и нашимъ людямъ напоминали о подаркахъ, но мы отвѣчали имъ, что у насъ это не въ обыкновеніи.

Но я возвращаюсь къ начатому разсказу.

Послѣ привѣтствія, когда мы немного посидѣли, князь приглашалъ насъ обоихъ по порядку словами: «Обѣдай со мной». Прибавлю, что въ первое мое посольство, онъ приглашалъ меня, по ихъ обыкновенію, слѣдующимъ образомъ: «Сигизмундъ, откушай нашего хлѣба соли вмѣстѣ съ нами». Тотчасъ послѣ того, подзвавъ къ себѣ нашихъ приставовъ, онъ говорилъ имъ, не знаю что, тихимъ голосомъ; а толмачи, получивъ въ свою очередь приказаніе, сказали: «Встаньте, пойдемъ въ другой покой». Пока мы излагали остальные порученія, возложенныя на посольство, нѣкоторымъ совѣтникамъ и дьякамъ, назначеннымъ отъ князя, — тамъ приготовлялись столы. Когда приготовленія къ обѣду были окончены, и князь, его братья и совѣтники уже сидѣли за столомъ, тогда и насъ привели въ столовую. Тотчасъ совѣтники и всѣ прочіе по порядку встали намъ; зная уже ихъ обычай, мы въ свою очередь благодарили ихъ поклонами на всѣ стороны, прежде чѣмъ сѣли; мы заняли мѣсто за столомъ, которое намъ указалъ рукою самъ князь. Столы же въ этой комнатѣ были поставлены кругомъ. По срединѣ стоялъ столъ, обремененный разными золотыми и серебрянными чашами. На томъ столѣ, гдѣ сидѣлъ князь, съ обѣихъ сторонъ былъ оставленъ такой промежутокъ, сколько онъ могъ занять пространства, протянувъ руки; ниже сидятъ братья, если они присутствуютъ при этомъ, старшій съ правой стороны, младшій съ лѣвой. Въ немного большемъ разстояніи отъ брата, сидѣли старѣйшіе князья, совѣтники, наблюдая рангъ и степень милости, какою князь удостоиваетъ каждого. Насупротивъ князя, за другимъ столомъ, сидѣли мы, и въ небольшомъ разстояніи отъ насъ — наши приближенные и служители. Напротивъ ихъ, съ другаго бока, сидѣли по порядку тѣ, которые провожали насъ изъ гостиницы во дворецъ. За послѣдними же столами съ обѣихъ сторонъ другъ противъ друга сидѣли тѣ, которыхъ князь пригласилъ по особенной милости: сюда иногда допускаются наемники. На столахъ были поставлены маленькіе сосуды, изъ которыхъ одни были наполнены уксусомъ, другіе перцомъ, третьи солью. Затѣмъ вошли разносители кушаневъ въ великолѣпныхъ одеждахъ и, обойдя сервизный столъ, встали противъ князя, безъ всякихъ церемоній, пока усаживались всѣ приглашенные особы и пока имъ дано было приказаніе приносить кушанье. Между тѣмъ, когда всѣ усѣлись, князь подзвалъ одного изъ своихъ служителей и далъ ему два продолговатыхъ куска хлѣба, сказавъ: «Дай этотъ хлѣбъ графу Леонарду и Сигизмунду». Служитель, взявъ съ собою толмача, поднесъ хлѣбъ по порядку намъ обоимъ съ такими словами: «Графъ Леонардъ, великій государь Василій, Божіею милостію царь и государь всей Руссіи и великій князь, дѣлаетъ тебѣ милость и посылаетъ тебѣ хлѣбъ съ своего стола». Толмачъ громко переводилъ эти слова. Мы, стоя, слушали милость князя. Встали и дру-

гіе, кромѣ братьевъ князя, чтобы оказать намъ честь. На такую милость и честь не нужно другаго отвѣта, какъ принять предложенный хлѣбъ, положить на столъ и благодарить самого князя наклоненіемъ головы, потомъ совѣтниковъ и другихъ, кланаясь на всѣ стороны. Этимъ хлѣбомъ князь показываетъ свою милость къ кому нибудь, а солью—любовь, и на своемъ пиру онъ не можетъ оказать больше чести, какъ если пошлетъ кому нибудь соль съ своего стола. Кромѣ того, хлѣбы, имѣющіе форму лошадиного хомута, по моему мнѣнію, означаютъ тяжкое иго и постоянное рабство всѣмъ, которые ѣдятъ ихъ. Наконецъ служители вышли за кушаньями, опять не оказавъ никакой почести князю, и принесли водку, которую они всегда пьютъ въ началѣ обѣда, потомъ жаренныхъ журавлей, которыхъ они въ мясоѣдъ обыкновенно подаютъ гостямъ первымъ блюдомъ. Трехъ изъ поставленныхъ предъ нимъ князь рѣзалъ ножникомъ, пробуя, который изъ нихъ лучше и предпочтительнѣе другихъ, и приказывалъ немедленно уносить ихъ. Тотчасъ всѣ служители вышли въ томъ порядкѣ, въ какомъ вошли, и разложили разрѣзанныхъ и на части раздѣленныхъ журавлей по маленькимъ блюдамъ, на каждое по четыре куска. Воротившись, они поставили пять блюдъ передъ княземъ, а остальные разнесли по порядку разнымъ его совѣтникамъ, посламъ и другимъ. При князѣ стоитъ одинъ человѣкъ, который подаетъ ему чашу; это тотъ самый, черезъ котораго князь посылаетъ каждому хлѣбъ и другія кушанья. Князь же обыкновенно даетъ кусочекъ попробовать служителю, потомъ рѣжетъ съ разныхъ сторонъ и кушаетъ; затѣмъ посылаетъ одно блюдо, съ котораго самъ отвѣдалъ, брату или какому нибудь совѣтнику или посламъ. Эти блюда приносятся посламъ всегда съ большою торжественностью, какъ было сказано о хлѣбѣ: при полученіи ихъ должно вставать не только тому, кому они посылаются, но и всѣмъ остальнымъ, такъ что всякій не мало устанетъ, столько разъ отдавая честь князю, поднимаясь, стоя, благодаря и часто наклоняя голову на всѣ стороны. Тотъ же самый порядокъ соблюдается при подаваніи другихъ кушаньевъ,—развѣ только иныя, какъ жаркое, не выносятся назадъ. Подаютъ различныя напитки, малвазію, греческое вино, также разные меда. Князь обыкновенно приказываетъ себѣ подавать свою чашу одинъ или два раза; когда онъ пьетъ изъ нея, то зоветъ къ себѣ по порядку пословъ, говоря: «Леонардъ (или Сигизмундъ), ты пріѣхалъ отъ великаго государя къ великому государю, совершилъ большой путь, и потому видѣлъ нашу милость и наши ясныя очи, добро тебѣ. Цей и выпивай и ѣшь хорошенъко, до сыта; потомъ отдохай, чтобы наконецъ ты могъ воротиться къ твоему государю». Говорятъ, что всѣ сосуды въ которыхъ при насъ подавались кушанья, напитки, уксусъ, перецъ, соль и другое, сдѣланы изъ чистаго золота, что казалось справедливымъ, судя по ихъ виду. Четыре человѣка стоятъ по одному съ каждой стороны сервизнаго стола и держатъ по одной чашѣ: изъ нихъ по большей части пьетъ князь и очень часто обращается къ посламъ, прося ихъ, чтобы они кушали. Иногда даже онъ спрашиваетъ что нибудь у нихъ и показываетъ большую вѣжливость и обходительность. Между прочимъ онъ меня спрашивалъ, брилъ ли я бороду, что выражается однимъ словомъ, именно Brill. Когда я отвѣчалъ утвердительно, то онъ сказалъ: «Это по нашему», какъ бы говоря: «И мы брили». Ибо, вступая во второй бракъ, онъ сбрилъ всю бороду, чего, какъ они утверждали, никогда не

дѣлалъ никто изъ князей. Прежде столовые служители одѣвались въ платья церковныхъ прислужниковъ, только съ поясомъ; нынѣ же у нихъ другія одежды, обремененныя драгоценными камнями и жемчугомъ (ихъ называютъ терликами). Князь обѣдаетъ иногда три или четыре часа. Въ первое мое посольство мы обѣдали даже до перваго часа ночи. Ибо, какъ въ совѣщаніяхъ объ особенно важныхъ дѣлахъ часто проводятъ они цѣлый день и не расходятся прежде, чѣмъ зрѣло обсудить и рѣшить дѣло, точно также иногда проводятъ цѣлый день въ пиршествахъ и банкетахъ, и расходятся только при наступленіи сумерекъ. Князь часто угощаетъ сотрапезниковъ и блюдами, и напитками. Послѣ обѣда онъ совсѣмъ не занимается важными дѣлами; потому, по окончаніи обѣда, онъ обыкновенно говоритъ посламъ: «Теперь ступайте». Когда онъ ихъ отпустить, тѣ же самые, которые привели ихъ во дворецъ, опять отводятъ ихъ въ гостиницу и говорятъ, что они имѣютъ порученіе остаться тамъ и увеселять ихъ. Приносятся серебряныя чаши и много сосудовъ съ напитками, и всѣ стараются напоить ихъ пьяными. Они большіе мастера заставлятъ пить, и когда уже истощены всѣ другіе поводы къ продолженію попойки, то они начинаютъ пить за здоровье цесаря, его брата, князя, наконецъ за здоровье другихъ, которые находятся въ чинахъ и почетѣ. Они думаютъ, что при ихъ имени никто не долженъ и даже не можетъ отказаться отъ чаши. Пьютъ же слѣдующимъ образомъ: тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу и выступаетъ на средину комнаты, и, стоя съ открытой головою, излагаетъ въ веселой рѣчи, за чье здоровье пьеть и чего ему желаетъ; тотчасъ опорожнивъ и перевернувъ чашу, касается ею макушки, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ и желаетъ здоровья тому господину, за котораго пьеть; потомъ идетъ на высшее мѣсто, велитъ наполнить много чашъ, тотчасъ протягиваетъ каждому свою и прибавляетъ имя того, за чье здоровье должно пить. Такимъ образомъ каждый долженъ выйти на средину комнаты и возвращаться на свое мѣсто, опорожнивъ чашу. Кто же хочетъ избѣгать дальнѣйшихъ тостовъ, тому необходимо притвориться пьянымъ или спящимъ, или ихъ напоить пьяными, или ужъ въ крайнемъ случаѣ, только осушивъ много чашъ, онъ можетъ утверждать, что онъ никакъ не въ состояніи больше пить. Ибо за хорошій приемъ и роскошное угощеніе считается у нихъ только тогда, когда гости напоены до пьяна. Этотъ обычай вообще наблюдаютъ благородные, и тѣ, которымъ дозволено пить медъ и пиво. Въ первое посольство, когда по окончаніи дѣлъ князь отпускалъ меня, то послѣ обѣда, къ которому я былъ приглашенъ (ибо они имѣютъ обыкновеніе угощать пословъ, какъ при ихъ прибытіи, такъ и при ихъ отъѣздѣ), онъ всталъ и, стоя у стола, приказалъ дать себѣ чашу, говоря: «Сигизмундъ, я хочу выпить эту чашу въ знакъ любви, которую имѣю къ брату нашему Максимилиану, избранному императору римскому и высочайшему королю и за его здоровье; и ты выпьешь ее и всѣ другіе по порядку, чтобы ты видѣлъ любовь нашу къ брату нашему Максимилиану и проч., и донесъ ему о томъ, что видѣлъ». Потомъ онъ подаль мнѣ чашу и сказалъ: «Выпей за здоровье брата нашего Максимилиана, избраннаго императора римскаго и высочайшаго короля». Онъ подавалъ ее и всѣмъ другимъ, которые присутствовали за обѣдомъ или стояли гдѣ нибудь, и каждому говорилъ тѣ же слова. И такъ, принявъ чаши, мы немного отступили назадъ и, кланяясь князю, выпили. Когда это было кончено, князь по-

дозвалъ меня къ себѣ, протянулъ руку и сказалъ: «Теперь ступай». Сверхъ того князь, по разсмотрѣніи, обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ по слову изъ какой нибудь страны, приглашаетъ ихъ на охоту и увеселеніе. Близъ Москвы есть мѣсто, усаженное кустарникомъ, весьма удобное для зайцевъ, въ которомъ, какъ въ какомъ нибудь звѣринцѣ, разводятся ихъ великое множество; никто не смѣетъ ловить ихъ или рубить тамъ кустарникъ подъ страхомъ величайшаго наказанія. Кромѣ того, князь держитъ множество ихъ въ звѣриныхъ загонѣхъ и въ другихъ мѣстахъ. Каждый разъ, когда вздумается ему насладиться этой забавой, онъ приказываетъ привозить зайцевъ изъ разныхъ мѣстъ; ибо, по его мнѣнію, чѣмъ больше онъ поймаетъ зайцевъ, тѣмъ больше это доставитъ ему удовольствія и чести. Выѣхавши уже въ поле, онъ отправляетъ за послами нѣсколькихъ изъ своихъ совѣтниковъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми придворными или всадниками и приказываетъ ихъ привести къ себѣ. Въ сопровожденіи ихъ приближаясь къ князю, они должны сойти съ лошадей, по наставленію совѣтниковъ, и сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы подойти къ князю. Когда мы такимъ же образомъ были приведены къ нему на охоту, онъ принялъ насъ ласково, сидя на разукрашенномъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, безъ рукавицъ, но съ покрытой головой, протянулъ голую руку и сказалъ черезъ толмача: «Мы выѣхали для нашей потѣхи и позвали васъ участвовать въ ней и немножко повеселиться; потому садитесь на лошадей и слѣдуйте за нами». У него была шапка, называемая колпакомъ, имѣвшая съ обѣихъ сторонъ, спереди и сзади, козырьки, изъ которыхъ торчали вверхъ, какъ перья, золотыя пластинки и качались взадъ и впередъ. Одежда на немъ была въ родѣ терлика, вышитая золотомъ. На поясъ висѣли, по ихъ обычаю, два продолговатые ножа и такой же продолговатый кинжалъ. Съ праваго его боку ѣхалъ изгнанный казанскій царь, татаринъ, по имени Шигъ-Алей; съ лѣваго же два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ въ правой рукѣ сѣкиру изъ слоновой кости, называемую у нихъ топоромъ, почти такой формы, какую видимъ на венгерскихъ червонцахъ,— другой держалъ булаву, также похожую на венгерскую; они называютъ ее шестоперомъ, т. е. о шести перьяхъ. Въ полѣ было болѣе трехсотъ всадниковъ. Пока мы такимъ образомъ шли полемъ, князь нѣсколько разъ приказывалъ останавливаться то на томъ, то на другомъ мѣстѣ, а иногда ближе подходить къ нему. Потомъ, приведя насъ на мѣсто охоты, онъ говорилъ, что таковъ у нихъ обычай, чтобы всякій разъ, какъ онъ бываетъ на охотѣ, онъ самъ и другіе знатные люди вели охотничьихъ собакъ своими руками, и совѣтовалъ и намъ сдѣлать тоже; наконецъ назначилъ къ каждому изъ насъ по два человѣка, у которыхъ было по собакѣ, чтобы мы пользовались ими для своего удовольствія. На что мы отвѣчали, что съ благодарностью принимаемъ его милость, и что у нашихъ соотечественниковъ такой же обычай. Онъ же извинился потому, что у нихъ собака считается нечистымъ животнымъ, и стыдно голою рукою прикасаться къ собакѣ. Длиннымъ рядомъ стояли около ста человѣкъ, изъ которыхъ половина была одѣта въ черный цвѣтъ, а другая въ желтый. Недалеко отъ нихъ стояли всѣ другіе всадники, наблюдая, чтобы зайцы не пробѣжали чрезъ это мѣсто и не ушли бы со всѣмъ. Сначала никому не было позволено спустить собаку, кромѣ царя, и Адея и насъ. Князь первый закричалъ охотнику, приказывая

начинать; не теряя ни минуты, тотъ скачетъ во весь опоръ къ другимъ охотникамъ, которыхъ было большое число; всѣ вскрикиваютъ въ одинъ голосъ и спускаютъ большихъ меделянскихъ собакъ. Тогда въ самомъ дѣлѣ было очень весело слышать громкій и разнообразный лай собакъ, а у князя ихъ очень много, и притомъ отличныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ только для травли зайцевъ, — это такъ называемыя курцы, красивыя съ пушистыми хвостами и ушами, вообще, смѣлыя, но неспособныя къ долгой гонкѣ. Когда выбѣгаетъ заяцъ, спускаются три, четыре, пять или болѣе собакъ, которыя отовсюду бросаются за нимъ, — а когда онѣ схватятъ его, поднимается крикъ, большія рукоплесканія, какъ будто пойманъ большой звѣрь. Если же зайцы слишкомъ долго не выбѣгаютъ, тогда обыкновенно князь кличетъ кого нибудь, кого увидитъ между кустарниками съ зайцемъ въ мѣстѣ, и кричитъ: гуй, гуй; этими словами онъ даетъ знать, что зайца слѣдуетъ выпустить. Такимъ образомъ зайцы выскакиваютъ иногда, какъ будто сонные, прыгая между собаками, какъ козлята или ягнята въ стадѣ. Чья собака затравила больше зайцевъ, того считаютъ героемъ этого дня. По окончаніи охоты всѣ сошлись и свалили зайцевъ въ одномъ мѣстѣ; тогда ихъ стали считать и насчитано ихъ было до трехсотъ. Тутъ было также много соколовъ, бѣлаго и яркокраснаго цвѣта, отличающихся своею величиною — кречеты; они охотятся на лебедей, журавлей и тому подобныхъ птицъ. Кречеты — птицы очень смѣлыя, но они не такъ страшны и ужасны въ своихъ нападеніяхъ, чтобы другія птицы, даже хищныя падали и умирали отъ ихъ полета или отъ взгляда на нихъ. Съ охоты князь отправился къ какой-то деревянной башнѣ, которая отстоитъ отъ Москвы на пять тысячъ шаговъ; тамъ было поставлено нѣсколько шатровъ. Первый шатеръ, большій и просторный, на подобіе дома, — для него, другой для царя Шигъ-Алея, третій — для насъ, остальные для другихъ особъ и для вещей. Когда насъ обычнымъ порядкомъ развели по шатрамъ, князь, вошедши въ свой и переѣвъ въ платье, немедленно позвалъ насъ къ себѣ. А когда мы вошли, онъ сидѣлъ на сѣдалищѣ изъ слоновой кости, съ праваго боку у него былъ царь Шигъ-Алей, а мы помѣстились напротивъ, на мѣстѣ, приготовленномъ для пословъ, когда имъ даютъ аудіенцію или когда разсуждаютъ о дѣлахъ. Ниже царя сидѣли нѣкоторые князья и совѣтники. Съ лѣвой стороны были младшіе князья, къ которымъ князь особенно благоволяетъ. Когда такимъ образомъ всѣ усялись, то начали подавать сперва варенья изъ кишнеца, анису, и миндалю, потомъ орѣхи, миндаль и цѣлую пирамиду изъ сахару; служители подавали это князю, царю и намъ на колѣняхъ. Напитки также подавались обычнымъ порядкомъ, и князь оказывалъ свою милость, какъ онъ это дѣлаетъ за обѣдомъ. По окончаніи угощенія, когда мы выпили напѣтка, который намъ подаль князь, онъ отпустилъ насъ, говоря: «Теперь ступайте». Послѣ отпуска мы съ почетомъ были отведены къ нашимъ гостиницамъ. У князя есть и другая потѣха, на которую, какъ я слышалъ, онъ приглашаетъ иныхъ пословъ. Откармливаютъ медвѣдей, посаженныхъ въ обширномъ и нарочно для того построенномъ домѣ, въ которомъ князь, взявъ съ собою пословъ, показываетъ имъ игры. У него есть нѣсколько людей низшаго сословія, которые по приказанію князя, въ его присутствіи, выступаютъ противъ медвѣдей съ деревянными вилами и вызываютъ ихъ на бой. Наконецъ они сходятся, и если приведенные въ бѣ-

шенство медвѣди ихъ ранять, то они бѣгутъ къ князю, крича: «Государь, вотъ мы ранены». Князь говоритъ имъ: «Ступайте, я окажу вамъ милость». Потомъ онъ приказываетъ лечить ихъ и кромѣ того награждать одеждою и нѣсколькими мѣрами хлѣба. Когда уже пора было насъ отпустить, мы были приглашены съ почестями, какъ прежде, къ обѣду и отведены во дворецъ. Кромѣ того намъ обоимъ было предложено по почетной одеждѣ, подбитой соболями. Когда мы надѣли ее и вошли въ комнату князя, маршалъ, отъ имени насъ обоихъ, тотчасъ сказалъ по заведенному порядку: «Великій государь, Леонардъ (потомъ Сигизмундъ) за твою великую милость челомъ бьетъ», т. е. благодаритъ за полученный подарокъ. Къ почетной одеждѣ князь прибавилъ сорокъ два соболяхъ мѣха, 300 горностаевыхъ и 1,500 бѣличихъ. Въ первое посольство онъ еще подарилъ мнѣ повозку, или сани, съ превосходной лошадейю и съ бѣлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ и другой порядочною полостью. Наконецъ онъ приказалъ дать мнѣ много вяленой и соленой рыбы въ кускахъ, — бѣлушины, осетрины, стерлядей, — и очень ласково отпустилъ меня.

СП. МОНЕТА ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

(Изъ соч. Ключевскаго: «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ»).

Рубруквисъ, проѣхавшій по южной Россіи въ половинѣ XIII в., говоритъ что обыкновенная русская монета состоитъ изъ кожаныхъ пестрыхъ лоскутковъ. Эти кожаные деньги еще ходили на Руси въ началѣ XV в., и ихъ видѣлъ Ланноа, бывшій въ Новгородѣ въ 1412 г. Этотъ путешественникъ пишетъ, что монетой въ Новгородѣ служатъ куски серебра около 6 унцій вѣсомъ, безъ всякаго изображенія, золотой монеты нѣтъ, а мелкою монетою служатъ головки бѣлокъ и куницъ. Съ этимъ извѣстіемъ согласно и свидѣтельство Герберштейна, который говоритъ, что за сто лѣтъ до него въ Россіи отливали продолговатые кусочки серебра цѣною въ рубль, безъ надписи и изображенія; онъ прибавляетъ, что въ его время такихъ рублей уже не было въ обращеніи. Въ то же время, продолжаетъ Герберштейнъ, оставили мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей, употреблявшіеся до того времени вмѣсто денегъ. Въ первой половинѣ XVI в. въ Московскомъ государствѣ ходила монета 4-хъ родовъ: московская, новгородская, тверская и псковская. Монетною единицей была деньга. Московская деньга имѣла овальную форму съ различными изображеніями. Герберштейнъ различаетъ въ этомъ отношеніи древнія и новѣйшія деньги; древнія имѣли на одной сторонѣ изображеніе розы, а на другой надписи; на новѣйшихъ по одну сторону изображался чедовѣкъ на конѣ, а по другую была надпись. Изъ сложенія денегъ составлялись высшія счетныя единицы: 6 денегъ московскихъ составляли алтынъ, 20 — гривну, 100 — полтина, 200 — рубль; во время Герберштейна чеканились новыя монеты (полденеги), съ надписями по обѣмъ сторонамъ; въ рубль ихъ было 400. Тверская деньга имѣла надписи по обѣмъ сторонамъ и по цѣнѣ равнялась московской. Новгородская деньга по цѣнѣ была вдвое меньше московской; на одной сторонѣ ея изображался государь на престолѣ и преклоняющійся передъ нимъ чедовѣкъ, а на другой была надпись; въ новгородской гривнѣ считалось 14 денегъ, а въ рублѣ 222. Псковская деньга имѣла на одной сторонѣ изображеніе увѣнчанной головы быка, на другой надпись. Золотой монеты въ Московскомъ государствѣ не дѣлали, но въ обращеніи было много золотыхъ венгерскихъ и рейнскихъ. Ходили еще рижскіе рубли, изъ которыхъ каждый равнялся двумъ московскимъ. Московская монета дѣлалась изъ хорошаго, чистаго серебра. Почти всѣ золотыхъ дѣлалъ мастеръ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери, по свидѣтельству Герберштейна и Гва-

нии, чеканили монету. Желавшіи обмѣнять кусокъ серебра на деньги приносили его къ мастеру и получали равное по вѣсу количество серебряной монеты, платя мастеру указную, очень незначительную, сумму за трудъ. Въ правленіе Елены произошли перемѣны въ монетной системѣ: счетная единица рубль понизилась въ значеніи, стала обозначать меньшее количество металла. При Герберштейнѣ въ рублѣ, считалось 200 московскихъ или московскихъ денегъ; во второй половинѣ XVI вѣка, по словамъ Гванини и другихъ иностранцевъ, въ рублѣ считалось 100 денегъ. На степень пониженія рубля указываютъ извѣстія о цѣнѣ венгерскаго золотого въ Москвѣ: при Герберштейнѣ обыкновенная цѣна его была 100 денегъ московскихъ, т. е. полрубля; во время Гванини венгерскій золотой стоилъ 60 денегъ, т. е. больше новаго полурубля. Монетная единица также уменьшилась въ достоинствѣ: при Герберштейнѣ за московку давали 60 мѣдныхъ пулъ, а во время Гванини только 40. Герберштейнъ, Гванини и англичане XVI вѣка пишутъ, что въ Московскомъ государствѣ не чеканили золотой монеты; въ обращеніи были только иностранныя золотыя; но Бухау говоритъ, что попадались, хотя очень рѣдко, и золотыя монеты, дѣлачныя въ Московскомъ государствѣ, съ такимъ же изображеніемъ и надписью, какъ на серебрянныхъ деньгахъ; эти золотыя монеты были нѣсколько меньше венгерскихъ золотыхъ. Всѣ упомянутые иностранцы XVI вѣка указываютъ на употребленіе въ Московскомъ государствѣ маленькихъ мѣдныхъ монетъ, называвшихся цулями. При Герберштейнѣ ихъ ходило за московскую деньгу 60, а при Гванини 40; но такихъ монетъ было немного въ обращеніи; онѣ дѣлались преимущественно для бѣдныхъ и употреблялись на мелкія покупки и на милостыню нищимъ. Такимъ образомъ ходячей серебряною монетою были полденьги или полушки, деньги или прежнія московки, и копѣйки или прежнія новгородки; изъ сложенія копѣекъ составлялись высшія счетныя единицы—алтынь, гривна, полтина, рубль, которыя не имѣли соотвѣствующихъ имъ металлическихъ знаковъ.

Въ первой половинѣ XVII вѣка въ достоинствѣ монеты не произошло перемѣны, по крайней мѣрѣ значительной. По словамъ Петрея, 36 денегъ (т. е. новгородскихъ, или копѣекъ) вѣсили немного менѣе 2 лотовъ; слѣдовательно, въ рублѣ было немного менѣе 16 золотниковъ серебра; по указу 1535 г. изъ полуфунта серебра велѣно чеканить ровно три рубля. Ходячей серебряной монетою въ первой половинѣ XVII вѣка продолжали быть копѣйки, цѣною около 16 денаріевъ, по Маржерету и Олеарію, московки и полушки; послѣднія были такъ мелки, что, по словамъ Петрея и Олеарія, русскіе на рынкѣ горстями клали ихъ въ ротъ, чтобы не потерять, и это нисколько не мѣшало имъ говорить! Чеканили монету по-прежнему въ 4-хъ городахъ: Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери (гдѣ право на это иногда отдавалось на откупъ богатымъ купцамъ). Серебряная монета чеканилась изъ привознаго серебра, особенно „ефимочнаго“, т. е. изъ перелитыхъ рейхсталеровъ, привозившихся въ Россію во множествѣ черезъ Архангельскъ въ видѣ товара; на то же употреблялись, по свидѣтельству Олеарія, и испанскіе реалы. Ефимки, по свидѣтельству того же иностранца, были по вѣсу немного болѣе полурубля, но въ Москвѣ принимали ихъ отъ иностранныхъ купцовъ по гораздо низшей цѣнѣ. По словамъ Маржерета, цѣна ихъ иногда падала до 12 алтынѣ или 36 денегъ; какъ видно изъ иностранныхъ извѣстій, мѣна иностранныхъ монетъ была для московскихъ торговыхъ людей предметомъ настоящей биржевой игры, въ которой большею частью проигрывали иностранцы. Герберштейнъ говоритъ, что какъ скоро иностранецъ покупалъ что нибудь на свою монету, московскіе купцы понижали ея цѣну; но если иностранецъ продавалъ свой товаръ московскимъ купцамъ, или, уѣзжая изъ Москвы, искалъ иностранной монеты, ему предлагали ее по возвышенной цѣнѣ. Особенно сильно колебалась цѣна иностранной золотой монеты даже во внутреннемъ обращеніи: по словамъ Маржерета, русскіе покупали и продавали золотую монету, какъ и прочіе товары; иногда за червонецъ платили 24 алтына, а иногда 16; обыкновенная же цѣна имъ была 18—21 алтынъ. Но бывали случаи, когда цѣна червонцевъ возвышалась до 2 рублей, и тогда сильно наживались купцы, успѣвшіе во время застаться ими: такая дорогизна случалась во время царскаго коронованія или брака, также при крестинахъ, ибо тогда много червонцевъ шло на подарки царю и царицѣ. То же было и за нѣсколько дней до Пасхи, ибо на Пасху русскіе, христосуясь съ боярами и другими вліятельными людьми, подносили имъ вмѣстѣ съ крас-

ными яйцами и червонцы. Вслѣдствіе этихъ колебаній цѣнъ на иностранную монету, заграничныя купцы въ Москвѣ предпочитали мѣновую торговлю, платя за русскіе товары своими товарами, а не деньгами. Во время Петра мѣдныхъ денегъ въ Московскомъ государствѣ уже не было въ обращеніи. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича выпускъ мѣдныхъ денегъ по одинаковой цѣнѣ съ серебряными не удался, и только въ царствованіе Петра мѣдная монета, вмѣстѣ съ другими нововведеніями въ денежной системѣ, вошла въ обращеніе.

СІV. ДОХОДЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

(Изъ соч. Флетчера: «О государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя»).

Для сбора податей и другихъ доходовъ, принадлежащихъ казнѣ, опредѣлено нѣсколько чиновниковъ, которые сдаютъ ихъ въ главное казначейство. Сюда принадлежатъ: во-первыхъ, Дворцовый Приказъ, за-вѣдывающій хозяйственною частью; во-вторыхъ, Четверти; въ третьихъ, такъ называемый Большой Приходъ. Что касается до перваго, т. е. до Дворцоваго Приказа, то онъ получаетъ всѣ доходы съ наслѣдственнаго имѣнія царскаго или казеннаго, называемаго вотчиною. Вотчины или царскія имѣнія заключаютъ въ себѣ 36 городовъ съ принадлежащими къ нимъ селеніями или волостями, изъ коихъ главные по доходу слѣдующіе: Александровская (слобода), Корельская, Тверь, Слободки, Даниловское, Мосальскъ, Хорь, Замошская, Старая Руса, Воронцово и проч. Одни изъ жителей или обывателей этихъ и другихъ городовъ платятъ подать деньгами, другіе опредѣленною поставкою (называемою оброкомъ), какъ-то: извѣстнымъ количествомъ четвертей или мѣръ зерноваго хлѣба, пшеницы, ржи, ячменя, овса, или другими съѣстными припасами, какъ-то: быками, овцами, лебедями, гусями, зайцами, курами, дичью, рыбою, сѣномъ, дровами, медомъ. Иные обязаны засѣвать въ пользу царя нѣсколько десятинъ земли и выставлять уже совершенно обдѣланный хлѣбъ для употребленія, за что имъ дается опредѣленное число десятинъ земли на ихъ собственное продовольствіе. Такой запасъ для домашнихъ потребностей, въ особенности зерноваго хлѣба, доставляемый содержателями казенныхъ земель, гораздо значительнѣе количества, какое выходитъ для царскаго дома и отпускается на прислугу и для царской чести, въ видѣ опредѣленной дачи, называемой жалованьемъ, на что, впрочемъ, издерживается очень много, какъ хлѣбомъ, такъ и другими припасами. Этотъ излишекъ продается дворецкимъ за выгоднѣйшую цѣну, и деньги поступаютъ въ царскую казну. Во времена Ивана Васильевича излишекъ зерноваго хлѣба и другихъ приходныхъ статей, поступающихъ въ дворцовый приказъ, доставлялъ казнѣ его не свыше 60,000 руб. ежегоднаго дохода; но теперь, при лучшемъ управленіи дворецкаго Григорія Васильевича Годунова, онъ простирается до 230,000 руб. въ годъ. Значительная часть излишка отъ сбора припасами идетъ на жалованье дворцовымъ служителямъ, которыхъ весьма много какъ въ самомъ дворцѣ, такъ и внѣ дворца.

Второе мѣсто сбора податей, называемое Четвертями (оно раздѣлено на четыре отдѣльныя части), имѣетъ четырехъ главныхъ чиновниковъ,

которые, кромѣ управленія и завѣдыванія областями, причисленными къ каждой четверти, обязаны еще собирать въ пользу царя тягло и подать, получаемыя въ означенныхъ четырехъ Четвертяхъ. Тягло есть годовой доходъ или окладъ, взимаемый съ каждой выти или опредѣленной мѣры какого бы ни было хлѣба, который собирается присяжными и доставляется въ приказъ. Выть содержитъ въ себѣ шестьдесятъ четвертей, а каждая четверть три англійскихъ бушели или нѣсколько меньше. Подать есть положенный сборъ деньгами съ каждой сохи или извѣстнаго участка по всему государству. Тягло и подать ежегодно доставляютъ четвертнымъ приказамъ значительное количество денегъ, какъ можно видѣть изъ помѣщаемыхъ здѣсь подробностей. Городъ Псковъ съ его областью платитъ каждый годъ тягломъ и податью около 18,000 руб., Новгородъ 35,000, Торжокъ и Тверь 8,000, Рязань 30,000, Муромъ 12,000, Холмогоры и Двина 8,000, Вологда 12,000, Казань 18,000, Устюгъ 30,000, Ростовъ 50,000, городъ Москва 40,000, Сибирь 20,000, Кострома 12,000. Весь годовой итогъ простирается до 400,000 руб., вносимыхъ ежегодно въ казну перваго сентября, которое русскіе считаютъ за первый день года.

Третье мѣсто (называемое Большимъ Приходомъ) принимаетъ всѣ пошлыны, собираемыя со всѣхъ главныхъ городовъ по всему государству, и сверхъ того налоги и другіе сборы, взимаемые различными низшими мѣстами, которые всѣ поступаютъ въ этотъ Большой Приходъ Главные города по торговлѣ, платящіе самую значительную пошлыну, суть: Москва, Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ Великій, Старая Руса, Торжокъ, Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Вологда. Эту пошлыну, получаемую съ большихъ городовъ, тѣмъ вѣрнѣе и легче исчислить, что заранѣе уже опредѣлено и въ точности назначено, сколько имъ придется платить ежегодно. Положенный окладъ они обязаны непременно внести въ означенный приказъ, хотя бы столько сами не собрали; если же получатъ болѣе, то излишекъ идетъ также въ пользу царя. Городъ Москва платитъ ежегодно пошлыны 12,000 руб., Смоленскъ 8,000, Псковъ 12,000, Новгородъ Великій 6,000, Старая Руса 18,000, Торжокъ 800, Тверь 700, Ярославль 1,200, Кострома 1,800, Нижній Новгородъ 7,000, Казань 11,000, Вологда 2,000 руб. Пошлына съ другихъ торговыхъ городовъ бываетъ иногда болѣе, а иногда менѣе значительна, смотря по ихъ торговымъ оборотамъ и барышамъ въ теченіе года. Можно сказать навѣрно, что эти три статьи доходовъ, поступающихъ въ Приказъ Большаго Прихода, когда они наименѣе значительны, составляютъ: первая 160,000 руб., вторая 90,000 руб., третья 70,000 руб., такъ что Большой Приходъ съ этихъ и другихъ городовъ получаетъ дохода по крайней мѣрѣ (какъ видно изъ ихъ приходныхъ книгъ) до 340,000 р. въ годъ. Кромѣ этого дохода съ торговыхъ городовъ, въ Приказъ Большаго Прихода поступаютъ ежегодно пошлыны съ простыхъ банъ и кабаковъ или питейныхъ домовъ, принадлежащихъ царю, которыя (хотя и неизвѣстно, какъ именно велика получаемая отъ нихъ сумма, но, судя по общей любви всѣхъ русскихъ къ банѣ и купанью) доставляютъ значительный доходъ царской казнѣ. Кромѣ того, берется извѣстный штрафъ или пеня въ пользу царя съ каждаго рѣшенія или приговора, постановленнаго въ какомъ бы то ни было судебномъ мѣстѣ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ. Эта пеня или штрафъ заключается въ 20 деньгахъ съ

каждаго рубля; платить же ее сторона, обвиненная по закону. Далѣе, съ каждая имени, упоминаемаго въ бумагахъ, выдаваемыхъ судебными мѣстами, въ пользу царя берется по пяти алтынъ. Пошлины вносятся въ то мѣсто, откуда выдается бумага; потомъ бумага пересылается въ мѣсто, гдѣ хранится меньшая печать, и здѣсь за нее платится еще столько въ пользу царя. Этотъ доходъ простирается обыкновенно до 3,000 руб. въ годъ или около того. Наконецъ изъ Разбойнаго приказа, завѣдывающаго всѣми дѣлами по преступленіямъ, берется въ пользу царя половина всего имущества преступника; изъ остальной половины одна часть отдается доносчику, другая чиновникамъ. Всѣ эти статьи поступаютъ въ Приказы Большаго Прихода, кромѣ излишка или остатка отъ поземельныхъ доходовъ, приписанныхъ къ разнымъ другимъ приказамъ, какъ-то къ приказу, называемому Рязрядомъ, который имѣетъ въ своемъ завѣдываніи земли и доходы, опредѣленные на ежегодную плату солдатамъ или конница, которая содержится на постоянномъ жалованьи. Въ мирное время, когда войско остается на мѣстѣ, не употребляясь на службу, жалованье обыкновенно убавляется и выдается только половина, и иногда еще менѣе, такъ что остающаяся въ Разрядѣ сумма, поступающая въ царскую казну, простирается большею частью ежегодно до 250,000 руб. Вся сумма, поступающая въ Приказъ Большаго Прихода (какъ видно изъ книгъ этого приказа), простирается до 800,000 р. въ годъ или около того.

Всѣ приказы, какъ-то: Дворцовый, Четверти и Большой Приходъ, передаютъ поступающіе въ нихъ доходы въ главное казначейство, которое находится въ оградѣ царскаго дворца или замка въ Москвѣ, гдѣ хранятся всѣ царскія деньги, драгоценные камни, короны, скипетры, посуда и т. п. въ сундукахъ и мѣшкахъ, за собственною печатью царей. Сумма, поступающая каждый годъ въ царскую казну одними деньгами, такова: 1) Изъ Дворцоваго Приказа, за расходами для дворца, 230,000 р. 2) Изъ четырехъ Четвертей сошныхъ и подушныхъ денегъ 400,000 руб. 3) Изъ Приказа Большаго Прихода пошлинъ и другихъ сборовъ на 800,000 руб. И такъ, всего 1.430,000 руб. чистаго дохода, не включая сюда расходовъ на содержаніе дворца и постоянное жалованье войску, которые удовлетворяются другими способами.

Кромѣ дохода, вносимаго въ казну деньгами, царь ежегодно получаетъ еще на значительную сумму изъ Сибири, Печоры, Перми и иныхъ мѣстъ, мѣха и другія подати, которыя продаются или вымѣниваются для вывоза за границу на иноземныя произведенія купцамъ турецкимъ, персидскимъ, армянскимъ, грузинскимъ и бухарскимъ, торгующимъ въ предѣлахъ московскаго государства сверхъ купцовъ христіанскихъ державъ. Къ доходамъ можно присовокупить также конфискаціи имущества тѣхъ, которые подвергаются ошлѣ, простирающіяся на большую сумму, кромѣ другихъ чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ съ должностныхъ лицъ, монастырей и проч.

СУ. О ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

(Изъ соч. Аристовъ: «Промышленность въ древней Руси» и соч. Ключевскаго: «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ»).

Промышленная дѣятельность нашихъ предковъ не могла быстро двигаться впередъ. На пространствѣ древней Руси рѣки и рѣчки сливались и переплетались другъ съ другомъ и составляли длинную сѣть, покрытую почти сплошными лѣсами, широкими озерами и болотами. Сухопутныя сообщенія дѣлались возможными, особенно въ сѣверо-восточной Руси, во время зимы, когда стужа сковывала грязь и воду и открывала просторъ для путешественниковъ. Естественно, что водныя сообщенія въ древнюю пору предпочитались сухимъ путямъ, а изъ послѣднихъ—зимнія дороги лѣтнимъ. Рѣки, особенно во время разлива воды, прекращали всякое сообщеніе; поля на далекое пространство покрывались водой и становились болотами. Во время разлива рѣкъ и наводненій много несли убытка промышленные люди: водой сносило сѣно и дрова, ломало мосты и мельницы. Плаваніе по рѣкамъ и морямъ въ древнее время тоже встрѣчало множество препятствій и нерѣдко торговые суда погибали отъ бурь и подводныхъ камней, по неразвитію искусства мореходнаго. Рѣки Черноморскаго бассейна имѣли опасные пороги, которыхъ нужно было избѣгать посредствомъ волока судовъ на берегу. Въ сѣверныхъ моряхъ рано наступали туманы и темныя длинныя ночи; плаваніе по Бѣлому морю соединено было съ опасностями, такъ что въ древнее время называлось *бѣднымъ* и *горькимъ*. Всѣ эти невыгоды затрудняли плаваніе промышленныхъ людей, отнимая у нихъ много времени и поглощая лишнія издержки. До Соловецкаго острова въ древнее время въ тихую погоду едва могли добраться въ двое сутокъ; изъ Даніи доплывали до Новгорода въ мѣсяцъ; изъ Москвы до Азова ѣхали 45 дней.

При плохихъ путяхъ сообщенія, въ древней Руси оставалось много пустынныхъ незаселенныхъ пространствъ; съ одной стороны степи, съ другой лѣса разъединяли жителей. Села, деревни и починки разбѣганы были по лѣсамъ и стояли далеко одни отъ другихъ: поселяне жили отдѣльно другъ отъ друга и рѣдко имѣли сношенія между собою; промышленныхъ связей и интересовъ между ними было мало. Оттого въ мѣстностяхъ производительныхъ накоплялось много хлѣба отъ недостатка потребителей и неудобствъ сбыта, а въ то же время въ другихъ областяхъ безъ подвоза хлѣба люди умирали съ голода. Не имѣя возможности и надежды сбывать свои произведенія и доставать для себя все необходимое для обезпеченія требованій жизни, жители не могли заниматься промыслами, обусловливаемыми свойствомъ и характеромъ ихъ мѣстожительства, и поневолѣ должны были сами стараться объ огражденіи себя отъ холода и голода. А извѣстно, что нельзя ожидать усовершенствованія технической стороны промышленныхъ занятій тамъ, гдѣ населеніе по большей части занимается въ одно и то же время и хлѣбопашествомъ и плотничествомъ, и печнымъ мастерствомъ, и шитьемъ одежды и т. д. При томъ вся забота этихъ мастеровъ сосредоточивалась на томъ, чтобы было сытно, тепло и прочно, а не обращалось вниманія на улучшение производства, чтобы произведенія находили скорый и выгодный

сбыть. Не до удобствъ и прихотей было нашимъ предкамъ, когда скупая природа требовала большихъ трудовъ отъ нихъ, чтобы только завоевать насущное и прожить безбѣдно. При ограниченности нуждъ и простотѣ жизни, народъ не чувствовалъ необходимости въ раздѣленіи труда, не имѣлъ почти центровъ ремесленности, когда большая часть городовъ похожи были на огороженные села. Начинаящаяся роскошь высшихъ классовъ легко удовлетворялась вывозомъ произведеній иностранной промышленности. Получая ихъ готовыми, Россія за недостаткомъ удобныхъ береговыхъ протяженій и углубленная внутрь континента, прилегающая къ суровому океану, оставаясь оторванной отъ народовъ европейскихъ, не видала самаго производства товаровъ, изобрѣтеній и улучшеній иностранныхъ.

Физическія бѣдствія, которыхъ такъ много выпало на долю нашихъ предковъ, имѣли вредное вліяніе на ходъ промышленной дѣятельности древняго русскаго человѣка. Въ XI—XIV в. неурожаевъ насчитывается на Руси до 27; въ большей части этихъ случаевъ народъ умиралъ съ голода. Моровыя повѣтрія и повальные болѣзни, истребляя значительную часть населенія, лишали страну, и безъ того нуждающуюся въ рабочихъ рукахъ, производительныхъ членовъ общества. Моръ иногда былъ такъ опустошителенъ, что истреблялъ народонаселеніе цѣлыхъ городовъ, какъ было въ Смоленскѣ въ 1387 г., когда оставшіеся 5 человѣкъ вышли изъ города и затворили за собою его ворота. Частые пожары древней Руси истребляли не рѣдко цѣлые города, гостинные ряды съ товарами и всѣ пожитки гражданъ въ поляхъ или въ лодкахъ на рѣкѣ, гдѣ рассчитывали спасти ихъ отъ пламени.

Постоянныя непріязненные отношенія къ древней Руси окрестныхъ народовъ служили сильной задержкой промышленнаго развитія страны. Югозападная украинъ Руси цѣлыя четыре столѣтія страдала отъ нападений кочевыхъ азіатскихъ народовъ. Сперва притѣсняли и разоряли ее авары и хозаре, потомъ ихъ смѣнили печенѣги и половцы, и наконецъ довершили дѣло татары. Всѣ эти народы жгли русскія села, уводили жителей въ плѣнъ, угоняли табуны и стада и опустошали посылы. Кромѣ того они задерживали и затрудняли торговые движенія русскихъ по Днѣпру, Дону, Дунаю и Днѣстру. Между Волгой и Дономъ въ XIII в. бродили толпы разноплеменныхъ разбойниковъ, которыхъ соединяла всѣхъ корысть и жажда грабежа въ одинъ народъ особенный; они задерживали торговое движеніе по Дону и Волгѣ.

Внутреннее состояніе Россіи до XV в. не могло содѣйствовать развитію народной промышленности. Постоянныя областныя междоусобныя войны, истребляя много народа и имущества, мѣшали спокойному занятію и сельскими промыслами и городскими. Веденіе войны было раззореніемъ страны: непріятель опустошалъ поля, жегъ города и села, тащилъ все, что можно унести съ собою и забиралъ въ плѣнъ всѣхъ попавшихся жителей. Владиміръ Мономахъ пишетъ о взятіи Минска: «Изъѣхавъ городъ и не оставивъ у него ни челядина, ни скотины». Вотъ образецъ веденія войны въ древнее время. При постоянныхъ областныхъ ссорахъ и дракахъ, купцамъ доставалось прежде всѣхъ: какіе были изъ непріятельской земли, ихъ тотчасъ сажали въ погребъ и грабили ихъ товары. Чтобы довести до крайности враждебную область, загораживали пути сообщенія и не пускали туда торговцевъ, это средство особенно часто употреблялось противъ Новгорода.

Промышленная дѣятельность растетъ и развивается въ той странѣ, которая наслаждается миромъ и имѣетъ правый судъ, ограждающій имущество частныхъ лицъ отъ вліянія произвола. При недостаткѣ этихъ условій, зависимость отъ случайности порождаетъ застой въ промышленномъ и торговомъ движеніи, ослабляя кредитъ, убиваетъ предпріимчивость и развиваетъ систему обмана. Не имѣя спокойствія и безопасности отъ частыхъ внутреннихъ смутъ, народъ древней Руси не имѣлъ и прочной опоры на судъ: старинное правосудіе было слабо и не могло способствовать развитію промысловъ.

Такимъ образомъ, нельзя было ожидать движенія и усовершенствованія промысловъ и ремеселъ въ древней Руси, въ обширной малонаселенной странѣ съ суровымъ климатомъ, на сѣверо-востокѣ наполненной непроходимыми лѣсами, болотами и озерами, а на югозападѣ отличающейся необозримой степью, въ которой кочевали хищные народы Азіи. Это однообразіе природы, обширность, пустота, суровыя зимы, постоянная борьба съ другими народами, плохія дороги, пріучили русскаго человѣка къ стойкости и терпѣнію, не возбуждая въ немъ новыхъ потребностей и улучшенія своего быта. Опустошительныя войны, голодъ и моръ уменьшали населеніе страны и рабочія руки, препятствовали спокойному занятію промыслами. При общественномъ безправіи, угнетеніи слабого сильнымъ, нарушалось взаимное довѣріе; слабые принуждены были прибѣгать къ хитрости и обману, или къ бѣгству отъ сильныхъ. Имущество прятали для сохраненія въ церкви и монастыри, но и тамъ оно было не безопасно; человѣкъ не могъ быть спокоенъ ни дома, ни на пути отъ вышнихъ враговъ и отъ воровъ и разбойниковъ. Недостатокъ общественной безопасности не позволялъ пускать въ оборотъ нажитые капиталы, а заставлялъ далеко прятать ихъ отъ взоровъ ближняго, зарывать въ землю, чтобы не лишиться вдругъ отъ случайныхъ обстоятельствъ всего состоянія, которое, можетъ быть, досталось тяжелымъ трудомъ цѣлой жизни. Отъ всего этого ослабѣвалъ духъ промышленной предпріимчивости, все это останавливало движеніе торговли, отбивая охоту пускаться въ ненадежныя предпріятія. Смотри на многочисленныя затрудненія и препятствія, нужно удивляться не тому, что промышленность древней Руси развилась незначительно; а то поистинѣ удивительно, какъ она могла развиться до такой степени. Это только можно объяснить необыкновенной силой натуры русскаго народа.

Вмѣстѣ съ возвышеніемъ и усиленіемъ Москвы, условія для мирнаго труда въ нашемъ отечествѣ должны были сдѣлаться значительно лучше прежняго. Ведется довольно оживленная торговля съ востокомъ, главнымъ центромъ которой была Астрахань. Когда послѣдняя подпала подъ власть Москвы, то магометанскіе владѣльцы, еще въ царствованіе Іоанна IV, стараясь побудить турецкаго султана къ отнятію Астрахани у царя московскаго, указывали на огромный доходъ, получаемый этимъ царемъ въ Астрахани отъ таможенныхъ пошлинъ. По англійскимъ извѣстіямъ XVI в. изъ Бухаріи привозили въ Астрахань и въ Москву пряные корни, мускусъ, ревенъ, краски, шелкъ, ковры, драгоценныя камни, широкія сабли изъ Бактріи. Драгоценныя камни привозились въ Москву съ востока въ громадномъ количествѣ. И въ западной торговлѣ Московскаго государства во второй половинѣ XVI в. произошли важныя перемѣны. Въ концѣ XVI в. ревелскій совѣтъ жаловался, что торговля Ревеля съ

русскими падаетъ, потому что ею завладѣли, ко вреду его и всѣхъ ганзейскихъ городовъ, чужія націи. Кромѣ шведовъ и датчанъ, получившихъ право торговли въ Россіи, въ Новгородѣ утвердились голландцы съ правомъ безошлинной торговли. Но, безъ сомнѣнія, всего болѣе тревожили ревелскихъ купцовъ англичане. Средоточіемъ этого торговаго движенія стала пристань въ пустынномъ сѣверномъ краѣ при устьѣ Сѣверной Двины. Компанія лондонскихъ купцовъ, составившаяся для торговли съ Россіею (1555), дѣятельно повела завязавшіяся сношенія съ отдаленной Московіей и старалась надежными средствами обезпечить успѣхъ своего дѣла. Инструкціи, которыми она снабжала своихъ агентовъ въ Россіи, всего лучше показываютъ, въ какомъ духѣ и съ какими цѣлями она дѣйствовала. Въ инструкціяхъ 1555 года, агентамъ предписывалось изучить характеръ русскаго народа во всѣхъ его классахъ, его нравы, обычаи, подати, монету, вѣсъ, мѣру, счетъ, товары, какіе нужны этому народу и какіе нѣтъ, чтобы вслѣдствіе незнанія всего этого, компанія не потерпѣла какого-нибудь вреда или убытка; агенты обязаны были также остерегаться, чтобы никакой законъ русскій, ни религіозный, ни гражданскій, не былъ нарушенъ ни ими, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ англичанъ; смотрѣть, чтобы всѣ пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискаціи товаровъ, чтобы все происходило спокойно, безъ нарушенія порядка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ англичане будутъ торговать; агенты должны въ Москвѣ или другомъ какомъ-нибудь городѣ, или въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ будетъ выгодно торговать, построить одинъ или нѣсколько домовъ для себя и всѣхъ своихъ людей, съ магазинами, погребями и другими службами, и смотрѣть, чтобы никто изъ низшихъ служителей не смѣлъ ночевать внѣ агентнаго дома безъ позволенія. Голландская компанія хлопотала объ уничтоженіи торговыхъ льготъ, данныхъ англичанамъ московскимъ правительствомъ. Съ своей стороны, и англичане старались иногда не совсемъ чистыми средствами помѣшать утвержденію въ Москвѣ посторонняго вліянія, которое находили для себя невыгоднымъ. Компанія прежде всего хлопотала о томъ, чтобы привлечь къ себѣ русскихъ торговыхъ людей и захватить въ свои руки всѣ важнѣйшіе товары Россіи. Компанія писала агентамъ, чтобы они предлагали русскимъ купцамъ по возможности выгодную цѣну за ихъ товары, чтобы эти купцы охотнѣе везли свои товары въ Вологду къ англичанамъ, чѣмъ въ Новгородъ къ купцамъ ганзейскимъ.

Англія снабжала Россію чрезъ компанію не только своими, но и чужими произведеніями. Изъ счета, представленнаго Іоанну IV агентами компаніи, видно, какіе товары поставляли они ко двору: въ 1574 г. взято было у англійскихъ купцовъ для царя 12 пуд. сахару, по 8 руб. пудъ, и 200 стопъ бумаги, по 20 алт. стопа; въ 1576 г. взято мѣди на 1082 рубля, въ слѣдующемъ году взято сукна разныхъ сортовъ нѣсколько кусковъ; въ 1580 г. взято свинцу на 267 рубл. и 15 кусковъ толстаго сукна 210 рубл. Въ 1557 г. компанія отправила въ Россію 4 корабля съ товарами, между которыми было 25 тюковъ толстаго сукна, одинъ тюкъ фіолетоваго и одинъ алаго, 40 тюковъ бумажной матеріи, 518 кусковъ гемпширской гарази и 9 бочекъ олова. Англичане привозили въ Россію оружіе и лошадиную сбрую. Горсей пишетъ, что онъ закупалъ въ Англіи для царя львовъ, позолоченныя алебарды, писто-

ленты, ружья и другое оружіе, разныя аптекарскія снадобы, органы, клавикорды и другіе музыкальные инструменты, карминъ, нитки жемчуга, посуду вычурной работы. Товары, которые компанія вывозила изъ Россіи съ наибольшими удобствами, были преимущественно произведенія сѣвернаго края Россіи, преобладавшія на рынкахъ Вологды и Холмогоръ. Компанія скоро обозначила своимъ агентамъ, какіе изъ этихъ товаровъ имѣли наибольшій сбытъ въ Англіи: это были воскъ, сало, ворвань, ленъ и пенька. Последняго товара компанія предписывала не посылать въ Англію въ необработанномъ видѣ, потому что перевозка его обходилась компаніи слишкомъ дорого, по 6 фунт. стерл. за тонну; но компанія послала въ Россію 7 канатныхъ мастеровъ, которыхъ агенты должны были тотчасъ посадить за работу въ Вологдѣ или Холмогорахъ, снабдивъ ихъ работниками и матерьяломъ; компанія предписывала заготовлять какъ можно больше канатовъ, потому что, добавляла она, это главный русскій товаръ, и приготовленіе канатовъ такимъ образомъ обойдется компаніи дешевле, нежели выписывать ихъ изъ Данцига. Согласно съ этими предписаніями, построенъ былъ домъ въ Холмогорахъ для канатнаго производства, и 8 мастеровъ ежегодно передѣлывали въ канаты болѣе 90,000 фунтовъ пеньки. Изъ мѣховъ наибольшій сбытъ имѣли въ Англіи бѣличьи, лисьи и куны; компанія предписывала высылать изъ Россіи больше дешевыхъ мѣховъ и меньше дорогихъ, потому что послѣдніе трудно сбывались въ Англіи.

Въ концѣ царствованія Іоанна IV льготы англійской компаніи были ограничены, но въ царствованіе Θεодора, благодаря пріязни Бориса Годунова къ англичанамъ, послѣдніе опять добивались позволенія торговать въ Россіи вольною торговлей, освободившись отъ платежа пошлинъ, простиравшихся со времени ограниченія льготъ болѣе, чѣмъ на 2,000 фунт. стерл. въ годъ. Но англичане добивались не одной свободы отъ пошлинъ: они добивались права исключительной торговли въ Россіи. На предложенія объ этомъ со стороны королевы Елизаветы изъ Москвы отвѣчали, что дѣло несхожее указывать царю въ его государствахъ тому торговать, а иному не торговать. За старанія компаніи вытѣснить изъ Россіи другихъ иноземныхъ купцовъ, даже англичанъ, не принадлежавшихъ къ компаніи, послѣдніе преслѣдовали ея суда и агентовъ, на что она сильно жалуется въ своихъ инструкціяхъ и письмахъ къ агентамъ; но она и сама прибѣгала къ подобнымъ же средствамъ съ цѣлью избавиться отъ соперниковъ. Въ Москву приходили жалобы другихъ иностранныхъ купцовъ, что англичане не пропускаютъ ихъ кораблей къ Московскому государству. Вытѣснить соперниковъ не удалось компаніи. Даже русскіе торговые люди жаловались на стѣсненія и потери, которымъ они подвергаются отъ иноземныхъ купцовъ, преимущественно англичанъ, желали удаленія этихъ купцовъ изъ внутреннихъ областей государства. Въ 1649 году, наконецъ, исполнено было давнее желаніе русскихъ торговыхъ людей: англичане, по царскому указу, посланы были изъ внутреннихъ областей государства, и имъ позволено было торговать только у Архангельскаго города. Въ объясненіе это мѣры Карлилю говорили въ Москвѣ, что англичане продавали въ Россіи табакъ, вопреки царскому запрещенію, и не доставляли въ царскую казну англійскихъ товаровъ, сукна, олова, свинцу, по цѣнѣ, по какой продавались они въ Англіи, о чемъ поставлено было условіе въ царствованіе Михаила. По высылкѣ

изъ внутреннихъ областей и уничтоженіи льготъ, англичане платили въ казну пошрины 6,000 р. ежегодно. Послѣ этого преобладающее значеніе въ торговлѣ на сѣверѣ Московскаго государства получили купцы голландскіе; они держали въ Архангельскѣ болѣе 200 агентовъ, которые зимой ѣздили въ Москву и другіе города для закупки русскихъ товаровъ. Къ Архангельску приходили также суда изъ Гамбурга и другихъ ганзейскихъ городовъ. Въ XVII в. Архангельскъ былъ главнымъ мѣстомъ сбыта хлѣба за границу, который покупали преимущественно голландцы. По извѣстіямъ XVII в., по Сѣверной Двинѣ ходило вверхъ и внизъ множество судовъ; русскіе купцы свозили по ней къ Архангельску воловьи и лосинныя кожи, пеньку, смолу, льняное сѣмя, золу, разные мѣха, мѣня все это на товары, привозившіеся голландскими и англійскими купцами изъ Испаніи, Италіи, Франціи, Голландіи и Англии, какъ-то: пряные коренья, сахаръ, шафранъ, соленыя сельди, вина, разныя ткани, голландскія сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкеты, мѣдь, свинецъ, олово, серебро и золото, тафту, атласъ, бархатъ, парчу, шерстяные и бумажные чулки, жемчугъ, алмазы и другіе драгоценныя камни, наконецъ большое количество серебряной и золотой монеты. Купцы фламандскіе и гамбургскіе вывозили изъ Россіи чрезъ Архангельскъ преимущественно воскъ и желѣзо. Иноземные корабли приходили къ Архангельску въ іюлѣ и уѣзжали въ сентябрѣ. Ежегодно приходило сюда до 30 иностранныхъ кораблей. О значительности архангельской торговли въ XVII в. можно судить по величинѣ таможенной пошрины, которой, по свидѣтельству Олеарія, въ иные годы собиралось въ Архангельскѣ болѣе 300,000 рублей.

Сличая извѣстія о восточной и западной торговлѣ Московскаго государства, мы находимъ любопытную разницу между той и другой относительно предметовъ вывоза: въ товарахъ, отпускавшихся на востокъ, преобладали произведенія не первоначальной промышленности, продукты болѣе или менѣе обработанные; на западъ, напротивъ, московская земля отпускала почти исключительно сырыя произведенія.

СВИ. ОБСТАНОВКА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

(Изъ ст. Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и правовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст.», помѣщ. въ «Современникѣ»).

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже изъ того, что, для предохраненія отъ пожаровъ, приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ. Встарину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ. Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судныхъ дѣлахъ, касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ. Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и поса-

дахъ. Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти сажень въ длину. Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полои воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройкѣ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ. Въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и каменными оградами. Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобы черезъ нее никакое животное не пролѣзло, и чтобы отъ сосѣдей не могли приходиться слуги къ его слугамъ. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было, между прочимъ, въ старинномъ Киевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю, главные входы во дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кютахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ они были только приперты, а ночью заперты на замокъ, и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею.

Въ самой Москвѣ въ XVI в. большею частью зданія были деревянные. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменные постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. Уже по смерти царя Алексѣя въ 1861 г. приказано было въ Кремлѣ, Китай-городѣ и Бѣломъ городѣ строить исключительно одни каменные строенія, и для этого выдавали изъ Приказа Большаго дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменные постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменные ограды. Форма домовъ была четверугольная. Деревянные дома дѣлались изъ сосновыхъ, иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусевъ. Складывали брусъ съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха, и притомъ не употребляли въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя; для теплоты обивали ихъ еще мхомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ. Дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ отъ главныхъ воротъ пролегала къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ. Въмѣсто того, чтобы по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которые имѣли общее названіе хоромъ. Надворныя постройки вообще были жилыя и служебныя или кладовыя. Жилыя носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для приема гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ и означаетъ кладовую, обыкновенно холодную. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служащая лѣтнимъ покоемъ.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ

въ Русской землѣ. У царей для каждого члена семейства строили особня хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно также и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина строились избы, соединенныя между собою: иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою сѣнями, иногда нѣсколько избы связывались переходами. Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родового единства съ личною и семейною отдѣльностью, и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилища помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться между собою, а въ случаѣ, еслибъ кто пожелалъ выселиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу. У простолюдиновъ избы были черныя, т. е. курныя безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусями и телятами, посреди невыносимой вони. Печь служила логовищемъ цѣлому семейству; отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати. Курныя избы были въ XVI вѣкѣ и въ самой Москвѣ. Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ дома въ два жилища, нерѣдко съ надстройкою на верху, которая придавала дому снаружи видъ трехъяруснаго. Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одноэтажныхъ избахъ, вмѣсто крыльца со ступенями, былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ. Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно огораживалось только перилами. Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами и покрывались острокопечными кровлями. Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ чрезъ особую отъ крыльца дверь или изнутри: ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, потомъ прямо въ сѣни второго яруса. Соответствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣнями и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье устраивались съ двухъ сторонъ дома, и одиѣ были переднія, другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣньяхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя. Нижній этажъ назывался подклѣтомъ, и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилище и глухіе. Въ первомъ случаѣ они служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во вторыхъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилище. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два покоя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня; но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи было два, а въ другомъ три покоя, напримѣръ, горница съ комнатою, слѣдовательно два покоя и повалуша о трехъ жилищахъ; или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр. горница съ комнатою (слѣдовательно

два покоя) и повалуша о трехъ жильяхъ; или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльные строенія, напр. двѣ горницы на подклѣткахъ и три повалуши, соединенныя между собою сѣнями. Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣнями, такъ называемыя столовыя. Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня.

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣнями—вышками. Иногда чердаки дѣлались четвероугольными зданіями, менѣе втораго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовали третій этажъ, равный второму. Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлые и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, что называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивалось эпитетъ высокихъ. Впрочемъ, названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка—небольшая башенка или смотрильня. Самая обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ сажень длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности на нихъ натягивали кожу. Вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы для сохраненія теплоты, и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матеріею, а съ наружной стороны желѣзными ставнями. вмѣсто стеколъ употребляли чаще слюду. Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла были мало въ употребленіи.

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣскольку семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Для храненія домашняго имущества строились клѣти. При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ и въ XVI, и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада. Обыкновенныя деревья были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишень было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; по этому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ напр. черемуха, или особенно нарядныя, какъ напр., рябина или калина.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и чѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ. Въ домѣ зажиточ-

наго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса; тамъ порисходило домашнее моленіе.

Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у мѣнѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ у дверей лежала непременно рогожа или войлокъ для обтиранья ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же, чѣмъ стѣны; но, сверхъ того, на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками. Полавочники въ будни клались суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другого цвѣта. Кромѣ лавокъ, для сидѣнья дѣлались еще скамьи и столыцы. Скамьи были шире лавокъ, напр. до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Столыцы были четверугольные табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ. Столы дѣлались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшали рѣзьбою. Въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, атласовыми, камковыми подскатертьниками съ золотопшвейными каймами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хоромнымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было, церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ, только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Также точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ, кромѣ иконъ; но въ XVII в. мало-по-малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Кроватью въ старину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоявшую изъ трехъ частей: пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Вообще постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ или на матрацѣ. У людей средственнаго состоянія обычною постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печкахъ, постлавши подъ головы собственное платьѣ, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались всячія, всегда широкія и длинныя, для того, чтобы дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоценныя бездѣлки въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблочки, позолоченное изобра-

женіе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями. Часы составляли рѣдкость. Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебряныя, у небогатыхъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленныя къ извѣстному роду кушаньевъ, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостями, такъ чтобъ два человека и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Последняго рода блюда назывались блюдцами. Тарелки (торели) не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного. Ложки у богатыхъ дѣлались серебряныя позолоченныя съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принадлежить. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоценными камнями; ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, укусница и перечница, иногда горчицница. Столовые сосуды для приноса питій были: енды, кувшины, кружки, чаши, кубки, ковши. Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр., гладкіе, граненые, чеканные. Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ, было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разныя надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣльца вещи и приличныя изрѣченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости. Чтобъ имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя заключали въ себѣ изрѣченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой написано по ободу: *Чарка добра человеку, пить изъ нея на здравіе, хвала Бога, про іосударево многолѣтнее здоровье*: внутри другая: *Не злись, смирись, человѣче, желасишь славы земныя, за то не заслужишь небесныхъ*: по бокамъ вокругъ: *Зри, смотри, люби и не проси*. Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоценные, и носили тѣ же названія. Эти деревянные издѣлія украшались рѣзбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе, но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать во множествѣ наименованій больше сходства, чѣмъ отличія. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣ же названія и отличалась только степенью убранства. Обувь простаго народа была: лапти изъ древесной коры, обувь древняя, употребительная во времена язычества; носили башмаки, сплетенные изъ прутьевъ лозы; нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичтыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи и юфти, у богатыхъ—изъ сафьяна. Сапоги были до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла. Чоботы были полусапожки

съ остроконечными, загнутыми кверху, носками. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги, т. е. сафьянные чулки. Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые; они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ и голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ, особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну. Рубахи у простолюдины были холщевыя; у знатныхъ и богатыхъ—шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи и считали ихъ наряднымъ бѣльемъ; у знатныхъ и богатыхъ вышивали рукава, грудь, воротникъ, который назывался ожерельемъ. Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашеннаго, изъ сермяги, т. е. грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ—изъ суконъ. Лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой-нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно, и у бояръ) иногда были штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей.

Вообще русскіе штаны достигали только до колѣнъ, дѣлались съ карманами и были разныхъ цвѣтовъ, чаще всего красные. На рубаху и штаны надѣвались три одежды одна на другую. Исподняя была домашняя, въ которой сидѣли дома, если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ трехъ видовъ. Исподняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, часто не доходившее до колѣнъ, въ родѣ камзола. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимніе—изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матеріи, напримѣръ, тафты, часто бѣлаго цвѣта, съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой-нибудь матеріи; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ. На зипунъ надѣвали вторую одежду. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ или же только до икръ, чтобъ оставлять на показъ раззолоченные сапоги. Рукава его были чрезвычайно длинны, достигали до земли и сбирались въ складки, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочіе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напримѣръ, горячую посуду. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторочивался тесьмою. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другаго цвѣта, въ видѣ четырехугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и шнуры, чтобъ застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ висячія петли, на другой прикрѣпляли пуговицы. Зимніе кафтаны дѣлались на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напримѣръ, на собольихъ пухахъ или на бѣлыхъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались кожухами. Ферезями назывались одежды, надѣваемые также на зипуны; мало отличалась эта одежда отъ кафтана. Верхнія или накидныя одеж-

ды были: опашень, охабень, однорядка, фerezья, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень, такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пять, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капюшономъ сзади. Ferezья—плащъ съ рукавами; она надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая—нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Последняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались предъ народомъ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плеча и застегивались на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ наряднымъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя, или тулупы, и заячьи, у людей средственнаго состоянія бѣличьи и куныи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ. Шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу.

Всѣ носили пояса, и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорогилыя и тафтяные; но у богачей они дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоценностями. Встарину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоценность. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ, и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили въ комнатѣ. Другой видъ шапки, остроконечный, назывался колпакомъ. Третій родъ шапокъ были четверугольныя низкія шапки съ мѣховымъ околышемъ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки — исключительно принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла гравиты. По шапкѣ можно была узнавать происхожденіе и достоинство. Высокія шапка означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣвать высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ, обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью. Горлатныя шапки по своей фигурѣ составляли обратную противоположность колпаку, ибо вверху была шире, внизу уже. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ, а на колпакъ горлатную шапку. Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоценныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ

цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также пари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатами; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободкахъ и съ желѣзною печатью. Встарину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства.

Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторочивались золотомъ бахромою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ, и потомъ обтереть руки о скатерть. Простонародіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобы они могли быть необходимы. Въ довершеніе русскаго наряда, люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольничимъ, дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ, за то и знатные и не знатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но однако въ одеждахъ двухъ половъ были особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самимъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово «женскій», напр. женская шуба, женскій опашень. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя платья богатую мантию, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатаго, бѣлаго, но чаще всего изъ золотой или серебротканной, съ вошвами (вѣроятно, вшитыми мѣстами). Края этой мантии были съ особенною нарядностью разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, они пристегались и снимались, когда нужно было, и назывались подволочнымъ запусьемъ. На голову замужнія женщины надѣвали волосники или подбрусники: то были шапочки на подобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотой, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ суживать и расширять, и съ ошивкою или оторочкою по краю, эти ошивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго

состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданнаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось стыдомъ и грѣхомъ оставлять на показъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нея большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобы даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрусомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кичу: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемою кичнымъ челою; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матерію. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы; онѣ имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ: изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другого жемчужными поясками. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка суживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимой дѣвицы покрывали голову высокою шапкою, со большою или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косы, а носили волосы распущенными по плечамъ. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы. Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Бѣдныя женщины—носили мѣдныя, болѣе зажиточныя—серебряныя, богатая женщины—золотыя съ драгоценными камнями. На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, т. е. браслеты, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ много, какъ и у мужчинъ. Шея женщины и дѣвицы была увѣшена множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣли, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланные финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество сыпнаго жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ, иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли постѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги. Не довольствуясь обильными украшениями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина бѣдилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискусствомъ въ этомъ дѣлѣ. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали, какъ не идетъ собственно имъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, *чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ*.

Русская кухня была національная, то-есть основывалась на обычаяхъ,

а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась, какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и неразнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла; скромный и постный. Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. Въ скоромные дни они начинались бараньимъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, всколькими мясами разомъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. Въ постные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, съ макомъ, горохомъ. Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай — сдобный хлѣбъ. Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали курникъ, то-есть пастетъ, начиненный курицей, яйцами, бараниной съ масломъ или говяжьимъ саломъ; алады, котлома, сырники, блины, хворосты, кисели. Мясныя кушанья были вареныя или жареныя. Вареныя подавались въ щахъ, ухѣ, рассолѣ и подѣ взварами; щи забѣливались сметаной во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ щамъ была капуста. Къ щамъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ приностей составляло принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикой называлась черною ухой, съ перцемъ бѣлою, а безъ приностей голою. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаній въ скоромные дни съ весны и до поздней осени. Для говядины служили яловыя коровы. Поэтому говядина носила въ старину названіе яловщины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо солили. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіе года, а передъ праздникомъ Рождества кололи. Русскіе въ старину любили свинину, кажется, больше, чѣмъ теперь. Лебеди считались самымъ изысканнымъ блюдомъ. Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу. По принятому обыкновенію закупать для дома съѣстные запасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и укусомъ, пироги съ горохомъ, гречневую кашу и овсяную кашу съ постнымъ масломъ и т. д. Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ большого употребленія чесноку, русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою неприятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ только чеснокъ. Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ въ патоку, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Другое лакомство была пастила, приготовляемая изъ яблокъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести

также пряники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскими изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленные изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башенъ, теремовъ, людей, также цѣлыя сахарныя головы. Напитки, употребляемые русскими въ старину, были: квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградныя вина. Квасъ пили всѣ отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно было встрѣтить и квасоварныя заведенія, и квасниковъ, продающихъ квасъ въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастыряхъ квасъ былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простаго, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржаного солода, были квасы медвяные и ягодные. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшіе разрѣшеніе готовить у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Оригинальное и лучшее русское питье былъ медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и разславили его въ далекихъ странахъ. Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорта; обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше — вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четвертную, т. е. четыре раза перегонную водку, и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная пятакой. Эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ: настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, селитрѣ. Русскіе пили водку не только передъ обѣдомъ, но и во время обѣда, послѣ обѣда и во всякое время дня. Иностранныя вина въ XVI в. употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но, по мѣрѣ того какъ торговля стала насъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнью, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII в. явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большомъ употребленіи были: греческое, церковное, мальвазія, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское, романей. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности. Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Знатныя лица употребляли его какъ лекарство, и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ сдѣлается со временемъ національнымъ русскимъ питьемъ.

Предки наши, какъ знатные такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневныя и ночныя часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката — первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось съ связи съ восточнымъ

богослуженіемъ. Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образа, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличіе, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели, надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье: зажиточные люди мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ умыванья одѣвались и приступали къ моленію. Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени, и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой, или почему нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ. Окончивъ молитвословіе, расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домомъ, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, что дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будить госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужей, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдовали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки, послѣ утренняго моленія, отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками съ своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ, наложена ли подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ передъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ: купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Въ полдень наступало время обѣда. Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду и, находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкого и стряпчихъ, подчивалъ ихъ хмѣльнымъ, иногда всѣхъ дарилъ, и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола. Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали пообѣдавши и цари, спали бояре, спали купцы, затворивши свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ. Не спать или, по крайней мѣрѣ, не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ самозванцѣ не царское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, если имѣли возможность и достатокъ. Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычныя занятія. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ

къ другу родные и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова за-тепливались лампы, зажигались свѣчи предъ образами, домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже невозможнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать.

СѢН. РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ДО-ПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

(Изъ соч. Иконникова: «Русская женщина накануне реформы Петра В. и послѣ нея»)

Въ основѣ древняго быта Россіи лежали тѣ же патріархальныя формы, которыя оказали такое могущественное вліяніе на семейный бытъ и древняго, и средневѣковаго общества. Но въ жизни русскаго народа, вслѣдствіе продолжительной обособленности его и удаленія отъ образованнаго міра, эта стихія получила болѣе широкое развитіе. Идеаль родительской опеки былъ основаніемъ русскаго общественнаго быта, на немъ создавалось и государство. Самое общество представлялось лишь соединеніемъ семьи и рода, отчего и общественные разряды стали обозначаться извѣстными степенями родства, какъ напр. *отроки, пасынки, дѣтскіе, молодежь*; люди тѣхъ классовъ, которые считали себя почему нибудь обдѣленными въ обществѣ, назывались *сиротами*, т. е. несчастными въ смыслѣ родства. Въ подобномъ строѣ общественныхъ отношеній не только женская личность, но и вообще личность не могла претендовать на независимое значеніе. «Старѣйшинство» играло важную роль и въ политическихъ, и въ домашнихъ отношеніяхъ. Этимъ началомъ руководствовались и вѣчевыя собранія, и дума, и земскій соборъ. Въ домашнемъ быту оно кристаллизировалось въ полный типъ домовладыки. Нашъ *Домострой* вездѣ говоритъ постоянно о государѣ дома, къ которому и обращаетъ всѣ свои совѣты. Остальные члены дома суть не болѣе, какъ исполнители его воли: жена — хозяйка, всѣ родственники, живущіе въ домѣ — чада, слуги — домочадцы. Жена не имѣетъ другаго значенія, кромѣ распорядительницы въ хозяйствѣ и въ занятіяхъ прислуги, хранительницы порядка; она должна была имѣть въ виду дать отвѣтъ во всемъ мужу, который, увидя у жены что не въ порядкѣ, долженъ «умѣть ее наказать съ разсужденіемъ», а равно дѣтей и слугъ. Въ *Домостроѣ* вовсе не говорится о необходимости мягкихъ отношеній къ женѣ и дѣтямъ, какъ лучшимъ средствомъ поддержать домашнія отношенія; въ немъ, напротивъ, постоянно говорится о грозѣ мужа, о необходимости погрозить и пожаловать; съ дѣтьми отецъ не долженъ былъ ни смѣяться, ни забавляться: таковъ результатъ чисто родоваго развитія и склада общества. Обширное повѣствованіе о «Горѣ злосчастія» есть категорическое поученіе на тему о непослушаніи родительской власти. Захотѣлось молодцу пожить, какъ ему любо, но молодецъ, покинувшій свой домъ, — и малъ, и глупъ. Ослушавшись родителей, онъ ясно видитъ, что и «отечество его потерялось». За все это судьба такъ преслѣдуетъ его, что ему оставалось одно — идти въ разбойники, да онъ вспомнилъ, къ счастью, что есть еще убѣжище — монастырь. Это поглощеніе личности въ родъ

сложилось въ народную пословицу: «Мое дѣтище, хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю». Родовая опека, сложившаяся въ такую опредѣленную форму условіями исторической жизни, нашла прочную поддержку въ идеяхъ, заимствованныхъ изъ Византіи. Благодаря ея вліянію, родовая опека и атрибуты отеческой власти получили высшую санкцію. Теперь уже положительно доказано, что *Домострой* сложился на основаніи памятниковъ, заимствованныхъ изъ византійскихъ сборниковъ, въ родѣ Златоуста, Златоструя, Измарагда и т. п. Въ древнѣйшихъ поученіяхъ этого рода говорится о почитаніи отца, какъ Бога, при чемъ дается такое толкованіе: «Тогда только сынъ свободенъ, когда спрячетъ кости родителя своего». Здѣсь идея пожизненной опеки очевидна. Относительно характера власти въ древнихъ поученіяхъ проводилось сравненіе между владыкою дома и игуменомъ монастыря. На такихъ основаніяхъ построено въ *Домостроѣ* ученіе о мужѣ, какъ «страхѣ всего дома». Самая жизнь дома распредѣлена въ немъ по монастырскому образцу, со всѣми его принадлежностями, а высшими добродѣтелями поставлены молчаніе и смиреніе. Жена должна заботиться, какъ спасти душу и угодить Богу и мужу. Его воля для нея законъ.

Выходя изъ мысли объ искушеніи Адама Евою и паденіи черезъ нее человѣческаго рода, и находя подтвержденіе всевозможныхъ бѣдствій отъ власти женщинъ въ византійской исторіи, въ тамошней литературѣ постепенно сталъ слагаться образъ *злой жены*, который получилъ и литературное гражданство, и своего родъ теоретическое значеніе. Кромѣ разныхъ сборниковъ, въ родѣ Златоуста, Измарагда, Пчелы, гдѣ трактовалось, въ числѣ другихъ вопросовъ, о женской злобѣ, сохранился цѣлый рядъ отдѣльныхъ сказаній, въ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался съ той же преимущественно отрицательной точки зрѣнія. Въ нихъ прежде всего предостерегались читатели отъ женской красоты, легко уловляющей неопытныхъ. Восточная мысль такъ недовѣрчиво относилась къ женскому обществу, что даже предостерегала никогда не бесѣдовать съ замкнутою женщиною наединѣ, такъ какъ голосъ, движеніе, одежда, улыбка — все можетъ прельстить неопытнаго. Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ нравоученій и должно было произойти безусловное раздѣленіе половъ и замкнутость женщины. Вмѣстѣ со всѣми слабыми и обдѣленными, женщина отдавалась подъ покровительство церкви (уставъ Ярослава Великаго). Ни лѣтописи, ни другіе источники не говорятъ намъ объ участіи женщинъ въ общественныхъ дѣлахъ. Примѣръ Мары Посадницы довольно исключительный; онъ обуславливается отчасти положеніемъ ея какъ вдовы и богатой вотчинницы, отчасти условіями новгородской жизни. Самое слово женщина позднѣйшее; въ древнемъ обществѣ она понималась лишь какъ жена; для тѣхъ изъ женщинъ, кто не могъ почему нибудь стать женою, предоставлялся монастырь. Въ началѣ XVI в. Герберштейнъ говоритъ: «Состояніе женщинъ (въ Россіи) самое плачевное: женщина считается честною тогда, когда живетъ дома взаперти; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ; то ея поведеніе становится зазорнымъ. Весьма рѣдко позволяется ей ходить въ храмъ, а еще рѣже на дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ». Даже братья и родственники не всегда пользовались легкимъ доступомъ. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей, зажиточный бояринъ имѣлъ свою домовую церковь, а въ случаѣ надобности,

его жена и дочери выѣзжали въ закрытыхъ колымагахъ съ слюдяными окнами, такъ что никто ихъ не видѣлъ. Въ домѣ отдѣленіе для женщинъ помѣщалось сзади, и ключъ отъ него находился у хозяина. Съ этой стороны заборъ бывалъ очень высокъ, чтобы онѣ могли свободно прогуливаться. Выѣзжая на богомолье, царицы и царевны совершали свои обязанности по ночамъ, а если случались дневные выходы, то по сторонамъ ихъ несли суконныя полы, которыя заслоняли ихъ отъ глазъ зрителей. Само собою понятно, что при такой обособленности женщины, раздвоеніе въ семьѣ было естественнымъ явленіемъ, и, отражаясь въ свою очередь на цѣломъ обществѣ, оно значительно способствовало огрубѣнію нравовъ. Чѣмъ выше было положеніе лица, тѣмъ большому стѣсненію подвергалась жизнь его семьи. Во дворцѣ женщины должны были жить какъ пустынницы, пребывая въ постѣ и молитвѣ. Бракъ съ подданными считался безчестнымъ, съ иностранными принцами мѣшало разнорѣчіе. Спускаясь ниже, требовательность тюремнаго заключенія нѣсколько нарушалась. Боярыни и боярышни выѣзжали во дворецъ и въ гости, съ разрѣшенія или съ вѣдома мужей. Для сопровожденія изъ дворца запоздавшихъ боярынь назначался конвой. Для дѣвицъ боярскаго и прочихъ сословій вступленіе въ бракъ само собою не имѣло того тяжелаго условія, какой встрѣчался въ царскомъ быту; но и здѣсь оно было обставлено неизбѣжными ограниченіями: прежде всего необходимо было держаться въ выборѣ «версты», т. е. соответствующаго положенія, чтобы не было тѣмъ «порухи» роду; женихъ и невѣста не могли видѣть другъ друга до самаго брачнаго обряда, а потому должны были сноситься черезъ свахъ. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко случались обманы («нигдѣ нѣтъ такого обманства на дѣвки, какъ въ Московскомъ государствѣ», замѣчаетъ Котошихинъ): вмѣсто одной дочери показывали другую или служанку, малыхъ ростомъ ставили на подставки, и т. п. Понятно, чѣмъ оканчивался подобный бракъ; монастырь былъ еще лучшимъ убѣжищемъ въ такихъ случаяхъ. За недостаткомъ умственной школы, развивающихъ удовольствій не было, и они немислимы безъ участія женщины. Поэтому въ теченіе всего древняго періода мы встрѣчаемъ такіа противоположныя явленія, какъ, съ одной стороны, постоянныя посѣщенія церквей и монастырей, а съ другой — любовь къ медвѣжьимъ травамъ, кулачнымъ боямъ и потѣхамъ дураковъ. Теремъ нерѣдко принималъ участіе въ обычныхъ удовольствіяхъ, но лишь такъ, чтобы его обитатели не были замѣчены постороннимъ глазомъ. Впрочемъ, потребность въ болѣе духовныхъ развлеченіяхъ существовала; это видно изъ той общей любви къ сказочникамъ и домрачамъ (домра—струнный инструментъ), безъ которыхъ не могъ засыпать даже Иванъ Грозный въ своей Александровской слободѣ. Къ этой категоріи принадлежали и шуты. Не слѣдуетъ однако думать, что бытовыя условія жизни, способствовавшія появленію русскаго гинекея, и аскетическая идея, освятившая этотъ бытовой прототипъ женской доли, могли вполне изгладить въ женщинѣ мірскія цѣли и стремленія. Уже давно замѣчено историками относительно восточныхъ цивилизацій, что замкнутость женщины развиваетъ въ ней склонность къ роскоши. Въ русскомъ теремѣ это стремленіе вызвало развитіе спеціальнаго мастерства, которое, кромѣ того, что удовлетворяло непосредственнымъ интересамъ терема, служило и религіозной потребности, это — рукодѣліе и вышиваніе. Работы изъ дорогихъ матерій, унизанныя жем-

чугомъ и другими драгоценными камнями, составляли принадлежность не только обширныхъ царскихъ и монастырскихъ рукодѣль, но и боярскіе дома соперничали въ этомъ другъ съ другомъ.

Нравственную чистоту женщинъ теремъ оберегаль плохо. Уже автору *Домостроя* былъ извѣстенъ типъ «потворенныхъ бабъ», устраивавшихъ свиданія молодыхъ женъ съ чужими мужьями, отъ которыхъ онѣ считалъ долгомъ предостеречь, замѣчая, что обыкновенно онѣ начинаютъ свое дѣло съ дворовыхъ людей и доходятъ до самихъ «государынь». Олеарій говоритъ, что въ теремахъ русскія женщины очень часто предаются пьянству или заводятъ сношенія съ посторонними мужчинами—двѣ главныя причины постоянныхъ несогласій и раздоровъ въ семьѣ. Вотъ характеристическій актъ изъ второй половины XVII в. о супружескихъ отношеніяхъ, какія могли существовать даже въ боярской средѣ. Въ декабрѣ 1670 г. сынъ боярский, служившій при дворѣ царицы, Никифоръ Скорятинъ, жаловался государю на жену свою Пелагею въ такихъ выраженіяхъ: «Кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла... Противъ моего челобитья дьякъ въ Мастерской Палатѣ поругательство жены моей и зубнаго яденія на тѣлѣ досматривалъ и въ томъ женѣ моей никакого указу не учинено; а она, жена моя Пелагея, хотѣла меня, холопа твоего, топоромъ срубить, и я отъ ея топороваго сѣченія руками укрывался; и посѣкла у меня правую руку по запястью, и я отъ того ея посѣченія съ дворишка своего чуть живъ ушелъ и билъ челомъ въ приказѣ Мастерской Палаты, и стольникъ Соковкинъ приказалъ посѣченную мою руку записать; а отъ той посѣченной моей руки я во вѣки увѣченъ. Да и впредь она, жена моя, хвалится на меня всякимъ дурнымъ смертоубиствомъ и по твоему государеву указу посажена она за приставы; и она, сидя за приставы, хвалится на меня и нынѣ смертнымъ убиствомъ. Милосердный государь! Пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ ей, женѣ моей, свой царскій указъ учинить и меня съ нею развестъ, чтобы мнѣ отъ нея, жены своей, впредь напрасною смертю не умереть». По царскому указу выписку объ этомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами, велѣно было препроводить на патриаршій дворъ, при чемъ сказано: «Учинить по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, чего доведется». По словамъ Олеарія, въ то время весьма часто случалось, что недовольные мужья и жены рѣшались избавиться другъ отъ друга монастыремъ, причемъ оставшійся въ міру могъ вторично вступить въ бракъ. Иногда прибѣгали къ насильному постриженію жены тайкомъ, на дому, безъ свидѣтелей, а чтобы принудить жену къ этому, мужъ прибѣгалъ къ истязаніямъ, сажалъ ее въ крапиву или впрягалъ въ соху. По словамъ Котошихина, отравы была тогда обыкновеннымъ средствомъ у мужей и женъ, чтобы избавиться другъ отъ друга. Поэтому вполне понятно суровое отношеніе современнаго законодательства къ подобнымъ явленіямъ: по Уложенію жена, убившая мужа, подвергалась мучительной казни: ее заживо закапывали въ землю. Но о наказаніи мужа за убійство жены Уложеніе умалчиваетъ. Въ 1664 г. Иванъ Долговъ убилъ жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки.

Къ исходу XVII в. и царскій теремъ представлялъ не менѣе поразительныя черты нравственнаго паденія. Въ это время Москва во мно-

гомъ напоминала Византію, какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. По смерти Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе болѣзни царя Ѳеодора, возбуждавшей разныя опасенія, которыя и сбылись, открылись сцены, напоминающія собою борьбу византійскихъ партій, въ которыхъ теремъ игралъ такую важную роль. Въ церковномъ мірѣ возникло не менѣе опасное броженіе, съ тою лишь разницею, что въ Византіи оно касалось болѣе отвлеченныхъ вопросовъ, а у насъ вопросы чисто формальныхъ. На Москву давно уже русскіе книжники стали смотрѣть, какъ на третій Римъ, наслѣднику второго, Византіи. Теперь и самый теремъ царскій пытался присвоить себѣ такую же власть, какою нерѣдко пользовались женщины въ Византіи. Не даромъ сторонники царевны Софіи сравнивали ее съ императрицей Пульхеріей. Благодаря слабости и болѣзни царя Ѳеодора, его сестры, бывшія уже въ лѣтахъ (ихъ было пять, среднею была Софія), получали сначала постоянный доступъ къ нему, а потомъ сохранили за собою и право свободнаго выхода. Во время двуправствія, онѣ являются уже вліятельными лицами: принимаютъ участіе въ церковномъ соборѣ, по случаю спора съ раскольниками въ Грановитой палатѣ; онѣ спѣшатъ устроить свою обстановку (каменные палаты съ помѣщеніемъ для думы) и придать блескъ своей власти (портреты съ царскими атрибутами), а самая честолюбивая изъ нихъ, Софія, хлопотала даже у восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи ей короноваться. Ея сторонникъ Медвѣдевъ сравниваетъ ее не только съ Пульхеріей, но и съ Елисаветою англійскою и Семирамидою. Все это ясно обозначало стремленія терема. Царевны стали участвовать во всѣхъ церемоніяхъ, а прежде онѣ не могли присутствовать даже при погребеніи своихъ братьевъ и сестеръ. Эта политическая тенденція, при всѣхъ правахъ на престолъ двухъ царей (Ивана и Петра) выступаетъ уже во всея наготѣ, когда Софія вздумала опереться на силу стрѣльцовъ и, при содѣйствіи сестеръ, стала возбуждать ихъ противъ Петра. Но Софія слишкомъ рѣзко выступила за предѣлы завѣтныхъ преданій и наперекоръ очевиднымъ правамъ своихъ братьевъ. И тѣмъ болѣе это было «срамно» и «засорно» для современниковъ, что царскій теремъ не могъ опереться даже на нравственную свою репутацію. Выйдя изъ него, царевны бросились въ омутъ самыхъ нескромныхъ похощеній. Связь Софіи съ кн. Вас. Вас. Голицынымъ была у всѣхъ на виду, и объ этомъ съ порицаніемъ говорили въ народѣ.

Современная литература не осталась чуждою тѣхъ крайнихъ явленій общественной жизни, которыя были порожденіемъ теремныхъ правовъ. Къ концу XVII вѣка и въ литературѣ окончательно слагается образъ «злой жены». Здѣсь мы должны упомянуть о спеціальному сочиненіи, очень распространенномъ, озаглавленномъ: «Книга о злонравныхъ женахъ, или бесѣда отца съ сыномъ, избранная изъ разныхъ писаній богумудрыхъ отцевъ и многихъ философовъ». Характеристика женскаго права здѣсь сосредоточивается на слѣдующихъ опредѣленіяхъ: жена лѣстивая, лукавая, колдунья, львица, змѣя, ехидна, прокудливая (проказливая) и аспидъ.

СУШ. ОТЗЫВЪ ИНОСТРАНЦА СОВРЕМЕННОКА О РУССКИХЪ ПРАВАХЪ ХVII СТОЛѢТІЯ.

(Изъ соч. Олеорія: «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію», пер. Барсова).

Если разсматривать русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ слѣдуетъ отнести къ варварамъ, ибо и теперь имъ далеко еще до того, что еще въ древности были греки; и хотя русскіе хвалятся прибытіемъ къ нимъ грековъ и родствомъ съ ними, но они не имѣютъ ничего общаго между собою ни по языку, ни по искусствамъ. Русскіе не любятъ никакихъ высшихъ знаній, ни свободныхъ искусствъ, а тѣмъ менѣе сами охотно ими занимаются, и остаются невѣжественны и суровы. Большинство русскихъ, когда что либо узнаютъ отъ чужестранцевъ о высокихъ занятіяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ, произносятъ самыя грубыя и неразумныя сужденія: такъ астрономію и астрологію они считаютъ волшебными науками. Они никакъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затмѣнія солнца и луны, равно какъ движеніе другой какой-либо планеты. Поэтому, когда по возвращеніи нашемъ изъ Персіи, въ Москвѣ стало извѣстно, что великій князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ астрономомъ, начались толки: въ Москву де скоро вернется волшебникъ, находящійся теперь въ голштинскомъ посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возмѣли даже отвращеніе ко мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности. Что касается до ума русскихъ, то хотя они остроумны и хитры, но способности эти употребляются не на добрыя и похвальные дѣла, а для достиженія какихъ-нибудь личныхъ выгодъ, пользы для себя и для удовлетворенія своихъ желаній. Свою смысленность и хитрость русскіе, между прочимъ, проявляютъ въ торговлѣ, весьма хорошо понимая, что и какъ купить или продать повыгоднѣе, и придумываютъ при этомъ всѣ способы обмануть ближняго, чтобы получить себѣ всякаго рода выгоду и барышъ. Кто захотѣлъ бы ихъ обмануть, тотъ долженъ обладать немалымъ умомъ... Скрывая сами истину, употребляя на каждомъ шагу ложь, они очень подозрительны и весьма не легко вѣрятъ другимъ; если же кому удастся обмануть ихъ какъ нибудь, то они хвалятся такого и считаютъ мастеромъ своего дѣла. Поэтому однажды нѣсколько московскихъ купцовъ очень просили одного голландца, который въ торговлѣ надулъ ихъ на огромную сумму, чтобы онъ вступилъ въ ихъ общество и велъ бы съ ними вмѣстѣ торговлю. Такъ какъ голландецъ зналъ разныя продѣлки въ торговлѣ, то сказанные купцы надѣялись, приобрѣти такого человѣка, повести торговлю самую прибыльную. Странно однакожь, что между русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его разумнымъ и достойнымъ похвалы дѣломъ, есть много такихъ людей, которые почитаютъ грѣхомъ, если они не возвратятъ покупателю, передавшему имъ по ошибкѣ при расчетѣ лишнія деньги. Возвратить такіа деньги они считаютъ себя обязанными потому, что передача такая случилась по невѣдѣнію и противъ воли покупателя, и удержать ее, стало бы, было бы просто воровство.

Чтобы выместить на комъ нибудь ближнемъ, противъ котораго они питають злобу и ненависть, свою досаду, русскіе прибѣгаютъ къ слѣдующей продѣлкѣ: такъ какъ воровство считается у нихъ преступленіемъ, влекущимъ довольно строгое наказаніе, то они ищутъ случая обвинить въ немъ нелюбимаго ими человѣка, для чего отправляются къ нему, берутъ у него въ займы деньги, подѣ которые оставляютъ въ залогъ платье, посуду и другія вещи, также потихоньку иногда пробираются въ домъ къ нему, или незамѣтно всовываютъ ему въ сапогъ (въ которомъ русскіе имѣють обыкновеніе носить письма, ножи, деньги и другія малыя вещи) какую нибудь изъ своихъ вещей, и затѣмъ взводятъ обвиненіе и объявляютъ, что тотъ самъ укралъ у нихъ эту вещь. Если заявленные такимъ образомъ вещи дѣйствительно найдутся у обвиняемаго, то его тотчасъ же подвергаютъ наказанію. Вообще ложные доносы и обманъ между русскими въ такомъ ходу, что ихъ можно опасаться не только со стороны чужихъ людей и сосѣдей, но и со стороны братьевъ или супруговъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ царствованіе Бориса Годунова случилось, что, заболѣвъ однажды весьма сильно подагрой, великій князь приказалъ объявить, не найдется ли кого, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни, такой явился бы ко двору и, какого бы состоянія и вѣры онъ ни былъ, будетъ награжденъ за излѣченіе великими милостями и богатою платой. Услышавъ это, жена одного боярина, который довольно строго держалъ ее, вздумала воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для отмщенія мужу своему, тотчасъ же пошла и заявила, что мужъ ея знаетъ вѣрное средство помочь, но что онъ только не хочетъ этого сдѣлать по нерасположенію къ царю. Бояринъ тотчасъ же былъ потребованъ къ в. князю и тамъ допрошенъ; когда онъ объяснилъ здѣсь, что вовсе не смыслить ничего въ наукѣ лѣченія, то его сильно побили палкою и посадили въ темницу. Когда онъ сказалъ, что все это продѣлки жены его, которая, по ненависти къ нему, наговорила на него, и съ которою онъ за это раздѣляется, то его еще нещаднѣе побили, грозили даже смертною казнью, которую хотѣли не медля исполнить, если онъ не вылѣчитъ великаго князя. Несчастный бояринъ поблѣднѣлъ отъ страха, не зная что дѣлать, и рѣшился наконецъ попробовать лѣченія, для чего и просилъ, чтобы дали ему сроку по крайней мѣрѣ на 14 дней, въ которые онъ могъ бы собрать необходимыя для лѣченія травы. Испрашивая этотъ срокъ, онъ желалъ только продлить какъ нибудь свою жизнь, въ надеждѣ, что въ этотъ промежутокъ времени обстоятельства какъ нибудь могутъ измѣниться въ его пользу. Когда ему дали отсрочку, онъ приказалъ привезти разнаго рода травы и сдѣлать ванну. Къ великому счастью боярина, страданія больного послѣ ванны прошли, можетъ быть, не столько отъ ванны, сколько сами собою. Послѣ этого бояринъ, хотя и былъ еще жестоко побитъ за то, что, зная средство вылѣчить царя, заперся, не желая помочь ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200 рублей или 400 рейхсталеровъ и 18-ю душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ наказомъ, чтобы отнюдь не смѣлъ мстить своей женѣ. Эти супруги послѣ того жили уже въ добромъ согласіи. Въ прежнее время по такого рода злымъ и ложнымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленія государя, виновнаго тотчасъ же, безъ всякихъ допросовъ, доказательствъ и оправ.

даній, подвергали наказанію и отправляли въ ссылку, или даже казнили смертью, и не только низшаго званія людей, но часто и высшихъ сословій, чужестранцевъ или своихъ — все равно. Когда же наконецъ дознали, что большею частью обвиненія эти и доносы безстыдно дѣлались, безъ всякаго основанія и единственно только изъ ненависти и вражды другъ къ другу, то правительство русское рѣшилось поступать въ такихъ случаяхъ осторожнѣе, и постановило, чтобы впредь, въ уголовныхъ дѣлахъ, обвинители и доносчики, для подкрѣпленія и утвержденія своихъ обвиненій, прежде всего сами подвергались пыткамъ. Если на пыткахъ доносчикъ остается при первомъ своемъ показаніи и доносѣ, то тогда уже принимаются за обвиняемаго, подвергаютъ также пыткамъ, или же, если обстоятельства дѣла ясны, прямо безъ всякаго дальнѣйшаго суда, приступаютъ къ наказанію.

Русскіе также, особенно тѣ изъ простолюдиновъ, которые вышли въ знатные люди по счастью или по богатству, по какой нибудь службѣ или должности, чрезвычайно высокомерны и горды, что и стараются они выказывать, преимущественно по отношенію къ иностранцамъ, не только какимъ нибудь намекомъ, но и открыто, разными тѣлодвиженіями, словами и дѣйствіями. И такъ какъ всякаго иностранца они считаютъ ниже людей своей земли и видятъ въ немъ нѣчто особенное, то точно также думаютъ, что и ни одинъ государь въ мірѣ не можетъ сравниться съ ихъ великимъ княземъ ни по богатству, могуществу и величію, ни по почету и достоинству. Они не примутъ никакого письма, написаннаго къ царю, если въ немъ сдѣланъ ничтожный пропускъ въ титулѣ, или что нибудь неизвѣстное имъ. По своему высокомерию, русскіе и сами между собою ни въ чемъ не уступаютъ другъ другу, спорятъ за почетнѣйшія мѣста и часто заводятъ о нихъ большія ссоры. Такъ случилось однажды даже въ нашемъ присутствіи въ Нижнемъ-Новгородѣ. Прибылъ туда изъ Москвы осмотрѣть нашъ вновь выстроенный корабль и засвидѣтельствовать свое почтеніе посламъ дворецкій государственнаго канцлера, человекъ весьма почтенный. Вынужденный сѣсть за столомъ подлѣ одного пристава, онъ затѣялъ съ нимъ страшный споръ: бранныя слова были ихъ отборными титулами другъ друга. Дворецкій полагалъ, что онъ, какъ сынъ боярскій или дворянинъ, долженъ сидѣть выше пристава, происходившаго изъ простаго званія людей. Приставъ же, въ свою очередь, опирался на то, что онъ слуга великаго князя, и ему, ради его государя, по праву принадлежитъ высшее мѣсто. Вообще русскій народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами. На улицахъ безпрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другою съ такимъ ожесточеніемъ, что непривыкшій къ этимъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣплятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ, а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо. Не было еще примѣра, чтобы русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это нерѣдко дѣлается въ Германіи и въ другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные русскіе господа и даже князья, выѣзжая на лошадахъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетями. Большой вѣжливости и досточтимыхъ нравовъ у русскихъ нечего искать: достоинства

эти имъ совершенно чужды. Они вовсе не стыдятся, во всеуслышаніе и не щадя ни чьего обонянія, пускать на волю то, что природа требует испустить верхомъ и низомъ послѣ ѣды, и такъ какъ они очень любятъ и ѣдятъ въ изобиліи лукъ и чеснокъ, то для непривычнаго самое присутствіе ихъ невыносимо тягостно. Потягиваться и рыгать вслухъ у нихъ ни-по-чѣмъ, даже на тайномъ представленіи, и, можетъ быть, съ нѣкоторыми случалось это даже противъ ихъ желанія.

Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, не имѣя желанія ознакомиться и съ чуждыми народами и ихъ свойствами, русскіе, весьма естественно, въ своихъ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ вещахъ. Я не говорю, впрочемъ, здѣсь о собраніяхъ самыхъ знатныхъ бояръ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на томъ, къ чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ жизни, а именно: говорятъ о постыдныхъ порокахъ, рассказываютъ всякаго рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболѣе сквернословить и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, сопровождая ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается у нихъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Порокъ пьянства распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадаетъ извозчикъ на такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго, то взвалить его на телегу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить или похмѣлиться, чѣмъ бы то ни было, но большею частью простою водкою. Они считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ или собраніяхъ имъ поднесетъ чарку и болѣе водки, а простой народъ, холопы или крестьяне, такъ цѣнятъ такую честь, что если какой нибудь знатный бояринъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3 и 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить изъ опасенія оскорбить отказомъ, до тѣхъ поръ, пока не свалятся на мѣстѣ, причемъ иногда отдають тутъ и душу Богу, какъ это случилось однажды, въ нашу бытность въ Россіи, когда служащіе въ посольствѣ нашемъ угощали и неотступно просили русскихъ выпить еще. И не только простой народъ, но и знатные бояре, даже царскіе великіе послы, обязанные строго блюсти и поддерживать въ чужихъ странахъ высокое достоинство своего государя, тоже не знаютъ никакой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и если только напитки эти придутся по вкусу, то они льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряють человѣческій смыслъ, а иногда до смерти опиваются. Такой случай былъ съ однимъ великимъ русскимъ посланникомъ, отправленнымъ въ 1608 г. къ шведскому королю Карлу IX. Не смотря на предостереженіе о томъ, что предлагаемая ему водка была весьма крѣпкая, посолъ этотъ напился ея до того, что въ тотъ день, когда ему слѣдовало представиться, его нашли мертвымъ въ его постели. Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находились открытые питейные дома, или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и пилъ за свои деньги водку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что зарабаты-

валъ, приносилъ въ кабакъ и такъ крѣпко засаживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ее продавцу за водку, а затѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой. Съ недавняго времени, впрочемъ, всѣ эти общественные кабаки, принадлежавшіе частью царю, частью боярамъ, уничтожены, такъ какъ они отвлекаютъ народъ отъ работы и способствуютъ ему пропивать послѣднюю заработанную копѣйку; теперь никто уже не можетъ получить водки въ розницу на двѣ, на три копѣйки, на шиллингъ или грошъ: вмѣсто кабаковъ, теперь одинъ лишь царь отъ себя содержитъ въ каждомъ городѣ такъ-называемый кружечный дворъ или домъ, изъ котораго отпускается водка только цѣлыми кружками или штофами, и для продажи въ немъ водки приставлены особые присяжные люди, которые ежегодно доставляютъ въ царскую казну неизмѣнное число денегъ отъ такой продажи вина. Но отъ такого распоряженія повседневное пьянство мало уменьшилось, ибо нѣсколько сосѣдей складываются вмѣстѣ, покупаютъ себѣ штофъ и болѣе водки и не расстаются, пока не опорожняютъ посуды, причемъ часто тутъ же и свалются другъ подлѣ друга. Нѣкоторые-же покупаютъ водку разомъ по большому количеству и тайно распродаютъ ее по чаркамъ. Поэтому хотя теперь не видно уже такого множества догола пропившихся, но все-таки немного меньше прежняго встрѣчается пьянаго народу, шатающагося и валяющагося по улицамъ. Женщины также вовсе не считаютъ за стыдъ напиваться до пьяна и валяться пьяными на дорогѣ подлѣ мужей своихъ. Я сказалъ уже, что духовныя особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, такъ же какъ и міряне и крестьяне, часто встрѣчаются пьяные. Хотя ни въ одномъ монастырѣ не держится вина, водки, меду или крѣпкаго пива, и только употребляется квасъ, но монахи пользуются свободой въ этомъ случаѣ, когда выходятъ изъ монастыря и посѣщаютъ своихъ добрыхъ пріятелей, причемъ не ограничиваются тѣмъ, что сильно выпиваютъ въ гостяхъ, а требуютъ также, чтобы напитки отпустили съ ними домой, и часто они такъ напиваются, что только и можно по одеждѣ отличить ихъ отъ пьяныхъ мірянъ. Такъ какъ подобныя зрѣлища повторяются ежедневно, то никто изъ русскихъ не обращаетъ на это никакого вниманія.

Русскіе—большіе любители также табаку, и за нѣсколько лѣтъ передъ симъ каждый изъ нихъ носилъ табакъ при себѣ, такъ что простой и бѣдный человекъ копѣйку свою скорѣе отдастъ на табакъ, чѣмъ на хлѣбъ. Когда же увидали, что людямъ отъ табаку не только нѣтъ никакой пользы, но дѣлается, напротивъ, видимый вредъ (ибо при употребленіи табаку у всякаго человека, особенно же у прислуги и рабовъ, пропадаетъ много рабочаго времени; притомъ, по неосторожности съ огнемъ и искрами отъ куренія, много домовъ дѣлается жертвою пламени; наконецъ, дурной запахъ отъ табаку, который не проходитъ и тогда, когда народъ собирается на богослуженіе въ церкви, и стоитъ тамъ передъ образами, окуриваемыми только благовоніями и ладномъ), то это было причиною, что великій князь, посовѣтовавшись съ патріархомъ, совершенно воспретилъ торговлю и употребленіе табаку, вмѣстѣ съ частною продажей водки и пива. Виновныхъ противъ этого запрещенія строго наказываютъ: выдергиваютъ имъ ноздри и всенародно сѣкутъ розгами, какъ это видѣли мы сами.

Такъ какъ русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для

рабства, то ихъ и держать всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняють палками или плетью, къ какому обращенію они довольно терпѣливы, потому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе, и они привыкли къ этому. У нихъ ужъ такой обычай и образъ унижаться передъ другими и выказывать свое рабское униженіе: когда имѣютъ дѣло съ какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняють низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ и такимъ образомъ благодарять даже за побои и наказанія, которыми онъ подвергаетъ ихъ. Подобно тому, какъ всѣ подданные, высшаго и низшаго состоянія, считаются холопами, рабами и крѣпостными царя и дорожатъ этимъ названіемъ, такъ и бояре русскіе и знатные ихъ люди, въ свою очередь, имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ слугъ и крестьянъ. Князья и великіе бояре, чтобы выразить свое рабство и ничтожество передъ царемъ, между прочимъ, въ подписяхъ на просьбахъ своихъ и другихъ бумагахъ къ царю, подписываютъ обыкновенно имена свои уменьшительными словами, какъ напримѣръ: Ивашка вмѣсто Иванъ, Петрушка холопъ твой и т. п. Самъ великій князь, когда разговариваетъ съ кѣмъ, употребляетъ такіа же уменьшительныя имена. Случается также, что великіе бояре, за преступленія свои, подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какимъ подвергаютъ они своихъ собственныхъ рабовъ. Вслѣдствіе всего этого они говорятъ даже, что все, что они имѣютъ, принадлежитъ Богу и ихъ великому князю. Иностранцы, состоящіе на службѣ, также должны унижаться передъ царемъ и всегда быть готовы исполнить его приказанія, нравятся или не нравятся они имъ. И хотя царь обыкновенно милостиво обходится съ знатнѣйшими людьми, но эти послѣдніе легко могутъ потерять это обращеніе и заслужить его немилость. Въ прежнее время было весьма опасно состоять придворнымъ врачомъ при великомъ князѣ: если данное имъ лѣкарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ царя, или если больной умиралъ, не смотря на лѣченіе, тогда врачъ впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ поступали какъ съ рабомъ.

Русскіе строго повинуются своимъ господамъ и военнoначальникамъ, вѣрно и крѣпко стоятъ за нихъ, и если бы у нихъ были опытные чужеземные полковники и вожди (а въ этомъ-то у нихъ и большой недостатокъ), то они способны оказать подвиги великой храбрости и богатырскаго духа, хотя болѣе въ крѣпостяхъ и городахъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ.

Въ битвахъ на открытомъ полѣ, въ садахъ городовъ и крѣпостей, русскіе не такъ храбры и стойки. То, что въ прошломъ году русскіе взяли городъ Смоленскъ, имѣя войска болѣе 200,000 человекъ, такъ же мало можетъ свидѣтельствовать о ихъ храбрости, какъ и то, что въ 1632 г. они съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ должны были отступить отъ него, и оба эти случая не доблестны для русскихъ, хотя оба раза не обошлось безъ подозрѣнія въ измѣнѣ.

Хотя русскіе, особенно простой народъ, живя въ рабствѣ и подъ жестокимъ гнетомъ, изъ любви къ господамъ своимъ, могутъ сносить и вытерпѣвать весьма многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, то про нихъ можно сказать: «*Patientia saepe laesa fit tandem furor*». Тогда въ нихъ возбуждается опасное возстаніе, которое грозитъ гибелью, если не вышшему, то ближайшему ихъ начальству. Такъ бываетъ, напримѣръ,

тогда, когда ихъ черезчуръ уже притѣсняють ихъ непосредственные начальники, или даже люди изъ ихъ же среды, и они не видятъ защиты отъ выспяго начальства. Если же однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то не легко бываетъ усмирить ихъ. Тогда они пренебрегаютъ всѣми, предстоящими имъ, опасностями, становятся способны на всякое насиліе и жестокость, дѣлаются совершенно безумными людьми. Это хорошо извѣдалъ бывшій великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, а именно: когда русское войско возвратилось изъ бѣдственнаго похода подъ Смоленскъ, то оно крѣпко жаловалось на измѣну своего генерала Шеина; когда же жалобы войска не уважили и поступили было строго съ жалующимися, тогда вспыхнуло всеобщее возстаніе, для утишенія котораго великій князь вынужденъ былъ обѣщать, что, для удовлетворенія народа, онъ прикажетъ казнить Шеина. Для того же, чтобы Шеинъ, безъ вреда другимъ, охотнѣе согласился на такое распоряженіе великаго князя, употреблена была слѣдующая хитрость: ему дано знать, что онъ только для виду будетъ выведенъ на мѣсто казни, но казненъ не будетъ; нужно только, чтобы народъ видѣлъ волю царя, и когда Шеинъ ляжетъ на плаху, тотчасъ же прислано будетъ на мѣсто ходатайство, по которому послѣдуетъ помилованіе, чѣмъ простой народъ и удовлетворяется. Успокоясь этой доброй надеждой (еще болѣе укрѣпленной увѣреніями патриарха, къ которому генералъ питалъ особое довѣріе по нѣкоторымъ причинамъ), Шеинъ явился на мѣсто казни, легъ ничкомъ на землю, но въ то же время данъ былъ знакъ палачу рубить скорѣе, что палачъ и исполнилъ, и голова Шеина, окровавленная и пораженная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, покатила прочь отъ туловища. Затѣмъ, въ тотъ же день, сынъ Шеина, который также былъ подъ Смоленскомъ, по требованію народа, былъ, по ихъ обыкновенію, засѣченъ на смерть кнутомъ. Остальные пріатели Шеина сосланы были немедленно въ Сибирь; тогда только народъ удовольствовался, и возстаніе утихло. Случилось это въ іюнѣ 1633 года.

СІХ. УМСТВЕННО-ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

(Изъ «Исторіи Россіи» Соловьева).

Обличенія нравственной несостоятельности общества не могли произвести непосредственнаго добраго вліянія, ибо не могли вдругъ отстраниться тѣ условія, которыя ее производили. Главныя условія были: застой, коснѣніе, узкость горизонта, малочисленность интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ человѣку необходимый отдыхъ, необходимый праздникъ, уравниваютъ его силы, восстанавливаютъ ихъ, однимъ словомъ—недостатокъ просвѣщенія. Отсутствие пищи для духа условливало необходимо господство матеріальныхъ стремленій, матеріальныхъ взглядовъ. Церковь обличала эти стремленія и взгляды, требовала ихъ измѣненія. Но обличенія и требованія оказывались неэффективными; церковь старалась внушить, что бракъ еста таинство, къ которому должно приступать съ благоговѣніемъ; но общество смотрѣло на него другимъ

взглядомъ и выражало этотъ взглядъ въ «нелѣпныхъ козлогласованіяхъ и безстыдныхъ словесахъ», съ которыми провожали жениха и невѣсту въ церковь. Иностранцы съ изумленіемъ описываютъ обычай мужчинамъ и женщинамъ мыться вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ; церковь вооружалась и противъ него, но обычай оставался надолго; онъ всего лучше объясняетъ намъ реакцію, которая высказалась въ заключеніи женщины въ теремъ у людей знатныхъ и богатыхъ; одно явленіе необходимо вызывало другое. Благочестивый Алексѣй Михайловичъ считалъ своею обязанностью заботиться и о душевномъ спасеніи подданныхъ: онъ требовалъ отъ воеводъ, чтобъ они въ походахъ силою заставляли ратныхъ людей исповѣдываться; было разослано по приказамъ повелѣніе: дьякамъ, подъячимъ и дѣтямъ боярскимъ и всякаго чина людямъ говѣть на страстной недѣлѣ. Потомъ опять указъ; списки людей не говѣвшихъ присылать въ Монастырскій приказъ, и такимъ ослушникамъ указъ будетъ съ опалою, безо всякой пощады. Еще въ началѣ царствованія изданъ былъ указъ: въ воскресный день и господскіе праздники не работать никому, въ субботу прекращать работу, какъ заблаговѣстятъ къ вечернѣ. Не работать, но что же дѣлать? Привѣтство, которое брало на себя родительскія обязанности въ отношеніи къ подданнымъ-дѣтямъ запретило цѣлый рядъ увеселеній и повсемѣстныхъ суевѣрныхъ обычаевъ: «Въ воскресные, господскіе праздники и великихъ святыхъ приходитъ въ церковь и стоять смирно, скомороховъ и ворожей въ дома къ себѣ не призывать, въ первый день луны не смотрѣть, въ громъ на рѣкахъ и озерахъ не купаться, съ серебра не умываться, олова и воску не лить, зернью, картами, шахматами и лодыгами не играть, медвѣдей не водить и съ сучками не плясать, на баркахъ пѣсень бѣсовскихъ не пѣть и никакихъ срамныхъ словъ не говорить, кулачныхъ боевъ не дѣлать, на качеляхъ не качаться, на доскахъ не скакать, личинъ на себѣ не надѣвать, кобылокъ бѣсовскихъ не наряжать. Если не послушаются, бить батогами; домы, сурны, гудки, гусли и хари искать и жечь». Такимъ образомъ въ обществѣ, въ которомъ, по извѣстнымъ причинамъ, господствовало открыто стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, правительство предписывало монастырское препровожденіе праздниковъ, дней отдыха. Батоги грозили одинаково и тому, кто пѣлъ на свадьбѣ непристойныя пѣсни, и тому, кто водилъ медвѣдей. Угрозы были на бумагѣ только. Вмѣстѣ съ непристойными запрещены были самыя невинныя удовольствія. Но батоги и тюрьма не грозили за порокъ, противъ котораго слышались сильные вопли, которому всѣ предавались: наказанія не было за пьянство. Пьянство, господствовавшее въ древней Руси, всего лучше показываетъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣемъ дѣло: человѣку для возстановленія, уравновѣшенія силъ своихъ необходимо покидать иногда будничныя, ежедневныя занятія и переноситься въ иной міръ, перемѣнять занятія и состояніе духа. Для человѣка образованнаго, для котораго открыто широкое многообразіе Божьяго міра и человѣческой дѣятельности, эти переходы легки и естественны; но у человѣка, замкнутого постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами, виномъ и опіумомъ или чѣмъ-нибудь другимъ, переходить въ иное возбужденное состояніе, производить искусственное веселое, праздничное состояніе духа, переноситься въ другой, фантастическій міръ, забываться. Главное зло для подобнаго

общества заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ и тѣмъ, что превосходяо выражаетъ слово образованіе. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному, и что же удивительнаго, что онъ является предъ обществомъ преимущественно, какъ физическое существо. Быть можетъ, скажутъ, что и въ старину, до эпохи преобразованія, русскіе люди учили дѣтей своихъ, и между старинными русскими людьми были люди грамотные, начитанные. Безспорно, что нѣкоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, за то были неграмотные между знатью, и это всего яснѣе указываетъ на случайность явленія. Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе-ли, чему и какъ учились? Давно начались толки о необходимости завести училище, гдѣ бы учили не читать и писать только, но не ранѣе конца XVII-го вѣка собрались учредить такое училище; главнымъ препятствіемъ дѣлу былъ недостатокъ учителей, опасеніе, чтобъ не взять учителей неправославныхъ. До учрежденія академіи русскій человѣкъ, хотѣвшій учить дѣтей своихъ, бралъ въ домъ учителя, какого-нибудь западно-русскаго шляхича; но многіе-ли богачи-вельможи это дѣлали? Да и примѣры эти относятся ко времени передъ самымъ преобразованіемъ; люди, воспитанные такимъ образомъ, дѣйствуютъ уже въ Петровскую эпоху; людямъ небогатымъ и незнатнымъ, но хотѣвшимъ выучить дѣтей своихъ грамотѣ, оставалось посылать ихъ въ школу, содержимую какимъ-нибудь учителемъ. Здѣсь учили читать и писать, кромѣ того добросовѣстный учитель прочитывалъ передъ учениками такъ-называемые *азбуковники*, сборники, содержащіе наставленія, какъ ученики должны держать себя въ школѣ, также высокопарныя опредѣленія разныхъ наукъ или мудростей, иногда и самое содержаніе наукъ, грамматики, риторики. Школу азбуковники называютъ *храмомъ учителеймъ*, и этимъ всего лучше опредѣляютъ старинную школу; хорошо также уясняетъ дѣло наставленіе азбуковниковъ, чтобъ ученики, уходя домой, не оставляли указы въ книгѣ и не бросали книгъ на скамейкахъ, а отдавали-бы ихъ старостѣ или старшему, который долженъ прибирать ихъ на мѣсто. Ученики обязаны были, по азбуковникамъ, носить въ школу воду, къ учителю въ день недѣльный на поклонъ приходить, отъ свѣднхъ брашенъ и питія ему приносить. Азбуковникъ, дававшій нѣсколько свѣдѣній, былъ роскошью, дополненіемъ къ обычному курсу, т. е. Часослову и Псалтырю, добрый учитель прочитывалъ ежедневно статьи его предъ учениками; но и эти поверхностные учебники, заключавшіе въ себѣ всѣ школьную мудрость, являются поздно. Главное и постоянное было—выучиться читать и писать, чтобъ имѣть возможность *заниматься дѣлами*. Авторы азбуковниковъ знали очень хорошо эту цѣль учащихся, т. е. родителей ихъ, и привлекаютъ къ изученію азбуки, Часослова и Псалтыря обѣщаніемъ, что послѣ этого изученія ученику откроются всѣ книги печатанныя и письменныя «и всякія дѣла и крѣпости, откуда вразумляются и вчиневаются, и чѣмъ устрояются». Какъ рано, относительно образованія, молодые люди въ старину вступали въ жизнь и на службу, видно изъ того, что сынъ одного изъ самыхъ образованныхъ тогдашнихъ вельможъ, князя Василія Васильевича Голицына, Алексѣй, уже ѣздилъ въ походы за государемъ, по-

давалъ челобитныя о земляхъ, и въ то же самое время только начиналъ склады писать. Съ одной стороны, древній русскій человекъ начинать общественную дѣятельность недоноскомъ относительно приготовленія, образованія, съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что, вмѣсто широкой нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, *старыхъ родителей* (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человека возмужалаго, который самъ былъ отцомъ семейства. Такимъ образомъ два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго русскаго человека: отсутствіе образованія, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека, необходимая, впрочемъ, потому, что, во-первыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтенъ, а во-вторыхъ, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что, впрочемъ, нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и самодурства. Замѣчено, что особенно даютъ чувствовать свою силу низшимъ, слабымъ тѣмъ, которые сами находятся или долго находились подъ гнетомъ чужой силы. Дѣти бываютъ безжалостны въ отношеніи къ пойманной стрекозѣ, къ собакамъ, кошкамъ; рабъ безжалостенъ къ подчиненному ему рабу или животному. Естественное влеченіе упражнять свою силу надъ слабымъ господствуетъ, если не сдерживается нравственными сдержками, и если виденъ ежедневный примѣръ несдержанности. Отсюда понятно, почему отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ въ древнемъ русскомъ обществѣ не отличались особенною мягкостью.

Кромѣ неправильности и грубости семейныхъ отношеній, вредное вліяніе на народную нравственность оказывали дѣла насилія, совершавшіяся въ обширныхъ размѣрахъ: человекъ привыкалъ къ случаямъ насилій, грабежа, смертоубійства, привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него болѣе не ужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную: и легко понять, какъ вслѣдствіе этого ослаблялось въ немъ сознаніе общественной связи, онъ привыкалъ жить въ лѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому. Жизнь въ самой столицѣ не представляла безопасности. На западѣ въ средніе вѣка завидитъ путникъ замокъ, возвышающійся на скалѣ, и трепещетъ; это разбойничье гнѣздо; въ Москвѣ въ XVII в. тѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ; тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому, чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или окольничій, нападалъ на прохожаго и пограбилъ его, но у этого знатнаго боярина или окольничаго нѣсколько сотъ дворни, праздною и дурно содержимой, привыкшей кормиться насчетъ каждаго встрѣчнаго, будь это проситель къ боярину или просто прохожій. Люди боярина Ромодановскаго позвали съ товарами старосту Серебрянаго рада къ себѣ на загородный дворъ и убили до смерти; они повинились сверхъ того въ убійствѣ 20 человекъ и говорили на свою братію, дворовыхъ людей. Такъ было въ Москвѣ и около Москвы; что же подальше? Но русскій человекъ XVII в. былъ робокъ, чувствовалъ себя небезопаснымъ вслѣдствіе не однихъ разбоевъ: онъ окружонъ былъ опасностями другаго рода, отъ которыхъ не было

возможности защититься никакимъ оружіемъ. Вотъ такая, напримѣръ, бѣда постигла жителей города Шуи: «Привѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу Смоленской Богородицы изъ многихъ городовъ и уѣздовъ, мужскій, женскій и дѣвичій полъ, привозятъ одержимыхъ нечистыми духами, и страждущіе въ молебное время метаются всякими различными кознодѣйствами и кличутъ на уѣздныхъ людей, что ихъ портятъ: кликали Ирина Маурина на Ѳедьку Якимова, и по царскому указу Якимовъ взять въ Суздаль и кончился злою смертію». Принимались мѣры противъ порчи, для отпуска свадѣбы приглашался знающій человѣкъ, который умѣлъ отвратить всякое лихо, но и это не помогало. Подобныя явленія имѣли одинакую силу и въ верхнихъ слояхъ общества. При царѣ Михаилѣ на столыника Илью Даниловича Милославскаго подкинули письмо, будто у него хранится волшебный перстень. Милославскаго долго держали за приставомъ, пересматривали всѣ пожитки. При царѣ Алексѣѣ обвиненъ былъ въ волшебствѣ родственникъ царскій Стрѣшневъ, и это обвиненіе не прошло ему даромъ: у него отняли боярство, и сослали въ Вологду. Подкинуты были письма и на Матвѣева съ обвиненіями въ волшебствѣ, изъ желанія помѣшать браку царя Алексѣя на воспитанницѣ Матвѣева Нарышкиной.

Въ то время, когда русское общество начинало сознавать необходимость новаго пути, но сильно колебалось при этомъ, далеко не сознавая, какъ идти по этому новому пути, является ученый сербъ, горячій славянскій патріотъ, который съ молодости удрученъ скорбью о печальной участи славянскихъ народовъ и въ русскомъ царѣ видитъ единственнаго славянскаго государя, могущаго подать руку помощи всѣмъ остальнымъ соплеменнымъ народамъ: «Тебе, пречестной царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ; ты, какъ отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей. Ты одинъ, о царь, данъ намъ отъ Бога, да пособишь задунайцамъ, ляхамъ и чехамъ: да познаютъ свое притѣсненіе отъ чужихъ, свой позоръ, и начнутъ промышлять о просвѣщеніи народа и сбросятъ съ шеи нѣмецкое ярмо. Задунайскіе славяне (болгары, сербы и хорваты) уже давно сгубили и государство свое. и всю силу, и языкъ, и весь разумъ: не разумѣютъ, что такое честь народная, не думаютъ о ней и сами себѣ никакъ не могутъ помочь: вѣшняя сила имъ надобна, чтобы поставить ихъ опять на ноги и включить въ число народовъ. Если ты, царь, не можешь въ настоящее трудное время пособить имъ, государство ихъ привести въ прежнее состояніе и устроить, то по крайней мѣрѣ можешь языкъ славянскій въ книгахъ исправить и пригодными, разумными книгами этимъ людямъ умныя очи открыть, да начнутъ познавать честь народную и думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а недавно ляхи, впали въ одинаковое съ задунайцами окаянство. Ибо хотя ляхи и хвастаютъ обманчивою тѣнью государства и своимъ своевољствомъ, однако дѣло извѣстное, что сами они не могутъ избавиться отъ своихъ бѣдъ и позора. Помочь имъ и дать имъ народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко». Онъ начертываетъ далѣе печальную картину состоянія Россіи, требуетъ важныхъ преобразованій, требуетъ науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, старается возбудить самую сильную недовѣрчивость, ненависть къ людямъ, отъ которыхъ можно было заимствовать науку, средства къ выводу Россіи изъ ея печальнаго состоянія, къ иностранцамъ, къ нѣмцамъ, какъ прирожденнымъ врагамъ

славянъ. Понятно, что по этому самому преобразовательный планъ Крижанича въ основной мысли своей былъ неудобноисполнимъ—общая участь плановъ, проектовъ, конституцій, составляемыхъ теоретиками въ кабинетахъ, безъ соображенія съ историческими законами жизни народовъ. Не смотря на то, сочиненіе Крижанича для насъ очень важно: оно дополняетъ и подтверждаетъ наши свѣдѣнія о Россіи передъ эпохою преобразования, и во многихъ случаяхъ объясняетъ намъ тѣ пути, по которымъ дѣйствительно пошла преобразовательная дѣятельность. Книга Крижанича была на Верху у великаго государя, слѣдовательно, есть основаніе предполагать, что она не оставалась безъ вліянія.

Если книга Крижанича имѣла вліяніе, то прежде всего должна была въ читавшихъ ее окончательно уничтожить китаизмъ, высокое мнѣніе о самихъ себѣ и презрѣніе къ другимъ народамъ, прояснить сознаніе о собственныхъ недостаткахъ, о преимуществахъ другихъ народовъ и этимъ подвинуть къ перемѣнамъ, которыя естественно должны были прежде всего высказаться въ подражаніи. «Главный вредъ для общаго блага происходитъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ, когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми». Русскихъ людей тяготила страшная бѣдность: Крижаничъ указываетъ на богатѣйшія западныя государства, указываетъ и на то, почему они такъ богаты: Англія и Нидерланды потому богаты, что тамъ разумы у народа хитры, морскія пристанища и торги отличныя, пѣтеть всякое ремесло, земледѣліе и обширная морская торговля; еще славнѣе и счастливѣе бываетъ государство, когда въ немъ при этомъ и законы хороши, какъ, напримѣръ, во Франціи. А Россія? При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ, она со всѣхъ сторонъ заперта для торговли, мало въ ней торговыхъ городовъ, нѣтъ дорогихъ произведеній: умы народа тупы и косны, нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; русскіе, поляки и всѣ славяне не умѣютъ вести дальнюю торговлю ни сухимъ путемъ, ни по морю; купцы русскіе не учатся даже ариметикѣ, оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русский человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; книгъ у него никакихъ нѣтъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышленъ, самъ себѣ не хочетъ добра сдѣлать, если силою не будетъ принужденъ; языкъ его бѣденъ, бѣднѣе всѣхъ главныхъ европейскихъ языковъ, потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны; чего не можемъ словомъ сказать, того не можемъ и дуемою замыслить; исторіи русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ, и потому иностранцы его презираютъ. Въ покрофѣ платья высказывается разумъ народа: русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами, особенно нерасчесанные волосы и борода, стриженная голова дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то лѣсовиками. Ъдимъ мы нечисто, деньги прячемъ въ ротъ; мужикъ держитъ полную братину и пальцы въ ней окунуты: такъ и гостю подаетъ; квасъ подается поганю, посуда не моется. Датскій король сказалъ о нашихъ послыхъ: «Если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ: потому что гдѣ они постоятъ, тамъ погода никто не можетъ жить отъ смрада». Немнѣе изъясняется, лѣнь, пьянство и расточительность—главные наши природныя свойства; отъ расточительности происходитъ жестокость отно-

сительно подчиненных. У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія, не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ. Турки и татары, хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить. но обороняются до послѣдняго издыханія. А наши ратные люди, когда побѣгутъ, то уже не оборотятся, но дадутъ себя съѣсть, какъ мертвые. Великое наше народное несчастье — неумѣренность во власти: не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но все по окраинамъ и пропастямъ блуждаютъ. То у насъ правительство въ конецъ распущено, господствуетъ своеволие, безнарядье, то уже черезчуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распутнаго государства, какъ польское, и нѣтъ такого крутаго правительства, какъ въ Россіи. Расплодился въ русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными. А отчего все это происходитъ? Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываясь отъ огромной толпы правителей или палачей. А сами эти цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ, какъ должно, исполнять своихъ обязанностей, нужда заставляетъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ. Такимъ образомъ люди, привыкшіе все дѣлать тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы на войнѣ, дѣлаются склонны, ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистотѣ; не умѣютъ они цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми. Первый вопросъ, съ которымъ обращаются къ незнакомому человѣку: есть ли у тебя жена? Второй: сколько получаешь царскаго жалованья. Сколько у тебя имѣнія? Не стыдятся купаться передъ всѣмъ народомъ. Если они въ комъ нибудь нуждаются, то не знаютъ мѣры униженію. Итальянцы, испанцы, турки бережливы и трезвы; нѣмцы бережливы, но большіе пьяницы; всѣ славяне расточительны и любятъ попировать; однако ни у нѣмцевъ, ни у остальныхъ славянъ, нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной Россіи, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, многіе отъ пьянства умираютъ. У турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію. Эти невѣрные не менѣе насъ грѣшатъ, но они соблюдаютъ стыдливость: никто у нихъ не промолвится о грѣхѣ, не станетъ имъ хвастаться, ни упрекать другаго. Въ Россіи же о гнусномъ грѣхѣ говорятъ въ шутку. Необходимо употребить какія нибудь средства, чтобы поднять стыдливость, общественную трезвость, правосудіе противъ чиновниковъ, о которыхъ говоритъ Исаія: «Начальники твои сообщники воровъ». Такую-то печальную картину народнаго банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи очерчиваетъ намъ славянскій патріотъ, котораго нельзя заподозрить въ равнодушіи или злорадствѣ относительно Россіи. Онъ писалъ не для того только, чтобы обличать: при обличеніи онъ предлагаетъ средство къ исправленію зла. Первое, главное средство—наука, окруженіе себя мертвыми совѣтниками, книгами, ибо между живыми людьми мало добрыхъ совѣтниковъ. «Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому не

надобно учиться мудрости. Отвѣчай: ереси начинаются и между неучеными людьми. Магометъ былъ не мудрецъ, крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь самую распространенную на свѣтѣ. А на Руси ересь стала развѣ не отъ глупыхъ мужиковъ? Мудростью ереси искореняются, вслѣдствіе новѣжества пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе люди, но безъ нихъ и жить нельзя: точно такъ-же и мудрость потребна людямъ».

Но Крижаничъ не довольствуется распространеніемъ просвѣщенія, какъ единственнымъ средствомъ излѣченія язвъ Россіи. Онъ предлагаетъ и другіе средства, и въ нихъ указываетъ тотъ путь, какимъ дѣйствительно пошло преобразование. «Въ Россіи полное самодержавіе, говоритъ онъ; повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное. Такимъ образомъ преобразование должно идти сверху, отъ самодержавной власти: русскіе сами себѣ не захотятъ добра сдѣлать, если не будутъ принуждены къ тому силою». Какъ же самодержавный государь начнетъ преобразование? Для поднятія торговли, онъ долженъ запретить имѣть лавку съ товарами тому купцу, который не знаетъ грамотъ и цифири. Для введенія и процвѣтанія ремеслъ нуженъ особый приказъ, который бы ихъ вѣдалъ исключительно; нужно перевести на русскій языкъ сочиненія о ремеслахъ, перевести книги о земледѣліи; нѣжно вызвать отличныхъ ремесленниковъ изъ-за границы съ правомъ свободного возвращенія домой, но не прежде, какъ выучатъ русскихъ молодыхъ людей своему ремеслу; нужно ввести цеховое устройство. Надобно промыслить, чтобъ изъ чужихъ странъ привозился въ Россію сырой матеріалъ, и чтобъ здѣшніе ремесленники обрабатывали его, и заповѣдать накрѣпко, подъ страхомъ казни, вывозить за границу сырье. Царь долженъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю: только такимъ способомъ можно будетъ знать смѣту товарамъ, чтобы не вывозить слишкомъ много нашихъ товаровъ, въ которыхъ нѣтъ избытка, и не привозить чужихъ не нужныхъ. Для увеличенія народонаселенія правительство должно способствовать увеличенію числа браковъ, должно опредѣлить, сколько священникъ долженъ брать за вѣнчаніе, чтобъ бѣднымъ людямъ было не убыточно; правительство должно озаботиться, чтобъ по городамъ и селамъ для новобрачныхъ были готовы дворы, чтобъ бѣдность, неимѣніе гдѣ жить не останавливали браковъ; должно запретить бѣднымъ людямъ истрачиваться на свадебные пиры; дѣвицамъ изъ черни запретить носить богатое платье и украшенія. Авторъ щедръ на сильныя выводы противъ русскаго платья и бороды, упрекаетъ русскихъ, что они въ одеждѣ своей лучше хотятъ подражать азіатскимъ варварамъ, чѣмъ образованнымъ европейцамъ.

Такова преобразовательная программа ученаго серба. Всякому легко можетъ показаться, что Петръ В. въ своей преобразовательной дѣятельности находился подъ вліяніемъ этой программы. Мы далеки отъ мысли предполагать здѣсь непосредственное вліяніе; но сравненіе программы Крижанича съ дѣятельностью Петра очень важно: оно ясно показываетъ, что пути преобразования, избранные Петромъ, не были слѣдствіемъ его личнаго произвола, его личныхъ взглядовъ, а были слѣдствіемъ общихъ взглядовъ тогдашнихъ лучшихъ людей, тогдашнихъ авторитетовъ.

Ученый сербъ пріѣхалъ въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, которое должно было открыть умныя очи всѣмъ славянамъ; но Россія, стремившаяся къ просвѣщенію, прежде всего хотѣла остаться православ-

ном. Ученый сербъ не могъ уразумѣть противорѣчія, какое носилъ въ собственномъ нравственномъ существѣ, будучи славянскимъ патриотомъ и католикомъ. Сосланный въ Сибирь за неправославіе, Крижаничъ написалъ тамъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенному въ немъ состоянію Московскаго государства, объяснявшему такъ хорошо необходимость приближающагося переворота. Въ то-же время московскій подьячій бѣжить за границу и тамъ начертываетъ столь же важное для насъ изображеніе Московскаго государства: то былъ извѣстный Котошихинъ (Кошкинъ). Оба эти явленія одинаково служатъ знаменіями времени.

Но въ то время, когда въ Москвѣ съ разныхъ сторонъ раздавались все громче и громче крики о необходимости переменъ, о необходимости заимствованія науки, искусства и ремесла у другихъ образованнѣйшихъ народовъ, не оставались въ молчаніи люди, которые уперлись противъ новшествъ. Учителя новые столкнулись съ старыми учителями, произошли борьба и расколъ; люди, испуганные движеніемъ, новшествами, завопили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ. О они были правы въ извѣстномъ смыслѣ: старая Россія оканчивалась, начиналась новая.

СХ. ХАРАКТЕРЪ И НАПРАВЛЕНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ДО- ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

(Изъ соч. Пыпина и Спасовича «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» и соч. Щапова: «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа»).

Въ національныхъ понятіяхъ русскихъ XVII вѣка господствовала крайняя нетерпимость и исключительность. Отдѣленные историческими обстоятельствами (напр. татарскимъ игомъ, необходимостью бороться на востокъ и югъ съ татарскими ордами и т. п.) и доброй волей отъ цивилизаціи запада, плохо надѣленные цивилизаціей Византіи, русскіе люди, послѣ паденія Константинополя, считали себя единственными хранителями истинной вѣры и на этомъ основаніи ставили себя выше всякаго народа. Нетерпимость простиралась даже на другія христіанскія религіи, и „латынь“ считалась поганой. Въ этомъ согласны были всѣ разряды общества и народа, за немногими исключеніями людей, знавшихъ иноземную жизнь и судившихъ болѣе безпристрастно. Только восточно и южно-славянское православіе пользовалось извѣстной симпатіей, но и то не вполне, потому что было подъ игомъ и предполагалось утратившимъ должную чистоту. Въ томъ же ограниченномъ смыслѣ развивались политическія и общественныя понятія, въ образованіи которыхъ отразились между прочимъ и предвѣя, наслѣдованныя отъ Византіи, которыя строго подчиняли авторитету личное право и право мысли. Сношенія съ иноземцами были ограничены, и путешествія въ чужія страны формально запрещены закономъ... При такой исключительности, чужія культурныя вліянія были невозможны или ограничивались чисто внѣшними, матеріальными сторонами быта. Умственное развитіе было закрыто или затруднено до послѣдней степени, потому что должно было ограничиваться одними собственными средствами, а эти средства были не велики. Направленіе общественной мысли было исключительно религіозное, считавшее всякую необычную науку зловреднымъ и даже бѣсовскимъ ухищреніемъ разума. Тотъ, кто зналъ „грамматикѹ“, слылъ уже философомъ, т. е. ученымъ. Но и этой учености было мало между своими, и когда наконецъ крайняя необходимость заставила обращаться къ истинному знанію, нужно было вызывать Максима Грека изъ Аеона, западнорусскихъ ученыхъ изъ Кіева. Извѣстно, что и послѣдніе, при всемъ своемъ православіи, внушали Москвѣ недовѣріе... Предоставленное собственнымъ силамъ, общество не въ состояніи было выдти изъ исключительнаго круга понятій, который оно создало и который уже оказывался однако недостаточнымъ. Такова была неудачная попытка собора (1651), постановленія котораго носятъ названіе „Стоглава“. Впослѣдствіи Стоглавъ

сдѣлался только источникомъ новыхъ недоразумѣній и орудіемъ для раскола. Ощущенная нравственность и народный бытъ нашли себѣ выраженіе въ знаменитомъ „Домостроѣ“ попа Сильвестра: эта книга представляетъ любопытный сводъ житейскихъ понятій времени, гдѣ мораль стоитъ на ряду съ домашнимъ хозяйствомъ, и гдѣ бытовыя отношенія заключены въ строго опредѣляемыя формулы, близкія къ китайской неподвижности.

Литература была безсилна помочь этому застою, если только хотѣла оставаться вѣрна своимъ традиціямъ. Движеніе если не заглухло совсѣмъ, совершается крайне медленно. Къ XVII столѣтію размѣры его начинаютъ увеличиваться, появляется книгопечатаніе, грамотность становится обширнѣе, начинаются историческіе труды, замѣняющіе лѣтописи (кн. Курбскій, Авраамій Палицынъ и др.), духовная литература стремится къ нѣкоторой системѣ, но общій характеръ остается тотъ же — повтореніе стараго содержанія и компиляція. Наука попрежнему не имѣетъ мѣста и голоса, въ обществѣ продолжаетъ господствовать упрямое и подозрительное невѣжество, которое наконецъ приводитъ къ матеріальному безсилію, заставляющему обратиться къ иноземной помощи (вызовы иноземцевъ съ XVI вѣка). Таково было положеніе вещей къ XVII столѣтію. Въ это время начинаютъ дѣйствовать новые элементы, которые измѣняютъ прежній порядокъ вещей и, когда несостоятельность древней Руси обнаружилась окончательно, приготавливаютъ реформу Петра. Порядокъ вещей, нами разсказанный, есть исключительно порядокъ московскій. Западная и южная Русь, уже давно отдѣленные литовскимъ завоеваніемъ и связями съ Польшей, жили своей отдѣльной жизнью.

Каково бы ни было само по себѣ кіевское образованіе, оно было, безъ сомнѣнія, гораздо выше московскаго застою потому уже, что схоластика допускала возможность другаго мнѣнія, и споръ противъ него представлялся въ формѣ логическаго вывода. Однимъ словомъ, схоластика была все-таки наукой, особеннымъ независимымъ знаніемъ, и понять это было бы огромнымъ успѣхомъ для Москвы, гдѣ до тѣхъ поръ господствовали, въ вопросахъ о наукѣ, фантастическая привязанность къ старинѣ и исключительный аскетизмъ. Схоластика, хотя и посвященная главнымъ образомъ религіознымъ вопросамъ, незамѣтно вносила совершенно иной порядокъ мыслей, и послѣ знакомства съ схоластикой сближеніе съ европейскими началами было гораздо возможно, чѣмъ прежде. Поэтому сближеніе Москвы съ юго-западной русской литературой было прямымъ подготовленіемъ реформы.

Восточно-византійскіе учителя имѣли огромное вліяніе на развитіе и укорененіе въ древней Россіи нравственно-воспитательнаго начала. Извѣстное сочиненіе Златоуста „Περὶ παιδείας ἀνατροφῆς“, переведенное на церковно-славянскій языкъ, было главнымъ руководительнымъ правиломъ нравственнаго воспитанія дѣтей въ древней Россіи, было догматомъ воспитанія. Главная идея этого ученія — воспитаніе дѣтей въ благовѣрїи, благочестїи и всякой добродѣтели. И нужно сказать, что при первобытной грубости нравовъ русскаго народа, во времена страшнаго господства дикаго произвола и грубой физической силы, нравственно-христіанское ученіе и воспитаніе составляло первую историческую задачу. И византійская нравственно-религіозная система воспитанія въ Россіи всегда неуспѣшно преслѣдовала эту цѣль. Съ этою цѣлью всѣ училища, какія учреждались въ древней Россіи отъ временъ Владиміра до московской Славяно-Греко-Латинской академіи, имѣли собственно не умственно-образовательный, а нравственно-воспитательный характеръ. Всѣ эти училища поставляли своею цѣлью не развитіе умственныхъ способностей, разума мысли, но исключительно внушеніе и установленіе началъ христіанской и свято-отеческой нравственности, на основаніи ученія вѣры. Главные учителя русскаго народа повелѣвали учить не только „словесемъ книжнаго ученія, а и благоправію, правдѣ и любви, и зачалу премудрости — страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію“. Училища устроились вовсе не въ видахъ свѣтскаго научнаго образованія, а единственно въ видахъ духовнаго христіанскаго ученія, и потому въ нихъ не столько преподавались даже „словеса книжнаго ученія“, сколько внушали правила вѣры и нравственности. Вслѣдствіе такого исключительнаго господства нравственно-религіознаго направленія, свѣтскихъ училищъ, которыя бы развивали интеллектуальныя способности, разумъ, мышленіе, вовсе не было. Точно также не было и литературы свѣтской, научно-образовательной. И въ самой духовной литературѣ, нравственно-назидательное и церковно-обрядовое направленіе преобладало во всѣхъ произведеніяхъ, во всѣхъ каноническихъ правилахъ русскихъ пастырей, въ посланіяхъ и отвѣтахъ ихъ на вопросы частныхъ лицъ.

а тѣмъ болѣе въ церковныхъ словахъ и поученіяхъ. Въ церковныхъ поученіяхъ главнымъ образомъ предлагались нравственно-обрядовыя пастыренія, напр. о постѣ вообще и въ частности о филипповомъ, петровомъ, успенскомъ и великомъ, о покаяніи, исповѣди и вѣнчаніяхъ, о недѣлѣ или воскресномъ днѣ, о благопристойномъ празднованіи праздникова, о хожденіи въ церковь и благопристойномъ поведеніи въ ней и т. п.; или же обличались грубые пороки времени подъ общимъ заглавіемъ: „Слово, еже како жити христіанамъ“, или „Слово о спасеніи души“, „Слово душеполезно“, или въ частности: „Слово о лѣнливыхъ и нерадивыхъ“ и т. п. Такихъ вопросовъ догматическихъ или нравственныхъ, которые бы хоть сколько-нибудь вызывали къ дѣятельности теоретическую мыслительность, поученій, въ которыхъ бы рассказывалась, хоть теоретическая, умосозерцательная сторона христіанскаго ученія, въ древне-русской литературѣ мы вовсе не встрѣчаемъ. Даже въ области вѣроученія и правоученія, нравственно-поучительное начало преобладало надъ догматико-теоретическимъ. Когда касалось дѣло догматическаго ученія вѣры, то духовные русскіе учителя считали вполне достаточнымъ сказать въ двухъ-трехъ словахъ въ началѣ своего нравственно-обрядоваго или нравственно-назидательнаго поученія о вѣрѣ въ св. Троицу, въ жизнь вѣчную и пр. болѣею частью такъ: „Прежде всего, братіе, вотъ какую заповѣдь всѣ мы, христіане, должны содержать: вѣровать въ единого Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца, и Сына, и Св. Духа, какъ научили апостолы и утвердили св. отцы: вѣрую во единого Бога (до конца)“, вотъ и все ученіе вѣры, а затѣмъ начиналось потребное нравственно-назидательное поученіе. Если же кто хотѣлъ подробнѣе знать догматическое ученіе, въ такомъ случаѣ вполне довольствовались не обширными догматическими системами, а самыми простыми, такъ сказать, элементарными поученіями св. отцовъ, въ родѣ краткихъ катихизисовъ, или „начатковъ“, каковы, напр., краткіе вопросы и отвѣты о Троицѣ Кирилла Александрійскаго и изъясненіе о вѣрѣ вкратцѣ св. Максима. „еже вопрошати и отвѣчати всякому православному христіанину“. Мысль русская вполне жила вѣрою и не требовала никакихъ доказательствъ въ истинности догматовъ, не требовала этой, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, теологической учености. Вѣра вполне преобладала надъ мыслью, нравственное начало надъ разумомъ. Вмѣсто философіи и наукъ, заповѣдывалось учиться только смиренномудрію, и книгамъ благодатнаго закона. Въ тѣ времена учили: „Братіе, не высокоумствуйте, но въ смиреніи пребывайте, посему же и прочая разумывайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: аллигскихъ борзостей не текоть, ни риторскихъ астрономовъ не читають, ни съ мудрыми философы не бывають, учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“. При отсутствіи свѣтскихъ научно-образовательныхъ училищъ и свѣтской научно-образовательной литературы, развитіе научно-теоретической мыслительности вовсе не было мыслимо. Поэтому умы русскіе, вполне воспитанные въ правилахъ вѣры и смиренномудрія, какъ выражались въ XVII в., вовсе не любили и не способны были отвлеченно мыслить и посвящать мысль другимъ предметамъ, кромѣ вѣры и правоученія. Слѣдовательно, не только не было и зачатковъ мысли пытливой и критической, но и проповѣдывалось безмысліе, смиренномудріе ума, и, по выраженію Симеона Полоцкаго, крайне „мелокъ былъ и грамматическій разумъ“.

Вѣковое господство одной неосмысленной знаніемъ вѣры, безъ развитія умственныхъ способностей, разума и мысли, породило въ необразованномъ народѣ бессмысленную склонность къ религіознымъ спорамъ, къ богословствованію и множество вредныхъ для его интеллектуальнаго развитія суевѣрій, предразсудковъ, сектъ раскольниковыхъ и т. п. Сами учителя вѣры сознавали и видѣли на опытѣ, что умственная неразвитость, или, по ихъ выраженію, скудость ума, вредила и благочестію, порождала расколъ. „Мнози отъ благочестивыхъ, говорилъ патріархъ Іоакимъ, за скудостью ума своего, послѣдовали расколу“. Тогда какъ на западѣ, во времена даже схоластики и мистики, мысль изощрялась во всеобщей самодѣятельности мышленія, напр., въ спорахъ философскихъ школъ номиналистовъ и реалистовъ, у насъ мыслительность народная всецѣло была эксплуатирована византійскимъ догматизмомъ. За предѣлами народнаго рабочаго сенсуализма и эмпиризма, для нея не было другой чисто умозрительной, теоретической сферы, кромѣ византійскаго теологическаго и мистическаго умосозерцанія. Вѣковое исключительное развитіе чувственно-образнаго, религіозно-нравственнаго умонастроенія, вѣковое преобладаніе теологическаго направленія умовъ, при совершенномъ отсутствіи разсудочнаго

развитія и научно-раціональнаго умонастроенія, породило даже и въ простомъ народѣ самый грубый и невѣжественный теологизмъ. Наконецъ, главная и всецѣлая задача восточно-византійской доктрины состояла въ умственномъ воспитаніи русскаго народа въ духѣ православнаго востока и въ отчужденіи отъ латинскаго и потомъ „лютторскаго“ запада. При отсутствіи умственнаго развитія, это вѣковое интеллектуальное подчиненіе русскаго народа восточно-византійскому вліянію, въ связи съ географическими и этнографическими условіями, мало-по-малу развило въ умственномъ складѣ русскаго народа антипатію къ интеллектуальному вліянію передовыхъ западно-европейскихъ націй. Иностранцевъ русскіе называли „зловѣрными, безбожными, погаными“. Съ царствованія Бориса приливъ иностранцевъ въ Россію, къ неудовольствію русскіхъ, сталъ непрерывно возрастать. вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе выражалась и народная антипатія къ нимъ. Само собою понятно, какъ вредно было для успѣховъ умственнаго развитія русскаго народа такое вѣковое религіозное отчужденіе отъ запада.

СХІ. О ХАРАКТЕРѢ ДРЕВНЕЙ РОССІИ И О ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ НОВОЙ.

(Изъ статьи Соловьева: «Древняя Русь», помѣщ. въ январской книгѣ «Русскаго Вѣстника» за 1856 г.).

Уже давно нѣкоторые писатели наши, оскорбленные упрекомъ иностранцевъ, а также и русскіхъ, вторившихъ этимъ упрекамъ, старались показать, что предки наши и до XVIII вѣка не были варварами. Для этого они старались доказать, что предки наши издавна имѣли законы, много похвальныхъ обычаевъ, промышленности, вели торговлю и даже очень обширную, оставили намъ множество письменныхъ памятниковъ и т. п. Но эти доказательства убѣждали немногихъ, ибо возражать на нихъ было легко. Турки, персіане, китайцы имѣютъ законы, похвальные обычаи, занимаются съ большимъ успѣхомъ извѣстными отраслями промышленности, ведутъ торговлю, хранятъ въ архивахъ своихъ много письменныхъ памятниковъ, и не смотря на все это, слывятся варварами; во-вторыхъ, въ древней Россіи легко было найти много такихъ явленій, которыхъ никакъ нельзя было защитить. Варварство и неварварство народа, въ извѣстную эпоху его бытія, опредѣляются по другимъ признакамъ: варварскій народъ тотъ, который дружится съ недостатками своего общественнаго устройства, не можетъ понять ихъ, не хочетъ слышать ни о чемъ лучшемъ; напротивъ, народъ никакъ не можетъ назваться варварскимъ, если, при самомъ неудовлетворительномъ общественномъ состояніи, сознаетъ эту неудовлетворительность и стремится выйти къ порядку лучшему; при этомъ, чѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ онъ на своемъ пути къ порядку, тѣмъ выше его подвигъ, если онъ преодолеваетъ ихъ, тѣмъ болѣе великимъ является такой народъ передъ исторіею. И такъ, были ли наши предки варварами?

Брошенные на край Европы, оторванные отъ общества образованныхъ народовъ, въ постоянной борьбѣ съ азіатскими варварами, подпадая даже игу послѣднихъ, русскіе люди неутомимо совершали свое великое дѣло, завоевывая для европейско христіанской гражданственности ненамѣримыя пространства отъ Буга до Восточнаго океана, завоевывая не оружіемъ воинскимъ, но преимущественно мирнымъ трудомъ; русскій народъ долженъ быть самъ все создавая для себя въ этой странѣ дикой и пустынной. Находясь въ обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ, предоставленные самимъ себѣ, предки наши никогда не утрачивали европейско-христіанскаго образа. Ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ коснѣнія; въ каждомъ замѣчается оильное движеніе и преуспѣяніе. Послѣ сильнаго движенія, имѣвшаго слѣдствіемъ намѣченіе границъ государственной области собраніе племенъ съ одной стороны и принятіе христіанства съ другой, наступаетъ періодъ, знаменуемый господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній; князья борются другъ съ другомъ, вслѣдствіе своихъ родовыхъ счетовъ; а между тѣмъ дѣло внутренняго порядка идетъ впередъ; христіанство распространяется, общество постоянно выдѣляетъ изъ среды себя людей, которые и словомъ и дѣломъ даютъ силу нравственнымъ началамъ; славяно-русская колонизація распространяется все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ, основываются города, населяются пустыни; народонаселеніе изъ племеннаго быта переходитъ въ об-

ластной, находить средоточіе свое въ главныхъ городахъ областей, стольныхъ городахъ княжескихъ; и эти области, не смотря на видимую особенность свою, имѣютъ общее средоточіе, имѣютъ общій главный интересъ, вслѣдствіе этихъ же родовыхъ княжескихъ отношеній; потому что, благодаря единству княжескаго рода и происходящему отсюда перемѣшенію князей съ одного стола на другой, перемѣна, происшедшая въ Кіевѣ, отзывается въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и Суздальѣ, и поэтому всѣ части Россіи живутъ одною общею политическою жизнью, не смотря на громадныя пространства, на которыхъ разсѣялось русское народонаселеніе, въ немъ все болѣе и болѣе укореняется сознаніе о своемъ единствѣ. Южная, днѣпровская Русь сходится съ главной сцены; на ея мѣсто выступаетъ Русь сѣверная съ новымъ характеромъ, съ новою дѣятельностью: начинается собираніе земли, утвержденіе единовластія. Оканчивается это трудное дѣло. Новое государство Московское, продолжая борьбу съ Азією, въ тоже время обращаетъ взоры на западъ, къ тѣмъ европейскимъ государствамъ, которыя были поставлены въ болѣе благопріятныя обстоятельства, и старается усвоить себѣ плоды цивилизаціи; но и тутъ новыя трудности, требующія новыхъ подвиговъ: Россія должна завоевывать плоды европейской цивилизаціи, ибо сосѣднія государства, боясь ея могущества, не хотятъ допустить ее до свободнаго пользованія этими плодами. Польскій король Сигизмундъ Августъ такъ писалъ англійской королевѣ Елизаветѣ о причинахъ, заставившихъ его препятствовать нарвской торговлѣ: „Московскій государь день ото дня увеличиваетъ свое могущество, благодаря тому, что получаетъ онъ чрезъ Нарву: ибо сюда привозится оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; мало того, сюда прѣзжаютъ сами художники и привозятъ къ нему свое искусство; эти средства доставили ему возможность побѣждать всѣхъ. Вашему величеству, конечно, извѣстно его могущество. Мы до сихъ поръ побѣждали его тѣмъ только, что онъ былъ лишенъ искусства, не зная цивилизаціи. Но если прихотъ кораблей къ Нарвѣ будетъ продолжаться, то что останется ему неизвѣстнымъ?“ И вотъ, русскіе люди съ береговъ Волги, гдѣ боролись съ гнѣздомъ татарскихъ хищниковъ, должны были отправляться въ походъ на западъ, къ берегамъ балтійскимъ, чтобы завоевать цивилизацію, чтобы имѣть возможность не бояться Азіи. Такимъ образомъ, эти мнимые варвары являются передъ исторією борцами за цивилизацію и на востокъ и на западъ; а когда наступили внутреннія смуты, какую способность къ очищенію показали русскіе люди какіе подвиги совершили, какія жертвы принесли! а потому этотъ громкій вопль, слышимый въ продолженіе XVII вѣка, вопль противъ общественныхъ и нравственныхъ безпорядковъ, неутомимое исканіе средствъ выдти изъ положенія, недостаточность котораго была сознана, и наконецъ отысканіе этихъ средствъ— вотъ подвиги предковъ нашихъ, предъ которыми благоговѣйно и признательно должны мы преклониться! Вѣчная слава имъ за то, что они не умѣли помириться со зломъ, что они постоянно и неутомимо искали выхода къ добру.

Но если подвигъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе препятствій къ его совершенію; если подвиги предковъ велики потому, что они постоянно должны были вести тяжелую борьбу съ азіатскими ордами, потому, что русскій славянинъ, населитель и цивилизаторъ неимѣримыхъ пустынныхъ пространствъ восточной Европы и сѣверной Азіи, долженъ былъ одною рукою вести плугъ по землѣ, имъ очищенной, а въ другой держать оружіе для защиты себя и своего благодѣтельнаго труда отъ степнаго хищника; если для предковъ нашихъ съ этою тяжелою борьбою противъ Азіи соединялся еще болѣе тяжелый трудъ установленія внутренняго порядка, дѣла труднаго, медленнаго уже по самой громадности государственнаго тѣла; если древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіанскихъ народовъ, отрядомъ, выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто, гдѣ онъ безпрерывно долженъ бороться съ врагами, подвергаться въ тоже время непогодѣ и всякаго рода лишеніямъ, то когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвращаются, чтобы занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели, вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ, мы станемъ укорять ихъ за то, что они явятся передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненные, покрытые пылью и кровью? Древнее русское общество имѣетъ безспорно много черныхъ, непривлекательныхъ сторонъ; но должны ли онѣ смущать насъ, когда мы знаемъ, что предки не мирились съ этими сторонами, искали средства избавиться отъ нихъ, нашли и передали его намъ?

